

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07856165 5

ВЪСТАНОВЛЕНІЕ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЪ.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 3-я.

МАРТЪ, 1883.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1883.

- I. — ИТОГИ ЖИЗНИ. — Повѣсть. — Книга вторая: Передовые люди. — Первая часть. — I-XV. — Н. М. Ковалевскаго 1
- II. — НАРОДНАЯ ШКОЛА ПОДЪ МОСКВОЮ. — Опыт обработки школьной статистики. — VII-VIII. — Оболеніе. — В. Ю. Скалона 1
- III. — СТИХОТВОРЕНІЯ. — I. — Да, незабвенна ты, поэма степей. — II. Смыу Николѣ. — Н. С-ъ 1
- IV. — ИДЕАЛИСТЫ ТРИДЦАТИХЪ ГОДОВЪ. — Біографическій этюдъ. — I-IX. — Н. В. Анненкова 1
- V. — МАРИОНЪ ФАН. — Романъ въ двухъ частяхъ, Антоня Троллопа. — Часть первая. — I-VIII. — О. Н. 1
- VI. — ПЕРМЯКИ. — Бытовой и этнографическій очеркъ. — I-III. — Н. Добровольскаго 2
- VII. — НОВѢЙШІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ РУССКОЙ НАРОДНОСТИ. — II. Сороковые года; переломъ въ наукѣ исторической и въ этнографіи. — А. Н. Пынина 2
- VIII. — РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ САТИРѢ САЛТЫКОВА. — III. — Эпоха застою, внѣшней войны и внутренней смуты. — К. К. Арсеньева 3
- IX. — ПЛАНТАЦІЯ КРАСАВИЦЪ. — Разсказъ Кэбли. — Съ англійскаго. — В. 3
- X. — ХРОНИКА. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Мнѣніе „умнаго и опытнаго синодика“ о современном настроеніи русскаго общества. — Разнообразіе попятій, соединяемыхъ со словомъ: „общество“, и простекающіе отсюда недоразумѣнія. — Рязанское земство и статистика. — Своевременно ли работы по пересмотру гражданскихъ законовъ? — Возможность соціалнаго дѣятельнаго народнаго быта. — Роль „сочинительства“ въ составленіи кодекса 3
- XI. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Министерское международствіе по Франціи и мѣры противъ претендентовъ. — Кабинетъ Жюль Ферри. — Открытіе парламентской сессіи въ Англіи. — Ирландскія разоблаченія и политика Гладстона. — Дунайская конференція въ Лондонѣ. — Церковный вопросъ въ Германіи. — Прусскій сеймъ. — Австрійскія дѣла. — Положеніе дѣлъ въ славянскихъ земляхъ 3
- XII. — ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — С. Капустинъ. Что такое поземельная община? — J. v. Keussler, Zur Geschichte und Kritik des bauerlichen Gemeindefreigesitzes in Russland. Th. II. — В. Чичеринъ. Собственность и государство. Дѣй части. — К. — Альбомъ Московской Пугачевской выставки, п. р. Подливанова. — И. 4
- XIII. — ЗАМѢТКА НА ЗАМѢТКУ. — По поводу статьи г. Юзова въ газетѣ „Недѣля“. — Л. С. 4
- XIV. — НЕКРОЛОГЪ. — Владиміръ Батвинскій. — Александръ Вацлавъ Макъевскій. — Іосифъ Шуйскій. — К. Д. 4
- XV. — ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Приватное и авторитетное мнѣніе о характерѣ нашего современнаго общества и печати. — Сравненіе послѣдней съ до-реформенною печатью. — Корреспонденція изъ Петербурга въ Москву о Петербургѣ. — Разсужденія въ нихъ по поводу обзѣла Жуковскаго и участія въ томъ городской Думы. — Письмо акад. Н. К. Грота къ городскому Головъ. — Отдѣлка корреспондентовъ финансовой дѣятельности здѣшней думы, и нѣші поправки изъ Городоваго положенія. — Письменное пріѣзженіе русскихъ земщичихъ Н. А. Гончарову, и его отвѣтъ 4
- ВѢСТІЯ. — Отъ московскаго университета, о подпискѣ на стипендію и премію имени проф. Соловьева. 4
- БІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Мазепа. Историческая монографія. Н. П. Мостомарова. — Краткій обзоръ книжной торговли и издательской дѣятельности въ Петербургѣ за сто лѣтъ. — Родная Старина. Сост. В. Д. Сидовскій. — Западнорусскія новыя русскія литературы. Алексѣя Веселовскаго. — М. П. Соловьевъ. Очеркъ исторіи Прибалтійскаго края. 4

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ XLVII. — ТОМЪ CCLXXIV. — 1/18 МАРТА, 1883.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

1293⁶
ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
из Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1883

JUN 23
1883

1437

ИТОГИ ЖИЗНИ

ПОВѢСТЬ.

КНИГА ВТОРАЯ: ПЕРЕДОВЫЕ ЛЮДИ *).

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

I.

Мрачно вставало утро пятидесятихъ годовъ надъ русской жизнью. Оно походило на тѣ сумерки, съ которыхъ начинается петербургскій день зимою. Люди зажигаютъ свѣчи и не ждутъ солнца. Въ улицахъ, завѣшенныхъ отъ крышъ домовъ до мостовой, непроницаемымъ туманомъ, видны только двигающіяся ноги, и, кажется, что двигается этотъ исполинъ-туманъ...

Въ такіе дни особенно пріютны уголки, куда можно войти изъ темной улицы и тусклой жизни. Въ нихъ какъ будто за-сѣлъ лучъ отъ прежнихъ дней и гдѣ-то еще брезжится въ складкахъ прошедшаго...

А прошедшее приходитъ необыкновенно скоро — точно какъ въ грамматикѣ — тотчасъ вслѣдъ за настоящимъ. Наши юноши сороковыхъ годовъ еще спрягали настоящее, какъ ужъ подошло и прошедшее. И вотъ они — молодые люди новаго десятилѣтія. Они что-то сдали — будто экзаменъ, и подвинулись въ слѣдую-

---

*) См. выше: Книга первая: „Опасные люди“, янв. 123; февр. 473 стр.

щій классъ. Только ихъ теперь поменьше. И имъ грустно думать, какъ ихъ будетъ мало въ выпускъ!

Пророческіе звуки «Мишеньки» за фортепьяномъ:

„Нашъ жизнь раскинетъ въ разсыпную!“

— загоняють ихъ то въ тотъ, то въ другой пріютный уголокъ...

Грустно, какъ и въ вечеръ смерти Мишеля Затонова, сошлись они на этотъ разъ къ Борису. Какъ и въ тотъ вечеръ, говорили мало; какъ въ тотъ вечеръ, внутренно упрекали себя: тогда — за то, что бросили въ пустыхъ комнатахъ умершаго друга; теперь — каждый за что-нибудь свое...

Ломовизовъ едва выносилъ присутствіе Камеева; Камееву было неловко въ присутствіи Далмата. Встрѣтились они мрачно и не посмотрѣли другъ на друга; одинъ не хотѣлъ смотрѣть, а другой не смѣлъ... Среди гнетущаго молчанія рѣзче раздавалась упрямая ходьба Далмата, да потрескиванье табаку въ трубкѣ отъ его неистовыхъ затяжекъ... Бухторминъ отрывисто вздыхалъ, какъ-будто всхлипывалъ, разрывая пальцемъ книжку новаго журнала... Въ окна смотрѣлъ дворъ, весь перерѣзанный тѣнями садика на только-что разлитомъ лунномъ свѣтѣ. Годъ назадъ Камеевъ его видѣлъ такимъ точно, и завидовалъ его счастливой тишинѣ. Тогда онъ шелъ на вѣрную погибель; онъ избѣгъ гибели, и все-таки завидуетъ: тишины въ немъ нѣтъ и теперь! Онъ приникъ лбомъ къ стеклу. Слезы закапали какъ дождь и вымочили ему сюртукъ; но онъ ихъ не удерживалъ; и когда подергался Бухторминъ и обнялъ его, онъ уже чувствовалъ, что стало легче...

Мысли самого хозяина все натыкались на воспоминанія или досадныя, или печальныя. Залагла дворовая собака. Онъ слышалъ исправно каждый день, какъ она лаетъ, — и она лаяла теперь такъ же, какъ и каждый день — но въ его ухахъ раздался тотъ невыносимый лай, съ которымъ увязалась за дрожками шальная собачонка, когда онъ, не найдя доктора, спѣшилъ къ успѣвшему скончаться брату... Вслѣдъ затѣмъ ему припомнилось народное гулянье въ крѣпости, въ преполовенье. Онъ съ замираніемъ пробирался самъ, стараясь заглянуть въ рѣшетчатые окна: вдругъ онъ тамъ кого-нибудь изъ нихъ увидитъ? И хоть понимаетъ, что увидѣтъ никого не можетъ, всматривается съ напряженіемъ и рѣшаетъ: изъ котораго окошка могъ бы выглянуть Далматъ, а изъ котораго Федоръ Семенычъ? гдѣ сидитъ Камеевъ, и гдѣ панъ? Сту-

пасть онъ какъ только можетъ осторожнѣе, и все-таки боится, что ступаетъ тяжело, и мучится, что вдругъ *они* услышали его шаги надъ головой и осудили его...

Чтобы страхнуть тяжелыя воспоминанія, онъ всталъ и тоже подошелъ къ окну и, положивъ руку на шею Каммеева, прилепился глядѣть во дворъ.

— Такая точно ночь! — произнесъ онъ, — помнишь, Сергѣй?

— Помню, братъ! — глубоко, но уже успокоенно вздохнулъ Каммеевъ.

А передъ Борисомъ встали какъ вчерашнѣе, *тотъ* маскарадъ, и огоньки неаполитанца подъ полпакомъ, *то* развѣнчанное свиданіе...

— И отчего это *мнѣ* не удаются вещи, которыхъ такъ пламенно желаю и такъ ждешь, а другимъ удаются? — думалъ онъ. — И отчего Марі, — по крайней мѣрѣ это ему показалось, — встрѣтила его на другой день уже не такъ какъ наканунѣ? Она, правда, улыбнулась; но вѣдь не по прежнему. Да и улыбка послѣ *твоей* была уже неумѣстна, — она была оскорбительна: «что взять?» — будто говорила она: — а вѣдь какъ добивался! Жалеешь ты мнѣ, слабый человѣкъ, и смѣшонъ — идеальный любовникъ! Я тебя ужъ не боюсь больше!»

Но оскорбленіе еще усиливалось тѣмъ, что она тутъ же встрѣтила високаго и вовсе не идеальнаго князя Колмыцева такъ точно, какъ встрѣчала прежде его, пока желала нравиться...

Онъ почувствовалъ тогда же, что проходитъ чадъ, съ которымъ онъ носился столько времени, и что Марі перестаетъ быть цѣлью его жизни. Ему даже становилось совѣстно, что она могла быть этой цѣлью... Ему было вообще съ нѣкоторыхъ поръ совѣстно. Чего? — онъ не въ состояніи былъ дать себѣ отчета, хотъ и былъ глубоко убѣжденъ, что не можетъ никуда носа показывать; что всѣ его или жалѣютъ, или презираютъ; даже и городской, который нанималъ квартиру въ домѣ, смотреть на него съ высоты того величія, какое признавалъ за нимъ Федоръ Семеновъ... Захотѣлось куда-нибудь запропасться такъ, чтобы никто и отыскать не могъ — опять въ командировку, въ степь! и тамъ сканать, сканать въ своемъ «сибирякѣ», минуя станціи, деревни, города; встрѣчать одни простые и привѣтливыя лица, да ряды обозовъ; просыпаться нехотя отъ розовыхъ зорь и натягивать шинель на бодрое прозабнувшее тѣло...

Чувство это поднялось съ такой силой, что Борисъ уже не могъ его сдерживать и порѣшилъ: теперь же идти къ Несторкину. У того, навѣрно, что-нибудь да затѣвалось. И, ни мало не стѣс-

няясь, объявить гостямъ о принятомъ рѣшеніи... Тѣ, разумѣется, нашли естественнымъ, что человѣкъ идетъ за дѣломъ, вмѣсто того, чтобы стѣсняться и скучать съ ними безъ всякаго дѣла... и разошлись, каждый въ свою сторону.

Далматъ отправился искать когда-то совершившаго восстаніе противъ буквы *ижицы* товарища по заточенію. Несчастному, въ числѣ другихъ, «дарована была жизнь», и онъ успѣлъ воспользоваться ею именно настолько, чтобы начать умирать въ прилегшемъ на бокъ домикѣ какой-то Мараеоновой, какъ разъ по близости смоленскаго кладбища... Домикъ тоже доживалъ свой вѣкъ; покрылся мхомъ и исподволь погружался въ землю. Его сразу даже трудно было различить между подпертыми заборами, гдѣ въ дырѣхъ были видны только огороды. Ни живого существа кругомъ! Потягивала гдѣ-то совершенно спавшая безголосая дворняга, и то больше изъ приличія, чѣмъ въ видахъ устрашенія: устрашать рѣшительно было некого; да врядъ ли и нашелся бы тотъ трусъ, который испугался бы такого инвалида.

— Вотъ гдѣ хорошо съ собой покончить!—промелькнуло вдругъ въ мрачномъ умѣ Далмата:—когда ужъ очень придется не въ терпѣжъ, надо это мѣсто имѣть въ виду. Оно создано для того, чтобы на немъ умирать...

Въ самомъ дѣлѣ, домомъ Мараеоновой какъ бы завершился жизненный путь; за нимъ ужъ начиналась дорога смерти: лавки съ памятниками, крестами, надгробными вѣнчи—и больше ничего. Преступникъ за грамматикѣ едва ли могъ бы отыскать пріютъ на всемъ земномъ шарѣ, лучше приспособленный для принесенія послѣдняго долга признательности природѣ, въ видѣ оставляемой по себѣ горсти земли, за вѣкогда дарованную ею жизнь...

Далмату не легко было достучаться глухой восьмидесятилѣтней Мараеоновой, которая съ усиліями не по лѣтамъ отворила перевошенную, задѣвавшую за полъ дверь и недовѣрчиво впустила посѣтителя «въ такую позднюю пору». Поздняя пора былъ девятый часъ вечера.

Совсѣмъ не такъ распорядились своимъ бездѣльемъ остальные. Бухторминъ повезъ Камеева прямо въ Лакамъ, какъ тотъ ни сопротивлялся и ни отговаривался то перчатками, то заплаканными глазами.

— Не лги! Вѣдь самому до смерти хочется! только интересничаетъ!—не давался тотъ.

У Лаковъ они нашли цѣлый маленький вечеръ, самую малость музыкальный. Клеопатра, выпучивъ грудь и поводя губительно плечами, трелила и выводила высоко губительныя ноты

сладкаго какъ медъ романа. Нѣсколько безусыхъ прапорщи-
ковъ и помощниковъ столоначальниковъ, со стеклами въ глазу
и надъ глазами, чтобъ казаться посолѣднѣе, сидѣло и стояло
около рояля, произнося: «*charmant! délicieux!*» Плечи пѣвицы
поводились оттого еще губительнѣй; а грудь едва не растор-
гала узъ корсета...

— Вы, *messieurs*, знаете, чье это сочиненіе?—обратилась
она къ слушателямъ.

Но *mess* не знали.

— C'est de mon amie—Соня Абрикосовъ! N'est-ce pas que
c'est ravissant?

Слушатели поспѣшили признать сочиненіе Сони Абрикосовъ
за *ravissant*.

Въ это время вошли наши пріятель.

Хозяйка вытанула почти какъ въ сочиненіи своего друга:
«*мсье Се-эръжъ!!*» хоть прежде называла постоянно «*мсье Ка-
меевъ*», и изобразила на лицѣ испугъ, какъ будто передъ нею
предсталъ выходецъ съ того свѣта.

— Значить, васъ не застрѣлили на плацу? *Dieu merci!* Ахъ,
еслибъ вы знали, *quelle peine ça m'a fait!* Сколько слезъ я про-
лила, когда узнала!..

— Его сберегли, чтобъ осушить эти слезы,—съехидничалъ
Бухторинъ.

— *Méchant!*—сначала она, и съ движеніемъ дитяти под-
нялась на носки, чтобы поцѣловать въ лобъ припавшаго къ ея
рукѣ *мсье Сержа*...

— *Messieurs!* рекомендую: одинъ изъ *insurgés* Павлонцеваго.
Вы знаете? Ну, а вы садитесь и рассказываете, какъ это вы
хотѣли сдѣлать une *insurrection*? Значить, и баррикады были бы—
comme à Paris?

Но *инсургентъ*, уже покрытый ея юшкою до пояса, про бар-
рикады не рассказывалъ, а выразилъ желаніе ее послушать.

— Тамъ-то я вѣдь не слышала музыки!—вдохнувъ онъ полу-
шутя, полу-трагически, неволью чувствуя, что былъ и въ самомъ
дѣлѣ интересенъ.

— Ахъ, да!—загрустила хозяйка:—это должно быть ужасно:
sans musique—и въ цѣпяхъ, *мсье Сержъ*, не правда ли? Етъ
votre uniforme? Это вѣдь не тотъ мундиръ, который вы носили
прежде? Это какой же?

— Это армейскій. Я переведеиъ въ армию, на Кавказъ.

— Ah, que c'est intéressant—быть переведеннымъ въ армию

и на Кавказъ... сомне Лермонтовъ! А васъ не убьютъ на Кавказъ? Вы смотрите, берегитесь!

— Буду смотрѣть и беречься,—такъ новый Лермонтовъ и пожиралъ глазами просто уже въ упоръ предоставляемія имъ стати не очень молодой женщины...

Чиновники съ безусыми обиженно надули губы...

— «Je parie, что имъ завидно!—обвела она ихъ томными глазами:—но это вѣдь на прощанье. Dieu sait еще, когда увидимся?..»

И, какъ бы исторгая себя изъ рукъ соблазнителя, вскочила и съ рѣшительностью подошла къ ролю.

Вы хотѣли, чтобъ я пѣла, кажется? Ну, что жъ я вамъ спою?

И, лукаво улыбаясь, начала:

«Когда въ часъ веселый откроешь ты губки,
—И мнѣ ты воркуешь вѣжливѣ голубки...»

А окончила, раскачиваясь всѣмъ тѣломъ и работая опять плечами и грудью—всѣмъ, чѣмъ только работать было можно:

«Хочу цѣловать, цѣловать, цѣловать!..» такъ, что Бухторминъ не удержался и шепнулъ Камееву на ухо:—*это какі комплименты, панъ Сергій!*

— «Хочу-у-у-у цѣловать!!!» уже захрипѣла она, что должно было изобразить доведенную до послѣдней степеніи страсть.

Уязвленные совсѣмъ чиновники и офицеры, такъ какъ имъ не подносилось ни разу ничего такого, стали расходиться...

Лакированный мужъ, строчившій подъ всѣми этими «комплиментами» докладъ въ кабинетъ: «имѣя въ виду съ одной стороны» и благополучно добравшійся было до того, что онъ имѣлъ въ виду съ этой стороны, никакъ не въ состояніи былъ возстановить въ своемъ умѣ: что такое онъ имѣлъ въ виду съ другой.

— А съ другой... съ другой,—тихонько твердилъ онъ:—ну, ну, а съ другой!..

Но съ другой стороны несло только: «хочу цѣловать!» и наконецъ сокрушительное: «хочу-у-у-у цѣловать!» Даже обладавшій завидною способностью все находить восхитительнымъ, Лакъ сокрушился.

— Прескверная у Клары привычка вѣчно пѣть такія вещи! Пренепріятная!—возроптавъ онъ, и опять завелъ себя: «а съ другой... съ другой...»

Борисъ засталъ Касторъ-Васильича по обыкновенію за «мухами» и квасомъ.

— А-а-а!—заготовалъ онъ радостно:—вась-то мнѣ и надо. Затѣмъ пропѣлъ хрипло:

„In mia man' alfin' tu sei!“

— Читайте—и удивляйтесь!—подалъ онъ ему совсѣмъ готовое предписаніе—отправиться въ Москву, куда на этотъ разъ неистощимое его воображеніе создавало командировку; а «просвѣщенное вниманіе» князя Чернухина (такъ и въ бумагѣ было написано) направляло что-то такое, что совсѣмъ не было нужно. Ненужное, водворенное въ самомъ сердцѣ Россіи, представлялось зрѣлищемъ достойнымъ русскаго Шиллера и отечественнаго Александра Македонскаго, какъ прозвали князя, благодаря его книгѣмъ.

— Какъ бишь этотъ городъ зовутъ,—имѣла она привычку спрашивать, — который покорила Александръ? (А онъ когда-то взялъ гдѣ-то дрянной какой-то городишко).

— Вавилонъ!—отвѣчалъ обязанный острить вельможа.

— Ахъ, нѣтъ! я говорю про *своею* Александра!

— Виноватъ, я полагалъ, про Македонскаго...

Хотя Москва была не совсѣмъ степь, но для Бориса она могла, за неизмѣнимъ настоящей, сойти за нее: тамъ онъ никого не зналъ и его не знали. А ему только это и было нужно. Истина, что нигдѣ такъ человѣкъ не одинокъ, какъ въ многочисленности, справедливей многихъ истинъ.

Онъ пришелъ домой довольный и веселый и велѣлъ укладывать свой чемоданъ.

Полутру Тимошей уже затягивалъ ремнями старые бока истертаго годами спутника Затонова, а самъ Затоновъ сдѣлалъ на-скоро необходимые прощальные визиты; съ худо скрытою досадой пожелалъ Марѣ Михайловнѣ, опять застигнутой врасплохъ съ красивымъ княземъ, много удовольствія, и поскакалъ въ «сибирякъ», заслушиваясь звона тройки, съ «отношеніемъ» въ карманѣ отъ влиятельнаго въ Петербургѣ князя Чернухина къ всемогущему въ Москвѣ графу Тмутараканскому—объ оказаніи «зависящаго» содѣйствія... А отъ того все зависѣло, даже срыть Москву и вспахать землю, еслибъ вздумалось...

II.

На третьи сутки, въ счастію несрытая Москва уже приняла пріѣзжаго своими вѣчными ухабами, Тверскимъ бульваромъ и Кузнецкимъ мостомъ, откровенною, звѣвющею во весь ротъ скукою, Кремлемъ, какъ клумба золотыхъ цвѣтовъ, и Щепкинымъ въ театрѣ... Переpletшіяся кривыя незнакомыя улицы (до сихъ поръ онъ зналъ только прямой путь отъ одной заставы до другой), бульвары, то всползающіе на гору, то бѣгущіе внизъ рядами старыхъ липъ и кленовъ; фабрики, казармы (ихъ-то и предстояло просвѣтить вниманіемъ Чернухина), заброшенныя въ даль, такъ что было трудно и вообразить себѣ ихъ въ городѣ; купцы, съ благоговѣніемъ скидающіе шапки его бѣлому султану; а главное—увѣренность, что никому до него нѣтъ дѣла, и никто его не презираетъ, потому что никто не знаетъ,—купцы, можетъ быть, поэтому-то и уважаютъ, — эта новизна всей обстановки хорошо подѣйствовала на возбужденную душу. Ему захотѣлось какъ можно дольше сохранить свое инкогнито, испытывать какъ можно лучше одиночество въ толпѣ, и онъ откладывалъ изодня въ день знакомство съ домомъ Асинерита, надававшего пропасть всякихъ порученій на словахъ (онъ на письмѣ, какъ немѣвній даже письменнаго стола, никогда ихъ не давалъ): въ старшему брату Ивану Асинеритовичу, въ сестрѣ Олимпіадѣ или Липѣ Асинеритовнѣ и въ старому отцу—Асинериту Асинеритовичу, какъ самъ... Онъ смѣло входилъ въ ряды театральныя креселъ, зная, что не попадетъ на глаза знакомому; охотно убѣждался, озирая ложи, что въ нихъ женщины красивѣйшій петербургскихъ, — и не думалъ ждать ни отъ одной изъ нихъ насмѣшливой улыбки, а встрѣчалъ, напротивъ, самое умильное посматриванье на его эпюлеты... Сѣтей Асинеритовичей однако все-таки не избѣжалъ; и ихъ разставили какъ разъ ряды тѣхъ театральныя креселъ, на которые онъ полагался.

Дѣло въ томъ, что москвичи въ театрѣ, преимущественно въ Маломъ, были точно дома, приходили за-просто въ венгеркахъ со шнурками, въ стеганыхъ архабукахъ съ крючками, только-что не въ халатахъ; перебрасывались откровеніями изъ переднихъ рядовъ въ задіе, причемъ среднимъ доставалась роль проводниковъ семейныхъ и любовныхъ тайнъ. Освѣдомленіе креселъ о здоровьи ложъ и обратно—дѣло самое обыкновенное, какъ и перебрасыванье новостей о князѣ «Петръ-Андрейчѣ» и графѣ «Иванъ-Палчѣ», qui, pensez donc, послѣ всего что было, по-

родились; *et figurez vous, cette pauvre Дина...* и т. д. Партеръ знакомъ весь поголовно. Незнакомое лицо, особенно въ мундирѣ, да еще, не дай-Богъ, съ признаками Петербурга, здѣсь та новая разновидность одного изъ царствъ природы, на которую набрасываются жадно луны и скальпели естествоиспытателей. Венгерки жаднаго партера косвенно и тонко мажутъ эту разновидность разговоромъ, разставляютъ передъ ней силки буфета и стараются опредѣлить вслѣдствіе ея мѣсто въ космосѣ гостинныхъ...

Борисъ въ буфетъ не заглядывалъ; а разговоры тщательно сводилъ на *да* и *нѣтъ*; однакоже былъ пойманъ. Какъ это случилось, онъ и самъ не зналъ. Быть можетъ, онъ сосѣду наступилъ на ногу, или сосѣдъ ему наступилъ, — а, можетъ, просто оттого, что зрителей на этотъ разъ въ театрѣ было столько же, сколько актеровъ на сценѣ — нѣсколько десятковъ человѣкъ, не знавшихъ ничего новѣе, какъ пойти убить свой вечеръ старымъ «Ревизоромъ», со старымъ Михайломъ Семенычемъ въ Сквозникѣ-Дмухановскомъ и Садовскимъ въ Осипѣ, — только онъ очутился, по-неволѣ, въ общемъ разговорѣ... Да и какъ было не очутиться, когда единственный занятой первый рядъ креселъ уже не только разговаривалъ съ единственною не пустою ложей бель-этажа, но и перебрасывался шутками со сценой. Зрители во время дѣйствія рассказывали и подсмѣивались надъ актерами, которые похуже; передразнивали ихъ и сыпали любезности актрисамъ... но благоговѣйно притихали каждый разъ какъ только появлялась широкая приземистая фигура великаго артиста, и въ пустую залу выносившая бессмертный типъ имъ созданнаго шельмы — городничаго. Онъ признавался даже, что такая горсть цѣнителей, не оббивавшая ладоней и не удручавшая своими вызовами, смѣявшаяся только тамъ, гдѣ не смѣяться точно было невозможно, приговаривавшая любовно: «ахъ, Михалъ Семенычъ! несравненный нашъ Михалъ Семенычъ!» гораздо болѣе толпы и вдохновляла его, и награждала за вдохновение...

Сосѣдомъ у Бориса былъ не по-московски накрахмаленный, но и черезъ англійскій крахмаль сквозившій несомнѣннѣйшій москвичъ. Восторгъ этого англизированной человѣка по поводу знакомства съ интереснымъ незнакомцемъ (онъ *первый!* обстоятельство, отъ Фамусова не утратившее цѣну вплоть до нашихъ дней) былъ ужъ вовсе русскій: москвичъ размякъ и развернулся; отрекомендовался Иваномъ Асинкритовичемъ Точилковымъ и объявилъ, что невозможно изъ театра не поухать съ нимъ въ дворянское собраніе, — что *естъ* туда ѣздить изъ театра, — и не

съѣсть тарелочку смоленской размазни со сливочнымъ масломъ, — что ее тамъ съѣсть...

Надо было ѣхать и ѣсть.

Размазня дворянскаго собрания оказалась библейской чечевицей, за которую некий Исааъ продалъ права свои. Не успѣлъ онъ проглотить послѣдней ея ложки, какъ ужъ цѣлая толпа усатыхъ, бритыхъ, жирныхъ, тонкихъ, заспанныхъ и прокуренныхъ насазовъ предводителей дворянства, свояковъ, двоюродныхъ и всякихъ братьевъ Ивана Асинеритыча «забрала ему», по собственному ея выраженію, «лобъ».

На другой день, забитый звонилъ у подъѣзда каменнаго двухъ-этажнаго дома Ивана Асинеритовича, по близости Тверскаго бульвара, и не звонилъ «у Спиридонъ въ огородникахъ», у стараго деревяннаго дома, съ мезониномъ, просторнымъ дворомъ и садомъ, самого родоначальника Асинеритовичей, стараго Асинерита; потому что звонить было не во что: звономъ замѣняли старыя лакеи, спавшіе на деревянныхъ ларяхъ отворенной настежь прихожей, — гдѣ только благодаря этому и была нѣкоторая возможность дышать, — повсюду неуспынный казачокъ снималъ шинель и вѣшалъ на огромные оленьи рога.

Такъ какъ было около часу и старикъ обѣдалъ поздно, помосковски, въ часъ (въ деревнѣ онъ обѣдалъ въ полдень), то, конечно, гость былъ прямо приглашенъ откушать что Богъ пошлетъ.

Богъ откушать послалъ много.

Независимо отъ посланнаго, состоявшаго изъ отормленныхъ чѣмъ-то особеннымъ идишешъ и козлаго чѣмъ-то чрезвычайнымъ поросенка подъ хвѣномъ (были какіе-то ростовцы), Бориса ожидали еще неизбежная во всякомъ порядочномъ московскомъ домѣ бѣдная родственница, всегда перепуганная, и Липа, нѣсколько смущенная присутствіемъ молодого петербургскаго гостя. О невѣроятныхъ подмосковныхъ, саратовскихъ, тамбовскихъ и иныхъ маетностяхъ этой дѣвушки, гость зналъ, и потому былъ склоненъ отнестись къ ней съ предубѣжденіемъ; но еще болѣе невѣроятное сходство ея съ Атичкой, простота и добродушіе брата — даже легкое его подергиванье носомъ, — были такими смягчающими вину обстоятельствами, что онъ вынужденъ былъ признать ее заслуживающею снисхожденія.

Самъ Асинеритъ «въ огородникахъ» былъ живымъ намѣкомъ на то, чѣмъ можетъ сдѣлаться со временемъ Иванъ Асинеритовичъ, когда его крахмалъ достаточно окаменѣетъ. Онъ ужъ былъ не только одеревенѣлый, но желѣзный, съ твердыми мор-

щеними и волчьими глазами подъ щетиною нависнувшихъ бровей; съ выдрами тоже жесткими и желтыми на темени и на вискахъ. Въ отвѣтъ на переданныя ему порученія, онъ не то откашлялся, не то вздохнулъ, и этимъ ограничился. Онъ все еще не могъ простить женитьбы Атичкѣ: зачѣмъ тотъ не привезъ нечѣстну изъ княжонъ, или богачонъ, «въ огородинки». Онъ и не выдѣлилъ его, какъ старшаго, Ивана Асинкритовича, — не женатаго, — но высылалъ, когда умилоостивится, деньги. Марья Михайловнѣ перѣдко приходилось пускаться къ дѣло гальваническаго батареи своихъ чаръ для расплавленія металлическаго теста; съ высоты салоннаго графини Апресноковой спускаться къ Спиридоню, чтобы распѣвать «не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ», а когда и это не помогало, даже «Боже царя храни», передъ которымъ тестъ никогда не оставался непреклоннымъ.

— Возвышенная музыка! — говорилъ онъ, проливая слезы: — другой такой нѣту! Да и легкое-ли дѣло — свиты его величества генералъ, по высочайшему повелѣнію, сочинялъ!

Но равнодушный къ сыну, Асинкритъ не остался равнодушнымъ къ гостю: онъ весьма подробно, и по пунктамъ, почти съ дѣловою суровостью разспросилъ его о службѣ, и какая цѣль командировки, и о получаемомъ имъ содержаніи, не преминувъ проникнуться замѣтнымъ уваженіемъ къ молодому человѣку, посланному самимъ княземъ Чернухинымъ къ самому графу Тму-тараганскому съ бумагою.

— Времена превратны! — произнесъ старикъ въ раздумьѣ: — молодость уважается; лѣта и санъ прежняго не стоятъ... Не то бывало въ мое время. Впрочемъ, и науки преусибли, спорить не хочу. Можетъ, нынѣшній поручикъ не то, что давнѣшній... не смѣю, не спорю...

Дочь старалась не засмѣяться и заговорила поскорѣй объ оперѣ и новостяхъ, какія были въ Петербургѣ, о Маріи... Отецъ только рукой отмахивался и сердито бросалъ прямо на полъ кости монсу, чернорылому въ морщинахъ, чуть не ровеснику ему самому, но такому толстому, что казался отлитымъ изъ жира. Голова этого гиппопотама совершенно вошла въ туловище, а коротенькія ноги съ трудомъ переступали.

— Столпотвореніе вавилонское! — заключилъ суровый старикъ, осѣнилъ трижды крестнымъ знаменіемъ кончикъ своего носа и всталъ изъ-за стола.

За нимъ встали остальные и послѣдовали, — переваливавшійся иноходью монсъ тоже послѣдовалъ, — въ гостиную, гдѣ уже стояли на столѣ передъ диваномъ всевозможныя домашнія ва-

ренья на тарелочкахъ, дымившійся стаканъ пуншу для хозяина и на полу колѣнопреклоненный казачокъ съ набитой трубкой и уголькомъ между двухъ пальцевъ. Асинеритъ угрюмо выпилъ пуншъ, выкуривъ трубку; почти съ повелительностью пригласилъ Бориса отвѣдать липочкина хозяйства; потомъ взялъ мопса за воротенькія уши, поднявъ до своего рта, плюнулъ ему въ ноздри, чтобы лучше зналъ его, и бросивши, какъ тютъ, на полъ, попросилъ прощенья, что приляжетъ отдохнуть.

Песъ почихалъ, пофыркалъ и отправился подъ диванъ тоже спать.

— Однако, вамъ должно знать, государь мой, что безъ чаши чаю отъ меня не уѣзжаютъ!—присовокупилъ старикъ, опять со строгостью, и возложилъ на дочь и бѣдную родственницу—принять мѣры, чтобы безъ него гость не соскучился.

Липѣ, оказавшейся большою хохотуньей, пришлось собственно принять мѣры, чтобы не разсмѣяться; но для всего прочаго никакихъ мѣръ не потребовалось, потому что молодые люди хоть и въ первый разъ видѣли, но давнымъ-давно знали одинъ другого. Разговоръ пошелъ такъ ладно, точно они уже накануне разговаривали. Дѣвушка была проста, естественна и радушна; бѣдная родственница до восхищенія безмолвна: этакія всегда тренчатъ какъ канарейки... Со стороны Липы проявилось столько юмору, что гость развеселился; началъ представлять атичинныхъ посѣтителей; и ужъ дочка насмѣяла себѣ слезы, когда выпавшійся отецъ пришелъ снова. Гостю даже показалось при этомъ, что тотъ слишкомъ мало спалъ.

Мопсъ въ свою очередь открылъ глаза, потянулся и, мовылая, выступилъ на сцену; но не одинъ онъ — выступило еще какое-то существо: сначала выставилась изъ двери лысина, заплетенная сѣткою жиденькихъ остатковъ волосъ, привлеченныхъ со всѣхъ сторонъ головы—съ боковъ и сзади, склеенныхъ квасомъ и завязанныхъ пучкомъ спереди... За лысиной мало-помалу выгнулась спина очень маленькаго туловища; которому было необыкновенно просторно въ изношенномъ сюртукѣ съ большого человѣка. Наконецъ запаркали ноги въ сапогахъ, сдѣланныхъ тоже въ увеличительномъ видѣ,—и прямо на Бориса. Тотъ не успѣлъ какъ слѣдуетъ удивиться, а уже необычайный посѣтитель стоялъ передъ нимъ и, поднявши голову какъ дитя, когда оно смотритъ на большого, вдругъ заговорилъ опять-таки подѣтски, не произнося ни одного твердаго звука и безъ передышки:

«Доловѣи снѣ тогда намѣ милѣ,
 «Когда ему *втолой* годоцекъ.
 «Но тотѣ *бязенства* не вкусилѣ,
 «Не кусалѣ кто *теляницѣ* поцекъ...»

И заключилъ, точно подписался: «*Абѣдѣ, насѣа насѣадиѣна Филимоѣна*».

Асинеритѣ Асинеритовитѣ прохладѣдался смородинною водянкой и не обращалъ на этотѣ эпизодѣ большаго вниманія, тѣмѣ на жужжаніе мухи — до такой степени онѣ ему казался обыкновеннымѣ. Лѣпа хохотала до истерѣки — не отѣ поѣмы господина Филимоѣна и не отѣ еѣ чтеца, но отѣ искренняго недоумѣвія свѣжаго чѣловѣка. Вошедшій въ это время Иванѣ Асинеритовитѣ одинѣ отнесся иначе къ дѣлу. Англійскій его крахмалѣ былѣ помѣятѣ московскою рукою.

— Сеничка! подите прочѣ! — закричалѣ онѣ строго

Старый Сеничка не могѣ понять: чѣмѣ провинился? Поролѣ, кажется, не перевода дыханія, стихи господина Филимоѣна, какѣ долженѣ дѣлать навормленнѣй и за то признательнѣй голоднѣй чѣловѣкѣ, — и вдругѣ виноватѣ!

— Шутѣства эти можно бы оставить для другѣихѣ! — отнесся Иванѣ Асинеритовитѣ къ бѣдной родственницѣ: — уведите его!

Та взяла Сеничку за рукавѣ, сдѣланнѣй для великана, и вывела. Онѣ только задралѣ голову, чтобѣ посмѣотрѣть, кто его ведетѣ, и покорно зашаркалѣ коротенькими ножками.

Старикѣ и на это не обратилѣ вниманія: вѣрно и это не было вещью необыкновенною.

— Поѣдемѣ лучше въ большой театрѣ, Борисѣ Павловичѣ! — пригласилѣ Иванѣ Асинеритовитѣ: — сегодня интересное представленіе, — всѣ Москва будетѣ: обѣ наши знаменитѣости танцуютѣ — ваша петербургская и наша московская. Готовится какой-то скандалѣ. Не быть нельзя — всѣ будутѣ!

— Кому денетѣ не жалко! — добавилѣ отецѣ, и полюбѣопытствовать: будутѣ ли покрайности цыгане? чѣмѣ вызвалѣ общую веселѣость.

— Вѣдѣ мы не въ Новотронцкій и не къ Печкину ѣдемѣ, батюшка! — наставилѣ его сынѣ: — а въ императорскій театрѣ, гдѣ вѣе высшее общество будетѣ.

— И нашѣ графѣ будетѣ?

— Очень можетѣ быть.

«Нашѣ графѣ» было ласкательное существительное (*le petit pot*) Тмутараканскаго въ Москвѣ.

— Ну, въ такомѣ разѣ — съ Богомѣ, поѣзжайте!

Дорогою Иванъ Асинеритовичъ счелъ приличнымъ облегчить душу маленькимъ разъясненіемъ странной сцены съ Сеничкой.

— У Липы слабость, — говорилъ онъ, — баловать бѣдныхъ дворянъ-сосѣдей. Она ихъ кормитъ, а они по глупости своей воображаютъ, что обязаны за это паясничать. Батюшениныхъ гостей это точно забавляетъ; но надо же понимать, что не во всякому можно выпускать такихъ уродовъ.

Интересный балетъ, противъ всякаго ожиданія, прошелъ безъ малѣйшаго интереса, если не считать интереснымъ паденіе разскакавагося не въ мѣру толстаго француза — балетмейстера. Добрякъ свалился со всѣхъ ногъ и растянулся такъ, что Борисъ за него было-испугался; но Точиловъ успокоилъ.

— Это ничего! онъ всякій разъ падаетъ! Встанетъ и сейчасъ опять запляшетъ какъ ни въ чемъ не бывало.

Французъ въ самомъ дѣлѣ всталъ и опять заплясалъ, да такъ лихо, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ ничего не было.

Нѣкоторый интересъ представляли только эволюціи одной изъ корифеекъ. Мало одѣтая, но и мало красивая женщина ногами и глазами гораздо болѣе дѣйствовала въ видахъ Ивана Асинеритовича, нежели въ видахъ наилучшаго исполненія возложенныхъ на нее казенною Терпсихорою обязанностей службы... Сверхъ того, дѣйствовала, такъ сказать, при свидѣтеляхъ, чтобы могли видѣть другіе и свидѣтельствовать по чистой правдѣ и совѣсти, на кого она злоумышляла.

— Вѣдь нарочно, шельма, чтобъ ужъ и отдѣлаться отъ нея нельзя было! — досадовала жертва.

— Да отчего-жъ нельзя? — недоумѣвалъ Затоновъ: — если вы не расположены цѣнить ея вниманіе, отъ васъ однихъ зависить...

— То то что не отъ меня: естъ видать! Расположонъ или нѣтъ, а раскошеляваться изволь. Не послать саней послѣ театра нельзя... А это значить 25 цѣлковыхъ! Ей-то вѣдь этого и надо...

— Я не понимаю такой неволи...

— Ахъ, батюшка! да вамъ и понимать-то не къ чему — съ васъ никто не спросить; а про меня начнутъ говорить, что мнѣ двадцати-пяти цѣлковыхъ жалко. Этого я допустить не могу... И она, каналья, это знаетъ...

Скандалъ, однако, озарилъ-таки послѣднія мгновенія балета. На заключительное *на* петербургской балерины, гдѣ искусство поднимало носокъ ноги на ту высоту, куда природа помѣстила носъ, изъ литерной ложи шлепнулось что-то тяжелое на сцену, только не букетъ. Падающій французъ любезно подскочилъ, —

на этотъ разъ благополучно, — поднялъ и поднесъ... о, ужасы!дохлую кошку!

Радость и смятеніе публики, уже отчаявшейся въ скандалѣ, были невообразимы. Кошка отомстила за носокъ; а пищи для визитовъ и для клубовъ доставила больше, нежели доставляютъ подводы по санному пути деревенскихъ запасовъ для барскихъ владовыхъ... Смѣлость поступка усугублялась его политическимъ значеніемъ: всѣмъ было извѣстно положеніе оскорбленной танцовщицы при директорѣ театровъ, человѣкѣ съ вѣсомъ, и который этого такъ не оставитъ... Кто былъ Давидъ, рѣшившійся пойти на Голиаа? Умы были заняты рѣшеніемъ этой загадки. Спорили, соображали, даже доходили до ссоръ, и ничего бы не сообразили, ни до чего бы не dospорились, еслибы оберъ-полиціеимейстеръ въ ту же ночь не разсказалъ подъ величайшимъ секретомъ, сперва въ дворянскомъ собраніи, а затѣмъ и въ англійскомъ клубѣ, всѣмъ по-одиночкѣ, что Давидомъ былъ прибывшій въ отпускъ къ отцу гвардейскій офицеръ, знаменитый по всему Петербургу повѣса и острякъ.

Теперь ужъ такихъ знаменитостей нѣтъ—онѣ прошли и не повторяются. А тогда ими гордился весь гвардейскій корпусъ. Выдумаютъ ли новую форму — онъ первый заведетъ ее, и непременно въ каррикатурѣ. Прикажутъ офицерамъ, напримѣръ, вмѣсто чернаго сукна, носить темнозеленое: онъ ужъ на другой день щеголяетъ по Невскому проспекту ярко-зеленымъ попугаемъ. Увеличатъ размѣръ шляпъ — онъ себѣ закажетъ просто коробъ и надѣнетъ на голову. Знаменитый своей строгостью большой князь останавливаетъ его, распекаетъ и самъ хочетъ отвезти на гауптвахту: онъ садится въ сани и распарываетъ шпорою полость.

— Что ты дѣлаешь?—сердится тотъ.

— Не въ свои сани сажусь, ваше в-ство! — ни мало не смущается шалунъ, и сердитый начальникъ ужъ смѣется.

— Пошелъ вонъ, шутъ! да переодѣнься!—гонитъ онъ его.

А форму, глядишь, и измѣнять...

Что же могла значить кошка для такого сорви-головы, да еще въ Москвѣ, на которую гвардеецъ смотритъ какъ на деревню.

Всѣ тотчасъ рѣшили, что они такъ и знали, хотя за минуту еще никакъ не знали; успокоились и поужинали. А гвардейскому Давиду графъ предупредительно отправилъ подорожную, съ любезнымъ приглашеніемъ—выѣхать изъ Москвы, не только

не стѣсняясь неистекшимъ отпускомъ, но не дожидаясь и разсвѣта...

А саней Ивана Асинкритовича даже и столь необычайныя событія не въ силахъ были разрѣшить отъ обязательнаго похищенія корифейки у театральнаго подвѣзда.

— О кошкѣ поговорять-поговорять, да и забыть!—философствовалъ онъ,—а обо мнѣ не забудутъ. Я всегда на глазахъ.

Чаша неволи на этотъ разъ была особенно горька: *есть* оставались въ клубѣ; онъ одинъ долженъ былъ уѣхать. Но за то *есть* видѣли, что онъ уѣхалъ, и знали зачѣмъ—это вознаграждало...

III.

И такъ, Борнсъ сопричастился жизни московскаго свѣта. Размазня открыла путь къ обѣдамъ англійскаго клуба, въ дни, когда *есть* обѣдаютъ въ англійскомъ клубѣ, и самого графа, когда приходилось обращаться за «зависящимъ содѣйствіемъ».

Графское содѣйствіе обыкновенно выражалось въ приѣмахъ мало сложныхъ: графъ посылалъ за кѣмъ слѣдовало и грозилъ ему пальцемъ.

— Вы меня знаете? а?

— Знаю, ваше сіятельство!

— То-то же!

И содѣйствіе этимъ ограничивалось. Но за то всегда оказывалось вполне дѣйствительнымъ. Противодѣйствовать охотниковъ не находилось. Всякій зналъ, что графъ посаженъ «подтянуть» Москву (хотя никто не зналъ, за что); къ перекладнымъ въ Петльмъ былъ вообще расположенъ; двадцать-четыре часа считалъ временемъ самымъ достаточнымъ, чтобы рѣшить судьбу человѣка, и Москву, которая была только «святою», по словамъ уже упомянутаго обязательнаго остряка, старался сдѣлать «великомученицею». Только у Фігаро, да у него и была способность поспѣвать вездѣ: забушевали гдѣ-нибудь въ трактирѣ — налетѣлъ; подрались ночью у московской Софьи Ѳедоровны — непристойный приютъ разнесенъ на его глазахъ, и толпа кричитъ ура! Отъ всевидящаго графскаго ова ничто не ускользало: увидеть, повдно горять свѣчи у обывателей — пошлетъ гасить; танцуютъ — прикажетъ перестать; а если это у чиновниковъ (даже не его вѣдомства) — сотретъ съ лица земли. — «Откуда, говорить, у васъ деньги?» (онъ только про тѣ, которыя были у него, не спраши-

заль: откуда онъ?). Даже къ вывѣскамъ не оставался равнодушнымъ. Написалъ какой-то французъ надъ магазиномъ: «au ralute diable» — онъ приказалъ затереть неблагочестивое слово, а французъ спросить, слыжалъ ли онъ про Чухому? Французъ, конечно, про Чухому не слыжалъ; но одного ея имени такъ перепугался, что чорта стеръ... Словомъ, «взятыя» графа были «гладки». Сказывали, будто бы съ другихъ онъ были у него не такъ гладки, что, однако, не препятствовало удовольствію быть взаимнымъ: графскому — оттого, что московскій цезарь могъ себя считать по меньшей мѣрѣ на правахъ жены римскаго цезаря и не быть подозрѣваемымъ; мужицкому какого-нибудь подрачника — оттого, что ему уплачивали обѣдомъ, который былъ своего рода патентомъ на живодерство всякаго рода. Да къ тому-жъ и лестно: суебное рыло и крѣпкій запахъ его юфти допускаются въ буфетъ надушенныхъ чиновниковъ особыхъ порученій и серебряныхъ аксельбантовъ; старая графиня изъ собственныхъ сителнѣйшихъ ручекъ подчуешь рябиновой и благосклонно шутитъ насчетъ его милліоновъ... Ну какъ тутъ не завернуть полы и не вытащить изъ мощны тысяченки-другой на пріюты?

Что касается Бориса, графъ представлялъ предъ нимъ съ суровостью спартамца, и онъ вообразить себѣ не могъ его сократовски-нагую голову, склоненную при видѣ взятокъ.

Молодость черезъ-чуръ чиста; ея глаза неспособны видѣть грязи, — она слишкомъ далека отъ нихъ. Дальновзореость пріобрѣтается съ жизнью; за то къ старости только одна и остается...

Марья Михайловна находила, что Москвы довольно, и вызывала изъ нея Бориса.

«Если тебя женать на Липѣ Асинератовнѣ, — это я тебѣ позволяю (писала она). Объ этомъ я тебѣ говорила, когда ты еще въ эту противную Москву ѣхалъ. Мы будемъ родные, и мы будемъ имѣть право быть только больше близкими... Но зачѣмъ же ты мнѣ объ этомъ не говоришь? Ужъ не боишься ли ты, чтобы я ревновала? Милый мой! дѣлай съ нею, что хочешь, только дѣлай скорѣе. Безъ тебя жизнь — безъ поэзін, безъ тебя точно нѣтъ солнца, все такое строе, прозаическое, скучное... Пріѣзжай, не сиди тамъ! не дай мнѣ сдѣлаться тоже прозаическою. Я боюсь этого»...

Бояться точно былъ поводъ: князь Каалмицкій съ рѣдкой настойчивостью велъ осаду на эту поэзію, и того и гляди могъ добиться ея сдачи.

Виновникъ поэзін тѣмъ не менѣе сидѣлъ, да еще не у той многомастной Липы Асинератовны, съ которой позволялось дѣ-

звать что угодно. У нея, правда, онъ сидѣлъ тоже, и довольно часто; но не это сидѣнье въ состоянн было удержать его въ Москвѣ.

Были причины поважнѣе.

Причины эти были собственно произведены тѣмъ перепутьемъ, на которомъ мы застали въ этотъ разъ Бориса, растерявшаго весь свой маленькій, но дорогой кладъ сердца (а ему онъ представлялся громаднымъ). Сердце, постоянно занятое, омазывалось свободнымъ отъ постоа... Ясный обликъ прежняго дитяти Лили, захватанный руками жизненной дѣйствительности, потускнѣлъ; огонь къ Маріи чуть вспыхивалъ той рѣдкой искоркой, которая срывалась и улетала, унося съ собою каждый разъ частицу самаго огня... Новый образъ, новая искра—не угасанья, а пожара,—рѣзали около него и просились войти въ настежь растворенныя двери сердца... Какъ-то этою свободой отъ постоа чуть не воспользовалась, можетъ быть, сама не подозревая, загадочная Авдотья Алексѣевна; теперь надѣялась воспользоваться простая Липа Асинеритовна, не подозревая, въ свою очередь, что для этого по крайней мѣрѣ слѣдовало быть не до такой степени похожею на брата Атичку... Дѣвушка первый разъ въ жизни ощутила побужденіе полюбить; до сихъ поръ ей приходилось только ощущать сознаніе неволи выйти замужъ. Женихи были выбора стараго Асинерита — значить, способные вызвать побужденіе къ приумноженью мастностей,—но всему же остальному неспособные. Изъ четырехъ правилъ ариметики старикъ выбралъ для своего обихода одно умноженіе. Дочь къ ариметикѣ относилась справедливѣе: она не отвергала трехъ другихъ правилъ; соглашалась избрать дѣлителемъ чувство и раздѣлить на него все свое дѣлимое... Ей было ясно, что Борису нравится ея общество (а послѣ «всей Москвы» англійскаго клуба и приемныхъ графа, какое же общество не понравилось бы?), она пришла шагъ за шагомъ, какъ это всегда бываетъ, когда все идешь да идешь въ одномъ направленіи, къ тому, чего хотѣлось—что и она ему нравится. Доказательства были на лицо: братъ говорить, что въ клубѣ гость ея стѣсненъ, скучаетъ, даже сердится; а у нея онъ по-себѣ, почти всегда настроенъ весело, и никогда не сердится... Но что ужъ всего лучше—нзрѣдка задумывается и, когда она его поймаетъ, чуть-чуть улыбается влюбленно...

Замѣчали ли вы эту улыбку? Она относится невѣдомо къ кому, но всякаго встрѣчаетъ, даже ненавистнѣйшаго человѣка,

потому именно, что не относится ни къ кому, а принадлежить только чувству, которое ее вызвало...

Въ Борисѣ точно загорѣлось это чувство. Сердце уже началъ занимать постой... Только добрыйша Липа Асинеритовна принимала на себя чужую вину...

Кто была виноватая—увидимъ послѣ.

IV.

Вернувшись какъ-то разъ домой, Борисъ узналъ отъ Тимофея о двухъ неожиданныхъ и негаданныхъ посѣщеніяхъ; отъ одного изъ нихъ осталась на столѣ загнутая уголкомъ визитная карточка, надъ которою долженъ былъ не мало потрудиться ея авторъ—такая она была затѣйливая — и письмо; отъ другого—словесное приглашеніе. Карточка принадлежала совершенно неизвестному корнету Стародубскому; письмо, корнетомъ же оставленное, сложенное клинушкомъ и запечатанное большою гербовою печатью, было отъ хорошо известной тетушки, одной изъ проливавшихъ слезы надъ «семействомъ Холмскихъ». Приглашеніе принесилъ не менѣе известный орангутангъ Дарья Романовны Шалоновой: «Александръ Александровичъ-де Разноперовъ, проѣздомъ черезъ Москву, лежатъ больные въ гостиницѣ Лондонъ и просятъ навѣстить».

Все это разомъ наполнило московскую жизнь молодого человѣка, которая до сихъ поръ плелась порожнемъ. Онъ даже затруднялся рѣшить, за что приняться: за корнета, или за клинообразныя тетушкины письма? а можетъ, слѣдовало скорѣе бѣжать къ большому Разноперову? И что за чудесное сочетаніе корнета съ тетушкой? И почему шалоновскій орангутангъ приглашаетъ именемъ Александра Александровича? Развѣ Разноперовъ успѣлъ жениться?

Послѣднее представлялось самымъ занимательнымъ; но онъ, какъ это болѣею частью бываетъ, началъ съ самаго невнимательнаго: распечаталъ письмо тетушки.

«Милый мой племянникъ, Боринька! (писала она) Сосѣдка ваша, добрыйша Полиссена Мартыновна Стародубская, ѣдетъ въ Москву, съ дочерью покойнаго брата своего, Ивана Мартыныча Свекловитова. Ты, конечно, не могъ позабыть, какъ тебя обласкалъ покойникъ въ Степнянскѣ. Почтенный былъ человѣкъ! и состояніе отличное: одной пшеницы арнаутки отправлялъ въ *Адез* (Одессу) сколько! А всему наслѣдница дочь—

ты о ней долженъ быть наслышанъ. Она послѣ отца перешла на руки этой самой Полисенны. Я не хочу осуждать никого, только безпутный муженекъ ея такъ управляетъ имѣніемъ Милочки, что Богъ одинъ ему за это судья... Пшеница арнаутка и та перестала родить у этого безсовѣстнаго человѣка... Ты постарайся Людмилѣ Ивановнѣ понравиться — для меня, другъ мой, это будетъ утѣшеніемъ... Пишу тебѣ, пользуясь сею вѣрною оказіей»... и т. д.

Тетушка считалась ученою — это она-то удручала грамотою Бориньку, къ вѣщему огорченію бабушки — и потому употребляла слогъ не простой, съ дѣепричастіями, которыя, и по ея мнѣнію, вѣроятно, составляли украшеніе русскаго языка; съ *сими*, а въ случаяхъ чрезвычайныхъ и съ *оними*. Но кромѣ учености, тетушка обладала еще рѣдкими дарованіями перво-степенной свахи, пересватавшей всѣ пригодныя для сватовства наличныя силы губерніи. А потому, письмо и перешло естественнымъ порядкомъ къ этой спеціальности; ударилося въ статистику приданого (на ассигнаціи), брильянтовъ, возраста неvěсты и другихъ данныхъ, въ точности которыхъ на нее нельзя было не положиться...

«Ты меня огорчишь, свою близкую родную, если упустишь такой случай», — уговаривала она, не подозревая, что тѣмъ самымъ подвигала огорчить.

Въ заключеніе она поручала ему купить и выслать «при первой оказіи» (почтѣ ученая тетушка основательно не довѣряла) горностаевую муфту. Тетушка въ губерніи безъ горностаевой муфты невозможна.

Много значать (больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ) зароненные въ память имя, напѣвъ, просто запахъ, или звукъ... Пройдутъ года, растраганы впечатлѣнія, чувства; порвутся связи, — а память все будетъ нести свой вкладъ и вынесетъ его какъ разъ въ то время, когда думаешь, что растерялъ все и ничего нѣтъ больше. Это — то завѣтное, про черный день припасенное заботливою бабушкою добро, которое она бережетъ пуще зѣнницы ока для внучать... Такое-то бабушкино добро приберегала Борисова память. Беззаботный внучекъ и не помышлялъ о немъ; а между тѣмъ степнянскіе рассказы, бѣлое, мелькнувшее платье въ аллеяхъ стараго сада, — все это, завалавшееся въ такомъ сокровенномъ уголкѣ памяти, что безъ тетушкина письма его и не вытащить бы оттуда, поднялось вдругъ и показало, что остается еще что-то... Борась это что-то называлъ судьбою.

«Суженаго конемъ не объѣдешь!» «чему бывать, того не миновать» и другія глубокія изреченія народной мудрости посыпались дождемъ на брошенное въ душу зернышко, какъ разъ въ одинъ изъ тѣхъ дней, какіе крестьянинъ считаетъ красными и спѣшить снѣть. Такіе посѣвы всегда даютъ наилучшіе всходы.

И вдругъ ему стало страшно: а ну, какъ она (онъ уже мысленно звалъ незнакомую вовсе дѣвушку ея) совсѣмъ не такая? (какая? онъ собственно не отдавалъ себѣ отчета; но чувствовалъ, что *какая-то* она уже живетъ въ его воображеніи: немножко загадочная, въ родѣ Авдотьи Алексѣевны, однакожъ и не совершенно въ ея родѣ). И вдругъ окажется, что все то, что болтали о ней въ Степнянскѣ—взоръ, и она нисколько не принцесса, какъ выражался пріемщикъ... Тутъ даже становилось жалко, если вдругъ она въ самомъ дѣлѣ не принцесса: недоступность въ Авдотѣ Алексѣевнѣ составляла ея прелесть. И для него она вовсе не была принцессой... Недоступностью его не запугали женщины... А впрочемъ, это все вздоръ, и надо идти въ Разноперову, а не быть какимъ-то мальчишкой въ его годы...

Послѣ сознанія своей непреклонности, не оставалось ничего болѣе, какъ отправиться въ Лондонъ.

Далеко не англійскій полевой указалъ номеръ пріѣзжаго больного. Онъ лежалъ въ жарко-натопленномъ покоѣ, и передъ кроватью двѣ женщины, пожилая и молодая, присѣвъ на корточки, совершали таинство приложенія припарки: одна ее подавала, другая прикладывала. Когда вошелъ посторонній, молодая поскорѣй вскочила и испуганно убѣжала; пожилая бончила свое дѣло, встала, поклонилась привѣтливо и улыбнулась доброю улыбкой. Разноперовъ, обезсиленный горячкой (тифы тогда еще не были введены въ употребленіе), проговорилъ совсѣмъ несвойственнымъ ему слабымъ голосомъ:

— Матап, это Борисъ Павлычъ... Затоновъ... вы понимаете?

— Понимаю, мой дружокъ! Ты только не разговаривай много. Ты знаешь, тебѣ запрещено.

Она просѣбенно пожала руку посѣтителю: «и вы-молъ не дадите ему, Бога ради, разговаривать—говорите сами!» и неслышными шагами тоже вышла.

Не дать разговаривать Разноперову было такъ же трудно, какъ удерживать руками вѣтеръ; а потому оставалось сократить и посѣщеніе, и любопытство до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Признательная за это Шалонова вознаградила его всею подноготною.

Оказалось, что свободный отъ всего, даже отъ помѣхи такъ

безвременно погибшаго олоонецкаго мѣщанина, этотъ баловень судьбы, по обыкновенію, готовился куда-то увлѣнуть на короткий срокъ, такъ годика на два, — какъ вдругъ эта горячка! По-несъ такую околесную въ жару, что докторъ, — тотъ еврей, который набожно крестился и значить былъ-таки приученъ въ околесной, — испугался. Да и было отъ чего: добрыйшій больной увѣрялъ, что ненавидитъ весь родъ человѣческій!

— Скажите, вы чувствуете, что совсѣмъ глупы? — провѣрять себя еврей. Но такъ какъ бредившій даже этого не чувствовалъ, то опасность представлялась неминуемою. Оставалось обо всемъ увѣдомить будущую тѣщу, что онъ поскорѣй и сдѣлать, сбѣгая крестнымъ знаменіемъ при входѣ. Черезъ часъ цѣлыя полчища старыхъ нань, ключницъ и горничныхъ, подъ предводительствомъ не одной будущей тещи, но и невѣсты, наполнили помѣщеніе больного заботами, пьевками, примочками, куреньемъ и брызганьемъ, хожденіемъ на цыпочкахъ, тревожнымъ шопотомъ и шелестомъ юпоекъ. Прежде чѣмъ Александръ Александровичъ успѣлъ почувствовать, что былъ совсѣмъ глупъ, Надежда Ивановна почувствовала, что была совсѣмъ влюблена и порѣшила быть его женою, хотя бы мертвого. Надо было вѣнчать, но представлялось затрудненіе — лежащее положеніе «брачущагося». Пока соборный батюшка ломалъ свою протоіерейскую голову, какъ извернуться, — наступилъ переломъ болѣзни: еврей трижды сотворилъ крестное знаменіе и похвалилъ измученныхъ женщинъ. Жениха и невѣсту обручили и прямо назначили отбѣгать въ деревню. (Въ Петербургѣ, по обыкновенію, какъ ужъ пойдетъ горячка, такъ повальная; въ Парижѣ это бываетъ только съ модами, въ Петербургѣ — только съ болѣзнями). Притомъ въ деревнѣ ужъ ни что не мѣшало вѣнчать въ какомъ угодно положеніи, тамъ и свой батюшка, и своя воля...

Въ тѣ благочестивыя времена еще по желѣзнымъ дорогамъ «дьяволъ не ржалъ», какъ мужички прозвали свистъ лозометива. Выздоровливающаго везли на пуховникахъ, въ обширномъ возкѣ, съ окнами и дверцами, обитыми медвѣжьимъ мѣхомъ, запряженномъ восемью лошадьми о двухъ бородатыхъ форейторахъ, которые гораздо болѣе мѣшали, чѣмъ помогали дѣлу. Внутри его совершенно просторно помѣщались, кромѣ Александра Александровича въ лежащемъ положеніи, Дарья Романовна, Надежда Ивановна и глухая ключница Глаша — въ сидячемъ; да сверхъ того несчетное множество ящичковъ и ящичковъ, корбонекъ, корбоекъ, узелковъ, кузовковъ, подушечекъ и подушекъ во всевозможныхъ положеніяхъ. Наружное населеніе со-

стояло, кромѣ ямщика, нѣз двухъ чоканннхся лбами сонныхъ лакеевъ на запяткахъ и горничной на козлахъ; и весь этотъ грузъ мѣрно покачивался на толстыхъ ресорахъ и нырялъ въ ухабахъ, точно барка въ волнахъ.

На станціяхъ было всегда или холодно, или угарно, только никогда не было удобно; и любвеобильной Дарьѣ Романовнѣ приходилось на ночлегахъ замѣнять своимъ тучнымъ тѣломъ порочъ въ настигшія сѣни, чтобы не дуло въ дверь... Едва на шестые сутки этотъ сухопутный ковчегъ причалилъ въ пристани Лондона. На седьмые былъ отслуженъ, съ приношеніемъ огромнѣйшей свѣчи, молебень чудотворной Иверской Божіей матери и созванъ соборъ тѣхъ московскихъ чудотворцевъ, для которыхъ приписаются не свѣчи, но червонцы. Благодарственное дѣйствіе столь удачно принятыхъ мѣръ не замедлило обнаружиться: больному сдѣлалось настолько легче, что возможно было принять къ обсужденію настоятельное требованіе Наденьки (откуда только прыть взялась!)—вѣнчать ее съ Александромъ Александровичемъ, не сходя съ мѣста, такъ какъ она ужъ объявила, что рѣшилась быть его женою хотя бы мертвого.

Соборъ поговорилъ немного по-латыни; потомъ произнесъ приговоръ по-русски, разрѣшавшій вѣнчать, съ успокоительнымъ приеомъ *галереями* (бромъ еще покрытъ былъ мракомъ неизвѣстности) и съ непосредственнымъ затѣмъ отбытіемъ въ деревню.

Приговоръ тотчасъ же вошелъ въ законную силу. Разноперовъ почти-что не сходя съ мѣста, все-какъ сойдя съ постели, былъ обвинчанъ. Подъ рукою отыскалась одна изъ тѣхъ стареннххъ церквей, которыя стоятъ въ Москвѣ гдѣ ни пошло и иной разъ поперекъ дороги, такъ что объ нихъ толкается пѣшій и задѣваетъ колесами проѣзжіи. Въ ней и обвинчали на-скоро, навѣсивъ на худого Александра Александровича, какъ на вѣшалку, синій фракъ съ бронзовыми пуговицами и бѣлый галстукъ... Врядъ ли это былъ не первый случай въ практикѣ горачекъ, чтобы поправленіе больного начиналось бракомъ.

Правда, шаферу Затонову пришлось держать ужъ не одинъ вѣнецъ, но и того, надъ кѣмъ его держалъ, чтобы тотъ не повадился... правда также, что Дарья Романовна горько плакала отъ всего этого: краше въ гробъ владуть, чѣмъ былъ ея затышекъ. А тутъ еще, какъ только начался обрядъ, большая свѣча съ трескомъ шлепнулась изъ паникадила на церковныя плиты и разлетѣлась въ куски. Это не предвѣщало ничего добраго.

Поскорѣ обвели вокругъ аналая, дали самую малость по-

ликовать Исаи; дома поскорѣ выпили за здоровье новобрачныхъ, Дарья Романовны и пріисканной орангутангомъ кой-какой родни; затѣмъ подали опять ковчегъ и увезли въ черноземныя поля молодого — поправлять деревенскимъ воздухомъ, какъ говорилось, — хоронить, какъ думалось...

Дарья Романовна нѣжно благодарила шафера, на рукахъ котораго, буквально, былъ обвинчанъ ея зять.

— Вы ужъ такъ хорошо за нимъ бѣдненькимъ смотрѣли, — дай вамъ Богъ всякаго благополучія, Борисъ Павловичъ, и невѣсты, какой вы сами пожелаете... А вѣнецъ держали — это вѣрный знакъ: въ будущій мясодѣ надъ вами держать будутъ — это ужъ я вамъ вѣрно говорю...

Борисъ улыбался предсказанью, какъ тому «а вотъ постой, бука сейчасъ придетъ», которымъ пробуютъ пугать дѣтей. Однако, на другой день пошелъ знакомиться со Стародубскими далеко не такъ покойно, какъ въ огородники съ Точилowymi: сердце почему-то ходило и стучало маятникомъ...

V.

Стародубскіе нанимали одинъ изъ тѣхъ старинныхъ барскихъ домовъ, которые, вѣроятно, служили чѣмъ-то въ родѣ *монрено* отъ крѣпостныхъ балетовъ, хоровъ музыки, пѣвчихъ и пировъ, если не на весь міръ, то на многія сотни верстъ вокругъ, отжившимъ русскимъ амфитріонамъ... Это былъ просторный, длинный, широко усѣвшійся посреди зеленого двора, одноэтажный домъ, со штофными обоями и штофными диванами, персидскими коврами, золочеными столами, стульями и креслами; съ такою залю, въ которой можно было посадить за столъ просторно болѣе пятидесяти, а потѣснивши малость и не менѣе ста человѣкъ; гостиная какъ маленькая площадь; обязательная желтая диванная и неизбѣжный мезонинъ, который представлялъ второй домъ, поставленный на первый. Все было старо, вышло изъ моды и до того беспокоило Полисену Мартыновну, что она не вытерпѣла и купила нѣсколько кушетокъ, столиковъ и ковриковъ новѣйшаго московскаго издѣлія — на деньги, впрочемъ, не свои: необходимость обновленія вызывалась родственными чувствами къ племянницѣ — ей было и расплачиваться.

Вообще, племянницѣ приходилось-таки расплачиваться, съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась племянницею, переставъ быть страстно любимою дочерью.

Случилось это вскорѣ послѣ той поѣздки съ отцомъ за границу, при которой позволялось только воображенію видѣть бѣлое платье въ аллеяхъ свежловитовскаго сада. Старый, и дѣйствительно почтенный, Свежловитовъ умеръ неожиданно, хотя ожидать бы этого собственно всегда слѣдовало отъ человѣка, бывшаго гораздо болѣе лабораторіею для проверки перваго, грѣмѣвшаго во Франціи, нововведенія, или опыта, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ, человѣкомъ. Степняки-помѣщики считали это «фармасонствомъ», не подозрѣвая, что то была просто степь, которая и всею его жизнью не успѣла заслонить его завитнаго Парижа, да ихъ жирные затылки и лѣнивые щи, съ такими же лѣнивыми умами, вмѣсто утонченнаго изящества блестящаго сень-жерменскаго предмѣстья. Онъ не сразу и не добровольно принесъ себя въ жертву: химія жизни ему указала это. Послѣ Парижа пробовалъ онъ Петербурга—послѣ Парижа Петербургъ показался хуже степи. Онъ попробовалъ степи. Книги пришли за нимъ транспортомъ, и на время населили степь. Но отъ книгъ куда-то скоро увезла дорожную карету четверня почтовыхъ; а черезъ годъ и обратно привезла, только ужъ въ правое окошко выглянула ласково красавица жена въ дорожномъ чепчикѣ... Потомъ изъ дѣтской выглянула дѣтская головка,—а та не выглянула... Подъ плавучею березой, рѣдкостью степного сада Свежловитова, зазеленѣла свѣжая могила и запахла розами весной... да на стѣнѣ, изъ золотой рамы, улыбалась красавица, въ двухъ ниткахъ жемчуга на шеѣ...

Счастливый мужъ и вдовецъ вышли почти разомъ изъ этого химическаго процесса жизни. Неожиданность и новость положенія были такъ велики, что онъ не досмотрѣлъ въ себѣ отца и, заплативъ невѣроятныя, по приговору близкихъ, деньги первоклассной воспитательницѣ изъ Эльзаса, поручилъ ей дочь.—«Сдѣлайте изъ нея женщину!»—сказалъ онъ только, посмотрѣвъ въ добрые и честные глаза дорогой эльзаски, и не занимаясь больше этимъ предметомъ; покупалъ, правда, все что ни являлось по части воспитанія и ухода за дѣтьми; давалъ читать все это воспитательницѣ и самъ читалъ; ходилъ, даже дышалъ оволо ребенка съ осторожностью любителя, который опасается разбить хрупкую и дорогую рѣдкость; набивалъ дѣтскую оскмину затѣйливыми и цѣнными игрушками, не подозрѣвая, что ребенокъ цѣнить самыя простыя и безносой куклѣ никогда не предпочтетъ Венеры медичейской. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ незамѣтно уходилъ изъ жизни въ разныя макробіотики, омеопатіи и гігіены, накопляя матеріалъ къ лабораторіи, которою, наконецъ, и сталъ,

когда неблагодарная эльзаска, соблазняясь дворянскимъ титуломъ (titre de noblesse) десяти-душнаго сосѣда, мужественно отрѣшила его крѣпостную Акулину и сдѣлалась ея барынею, а его женою, къ оказавшемуся скоро общему неудобству всѣхъ дѣйствующихъ лицъ.

Иванъ Мартынычъ потерялъ голову, и не довѣряя себѣ въ этотъ разъ, опять довѣрилъ подроставшую Милочку близко-знакомой директрисѣ Х. института; а самъ началъ опыты.

Долго не поддавалось здоровье,—его держала степь: но наконецъ поддалось. Анакреонъ, какъ сказываютъ, подавился косточкой отъ винограда. Свежловитова тоже ждала своя косточка. Вычиталъ онъ о непромокаемыхъ калошахъ. Ногъ не промочить въ деревнѣ такъ же невозможно, какъ не скучать. И вдругъ эти калоши! Разумѣется, сейчасъ-же эстафеты, съ письмами въ Москву и въ Петербургъ, гдѣ только достать можно... наконецъ первая пара на ногахъ, и Иванъ Мартынычъ почерпаетъ въ лужахъ доказательства блистательнаго торжества науки надъ ними... Выдумалъ Присницъ пеленать людей мокрими простынями и заставлятъ потѣтъ до изступленія. Иванъ Мартынычъ уже лежалъ спеленатый и потѣлъ по нѣскольку разъ въ день добросовѣстно и напрасно, потому что былъ совершенно здоровъ,—впрочемъ здоровъ только до простынь; а послѣ нихъ принялся худѣть, и черезъ мѣсяцъ получилъ такую пользу, что уже съ трудомъ двигалъ ногами. Узнать, сколько потребовалось-бы времени на то, чтобъ онъ и съ трудомъ не могъ ими двигать, помѣшалъ подвернувшійся подъ ноги гвоздь, который проткнулъ резину и позволилъ опять ногамъ промокнуть, такъ исправно, какъ-будто наука никогда и не торжествовала надъ лужами. Тутъ ужъ и всемогущая сила крупинокъ сыпавшихся изъ его омеопатической аптеки на крѣпостныхъ и вольныхъ пациентовъ цѣлаго околка, оказывалась недостаточною, и онъ непремѣнно умеръ-бы отъ горячки, если-бы, благодаря потерѣ сознанія, не былъ насильно вылеченъ и выхоженъ заботами Авдотьи Алексѣевны, которая приставила къ нему свою каріатидную Амалию Францовну и штатнаго степнянскаго врача.

Выздоровленіе совершило переломъ въ испорченной жизни этого человѣка: оно исправило ее и обновило. Началось съ того, что онъ благоговѣнно преклонился передъ женственною прелестью своей исцѣлительницы... Тутъ-то мы съ нимъ и познакомились за стихами Бенедиктова и на колѣняхъ принимающаго чашку кофе изъ ея восхитительныхъ ручекъ. Скоро онъ привезъ изъ института дочь—и съ нею новый міръ того чувства, котораго

не подозрѣвалъ. Прекрасная и юная, вся въ мать, Людмила оварила своею юностью и красотой и старый домъ, и старый садъ, и старую жизнь отца... Счастливый Иванъ Мартынычъ бросилъ все, и съ послѣдней пылкостью своей неутомонной души загорѣлся страстью въ дочери. Онъ мучился, что столько упустилъ счастья; торопился наверстать его; а милое дитя, въ свои семнадцать лѣтъ, была не меньше счастлива... Отецъ и дочь,—утро и вечеръ жизни,—слились въ одно и желали одного: она, чтобъ этотъ вечеръ оставался; онъ, чтобы только не перешолъ въ ночь... А ночь уже стояла у порога: холера (онъ растиралъ больного мужика и заразился) въ нѣсколько часовъ все унесла, и сирота поцѣловала ледяныя, навѣки сомнѣнныя, тѣ самыя губы, что наканунѣ расточали ей слова любви и ласки...

Страшною пустыней показалась вдругъ, за одну ночь, созрѣвшей, дѣвушкѣ молодая ея жизнь, въ пустомъ домѣ, изъ котораго вынесли, въ парчевомъ гробѣ все, что ее населяло. Сироту нѣскоро собрали и увезли къ тѣткѣ въ Х. Но тамъ ей показалось еще пустыней. Позади хоть оставалась могила въ саду; а здѣсь ужъ ничего не было. Были, правда, тѣтка, Поликсена Мартыновна; мужъ ея, отставной уланскій майоръ, Логинъ Модестовичъ; четыре дочери, исчерпывавшія собою цѣлыя святцы того дня, когда печется всего больше пироговъ въ году и покупается конфетъ — Вѣра, Надежда, Любовь и Софья; былъ еще въ придачу сынъ Модестъ, корнетъ, оставившій головоломную карточку Борису... Эта многочисленность лицъ не въ состояніи была наполнить совершеннаго отсутствія души: живой души не было, и еще больнѣе чувствовалось, что живую душу скоронили... Сирота попала на чужбину. Тутъ и языкомъ говорили не тѣмъ, и глазами не тѣми смотрѣли,—«смотрѣли, какъ дѣлали отцы, учились на старшихъ глядя»... Нововведеніями себя не удручали... Людмила выросла какъ растётъ цвѣтокъ, съ котораго не сводятъ глазъ; имъ начинаютъ день—идутъ къ нему, смотреть, хохотать... имъ и кончаютъ... А здѣсь росли, какъ растётъ сѣно на лугу: уродить хорошо, будетъ что косить; не уродить—Богъ, значить, не сподобилъ. Дѣвушки,—тѣзки-ли по святцамъ за нихъ предстательствовали, или строгая была содержательница пансіона,—только онѣ еще кое-какъ да вышли: и Бога боялись и Поликсену; при этомъ были благовоспитанныя: какъ ихъ заставляли въ пансіонѣ дѣлать вниксенны, держаться прямо, улыбаться и думать (вѣрить, не думать), такъ онѣ и дѣлали; не умничали и не разсуждали... Но сынъ не вышелъ: ни богобоязливости, ни благовоспитанности изъ пансіона не вынесъ;

даже былъ за нѣчто, совершенно противоположное, оттуда взять, не оправдавъ своего имени и давши основаніе французу-надиврателю сказать: «que ce grédin de Modeste était parfaitement mal nommé» (Модестъ было родовымъ именемъ: изъ двухъ Стародубскихъ одинъ непременно былъ Модестомъ, другой Модестовичемъ). Нужна была преемственная связь прежняго мундира отца съ полкомъ, чтобы та же спасительная уланская кургузка облекла широкія плечи молодого человѣка, до такой степени не обремененныя ношею познаній, что онъ на вопросъ полкового экзаменатора изъ исторіи: «какой въ Россіи царствующій домъ?» не усомнился отвѣчать: «зимній дворецъ», а изъ артиллеріи: «чѣмъ хороши мѣдныя пушки и чѣмъ чугунныя?» очень развязно отпоролъ: «мѣдныя пушки тѣмъ хороши, что стоятъ дорого, но ихъ не разрываетъ, — а чугунныя тѣмъ хороши, что ихъ разрываетъ, но онѣ стоятъ дешево». Только къ закону Божію не обнаружилъ ужъ и такихъ способностей, даже отказался опредѣлить: что такое Богъ, — чѣмъ и сокрушилъ наконецъ терпѣніе экзаменатора, который злобною скороговоркою опредѣлилъ за него самъ: «Богъ есть, сударь мой, существо всемогущее, вездѣсущее, всевѣдущее... Ужъ такихъ-то пустяковъ не знать, — помилуйте!»

Все это не препятствовало Стародубскимъ возлагать надежды на счастливца, получившаго на долю преимущество — продлить собою ихъ высочій родъ... Пускай ему не доставало глубины учености; но глубина ея могла представить только неудобства для улана. Знанія же въ другихъ онъ цѣнилъ и уважалъ, — особенно въ наукѣ шитья платья и тачанія сапогъ; предоставлялъ не первымъ подъ-руку попавшимся щипцамъ, но первымъ въ городѣ, и непременно ежедневно, припекать свои волосы, даже когда ложился спать, за неимѣніемъ куда ѣхать. (Жизнь ворнету представлялась, какъ средство ѣздить въ гости или спать дома; лучшаго употребленія для нея онъ не умѣлъ придумать). Сверхъ того онъ сохранялъ въ памяти многочислѣннѣйшіе на-ламбуры многочислѣннѣйшихъ водевилей; могъ судить о лошадяхъ безукоризненно, и говорилъ о нихъ точно о людяхъ: «у нея крутой характеръ; съ нею мы не сходимся» (это когда лошадь не выкидывала всѣхъ тѣхъ штукъ, какія онъ отъ нея требовалъ), или: «она была въ прелестномъ расположеніи духа! у нея очаровательная ножка»... Въ его словарѣ были лошади съ амбиціей, лошади острые, тупые, лошади благородныя, также какъ подлецы-лошади, невѣжи и даже грубіяны... Съ лошадьми, по части чувства, кое-какъ могли еще соперничать цыганки; но

по части чтенія—приказы по полку (за нихъ онъ полевого адъютанта признавалъ писателемъ) соперниковъ вовсе не имѣли... Отставной уланской восточекъ отца столь несомнѣнная уланскія наклонности Модеста представлялись вѣрными залогоми карьеры.

— Модька мой отслужить за меня полку! — говаривалъ старикъ; и передъ нимъ носилась картина эскадрона, гдѣ тотъ скачетъ на «благородной» лошади съ «очаровательной ножкою» и которыми нѣкогда, Богъ-дасть, будетъ командовать, какъ онъ.

— Ры-сью... маршъ! — вскрикивалъ даже Логинъ Модесто-вичъ въ экстазѣ, вызывая каждый разъ голововою жену.

— Ложка! уймись, говорю! — отзывалась та изъ своей комнаты, съ протяжной томностью и въ носъ: — вѣдь ты, слава-Богу, отецъ мой, не въ Чугуевѣ солдатъ муштруешь!

Она и въ Чугуевѣ-то ему не особенно давала муштровать ихъ; пріѣдетъ бывало въ манежъ: — «обѣдать пора, Лѣмечка! довольно съ тебя!» А если ученые юнкеры, то еще съ протяжной томностью и обручаетъ, затѣмъ молодыхъ людей долго мучитъ: «ступайте съ богомъ, господа!» — скажетъ, — «будетъ съ васъ!»

Вообще царицею была она — Логинъ только царицынымъ мужемъ; онъ признавалъ это и въ веселыя минуты самъ называлъ жену Екатериною великой...

Вымывъ мужу голову, Екатерина приходила жаловаться дочерямъ: — «дуракъ-то нашъ сегодня опять своихъ улановъ, сидучи на диванѣ, муштровать вздумалъ! Ужъ я его на мизонимчикъ прогнала скорѣе».

Мезонинъ былъ отданъ подъ мужчинъ; домъ раздѣленъ между женщинами въ порядкѣ правъ, опредѣленномъ Поликсеною. Племянница занимала цѣлыхъ двѣ комнаты, у нея была спальная и былъ голубой будуарчикъ, хоть она и была послѣднею въ домѣ (тамъ, гдѣ была семья Поликсены, первенство могло принадлежать только ей), но племянница за всѣхъ платила; чтобы не стали говорить, — ей великодушно дана была львиная часть... Дочери, между которыми строго соблюдалось однажды сдѣланное распредѣленіе ролей: старшая изображала красоту, вторая доброту, третья, по причинѣ большой глупости, могла быть только простою; зато четвертая была такъ дурна, что олицетворяла собою умъ, — эти разнообразно одаренныя дѣвицы были размѣщены по-парно: красота съ добротой, умъ съ глупостью; а сама родоначальница избрала для себя полутемную, нестерпимо теплую комнату, между столовою и дѣвичьей — двумя предметами ея вѣжнѣйшихъ попеченій.

Поликсена привезла товаръ въ Москву — на ярмарку невѣстъ,

Томъ II. — Мартъ, 1888.

въ расчетѣ сбыть при партіи племянницы. И вотъ онъ каждый день исправно выставленъ въ гостиной, въ самомъ лучшемъ видѣ, въ ожиданьи, что пріѣдутъ и посмотреть, хотя знаетъ, что рѣшительно пріѣхать никому, такъ какъ о его существованіи рѣшительно никто не знаетъ.

— Voilà vraiment, personne ne vient! Cela valait la peine de venir à Moscou!—роптала дѣвушка, которымъ Москва представлялась обѣтованною землею съ манною сыплющихся съ неба жениховъ...

Одна изъ гордая кузина не роптала; въ усугубленію досады, оставалась равнодушно въ своемъ будуарчикѣ, одѣтая какъ одѣвалась въ X., и читала; если-жъ выходила, то затѣмъ, чтобъ поиграть на фортепьянѣ.

Музыка ея всегда спускала внизъ улана, и гостиная мгновенно наполнялась его звономъ, крѣпкими духами, каламбурами и комплиментами Людмилѣ.

— Вы лучше, Модестъ, расскажите, какъ вы про царствующій домъ отвѣчали,—полагала имъ конецъ кузина.

— Извольте, сейчасъ расскажу! Еслибъ этотъ дуралей меня спросилъ: какой царствующій *родъ*? Я ему отвѣтилъ-бы; а онъ — *домъ*! Вотъ я и далъ ему понять, что онъ глупъ.

Мать находила отвѣтъ остроумнымъ и нѣжно шурилась на сына.

Или вдругъ спросить: правда-ли, что Павелъ кучеръ учить его лошадей танцевать польку?

— Вы хотите сказать,—отвѣчаетъ уланъ:—*Поль* кучеръ учить...

Мать находить и каламбуръ остроумнымъ. Но кузина говорить: «*Modeste, c'est stupide*» — и Модестъ опечаленъ. Честолюбіе Модеста — нравиться кузинѣ; отчаяніе — невозможность этого добиться.

Но кузины полны только зависти къ богатой и красивой ихъ двоюродной сестрицѣ. Безобразная одна довольствуется предоставленными ей преимуществами ума и не завидуетъ. Зато красавица (мать нѣсколько разъ въ день повторяла, какъ какой-то князь сказалъ: *ce n'est pas un brun, c'est un blond*) — красавица теряетъ даже часть этой засвидѣтельствованной красоты отъ злобы къ ненавистой «блондѣ».

VI.

Звонокъ Бориса ударилъ радостную тревогу въ сердцахъ женщинъ, которыя находились по обыкновенію въ сборѣ и въ боевомъ порядкѣ. Послѣ визита Модеста съ письмомъ отъ тетушки Затоновой явилось для этого даже основаніе. Сестры вырѣзывали англійское шитье (*broderie anglaise*)—только красавица ничего не дѣлала; она сидѣла сложа руки и любовалась ими. Руки были выхолены и точно хороши... Мать раскладывала пасьянсъ; но при звукѣ звонка проворно собрала растрепанные карты и спрятала въ карманъ. Людмилы по обыкновенію не было. Ее послали вызвать; но она явилась такъ нескоро, что *ля-бель брюнь* имѣла время показать всѣ составныя части своей красоты: поднять въ нѣсколько приемовъ къ потолку, опустить на коверъ и внезапно остановить на молодомъ человѣкѣ свои черные, совершенно ничтожныя по содержанію глаза, нагнуть на бокъ шею, чтобъ видѣли, какая она гибкая, и склонить крѣпко зашнурованную талию, чтобъ убѣдились, что она совсѣмъ не крѣпко зашнурована; наконецъ позвенѣтъ браслетами, и тѣмъ обратить вниманіе на округлость дѣйствительно хорошо сложенныхъ, крѣпкихъ рукъ... и въ теченіе всего этого имѣть скромность не сказать ни одного умнаго слова. Сестры, съ выученной небрежностью, наостривъ, однако, уши, продолжали въ полъ-голоса прерванный разговоръ, котораго никогда не начинали: до звонка всѣ сидѣли молча.

Матушка прищуривалась вопросительно на гостя: что-молъ, какова? и поощряла дочь производить впечатлѣніе. Произвести впечатлѣніе всегда недурно и на всякаго. Конечно, на того князя, который называлъ ее «*la belle brune*», лучше: горностай на гербѣ (безъ горностая положительно не существуетъ пожилыхъ провинціальныхъ женщинъ!) и мужчина въ самой порѣ—какихъ-нибудь пятьдесятъ лѣтъ! Три тысячи десятинъ земли и пятьсотъ душъ! Но и синица недурна, когда журавли-то въ небѣ!

Видя, что Людмила не идетъ, Борисъ, уже и такъ предубѣжденный противъ нареченной за глаза невѣсты, порѣшилъ не ждать. Но въ это время какъ разъ вошла стройная, немного выше средняго роста дѣвушка, съ обиліемъ русыхъ волосъ, посаженныхъ красиво на вискахъ и приподнятыхъ волной надъ невысокимъ, точно изъ слоновой кости выточеннымъ, блѣдымъ лбомъ, съ прямыми темными полосками бровей. Овалъ лица необычайной свѣжести, отъ падавшего въ окна свѣта серебрился,

опушенный нѣжно чуть замѣтнымъ пухомъ персика... а въ сѣровато-синихъ, широко прорѣзанныхъ глазахъ, подъ тѣнью длинныхъ выгнутыхъ рѣсницъ, было темно, безсолнечно какъ въ лѣсу лѣтомъ... Кромѣ одного предубѣжденія къ тому, кого ей заочно присудили, и которое удерживало ее къ нему выйти, ничего не выражалось въ этихъ ничего не общающихъ глазахъ: «вотъ онъ», казалось, говорили они, щурясь въ самомъ дѣлѣ, какъ Авдотья Алексѣевна:—«это онъ вообразилъ себѣ, что можно меня взять какъ вещь, которая нравится!» Но тутъ же мысль, что отецъ самъ отдавалъ ее этому человѣку, залила вдругъ какимъ-то трогательнымъ чувствомъ эти непонятные глаза.

Борисъ смутился, и рѣшительно не зналъ, какъ разгадать ее.

— Племянница! Покойника ея отца, моего брата, вы знали, —протанула, при значительно большемъ участіи носа, Поликсена.

Людмила вѣжливо пожала его руку, и почти такою же престелною какъ у Авдотьи Алексѣевны рукой...

Онъ чувствовалъ, что никогда еще ему такъ не случалось смущаться; чувствовалъ, что надо что-нибудь сказать,—только что-нибудь, сущій пустякъ, безъ значенія, — а наговорилъ пропасть всякой всячины, даже о какомъ-то папѣ, которымъ была она и котораго не видѣть въ Степнянскѣ все равно, что въ Римѣ... Говоря такіа глупости, онъ зналъ, что непростительно краснѣть, потому что говорить глупости; она должна торжествовать, и—доказательство: она даже не слушаетъ; подсѣла къ умной кузинѣ и занялась ея работою; а что онъ говорилъ, ей до того нѣтъ никакого дѣла... Тутъ же, какъ на зло, вдобавокъ, обнаружился такой вдругъ голубинный изгибъ бѣлой какъ снѣгъ шейки, что показанная передъ тѣмъ та же подробность красоты кузины все теряла...

Какovy бы ни были въ васъ чувства къ человѣку, которому до васъ нѣтъ дѣла, вамъ достаточно въ томъ убѣдиться, что ему до васъ нѣтъ дѣла, чтобъ вы постарались заставить его имѣть до васъ дѣло. Но Борисъ не могъ и вѣрить даже, чтобы дочери Иванъ Мартыныча могло не быть до него дѣла. Въ немъ давно сложилось убѣжденіе какъ разъ противоположное. Онъ привыкъ рассчитывать на тотъ непривосновенный кладъ, который лежитъ гдѣ-то и которымъ онъ, какъ только черный день придетъ, можетъ распорядиться... И вдругъ ничего, этого нѣтъ! Имъ прожито все, и дальше нечѣмъ жить! Онъ ожидалъ ключей отъ вѣрности на блюдѣ; а встрѣчаетъ каменные стѣны, и ихъ надо брать приступомъ...

Онъ вышелъ недовольный ею, и собою, и всѣмъ свѣтомъ...

А она осталась недовольна только имъ: самоувѣренность глядѣла изъ его словъ, изъ каждаго движенія, даже изъ красиваго лица, которое она нашла ужъ черезъ-чуръ красивымъ. Ей хотѣлось красоты внутренней, какъ у ея отца... И какъ онъ могъ понравиться отцу?

Отца она привыкла, еще слыша, какъ эльзасска говорила: «votre père est un saint!», считать не въ шутку за святого, а все то, что желалъ и чувствовалъ или какъ думалъ — за святыню... И вдругъ отецъ ошибся!

— Можетъ быть, Затоновъ очень измѣнился! — пробовала оправдать себя передъ его святою тѣнью дѣвушка...

А Поликсена была отъ Бориса въ восхищеніи.

— Совершенный *комильфо*! — гнула она. (Большей похвалы у нихъ не было; ихъ символъ вѣры начинался съ *комильфо*: «вѣрую во единое *комильфо*» и т. д.). — И съ какимъ вкусомъ! Я знала, что Вѣра ему понравится... Какъ только вошелъ, я такъ и сказала себѣ: вотъ кому Вѣра непременно понравится! Просто *шарманъ женонмъ*... И передо мною старухой не *манки-рогалъ* — пришелъ...

Она имѣла страсть къ французскому нарѣчію, хотя марковала въ немъ не много, — «будучи воспитана не такъ какъ братецъ» — (колола она глаза племянницѣ, точно та ее воспитывала) — «не въ Парижѣ, — въ деревнѣ, на обѣдѣ»...

— А ты, милочка, ему не понравилась, мой другъ! Это я по своей опытности сейчасъ замѣтила.

— Значитъ, это взаимность, *ma tante*!

Кухни хоромъ закричали, что это просто *dépit*...

— *Дети*, мой дружокъ! *дети*! и я скажу это! — подтвердила тетка. — Я моего Мбичку непременно пошлю звать Бориса Павлыча на чашку чаю. Приласкать молодого человѣка... почтеннѣйшей его тѣтушкѣ это будетъ пріятно. Она ему все состоянье отказала — я это доподлинно знаю...

А тотъ, кого собирались ласкать, разсѣяно направился къ Тверскому бульвару, самъ не зная, для чего туда направился. Ему не людей хотѣлось — напротивъ. Онъ былъ въ положеньи человѣка обокраденнаго. И какъ въ этихъ случаяхъ всегда бываетъ, — то, что не имѣло никакой цѣны, пока оно лежало безъ употребленія, вдругъ сдѣлалось ему всего дороже. И это глупое сердце, вмѣсто того, чтобы негодовать, готово полюбить... почти ужъ полюбило...

Онъ услышалъ близко шаги; поднялъ голову: прямо на него шла Липа Точилова съ бѣдною родственницею. Она ему обра-

довалась, какъ родному; посмотрѣла съ участіемъ въ глаза и озаботилась: не было ли непріятностей по командировкѣ? что же графъ, — неужто не помогаетъ?

— Нѣтъ, не это... Совсѣмъ другое... Да, впрочемъ, кому до того дѣло?... — отвѣтилъ онъ съ неудовольствіемъ.

Она всмотрѣлась еще внимательнѣй; подумала и вдругъ спросила: — вы это не шутя говорите?

Они шли быстро. Старыя ноги родственницы едва поспѣвали за ихъ молодыми ногами...

— Знаете, чтó я вамъ скажу? — проговорила дѣвушка съ рѣшимостью, которая ей видимо стоила усилій: — мы не то говоримъ, что хотѣлось бы... намъ бы надо объясниться... одинъ разъ навсегда... Я объ этомъ давно собиралась просить васъ... У меня есть причины...

Онъ посмотрѣлъ на ея лицо. Такимъ онъ его еще не видѣлъ: честная открытость и правота сіяли во всѣхъ чертахъ; морозъ взялъ на свою долю краски — и обыкновенно некрасивая, только всегда добрая и милая Липа, стала почти хороша...

— Отчего бы не ее? — мелькнуло въ умѣ... да же въ сердцѣ мелькнуло: отчего бы не ее? Но только мелькнуло искрой — и угасло...

— Объясниться? (онъ угадалъ, о чемъ она хотѣла говорить, и чувствовалъ, что лучше не говорить). — Олимпиада Асинкритовна! есть вещи, которыя лучше, когда остаются необъясненными... Намъ такъ хорошо до сихъ поръ было! я боюсь, что отъ объясненія можетъ сдѣлаться хуже... Останемся какъ есть...

Онъ вспомнилъ, что почти тоже говорила ему когда-то Авдотья Алексѣевна, и это нѣсколько устроило его: жестокимъ, значить, былъ не онъ одинъ — были и съ нимъ жестоки. Но когда увидѣлъ жалкое, за нѣсколько минутъ еще счастливое лицо обиженной дѣвушки, онъ искренно прибавилъ: «въ другой разъ! когда хотите!.. только не теперь — какъ-нибудь послѣ»...

— Послѣ будетъ поздно! — произнесла она про себя, но вслухъ.

Онъ ошибался: она была не обижена, она была обокрадена, какъ онъ, — только ея очередь пришла послѣ.

VII.

Липа правду говорила, что послѣ будетъ поздно. Отецъ объявилъ ей наканунѣ, что пріѣхалъ сосѣдъ по имѣніямъ, Пелазговъ, свататься. Сосѣдъ пріѣхалъ собственно не свататься, а

точилговскую лѣсную дачу пріобрѣтать; но такъ какъ у него на это не было наличныхъ денегъ, то пришлось посвататься и, разсчитавшись женитьбою, при дачѣ пріобрѣсть ужъ и жену.

Точилговъ находилъ такой взглядъ «резоннымъ» и судьбу дочери по правиламъ умноженія устроенною (у сосѣда было нѣсколько тысячъ десятинъ земли). Дочь этого не находила; притомъ у нея были еще надежды... Послѣ разговора на бульварѣ надеждъ уже не было, и черезъ недѣлю камердинеръ Ивана Асинкритовича, Капитонъ, явившійся и на «капитана», даже на «капитана-исправника», похожій притомъ болѣе, чѣмъ бы слѣдовало на молодого своего барина и вслѣдствіе особаго благорасположенія стараго, пользовавшійся правомъ разговаривать съ господами, — Капитонъ этотъ принесъ приглашеніе Борису на сговоръ.

— Долженъ я объясниться, Борисъ Павловичъ — хоть дѣло мое, разумѣется, холопское — уступили вы свое счастье другому, — не утерпѣлъ онъ, чтобъ такъ не поговорить; выставилъ правую ногу впередъ, а правую руку заложилъ за жилетъ: — насчетъ этого и барышня наша такимъ самымъ манеромъ объясняются (глаголь «объясняться» пользовался такимъ же расположеніемъ капитана-исправника, какъ онъ самъ расположеніемъ стараго Асинкрита). Если, объясняются, теперича отъ *мало* расположенія отказываются... такъ мнѣ... объясняются барышня, все одно хоть за Пелазгова. А Асинкрить Асинкритовичъ отъ себя тоже объясняются, что они удовольствіе чувствуютъ, поелику помѣщикъ онъ самостоятельный; не слыхать, чтобы картежнымъ дѣломъ зашибалъ, и одинаково не пьетъ...

Сговоръ происходилъ въ гостиной, гдѣ еще недавно Липа, выставленная теперь торжественно на диванѣ, рядомъ съ усаженнымъ и отекившимъ самостоятельнымъ помѣщикомъ, такъ радушно принимала молодого гостя и такъ искренно смѣялась его изумленью передъ Сенничкой. Въ обычномъ креслѣ, съ мопсомъ, сидѣлъ Асинкрить; стѣны унизывалъ рядъ близкаго и родныхъ. Входившій поздравлялъ помолвленныхъ, потомъ отца и дополнялъ собой живое ожерелье комнаты. Борисъ засталъ его уже нанизаннымъ до послѣдняго зерна.

Въ комнатѣ, по случаю событія необычайнаго, было на-топлено необычайно жарко. Красное лицо невѣсты говорило, что и однихъ поздравленій было бы довольно. Когда-жъ подошелъ Борисъ, у Липы даже загорѣлись лобъ и уши; а когда отецъ, въ отвѣтъ на поздравленіе, пригласилъ его «изобразить столь радостное сіе событіе стихами» — бѣдная расхохоталась почти

истерически, усиливаясь не заплакать. Смѣхъ невѣсты вызвалъ одобреніе гостей, которые нашли, что если не невѣстѣ, то кому-жъ и веселиться! Только женскую ихъ половину не удовлетворило равнодушіе Пелазгова: беретъ богатую невѣсту, и не смотритъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ смотрѣлъ гораздо болѣе въ пространство, — можетъ, различалъ умственными глазами ту рощу, которую приобрѣталъ, — и думалъ: скоро ли кончится роль жениха и опять начнется роль помѣщика?

Иванъ Аснєритовичъ, исправно накрахмаленный, сновагъ по комнатамъ.

Борису стало тяжело: послѣдняя теплая душа отъ него уходила. Но съ тѣмъ выѣстъ ему сдѣлалось ясно, что сидѣть съ ней рядомъ на диванѣ было-бъ невозможно.

— Посмотрю, что-то меня ждетъ завтра?—думалъ онъ.

Завтра его ждала «чашка чаю» Полнєсенн.

Когда онъ прїѣхалъ, вся семья сидѣла вокругъ чайнаго стола,—Людмила прямо противъ двери, въ яркомъ освѣщеннѣ лампы. Бѣлизна лба и ослѣпляющая свѣжесть красоты такъ и ударили въ глаза. Онъ невольно прїостановился и ужъ потомъ вошелъ въ залу. Она протянула руку нѣсколько прївѣтливѣй и изъ глубины ея дремучихъ глазъ какъ будто выглянуло чуть-чуть солнце,—такъ по крайней мѣрѣ ему показалось.

Ля-белъ брюнъ смотрѣла на него какъ на свою добычу; больше прежняго жеманилась и выставку красивыхъ статей дѣлала еще неувоспитаннѣй. Руки ея такъ и мелькали: то съ чашкою, которую она безъ всякой надобности поднимала выше рта, чтобъ поднести потомъ уже къ губамъ, то съ ложечкой, или сухарикомъ, то наконецъ около висковъ, которые приглаживала... Матушка прищуренно слѣдила за работой дочери и за тѣмъ, какое она производитъ дѣйствіе на гости. Но на гости производило дѣйствіе совсѣмъ не то. По восхитительной неловкости Логина, вышло такъ, что онъ сидѣлъ рядомъ съ Людмилою, тогда какъ стратегическія соображенія отводили ему мѣсто рядомъ съ *ля белъ брюнъ*.

Сѣсть въ первый разъ рядомъ съ женщиною, успѣвшею завлечь, — чѣмъ бы то ни было, хоть недоступностью, холодною, пусть даже дерзостью, — приносить необыкновенное удовлетвореніе. Обѣдненные и чайные столы хранятъ не одно воспоминаніе о такомъ чувствѣ. Это и сближаетъ, и даетъ извѣстныя права: подвинуть соль, тарелку, передать чашку, налить воды въ стаканъ, нечаянно коснуться рукава, самой, можетъ быть, руки, и извиниться; но важнѣй всего — испытывать близость пластически,

вдыхать тонкій запах женщины и видѣть въ нѣсколькихъ вершкахъ ея облѣющую шею, подъемъ волосъ на затылкѣ, до очертанія ногтей на пальцахъ... Это увертюра оперы, имѣющей разлитыя изъ-за спущенной покуда занавѣси...

Борисъ сидѣлъ подѣ обаяніемъ сосѣдства и боялся только одного: какъ бы чай не кончился, и это обаяніе не прекратилось... Темносизые глаза уже не разъ смотрѣли прямо въ его глаза; лицо свѣтилось искренней улыбкою и дѣлалось будто своимъ, доступнымъ... Онъ былъ вдохновенъ, находчивъ и умѣренъ, какъ дѣйствительный артистъ въ ударѣ. Даже къ пошлости Модеста, — а тотъ постарался отличиться передъ петербургскимъ офицеромъ и былъ пошлъ необычайно, — относился такъ нестрого, что Людмила удивлялась, почему онъ ей не понравился, и перестала удивляться, что онъ нравился отцу... Ни Поликсентъ, ни ея красивой дочкѣ (остальные съ батюшкой безукоризненно отсутствовали, хотя и находились на лицѣ), не было дано права обвинить гостя въ неуваженіи или небрежности. А между тѣмъ каждое слово, движеніе, взглядъ, послѣдняя изъ шутокъ, — все было только для Людмилы, вызывалось только ею.

Стали говорить о музыкѣ. Самоотверженная тетусша признала снисходительно въ племянницѣ большую музыкантку, и всѣ встали, при воинственномъ бречаніи Модеста. — Приглашенная сыграть Людмила хоть бы самую малость поломалась, какъ прилично барышнѣ; пошла къ роялю и тотчасъ же пробѣжала что-то пальцами по клавишамъ...

— Вы любите Бетховена? — спросила она съ разстановкой, попадая каждымъ слогомъ въ каждый тактъ.

— Очень люблю.

Она раскрыла ноты «патетической сонаты».

Всѣ усѣлись. Борисъ въ волю могъ разсмотрѣть ея профиль, также неподобно нарисованный, какъ и фасъ (не много лицъ, и еще менѣе цѣлыхъ фигуръ, которыя остались бы неукоризненны въ обоихъ этихъ направленіяхъ).

— Какъ, вы нашли, играетъ кузина? — подскочилъ Модестъ, подзванивавшій шпорами Бетховену, а теперь звонившій во всю ивановскую гостю.

Кузина предупредила отвѣтъ.

— Модестъ! развѣ такіе вопросы дѣлаютъ? Конечно, мсье Затоновъ долженъ будетъ сказать: «прекрасно», — засмѣялась она въ первый разъ, и показала зубы, ровные и мелкіе, какъ перловая крупа.

— Нѣтъ, я этого не скажу, — подхватилъ Борисъ: — вы играете

Бетховена не совсѣмъ такъ—не въ настоящемъ темпѣ, и силы у васъ недостаетъ. Но вы чувствуете намѣренія композитора. А это главное... Вы на меня не сѣдитесь?

Людмила вспыхнула, и очень живо обернувшись, взглянула на него. Это былъ тоже первый, уже совершенно благорасположенный взглядъ.

— Я, напротивъ, очень рада услышать правду. Обыкновенно ея не говорятъ. Мнѣ отецъ говорилъ про эту черту вашу...

Словомъ, молодые люди во второй разъ уже разстались друзьями. Она ему такъ хорошо пожала руку, и довѣрчивымъ хорошимъ взглядомъ будто говорила: «да, я вижу, мы свои; тѣ намъ чужіе, а вотъ мы съ вами свои». Это опять напомнило Авдотью Алексѣвну.

— Позвольте приходить говорить вамъ правду?—спросилъ Борисъ.

— Пожалуйста! мы всегда дома... а правду не всегда слышимъ...

И опять показала свои перловыя зубки.

Но откровенность гостя хоромъ осудила тетушкина семья. Барышни нашли ее даже *très peu comme il faut!*

— *Пе комильфо! не комильфо!*—тянула Поликсена:—и я это скажу, мой другъ! Удивляюсь, какъ тебѣ это нравится... Уже это ты совсѣмъ въ батюшку! совсѣмъ въ него—и это я тебѣ скажу...

Тетушка не знала, что ничего пріятнѣе сказать не могла племянницѣ.

— Не даромъ покойника за волтерьянца считали,—продолжала она... Но Людмила уже не слушала. Въ ея ухахъ осталось то, что передъ этимъ было сказано, а за нимъ (она не боялась признаться) то, что было сказано любимцемъ отца, что вообще говорилось имъ въ теченіе вечера... и звукъ его голоса еще раздавался для нея въ этихъ большихъ пустыхъ комнатахъ, какъ бы впервые населенныхъ...

«Я точно съ нимъ вѣкъ знакома!—показалось ей теперь.—Какъ это странно! Или это оттого, что отецъ меня познакомилъ съ нимъ?.. Я буду рада, если онъ станетъ бывать... Я не буду одна»...

Долго и не раздѣваясь, она ходила по своимъ двумъ комнатамъ—не то думая, а не то бредя на-яву: тутъ былъ и деревенскій садъ, гдѣ въ первый разъ она читала Вальтеръ-Скотта и мечтала съ замираніемъ о комъ-то—собственно о комъ, сама

не знала; были черные глаза, весь очеркъ давишняго гостя, и, какъ ей уже казалось, они были именно тѣ самыя, которые тогда мечтались, и вмѣстѣ съ тѣмъ совсѣмъ другіе, но однакоже нѣтъ не хуже тѣхъ... Потомъ досадно вспоминалась какая-нибудь выходка Модеста... Онъ (Людмила и не спохватилась, какъ ужъ думала про гостя: онъ) загладилъ эту глупость такъ остро и вмѣстѣ такъ любезно... И затѣмъ отца нѣтъ съ ними? Какъ бы отцу нравилось все это... Они говорили бъ о литературѣ и читали, а она ихъ слушала бы... Въ слѣдующій разъ попрошу его читать. Авдотья Алексѣевна говорила, что онъ удивительно читаетъ...

Кончила она тѣмъ, что пошла къ умной кузинѣ и разцѣловала ее сонную. Та проснулась и такъ удивилась, что воутру спрашивала: во свѣ это было, или точно она ее цѣловала?

А Борисъ пошелъ домой пѣшкомъ, и все уже ему казалось не такимъ, какъ прежде: улица, которую онъ возвращался столько разъ, которая глядѣла тѣми же подслѣповатыми окнами харчевень и лабазовъ, тѣми же обглоданными колодами извозничьихъ биржъ, съ зернами овса на мостовой, которыхъ не успѣли склевать голуби; тоже кружево крестовъ на маковкахъ безчисленныхъ церквей и бѣлѣнна Кремля,—все было не то, все въ эту ночь сверкало словно что-то говорившимъ волшебнымъ блескомъ полнаго мѣсяца... И Тимошей отворилъ дверь скорѣе, даже догадался выйти со свѣчкою. Въ комнатѣ не было жарко натоплено... Словомъ, все было прекрасно, какъ до сихъ поръ не бывало, и всего прекраснѣй было на душѣ...

Полюбить ли уже онъ? или только убѣдился, что полюбить? въ этомъ онъ не повѣрялъ себя. Онъ чувствовалъ, что ему хорошо, и больше ничего не было надо; что онъ нашелъ, чего давно искалъ. И вдругъ страхъ: а что если найденное уйдетъ и онъ имъ не успѣетъ насладиться?—оковалъ его.

Поздній, или, вѣрнѣй, ранній сонъ, на зарѣ, засталъ его уже на мысли: «я женюсь!» И хотя мозгъ его впервые произвелъ на свѣтъ такую мысль, она его не испугала, но представилась единственно желательною и милою.

«Да, я женюсь!—укрѣплялъ онъ себя въ ней:—это давно рѣшено, и ея отцомъ, и моею тетунькой (когда намъ чего хочется, мы ссылаемся такъ же охотно на людскія глупости, какъ на приговоръ высокаго ума). Ну, и Шалогова вѣдь предсказала... это наконецъ судьба!»

VIII.

«Самостоятельному» Пелазгову въ Москвѣ было заживаться некогда. Онъ торопился свадьбою до истеченья мясоѣда, и невѣстѣ совсѣмъ приходилось перестать жить — только закупать, заказывать, да примѣрять. Въ самый послѣдній свадебный день, такъ сказать, въ виду ужъ закисавшей въ квашняхъ масляницы, обвинчали молодыхъ, въ присутствіи родни изъ Петербурга, и съ Плющики, и съ Трубы, и съ патріаршихъ и другихъ прудовъ, даже изъ черноземныхъ пажитей всей урожайной полосы Имперіи... Марья Михайловна Точилова, сіяя блескомъ самыхъ свѣжихъ модъ и свѣта, съ плодами въ волосахъ, сошла Помоню въ рой грацій, гдѣ, кромѣ нея, не было богини... Свадьба тотчасъ огласилась по Москвѣ и подстрекнула любопытство Стародубскихъ. Новому знакомому пришлось провожать ихъ въ церковь, да еще вдобавокъ безъ Людмилы, оказавшейся нелюбопытною... За то какъ онъ и обрадовался, когда засталъ ее въ шляпѣ. Она ни разу не видала свадьбы и вдругъ закотѣла увидать. Собственно она хотѣла увидать лишній разъ Бориса, хотъ и не признавалась въ этомъ...

Не мгновенно вспыхнуло ея сердце, какъ у него; оно разогрѣвалось медленно, едва замѣтно, разъ за разомъ, вечеръ за вечеромъ, когда онъ сидѣлъ рядомъ, читалъ или рассказывалъ... Только она чувствовала, что онъ каждый разъ какъ-будто увозилъ частицу ея съ собою... А увозилъ онъ часто, — пріѣзжалъ исправно черезъ день, такъ что разочарованная въ своихъ надеждахъ Полнесена прозвала его съ досады лихорадкой.

Свадьба приходилась въ лихорадочный день. Людмилѣ показалось невозможнымъ пропустить его, и любопытство у нея явилось.

Въ церкви Маріи Точилова такъ и всплеснула руками, какъ увидѣла ихъ рядомъ.

— Боже! теперь я все понимаю! — вскрикнула она при Атичѣ, который ничего не понималъ; шумно радовался, что къ другу Мазика прибавится еще подруга; подскочилъ къ Затонову, горячо и безцеремонно пожелалъ ему успѣха.

Людмила видѣла, что эта безцеремонность заставляла краснѣть Бориса, и сама покраснѣла. Онъ смутился еще болѣе; но въ то же время мысль, что она какъ будто уже дѣлитъ съ нимъ что-то; что есть между ними точно связь — счастливымъ трепетомъ отозвалась въ сердцѣ.

Модестъ, какъ увидалъ Помону, такъ и опалъ. Глаза его и всегда были вынучены, а теперь просто высказывали это лба.

— Представьте, Бога ради!—присталъ онъ къ Борису:—я сейчасъ ее ангажирую...

Въ число новобранцевъ свадебнаго бала, разумѣется, включенъ былъ и Модестъ, звенящій, перетянутый и припеченный парикмахеромъ, какъ никогда.

Но мѣра испытаній для молодыхъ людей еще не исполнилась. Подошелъ самъ старшій Асинеритъ и пригласилъ Бориса Павловича: поскорѣ звать его на свою свадьбу.

— И невѣсты искать не къ чему! — присовокупилъ онъ, указывая на Людмилу.

Въ заключеніе, когда обвели молодыхъ и протопопъ предложилъ скрѣпить узы брака взаимнымъ лобызаніемъ,—умная кузина предательски шепнула: «*Мила, si cela t'arrive, je souhaite que ce fut avec ton voisin!*» такъ, что та даже невольно посторонилась отъ Бориса, чтобъ этого сейчасъ же не случилось.

На свадебномъ пирѣ Марья Михайловна обошлась съ Затоновымъ, какъ съ невѣрнымъ любовникомъ—сначала строго, далѣе сентиментально. Модестъ неприводительно тратилъ перуны своихъ шпоръ и высказывавшихъ глазъ: она была задумчива, поглядывала съ укоризной на счастливаго (уже не ея, это было ясно!) измѣнника, и отказала всѣмъ на отръвъ мазурку. У нея болѣла голова. Наконецъ, взяла подъ руку Бориса и направилась къ уборной новобрачной Липы. Здѣсь очень искренно, а можетъ быть, только искусно,—вошла въ его тайну; распросила обо всемъ; умѣла вывѣдать все, что ей было нужно; взяла слово, что онъ возвратитъ ей ея письма, и за ужиномъ уже смѣялась уморительно влюбившемуся по-уши улану. Корабли были сожжены. Прежняго, *того* берега уже не видѣть никогда! Оставалось гулять по *этому*...

Отбывъ обѣдъ въ честь молодыхъ, она проворно воротилась въ Петербургъ. Атичка понять не могъ, зачѣмъ? Но поняли это князь Калмыцкій съ матушкою Зеленецкою; послѣдняя одоброво и одобрила:—«*il était bien temps de mettre fin à ce roman de jeune fille!*»—сказала она.

Конечъ пира ознаменовался приведеніемъ патріарха Асинеритовичей въ безпорядочное состояніе: онъ принялся со всѣми цѣловаться, и ужъ проливая слезы, умолялъ Бориса «все сіе велелѣніе въ стихахъ воспѣть», а невѣстку-Помону — «возгласить гимнъ свиты его величества генерала». Ивану Асинерито-

вичу не мало стоило труда привести отца въ порядокъ и сдать на попеченіе капитана-исправника, который и увелъ его точь-въ-точь, какъ уводился Сенича...

Людмила, подъ вліяніемъ всего, что вытерпѣла за бѣнчаньемъ, первый разъ въ жизни очутилась лицомъ къ лицу съ мыслью о мужчинѣ, какъ о женихѣ. И удивительное дѣло, ее эта мысль не испугала! въ первый разъ еще не испугала! но напротивъ, рисовала передъ нею цѣлыя картины. Вотъ они рядомъ въ церкви; но уже не смотрятъ изъ толпы, а стоятъ одни, на розовомъ атласѣ и толпа на нихъ смотреть... Священникъ взялъ и соединилъ ихъ руки... «Исаія ликуй!» — раздается весело и громко... Ихъ обводятъ трижды...

— Поцѣлуйте вашего супруга! — произноситъ пошъ...

Удивительно! ей даже и это не страшно!

А до сихъ поръ она видѣла во всякомъ мужчинѣ врага, наступавшаго на ее приданое и съ несокрушимой силой женской слабости отражала наступленіе. Странствующие искатели невѣсты поголовно отвергались ею, начиная съ залежалаго товара столицъ — этихъ вылинявшихъ камеръ-юнкеровъ и генераловъ въ парикахъ и съ фаброй — до пробѣвшихъ и пропившихъ всѣ свои наслѣдственные души, столбовыхъ господъ и ловлазовъ мѣстныхъ кавалерійскихъ полковъ, романически перелѣзавшихъ заборы городского тетушкина сада, чтобы, пролежавъ въ травѣ, сдѣлать признанье по всѣмъ правиламъ героевъ Марлинскаго. Одинъ такой былъ принятъ дворнею, по цвѣту лацкановъ, за желтенькій цвѣтокъ; но уличенный въ принадлежность не къ тому царству природы, насилу унесъ ноги отъ собакъ...

Людмила прослыла невѣстой недоступною и переборчивою; женихи поубыли... Несправедливо было бы утверждать, что тетка этимъ очень сокрушалась. Правда, она прожужжала уши, будто сокрушается; но сокрушаться собственно слѣдовало начинать тогда, когда настанетъ время — не имѣя своихъ средствъ, не имѣть больше чужихъ подъ рукою. Оттого-то, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ расположеніе племянницы росло къ Борису, ее собственное уменьшалось. Такъ же, какъ сначала ей хотѣлось приласкать, теперь хотѣлось отвадить молодого человека. И причины были на виду у всѣхъ: чтó могъ Затоновъ предоставить дѣвушкѣ, которой она поклялась, надъ прахомъ отца, замѣнить мать? Ни горностае въ гербѣ, ни камеръ-юнкерскаго шитья, ни тысячи душъ, — ничего, кромѣ дома на какомъ-то острову.

Несчастный домъ старухъ представлялся въ самомъ дѣлѣ

обуреваемымъ со всѣхъ сторонъ водою... Да притомъ же у Затонава была чахотка (единственная болѣзнь, какую она признавала): у него кружилась голова отъ модьениныхъ духовъ; братъ отъ чахотки умеръ,—умереть и онъ. Кромѣ того, онъ и безбожникъ: отзывается объ Иверской безъ умиленія, и неуважителенъ (давно ли онъ былъ уважителен?): къ ручьѣ не подходитъ, а «нашего графа» (величину почти равную Иверской) не только не зоветъ «нашимъ», даже и совсѣмъ не графомъ—просто какъ бы ея дурака Лѣжку, по фамилии—Тмутараканскимъ!

Всѣ эти разсужденія дѣлались въ присутствіи Людмилы, какъ бы вскользь, въ видѣ отвлеченныхъ, назидательныхъ для молодого сердца истинъ, болѣе для свѣдѣнія, чѣмъ для исполненія, и можетъ быть, долго не сошли бы съ высотъ умозрительныхъ, еслибъ ихъ оттуда не свела дѣйствительная уже лихорадка безбожника. Пароксизмы этой лихорадки прекратили пароксизмы посвѣщеній и вдругъ вызвали цѣлую горячку чувства у племянницы. Несчастной тетускѣ оставалось объясниться по душѣ.

У безтолковыхъ женщинъ объясненіе по душѣ обыкновенно раздражается бездушными упреками: Людмила—дѣвушка неблагодарная; она чужая съ теткой—ея лучшимъ другомъ; молодые нынче умнѣй стариковъ,—все въ этомъ родѣ... а кончилось истерикой: твоя тетка—женщина больная (она была здорова непреклонно)—притащилась въ Москву черезъ силу, а ты ее въ гробъ положить захотѣла...

Людмила, безъ того уже несчастная (онъ занемогъ!), проплакала всю ночь; но утвердилась въ любви еще болѣе.

— Я вѣдь тоже могу умереть, если его не будетъ (оправдывалась она передъ самой собою). Я только отца любила такъ. Я чувствую, безъ него я жить не могу!..

Она любезничала съ Модестомъ, только бы тотъ навѣщалъ больного, говорилъ о немъ; смотрѣла чуть не нѣжно на противнаго кузена, когда онъ вносилъ собою что-то въ родѣ отраженія дорогого существа въ ея дѣвичій уголокъ... Ей осталось отрадой перечитывать, что онъ читалъ ей; переигрывать до изнеможенья патетическую сонату, чтобъ сыграть, когда онъ выздоровѣетъ, въ настоящемъ темпѣ.

— Но когда-жъ я доживу до этого? Боже! И какъ я могла жить безъ этого? для чего жила я?—спрашивала себя любящая дѣвушка.

Весь великій постъ (о, какъ великъ показался онъ Людмилѣ!) прошелъ въ ожиданіи. На свѣтлый праздникъ у заутрени, когда запѣли: «праздникомъ праздникъ и торжество изъ торжествъ!»

она такъ пламенно молилась, что отнесла эти слова къ себѣ (чего очень ищешь, то вездѣ находишь!), и не удивилась, — только дрожь и огонь разомъ пробѣжали отъ ногъ до головы, когда днемъ мелькнулъ бѣлый султанъ въ закрытомъ стеклѣ кареты, — она знала, что карета остановится и султанъ забѣгаетъ въ комнату, и она увидать ея, похудѣвшаго и блѣднаго... Онъ подойдетъ христосоваться; поцѣлуетъ руку; она поцѣлуетъ его въ лобъ... въ этотъ милый, умный лобъ, который она такъ любить!

Вышло все точно по писанному: онъ появился въ двери — похудѣлый и блѣднѣе прежняго, но оттого еще дороже; подошелъ сначала къ Полисенѣ, поцѣловалъ руку; та его поцѣловала въ лобъ... потомъ подошелъ къ ней; она улыбнулась, протянула ему совсѣмъ захолонувшую руку... но ужъ дальше ничего не вышло: онъ только пожалъ эту трепетавшую въ его счастливой рукѣ руку и смотрѣлъ въ глаза, гдѣ кромѣ солнца уже ничего не было; той лѣсной тьмы и слѣдъ простылъ! Его такъ и ослѣпило: онъ ничего не видѣлъ; не цѣловалъ руки и не выпускалъ, и она въ лобъ не цѣловала и не отнимала руки.

«*Sie liebt mich! sie liebt mich!*» повторяло вслѣдъ за Карломъ Моромъ его сердце.

Кузины надули губы, — онъ такъ и забылъ о нихъ; даже о томъ, что Христосъ воскресъ, не сказалъ ни слова!

Свѣтлый для племянницы праздникъ былъ омраченъ для тетки новою неловкостью Логина: похристосовавшись съ гостемъ по всѣмъ правиламъ, — тройнымъ, хорошимъ поцѣлуемъ въ губы съ красненькимъ ячкомъ въ руку, старый уланъ, — чтобы столь радостный для всякаго христіанина день не былъ проведенъ одиноко близкимъ родственникомъ почтеннѣйшей его тетушки, самовольно пригласилъ Затонова обѣдать.

Полисена, скрѣпя сердце, объявила, что это само собою разумѣется, что иначе и быть не можетъ; а вымытъ голову «своему дураку» предоставила себѣ послѣ.

Приглашенному, напротивъ, Логинъ показался самымъ умнымъ человѣкомъ въ мірѣ. Борисъ сталъ веселъ, точно прапорщикъ; шутилъ, острилъ, подсказывалъ Модесту уморительные каламбуры и затѣялъ, наконецъ, играть въ воланы въ большой залѣ. Кончилось тѣмъ, что одинъ воланъ съ перышками ушибъ Людмилу въ голову; но такъ какъ эта боль была причинена ею воланомъ, то когда прошла, ей даже было ея жалко...

IX.

Май зазелѣлъ въ Москвѣ на бульварахъ, зацвѣталъ въ са-
динахъ, выставлялъ двойныя рамы и, отпразднованный самова-
рами въ Сокольникахъ, распространялся до Петровскаго парка,
Нескучнаго, Останкина, и т. д. Оставаться по вечерамъ въ го-
родѣ дѣлалось невыносимо. Первый рѣзкій стукъ улицы и тотъ
особенный ея воздухъ, которые врываются въ отворенныя окна,
гнали за-городъ.

Весна для человѣка нервнаго — тоже наслажденіе черезъ мѣру:
она разбиваетъ. Тамъ еще, гдѣ это наслажденіе разливается на
нелѣ, оно увлекаетъ; но въ городѣ, гдѣ трудно пробивается въ
полоскахъ незастроенной земли, наводитъ только грусть по волѣ.

Стародубскіе не ѣздили охотно за-городъ; а если ѣздили,
то съ тѣмъ, чтобъ пить тамъ непременно чай. Но такъ какъ
равнодушная природа производитъ не повсюду нужныя на это
самовары, то склонять Борису на побѣдѣ Стародубскихъ было
затруднительно; ѣздить же безъ Стародубскихъ просто невозможно.
Онъ утратилъ всякую способность существовать безъ нихъ, и
Поликсена справедливо жаловалась, что онъ живымъ-живетъ въ
домѣ, возмущая обязанности своего постоянного присутствія свѣт-
лый миръ невинности ея дочекъ... Она покусилась на второе
объясненіе съ племянницей; но безтолковостью своею только до-
вела ее до отчаянной рѣшимости: Людмила объявила, что готова
ей во всемъ повиноваться, но не въ этомъ; это выше ея силъ,
и такова, наконецъ, была воля покойнаго отца («вольтерьянца!»
вставляла тѣтка). Оставалось махнуть рукою и протяжнымъ болѣе
обыкновеннаго гнусеньемъ вымѣщать досаду на виновникъ пле-
мянницына несчастья... Питье чаю за-городомъ уже мало при-
бавляло въ чашѣ этого несчастья, — и старуха стала пить его
охотно. Это сверхъ того, какъ нельзя болѣе соответствовало ея
вкусамъ: она «на газонѣ» любила опоражнивать чашку за чашкой
и, обмахиваясь носовымъ платкомъ, возводить томно глаза къ
небу, что выражало эме ля бел натюр.

— Ма tante, мнѣ бы хотѣлось поѣхать на Воробьевы горы.
Мы тамъ еще не были, — попросилась однажды Милочка: — тамъ,
я слышала, и самоваръ есть...

Просясь на Воробьевы горы, она въ собственныхъ глазахъ
совершала проступокъ: ночью ей снился тамъ Борисъ; онъ ее
манялъ къ себѣ на невѣроятную высоту... Подъ вліяньемъ сна,
заманчивыя горы ей являлись почти Альпами, а Затоновъ — Ман-

фредомъ, котораго она читала съ отцомъ. Вотъ, что тянуло ее туда.

— Еслибъ и самовара даже не было, я готова это сдѣлать для тебя, — жертвовала собою Полиссена: — кажется, я доказала это? Я влялась на прахъ отца твоего, а моего брата — и клятву свою сдержу... У меня сердце разрывается, но я сдержу... Изволь, мой другъ, поѣдемъ...

И она вздохнула, какъ бы говоря: «ты видишь, Боже мой, крестъ, который я несу! Но я понесла его, и не брошу!»

Дѣвушка, сама не зная отчего, почувствовала, что въ эту минуту что-то рѣшается; что съ Воробьевыхъ горъ уже начнется что-то другое и этотъ день будетъ лучшимъ днемъ ея жизни... Убѣжденіе это было такъ твердо, что ничто не въ состояніи было бы его поколебать...

Поѣхали. Поднявшись на гору, вышли изъ экипажей. Вечеръ былъ лѣтній. Такихъ весною почти никогда не бываетъ. Людмила находила, что это такъ и должно было быть... Москва горѣла въ отдаленіи такъ жарко золотомъ церквей и такъ сверкала бѣлизной строеній; а *здесь* было такъ зелено и вѣтви дѣдовскихъ деревьевъ простирали имъ такіа безконечныя вѣсы тѣни, что имъ показалась еще нестерпимѣй нестерпимость проведеннаго тамъ дня... А надъ душой влюбленной дѣвушкой май продолжалъ творить свои чудеса, и невысокую гору, вполнѣ достойную своего названья, на-яву ужъ возносилъ до Альпъ...

— Людмила Ивановна! — заговорилъ Борисъ (они и не замѣтили, какъ удалились вдвоемъ отъ остального общества): — Людмила Ивановна! въ эту ночь я видѣлъ сонъ, котораго не могу не рассказать вамъ...

— Сонъ? — вздрогнула она, и подумала: «неужто мой? Какая судьба!»

Она не смѣла смотрѣть на Бориса и шла, потупя голову.

— Да, сонъ, и очень знаменательный... Вы вѣрите, что есть знаменательные сны?

— Вѣрю. Есть сны необыкновенные... говорите!

— Мнѣ снилось, будто мы сидимъ за вашимъ чайнымъ столомъ — точь-въ-точь какъ всегда... И лампа стоитъ тамъ же. Но отъ нея идутъ прямо къ намъ двѣ свѣтлыя полоски, и обѣ сходятся какъ разъ передъ нами... Дальше уже онѣ идутъ одною свѣтлою широкою полоскою...

Голосъ его былъ нетвердъ; а она краснѣла и до того ускорила шагъ, что ужъ съ трудомъ передыхала.

— Чтѣ вы думаете объ этомъ снѣ? *Можетъ онъ сдѣлаться*

дѣйствительностью? — спросилъ, тоже глядя въ землю, Борисъ. Ему было почти страшно — судьба его рѣшалась. Онъ готовъ былъ взять назадъ то, что сказалъ...

Людмила подняла на него глаза. Онъ только заглянулъ въ нихъ — и прочиталъ отвѣтъ...

— Мил-ла! Мил-леч-ка!! — раздался протяжный носовой голосъ Поликсены, казалось, Богъ знаетъ откуда. — Другъ мой! остановись... посмотри, какъ хорошо!..

— Хорошо, ma tante! чудно хорошо!! — откликнулась Людмила, чувствуя свою руку въ крѣпкой рукѣ Бориса, а себя такъ близко отъ него...

— Какіе они равнодушные! — пожалѣла Стародубская, усаживаясь «на газонъ». Дочки пожалѣли не о томъ: имъ хотѣлось подслушать, хоть подсмотрѣть — онѣ даже приподымались на цыпочки, — но вѣковыя липы закрывали пролетающую подъ ними чистую минуту молодой любви... Когда старуха поднялась съ газона, равнодушные ужъ обмѣнялись и чувствами и снами, — она рассказала ему свой сонъ, — и племянница ей болѣе не принадлежала — она была общана Борису.

Тайну порѣшили открыть въ городѣ, а за-городомъ всему радовались и бѣгали какъ дѣти, обнаруживъ равнодушіе къ самому чаю, который Поликсена могла пить особенно удобно, благодаря чуть-ли не наполеоновской скамьѣ, и ужъ никакъ не менѣе кутузовской... и ихъ же самовару.

Открытие тайны вызвало третье «объясненіе». Въмѣсто того, чтобъ превзойти своею безтолковостью два первыхъ, оно, къ удивленію, оказалось почти толковымъ. Тетя въ этотъ разъ держалась положительности, и хотя не упустила случая облитись горькими слезами, однако, высказала очень вразумительно, что ей на старости некуда преклонить голову, потому что домъ въ Х. идетъ за долги, и она не знаетъ, гдѣ ей удастся закрыть глаза. Закрыть глаза собственно вездѣ могло удался; но она была не того мѣнія, и полагала, что имѣнье Милы только и представляетъ еще для того нѣкоторые удобства. Она, за всѣ жертвы ей, казалось, заслужила это... Она въ Милѣ, разумѣется, не сомнѣвается; но ея будущій мужъ, пожалуй, не захочетъ — вѣдь мужчины вообще жестоки... А они люди молодые, — и въ имѣнны жить не станутъ. Она-жъ и дядя опытные (они это доказали, промотавши все, что было своего, и часть милочкина добра); они стары и притомъ, кромѣ благополучія, ей ничего не желаютъ... Это они, кажется, тоже доказали... Имѣніе дохода все равно ей не даетъ... Покойникъ (царство ему небесное!) больницу выстроить-

выстроилъ, а церкви нѣтъ,—оттого и благословенія ни на чемъ нѣту! Она знаетъ, что этого не должна бы говорить дочери; но она такъ ее любитъ, что правды не сказать не можетъ и т. д.

Племянница, конечно, половины всего этого не понимала и не слышала,—она еще слышала слова *того* объясненія, хоть и усиливалась слушать *это*; понимала же отчетливо, что счастлива, до невыносимости счастлива, — и спѣшила согласиться на всѣ требованія тетки — за себя и за будущаго мужа. Развѣ одинъ изъ нихъ могъ не желать того, что было желательно другому?

На другой день наняли въ Сокольникахъ двѣ дачи: въ одну перѣхала неvěста съ Стародубскими; въ другую пріѣзжалъ на ночь Борисъ, потому что дни ужъ окончательно жилъ у Людмилы. Любящіяся въ первый разъ были отпущены вдвоемъ въ коляскѣ, подъ конвоемъ цѣлнго ковчега тетуньиной семьи. Дѣвственное чувство послѣдней ужъ не подвергалось опасности: любовь происходила на законномъ основаніи...

Х.

— Ну, братъ Борисъ! — говорилъ Федосѣй Федосѣичъ, остановившійся по-родственному, проѣздомъ въ имѣніе, у племянника: — судьба-то къ тебѣ лицомъ повернулась, братъ! А я ужъ думалъ, не повернется! Помнишь, я тебѣ давно писалъ: повади она лысая! Ну, ты ее за косу поймалъ — нашелъ, братъ, сокровище! И гдѣ?

Навозну кучу разрывал,
Пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно...

Знаешь, какъ у Ивана Андреича въ баснѣ?.. Это, ни дать ни взять, покойникъ про тебя написалъ. Такъ-таки примехонько —

Навозну кучу разрывал!

Я вѣдь къ нему молодымъ еще человекомъ на Васильевскій Островъ бывало съ Фурштадтской пѣшкой отъ Никтопольонъ-Савича, дядюшки, съ приглашеніями обѣдать хаживалъ... А что ты позволилъ этой семьѣ завладѣть имѣніемъ будущей твоей жены, это, разумѣется, *женихерозно*, очень даже *женихерозно*. Только я, признаюсь, по этому предмету имѣю свое мнѣніе... Чувства чувствами, а деньги все же деньги, братецъ! Они послѣ дождика не растутъ... Вотъ и капиталъ ея наполовину растаялъ: покойникъ Иванъ Мартынычъ мнѣ лично говорилъ — двѣсти съ чѣмъ-то тысячъ, а этотъ Логѣнъ твой уже твердитъ сто!

— Ахъ, не все ли это равно, помилуйте! — улыбается жене-розный племянникъ: — будетъ съ насъ и того, что есть!

— Будетъ-то будетъ! Я за Степанидой Львовной не больше взялъ. Только времена тогда были не тѣ... А ужъ что красавица и умница твоя Людмила Ивановна, такъ это я всегда скажу:

Пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно.

Я самому Ивану Андреечу не разъ бывало просказываю эту басню.

— Да ты, братецъ, всего меня перескажешь! — смѣется было...

День свадьбы рѣшался у бѣлошвеекъ, модистокъ и обойщиковъ... Наконецъ, рѣшился и былъ назначенъ... Невѣсту благословили. Поликсена въ тюлевомъ чепцѣ съ Кузнецкаго моста, похожемъ на то пирожное, которое взбивается изъ сливокъ и украшается бисквитами (банты замѣняли биспиты) и какой-то, съ манерами маркиза, старикъ, сослуживецъ Свекловичова, въ красной лентѣ. Женихъ получилъ благословеніе отъ Федосія Федосѣича — въ синей лентѣ, и отъ неалобивой Липы Асинкритовны Пелазговой, великодушно принявшей роль посаженной матери, какъ иногда принимаютъ молодыя актрисы роли старухъ... Вѣнецъ надъ Борисомъ держалъ пріѣхавшій нарочно изъ Петербурга Бухторминъ, который успѣлъ предварительно проэкзамновать нареченную своего друга въ красотѣ и дѣтатурѣ, и по обоимъ предметамъ поставилъ удовлетворительныя отмѣтки: по первому — *une beauté nette*, по второму — *понимаетъ Соня въ лунную ночь Шекспира!*

Модесту Стародубскому удалось нанять знаменитую по всей Москвѣ четверню на выносъ сѣрыхъ въ вашихъ - то сверхъестественныхъ яблокахъ, и быть шаферомъ дузини. Честолюбіе его такъ-таки и не дождалось другого удовлетворенія.

Зависть кузинъ облегчалась тѣмъ, что Людмила будетъ *мадамъ Затоновъ*, не болѣе! Et qu'est-ce que c'est que madame Затоновъ?

Поликсена такъ и подталкивала ля *белъ брюкъ* на дорогу Ивана Асинкритовича: гдѣ онъ, тамъ и она. Однако же, крахмальную его повязку не проломилъ...

Логинъ строилъ въ умѣ планы преобразованія Свекловичовна на военный ладъ. Онъ на этотъ ладъ уже преобразилъ свое мнѣніе въ долгъ опекунскому совѣту... Вѣнчаніе происходило въ загородной темной и прохладной церкви, съ запахомъ какой-то сырости и старины. Только тѣмъ, кого вѣнчали, показалось,

что свѣтъ еще нигдѣ не было на свѣтѣ! Чего не освѣщаетъ счастье!

Набѣжавшіе со всѣхъ сторонъ зѣваки громко одобряли «парочку»; однако, не могли одобрить равнодушія невѣсты: ну, хоть бы слезинку уронила!..

Федосѣй Федосѣичъ разнесъ по знакомымъ въ Петербургѣ славу ума и красоты Людмилы Ивановны Затионовой, которая съ мѣсяцъ еще сбивалась въ новомъ имени, и услужилъ ей такъ хорошо, что уже цѣлое войско женскихъ завистей стояло наготовѣ, прежде чѣмъ она успѣла показать кончикъ своего коротенькаго носа. Только добрейшая Степанида Львовна отвела заблаговременно одинъ изъ уголковъ своего гостепріимнаго сердца въ полное и пожизненное владѣніе молодой родной. Ей представлялось совершенно непонятнымъ, почему Ани не сдѣлала того же самого для своей кузины... Кузина Эвигъ заняла напротивъ свое сердце сплошь однимъ стремленіемъ—затѣвать Затионову: если комнаты у той были высокія, непременно у нея должны были быть выше; если тамъ лошади гнѣдыя, то здѣсь—воронныя, а ужъ если тамъ сѣрыя,—тутъ во что бы то ни стало въ яблокахъ; та вечеровъ даже не дѣлаетъ—у нея будутъ балы, и т. д.

Бориса она встрѣтила ледянымъ: «поздравляю васъ!»

— Отчего же *васъ*?—остановилъ онъ.

— Ну, если хочешь, *тебя*...

Мари Точилова иначе поступала: она удручала la ravissante madame Borisse избыткомъ вѣжности, восторговъ и ухаживанья... Она была влюблена въ нее и преслѣдовала съ неотступностью влюбленной...

Но той не было ни до кого дѣла! Борисъ и начиналъ, и заключалъ собою всѣхъ. Если обижаетъ не онъ, если улыбаются онъ—пусть обижаетъ и хмурится весь свѣтъ! Она была такая же чужая въ обществѣ всѣхъ этихъ женщинъ, какъ была прежде чужая въ обществѣ кузинъ. Она сидѣла съ ними, говорила, танцевала, только не жила. Ея естественность и простота выводила ихъ изъ себя; способность нравиться, безъ помышленія о томъ, чтобы нравиться, бѣсила. Никогда она не думала о томъ, что скажетъ, или какъ войдетъ, чтобы это вышло хорошо,—и всегда все выходило необыкновенно хорошо... Людмила, одѣваясь, не смотрѣла на послѣднюю картинку модъ,—смотрѣла на Бориса, и всегда была одѣта лучше всѣхъ... Обыкновенно женщины, хотя и желаютъ нравиться мужчинамъ, но больше нравятся своимъ модисткамъ.

Это молодое существо цѣлнскою лѣною обвилось вокругъ перваго и единственнаго послѣ отца дорогаго существа, и двѣ свѣтлыя полосы сна слились въ одну сплошную полосу свѣта на-аву... Жизнь холостого Затонова не была зачеркнута, какъ то случается у вѣхъ, женитьбой, но дополнена и населена: населена голосомъ, шелестомъ платья, легкими шагами женщины, предметами и обстановкою, вездѣ напоминавшими о ней; дополнена заботами, вниманьемъ и любовью, уже не порывистою, похищаемою часто при уступкахъ совѣсти, но любовью должною—равною и ясною, какъ лѣтній день, горящій въ небѣ...

«Дома» Затоновы не составляли—не для знакомыхъ только, но и для прислуги. Для послѣдней они были «хорошими господами», но отнюдь не тѣмъ «хорошимъ домомъ», про который можно съ гордостью болтать за кофеемъ на кухнѣ. Ни знакомыхъ генераловъ, ни пріемовъ, ни даже передрагъ или распевакій,—такъ что и жаловаться не на что! А это всего хуже: значитъ, скучно. Господа знай себѣ сидятъ читаютъ или разговариваютъ, и смѣются, все съ одними, и все съ нечиновными гостями (еще еслибъ съ генералами!); на фортепьянахъ играютъ, а въ карты вѣтъ! Лишонные дохода со своихъ колодъ лакеи признавали себя обокраденными, и отходили...

Разговоры, смѣхъ и чтеніе съ игрой на фортепьяно иногда переносились къ Разноперову, который мало что не умеръ, но изъ черноземныхъ палестинъ готовилъ вѣчно жаждущему всякаго «удовольствія» Еремѣю Омичу такое удовольствіе, какого ожидать и тотъ не могъ: привезъ Надежду Ивановну съ «ожиданіями».

— Не ждалъ... не помалы!..—говорилъ старикъ,—что буди имѣть *одовольствіе*,—и поздравлялъ, цѣлуя ручки будущимъ маменьгѣ и бабушкѣ.

Гимншнъ приписалъ все это блакости Господней, и Дарья Романовна принуждена была съ нимъ согласиться.

Здѣсь иногда танцовали и пѣли, а обѣдали всегда: домъ Разноперовыхъ (это былъ ужъ настоящій «домъ!») былъ общемою знакомыхъ... Картами лакеевъ тутъ не обижали: добрая Шапонова, по немощи людской, грѣшила со святыми людьми неистощимымъ преферансомъ, замаливая его наканунѣ праздниковъ всемогущими; при этомъ карты уходили въ карманы игроковъ, какъ только ряса протопота появлялась на порогѣ. Бухтерминъ тихонько уходилъ изъ кабинета Александра Александровича славословить Господа вондаками и земными поклонами,

предоставивъ славословить остающимся Шекспиромъ, Диккенсомъ, Тургеневымъ и проч...

Надежда Ивановна (Бухторминъ и ее оставлялъ въ подозрѣніи пониманья «Лѣтней Ночи») одна, послѣ Степаниды Львовны, находившейся вѣдъ всякаго подозрѣнія по этой части, не умѣла видѣть въ молодой Затоновой врага. Напротивъ, она самими верхами своего голоса выражала ей удивленіе такъ, что привлекла вниманіе невнимательнаго мужа на ту разницу, какая была между ними, чѣмъ доставила и дѣло Разноперову, — онъ изнывалъ безъ дѣла: Александръ Александровичъ, безъ всякаго откладыванья, принялся за реставрацію своей жены, въ стилѣ Затоновой...

Надежда Ивановна понимала Шекспира, но никакъ не въ состояніи была понять того, что невозможно носить вязанные шерстяные сапоги, притомъ гораздо болѣе похожіе на лыжи, чѣмъ на сапоги; платья безъ корсета и перчатки, куда съ размаху попадали всѣми пальцами; кончикъ же косы имѣть торчащей. Возмозжили на друзей (самъ Александръ Александровичъ уже отвлёкся чѣмъ-то, кажется, *зичъ-бадами*): зашнуровать, обуть, какъ должно натянуть перчатки и перечесть Надю. Бухторминъ и съ нимъ еще одинъ, хоть молодой, но не иначе какъ вѣдъ правилъ получающій награды, Гульфикъ — повезли ее изъ магазина въ магазинъ и реставрировали. Гульфикъ былъ похожъ немногу на хорошенъкую москву; но законы свѣта и законы государства россійскаго ему были одинаково извѣстны — такъ по крайней мѣрѣ говорилъ онъ самъ, — и Разноперовъ, въ качествѣ цѣнителя всѣхъ специальностей, не могъ не оцѣнить его. Сама Шаилова нерѣдко говорила, что не желала бы имѣть лучшаго сына, — а это очень много, когда ужъ имѣешь Нинифоруну... Мебель въ будуаръ Надежды Ивановны купили у француза-столяра, и какъ въ то же время надлежало приснать доходную работу одному извѣстному пройдохѣ-пейзажисту, то открыли въ ней страсть къ живописи и заставили писать (подъ руководствомъ пейзажиста) копію съ Маріи Магдалины... Пейзажная Марія получила въ одной щекѣ флюсъ... Но художественныя способности ученицы были тѣмъ не меньше признаны, особенно учителемъ...

Съ легкой руки, по приведеніи жены въ порядокъ, Разноперовъ, между прочимъ, затѣвалъ привести въ порядокъ и имѣніе; но только между прочимъ. Заводить новыхъ компаній на акціяхъ тогда не позволялось; а старья, какъ завелось вѣдательными тайными совѣтниками, такъ при нихъ и состояли. Заво-

дѣть же, что бы то ни было и во что бы ни было, представлялось необходимымъ,—и вотъ онъ заводилъ: домашнюю гимнастику, для чего выписывалъ профессора изъ Швеціи,—микроскопъ, для наблюденій надъ ногтями, волосами или тканью кожи у гостей; назначенные вечера съ кѣніемъ и музыкою, чтобы смягчать нравъ Никифорушки, — взбунтовавшагося противъ уравниній съ двумя неизвестными,—и суковальныя фабрики въ имѣніи... Потомъ все это вдругъ мѣнялось на проектъ изданія журнала, съ цѣлью дать опять-таки доходъ какому-то назойливому сочинителю и встать насадить сѣмена христіанскаго благочестія путемъ приличнаго вознагражденія Гимлина и Трехсвятительскаго за ихъ святость... Но какъ и журналы, въ числѣ прочихъ пиласостей, не дозволялись, то надо было перейти къ холоднымъ дѣланіямъ, потому что ими обдавался одинъ знакомый; въ топарному станку, на которомъ точилъ другой, или молочному леченію, отъ котораго выздоровливалъ третій (а ему и выздоровливать было не отъ чего: онъ никогда еще такъ здоровъ не былъ). При этомъ молоко, души и товарные станки навязывались всякому, какъ единственное несомнѣнное благо на землѣ.

Домашнее блаженство: нѣжная жена мочила горькими слезами, если онъ вернется получасомъ позже, и садилась въ карету—искать его по всему городу, если эти полчаса прошли; смотрѣла въ глаза тещею, чтобы онъ не дай-Богъ пальцемъ шевельнулъ, и кутанье, чтобы не простудился,—только раздражали погребенную способность тормозиться.

Разноперовъ, наконецъ, дѣйствительно, не простудился бы, но ужъ не на шутку заболѣлъ бы, да спасибо выручили благотѣльные тайные совѣтники, довольно встать опичавъ перышки у одного изъ пароконныхъ маленькихъ Меркуріевъ, акціи котораго, при помощи, конечно, Божіей и денегъ Надежды Ивановны, не-многошку перенесли въ нарочно купленный для нихъ у раззорившагося спекулятора монументальный письменный столъ Разноперова,—съ конторками и ящиками, полнами и цѣлой кабакистскою потайныхъ замковъ, не спавшихъ прежняго хозяина отъ разоренія. Далмать совѣтовалъ запереть акціи и ключъ бросить въ воду, чтобы не случилось того же.

Одно дѣло было сдѣлано; оставалось сдѣлать другое—задать акціонерамъ обѣдъ. Акціонерами, конечно, были всѣ святые и не мало грѣшныхъ сотрапезниковъ столовой Дарьи Романовны. Тайные совѣтники любезно были приглашены тоже и накормлены отлично; а послѣ обѣда еще лучше забаллотированы (общее собраніе состоялось тутъ же). На ихъ мѣсто набрали единогласно

хлѣбосольнаго хозяина съ его оруженосцемъ Гульфингомъ. Забаллотированные видѣли въ обѣдѣ нѣчто въ родѣ вѣроломной бани княгини Ольги, но напрасно: вѣроломства тутъ никакого не было, — просто представился случай угостить обѣдомъ, — удержаться отъ соблазна было невозможно...

XI.

Идиллія Затоновыхъ, напротивъ, дѣла не искала: у нея было его довольно. Сколько приходилось каждый день перелюбить, пересказать всего — до самаго малѣйшаго желанія или помысла; перечитать и передумать о прочитанномъ... Борису даже служить было некогда: онъ поскорѣй вышелъ въ отставку. Кстати же и просвѣщенное вниманіе отечественнаго Александра Македонскаго направилося шиллеровскимъ воображеніемъ Несторкина куда-то въ другую сторону — на провіантскую или комиссаріатскую часть. Вести счетъ сунутымъ въ письменную конторку и вытаскиваемымъ, по мѣрѣ надобности, пачкамъ перевязанныхъ серій Людмилы тоже времени не доставало. Извѣстно было, что ихъ сунуто сто тысячъ (на ассигнаціи), а сколько вытасчено и заглѣтъ, что остается, не было извѣстно никому. Современемъ онѣ перемѣнялись съ разными бумагами, и съ самою пріятной неожиданностью вывалились изъ какого-нибудь стараго письма, или изъ черновой элегіи... Это показывало, что онѣ есть, а стало быть и думать не о чемъ! Когда, по дружбѣ, Разноперовъ предложилъ Затонову идти въ директоры его Меркурія, и онъ представилъ себя этимъ директоромъ, ему сдѣлалось очень смѣшно.

— Помилуй! для чего мнѣ? и какой же я директоръ? Развѣ мало съ насъ? намъ хорошо и такъ.

Въ самомъ дѣлѣ, имъ было хорошо. Еслибъ была надобность опредѣлять, что они за люди, то ничего другого и нельзя было-бъ сказать про нихъ, кромѣ того, что это люди, которымъ хорошо. Даже и то, что Людмила съ нѣкоторыхъ поръ бывало не хорошо, было хорошо. Борисъ, послѣ посѣщенія нѣкоторой Марыи Савельевны, которая была съ нѣкоторой таинственностью привезена Степанидой Львовною и проведена прямо въ спальню, гдѣ оставалась наединѣ съ женою, а потомъ имѣла по секрету разговоръ съ нимъ, — послѣ всѣхъ этихъ происшествій и Борисъ былъ долженъ согласиться, что это было хорошо необыкновенно, еще будто не особенно и нужно, нѣсколько страшно, — но хорошо... Онъ улыбался, цѣловалъ Людмилу съ

благодарностью и одобреніемъ, и находился въ положеніи чело-
вѣка, которому даютъ хотя собственно не то, чего ему недоста-
вало—онъ и придумать не могъ, чего бы ему не доставало—но
во всякомъ случаѣ даютъ нѣчто цѣнное и опять-таки хорошее...
Словомъ, куда ни повернись—вездѣ хорошо...

Стали покупать, кроить, шить и рубиться горничною
Парашей, а отдѣлываться Людмилой, чепчикки, кофточки и ру-
башеночки такихъ невѣроятно маленькихъ размѣровъ, что пред-
ставить себѣ невозможно было существо, которому они могутъ
быть въ пору... Въ спальнѣ возвышалась люлька и къ ней при-
мѣялся кисейный пологъ. Подходило что-то небывалое. А съ
нимъ вмѣстѣ подошелъ и годъ Воробьевымъ горамъ... Петер-
бургское будничное солнце рѣшилось отпраздновать его по мо-
сковски: пробралось сквозь занавѣсъ и рано-рано подняло Люд-
милу. Но подняло... это было ужасно: затѣмъ, чтобъ умереть!
она это чувствовала. Никогда еще съ ней ничего подобнаго не
происходило... Она ощущала страшную потребность — крикнуть
изъ всей мочи, застонать изъ всѣхъ силъ, — иначе она умретъ сію
минуту! но опять: она должна перепугать ея!.. И какъ же это
можетъ быть? Еще вчера она испытывала столько жизни, счастья
и здоровья... Согласились ѣхать за-городъ... И вдругъ вмѣсто
всего—эта ужасная смерть!..

Тутъ обуявшій страхъ конца—конца безъ ея поцѣлузъ, безъ
ея ласки и помощи (что если онъ еще можетъ помочь?)—исторгъ
такой вопль отчаянія, что Борисъ вскочилъ прямо съ постели
на ноги.

— Другъ мой, прости меня! И прощай!—могла она только
простонать, и въ холодномъ поту упала на постель.

Вбѣжала перепуганная Параша, подняла занавѣсъ. Веселое
майское солнце залило свѣтомъ комнату, какъ заливало годъ
назадъ гору... но такъ же какъ и постель умирающаго Мишеля...

Борисъ увидалъ Людмилу—она умирала. Такой точно былъ
братъ, когда умиралъ. Его отчаянный крикъ заставилъ Парашу
перекреститься.

— Доктора! за докторомъ! бѣгите за докторомъ!!—оглашала
онъ домъ, какъ тогда, и метался отъ дверей къ постели и отъ
постели къ дверямъ...

Поднялась тревога; двери захлопали... Прислуга бѣгала, но
за докторомъ не бѣжалъ никто.

Борисъ рыдалъ какъ ребенокъ, ломалъ руки и бился голо-
вою объ стѣну...

— Полноте, сударь, не плачьте! плакать тутъ нечего!—на-

пустилась Параша (она была доверенною горничною дома Свекловичныхъ и имѣла право напускаться).—Надо Бога благодарить, а не плакать: онъ благодать ложу вашему брачному посылаетъ... Яко Рахиль и яко Ревекка—слышали вы это, тогда вѣitchались?

Параша читала по праздникамъ книжку «Словъ и Рѣчей» и краснорѣчіе свое почерпала отсюда.

— Не докторское тутъ дѣло, Борисъ Павловичъ,—за Мареею Савельевною гнать надо, вотъ за кѣмъ! Я ужъ и погнала кучера; ему же встать и дѣла-то, аромѣ, что чай распивать, нѣту! А Людмилу Ивановну надо ромашечкой напоить, да успокоить, а не кричать,—все это ничего, хорошо даже все это — вотъ что-съ!..

Борисъ почувствовалъ подsunутую соломинку и съ жадностью за нее ухватился. Шопотомъ, на коѣбняхъ онъ принялся успокоивать жену, что это ничего, и объяснять почему даже хорошо...

Она съ усиленіемъ посмотрѣла на него, и онъ опять увидѣлъ тѣ счастливые глаза, какими она посмотрѣла годъ назадъ...

Параша запретила разговаривать; спустила шторы и напояла ромашкой,—Борису не дала напоить, какъ тотъ ни упрашивалъ,—а выпроводила его самого за Мареею Савельевною. Та жила близко. Онъ встрѣтилъ ее уже на дорогѣ.

Всѣ утѣровали, что спасеніе пришло, какъ только она показалась. Это былъ библейскій голубъ съ масляною вѣтвю... Людмила себя вдругъ почувствовала здоровой; а Борисъ и разсмѣялся даже надъ недавними страхами, какъ ребенокъ, когда въ темной комнатѣ зажгутъ свѣчку...

Въ полдень радостно веадъ ходило солнце; только спальня была темна; въ ней Марѳа Савельевна, съ засученными выше локтя рукавами, тихимъ, но утѣреннымъ голосомъ отдавала приказанія; мыла въ новомъ липовомъ мылѣ, целовала и присыпала пудрою испосланную благодать; потомъ легонько взяла пальцами и потянула кончикъ носа (чтобъ благодать не вышла курносою) и по каплѣ стала вливать въ ротъ ложечку чаю изъ своей чашки.

Чай считался у Марѳы Савельевны первою пищею, достойною привѣтствовать человѣка при появленіи на свѣтъ.

Молодая мать лежала въ усыпляющей истомѣ, спустивъ руки поверхъ одеяла. Борисъ присѣлъ рядомъ; осторожно взялъ одну изъ нихъ... Но Марѳа Савельевна и это запретила. Она поднесла запеленатое, присыпанное и напоенное чаемъ существо, отъ котораго осталось околѣо вершка незакрытаго тѣла на личикѣ; и только въ видѣ особой милости позволила поцѣловать

сначала «мамашѣ», а потомъ «папашѣ»; вслѣдъ затѣмъ набросила батистовый платочекъ даже на этотъ вершокъ; уложила въ люльку и задернула пологъ.

— Мамашѣ отдохнуть надо, а папашенька пойдутъ кормилу поглядѣть!—распорядилась она, и увела Бориса.

И вотъ обстановка дома дополняется переодѣтою изъ деревенской душегрѣйки, съ запахомъ избы, въ вышитый галунами кокошникъ и нарядный сарафанъ, кормилицю, съ пышными клейновыми рукавами и нитками янтаря на шеѣ. Борисъ не узнаетъ прежней бабы въ преобразованной красивой женщинѣ, отъ которой пахнетъ баней и которая вступаетъ осторожно въ спальню; крестится, беретъ изъ рукъ Марѣи Савельевны ребенка и шепча: «Господи благослови!» прикладываетъ къ груди:

Девять дней неволи кое-какъ проходятъ. Настаетъ день освобожденія—десятый.

Цѣлая картина этотъ десятый день послѣ рожденія на свѣтъ человѣка. Молодой отецъ на колѣняхъ передъ молодою матерью, у которой на поблѣднѣвшемъ лицѣ жизнь пробивается румянцемъ новаго здоровья... нѣжныя руки неумѣло протянуты, чтобы взять ребенка. Ей и пріятно и страшно: какъ его взять? и какъ бы не уронить? Бронечное созданіе смотреть кругомъ, невидящими ничего глазенками; а родителямъ почти кажется — глазами рафаэлевскихъ бамбино на сикстинской мадоннѣ...

— Вотъ молодая мамаша, слава тебѣ Господи! и все хорошо и благополучно!—торжествуетъ Марѣя Савельевна:—да не такъ вы подаете, Борисъ Павловичъ, Богъ съ вами! А вы, Людмила Ивановна, не бойтесь! вотъ такъ-таки просто и берите! что тутъ страшнаго? вотъ такъ! вотъ такъ! о-о-о! а-а-а!

При этомъ она съ увѣренностью виртуозки поначиваетъ ребенка на кончикѣ руки.

— И ничего тутъ ни страшнаго, ни труднаго нѣту!

Неучи-родители находятъ, напротивъ, что это ужасно страшно и закрываются отъ плавающего въ воздухѣ ребенка; но чувствуютъ, что это смѣшно, и сами смѣются. Марѣя Савельевна тоже смѣется. Но входитъ Степанида Львовна сосредоточенно, почти строго; всѣ понимаютъ, что сдѣлали что-то непозволительное.

Догматъ десятыхъ, сороковыхъ и всякихъ такихъ дней блюлся Степанидой Львовной строго; несоблюденіе его никогда не проходило даромъ. Можно было, напримѣръ, смѣяться на сороковой день, но на десятый—никакъ!

Еще сосредоточеннѣй и строже была эта безподобная жен-

шина на крестинахъ, когда священникъ, окунувъ въ купель (куда Борисъ предварительно сунулъ термометръ, безбожникъ!), подавалъ ей новокрещеннаго Бориса и она подносила его Людмилѣ на кускѣ розовой шелковой матеріи или «ризкахъ» для молодой кумы...

ХІІ.

Проходить годъ, и память Воробьевыхъ горъ сливается съ памятью о появленіи на свѣтъ Бори. Состоящія изъ одного туловища переломанныя лошади и куклы съ лицами, упрощенными до лепешки; звонкій дѣтскій голосъ, топотанье маленькихъ шажковъ наполняютъ новой жизнью домъ; и эта новая, третья жизнь покрываетъ собой двѣ первыя. Тѣ удаляются на второй планъ. Не одни родители—знакомые, прислуга забываютъ дѣло и соперничаютъ въ томъ, кто подставитъ Борѣ спину и прокатитъ вскачъ, или ногу и покачаетъ; возьметъ прогнувшую пухленькую ладоньку, повертитъ въ ней пальцемъ и скажетъ: «сороку-ворону», за которой слѣдуютъ трепетно ожидаемые дитятею «пень, колода и ключевая водица», съ щекотаньемъ подъ мышками и неистовымъ визгомъ Бориньки... Самъ Федосѣй Федосѣичъ и тотъ имѣетъ свою обязательную штучку, которую всякій разъ и продѣлываетъ для Бори, при помощи известной палки «съ поразительными ноздрями» набалдашника.

Боря, какъ всегда бываетъ, обнаруживаетъ дарованія неслыханныя: провозноситъ не только *папа* и *мама*, но и *ася*, что несомнѣнно означаетъ *Параша*; Тимошею остроумно превращаетъ въ *фею*, а вернувшася наконецъ изъ Берлина и усложненнаго до послѣдней крайности *Геръ-Фона* въ *зею*, съ явнымъ намекомъ на Гегеля. Сверхъ того, онъ поднимаетъ обѣ ручки и изображаетъ тѣмъ, что птицы полетѣли; хлопаетъ ими по головенкѣ,—это значитъ—птицы на нее сѣли. Тутъ ужъ непременно кто-нибудь обязанъ проговорить: «шу, полетѣли, на головушку сѣли!» не то Боря расплатится. Или тащить коробочку со спичками и кричить *падазми!* (продажныя); очень похоже показываетъ, какъ кашляетъ Параша, плачетъ Саша, или моетъ полъ Дуняша... Словомъ, всячески свидѣлствуетъ объ изумительномъ разнообразіи своихъ талантовъ.

Молодые родители и не подозреваютъ, что они сами все это дѣлали и всѣ дѣти дѣлаютъ; подробно пересказываютъ все до малѣйшей глупости всякому и огорчаются, когда ребенокъ не расположенъ слова ихъ подтвердить демонстраціями.

Борисъ увлеченъ сыномъ особенно. Новое чувство, какъ это всегда у него бывало, охватяло его всего. Людмила поняла не сразу въ себѣ мать, какъ и отецъ ея не понялъ тотчасъ же въ себѣ отца... Борисъ проснется и спѣшитъ въ дѣтскую; возьметъ «сахарнаго Боббча», какъ называла его возведенная въ санъ няни вѣрная Параша, и несетъ по комнатамъ. Боббчекъ, въ крошечномъ видѣ мать, обниметъ ему шею и кулёчкомъ сидитъ на его рукѣ; здороваются со столами, стульями, диванами и съ ангелами на сикстинской мадоннѣ: «дядути дѣти!»; съ бронзовымъ рыцаремъ на лампѣ: «дядуи тыртырь!» и всѣмъ дѣлаетъ ручкой. Потомъ ужъ цѣлый день распоряжается отцомъ: лавить по немъ, карабкается на колѣни, когда онъ читаетъ или пишетъ; вырветъ изъ рукъ перо, карандашъ, который у него *касясь*, и разрисовываетъ что угодно—иной разъ самое лицо Бориса. Часто и увачивать долженъ Борисъ.

Людмилѣ кажется, что тотъ, пожалуй, могъ бы дѣлать всего этого поменьше, а побольше принадлежать ей; но тутъ же кажется, что все это восхитительно въ Борисѣ и съ ея стороны дурно желать его только для себя.

Словомъ, счастья было тутъ такъ много, что имъ приходилось выдумывать, чего еще недоставало?

Домовиковъ за порогомъ оставлялъ свой мракъ и превращался въ шумнаго товарища полугодового сахарнаго Боббча. Тотъ бывало такъ ужъ и бѣжитъ къ дядѣ *мамату* и завладѣваетъ имъ. Онъ видитъ въ немъ не челоуѣка вольнаго изъ себя дѣлать, что хочется, но дядю, изъ котораго онъ можетъ дѣлать что ему хочется. Спину Далмата онъ считаетъ предназначенною изображать разношнѣва, и тотчасъ же лѣзетъ на нее, съ крикомъ *падагни!* Пальцы у него—зайчики, которые обязаны немедленно лѣзться на тѣни; губы—пицкато струнныхъ инструментовъ, а отнюдь не органъ разговора, еще менѣе куренья.

— *Дядя маматъ не авали!*—кричитъ онъ и закрываетъ ему обѣими ручонками ротъ.

— *Дядя маматъ, некули!*—и вырываетъ папироску.

И Далматъ принимается бречать.

Но вотъ Далматъ приходитъ со всѣмъ своимъ мракомъ и прямо напускается на озадаченныхъ Затоновыхъ. Ни губъ, ни пальцевъ, ни спины Боббчу не предоставляетъ; но закидываетъ волосы и закусываетъ папироску, чѣмъ и вызываетъ оглушительный боббчкинъ ревъ. Соединенными усилиями всѣхъ присутствующихъ ревъ кое-какъ унимаютъ; но послѣ еще долго

сахарный Боббтекъ грозитъ пальчикомъ, а няня приговариваетъ: «ну-ну, дядя! ишь какой нехорошій!»

А не хорошій дядя грозитъ всѣмъ, и самого себя, и цѣлый свѣтъ.

— Мы тутъ не знаемъ, что дѣлать съ собою—съ жиру бѣсимся! выдумываемъ чортъ-знаетъ что! постыдно нѣжничаемъ. Это возмутительно, ничего человѣческаго въ насъ нѣтъ!

— Далматъ Ивановичъ! Да что такое случилось? — недоумѣваетъ Людмила:—чѣмъ мы провинились?

— Всѣмъ! И не вы одни—всѣ мы! всѣ безъ исключенія! Вотъ и Борисъ: во что онъ превратился? въ бабу! съ дѣтскими нинчтиса; а до того, что дѣлается, ему и нужды нѣтъ!

— Да что-жъ дѣлается-то? Ты скажи—можеть, еще и есть нужда?—отозвался Затоновъ.

— А вотъ что дѣлается: Ѳедора Сорнева... вчера пріѣхалъ чиновникъ тамошняго генералъ-губернатора... Сорнева начальникъ арестантскихъ ротъ хотѣлъ наказать тѣлесно... Ужъ ему это было объявлено, и все готово... Спасъ пріѣздъ генералъ-губернатора; онъ не допустилъ... Вотъ что дѣлается! А мы тутъ бабимся! намъ и нужды ни малѣйшей нѣтъ!..

— Это ужасно!—произнесли разомъ Людмила и Борисъ.

Далматъ затянулся, закашлялся, бросилъ папирску на полъ и такъ засучалъ каблучками, что Боббтку показалось невозможнымъ не увидѣть въ этомъ возвращенія къ старому.

— Дядя *тоти-тоти-тотъ!*—закричалъ онъ радостно и потянулся къ нему.

Но тотъ рукъ ему не предоставилъ, — онъ потрясалъ нию надъ головой и съ безнадежностью произносилъ: «и ничего, ничего, сдѣлать нельзя! ни-че-го!!!»

Боря пытался, однако, и это движеніе объяснить въ свою пользу.

— Сю! палитѣли, на галиовуку сѣли!—продолжалъ онъ радоваться, и, наконецъ, образумилъ-таки дядю. Ломовиновъ тряхнулъ гривой, взялъ своего маленькаго друга и отдался въ его распоряженіе. Даже вѣчная пронія вернулась.

— Рассказывалъ чиновникъ и про *пана*. Отбываетъ свою каторгу на какомъ-то винокуренномъ заводѣ... Этому человѣку и каторга необыкновенная досталась... И, представьте себѣ, вторился, говорятъ, въ дочку начальника. Предложеніе сдѣлалъ. Въ сермягѣ каторжника! то-то красавецъ долженъ быть! И еще обидѣлся, что отказали! Борька! ты что обо всемъ этомъ думаешь? а?

И пустился съ нимъ въ припрыжку, — только визгъ пошелъ по комнатамъ...

Людмила наклонилась къ мужу, который убито сидѣлъ въ креслѣ, и горячо раскаянно его цѣловала.

«Какія есть несчастія на свѣтѣ! — думала она: — и пережосится! Я почти роищу, когда онъ отдѣляется для Боббча канальку изъ моего счастья! а вѣдь оно — море!»

Борису представлялся Федоръ Семеновъ въ его отчаянномъ положеніи: еще худѣй, еще убитѣе, чѣмъ когда послѣдній разъ приходилъ ночью... Тогда онъ ему показывалъ на шеѣ ядъ, и говорилъ, что онъ сослужить службу, когда будетъ очень плохо...

— Неужто-жъ и теперь еще не плохо?! Это ужасно! Мила, неправда ли, ужасно?

— Да, мой другъ! ужасно! А намъ такъ хорошо!

Минутная тѣнь чужого горя прошла какъ лѣтнее облачко. Мигъ — и уже свѣтило собственное счастье.

«Я такъ счастлива! — говорила себѣ Людмила: — такъ счастлива! и неужто что-нибудь убавить это счастье!...»

XIII.

Счастливы были и Разноперовы, хотя совсѣмъ иначе.

На легкихъ крылышкахъ Меркурія нашъ Александръ Александровичъ разомъ отдѣлился отъ земли и пустился во всѣ тяжкія. Сейчасъ сообразилъ, что одному богу быть нельзя, и послѣднимъ соединить его съ какою-то богиней. Парочка вышла хоть куда: пароходы ихъ покрыли и рѣку, и море, а расходы — до копѣйки весь доходъ съ рязанскихъ черноземовъ... Бѣдной тещѣ оставалось только вѣхами хлопать да охать.

— Ну, а скажите на милость, — не могутъ потопить пароходовъ-то? — приставала она во всѣмъ.

— Могутъ, — рѣшала Ломовизовъ.

— Господи, твоя воля! какъ же это такъ? И деньги, выходить, пропадутъ?

— Пропадутъ и деньги.

— Да отчего-жъ тонуть пароходамъ-то, научите?

— Оттого что Александръ Александровичъ пошлетъ Кислятниковъ, а тотъ съ дуру и потопитъ.

— Ну вотъ вы съ какими, право, дѣлами шутите! А я и всаправду переполошилась, — успокоивается старуха: — а все-жъ не такъ безопасно, какъ скотъ?

— Скотъ переколетъ—вотъ вамъ и безопасно!

— Богъ такого поущенія не потерпитъ!—крестится Дарья Романовна: — лучше и въ шутку его долготерпѣнія не испытывать...

Долготерпѣніе испытывалось не въ шутку дорогимъ во всѣхъ отношеніяхъ зятемъ. Въ его рукахъ не одни пароходы, но и родовыя недвижимости угрожали сдѣлаться движимыми... Набожная женщина усугубила всенощія и въ соборъ пресвятыя троицы внесла влады, чтобы расположить ее къ благоволенію и покрову...

Всѣмъ ихъ дѣлами началъ заправлять мало-по-малу дѣловой Гульфикъ (самъ Разноперовъ больше леталъ по нрѣснымъ и соленнымъ водамъ общества). Сначала къ нему перешли дѣла, а за дѣлами подошла и очередь жены. Надежда Павловна, только изрѣдка видѣвшая мужа, да и то въ щелочку дверей вѣчно набитого народомъ кабинета, проливавшая отъ этого такъ же усердно слезы, какъ когда-то отъ его прогулокъ, — по-немногу проливать ихъ переставала; видя неизмѣнно-преданнаго Гульфика, какъ и когда хотѣла, начинала улыбаться его преданности; одѣвалась ужъ по собственному влеченію; даже похорошѣла, какъ всякая женщина, когда видитъ что нравится. Разноперовъ, безъ сомнѣнія, ничего не замѣчалъ; замѣтилъ только, что ему стало покойнѣе, а отчего—подумать было некогда. Къ тому же и дѣлъ прибавилось: къ текущимъ присоединилось еще экстренное: изъ Испаніи пріѣхалъ знаменитый «Мишенька»; хандрилъ, брюзжалъ и погасалъ подъ старческими недугами и равнодушіемъ общества. Вотъ и надлежало развлечь и помолодить его во что бы то ни стало. А кто же, кромѣ сахара-медовича, былъ въ состояніи это сдѣлать? Сдѣлать было трудно даже ему; однако же, онъ сдѣлалъ: Мишенька пообщалъ пріѣхать передъ вечеромъ (онъ ложился рано), но съ условіемъ, что, кромѣ старыхъ друзей, никого не будетъ.

Старые друзья, чтобы не опоздали, были позваны обѣдать; прочіе, не безъ дипломатическихъ хитростей и не безъ стѣсненія добрѣйшаго сердца Дарьи Романовны, были кое-какъ на этотъ день устранены. Все шло прекрасно; какъ вдругъ Александръ Александровичъ совершенно неожиданно привелъ прямо въ обѣду Гимлиша. Была пятница, а постнаго кушанья не было. Нѣмецъ, навѣрное ужъ прежде пообщавшій, хотя и сѣлъ за столъ, но потуплялъ смиренномудро очи въ праздную тарелку при появленіи скоромныхъ блюдъ, и только чутьчку селедки, малость балычка, да сущую бездѣлицу икорки, рыжиковъ и

семги соблагословилъ принятіемъ на потребу. Пораженная въ самое сердце Дарья Романовна страдальчески моргала; ничего не ѣла и на зятя укоризненно поглядывала... Онъ замѣтилъ это, и любезно озаботился: что былъ за день такой?

— Чествованіе святыхъ преподобныхъ отецъ Доссія, Гаія, Зотика и иже съ ними...—началь-было Гимнишь.

— Гмъ... это такъ, Настасъ Настасичъ, почтеннѣйшій! Я въ этомъ не сомнѣваюсь... Я увѣренъ, что это совершенно такъ: вы говорите, и этого достаточно... Но я, понимаете, не о томъ... я,—вѣдь вы меня, конечно, понимаете?—спрашиваю, какой день сегодня?

— Пятокъ, — не измѣнилъ себя святоша.

Святоша вообще оказался неудобень. Мало того, что надобно было слѣдить, чтобы ему не уморили плоти, — нельзя было не слѣдить за тѣмъ, чтобы кто-нибудь его не уморилъ духовно. А это того и гляди могло случиться. Обратился онъ, напримѣръ, къ Затонову съ вопросомъ: въ какую церковь тотъ намѣренъ ходить лѣтомъ въ Парголово, — въ каменную или въ деревянную? Не успѣвъ только хозяинъ во-время, жестокий гость навѣрно брякнулъ бы, что ни въ какую. Нѣмца и убило бы такъ-таки на-повалъ, какъ громомъ...

— Я полагаю, ты будешь ходить въ каменную? — съ мольбою посмотрѣвъ хозяинъ. («Не губи-моль, выручи! что тебѣ стоитъ?»)

— Да, я полагаю, что въ каменную, — съ трудомъ удѣрживая смѣхъ, выручилъ Затоновъ.

Не успѣвъ хозяинъ сбыть одну бѣду, какъ ужъ обрушилась другая: тотчасъ же послѣ обѣда, также неожиданно для всѣхъ, — кромѣ хозяина, который оказался и тутъ грѣшенъ, — откуда взялись — Точилова съ несмыкающимъ усть штабъ-офицеромъ и старый Еремѣй Ѳомичъ съ поющею дочкою Натальей вошли въ залу... Александръ Александровичъ поперхнулся и на укоризненные взоры уже не одной тещи успѣвши провестъ окольными путями свою контрабанду въ комнату съ мебелью французскаго столяра. Не прежде того, какъ привезенный въ каретѣ орангутангомъ и бережно усаженный въ большое кресло именитый гость развлекался по-немножку, вспоминая время, когда онъ съ молодыми друзьями молодѣлъ и рассказывалъ Людмилѣ про Борисовъ «милый образъ», а ее называлъ «образомъ и *того* *наше* милымъ», — Александръ Александровичъ отважился на цыпочкахъ прокрасться въ залу и открыть рояль, а потомъ уже кивнуть Точиловой. Та вышла, да тѣмъ самымъ воплемъ, про который

говорилъ когда-то вѣщій Мишенька, такъ и разразилась на всю залу:

Люби роскошная звѣзда,
Ты закатилась навсегда!

Сразу закрывшіеся-было сердито глазки композитора очень скоро раскрылись, а кислая губы выпрямились, точно лизнули сладкаго.

— Да вѣдь это порція! — оглянулся онъ, будто случилось что-то, на что ужъ надежды не было.

— *Говорю*, птица сирень, *голосъ* у нея зѣло силенъ! Такъ, что ли, Разноперовъ господинъ, *по наукъ-то?* а?

Хоть калмыковское произношеніе давалось уже съ видимымъ усиленіемъ, но и таковой возвратъ былого вызвалъ неописанный восторгъ. Казалось, и для всѣхъ произошло то, на что уже надежды не было.

Разноперовъ поспѣшилъ засвидѣтельствовать, что по наукъ выходило именно такъ.

Пробужденнаго льва подняли и повели подъ руки въ залу. А доставившая неожиданную порцію звонкимъ поцѣлуемъ въ лобъ принесла ему свою благодарность за неслышанную въ послѣднее время милость... Онъ придержалъ, погладилъ и любовно чмокнулъ ея руку; потомъ подошелъ къ роялю; ужъ приподвѣля-было свои маленькія и коротенькія руки; подвернулъ рукава, и вотъ-вотъ ударилъ бы по клавишамъ, — какъ вдругъ съ размаху отворилась дверь прихожей, и довольная собою и своею бѣлизною, шумно зашуршала юпками по залѣ молодая барыня... Раскрывшаяся-было сенситива опять сморщилась, закрылась и утонула въ креслѣ...

— Посмотрите—вѣдь хорошенькая женщина!—попробовать исправить дѣло Разноперовъ.

— «Иже херувимы тайно образующе»...—проворчалъ гость, и кисло отвернулся.—Терпѣть не могу такихъ...

Онъ и вообще-то ужъ ничего терпѣть не могъ, особенно изъ новаго; и самого-то себя только кое-какъ терпѣлъ... Съ нимъ совершилась роковая переменна. Женская заботливая рука устранила навсегда стаканъ краснаго вина отъ рояля, гдѣ бывшее мѣсто ночныхъ вдохновеній занялъ ключъ; умѣренностью должны были замѣниться страсти, разумомъ — порывы и здоровьемъ — износившееся тѣло... Но пока все это замѣнялось хандрой. Онъ пересталъ писать, а если и писалъ—не пускалъ въ люди. Злость на равнодушіе,—тѣ равнодушіе, которому бы не было названія, когда бъ оно не называлось русскимъ,—замѣнило всѣ прежнія

чувства... И когда онъ, наконецъ, рѣшился дать въ благотворительный концертъ свою послѣднюю народную фантазію и слышалъ изъ угла почти неосвѣщенныхъ хоръ, куда забился, какъ безмыслино ее проводили, то и самъ было чуть не разочаровался въ себя. А тутъ еще, для довершенія бѣды, его отпрызъ Шмультанъ, и съ начинающимъ евреемъ-композиторомъ оба покровительственно похвалили... Чаша переполнилась. Онъ выскочилъ изъ залы, поклялся бросить Россію, и бросилъ.

Онъ теперь вернулся изъ Испаніи (срокъ пашпорта истекъ)—съ чернымъ, какъ сапогъ, донъ-Педро, его испанскими пѣснями и гитарою, которыхъ признавалъ единственными представителями музыки на свѣтѣ.

Когда разобиженную до слезъ «хорошенькую женщину» убрали, то на ея мѣсто поставили дочь Еремѣя Өомича—черноволосую и стройную молоденькую дѣвушку, которую старикъ «имѣлъ въдовольствіе» недавно взять изъ института. Рѣдкій годъ онъ не имѣлъ такого же «въдовольствія». Судьба, не надѣлившая его достаткомъ, надѣлила тѣмъ избыткомъ дочерей, какой всегда встрѣчается у бѣдняковъ. Эта была десятая. Первыхъ девятихъ разобрали добрые люди «по наитію», какъ выражался онъ, — то-есть не за приданое. «У меня дочка, а на ней сорочка» — опредѣлялъ добрякъ послѣднее. Но независимо отъ сорочки, почти у каждой былъ какой-нибудь особый даръ: одна пѣла, другая играла, та рисовала... Откуда это бралось? Еремѣй Өомичъ говорилъ: «отъ Бога», и, взявши во вниманье, что старикъ, кромѣ неисчерпаемыхъ сокровищъ доброты, не былъ одаренъ рѣшительно ничѣмъ, — съ нимъ приходилось согласиться.

Поставленная передъ роялемъ Наталья Еремѣевна получила въ приданое рѣдкой красоты голосъ. Разумѣется, она перепугалась чуть не до рѣшительной его потери, и гораздо больше трепетала въ этотъ разъ, чѣмъ пѣла. Но выѣстъ съ тѣмъ, какъ свѣжій, ровный и какъ бы немного струнный звукъ его бралъ верхъ надъ страхомъ, сенситива раскрывалась, и когда при этомъ въ дѣвушкѣ не обнаруживалось ни малѣйшаго сходства съ херувимомъ, то и совсѣмъ раскрылась.

— Огоньку бы только милой барышнѣ! самую чуточку огоньку—и порція удовольствія готова! Вотъ смотрите, я вамъ покажу!

Онъ совсѣмъ расхотѣлся: приказалъ запереть всѣ двери; сѣлъ къ роялю; по привычкѣ поискалъ на немъ стакана... Разношерновъ уже кинулся-было къ бутылкѣ, но приставленный

Церберомъ дымчатый донъ-Педро отстранилъ и налилъ зельтерской воды.

— *Непредно, однакоже бесполезно!* — отшутился Мишенька довольно грустно, и пошелъ показывать огонекъ барышникъ...

Наталя пѣла; онъ сопровождалъ и подпѣвалъ, — «подавалъ жару», какъ выражался. Скоро дѣло до того пошло на ладъ, что Точиловой понадобилось непременно уѣхать. Штабъ-офицеръ повезъ тоже свое пѣніе въ другое мѣсто. Пѣлъ онъ день и ночь, только тѣмъ и отличаясь отъ птицъ, что онѣ ночью спятъ. Но соловей поетъ — и штабъ-офицеръ пѣлъ...

Вечеръ принялъ задушевный видъ. Всѣ сдвинулись къ роялю. Одинъ Ломовиковъ, можетъ быть, сперва по чувству состраданія къ обиженной «хорошенькой», а потомъ по какому-то другому чувству, какъ къ ней подошелъ, такъ ужъ и не отходилъ.

До сихъ поръ онъ терпѣть не могъ Грушеньку Баклажановой, какъ ее вездѣ звали. Другіе ей вообще сочувствовали: она считалась «несчастною въ замужествѣ», этого было довольно. Мужа ея мало кто и видѣлъ, знали только, что онъ «дурной мужъ» и человекъ очень большихъ размѣровъ — обстоятельство, по мнѣнію многихъ, само по себѣ уже способное составить несчастіе такой маленькой жены, какою была Баклажанова. Являясь вездѣ тѣмъ-то въ родѣ молодой вдовы живого мужа, она отличалась еще тою особенностью (за которую больше всего и бѣгалъ отъ нея Далматъ), что о чемъ бы она ни рассказывала, расскажетъ не такъ какъ было. На Далматъ, не обмолвившагося всю жизнь ни одною фразой, взвела цѣлый поклепъ.

— Ахъ, мадамъ Баклажановъ, — будто бы привѣтствовалъ онъ ее послѣ извѣстнаго пребыванія по ту сторону Невы: — вы были на свободѣ — а а! вы наслаждались благами жизни — а а!..

За это онъ ее тогда же обругалъ «дурнудой» и рѣшился впередъ обходить. Однако же, судьба рѣшила иначе. И это сдобольное сидѣніе на-единѣ, подъ звуки пѣнія, не очень свѣтлый уголъ будуара Надежды Павловны, — отравили человека, можетъ быть, первый разъ еще сидѣвшаго при такихъ условіяхъ съ хорошенькою и вдобавокъ разобиженной женщиной...

Всякому хоть тѣмъ-нибудь да суждено навѣрно отравиться въ своей жизни: ежели не чашкой чаю у могущественнаго лица, то общающей улыбкою, романсомъ, или видомъ женщины, которая сейчасъ расплатится...

Бухторминъ тоже отравлялся — пѣніемъ. Онъ не сегодня его слышалъ въ первый разъ — Наталя (онъ привыкъ такъ называть ее) у Разноперовыхъ довольно часто пѣла, но теперь это

нѣііе горѣло тѣмъ небеснымъ «огонькомъ», которымъ только Прометей зажигаетъ смертныхъ. Похвалы строжайшаго изъ нихъ еще подливали масла... До сихъ поръ влюбленный неизмѣнно въ женщину по книгѣ, — въ женщину такую, какая «должна быть», — онъ, подъ впечатлѣніемъ происходившаго, влюблялся наконецъ въ живую — такая есть, которая стояла тутъ же, рядомъ; протянулъ руку и взялъ, — онъ зналъ, что отъ него зависѣло взять... Но онъ руки не протягивалъ и не бралъ. Райское яблоко пугало...

Въ десять часовъ Прометея увезли, — сначала остудили и закутали; потомъ ужъ увезли...

На лицахъ всѣхъ, кромѣ его, искусство разлило свое благословеніе. Только еію губы складывались кисло.

— Вы счастливей, господа! — признавался онъ: — вы только чувствуете музку — вамъ и хорошо! А вотъ когда ее знаешь, — скверно! Мой докторъ говоритъ: хорошо вамъ болѣть, — вы только то чувствуете что у васъ болить; а нашъ братъ знаетъ и то, что будетъ еще болѣть!.. Да, друзья! знать не хорошо — чувствовать лучше!

— Чувствовать вообще хорошо, — произнесъ Бухторминъ такъ выразительно, что разгорѣвшаяся дѣвушка оглянулась.

— Особенно, когда столько ужъ знаешь! — подсказала она.

— Ахъ, все свое знаніе отдалъ бы я за раздѣленное чувство!..

— Ну, а если за это ужъ и отдавать ничего не надо?

Сказавши это, она сама испугалась; потупилась и принялась расправлять совсѣмъ того не требовавшія ленты кушака.

Бухтормину отъ сдѣланнаго вызова стало и неловко, и такъ хорошо! Стоило принять вызовъ — тотчасъ же прошла-бъ неловкость — только было-бъ хорошо... Но будетъ ли и послѣ хорошо? — вопросъ!

Весь вечеръ проклевывшій носомъ вокругъ потаенныхъ ломберныхъ столовъ, Еремѣй Ѳомичъ, внезапнымъ появленіемъ, со всѣми признаками неодолимаго сна и предвкушеніемъ «вдовольства» отъ наступившей наконецъ возможности не преодолевать его, — принесъ отвѣтъ.

Наталя мигомъ собралась; пока отецъ отыскивалъ въ прихожей «налку и калѣши», на-скоро простилась съ хозяевами, и влюбленному первый разъ въ жизни прикладной любовью теоретнику едва досталось закутать дорогое горло шарфомъ, чтобы оно не простудилось послѣ пѣнія.

Потомъ онъ воротился въ залу, заглянулъ на уединившихся Далмата съ Грушенькой, и пошелъ домой.

— Всѣ, даже каменный Далматъ, позволяютъ себѣ то, чего я одинъ не позволяю!—вздыхалъ онъ:—а не позволяю оттого, что знаю, каково будетъ послѣ... «Чувствовать лучше»—правда; но какое же чувство выдержать эту жизнь полуторы тысячи вдвоемъ, гдѣ каждый кончикъ ленты, каждый фунтъ мяса на счету? И когда знаешь, что какой-нибудь Эвигъ повезетъ свою жену въ каретѣ, и она съ состраданіемъ посмотритъ, какъ выбивается изъ силъ влѣча извозчика, котораго ты за трудовой двугривенный нанялъ своей женѣ... и что въ перспективѣ такой жизни—гдѣ-то тамъ, чуть не на самомъ концѣ—мелькается обѣтованіе казенной квартиры директора департамента, гдѣ канонецъ подюжини дѣтей кое-какъ размѣстится, во что-то одѣнется, даже начнетъ ѣздить въ театръ и танцевать... Нѣтъ, когда все это знаешь—лучше не позволять! *Il n'y a pas de misère plus dure que celle des gens comme il faut!* Это сказалъ Бальзакъ. (Въ головѣ его, подъ впечатлѣніемъ композитора, мелькнуло: «сказалъ—довольно!»).

И пошелъ раздѣлывать по ниточкѣ разсудкомъ узелъ, что такъ славно затянуло-было чувство!—«Квартира... гдѣ-нибудь подальше, но въ хорошей улицѣ—въ самомъ концѣ Сергіевской, на примѣръ... прислуга... дрова...», выкладывалъ онъ на бумагѣ. И уже утро окрасило багровымъ цвѣтомъ пламя его свѣчки, когда онъ окончилъ выкладки, и принимался за такіа важныя недоумѣнія: отчего у нея — талантливой и *distingué*! отецъ — Оомичъ? Не лучше ли, еслибъ этого не было?

Онъ напоминалъ дитя, которое сейчасъ тнулось къ огню, и плакало, что не даютъ,—но плачетъ пуще, когда дали, потому что обожглось...

Развязка несвязавшагося такимъ образомъ романа была самая обыкновенная. Нашелся человекъ смѣлый; огня не испугался,—и старикъ «имѣлъ въдовольствіе» закрыть глаза, увидѣвши послѣднюю изъ дочекъ съ сорочкой замужемъ... Распутавшій съ карандашомъ въ рукѣ загадку счастья Бухторминъ еще настойчивѣй за нимъ погнался: принялъ мѣсто у какого-то начальника на одномъ изъ краевъ русскаго свѣта, выговоривъ себѣ за это камеръ-юнкерство и чинъ, и послѣ нестерпимой канцелярской скуки, воротился въ Петербургъ, расшитый золотомъ во весь животъ. Вдобавокъ, по дорогѣ скоронилъ отца и тотчасъ же вступилъ въ права владѣнія Бухторминовкой. Осталось вступить въ права владѣнія счастьемъ, — но его-то ужъ и не было! Онъ съ ожесточеніемъ пошелъ искать его въ женитбѣ, — ставилъ ставку за ставкой, свѣша отыграть проигрышъ всей

жени... Невѣсть находилось много; только ни одна не была его Наталья — и онъ не женился.

Старая любовь не ржавѣетъ.

XIV.

Случалось-ли вамъ очутиться въ домѣ, гдѣ вы слышали недавно дѣтскій лепетъ, бѣготню и смѣхъ, и вдругъ застать такую тишину, что собственный вашъ голосъ представлялся вамъ неестественнымъ? Тутъ только больное дитя; а похоже, будто сама смерть. Болѣзнь верслагого не опустошаетъ такъ... Слѣды вчерашнихъ игръ, какъ остановившаяся улыбка, еще глядятъ изъ каждаго угла; а вѣсть угрюмага недуга уже распространилась на все... Весь домъ на цыпочкахъ; прислушивается: не брякнулъ ли подвальный звонокъ? не докторъ ли? Если не онъ, то никого не надѣе жизнь остановилась. Той маленькой силы, которая ею дигала, нѣтъ — и ничего не надо.

Жизнь Затоновыхъ остановилась тоже. Боббчекъ заболѣлъ. Боббчекъ слезили. Параша готова снять образъ и присягнуть, что слезили. Она предупреждала... Самъ господа любятъ, хвалятъ, и чужіе приходятъ, хвалятъ. Такъ нельзя — такъ непремѣнно слезать!

Степаннида Львовна сильно склоняется къ мнѣнію Парашы.

— И у тебя самого глаза черные, — говоритъ она Борису: — ну, да ты отецъ — это еще пожалуй ничего; а чужіе вѣдь — право не хорошо! Ты вотъ не вѣришь, а это ей-Богу не хорошо!

Онъ слушаетъ, но думаетъ не объ этомъ. Онъ думаетъ о томъ, что все кончено. Онъ переживаетъ впередъ несчастье... Въ душѣ ужъ онъ осиротѣлъ...

Людмила приняла бѣду иначе. Тамъ, гдѣ является слабость мужчины, начинается сила женщины. На ногахъ, не раздѣлая съ перваго вечера болѣзни, она только блѣднѣе прежняго; но глаза изъ чудной глубины своей одинаково посылаютъ лучи свѣта и померкшему мужу, и пылающему въ жару ребенку.

Ломовиковъ по нѣсколько разъ въ сутки осторожно подергиваетъ звонокъ; ждетъ по полчаса, чтобы отперли и, получивъ неутѣшительный отвѣтъ, уходитъ, завѣщая не говорить, что былъ.

Да, впрочемъ, и безъ того не говорили бы; онъ не Петръ Юрьевичъ, — значить, о чемъ же тутъ говорить?

Петръ Юрьевичъ — докторъ, блѣдный, нѣжнаго сложенія

человѣкъ—восходящее свѣтило; демоническая, по Лермонтову, натура... У него, какъ у Далмата, всегда наготовѣ если не сарказмъ, то обладающее холодною водою слово. Вдохновеніе онъ зоветъ приливомъ крови къ мозгу. На вопросъ: «что надо дѣлать чтобы спать?» иронизируетъ: «имѣть спокойную совѣсть» и т. п. Въ дѣлѣ онъ одинъ изъ тѣхъ виргузовъ самообладанія, которые, если они врачи, на операцію идутъ въ чистомъ бѣлѣ и черномъ фракѣ; если жъ полководцы, то передъ сраженіемъ прищутся духами и надѣваютъ бѣлыя перчатки... Все это не мѣшаетъ имъ имѣть обыкновенно тотъ порокъ, отъ котораго пуще всего они открещиваются—сердце.

Петръ Юрьевичъ знаетъ, что при всемъ стараніи, онъ не останется равнодушенъ ни къ болѣзни своего маленькаго пациента, ни къ положенію родителей; что пріѣзжаетъ чаще, нежели обязанъ, и ведетъ войну съ недугомъ всѣми силами своей науки (чего и не-демоническіе врачи не дѣлаютъ); а вотому идетъ къ бобочкиной постелькѣ будто-бы разсѣянно, и къ материнской наблюдательности относится грубо. Но грубаго Петра Юрьевича мать не промѣняетъ ни на друга челоѣчества Готтебара, котораго привозитъ Степанида Львовна, ни на крестящагося жида, котораго присылаетъ Дарья Романовна, чтобы они своею опытностью помогли неопытному молодому челоѣку. Опытные люди поражаются его неопытностью; очень убѣдительно доказываютъ это вадвигиваніемъ плеча и неумолимымъ воздержаніемъ отъ того, что сказать могли-бы. А сказать они могли-бы много!

Хоть и было совершенно ясно, что они городятъ сущій вадоръ, но когда ужъ очень плохо, нѣтъ на свѣтѣ того вадора, чтобы пройти мимо ушей...

— Мила!—говоритъ нерѣшительно Борисъ, и чувствуетъ, что говорить то, чего говорить не слѣдуетъ:—позовемъ главнаго доктора дѣтской больницы... Онъ считается дѣтскимъ богомъ... позволяешь?

Но Людмила ужъ глядитъ безпомощно. Она ужъ ничего различить не въ силахъ. Ея слабость уже началась.

— Если ты, мой другъ, думаешь... Я ничего не знаю!—разливается она потоками первыхъ малодушныхъ слезъ.

— Мы нашему не скажемъ... чтобы не оскорблять его; вѣдь тутъ нѣтъ ничего дурнаго...—успокоиваетъ мужъ; а самъ чувствуетъ, что это дурно...

Богъ былъ, какъ водится, нѣмецкій. Для того, чтобы онъ сошелъ на землю, надо было ему помолиться. Помолились—и

онъ сошелъ, если не совсѣмъ какъ библейскій, — безъ грома и молніи, — то все же не безъ звѣздъ на вицъ-мундирѣ; бросилъ взглядъ прощенья на рецепты; выслушалъ, склонивши голову немножко на бокъ, и помыливая руки, то, что рассказала мать; потомъ дотронулся до дѣтской ручки, и прорекъ:

— Нно... все это вы бросайте! это все не надобно совсѣмъ. Я вамъ буду выписывать порошки... Пару порониковъ въ день — и вы будете увидать... Болѣзнь запущена, это правда. Но пусть только вашъ больной беретъ мои порошоки — и вы будете увидать... вы будете увидать...

Ему еще не исполнилось пятидесяти лѣтъ службы въ Россіи, и потому выучиться говорить по-русски безъ ошибокъ онъ не успѣлъ.

Затѣмъ, сознался, что спѣшить въ Царское село, «*car vous savez donc, que la grande duchesse*» — и снисходительно дозволивъ уронить двадцать пять рублей въ свою шляпу, поднялся на небо.

Дѣйствія чудесныхъ порошоки не увидать было нельзя: отъ первого сейчасъ уснулъ ребенокъ; отъ второго наступилъ кризисъ.

Молодой врачъ ничего не понималъ.

— Вѣдь это кризисъ? — спрашивала мать, едва рѣшаясь смотрѣть въ лицо обманутаго человѣка.

— Да, кризисъ! — процѣдилъ севозъ зубы тотъ, и призадумывался.

— Значить, онъ можетъ... выздоровѣть?

— Если не умереть... Я ничего не понимаю...

Бѣдная Людмила рассказала все, и до того была жалка, что саркастическій Петръ Юрьевичъ не нашелъ для нея сарказма.

Онъ посмотрѣлъ на порошки.

— Наркотикъ... это вы оставьте! а чтó будетъ дальше, увидитъ... Ну, а про *grande duchesse* ужъ вѣрно было сказано? — не утерпѣлъ-таки, спросилъ, прописывая что-то.

Въ ночи онъ опять пріѣхалъ. Сахарный Боббчекъ все былъ въ забытѣ, Людмила дѣлалась все жалче.

— Да лгите вы, наконецъ! — прикрикнулъ на нее Петръ Юрьевичъ: — *оасъ* вѣдь теперь лечить надо, а не его!.. Вонъ и мужъ вашъ — посмотрите, вѣдь тоже совсѣмъ боленъ... А ребенокъ спитъ — ему никто не нуженъ...

— Выздоровѣетъ онъ, или...

Она недоговорила, пошатнулась и, рыдая, упала лицомъ на плечо доктора.

— Покуда человѣкъ не умеръ, онъ всегда еще можетъ жить... А вамъ я вотъ капли выпишу... Этакъ нельзя...

Онъ бережно довелъ Людмилу до кушетки, и за то, что у него при этомъ на глазахъ смѣли блеснуть слезы, грубо приказалъ обомъ лечь и непремѣнно уснуть.

Сонъ очень неохотно, да и то минутами, началъ оковывать измученныхъ людей. Однако, къ утру оковалъ совсѣмъ—тяжелый, какъ желѣзная цѣпь, съ видѣніями и кошмарами.

— Твой отецъ волтерьянецъ былъ (томить Людмилу непріятно гнущійся голосъ Поликсены)—и мужъ у тебя такой же. И нѣтъ вамъ за это милости отъ Бога... А мой дуракъ Лѣжка, хоть онъ и дуракъ, да скромнаго въ посту въ ротъ не возьметъ... И докторъ вапъ... что онъ такое? Вонъ генералъ со звѣздами пріѣхалъ—и все исправилъ... А я клялась надъ прахомъ твоего отца—оттого вотъ и мышь скребется,—и ты не думай, что это мышь—это душа его тоскуетъ: въ таръ-тарары вѣдь всѣ грѣшныя души идутъ—вотъ куда!

Но мышь дѣйствительно скребется, и Людмила просыпается. Проснулся и Борисъ.

— Ахъ, какой я сонъ видѣлъ! — говоритъ онъ:—будто бы Боббчекъ сейчасъ вотъ тутъ на порогѣ стоялъ и ручкою намъ дѣлалъ... Знаешь, какъ онъ дѣтамъ дѣлалъ... А потомъ видѣлъ такъ живо могилу брата... Ты не слышала, — кажется, мышь скреблась? Я этого ужасно не люблю—онѣ напрасно не скребутся... Слышишь? слышишь?

Мышь заскребла громко; скрипнулъ полъ, и вошла няня. Людмила вздрогнула, какъ отъ занесеннаго удара. Борисъ принималъ ударъ покорно: сонъ его приготовилъ...

— На все его святая воля!—съ разстановкою, торжественно начала Параша: — въ ангелы небесные взялъ къ себѣ Господь нашего Боббча... И по писанію оно такъ: Господь даде—Господь и отъ...

Отчаянные вопли... и покорность, замѣненная борьбой, какъ разъ когда уже бороться нечего... и цѣлмй домъ, пустившійся за докторомъ, когда ужъ тотъ ненуженъ: кому все это неизвѣстно?

Петра Юрьевича разбудили. И этотъ холодный, оскорбленный человѣкъ пріѣхалъ. Онъ ужъ наканунѣ зналъ, что пріѣзжать не надобно—и все-таки пріѣхалъ.

Умершее дитя еще глядѣло остановившимися темно-сизыми глазенками Боббча... Но вотъ ихъ закрыли—и осталось мраморное его изваяніе...

На третій день метель сравняла маленькую могилку съ большой могилою Мишеля...

XV.

Первый росток из сердца матери былъ вырванъ. Новыхъ, о которыхъ твердятъ Дарья Романовна и Степанида Львовна, ей не надо... Она дни просиживаетъ надъ боббчкими платицами; развертываетъ, складываетъ ихъ, прижимаетъ къ груди и, перефлювавши, прячетъ. Еслибы не прежняя влюбленность въ мужа (его шашки рождаютъ до сихъ поръ ту сладостную дрожь, которую она испытывала въ Москвѣ), еслибы онъ не сдѣлался бессиоменъ и слабъ и не нуждался въ ея помощи,—она не воротилась бы, кажется, съ могилки; не оставила-бъ Боббчка одного... Да, одного! въ снѣгу!

Это представленіе доводило ее до отчаянія. *Ему* тамъ хорошо! надъ нимъ сугробы! надъ *нимъ*—надъ сахарнымъ Боббчкомъ! а тутъ его тѣпленъкая постелька! тутъ она—оба они, весь домъ, готовые ласкать, лелѣять, забавлять и холить! И ничего ужъ этого не надо! и никогда больше не будетъ надо! и эта кроватка всегда будетъ пуста!.. И они это переносятъ!..

— Какіе мы несчастные!—рыдаетъ она:—и можно-ли быть еще несчастнѣе?

Видъ нани безъ ребенка сдѣлался невыносимъ. Параша даже начинать обижаться: чуть покажется, господа закрываются руками и плачутъ.

— Точно я вѣдьма какая, Господи прости!—жалуется она.

Родители съ ребенкомъ возбуждаютъ зависть—жгучую, почти злую! А до сихъ поръ они не понимали, какъ могутъ люди завидовать? Дома, слова и улицы, напоминающіе Боббчка, избѣгаются; разговоръ не о Боббчкѣ вызываетъ скуку; о Боббчкѣ—слезы... Скорбь Бориса переходитъ наконецъ предѣлъ обыкновенной скорби и вступаетъ въ ипохондрію...

Демоническій Петръ Юрьевичъ безъ всякаго труда удостовѣряется, что печень тоже вышла за предѣлъ какого-то ребра,—и такъ какъ это сдѣлалось вполне по правиламъ науки, остается почти доволенъ.

— Вы можете быть увѣрены, что больны,—объявляетъ онъ:—всѣ симптомы на-лицо... Я не знаю, какое еще досталось вамъ наслѣдство отъ батюшки, но это досталось! Уѣзжайте-ка вы поскорѣе за-границу, пока до весны,—вѣрнѣе будетъ!

Бѣдная Людмила видитъ, что быть еще несчастнѣе можно...

Попастъ за-границу, или въ рай, въ тѣ времена было одинаково трудно. Помолвившись какъ слѣдуетъ, пожалуй, попать

въ рай даже было легче. Но въ обоихъ случаяхъ, надо было отпраляться на тотъ свѣтъ. Безъ установленнаго удостовѣренія медицинскаго начальства, что по этой части человекъ благонадеженъ, никому надежды на поѣздку не было. Затѣмъ удостовѣреніе въ благонадежности по всѣмъ частямъ, и ужъ потомъ ходатайство въ порядкѣ службы (умирать въ отставкѣ позволялось только дома).

Въ этотъ разъ вѣрнымъ прибѣжищемъ оказывались: могущественный тайный совѣтникъ, усыпавшій Θεодосія Θεодосича шампанскимъ (онъ съ приличнымъ ему свободомысліемъ поручился, что племянникъ его друга, какъ порядочный человекъ, умретъ за-границею), да великодушный Патріарховъ (онъ зачислилъ умирающаго къ себѣ въ департаментъ).

Взнесли пеню невѣроятную за паспортъ; выловили и вытрясли изъ черновыхъ элегій всѣ зелененькія серіи,—уловъ оказался не особенно обилень,—размѣняли на полуимперьялы; Ломовиковъ пособилъ Людмилѣ разложить ихъ патронами въ особый замшевый кушакъ; Борисъ надѣлъ кушакъ на тѣло,—и уѣхали. Знающіе люди посовѣтовали запастись золотомъ на-долго—война только еще начиналась. Нахимовъ только еще сжогъ, пользуясь туманомъ, турецкій флотъ въ Синопѣ, а Несторкинъ—на александринскомъ театрѣ. После Великобританіи и Франціи только-что выѣхали въ щегольскихъ дормезахъ и на второй станціи засѣли въ сугробѣ. Неужелюему возку Затоновыхъ представился прекрасный случай нѣсколько сломить высокомѣріе западныхъ враговъ, проѣхавъ безпрепятственно передъ ихъ носомъ.

Каменный Далмать, какъ ни крѣпился, омочилъ горячими слезами уѣзжавшихъ, и за это, какъ Петръ Юрьевичъ, разсердился; а потомъ, когда стаялъ снѣгъ, ходилъ украдкой на боббичеву могилку и такъ, чтобъ не видалъ никто, сажалъ цвѣты.

Людмила сдѣлалась въ глазахъ знакомыхъ женщинъ *cette femme intéressante*,—она уѣхала хоронить мужа, въ которомъ была влюблена... Находили даже, что похоронить гдѣ-нибудь въ Венеціи, *c'était très poétique!*

П. КОВАЛЕВСКІЙ.

НАРОДНАЯ ШКОЛА ПОДЪ МОСКВОЮ

ОПЫТЪ ОБРАБОТКИ ШКОЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

Окончаніе.

VII *).

Разсматривая продолжительность пребыванія учениковъ въ школѣ, мы нашли, что въ среднемъ выводѣ она не превышаетъ для мальчиковъ 2,79, а для дѣвочекъ—2,32 лѣтъ, причемъ замѣтно стремленіе оканчивать ученіе не позже 12 лѣтъ. Мы нашли также, что главною причиною преждевременнаго выхода учениковъ изъ школы служить бѣдность. Обратимся теперь къ условіямъ, на которыхъ производится обученіе крестьянскихъ дѣтей ремесламъ и воспользуемся для этого договорами объ отдачѣ дѣтей въ «ученье», записанными въ книгахъ сдѣлокъ и договоровъ десяти волостныхъ правленій, за время 1870—1877 г. Въ этихъ книгахъ оказались условія на отдачу 128 мальчиковъ и 1 дѣвочки въ ученіе 26 разнымъ ремесламъ. Дѣвочка отдана учиться перчаточному дѣлу на 3 года; два мальчика поступили къ волостному писарю для обученія «писью и всѣмъ не-

*) См. выше: январь, 65 стр.—Редакція поощряетъ окончаніе этого изслѣдованія по предмету школьной статистики въ извлеченіи, такъ какъ для большинства читателей журнала важно ознакомиться прежде всего съ общими выводами изъ точныхъ наблюденій; подробности этихъ наблюденій потребовали бы большаго числа таблицъ, составляющихъ матеріалъ, конечно, драгоценный, но требующій для себя спеціальнаго изданія, а потому мы ограничились только немногими таблицами, касающимися важнѣйшихъ пунктовъ изслѣдованія.—Ред.

обстоятельствамъ для волостного писаря»; остальные 126 мальчиковъ отданы на сроки отъ 2 до 7 лѣтъ.

Отдача на срокъ менѣе 3 лѣтъ является почти исключеніемъ, и средняя продолжительность ученія простирается до 4,6 лѣтъ. Относительно возраста поступающихъ въ ученіе, свѣдѣнія изъ книгъ волостныхъ правленій, къ сожалѣнію, извлечены не были; они имѣются въ изслѣдованіяхъ кустарной промышленности московской губ.,—г. Исаева и Орлова.

Въ мебельномъ районѣ московскаго уѣзда, при обычномъ срокѣ ученія въ 4—5 лѣтъ, въ случаѣ отдачи 10-лѣтняго мальчика, срокъ удлинняется до 6 лѣтъ. «Вообще же можно положить 17-лѣтній возрастъ чертой, отдѣляющей ученика отъ работника»¹⁾. Въ металлическихъ промыслахъ «время поступленія въ ученики опредѣляется не столько характеромъ промысла, сколько достатками родителей: если отецъ не терпитъ нужды и принадлежитъ къ людямъ «исправнымъ», то сынъ начинаетъ работу лѣтъ въ 13—14; если же отецъ бѣднякъ, то отдаетъ сына въ обученіе 10 лѣтъ даже кузнечному промыслу, требующему уже болѣе сформировавшейся силы. Конечно, нельзя отрицать, что и характеръ занятій опредѣляетъ возрастъ поступленія въ ученики; для кузнечнаго промысла нужно 14 лѣтъ, товарнаго, подноснаго — нѣсколько раньше, а въ живописцы дѣти отдаются 9—10 лѣтъ. Продолжительность же ученическаго срока прямо зависитъ отъ рода работъ и отъ времени, нужнаго для ихъ усвоенія»²⁾. Въ обученіе портняжному мастерству отдаютъ обыкновенно съ 11—12 лѣтъ на срокъ отъ 1½ до 3 лѣтъ³⁾; по свѣдѣніямъ, извлеченнымъ изъ книгъ волостныхъ правленій, изъ 4-хъ мальчиковъ, отданныхъ въ обученіе портняжному мастерству, одинъ отданъ на 4½ г., трое—на 5 лѣтъ.

Сопоставляя время отдачи съ продолжительностью ученія, мы найдемъ, что послѣднее оканчивается не ранѣе 14—15-лѣтняго возраста, т.-е. гораздо короче того срока, въ который оканчивается ученіе въ школахъ. Эта разница въ срокахъ обуславливается несомнѣнно экономическими соображеніями. Отдавая ребенка въ школу, крестьянинъ лишается рабочей силы, хотя и незначительной, и въ то же время несетъ расходы на содержаніе ребенка. Иное—при отдачѣ въ ученіе мастерству. Здѣсь, хотя рабочая сила ученика теряется для семьи на болѣе продолжи-

¹⁾ Промыслы московской губ. А. А. Исаева, т. I, стр. 47.

²⁾ Тоже, т. II, стр. 36.

³⁾ Сборникъ стат. свѣд. по московской губ., отдѣлъ хов. стат., т. VII, выш. 1, ч. 2, стр. 91.

тельное время, за то семья избавляется от лишнего расхода, такъ какъ ученики продовольствуются на счетъ хозяина, — а иногда и отъ расходовъ на одежду¹⁾. Мы видѣли, что 1,2% случаевъ преждевременнаго выхода учениковъ изъ школъ въ московскомъ уѣздѣ, 3,8% въ петербургскомъ мотивируются необходимостью одежды и обуви, между тѣмъ у хозяевъ мастеровъ, ученикъ, въ большинствѣ случаевъ, получаетъ платье и обувь отъ хозяина. Изъ 49 случаевъ отдачи въ ученье столярному и мебельному мастерствамъ, занесенныхъ въ книгахъ чернышевскаго волостного правленія, въ 30-ти вся одежда, а въ 4-хъ часть ея дается хозяиномъ, и только въ 15-ти ученикъ снабжается ею отъ родителей. Но этимъ выгода не исчерпывается: во-первыхъ, ученикъ, отживъ условленный срокъ, получаетъ отъ хозяина «наживу» — деньги или платье, иногда инструменты, а во-вторыхъ — и это главное — дѣлается мастеромъ, способнымъ къ заработку. При отдачѣ дѣтей въ ученье родители иногда стараются обезпечить и будущность ихъ по окончаніи ими обученія. Въ одномъ изъ договоровъ, заключенныхъ крестьянами съ волостнымъ писаремъ на отдачу ему въ выучку мальчиковъ, мать, принимая на себя снабженіе ребенка одеждой, обязываетъ писаря, по окончаніи курса, дать мальчику «мѣсто или оставить у себя съ жалованьемъ».

Можетъ быть, въ связи съ обычнымъ временемъ отдачи мальчиковъ въ «ученье» находится и тотъ возрастъ, въ которомъ они покидаютъ школу. Распредѣляя школы на четыре группы, по преобладающимъ занятіямъ населенія тѣхъ мѣстностей, гдѣ онѣ находятся, мы найдемъ, что средній возрастъ вышедшихъ до окончанія курса учениковъ (по выводу за пятилѣтіе) измѣняется по группамъ. При среднемъ возрастѣ, по всѣмъ земскимъ школамъ, для мальчиковъ 11,2 год., для дѣвочекъ — 10,8 г. и обоихъ половъ — 11,1 л., онъ колеблется слѣдующимъ образомъ въ школахъ, находящихся среди населенія:

¹⁾ Насколько важно въ глазахъ крестьянина именно это соображеніе, видно изъ слѣдующаго факта, сообщеннаго въ 1878 году московской уѣздной управѣ учителемъ Романковскаго училища г. Казанскимъ. Ученикъ этого училища Юсуповъ, по окончаніи курса, не получилъ свидѣтельства на льготу и отецъ отдалъ его въ Москву, въ литографію, на жалованье по рублю въ мѣсяцъ. «Какъ-то я увидѣлся съ отцомъ, — сообщаетъ г. Казанскій, — и говорю: оставь сына дома: на лѣто онъ выдержитъ экзаменъ и получитъ свидѣтельство; рубль въ мѣсяцъ — деньги не велики. — Рубль въ мѣсяцъ — 12 р. въ годъ, — хладнокровно возражалъ мнѣ отецъ, — да малаго съ хлѣба долой, — это для меня расчесть». Докладъ М. У. З. У. „по вопросу о дальнѣйшемъ образованіи учениковъ начальныхъ училищъ“ 1878 г.

	малыч.	дѣвоч.	об. п.
а) ремесленного	11,5	10,7	10,9 лѣтъ
б) фабричнаго	12,3	11,7	12,1 „
в) садоводскаго и огороднич.	10,3	11,1	10,5 „
г) земледѣльческаго	11,3	10,7	11,2 „

Наивысшій средній возрастъ выбывшихъ падаетъ на школы, находящіяся въ мѣстностяхъ фабричныхъ, и это можетъ быть объяснено обычными условіями пріема дѣтей на фабрики. По свѣдѣніямъ д-ра Эрисмана, на фабрикахъ московскаго уѣзда дѣти моложе 10 лѣтъ встрѣчаются чрезвычайно рѣдко, такъ что на каждыя 10,000 рабочихъ приходится не болѣе 36 такихъ ребятешекъ; значительно чаще поступаютъ на работу дѣти въ возрастѣ 10—12 лѣтъ (1,88⁰/₀ всѣхъ рабочихъ), и еще болѣе большой контингентъ доставляютъ на фабрики дѣти, находящіяся въ возрастѣ 12—14 лѣтъ (4,84⁰/₀ всѣхъ рабочихъ)¹⁾. Изъ таблицъ распредѣленія рабочихъ по возрастамъ оказывается, что средній возрастъ для обоехъ половъ фабричныхъ рабочихъ до 14 лѣтъ одинаковъ (12,4 г.), но процентъ младшаго возраста (до 10 л.) для дѣвочекъ нѣсколько выше (9,6), нежели для мальчиковъ (9,4). Между школами въ мѣстностяхъ земледѣльческихъ и ремесленныхъ разницы нѣтъ, и это объясняется тѣмъ, что въ большинствѣ мѣстностей, отнесенныхъ нами къ числу земледѣльческихъ, существуютъ и ремесленные занятія; напротивъ, мѣстность послѣдней группы въ районѣ садоводства и огородничества стоитъ по среднему возрасту выпедшихъ учениковъ ниже остальныхъ: рабочая сила ребенка здѣсь ранѣе получаетъ примѣненіе.

Наступленіе момента, съ котораго ребенокъ дѣлается работникомъ, полезнымъ членомъ семьи, совпадаетъ, въ большинствѣ случаевъ, съ моментомъ выхода изъ школы. Хотя школы, какъ мы видѣли, посѣщаются дѣтьми различныхъ возрастовъ, не исключая даже 15-лѣтняго и даже еще старшаго возраста, однако старшіе возрасты даютъ наибольшій процентъ преждевременно выходящихъ изъ школъ.

Къ наступленію 12 лѣтъ—мальчики, а къ 11-ти—дѣвочки, начинаютъ стремиться изъ школъ: крестьянскихъ дѣтей не удерживаютъ ни болѣе обширныя знанія, которыя предстоитъ еще приобрести до окончанія курса, ни льготы по воинской повинности. Этою послѣдней крестьяне, кажется, не дорожатъ совсѣмъ:

¹⁾ Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній московскаго уѣзда, ч. 1, стр. 198.

по крайней мѣрѣ число оканчивающихъ курсъ съ льготными свидѣтельствами въ московскомъ уѣздѣ ничтожно, и даже нѣтъ учениковъ старшаго отдѣленія многіе выходятъ, не дождавшись выпускного экзамена и не претендуя на полученіе льготнаго свидѣтельства.

Значительное число крестьянъ ограничиваетъ свои требованія въ школахъ довольно скромными предѣлами: курсъ второго отдѣленія признается вполне достаточнымъ для многихъ, и въ особенности для дѣвочекъ. Трехлѣтній курсъ, для обученія грамотности, признается крестьянами московскаго уѣзда слишкомъ продолжительнымъ, тогда какъ для обученія ремесленнаго они, какъ мы видѣли, не жалѣютъ большаго времени и даже для дѣтей старшихъ возрастовъ. Въ договорѣ объ отдачѣ дѣтей въ ученіе включается условіе, въ силу котораго ученикъ обязанъ, по истеченіи срока, важить хозяину все прогульное время, причемъ не дѣлается иногда исключеній для прогуловъ, происходящихъ отъ болѣзни; въ нѣкоторые договоры включается обязательство не брать мальчика до истеченія срока, а иногда и неустойка въ видѣ уплаты «за хлѣбъ».

Въ виду важности вопроса о преждевременномъ выходѣ учениковъ изъ школы, рассмотримъ его еще съ нѣсколькихъ сторонъ. Наибольшій процентъ выбывающихъ приходится на школы фабричныя, что объясняется подвижностью фабричнаго населенія. Въ то время, какъ въ остальныхъ земскихъ училищахъ, за послѣднее трехлѣтіе, процентъ вышедшихъ составлялъ 19,3, въ Пучковской школѣ, посѣщаемой значительнымъ числомъ фабричныхъ рабочихъ, онъ повышается до 32. Вообще, по 7 фабричнымъ школамъ, процентъ выбывшихъ составлялъ: въ 1879 и 1880 г.—35,4; въ 1880 и 81—45,5; въ 1881 и 82—41,6; тогда какъ во всѣхъ школахъ уѣзда, кромѣ министерскихъ, онъ за тѣ же года не превышалъ 19,8; 22,5 и 19,3. По среднему выводу за три года, убыль учениковъ въ фабричныхъ школахъ, составившая 42,1%, была вдвое сильнѣе, нежели во всѣхъ школахъ, вмѣстѣ взятыхъ, гдѣ она равнялась 20,5%.

Вліяніе фабричныхъ школъ въ значительной степени отражается на распредѣленіи процента выбывшихъ учениковъ по волостямъ. При среднемъ процентѣ, по уѣзду, 20,5 — три волости, въ которыхъ сосредоточены фабричныя школы, даютъ процентъ больше средняго: пехорская — 37,2 (безъ фабричныхъ — 21,0), нагатинская — 25 (безъ фабричныхъ — 21,7), всѣхсвятская — 22,3 (безъ фабричныхъ — 19,4). Тоже замѣчается и въ другихъ волостяхъ, гдѣ, за вычетомъ фабричныхъ

школъ, процентъ убыли учениковъ замѣтно понижается: въ мѣстичинской — съ 20 до 17,1, въ озерцевоѣ — съ 18,9 до 14,4. Кромѣ указанныхъ волостей процентъ выбывшихъ стоитъ весьма высоко въ выхинской (22,7), значительная часть населенія которой занимается работой на фабрикахъ, и въ царичинской (27,8), гдѣ дѣти отвлекаются отъ посѣщенія школы весьма распространеннымъ тамъ приготовленіемъ папиросныхъ гильзъ.

Отмѣтимъ еще одно явленіе — измѣненіе процента убыли учениковъ, въ зависимости отъ продолжительности существованія училища. Изъ наблюдений за послѣднее трехлѣтіе оказывается, что въ школахъ, существующихъ не болѣе 3-хъ лѣтъ, процентъ убыли ниже, нежели въ старшихъ школахъ.

Это явленіе слѣдуетъ привести въ зависимость отъ распредѣленія учащихся по отдѣленіямъ. Выше было замѣчено, что наибольшій процентъ выбывающихъ падаетъ на среднее отдѣленіе. Поэтому, въ новыхъ школахъ, гдѣ большая часть учениковъ приходится на младшее отдѣленіе, процентъ убыли долженъ быть ниже.

Наиболѣе значительная часть выбывающихъ — почти $\frac{2}{3}$ мальчиковъ и болѣе $\frac{1}{2}$ дѣвочекъ — приходится на второе полугодіе, и, главнымъ образомъ, на послѣдніе мѣсяцы, апрѣль и май, т.е. на время начала сельско-хозяйственныхъ работъ. Довольно большой процентъ приходится на долю выходящихъ въ первые мѣсяцы года: болѣе $\frac{1}{6}$ мальчиковъ и болѣе $\frac{1}{5}$ дѣвочекъ выходитъ въ сентябрѣ и октябрѣ. Такой ранній выходъ изъ школы можетъ быть объясненъ колебаніемъ родителей — отдавать ли дѣтей въ школу или опредѣлить ихъ къ другимъ занятіямъ. Сюда же, вѣроятно, принадлежатъ и тѣ ученики, которые выходятъ изъ школы вслѣдствіе «недовольства школой» и «нежеланія учиться». Всего устойчивѣе представляется составъ учащихся въ теченіе пяти зимнихъ мѣсяцевъ — ноября, декабря, января, февраля и марта, которые поэтому и можно признать за настоящіе учебные мѣсяцы.

Если сравнить время выхода учениковъ по группамъ школъ въ связи съ занятіями населенія, то обнаружится нѣкоторая, хотя и незначительная разница между группами. По среднему выводу за пятилѣтіе на 100 выбывшихъ учениковъ обоого пола приходилось:

Мѣстности	сент. и окт.	ноябрь—мартъ	апрѣль и май
фабричныя	24,1	26,4	49,0
ремесленныя	16,2	50,8	32,9
земледѣльч.	14,8	51,7	33,1
садоводческія	19,2	49,4	1,3

Всего болѣе неравномѣрности въ распредѣленіи выходящихъ изъ школы учениковъ замѣчается въ мѣстностяхъ фабричныхъ, гдѣ на начало и конецъ года приходится весьма значительныя повышенія; въ мѣстностяхъ земледѣльческихъ и ремесленныхъ повышение замѣчается только въ весенніе мѣсяцы; осенняя же убыль (8,1 и 7,2% въ мѣсяцъ) даже ниже средней за остальные мѣсяцы (10,1 и 10,3% въ мѣсяцъ); наконецъ, въ мѣстностяхъ садоводческихъ колебанія болѣе сходны съ мѣстностями фабричными, хотя выражаются и не такъ рѣзко. Осеннее повышение, такимъ образомъ, обнаруживается въ особенности въ фабричныхъ мѣстностяхъ, и это явленіе находится въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что многія фабрики (почти половина ткацкихъ) въ лѣтнее время сокращаютъ работу до минимума, или же вовсе прекращаютъ ее ¹⁾; такъ что сентябрь и октябрь служатъ временемъ, когда набираются фабричные рабочіе и когда, слѣдовательно, рѣшается вопросъ—поступить ли ребенокъ на фабрику, или останется безъ дѣла: въ первомъ случаѣ онъ выходитъ изъ школы, въ послѣднемъ—продолжаетъ посѣщать ее.

VIII.

Продолжительность полного курса начальной школы въ московскомъ уѣздѣ установлена въ три учебныхъ года, сообразно чему распредѣляется и весь учебный матеріалъ. По правиламъ, утвержденнымъ земскимъ собраніемъ, ученье должно производиться съ 15 сентября по 15 іюня, т.-е., за вычетомъ одного мѣсяца на праздники Рождества и Пасхи, 8 мѣсяцевъ. По такому расчету, число учебныхъ дней въ году не должно быть менѣе 200; въ дѣйствительности же оно этой цифры никогда не достигаетъ. За семь лѣтъ—187 $\frac{5}{6}$ —188 $\frac{1}{2}$ число учебныхъ дней въ земскихъ училищахъ колебалось по годамъ, между 146 и 162, въ среднемъ же выводѣ равнялось 156—число, довольно близко подходящее къ продолжительности учебного времени въ петербургскомъ уѣздѣ, гдѣ за четырехлѣтіе 187 $\frac{8}{9}$ —188 $\frac{1}{2}$ —число учебныхъ дней колебалось между 158 и 170, составляя, въ среднемъ выводѣ—162. Такимъ образомъ, каждый ученикъ, для прохожденія полного трехлѣтняго курса начальной школы, долженъ употребить, въ среднемъ выводѣ, 468 дней, т.-е. не болѣе 78 недѣль. Но и этотъ короткій періодъ времени употребляется на ученье

¹⁾ Эрисманъ, тамъ же, стр. 147.

далеко не всѣми учениками. Мы уже видѣли, что средняя продолжительность пребыванія въ школѣ для мальчика составляетъ 2,79, для дѣвочки—2,32 лѣтъ, слѣдовательно, средній мальчикъ учится 435 дней, а средняя дѣвочка—362 дня. Какъ ни кратокъ этотъ срокъ, но и изъ него весьма значительная часть теряется, вслѣдствіе частыхъ манкировокъ учащихся. Число учениковъ, не дѣлавшихъ пропусковъ, весьма незначительно.

Не дѣлавшими совсѣмъ пропусковъ оказываются всего только 10,8% учениковъ: 10,1% мальчиковъ и 13,5% дѣвочекъ; всѣ остальные дѣлали пропуски, болѣе или менѣе значительные, причемъ 27,5% (27% мальчиковъ и 29,9% дѣвочекъ) пропустили отъ 1 до 5 дней и съ полнымъ правомъ могутъ быть причислены къ вполне исправнымъ, процентъ которыхъ возрастеть, такимъ образомъ, до 37, т.-е. болѣе $\frac{1}{3}$.

Манкировки учащихся обусловливаются различными причинами, и прежде всего условіями физическими.

По мѣрѣ удаленія мѣста жительства учениковъ отъ школы, увеличивается процентъ неисправныхъ учениковъ, и это особенно замѣтно въ отношеніи къ пропускамъ болѣе значительнымъ, которые возрастаютъ въ совершенно правильной прогрессіи параллельно съ увеличеніемъ разстоянія.

Удобство путей сообщенія и температура тоже должны имѣть большое вліяніе на исправность посѣщенія школы.

Наименьшій процентъ неисправныхъ учениковъ даетъ первое полугодіе, и наибольшій—второе. Самый высокій процентъ падаетъ на январь и находится въ связи съ холодами; затѣмъ слѣдуетъ мартъ и апрѣль—время весенней распутицы, совпадающей притомъ (въ апрѣлѣ) съ началомъ нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ работъ.

Опредѣлить въ точности причины неисправности посѣщенія учениками школы чрезвычайно трудно. Хотя въ школьныхъ записяхъ и отмѣчается, со словъ самого неисправнаго ученика или его товарищей, почему въ каждомъ случаѣ сдѣланъ пропускъ, но эти указанія едва ли могутъ быть признаны вполне точными. Изъ 12,075 ученическихъ манкировокъ, занесенныхъ въ школьныхъ записяхъ за 3 года (187⁹/₈₀—188⁰/₁ г.), пропуски объясняются слѣдующими причинами:

домашнія обстоятельства	5989	случ. или	49,5%
болѣзни	3894	„ „	32,2 „
невыгнѣе одежды или обуви	551	„ „	4,5 „
дурная погода	1056	„ „	8,7 „
работа на фабрикѣ	106	„ „	0,8 „
волежны работы	117	„ „	0,9 „
нерадѣіе и лѣность	276	„ „	2,2 „
разныя и неизвѣстныя причины	84	„ „	0,6 „

Насколько можно судить по этимъ указаніямъ, громадное большинство манкировокъ обусловливается вполне уважительными причинами: только 276 случаевъ изъ 12 тыс. приписаны «лѣности и нерадѣію». Работа на фабрикѣ служитъ причиною манкировокъ въ одной школѣ—Пучковской, которую посѣщаютъ дѣти, работающіе на мѣстной бумаго-прядильной фабрикѣ ¹⁾. Условія, въ которыхъ находится это училище, весьма неблагоприятны. Вотъ какъ описываетъ ихъ мѣстный учитель въ докладѣ, читанномъ на первомъ сѣздѣ учителей московскаго уѣзда. «Училище посѣщается фабричными учениками посмѣнно: первая смѣна приходитъ въ училище въ 9 часовъ утра и занимается до 11, послѣ чего уходитъ на работу; въ 3 часа приходитъ совершенно другая смѣна фабричныхъ дѣтей, послѣ шести-часового физическаго, утомительнаго труда, и занимается въ школѣ до 5 часовъ. Слѣдовательно, каждая смѣна занимается въ день только 2 часа, и кромѣ того, фабричные ученики бываютъ въ школѣ только 5 дней въ недѣлю, такъ какъ суббота у нихъ несвободна, ибо въ этотъ день у нихъ чистка машинъ и баня. Такимъ образомъ, на долю каждаго фабричнаго ученика въ прошломъ учебномъ году пришлось учебныхъ дней 139, тогда какъ для дѣтей крестьянъ вышло 158 дней, и въ теченіе того же года фабричный мальчикъ занимался 360 часовъ, а сельскій—428. Фабричные ученики сильно манкируютъ своими школьными занятіями, ради разныхъ домашнихъ обстоятельствъ; кромѣ того, нѣкоторые, утомившись послѣ шести-часовой физической работы, проведенной въ атмосферѣ, переполненной запахомъ гари, деревяннаго масла и хлопчатой пыли, не являются въ училище по болѣзни. Да и тѣ учащіеся, что стараются не манкировать школьной учебой, также, явившись въ классъ физически утомленные, съ шумомъ въ ушахъ и головѣ отъ машинъ, трескъ, стужъ и гулъ которыхъ они раньше слышали, весьма мало воспримчивы. Достаточно взглянуть только

¹⁾ Г. Эрисманъ, въ своемъ „Санитарн. изслѣд. фабр. заведеній Московскаго у.“ (т. I, стр. 146), ошибочно утверждаетъ, что дѣти, работающіе на Пучковской фабрикѣ бр. Крестовниковыхъ, земской школѣ не посѣщаютъ.

на эти изнуренныя, испытанія, сонныя дѣтскія лица, чтобы отказаться отъ притязаній на усердное ученіе фабричныхъ учениковъ¹⁾.

Въ числѣ приведенныхъ причинъ ученическихъ манкировокъ довольно видное мѣсто (8,7%) занимаетъ дурная погода, препятствующая посѣщенію школы. Насколько вліяетъ эта причина, видно изъ изложенныхъ выше данныхъ, указывающихъ, что чѣмъ дальше ученикъ живетъ отъ школы, тѣмъ менѣе исправно онъ ее посѣщаетъ²⁾. Это обстоятельство послужило поводомъ къ возбужденію вопроса объ устройствѣ при земскихъ школахъ ученическихъ квартиръ, но пока, за недостаткомъ средствъ, вопросъ этотъ еще не получилъ разрѣшенія, и ученическихъ квартиръ ни при одной школѣ не устроено, хотя нерѣдко приходящіе изъ другихъ деревень ученики остаются ночевать въ школѣ. По словамъ учительницы Раевского училища, г-жи Сологубъ, большинство учениковъ, живущихъ въ дальнемъ разстояніи отъ Раевской школы, подвозятся поочередно въ училище во время дурной погоды, другіе помѣщаются у родственниковъ въ томъ селеніи, гдѣ школа, а нѣкоторые остаются ночевать въ самой школѣ. Въ виду малаго числа такихъ учениковъ, говоритъ г-жа Сологубъ, «я нашла возможнымъ оставлять учениковъ ночевать въ классной комнатѣ, съ тѣмъ, чтобы вечеръ они проводили въ моей квартирѣ; здѣсь дѣти, находясь подъ моимъ надзоромъ, занимались уроками и играли, затѣмъ, поужинавъ, уходили спать въ классъ». Прислуга учительницы взяла на себя трудъ готовить кушанье для учениковъ, остающихся на ночлегъ въ школѣ, изъ провинціи, доставляемой ими; если у кого не доставало хлѣба, то или товарищи дѣлились съ немущимъ, или учительница «удѣляла кое-что отъ своего стола»³⁾. Прося управу объ оказаніи пособія на устройство ученическихъ квартиръ, первый съѣздъ учителей просилъ также содѣйствія въ наймѣ подводъ для подвоза дѣтей въ школу, гдѣ это необходимо. Но эти желанія съѣзда остались неудовлетворенными.

¹⁾ „Земство“ 1881 г., № 46.

²⁾ Въ отчетѣ по училищамъ за 1874/5 г. сообщается, что зимой этого года одинъ мальчикъ, возвращаясь домой изъ школы, началъ замерзать дорогой и былъ спасенъ только тѣмъ, что товарищи его уведомили объ этомъ мѣстѣ, который за нимъ пріѣхалъ. Подобный же фактъ, окончившійся болѣе трагически, имѣлъ мѣсто нѣгдѣшней зимой въ можайскомъ уѣздѣ. „Русскія Вѣдомости“ (1883, № 12) сообщаютъ, что тамъ въ декабрѣ мѣсяцѣ замерзло 11 мальчиковъ, шедшихъ изъ сельской школы домой.

³⁾ „Земство“, 1881, № 48.

На необходимость оказанія пособія неимущимъ дѣтямъ управа обращала вниманіе земскаго собранія еще въ 1876 г. «Эта скромная и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне важная задача, — говоритъ она въ отчетѣ о начальныхъ училищахъ за 187⁵/₆ г., — воплѣтъ по силамъ приходскимъ попечительствамъ, которыя до сихъ поръ не удавались, можетъ быть, именно потому, что на первыхъ же порахъ задавались слишкомъ широкими цѣлями, превышающими ихъ средства. Къ сожалѣнію, въ московскомъ уѣздѣ, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ нѣтъ еще ни одного приходскаго попечительства, и дѣло призрѣнія находится въ самомъ незначительномъ первоначальномъ состояніи. Между тѣмъ, существованіе такихъ учрежденій было бы весьма полезно, хотя бы только въ видахъ содѣйствія школамъ. Поэтому весьма желательно, чтобы земство приняло это учрежденіе подъ свое покровительство и помогло его возникновенію, тѣмъ болѣе, что въ дѣлѣ призрѣнія земство нуждается въ мѣстныхъ органахъ, безъ помощи которыхъ участіе въ немъ земства едва ли возможно».

Въ 1878 г. земское собраніе поручило управѣ обратиться съ ходатайствомъ къ епархіальному начальству, чтобы оно предложило духовенству московскаго уѣзда озаботиться устройствомъ и открытіемъ церковно-приходскихъ попечительствъ. Это ходатайство было представлено преосвященному Амвросію, который, черезъ посредство гласнаго земскаго собранія, свящ. І. А. Цвѣткова, сообщилъ управѣ, что ея ходатайство, по разнымъ причинамъ, едва ли будетъ имѣть практическій результатъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на приходскіе попечительные совѣты, какъ болѣе пригодные для устройства дѣла благотворительности. Такіе совѣты, по словамъ преосвященнаго, существуютъ въ Москвѣ при нѣкоторыхъ церквахъ уже нѣсколько лѣтъ, и дѣятельность ихъ оказывается весьма полезной. Желая заручиться данными о пригодности устройства приходскихъ попечительствъ или попечительныхъ совѣтовъ при церквахъ уѣзда, управа разослала 120 священникамъ запросъ по этому предмету, прося ихъ высказать ихъ мнѣніе о томъ, «могутъ ли попечительные совѣты служить успешному развитію и болѣе правильной постановкѣ дѣла общественнаго призрѣнія, и въ какомъ видѣ мѣстныя условія въ каждомъ приходѣ располагаютъ устроить эти дѣла». Отверты получены только отъ 73 священниковъ, и изъ нихъ громадное большинство указывало на невозможность устройства ни попечительствъ, ни совѣтовъ. Многие ограничились этой фразой безъ всякой мотивировки, а другіе ссылались на малочисленность прихожанъ и недостаточность ихъ средствъ. При этомъ всѣ священники въ одинъ

голось указывали на крайнюю нужду и бѣдность крестьянскаго населенія.

Такимъ образомъ организація общественнаго призрѣнія посредствомъ приходскихъ попечительствъ не удалась ¹⁾, а между тѣмъ устройство мѣстныхъ органовъ, дѣйствующихъ на небольшой территоріи, для этого дѣла безусловно необходимо. Центральное для цѣлаго уѣзда учрежденіе, уѣздная управа, вести его положительно не въ силахъ: она не имѣетъ никакой возможности дознать дѣйствительное положеніе каждаго нуждающагося и избрать тотъ видъ помощи, который въ каждомъ данномъ случаѣ можетъ принести наибольшую пользу. Опытъ раздачи пособій солдатскимъ семействамъ и управою, и уѣзднымъ попечительствомъ о нуждающихся семействахъ вонновъ (учрежденныхъ во время послѣдней войны), достаточно доказать, насколько это дѣло, требующее мѣстнаго, подробнаго знакомства съ положеніемъ обывателей, непосильно для центральнаго органа. Вотъ одинъ изъ доводовъ въ пользу устройства «мелкой земской единицы», на необходимость которой указали многія земства.

IX.

По составу учащихся, земская школа московскаго уѣзда можетъ считаться школой *всесословной*: она открыта для всѣхъ, безъ различія сословій и состояній и въ рядахъ ея учениковъ встрѣчаются представители всѣхъ классовъ сельскаго населенія. Крестьяне въ ней, конечно, преобладаютъ, но если сравнить число учащихся съ общимъ числомъ жителей каждаго сословія, то они окажутся слабѣ представленными, нежели другія общественныя группы. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ современныхъ свѣдѣній о распредѣленіи населенія уѣзда по сословіямъ и можемъ воспользоваться только устарѣвшими данными за 1869 г. ²⁾. Если принять, для сравненія, численность сословныхъ группъ по свѣдѣніямъ 1869 г., а число учениковъ по свѣдѣніямъ 1881¹/₂ учебнаго года, то отношенія получатся слѣдующія:

¹⁾ Докладъ М. У. З. У. „по общественному призрѣнію“ (составленъ др. Орловымъ). Журналъ Моск. у. земск. собр. 1880 г.

²⁾ Сборникъ статистич. свѣдѣній по московской губ. на 1869 г. Изд. моск. губ. земск. упр. М. 1869, стр. 10.

	Жителей обоюго пола.	Учениковъ обоюго пола.	% ученик. къ населен.
Крестьянъ	107,750	2,745	2,5
Духовенства	1,218	74	6,2
Купцовъ	207	4	1,9
Мѣщанъ и цеховыхъ	1,447	177	12,2

Принятія цифры населенія, какъ абсолютныя, для сравненія, конечно, не пригодны, но онѣ даютъ понятіе объ относительной роли каждого сословія въ пользованіи сельскою школою.

Наибольшій процентъ учащихся приходится на мѣстное торгово-промышленное сословіе—мѣщанъ и цеховыхъ; затѣмъ слѣдуетъ духовенство, поставляющее въ земскія школы весьма значительное число учениковъ. Въ сложности за 5 лѣтъ (187⁷/₈—188¹/₂) ученики земскихъ школъ распределяются по сословіямъ слѣдующимъ образомъ:

	мальч.	дѣв.	об. пола.	о/о.	о/о дѣв. для кажд. сосл.
Крестьянъ московскаго уѣзда .	8,189	2,128	10,317	82,0	20,6
„ другихъ уѣздовъ	636	205	841	6,5	24,3
Мѣщанъ и цеховыхъ	466	247	713	5,6	34,6
Духовнаго званія	109	122	231	1,8	52,8
Купцовъ	10	10	20	0,1	50,0
Солдатскихъ дѣтей	250	78	328	2,6	23,7
Питомцевъ Воспит. дома . . .	71	19	90	0,7	21,1
Разныхъ	28	13	41	0,3	31,7
	9,759	2,822	12,581		

Такимъ образомъ ученики, не принадлежащіе къ мѣстнымъ сельскимъ обществамъ, составляютъ: мальчики 16⁰%, дѣвочки—22,4⁰%, оба пола—17,9⁰%.

Сравнительно съ петербургскимъ уѣздомъ, въ школахъ московскаго уѣзда процентъ крестьянъ своего уѣзда и дѣтей духовенства значительно выше, зато гораздо ниже процентъ крестьянъ другихъ уѣздовъ и питомцевъ Воспитательнаго дома.

Среди учениковъ земскихъ училищъ московскаго уѣзда процентъ мѣстныхъ крестьянъ, вслѣдствіе постоянной прибыли другихъ сословій, съ каждымъ годомъ уменьшается. За то съ каждымъ годомъ увеличивается процентъ учащихся изъ дѣтей священно- и церковно-служителей.

По поводу этого явленія мы, въ нашемъ отчетѣ за 187⁶/₇ г., замѣтили, что «увеличеніе въ средѣ учениковъ народныхъ школъ числа представителей самаго образованнаго изъ сельскихъ сословій можетъ служить указаніемъ на успѣхъ школы и на внушаемое ею довѣріе». Сказанное нами вызвало со стороны одного рецензента слѣдующее замѣчаніе: «отчетъ объясняетъ это явленіе (возраста-

ніе числа учениковъ духовнаго званія) успѣхомъ школы и довѣріемъ къ ней, но можно дать и другое объясненіе—дѣваться некуда, трудно и дорого воспитывать въ городахъ»¹⁾. Не будемъ оспаривать этого объясненія; замѣтимъ только, что указанный фактъ во всякомъ случаѣ имѣетъ большое значеніе: если онъ не служитъ доказательствомъ довѣрія къ земской школѣ со стороны духовенства, то онъ несомнѣнно опровергаетъ такъ усиленно распространяемое въ послѣднее время обвиненіе этой школы въ недостаткѣ религіознаго направленія и въ намѣренномъ, со стороны лицъ, завѣдывающихъ земскою школою, устраниніи духовенства отъ школы, въ которой, говоря словами «Московскихъ Вѣдомостей», «полуграмотные верхоглядны», т.-е. учителя, «трактуютъ свысока священника, приходящаго въ школу для преподаванія закона Божія». Если бы обвиненія эти были справедливы, то священники не могли бы сочувственно относиться къ школѣ, «гдѣ ихъ предметъ занимаетъ послѣднее мѣсто и гдѣ имъ приходится выслушивать выговоры и наставленія послѣднихъ учителей», и ни въ какомъ случаѣ не отдавали бы своихъ дѣтей учиться къ этимъ самымъ, враждебно къ нимъ относящимся «полуграмотнымъ верхогледамъ». Между тѣмъ; духовенство съ каждымъ годомъ все чаще обращается для образованія своихъ дѣтей къ земской школѣ. Замѣтимъ при этомъ, что изъ 32 школъ, въ которыхъ въ 1881/2 г. обучались дѣти духовенства, въ 23 состояли преподавателями лица, которыхъ г. Катковъ именуетъ «полуграмотными верхогледами»: воспитанники мужскихъ (въ 15-ти) и женской (въ 8-ми) учительскихъ семинарій. Нѣкоторые изъ школъ, посѣщаемыхъ дѣтьми духовенства, находятся въ деревняхъ, гдѣ церквей нѣтъ. Такъ дѣти духовнаго званія учились въ школахъ, находящихся при церквяхъ:

1879/80	5 шк.	5 м.	8 д.
1880/81	10 „	10 „	11 „
1881/82	12 „	11 „	12 „

Самый высокій процентъ дѣвочекъ приходится на учащихся изъ духовнаго сословія.

За духовенствомъ слѣдуютъ купцы, мѣщане и цеховые и крестьяне другихъ уѣздовъ, т.-е. представители преимущественно торговаго класса (въ московскомъ уѣздѣ много крестьянъ другихъ уѣздовъ содержатъ трактиры), и эти данныя совершенно соотвѣтствуютъ приведеннымъ выше относительно распредѣленія

¹⁾ „Педагогическій Музеѣ“, 1877, № 12, стр. 888.

учащихся по поламъ въ профессиональныхъ группахъ. То же явленіе замѣчается и въ петербургскомъ уѣздѣ, гдѣ по приведеннымъ даннымъ, среди торговаго класса, процентъ учащихся дѣвочекъ выше, нежели въ остальныхъ, за исключеніемъ питомцевъ Воспитательнаго дома.

Распределение учащихся по сословіямъ, доказывающее, что земская начальная школа въ обоихъ подстоличныхъ уѣздахъ не есть школа исключительно крестьянская, что ею въ равной мѣрѣ пользуются всѣ сословія, наводитъ на вопросъ объ источникахъ содержанія школы. У насъ довольно прочно установился взглядъ, что въ содержаніи школы непременно должны участвовать тѣ сельскія общества, для которыхъ онѣ устраиваются. Такой взглядъ проводится и правительствомъ и большинствомъ земскихъ собраній. Высочайше утвержденнымъ 29 мая 1869 г. мѣстнымъ государственнаго совѣта министру народнаго просвѣщенія предоставлено открывать образцовыя училища, предпочтительно одно-классныя и частію двухклассныя, «избирая для сего селенія, въ коихъ состоятся приговоры сельскихъ обществъ о безвозмездной уступкѣ, изъ общественнаго надѣла, земли подъ устройство дома для училища и о принятіи на свой счетъ ремонта, отопленія и освѣщенія училищныхъ домовъ и содержанія прислуги». Здѣсь участіе сельскаго общества въ расходахъ по содержанію школы, довольно значительное, ставится неперемѣннымъ условіемъ открытія казенной школы. Точно такое же правило установлено многими земскими собраніями. Но вопросъ въ томъ, насколько справедливо, при сословномъ характерѣ сельскаго общества, возлагать на него расходы, идущіе на удовлетвореніе потребностей не одного крестьянскаго, а и другихъ сословій. Въ московскомъ уѣздѣ, напр., въ 18^{80/81} учебн. году средній расходъ на одного ученика, по 54 школамъ, составилъ 13 р. 77 к. (41,198 р. 48 к. на 2,990 уч.), а такъ какъ учениковъ, не принадлежащихъ къ числу крестьянъ московскаго уѣзда, было 543, то, слѣдовательно, расходъ на нихъ составляетъ 6,477 р. 11 к. Если бы на общества была возложена половина расходовъ по содержанію школы (приблизительно къ тому, что требуется для устройства министерскихъ училищъ), то крестьянамъ пришлось бы нести расходъ на обученіе дѣтей, принадлежащихъ къ сословіямъ, не участвующимъ въ мірскихъ раскладахъ, въ количествѣ 3,238 р. 55 к. Разлагая половину израсходованной суммы 20,599 р. 24 к. на число ревизскихъ душъ тѣхъ сельскихъ обществъ, въ которыхъ есть земскія школы (11,659), найдемъ, что сумма эта легла бы на каждую ревиз-

скую душу налогомъ въ 1 р. 76 к., приче́мъ стоимость содер-
жанія учениковъ—не-крестьянъ составила бы душевой налогъ
почти въ 28 коп. При существующе́мъ обложеніи каждой ре-
визской души, по свѣдѣніямъ 1881 г., въ 11 р. 28 к. и при
существованіи къ 1 января 1881 г. недоимки за крестьянами,
по всѣмъ платежамъ, въ количествѣ 60,3% оклада, дополни-
тельный налогъ въ 1 р. 76 к. на ревизскую душу составилъ бы
для крестьянъ страшное обремененіе, и можно смѣло утверждать,
что при его существованіи, огромнаго числа нынѣшнихъ зем-
скихъ школъ не существовало бы совсѣмъ. Но, не говоря объ
обременительности для крестьянъ всякихъ новыхъ налоговъ вообще,
не говоря о несправедливости привлеченія къ расходамъ на
нужды другихъ сословій, нельзя не указать на невозможность
привлеченія сельской общины, въ нынѣшнемъ ея составѣ, къ
школьнымъ расходамъ, и по другимъ соображеніямъ. Сельское
общество, образованное на основаніи Положенія 19 февраля
1861 г., изъ крестьянъ, поселенныхъ на земляхъ одного помѣ-
щика, чрезвычайно мелко: въ среднемъ выводѣ, на сельское об-
щество московскаго уѣзда приходится 54 домохозяина, въ томъ
числѣ 5,5 безземельныхъ, и 124,4 ревизскихъ души. Для такого
общества школа существовать не можетъ, ибо для нея не най-
дется ни средствъ, ни учениковъ. Необходимы, поэтому, болѣе
крупные союзы, а таковыхъ у насъ теперь нѣтъ, кромѣ волости,
которая, въ свою очередь, представляется единицею черезъ-чуръ
крупной для школьнаго округа: средняя волость московскаго
уѣзда имѣетъ 30,6 селеній, 23,8 обществъ и 2,960 душъ ¹⁾, а
земская школа, въ 188¹/₂ г., приходилась на 5,6 населенныхъ
мѣстъ и на 794 рев. души. Такимъ образомъ приходится или взять
иниціативу устройства школъ и расходы на ихъ содержаніе въ
руки земства, какъ это и сдѣлано въ московскомъ уѣздѣ, или
предоставить все дѣло судьбѣ, ожидая, когда добровольно соста-
вятся школьные союзы. Нельзя, поэтому, не согласиться съ мнѣ-
ніемъ Гнейста, что «содержаніе начальной школы должно быть
возложено на окружные союзы (Kreisverband), какъ повинность
округа (Kreislast)» ²⁾.

Въ виду бѣдности крестьянъ и обремененія ихъ налогами,
установленіе новыхъ мірскихъ сборовъ на содержаніе училищъ
приноситъ мало пользы уже потому, что сборы эти поступаютъ

¹⁾ Въ приведенныя статистическія данныя заимствованы изъ „Сборника стат.
свѣд. по московской губ.“, т. 1, вып. II. Сводныя таблицы.

²⁾ Die Selbstverwaltung der Volksschule. Vorschläge zur Lösung des Schul-
streites durch die preussische Kreisordnung. Berl. 1869, p. 70.

въ училищную кассу весьма несправно; это ставит школу въ весьма затруднительное положеніе. Мы указывали уже, какъ несправно поступали крестьянскія пожертвованія въ московскомъ уѣздѣ; но особенно рельефно выразились неудобства, протекающія для школы отъ возложенія значительной части расходовъ на нее на крестьянскія общества, въ Берейскомъ уѣздѣ, московской губерніи. Въ виду поучительности примѣра Берейскаго земства, мы позволимъ себѣ остановиться на немъ съ нѣкоторой подробностью.

Благодаря принятымъ училищнымъ совѣтомъ мѣрамъ и пожертвованіямъ крестьянъ, число училищъ въ уѣздѣ сразу увеличилось съ 22 до 36, изъ которыхъ 8 содержались на половинныхъ издержкахъ съ Воспитательнымъ домомъ. Но скоро начали обнаруживаться недостатки принятой системы, и прежде всего оказалось накопленіе недомогъ: уже въ докладѣ, представленномъ собранію въ 1876 г., члены училищнаго совѣта сообщали, что съ 1 іюля 1875 г. по 1 октября 1876 г. поступило отъ волостныхъ правленій 4,377 р. 75 к., а въ недомогѣ осталось 4,421 р. 10 к. ¹⁾ Въ слѣдующемъ 1877 г., училищный совѣтъ жаловался на недостатокъ денежныхъ средствъ, который не даетъ «возможности имѣть прочныхъ хорошихъ учителей, такъ что, прослужа годъ—два, лучшіе изъ учителей, не получая поощренія въ видѣ прибавки жалованья или награды, ищутъ мѣстъ, болѣе оплачивающихъ ихъ труды въ другихъ уѣздахъ». Кроме этого, по словамъ училищнаго совѣта, «училища страдаютъ отсутствіемъ наглядныхъ пособій, болѣе полнымъ собраніемъ руководствъ для учителей и ученическими библіотеками». Еще «одно изъ главныхъ затрудненій для училищнаго совѣта въ удовлетвореніи расходовъ представляетъ громадная недомогка суммъ, жертвуемыхъ крестьянами на училища, въ особенности за текущій (1877) годъ, въ которомъ она составляетъ почтенную сумму, 4,845 руб. 90 коп.» ²⁾ Въ 1878, «изъ числа бывшихъ 26 училищъ, содержавшихся на совмѣстныя средства земства и крестьянъ, закрыты 3—за отказомъ крестьянъ ташировской вол. продолжать плату на содержаніе школы»; въ то же время недомогка на крестьянахъ, въ 11 октября 1878 г., составила до 4,680 руб., и это побудило собраніе поручить управѣ «войти въ уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе съ просьбою о пенужденіи крестьянъ въ уплатѣ недо-

¹⁾ Журналъ уѣздн. земск. собран. Московской губ. 1876 г., 1, стр. 536.

²⁾ Журналъ 1877 г., т. 1, стр. 418 и слѣд.

имокъ, накопившихся за крестьянами на содержаніе школы» ¹⁾. Въ 1880 г. мы встрѣчаемъ въ докладѣ верейской управы совершенно безотрадную картину положенія народнаго образованія. По словамъ доклада, «въ уѣздѣ 23 земскіе училища, на содержаніе которыхъ изъ ассигнованныхъ суммъ (земствомъ) 2,300 р. относится по 100 р. на училище; отъ крестьянъ получается 4,000 р., на школу 175 р., и того на училище 275 р., тогда какъ нормальный расходъ, сверхъ жалованья учителю, слѣдующій: за квартиру 60 р., законоучителю 25 р., учебныя пособія и классныя принадлежности 50 р., итого на каждую школу 135 р.; остается 140 р. на жалованье учителю. Отнимая изъ суммъ на учебныя принадлежности 10 руб., является возможность вознаграждать трудъ учителя 150 рублями. Хотя училищный совѣтъ вполне раздѣлялъ взглядъ собранія на необеспеченность учителей и вполне сочувствовалъ идеѣ увеличенія ихъ содержанія до 200 р., чтобы имѣть право еще получать 40 или 100 р. отъ губернскаго земства, и такими средствами привлечь въ свои школы лучшихъ преподавателей,—но, какъ выслушало собраніе, при недостаткѣ собственныхъ средствъ цѣли достигнуть нельзя, по настоящее время учителя служатъ на жалованьи настолько ограниченномъ, что при первой возможности стараются переходить въ другіе уѣзды. Последній фактъ весьма замѣчательнъ. Въ нашъ уѣздъ изъ другихъ уѣздовъ не перемѣстился ни одинъ учитель, а изъ верейскаго уходить ежегодно. Къ настоящему времени есть 6 свободныхъ учительскихъ мѣстъ и не является ни одинъ кандидатъ. Управа обращалась къ ректорамъ московской и вѣанской семинарій о содѣйствіи къ поступленію въ учителя воспитанниковъ, окончившихъ курсы семинаріи, но не могущихъ еще, по молодости занять священническихъ мѣстъ, и не нашлось ни одного семинариста—по частнымъ слухамъ, оттого, что ограничено содержаніе. Поэтому, не только выбора учителей, но никого желающихъ поступить въ верейскія земскія училища не оказывается. Если бы возможно было сократить число училищъ, чтобы увеличить на остальные училища средства для жалованья учителей, то управа не упустила бы рекомендовать такой способъ. Но этого положительно нельзя сдѣлать, ибо съ закрытіемъ училищъ въ данной мѣстности, прекратится взносъ денегъ отъ крестьянъ; а эти деньги составляютъ сумму, вдвое большую земскихъ. Слѣдовательно, на одні земскія суммы, при нынѣшней ассигновкѣ,

¹⁾ Журналъ 1878 г., т. 1, стр. 293 и слѣд.

можно бы было содержать только 7 училищъ во всемъ уѣздѣ. Училищный совѣтъ не оставлялъ обращаться съ предложеніемъ къ крестьянамъ объ увеличеніи платимой ими суммы, но и въ этомъ случаѣ напрасно¹⁾.

Х.

Громадное большинство населенія московскаго уѣзда принадлежитъ къ православному исповѣданію. По приходскимъ вѣдомостямъ за 1873 г. числилось православныхъ и раскольниковъ вмѣстѣ 110,529 об. п., въ томъ числѣ отдѣльно раскольниковъ 5,621, т.-е. съ небольшимъ 5⁰/₀. По свѣдѣніямъ губернскаго статистическаго комитета за 1868 г. процентъ раскольниковъ показанъ совершенно согласный съ этимъ, а на всѣ въ сложности другія вѣроисповѣданія, кромѣ православныхъ и раскольниковъ, приходится всего 0,3⁰/₀; эта малая доля составляется армяно-грегоріанами, католиками, лютеранами, евреями и магометанами. Раскольники по большей части принадлежатъ къ толкамъ поповщинскому и беспоповщинскому. Они встрѣчаются, въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ въ очень многихъ селеніяхъ и приходахъ и только въ одной волости—дурькинской—раскольниковъ нѣтъ. Въ сѣверной половинѣ уѣзда вообще раскольниковъ значительно меньше, нежели въ южной; преимущественно же ихъ много въ юго-восточномъ углу уѣзда²⁾.

Сообразно вѣроисповѣдному составу населенія, и въ числѣ учениковъ начальныхъ училищъ должны преобладать православные.

По среднему выводу за все пятилѣтіе, православные составляли 97,1⁰/₀ учащихся (м. 97,0, дѣв. 97,7⁰/₀), раскольники—2,8⁰/₀ (м. 2,9, дѣв. 2,0⁰/₀), евреи—0,09⁰/₀ (м. 0,05, дѣв. 0,02⁰/₀). Процентъ раскольниковъ среди учениковъ не соответствуетъ отношенію расколичьяго населенія къ православному: вмѣсто 5⁰/₀, какъ бы слѣдовало, мы находимъ только 2,8⁰/₀, т.-е. немного болѣе половины. По отдѣльнымъ годамъ разсматриваемаго пятилѣтія, замѣчается нѣкоторое, хотя и незначительное колебаніе процента раскольниковъ къ общему числу учащихся. Процентъ дѣвочекъ къ общему числу учениковъ у раскольниковъ,

¹⁾ Журналъ 1880 г., т. 1, стр. 267.

²⁾ Осиповъ, „Отчеты статистики народонаселенія Моск. у.“ „Сборн. стат. свѣд. по Московской губ. отд. санитарной стат.“, т. 1, вып. 2, М. 1878, стр. 24.

какъ уже было замѣчено, ниже, нежели у православныхъ, но за послѣдніе годы замѣчается постепенное его повышеніе.

Чтобы выяснитъ дѣйствительное отношеніе числа учащихся къ населенію у православныхъ и раскольниковъ, возьмемъ, для сравненія, учениковъ изъ тѣхъ только селеній, въ которыхъ есть жители обоихъ исповѣданій и численность того и другого населенія примемъ по приходскимъ спискамъ 1873 г. Селеній, изъ которыхъ, за послѣдніе 3 года, въ 15 училищахъ были ученики обоихъ исповѣданій, насчитывается 23; населенія въ нихъ: православнаго 4,229 м., 4,849 ж., всего—9,078; раскольниковъ—1,625 м., 1,691 ж., всего—3,316. Число учениковъ, по годамъ, было:

	Правосл.			Раскольниковъ.		
	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.
1879/80	344	82	426	56	8	64
1880/81	360	94	454	54	16	70
1881/82	355	98	453	74	14	88
Среднее	353	91	444	61	22	73.

Среднее число учащихся составить, въ отношеніи къ населенію, у православныхъ 4,8% (м. 8,3, дѣв.—1,8%), а у раскольниковъ—2,2% (м. 3,7, дѣв.—0,7%). По отдѣльнымъ годамъ отношенія эти выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Правосл.			Раскольникъ.		
	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.
1879/80	8,1	1,6	4,6	3,4	0,4	1,9.
1880/81	8,5	1,9	5,0	3,3	0,9	2,1.
1881/82	7,9	2,0	4,9	4,5	0,8	2,6.

Отсюда оказывается прогрессивное, изъ года въ годъ, возрастаніе среди раскольниковъ процента учащихся, болѣе значительное, нежели возрастаніе его у православныхъ. Принимая отношеніе 1879/80 г. за 100, найдемъ, что въ 2 послѣдующіе года оно у православныхъ составило 108,7 и 106,5, а у раскольниковъ: 110,5 и 136,8.

Мы брали представителей обоихъ исповѣданій, живущихъ въ однихъ и тѣхъ же селеніяхъ и находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ. Можно думать, поэтому, что различіе въ пользованіи земскою школою со стороны тѣхъ и другихъ обуславливается не экономическими причинами; съ большою вѣроятностью можно объяснить это явленіе вѣроисповѣднымъ различіемъ: раскольники опасаются отдавать дѣтей въ школу, гдѣ законъ Божій преподается по ученію господствующей церкви. Именно поэтому раскольники, не посылающіе своихъ дѣтей въ школы, по словамъ г. Боголѣ-

пова, обучаютъ ихъ у своихъ единовѣрныхъ грамотѣевъ¹⁾: Существуютъ ли въ московскомъ уѣздѣ организованныя старообрядческія школы, намъ неизвѣстно; но есть свѣдѣнія, что онѣ существуютъ въ богородскомъ уѣздѣ, гдѣ расколъ имѣетъ болѣе широкое распространеніе. «Русскимъ Вѣдомостямъ» (1883 г. № 10) пишутъ изъ Гуслицъ, богородскаго у., что старообрядческія школы, существовавшія въ селеніяхъ Бѣлигѣ, Мисцовѣ, Заполицахъ, Слободинахъ и Завольномъ, совсѣмъ упали, вслѣдствіе гоненій мѣстнаго православнаго духовенства и полицейскихъ наѣздовъ, сопровождавшихся застрачиваніями за расколыничью якобы пропаганду, хотя въ этихъ самородныхъ школахъ распространялась не болѣе какъ одна грамота и обученіе велось по старинному методу. Школы эти, по словамъ корреспондента, не были бы лишними; имъ обязано населеніе Гуслицъ своею поголовною грамотностью.

Въ отношеніи распредѣленія по отдѣленіямъ, ученики-раскольники мало отличаются отъ учениковъ другихъ исповѣданій. По сложности за 3 года (1879/80—1881/2), у раскольниковъ, процентъ учениковъ старшаго отдѣленія выше, нежели у прочихъ исповѣданій, причемъ падаетъ на мальчиковъ, такъ какъ процентъ дѣвочекъ у тѣхъ и другихъ одинаковъ. Процентъ учениковъ, выходящихъ изъ школы ранѣе окончанія курса, у раскольниковъ нѣсколько ниже, нежели у учениковъ всѣхъ исповѣданій, вмѣстѣ взятыхъ: за то же трехлѣтіе онъ составилъ у раскольниковъ 18,3, и у всѣхъ вмѣстѣ—18,4, при этомъ разница въ пользу раскольниковъ падаетъ на младшее отдѣленіе для мальчиковъ, и на среднее и на старшее для дѣвочекъ. Средняя продолжительность пребыванія въ школѣ для раскольниковъ нѣсколько ниже, нежели для всѣхъ исповѣданій вмѣстѣ: для первыхъ она составляетъ 1,7 года (м. 1,8, д. 1,7), для послѣднихъ—1,8 года (м. 1,9, д. 1,6).

Приведенныя цифры могутъ служить отвѣтомъ на утвержденіе г. Цвѣткова (статья о народной школѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1874 г., недавно воспроизведенная въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ») касательно отношеній раскольниковъ къ современной школѣ. По словамъ этого автора, въ расколыническихъ селахъ, такъ-называемыя «начетчицы» ведутъ самую рѣзкую конкуренцію съ учителями школъ. Почти каждый школьникъ, только-что выучившійся кое-что читать и писать, непременно, — разумѣется, по волѣ родителей, — спѣшитъ оставить школу и при-

¹⁾ Назв. соч., стр. 18.

ходить къ какой-нибудь начетчицѣ для «вышняго» усовершенствованія». Какъ мы видѣли, изъ раскольниковъ доходитъ до старшихъ отдѣленій, 2-го и 3-го, почти такой же процентъ, какъ и изъ учениковъ другихъ исповѣданій, и даже въ старшемъ отдѣленіи процентъ ихъ выше. Далѣе, процентъ выходящихъ изъ младшаго отдѣленія у раскольниковъ такой же, какъ и у другихъ исповѣданій, а для мальчиковъ даже ниже. Наконецъ, въ школы поступаютъ и такіа дѣти раскольниковъ, которыя уже выучились «мoe-что читать и писать» и, по теоріи г. Цвѣткова, должны были бы переходить для дальнѣйшаго образованія къ «начетчицѣ». Изъ 247 раскольниковъ, поступившихъ въ земскія школы за трехлѣтіе 187⁹/80—188¹/2 г., ничего не знали 79,4⁰%, а 20,6⁰% обладали кое-какими знаніями: 22 (19 м. 3 д.) умѣли читать, 15 (11 м. 4 д.)—читать и писать, 6 (1 м. и 5 д.)—читать, писать и считать, 2 м. «разбирали по складамъ», 4 м. «разбирали гражданскую печать», 2 д. знали курсъ II отдѣленія (т.-е. перешли изъ другихъ школъ). Очевидно, такимъ образомъ, что если «начетчицы» и отвлекаютъ учениковъ отъ училищъ, то и эти послѣднія, пріобрѣтая довѣріе населенія, отвлекаютъ учениковъ отъ «начетчицъ».

XI.

При трехлѣтнемъ курсѣ ученія въ начальной школѣ, изъ числа поступающихъ въ школу мальчиковъ остаются на третій годъ, какъ мы видѣли выше, около 60,0 (58,9); но многіе изъ нихъ остаются въ низшихъ отдѣленіяхъ и не всѣ на третій годъ достигаютъ старшаго.

Въ каждомъ отдѣленіи довольно значительно число учениковъ, остающихся въ отдѣленіи по нѣскольку лѣтъ. Замѣчательно, что изъ числа учениковъ, пробывшихъ въ школѣ болѣе положеннаго времени и дошедшихъ до третьяго отдѣленія, довольно много выходитъ изъ школы передъ самымъ выпускнымъ экзаменомъ.

Отсюда можно вывести заключеніе, что полученіе свидѣтельствъ объ окончаніи курса, дающихъ право на льготу по воинской повинности, цѣнится сельскимъ населеніемъ очень мало ¹⁾.

¹⁾ Такое отношеніе крестьянъ къ льготнымъ свидѣтельствамъ подтверждаетъ В. Я. Стоюнинъ, въ своихъ „Наблюденіяхъ надъ русскою народною школою“ („Наблюдатель“ 1882 г., № 3). „Въ вопросѣ о распространеніи сельскихъ школъ,—говоритъ онъ,—разсчитывали на льготы по воинской повинности; но, кажется, большин-

Въ противномъ случаѣ всѣ ученики, пробывшіе въ школѣ болѣе 3 лѣтъ, навѣрное остались бы до экзамена. Этимъ, по всей вѣроятности, объясняется весьма незначительное число окончивающихъ въ каждомъ году курсъ со свидѣтельствами. По этому интересному вопросу намъ, въ сожалѣнію, не удалось добыть обстоятельныхъ свѣдѣній изъ канцеляріи уѣзднаго училищнаго совѣта, гдѣ хранятся всѣ относящіеся до выпускныхъ экзаменовъ документы; поэтому мы можемъ сообщать лишь немногія свѣдѣнія объ окончившихъ курсъ, не ругаясь, впрочемъ, по тремъ послѣднимъ годамъ, даже за вѣрность цифръ о числѣ получившихъ свидѣтельства.

Число окончившихъ курсъ въ земскихъ училищахъ, сравнительно съ общимъ числомъ учащихся мальчиковъ и съ числомъ учениковъ старшаго отдѣленія, въ среднемъ выводѣ составляетъ около 9% общаго числа учащихся мальчиковъ и 56,1% учениковъ старшаго отдѣленія. Въ другихъ уѣздахъ московской губ. отношенія колеблются около тѣхъ же цифръ.

Въ петербургскомъ уѣздѣ, по среднему выводу за послѣдніе три года, кончившіе курсъ составляли 7,8% общаго числа и 30,1% старшаго отдѣленія. Такимъ образомъ изъ десяти уѣздовъ процентъ окончившихъ курсъ ни въ одномъ не превышаетъ 13%, тогда какъ, при трехлѣтнемъ курсѣ ученія, онъ долженъ бы былъ равняться трети учениковъ.

Средній возрастъ окончившихъ курсъ, за 4 года, немногимъ превышаетъ 12 лѣтъ и, по годамъ, подвергаясь незначительнымъ колебаніямъ: въ 1875 г. онъ равнялся 12,85, въ 1876 г. — 12,58, въ 1877 г. — 12,51, въ 1878 г. — 12,12 лѣтъ.

Мы располагаемъ слишкомъ малымъ количествомъ данныхъ, чтобы позволить себѣ какіе-либо выводы, тѣмъ болѣе, что данныя относятся лишь къ первымъ четыремъ годамъ дѣйствія правилъ о выдачѣ свидѣтельствъ. Остановимся только на дальнѣйшей судьбѣ учениковъ, окончившихъ курсъ въ начальной школѣ. Это интересно въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, любопытно, развиваются-ли

ству крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ представляются эти льготы въ какомъ-то туманѣ; крестьянинъ, правда, знаетъ о нихъ по темнымъ слухамъ, но не вѣритъ въ нихъ; быть можетъ, даже и не позаботился распространить о томъ объявленіи. Но крайней мѣрѣ, крестьяне, высказываясь сочувственно о школѣ, рѣдко упоминали именъ на эти льготы, какъ будто онѣ не имѣютъ для нихъ никакого значенія. Недовѣріе къ льготнымъ свидѣтельствамъ возбуждается въ крестьянахъ самими училищными совѣтами. Въ послѣднемъ московскомъ уѣздномъ собраніи, напр., было заявлено, что свидѣтельства выдаются несвоевременно, чѣмъ вызывается ропотъ среди крестьянъ. Собраніе постановило просить училищный совѣтъ о принятіи мѣръ для болѣе своевременной выдачи свидѣтельствъ.

никола въ своихъ питомцахъ жажду знанія, и во-вторыхъ—не оказывается-ли она на нихъ вреднаго вліянія, выдвигая ихъ изъ обычной среды и отрывая отъ нея, въ чемъ ее нерѣдко упрекаютъ. Въ цитированной нами статьѣ г. Цвѣткова говорится, между прочимъ, слѣдующее: «Всякое многоученіе, пичканье разнымъ хламомъ, подъ предлогомъ *развитія, сообщенія полезныхъ содѣній*, или подъ всякимъ другимъ предлогомъ, практикуемое въ школахъ, устроенныхъ по программѣ бар. Корфа, не только не причиняютъ никакой пользы, но причиняютъ положительный вредъ, *отрывая деревенскихъ мальчиковъ отъ семьи*, надѣляя ихъ звонкимъ пустованіемъ и сообщая имъ самый отвратительный плебейскій аристократизмъ». Въ подтвержденіе своей мысли, г. Цвѣтковъ приводитъ отзывъ о школахъ александровскаго уѣзда, Екаторинославской губ., благочиннаго протоіерея Покровскаго, по словамъ котораго «крестьянскіе мальчики, обучавшіеся въ корфовской школѣ, смотрятъ съ высоты своего грамотнаго величія на своихъ не-грамотныхъ братьевъ и сестеръ, *видимо высказываютъ отораченіе къ черной работѣ, которою живетъ и доваляется родная семья*».

О судьбѣ учениковъ, окончившихъ курсъ въ училищахъ московскаго уѣзда, уѣздною управою были собраны, черезъ учителей, свѣдѣнія два раза — въ 1878 и 1881 годахъ. Свѣдѣнія доставлены не о всѣхъ ученикахъ (въ первый разъ о 255, во второй—о 499); но они достаточно обильны, чтобы дать матеріалъ для выводовъ.

Прежде всего эти свѣдѣнія указываютъ фактъ, что среди сельскаго населенія уже ощущается потребность въ чтеніи, а у многихъ, окончившихъ курсъ учениковъ обнаруживается стремленіе къ дальнѣйшему образованію. Вотъ цифры за 1878 г.

Поступили въ другія уч. заведенія . .	11 или	4,8%
Продолжали посѣщать свое училище .	33 „	13,0 „
Посѣщали воскресные и вечерніе классы	11 „	4,3 „
„ классы рисованія и пѣнія . .	7 „	2,7 „

Изъ остальныхъ 191 учениковъ нѣкоторые поддерживали связь со школою, обращаясь къ учителямъ за книгами для чтенія (такихъ указано 59), а трое, по свидѣтельству учителя, охотно занимаются чтеніемъ и сами покупаютъ книги. Такимъ образомъ изъ 253 окончившихъ курсъ (двое умерли), такъ или иначе продолжаютъ или, по крайней мѣрѣ, поддерживаютъ образованіе около половины. За исключеніемъ одной учительницы, всѣ преподаватели единогласно утверждаютъ, что стремленіе къ

дальнѣйшему образованію обнаруживается у значительной части окончивших курсъ учениковъ, и это подтверждается приведенными цифрами: 33 мальчика продолжали посѣщать ту школу, въ которой они окончили курсъ, не смотря на то, что эта послѣдняя не могла предложить имъ ничего новаго. Но такое стремленіе обнаруживается только на первыхъ порахъ по выходѣ изъ школы, исчезая по мѣрѣ того, какъ ученикъ втягивается въ практическую дѣятельность. «Рассматривая списокъ учениковъ, окончившихъ курсъ, — пишетъ учитель Лигачевского училища г. Жуковъ, — можно заключить, что окончившіе курсъ ученики не отличаются особымъ стремленіемъ къ дальнѣйшему образованію. Это произошло, какъ мнѣ кажется, отъ времени. Каждый ученикъ, какъ видно изъ списка, чѣмъ-нибудь да занимается; въ годъ, а для нѣкоторыхъ и въ два, каждый изъ нихъ уже настолько успѣлъ привыкнуть къ своему занятію, что сталъ считать его главнѣйшимъ источникомъ своего существованія, а отсюда, какъ прямое слѣдствіе — охлажденіе въ нихъ къ образованію вообще. На первыхъ же порахъ по выходѣ изъ школы стремленіе къ образованію высказывалось несравненно рѣзче. Мнѣ съ каждымъ изъ вышедшихъ учениковъ приходилось разговаривать послѣ экзамена относительно занимающаго предмета, и не было случая, чтобы кто изъ нихъ отказался отъ своего дальнѣйшаго образованія. Изъ всего сказаннаго, — заключаетъ г. Жуковъ, — видно, что стремленіе къ образованію въ вышедшихъ ученикахъ довольно сильно, только имъ воспользоваться нужно во-время». Изъ свѣдѣній, доставленныхъ учителями 26 училищъ о 499 ученикахъ, видно, что 67, или 13,4% продолжали посѣщать школу по окончаніи курса, 13 или 2,6% «учатся» (гдѣ — неизвѣстно), 194, или 38,9% обращались къ учителямъ за книгами для чтенія. Слѣдовательно и тутъ обнаруживается несомнѣнное вліяніе школы, сумѣвшей возбудить въ своихъ ученикахъ желаніе поучиться еще, почитать, обогатиться новыми знаніями. «Сѣздъ учителей и учительницъ московскаго уѣзда, — сказано въ докладѣ комиссіи перваго сѣзда объ ученическихъ бібліотекахъ, — заявляетъ о повсемѣстномъ желаніи сельскаго населенія читать книги. Желаніе это замѣчается не только между учениками, но и между взрослыми. Много примѣровъ могутъ привести учителя и учительницы, что къ нимъ обращаются за книгами религіозно-нравственнаго содержанія, какъ житія святыхъ и евангеліе, или просятъ какую-нибудь книгу или газету. Учитель Пучковской школы заявляетъ, что не разъ фабричные приходили къ нему съ просьбой дать имъ книгу, говоря:

«лучше читать, чѣмъ идти въ трактиръ»; или же сами, какъ взрослые, такъ и ученики школъ, покупали книги у коробейниковъ; ученики же иногда приносили учителю деньги, на которые онъ покупалъ имъ книги въ Москвѣ, по своему усмотрѣнію. Желаніе сельскаго населенія читать видно еще изъ слѣдующихъ фактовъ: такъ въ Исаковѣ собрано учителемъ 20 р. на бібліотеку; въ Лигачевѣ крестьяне на собранныя деньги выписываютъ журналъ и газеты. Книги, которыя берутся учениками и взрослыми на домъ для чтенія, читаются ими съ удовольствіемъ, и при проверкѣ учителя всегда оказывается, что нѣкоторые рассказы и сказки, напримѣръ, Пушкина и Жуковского, даже наизусть заучиваютъ. Самые любимыя книги учениковъ въ большинствѣ школъ оказываются слѣдующаго содержанія: въ младшемъ возрастѣ—сказки, въ среднемъ—сказки и рассказы изъ народнаго быта, въ старшемъ—рассказы историческіе, путешествія и біографіи историческихъ личностей. Житія святыхъ любимы учениками всѣхъ возрастовъ»¹⁾.

Такимъ образомъ на первый изъ поставленныхъ нами вопросовъ можно отвѣтить утвердительно. Обратимся ко второму: правда ли, что школа «отрываетъ деревенскихъ ребятъ отъ семьи», что она «вселяетъ въ нихъ отвращеніе къ черной работѣ, которую живетъ и довольствуется родная семья»? Обратимся опять въ цифры и рассмотримъ данныя, собранныя въ 1878 и 1881 гг. Первые относятся до 231 мальчика, вторые—до 450. Изъ нихъ оказывается, что занимались:

	1878 г.		1881 г.
Домашними работами	141 или 61,0%	185	или 41,1%.
Ремесломъ	17 > 7,3 >	20	> 4,4 >
На фабрикахъ	20 > 8,6 >	67	> 14,8 >
Въ услуженіи въ трактирн. и пит. заведеніяхъ .	15 > 6,4 >	13	> 2,8 >
Въ лавкахъ, мальчишками и приказч.	11 > 4,7 >	38	> 8,4 >
Торговлей	8 > 3,4 >		
Въ извозняхъ	5 > 2,1 >	42	> 9,3 >

¹⁾ Связь учителей и учительницъ московскаго у. „Земство“ 1881 г., № 45. Въ прошедшемъ году были приглашены въ школы, для диктанта, окончившіе курсъ въ прежніе года; но собранный матеріалъ еще не разработанъ, и мы можемъ привести только общее заключеніе, къ которому пришли члены училищнаго совѣта. По ихъ словамъ и по рассмотрѣнію написаннаго окончившими курсъ въ разныхъ школахъ диктанта, оказалось, что очень немногими онъ написанъ удовлетворительно, большинствомъ же плохо, съ большимъ числомъ ошибокъ, даже противъ звуковъ, а многими совершенно безграмотно. Больше хорошо написали тѣ, которые имѣли возможность дома читать и писать, или по временамъ посѣщали школу и пользовались наставленіями учащихся. „Отчетъ“ за 1881/2 г., стр. 87.

	1878 г.	1881 г.
Письмоводствомъ въ вол. правл. и конторахъ. . .	11 или 4,7 >	14 или 3,1 >
Разными работами, на сторонѣ.	3 > 1,3 >	55 ¹⁾ > 12,2 >
Въ военной службѣ.	— > —	3 > 0,6 >
Учатся.	— > —	18 > 2,8 >

Отсюда можно заключить, что громадное большинство окончившихъ курсъ продолжаетъ заниматься тѣмъ же, чѣмъ занимаются ихъ семьи; а если можно считать «оторвавшимися» отъ семьи, то развѣ только гѣхъ, которые посвящали себя занятіямъ по письмоводству, но, во-первыхъ, такихъ очень мало, а во-вторыхъ, какъ мы видѣли выше, есть родители, которые сами избираютъ эту карьеру для своихъ сыновей, отдавая ихъ учиться не въ школу, а въ волостному писарю, и обязывая послѣдняго пристроить ученика къ окончанію курса, къ мѣсту.

Свѣдѣнія, подобныя приведеннымъ, были собраны въ 1881 г. Крестецкою, новгородской губ., уѣздною управою о 215 мальчишкахъ, окончившихъ курсъ въ земскихъ училищахъ крестецкаго уѣзда. По этимъ свѣдѣніямъ оказалось:

Проживаютъ въ домахъ своихъ родителей, помогаютъ имъ въ занятіяхъ по сельскому хозяйству	158 или 73,4%
Продолжаютъ образованіе въ другихъ учебн. завед.	12 „ 5,5 „
Находятся на службѣ (3 въ военной и 2 въ частной)	5 „ 2,3 „
Обучаются мастерству.	11 „ 5,1 „
Занимаются промыслами и торговлей	7 „ 3,2 „
Служатъ писарями, больш. ч. въ волостн. правлен.	8 „ 3,7 „
Занимаются работами на сторонѣ	14 „ 6,5 „

О занятіяхъ 103 мальчиковъ свѣдѣній нѣтъ ²⁾

И такъ, всё толки о вредномъ вліяніи школы, отрывающей будто бы дѣтей отъ семьи, вносящей въ послѣднюю разладъ,—толки, ничѣмъ не подтверждаемые, въ виду приведенныхъ фактовъ, должны быть признаны лишенными всякаго основанія.

ХII.

Намъ остается сказать о педагогическихъ силахъ, которыми располагаетъ московское уѣздное земство. Въ 56 земскихъ училищахъ въ 188¹/₂ уч. году было 53 законоучителя, 27 учите-

¹⁾ Къ „разнымъ“ отнесены слѣдующія занятія: нахожденіе въ услуженіи, въ садомничествѣ, цѣвничѣ, въ типографіяхъ и литографіяхъ, и т. под.

²⁾ Постановленія крестецкаго у. з. собр. 1881 г. стр. 250. Свѣдѣнія по цѣлой владимірской губ. см. въ нашей статьѣ „Духовенство и народная школа“. „Русская Мысль“ 1882, № 10.

лей, 29 учительницъ, 12 учительскихъ помощниковъ и помощницъ. Большинство преподавателей получили специальное образованіе—въ мужскихъ и женскихъ учительскихъ семинаріяхъ, и только одинъ не имѣетъ диплома на званіе учителя. Вотъ какъ распредѣлялись учителя по образованію:

	учителя	учительн.	пом.-м.	пом.-ц.
Восп. учительскихъ семинарій	18	16	1	1
„ духовныхъ семин. и епарх. училищъ	3	1	3	1
Женскихъ институт. и гимназ.	—	7	—	1
Духовныхъ и уѣздн. училищъ	3	—	2	—
Им. дипломы испитан. комит. учебн. окр. . .	2	4	2	—
Смѣд. уѣздн. уч. совѣта	1	—	—	—
Восп. уѣздн. женскихъ школъ	—	1	—	1
	27	29	3	4

Преподаватели получаютъ вознагражденіе отъ земства въ слѣдующемъ размѣрѣ: законоучители 75 р., учителя училищъ 1 разряда 300 р., учителя 2 разряда—200 р., и помощники—200 р., причемъ вознагражденіе считается не за гражданскій, а за учебный годъ, такъ что преподаватели, прослужившіе всѣ учебные въ году мѣсяцы, имѣютъ право на полученіе жалованья и за лѣтніе мѣсяцы, хотя бы послѣ лѣтнихъ каникулъ оставили службу. Черезъ каждые три года окладъ жалованья учителей увеличивается: черезъ три года учитель получаетъ 325 р., черезъ шесть—375 р., черезъ девять—425 руб., черезъ двѣнадцать—475 р.

Въ 188¹/₂ уч. году размѣры получаемого учителями жалованье были слѣдующіе:

Получали по 875 р.	5 учителей	3 учительницы.
„ „ 325 „	18 „	3 „
„ „ 300 „	9 „	18 „
„ „ 200 „	— „	5 „

Средній размѣръ жалованья, получаемого учительницами, ниже получаемого учителями, потому что въ первое время существованія земскихъ училищъ приглашались преимущественно учителя, срокъ службы которыхъ, поѣтому, продолжительнѣе, нежели учительницъ.

На первыхъ же порахъ существованія земскихъ училищъ въ московскомъ уѣздѣ, возникла мысль объ устройствѣ учительскихъ сѣбодовъ.

Въ 1874 году, заведывавшимъ школами педагогомъ, г. Малининимъ, послѣ экзамена были созваны всѣ учителя для совѣщанія о прошедшемъ учебномъ годѣ. «Мы,—говоритъ г. Мали-

нимъ въ своемъ отчетѣ, — оглянувшись, такъ сказать, назадъ и спросили себя: все ли было сдѣлано нами во вѣренныхъ намъ училищахъ? При обсужденіи этого вопроса разсмотрѣно было множество явленій, такъ или иначе относившихся къ успѣхамъ школы. Выяснивъ себѣ сущность занимавшихъ насъ вопросовъ, мы, на основаніи прошедшаго опыта, въ общихъ чертахъ намѣтили направленіе нашей будущей дѣятельности. При семъ обставлялось такъ много любопытныхъ данныхъ по школьному дѣлу, что разобрать ихъ въ короткій срокъ нашего частнаго собранія не было никакой возможности и, порѣшивъ оставить ихъ до будущаго благоприятнаго времени, мы остановились на мысли — просить училищный совѣтъ и земское собраніе о содѣйствіи въ открытію лѣтомъ слѣдующаго года двухнедѣльнаго сѣзда учителей и учительницъ земскихъ народныхъ училищъ московскаго уѣзда. Земское собраніе возбудило ходатайство о разрѣшеніи сѣзда, но на это послѣдовалъ отказъ: управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ, что онъ «не находитъ возможнымъ согласиться на устройство въ Москвѣ сѣзда учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ московскаго уѣзда, такъ какъ для таковыхъ учителей и учительницъ министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшаются только временныя педагогическія курсы, притомъ съ единственною цѣлью усовершенствованія этихъ лицъ въ дѣлѣ начального обученія, но никакъ не для совѣщаній или рѣшеній тѣхъ или другихъ вопросовъ и мѣропріятій въ отношеніи къ училищамъ, въ родѣ тѣхъ, какія означены въ ходатайствѣ московскаго уѣзднаго земства». Только черезъ семь лѣтъ послѣ перваго ходатайства, было получено разрѣшеніе на созывъ учительскаго сѣзда, который и состоялся въ сентябрѣ 1881 г. За нимъ послѣдовалъ второй сѣздъ — въ сентябрѣ 1882 г., и, если не встрѣтится какихъ либо препятствій, учительскій сѣздъ сдѣлается теперь учрежденіемъ постояннымъ: на устройство его въ 1883 г. земскимъ собраніемъ ассигнована нужная сумма. Какъ дополненіе къ сѣзду была проектирована другая мѣра, рассчитанная на большее сближеніе учительской корпораціи съ земскими учрежденіями. Сѣздъ выразилъ желаніе, чтобы предоставляемо было нѣсколькимъ учителямъ, по выбору сѣзда, принимать участіе, съ совѣщательнымъ голосомъ, въ засѣданіяхъ уѣздной управы, при обсужденіи школьныхъ вопросовъ, подобно тому, какъ это дѣлается въ отношеніи къ медицинской части. Всѣ медицинскія дѣла въ московскомъ уѣздѣ разсматриваются «врачебнымъ совѣтомъ», состоящимъ изъ членовъ управы и всѣхъ земскихъ врачей; кромѣ того

губернскій сѣздъ врачей избираетъ изъ своей среды нѣсколькихъ членовъ въ губернскую санитарную комиссію при губернской управѣ. Подобную же организацію сѣздовъ учителей призналъ полезной и для школьнаго дѣла. Въ подтвержденіе этого предложенія одинъ изъ учителей, г. Соболевъ, указалъ, что въ возможно вѣрномъ рѣшеніи вопроса изъ жизни училищъ лучшими совѣтниками могутъ быть непосредственно участвующие въ этой жизни, знающіе всю ея бытовую обстановку, а таковы именно учителя; они своими разъясненіями стали бы помогать училищному совѣту. «Дѣло народнаго здоровья, — заключилъ г. Соболевъ, — какъ и школьное, есть специальное дѣло и также новое у насъ: если обратитъ вниманіе на то, гдѣ это дѣло поставлено обстоятельнѣе и гдѣ оно приноситъ лучшіе плоды, то увидимъ, что именно тамъ, гдѣ существуютъ такъ называемые врачебные совѣты, т.-е. тамъ, гдѣ вопросы по народному здоровью рѣшаются при непосредственномъ участіи земскихъ врачей»¹⁾. Однако, земское собраніе не признало удобнымъ удовлетворить это ходатайство сѣзда, которое поддерживала и управа.

Вопросъ о завѣдываніи училищами издавна занималъ московское уѣздное земское собраніе. Расходуя на народное образованіе весьма значительныя суммы, оно, естественно, желало, чтобы дѣло шло хорошо, и искидало способы для лучшей его организаціи. Въ 1872 г. для устройства земскихъ школъ и наблюденія за ними въ педагогическомъ отношеніи былъ приглашенъ педагогъ, который, въ качествѣ попечителя одного изъ училищъ, былъ, на основаніи дѣйствовавшего въ то время положенія о начальныхъ училищахъ 1864 г., назначенъ членомъ уѣзднаго училищнаго совѣта и оставался въ этой должности до введенія въ дѣйствіе новаго положенія 26 мая 1874 г., которымъ право губернскихъ училищныхъ совѣтовъ назначать попечителей школъ членами уѣздныхъ совѣтовъ было упразднено. За невозможностью имѣть собственныхъ земскихъ инспекторовъ или наблюдателей, земское собраніе переименовало своего педагога въ «завѣдующаго хозяйственною частью» своихъ училищъ, и эта должность существовала до 1876 г., когда, вслѣдствіе значительнаго числа открытыхъ земствомъ училищъ, завѣдываніе ими для одного лица сдѣлалось слишкомъ затруднительнымъ. Съ тѣхъ поръ завѣдываніе школами, въ педагогическомъ отношеніи, находится въ завѣдываніи училищнаго совѣта, который распределяетъ обзоръ школъ между своими членами и лицами,

¹⁾ „Земство“ 1881, № 46.

приглашенными, на основаніи 41 ст. положенія, въ помощь предводителю дворянства. Но мѣра эта мало приноситъ пользы: школы посѣщаются рѣдко, а многія совершенно остаются не посѣщенными въ теченіе цѣлаго года. Это обстоятельство побудило земское собраніе возбудить, въ 1881 г., ходатайство о предоставленіи земству права приглашать специалистовъ-педагоговъ для руководства земскими училищами и объ усиленіи состава уѣднаго училищнаго совѣта. На это ходатайство послѣдовала отвѣтъ, что «не усматривая въ постановленіи собранія тѣхъ соображеній, коими вызваны означенныя ходатайства, министерство народнаго просвѣщенія затрудняется войти въ обсужденіе этихъ ходатайствъ». Земское собраніе постановило представить министру народнаго просвѣщенія слѣдующія соображенія. «На основаніи положенія о нач. нар. учил. 25 мая 1874 г. завѣдываніе народными училищами лежитъ на обязанности училищныхъ совѣтовъ, въ составъ которыхъ входятъ два члена, избираемые земскимъ собраніемъ, и инспекторовъ народныхъ училищъ. Въ виду того, что большая часть членовъ училищнаго совѣта занята исполненіемъ своихъ прямыхъ служебныхъ обязанностей, они не имѣютъ возможности посѣщать училища болѣе или менѣе часто; что же касается до инспектора народныхъ училищъ, то имѣя въ своемъ завѣдываніи всѣ училища г. Москвы и уѣзда, числомъ около 200, и завѣдуя дѣлопроизводствомъ двухъ училищныхъ совѣтовъ, онъ тоже не можетъ навѣщать училища и оставаться въ нихъ столько времени, сколько необходимо для того, чтобы подробно ознакомиться съ ходомъ въ нихъ преподаванія и снабдить учителей нужными указаніями и совѣтами. При такомъ положеніи дѣла, училища остаются безъ дѣйствительнаго педагогическаго руководства и даже безъ надзора, такъ какъ рѣдко изъ нихъ посѣщается экзаменаторами и ревизорами болѣе одного раза въ годъ. Вотъ почему, въ видахъ усиленія контроля надъ педагогической частью въ училищахъ, представится желательнымъ какъ усиленіе состава учрежденія, завѣдывающаго училищами, такъ и привлеченіе къ участию въ руководствѣ ими специалистовъ-педагоговъ, которые снабжали бы неопытныхъ учителей нужными совѣтами и указаніями».

На благоприятный исходъ новаго ходатайства рассчитывать едва ли можно въ виду той участи, которая постигла подобныя же ходатайства другихъ земствъ, напр., рязанскаго губернскаго. Между тѣмъ, затронутый имъ вопросъ имѣетъ безусловно важное значеніе: изъ отчета членовъ уѣднаго училищнаго совѣта отъ земства за послѣдній годъ мы узнаемъ, что «главное на-

блюденіе за школами земскими и получающими пособіе лежало, какъ и прежде, на двухъ членахъ училищнаго совѣта отъ земства, которыми, для лучшаго наблюденія, эти школы были раздѣлены между собою; но въ первое полугодіе, частію вслѣдствіе поздняго начала ученія, главнымъ же образомъ по причинѣ крайне-затруднительныхъ путей сообщенія прошедшею зимою (совершенной безпутицы), были обозрѣны только очень немногія школы, а большинство были обозрѣны въ февралѣ, мартѣ и даже частію въ апрѣлѣ. Въ этотъ періодъ нѣкоторыя школы были посѣщены г. инспекторомъ народныхъ училищъ. А не мало есть школъ, которыя, вслѣдствіе неопытности учителей-новичковъ, нуждаются не въ инспекторскомъ только бѣгломъ осмотрѣ, а въ постоянномъ наблюденіи и руководствѣ; иногда необходима и скорая перемѣна учителя. Вотъ, напр., какъ описываетъ экзаменаторъ г. Малининъ Люберецкую женскую школу, посѣщенную имъ весною 1882 г.

«Это училище среди многихъ прекрасно устроенныхъ и хорошо ведомыхъ училищъ московскаго уѣзднаго земства есть *куртез*. Просто не знаю, съ чего и начать свою замѣтку...

«Всѣхъ ученицъ по списку числится 20, изъ коихъ на экзаменѣ явилось только 11. Личныя явившихся дѣвочекъ запуганныя, вялыя; взглядъ туповатый... Ученицы размѣстились по мѣстамъ безпорядочно: видно, что онѣ не имѣютъ постоянныхъ мѣстъ въ классѣ. Второму отдѣленію, по желанію учительницы, былъ сдѣланъ диктантъ, а первому—дано списываніе. Кое-какъ собрались съ перьями и бумагою. Вскорѣ послышался плачь. Дѣвочка на задней скамейкѣ по близорукости не видѣла написанное на классной доскѣ и разрыдалась. Пересадили впередъ. Послѣ письменныхъ работъ, качество которыхъ видно изъ прилагаемыхъ листовъ, принялись за устный экзаменъ. Знанія удовлетворительны только по *Закону Божію*. По *русскому же языку* собственно экзаменовать было нечего: въ I отдѣленіи читаютъ кое-какъ лишь нѣкоторыя дѣвочки, большинство же ихъ разбираютъ только звуки; а во II отдѣленіи, сообразно курсу, читать и совсѣмъ не умѣютъ, равнымъ образомъ не умѣютъ рассказывать прочитанное; что же касается грамматическихъ бесѣдъ, то о нихъ лучше умолчу. *Арифметика*—ниже критики: не говоря уже про младшее отдѣленіе, многія ученицы изъ старшаго отдѣленія написать числа не могутъ. Плохіе успѣхи учащихъ учительница объясняетъ тупостью, неспособностью и лѣнью дѣтей. Внѣшній видъ училища убогій; нѣтъ учебныхъ пособій, не ведется и правильное училищное писмоводство».

Учительница поступила въ это училище съ начала учебнаго года; двукратное посѣщеніе училища членомъ учил. совѣта — въ январѣ и мартѣ — не принесло пользы, можетъ быть потому, что было уже поздно: первое полугодіе прошло, а наверстать пропущенное учительница не могла или не хотѣла. И за это поплатились два десятка дѣтей, потерявшихъ безъ всякой воли цѣлый учебный годъ.

Надзоръ за училищами безусловно необходимъ, и надзоръ не полицейскій, а педагогическій, имѣющій цѣлью наставить и гдѣ нужно подбодрить учителя; привести въ извѣстность условія и особенности каждой школы и помочь учителю къ нимъ примѣниться; узнать нужды самого учителя и, по возможности, содѣйствовать ему въ ихъ удовлетвореніи; привести, наконецъ, въ извѣстность желанія населенія, его отношенія въ школѣ, тѣ требованія, которыя оно къ ней предъявляетъ. Начальная школа называется *народной* и должна быть таковою не по названію только: она должна чутко прислушиваться къ желаніямъ народа, должна приобрѣтать его любовь и довѣріе. И все это едва ли можетъ быть достигнуто, если школа, какъ теперь, будетъ предоставлена самой себѣ: надѣяться на силы одного учителя, прямо со школьной скамьи вступающаго въ свою трудную должность, было бы слишкомъ неосторожно ¹⁾.

XIII.

Изъ разсмотрѣнныхъ нами данныхъ оказывается, что образовательныя средства въ московскомъ уѣздѣ далеко недостаточны, несмотря на то, что расходы земства на народное образованіе весьма значительны. Опытъ показываетъ, что для предоставленія всѣмъ дѣтямъ учебнаго возраста возможности посѣщать училище, необходимо увеличить число школъ до такой степени, чтобы ни одно селеніе не отстояло отъ школы далѣе 2 верстъ. Очевидно, что увеличить число училищъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и школьный бюджетъ, согласно сдѣланному нами вышнему расчету, въ три раза противъ нынѣшняго, уѣздному земству совершенно не по силамъ. Въ этомъ дѣлѣ необходима помощь государства. Но на основаніи приведенныхъ свѣдѣній, нельзя не придти къ заключенію, что дальнѣйшее развитіе школьной орга-

¹⁾ Намъ взгляды на желательную организацію школьной администраціи подробно изложены въ статьѣ „Земство и народное образованіе“. „Русская Мысль“ 1882, № 11.

извѣщеніи въ уѣздѣ должно идти нѣсколько инымъ путемъ, нежели оно шло до сихъ поръ. Мы видѣли, что трехлѣтній курсъ ученія въ начальной школѣ, при нынѣшнемъ экономическомъ и умственномъ уровнѣ крестьянства, оказывается слишкомъ продолжительнымъ, что только меньшинство доходитъ до старшаго отдѣленія и оканчиваетъ полный курсъ. Но въ то же время замѣчается и другое теченіе. То меньшинство, которому удастся окончить курсъ въ школѣ, не довольствуется приобретенными въ ней знаніями и стремится къ дальнѣйшему образованію. Эти два факта и должны быть положены въ основаніе дальнѣйшихъ мѣропріятій по народному образованію. Во-первыхъ, необходимо увеличить число школъ, но въ то же время приоровить ихъ къ потребностямъ большинства: кромѣ трехлѣтней школы нынѣшняго типа, нужно учрежденіе начальныхъ школъ грамотности, съ болѣе краткой программой и болѣе краткимъ срокомъ обученія. Одно изъ средствъ къ осуществленію этой задачи было обсуждаемо на второмъ съѣздѣ учителей московскаго уѣзда. Это — выдача денежнаго вознагражденія лицамъ, занимающимся обученіемъ грамотѣ на дому, что уже практикуется нѣкоторыми земствами. Московская уѣздная управа, обращая на эту мѣру вниманіе послѣдняго земскаго собранія, предполагала привлечь къ преподаванію въ школахъ грамотности молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ начальныхъ училищахъ, и представила по этому предмету слѣдующія соображенія. Во-первыхъ, съ помощью этой мѣры, можетъ быть достигнуто болѣе или менѣе быстрое и повсемѣстное распространеніе школъ грамотности, поставленныхъ, притомъ, въ прямую связь съ земскою школою, такъ какъ бывшіе ученики послѣдней будутъ пользоваться совѣтами и указаніемъ своихъ наставниковъ и примѣнять, по возможности, тѣ приемы, посредствомъ которыхъ сами были обучены. При такихъ условіяхъ нельзя не признать, что школа, устроенная бывшимъ ученикомъ земскаго училища, представитъ гораздо болѣе задатковъ успѣха, нежели учрежденная отставнымъ солдатомъ или полуграмотнымъ крестьяниномъ. Во-вторыхъ, расходы на такія школы потребуются весьма небольшіе, такъ какъ мальчикъ 13—14 лѣтъ, живущій въ родительской семьѣ и посвящающій обученію только время, свободное отъ домашнихъ хозяйственныхъ занятій, будетъ довольствоваться и незначительнымъ вознагражденіемъ. Но для того, чтобы обезпечить успѣхъ дѣла необходимо, по мнѣнію управы, принять мѣры для нѣкоторой практической подготовки тѣхъ молодыхъ людей (обоихъ пола), которые пожелаютъ, по выходѣ изъ школы, заняться пре-

подаваніемъ грамоты. Для этого казалось бы желательнымъ оставлять такихъ молодыхъ людей, по выдержаніи ими выпускного экзамена, еще на годъ въ школѣ, съ тѣмъ чтобы въ это время они исполняли обязанности помощниковъ учителя и, подъ его руководствомъ, упражнялись въ преподаваніи и усвоивали приемы обученія. Средствомъ для удержанія кончившихъ курсъ въ школѣ можетъ послужить выдача имъ, за учебные мѣсяцы, небольшого вознагражденія, въ размѣрѣ 4—5 р. въ мѣсяцъ, что, въ общей сложности, составитъ на каждаго не болѣе 30—50 руб. Отвергнуты бывшими учениками школы грамотности могутъ быть снабжены на счетъ земства необходимыми учебными пособиями и поставлены подъ наблюденіе учителей ближайшихъ сельскихъ школъ, съ тѣмъ, чтобы послѣдніе навѣщали ихъ въ опредѣленные сроки, хотя бы по одному разу въ недѣлю, причемъ нужны надержки учителей (во всякомъ случаѣ незначительныя) могутъ быть оплачиваемы земствомъ. Что касается до курса такихъ школъ грамотности, то желательно, по возможности, приравнять его къ курсу I отдѣленія земскаго училища, въ тѣхъ видахъ, чтобы окончившіе въ нихъ обученіе могли переходить въ среднее отдѣленіе земскаго училища.

Въ видахъ поощренія молодыхъ людей къ занятію обученіемъ управа полагала выдавать имъ за каждаго ребенка, который выдержитъ въ концѣ года установленное испытаніе, по 3 руб. Предполагая, что число учениковъ въ каждой такой школѣ не будетъ превышать 10—15, размѣръ вознагражденія будетъ простираться до 30—45 р. на каждую въ годъ.

Управа просила объ отпускѣ, въ видѣ опыта, 500 р., но собраніе, вслѣдствіе неудовлетворительнаго положенія земскихъ финансовъ, не признало возможнымъ увеличивать школьный бюджетъ новою статьею, тѣмъ болѣе, что на нынѣшній годъ онъ и такъ увеличился противъ прошлаго года.

Въ случаѣ учрежденія школъ грамотности, поставленныхъ и по программѣ, и по характеру преподаванія, въ связь съ «начальнымъ» училищемъ нынѣшняго типа, это послѣднее получить значеніе второстепенной школы для тѣхъ, кто имѣетъ время и возможность для продолженія образованія далѣе той границы, на которой останавливается школа грамотности. Успѣхъ «начальнаго» училища будетъ обезпеченъ тѣмъ болѣе, если въ связи съ нимъ будетъ поставленъ еще третій типъ народной школы,—по научному курсу равный второму классу нынѣшнихъ двухклассныхъ училищъ, но снабжающій своихъ учениковъ обстоятельными ремесленными знаніями. Мы видѣли, что

обученіе въ начальной школѣ оканчивается обыкновенно въ 12-лѣтнемъ возрастѣ, и что именно въ этомъ возрастѣ, въ большинствѣ, начинается обученіе ремесленное. Весьма вѣроятно, поэтому, что изъ крестьянской среды найдется не мало охотниковъ отдавать дѣтей, по окончаніи курса начальной школы, въ такое училище, которое обогатитъ ихъ практически-полезными знаніями. При краткости курса начальной школы, мы положительно сомнѣваемся въ возможности введенія въ курсъ ея ремесленного преподаванія. Сдѣланный въ московскомъ уѣздѣ опытъ учрежденія классовъ технического рисованія (съ 1877 по 1882 г.) доказалъ, что даже этотъ предметъ не можетъ быть веденъ правильно и съ успѣхомъ въ начальной школѣ, вслѣдствіе неподготовленности учениковъ и недостатка времени. Напротивъ, обученіе ремеслу мальчиковъ, достигшихъ 12—13-лѣтняго возраста и прошедшихъ уже школьный курсъ, можетъ несомнѣнно достигнуть цѣли. Можно даже думать, что обученіе въ школѣ будетъ совершаться быстрѣе, нежели у хозяевъ, такъ какъ послѣдніе одну часть учебнаго времени пользуются ученикомъ, какъ даровой прислугой, а другую часть употребляютъ на извлеченіе изъ труда его выгодъ. На первое время, конечно, въ ремесленную школу пойдутъ только дѣти состоятельныхъ родителей, но впослѣдствіи, когда крестьяне познакомятся съ ея результатами, она привлечетъ въ себѣ и тѣхъ бѣдняковъ, которые теперь, вслѣдствіе бѣдности, преждевременно покидаютъ школу, чтобы поступить въ «ученье». Правильная организація общественнаго призрѣнія послужила бы въ этомъ дѣлѣ серьезною поддержкою школѣ.

Въ московскомъ уѣздѣ существуютъ три двухклассныхъ училища, содержимыя—одно монастыремъ и два частными лицами. Эти учебныя заведенія могли бы, по нашему мнѣнію, войти въ указываемую нами школьную систему: слѣдовало бы упразднить въ нихъ первый классъ (съ трехлѣтнимъ курсомъ, равнымъ начальной школѣ), а второй, съ удлинненіемъ учебнаго курса (съ двухъ лѣтъ до трехъ-четырехъ), преобразовать въ ремесленное училище. На первое время, въ видѣ опыта, этихъ трехъ училищъ было бы совершенно достаточно: въ 188¹/₂ г. въ нихъ училось 218 мальчиковъ и 39 дѣвочекъ, т.-е. почти столько, сколько ежегодно оканчивается курсъ въ начальныхъ школахъ.

Указывая на устройство школъ грамотности, которыя мы желаемъ видѣть, по возможности, въ каждомъ селеніи, мы признаемъ ихъ болѣе полезными, нежели учрежденіе ученическихъ квартиръ или пріютовъ при существующихъ школахъ. Правда, эти пріюты привлекаютъ значительное число учениковъ и рас-

ширяютъ районъ дѣйствій школы, доставляя возможность посѣщать училище дѣтямъ изъ отдаленныхъ отъ него селеній. И дѣйствительно, изъ уѣздовъ московской губерніи значительное число прикутовъ, при 20 школахъ изъ 33,—имѣется въ клинскомъ уѣздѣ, и здѣсь среднее число учениковъ на школу выше, нежели во всѣхъ другихъ уѣздахъ: оно разнится 80, тогда какъ въ остальныхъ не превышаетъ 61. Но во первыхъ, организація прикутовъ представляетъ весьма большія затрудненія, въ отношеніи надзора за живущими въ нихъ учениками; во вторыхъ, скопление учащихся (въ клинскомъ уѣздѣ максимумъ доходитъ до 162) должно вредно отзываться на успѣхахъ обученія, или же потребуетъ усиленія учительскаго персонала и во всякомъ случаѣ увеличенія помѣщеній, а все это вызоветъ расходы, которые едва ли будутъ менѣе расходовъ на новую школу¹⁾. Наконецъ,—и это, по нашему мнѣнію, главное,—ученическіе прикуты не облегчаютъ пользованія школой дѣтямъ бѣднѣйшихъ крестьянъ: для бѣдныхъ семей, говоритъ г. Боголѣповъ, «имѣетъ существенное значеніе даже вопросъ о количествѣ хлѣба, сѣдаемаго ребенкомъ дома и «заглазно»: «дать ему мало,—говорятъ крестьяне,—голодеетъ; дать много—не столько самъ сѣбѣ, сколько собакамъ справить, а нынче хлѣба-то не накупишься!» Слѣдовательно, здѣсь идетъ вопросъ не о простой маневровѣ въ посѣщеніи училищъ, а вопросъ о томъ—посылать или не посылать дѣтей въ школу». Слѣдовательно, устройство прикутовъ, если въ нихъ не будетъ даваться ученикамъ даровая пища, какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ школахъ петербургскаго уѣзда, принесетъ пользу только болѣе состоятельной части населенія, т.-е. той, которая имѣетъ возможность и подвозить дѣтей въ школу, и помѣщать ихъ на квартирахъ, даже у учителей—за плату.

Что касается до передвижныхъ школъ, т.-е. школъ, периодически посѣщаемыхъ разъѣзжающимъ учителемъ, то онѣ, по нашему мнѣнію, тоже уступаютъ школамъ грамотности. Въ сущности, эти послѣднія будутъ тоже «передвижными», такъ какъ «настоящій» учитель будетъ посѣщать ихъ отъ времени до времени, но выгода ихъ заключается въ томъ, что преподаваніе въ нихъ будетъ происходить непрерывно, такъ какъ въ нихъ должны быть постоянные учителя, хотя и мало подготовленные.

¹⁾ Московское уѣздное земское собраніе въ прошедшемъ году предоставило управѣ, въ случаѣ скопленія въ школѣ учениковъ, открывать новую школу въ одномъ изъ окрестныхъ селеній, вмѣсто приглашенія помощника въ существующую, какъ это дѣлалось прежде. Въ нынѣшнемъ году открываются двѣ такіа школы.

Въ настоящей статьѣ, стараясь послѣдовать главнымъ стороны школьной жизни, мы далеко не исчерпали тѣхъ богатыхъ матеріаловъ, которые доставляютъ школьныя записи. Мы оставимъ безъ разсмотрѣнія такіе интересные вопросы, какъ, напр., о влияніи на поступленіе дѣтей въ школу, продолжительность пребыванія въ ней, исправность посѣщенія и проч. *семейнаго состава, рода занятій семей, домашнихъ занятій самихъ учениковъ, и нѣкоторые другіе.* Но мы полагаемъ, что и тѣхъ данныхъ, которыя нами приведены, достаточно, чтобы вполне констатировать значеніе и важность правильно организованной школьной регистраціи.

Обращаясь къ организаціи школьной статистики, мы полагаемъ, что прежде всего слѣдуетъ озаботиться выработкой формуларовъ для школьныхъ записей, наставленій для ихъ веденія и формы для однообразной разработки ихъ и составленія отчетныхъ вѣдомостей по отдѣльнымъ школамъ и уѣздамъ. Инициатива въ этомъ дѣлѣ должна, по нашему мнѣнію, принадлежать центральному статистическому комитету, вниманіе котораго и обращено уже на необходимость правильной школьной регистраціи ¹⁾. Но мы желали бы, чтобы это дѣло не было рѣшаемо канцелярскимъ способомъ. Для выработки удобопримѣнимыхъ формъ и программъ необходимо практическое знаніе школьнаго дѣла и школьной обстановки, и знакомство съ тѣми лицами, на обязанность которыхъ будетъ возложена регистрація, т.-е. съ учителями сельскихъ школъ. Быть можетъ, примѣнительно къ умственному уровню послѣднихъ придется выработать нѣсколько программъ—болѣе и менѣе сложныхъ, предоставивъ примѣненіе тѣхъ и другихъ мѣстнымъ органамъ, смотря по условіямъ каждой школы. Лучшимъ способомъ для достиженія этой цѣли было бы, думается намъ, устройство при центральномъ статистическомъ комитетѣ особаго съѣзда изъ лицъ, участвующихъ въ управленіи школьнымъ дѣломъ,—представителей земствъ, инспекторовъ народныхъ училищъ, народныхъ учителей и лицъ, заведывающихъ земской статистикой ²⁾. По выработкѣ программъ и формъ, полезно было бы ввести ознакомленіе какъ съ основаніями статистики вообще, такъ и съ приемами школьной статистики, на учительскихъ съѣздахъ и курсахъ, и въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя готовятъ народныхъ учителей, т.-е. въ

¹⁾ Статист. Временникъ Росс. имперіи. Серія II, выд. 16. Отд. 1. Предисловіе.

²⁾ Мысль о необходимости такого съѣзда была высказана нами въ газетѣ „Земство“, 1882, № 16.

учительскихъ и духовныхъ семинаріяхъ. Въ тѣхъ заведеніяхъ, при которыхъ имѣются начальныя (постоянныя или воскресныя) школы, могли бы быть введены практическія занятія учащихся по регистраціи явленій школьной жизни.

Школьная регистрація можетъ и должна быть возложена на учителей народныхъ училищъ. Положеніе о начальныхъ училищахъ освобождаетъ училища отъ представленія «всякаго рода срочныхъ вѣдомостей, донесеній и т. п.», возлагая собраніе необходимыхъ о нихъ свѣдѣній на членовъ училищныхъ совѣтовъ (ст. 15), и это вполне разумно, такъ какъ требовать отъ учителей разработки статистическихъ матеріаловъ, значило бы обременять ихъ тяжелымъ, кропотливымъ трудомъ и крѣпкомъ рисковать достоверностью сообщаемыхъ данныхъ: немудрено, что вѣстью проверки цифръ, учитель просто измѣнитъ ихъ, когда какіе-нибудь итоги не будутъ у него сходиться. Но регистрація должна быть обязательна для каждаго учителя. И теперь повсемѣстно тѣ или другія записи ведутся, а опытъ московскаго уѣзда показываетъ, что учителя и учительницы могутъ вести даже сложные записи и что эта работа ихъ особенно не обременяетъ: за семь лѣтъ намъ одинъ только разъ пришлось встрѣтить жалобу учителя на затруднительность и обременительность для него школьныхъ записей по введеннымъ формамъ.

Что касается до разработки собранныхъ учителями матеріаловъ, то она должна быть сосредоточена въ общемъ губернскомъ статистическомъ учрежденіи — статистическомъ комитетѣ, а общая по Имперіи — въ центральномъ статистическомъ комитетѣ. Выдѣленіе школьной статистики изъ вѣдѣнія статистическихъ комитетовъ и предоставленіе ея вѣдѣнію органовъ министерства народнаго просвѣщенія, напр., инспекторовъ народныхъ училищъ или училищныхъ совѣтовъ, нежелательно потому, что 1) эти органы не обладаютъ надлежащей статистической подготовкой, которой должны обладать спеціально-статистическія учрежденія, и 2) полная разработка школьной статистики возможна только въ связи съ статистикой общей, такъ какъ многія явленія школьной жизни (напр., приливы и отливы учениковъ, колебанія въ манкировкахъ и т. д.) могутъ быть вполне удовлетворительно объяснены только явленіями экономической жизни. Училищные совѣты, въ свою очередь, могутъ служить передаточной инстанціей, въ которой сосредоточивались бы всѣ школьныя записи, для передачи ихъ въ статистическій комитетъ для извлеченія изъ нихъ нужныхъ для самыхъ совѣтовъ свѣдѣній. Въ тоже время на училищные совѣты можетъ быть возложено собираніе

и нѣкоторыхъ свѣдѣній для школьной статистики: о выпускныхъ экзаменахъ въ школахъ, составѣ преподавателей, и т. д., т.-е. о тѣхъ предметахъ, которые находятся въ ихъ вѣдѣніи.

Само собою разумѣется, что возложеніе новой сложной работы на статистическіе комитеты, при нинѣшнемъ ихъ составѣ и средствахъ, невозможно. Но, какъ слышно, правительствомъ уже возбужденъ вопросъ о преобразованіи ихъ, и если послѣднее будетъ предпринято въ смыслѣ сліянія правительственныхъ комитетовъ съ земскими статистическими бюро, — въ смыслѣ усиленія ихъ научныхъ и матеріальныхъ средствъ и большаго сближенія ихъ съ мѣстнымъ обществомъ, — то безъ сомнѣнія школьная статистика будетъ для нихъ работою, вполне посильною. А въ той пользѣ, которую можетъ принести нашему просвѣщенію правильная организація наблюденій надъ жизнью народной школы, едва ли можно сомнѣваться. «Что мѣропріятія въ области политики народнаго образованія могутъ получить надлежащее освѣщеніе только при помощи данныхъ тщательной школьной статистики, — говоритъ Энгель, — и что ихъ освѣщеніе — именно на основаніи послѣдней — въ высшей степени полезно какъ для школьнаго управленія, такъ и для школьнаго законодательства, это, конечно, не нуждается въ доказательствахъ»¹⁾.

В. Скалонъ.

---

¹⁾ Считаю долгомъ исправить одну неточность, вкрапшуюся въ нашей первой статьѣ (см. янв. 65 стр.). Говоря о произведенной въ 1881 г. статистическимъ отдѣломъ губ. зем. управы подворной переписи, мы указали, что въ числѣ описанныхъ селеній значится несуществующая въ дѣйствительности дер. Луново (стр. 91). По полученнымъ нами разъясненіямъ оказалось, что деревня эта внесена въ перепись только какъ хозяйственная единица, а не какъ населенное мѣсто. Мы были введены въ заблужденіе тѣмъ обстоятельствомъ, что дер. Луново помѣщена въ „поселенныхъ таблицахъ грамотности“, съ показаніемъ разстоянія ея отъ школы (стр. 47), тогда какъ въ этихъ таблицахъ она отнюдь не должна бы имѣть мѣста. Такимъ образомъ, указанный нами промахъ въ отношеніи этой деревни можетъ быть поставленъ въ упрекъ не переписи, а составителю „таблицъ грамотности“.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Да, незабвенна ты, поэзія стемей,
Пушистыхъ ковыловъ безбрежье золотое
И волны марева во мглѣ палищихъ дней,
И звѣздъ полуночныхъ мерцаніе живое.
Но скромныхъ нажитей картины мнѣ милѣй
И страсти полное, мое пережитое —
Наплывы счастья и бурь неукротимыхъ —
Вновь востаетъ въ душѣ среди полей родимыхъ.

Сегодня дивный день. Разсѣялся туманъ
И солнце, брызнувши веселыми лучами,
На капляхъ дождевыхъ подъ блестящими вѣтвями
Горитъ алмазами. Крикливый караванъ
Гусей угольникомъ несется надъ полями,
Гогочетъ и спѣшитъ на воды южныхъ странъ,
А храбрыхъ воробьевъ щебечущая стая
Шумитъ неистово, на солнышкеѣ играя.

Вся даль ясна кругомъ. По яркимъ ознамъ
Стада и табуны рассыпаны красиво;
На горизонтѣ глѣзъ свѣтитъ. По доламъ
Блеститъ мѣстами свѣгъ въ высоко сжатой нивѣ
И, цвѣтомъ водъ своихъ подобный небесамъ,
Едва застывшій прудъ похвостомъ лѣниво.
Весь этотъ свѣжій блескъ живыхъ будить силъ,
Но силы падаютъ, но кровь въ груди остыла,

И ужъ морозъ давно безсиленъ вызывать
 Румянца яркій жаръ на блеклыя ланиты,
 А жажда жить и жить горить во мнѣ опять...
 Боль счастья дни на вѣкъ утрачены, разбиты —
 Мнѣ въ утѣшеніе живетъ природа-мать
 И сила чувствъ моихъ къ ней жизнью не убита
 И въ сладкой тишинѣ безмолвныхъ созерцаній —
 Живу я прелестью святыхъ воспоминаній.

II.

СЫНУ НИКОЛѢ.

Слушай, Никола, сыночекъ мой милый,
 Мальчикъ ты мой дорогой,
 Что я скажу тебѣ, сломленный силой
 Жизни волны роковой:
 Въ счастье будь добрымъ, а въ горѣ будь сильнымъ,
 Бѣдныхъ людей не забудь:
 Пусть облегчишь ты участь обильнымъ
 Ихъ наболѣвшую грудь.
 Взявшись за дѣло—работай до пота,
 Стойкость удачу даетъ;
 Коль не спорится иная работа—
 Жди! часъ успѣха придетъ.
 Легкихъ успѣховъ и взглядовъ широкихъ
 Ты берегись какъ огня;
 Бойкость мышленія, безъ знаній глубокихъ
 Въ жизни сгубила меня.
 Силъ тебѣ много дано отъ природы,
 Помни при этомъ одно:
 Спросится много въ грядущіе годы
 Съ тѣхъ, кому много дано.
 Сладко живетъ однимъ мѣдлолюбимъ,
 Въ шутку имъ жизненный трудъ;
 Скромнымъ талантамъ лишь развѣ надъ гробомъ
 Должную честь воздадутъ.
 Но, не смущайся неправдой людскою,
 Правда пусть будетъ твой стягъ,
 А непосильной придавленъ борьбою
 Честно въ могилу ты лягъ.

Лишь объ одномъ буду жарко молиться,
Бога смиренно просить,
Чтобъ для народа ты могъ потрудиться,
Родинѣ милой служить.

III.

Отчего моей бѣдной душою
Полновластно владѣть печаль;
Иль несчастье виситъ надъ мною,
Или счастья минувшаго жаль.
Мнѣ любви недоступны отрады,
Не поднять угасающихъ силъ
И не ждать мнѣ отъ жизни пощады,
Коль другихъ я такъ мало щадилъ.

Н. С—ъ.

ИДЕАЛИСТЫ

ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

I.

Справедливо замѣчено было кѣмъ-то, что первые, молодые идеалы писателей столь же важны въ біографическомъ отношеніи, какъ и позднѣйшіе идеалы, на которыхъ основана ихъ извѣстность. Можно дополнить это замѣчаніе тѣмъ соображеніемъ, что предполагаемая имъ смѣна идеаловъ поучительна и важна только при разборѣ и изслѣдованіи обстоятельствъ, подготовившихъ и опредѣлившихъ ее. Безъ этого поясненія, измѣненіе идеаловъ представляетъ не болѣе, какъ внѣшнюю картину роста и развитія живыхъ единицъ, которая происходитъ ежедневно и во всемъ органическомъ царствѣ, не обращая на себя особеннаго вниманія людей, привычныхъ къ явленію. Въ такомъ изслѣдованіи и поясненіи причинъ, порождающихъ видоизмѣненія мысли и созерцаній—всего болѣе нуждается однакоже дѣятельность писателей, о которыхъ собираемся здѣсь говорить, именно, жизненная и литературная дѣятельность давно покойнаго А. И. Герцена и тоже покойнаго Н. П. Огарева.

Съ именами этихъ писателей, публицистика наша обращалась чрезвычайно осторожно, до самаго послѣдняго времени. Въ теченіе многихъ годовъ она обозначала ихъ или начальными буквами ихъ фамилій или прозвищами, въ родѣ Саша, Никъ, Искандеръ. Примѣръ послѣдняго псевдонима былъ данъ самимъ

авторомъ, Герценомъ, который еще въ періодъ своего пребыванія въ Россіи сдѣлалъ изъ него какъ бы второе имя для себя и скрывался за нимъ, никого, впрочемъ, не обманывая и не дѣлая изъ него загадки ни для кого. Съ 1848 г. пропадаетъ и это прозвище въ нашей литературѣ и критикѣ, а о разборѣ направленія писателя, который скрывался подъ прозвѣщанъ, по существу, содержанію и формѣ, и говорить нечего.

Надо прибавить однако, что примѣненіе, въ нѣкоторомъ родѣ, правилъ осаднаго положенія къ двумъ именамъ писателей и въ особенности къ одному изъ нихъ, не смотря на безуспѣшность результатовъ, имѣло еще въ то время смыслъ, какъ противо-дѣйствіе политической пропаганды, предпринятой ими, и какъ отраженіе поверхностныхъ умовъ, столь надѣвшихъ у насъ на платоническое сочувствіе къ ней. Но теперь, когда несостоятельность пропаганды обнаружилась вполне и сама она сдѣлалась уже достоинствомъ исторіи — наступила, кажется, пора вывести упомянутыя имена изъ того рода монастырскаго католическаго *in pace*, куда они загнаны были прежде. Пора возвратить писателей, носившихъ эти имена, къ общему положенію и предоставить свободному критическому обсужденію ихъ прошлую дѣятельность. Можно быть увѣреннымъ, что оно исполнитъ свою задачу удовлетворительно, безъ послабленія къ слабымъ сторонамъ и идеямъ ихъ, безъ преувеличенія того, что найдется у нихъ существеннаго и замѣчательнаго въ художественномъ и нравственномъ отношеніи.

Можетъ быть, отрывки изъ ранней переписки Герцена и Огарева съ друзьями, которую здѣсь предлагаемъ читателямъ, сопровождая необходимыми объясненіями, немогутъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, начать эту желанную оцѣнку съ нужнымъ сновоистіемъ.

Во всякомъ случаѣ исторія ихъ развитія, ими самими рассказанная, несомнѣнно должна привести къ упраздненію тѣхъ представленій объ ихъ нравственной фizioноміи, которыя были составлены для нихъ врагами и имѣютъ еще ходъ между большинствомъ публики, какъ настоящіе, подлинныя ихъ образы. Обнародованіе выдержекъ изъ переписки разобьетъ, полагаемъ, то подобіе индійскаго идола, сохраняющаго на вѣчныя времена одно и то же тупое выраженіе, разъ ему приписанное, съ которымъ соединено еще въ воображеніи многихъ читателей представленіе Герцена, какъ личности. Никакого, застыившаго навсегда выраженія злобы не оказывается въ тѣхъ чертахъ его фizioноміи, какія даетъ переписка, да оно и вообще не могло быть его принадлежностью. Самая подвижность его природы и способность принимать впечатлѣнія съ разныхъ сторонъ и отъ

разныхъ фактовъ и явленій жизни уже мѣшали окаменѣлости его ума въ одномъ направленіи, а сообщаемая переписка, добавокъ, приводитъ еще весьма тонкія черты его душевнаго міра, которыя, конечно, должны существенно измѣнить все, что слыветъ у насъ за его портреты и за вѣрныя характеристика его моральнаго содержанія. То же самое слѣдуетъ сказать и по отношенію къ Огареву. Всѣми признанная и распрославленная слабость его характера не мѣшала ему упорно настаивать на принятыхъ рѣшеніяхъ и достигать своихъ цѣлей, какъ оказывается изъ переписки. По ея свидѣтельству, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ бессильныхъ людей, которые способны управлять весьма крупными характерами, надѣленными въ значительной степени волей и рѣшимостію, что доказывается и несомнѣннымъ его вліяніемъ на своего друга, Герцена. Какъ многіе изъ этого типа слабыхъ натуръ, одаренныхъ качествами обаятельной личности, онъ былъ полнымъ господиномъ не только самого себя, но весьма часто и тѣхъ, кто вступалъ съ нимъ въ близкія сношенія.

II.

Переписка Герцена и Огарева съ ихъ друзьями началась съ 1835 г., т.-е. съ той поры, когда надъ нами разразилась неожиданная гроза и они высланы были изъ Москвы—стало быть, имѣть за собой почти 50-лѣтнюю давность. Причина катастрофы имѣетъ отношеніе къ оргіи, устроенной выпускными студентами московскаго университета 1834 года, ираздновавшими окончаніе курса и полученіе своихъ дипломовъ. Тутъ распѣвались, между прочимъ, довольно неприличные политическіе памфлеты и производились другія безчинства, сопровождающія обыкновенно оргіи. На Герцена, ни Огаревъ не были приглашены на пиръ и въ немъ не участвовали, не имѣя для этого и поводовъ. Герценъ кончилъ курсъ еще въ прошломъ 1833 году, а Огаревъ и вовсе не состоялъ въ числѣ выпускныхъ студентовъ. Можетъ быть, оргія эта и потухла бы бесслѣдно въ четырехъ стѣнахъ, гдѣ происходила, какъ многія другія, ей подобныя, если бы не нашлся предатель, въ числѣ пирующихъ, который предложилъ повторить въ его собственной квартирѣ и на его счетъ всѣ ея подробности еще разъ. Молодежь необдуманно согласилась на предложеніе и превратила такимъ образомъ легкомысленный поступокъ въ нѣчто похожее на преданіе-

ренную манифестацію. Всѣ участники вечера были, разумѣется, собраны и понесли различныя кары.

Какимъ образомъ наши пріатели могли быть привлечены къ дѣлу, въ которомъ не принимали никакого участія? Это объясняется растяжимостью политическихъ процессовъ и свойствомъ ихъ захватывать, ради полноты, сферы и идеи, лежащія по сосѣдству. Время было тогда довольно смутное, и надо сказать, что репутація полного умственного и общественнаго спокойствія, составленная ими въ послѣдствіи — не вполне согласуется съ существующими фактами. Начиная съ холерныхъ смуть 31 года, волновавшихъ какъ самый Петербургъ, такъ и добрую половину Россіи, и кончая московскими пожарами и поджогами 1834 г., напугавшими обитателей столицы — все свидѣтельствовало о тревожномъ состояніи умовъ даже въ народныхъ массахъ. Частыя арестаціи людей въ стѣнахъ университета и въ арміи по подозрѣнію въ принадлежности къ польской интригѣ, тоже не говорили въ пользу благополучнаго состоянія общества, а вдобавокъ нельзя было скрывать отъ себя, что политическія и экономическія идеи, возникшія въ Европѣ послѣ парижскаго переворота 1830 г., перешли уже нашу границу и стали занимать умы по сю сторону Нѣмана и Вислы. Все это повело къ тому, что внутреннія реформы, предполагавшіяся въ началѣ и казавшіяся столь вѣрными и неизбежными, что ихъ ожидали съ часу на часъ (см. въ перепискѣ А. С. Пушкина толки по поводу ихъ), были на время отложены и уступили мѣсто одному требованію порядка и обезпеченія правильнаго хода дѣлъ по дѣйствующимъ уставамъ и образцамъ. Бдительность тайной и явной полиціи возросла по мѣрѣ задачъ, возникавшихъ передъ нею, и обратилась на Огарева, у котораго, по слухамъ, въ нижнемъ этажѣ его родового дома, у Никитскихъ воротъ, въ красной его комнатѣ съ позолотой собиралась молодежь для какого-то секретнаго дѣла. На помощь полиціи пришла невѣдомая, говорили, даже родственная рука, которая отперла письменный столъ Огарева, въ отсутствіе хозяина, разобрала его бумаги, корреспонденцію, замѣтки и сообщила о подозрительномъ характерѣ своей находки кому слѣдуетъ ¹⁾).

¹⁾ Положительныхъ доказательствъ, подтверждающихъ фактъ, не имѣется, но въ вѣрности его убѣждены были тогда всѣ товарищи Огарева, приводя для установленія его, кромѣ извѣстій, полученныхъ стороною, еще и то соображеніе, что если бы Огаревъ былъ осужденъ какъ политическій преступникъ, все громадное состояніе его больного отца переходило подъ опеку родственниковъ или даже въ полное ихъ распоряженіе.

Такимъ образомъ Огаревъ былъ уже занодворѣнъ прежде злополучной оргіи, что и объясняетъ арестованіе его, вмѣстѣ съ бумагами, на другой же день послѣ захвата соучастниковъ нѣлѣнаго пира. И дѣйствительно, слѣдователи могли придти въ ужасъ отъ того, что они нашли въ бумагахъ Огарева. Это были обиходныя мысли между многими молодыми лицами его круга — по поводу процвѣтавшаго еще тогда ученія сенъ-симонистовъ! Еще на студенческой скамьѣ одна часть молодежи, искавшей пищи для пробужденной своей мысли, пристроилась къ этому ученію, между тѣмъ какъ другая такая же склонялась къ занятію нѣмецкой философій. Система Сенъ-Симона отвѣчала всѣмъ инстинктамъ и наклонностямъ Огарева и его друзей. Во-первыхъ, это была въ одно время и готовая религія, съ установленной уже іерархіей, и социальная пропаганда, отвѣчающая на мечтанія о внезапномъ облагодѣтельствованіи рода человѣческаго, которыя всегда такъ дороги молодымъ умамъ. Во-вторыхъ, она удовлетворяла безобиднымъ образомъ ихъ наклонности къ протесту и оппозиціи. Можно себѣ представить недоумѣніе людей, пересматривавшихъ массу полученныхъ документовъ, когда они нашли въ ней самыя индифферентныя, какъ и слѣдовало ожидать отъ послѣдователей новой секты, отзывы объ историческихъ порядкахъ не только своей родины, но и всей Европы. Это показалось грандіознымъ анархическимъ замысломъ. За прежде произведеннымъ арестомъ Огарева (25 іюня 1834), слѣдовали, по мѣрѣ разбора его бумагъ, черезъ мѣсяцъ, Герцена, а потомъ Сатина и другихъ, участвовавшихъ въ обсужденіи теорій. Однакожь одинъ разборъ утопической системы или одно даже сочувственное отношеніе къ ея положеніямъ не могли еще составить политическаго преступленія. Необходимо было отыскать, что скрывалось за выборомъ такой превратной доктрины для постоянныхъ бесѣдъ. Двѣ коммиссіи, одна за другой, работали, чтобы обнаружить положительныя злыя намѣренія подсудимыхъ — и безуспѣшно, потому что таковыхъ вовсе и не было. Ничего похожего на вредный замыселъ, на скопище съ определенной политической цѣлю, на какое-либо рѣшеніе, принятое въ противность дѣйствующему законодательству! Оказывался только налицо либеральный образъ мыслей, хотя и не подходящий подъ кару закона; но не принадлежащій къ разряду надежныхъ и благонамѣренныхъ. Но и этого было довольно. Послѣдняя коммиссія не сдѣлала уголовного обвиненія изъ занятія системой С.-Симона, какъ могла бы, а, опираясь на пріятельскія сношенія съ нѣкоторыми лицами іюньской оргіи, обвинила ихъ только

въ тайномъ единомысліи съ ними. Дѣло было рѣшено. Окончательный приговоръ разослалъ подсудимыхъ въ разные губерніи. Огаревъ пострадалъ при этомъ всѣхъ меньше. Изъ уваженія къ престарѣлому отцу его, онъ сосланъ былъ на жительство въ нему, въ Пензу. Герценъ отправленъ на службу въ Пермь, гдѣ пробылъ очень недолго, и почти тотчасъ по приѣздѣ переведенъ въ Вятку. Н. Сатинъ очутился въ Симбирскѣ, откуда отпускаемъ за болѣзнію только въ 1837 году.

Чрезмѣрно строгія наказанія юношескихъ увлеченій и ошибокъ, не имѣющихъ характера явныхъ преступленій, представляютъ одну невыгоду: они даютъ осужденнымъ чрезвычайно высокое понятіе о самихъ себѣ. Слѣдствіе подсудимыхъ развиваетъ своего рода честолюбіе: многіе сходили съ нея съ большимъ уваженіемъ къ самимъ себѣ, чѣмъ когда садились на нее въ качествѣ обвиняемыхъ. Конечно, ничего подобнаго не случилось съ Герценомъ и Огаревымъ. Они постоянно считали большимъ несчастіемъ для себя все съ ними происшедшее, но все-таки почитать, имъ оказанный преслѣдованіемъ, не прошелъ и для нихъ безслѣдно. Давно было замѣчено, что есть своего рода наслажденіе понести наказаніе не въ мѣру своей вины. У людей въ такомъ положеніи настоящая вина, если бы она и существовала у нихъ дѣйствительно, скоро забывается, а видится имъ только напраслина, надъ ними учиненная, которую они и носятъ торжественно на показъ. Нельзя сказать, чтобы Герценъ и Огаревъ вовсе свободны были, особенно первый, отъ гордости привилегированнымъ положеніемъ жертвы. Она проявляется и въ запискахъ его «Былое и Думы», которыя должны быть признаны одной изъ самыхъ живыхъ и занимательныхъ книгъ послѣдняго тридцатилѣтія (появились въ 1852 г.).

III.

Какимъ образомъ отразился на душѣ Герцена и Огарева строгій приговоръ, ихъ поразившій? Сдѣлались ли они невинными общества и ослобленными врагами всѣхъ его порядковъ? Записки Герцена говорятъ, что они разѣхались въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Иного и не могло быть, если принять въ соображеніе, что приговоръ разрушилъ заранее всю ихъ будущность, но записки умалчиваютъ о другой сторонѣ психическаго ихъ состоянія. Рядомъ со свидѣтельствомъ записокъ существуютъ еще несомнѣнные документы, показывающіе, что

вмѣстѣ съ ропотомъ и протестомъ, которые дѣйствительно вырвались на первыхъ порахъ у воображаемыхъ преступниковъ, въ душѣ ихъ тотчасъ же возникла мысль о необходимости помириться съ своимъ положеніемъ, возвыситься надъ неприятной случайностью и найти выходъ изъ нея въ устройствѣ своего нравственнаго міра, въ созданіи себѣ цѣлей и занятій, достойныхъ разумнаго существованія. Все это оказывается изъ интимной, задушевной переписки сосланныхъ, которую начинаемъ съ разоблаченій Герцена.

Едва коснувшись, какъ уже сказали, Перми, онъ тотчасъ же былъ переведенъ въ Вятку, на службу къ губернатору Тюфяеву, которому, между прочимъ, составилъ особое оригинальное имя въ нашей литературѣ. Вотъ отрывки изъ первыхъ двухъ его писемъ съ мѣста водворенія:

«Вопросъ начинаетъ разрѣшаться: *писать и не служить*. Я много узналъ практически: я служу въ самомъ дѣлѣ. *Не служить*, сказалъ я—не потому, чтобъ я не могъ служить; я выучился быть подчиненнымъ, я принесъ огромную жертву обстоятельствамъ и вопросу. Повиновеніе, покорность и исполненіе—болѣе ничего. Но внутри кричитъ голосъ: ты утратилъ твою душу—и я содрогнулся. Несчастія, горести, весь этотъ гнетъ—ничего передъ службой... Стыдъ тому, кого душа устрашится несчастій—сладки и они; ты говаривалъ, что въ нихъ своя поэзія—и правъ. Бываютъ минуты, въ которыя досада беретъ верхъ, въ которыя не можешь плюнуть въ глаза обстоятельствамъ и отвернуться отъ нихъ. Но за то другія минуты восторга, сливаясь съ перенесенными бѣдствіями, влекутъ въ тотъ міръ фантазій, гдѣ широко и разгульно мечтать, гдѣ воля полная страстямъ...

«Изъ всѣхъ писемъ—одно заключеніе: «ссылка хуже тюрьмы». Это очень справедливо—какая-то ничтожность, *земляность* покрыла мою душу здѣсь. Для занятій почти нѣтъ времени—цѣлое утро въ канцеляріи, а послѣ обѣда, по большей части, пропадаетъ: les devoirs de la société маленькаго города обязываютъ всякаго дѣлать глупости. Сначала я распутничалъ, но остановился, вспомнивъ, что я обязанъ беречь свою душу для другихъ ощущеній, и еще болѣе увидѣлъ пустоту этихъ ложныхъ искусственныхъ чувствъ, стремясь къ настоящимъ.

«Пріѣздъ сюда Витберга есть для меня вещь важная; онъ понимаетъ всякій восторгъ, цѣнитъ всякое чувство, онъ артистъ въ душѣ, артистъ не zum Zeitvertreib, а потому что онъ не

могъ бы быть не артистомъ. Въ его головѣ родилась мысль высокая—сбыточная или нѣтъ—что за дѣло? Мысль эта обвила все его существованіе, была сердцемъ его жизни—и не удалась. Пусть другіе назовутъ его сумасшедшимъ; я думаю, что онъ великій человѣкъ среди мелочного времени.

«Состояніе О* (Огарева) худо и очень. Я, по крайней мѣрѣ, когда отдѣлался по службѣ—воленъ. Но этотъ маленький, безпрерывный гнетъ дома—страшитъ. Его хотѣлъ бы я видѣть больше всего на свѣтѣ, ибо все-таки люблю его болѣе всего, люблю просто, какъ его, со всѣми недостатками—въ его душѣ нѣтъ уюта, гдѣ бы не было симпатіи съ моею душой; мы сдѣланы изъ одной массы, но въ разныхъ формахъ, съ разной кристаллизаціею.

«Но какъ бы то ни было—ты имѣешь право спросить, что же я дѣлаю? Единственная польза (которую я приобрѣлъ), что ближе узналъ нѣкоторыя части законовѣдѣнія и самую Русь. Опытъ дѣло важное: если писаннаго не вырубишь топоромъ, то полученнаго опытомъ не выжжешь огнемъ.

«... Я вамъ повторялъ много разъ, что 1834 годъ окончилъ наши *Lehrjahre*... Да, они кончены—времена безотчетной мечты и юношества. Но der Bestandtheil нашего бытія остается цѣль и невредимъ. Любовь—высокое слово, гармонія созданія требуетъ ея; безъ нея нѣтъ жизни и быть не можетъ... А. Герценъ. 1835 г. ноября 22-го».

Прежде чѣмъ перейти ко второму отрывку, необходимо сказать нѣсколько словъ въ поясненіе перваго, теперь приведеннаго. Нѣкоторая туманность и спутанность его начала объясняется, по нашему мнѣнію, осторожностью въ виду тогдашняго состоянія провинціальной почты и ненадежностью даже, такъ называемыхъ, *открытыхъ* оказій. Вопросъ о томъ, будетъ-ли Герценъ служить действительно или только числиться на службѣ, занималъ его самого и его друзей еще при отъѣздѣ изъ Москвы ¹⁾. Одинъ изъ нихъ, любившій отличиться въ средѣ товарищей противорѣчіями ихъ вкусамъ, Н. И. Сазоновъ, пророчилъ Герцену, что изъ него выйдетъ лхой чиновникъ, но пророчество не сбылось. Вопросъ разрѣшился очень просто: по распоряженію ближайшаго начальства Герценъ принужденъ былъ отдаться тому роду кажущихся занятій, которые гр. Л. Н. Толстой такъ мѣтко

¹⁾ Подчеркнутыя мѣста въ письмѣ означаютъ слова самого Герцена при этихъ толкахъ: „лхата, но не служить“.

называть «обязательной праздностью». Въ 9 часовъ утра Герценъ явился въ канцелярію губ. Тюфяева и просиживалъ въ ней до 2 часовъ, повторяя то же вечеромъ отъ 5 до 8 часовъ, убивая все это время въ пустякахъ: это и значило служить. Въ городѣ у него было одно утѣшеніе—общество какой-то умной, красивой и образованной дамы, при старомъ и больномъ мужѣ (во второй части «Былого и Думъ» разсказывается эпизодъ сношеній автора съ одной вятской дамой, скрытой имъ подъ именемъ Р*: эпизодъ оставляетъ трогательное и грустное впечатлѣніе). Вторымъ любимымъ собесѣдникомъ его былъ гениальный, но неудачный строитель храма Спасителя на Воробьевыхъ горахъ, архитекторъ Витбергъ, погубленный фантазіей и тѣмъ, что, подавленный своей идеей, не хотѣлъ знать препятствій и примѣняться къ людямъ и къ условіямъ своего времени. Герценъ встрѣтилъ его въ Перми, водвореннымъ тамъ на жительство и тотчасъ же внезапно и страстно въ него влюбился. Когда Витбергъ, вслѣдъ почти за Герценомъ, высланъ былъ въ Вятку, послѣдній принялъ его въ свою собственную квартиру. Дни и ночи проходили у нихъ въ восторженныхъ разговорахъ о торжествѣ всего пошлаго и рутиннаго на землѣ и о неугасающихъ надеждахъ, какія должны жить въ груди каждаго истиннаго художника, не имѣющаго права отчаиваться въ своемъ воскресеніи и восстановленіи. Когда до московскихъ пріятелей дошло извѣстіе о совмѣстномъ жителствѣ Герцена и Витберга—осторожные друзья, какъ явствуетъ изъ переписки, поставляли обстоятельство это на видъ сосланному товарищу, боясь, чтобы оно не было принято за восвешнюю протестацію мнѣніямъ и рѣшеніямъ правительства. Относительно восторженнаго отзыва Герцена о другѣ дѣтства, Огаревѣ—замѣчательно что тѣ же самыя слова онъ повторялъ и на склонѣ своихъ дней, не измѣняя ихъ ни на іоту. Оба пріятеля и по духу вполнѣ оправдываютъ названіе «близнецовъ», которое имъ давали многіе еще при жизни ихъ. Вотъ второй отрывокъ:

«Слава Богу, опять случай поговорить съ тобою... Не думай, чтобы я былъ грустенъ элегически... Я адѣсь потѣшаю публику пасквилями и эпиграмами, но замѣтилъ ли ты, что улыбка Гейне скрываетъ печаль, улыбка губъ, а не сердца. Сердцемъ я не могу быть веселъ, не отъ тоски по Москвѣ—Богъ съ нею! но потому, что моя будущность завѣшена еще мрачнѣйшимъ облакомъ, потому что часто скептическая мысль проникаетъ въ мою грудь и громко кричитъ: ты ничего не сдѣлаешь, умрешь съ своимъ стремленіемъ, Донъ-Кихотомъ sui generis, и пригодишься

только для тѣни въ какомъ-нибудь романѣ, ибо «les existences manquées, les génies morts en herbe» — въ модѣ. Вотъ что страшило меня, вотъ что тѣготило мою грудь.

«Что за пошлость провинціальная жизнь! Когда Богъ скажется надъ этой толпой, которая столь же далека отъ человѣка, сколько отъ птицы. Истинно ужасно видѣть, какъ мелочи, вздоры, сплетни поглощаютъ всю жизнь и иногда существа, которыя при иныхъ обстоятельствахъ были бы людьми — и быть обязану брать участіе во всемъ этомъ!»

«Скоро новый годъ. Другъ, въ 12 часовъ вспомнить васъ Герценъ и за васъ выпить большой стаканъ вина, пусть вздрогнутъ сердца ваши, пусть слеза разлуки и слеза радости канутъ въ вино».

«Я посылаю въ Москву двѣ статьи: 1) Гофманное ¹⁾ и 2) объ Вяткѣ, при письмѣ къ Полевому — куда онъ хочетъ — пусть помѣститъ или велитъ помѣститъ. Всеими послѣднюю и замѣть тамъ все сказанное о вотякахъ: я эту мысль разовью, гораздо подробнѣе, но еще не имѣю матеріаловъ».

«Читалъ ли ты въ М. Наблюдателѣ статью «Себастьянъ Вахъ»? Что за прелесть! Она сильно подѣйствовала на меня».

«Возвращаю тебѣ томъ Ж. П. (Жанъ-Поля Рихтера). Нѣтъ, я въ немъ не нашелъ того, чего искалъ. Много поэзіи, много фантазіи, но все это въ какой-то массѣ, безъ свѣта, безъ устройства и боюсь сказать — натяжна. Почему ты не сообщаемъ ничего о новыхъ книгахъ иностранныхъ? Я, можетъ быть, и выпишу бы кое-что, но не имѣю понятія. Напр., каковы новыя драмы Hugo, его книга «Chants du Crépuscule». Здѣсь есть русскія книги, но иностранныхъ — нигдѣ, а русскія книги всего менѣе годятся для чтенія... Напиши еще мнѣ какія-нибудь подробности о нынѣшнихъ литературныхъ партіяхъ... Прощай. А. Герценъ».

Такъ вотъ какому порядку идей отдавался Герценъ въ своемъ изгнаніи, а совсѣмъ не наслажденіямъ протеста и оппозиціи. Если онъ и дѣлалъ что-либо похожее на отрицаніе заведенныхъ порядковъ, то единственно своей особой — тѣмъ, что жилъ между новыхъ людей со своимъ саркастическимъ умомъ, со своей живой природой и съ обычнымъ, прямымъ своимъ словомъ.

¹⁾ Такимъ ироническимъ прозвищемъ Герценъ означаетъ свою пламенную статью о Гофманѣ, помѣщенную въ „Телескопѣ“ 1836 г. „Москов. Телеграфъ“ Полевого былъ уже тогда запрещенъ, но издатель его приглашался изъ Петербурга редактировать множество предполагавшихся тамъ журнальных органовъ. Далѣе Герценъ упоминаетъ о замѣчательной монографіи кн. В. Одоевскаго: „Себастьянъ Вахъ“.

Губернаторъ, какъ опытный начальникъ, замѣтилъ это первый и не возлюбилъ своего подчиненнаго. Тюфяевъ скоро распозналъ, что канцелярскій гнетъ и всѣ официальные требованія провинціальной администраціи не сломать насланнаго въ нему молодого чиновника, имѣющаго свои планы и задачи въ головѣ. Чиновникъ составлялъ диспаратъ въ обществѣ. Отъ него слѣдовало освободиться. Чѣмъ болѣе шло время, тѣмъ дѣло становилось хуже. Въ числѣ служебныхъ обязанностей края находились еще обѣды у губернатора по его выбору и назначенію. Тутъ онъ разбиралъ своихъ гостей на основаніи большей или меньшей глупости и уклончивости ихъ поведенія, въ отношеніи хозяина, на основаніи лживости ихъ отвѣтовъ, осторожности и робости въ возраженіяхъ, и классифицировалъ ихъ на тайныхъ своихъ скрижальяхъ для преслѣдующихъ распоряженій. Къ такимъ обѣдамъ сталъ приглашаться и Герценъ, можетъ быть, за репутацію образованности, которой пользовался и которой не доставало самому амфитріону. При этомъ, однакоже, оказалось, что независимость ума, эпиграматическая образность рѣчи, отличавшія Герцена, когда онъ чувствовалъ себя освобожденнымъ отъ официальныхъ узъ—производили впечатлѣніе, совершенно противоположное тому, какое онѣ обыкновенно зарождали въ слушателяхъ. Бойкій чиновникъ нарушалъ всѣ поставленные и утвержденные обычаемъ образцы служебнаго люда. Нѣтъ сомнѣнія, что губернаторъ, привыкшій къ безотчетному самовластию на своемъ посту и искушенный въ наукѣ отыскивать благовидные поводы для самаго лютаго произвола, чему научился еще по прежней службѣ у гр. Аракчеева, счумѣлъ бы, такъ или иначе, удалить Герцена подалѣе отъ себя. Планамъ его, однакоже, помѣшали два неожиданныя обстоятельства, о которыхъ будемъ говорить сейчасъ же.

IV.

Друзья Герцена въ Москвѣ, конечно, задавали ему не праздный вопросъ, когда спрашивали: что онъ дѣлаетъ? Зная его подвижный, пытливый, безпокойный, такъ сказать, умъ, вольно было себѣ и представить, чтобы онъ могъ замереть или отказаться отъ работы, подавленный служебнымъ поприщемъ или практическими дѣлами, къ которымъ выказывалъ на словахъ большое сочувствіе, или даже какой-либо мимолетной страстію. Герценъ отвѣчалъ имъ, какъ видѣли, извѣстіемъ о посылкѣ къ Н. А. Полевому двухъ статей (одной, о Вяткѣ, еще и не конченной),

которые, если и дошли по адресу, то вряд ли употреблены были въ дѣло этимъ комиссіонеромъ, сильно озабоченнымъ тогда устройствомъ собственной своей участи. Мы, по крайней мѣрѣ, не имѣемъ свѣдѣній о томъ достигла ли одна изъ нихъ печатнаго станка. Но Герценъ еще и не все высказывалъ друзьямъ: въ портфеляхъ его было заготовлено множество статей, плановъ, начатковъ, даже драматическихъ сценъ и притомъ—въ стихахъ, о чемъ онъ покаместъ умалчивалъ. Все это довольно важно для его біографіи—во-первыхъ, какъ указаніе на пожирающую дѣятельность его воображенія, на неустанный трудъ мысли, сопровождавшій его до гроба и не прерывавшійся при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ жизни, а во-вторыхъ, какъ краткое изложеніе идей, занимавшихъ его умъ въ то время и встрѣчавшихъ одобреніе у друзей его. Къ сожалѣнію, документъ, который заключаетъ въ себѣ эти разоблаченія и который приводимъ ниже, ограничивается сообщеніемъ заглавій статей, но не даетъ никакихъ свѣдѣній объ участи, ихъ постигшей. Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы какая-либо изъ нихъ втихомолку пробралась въ русскую печать и тамъ заглохла съ теченіемъ времени; вѣрнѣе, что они разбросаны самимъ Герценомъ по разнымъ городамъ, гдѣ онъ перебивалъ, отъ Вятки до Лондона, или спятъ въ его оставшихся бумагахъ, или хранятся, какъ рѣдкость, въ частныхъ рукахъ. Со всѣмъ тѣмъ, на основаніи однихъ заглавій и короткихъ къ нимъ примѣчаній Герцена есть возможность придти къ несомнѣнному заключенію объ общемъ характерѣ статей. Лирическій тонъ, когда дѣло шло о реальныхъ предметахъ, и философски-мистическій, когда рѣчь касалась явленій научнаго міра, должны были составлять ихъ отличіе. Выборъ сюжетовъ и героевъ для разсказовъ тоже замѣчательны—первые всегда почти представляютъ колоссальное обобщеніе абстрактной мысли, а вторые изображаютъ преимущественно людей, загубившихъ свою жизнь на службѣ какой-либо идеи. Предчувствіе темъ и мотивовъ, которые будутъ занимать слѣдующій литературный періодъ 40-хъ годовъ, въ нихъ уже сказывается ясно. Приводимъ документъ.

«Имѣю ли я къ вамъ довѣріе,—пишетъ Герценъ,—вы видѣли изъ прошлой грамоты моей; она очень кстати пришла, чтобы убѣдить васъ въ несправедливости. И потому о статьѣ и о прочемъ, тасовавш—(помолчимъ)!¹⁾ Что могу я прислать для печати?

¹⁾ Вѣроятно, Герценъ упрекаетъ друзей въ несправедливости за укоръ въ оптимизмъ, какой они дѣлали ему, надо полагать, по поводу статьи о воякахъ, которую онъ имъ самъ рекомендовалъ. Объяснительной и откровенной грамоты, здѣсь упомянутой, въ перепискѣ не находится.

«1-е *«Встрѣчи»*: это три статьи, изъ коихъ одна вамъ извѣстна — *«Германскій Путешественникъ»* (поправленный) и двѣ другія: *«Человѣкъ въ сентеркѣ»*, въ коемъ описана моя встрѣча въ Перми съ однимъ весьма несчастнымъ и весьма сильнымъ человѣкомъ. Третья *«Шведъ (Мысль и Откровеніе)»*.

«2-е *«Письма о Казани, Перми и Вяткѣ»*. «Могу прислать первыя, но поелику мнѣ предстоитъ теперь путешествіе по губерніи, то статья о вятской губерніи должна пополниться».

«3-е *«Легенда»*, которую я исправилъ, но которую я не напечатаю, а съ предисловіемъ ея не напечатаютъ».

«Наконецъ, 4-е. Первыя четыре главы моей повѣсти: *«Тамъ»!* Объ ней потолкуемъ, Мм. Гг.! Основная мысль этой повѣсти — мысль религіозная, та самая, которая начинаетъ просвѣчивать въ статьѣ *«Шведъ»* — даже лицо самого шведа должно явиться въ повѣсти. Но дѣло вотъ въ чемъ:

«Можно ли въ формѣ повѣсти перемѣшать науку, карриатуру, философію, религію, жизнь реальную, мистицизмъ? Можно ли среди пошлыхъ фигуръ des Alltagslebens поставить формулу алхимическую, среди страстей теллурическихъ — простите выраженіе — показать путь *туда*? Какъ вы думаете? Примѣръ хотя не нуженъ, но приведу Вил. Мейстера *«Lehrjahre»* и *«Wanderjahre»*: тамъ даже технология! А чего нѣтъ у Данта? Можетъ, найдутся особы, которыя не станутъ читать мысли, а однѣ сцены — пусть же самыя сцены ведутъ къ этимъ мыслямъ; а впрочемъ, кто не хочетъ читать — тотъ пусть идетъ обѣдать или спать, ибо для того вѣрно лучше ѣсть, ибо тутъ нортится желудокъ, а при тѣненіи — глаза».

«Отъ Вадима Пассека получилъ письмо съ требованіемъ статей для будущаго журнала. Отвѣчалъ ни то, ни сѣ — однако пользовался случаемъ обругать *«Путесыя записки»* въ лицо».

«Теперь буду ждать отвѣта на это письмо и прежде не пришло ни строки, — покуда не получу, — но пожалуйста писать обстоятельно, *писать можно теперь* ¹⁾. Пусть *«Путешественникъ»* хоть диктуетъ свое мнѣніе, а ты пиши, зная его лѣнь и отвращеніе отъ пера».

«Однако даромъ я не работниѣ. Требую отъ васъ достать мнѣ 1) Шведенборга — духовидѣнія; 2) Ешмазера о Магнетизмѣ, и все, что можете, объ Алхиміи, Адептахъ, Парацельсѣ, Нео-платоникахъ временъ Аполлонія Тианскаго. Прешу и умоляю».

¹⁾ Фраза свидѣтельствуетъ, что положеніе Герцена измѣнилось къ лучшему, какъ и дѣйствительно было, о чемъ ниже.

А впрочемъ, soit dit en parenthèses, вы не исполните рѣшительно моихъ требъ.

«Кромѣ литературы, которой я совсѣмъ не занимаюсь¹⁾, у меня дѣла вволю, я оправдалъ пророчество «Путешественника» и сдѣлался лихо! чиновникъ. F... bien! Въ другой разъ сообщу болѣе о расширеніи моихъ практическихъ свѣдѣній, въ свѣдѣствіе которыхъ многое перемѣнилось и въ теоріи.

«Ну, прощайте; да когда же судьба... броситъ меня опять въ Москву. Душа больна, да я и засалилъ ее какъ-то: нѣтъ юности, утратилъ ее я, можетъ быть, чортъ знаетъ, что было бы изъ меня, если бы providѣніе не отдало въ волю Ангелу. Adieu. Весь вашъ А. Герценъ.

«Что же Огаревъ?

«Можетъ быть я даже и всѣ «*встрѣчи*» помѣщу въ повѣсть. Ваше мнѣніе, ваше мнѣніе!»

Ограничимся немногими поясненіями, какія еще возможны при недостаткѣ положительныхъ фактовъ, и начинаемъ съ перваго произведенія, возмущеннаго этимъ документомъ: «Встрѣчи». Прежде всего тутъ встрѣчается извѣстіе о разсказѣ «Германскій Путешественникъ», который имѣлъ въ виду извѣстнаго въ нашей литературѣ этнографа Вадима Пассека, товарища по университету Герцена и очень любимаго какъ имъ самимъ, такъ и кругомъ его.

Добродушіе и мечтательность В. В. Пассека часто служили предметомъ шутокъ для его друзей. Прозваніе *Германскій путешественникъ* онъ получилъ послѣ своей книги «Путевыя записки Вадима» (1834), хотя въ ней не было ничего германскаго, а указывала она на важность путешествій по Россіи для пониманія ея исторіи. Но между товарищами онъ долго носилъ прозвище «Ritter aus Tambow», данное ему за склонность къ статистическимъ и этнографическимъ изслѣдованіямъ, напоминавшимъ знаменитаго нѣмецкаго ученаго, Карла Риттера. По связи понятій ему дали уже въ шутку и германскую національность. Книга Пассека произвела странное впечатлѣніе на друзей. Они усмотрѣли въ ней отреченіе автора отъ недавняго своего прошлаго, отъ связей съ товарищами, въ дѣлѣ которыхъ онъ тоже былъ замѣшанъ и только благодаря отсутствію своему изъ

¹⁾ Можно было бы въ текстѣ поставить восклицательный знакъ передъ этимъ замечаніемъ, довольно неожиданнмъ послѣ всего того, что говорилось въ письмѣ прежде.

Москвы избавился отъ ихъ участіи — ареста и ссылки. Молодымъ критикамъ его показалось, на основаніи его восторженныхъ отношеній къ бывшему Руси и къ ея исторіи, что онъ перешелъ въ лагерь служебнаго патріотизма, прикрываясь только фантастическими изслѣдованіями, будто бы научнаго свойства. На первыхъ порахъ Герценъ очень неблагоприятно отнесся къ старому другу. Онъ завязалъ съ нимъ переписку въ 1835 г., и мы видѣли, какъ онъ поспѣшилъ обругать «Путевыя Записки», а въ слѣдующемъ 1836 еще было хуже. У Герцена вырвалось даже восклицаніе: «Вадимъ продолжаетъ писать — *«se offendendo»*; я радъ: ренегатамъ нѣтъ успѣха!» По всѣмъ вѣроятіямъ, въ этотъ промежутокъ времени и исправлена юмористическая статья «Германскій Путешественникъ», написанная еще прежде. Нѣтъ сомнѣнія, что это была одна сплошная шутка надъ страстію въ рискованнымъ сближеніямъ и ослѣпляющимъ выводамъ изъ нихъ, каковой В. В. Пассекъ отличался, вмѣстѣ съ восторженнымъ тономъ изложенія своихъ взглядовъ. Мы не имѣемъ никакого понятія объ этой утерянной статьѣ, но можемъ судить о ней, по образцамъ путежъ, какими Герценъ привѣтствовалъ Пассека наканунѣ появленія его «Очерковъ Россіи» въ 1837 году: «Что Вадимъ, издаетъ ли свои «Очерки»? Я для него собираю чертежи всевозможныхъ трубокъ курительныхъ черемисъ, чувашъ, вятиковъ и приобрѣлъ покупкою два замка, одинъ ломковской волости, а другой шурбишнинальской. Изъ этихъ двухъ національностей очень легко будетъ ему объяснить — почему въ вятской губерніи нѣтъ помѣщичьяго права и почему здѣсь въ августѣ мѣсяцѣ — морозы. Если пробуду здѣсь долго, то еще привезу ему образцы бородъ здѣшнихъ мужиковъ для раскрытія соотношеній между бородою вятчанъ и каменнымъ углемъ, который здѣсь найденъ. *Il a du talent*: все это найдетъ, но врядъ ли найдетъ читателей. Это *du réel* — *fi donc!*» Въ дѣлахъ реальныхъ не очень былъ искусенъ и самъ критикъ. Огаревъ раздѣлялъ воззрѣнія своего друга. Онъ на отрѣзъ отказалъ въ помощи Пассеку, когда тотъ просилъ 3,000 или 4,000 т. р. на изданіе своего сборника «Очерки», мотивируя отказъ нѣ неизмѣнимъ этой суммы въ наличности, и такимъ приговоромъ: «добра отъ В* не чаю и потому не могу и не хочу дать». Все это недоразумѣніе продолжалось сравнительно не долго. Когда оба друга явились опять въ Москву въ 1839 г., уже было ясно, что тайна влюбчивости Пассека въ прошлую судьбу Россіи и перемѣна его направленія произошли отъ искренней любви къ народу, отъ жажды найти себѣ дѣло, которое могло бы поднять духъ

общества и успокоить его собственныя безпокойныя исканія опорной точкой для мысли. Печальная, преждевременная кончина Пассека въ 1841 году оставила самыя трогательныя воспоминанія о немъ въ душѣ всѣхъ его знавшихъ людей.

Второй — замысленный или исполненный рассказъ носить заглавіе «Человѣкъ въ венгерѣ» и почти несомнѣнно долженъ былъ передавать обликъ того самаго поляка, котораго Герценъ встрѣтилъ, по свидѣтельству своей книги «Былое и думы», въ Перми и который, при мрачномъ политическомъ фанатизмѣ, поразилъ его стоицизмомъ характера и достоинствомъ своего поведенія. Что касается до третьяго рассказа «Шведъ», мы убѣждены, что онъ олицетворялъ упомянутого уже друга Герцена — постоянно искренняго и дѣтски неразсчитливаго Витберга. Замыселъ повѣсти, какъ оказывается изъ наметокъ, существующихъ въ документѣ — былъ очень широкъ. Герценъ хотѣлъ собрать вокругъ своего шведа множество теозофскихъ, суперъ-натуральныхъ, фантастическихъ ученій, трактаты о которыхъ выписывалъ изъ Москвы, и сдѣлать того же шведа представителемъ между ними идеи о примиреніи свободной критической мысли съ Откровеніемъ. По этому плану очеркъ «Шведъ» уже перерождался въ цѣлую повѣсть или романъ; гдѣ герой его присужденъ былъ уже вращаться посреди множества будничныхъ, всѣдневныхъ, комическихъ или патетическихъ сценъ, да принять въ себя и всѣ рассказы о «встрѣчахъ»; нельзя удержаться отъ мысли, что въ этомъ видѣ — за исключеніемъ, разумѣется, картинъ русскаго общественнаго быта — романъ могъ имѣть нѣкоторое сходство съ флѳберовскимъ, современнымъ намъ, произведеніемъ «Искушеніе св. Антонія» съ тою только капитальной разностью между ними, что религіозный индифферентизмъ Флѳбера замѣнился бы здѣсь проповѣдью о томъ, что въ искусствѣ находится прямая оцѣнка вѣрованій... Всемирный энциклопедическій романъ этотъ долженъ былъ называться «Тамъ!» Такъ вотъ съ чего начиналъ Герценъ, будущій авторъ статей о дилеттантствѣ въ наукѣ, объ изученіи природы, записокъ доктора Крупова, и множества другихъ произведеній совершенно противоположнаго характера съ тѣми, которыя здѣсь разбираемъ! Это, между прочимъ, можетъ служить предостереженіемъ для бойкихъ критиковъ, расположенныхъ предсказывать всю будущность писателей, по однимъ образцамъ, вышедшимъ изъ-подъ пера ихъ въ пору броженія мыслей и напора впечатлѣній, обыкновенно раздирающихъ еще неокрѣпшее сознаніе.

О статьѣ, носящей заглавіе «Летенда», мы не имѣемъ въ самомъ документѣ никакого намѣна на содержаніе ея.

Прибавимъ въ этому разбору нашего документа, что онъ далеко не исчерпываетъ всего написаннаго и задуманнаго Герценомъ въ родану его вятскихъ и владимірскихъ вочевокъ. Планы ронались въ его головѣ и смѣнялись одни другими, да и то, что уже было положено на бумагу и послано въ Москву съ цѣлью опубликованія, часто требовалось назадъ и подвергалось или передѣлкѣ, или даже уничтоженію. Въ одномъ письмѣ 1838 года (1-го марта) находятсѣ слѣдующія строки: «Нѣтъ, все, что я писалъ, глупо. Сожгу все, вромѣ *статей архитектурной* — а она, можетъ быть, всѣмъ глупѣе, да въ ней есть хоть указанье на мысль широкую... Есть мысль хорошая для *новой повѣсти*, а какъ примешься писать — выйдетъ чертъ знаетъ что: пуншъ, въ которомъ и чай, и ромъ испорчены другъ другомъ, — ромъ не пьянить, а чай вонзаетъ, какъ человѣкъ съ похмѣлья. Ну-вотъ гдѣ талантъ, тамъ совсѣмъ не то»... Въ другой разъ, отвѣчая друзьямъ на упрекъ въ неисполненіи своихъ литературныхъ обѣщаній, Герценъ пишетъ: «А не исполнилъ по нижеслѣдующимъ причинамъ: 1-е, ожидая отъ «папеньки» отвѣта, я вовсе не думалъ о статейкахъ ¹⁾. Я было взялся за «Вятскія письма», да такъ показались мнѣ плоски, что я чуть ихъ не сжегъ. 2-е, я написалъ новую повѣсть «Его превосходительство» и навѣрное не хуже, нежели, «Тамъ» — только надо поправить. 3-е, статью *объ архитектурѣ* кончилъ, но не переписана по случаю грудной боли писца. 4-е, потому что я думалъ больше о новой повѣсти (еще): «Границы Ада съ Раемъ». Говорятъ — Нилъ способствовалъ плодородію женщинъ, но я начинаю думать, что Клязьма способствуетъ *литературному* плодородію; впрочемъ всѣ статьи у меня родятся *per* (NB. слово не разобрано — вочкованіемъ?). Естественный недостатокъ».

И многое другое открывается изъ дальнѣйшей переписки Герцена съ друзьями. Тамъ, мы узнаемъ, что въ Москву посланы были, вѣстѣ съ «Герман. путешвен.», отрывки изъ повѣсти «Тамъ», да отрывки изъ новыхъ драматическихъ сценъ, *изъ стиховъ*, подъ заглавіемъ «Лицувій», который, между прочимъ, сталъ сильно занимать съ 1858 года воображеніе Герцена, заслонивъ собою всѣ другія его произведенія, и отодви-

¹⁾ Тогда между „папенькой“ и сномъ его шло переговоры о женитьбѣ послѣдняго на своей двоюродной (и тоже побочной) сестрѣ, красивой Натальѣ Александровнѣ, что вскорѣ и произошло.

нуль назадъ и въ тѣнь ихъ обработку. Онъ извѣщаетъ друзей о новомъ чадѣ своей фантазіи еще простыми словами, но скоро будетъ говорить иначе: «При первой оказіи я приплю тебѣ вервую часть фантазіи: <Палингенезія>. Я написалъ Сазонову ¹⁾, что это драма. Нѣтъ—просто сцены изъ умирающаго Рима. Это первые стихи съ 1812 года ²⁾, мною писанные. Кажется 5-ти-стопный ямбъ—дѣло человеческое. Еще началъ я диссертацию о томъ, о семъ... 4-го октября» (1838). И это еще не все. При посылкѣ «Герман. путешественника», онъ вложилъ въ него, адресуя на имя одной изъ замѣчательныхъ женщинъ Москвы того времени, Екатерины Гавриловны Левашовой, новую статью и писалъ: «Статья, назначенная Левашовой, лежитъ въ «Герман. путешеств.». Прочти ее сперва—с'est un rien—и если найдешь дурною, никакъ не отдавай. Этого рода статьи въ прозѣ валяются ватнатыми, вездѣ, кромѣ у Ж. П. Рихтера. Но неужели фантазія, сама въ себѣ хорошая, не можетъ существовать безъ ритма? Почему я посвятилъ эту статью Катеринѣ Гавриловнѣ? Въ память ея отбываю объ насъ, въ память ея чувства при чтеніи письма отъ Ога... (Огарева)! Право, не нужно видѣться, чтобъ знать.» Можно догадываться, что поэтическая фантазія эта вышивала свободные узоры на фактахъ изъ дѣйствительной жизни Герцена, какъ подтверждаетъ и самъ авторъ, объявляя ее (въ томъ же письмѣ) «*сведеніемъ во вторую часть Wahrheit und Dichtung*». Значитъ, существовала еще у Герцена и первая часть такой же помѣси вымысла съ автобіографіею, какую представляетъ знаменитое произведеніе Гёте ³⁾. Поистинѣ можно удивляться этой массѣ плановъ и предназначеній, которые не давали успокоиться уму нашего автора и вѣрнѣе помѣшали полному осуществленію и окончательной обработкѣ всѣхъ ихъ.

Бстаетъ сказать нѣсколько словъ о г-жѣ Левашовой, имя которой часто встрѣчается въ перепискѣ друзей Герцена. Екатерина Гавриловна была живымъ олицетвореніемъ типа превосходной русской женщины. Она душой чувствовала всякое страданіе и всякій благородный порывъ и шла на встрѣчу имъ, не разбирая, заслужено ли первое и сходится ли второй съ

¹⁾ Одному изъ кружка Герцена и пользовавшемуся репутаціею оригинальнаго ума, который онъ растерялъ въ 25-лѣтнее почти пребываніе за-границей между партіями и раздѣляя ихъ эксцентрическіе планы и несбыточныя надежды.

²⁾ То-есть съ года рожденія автора.

³⁾ Мы имѣемъ основаніе думать, что фантазія, доброй частію своею, воспроизведена въ статьѣ „Записки одного молодого человѣка“, напечатанной въ „Отеч. Запискахъ“ 1840—1841 г.

условіями и требованіями свѣта. Можно сказать, что она, по инстинкту и нивѣмъ не приглашаемая, сдѣлала задачей своей жизни—нравственно ухаживать за душевно больными и ранеными, гдѣ бы ихъ ни находила, подобно тому, какъ въ послѣдствіи другія русскія женщины самоотверженно ухаживали за матеріально-ранеными на войнѣ. Покойный П. Я. Чаадаевъ, бывшій тоже въ числѣ ея друзей—весьма мѣтко опредѣлилъ сущность ея характера, сказавъ (цитату беремъ изъ «Былого и думъ»): «она извошла любовью». Много такихъ женщинъ прошло и проходитъ по русской землѣ безслѣдно и надо считать счастьемъ, когда представляется случай упомянуть имя хотя одной изъ нихъ.

Возвращаемся къ «Лицинію» ¹⁾. Еще многое остается сказать довольно характернаго по поводу его, и прежде всего упомянуть, что работа за нимъ внезапно перебивается другой, о которой Герценъ извѣщалъ друзей такимъ образомъ:

«У меня бродить въ головѣ новая поэма «Даніилъ въ Вавилонѣ». Досадно очень, что кромѣ библіи и Геерена «Ideen über etc.» у меня ничего нѣтъ о семитическихъ народахъ, а Гееренъ человѣкъ хорошій и умный, да не поэтъ и не философъ. Впрочемъ, библія это неисчерпаемый источникъ (изъ него можно даже брать такіе нелѣпости, какъ «Хеверь» Соколовскаго). Читалъ-ли ты когда-нибудь пророчество Іезекіиля, гдѣ онъ говоритъ о Тирѣ и Сидонѣ? 16 марта 1839 г.» Ясно, что идея о поэмѣ «Даніилъ»—и вѣроятно тоже въ стихахъ—навіяна была Герцену чтеніемъ библіи, и казалась оболстительной ради возможности примѣненій къ современности, которую она представляла, но идея была мимолетная и не пустила корней. Не то случилось съ «Лициніемъ», за него авторъ вѣрно держался. Не прошло 5 мѣсяцевъ послѣ перваго извѣстія о существованіи поэмы, когда, прослышавъ о критическихъ замѣткахъ друзей, прочитавшихъ только отрывки изъ нея, Герценъ принялся горячо за защиту своего произведенія. «Ты какъ-то уже давно побранилъ моего «Лицинія» и былъ не вовсе правъ. Во-первыхъ тутъ два элемента—самъ Лициній и Римъ. Лициній—типъ, такъ—онъ и пожертвованъ идеѣ. Но заговоръ Латерана взятъ мною цѣликомъ изъ Тацита. Почему же ты говоришь, что всѣ

¹⁾ Кстати—приглашаетъ библиографовъ навести справки въ журналѣ „Москов. Наблюдатель“ 1839 г. о Лициніи, такъ какъ въ одномъ письмѣ Герцена къ другу въ Москвѣ, отъ того же года, есть указаніе слѣдующаго рода: „буде есть охота, то имѣете право печатать въ „Наблюдателѣ“ отрывокъ изъ Лицинія... даже позволяю сдѣлать маленькія поправки въ стихахъ, но никакъ не въ смыслѣ“.

лица—слабныя орудія моея «аггѣге-репѣе?» Впрочемъ этотъ заговоръ представленъ дурно: думаю его исправить, а потомъ приняться и за вторую часть. Тутъ я хочу коснуться до заподѣвѣнныхъ вопросовъ быта общественнаго: съ одной стороны *идеалъ* христіанства, съ другой *фактъ* Рима... Да вотъ еще—не знаешь ли ты очень хорошаго перевода библіи на французскомъ языкѣ или нѣмецкомъ, изъ новыхъ—и не можешь ли прислать? Славянскій языкъ темень мѣстами, да и на филологію Мартина Лютера я не надѣюсь. Я читаю теперь съ восторгомъ Илиаду (Гнѣдича)—вотъ истинный сынъ природы, тутъ человѣкъ кажется во всей естественной наготѣ. Представь себѣ, что я прожилъ 26 лѣтъ и читаю теперь въ 1-й разъ Илиаду! Мы всѣ учились чему-нибудь и какъ-нибудь... 16 марта 1839». Лучшимъ добавленіемъ къ этому комментарию «Лицинія», стоившаго столько же заботъ его автору—должно служить признаніе посаднаго въ книгѣ «Былое и думы», бросающее яркій свѣтъ на все содержаніе поэмы. Тамъ онъ говоритъ: «Я въ 1838 г. написалъ въ социально-религіозномъ духѣ историческія сцены, которыя тогда принималъ за драмы. Въ однихъ я представлялъ борьбу древняго міра съ христіанствомъ—тутъ Павелъ, входя въ Римъ, воскрешалъ мертваго юношу въ новой жизни. Въ другихъ—борьбу официальной церкви съ квалерами и отъѣздъ Уильяма Пена въ Америку, въ новый свѣтъ»¹⁾. Благодаря этому разоблаченію, да еще и другому, въ III томѣ «Былого и думъ», гдѣ разсказаны и самыя сцены его, мы можемъ сказать съ нѣкоторой достовѣрностью, что и Лициній представлялъ тоже попытку громадныхъ и рискованныхъ обобщеній, о которыхъ говорили прежде и которыя допускались, въ надеждѣ извлечь изъ нихъ столь же громадные выводы, хотя тутъ, напримѣръ, сопоставленіе апостола Павла, воскрешающаго юношу, съ разсчитливымъ Уильямомъ Пеномъ, убѣгающимъ въ Америку для водворенія своей замкнутой въ себѣ, сектантской и торговой общины—чуть-чуть не переходитъ въ комическій контрастъ. Такъ вотъ въ какомъ горнилѣ разнообразѣйшихъ идей и разнообразныхъ элементовъ (если припомнить всѣ начинанія Герцена) выработы-

¹⁾ Съ Лициніемъ связывается еще и довольно забавный анекдотъ. Когда уже въ 1841 г. Герценъ отдалъ его на разсмотрѣніе Вѣлискому, то получилъ отъ послѣдняго рукопись свою назадъ съ просьбой—желѣть переписать стихи въ строчку, какъ прозу, „тогда я и прочту твою вещь съ удовольствіемъ,—говорилъ Вѣлискій,—чему мѣшаетъ теперь мысль, что это стихи“. Нельзя было сказать болѣе уклончиво и вмѣстѣ болѣе ясно, что стихи Герцена никуда не годятся. (По разсказу самого Герцена).

вался нашъ писатель; да мы думаемъ, что большинство наиболѣе уважаемыхъ авторовъ прошли, скрытно отъ глазъ современниковъ, черезъ такую же огненную пробу своего таланта и призванія. Жизненные пути обрѣтаются всегда тяжело и послѣ долгихъ скитаній по сторонамъ и по безграничному полю: предварительныхъ увлеченій, негѣрныхъ расчетовъ и несостоятельныхъ замысловъ. Въ заключеніе скажемъ, что нѣкоторыя статьи изъ перечня ихъ, представленнаго документомъ и письмами Герцена, вошли частію въ составъ его записокъ («Былое и думы»), переработанныя согласно новой точкѣ зрѣнія, на которой стоялъ авторъ, упрощенныя съ одной стороны, добавленныя и распространеныя съ другой. Такъ мы убѣждены, что *архитектурная* статья помолжена въ основаніе небольшой монографіи «Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ» («Былое и думы», глава XVI); такъ еще рассказы, въ родѣ «Человѣкъ въ венгеркѣ» и «Шведъ», вѣточками воспроизведены тамъ же, а что касается до статьи «Письма о Казани, Перми и Вяткѣ», то основныя черты ея несомнѣнно проявляются въ разныхъ главахъ книги и всего болѣе въ главѣ XV, разумеется, получивъ тамъ окраску, гораздо болѣе яркую, чѣмъ въ первоначальной редакціи ¹⁾.

Послѣднее предположеніе можетъ быть подтверждено и очень вѣснымъ доказательствомъ. Мы встрѣтили, между бумагами Герцена, письмо о томъ же предметѣ, изображающее именно его похожденія въ Казани, Перми и Вяткѣ и составляющее какъ бы программу будущихъ, обѣщанныхъ имъ этнографическихъ этюдовъ объ этихъ странахъ. Оно очень любопытно, какъ свидѣтельство о томъ, какъ смотрѣлъ тогда (1837) авторъ на отдаленный провинціальный уголокъ, куда его забросила судьба, и на русскую жизнь вообще. Оно составляетъ нѣчто въ родѣ «встрѣчнаго нежа» въ разсказахъ его книги 1852 года о тѣхъ же предметахъ, и любителямъ сличеній и параллелей можетъ доставить нѣсколько поучительныхъ выводовъ. Вотъ оно:

---

¹⁾ Къ этимъ любопытнымъ объясненіямъ первоначальныхъ литературныхъ идей и плановъ Герцена слѣдуетъ замѣтить, что нѣсколько черновыхъ текстовъ произведеній Герцена, — относящихся именно къ этимъ планамъ, — издано было въ послѣдніе годы въ запискахъ г-жи Пассежъ „Изъ дальнихъ лѣтъ“ (Спб. 1878—1879) и въ журналѣ „Русская Мысль“. Совоставивъ все это вѣсть, можно еще ближе прослѣдить литературныя идеи Герцена и ихъ выполненіе, за это первое время его дѣятельности.

V.

«Друзья!

...«Вѣра только и осталась у меня; нѣтъ, я не сомнѣваюсь: это—испытаніе, не болѣе; но тяжело оно мнѣ. Главное, нѣтъ друга—гдѣ вы всѣ? Вы для меня не существуете, я будто васъ видѣлъ когда-то во снѣ, а существенность—вампирія, отсутствіе дѣятельности умственной и, хуже всего, отсутствіе поэзіи. Иногда воскресаютъ во мнѣ чувства и всѣ разомъ выпяты. Вспоминаю одну минуту, я тонулъ при слитіи Волги и Казанки, все было въ ужасѣ, все трепетало; но я тутъ въ первый разъ послѣ Москвы обрадовался, призвалъ свою вѣру и черезъ нѣсколько часовъ съ гордостью смотрѣлъ съ казанскаго кремля на бурный потокъ, которому не было дано право погубить меня. Пермь—городъ ужасный, прощеніумъ Сибири, холодный какъ минералы его рудниковъ, но мнѣ было жаль его покинуть: я тамъ видѣлъ въ послѣдній разъ человѣка несчастнаго, убитаго обстоятельствами, но живого душою, сильною и возвышенною. Когда нибудь, гдѣ нибудь, вспоминая эту черную полосу жизни, вспомнимъ и его.

«И ты страдаешь, я знаю, пусть этотъ огонь сжегъ тебя, за отсутствіемъ другого. *Natura abhorret vacuum*. Пустота всего хуже. Огонь, какой бы ни былъ—жизнь. А въ пустотѣ лопнуть кровеносные сосуды. Но довольно элегіи, что нибудь другое.

«Теперь я увидѣлъ хоть часть Россіи. Что же я замѣтилъ? Во-первыхъ: что управленіе губернское въ *интервалъ* идетъ несравненно лучше, нежели я думалъ, и находясь теперь въ центрѣ онаго, я могу судить о необъятныхъ трудахъ министерства внутреннихъ дѣлъ для матеріальнаго благосостоянія, и болѣе, прогрессивное начало, сообщаемое министерствомъ, гораздо выше понятій и требованій. Сколько журналовъ присылаютъ оттуда, сколько подтвержденій о составленіи «библіотеки для чтенія», и кто же виноватъ, ежели журналы лежатъ неразрѣзанные до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь Герценъ вздумаетъ ихъ разрѣзать? Впрочемъ, по части образованія есть успѣхи. Вятская губернія есть нѣчто совсѣмъ въ сторонѣ, удаленное отъ всего, но и здѣсь заброшено, тамъ-самъ, немножко en doses homeopathiques, просвѣщеніе. Вотъ еще что: духовныя заведенія идутъ несравненно лучше; я здѣсь былъ на всѣхъ экзаменахъ. Въ семинаріи мало преподаютъ; но знаютъ то, что преподаютъ; латынь знаетъ самый маленький, преподаваніе философіи бѣдно, но бо-

гословіе въ объемѣ высшемъ, философскомъ. Преподаватели по большей части изъ петербургской академіи и еще теперь все ученики времени библейскаго общества и Филарета. И тамъ духовенство доселѣ еще не лишилось своего истиннаго и высокаго призванія—просвѣщать,—повторяю, жаль, что оно такъ недѣятельно.

«Заведеніе статистическихъ комитетовъ имѣетъ цѣль высокую и пользу существенную; но полный успѣхъ не возможенъ, ибо организація комитетовъ совершенно ошибочна и нѣтъ возможности безъ всякихъ средствъ собрать эти свѣдѣнія, особенно въ такой губерніи, какъ, наприм., пермская. А прогрозъ: Пермь—страшная вещь! Императрица Екатерина однажды закладывала при Іосифѣ II городъ и положила *первый камень*. Іосифъ взялъ другой и сказалъ: «et je met la dernière». Смыслъ обширный. Il n'y a pas de ville par ordre du jour. Пермь есть присутственное мѣсто + (плюсъ) нѣсколько домовъ + нѣсколько семействъ; но это не городъ губерніи, не центръ, не «senpogium commune» цѣлой губерніи, рѣшительное отсутствіе всякой жизни. Но тамъ есть уже «l'avant прогрозъ» Сибири,—а что такое Сибирь? Вотъ этой страны вы совсѣмъ не знаете.

«Я вдыхалъ въ себя ледяной воздухъ Уральскаго хребта, его дыханье холодно, но *сегомо и здорово*. Знаете ли, что Сибирь есть совсѣмъ новая страна, Америка sui generis, именно потому, что она страна безъ аристократическаго происхожденія, страна дочь казака-разбойника, непомнящаго родства, страна, въ которую являются люди обновленные, закрывающіе глаза на всю прошедшую жизнь, которая для нихъ представляетъ черную тюрьму, цѣпи, долгую дорогу, а нерѣдко и муть. Здѣсь всѣ сосланные и всѣ равны. Въ канцеляріи какаго нибудь тобольскаго присутственнаго мѣста, вы увидите столоначальникомъ прикащика, сосланнаго за воровство, и у него писцомъ—бывшаго надворнаго совѣтника, сосланнаго за фальшивый указъ, поляка адъютанта Ромарино, и какаго-нибудь человѣка 14 декабря. Въ обществѣ тамъ та же смѣсь, тамъ никто не пренебрегаетъ ссылкой, потому что не пренебрегаютъ или собою или своимъ отцомъ. А малочисленность способныхъ людей заставляетъ такимъ образомъ учреждать канцелярію. Тамъ весело, тамъ есть просвѣщеніе и главное дѣло—свѣжесть, новость. Все, получившее осѣдлость въ новое время, имѣетъ прогрессивное начало—Пруссія.

«Сосланныхъ вездѣ много; нѣтъ уѣзднаго города въ пермской губерніи и въ вятской, гдѣ бы не было нѣсколько поляковъ и часть грузиновъ и русскихъ. *Быть подъ надзоромъ* не есть очень

худее состояніе; но и отнюдь не веселое. Оно похоже на состояніе жены у ревниваго мужа. «Сюда, сударыня, не смотрите, сюда не ходите, на кого вы вчера, сударыня, смотрѣли, съ кѣмъ танцовали?» и т. д.

«Но что же далѣе? когда-нибудь кончится Вятка, кончится *подъ надзоромъ*? *«Voilà la question»*. Опять *semper in idem*, можно ли служить? Если можно—то должно, ежели нѣтъ—то уложить чемоданъ и *viaggiare*, а не пустять—тогда, что дѣлать? Разумѣется, остаться—но литература, охъ литература, охъ литература!

«Да, вѣстн, я въ Данте нашелъ вещь важную и дивную, новое доказательство его величія и силы; прошу покорнѣйше, гг. путешественники, прочтите въ *«del Purgatorio Canto XXV»* о зарожденіи человѣка. Это *«le dernier mot»* нынѣшней философіи, зоогнозіи, это мнѣніе Жоффруа С. Илера выполнѣ и еще полеѣе, ибо онъ распространилъ его и въ растительное царство, и когда же, Боже мой, когда же? во время Данта!»

Живой умъ и острота наблюденія сказываются и въ этомъ консервативномъ письмѣ; съ оттѣнкомъ романтическаго суевѣрія: оно передаетъ вѣрно и осязательно, такъ сказать, первое впечатлѣніе, произведенное на Герцена новымъ краемъ. Спустя двадцать лѣтъ онъ уже иначе судилъ о немъ, иначе представлялъ себѣ чувства, возбужденныя первымъ посѣщеніемъ его; тутъ уже прошла рефлексія и на первомъ планѣ являются выводы горькаго жизненнаго опыта; результаты многихъ соображеній и тщательной провѣрки прежнихъ мыслей и ощущеній своихъ. Прямому, непосредственному чувству уже нѣтъ мѣста. Кто прочелъ разсказъ о пермскомъ и вятскомъ путешествіи Герцена въ книгѣ «Былое и думы», тому были бы бесполезны указанія на разницу въ тонѣ и оттѣнкѣ однихъ и тѣхъ же предметовъ между первоначальной редакціей статьи и позднѣйшимъ развитіемъ, полученнымъ ею. Извѣстно, что Герценъ иронически отзывался въ своей книгѣ и о предписаніи издавать губернскія вѣдомости съ литературнымъ отдѣломъ при канцеляріяхъ губернаторовъ и съ авторами по распоряженію начальства, ибо добровольныхъ не оказывалось на-лицо, и о статистическихъ комитетахъ, тогда же проектированныхъ и существовавшихъ безъ персонала способныхъ людей; и съ матеріалами изъ рапортовъ низшихъ полицейскихъ служителей и о многомъ другомъ, что Герценъ junior считалъ въ письмѣ хорошими задатками для будущаго развитія провинцій. Невольно приходится сказать, что оба они были правы, каждый въ свое время. Позднѣйшія «Записки» вообще рѣдко

представляют предметы въ томъ свѣтѣ, который ихъ окружаетъ при первой встрѣчѣ съ ними рассказчика, и еще рѣже передаютъ въ надлежащей точности внезапныя ощущенія, порожденные на первыхъ порахъ непосредственнымъ соприкосновеніемъ съ явленіями жизни. Всѣ воспоминанія «Записокъ» уже обдуманы, приурочены къ той или другой задачѣ и носятъ на себѣ слѣды зрѣлости мысли, замѣняющей въ нихъ свѣжесть впечатлѣній, развязность и откровенность слова, свойственныя молодости. Никто, полагаемъ, не будетъ отрицать, что документъ, сохраняющій, такъ сказать, горячіе слѣды первоначальнаго настроенія, можетъ имѣть свою поучительную сторону при сравненіи съ переѣмами, которымъ онъ подвергся, когда долгій опытъ и критическая мысль приступили къ его поправкѣ и поправкѣ.

VI.

Возвращаемся опять къ исторіи вятскаго «сидѣнья» Герцена: оно дѣйствительно походило на положеніе *осажденнаго* чловека, который свободно могъ двигаться, но только въ границахъ крѣпости и по указаннымъ дорогамъ. Какъ ни старался Герценъ принизить свой духъ въ уровень съ обстоятельствами, какъ ни обманывалъ себя мыслию, что провинціальное общество есть нравственный организмъ, которому служить и сочувствовать не стыдно, но иллюзіи разлетались иногда передъ суровой дѣйствительностью и облізненный стонъ вылеталъ изъ груди его. Такъ въ сентябрѣ 1836 г. онъ начинаетъ одно изъ своихъ писемъ, словами: «О, дайте, дайте отдохнуть на груди друзей. Душа моя вся избита этимъ холодомъ постороннихъ. Что за дрянная жизнь *практическая*, что за кандалы всякому порыву, всякому чувству?..» Черезъ полгода (1-го марта 1837 г.) онъ еще точнѣе выражаетъ тоску неудовлетворенныхъ стремленій, которыя разѣдали его существованіе: «Не смотря на всѣ мои бравады, я въ полной мѣрѣ *цѣню*, что такое ссылка. Еще можно предпочесть тѣ страданія, которыя жгутъ и рѣжутъ, а это нѣмое, глупое состояніе—отвратительно. Душа полная рвется, рвется къ ней ¹⁾, къ морю, къ природѣ и поэзіи, а тутъ—канцелярія гражданскаго губернатора!—Да это хуже Мефистофеля въ Фаустѣ ²⁾...

¹⁾ Къ той особѣ, которой суждено было раздѣлять жизнь и судьбу Герцена впоследствии.

²⁾ То-есть коварныхъ насмѣшекъ Мефистофеля. Языкъ и правописаніе въ письмахъ Герцена не совсѣмъ правильны. Последнее здѣсь поправлено.

Воля, воля! Я бы поклонъ въ поясъ всѣмъ вамъ и съ нею бѣжалъ бы туда, гдѣ океанъ, скалы и нѣтъ людей, или ежели есть, то разбойники и контрабандисты, люди безъ маскараднаго платья, какъ есть съ ножемъ и обманомъ... Да гдѣ же это море?..» Когда нападали на него эти минуты отчаянія, граничившаго почти съ горячечнымъ бредомъ, какъ видѣли, онъ искалъ отъ нихъ спасенія въ изобрѣтеніи всеразрѣшающихъ теорій, въ представленіи міра, какъ юдоли испытаній, предопредѣленныхъ отъ вѣка. Въ упомянутомъ сентябрьскомъ письмѣ читаемъ еще такіа строки: «Да, всѣ теоріи о человѣчествѣ вздоръ. Человѣчество есть падшій ангелъ, Огверовеніе намъ высказало это, а мы хотѣли сами собою дойти до формулы бытія его и дошли до нелѣпости (Эклектизмъ). Всѣ понимавшіе вѣрили въ потерянный рай: Вико, Паскаль... и вслѣдъ загѣмъ Герценъ развиваетъ теорію, по которой міръ отданъ двумъ теченіямъ, отравляющимъ нашу жизнь своей борьбой: «Эгонизмъ—это тяготѣніе, это мракъ, *контракционность*—прямое наслѣдіе Люцифера; любовь это свѣтъ, *расширеніе*, прямое наслѣдіе Бога»... На основаніи этой нѣсколько туманной теоріи, имѣющей несомнѣнную связь съ извѣстной, *первой* критической статьей Бѣлинскаго (Идиллія въ прозѣ)—любовь и ея видоизмѣненіе, дружба, стремятся выступить изъ земной сферы по направленію къ божеству, тогда намъ эгонизмъ тяготѣетъ къ преисподней, къ центру нашего шара, гдѣ и Дантъ помѣщаетъ свой адъ и жилище пороковъ. У Герцена есть торжественныя гимны и восторженныя диопрамбы въ честь и по адресу двухъ живыхъ личностей, олицетворявшихъ для него эти спасающіе элементы. «Дружба» является ему въ образѣ Огарева, «Любовь» въ образѣ будущей неvěсты и жены его. Онъ крѣпко хранитъ въ памяти минуты, когда таинственная связь, ихъ соединяющая,—сказалась ясно въ ихъ собственномъ сознаніи: «лѣто 1826 г. и Воробьевы горы»—для Огарева; 9-го апрѣля 1835 г. крутиціи казармы—для молодой родственницы. Замѣчательно, что о послѣдней привязанности онъ, въ первое время пребыванія въ Вяткѣ, вовсе не упоминаетъ. Мы знаемъ, что тамъ онъ нашелъ даже существо, совершенно оковавшее его вниманіе и къ которому онъ относился болѣе чѣмъ симпатически, но когда порвалась съ нимъ связь, то наступившее одиночество, недовольство собой и ужасъ отъ бесполезно потраченной молодости перекинули его опять къ прежнему образу дѣвушки, выказавшей ему столько сочувствія въ московскую катастрофу. Онъ влюбился въ нее во второй разъ и съ помощью воспоминаній, психическаго анализа, сильной мозговой работы дошелъ

до обожанія образа. Онъ объявлялъ будущую свою невѣсту и жену ангеломъ, посланнымъ для его спасенія, востановителемъ чистоты души и сердца его, половиною своего бытія, и давалъ ей преимущество передъ Теклой Шиллера, передъ Беатриче Данта и всѣми творческими образами старой и новой поэзіи.

Между тѣмъ, вятскій искусъ Герцена приходилъ къ концу и былъ упраздненъ почти такъ же неожиданно, какъ и зародился; но прежде молодой чиновникъ еще пережилъ грозившую ему опасность быть засланнымъ еще далѣе, въ какой-либо заштатный городъ губерніи. Того хотѣлъ губернаторъ. Непозвѣстно, какія причины приводилъ онъ для оправданія подобной мѣры — ни малѣйшей вины за Герценомъ не было, кромѣ развѣ той, что отъ него вѣяло презрѣніемъ къ тупому насилію, даже когда онъ молчалъ и бездѣйствовалъ, но и одной этой причины, развивъ ее приличнымъ образомъ, достаточно было, чтобы погубить Герцена окончательно. Спасителемъ его на этотъ разъ оказался жандармскій штабъ-офицеръ, который отказалъ въ своемъ содѣйствіи на планъ дальнѣйшей высылки пациента, находя, что самый планъ есть продуктъ личнаго, безосновательнаго раздраженія. Въ запискахъ Герцена («Былое и думы») къ удивленію, во все не упоминается объ этой важной услугѣ, оказанной ихъ автору учрежденіемъ, не погрѣшавшимъ вообще излишней снисходительностью къ политическимъ преступникамъ, но пробѣлъ «Записокъ» пополняется достаточно письмами. Въ одномъ изъ нихъ (17 сентября 1837 г.) есть мѣсто, въ которомъ Герценъ позволилъ себѣ вылить всю долго сдерживаемую злобу на своего притѣснителя, не стѣсняясь уже никакими посторонними соображеніями. «Что я вынесъ въ продолженіе 9 мѣсяцевъ губернаторства Тюфяева,—этого, братъ, и сказать нельзя. Но я молчалъ, не жаловался, не испрашивалъ участія: я и это принималъ за испытаніе, за главу воспитанія проводѣніемъ. Представъ себѣ этого «Калибана-гіену», который инстинктомъ понималъ, что я его ненавижу и который всей гнусностью своею хотѣлъ задушить меня, и что же? Тутъ, въ этомъ гадекомъ положеніи явился оплотъ, гдѣ я не ожидалъ, явилась защита совсѣмъ нежданная! Жандармскій штабъ-офицеръ всею властью своей остановилъ того (sic), и ударъ прошелъ мимо, ограничась обидами и униженіями»...

Обиды и униженія въ свою очередь скоро уступили мѣсто другимъ приемамъ обращенія—заискиванію и любезности. Еще прежде случались приливы начальнической нѣжности, какъ на примѣръ по поводу неожиданнаго вопроса, заданнаго канцеля-

рин министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Губернаторъ получилъ изъ Петербурга призванъ высказать свое мнѣніе о «статистическихъ комитетахъ», проектируемыхъ для всѣхъ областей Имперіи, о матеріяхъ, какія, по условіямъ края, могли бы составить предметъ особаго изученія новаго учрежденія, а также о людяхъ, которыхъ можно было бы пригласить къ участію въ его трудахъ. Канцелярія затруднялась отвѣчать на запросъ, не имѣя для этого предварительнаго образца и утвержденной формулы, и обратилась за совѣтомъ къ кандидату московскаго университета, который находился въ ея распоряженіи. Герценъ написалъ, что умѣлъ и успѣлъ узнать, прибавивъ соображеніе, что нельзя ожидать отъ мѣры немедленнаго успѣха, но что въ будущемъ она принесетъ тѣ плоды, какихъ ожидаетъ отъ нея правительство. Губернаторъ былъ изумленъ ловкостью отписки и принялъ *бумажку* Герцена съ удовольствіемъ. Вскорѣ оказалась еще болѣшая нужда въ способномъ чиновникѣ. Обстоятельства складывались въ пользу Герцена и вынуждали обходиться съ нимъ бережно. Получено было предписаніе о составленіи въ Вяткѣ выставки туземныхъ произведеній и образцовъ естественныхъ богатствъ края по тремъ царствамъ природы, которая имѣла быть представлена въ свое время Государю Наслѣднику (императору Александру II), тогда путешествовавшему по Россіи. Задача выходила совершенно изъ рамки служебныхъ обязанностей администраціи, которая полагала, что она призвана была управлять краемъ, а совѣтъ не для того, чтобы изучать край или знать его средства, да еще по всѣмъ царствамъ природы. Герценъ снова былъ призванъ на помощь и тѣмъ охотнѣе принялъ на себя работу образованія выставки, что она освобождала его отъ бессмысленныхъ скитаній въ канцелярію. Ему предоставлена была льгота заниматься у себя дома, хотя правитель дѣлъ канцеляріи все-таки просилъ его, въ видѣ одолженія и для примѣра другимъ, являться въ присутственное мѣсто, пожалуй, на нѣсколько минутъ, но каждодневно. Герценъ не только отдѣлался и отъ этого условія, но воспользовался новымъ своимъ положеніемъ еще и для того, чтобы обозрѣть часть губерніи и получить дозволеніе на *ученый* воажъ. Между тѣмъ, при извѣстіи о скоромъ прибытіи высокаго гостя, губернаторъ потерялъ голову и надѣлалъ множество глупостей. Онъ вздумалъ, съ согласія духовенства, отмѣнять церковные народные праздники и относить ихъ на 22-е число, когда долженъ явиться въ край наслѣдникъ и быть ихъ свидѣтелемъ, приказалъ выломать полы въ какомъ-то убогомъ частномъ домѣ и починить имъ обветшавшій тротуаръ передъ

домомъ, засадилъ въ сумасшедшее отдѣленіе городской больницы бушца, протестовавшаго противъ его распоряженій, и проч. Все это принималось въ началѣ его карьеры, какъ онъ хорошо помнилъ, за признаки усердія и начальнической распорядительности; но высвѣтъ путешественникъ, узнавшій о продолжкахъ «хозяина губерніи» (такъ тогда называли губернаторовъ), тотчасъ какъ ступилъ на его территорію, былъ очень недоволенъ ими. Онъ принялъ Тюфяева холодно. При посѣщеніи выставки, В. А. Жуковский и К. И. Арсеньевъ, сопровождавшіе наследника и ничего не понявшіе въ объясненіяхъ губернатора, просили чиновника, завѣдывавшаго устройствомъ выставки, сообщить имъ свой взглядъ на бытовое и экономическое значеніе выставленныхъ предметовъ. Они были изумлены толковой рѣчью Герцена, дѣльностью замѣтокъ, обнаруживавшей ведунинное образованіе, и спокойнымъ тономъ изложенія. Заинтересованные такимъ явленіемъ, встрѣченнымъ неожиданно на отдаленномъ краю Имперіи, они, уже по отъѣздѣ наследника, разспросили молодого человека объ обстоятельствахъ, заинтересовавшихъ его въ такую глушь; навели о немъ справки и общали все свое вліяніе и содѣйствіе для облегченія его участи. Таковъ общій смыслъ герценовскаго разсказа. Самъ онъ сообщалъ тогда же друзьямъ своимъ, что отнынѣ они могутъ свободно, но, конечно, благоразумно сноситься съ нимъ прямо по почтѣ.

Прошло однакоже три недѣли, и никакихъ признаковъ переменъ къ лучшему въ его гражданскомъ положеніи не произошло. Грустно опустилъ голову изгнанникъ и сталъ сомнѣваться въ исполнимости полученныхъ обѣщаній и думать о тщетѣ своихъ надеждъ. «Всѣ эти надежды, — писалъ онъ, — похожи на вятскія тѣни: вотъ свѣтлое пятно — увеличивается, черты лица образуются, ближе-ближе — ты хочешь обнять — и все еще темнѣе — и вѣтъ даже свѣтлаго пятна». Правда, за это время сошла съ горизонта главная зловѣщая туча, полученъ былъ указъ, увольняющій Тюфяева въ чистую отставку, и на его мѣсто явился уже новый, умный, просвѣщенный человекъ, какъ замѣчаетъ Герценъ, извѣщая друзей объ этой переменѣ. «Мнѣ теперь очень хорошо, — говоритъ онъ, — я свободнѣе вздохнулъ съ его пріѣзда». Но самъ Герценъ все еще стоялъ на старомъ мѣстѣ, сгорая жаждой оторваться отъ почвы, въ которой былъ прикованъ. Онъ и дождался своего дня. Можно себѣ представить минуту его восторга при полученіи извѣстія, что онъ переводится изъ Вятки почти къ преддверію Москвы, во Владимірѣ на Клязьмѣ. Благородные собесѣдники его на вятской выставкѣ

выполнили свое обѣщаніе, и не отъ нихъ зависѣло снять вовсе опалу съ Герцена, но тому помѣшало соображеніе, что полное освобожденіе его было бы несправедливостью по отношенію къ остающимся еще въ ссылкѣ товарищамъ его несчастія.

По рождеству 1837 г. Герценъ и отправился въ путь. Онъ оставлялъ въ Вяткѣ много друзей и уносилъ съ собой тотъ же образъ мыслей, который ознаменовалъ все его пребываніе въ древнемъ Хлыновѣ (Вяткѣ). Последнее письмо его оттуда (10 сентября), изъ котораго мы уже приводили выдержки, повторяетъ мысль о выгодѣ практическаго знакомства съ провинціальной жизнью не смотря на ея недостатки, пустоту и пеню, которые еще такъ недавно приводили его въ ужасъ. Онъ сохраняетъ убѣжденіе, что благодаря одному изученію этой жизни онъ сдѣлался болѣе дѣльнымъ человѣкомъ, чѣмъ прежде. Перечисливъ свои удачныя и неудачныя походы въ средѣ ея, Герценъ прибавляетъ: «А все это вмѣстѣ оставляетъ на душѣ разные слои и хотя они перемѣшаны съ грязью, но душа выплавляетъ изъ нихъ сумму опытовъ, итогъ критическихъ замѣтокъ и мечтаній, дѣловыхъ бумагъ и фантастическихъ образовъ, — а отъ этого дѣлаешься многостороннѣе, *прилагаете*. Польза очевидная. Вы, messieurs, не знаете Россіи, живши въ ея центрѣ; я узналъ многое о ней, живучи въ Вяткѣ. Большая часть великихъ синтетическихъ мыслей основаны на книгахъ; у меня ихъ мало; но я ихъ утвердилъ на самомъ совершенномъ дѣлѣ, на фактахъ юридическихъ. *Вадимъ* (Пассекъ) этимъ обидится, но дѣлать нечего: я не могу изъ одного ограниченія человѣка мѣстомъ и временемъ выводить Панденты Юстиніана, такъ какъ не могу изъ борьбы Ольговичей и Мономаховичей выводить учрежденіе магистратовъ»... Онъ еще продолжаетъ въ томъ же тонѣ свои беззаботныя шутки, которыя имѣли въ виду столько же В. В. Пассека, какъ патентованнаго производителя смѣлыхъ гипотезъ, такъ и всю московскую братію, любившую вѣрить своимъ идеямъ о предметахъ, выведенныхъ a priori, что Герценъ называлъ пріятельскими синтезисами.

Новый 1838 г. Герценъ отпраздновалъ на дорогѣ. Черезъ день-другой онъ достигаетъ мѣста своего назначенія и первымъ посѣтителемъ его въ комнатѣ владимірской гостинницы, гдѣ остановился, былъ сельскій староста одного изъ имѣній отца, прослышавшій о спорѣ его пріѣздѣ и прибывшій съ поклономъ, поздравленіемъ и съ хлѣбомъ-солью: значить — характерныя признаки родины были на-лицо. Герценъ бросился на шею любезнаго вѣстника и разцѣловалъ его.

VII.

Что же дѣлалъ Огаревъ во все это время?

Съ первой же *оказіей*, московскіе друзья его узнали, что прибывъ въ Пензу, онъ засѣлъ за громадный трудъ, за созданіе системы, объясняющей происхожденіе вселенной изъ сочетанія матеріи и идеи и указывающей математически точно законы, по которымъ развивалось человѣчество съ самаго своего появленія на землѣ. Для исполненія подобной задачи, потребовалась, разумѣется, масса разнообразѣйшихъ книгъ, начиная съ «*Histoire de la philosophie allemande par Barchon de Penhoën*» (этого перваго нашего посредника по знакомству съ Гегелемъ) и кончая «*Bible traduite par Cohen*»; «*Anatomie comparée par Bichat*»; Kieser, «*System der Medicin*»; Oken, *Naturphilosophie*; Schelling, *Theorie des transcendentalen Idealismus*, и проч. и проч. Весь этотъ матеріалъ труда, безпрестанно пополняемый новыми требованіями, выписывался Огаревымъ изъ Москвы, но не смотря на все его богатство, система, какъ и слѣдовало ожидать, никогда не была завершена вполне, хотя начальныя ея отдѣлы и пересылались аккуратно къ друзьямъ на пересмотръ. Мы имѣемъ въ рукахъ только любопытный планъ ея и познаваемымъ читателей съ почти неосвязаемымъ, отвлеченнымъ его характеромъ: умственная жизнь у насъ обыкновенно начиналась съ теологическихъ и философскихъ сумерекъ.

Но существованіе Огарева отравлялось противодѣйствіемъ его вкусамъ и стремленіямъ, какое онъ встрѣтилъ у себя въ семьѣ, гдѣ съ ужасомъ смотрѣли на его занятія, полагая, что они приравниваютъ наслѣдника богатаго дома къ разночинцамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что обстановка пензенскаго ссыльнаго была несравненно благопріятнѣе, чѣмъ напримѣръ у вятскаго сотоварища его,—и со всѣмъ тѣмъ послѣдній имѣлъ право сказать, какъ уже знаемъ: «состояніе Огарева худо и очень. Я по крайней мѣрѣ, когда отдѣлялся по службѣ — воленъ. Но этотъ маленький, безпрерывный гнетъ дома—страшенъ». И дѣйствительно, гнетъ здѣсь выходитъ не изъ глухой ненависти случайнаго тирана, злобно пользующагося своимъ временнымъ полномочіемъ, но изъ добродушнаго и любящаго сердца, что дѣлало его, можетъ быть, еще болѣе тяжелымъ, такъ какъ онъ отнималъ силы бороться съ людьми на чистоту. Отецъ Огарева, семь лѣтъ страдавшій послѣдствіями апоплексіи и видимо приближавшійся къ гробу, былъ окруженъ ареопагомъ родственниковъ и высокопоставленныхъ

лицъ туземной аристократіи, которые всё смотрѣли на уединенныя занятія сына, какъ на продолженіе агитаторской мысли, возникшей у него еще въ Москвѣ. Мудрено ли было склонить старика, трещатавшаго за будущность сына, къ мысли, что единственное средство спасти молодого человѣка отъ гибельной серьезности состояло въ томъ, чтобъ отнять у него время и вытолкнуть на арену свѣта, гдѣ бы онъ могъ упражняться въ безустаннымъ вистаніи по ней, на подобіе своихъ сверстниковъ и своихъ старшихъ. Притѣсненіе вылилось тутъ въ формѣ приглашенія не отставать отъ провинціального міра и веселиться вмѣстѣ съ нимъ. Огаревъ повиновался изъ снисхожденія къ отцу и выразилъ однажды въ письмѣ къ Герццу мотивы своего послушанія очень теплымъ словомъ: «Я не высвободился изъ-подъ опеки родительской... Но поди сюда самъ и взгляни на этого старика, семь лѣтъ влачащаго жалкое, болѣзненное существованіе... И если бы я вздумалъ освободиться изъ-подъ опеки его *любомъ* — не забудь: *любомъ* — то ты скажешь мнѣ: безсовѣстный!..» И такъ, онъ ѣздилъ на балы, дѣлалъ визиты, опредѣлился въ «статистическій кабинетъ» на службу (такое-же пристанище дѣловой праздности для молодежи, какъ и знаменитый нѣкогда московскій архивъ иностранныхъ дѣлъ), даже волочился и влюблялся... Онъ отомщаесть за свое полу-невольное, полу-добровольное паденіе жалобами передъ друзьями на свое нравственное ничтожество, на лицемеріе, пошлость и корысть, встрѣченныя имъ въ обществѣ, на безобразную сущность большей части своихъ знакомыхъ — мужчинъ и женщинъ, которые разыгрываютъ передъ нимъ комедію фальшивыхъ чувствъ и фальшивыхъ прелестей. Нѣтъ надобности знакомить читателя съ этой іереміадой, которая не оригинальна и только повторяетъ общія мѣста всѣхъ бывшихъ и будущихъ моралистовъ, громившихъ или еще имѣющихъ громить новарство и заблужденія свѣта. Гораздо важнѣе для характеристики Огарева то, что онъ не подавалъ голоса и тогда, когда нить дрянныхъ расчетовъ и побужденій вилась около умирающаго богача-отца, и находились люди, надѣвашіеся воспользоваться минутами его слабости. Онъ стыдился чужихъ безсовѣстныхъ интригъ, считалъ позоромъ для себя раскрывать ихъ и довольствовался въ интимной бесѣдѣ съ друзьями восклицаніями, въ родѣ: что за низость!.. Онъ также на-половину промолчалъ и тогда, когда старикъ-отецъ сдѣлалъ распоряженіе о покрытіи его расходовъ дворецкимъ, который будетъ вести и счетъ имъ. Онъ оправдывается передъ друзьями въ цѣлесообразности сего распоряженія: «Еще горе, что денежные обстоятель-

ства меня смущаютъ; отецъ хочетъ, чтобъ я бралъ на все, что нужно, изъ расходныхъ денегъ (у дворецкаго!!!), а самъ въ рукахъ имѣлъ бы нуль. Чортъ знаетъ, я пересталъ быть мотомъ съ тѣхъ поръ какъ пекусь о чистотѣ души, но мнѣ досадно только то, что имѣя *есть* способы *тратить* на вѣдоръ (*которые называютъ дѣломъ*) — не имѣю *копѣйки* *подать* *нуждающемуся* *изъ* *ней*. Я разъ говорилъ, но теперь уже молчу, не спору; пусть же исполнится моя преданность въ больному старику; хвали или брани, а мнѣ опять кажется, что я *дѣлаю такъ*... Возвратимся однако же отъ домашнихъ дѣлъ Огарева къ плану новосозидаемой имъ науки: «міровѣдѣнія». Планъ находится въ тѣхъ же письмахъ, гдѣ скоронены и семейныя тайны автора: глубокая, непроглядная метафизика идетъ тамъ объ руку съ наивной исповѣдью своего безсилія передъ домашней бѣдой, которая смѣняется гордыми надеждами на себя въ будущемъ, а эти въ свою очередь уступаютъ мѣсто гиперболическимъ обѣщаніямъ дѣятельности и скромнымъ признаніямъ настоящей своей трудовой несостоятельности, что все вмѣстѣ и составляетъ привлекательную фizioномію этой корреспонденціи, правдивой и искренней по преимуществу.

«Благодарю, много благодарю васъ, — пишетъ Огаревъ, — друзья мои, за ваши посланія. Вы меня оживили. Я умиралъ, совсѣмъ умиралъ. Да и какъ не умереть? Знаешь ли, какъ тупѣетъ голова, когда цѣлый день вертишься въ кругу ношлыхъ мыслей... Моя душа здѣсь какъ въ погребѣ... О Боже! Какъ я несчастливъ! По крайней мѣрѣ прежде я былъ силенъ, возвышенно спокоенъ душою, а теперь мелкія земныя страсти хотятъ убить во мнѣ моего бога! Но я не потеряю: вы меня оживили. Я еще силенъ, я еще могу разорвать мои оковы, или какъ Сампсонъ погибну подъ разрушающимся зданіемъ... Мое главное несчастіе, что живу съ отцомъ, что у меня *отняли* *волю* *трудиться*... Вообрази себѣ, что у меня вѣсколько времени уже недостаетъ духу мыслить. Или система, о которой ты знаешь — слишкомъ высока, или я слишкомъ глупъ или слишкомъ слабъ: упалъ съ моего неба. Вообрази себѣ, что развѣвъ абсолютъ до первоначальной матеріи, я сталъ какъ виопанный. Ни съ мѣста! Вотъ, по крайней мѣрѣ, мысль о первоначальной матеріи.

«Абсолютное, существующее внѣ времени и мѣста, переходя въ послѣдовательность, т. е. въ пространство и время, выражаетъ самого себя. Но оно есть бытіе и идея. Бытіе — начало непремѣняемости; идея — начало движенія (потому что, если помнишь, бытіе осуществляется въ мірѣ посредствомъ идеи). Также и пер-

воначальная матерія должна имѣть начало непремѣнности и начало движенія (*immobilité et expansion*). Матерія есть свѣтъ. Въ солнцу тяготеють планеты, ergo начало тяготѣнія въ свѣтъ, а оно-то и есть это начало ~~непремѣнности~~ (*consistance, immobilité*) свѣтъ, же (какъ намъ очевидно) есть начало *движенія* (*expansion*). Вотъ полное выраженіе абсолюта: *immobilité et expansion* разомъ. Но дальнѣе не могу подвинуться и это сознаніе собственного безсилія—убійственно».

Языкъ философской тирады Огарева многимъ покажется темнымъ, но онъ былъ наследіемъ, какъ и вся система, языка и ученій Овена и Шеллинга. Философы эти явились если не первыми (Лейбницъ, атомистическія теоріи), то главными современными представителями доктрины о разумной, мыслящей, одухотворенной матеріи, которой они старались дать и форму положительной науки. Слѣдуя за ними, Огаревъ тоже раздѣлялъ первоначальную матерію (*бытіе*) на составныя ея элементы—на сущность, которая выражается ея костью, на *идею*, которая представляетъ въ ней движеніе; а потомъ довольно произвольнымъ діалектическимъ процессомъ, гдѣ въ числѣ аргументовъ является, какъ видѣли, даже и солнце, соединилъ оба элемента и получилъ искомый абсолютъ, т.-е. непремѣнность и движеніе разомъ. Мы бы и не стали такъ долго останавливаться на этой игрѣ отвлеченностями, которой занимался молодой пензенскій философъ въ своемъ уединеніи, если бы она не имѣла для насъ еще и другого значенія. Умственное наше развитіе,—наоборотъ съ тѣмъ, что происходило на Западѣ,—почти всегда начиналось съ самыхъ отдаленныхъ вадачъ и постоянно указывало истинныя точки дѣятельности далеко за предѣлами окружающаго насъ міра: мы не считали себя достойными приступить къ рѣшенію какихъ-либо вопросовъ жизни, прежде чѣмъ не узнаемъ *первю* причину всѣхъ явленій. Многіе изъ лучшихъ умовъ во всѣ эпохи просмѣивали у насъ цѣлый вѣкъ, сложа руки, ожидая отвѣтовъ на свои запросы и критически относясь къ тѣмъ, которые получали. Правда, что когда являлись люди, разрывавшіе очарованный кругъ абстракцій и выходившіе на свѣтъ къ простому, насущному дѣлу, они уже поражали многосторонностію своей мысли, окрыпшей именно въ борьбѣ съ обманчивыми призраками и мечтаніями. Какъ Герценъ, такъ и Огаревъ обрѣтались еще въ стадіи поисковъ за волшебнымъ словомъ, отвергающимъ всѣ двери знанія, безъ опыта и наблюденія, хотя они уже и говорили о послѣднихъ. Если Огаревъ, какъ видѣли, опредѣливъ свой абсолютъ, не зналъ куда идти далѣе—то это было понятно.

Ему слѣдовало теперь построить мостъ, по которому «мыслимая», воображаемая матерія его могла бы перейти на другой берегъ для того, чтобы предаться реальной работѣ и осуществить на землѣ такія конкретныя явленія, какъ гражданское общество, судьбы человѣчества въ исторіи, законы нравственности, экономическое и религиозное развитіе народовъ, и проч. и проч.

Огаревъ и построилъ такой мостъ во второй трети системы, которую вслѣдъ за первой третью послать на оцѣнку и приговоръ друзей. Если же горячность автора въ развитіи системы показывала, что онъ придаетъ ей значеніе важнаго жизненнаго подвига, то и серьезность, съ которой друзья принялись за роль критиковъ, не менѣе того свидѣтельствовала, что на философскія упражненія товарища они смотрѣли какъ на дѣло, заслуживающее полнаго вниманія. Все это было въ духѣ времени. Между прочимъ пріятели довольно мѣтко подмѣчали одинъ слабый пунктъ системы, допуская даже и всѣ prelimинарные положенія, на которыхъ она основывалась. Появленіе человѣка на землѣ, съ даромъ сознанія и самопознанія ставить противъ природы (бытія) другую силу, ей равную, и образуетъ двойственность силъ, разрушающую обѣщанное единство системы. Огаревъ отвѣчалъ еще болѣе чудовищными гипотезами, чѣмъ всѣ прежде имъ допущенныя.

«...Теперь о моей системѣ; ты ее не такъ понималъ. Я говорилъ, что абсолютное бытіе выразило идею самого себя во вселенной разомъ (внѣ времени). И всѣ идеи, *изъ той идеи заключаемыя*, воплощались въ соответственныхъ формахъ во вселенной. Въ человѣкѣ выразилась идея самосознанія. Прочти, что я пишу объ этомъ, къ нему (Герцену).

«Фазы мірозданья—сущность; идея и осуществленіе выражаются вдругъ и въ природѣ и въ человѣкѣ. Тутъ и спорить не о чемъ; но изъ того, что я сказалъ, что природа есть предыдущее человѣка, не могъ ты заключить, что она должна была уничтожиться, какъ скоро явится человѣкъ.

«Что же дѣлать, что дѣлать, что человѣкъ есть произведеніе земли; я право увѣренъ, что мой организмъ не есть произведеніе ни солнца, ни луны, ни Юпитера, ни Меркурія, ни даже этого воздушнаго пространства, которое мы называемъ небомъ; я увѣренъ, что онъ есть форма совершеннѣйшая на землѣ и выражающая идею самосознанія, одну изъ божественныхъ идей. Еще я съ нѣкоторыхъ поръ, слѣдуя моей системѣ, увѣрился въ безсмертіи души, о чемъ напишу подробно. Теперь не расположенъ. Нисколько я не полагаю разумнѣнія результатомъ организма, а

организмъ результатомъ идеи, къ которой относится какъ форма. Однимъ словомъ — ты не замѣтилъ, въ моей системѣ, что ряду идей соответствуетъ рядъ формъ, — а это въ ней довольно важно»...

Нельзя не подивиться обилію безсодержательныхъ представлений, какими обладало воображеніе Огарева, и приобретенной способности его складывать ихъ въ узоры, пригоняя цвѣтъ къ цвѣту. Первородная матерія съ присущей ей идеей — матерью распадается на множество побочныхъ идей, которыя всѣ обладаютъ, какъ и родоначальница ихъ, способностію творчества и находятъ для него соответственные формы во вселенной, заготовленные, вѣроятно, той же попечительной матерью еще до начала вѣковъ. Начинается картина, представляющая длинную, нескончаемую цѣпь воплощенія идей, приносящихъ съ собой и всѣ нужные имъ организмы. Кажется, далѣе идти было невозможно, но Огаревъ нашелъ еще тропинку для своихъ умозаключеній. По его ученію, всѣ фвіологическія и психическія явленія въ человѣкѣ могутъ быть зачислены тоже въ категорію идейныхъ воплощеній, да изъ послѣднихъ даже поясняется возникновеніе вѣры въ безсмертіе души! Заблужденія автора и снисходительность къ его заблужденіямъ друзей-критиковъ были бы вовсе непостижимы, если бы для нихъ не существовало оправданія. Обаяніе системы заключалось для всѣхъ, которые ее знали, и для ея автора въ безграничной свободѣ мысли, которая пробовала себя, на первыхъ порахъ, въ области неимоверныхъ абстракцій!

Замѣчательна въ біографическомъ отношеніи и приписка, которой сопровождалъ Огаревъ отсылку этой второй части своего труда въ Москву. Она гласитъ: «Я чувствую самъ, что еще всюду вкрадываются несообразности и противорѣчія; но что же дѣлать? Теперь еще не въ силахъ совершенно выработать все что хочется; но никакая неудача не остановитъ меня. Обнять весь этотъ міръ знанія, провидѣть начало и результаты идей — и потомъ съ твердостію и силою вступить на поприще практической дѣятельности — вотъ цѣль моя! Суди, какъ хочешь, а я увѣренъ, что думаю такъ»... Оказывается, что подобно другу своему, Герцену, онъ думалъ о практической дѣятельности, о трудовой жизни для людей и промежъ людей въ самомъ пылу горячей работы за облицованіемъ своихъ абсолютовъ, но ему было тяжелѣе выступить на новую арену, чѣмъ Герцену. Напрасно онъ называетъ себя, съ добродушнымъ хвастовствомъ, совершенно невиннымъ въ его устахъ, «Сампсономъ, разрываю-

щимъ цѣпи», напрасно говорить о своихъ силахъ—и призываетъ минуты, когда будетъ въ состояніи обнаружить свою способность на борьбу и подвижничество,—онъ остается постоянно человѣкомъ, указывающимъ нужду тѣхъ или другихъ рѣшеній, понимающимъ неотложныя задачи времени, отгадывающимъ даже, по истинѣту, вопросы еще ниѣмъ не тронутые, и нерѣдко изумлявшимъ проблемками мысли, опередившей свое время, но лишеннымъ способности обращать въ дѣло свои собственные взгляды и убѣжденія. Онъ оказывался полнымъ неудачникомъ во всемъ, что ни предпринималъ. Это была избранная натура, созданная на то, чтобы на нее любовались и съ нея брали примѣръ, но не привлекали къ черновой работѣ, требуемой жизнью.

Сама система его, которой онъ такъ величался, чуть-чуть не возлагая на нее надежды на свое безсмертіе, была еще ничѣмъ инымъ, какъ вспышкой, зароненной въ его душу прилежнымъ чтеніемъ философскихъ сочиненій. Онъ принялъ искру, долетѣвшую до него съ чужого очага, за проявленіе собственной мысли и сталъ подводить обширный теоретическій фундаментъ подъ гипотезы, навѣянные ей со стороны. Онъ принялся, за свою тяжелую работу съ усердіемъ и усилиями баснословнаго Сизифа, но и то, и другое скоро истощилось. Гипотезы росли не по днямъ, а по часамъ, множились съ ужасающей скоростью и быстротою: подмостки и опоры, которыя заготовлялъ имъ авторъ, безпрестанно оказывались недостаточными, требовали новыхъ построекъ. Измученный Огаревъ прибѣгъ къ обыкновенному средству отдѣлываться отъ трудныхъ задачъ, положенныхъ себѣ первымъ увлеченіемъ: онъ бросилъ все дѣло въ развалинахъ и уже никогда не оглядывался болѣе на ямы и рывины, оставленные имъ за собой на почвѣ трактата. Покамѣстъ онъ былъ еще далекъ отъ полнаго сознанія своего безсилія, хотя и говорилъ о немъ. Онъ возвѣщаетъ о скоромъ появленіи 3-го и 4-го отдѣла системы, распространяется въ комментаріяхъ о томъ, что они должны будутъ содержать въ себѣ, но намъ нѣтъ уже надобности ходить опять по темнымъ корридорамъ его философскаго лабиринта, послѣ того, какъ ознакомились съ ихъ расположеніемъ. Достаточно упомянуть, что теперь онъ такъ же легко и свободно нашелъ законъ троичности во вселенной, какъ прежде открылъ законъ одновременнаго дѣйствія косности и движенія въ матеріи. «Когда я раскрою вамъ,—пишетъ онъ,—законъ троичности—сущность, идея, осуществленіе въ жизни человѣчества, когда я покажу вамъ человѣчество прежде колоссальное, какъ вселенная, которую оно боготворитъ, потомъ выводящее изъ

себя свою собственную идею; когда я покажу вамъ въ каждой отдѣльной эпохѣ, въ каждомъ годѣ, въ каждомъ моментѣ (!)... этихъ двухъ отдѣловъ (древности и христіанства) тотъ же законъ тройственности — тогда я положу *вопросъ будущности*, тогда я скажу вамъ задачу, разгадавъ которой посвящаю себя словомъ и дѣломъ». Никакой разгадки вопроса будущности не послѣдовало, да и самъ Огаревъ никогда не посвящалъ себя всецѣло его разрѣшенію.

Гораздо вѣрнѣе передаетъ намъ физіономію Огарева слѣдующая тирада изъ его прозвѣній въ будущность, которой мы и заключаемъ намъ разборъ его занятій. Тирада лучше соответствуетъ, чѣмъ философскія упражненія, понятію о бывшемъ сентъ-симонистѣ, за ученіе котораго онъ собственно и пострадалъ:

«Теперь я намекну только на задачу общественной организаци: сохранить при высочайшемъ развитіи общенности полную свободу индивидуальную. Да, это задача для жизни рода человѣческаго — чѣмъ ближе къ разрѣшенію, тѣмъ ближе къ совершенству. Эту задачу пусть разрѣшаетъ человѣчество, какъ скоро сброситъ ветхую епанчу свою. Да, человѣкъ долженъ по своей волѣ двигаться въ кругу братій. До тѣхъ поръ, пока есть преграда развитію моей индивидуальной воли, до тѣхъ поръ у меня нѣтъ братьевъ — есть враги, — до тѣхъ поръ нѣтъ гармоніи и любви, но борьба моего эгоизма съ эгоизмомъ другихъ. Сочетать эгоизмъ съ самопожертвованіемъ — вотъ въ чемъ дѣло; вотъ къ чему должно стремиться общественное устройство. Эту задачу я вамъ выведу исторически — и также приближенное рѣшеніе оной въ третьей или четвертой тетради очерковъ, которую постараюсь доставить... черезъ мѣсяцъ»...

Но и эта горячая тирада опять была произведеніемъ минуты, лучезарнымъ, но мимолетнымъ впечатлѣніемъ, пробѣжавшимъ въ мозгу автора. Рядомъ съ нею, въ перепискѣ Огарева красуется еще бездна такихъ же горячихъ тирадъ, трактующихъ совсѣмъ о другомъ строѣ идей, о необходимости и мудрости самозабвенія, слѣпой вѣры, отсѣченія своей воли и абсолютнаго смиренія въ виду истинъ, добытыхъ религіознымъ чувствомъ. Какъ тирада, такъ и вся система, разобранная нами, были произведеніемъ благороднаго характера и ума, но силы и значенія обязательной доктрины не имѣли ни для него самого, ни для друзей его.

VIII.

Ошибся бы тотъ, кто принялъ бы Огарева, на основаніи его филиппикъ противъ пошлостей свѣта и его философскихъ трудовъ, за нелюдима, способнаго довольствоваться самимъ собой и не нуждающагося въ обществѣ. Напротивъ, онъ искалъ людей и пришелъ въ негодованіе, когда друзья, тоже обманутые его сатирами на пензенское общество, заподозрѣли въ немъ мизантропа. Мизантропія—это отчаяніе, безнадежность, а онъ, выражаясь его словами, положъ вѣры въ человѣчество, въ самого себя, въ свое призваніе. Заявляя громогласно свои симпатіи вообще къ человѣчеству, Огаревъ отлично уживался съ тѣмъ самымъ свѣтомъ, на который падали его безпощадные удары. Онъ не любилъ въ свѣтѣ его страсть къ шуму, его безцѣльную суету, выставку богатствъ и ухищреній роскоши, а также и его тщеславіе, выросавшее у многихъ до симптомовъ душевной болѣзни; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ искусствомъ находить для себя уютные уголки посреди многолюдства и царствовать тамъ въ силу одной симпатической своей природы. Огаревъ не отличался ни особеннымъ даромъ слова, ни эпиграмматической мѣткостью замѣтокъ, ни веселостію, качествами, которыми сотоварищъ его Герценъ надѣленъ былъ въ такой высокой степени.

По свидѣтельству одной умной дамы, Огаревъ прослылъ даже, при своемъ появленіи на аренѣ пензенскаго high-lif'a за ограниченнаго человѣка. Она писала (переводимъ съ французскаго): «Тотчасъ по пріѣздѣ въ Пензу, я принялась разспрашивать весь міръ объ Огаревѣ, съ которымъ такъ хотѣла познакомиться, и получила въ отвѣтъ со всѣхъ сторонъ: это дурачокъ (une bête), замѣчательный только своимъ богатствомъ. Можете себѣ представить, какъ я была изумлена. Наконецъ, не далѣе какъ вчера я встрѣтила его на балѣ у Ахлеб... онъ былъ молчаливъ, улыбался и имѣлъ важный и холодный видъ. Мнѣ хотѣлось обнять его за васъ и за себя, но въ самой средѣ моего увлеченія ухо мое было оскорблено массой эпиграммъ въ прозѣ на его счетъ, и притомъ самыхъ пошлыхъ эпиграммъ, которыя скорѣе позорили тѣхъ, кто ихъ произносили, чѣмъ его» ¹⁾. Провинціальный міръ былъ обманутъ новымъ своимъ гостемъ: ожидали увидать въ немъ блестящаго москвича, увѣнчаннаго еще ореоломъ преслѣдованія, и встрѣтили сосредоточеннаго въ себѣ, задумчиваго и

¹⁾ Изъ письма Н. Сатина.

наблюдательнаго юношу съ простой рѣчью, безъ пикантной за-
кваски, безъ points, traits и другихъ прикрасъ, которыя можно
разносить по сторонамъ. Распущенное провинціальное общество
тогда угадало въ немъ своего врага...

Но въ томъ же обществѣ нашлись и круги, иначе настроен-
ные и которые скоро поняли, каковаго труда стоило этому скром-
ному молодому человѣку справляться съ врожденной пылкостью
молодости и воображенія, и которые оцѣнили его усилія поко-
рять свирѣпыя фанатическія страсти идеѣ чистаго, безупорочнаго
служенія наукѣ и человѣчеству. Изъ этой работы надъ
собою онъ сдѣлалъ тогда задачу жизни, собравшую вокругъ
него много разрозненныхъ привязанностей и симпатій.

Каждое лѣто отецъ Огарева уѣзжалъ въ свою пензенскую
деревню, с. Ашпино, близъ Саранска, населенную множествомъ
воспоминаній и для Огарева-сына, который въ ней родился
и провелъ свое дѣтство. Въ первый разъ, какъ старый помѣ-
щикъ улоумилъ въ это любимое лѣтнее свое убѣжище уже взрос-
лаго сына-нагнанника, онъ, какъ повѣчительный отецъ, позабо-
тился и о доставленіи ему развлеченій въ деревнѣ, пригласивъ
нѣкоторыхъ молодыхъ родственниковъ ихъ семьи раздѣлить его
удивленіе и принять еще другія мѣры противъ его ипохондрій.
Все это дѣлалось, какъ подозревалъ Огаревъ-сынъ, согласно при-
нятой системѣ — «изъ любви ко мнѣ и изъ желанія мнѣ добра, —
писалъ онъ, — и для того, чтобы освободить мою голову отъ міра
идей и изгнать изъ нея всякое подобіе серьезной мысли». Легкія
связи, подготовленныя съ той же цѣлью, конечно, были прене-
брежены молодымъ философомъ, но за то онъ дважды влюбился
въ кузинъ и въ послѣдній разъ даже очень серьезно, но онъ
пытается подавить свое чувство, тотчасъ какъ только созналъ
его въ себѣ. «Эта дѣвушка, — извѣщаетъ онъ, — соединяетъ въ себѣ
Луизу и Греченъ: черный, огненный, восточный типъ», и тутъ же
прибавляетъ: «но я не долженъ предаваться любви: моя любовь
посвящена высшей, *универсальной* «Любви», въ основѣ которой
лѣтъ эгоистическаго чувства наслажденія: я принесу мою на-
стоящую любовь въ жертву на алтарь *всемирнаго чувства*». Зароки эти однакоже ни въ чему не повели, — онъ волнуется,
сердится на себя, но отдѣлаться отъ влеченій сердца не можетъ,
какъ это видно изъ послѣдующихъ его писемъ, отрывки изъ ко-
торыхъ здѣсь приводимъ въ доказательство, что подъ составной
физиономіей философа и моралиста — таились у Огарева страсти
и органическія буря, сопровождающія каждую молодость и раз-

дирающія, какъ и съ нимъ было, маску мудреца, наложенную на себя ради постороннихъ соображеній.

«Ты еще не зналъ во мнѣ одного необычайнаго достоинства — ужасной влюбчивости. Такъ вообрази же, что послѣ того, какъ писалъ къ тебѣ, что влюбленъ — я вполнѣ увѣрился, что Дульцинея моя глупа, какъ пробка — и баста. Потому я имѣлъ удовольствіе влюбиться безъ ума въ одну изъ дѣвъ, о которыхъ я тебѣ и писалъ — и наслаждаюсь. Но знаешь ли, что это въ самомъ дѣлѣ любовь! Чѣмъ это кончится — богъ вѣсть, но только это прибавка новыхъ терзаній къ прежнимъ. Какъ глупо». Затѣмъ онъ обращается къ самому себѣ и поднимаетъ опять тему объ эгоизмѣ, отъ котораго такъ силится освободиться:

«Я часто думаю, неужели и я могу имѣть страсть *индивидуальную*, не основанную на самоотверженіи и на жизни *универсальной*? Неужели и я эгоистъ? Я и въ самомъ дѣлѣ эгоистъ. Другъ, другъ!.. Затѣмъ же я становлюсь тѣмъ, чѣмъ мнѣ быть не хочется? Сколько контрастовъ, борющихся во мнѣ! Добродѣтель и преступленіе, умъ и матерія, богъ и скотъ сталкиваются, раздираютъ... Мученье!» Всѣ эти мученія кончились, однако же, когда появилась особа, будущая жена Огарева, которая поняла, что всѣ его опасенія за нравственную чистоту свою суть только признаки нерѣшимости испробовать жизнь на дѣлѣ, и связала его судьбу со своей собственной, но объ этомъ послѣ.

Покажѣтъ Огаревъ не уступалъ Герцену въ обширности плановъ и замысловъ для будущаго, предполагаемаго устроенія и упроченія какъ своей литературной, такъ и общественной дѣятельности. Подобно вятскому сотоварищу своему и онъ томился ссылкою, хотя она далеко не такъ тяготѣла на его плечахъ, какъ у жертвы Тюфяева, которая поминутно могла ожидать новыхъ и незаслуженныхъ политическихъ бѣдствій. Здѣсь напротивъ начальство берегло Огарева, прозрѣвая въ немъ большую полезность для провинціи въ его качествѣ готоваго выгоднаго жениха для бѣдныхъ дѣвушекъ, не имѣющихъ средствъ явиться въ столицы и дѣлать тамъ завоеванія. Оно — начальство — еще и само имѣло на него виды въ этомъ смыслѣ и льстило его надеждами скорого освобожденія и обѣщаніемъ своего ходатайства къ ускоренію развязки. Почти съ первыхъ же дней прибытія въ Пензу, Огаревъ уже сталъ мечтать о побѣдѣ въ Петербургъ, въ Москву, о свиданіи съ друзьями, но время шло, а признаковъ поворота въ его судьбѣ ни откуда не показывалось; онъ потерялъ и послѣдній лучъ надежды, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что на вопросъ симбирскихъ властей по поводу домогательствъ Сатина о

дозволеніи отлучиться съ мѣста жительства для пользованія минеральными водами, полученъ былъ отвѣтъ: «впредь не смѣть и дѣлать такихъ представленій». По этому поводу Огаревъ сдѣлалъ любопытную замѣтку: «Я не тужу за себя, мнѣ не нужно отсюда уѣзжать—и многое меня здѣсь *привязываетъ*, но ихъ (товарищей несчастія) жалко; я знаю, что у нихъ нѣтъ *столько матеріи для жизни души, какъ у меня; я въ этомъ случаѣ что-то индійское!*» Не смотря, однакоже, на это предполагаемое индійское обиліе матеріи въ его организмѣ, Огаревъ ужасался мысли оконечить въ провинціи, какъ еще ни была она сравнительно легка для него, и возымѣлъ намѣреніе проситься на службу, на Кавказъ, причемъ тотчасъ же снабдилъ вспышку свою и маленькой, оправдательной теоріей, то же весьма любопытной. «Мечта о Кавказѣ меня не покидаетъ. Война—лучшій выходъ. *Разумно*, я чувствую, никогда не выйду, да и скучно что-то искать разумнаго выхода, если онъ самъ не приходитъ. Наука и практическая дѣятельность не даются мнѣ. *Длительность безпутная* лучше выведетъ на путь. Да вѣдь оно какъ-то и хорошо—шумная битва, да шумный биваекъ!.. А за жизнь мою ручается что-то, что выше меня. Я въ свою будущность вѣрю, потому что все же умѣлъ стать духомъ выше своей личности»... Конечно, это былъ крикъ нестерпимой боли — ибо представить себѣ автора системы міровѣдѣнія въ образѣ браваго кавказскаго офицера нѣтъ никакой возможности.

Многое и другое представляетъ затрудненія для пониманія этой своеобразной личности, если упустить изъ вида склонность ея отдаваться первымъ впечатлѣніямъ и немедленно ставить ихъ цѣлью своей жизни. Безъ этого предварительнаго соображенія нельзя дать себѣ отчета, напримѣръ, въ громадныхъ размѣрахъ, какіе принимаютъ у Огарева всѣ планы будущей литературной дѣятельности его, и въ колоссальной самонадѣянности, съ какою онъ говоритъ о грядущихъ трудахъ своихъ. «Дайте мнѣ дѣйствія, — восклицаетъ онъ, — дайте желаемый кругъ дѣйствія! Я чувствую въ себѣ силу неограниченную. Нѣтъ, еще есть Вѣра и я пойду далеко. Если бы я былъ съ вами, друзья, или тамъ, *гдѣ доижутся языки!*.. Но я буду, непремѣнно буду; мой *fatum* написанъ рукой бога на пути вселенной: онъ не измѣненъ»... Легкость, съ которой и онъ, и Герценъ постоянно призывали само провидѣніе на вмѣшательство въ ихъ дѣла, какъ бы въ видѣ своего довѣреннаго и уполномоченнаго лица — всего лучше объясняетъ восторженное состояніе, какъ ихъ самихъ, такъ и вообще той эпохи. Черта эта была у нихъ общая со многими сверстниками ихъ другихъ

лагерей. Станкевичъ, Грановскій, В. Богинъ, Бѣлинскій, такъ же точно, какъ К. Аксаковъ и др., одинаково считали себя орудіями вышнихъ силъ и тщились содержать себя въ надлежащей чистотѣ, приличной избранникамъ промысла. Вся интеллигентная молодежь конца 30-хъ годовъ составляла какое-то подобіе не сформировавшейся, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно существовавшей общины, которая вѣровала въ свое призваніе обновить міръ дѣломъ и словомъ и была не ниже по своему моральному содержанію всѣхъ позднѣйшихъ ново-христіанскихъ общинъ, явившихся подъ разными наименованіями: Божіихъ людей, послѣднихъ святыхъ и проч. Изъ этой энтузіастической общины нашей, не имѣвшей, повторяемъ, фактическаго бытія, и члены которой узнавали другъ друга только по одинаковости настроенія, вышла большая часть людей 40-хъ годовъ, которые разошлись потомъ по разнымъ дорогамъ и открыли эру новыхъ идеаловъ. Въ процессѣ переформированія ихъ, дополненія и измѣненія старыхъ убѣжденій прежніе единомышленники уже часто сталкивались враждебно, но безстрастный наблюдатель легко распознаетъ на этихъ борцахъ печать одного, общаго происхожденія, въ ка-кія бы положенія они ни становились другъ къ другу.

Но время явиться къ друзьямъ, или туда, *идѣ движутся языки*, по его выраженію, было еще далеко отъ Огарева. Въ ожиданіи его онъ посылалъ стихи и небольшія статейки въ забытые теперь журналы, какъ «Сынъ Отечества» Н. Полевого, напримѣръ, да строилъ неустанно свою «Систему». Это былъ капитальный трудъ его, но рядомъ съ нимъ росли планы и другихъ работъ, испытывая неизмѣнно одну и ту же участь. На половинѣ дороги усердіе и воображеніе автора истощались, перебиваемыя новыми впечатлѣніями и задачами, которыя требовали и новыхъ формъ. Огаревъ принялся за трактатъ «О воспитаніи» и говорилъ о немъ съ одушевленіемъ; но прошло немного времени и усталость автора обнаружилась довольно ясно. «Статью о воспитаніи не могу теперь доставить, ибо чѣмъ больше пишу ее, тѣмъ она плодovitѣе и пишется, и такъ скоро отдѣлана быть не можетъ; съ первой оказіей она доставится».

Но оказія вовсе и не приходило. Неизвѣстно, вмѣстѣ ли съ трактатомъ или послѣ него, въ видѣ способа отдохновенія, появилась у Огарева мысль о романѣ. «Хочу писать сказку или быль, какъ порядочный человѣкъ гибнетъ въ провинціи; достанется же и почтенному родству моему (хотя и высокому), но которое намъ обоимъ надѣлало кучу гнусныхъ неприяностей, *желаю овладѣть нашей волею*»... Для пониманія послѣднихъ словъ

слѣдуетъ замѣтить, что женатба Огарева (1838 г.) на родственницѣ губернатора Панчулидзева, о чемъ будемъ еще говорить, ослабила надзоръ за употребленіемъ, какое дѣлаетъ осыльный изъ своего времени, а смерть отца въ томъ же году удалила и другихъ вліятельныхъ цензоровъ его поведенія. Въ видѣ вѣнчальнаго подарка онъ даже былъ представленъ къ чину, а затѣмъ еще получилъ право, съ согласія губернатора, отлучаться изъ губерніи, но не касаться столицъ и нѣкоторыхъ другихъ важнѣйшихъ городовъ Имперіи. Онъ не замедлилъ воспользоваться дозволеніемъ. Всѣ кабинетныя работы и планы работъ у Огарева приходятся къ этой эпохѣ общаго замиренія, за исключеніемъ, впрочемъ, «Системы», съ которой никогда не разставался. О романѣ Огарева мы не имѣемъ никакого понятія, но за то о драмѣ, затѣванной еще прежде и чуть ли не по одинаковому плану съ романомъ, можемъ сообщить нѣсколько подробностей. Огаревъ извѣщалъ друзей о зарожденіи ея слѣдующими словами: «Я пишу драму, которой первый актъ конченъ. Я имъ еще не слишкомъ доволенъ; многое не довольно ясно, не рѣзко высказано. Есть мѣста, гдѣ слишкомъ много словъ, чего я терпѣть не могу. Потому вамъ пришлю только когда кончу и буду самъ хотя немного доволенъ. Статью о воспитаніи моя лѣнь превозможетъ *тамъ* ¹⁾. Я слишкомъ много предположилъ трудовъ, чтобы ихъ *тамъ* исполнить и потому едва ли что сдѣлается, кромѣ драмы. Addio, carissime».

Но и драма не исполнилась, по предвидѣннымъ и не предвидѣннымъ обстоятельствамъ. Она послала заглавіе «Художникъ» (Der Künstler) и принадлежала къ числу тѣхъ романтическихъ произведеній, гдѣ художники, поэты, гениальные юноши всѣхъ родовъ бичуютъ общество, подъ покровомъ котораго сами возникли, и требуютъ отъ него не только признанія ихъ заслугъ, но славы, власти и раболовства передъ собою. Нельзя не подивиться живучести этой темы въ нашей литературѣ. Гораздо позднѣе Гоголя она еще питала молодые умы авторовъ, очень часто съ нея и начинавшихъ свою дѣятельность, а съ болѣе возмужалыми умами пробралась и въ производительность сороковыхъ годовъ, гдѣ красовались драмами и романами самаго

¹⁾ Всѣ эти *тамъ* относятся къ волежѣ на кавказскія минеральныя воды, куда Огаревъ, пользуясь дозволеніемъ, спѣшилъ отправиться въ 1838 г. Письма нашего автора постоянно безъ числовыхъ помѣтокъ, и хронологическій ихъ порядокъ можетъ основываться поэтому единственно на догадкахъ. На Кавказѣ Огаревъ получилъ извѣстіе о послѣднемъ роковомъ апоплексическомъ ударѣ, который поразилъ его отца, и, не докончивъ леченія, поскакалъ къ нему, оставивъ жену на водахъ.

выспренного, напряженного пафоса. Огаревъ тоже не устоялъ противъ искушенія высказать подъ чужимъ именемъ свои собственные помыслы, но у него выборъ темы произведенъ былъ не одной разгоряченной головой, а еще и наболѣвшимъ сердцемъ. Вотъ что онъ говоритъ въ раннемъ *нѣмецкомъ* письмѣ къ другу, 1836 г., изъ котораго мы уже представляли выдержки: «Я хочу писать драму «Художникъ» (Der Künstler) и разоблачить въ ней будущность искусства. Ты догадываешься объ основаніяхъ, на которыхъ она должна держаться. Но мой «Художникъ» еще преслѣдуемъ роковыми призраками: сомнѣніемъ, которое граничитъ съ отчаяніемъ. Форма драмы будетъ оригинальна. Мой художникъ—энциклопедистъ: поэзія, музыка, живопись участвовали въ его образованіи. Конечъ—сумасшествіе. О Боже! Неужто и со мной можетъ тоже случиться, что и съ моимъ художникомъ. Другъ! Я глубоко палъ здѣсь, духовныя мои силы ослабли, а пусть, а страшно пусть. А какъ пренесенъ я былъ духомъ мужества во дни моего ареста»...

Возвратившись спѣшно изъ своего путешествія на Кавказъ, въ Ашшину, гдѣ онъ уже не засталъ въ живыхъ своего отца, Огаревъ явился и въ Пензу. Здѣсь въ уединеніи, которое теперь наступило для него, онъ дѣлаетъ перечень всего предпринятаго имъ доселѣ. Это, такъ сказать, эпитафія, надгробная надпись любимыхъ многочисленныхъ его проектовъ, которую здѣсь и приводитъ: «Я хотѣлъ кое-что послать тебѣ для печатанья, но теперь *дома нѣтъ*, у Х. (Ховриной) въ деревнѣ, ерго до другого раза—приготовлю побольше. Пишу романъ, драму, повѣсть, систему міра, *прокламаціи изъ моихъ подданныхъ*, разныя глупости въ канцеляріи и отъ этой многосложности ничто не подвигается и вездѣ ѣзжу на любимомъ конькѣ, на предисловіи... Прощай, братъ». Изъ всѣхъ предметовъ, осужденныхъ имъ самимъ на забвеніе—всего болѣе жалко прокламацій къ подданнымъ. Любопытно было бы знать, какимъ языкомъ говорилъ съ ними въ эпоху вѣрностного быта молодой натуръ-философъ и христіански-радикальный мыслитель. По замѣчательно широкому плану освобожденія одной части своего имѣнія, введенному имъ повиднѣ въ исполненіе, и по всегдашнимъ восторженнымъ отзывамъ его о русскомъ народѣ можно думать, что рѣчь составляла диспаратъ въ то странное время, когда всѣ уже предвидѣли неизбежную гибель вѣрностничества и всѣ съ отчаяніемъ держались за него.

IX.

Огаревъ имѣлъ большое преимущество передъ Герценомъ въ томъ, что былъ поэтъ и страстный музыкантъ. Это позволяло ему находить, въ случаѣ бѣды, лишнее пристанище и утѣшеніе для себя. Правда, и Герценъ, какъ знаемъ, писалъ стихи, но у него это было просто упражненіемъ. «Пятистопный ямбъ,—говорилъ онъ,—нахвостъ, тоже дѣло человѣческое» и онъ составлялъ ямбы, какъ ученики разрѣшаютъ математическія задачи, не чувствуя нисколько призванія въ математику. Совсѣмъ другое значеніе имѣли для Огарева—поэзія и служеніе музамъ. Для него это были живыя божества и каждодневная бесѣда съ ними сдѣлалась потребностью его души. Онъ говорилъ съ ними преимущественно о самомъ себѣ; онъ стоялъ передъ ними въ роли исповѣдника, припоминая каждую свою мысль, растравляя раны своего сердца, обнаруживая потрясенія и разрушенія, произведенныя въ его нравственномъ существѣ событіями внѣшняго міра и собственной мыслью. Участія отъ невидимыхъ божествъ своихъ онъ не ждалъ; ему нужно было только высказаться передъ ними. Но это былъ поэтъ не первыхъ, непосредственныхъ ощущеній, а ощущеній, оставшихся послѣ мозговой проверки ихъ,—поэтъ рефлектирующій, по философскому выраженію, Огаревъ поэтизировалъ не столько явленія, сколько свои размышленія о нихъ. Самая фактура, даже наиболѣе удачныхъ его произведеній, подтверждаетъ это мнѣніе. Въ стихѣ его не видно той крѣпости нервъ и мышцъ, смѣемъ выразиться, которая должна отличать выраженіе страстныхъ аффектовъ вообще для того, чтобы они успѣли сообщиться читателю; стихъ его страдаетъ растянутостью, ожирѣніемъ, такъ сказать, что даетъ ему болѣзненный видъ; рядомъ съ истиннымъ одушевленіемъ тутъ идутъ избытки общія мѣста, назначенныя видимо отвѣчать только на предшествующія рѣчи, и послѣ долгихъ риторическихъ подступовъ, внезапно является свѣтлый полетъ фантазіи, превосходная поэтическая картина... Все вмѣстѣ оставляетъ читателя въ недоумѣніи, раздѣляя его впечатлѣніе и мѣшая ему отдаться вполне своему автору. Много написалъ и напечаталъ своихъ стиховъ за это время нашъ поэтъ и между ними есть очень цѣнные, какъ, напримѣръ, «Моя лампада», гдѣ онъ непосредственно касается домашнего, простаго явленія. Мы желали бы спасти отъ забвенія, которое вообще наступило для поэтическихъ произведеній Огарева—это стихотвореніе, всего болѣе потому, что оно содержитъ

біографическій матеріалъ и хорошо передаетъ созерцательную природу автора и мягкое его настроеніе. Приводимъ его, не смотря на длину:

МОЯ ЛАМПАДА.

Я помню свѣтъ лампы томиной
 Передъ иконою святой:
 Онъ озарялъ мой уголъ скромный
 И мой младенческій покой;
 Тутъ няня старая крестилась
 Передъ грающимъ тихимъ слезъ,
 И въ землю съ шепетомъ молилась
 И спать ложилась потомъ.
 Спокойны были наши ночи,
 Спокойны были наши сны,
 И не бывали наши очи
 Тоской души растворены.
 Тогда съ младенчества порою
 Служилась старость—и они
 Шли беззаботною стопою
 Въ дорогъ жизнью сведены.
 Но няни нѣтъ! Давно зарыта
 Она въ могилѣ подъ крестомъ,
 И дѣтство мирное забыто
 И стало все неяснымъ сномъ.
 Другой я помню блескъ лампы,—
 Онъ укоризненно свѣтилъ
 Мнѣ въ отуманенные взгляды
 И мнилось—будто говорилъ:
 „Мнѣ данъ среди предзнаначеній
 Удѣлъ быть—тайныхъ думъ,
 Иль скорби сердца, иль видѣній,
 Мечтой навѣянныхъ на умъ;
 А ты разврата сынъ ничтожный,
 Удѣлъ прекрасный измѣнилъ,
 И тихій лучъ рукой безбожной
 Въ самозабвенья засвѣтилъ
 Предъ строемъ буйныхъ безначалій,
 Предъ грозой страстей земныхъ,
 При звукахъ шумныхъ вакханалій,
 Или лобзаній покушанныхъ!..»
 И часто видѣлъ лучъ денницы,
 Какъ были раннею порою
 Овлажены мои рѣсницы
 Святой раскаянья слезой.
 Когда же снова лучъ лампы
 Въ ночи безсонной мнѣ сіялъ,
 Онъ, какъ страдалецъ, бѣсъ ограды
 Огнемъ тоскующимъ дрожалъ,

Или, какъ ангелъ сожалѣнья,
 Гора участіемъ живымъ,
 Души несноснаго волненія
 Бывалъ свидѣтелемъ нѣмымъ.
 Тогда таинственной тоскою
 Сжималось сердце—я страдаю,
 И надъ усталой головою
 Сомнѣнья демонъ пролеталъ.
 Теперь лампы лучъ заветный
 Мнѣ тихо свѣтитъ въ часъ ночной,
 И смотрять съ радостью пріятной
 На поклѣтъ любви святой,
 На взоръ, исполненный душою,
 И на склоненную ко мнѣ,
 Съ улыбкой ясною покоя
 Головку въ мирномъ полуснѣ,
 И душу радость наполняетъ,
 Ослы дрожатъ въ глазахъ моихъ
 И тихій ангелъ навѣваетъ
 Рядъ сновидѣній неземныхъ.

Не мнѣ, если не боже унывался Огаревъ и музыкой. Симфоническая и квартетная музыка были его страстью, хотя для итальянскихъ, русскихъ, нѣмецкихъ мелодій онъ держалъ неотлучно при себѣ гитару и фортепьяно. Симфоническая музыка вообще пробуждаетъ ощущенія, безъ отношенія къ дѣйствительности, загромождаетъ психическія склонности человѣка, который безъ нея лежалъ бы долго въ усыпленіи, порождаетъ цѣлый строй мыслей, не имѣющихъ корней въ реальномъ мірѣ, а потому и пропадающихъ въ одномъ чувствѣ наслажденія. Такая музыка отбѣчала внутреннему міру Огарева какъ нелзя болѣе, особенно если вспомнимъ, что даже метафизическія, абстрактныя темы не были ей вовсе чужды. Мы нисколько не были удивлены, узнавъ изъ переписки Огарева, что онъ въ это же время занимался, по порученію извѣстнаго московскаго композитора, Гебеля, изготовленіемъ либретто къ ораторіи его, которая должна была носить названіе «Гармонія міровъ» (Harmonie der Welten), съ соответствующимъ названію содержаніемъ.

И все это происходило еще въ пылу обширнаго, громаднаго чтенія, какое только можно себѣ представить. Любопытство и жажда расширить кругъ своихъ познаній, общія ему со всѣми его сверстниками, достигли поразительныхъ размѣровъ. Дѣло и серьезныя работы находились тутъ въ обратной пропорціи съ матеріалами, которые для нихъ собирались. Мы ужъ говорили о массѣ книгъ, какая потребовалась для одной «Системы», но масса еще увеличивалась романами, различными монографіями, все-

возможными историческими трактатами и новинками французской и нѣмецкой литературъ, а съ 1838 и съ полученіемъ наслѣдства добавлялась сочиненіями по медицинѣ, естествознанію, точнымъ наукамъ, которыя вошли въ кругъ изслѣдованій Огарева, сдѣлавшагося хозяиномъ и землевладѣльцемъ. Сколько наименований встрѣчается въ его отпискахъ къ друзьямъ о мыслихъ одной «Kieser's Tellurismus», а однажды онъ пришегъ и въ негодованіе: «Я на васъ сердитъ; зачѣмъ не прислали книгъ, которыхъ спрашивалъ, и именно: Бурсъ анатоміи. Знаете ли, что отъ такихъ упущеній рвется нить соображеній? Я учусь систематически: энциклопедическое знаніе, съ особенной (моей) точки зрѣнія разсматриваемое—вотъ моя цѣль!.. Теперь меня занимаетъ человѣкъ, какъ существо, дающее болѣе объясненій на все окружающее, и потому очень вы дурно сдѣлали, что не прислали анатоміи; я хочу посмотрѣть это тѣло, чтобы повѣрить нѣкоторыя предчувствія о жизни и смерти. Я читаю Ганемана, я убѣжденъ въ дѣйствительности гомеопатіи; я буду лечить. Въ деревнѣ врачъ, въ особенности гомеопатическій—ангелъ для страждущихъ»... Съ энциклопедическимъ образованіемъ, которому онъ предался послѣ смерти отца, стали расти въ ширь и высь его планы и предначертанія практическаго свойства. Онъ не только собирался сдѣлаться деревенскимъ врачомъ, но и сельскимъ учителемъ: «Я изобрелъ, — восклицаетъ онъ, — методу обученія въ народныхъ училищахъ; пришли мнѣ что-нибудь о Ланкастерской методѣ, чтобы посмотрѣть сходство, разницу, а, можетъ, и тождество съ моею». Имъ овладѣваетъ честолюбіе разрѣшать самолично вопросы такъ же точно науки, какъ и жизни, разрѣшенные до него другими дѣятелями. Для проверки химическихъ и физическихъ опытовъ, прежде произведенныхъ специалистами по этой части, Огаревъ устраниваетъ въ деревнѣ свою собственную лабораторію и тотчасъ же задаетъ себѣ и другу, которому пишетъ, задачу опредѣленія вѣскости электричества. «Здѣсь я занимаюсь, — пишетъ онъ, — по немногу чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь и не смотря на вообще приписываемую мнѣ «innere Fülle» — не могу продолжительно заниматься. Иногда меня привлекаетъ законодательство: я кое-что написалъ на этотъ счетъ, но все еще не полно, многое ошибочно, но вообще, мнѣ кажется, есть довольно удачное примѣненіе къ мѣсту. Иногда бросаюсь въ естественныя науки и теперь придумалъ способъ узнать вѣсъ электричества, который, мнѣ кажется, проще способа гр. Ходкевича, но я еще опыта не производилъ. Вотъ способъ. Въ стеклянную трубку, запаянную снизу, налить немного ртути и разогрѣвать такъ,

чтобы ртуть поднималась и выходя по немногу, выгоняла бы воздухъ. Когда можно увидѣть, что при охлажденіи ея остается очень мало, то трубку закупорить и въ ней получится немного ртути въ безвоздушномъ пространствѣ. Въ пробку продѣть мѣдную проволоку, засмолить кругомъ, проволоку обвить шолкомъ, но конецъ пробки долженъ служить проводникомъ электричества. Этотъ снарядъ взвѣсить на чувствительныхъ вѣскахъ и потомъ заряжать посредствомъ электрической машины—и наблюдать разницу въ вѣсѣ. Попробуй, произведи этотъ опытъ; я произведу его здѣсь и посмотримъ—каковы будутъ результаты». Такъ тѣшился Огаревъ, переходя, по собственному сознанію, отъ законодательства къ электричеству, а отъ нихъ къ маленькимъ стихамъ, тутъ же и приложеннымъ. Мы не говоримъ уже о планѣ созданія фабрики, которая освободитъ крестьянъ отъ платежа барскихъ и государственныхъ повинностей, и о многихъ другихъ предположеніяхъ. Научные и дѣловые проекты Огарева имѣли одинаковую участь съ его литературными проектами: далѣе *предисловія* они не шли—и притомъ были съ родни тому фантастическому проекту, который возникъ въ умѣ нашего поэта еще въ Москвѣ, до ссылки, въ чадѣ одной дружеской пирушки и о которомъ онъ вспоминаетъ теперь съ улыбкой въ слѣдующихъ словахъ: «Помнишь ли, какъ мы проводили утро, когда я хотѣлъ *пхатъ въ Берлинъ, издавать журналъ съ покойнымъ Гегелемъ?* Помнишь ли наше путешествіе въ Черную Грязь? Что за странное разгулье, въ которомъ, однако, было столько благороднаго! Не забывай еще всѣхъ попытокъ благородныхъ душъ любить все истинное и прекрасное, не забывай трудовъ ума—словомъ не забывай все, что было хорошо. Теперь мы врозь. Но я чувствую, что мы лучше. Теперь, когда мы свидимся, мы найдемъ другъ въ другѣ смиреніе, терпѣніе и вѣру, найдемъ болѣе опыта въ жизни и *болѣе чистоты въ нравахъ*»... На этомъ и кончается описаніе нравственныхъ интересовъ, преслѣдуемыхъ Огаревымъ, въ годину политической его ссылки, которое вышло болѣе подробно, чѣмъ мы предполагали, но которое оправдывается цѣлію познакомить читателя съ типомъ молодежи, возникшимъ къ концу 30-хъ годовъ и уже часто встрѣчавшимся тогда въ обѣихъ столицахъ и въ провинціи.

П. Анненковъ.

МАРІОНЪ ФАЙ

Романъ, въ двухъ частяхъ, Антоня Троилопа.

Съ англійскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.—Маркизь Кинсбѣри.

Когда мистеръ Ліонель Траффордъ, вступивъ въ парламентъ въ качествѣ представителя мѣстечка Уэднесбѣри, явился въ рядахъ ярыхъ радикаловъ, это почти разбило сердце его дяди, стараго маркиза Кинсбѣри. Среди современныхъ ему торіевъ маркизь былъ оберъ-тори, какъ и его пріатели герцогъ Ньюкэстль, считавшій, что человѣку слѣдуетъ позволять распоряжаться своей собственностью по усмотрѣнію, и маркизь Лондондерри, который, когда до него доходилъ слухъ о какомъ-нибудь отступничествѣ въ этомъ родѣ отъ семейныхъ политическихъ традицій, съ негодованіемъ упоминалъ о семейныхъ капиталахъ, растраченныхъ при отставаніи мѣста въ парламентѣ, составляющаго собственность семейства. Уэднесбѣри никогда не принадлежало маркизу, но племянникъ, до нѣкоторой степени, составлялъ его собственность. Племянникъ, въ силу вещей, былъ его наследникъ, будущій маркизь, и старшій маркизь, съ этой минуты, никогда въ политическомъ смыслѣ, не поднималъ головы. Онъ уже былъ старикомъ, когда все это произошло, и по счастью для него не дожилъ до того, чтобы видѣть худшія вещи, которыя затѣмъ послѣдовали.

Представитель мѣстечка Уэднесбѣри сдѣлался маркизомъ и

владѣльцемъ значительнаго семейнаго достоянія, но не имѣнялъ своимъ политическимъ воззрѣніямъ. Онъ былъ маркизъ-радикалъ, сторонникъ всѣхъ популярнымъ мѣръ, не стыдившійся своихъ преимуществъ и продолжавшій громко требовать дальнѣйшихъ парламентскихъ реформъ, хотя въ сборникѣ Дода постоянно встрѣчалась отмѣтка, гласившая, что маркизу Кинсбери приписывается сильное вліяніе въ мѣстечкѣ Эджуръ. Вліяніе было такъ сильно, что какъ онъ самъ, такъ и дядя его, сажали туда, кого имъ заблагоразсудится. Дядя не пожелалъ посадить его изъ-за его отступническихъ теорій, но онъ отмыслилъ за себя, предоставивъ это мѣсто краснорѣчивому портному, который, по правдѣ говоря, не дѣлалъ особенной чести его выбору.

Но случилось такъ, что тѣнь его дяди была отомщена, если можно предположить, что подобныя чувства оказываютъ вліяніе на вѣчный покой умершаго маркиза. Подросталъ молодой лордъ Гѣмпстедъ, сынъ и наслѣдникъ маркиза-радикала, обѣщавшій многое въ умственномъ отношеніи, удовлетворявшій всѣмъ требованіямъ со стороны внѣшности, но направлять мысли котораго оказывалось чрезвычайно труднымъ.

Его не могли держать въ Гарро или въ Оксфордѣ, такъ какъ онъ не только не принималъ, но открыто опровергалъ христіанское ученіе; онъ былъ юноша религіозный, но твердо рѣшился не вѣрить въ Откровеніе. Въ двадцать-одинъ годъ онъ объявилъ, что онъ республиканецъ, давая тѣмъ самымъ понять, что онъ вообще не одобряетъ наслѣдственныхъ почестей. Онъ причинялъ ровно столько же огорченій настоящему маркизу, какъ этотъ покойному. Портной удержалъ за собой свое мѣсто, такъ какъ лордъ Гѣмпстедъ даже не пожелалъ удостоить быть представителемъ мѣстечка, составлявшаго какъ бы собственность его семьи. Онъ объяснилъ отцу, что вообще относится съ сомнѣніемъ къ парламенту, одна изъ фракцій котораго наслѣдственная, но не сомнѣвается въ томъ, что въ настоящее время онъ, для этого дѣла, слишкомъ молодъ. Это несомнѣнно должно было удовлетворить тѣнь отшедшаго маркиза.

Но это было не все, далеко не все. Лордъ Гѣмпстедъ свелъ тѣсную дружбу съ однимъ молодымъ человѣкомъ, пятью годами старше его, который былъ не болѣе какъ простой клеркъ въ почтамтѣ. Противъ Джорджа Родена лично, какъ человѣка и товарища, нельзя было сказать ничего. Конечно, иные люди думаютъ, что наслѣднику маркиза слѣдовало бы искать себѣ близкаго пріятеля въ нѣсколько болѣе высокихъ общественныхъ сферахъ, полагая, что онъ лучше послужитъ своимъ будущимъ

интересамъ, вода знакомство съ равными себѣ, такъ какъ въ дружбѣ равенство имѣетъ свои хорошія стороны. Маркизь-отецъ, не смотря на свой радикализмъ, несомнѣнно былъ этого мнѣнія. Но ему можно было бы найти оправданіе въ богатыхъ дарованіяхъ Родена — хотя бы даже было справедливо, какъ предполагали, что именно крайнимъ убѣжденіямъ Родена лордъ Гемпстедъ въ значительной степени былъ обязанъ своими собственными крайними мнѣніями — все это можно было бы простить, еслибы за этимъ опять не скрывалось нѣчто худшее. Въ Гендонъ-Голлѣ, прелестномъ подгородномъ имѣніи маркиза, вконецъ изъ почтамта былъ представленъ молодой лэди Франсесъ Траффордъ, и они полюбили другъ друга.

Радикализмъ маркиза способенъ былъ видоизмѣняться подъ вліяніемъ особыхъ соображеній въ отношеніи къ родной семьѣ. Нашъ маркизь, не смотря на свои явные политическія убѣжденія, имѣлъ и свои сокровенныя чувства. Въ его глазахъ, хотя онъ и былъ либераломъ, его собственная кровь была не такая какъ у всѣхъ. Хотя оно, пожалуй, было бы недурно, чтобы масса людей по возможности уравнилась, тѣмъ не менѣе, соображаясь съ настоящимъ и дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, ему было ясно, что маркизь Кинсбери вознесенъ на пьедесталъ. Можетъ быть, слѣдовало сожалѣть о настоящемъ положеніи вещей. Въ минуты великодушнаго настроенія онъ въ этомъ не сомнѣвался. Зачѣмъ существуетъ земледѣлецъ, какой-нибудь работникъ съ фермы, которому его ничтожество не позволяетъ разинуть ротъ, и маркизь, голосъ котораго звучитъ очень громко и увѣренно въ палатѣ лордовъ, причѣмъ и въ палатѣ общинъ имѣется голосъ, находящійся отъ него въ зависимости? Онъ очень часто говоритъ это въ присутствіи сына, не подозревая тогда, какія могли быть послѣдствія его собственныхъ поученій. Въ сердце его, когда онъ возвѣщалъ эти истины, закрадывалась нѣкоторая гордость, — хотя, вообще говоря, и было дурно, что существуютъ маркизы и работники съ фермы, стоящіе такъ далеко другъ отъ друга, въ силу несправедливости судьбы. Ему пріятно было сознавать, что судьба сдѣлала его маркизомъ, а кого-то другого работникомъ съ фермы. Онъ зналъ, что значитъ быть маркизомъ въ полномъ смыслѣ слова. Онъ желалъ бы, чтобы его дѣти также это поняли. Но поученія его врѣзались глубже, чѣмъ онъ ожидалъ, и это имѣло самыя печальныя послѣдствія.

Маркизь былъ женатъ первымъ бракомъ на особѣ совершенно не аристократическаго происхожденія, отецъ которой занималъ очень вліятельное положеніе въ палатѣ общинъ.

Онъ никогда не былъ министромъ, потому что упорно держался мысли, что лучше послужить родинѣ, будучи независимымъ.

Онъ былъ богатъ и занималъ солидное положеніе въ обществѣ. Женившись на единственной дочери этого джентльмена, маркизъ Кинсбери далъ волю своимъ либеральнымъ симпатіямъ, причемъ нельзя было сказать, чтобы бракъ его былъ неравный.

Жена его была замѣчательная красавица, женщина, богато одаренная въ умственномъ отношеніи, совершенно проникнутая воззрѣніями своего отца, но чуждая женскаго педантизма. Будь она въ живыхъ, леди Франсесъ, вѣроятно, не увлеклась бы клеркомъ изъ почтамта; тѣмъ не менѣе, будь она въ живыхъ, она бы угадала въ этомъ клеркѣ достойнаго джентльмена.

Но она умерла, когда сыну ея было около шестнадцати лѣтъ, а дочери едва исполнилось пятнадцать. Два года спустя, нашъ маркизъ нашелъ себѣ другую жену—на этотъ разъ аристократку. Можетъ быть, живость и рѣзкость его политическихъ убѣжденій нѣсколько притупились, благодаря постепенному превращенію въ обыкновеннаго пѣра, совершенно естественному въ его годы. Человѣку, который ораторствовалъ въ двадцать-пять лѣтъ, надоѣдаетъ ораторствовать въ пятьдесятъ, если его ораторство не имѣло никакихъ особенныхъ послѣдствій. Онъ съ удовольствіемъ думалъ, женившись на леди Кларѣ Монтреворъ, что обстоятельства, при послѣднихъ выборахъ, сложились такъ, что для него не представляется необходимости и впослѣдствіи предоставлять роль представителя мѣстечка, находившагося у него въ рукахъ, портному. Портной явился пьяный въ засѣданіе, и маркизъ надѣялся, что не пройдетъ и шести мѣсяцевъ какъ лордъ Гемпстедъ настолько образумится, что будетъ въ состояніи занять мѣсто въ палатѣ общинъ.

Затѣмъ очень быстро, одинъ за другимъ, явились на свѣтъ три бѣлокурыхъ мальчика, лордъ Фредерикъ, лордъ Огустусъ и лордъ Грегори. Ни малѣйшаго сомнѣнія не могло быть въ томъ, что ихъ сдѣдуетъ воспитывать въ понятіяхъ, приличествующихъ отпрыскамъ аристократическаго дома. Мать ихъ была, въ полномъ смыслѣ слова, дочь герцога. Но, увы, ни одному изъ нихъ, повидимому, не суждено было сдѣлаться маркизомъ Кинсбери. Не смотря на свое вполне аристократическое происхожденіе, они были младшіе сыновья. Это было тайное горе; но когда ихъ сестра, леди Франсесъ, откровенно объявила ихъ матери, что дала слово простому клерку, это горе не могло быть встрѣчено молча.

Когда лордъ Гемпстедъ попросилъ позволенія представить

своего пріятеля, казалось, не было основательной причиной отказать ему. Какъ онъ ни погрузился въ дебри унижительныхъ воззрѣній, нельзя было допустить, чтобы даже онъ оказалъ поддержку такой ужасной вещи. Да въ тому же развѣ въ сдержанности и достоинствѣ самой леди Франсесъ не заключалось лучшаго ручательства? Эта мысль маркизѣ даже и въ голову не приходила. Когда она узнала о предстоящемъ посѣщеніи клерка, она, понятно, была возмущена. Всѣ идеи, поступки, привычки лорда Гэмпстеда возмущали ее. Она была женщина, исполненная аристократической вѣжливости, и всегда была любезна съ пріятелями своего пасынка, — но любезность эта была холодная. Сердце ея ихъ всецѣло отвергало — какъ отвергало и его и, говоря по правдѣ, также леди Франсесъ. Леди Франсесъ унаслѣдовала все достоинство своей матери, все ея спокойное обращеніе; но взгляды ея были даже прогрессивнѣе взглядовъ матери; напр., ей также казалось, что свѣтъ долженъ постепенно научиться обходиться безъ разстояній отдѣляющихъ герцоговъ отъ работниковъ съ фермы. Это возмущало ея мачиху.

Роденъ никогда прежде не бывалъ въ Гендонъ-Голлѣ, хотя лордъ Гэмпстедъ въ Лондонѣ представилъ его сестрѣ. Въ сущности говоря, клеркъ воздерживался отъ посѣщеній, выражая, въ разговорахъ съ другомъ, свои недоумѣнія относительно нѣкоторыхъ диссонансовъ. «Маркизъ — такая же нелѣпость въ моихъ глазахъ, какъ и въ твоихъ», — сказалъ онъ лорду Гэмпстеду, — но пока маркизы существуютъ, ихъ слѣдуетъ ублажать, а тѣмъ болѣе ихъ супругъ. Слишкомъ извѣженная кожа — несчастіе, но если кожа не выноситъ свѣжаго воздуха, слѣдуетъ допускать вуали для защиты ея. Цѣлью должно быть: воспитать кожу, а не наказывать ее сразу. Несчастную маркизу-сибаритку не слѣдуетъ лишать ея розовыхъ лепестковъ. А я, во всякомъ случаѣ, не розовый лепестокъ». А потому онъ и держался вдали.

Но споръ между друзьями продолжался, и побѣда, наконецъ, осталась за благороднымъ наслѣдникомъ. Джорджъ Роденъ не былъ розовый лепестокъ, но въ Гендонъ-Голлѣ въ немъ увидѣли растеніе съ прекрасными, благоуханными цвѣтами. Не будъ извѣстно, что онъ клеркъ изъ почтамта, составъ себѣ маркиза мнѣніе о немъ просто по его внѣшности — онъ показался бы ей не хуже любого розоваго лепестка. Это былъ высокій, красивый, сильно-сложенный молодой человѣкъ, съ короткими, свѣтлыми волосами, симпатичными сѣрыми глазами, орлинымъ носомъ и небольшимъ ртомъ. Въ его осанкѣ, фигурѣ и лицѣ не замѣчалось ничего свойственного болѣе почтамтскимъ клеркамъ, чѣмъ

аристократіи вообще. Но онъ былъ клеркъ и самъ признавался, что ничего не знаетъ о своей семьѣ, не помнитъ никакихъ родныхъ, кромѣ матери.

Случилось такъ, что Гендонъ-Голлъ превратился въ исключительное мѣстопробываніе лорда Гемпстеда, который не пожелалъ ни имѣть собственной квартиры въ Лондонѣ, ни жить въ семьѣ, когда она занимала свой палаццо въ улицѣ Паркъ-Ленъ. Иногда онъ уѣзжалъ за границу, иногда появлялся на недѣлю или на двѣ въ Траффордъ-Паркъ, большомъ помѣстьѣ въ Йоркширѣ. Но всего охотнѣе онъ жилъ въ Гендонъ-Голлѣ, своей полу-городской полу-сельской резиденціи въ окрестностяхъ Лондона, и сюда-то часто навѣдывался Джорджъ Роденъ послѣ своего перваго визита, сгладившаго всякую неловкость. Иногда онъ тамъ заставлялъ маркиза съ дочерью — рѣдко маркизу. Затѣмъ наступила минута, когда леди Франсесъ смѣло объявила матихъ, что дала слово почтамтскому клерку. Случилось это въ іюнѣ, во время парламентской сессіи, когда цвѣты въ Гендонѣ были во всемъ блескѣ. Маркиза пріѣхала туда дня на два; Роденъ въ это же утро уѣхалъ на службу, не намѣреваясь возвращаться. Было сказано нѣсколько словъ, возбудившихъ неудовольствіе, и онъ не намѣренъ былъ вернуться. Черезъ часъ послѣ его отъѣзда леди Франсесъ сказала всю правду.

Брату ея, въ это время, было двадцать-два года. Она была годомъ моложе. Клеркъ былъ, приблизительно, лѣтъ на шесть старше молодой дѣвушки. Будь онъ старшій сынъ маркиза, графа, виконта, будь онъ хотя бы будущій баронъ, съ нимъ можно было бы помириться. Онъ былъ краснорѣчивый молодой человѣкъ, не лишенный нѣкоторой скромности, именно такой, какой легко могъ плѣнить желанную, хотя бы самую аристократическую тещу. Маленькіе лорды научились съ нимъ играть, онъ былъ свой человѣкъ въ домѣ. Даже слуги какъ будто забыли, что онъ не болѣе какъ клеркъ, и что онъ каждое утро уѣзжаетъ въ городъ по желѣзной дорогѣ, чтобы заработать десять шиллинговъ, просидѣвъ шесть часовъ за конторкой. Даже маркиза почти пріучила себя относиться къ нему симпатично—какъ къ одному изъ тѣхъ приѣзжковъ, которые иногда встрѣчаются въ аристократическихъ семействахъ, въ видѣ гувернантки, капеллана или домашнего секретаря, которыхъ выдвинули случай или заслуги и которые, этимъ путемъ, превращаются въ довѣренныхъ друзей. Тутъ-то до ушей ея случайно долетѣло имя «Франсесъ» безъ обычнаго «леди», и съ языка ея сорвалось надменно-гнѣвное слово. Роденъ уложилъ свой чемоданъ, а леди Франсесъ рассказала свою повѣсть.

Имя лорда Гэмпстеда было Джонъ. Онъ былъ достопочтенный Джонъ Траффордъ, графъ Гэмпстедъ. Для свѣта вообще онъ былъ лордъ Гэмпстедъ, для пріятелей—Гэмпстедъ; для мачихи особенно — Гэмпстедъ, какъ былъ бы ея родной, старшій сынъ въ минуту своего рожденія, родись онъ на такое счастье. Для отца онъ сдѣлался Гэмпстедомъ за послѣднее время. Въ прежніе годы существовалъ какъ бы тайный, семейный уговоръ, что, вопреки условнымъ приличіямъ, онъ въ ихъ кругу долженъ оставаться Джономъ. Маркизь недавно намекнулъ, что съ годами это становится глупо; но сынъ приписывалъ перемѣну вліянію мачихи. Тѣмъ не менѣе онъ оставался Джономъ для сестры и для нѣсколькихъ близкихъ друзей, въ числѣ которыхъ былъ и Роденъ.

— Онъ не сказалъ мнѣ ни слова,—возразила сестра, когда братъ уличалъ ее въ пристрастія къ ихъ молодому гостю.

— Но скажетъ?

— Никакая дѣвушка никогда не выразитъ мнѣнія на этотъ счетъ, Джонъ.

— А еслибъ сказалъ?

— Ни у какой дѣвушки не найдется готоваго отвѣта на такой вопросъ.

— Я знаю, что онъ скажетъ.

— Въ такомъ случаѣ, если ты намѣренъ выразить какія-нибудь желанія, тебѣ бы слѣдовало переговорить съ нимъ.

Все это вполне разъяснило вопросъ въ глазахъ ея брата. Такая дѣвушка, какъ его сестра, не такъ бы приняла замѣчаніе брата относительно предстоящаго объясненія въ любви со стороны почтамтскаго клерка, еслибы она не приучила себя относиться къ этой возможности безъ отвращенія.

— Было ли бы это тебѣ непріятно, Джонъ?—спросилъ Роденъ, когда пріятель подвергъ его допросу.

— Встрѣтились бы затрудненія.

— Большія затрудненія, даже съ твоей стороны?

— Я этого не говорилъ.

— Они явились бы сами собой. Послѣдній фетишъ, огъ котораго человѣкъ можетъ отказаться, это неприкосновенность женщинъ его семьи.

— Боже сохрани, чтобы я сколько-нибудь поступилъ неприкосновенностью моей сестры.

— Понятно; но съ этимъ связано идолопоклонство! Отчего бы и дочери аристократа не выйти замужъ, если она можетъ найти аристократа же по своему вкусу. Въ самой любви нѣтъ

никакого оскорбленія, но идолопоклоннику наносится страшная рана самой личностью претендента. Понятія измѣняются не такъ быстро, чтобы даже ты былъ свободенъ отъ этого чувства. Триста лѣтъ тому назадъ, еслибы претендента нельзя было спроводить за-границу или на тотъ свѣтъ, то по крайней мѣрѣ дѣвушку бы заперли. Черезъ триста лѣтъ дѣвушка и мужчина будутъ стоять на одномъ уровнѣ, опираясь только на личные достоинства. Въ настоящее переходное время человѣку въ твоихъ условіяхъ очень трудно совершенно освободиться отъ старыхъ путей.

— Я пытаюсь.

— Самымъ энергическимъ образомъ. Но, голубчикъ, не смѣшивай этого личнаго дѣла съ политическими воззрѣніями и отвлеченными идеями. Я намѣренъ спросить у сестры твоей отдастъ-ли она мнѣ свое сердце, и, насколько это отъ нея зависитъ, свою руку. Если ты недоволенъ, намъ, вѣроятно, придется разстаться... на время. Какъ бы теорія строги ни были, любовь ихъ все пересилитъ.

Лордъ Гэмпстедъ въ эту минуту не сталъ увѣрять его въ своемъ расположеніи; но когда оказалось, что сестра его дала слово, онъ сталъ на сторону своего пріятеля.

И такъ въ семейномъ кругу маркиза Кинсбѣри было много заботъ. Семейство уѣхало за-границу до конца іюля, для здоровья дѣтей. Такъ гласила «Morning Post». Тщетно спрашивали встревоженные друзья, что такое случилось съ этими бѣлокурными, юными геркулесами? Зачѣмъ явилась необходимость везти ихъ въ саксонскіе альпы, когда прелести и удобства Траффордъ-парка были гораздо ближе и гораздо выше? Леди Франсесъ поѣхала съ ними, и лишь до нѣкоторыхъ интимныхъ знакомыхъ изъ фашенебельнаго свѣта дошелъ слабый отголосокъ истины. Когда подобные отголоски прокрадываются въ свѣтскія сферы, они распространяются далеко.

II.—Лордъ Гэмпстедъ.

Лордъ Гэмпстедъ, — хотя и не желалъ вступить въ парламентъ или записаться въ какой-нибудь изъ лондонскихъ клубовъ, или ходить по улицамъ въ цилиндрѣ, или исполнять какія-бы то ни было общественныя обязанности, лежащія на молодомъ аристократѣ, — тѣмъ не менѣе по своему веселился и моталъ. Въ денежныхъ вопросахъ онъ не зависѣлъ отъ щедрости отца — очень склоннаго къ щедрости — такъ какъ унаслѣдовалъ значи-

тельную часть состоянія своего дѣда съ материнской стороны. Про него почти можно было сказать, что деньги для него не имѣютъ значенія. Не то, чтобъ онъ рѣдко думалъ или говорилъ о деньгахъ. Онъ былъ къ этому очень склоненъ, утверждая, что деньги—самый могучій факторъ въ правдахъ и неправдахъ міра сего. Но онъ былъ такъ счастливо обставленъ, что могъ не давать деньгамъ мѣста въ своихъ личныхъ соображеніяхъ, такъ какъ никогда не бывалъ вынужденъ отказать себѣ въ чемъ-нибудь за неимѣніемъ денегъ, а также не подвергался, благодаря избытку ихъ, искушенію дѣлать затраты, по его мнѣнію, излишнія. Заплатить десять или двадцать шиллинговъ за бутылку вина, потому что какой-нибудь пріятель увѣряетъ, что оно отличное, или триста фунтовъ за лошадь, когда лошадь въ сто фунтовъ совершенно удовлетворяла его требованіямъ, казалось ему нецѣпостью. Мимо его воротъ проходилъ въ городѣ омнибусъ, въ которомъ онъ частенько ѣздилъ, увѣряя, что предпочитаетъ омнибусъ съ обществомъ, одиночеству въ своемъ экипажѣ. Онъ иногда досадовалъ на себя за то, что заказываетъ платье модному портному, утверждая, что принимаетъ на себя бесполезные расходы изъ-за того только, чтобъ не дать себѣ труда обратиться въ другое мѣсто. Въ этомъ, впрочемъ, можно было заподозрить нѣкоторое притворство, такъ какъ онъ несомнѣнно сознавалъ, что красивъ, и вѣроятно подозрѣвалъ, что искусный портной ничему не мѣшаетъ.

Въ числѣ его забавъ были двѣ, особенно дорогія. Онъ держалъ яхту, на которой привыкъ дѣлать рейсы лѣтомъ и осенью, и имѣлъ небольшой охотничій домикъ въ Нортонгемпширѣ. На яхтѣ онъ проводилъ большую часть своего времени, въ одиночествѣ или съ пріятелями, до которыхъ намъ нѣтъ дѣла; на «Фритредерѣ» — такъ звали яхту — все было въ полной исправности. Хотя онъ не платилъ десяти шиллинговъ за бутылку вина, онъ давалъ хорошую цѣну за паруса и канаты, и нанялъ опытнаго шкипера, способнаго уберечь и его самого и яхту. Охота его была поставлена почти на такую же ногу — съ тою разницей, что во время своихъ водяныхъ экскурсій онъ любилъ спокойствіе, а на охотѣ увлекался бѣшеной скачкой. Въ Горсъ-Голлѣ, такъ звали его коттеджъ, его окружали всевозможныя удобства, почти роскошь. Домъ дѣйствительно походилъ на коттеджъ; онъ когда-то былъ старой фермой и только за послѣднее время получилъ свое настоящее назначеніе. Не было ни величественной залы, ни мраморныхъ лѣстницъ, ни разукрашеннаго салона. Вы входили черезъ корридорчикъ, не заслуживавшій болѣе громкаго названія,

изъ него направо была столовая, налѣво болѣе просторная комната, которую во всѣ времена называли гостиной, ради представительности. За нею была комната поменьше, въ которой хозяинъ держалъ свои книги. Въ концѣ корридорчика была крутая лѣстница, ведущая въ верхвій этажъ, гдѣ находилось пять спаленъ, такъ что молодой лордъ могъ дать одновременно у себя пріютъ только четыремъ посѣтителемъ. За спальнями была кухня и комнаты для прислуги. Нашъ молодой демократъ держалъ съ полъ-дюжины лошадей, все — по признанію сосѣдей — хорошихъ скакуновъ, хотя молва гласила, что за каждую заплачено не болѣе ста фунтовъ. У лорда Гэмпстеда была манія утверждать, что дешевыя вещи ничѣмъ не хуже дорогихъ. Были люди, думавшіе, что онъ не меньше дорожилъ своими лошадьми, чѣмъ дорожать ими другіе. Родень часто бывалъ въ Горсъ-Голлѣ, но здѣсь онъ никогда не видалъ лэди Франсесъ. Молодой лордъ имѣлъ своеобразныя идеи насчетъ охоты спорта вообще. О немъ говорили, и справедливо, что въ цѣлой Англіи нѣтъ молодого человѣка, болѣе страстно любящаго охоту на лисицъ, говорили, что за неимѣніемъ лисицы, онъ готовъ гнаться за оленемъ, а за неимѣніемъ оленя, за чѣмъ попало. Если уже небыло никакой добычи, онъ просто несся домой, по полямъ, съ пріятелемъ, а не то такъ и одинъ. Тѣмъ не менѣе, онъ питалъ горячую вражду ко всѣмъ другимъ видамъ спорта.

О скачкахъ онъ утверждалъ, что онѣ превратились въ простой способъ наживать деньги, наименѣе выгодный изъ всѣхъ способовъ и наиболѣе безчестный. Его никогда не видали на скаковомъ полѣ. Но враги его утверждали, что несмотря на свое пристрастіе къ верховой ѣздѣ, онъ не судья въ аллюрѣ лошади, а пари держать боится, чтобы не проиграть.

Противъ охоты съ ружьемъ онъ возставалъ еще энергичнѣе. Если среди его согражданъ держались традиціи, обычаи, законы, ему ненавистные, это были традиціи, обычаи и законы, относящіеся къ обереганію и сохраненію дичи. Обереганіе лисицы, говоритъ онъ, основано на совершенно иныхъ началахъ. Лисица не оберегается закономъ, а разъ сохраненная служить утѣхой всѣмъ, кому угодно участвовать въ забавѣ. Одинъ человѣкъ въ одинъ день перестрѣляетъ пятьдесятъ фазановъ, уничтожившихъ нищу полъ-дюжины человѣческихъ существъ. Одна лисица, въ теченіе цѣлаго дня, служила забавой двумъстамъ охотникамъ, и бывала — а по большей части не бывала — убита во время представленія. Лисица, во время своей полезной жизни, не побидала хлѣбныхъ посѣвовъ, рѣдко уничтожала гусей, исключи-

тельно придерживаясь крысъ и тому подобной дряни. Въ какую неизмѣримо малую сумму обошлась лисица странѣ на каждаго охотника, который гнался за нею? А во что обошлись всѣ эти фазаны, которыхъ одинъ жадный стрѣлокъ затолкалъ въ свой громадный ягдташъ въ теченіи одного дня? На Гѣмпстеда, главнымъ образомъ, дѣйствовала общедоступность одной забавы и совершенная исключительность другой. Въ отъѣзжее поле могъ выѣхать, въ забавахъ его принимать участіе и сынъ фермера, если у него былъ свой пони, или мальчишка изъ мясной лавки; и еслибы послѣднему удалось обогнать остальныхъ и удержаться на своемъ мѣстѣ, въ то время, какъ безукоризненно одѣтый спортсменъ съ запасной лошадию отсталъ, то побѣда осталась бы за мальчишкой изъ мясной, причемъ онъ не навлекъ бы на себя ничего неудовольствія. Самые законы, руководящіе охотой на крупнаго звѣря, если подобные законы существуютъ, по существу своему вполне демократичны. Они, говорилъ лордъ Гѣмпстедъ, не издаются парламентомъ, но просто вырабатываются въ виду общихъ потребностей. Просто въ угоду общественному мнѣнію, земли всѣхъ частныхъ владѣльцевъ открыты для мчащихся за звѣремъ охотниковъ. Въ угоду общественному мнѣнію оберегаются лисицы. Въ силу общественнаго мнѣнія, звѣря выгоняетъ изъ логовища та или другая свора гончихъ. Законодательство не вступаетъ въ дѣло, чтобы извратить этотъ своеобразный кодексъ дополнительными постановленіями въ пользу забавъ богачей. Если причинялся вредъ, обычное право было къ услугамъ потерпѣвшаго.

Въ охотѣ съ ружьемъ наоборотъ. Бѣдные люди лишены всякой возможности участвовать въ ней потому что законъ, имѣетъ въ виду исключительно интересы богачей. Четыре или пять человекъ, два въ два, настрѣляютъ цѣлыя гекатомбы птицъ и звѣрей, причемъ единственнымъ оправданіемъ имъ служитъ фактъ, что они бьютъ пищу для снабженія ею рынковъ страны. Это не возбуждаетъ пріятнаго волненія; дѣлай себѣ просто выстрѣлъ за выстрѣломъ съ быстротой, которая совершенно исключаетъ соревнованіе, необходимое для наслажденія подобными забавами. Затѣмъ нашъ аристократическій республиканецъ цитировалъ Карлейля и знаменитую эпитафію охотника, бича куропатокъ. Въ мірѣ настоящихъ спортсменовъ однако, утверждали, что Гѣмпстедъ не попадетъ въ скирду сѣна—промахнется.

Къ рыбной ловлѣ онъ относился почти также строго, основывая свою критику на скукѣ и жестокости, съ какими сопряжено это занятіе. Онъ допускалъ, что первое—дѣло вкуса. Если

человѣкъ можетъ довольствоваться одной рыбой, среднимъ числомъ, на каждые три дня рыбной ловли, это его дѣло. Ему, лорду Гѣмпстеду, оставалось только думать, что человѣкъ этотъ самъ долженъ имѣть такую же холодную кровь какъ рыба, которую ему такъ рѣдко удастся поймать. Въ жестокости же, ему казалось, сомнѣнія быть не могло. Когда онъ слышалъ, что епископы и дамы тѣшатъ себя таская несчастную рыбу за жаберы въ продолженіе часа слишкомъ, онъ съ сожалѣніемъ вспоминалъ о благочестіи, прежнихъ служителей церкви и о нѣжности чувствъ прежнихъ представительницъ прекраснаго пола. Когда онъ говорилъ въ этомъ тонѣ, ему конечно, кололи глаза жестокостью охоты на лисицъ. Развѣ влосчастныя, преслѣдуемыя четвероногія, въ то время какъ ихъ травилъ стая гончихъ, не выносили такихъ же тяжкихъ и продолжительныхъ мукъ, какъ тѣ, которымъ подвергалась рыба? Въ отвѣтъ на это лордъ Гѣмпстедъ становился краснорѣчивымъ и убѣдительнымъ. Насколько мы можемъ судить, основываясь на законахъ природы, условія обоихъ животныхъ, во время самаго процесса, совершенно различны. Семга съ крючкомъ въ горлѣ несомнѣнно находится въ положеніи, не предусмотрѣнномъ природой. Лисица, пускающая въ ходъ всѣ свои способности, чтобы уйти отъ врага, предается именно тому занятію, для котораго предназначала ее природа. Было бы точно также справедливо сравнивать человѣка, посаженнаго на волю, съ человѣкомъ удрученнымъ житейскими заботами. Удрученный заботами человѣкъ можетъ споткнуться, упасть, погибнуть. Сравнивать его страданія съ невѣроятными терзаніями несчастнаго, которому проткнули внутренности желѣзнымъ прутомъ, предоставивъ ему томиться и умирать съ голоду. Любители рыбной ловли находили этотъ аргументъ болѣе остроумнымъ, чѣмъ основательнымъ. Но у него былъ въ запасѣ другой, болѣе надежный. Онъ допускалъ, въ данную минуту, что лисица не наслаждается охотой, даже, что гончія причиняютъ ей терзанія, и она не испытываетъ особаго восторга отъ успѣха собственныхъ маневровъ. Лордъ Гѣмпстедъ рѣшался утверждать — онъ говорилъ это тѣмъ докторальнымъ тономъ, какимъ обыкновенно доказывалъ невлѣпость наслѣдственныхъ почестей, — «что когда причиняется, страданіе, вопросъ о жестокости или нежестокости имѣетъ цѣну относительную». Кто усомнится въ томъ, что ради максимума добра минимумъ страданія можетъ быть причиненъ безъ оскорбленія человѣчества? Въ охотѣ съ гончими, одна лисица заканчивала свою блистательную карьеру, быть можетъ, преждевременно, для потѣхи двухъ-сотъ спортсменовъ.

— Ахъ, такъ вѣдь только для потѣхи!—вступался какой-нибудь гуманистъ, одинаково враждебно относившійся къ рыбной ловлѣ и охотѣ. Но тутъ молодой лордъ вставалъ въ негодованіи и спрашивалъ своего оппонента, неужели, по его мнѣнію, то, что онъ называетъ потѣхой, забавой, не такъ же благотѣльно, существенно, необходимо для людей, какъ даже такіа матеріальныя блага, какъ хлѣбъ и мясо? Развѣ повѣія ниже таблицы умноженія? Безъ сомнѣнія, человѣкъ можетъ жить безъ охоты на лисицъ. Но онъ также можетъ жить безъ масла, безъ вина или другихъ предметовъ такъ называемой необходимости, напримѣръ, безъ горностаевыхъ пелеринокъ, которыхъ первоначальная носительница, Богомъ въ свою шкурку облеченная была обречена на медленную, голодную смерть среди снѣговъ, изъ-за того, чтобы одна дама могла разукраситься плодами терзаній дюжины маленькихъ, пушныхъ страдальцевъ.

Но молодежь, хотя и смѣялась надъ нимъ, все же любила его. Онъ былъ веселъ и добродушенъ. Кромѣ того, онъ былъ щедръ. Онъ имѣлъ привычку смѣяться надъ самимъ собой и своими странностями, и привычка эта значительно смягчала ихъ. Что молодой графъ, будущій маркизъ, наслѣдникъ такого дома, какъ домъ Траффордъ, проповѣдуетъ политическую доктрину, которая невѣжественнымъ слушателямъ кажется коммунизмомъ, это, конечно, ужасно; но ужасъ сглаживался, когда онъ заявлялъ, что, безъ всякаго сомнѣнія, подъ старость, подобно прочимъ радикаламъ, превратится въ торія. Въ этомъ какъ будто сказывался скрытый намекъ на отца. Кромѣ того, было ясно, что его «коммунистическіе» принципы не мѣшаютъ ему знать цѣну землѣ. Онъ не пренебрегалъ своими интересами, какъ и слѣдуетъ землевладѣльцу, и, конечно, охотился съ гончими не хуже любого современнаго молодого человѣка.

Должно признаться, что когда ему въ первый разъ пришло въ голову, что сестра его готова влюбиться въ Джорджа Родена, онъ былъ недоволенъ. Не ожидалъ онъ, чтобы именно эта брешь была произведена въ оградѣ, защищавшей «святую святыхъ» его родной семьи. Когда Роденъ говорилъ съ нимъ объ этой «святой святыхъ» какъ о «фетишѣ», онъ не нашелъ въ себѣ силы противорѣчить ему. Онъ желалъ это сдѣлать, во-первыхъ, въ интересахъ собственной послѣдовательности, а также съ цѣлью, если возможно, отстоять «святую святыхъ». Божественное право королей было, въ его глазахъ, фетишемъ. Особое уваженіе, какимъ окружали герцоговъ и имъ подобныхъ—тоже. Мантия судьи и облаченіе епископа—также фетиши. Всякая

вѣщная почесть, не заслуженная дѣйствіями или словами того, кому она воздавалась, но вызванная рожденіемъ, богатствомъ или дѣяніями другого, — фетишъ. Продолжая далѣе свои разсужденія, онъ не могъ допустить того же по отношенію къ сестрѣ, или, вѣрнѣе, сознавалъ, что ему придется это допустить, если не удастся подыскать аргумента въ защиту его святыни.

Сестра была для него святыней; но причина этому должна была скрываться въ ихъ близкомъ родствѣ, въ ея кротости, въ ея личныхъ дарованіяхъ, въ томъ, что онъ, какъ братъ, обязанъ былъ ея рыцаремъ, пока она не выберетъ себѣ другого, а не въ томъ, что она — дочь, внучка и правнучка герцоговъ и маркизовъ, не въ томъ, что она — леди Франсесъ Траффордъ. Будь онъ самъ почтамтскимъ клеркомъ, развѣ его лучшій другъ не былъ бы для нея подходящимъ поклонникомъ? Несомнѣнно, бываютъ диссонансы, очень обыкновенные въ этомъ мірѣ, при которыхъ самая мысль о возможности любви не должна представляться женщиной, — диссонансы въ характерахъ, въ привычкахъ, въ чувствахъ, въ воспитаніи, въ душевномъ, личномъ благородствѣ. Онъ не могъ утверждать, чтобы подобные диссонансы стояли между его сестрой и его другомъ.

Если его дорогая сестра должна была когда-нибудь отдать свое сердце избранному, отчего-жъ не Джорджу Родену, какъ и всякому другому?

А между тѣмъ, онъ былъ, если не раздосадованъ, то во всякомъ случаѣ недоволенъ. Тутъ что-то противорѣчило его вкусу, его взглядамъ, а можетъ быть, и его предразсудкамъ. Онъ пытался честно изслѣдовать свою душу по этому вопросу и боялся, что еще былъ жертвой предразсудковъ своего класса. Его гордость была уязвлена при мысли, что сестра его ставитъ себя на одну доску съ почтамтскимъ клеркомъ. Хотя онъ часто старался, и очень успѣшно, растолковать ей, какъ мало она, въ сущности, выиграла отъ своего аристократическаго происхожденія, онъ тѣмъ не менѣе сознавалъ, что ей дано нѣчто, что должно было бы сдѣлать перспективу подобнаго брака непріятной для нея. Человѣкъ не можетъ освободиться отъ предразсудка тѣмъ, что сознаетъ или думаетъ, что это предразсудокъ. Онъ признавался самому себѣ, что молодые люди, если они будутъ продолжать упорствовать въ своемъ желаніи, станутъ мужемъ и женою; но онъ не могъ заставить себя не сожалѣть объ этомъ.

Между нимъ и отцомъ его произошелъ, по этому поводу, разговоръ передъ отъѣздомъ маркиза съ семьей за границу, и этотъ разговоръ, хотя не примирилъ его съ этимъ бракомъ, смягчилъ его

неудовольствіе. Отецъ сердился на него, взыскивая на него всю отвѣтственность за эту непріятную исторію, а онъ всегда склоненъ былъ раздражаться на критическое отношеніе кого-либо изъ домашнихъ къ его личнымъ принципамъ. А потому, защищая себя, онъ вынужденъ былъ защищать и сестру. Маркиза не было въ Гендонѣ во время перваго объясненія, но онъ тогда же узналъ о немъ отъ жены. Его радикальныя стремленія нисколько не примирили его съ подобнымъ предложеніемъ. Онъ никогда не прилагалъ своихъ теорій къ своимъ личнымъ дѣламъ. Ставъ перомъ-радикаломъ въ палатѣ лордовъ и пославъ портного-радикала въ палату общинъ, онъ болѣе чѣмъ удовлетворилъ собственныя политическія воззрѣнія. Для самого себя и для своего камердинера, для всѣхъ окружающихъ, онъ всегда былъ маркизомъ Кинсбери. Точно также, въ глубинѣ его души, маркиза была маркизой, и лэди Франсесъ—лэди Франсесъ. Онъ никогда, подобно сыну, не проходилъ черезъ процессъ анализированія своихъ убѣжденій.—Гэмпстедъ,—сказалъ онъ,—неужели то, что мать твоя мнѣ сказала—правда?—Разговоръ происходилъ въ городскомъ домѣ въ Паркъ-Лэнѣ, куда маркизъ вызвалъ сына.

— Это на счетъ Франсесъ и Джорджа Родена?

— Конечно.

— Я такъ и думалъ, сэръ. Когда вы послали за мной, мнѣ сейчасъ показалось, что это изъ-за нихъ. Конечно, правда.

— Что правда? Ты говоришь, точно ты совершенно одобряешь это.

— Такъ мой голосъ не выражаетъ моихъ чувствъ, такъ какъ я этого не одобряю.

— Ты, я надѣюсь, сознаешь, что это совершенно невозможно.

— Не скажу.

— Не скажешь?

— Не могу сказать, чтобы я считалъ это невозможнымъ или даже невѣроятнымъ. Зная обоихъ, какъ я ихъ знаю, я знаю, что вѣроятность за нихъ.

— Что они женятся?

— Таково ихъ намѣреніе. Я не запомню ни у него, ни у нея намѣреній, которыя бы, рано или поздно, не осуществились.

— Такъ въ данномъ случаѣ ты увидишь это чудо. Какъ могло это у нихъ случиться?—Лордъ Гэмпстедъ пожалъ плечами.—Кое-кто крѣпко виновать.

— То-есть—я?

— Кое-кто крѣпко виновать.

— Вы, конечно, подразумѣваете меня. Я въ этомъ дѣлѣ

совершенно неповиненъ. Представивъ Джорджа Родена вамъ, моей матери и Франсесъ, я познакомилъ васъ съ высоко-образованнымъ и чрезвычайно приличнымъ молодымъ человѣкомъ.

— Боже милосердый!

— Я сдѣлалъ для своего пріятеля то, что, я думаю, всякій молодой человѣкъ дѣлаетъ для своего. Мнѣ было бы стыдно знаться съ кѣмъ-нибудь, кого отецъ мой не могъ бы посадить за свой столъ. Никто заранѣе не соображаетъ, что молодой человѣкъ и молодая дѣвушка должны влюбиться другъ въ друга.

— А видишь, что это случилось.

— Безъ сомнѣнія, это было чрезвычайно естественно, хотя я этого не предвидѣлъ. Я уже сказалъ вамъ, мнѣ это очень прискорбно. Это послужить поводомъ ко многимъ огорченіямъ, будетъ и горе.

— Горе! я думаю. Мнѣ приходится уѣзжать среди сессіи.

— Ей, бѣдняжкѣ, будетъ всѣхъ тяжелѣе.

— Ей очень круто приходится, — сказалъ маркизъ такимъ тономъ, точно на этотъ счетъ онъ окончательно рѣшился.

— Но никто, насколько я понимаю, не сдѣлалъ ничего дурного, — продолжалъ лордъ Гэмпстедъ. — Когда сойдутся двое молодыхъ людей, у которыхъ одни вкусы, одни взгляды, одно воспитаніе, одни мысли...

— Ну, ты, извѣстно, уговоришь собаку дать отрубить себѣ заднія лапы, — сказалъ маркизъ, выбѣгая изъ комнаты. Онъ имѣлъ привычку, въ тѣсномъ, семейномъ кругу, употреблять выраженія, которыя напелъ бы неприличными для себя, какъ маркиза Кинсбери, въ обществѣ обыкновенныхъ смертныхъ.

III.—Маркиза.

Хотя сборы маркиза были очень коротки, Гэмпстедъ еще нѣсколько разъ видѣлся съ семьей передъ ея отъѣздомъ.

— Конечно, скажу. Я совершенно съ вами согласенъ, — говорилъ сынъ отцу, который поручилъ ему объяснить молодому человѣку всю невозможность подобнаго брака. — Я думаю, что это было бы несчастье для обоихъ, котораго слѣдуетъ избѣжать, — если они въ состояніи побѣдить свои настоящія чувства.

— Чувства!

— Но замѣшаны же тутъ чувства, сэръ?

— Конечно, онъ ищетъ положенія... и денегъ.

— Нисколько. Этого, пожалуй, могъ бы искать какой-ни-

будь молодой аристократъ, который желалъ бы жениться въ своемъ кругу и въ то же самое время улучшить свое состояніе. Въ его условіяхъ это было бы довольно справедливо. Онъ бы давалъ и бралъ. Со стороны Джорджа это было бы нечестно; подобное обвиненіе, относительно его, было бы несправедливо. Положеніе, какъ вы его называете, онъ считалъ бы бременемъ. Что же касается денегъ, онъ не знаетъ, есть ли у Франсесъ шиллинги или нѣтъ.

— Ни одного шиллинга, если я его ей не дамъ.

— Онъ объ этомъ и не думаетъ.

— Такъ онъ долженъ быть очень непредусмотрительный молодой человѣкъ; ему совсѣмъ не слѣдуетъ жениться.

— Я этого не допускаю—но хотя бы и такъ?

— А между тѣмъ мы думаемъ.

— Я думаю, сэръ, что это очень прискорбно. Я это говорилъ съ самаго начала. Я выскажу ему все, что думаю. Франсесъ будетъ съ вами и вы, конечно, выразите ей ваше мнѣніе.

Маркизъ далеко не былъ доволенъ сыномъ, но не посмѣлъ продолжать споръ. Во всѣхъ подобныхъ спорахъ онъ сознавалъ, что сынъ «убѣждаетъ собаку дать огрубить себѣ заднія лапы». Его собственные мысли были ему достаточно ясны, какъ, напри- мѣръ, настоящая мысль, что его дочь, лэди Франсесъ Траффордъ, нарушитъ всякое приличіе, выйдя замужъ за Джорджа Родена, почтамтскаго клерка. Но онъ былъ немногорѣчивъ и, претерпѣвая поражение въ спорѣ, думалъ, что его противникъ злоупотребляетъ своимъ выгоднымъ положеніемъ. Поэтому онъ часто думалъ, а иногда и говорилъ, что тѣ, кто забрасывалъ его словами, способны убѣдить собаку дать отрубить себѣ заднія лапы.

Маркиза также выразила Гэмпстеду свое мнѣніе. Она была особа болѣе энергичная, чѣмъ ее мужъ—болѣе энергичная въ томъ отношеніи, что никогда не позволяла разбить себя ни въ какой стычкѣ. Если слова, или выраженіе лица въ данную минуту не могли сослужить ей службы, она исчезала. Она умѣла очень краснорѣчиво молчать и заставить противника умолкнуть своей манерой выйти изъ комнаты. Это была высокая, красивая женщина съ величавой осанкой. «*Vera incessu patuit Dea*». Она слыхала, если не самыя эти слова, то переводъ ихъ, прониклась ими и носила ихъ въ сердцѣ въ качествѣ тайнаго девиза. Быть аристократкой съ головы до ногъ, по наружности и понятіямъ, было цѣлью ее жизни. Она твердо была увѣрена, что въ этомъ заключается ее высшая обязанность. Богу угодно было сдѣлать ее маркизой—неужели ей воспротивиться волѣ Божіей?

Единственнымъ ея несчастьемъ было, что Богу не угодно было сдѣлать ея матерью будущаго маркиза. Лицо ея, совершенно безстрастное, не смотря на свою красоту, нисколько не обнаруживало ни ея скорбей, ни ея радостей; голосъ также безусловно подчинялся ея волѣ. Никто, не исключая ея мужа, никогда не воображалъ, чтобы она живо чувствовала этотъ единственный ударъ судьбы. Хотя политическіе взгляды Гэмпстеда были въ глазахъ ея ужасны, недостойны вѣрнопопдавнаго, кощунственны, она обращалась съ нимъ съ утонченной вѣжливостью. Если онъ выражалъ какое-нибудь желаніе насчетъ домашняго комфорта, она заботилась объ удовлетвореніи его. Она старалась дѣлать видъ, что принимаетъ участіе въ его любимой забавѣ, охотѣ съ гончими. Она выказывала къ нему большое уваженіе—для него крайне тягостное—какъ къ человѣку, занимающему первое мѣсто послѣ маркиза. Ему, республиканцу и кощунственному бунтовщику—таково было ея мнѣніе о немъ—ему принадлежало первое мѣсто послѣ маркиза. Она охотно научила бы своихъ мальчиковъ уважать его, какъ будущаго главу семейства, еслибъ онъ не привыкъ играть съ ними, вытаскивать ихъ изъ кроватокъ, подбрасывать ихъ въ однихъ ночныхъ рубашкахъ, — еслибъ они не слишкомъ его любили, чтобы уважать. Тщетно старалась мать приучить ихъ называть его Гэмпстедъ.

Лэди Франсесъ никогда особенно ей не мѣшала, но, можетъ быть, мачиха была суровѣе къ лэди Франсесъ, чѣмъ къ пасынку, роль котораго, въ качествѣ положительной преграды ея честолюбію, она прекрасно сознавала. Лэди Франсесъ не имѣла права на большую дань уваженія, чѣмъ та, какая воздавалась ея роднымъ дѣтямъ. Первородство не дало ей никакихъ правъ. Она была дочь маркиза, но мать ея была только дочерью коммонера. Можетъ быть, въ чувствахъ маркизы къ брату и сестрѣ говорила совѣсть. Такъ какъ лордъ Гэмпстедъ положительно мѣшалъ ей, ей приходило на мысль, что она не должна изъ-за этого относиться къ нему враждебно. Лэди Франсесъ ей не мѣшала — а потому ее можно было не любить и критиковать, не удручая своей совѣсти; кромѣ того, хотя Гэмпстедъ былъ ужасенъ своимъ республиканствомъ, своей тайной измѣной, своимъ кощунствомъ, тѣмъ не менѣе его нѣсколько оправдывало то, что онъ мужчина. Несомнѣнно, все это было ужасно въ немъ, но болѣе простиительно, чѣмъ было бы въ женщинѣ. Лэди Франсесъ никогда не объявляла, что она республиканка, невѣрующая, а тѣмъ менѣе бунтовщица—чего, впрочемъ, не дѣлалъ и лордъ Гэмпстедъ. Въ присутствіи мачихи она обыкновенно не касалась политиче-

скихъ и религіозныхъ вопросовъ. Но почему-то думали, что она сочувствуетъ брату, и знали, что аристократическіе интересы далеко не столько близки ея сердцу, какъ бы слѣдовало. Маркиза и лэди Франсесъ никогда не ссорились, но между ними не было и той дружбы, какая можетъ существовать между мачихой тридцати-восьми лѣтъ и падчерицей двадцати-одного года. Лэди Франсесъ была высокая и стройная, съ спокойнымъ, но выразительнымъ лицомъ, смуглая, съ голубыми глазами и почти черными волосами. По наружности она была совершеннымъ контрастомъ своей мачихи; походка, движенія ея отличались живостью и граціей, безъ всякой заботы о послѣдней. Въ ней было достоинство, но она ни минуты не думала о немъ. Сами маленькіе лорды, ея братья, не больше помышляли о выдержкѣ, разбрасывая всюду свои книги и игрушки. Но маркиза никогда не оправила шарфа, не застегнула перчатки, не подумавъ, что ея долгъ застегнуть перчатку и оправить шарфъ, какъ подобаетъ маркизѣ Кинсбери.

Мачиха не желала лэди Франсесъ зла, — ей хотѣлось только прилично выдать ее замужъ и сбыть ее съ рукъ. Любой глупый графъ или пылкій виконтъ годился бы, подъ условіемъ, чтобы аристократическая кровь и деньги были на лицѣ. Лэди Франсесъ считали опасной и надѣялись, что съ помощью приличнаго брака удастся избавиться отъ опасности. Но не съ помощью такого брака какъ этотъ!

Когда маркиза впервые случайно услышала имя «Франсесъ», а затѣмъ послѣдовало признаніе, она выразила свои чувства однимъ взглядомъ. Таковъ могъ быть взглядъ Артура, когда онъ впервые услышалъ, что его королева — преступна; таковы должны были быть чувства Цезаря, когда и Брутъ нанесъ ему ударъ. Хотя и знали, что лэди Франсесъ совершенно равнодушна къ собственному величію, тѣмъ не менѣе — этого, во всякомъ случаѣ, никто не ожидалъ. — Не серьезно же мы это думаемъ! — наконецъ, сказала маркиза.

— Очень серьезно, мама.

Тутъ маркиза, придерживая платье одной рукой и высоко поднявъ другую, съ мучительной мольбой, обращенной къ богамъ, руководящимъ судьбами герцогскихъ домовъ, медленно вышла изъ комнаты. Ей необходимо было собраться съ мыслями, прежде чѣмъ сказать слово.

Въ теченіе нѣкотораго времени послѣ этого, она обвинялась съ преступницей очень немногими словами. Мертвое молчаніе было всего приличнѣе; когда дѣвочка перепачкаетъ свое

самое нарядное платье, ее разбранять и поставять въ уголъ; но когда она солжетъ, ее окончательно сразятъ ужаснымъ молчаніемъ. Выражать краснорѣчивое негодованіе безъ словъ подъ силу хладнокровнымъ людямъ.

Такъ, въ первую минуту, отнеслась къ леди Франсесъ ея мати́ха. Ее, однако, сейчасъ же повезли въ Лондонъ, подвергли болѣе громогласному гнѣву отца и приказали готовиться къ отъѣзду въ Саксонскіе Альпы. Сначала, правда, ей не сообщали, куда ее собственно везутъ. Ее везли за-границу, причѣмъ находили умѣстнымъ относиться къ ней какъ полицейскій относится къ арестанту, находя, что ему менѣе всѣхъ надо знать, гдѣ собственно находится его тюрьма. Это быстро обнаружилось, такъ какъ у маркиза былъ замокъ въ Саксоніи; но это была случайность.

Маркиза мало касалась этого вопроса, если она не обсуждала его въ интимныхъ разговорахъ съ мужемъ; но передъ своимъ отъѣздомъ она сочла нужнымъ высказаться лорду Гэмпстеду.

Гэмпстедъ, — сказала она, — ужасный ударъ разразился надъ нами.

— Я самъ удивился. Не знаю, слѣдуетъ ли называть это ударомъ.

— Не называть ударомъ! Ты, конечно, хочешь сказать, что въ этого ничего не выйдетъ.

— Я хотѣлъ сказать, что, хотя я считаю это предложеніе не совсѣмъ умѣстнымъ...

— Неумѣстнымъ!

— Да, я, конечно, нахожу его неумѣстнымъ; но въ немъ, нѣтъ ничего, что бы меня особенно поражало.

— Ничего, что бы тебя поражало!

— Бракъ, самъ по себѣ, вещь хорошая.

— Гэмпстедъ, не говори со мной въ этомъ тонѣ.

— Но мнѣ такъ кажется. Если молодому человѣку хорошо жениться, то и молодой дѣвушкѣ должно быть хорошо выйти замужъ. Одно обуславливаетъ другое.

— Ты говоришь это просто, чтобы мучить меня.

— Я могу только выражать свои мысли. Согласенъ, что это было бы неудобно. Она, до нѣкоторой степени, возстановила бы противъ себя своихъ друзей.

— Совершенно!

— Не совершенно — но до нѣкоторой степени. Извѣстный классъ людей — едва ли тотъ, знакомствомъ котораго слѣдуетъ особенно дорожить — пожалуй, готовъ будетъ порвать съ ней.

Какъ бы глупы ни были ея друзья, мы обязаны падить... даже ихъ глупость.

— Ея друзья не глупы—ея приличные друзья.

— Совершенно съ вами согласенъ; но въ числѣ ихъ столько неприличныхъ.

— Гѣмпстедъ!

— Боюсь, что я не совсѣмъ ясно выражаюсь. Но все равно. Это было бы неудобно. Это было бы непріятно отцу, съ желаніями котораго слѣдуетъ соображаться.

— Полагаю, что такъ.

— Совершенно съ вами согласенъ. Слѣдуетъ соображаться съ желаніями отца, хотя бы дочь была совершеннолѣтняя, такъ что по закону имѣла бы право распоряжаться собой по собственному усмотрѣнію. Кромѣ того, встрѣтились бы и денежные затрудненія.

— Она не получила бы ни одного шиллинга.

— Я счелъ бы своимъ долгомъ уладить это, если бы встрѣтилась дѣйствительная необходимость.—Въ этихъ словахъ слышался наслѣдникъ, уже владѣвшій многимъ, и къ которому должно было цѣлкомъ перейти все семейное достояніе.—Тѣмъ не менѣе, если я смогу помѣшать этому, не ссорясь ни съ нимъ, ни съ нею, не сказавъ ни одного рѣзкаго слова,—я это сдѣлаю.

— Это будетъ твоя прямая обязанность.

— Прямая обязанность всякаго человѣка — поступать какъ слѣдуетъ. Затрудненіе въ томъ, чтобы видѣть путь.—Послѣ этого маркиза замолчала. Своимъ разговоромъ она выиграла очень немного, почти ничего. Замышляемое имъ противодѣйствіе въ сущности было немногимъ лучше согласія, а причины, по которымъ онъ соглашался съ нею, столько же оскорбляли ея чувства, какъ если бы онъ приводилъ ихъ въ защиту противнаго мнѣнія. Даже маркизъ не былъ достаточно пораженъ ужасомъ при мысли, что его дочь снизошла до объясненія съ почтамтскимъ клеркомъ!

Наканунѣ ихъ отъѣзда, Гѣмпстеду удалось остаться на нѣсколько минутъ наединѣ съ сестрою.

— Что за нелѣпость это бѣгство,—сказала она, смѣясь.

— Ты должна была этого ожидать.

— Оно отъ этого не менѣе нелѣпо. Конечно, я поѣду. Въ данную минуту мнѣ не остается другого выбора; какъ не оставалось бы, если бы они грозились запереть меня, пока я не нашла бы, кого-нибудь кто принялъ бы на себя мою защиту. Но я такъ же свободно могу располагать собой, какъ папа.

— У него есть деньги.

— Это не даетъ ему права быть тираномъ.

— Нѣтъ, даетъ, по отношенію къ незамужней дочери, у которой денегъ нѣтъ. Намъ остается только повиноваться тѣмъ, отъ кого мы въ зависимости.

— Я хочу сказать, что отъѣздъ этотъ ни въ чему не поведетъ. Не воображаешь же ты, Джонъ, что я откажусь отъ него разъ, рѣшившись дать ему слово! Дать его было очень трудно—но отказаться отъ него было бы въ десять разъ труднѣе. Я окончательно рѣшилась—и совершенно довольна.

— Но они-то недовольны.

— Что касается отца моего, мнѣ очень жаль. Что же касается мама, мы съ ней такъ не сходимся въ мысляхъ, что я заранѣе знаю, что все, чтѣ бы я ни сдѣлала, ей не понравится. Тутъ ничего не сдѣлаешь. Хорошо ли это или дурно, но меня не передѣлаешь на ея ладъ. Она слишкомъ поздно явилась на свѣтъ. Ты не пойдешь противъ меня, Джонъ?

— Пожалуй, что пойду.

— Джонъ!

— Вѣришь было бы сказать, что уже пошелъ. Я не считаю твоего слова благоразумнымъ.

— Но дѣло сдѣлано,—сказала она.

— И можетъ быть передѣлано.

— Нѣтъ, развѣ онъ этого захочетъ.

— Я скажу ему, что это не должно состояться для вашего обоюднаго счастья.

— Онъ тебѣ не повѣритъ.

На это лордъ Гэмпстедъ пожалъ плечами, и тѣмъ разговоръ кончился.

Быль почти конецъ іюня, и марезу было очень досадно, что его увозятъ отъ всѣхъ прелестей политической жизни Лондона. Онъ уступилъ, подъ первымъ впечатлѣніемъ ужаса, но съ тѣхъ поръ началъ сознавать, что, удаляясь изъ парламента, онъ приноситъ въ жертву слишкомъ многое. Въ настоящую минуту власть была въ рукахъ консерваторовъ; но во время существованія послѣдняго либеральнаго кабинета онъ настолько согласился дать себя связать официальными путами, что сдѣлался хранителемъ малой государственной печати на послѣдніе шесть мѣсяцевъ существованія этого кабинета, а потому сознавалъ собственное значеніе съ точки зрѣнія партіи. Но, давъ слово женѣ, онъ теперь не могъ отступить, и дулся. Наканунѣ отъѣзда онъ долженъ былъ обѣдать съ нѣкоторыми представителями своей

партіи. Сердце его жены было слишкомъ полно великимъ семейнымъ вопросомъ для какихъ бы то ни было развлеченій; она намѣрена была остаться дома и присмотрѣть за укладкой послѣднихъ вещей маленькихъ лордовъ.

— Я право не вижу, отчего бы вамъ не ѣхать безъ меня, — сказалъ маркизъ, высовывая голову изъ дверей уборной.

— Невозможно, — сказала маркиза.

— Вовсе этого не вижу.

— А если онъ явится, чтобы увести ее, что бы я стала дѣлать?

Тутъ маркизъ всунулъ голову въ дверь и продолжалъ одѣваться. А что онъ и самъ будетъ дѣлать, если этотъ человѣкъ явится и его дочь объявитъ, что готова ѣхать съ нимъ?

Когда маркизъ уѣхалъ на свой званый обѣдъ, маркиза сѣла за столъ съ лэди Франсесъ. Онѣ были одиѣ, если не считать двухъ лакеевъ, прислуживавшихъ имъ, и не говорили почти ни слова. Маркизъ казался, что грозное молчаніе приличествуетъ обстоятельствамъ. Лэди Франсесъ только энергичнѣе, чѣмъ когда-либо, рѣшила, что такое положеніе не должно очень длиться. Она теперь поѣдетъ за-границу, но дастъ понять отцу, что она не въ силахъ выносить той жизни, какую ей предлагаютъ. Если найдутъ, что она опозорила себя, пусть удалятъ ее.

Дамы разстались тотчасъ по окончаніи печальной трапезы; маркиза пошла наверхъ, къ дѣтямъ. Не было на свѣтѣ болѣе заботливой, болѣе любящей, можно сказать, болѣе влюбленной матери. Каждая мелкая потребность дѣтей — и у маленькихъ лордовъ есть потребности — составляла предметъ ея заботъ. Осмотрѣть, какъ ихъ мыли, укладывали и поднимали, было, можетъ быть, величайшимъ удовольствіемъ ея жизни. На ея глаза они были перлы аристократической красоты; и дѣйствительно, это были красивые, здоровые мальчики, съ стройными членами, мощными аппетитами, никогда не бывавшіе не въ духѣ, пока имъ позволяли шалить и шумѣть, или спать. Старшій, лордъ Фредерикъ, уже добрался до двухъ-сложныхъ словъ, отъ которыхъ ему подъ-часъ тяжело приходилось. Лордъ Огустусъ владѣлъ большими буквами изъ слоновой кости, которыя сумѣлъ превратить въ игрушки. Лордъ Грегори еще не позналъ никакихъ мученій образованія. Въ домѣ жилъ старый пасторъ, который считался ихъ наставникомъ, но главная обязанность котораго заключалась въ присканіи сюжетовъ для разговора съ марезомъ, когда у него не было другого собесѣдника. Имѣлись также гувернантка-французка и горничная-швейцарка. Но такъ какъ онѣ обѣ скорѣй

научились говорить по-англійски, чѣмъ дѣти по-французски, онѣ не послужили заранѣе намѣченной цѣли. Маркиза рѣшила, что ея дѣти должны говорить на трехъ или четырехъ языкахъ такъ же свободно, какъ на родномъ, и должны изучить ихъ безъ терзаній, обыкновенно сопряженныхъ съ ученіемъ. Въ этомъ она пока еще не успѣла.

Она успѣлась на нѣсколько минутъ посреди ящиковъ и чемодановъ, между которыми играли дѣти передъ отходомъ ко сну. Никогда не бывало такой счастливой матери, еслибъ только, еслибъ!..

— Мамаша,—сказалъ лордъ Фредерикъ,—гдѣ Джэкъ?—Подъ «Джэкомъ» слѣдовало понимать лорда Гэмпстеда.

— Фредъ, развѣ я не говорила, что ты не долженъ называть его Джэкомъ?

— Онъ говорить, онъ—Джэкъ,—объявилъ лордъ Огустусъ, бросаясь къ матери въ колѣни съ такою силой, что она могла бы упасть, не будь она сильна и приучена къ подобнымъ нападеніямъ.

— Это оттого, что онъ добръ и любить съ вами играть. Вы должны называть его Гэмпстедъ.

— Мама, развѣ онъ некрещенный?—спросилъ старшій.

— Конечно, крещенный, милый мой,—грустно сказала мать, думая о томъ, какъ мало пользы принесъ этотъ обрядъ невѣрующему молодому человѣку. Она присутствовала, пока ихъ укладывали спать, размышляя все время о томъ, какое ужасное препятствіе ея счастію заключалось въ этомъ первомъ несчастномъ бракѣ ея мужа. Подумать только, что она—мачиха дѣвушки, которая жаждетъ броситься въ объятія почтамтскаго клерка, что «некрещенный», безбожникъ, вовсе не похожій на англичанина, республиканецъ наслѣдникъ, стоитъ на дорогѣ ея дорогого мальчика! Тысячу разъ говорила она себѣ, что дьяволъ говорилъ съ нею, когда она осмѣливалась желать, чтобъ... чтобъ лордъ Гэмпстедъ не существовалъ! Она очень часто заглушала это желаніе въ сердцѣ своемъ, говоря себѣ, что оно исходитъ отъ дьявола. Она дѣлала слабое усиліе полюбить молодого человѣка,—результатомъ его была принужденная вѣжливость. Ей несвойственно было любить кого-нибудь, кромѣ родныхъ дѣтей. Теперь она думала, какъ хорошъ былъ бы ея Фредерикъ въ качествѣ лорда Гэмпстеда, какъ это было бы, да и будетъ, неизмѣримо лучше для всѣхъ Траффордовъ, для всей англійской аристократіи, для цѣлой страны! Но думая это, она знала, что она дѣлаетъ грѣхъ, и пыталась побѣдить грѣхъ. Развѣ эти ея думы не были равносильны желанію, чтобъ сынъ ея мужа умеръ?

IV. — Лэди Франсесъ.

Есть что-то до того печальное въ положеніи дѣвушки, которую знаютъ, что она влюблена, и которой приходится подвергнуться процессу «пристыженія» со стороны друзей, что удивляешься, какъ вообще какая-либо молодая дѣвушка можетъ это вынести. Большинство молодыхъ дѣвушекъ этого вынести не въ силахъ, и—или отрекаются отъ своей любви, или увѣряютъ, что отреклись. Про молодого человѣка, который надѣлалъ долговъ, провалился на экзаменѣ, даже объявилъ о своей помолвкѣ съ молодой дѣвушкой, у которой нѣтъ гроша за душой, — что гораздо хуже — просто скажутъ, что онъ послѣдовалъ общему примѣру, и сдѣлалъ то, чего слѣдовало отъ него ожидать. Мать никогда не смотритъ на него съ тѣмъ упорнымъ гнѣвомъ, посредствомъ котораго надѣется побѣдить постоянство дочери. Отецъ посердится, погорячится, заплатитъ долги, подготовитъ почву для новой компаніи, и только пожметъ плечами по поводу предполагаемаго брака, на который смотритъ просто какъ на нѣчто немислимое. Дѣвушка же считается опозорившей себя. Хотя отъ нея ожидаютъ, или во всякомъ случаѣ надѣются, что она въ урочное время выйдетъ замужъ, тѣмъ не менѣе увлеченіе мужчиной, — въ которомъ, казалось бы, слѣдовало видѣть первый шагъ къ браку, — грѣхъ. Оно такъ и есть, даже въ кругу заурядныхъ Джонсоновъ и Броуновъ. Если мы достаточно коротки съ Броунами, чтобы знать о любви Джэнь Броунъ, мы поймемъ обращеніе отца и взглядъ матери. Даже домашняя прислуга знаетъ, что она дава волю своимъ чувствамъ, и относится къ ней какъ-то особенно. Братьямъ стыдно за нее. Тогда какъ она, влюбись ея братъ въ Джемму Джонсъ, одобряетъ его, сочувствуетъ ему, поощряетъ его.

Существуютъ героини, которыя все это переживаютъ, остаются вѣрны до конца. Существуетъ много псевдо-героинь, которыя начинаютъ съ того же, но не выдерживаютъ характера. Псевдогероиня обыкновенно сдается, когда молодой Смитъ — не особенно молодой вдобавокъ — поступаетъ въ компаньоны къ гг. Смигу и Уокеру и встрѣчается на пути ея, во время поисковъ за женою. Преслѣдованіе, во всякомъ случаѣ, такъ часто оказывается дѣйствительнымъ, что отцы и матери считаютъ долгомъ прибѣгнуть къ нему. Нечего и говорить, какъ высоко надъ сферой каменныхъ-нибудь Броуновъ парили мысли маркизы Кинсбери. Но она сознавала, что обязана прибѣгнуть къ мѣрамъ, къ которымъ и

они бы прибѣгли, и рѣшила, что маркизъ послѣдуетъ ея призыву. Ужасное зло, непоправимое зло уже было сдѣлано. Многие, увы, узнаютъ, что лэди Франсесъ опозорила себя. Маркиза не въ силахъ была скрыть этого отъ своей родной сестры, лэди Персифлажъ, и лэди Персифлажъ, безъ сомнѣнія, подѣлится тайной съ другими. Ея горничная все знаетъ. Самъ маркизъ — самый нескромный изъ людей. Гемпстедъ не найдетъ нужнымъ скрывать. Родень, конечно, расхвастаетъ всѣмъ въ почтамтѣ. Почтальоны, посѣщавшіе домъ въ Паркъ-Лейвъ, вѣроятно, обсуждали вопросъ съ лакеями у воротъ. Нечего было надѣяться на сохраненіе тайны. Всѣ молодые маркизы и холостые графы узнаютъ, что лэди Франсесъ Траффордъ влюбилась въ «почтальона». Но съ помощью времени, заботъ и строгихъ предосторожностей, быть можетъ, удастся предотвратить окончательную катастрофу — бракъ. Тогда, если маркизъ не покусится, какой-нибудь молодой графъ, или по меньшей мѣрѣ баронъ, пожалуй, согласится забыть почтальона и сорвать аристократическій цвѣтокъ, правда запятанный, но скрашенный позолотой. Ея милашкамъ придется пострадать. Всякая прибавка къ приданому послужитъ имъ въ ущербъ. Но все же лучше это, чѣмъ имѣть зятемъ почтамтскаго клерка.

Таковы были планы, съ которыми маркиза собиралась везти надчерицу въ ихъ саксонскую резиденцію. Маркизъ склонился въ ту же сторону. — «Совершенно согласенъ, что ихъ слѣдуетъ разлучить — совершенно, — говорилъ онъ. — Допустить этого не возможно. Ни одного шиллинга... если она не будетъ вести себя прилично. Конечно, она получитъ свое состояніе, но не для того, чтобы сдѣлать изъ него такое употребленіе».

Самъ онъ въ тайнѣ замышлялъ устроить ихъ всѣхъ въ замкѣ и тогда, если возможно, поспѣшить назадъ въ Лондонъ до совершеннаго окончанія сезона. Жена сильно убѣждала его безусловно хранить тайну, вѣроятно позабывъ, что сама все рассказала лэди Персифлажъ. Маркизъ вполнѣ съ нею согласился. Тайна необходима. Что до него касается, то вѣроятно ли, чтобы онъ заговорилъ о такомъ тяжеломъ и такомъ близкомъ его сердцу вопросѣ! Тѣмъ не менѣе онъ все рассказалъ мистеру Гривуду, джентльмену, игравшему въ его домѣ роль наставника, частнаго секретаря и капеллана.

У лэди Франсесъ были свои мысли относительно предстоящаго отъѣзда и жизни за границей. Они собираются преслѣдовать ее, пока она не измѣнитъ своего намѣренія. Она собиралась приставать къ нимъ, пока они не измѣнятъ своего. Она

слишкомъ себя знала, чтобы питать какія-нибудь опасенія на счетъ собственной стойкости. Она сознавала, что маркизъ не устоитъ ни убѣжденіями, ни даже преслѣдованіями заставить ее отказаться отъ человѣка, которому она дала слово. Въ душѣ она презирала маркизу. Къ отцу она питала глубокое довѣріе, — зная, что у него любящее сердце, думая, что онъ продолжаетъ враждебно относиться къ тѣмъ аристократическимъ догматамъ, которые для маркизы — религія, и вѣроотно сознавая, что въ самой его слабости она почерпнетъ силу. Еслибъ маича стала дѣйствительно жестокой, тогда отецъ возьметъ ея сторону противъ жены. Тяжелое время неизбежно, — такъ, мѣсяцевъ шесть, и тогда настанетъ минута, когда она будетъ имѣть возможность сказать: «Я испытала себя, знаю чего хочу, намѣрена возвратиться домой и вступить въ бракъ». Она позаботится, чтобы ея заявленіе на этотъ счетъ не было неожиданнымъ ударомъ. Шесть мѣсяцевъ будутъ употреблены на подготовку къ нему. Маркиза можетъ стойко проповѣдовать свои идеи въ теченіе шести мѣсяцевъ, леди Франсесъ не менѣе стойко будетъ проповѣдовать свои.

Когда Роденъ предложилъ ей сердце, она приняла его только послѣ серьезнаго раздумья. Урокъ, который она еще въ ранніе годы, слышала отъ матери, проникъ въ самую глубинну ея души, — гораздо глубже, чѣмъ предполагала наставница. Наставница эта никогда не имѣла намѣренія внушать, что гордиться знатностью — заблужденіе. Никто усилениѣ ея не размышлялъ о томъ, что знатность особенно побуждаетъ къ исполненію высокихъ обязанностей. «Noblesse oblige». Слова эти были начертаны въ ея сердцѣ и сказывались въ ея дѣйствіяхъ, во всю ея жизнь. Но она старалась растолковать дѣтямъ, что они не должны слишкомъ усердно требовать себѣ привилегій, какія даетъ происхожденіе. И безъ того на нихъ посыплется слишкомъ много этихъ привилегій — слишкомъ много для ихъ собственнаго блага. Пусть они никогда съ жадностью не хватаются за тѣ блага, которыя случай далъ имъ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ по справедливости слѣдовало. Пусть помнятъ, что, въ сущности, нѣтъ никакой заслуги родиться сыномъ или дочерью маркиза. Пусть не забываютъ, насколько выше быть полезнымъ человѣкомъ или достойной женщиной. Таковы были уроки матери; но они запали глубже, чѣмъ она ожидала. Этому способствовали прежнія политическія убѣжденія отца — вторичное избраніе пьяницы-портного — наемішки друзей, достаточно высоко-поставленныхъ и достаточно интимныхъ, чтобы смѣть наеміхаться, вжоренившееся съ дѣтства убѣжденіе, что хорошо быть ради-

кавомъ и, сверхъ всего этого, презрѣніе къ исключительно аристократическимъ манерамъ мачихи. Этимъ путемъ лордъ Гэмпстедъ дошелъ до своего настоящаго образа мыслей, такъ же, какъ и люди Франсесъ.

Ея убѣжденія были такъ же радикальны какъ и его, хотя вылились въ другую форму. У дѣвушки, въ ранней молодости, всѣ взгляды на жизнь имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ любви и послѣдствіямъ ея. Когда молодой человѣкъ склоняется къ либерализму или консерватизму, онъ вовсе не руководствуется соображеніями о томъ, какъ взглянуть на вопросъ какая-нибудь еще скрывающаяся въ туманѣ молодая особа. Но дѣвушка, если она вообще останавливается на подобныхъ мысляхъ, мечтаетъ о нихъ и какъ о мысляхъ человѣка, котораго она надѣется когда-нибудь полюбить. Перейди она, протестантка, въ католицизмъ и поступи въ монастырь, она чувствуетъ, что, отказываясь отъ надежды на любовь, она приноситъ величайшую жертву, какую только можетъ принести религін, которой открываетъ свое сердце. Если она предается музыкѣ, живописи, изученію языковъ, она думаетъ о впечатлѣніи, какое ея таланты могутъ произвести на какого-нибудь идеальнаго мужчину. Все это, совершенно безсознательно, представлялось уму люди Франсесъ по мѣрѣ того, какъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ и годъ за годомъ въ ней складывались ея радикальныя убѣжденія. Она не думала ни о чьей любви—вообще мало думала о любви—но среди ея размышленій о слабостяхъ и тщеславіи аристократіи, ей постоянно представлялся вопросъ: что стало бы съ нею, если бы съ ней встрѣтился одинъ изъ тѣхъ людей, хотя и пролетаріевъ, но кого въ мечтахъ своихъ она считала благороднѣе герцоговъ, и если бы этотъ человѣкъ сталъ просить ея руки? Она говорила себѣ, что если бы такой человѣкъ явился, она оцѣнить его по достоинству, будь онъ герцогъ или бѣднякъ. При такомъ душевномъ настроеніи она, конечно, склонна была ласково отнестись къ предложенію пріятеля брата. Чего въ немъ не доставало такого, что дѣвушка могла требовать? Въ этихъ выраженіяхъ задала она себѣ этотъ вопросъ. По манерамъ человѣкъ этотъ былъ джентльменъ. Въ этомъ она не сомнѣвалась. Бѣднякъ онъ или нѣтъ, въ немъ не было ничего, что оскорбляло бы вкусъ самой благородной дамы. Въ томъ, что онъ лучше образованъ, чѣмъ любой изъ окружавшихъ ее высоко-образованныхъ молодыхъ людей, она была совершенно увѣрена. У него всегда находилось больше матеріала для разговора, чѣмъ у другихъ. О его происхожденіи и родствѣ она не знала ничего, но

почти гордилась своимъ незнаніемъ, въ силу своего права, что человека слѣдуетъ цѣнить только по тому, что онъ самъ представляетъ, а отнюдь не по тому, что онъ можетъ заимствовать отъ другихъ. Его наружностью, которой она придавала большое значеніе, она очень гордилась. Онъ, безъ сомнѣнія, былъ красивый молодой человекъ съ легкой походкой, съ движеніями, полными природнаго изящества, но нисколько не заученными, съ высоко поднятой головой, съ живыми глазами, красивыми руками и ногами. Ни умъ, ни политическія убѣжденія не открыли бы человеку доступа въ ея сердце, еслибъ наружность его была неприятная; въ тому же съ минуты ихъ первой встрѣчи онъ никогда ея не боялся, — дерзая, когда не соглашался съ нею, трунить надъ ней и даже распускать ее. Въ сердцѣ дѣвушки нѣтъ болѣе сильной преграды для любви, какъ сознаніе, что человекъ ея боится. Она не сразу отвѣчала ему, и много думала о предстоявшихъ ей опасностяхъ. Она знала, что не можетъ отречься отъ своего происхожденія. Она признавалась самой себѣ, что хорошо ли это или дурно, а дочь маркиза не то что другая дѣвушка. Она имѣла серьезныя обязанности по отношенію къ отцу, къ братьямъ, отчасти даже къ мачихѣ. Но былъ ли задуманный ею поступокъ такого рода, что его можно было считать зломъ для семьи? Она видѣла, что въ обычаяхъ свѣта произошли мало-по-малу большія перемѣны въ теченіе послѣдняго столѣтія. Аристократія не стояла такъ высоко, какъ прежде — и слѣдовательно люди не-аристократическаго происхожденія не стояли такъ низко. Дочь королевы вышла за ея подданнаго. Разные лорды Джоны и лорды Томасы каждый божій день вступали въ то или другое предпріятіе. Было не мало примѣровъ, что дѣвушки-аристократки поступали именно такъ, какъ собиралась поступить она. Чѣмъ почтамтскій клеркъ ниже всякаго другого?

Затѣмъ представился серьезный вопросъ, должна ли она говорить отцу? Дѣвушки вообще совѣтуются съ матерью, а претендента посылаютъ къ отцу. У нея не было матери. Она прекрасно сознавала, что не пожелаетъ оставить свое счастье въ рукахъ настоящей маркизы. Заговори она съ отцомъ, она знала, что вопросъ будетъ сразу рѣшенъ противъ нея. Отецъ ея былъ слишкомъ подъ властью жены, чтобы ему позволили имѣть въ подобномъ дѣлѣ собственное мнѣніе. А потому она рѣшила дѣйствовать на собственный страхъ. Она приметъ предложеніе, а затѣмъ воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы сообщить мачихѣ, что она сдѣлала. Такъ и случилось. Рано утромъ

она дала отвѣтъ Джорджу Радену и въ тотъ же день, раннимъ же утромъ, собралась съ духомъ и все рассказала маркизѣ.

Домъ, куда ее повезли, былъ большой, нѣмецкій замокъ, очень удобно устроенный, которому горы служили фономъ, а Эльба протекала почти у самаго подножія окружающихъ его террасъ. Маркизъ потратилъ на него не мало денегъ и на его резиденцію всѣ прохожіе бросали завистливые взгляды. Замокъ этотъ былъ купленъ, подъ вліяніемъ минутной фантазіи, за красоту, но до настоящаго случая въ немъ никогда не жили болѣе недѣли. При другихъ обстоятельствахъ леди Франсесъ была бы здѣсь совершенно счастлива, и часто выражала желаніе прожить нѣсколько времени въ Кенигсграфѣ. Но теперь, хотя она старалась смотрѣть на ихъ пребываніе здѣсь, какъ на одно изъ заурядныхъ событій ихъ жизни, она не могла отдѣлаться отъ мысли о тюрьмѣ. Маркиза рѣшила не давать ей отдѣлаться отъ этой мысли. На первыхъ порахъ и она и маркизъ не говорили ни слова о невозможномъ обожателѣ, Такъ было условлено между ними. Но они вообще ничего не говорили. Во всѣхъ движеніяхъ замѣчалась суровость, угрюмое безмолвіе царило въ замкѣ, нарушало его только присутствіе мальчиковъ. Пытались даже какъ можно чаще разлучать ее съ братьями, и это раздражало ее болѣе всѣхъ другихъ оскорбленій, которыя ей причинялись. Недѣли черезъ двѣ было объявлено, что маркизъ возвращается въ Лондонъ. Онъ получилъ нѣсколько писемъ отъ «своихъ»; присутствіе его тамъ было совершенно необходимо. При этомъ, леди Франсесъ не было сказано ни слова о томъ, сколько, приблизительно, продолжится ихъ собственное пребываніе въ замкѣ.

— Папа, — сказала она, — вы возвращаетесь въ Лондонъ?

— Да, моя милая. Присутствіе мое въ городѣ необходимо.

— Сколько времени пробудемъ мы здѣсь?

— Сколько времени?

— Да, папа. Я очень люблю Кенигсграфъ. Я всегда считала его самымъ красивымъ мѣстомъ, какое я только знаю. Но мнѣ непріятна перспектива жить здѣсь, не зная, когда я уѣду.

— Лучше бы ты спросила мамѣ, моя милая.

— Мама никогда не говоритъ со мной. Мнѣ бесполезно было бы ее спрашивать. Папа, вы должны сказать мнѣ что-нибудь, прежде, чѣмъ уѣдете.

— Что сказать тебѣ?

— Или позволить мнѣ сказать вамъ кое-что.

— Что ты хочешь сказать мнѣ, Франсесъ? — спросилъ онъ

сердитымъ тономъ, съ суровымъ лицомъ, но ни тонъ его не былъ достаточно сердитъ, ни лицо достаточно сурово; ему нисколько не удалось напугать дочь. Въ сущности ему не хотѣлось, чтобы о почтамтскомъ клеркѣ зашла рѣчь прежде, чѣмъ онъ не убѣдитъ; онъ былъ бы очень радъ напугать ее настолько, чтобы заставить замолчать, еслибъ это было возможно.

— Папа, мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы знали, что никакой козы не будетъ отъ того, что меня здѣсь запираютъ.

— Никто тебя не запираетъ.

— Я говорю о Саксоніи. Конечно, я пробуду здѣсь нѣсколько времени, но не можете же вы ожидать, чтобы я осталась здѣсь навсегда.

— Кто говорить о «навсегда»?

— Вижу, что меня привезли сюда, чтобъ... разлучить меня съ мистеромъ Роденомъ.

— Я предпочелъ бы не говорить объ этомъ молодомъ человѣкѣ.

— Но, папа, если онъ будетъ моимъ мужемъ...

— Онъ не будетъ твоимъ мужемъ.

— Это будетъ, папа, сколько бы времени меня здѣсь ни держали. Это-то я и хочу дать вамъ понять. Разъ давши слово — и не одно слово — я конечно отъ него не откажусь. Я предполагаю, что вы увезли меня сюда съ цѣлью попытаться отлучить меня отъ этой мысли.

— Объ этомъ и толковать нечего; дѣло невозможное!

— Нѣтъ, папа. Если онъ захочетъ... и я захочу... никто помѣшать намъ не можетъ. — Говоря это, она смотрѣла ему прямо въ лицо.

— Неужели ты хочешь сказать, что не обязана послушаніемъ родителямъ?

— Вамъ, папа, я конечно обязана послушаніемъ... до нѣкоторой степени. Я полагаю, что настанетъ же когда-нибудь время, когда дочь сама можетъ судить о томъ, что касается ея счастья.

— И опозорить всю свою семью?

— Не думаю, чтобы я опозорила свою. Я стремлюсь доказать вамъ, одно — что вы не обезпечите себѣ моего послушанія, держа меня здѣсь. Мнѣ кажется, я скорѣй была бы покорна дома. Въ усиленномъ надзорѣ заключается понятіе, которое едва ли можно согласить съ послушаніемъ. Не думаю, чтобы вы меня заперли на ключъ.

— Ты не имѣешь никакого права говорить со мной въ этомъ тонѣ.

— Мнѣ хочется объяснить, что наше пребываніе здѣсь ни къ чему повести не можетъ. Когда вы уйдете, мы съ мамѣ только будемъ мучить другъ друга. Она не захочетъ говорить со мной, будетъ смотрѣть на меня, точно я несчастное, погибшее существо. Я вовсе не считаю себя погибшимъ существомъ, но я нисколько не буду лучше здѣсь, чѣмъ была бы дома, въ Англіи.

— Когда ты заговоришь, ты не лучше твоего брата, — сказалъ маркизъ, уходя отъ нея.

Послѣ его отъѣзда, жизнь въ Кенингсграфѣ сдѣлалась чрезвычайно мрачна. Ни одна изъ дамъ никогда не упоминала имени мистера Джорджа Родена. Конечно, существовала почта, и сначала почта была доступна леди Франсесъ; но скоро настало время, когда она была лишена и этого утѣшенія. Съ такой дурной, какъ маркиза, нельзя было предполагать, чтобы ей было предоставлено право вести безконтрольную переписку.

V.—Мистриссъ Роденъ.

Джорджъ Роденъ, почтамтскій клеркъ, жилъ съ матерью въ Голлоуей, миляхъ въ трехъ отъ мѣста своего служенія. Здѣсь они занимали маленькій домикъ, который наняли, когда средства ихъ были еще скромнѣе, чѣмъ теперь; молодой человѣкъ тогда еще не проложилъ себѣ дорогу въ свой оффиціальный рай, почтамтъ. Попалъ онъ туда лѣтъ пять назадъ, и за это время доходы его возрасли до 170 фунтовъ. Такъ какъ у матери его были свои средства, почти вдвое превышавшія эту сумму, и такъ какъ ея личные расходы были незначительны, они имѣли возможность жить въ довольствѣ. О мистриссъ Роденъ никто ничего опредѣленнаго не зналъ, но среди сосѣдей ея распространилась молва, что ее окружаетъ какая-то тайна; преобладало убѣжденіе, что она, во всякомъ случаѣ, женщина хорошаго круга. Немногіе въ Голлоуей были знакомы съ нею или ея сыномъ. Но было нѣсколько личностей, которыя удостоивали наблюдать за ними и толковать о нихъ. Было дознано, что мистриссъ Роденъ обыкновенно ходитъ въ церковь въ воскресенье утромъ, а сынъ ея никогда; что какая-то пріятельница аккуратно посѣщаетъ ее разъ въ недѣлю; въ лѣтописи Голлоуея было занесено,

что пріятельница эта всегда прѣзжаетъ въ понедѣльникъ, въ три часа.

Проницательнымъ наблюдателямъ сдѣлалось извѣстно, что визитъ отдавался въ теченіе недѣли, но не всегда въ опредѣленный день, изъ чего возникали различныя догадки относительно средствъ, мѣстопробыванія и характера посѣтительницы. Мистриссъ Роденъ всегда ѣздила на извозчикѣ. Гости, — скоро узнали, что ее зовутъ мистриссъ Винсентъ, — прѣзжала въ коляскѣ, которую одно время считали ея собственною. Кучеръ былъ такъ безукоризненно одѣтъ, что производилъ впечатлѣніе собственнаго кучера; но одна изъ наблюдавшихъ, проницательнѣе другихъ, въ одинъ несчастный день увидѣла, какъ онъ сходилъ съ козелъ у трактира, и сразу угадала, что панталоны свойственны наемному возницѣ. Тѣмъ не менѣе, было очевидно, что мистриссъ Винсентъ богаче мистриссъ Роденъ, такъ какъ она имѣла средства нанимать будто бы господскій экипажъ; предполагали также, что она привыкла сидѣть дома по утрамъ, вѣроятно съ цѣлью принимать визиты, такъ какъ мистриссъ Роденъ ѣздила къ ней, какъ придется, по четвергамъ, по пятницамъ, по субботамъ. Намекали также, что мистриссъ Винсентъ недружелюбно относится къ молодому клерку, такъ какъ всѣмъ было хорошо извѣстно, что его никогда не бывало дома, когда она прѣзжала; существовало также предположеніе, что онъ никогда не сопровождалъ мать, когда она отдавала визитъ. Правда, одинъ разъ его видѣли выходящимъ съ матерью изъ экипажа у дверей ихъ дома, но существовало сильное подозрѣніе, что она заѣзжала за нимъ въ почтамтъ. Правда, его служебныя занятія могли бы послужить этому самымъ естественнымъ объясненіемъ; но обитательницы Голловея прекрасно знали, что почтъ-директоръ, въ своемъ человѣколюбіи, давалъ по субботамъ полдня праздника своимъ обыкновенно удрученнымъ работой подчиненнымъ, и онъ были увѣрены, что такой добрый сынъ, какъ Джорджъ Роденъ, хотъ изрѣдка сопровождалъ бы свою мать, еслибы этому не мѣшала особая причина. Изъ этого возникали дальнѣйшія догадки. У посѣтительницы подмѣтили взглядъ, можетъ быть, съ устъ ея сорвалось опрометчивое слово, вызвавшее убѣжденіе, что она религіозна. Она, вѣроятно, не влюбилась Джорджа Родена за его анти-религіозность, или во всякомъ случаѣ за не посѣщеніе церкви, религіозныхъ митинговъ или мистической капеллы. Въ Голловеѣ считали дѣломъ рѣшеннымъ, что мистриссъ Винсентъ не желаетъ мириться съ безбожіемъ молодого клерка. Думали, что даже между двумя дамами про-

изошла стычка «по поводу религіи», что, вѣроятно, не имѣло основанія, такъ какъ было практически извѣстно, что двѣ горничныя, служившія мистриссъ Роденъ, никогда ничего не говорили о своей госпожѣ.

Въ Голловей первѣшили, что мистриссъ Роденъ и мистриссъ Винсентъ двоюродныя сестры. По сходству и лѣтамъ онѣ могли бы быть родными сестрами; но старушка мистриссъ Демиджонъ, жившая въ № 10 улицы Парадизъ-Роу, объявила, что еслибы Джорджъ былъ родной племянникъ, тетя его неустанно бы работала надъ его обращеніемъ. Въ такомъ случаѣ, несмотря на неодобреніе, существовала бы короткость. Но сыну двоюродной сестры можно позволить губить себя по усмотрѣнію. Предполагали, что мистриссъ Винсентъ—старшая изъ кузинъ, такъ года на три, на четыре старше, и вслѣдствіе этого пользуется нѣкоторымъ авторитетомъ, хотя и небольшимъ. Она была полнѣе мистриссъ Роденъ, менѣе тщательно скрывала сѣдины, вызванныя годами, явно обнаруживала фасономъ своихъ шляпъ и шалей, что презираетъ суету міра сего. Это не мѣшало ей быть всегда прекрасно одѣтой, что очень хорошо замѣтила мистриссъ Демиджонъ. Мистриссъ Винсентъ не могла тратить на свой туалетъ менѣе ста фунтовъ въ годъ, тогда какъ мистриссъ Роденъ, какъ всякій могъ видѣть, не тратила и половины этой суммы. Но кому неизвѣстно, что женщина можетъ отвлекаться отъ суеты въ роскошныхъ, шелковыхъ платьяхъ и вращаться въ свѣтѣ въ шерстяныхъ, или даже бумажныхъ? Мистриссъ Демиджонъ была глубоко убѣждена, что мистриссъ Винсентъ—женщина строгая, а что мистриссъ Роденъ—нѣжная и кроткая. Существовало также предположеніе, что обѣ дамы—вдовы; ни мужа, ни признаковъ его существованія не замѣчалось.

Огносительно всѣхъ этихъ вопросовъ читатель можетъ считать предположенія мистриссъ Демиджонъ и Голловей почти вѣрными. Тотъ, кто пожелаетъ посвятить достаточную долю вниманія и много времени на разгадываніе загадокъ, можетъ достигъ блестящихъ результатовъ. Мистриссъ Демиджонъ почти добралась до истины. Интересовавшія ее дамы были троюродныя сестры. Мистриссъ Винсентъ была вдова, была религіозна, была сурова, жила въ большомъ довольствѣ и окончательно разошлась съ своимъ дальнимъ родственникомъ, Джорджемъ Роденомъ. Мистриссъ Роденъ хотя и ходила въ церковь, не такъ усердно соблюдала религіозные обряды, какъ того желала бы ея кузина. Изъ этого возникло объясненіе, которое мистриссъ Роденъ перенесла спокойно, хотя оно не оказало на нее никакого дѣйствія. Тѣмъ не

менѣе онѣ нѣжно любили другъ друга, и ежедневныя посѣщенія занимали большое мѣсто въ жизни каждой изъ нихъ. Былъ крупный фактъ, насчетъ котораго мистриссъ Демиджонъ и Голловой ошибались, — мистриссъ Роденъ не была вдова.

Только послѣ отъѣзда семьи Кинсбери изъ Лондона Джорджъ сообщилъ матери о своей помолвкѣ. Она давно знала, что онъ друженъ съ лордомъ Гемпстедомъ, знала также, что онъ гостилъ въ Гендонъ-Голлѣ у Кинсбери. Мать и сынъ имѣли привычку совершенно откровенно бесѣдовать объ этой семьѣ, хотя она часто предостерегала его, говоря, что въ подобныхъ сношеніяхъ съ людьми, которые возвращаются совершенно въ другой сферѣ, скрывается опасность. Въ отвѣтъ на это сынъ всегда заявлялъ, что онъ опасности не видитъ. Онъ не бѣгалъ за лордомъ Гемпстедомъ. Обстоятельства сблизили ихъ. Они встрѣтились въ небольшомъ политическомъ кружкѣ, и мало-по-малу подружались. Лордъ въ немъ искалъ, а не онъ въ лордѣ. По его понятіямъ, такъ и слѣдовало. Этого требовало различіе происхожденія, состоянія, общественныхъ условій. Узнавши, кто такой молодой человѣкъ, съ которымъ онъ встрѣтился, Джорджъ нѣсколько отдалился, предоставивъ дружбѣ возникнуть съ другой стороны. Но когда между ними окончательно установились дружескія отношенія, онъ не видѣлъ причины, отчего бы имъ не относиться другъ къ другу просто и тепло. Что же до опасности, чего было опасаться? Это не понравится маркизу? Весьма вѣроятно. Маркиза играетъ не особенно большую роль въ жизни Гемпстеда, и ровно никакой въ его жизни. Маркизу это не понравится? Можетъ быть, и нѣтъ. Но нельзя требовать, чтобы при выборѣ друга молодой человѣкъ безусловно соображался съ симпатіями отца, — еще менѣе обязанъ съ ними соображаться избранный имъ другъ. Но маркизъ, — доказывалъ Джорджъ матери, — такъ же не похожъ на другихъ маркизовъ, какъ сынъ его на ихъ сыновей. Въ семьѣ этой есть стремленіе къ радикализму, чего яснымъ доказательствомъ служитъ знаменитый портной, который до сихъ поръ представляетъ мѣстечко Эджуэръ. Мистриссъ Роденъ, хотя и жила въ постоянномъ уединеніи, почти не видя общества, если не считать мистриссъ Винсентъ его представительницей, знала однако, что мысли и политическія убѣжденія маркиза сильно измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился на своей настоящей женѣ. — Повѣрь, Джорджъ, — сказала она, — что равенство такъ же дорого въ дружбѣ, какъ и въ любви.

— Несомнѣнно, мама, — отвѣчалъ онъ: — но прежде чѣмъ руководствоваться этимъ правиломъ, слѣдуетъ опредѣлить слово

«равенство»: что уравниваетъ двухъ мужчинъ, или мужчину и женщину?

— Внѣшнія условія больше всего другого, — смѣло отвѣчала она.

— А мнѣ казалось бы, что тутъ большую роль играютъ внутреннія, душевныя условія.

Она взглянула на него и покачала головой мило, кротоко, съ любовью, но все же съ твердымъ намѣреніемъ выразить противорѣчіе.

— Я всегда допускалъ, — продолжалъ онъ, — что человѣкъ низкаго происхожденія...

— Я ничего не говорила о низкомъ происхожденіи! — Это былъ вопросъ, относительно котораго между матерью и сыномъ не существовало полной откровенности, но мать всегда пыталась успокоить сына на этотъ счетъ.

— Что человѣкъ, относительно низкаго происхожденія, — продолжалъ онъ, не прерывая своей фразы, — не долженъ позволять себѣ того, что можетъ себѣ позволить истый аристократъ; это несомнѣнно. Хотя молодой принцъ можетъ стоять выше по природнымъ дарованіямъ, чѣмъ молодой сапожникъ, и всего лучше обнаружить свой аристократизмъ, ухаживая за сапожникомъ, тѣмъ не менѣе сапожникъ долженъ ждать, чтобы за нимъ ухаживали. Свѣтъ создалъ таковыя порядки вещей, при которомъ сапожникъ не можетъ поступить иначе, не обнаруживая дерзости и нахальства, съ помощью которыхъ онъ ничего не достигаетъ.

— И при которыхъ онъ сталъ бы очень плохо тачать свои сапоги.

— Несомнѣнно. Этого ни какъ нельзя избѣгнуть, такъ какъ болѣе благородныя занятія, къ которымъ призываетъ его оцѣнившій его принцъ, заставляютъ его бросить свои сапоги.

— Неужели лордъ Гемпстедъ заставитъ тебя бросить почтамы?

— Вовсе нѣтъ. Онъ не принцъ, да и я не сапожникъ. Хотя насъ разделяетъ большое разстояніе, оно не такъ велико, чтобы наше знакомство требовало подобной перемѣны. Но я говорилъ... не знаю хорошенъко, что я говорилъ...

— Ты старался опредѣлить, что такое «равенство». Но человѣкъ всегда запутывается, когда вдается въ опредѣленія, — сказала мать.

— Хотя оно отчасти зависитъ отъ внѣшнихъ условий, внутреннія играютъ тутъ большую роль. Въобщемъ, что я хотѣлъ сказать. Мужчина и женщина могутъ отлично ужиться,

питать другъ къ другу самую постоянную любовь, хотя бы одинъ былъ аристократъ и богатъ, а другая была бѣдна и взята изъ ничтожества. Но совершенное животное и разумное человѣческое существо едва-ли могутъ ужиться и любить другъ друга.

— Это правда,—сказала она.—Боюсь, что это правда.

— Надѣюсь, что это правда.

— Подобные опыты часто дѣлаются обыкновенно къ большой невыгодѣ того, кто выше.

Все это, однако, говорилось, прежде, чѣмъ Джорджъ Роденъ заикнулся о леди Франсесъ, и относилось только къ дружбѣ, возникавшей между ея сыномъ и молодымъ лордомъ.

Молодой лордъ, при разныхъ случаяхъ, посѣщалъ домикъ въ Голлоуей и былъ чрезвычайно любезенъ съ матерью своего друга. У лорда Гемпстеда была манера быть любезнымъ, которая никогда ему не измѣняла, какъ только онъ пожелаеъ прибѣгнуть къ ней. И онъ почти постоянно прибѣгалъ къ ней, исключая тѣхъ случаевъ, когда отпоръ, данный его личнымъ взглядамъ, вынуждалъ его быть вѣжливо-непріятнымъ. Говоря объ охотѣ съ ружьемъ, о рыбной ловлѣ и другихъ занятіяхъ, которыхъ не одобрялъ, онъ прибѣгалъ къ аргументамъ, повидимому, да и въ сущности полнымъ добродушіемъ, но которые, однако, имѣли свойство раздражать противника. Этимъ способомъ онъ успѣлъ сдѣлаться совершенно ненавистнымъ мачихѣ, съ которой ни въ чемъ не сходился. Во всѣхъ другихъ случаяхъ обращеніе его всегда было ровное, съ какимъ-то симпатичнымъ оттѣнкомъ интимности. Въ силу этихъ свойствъ онъ попалъ въ большую милость къ мистриссъ Роденъ.

Кому неизвѣстно, какъ нормальный молодой человѣкъ ведетъ себя при утреннихъ визитахъ? Онъ пріѣхалъ, потому что хочетъ быть вѣжливымъ. Онъ не явился бы, еслибъ не желалъ быть популярнымъ. Онъ охотно былъ бы любезенъ, еслибъ это было возможно. Ясно, что онъ убѣжденъ, что обязанъ одолѣть известное количество совершенно неинтересныхъ разговоровъ, а затѣмъ выбраться изъ комнаты съ возможно-меньшей неловкостью. Ему и въ голову не приходитъ, чтобы можно было найти разумное удовольствіе въ бесѣдѣ съ какой-нибудь мистриссъ Джонсъ. А между тѣмъ мистриссъ Джонсъ, вѣроятно, хорошій образецъ того общества, въ которомъ каждый желаетъ вращаться. Общество для него обыкновенно состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, изъ которыхъ каждая—мученіе, хотя всѣ вмѣстѣ считаются удовольствіемъ. Въ похвалу лорду Гемпстеду слѣдуетъ сказать, что онъ умѣлъ свободно и любезно разговаривать съ любой мистриссъ

Джовсъ, пока сидѣлъ у нея. Онъ держалъ себя совершенно непринужденно и бесѣдовалъ точно вѣкъ зналъ эту даму. Ничто такъ не нравится женщинамъ, и этимъ путемъ лорду Гѣмпстеду въ значительной мѣрѣ удалось если не побѣдить, то во всякомъ случаѣ заглушить сознание опасности, о которой говорила мистрисъ Роденъ.

Но все это относится къ эпохѣ, когда въ Голливелъ ничего не знали о лэди Франсесъ. Мать и сынъ очень мало толковали объ этой семьѣ. Джорджъ Роденъ желалъ составить себѣ благоприятное мнѣніе о самомъ маркизѣ, но едва-ли успѣлъ въ этомъ. Относительно маичихи Гѣмпстеда онъ даже не питалъ этого желанія. Она съ первой минуты показалась ему женщиной, въполнѣ пропитанной аристократическими предразсудками, которая считала себя облеченной извѣстными привилегіями, ставившими ее неимѣнно выше прочихъ человѣческихъ существъ. Самъ Гѣмпстедъ даже не дѣлалъ вида, что уважаетъ ее. О ней Роденъ почти ничего не говорилъ матери, просто упомянувъ о ней какъ о маркизѣ, которая совсѣмъ и не родня Гѣмпстеду. О лэди Франсесъ онъ только сказалъ, что въ этой семьѣ есть дѣвушка, одаренная такою душой, что изъ всѣхъ дѣвушекъ своего круга она навѣрное самая милая и благородная. Тутъ мать его внутренно содрогнулась, подумавъ, что здѣсь также можетъ скрываться опасность, но она побоялась коснуться этого даже въ разговорѣ съ сыномъ.

— Какъ сошло твое посѣщеніе? — спросила мистрисъ Роденъ, когда сынъ уже пробылъ дома нѣсколько часовъ. Разговоръ происходилъ послѣ того послѣдняго пребыванія въ Гендонъ-Голлѣ, когда лэди Франсесъ обѣщала быть его женой.

— Ничего себѣ, говоря вообще.

— Вижу, что тебя что-то огорчило.

— Нѣтъ, ничего. Я былъ нѣсколько озадаченъ.

— Что они тебѣ сказали? — спросила она.

— Почти ничего, кромѣ любовностей, — только въ послѣднюю минуту сорвалось одно слово.

— Знаю, что тебя что-то ошорбило, — сказала мать.

— Лэди Кинсбери дала мнѣ понять, что терпѣть меня не можетъ. Очень странно, что можно питать такія чувства къ человѣку, почти не обмѣнявшись съ нимъ ни единымъ словомъ.

— Говорила я тебѣ, Джорджъ, что ѣздить туда опасно!

— Въ этомъ еще не было бы опасности, еслибъ дѣло этимъ ограничивалось.

— Чтожъ тутъ еще скрывается?

— Въ этомъ не было бы опасности, еслибы лэди Кинсбери была только мачихой Гэмпстеда.

— А чтожь она еще?

— Она также мачиха лэди Франсесъ. О, мама!

— Джорджъ, что случилось?—спросила она.

— Я просилъ лэди Франсесъ быть моею женой.

— Твоей женой?

— И она дала слово.

— О, Джорджъ!

— Право такъ, мама. Теперь ты поймешь, что лэди Кинсбери дѣйствительно можетъ быть опасна. Когда я подумаю, какая свобода можетъ быть предоставлена ей мучить надчерицу, я едва могу простить себѣ свой поступокъ.

— А маркизъ?—спросила мать.

— О его чувствахъ я пока еще ничего не знаю. Я не имѣлъ случая говорить съ нимъ послѣ этого маленькаго происшествія. У меня вырвалось необдуманное слово, которое милэди услышала и за которое сдѣлала мнѣ замѣчаніе. Тогда я уѣхалъ.

— Какое слово?

— Обыкновенное привѣтствіе, слово, которое употребительно между близкими друзьями, но которое, будучи сказано мною, выдало всю тайну. Я забылъ титулъ «лэди», обязательный для человѣка въ моихъ условіяхъ при обращеніи къ дѣвушкамъ въ ея условіяхъ. Могу себѣ представить, съ какимъ ужасомъ на меня будетъ смотрѣть теперь лэди Кинсбери.

— Но, что скажетъ маркизъ?

— И для него также я буду предметомъ негодованія, крайняго негодованія. Мысль о соприкосновеніи съ такимъ низкимъ существомъ сразу излечить его отъ всѣхъ его легонькихъ радикальныхъ поползновеній.

— А Гэмпстедъ?

— Гэмпстеда, кажется, ничто, не можетъ излечить отъ его убѣжденій;—но даже онъ не особенно доволенъ.

— Онъ съ тобой поссорился?

— Нѣтъ, этого не было. Онъ слишкомъ благороденъ, чтобы ссориться по такому поводу. Онъ даже слишкомъ благороденъ, чтобы оскорбиться чѣмъ-нибудь подобнымъ. Но онъ не хочетъ допустить, чтобы это привело къ добру. А ты, мама?

— О, Джорджъ, сомнѣваюсь, сомнѣваюсь.

— Ты не хочешь даже поздравить меня?

— Что мнѣ сказать?—Я боюсь, больше чѣмъ надѣюсь.

— Когда я скажу тебѣ, что она вся проникнута благород-

ствомъ, что у нея благородное сердце, благородная красота, что она—самое прелестное существо, какое Богъ когда-либо создалъ для счастья человѣка, неужели ты и тогда не поздравилъ меня?

— Желала бы я, чтобы происхождение ея было другое, — сказала мать.

— Я не желалъ бы въ ней никакой перемѣны, — рѣшилъ сынъ. — Ея происхождение—самое меньшее изъ ея достоинствъ, но мнѣ не хотѣлось бы въ ней ничего измѣнить.

VI.—Парадизъ-Роу.

Недѣли черезъ двѣ послѣ возвращенія Джорджа Родена въ Голловей, — двѣ недѣли проведенныя его матерью въ размышленіяхъ о хорошей, но опасной любви сына, — лордъ Гэмпстедъ явился съ визитомъ въ № 11 улицы Парадизъ-Роу. Мистриссъ Роденъ жила въ № 11, а мистриссъ Демиджонъ въ № 10, напротивъ. Въ Голловеѣ уже были толки о лордѣ Гэмпстедѣ, но пока ничего еще не было извѣстно. Онъ, правда, нѣсколько разъ бывалъ въ домѣ мистриссъ Роденъ, но всегда являлся такъ скромно, что его замѣтили просто, какъ человѣка, котораго въ Голловеѣ никто не зналъ. Было извѣстно, что онъ другъ Джорджа, такъ какъ въ первый разъ его видѣли съ Джоржемъ въ субботу. Онъ также заходилъ въ воскресенье и ушелъ съ Джоржемъ. Мистриссъ Демиджонъ заключила, что онъ сослуживецъ Родена, и выразила мнѣніе, что «нечего вниманія обращать», желая этимъ дать понять, что Голловеѣ не обязанъ интересоваться незнакомцемъ. Понятно, что товарищи дружны между собой. Два раза лордъ Гэмпстедъ пріѣзжалъ въ omnibusъ изъ Излингтона; при этомъ случаѣ было замѣчено, что такъ какъ онъ пріѣхалъ не въ субботу, то что-нибудь да не такъ. Клеркъ, котораго по субботамъ отпускаютъ раньше обыкновеннаго, долженъ сидѣть за работой въ понедѣльникъ и вторникъ. Мистриссъ Дюфферъ, которую въ Парадизъ-Роу ставили несравненно ниже мистриссъ Демиджонъ, занулась-было, что молодой человѣкъ, пожалуй, не почтамтскій клеркъ: это, однако, было встрѣчено съ насмѣшкой. Гдѣ-жъ почтамтскому клерку находить себѣ пріятелей, какъ не среди себѣ подобныхъ? — «Можетъ быть, онъ ухаживаетъ за вдовой», догадалась мистриссъ Дюфферъ. Но съ этимъ также не согласились. Мистриссъ Демиджонъ объявила, что почтамтскіе клерки слишкомъ практичны, чтобы жениться на вдовахъ, у которыхъ всего-то дѣвсти или триста фунтовъ въ годъ, и которыя, вдобавокъ, годятся имъ въ матери.

— Но отчего онъ прѣхалъ во вторникъ, — спросила мистрисъ Дюфферъ: — и отчего онъ прѣхалъ одинъ? Ахъ вы, милая старушка! — воскликнула Клара Демиджонъ, племянница старой мистрисъ Демиджонъ, думая, что появленіе красивыхъ молодыхъ людей въ Парадизъ-Роу — дѣло естественное.

Все это, однако, ничего не значило въ сравненіи съ тѣмъ, что произошло въ Парадизъ-Роу при случаѣ, о которомъ теперь пойдетъ рѣчь.

— Тетушка Джемима, — воскликнула Клара Демиджонъ, выглядывая въ окошко: — этотъ молодой человекъ опять прѣхалъ въ № 11, верхомъ, а съади грумъ.

— Грумъ! — воскликнула мистрисъ Демиджонъ, быстро вскакивая съ мѣста, не смотря на свои ревматизмы, и подбѣгая къ окну.

— Смотрите сами... въ высокихъ сапогахъ и рейтузахъ.

— Это долженъ быть другой, — сказала мистрисъ Демиджонъ, послѣ паузы, во время которой она пристально смотрѣла на пустое сѣдло на спинѣ лошади, которую грумъ медленно проваживалъ взадъ и впередъ по улицѣ.

— Это тотъ самый, что приходилъ съ молодымъ Роденомъ въ ту субботу, — сказала Клара: — только онъ сегодня не прѣш-комъ, и красивѣе чѣмъ когда-либо.

— И лошадей, и грума можно нанять, — сказала мистрисъ Демиджонъ: — но онъ никогда бы не дотянулъ до конца мѣсяца, еслибъ такъ кутить.

— Это не наемные, — сказала Клара.

— Почему ты знаешь?

— По цвѣту сапогъ грума, по тому, какъ онъ дотронулся до шляпы, потому что перчатки у него чистыя. Да, этотъ господинъ совсѣмъ не почтамтскій клеркъ, тетушка Джемима.

— Неужели онъ ухаживаетъ за вдовой, — сказала мистрисъ Демиджонъ. Послѣ этого Клара выбѣжала изъ комнаты, оставивъ тетку пригвожденной у окна. Такого зрѣлища, какое представляли этотъ грумъ и эти двѣ лошади, двигавшіяся взадъ и впередъ по улицѣ, никогда прежде не видывали въ Парадизъ-Роу. Клара надѣла шляпу и полетѣла черезъ улицу къ мистрисъ Дюфферъ, которая жила въ № 15, черезъ домъ отъ мистрисъ Роденъ. Но она опоздала, новость уже не была новостью.

— Я знала, что онъ не почтамтскій клеркъ, — сказала мистрисъ Дюфферъ, которая видѣла какъ лордъ Гемпстедъ ѣхалъ по улицѣ: — но кто онъ, что онъ, откуда, и понять не могу. Но

никогда больше, если придется говорить съ вашей тетусшкой, я не поступаюсь моимъ мнѣніемъ. Она, вѣроятно, продолжаетъ утверждать, что онъ почтамтскій клеркъ.

— Она думаетъ, что онъ могъ нанять и лошадей, и грума.

— Господи, нанять! Да выдали ли вы когда-нибудь, чтобы человѣкъ такъ красиво сошелъ съ лошади? Что касается до найма, то это вздоръ. Онъ каждый Божій день сходилъ съ этой лошади.

И такъ, Парадизъ-Роу былъ пораженъ этимъ послѣднимъ появленіемъ пріятеля Джорджа Родена.

Эта поѣздка въ Галловей верхомъ была оригинальной выдумкой. Никто другой не затѣялъ бы ея, ни лордъ, ни клеркъ, ни на наемной лошади, ни на своей. Іюльское солнце сильно припекало, всѣ дороги изъ Гендонъ-Гола преимущественно состояли изъ мощенныхъ улицъ. Но лордъ Гемпстедъ всегда поступалъ не такъ, какъ другіе. Было слишкомъ далеко идти пѣшкомъ подъ лучами полуденнаго солнца, а потому онъ поѣхалъ верхомъ. У мистриссъ Роденъ не найдется слуги, который могъ бы поддержать его лошадь, а потому онъ привезъ одного изъ своихъ. Онъ не понималъ, почему человѣкъ верхомъ скорѣй долженъ привлечь на себя вниманіе въ Галловей, чѣмъ въ Гайдъ-Паркъ. Еслибъ онъ могъ угадать, какой эффектъ онъ самъ и его лошадь произведутъ въ Парадизъ-Роу, онъ пріѣхалъ бы инымъ способомъ.

Мистриссъ Роденъ сначала приняла его съ значительнымъ смущеніемъ, которое онъ, вѣроятно, замѣтилъ, хотя въ разговорахъ съ нею этого не обнаружилъ. — Очень жарко, — сказала онъ: — слишкомъ жарко для поѣздки верхомъ; я убѣдился въ этомъ, какъ только выѣхалъ. Вѣроятно, Джорджъ теперь отказался отъ пѣшаго хожденія.

— Онъ, кажется, продолжаетъ возвращаться домой пѣшкомъ.

— Да, еслибъ онъ заявилъ намѣреніе это дѣлать, онъ сталъ бы это дѣлать хотя бы съ нимъ каждый день былъ солнечный ударъ.

— Надѣюсь, что онъ не такъ упрямъ, милордъ.

— Самый упрямый человѣкъ, какова я когда-либо встрѣчалъ! Хоть бы міръ грозилъ разрушиться, онъ скорѣе допустилъ бы это чѣмъ согласился бы измѣнить свое намѣреніе. Это хорошо, конечно, когда человѣкъ держится своего намѣренія, но онъ можетъ и пересолить въ этомъ.

— А онъ, за послѣднее время, чѣмъ-нибудь особенно выразилъ свое упрямство?

— Нѣтъ, ничѣмъ особенно. Я не видалъ его въ теченіе послѣдней недѣли. Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ онъ какъ-нибудь на дняхъ пріѣхалъ ко мнѣ обѣдать въ Гендонъ. Я тамъ совершенно одинъ. — Изъ этого мистриссъ Роденъ узнала, что лордъ Гемпстедъ вовсе не намѣренъ ссориться съ ея сыномъ, а также, что леди Франсесъ уже болѣе не живетъ въ Гендонѣ.

— Я могу доставить его домой, — продолжалъ молодой лордъ, — если онъ такъ устроится, чтобы пріѣхать въ одинъ вѣнецъ по желѣзной дорогѣ или въ омнибусѣ.

— Я передамъ ему ваше порученіе, милордъ.

— Скажите ему, что я уѣзжаю 21-го. Лхта моя въ Каусѣ, и я туда отправлюсь въ этотъ день, утромъ. Не знаю, сколько времени я пробуду въ отсутствіи, вѣроятно, мѣсяцъ. Вивіанъ будетъ со мной и мы намѣрены наслаждаться жизнью у береговъ Норвегіи и Исландіи, пока онъ, какъ истинный идіотъ, будетъ стрѣлять глухарей. Мнѣ хотѣлось бы повидаться съ Джорджемъ передъ отъѣздомъ. Я сказалъ, что совсѣмъ одинъ, но Вивіанъ будетъ у меня. Джорджъ прежде съ нимъ встрѣчался, а такъ какъ они тогда не перерѣзали другъ другу горла, то, вѣроятно, и теперь этого не сдѣлаютъ.

— Я все это передамъ ему, — сказала мистриссъ Роденъ. Прозвошла минутная пауза, послѣ которой лордъ Гемпстедъ продолжалъ другимъ голосомъ: — Говорилъ онъ вамъ что-нибудь послѣ возвращенія изъ Гендона, — на счетъ моихъ?

— Кое-что онъ мнѣ сказалъ.

— Я былъ въ этомъ увѣренъ. Я бы не спросилъ, еслибъ не былъ совершенно увѣренъ. Я знаю, что онъ не скроетъ отъ васъ ничего въ этомъ родѣ. Ну-съ?

— Что-жъ мнѣ сказать, лордъ Гемпстедъ?

— Что онъ вамъ сказалъ, мистриссъ Роденъ?

— Онъ говорилъ мнѣ о вашей сестрѣ.

— Но, что онъ сказалъ?

— Что любить ее.

— И что она его любить?

— Что онъ на это надѣется.

— Онъ, я увѣренъ, сказалъ больше этого. Они дали другъ другу слово.

— Кажется.

— Что вы объ этомъ думаете, мистриссъ Роденъ?

— Что я могу объ этомъ думать, лордъ Гемпстедъ. Я почти не смѣю и думать объ этомъ, вообще.

— Благоразумно ли это?

— Мнѣ кажется, тамъ, гдѣ замѣнена любовь, рѣдко справляются съ благоразуміемъ.

— Но людямъ приходится съ нимъ справляться. Я почти не знаю, что и думать объ этомъ. По моему, оно неблагоразумно. А между тѣмъ, нѣтъ на свѣтѣ человѣка, котораго бы я такъ уважалъ какъ вашего сына.

— Вы очень добры, милордъ.

— Доброта тутъ не при чемъ, — какъ не при чемъ она въ его отношеніи ко мнѣ. Но я могу сходиться съ вѣмъ вздумаю, не причиняя вреда другимъ. Леди Кинсбери считаетъ меня идиотомъ, потому что я не живу исключительно въ обществѣ графовъ и графинь; но отказываясь слѣдовать ея совѣтамъ, я не особенно ее оскорбляю. Она можетъ съ улыбкой толковать съ пріятельницами обо мнѣ и моихъ увлеченіяхъ. Ее не будетъ терзать сознаніе поговора. Также и отецъ мой. Ему кажется, что я *plus royaliste que le roi*; *le roi* — это онъ; но въ этой мысли для него не заключается никакой горечи. Эти элегантные молодые люди, мои братья, самые милые ребяташи на свѣтѣ, пяти, шести и семи лѣтъ, будутъ имѣть возможность ласково подсмѣиваться надъ старшимъ братомъ, когда подростутъ, чего не преминутъ дѣлать въ обществѣ другихъ нашихъ праздныхъ молодыхъ франтовъ. Имъ даже не будетъ досадно, что братъ ихъ и Джорджъ Роденъ неразлучны. Можетъ быть, они сами почерпнутъ какую-нибудь пользу изъ знакомства съ нимъ, страхнуть съ себя нѣсколько крупицъ глупости, свойственной ихъ общественному положенію. Разсматривая вопросъ со всѣхъ сторонъ, въ этомъ отношеніи, я не только испытываю удовлетвореніе, но нѣкоторую гордость. Я поступаю такъ, какъ имѣю право поступить. Вводя въ свою семью противорѣчащее вліяніе, я вводилъ бы вліяніе доброе и полезное. Понимаете ли вы меня, мистриссъ Роденъ?

— Мнѣ кажется — очень ясно. Я была бы не умна, еслибы не понимала.

— Но вопросъ измѣняется, когда дѣло идетъ о сестрѣ человѣка. Я думаю о счастьи другихъ.

— Она, вѣроятно, будетъ думать о собственномъ.

— Не исключительно, надѣюсь.

— Нѣтъ; въ этомъ я увѣрена. Но дѣвушка, когда она любитъ...

— Да, все это справедливо. Но дѣвушка въ условіяхъ Франсесъ обзавана не... не жертвовать тѣмъ, съ кѣмъ связали ее слава и фортуна. Съ вами я могу говорить откровенно, ми-

стрессъ Родентъ, такъ какъ вамъ извѣстны мои личные взгляды на многое.

— У Джорджа нѣтъ сестры, нѣтъ никакой молодой родственницы; но еслибы она существовала и вы полюбили ее, неужели вы бы на ней не женились, чтобъ не пожертвовать вашими... связями?

— Слово это оскорбило васъ?

— Нисколько. Оно совершенно подходящее. Я понимаю, о какой жертвѣ вы говорите. Чувства леди Кинсбери были бы принесены въ жертву, еслибы ее дочь... даже ее падчерица стала женой моего сына. Она полагаетъ, что происхождение ея дочери выше происхожденія моего сына.

— Слово: «происхождение» имѣетъ столько различныхъ значеній.

— Всѣ слова ваши я приму такъ, какъ вы этого желаете, лордъ Гемпстедъ, и не оскорблюсь. Мой сынъ, въ его настоящихъ условіяхъ, не партія для вашей сестры. И лордъ, и леди Кинсбери сочли бы, что тутъ была... жертва. Легко можетъ быть, что маленькіе лорды со временемъ не говорили бы въ клубъ о своемъ зятѣ, почтайтскомъ клеркѣ, какъ говорили бы о какомъ-нибудь графѣ или герцогѣ, съ которымъ могли бы породниться. Оставимъ это въ сторонѣ, признаемъ, что жертва была бы. Но она будетъ и въ томъ случаѣ, еслибы вы женились на дѣвушкѣ не изъ вашего круга. Жертва была бы даже больше, такъ какъ она простиралась бы на какого-нибудь будущаго маркиза Кинсбери. Показали ли бы вы такое самопожертвованіе, какого требуете отъ сестры?

Лордъ Гемпстедъ съ минуту задумался, а затѣмъ отвѣтилъ:

— Не думаю, чтобы эти два случая были совершенно сходны.

— Въ чемъ же разница?

— Есть что-то болѣе нѣжное, болѣе скромное, требующее большей осторожности въ поведеніи дѣвушки, чѣмъ мужчины.

— Совершенно вѣрно, лордъ Гемпстедъ. Тамъ, гдѣ дѣло касается поведенія, дѣвушка обязана подчиняться болѣе строгимъ законамъ. Это можно объяснить, сказавъ, что дѣвушка, отдавшаяся незаконной любви, погибла на вѣки, тогда какъ для мужчины возвращеніе себѣ уваженія свѣта крайне легко, даже еслибы онъ, по этому поводу, лишился хотя малой доли этого уваженія. Тотъ же законъ примѣнимъ ко всѣмъ дѣйствіямъ дѣвушки. Но въ данномъ случаѣ, — еслибы она вышла за человѣка, котораго любить, — сестра ваша не сдѣлала бы ничего такого, что должно было бы лишить ее уваженія хорошихъ людей или общества

порядочныхъ женщинъ. Я не говорю, чтобъ этотъ бракъ былъ ровный. Я не настаиваю на этомъ. Хотя сердце моего сына для меня дороже всего въ мірѣ, я признаю, что можетъ быть лучше, чтобы его сердце нестрадало. Но когда вы говорите о жертвѣ, которая требуется отъ него и сестры вашей, съ тѣмъ, чтобъ другіе были освобождены отъ меньшихъ жертвъ, мнѣ кажется, вамъ слѣдовало бы задаться вопросомъ: чего долгъ потребовалъ бы отъ васъ самихъ? Не думаю, чтобы она пожертвовала благородной кровью Траффордъ болѣе, чѣмъ пожертвовали бы вы черезъ подобный бракъ. — При этихъ словахъ она слегка наклонилась впередъ и заглянула ему прямо въ лицо. Онъ почувствовалъ, что она необыкновенно красива, что это очень умная женщина, на которую пріятно смотреть и которую пріятно слушать. Она защищала своего сына — онъ это сознавалъ. Но она не удостоила прибѣгнуть ни къ какимъ низкимъ аргументамъ.

— Рѣчь не обо мнѣ, — медленно сказалъ онъ.

— Неужели вы не можете себя представить, что дѣло идетъ о васъ? Во всякомъ случаѣ вы, вѣроятно, согласитесь, что мой аргументъ справедливъ.

— Право не знаю. Мнѣ объ этомъ надо подумать. Такой бракъ съ моей стороны не оскорбилъ бы моей матери такъ, какъ оскорбилъ бы ее бракъ моей сестры.

— Оскорбилъ! Вы такъ говорите, лордъ Гемпsteadъ, точно матушка ваша подумала бы, что сестра ваша озорнула себя какъ женщина!

— Я говорю о ея чувствахъ, не о своихъ. Не то было бы, еслибъ я женился въ той же оферѣ.

— Неужели? Въ такомъ случаѣ я думаю, что мнѣ, пожалуй, лучше посоветовать Джорджу не ѣздить въ Гендонъ-Голль.

— Сестры моей тамъ нѣтъ. Они всѣ въ Германіи.

— Ему лучше не ѣздить туда, гдѣ о вашей сестрѣ будутъ думать.

— Ни за что въ мірѣ не хотѣлъ бы я ссориться съ вашимъ сыномъ.

— Лучше вамъ съ нимъ разойтись. Не думайте, чтобы я защищала его. — Онъ именно это и думалъ, да она ничего другого и не дѣлала. — Я уже сказала ему мое мнѣніе, что ему не одолжить предрассудковъ, и что лучше было бы отказаться, чѣмъ прибавлять гора себѣ, а можетъ быть, и ей. Все, что я говорила, не имѣло характера защиты, а только показывало, почему я думаю, что этотъ бракъ былъ бы неудобенъ. Не то чтобъ мы или ваша сестра были слишкомъ низки для подобнаго союза, но вы,

съ вашей стороны, пока еще не достаточно хороши или высоки душой.

— Въ этомъ я съ вами спорить не стану, мистриссъ Роденъ. Но вы передадите ему мое порученіе?

— Да; я передамъ ему ваше порученіе.

Тутъ лордъ Гэмпстедъ, проведя добрый часъ у нея въ домѣ, простился и уѣхалъ.

— Ровно часъ, — сказала Клара Демиджонъ, которая все еще смотрѣла въ окно квартиры мистриссъ Дуфферъ. — О чемъ могли они толковать?

— Мнѣ кажется, онъ ухаживаетъ за вдовой, — сказала мистриссъ Дуфферъ, которая такъ была поражена, что не могла остановиться ни на какой новой мысли.

— Никогда бы не пріѣхалъ онъ за этимъ верхомъ. Не пѣнится она молодымъ человѣкомъ, который тратитъ свои деньги на подобныя вещи. Она предпочла бы скопидома. Но это его собственныя лошади, его собственный грумъ, и онъ столько же ухаживаетъ за вдовой какъ и за мной, — добавила Клара, смѣясь.

— Желала бы я, чтобъ онъ ухаживалъ за вами, милая.

— Можетъ быть, не хуже его еще найдутся, мистриссъ Дуфферъ. Я не Богъ вѣсть какую цѣну придаю лошадямъ и грумамъ. Тому, кто заведется ими, не по средствамъ нѣтъ и жену. — Затѣмъ, проводивъ лорда Гэмпстеда глазами, пока онъ не скрылся изъ виду, она вернулась къ теткѣ.

Но мистриссъ Демиджонъ не теряла времени, пока Клара съ мистриссъ Дуфферъ зѣвали да дѣлали пустыя предположенія. Какъ только она осталась одна, старуха достала шляпу и паль, утрадкой выбралась на улицу, направилась къ концу ея на встрѣчу груму, который въ эту минуту проваживалъ лошадей. Здѣсь она не рисковала попасться на глаза племянницѣ или сосѣдямъ, и молча ждала, никѣмъ незамѣченная, пока онъ вернется къ тому мѣсту, гдѣ она стояла.

— Молодой человѣкъ, — сказала она самымъ заискивающимъ голосомъ, когда грумъ поравнялся съ ней.

— Что угодно, сударыня?

— Неправда ли, вы охотно бы выпили стаканчикъ пива, такъ долго ходивши взадъ и впередъ?

— Нѣтъ, именно теперь-то и не выпилъ бы. — Онъ знаетъ, кому служить и отъ кого можетъ принимать пиво.

— Я съ удовольствіемъ бы заплатила за кружку, — сказала мистриссъ Демиджонъ, вертя въ рукахъ мелкую монету такъ, чтобы онъ могъ видѣть ее.

— Благодарю васъ, сударыня; я свое пиво пью въ положенное время. Теперь я дежурю.

— Это, вѣроятно, лошади вашего господина?

— Чьи же больше, сударыня? Милордъ ни на чьихъ лошадяхъ ни ѣздитъ, какъ только на своихъ.

Вотъ успѣхъ-то! И монета въ экономѣ! Милордъ!

— Конечно, нѣтъ, — сказала мистрисъ Демиджонъ. — Да и что за охота?

— Истинно такъ, сударыня.

— Лордъ... Лордъ... Кто онъ такой?

Грумъ задумался. Слуга обыкновенно желаетъ, сколько въ его силахъ, воздать должное своему господину. Человѣкъ этотъ вовсе не имѣлъ желанія доставить удовольствіе любопытной старухѣ, но онъ считъ унизительнымъ для своего господина и для самого себя какъ бы отречься отъ ихъ общаго имени «Ампстедъ!» сказалъ онъ, очень благодушно смотря на старуху, а затѣмъ двинулся далѣе, не прибавивъ болѣе ни слова.

— Я давно знала, что они не то, что мы грѣшныя, — сказала мистрисъ Демиджонъ, едва племянница вошла.

— Вы не разувнали, кто онъ такой, тетушка?

— Ты, вѣроятно, была у мистрисъ Дюфферъ. Вы съ ней вѣдѣлю бы совѣтовались, и тогда бы ничего не узнали. — Только поздно вечеромъ раскрыла она свою тайну. — Онъ перъ! Онъ — лордъ Ампстедъ!

— Перъ!

— Говорю тебѣ, онъ лордъ Ампстедъ, — сказала мистрисъ Демиджонъ.

— Не вѣрю, чтобъ существовалъ такой лордъ, — сказала Клара, отираясь спать.

VII.—Почтамтъ.

Когда Джорджъ Роденъ возвратился домой въ этотъ вечеръ, они съ матерью очень подробно обсудили вопросъ. Она горячо убѣждала его, если не отказаться отъ своей любви, то, по крайней мѣрѣ понять, какую невозможность представляетъ его бракъ съ леди Франсесъ. Она была съ нимъ очень нѣжна, выказала много чувства, состраданія и сочувствія; но упорно повторяла, что отъ такой помолвки не быть добру. Но онъ не захотѣлъ на іоту отступить отъ своего намѣренія, не хотѣлъ даже признать, чтобы чьи либо желанія могли отвратить его отъ его цѣли, пока леди Франсесъ ему вѣрна.

— Ты говоришь такъ, точно дочери рабы,—сказалъ онъ.

— Рабы и есть. Женщины должны быть рабами: онѣ рабы условій свѣта. Едва ли можетъ молодая дѣвушка противиться семьѣ своей въ вопросѣ о бракѣ. Она можетъ быть достаточно упряма, чтобъ побѣдить возраженія, но случится это потому, что самыя возраженія не достаточно сильны. Въ данномъ случаѣ возраженія будутъ очень сильны.

— Увидимъ, мама,—сказалъ онъ. Мать, которая хорошо его знала, поняла, что продолженіе разговора ни къ чему бы не повело.

— Да,—сказалъ онъ,—я поѣду въ Гендовъ можетъ быть въ воскресенье. Этотъ мистеръ Виванъ славный малый, а такъ какъ Гѣмпстедъ не желаетъ со мной ссориться, я конечно съ нимъ не поссорюсь.

Роденъ вообще былъ любимъ у себя въ департаментѣ, и счѣмалъ сдѣлать свои занятія пріятными и интересными; но у него были свои маленькія невзгоды, какъ у большинства людей на всѣхъ карьерахъ. Его непріятности возникали главнымъ образомъ изъ неблаговоспитанности собрата-клерка, который сидѣлъ съ нимъ въ одной комнатѣ, у одного стола. Въ этой комнатѣ ихъ было пять человѣкъ, пожилой джентльменъ и четверо молодыхъ людей. Пожилой джентльменъ былъ смиренный, вѣжливый, глуповатый старикъ, который никогда никому не причинялъ непріятностей и мирился съ легкомысліемъ молодежи, лишь бы проявленія его не были слишкомъ шумны или противны дисциплинѣ. Когда это случалось, это вызывало у него одно только замѣчаніе: «мистеръ Крокеръ, этого я не потерплю». Далѣе этого онъ никогда не шелъ, ни въ смыслѣ жалобъ на своихъ подчиненныхъ высшимъ властямъ, ни въ личныхъ ссорахъ съ молодыми людьми. Даже съ мистеромъ Крокеромъ, который несомнѣнно былъ несносенъ, ему удалось сохранить подобіе дружескихъ отношеній. Фамилія его была Джирнингѣмъ; первымъ, по дѣтамъ, послѣ мистера Джирнингѣма, былъ мистеръ Крокеръ, отъ неумѣстныхъ остротъ котораго часто страдалъ нашъ Джорджъ Роденъ. Это иногда заходило такъ далеко, что Роденъ предвидѣлъ необходимость объяснить мистеру Крокеру, что между ними установилась вражда, или, что они «не разговариваютъ» иначе, какъ по дѣламъ службы. Но въ подобномъ дѣйствіи была бы рѣшительность, которой Крокеръ едва ли стоилъ, и Роденъ воздержался, откладывая со дня на день, но продолжая сознавать, что надо что-нибудь предпринять, чтобы остановить вульгарныя и непріятныя ему выходки.

Двое другихъ молодыхъ людей, мистеръ Боббинъ и мистеръ Гератъ, которые сидѣли за отдѣльнымъ столомъ и были младшими клерками въ этомъ отдѣленіи, были довольно милые и веселые люди. Оба они были очень молоды и пока не приносили еще особой пользы правительству королевы. Они поздно являлись на службу и въ четыремъ часамъ торопились уйти. Въ департаментъ иногда разражалась буря, порождаемая невидимымъ, но могущественнымъ и недовольнымъ Эоломъ, во время которой Боббину и Гератъ угрожали, что ихъ вышвырнуть въ безграничное пространство. Писались бумаги, налагались взысканія, давали понять, что тотъ, или другой долженъ будетъ возвратиться въ свое неутѣшное семейство при первомъ же случаѣ. Даже въ настоящую минуту возникъ вопросъ, не возвратитъ ли на родину Гератъ, который съ годъ тому назадъ пріѣхалъ изъ Ирландіи. Правда, онъ блистательно выдержалъ экзаменъ для поступленія въ гражданскую службу; но Эолъ ненавидѣлъ молодыхъ ученыхъ, которые являлись къ нему съ полными баллами, и объявилъ, что хотя Гератъ несомнѣнно — лингвистъ, философъ и математикъ, но гроша мѣднаго не стоитъ какъ почтамтскій клеркъ. Но онъ, такъ же какъ и Боббинъ, пользовался покровительствомъ мистера Джиррингэма и расположеніемъ Джорджа Родена.

Товарищамъ-клеркамъ сдѣлалось извѣстно, что Роденъ друженъ съ лордомъ Гэмистедомъ. Это обстоятельство отчасти было ему полезно, отчасти наоборотъ. Его товарищи не могли не ощущать какъ бы отраженія его почестей въ собственной близости съ пріятелемъ старшаго сына маркиза, и желали быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ человекомъ, который вращался въ такихъ высокихъ сферахъ. Это было естественно; но не менѣе естественно было, чтобы зависть обнаруживалась въ насмѣшкахъ и чтобы клерка попрекали лордомъ. Кромеръ, когда впервые обнаружилось, что Роденъ проводитъ большую часть своего времени въ обществѣ молодого лорда, горячо желалъ сойтись съ счастливымъ юношей, который сидѣлъ противъ него; но Роденъ не особенно дорожилъ обществомъ Крокера, а потому Кромеръ и посвятилъ себя насмѣшкамъ и остротамъ. Мистеръ Джиррингэмъ, который отъ всей души уважалъ маркизовъ и чувствовалъ нѣчто въ родѣ истиннаго трепета передъ всѣмъ, что соприкасалось съ шрами, непритворно уважалъ своего счастливаго подчиненнаго съ минуты, когда узналъ объ этой дружбѣ. Онъ дѣйствительно сталъ лучшаго мнѣнія о клеркѣ, потому что клеркъ съумѣлъ сдѣлаться товарищемъ лорда. Для себя онъ ничего не

желалъ. Онъ былъ слишкомъ старъ и жизнь его слишкомъ опредѣлилась, чтобы ему желать новыхъ связей. Отъ природы онъ былъ добросовѣстенъ, кротокъ и непритязателенъ. Но Роденъ возвысился въ его мнѣніи, а Крокеръ упалъ, когда онъ удостоившись, что Роденъ и лордъ Гемпстедъ короткіе пріатели, и что Крокеръ осмѣливался насмѣхаться надъ этой дружбой.

Младшіе клерки были оба на сторонѣ Родена. Они не особенно любили Крокера, хотя въ Крокерѣ былъ извѣстный шикъ, изъ-за котораго они иногда льстили ему. Крокеръ былъ храбръ, дерзокъ и самоувѣренъ. Они еще недостаточно созрѣли, чтобы имѣть возможность презирать Крокера. Крокеръ подавлялъ ихъ своимъ величіемъ. Но еслибъ нѣчто въ родѣ настоящей войны возникло между Крокеромъ и Роденомъ, не могло быть никакого сомнѣнія, что они перешли бы на сторону пріателя лорда Гемпстеда. Таково было настроеніе этого отдѣленія почтамта, когда Крокеръ вошелъ туда въ то самое утро, когда лордъ Гемпстедъ посѣтилъ Парадизъ-Роу.

Крокеръ нѣсколько опоздалъ. Онъ часто нѣсколько опаздывалъ—фактъ, на который мистеру Джирнингэму слѣдовало бы обратить болѣе строгое вниманіе, чѣмъ онъ обращалъ. Можетъ быть, мистеръ Джирнингэмъ отчасти побаивался Крокера. Крокеръ настолько изучилъ характеръ мистера Джирнингэма, что понималъ, что принципалъ его человекъ мягкій, пожалуй даже робкій. Вслѣдствіе этого изученія, онъ привыкъ думать, что всегда одолѣетъ мистера Джирнингэма громогласіемъ и нахальствомъ. До сихъ поръ это несомнѣнно ему удавалось, но въ департаментѣ были люди, которые думали, что можетъ настать день, когда мистеръ Джирнингэмъ возстанетъ во гнѣвъ своемъ.

— Мистеръ Крокеръ, вы запоздали,—сказалъ мистеръ Джирнингэмъ.

— Запоздалъ, мистеръ Джирнингэмъ. Не люблю я пустыхъ отговорокъ. Гератэ сказалъ бы, что часы его невѣрны. Боббинъ—что онъ съѣлъ что-нибудь, что ему повредило. Роденъ что его задержалъ его другъ, лордъ Гемпстедъ.—Роденъ на это не отвѣтилъ даже взглядомъ.—Что до меня, я признаюсь, что не явился во время. Двадцать минутъ укралъ у отечества, но такъ какъ отечество цѣнитъ такое количество моего времени только въ семь пенсовъ и полъ-пенни, то едва ли стоитъ объ этомъ много разговаривать.

— Вы слишкомъ часто опаздываете.

— Когда итогъ достигнетъ десяти фунтовъ, я пошлю почтъ-

директору марокъ на эту сумму.—Онъ уже стоялъ у своего стола, противъ Родена, которому отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Мистеръ Джорджъ Роденъ,—сказалъ онъ,—надѣюсь, что милордъ совершенно здоровъ.

— Единственный лордъ, съ которымъ я знакомъ, совершенно здоровъ: но я не знаю, зачѣмъ вы о немъ беспокоитесь.

— Считаю приличнымъ для человека, который получаетъ жалованье отъ королевы, выказывать подобающую заботливость объ аристократинѣ, окружающей ея престолъ. Я питаю величайшее уваженіе къ маркизу Кинсбери. И вы также, не правда ли, мистеръ Джирнингэмъ?

— Несомнѣнно. Но еслибъ вы принялись за работу вмѣсто того, чтобъ такъ много болтать, это было бы лучше для всѣхъ насъ.

— Я уже принялся за работу. Неужели вы думаете, что я не могу одновременно работать и разговаривать? Боббинъ, мой милый, какъ вы думаете, еслибъ вы открыли это окно, оно не повредило бы вашему цвѣту лица?—Боббинъ открылъ окно.—«Падди»¹⁾, гдѣ былъ вчера вечеромъ?—Падди былъ мистеръ Гератъ.

— Обѣдалъ у сестры моей тещи.

— Какъ—у О'Келли, великаго законодателя и народнаго вождя, котораго его родина такъ любитъ и парламентъ такъ ненавидитъ! По моему, никакихъ родственниковъ народныхъ вождей не слѣдовало бы допускать на службу.—Какъ по вашему, мистеръ Джирнингэмъ?

— По моему, мистеръ Гератъ, лишь бы онъ былъ только немного позаботливѣе, будетъ очень полезенъ на службѣ,—сказалъ мистеръ Джирнингэмъ.

— Надѣюсь, что Эолъ того же мнѣнія. Онъ какъ будто питаетъ нѣкоторые сомнѣнія насчетъ бѣднаго Падди.—Это былъ непріятный предметъ, и всѣ почувствовали, что лучше пройти его молчаніемъ. Съ этой минуты очередныя занятія продолжались съ незначительными перерывами до завтрака, когда обычный прислужникъ явился съ обычными бараньими котлетами.—Желалъ бы я знать, подаютъ ли лорду Гемпстеду бараньи котлеты на завтракъ?—спросилъ Крокеръ.

— Отчего же нѣтъ?—наивно отозвался мистеръ Джирнингэмъ.

— Должны существовать какія-нибудь золоченыя телячьи

¹⁾ Такъ англичане зовутъ ирландцевъ.

котлеты, которыми угощаются представители высшей аристократіи. Роденъ, вы вѣроятно видали милорда за завтракомъ?

— Конечно видалъ, — сердито сказалъ Роденъ. Онъ со- знавалъ, что ему досадно, и сердился на себя за собственную досаду.

— Онѣ золотныя или только золоченныя? — спросилъ Крокеръ.

— Вы, кажется, желаете говорить непріятности? — сказалъ Роденъ.

— Совершенно напротивъ. Я желалъ бы быть пріятнымъ; только вы, за послѣднее время, такъ высоко воспарили, что обыкновенный разговоръ не имѣетъ для васъ никакой прелести. Есть ли какая-нибудь основательная причина, по которой не слѣдуетъ упоминать о завтракѣ лорда Гемпстеда?

— Конечно есть, — сказалъ Роденъ.

— Такъ, право, я не вижу. Еслибъ вы стали толковать о моей бараньей котлетѣ, я бы не обидѣлся.

— Мнѣ кажется, человѣкъ никогда не долженъ толковать о томъ, что другой ѣстъ, если онъ не знаетъ этого другого. — Изрекъ это Боббинъ, съ самыми лучшими намѣреніями, желая вступить за Родена, какъ умѣлъ.

— Мудрѣйшій Бобъ, — сказалъ Крокеръ, — вы, повидимому, не знаете, что одинъ молодой человѣкъ, т.-е. Роденъ, есть особенно короткій пріятель другого человѣка, т.-е. графа Гемпстеда. А потому правило, такъ ясно вами выраженное, нарушено не было. *Plus en revenir à nos moutons*, какъ говорятъ французы, чтожъ милордъ кушаетъ на завтракъ?

— Вы рѣшились всѣмъ надѣсть, — сказалъ Роденъ.

— Призываю васъ въ свидѣтели, мистеръ Джирнингэмъ, неужели я сказалъ что-нибудь неприличное?

— Если вы призываете меня въ свидѣтели, мнѣ кажется, что «да», — сказалъ мистеръ Джирнингэмъ.

— Вамъ это, во всякомъ случаѣ, такъ удалось, — продолжалъ Роденъ, — что я долженъ васъ просить держать языкъ на привязи насчетъ лорда Гемпстеда. Не отъ меня вы узнали о моемъ знакомствѣ съ нимъ. Шутка эта плоская, а при повтореніи сдѣлается вульгарной.

— Вульгарной! — воскликнулъ Крокеръ, отодвигая тарелку и вставая.

— Я хочу сказать: недостойной джентльмена. Я не желаю употреблять рѣзкихъ выраженій, но не позволю и приставать ко мнѣ.

— Аллахъ, — сказалъ Крокеръ, — подняли шумъ изъ-за того,

что я случайно намекнулъ на благороднаго лорда. Меня называютъ вульгарнымъ за то, что я упомянулъ его имя.—Онъ за-свисталъ.

— Мистеръ Крокеръ, этого я не допущу,—сказалъ мистеръ Джирнингэмъ своимъ самымъ сердитымъ тономъ.—Вы больше шумите, чѣмъ всѣ остальные вмѣстѣ.

— Тѣмъ не менѣе, я продолжаю недоумѣвать, что лордъ Гѣмпстедъ кушалъ за завтракомъ.—Это былъ послѣдній выстрѣлъ, послѣ этого всѣ пятеро дѣйствительно серьезно принялись за работу.

Когда пробило четыре часа, мистеръ Джирнингэмъ, съ до-стохвальной аккуратностью, взялъ шляпу и ушелъ. Жена и три дочери-дѣвицы ожидали его въ Иалингтонѣ, а такъ какъ онъ всегда былъ на своемъ мѣстѣ ровно въ десять часовъ, онъ имѣлъ право оставить его ровно въ четыре. Крокеръ минуты съ двѣ рассказывалъ по комнатѣ, въ шляпѣ, желая показать, что на него нисколько не подѣйствовали полученные имъ выговоры. Но онъ также скоро ушелъ, не рѣшившись снова произнести имя аристократическаго пріятеля Родена. Младшіе клерки остались, желая сказать слово утѣшенія Родену, который продолжалъ писать у стола.—Слова Крокера показались имъ очень непри-личными,—сказалъ Боббинъ.

— Крокеръ животное,—сказалъ Гератѣ.

— Что ему за дѣло—кто что ѣстъ за завтракомъ?—продол-жалъ Боббинъ.

— Онъ просто любитъ повторять аристократическое имя,—сказалъ Гератѣ.

— По моему, верхъ неприличія толковать о чьихъ бы то ни было друзьяхъ, если вы сами съ ними незнакомы.

— По моему также,—сказалъ Роденъ, поднимая голову.

— Но что еще неприличнѣе, такъ это желаніе надобѣдать кому-нибудь. Я не особенно нѣжно люблю Крокера, но лучше, кажется, намъ всѣмъ объ этомъ больше не думать.—На это молодые люди обѣщали, что они, по крайней мѣрѣ, объ этомъ и думать забудутъ, и ушли. Джорджъ Роденъ скоро послѣдовалъ за ними, такъ какъ никто въ этомъ департаментѣ не имѣлъ привычки засиживаться за работой послѣ четырехъ часовъ.

На возвратномъ пути домой Роденъ думалъ объ этой малень-кой сгичкѣ больше, чѣмъ она того заслуживала. Онъ сердился на себя за то, что она не шла у него изъ ума, а между тѣмъ продолжалъ думать о ней. Неужели такое ничтожное существо,

какъ Кроверъ, могло разсердить его двумя, тремя словами? Но онъ былъ раздосадованъ, и не зналъ чѣмъ бы помочь горю.

Если Кроверъ захочетъ продолжать толковать о лордѣ Гэмпстедѣ, ничѣмъ нельзя будетъ заставить его замолчать. Нельзя надавать ему пинковъ, поколотить его, вытолкать изъ комнаты. Въ смыслѣ реальной помощи мистеръ Джернингэмъ былъ бесполезенъ. Чтоже касается до того, чтобъ пожаловаться департаментскому Эолу на то, что извѣстный клеркъ говоритъ о лордѣ Гэмпстедѣ, объ этомъ, конечно, не могло быть и рѣчи. Онъ уже употребилъ сильныя выраженія, назвавъ поступки его вульгарными и недостойными джентльмена, но если человѣкъ оставляетъ сильныя выраженія безъ вниманія, чтожъ можетъ еще ему сдѣлать разсерженная жертва?

Затѣмъ мысли его обратились въ его отношеніямъ въ семейству маркиза Кинсбери вообще. Не дурно ли или, по меньшей мѣрѣ, не глупо ли онъ поступилъ, выйдя изъ собственной сферы? Въ настоящую минуту лэди Франсесъ была ему ближе, чѣмъ даже лордъ Гэмпстедъ, играла большую роль въ его жизни, занимала большее мѣсто въ его мысляхъ. Не достовѣрно ли, что изъ отношеній между нимъ и лэди Франсесъ возникаетъ больше горя, чѣмъ счастья? Не вѣроятно ли, что онъ отравилъ всю жизнь любимой женщины? Съ спокойнымъ лицомъ и самоувѣренной улыбкой объявлялъ онъ матери, что никакія земныя силы не станутъ между нимъ и его невѣстой, что также несомнѣнно, что она найдетъ возможность выйти изъ замка отца своего и обвѣнчаться съ нимъ, какъ несомнѣнно, что любая служанка или дочь хлѣбопашца соединится съ своимъ возлюбленнымъ. Но что въ этомъ толку, если она выйдетъ только на встрѣчу горю? Страна такъ организована, что онъ и эти Траффорды дѣйствительно принадлежатъ къ различнымъ породамъ; различіе между ними такъ же велико, какъ различіе между негромъ и бѣлымъ. Почтамтскій клеркъ можетъ, правда, сдѣлаться герцогомъ; тогда какъ кожу негра не отмыть до бѣла. Но пока они съ лэди Франсесъ въ своихъ настоящихъ условіяхъ, разстояніе между ними такъ велико, что имъ невозможно сблизиться, не порвавъ другихъ отношеній. Свѣтъ могъ быть неправъ въ этомъ. По его мнѣнію, онъ былъ неправъ. Но пока факты эти существуютъ, они слишкомъ сильны, чтобы можно было оставлять ихъ безъ вниманія. Онъ могъ исполнить свой долгъ по отношенію къ свѣту, стараясь пропагандировать собственныя воззрѣнія, въ виду того, чтобъ разстояніе нѣсколько уменьшилось и при его жизни. Онъ былъ увѣренъ, что разстояніе уменьшается,

ему казалось, что онъ долженъ былъ бы довольствоваться этимъ. Насмѣшки такой личности, какъ Крокеръ, были неважны, хотя непріятны, но и онѣ обнаруживали общее настроеніе. Такая дружба, какъ его дружба съ лордомъ Гэмнстедомъ, показалась Брокеру смѣшной.

Крокеръ не замѣтилъ бы комической стороны, еслибъ другіе также ея не замѣчали. Даже родная мать его ее замѣчаетъ. Здѣсь, въ Англіи, считалось такой нелѣпостью, чтобы онъ, почтамтскій клеркъ, былъ близокъ съ такой особой какъ лордъ Гэмнстедъ, что даже какой-нибудь Брокеръ могъ надъ нимъ смѣяться! Что же скажетъ свѣтъ, когда станетъ извѣстнымъ, что онъ намѣренъ вести лэди Франсесъ «къ алтарю»?

Благодаря всѣмъ этимъ размышленіямъ, онъ былъ не въ радужномъ настроеніи духа, когда достигъ своего дома въ улицѣ Парадизъ-Роу.

О. П.

ПЕРМЯКИ

Бытовой и этнографическій очеркъ.

У насъ еще очень мало было писано о сѣверо-восточныхъ инородцахъ финскаго племени; литература по этому вопросу крайне бѣдна: мало фактовъ, мало обобщеній. Едва ли найдется у насъ пять-шесть обстоятельныхъ изслѣдованій объ этихъ сосѣдяхъ нашихъ. А между тѣмъ описаніе ихъ быта чрезвычайно важно: это—послѣдній и единственный документъ ихъ исторіи. У нихъ нѣтъ письменности, нѣтъ даже преданій и собственныхъ пѣсенъ, которыя могли бы хоть нѣсколько уяснить намъ общій характеръ ихъ прошедшей и настоящей жизни. Къ тому же фizioномія племени начинаетъ мало-по-малу стираться; и можно съ увѣренностью сказать, что не пройдетъ и сотни лѣтъ, какъ всѣ племенные оригинальныя черты чудской расы пропадутъ и изгладятся, и финскіе «ручья сольются въ русское морѣ».

Проживъ довольно долго среди пермяковъ, я коротко ознакомился съ ихъ языкомъ, характеромъ и нравами, и передаю здѣсь читателю свои наблюденія. Для полноты очерка я пользовался иногда и печатными источниками—разными бѣглыми замѣтками, разбросанными по мѣстнымъ изданіямъ, и указаніями компетентныхъ лицъ, близко знающихъ пермяцкую жизнь.

I.

Пермяки называютъ себя коми-войтырь; названіе же пермяковъ дано имъ русскими. Въмѣстѣ съ вотяками и зырянами они составляютъ такъ называемую пермскую вѣтвь большого финскаго или чюдскаго племени. Къ какой расѣ нужно отнести финновъ—объ этомъ мнѣнія ученыхъ не сходились. Одни, какъ Блюменбахъ, Бредовъ, причисляютъ ихъ къ монгольской расѣ, другіе — даже къ кавказской, третьи (Кастрентъ) утверждаютъ, что финны составляютъ посредствующее звено между славянами и монголами ¹⁾. Вайцъ прямо говоритъ, что они — метисы, происшедшіе отъ смѣшенія этихъ двухъ племенъ. Во всякомъ случаѣ всѣ эти мнѣнія — не болѣе, какъ смѣлныя гипотезы, не имѣющія подъ собою твердой фактической почвы. Вопросъ о происхожденіи финновъ, о принадлежности ихъ къ той или другой расѣ, можетъ быть рѣшенъ только при тщательномъ историческомъ и антропологическомъ изслѣдованіи этихъ племенъ. Новѣйшія научныя изысканія установили, по крайней мѣрѣ, тотъ фактъ, что чюдскія племена вышли изъ средней Азіи. Они занимали тамъ во время оно склоны Алтайскихъ и Саянскихъ горъ, хребетъ Алатау, селились по верховьямъ Иртыша, Оби и Енисея. Въ Минусинскомъ округѣ и по всей вообще южно-сибирской границѣ встрѣчаются чюдскіе памятники и гробницы, свидѣтельствующіе намъ о большомъ культурномъ развитіи финновъ. Они очевидно знали много искусствъ, обрабатывали металлы, гробницы ихъ покрыты были прекрасными обдѣланными ашмовыми глыбами. Всѣ почти золотые и серебряные рудники края, извѣстные теперь, уже разрабатывались чудью; таковы, напр., рудники Зыряновскіе и Змѣиноговскіе, гдѣ найдены искусно сдѣланные орудія каменнаго и бронзоваго вѣка, служившія когда-то для добыванія золота и серебра. Черноморскія колоніи грековъ долгое время вели съ финнами торговлю, получая отъ нихъ продукты горной промышленности ²⁾. До конца прошлаго столѣтія по отрогамъ лѣснаго Алтая встрѣчались еще остатки верхне-азиатской расы, подъ именемъ воти, или по-татарски ари, что значитъ пчелы, такъ какъ финны любили заниматься ичеловодствомъ. Уходя за пчелами, замѣчу въ скобкахъ, и до сего вре-

¹⁾ Фирсовъ. Полож. инородцевъ на сѣверо-востокѣ Россіи. Казань 1866, стр. 84.

²⁾ Страбонъ.

мѣни остается однимъ изъ любимыхъ занятій нѣкоторыхъ финскихъ племенъ, заселяющихъ наше сѣверное полѣсье.

Въ незапамятныя до-историческія времена, вслѣдствіе какого-то сильнаго внѣшняго толчка, племена верхне-азиатской расы приняли въ движеніе, оставили свои родныя насиженные мѣста и потянулись дальше на западъ, направляя свой путь въ предѣлы нынѣшней европейской Россіи. Вѣроятно, ихъ начали тѣснить съ юго-востока народы монгольскаго племени, усилившіеся и размножившіеся къ тому времени. О самомъ переселеніи, равно какъ и обо всей предыдущей жизни финновъ, мы не имѣемъ никакихъ точныхъ историческихъ данныхъ; все это скрыто отъ насъ непроницаемымъ мракомъ. Только въ нѣкоторыхъ народныхъ сказаніяхъ слышится глухой откликъ прошлаго и еще сохранились кое-какія смутныя воспоминанія о старинѣ, о былой жизни и переселеніи. Мнѣ доставлено, между прочимъ, одно сказаніе, записанное у пермяковъ пермской губерніи. За темнымъ вымысломъ фантазіи, въ сказкѣ виднѣтъ намекъ на этотъ громадный переворотъ, случившійся за много вѣковъ до начала нашего государства. Сказка говоритъ, что далеко отсюда, на восходѣ солнца, жили когда-то два брата, Осыяса и Ожыаса; у нихъ было въ подданствѣ много народу. Житіе было всѣмъ хорошее; ни сѣять ни пахать было не нужно: все само родилось, само въ ротъ валялось. И былъ у тѣхъ братьевъ богъ Шурма, страшный богъ; питался онъ человѣческимъ мясомъ и запивалъ его теплой овечьей кровью. Пока братья удовлетворяли его кровожаднымъ наклонностямъ, богъ любилъ и защищалъ ихъ. Но разъ какъ-то братья забыли принести ему обычную еженедѣльную жертву—двухъ мальчиковъ, двухъ дѣвочекъ и трехъ овецъ, и свирѣпый Шурма разгнѣвался и нагналъ на нихъ большого чернаго ворона. Воронъ этотъ крыльями своими производилъ громъ, а изо рта у него выходило пламя. Онъ напалъ на Осыаса и Ожыаса, подданныхъ погубилъ и сжегъ, а самихъ ихъ прогналъ далеко на закатъ. А чтобы они не могли воротиться назадъ и занять старое мѣсто, онъ провелъ въ землѣ борозду своимъ ногтемъ, и вода потекла въ той бороздѣ, и образовалась глубокая широкая рѣка. Онъ думалъ, что братья не въ состояніи будутъ переправиться черезъ ту рѣку; но случилось не такъ. Лишь только онъ улетѣлъ на солнце къ Шурмѣ, братья сбѣжали плотъ, крѣпко перевязали его вичами (тонкими прутьями) и переѣхали рѣку: сердце ихъ звало на родину. Но воронъ увидѣлъ ихъ и снова погнался за ними; гналъ ихъ пустынями, потомъ лѣсами, затѣмъ опять пустынями и снова лѣ-

сами... И потомъ выдернулъ перо изъ хвоста и положилъ на землю, и выросли изъ этого пера большія горы, покрылись и зазеленѣли лѣсомъ. Видать братья, что теперь ужъ не пробраться имъ до родной земли,—остались жить въ лѣсу... Сказывали старики, заканчиваютъ пермяки свое сказаніе, что мы и народились отъ этихъ самыхъ братьевъ ¹⁾.

У китайцевъ существуетъ лѣтописное сказаніе о народѣ Узуи, который жилъ по верховьямъ Лены и потомъ былъ отгнѣшенъ дальше на западъ. По всей вѣроятности, дѣло идетъ здѣсь именно о народахъ верхне-азиатской расы... Такъ или иначе, но фактъ переселенія несомнѣненъ. Определить время этого переселенія съ точностью, конечно, нельзя. «Не знаемъ,—говоритъ Карамзинъ,—когда они (финны) въ Россіи поселились, но не знаемъ также и нивого старобытїе ихъ въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ ея климатахъ» ²⁾. Вирховъ, на основаніи положительныхъ археологическихъ изысканій полагаетъ, что оно случилось въ послѣдній періодъ каменнаго вѣка. Мюллеръ ³⁾, Нильсонъ и другіе ученые полагаютъ, что раньше переселенія кельтовъ въ Европу, верхне-азиатская раса занимала сѣверъ и большую часть средней Европы. Катрфажъ въ своей книгѣ о «прусской расѣ» доказываетъ даже, что большая часть прусскаго народа имѣетъ финское происхожденіе. «Есть между прочимъ,—говорятъ гг. Майновъ и Коропчевскій,—нѣкоторые основанія предполагать, что остатки каменнаго вѣка въ Европѣ принадлежатъ какому-нибудь народу этой именно расы ⁴⁾. Эйхвальдъ въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи о древней географіи южной Россіи, утверждаетъ, что чудь и скифы—одно и то же, что всѣ археологическіе памятники, находимые на югѣ Россіи, какъ-то: могилы, курганы, каменные бабы построены именно чудью.

Изгнанные изъ Азій, финны принесли съ собою и свою цивилизацію, значительное культурное развитіе. Несторъ упоминаетъ о городахъ въ Чудской землѣ. Отеръ, норвежскій мореплаватель IX в., посѣтивъ устье сѣв. Двины, нашелъ здѣсь прекрасно обстроенный чудской городъ съ значительнымъ населеніемъ. Съ той поры норвежцы завязали правильныя торговыя сношенія съ сѣверной частью финскаго края,—сношенія, не прерывавшіяся вплоть до XIII вѣка. Отсюда жители Скандинавіи вывозили пуш-

¹⁾ Мы пропустили здѣсь эпизодъ о томъ, какимъ путемъ удалось братьямъ плыть съплать безъ топора и ножа, и многія другія подробности.

²⁾ Истор. госуд. Рос., т. I, 86.

³⁾ Müller. Allgemeine Ethnographie.

⁴⁾ Переселенія народовъ, эмиграція и иммиграція. Знаніе, 1874, VI, 68.

ной товаръ, которымъ такъ богата была чудская страна съ своими необозримыми лѣсами. Городъ, о которомъ упоминаетъ Отеръ, служилъ такимъ образомъ рынкомъ, гдѣ норвежскіе купцы-воины мѣнялись своими товарами съ мирными финнами. Если вѣрить исландскимъ сагамъ, городъ этотъ былъ очень богатъ. Въ немъ былъ, напр., идолъ Йомалы очень искусно выдѣланный изъ самаго лучшаго дерева; онъ былъ украшенъ золотомъ и драгоценными камнями, которые яркими звѣздами искрились и переливались на солнцѣ. На головѣ Йомалы блистала золотая корона съ 12 дорогими камнями; на колѣняхъ стояла золотая чаша, наполненная золотыми монетами; она была такъ велика, что четыре человѣка смѣло могли напиться изъ нея до-сыта. Его одежда стоила дороже, чѣмъ грузъ трехъ богатѣйшихъ кораблей.

Вѣрно или нѣтъ приведенное описаніе чудскаго бога Йомалы — это не важно; для насъ имѣетъ значеніе только тотъ фактъ, что задолго до колонизаціи Біарміи и Югорской земли новгородскими выходцами здѣсь были города, была высокая культура. То же указываютъ и другія изслѣдованія. Такъ, археологи Малаховъ и Невоструевъ, изучавшіе Ананьинскій курганъ въ елабужскомъ уѣздѣ, утверждаютъ, что здѣсь нѣкогда обиталъ народъ, имѣвшій сношенія съ персами, мидянами и ассириянами. Въ Кестымской волости глаз. уѣзда найдены были арабскія монеты, относящіяся къ VII и VIII вѣку по Р. Хр. Въ «Мухаммеданской Нумизматикѣ» Савельева мы находимъ много свѣдѣній относительно торговли жителей Біарміи и Югры съ норманскими викингами и волжскими болгарами. Особенно много мѣховъ вывозилось этими послѣдними, потому что они снабжали мѣхами всю юго-восточную Азію, куда ихъ требовалось немалое количество.

Приведенные нами факты указываютъ, что чудь, вытѣсненная врагами изъ отчизны, не утратила и не растеряла на дорогѣ тѣхъ зачатковъ культуры, которые успѣла развить тамъ. Она сохранила ихъ и перенесла на новую почву.

О финской землѣ и племенахъ, ее населяющихъ, въ Европѣ долго не имѣли никакого понятія. О нихъ носились разнобразныя фантастическія сказанія. Такъ, исландскія саги повѣствуютъ, что въ «великой финской землѣ» очень много чародѣевъ, могущество которыхъ можетъ сравниться развѣ только съ могуществомъ Бога: они воскрешаютъ мертвыхъ, излечиваютъ всѣ болѣзни, превращаютъ день въ ночь и пр. Адамъ Бременскій, одинъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени, рассказываетъ объ «амазонкахъ сѣвера», обитающихъ въ чудской землѣ; Несторъ — о другихъ чудесахъ югорской земли. Въ концѣ-концовъ чудская

народность должна была столкнуться съ славянскимъ племенемъ и вступить съ нимъ въ борьбу. Это было роковой исторической необходимостью. Равнинность страны, которую заселяли обѣ эти народности, дѣлала столкновение неизбежнымъ. Развивающаяся потребность великаго Новгорода въ новыя и новыя рынкахъ ускорила развязку. Въ этой борьбѣ чудская народность, какъ болѣе слабая по своей внутренней организаціи, не устояла и была побѣждена. Молодое и сильное славянское племя безъ особаго труда побѣдило финновъ, у которыхъ силы были уже надломлены предыдущей исторической жизнью, столкновениемъ съ монголами и переселениемъ. Славяне тѣснили чудь съ двухъ сторонъ: съ запада (двинскія поселенія новгородцевъ) и юга, и загоняли ихъ все дальше и дальше на сѣверо-востокъ. Финны должны были бросить все, свои города, дома, торговлю, и удалиться въ глушь непроходимыхъ лѣсовъ приуральскихъ... Борьба эта длилась долго. Покореніе Біарміи новгородскими повольниками было только послѣднимъ актомъ этой вѣковой борьбы двухъ расъ, культуры старой азиатской и новой европейской.

Уже въ XI вѣкѣ часть финновъ, занимавшихъ западныя окраины великой Біарміи и область приморскую, сдѣлалась данниками Новгорода. Въ это же время былъ покоренъ и городъ, упоминаемый Отеромъ и такъ краснорѣчиво описанный скандинавскими сагами. Съ этого времени торговля, которую вели финны съ норвежскими купцами, переходитъ вся въ руки новгородцевъ. Финны отходятъ на задній планъ; они становятся не болѣе какъ только простыми производителями—рабочими, простыми поставщиками товара для великаго Новгорода, который сталъ торговымъ посредникомъ между финнами и западнымъ соседствомъ. Съ тѣхъ поръ сѣверныя и восточныя чудскія племена, подпавшія подъ власть Новгорода, ступеньваются окончательно и уже болѣе не показываются на страницахъ исторіи. Самый городъ ихъ съ его великолѣпнымъ идоломъ пропадаетъ безслѣдно, такъ что современные ученые не могутъ даже указать мѣста, гдѣ стоялъ онъ.

Блaдѣнія Новгорода росли не по днямъ, а по часамъ. Его смѣлые сыны забирались все дальше и дальше на востокъ, основывали колоніи, которыя служили для нихъ только временнымъ станомъ и операціоннымъ базисомъ для дальнѣйшаго движенія впередъ. Эти неутомимые искатели приключеній и добычи шагъ за шагомъ отбывали у финновъ-туземцевъ ихъ родную землю, заставляя ихъ уходить дальше въ лѣса или платить дани и оброки. Съ течениемъ времени число русскихъ увеличивалось

какъ отъ естественнаго приращенія населенія, такъ и отъ наплыва новыхъ силъ. Удача первыхъ пионеровъ привлекала сюда массу новыхъ переселенцевъ, сперва изъ Новгорода, а потомъ и изъ другихъ краевъ русско-славянской земли. Въ короткое время около острога, основаннаго ушкуйниками на берегу Вятки, выросло цѣлое поселеніе; отсюда русскіе разливались и по всей Біарміи. Это было цѣлое наводненіе. Иностранцы, и въ томъ числѣ пермяки, не могли противиться могучему потоку и отступали передъ нимъ дальше, на сѣверо-востокъ, въ объятія дикой и непривѣтливой сѣверной природы. На мѣстѣ ихъ поселеній возникали русскіе починки, эти послѣдніе разрастались въ деревни, деревни въ города. А финны ютились въ лѣсахъ, выбирая для поселенія мѣста закрытыя, безопасныя, гдѣ-нибудь въ низинѣ, чтобы не привлечь на себя вниманія лихого русскаго человѣка. Всѣ почти поселенія пермяковъ лежатъ въ лощинахъ и котловинахъ.

Прочныхъ жилищъ себѣ пермяки сначала не строили, чтобы не жаль было бросать ихъ, когда подойдутъ русскіе и прогонять ихъ отсюда. Дома пермяковъ были сплочены изъ легкихъ жердочекъ, на манеръ шалаша. Многіе также рыли себѣ жилища въ землѣ, закрывая сверху прутьями и жердями. Пола въ такихъ землянкахъ не было, для сна на землю подстилали траву или сухіе березовые листья. Для сидѣнья употребляли чурбаны или корневича толстыхъ деревьевъ. О печахъ здѣсь не было и помину. Пещеры нагрѣвались просто при помощи «теплѣны», которая раскладывалась посрединѣ ямы; здѣсь же въ котелѣ варили и кушанье; горшки и ухваты только недавно стали входить въ употребленіе среди пермяковъ, — въ ихъ языкѣ нѣтъ даже словъ для обозначенія этихъ предметовъ. Дымъ выходилъ въ отверстіе, продѣланное вверху, это же отверстіе служило входною дверью въ ихъ нору. Къ нему приставленъ былъ вмѣсто лѣстницы стволъ дерева съ отрубленными наполовину сучьями. Землянки, въ противоположность шалашамъ, вырывались обыкновенно на высокомъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь на берегу рѣки, на пригорѣ среди лѣса, потому что, живя въ нихъ, пермякъ уже не рисковалъ ничѣмъ и не боялся быть замѣченнымъ русскими. Характеръ такихъ подземныхъ жилищъ сохранился у пермяковъ и теперь еще въ тѣхъ избушкахъ, какія устраиваются ими для лѣсованія (охота). Для этого они выкапываютъ небольшую яму, въ аршинъ глубиною и аршина три шириною и длиною, и надъ нею дѣлаютъ надстройку, шалашъ изъ прутьевъ и жердей. Здѣсь они складываютъ свою добычу, варятъ обѣдъ и ночуютъ при свѣтѣ

горящаго костра, разложеннаго по срединѣ шалаша. Остатки такихъ жилищъ сохранились по мѣстамъ и до сихъ поръ. Мнѣ самому приводилось видѣть ихъ по нагорному берегу рѣки Летьки, впадающей въ Вятку; но сколько я ни просилъ пермяковъ разрыть эти ямы, они не соглашались ни за какія деньги, считая это святотатствомъ. Пермякъ относится къ нимъ съ какимъ-то благоговѣйнымъ ужасомъ: и днемъ онъ боится подходить близко къ ямамъ, а ночью онъ готовъ сдѣлать пять верстъ лишнихъ, только бы не пройти мимо ихъ. Да чего же вы боитесь ихъ?—спрашивалъ я.—Такъ, отвѣтилъ мнѣ пермякъ неопредѣленно; и видно было, что онъ дѣйствительно боится ихъ «такъ», самъ не зная почему. Называются эти ямы у пермяковъ «чудскими». О происхожденіи ихъ пермяки передаютъ различно. Одни говорятъ, что въ ямахъ жили злые колдуны, выходившіе по ночамъ морочить добрыхъ людей; другіе утверждаютъ, что это—чортово игрище, что черти сюда собирались плясать, хоровады водили, но разъ, когда они собрались здѣсь въ самую страстную субботу, подъ свѣтлый день, Богъ разгнѣвался и послалъ на нихъ Илью съ громомъ, и всѣ бѣсовскіе хоровады провалились сквозь землю, и слѣдомъ ихъ беззаконнаго веселья на землѣ остались эти ямы. Третьи... разсказъ третьихъ такъ характеренъ, что я считаю нужнымъ привести его вполнѣ. «Давнымъ давно, — разсказываютъ пермяки, — когда еще въ здѣшнія мѣста начальство не заглядывало, жилъ здѣсь одинъ народъ, «чуда». Жили эти чуды какъ звѣри, въ лѣсахъ; а лѣса въ тѣ поры были не то, что нынѣшніе: ни проходу, ни проѣзду тогда чирея ихъ не было; о дорогахъ ужъ и толковать нечего: ходили только по солиду да по звѣздамъ. Чуды и жила въ здѣшнихъ мѣстахъ, промышляя звѣрьемъ: и питалась звѣрьемъ, и одѣвалась звѣрьемъ. Долго ли, коротки ли, только вотъ и пришелъ сюда Степа-угодникъ ¹⁾ и всѣхъ началъ крестить. А чуды не хотѣлось этого. Со Степой-угодникомъ пришли царскіе послуги и начали они чудю ту тѣснить всячески и принуждали въ воду идти. А тогда такъ было: коли кто окрестится, тотъ настоящимъ русакомъ дѣлается и долженъ платить царю оброкъ. Чудъ уперлась: не хотимъ-де креститься да царю оброки выплачивать. Кинулась она въ лѣса, убѣжать думала. Только царь послалъ народу еще того больше, и велѣлъ переловить ее всю и окрестить, и взять съ нея подати - оброки великіе. Видитъ чуды: дѣло плохо, не сдобровать ей; выкопала она эти ямы, залѣзла

¹⁾ Стефанъ Великопермскій.

туда да и зарылась въ нихъ, и все имущество съ собой взяла».

— Такъ вся чуда и погибла здѣсь, въ этихъ ямахъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, зачѣмъ вся... Много тоже ее въ лѣсъ убѣжало. Мы вотъ теперь отъ этой чуди и народились.

Кромѣ приведеннаго выше баснословнаго разсказа о переселеніи, это послѣднее сказаніе о чудскихъ ямахъ есть единственное историческое преданіе о прошломъ, сохранившееся въ памяти пермяковъ. Въ этомъ короткомъ сказаніи — вся жизнь пермяцкаго племени, всѣ главные моменты его историческаго прошлаго: и взаимное враждебное отношеніе пермяковъ и русскихъ властей, во время и послѣ завоеванія Біарми, и насилія, какимъ сопровождалось здѣсь введеніе христіанства.

Пермякъ вѣрить, что въ чудскихъ ямахъ скрыты великія богатства, клады. — Да откуда же тутъ клады? — спрашивалъ я. Пермяки объясняютъ, что чуди всѣ были большіе разбойники, цѣлыми ватагами нападали на деревни и города ¹⁾ и грабили, и потому денегъ у нихъ было видимо-невидимо.

Пермяки разсказываютъ, что многіе обогатились отъ этихъ кладовъ. Они вообще любятъ объяснять причину богатства найденнымъ кладомъ или другимъ чудомъ, и глубоко убѣждены, что отъ своихъ трудовъ не наживешь богатства.

Чудскихъ ямъ въ здѣшнемъ краѣ очень много. Они попадаются не только въ сѣверномъ уральскомъ полѣсѣ, но даже и въ олонекской губерніи ²⁾. Особенно часто встрѣчаются онѣ въ усть-сысольскомъ у., волог. губерніи. Назадъ тому 15—20 лѣтъ тамошніе крестьяне обратили на нихъ вниманіе вслѣдствіе того, что въ одной такой ямѣ случайно найденъ былъ цѣлый кувшинъ съ серебряными монетами. При раскопкахъ, произведенныхъ вслѣдъ за этимъ самими крестьянами, здѣсь найдено было много стариннаго оружія и вещей каменнаго и бронзоваго періода. Если не ошибаюсь, въ такихъ же чудскихъ ямахъ найдены были и кельты, доставленные Бару изъ вятской губерніи ³⁾. Къ слову замѣчу—и это замѣчаніе, кажется не будетъ здѣсь лишнимъ — что въ восточной Сибири, по предгорьямъ Станового хребта, и до сихъ норъ существуетъ жѣлѣзное орудіе, по формѣ своей очень напоминающее древніе кельты. Оно употребляется мѣстными жителями для выкапыванія саринны, которая тамъ

¹⁾ Намекъ на „разореніе“, какое чинили финскія племена русскимъ въ XIII—XV столѣтіи.

²⁾ Майновъ. Поѣздка въ Обонежье и Корелу. Зап. 1874, кн. V.

³⁾ См. его лекціи о „Древнѣйшихъ обитателяхъ Европы“.

идеть въ пищу. Вся разница между кельтами, найденными въ Западной Европѣ, и кельтами приуральскими и сибирскими заключается лишь въ томъ, что первые бронзовые, а вторые по большей части мѣдные. Замѣчательно, что чудскія ямы нивогда не встрѣчаются по одиночкѣ, а всегда группами въ 10—20 штукъ.

Въ моментъ перваго столкновенія пермяковъ съ русскими, у первыхъ было уже довольно прочное социальное устройство. Племя дѣлилось на роды, и каждый родъ управлялся особымъ начальникомъ, старшимъ въ родѣ. Старшій пользовался рѣшающимъ голосомъ на міру, всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ; ему принадлежало право домашняго жертвоприношенія, такъ что онъ въ одно и то же время былъ и начальникомъ, и картомъ (жрецомъ). Это уваженіе въ старшимъ осталось среди пермяковъ и до сихъ поръ. Современный пермякъ съ чрезвычайнымъ почтеніемъ относится къ старшимъ, слово родителя для него законъ. — Кромѣ этой мѣстной родовой власти у нихъ существовала еще власть общая всему племени, это былъ князь, номинальный начальникъ всего народа; онъ жилъ обыкновенно въ укрѣпленномъ городѣ. Какъ далеко простиралась его власть, неизвѣстно, но повидимому, она еще не успѣла сложиться въ опредѣленную форму и не имѣла въ народѣ твердой почвы. Можно думать, что князь завѣдывалъ только внѣшними дѣлами, а всѣми внутренними дѣлами заправляли старѣйшины-родоначальники. Но все это — одніѣ догадки, не имѣющія подъ собой фактической опоры. Исторія пермяковъ и вообще всѣхъ инородцевъ нашего полѣсья такъ бѣдна фактами и такъ мало разработана, что тутъ положительно бродить, какъ въ потмахъ. Власть князя была уничтожена московскимъ царемъ Иваномъ III, который прислалъ на его мѣсто своего намѣстника. Это было уже послѣднимъ ударомъ, въ концѣ доканавшимъ пермяцкую независимость. Прежде, при новгородцахъ, у нихъ была хоть тѣнь самостоятельности, теперь не стало и этого.

Можно думать, что у пермяковъ, равно какъ и у родичей ихъ, вотяковъ, существовала и письменность. Вотяки рассказываютъ, что у ихъ главнаго карта была книга закона, которую тотъ часто читалъ народу. Но разъ во время молитвы онъ неосторожно положилъ книгу на пенькъ; въ это время подошла корова и съѣла ее, принявъ, должно быть, за елокъ сѣна. Съ тѣхъ поръ и не стало книгъ у вотяковъ. Пермяки не имѣютъ объ этомъ никакихъ преданій, но за то въ ихъ языкѣ есть особенныя слова для выраженія понятій о чтеніи и письмѣ: гижнѣ — писать и лынднѣ — читать, что вѣроятно указываетъ на то, что пермяки

также имѣли когда-то письменность. Но откуда явилась эта письменность, существовала ли она у финновъ до переселенія ихъ изъ Азіи въ Европу или началась еще тамъ, на мѣстѣ ихъ первоначальнаго жительства?—все это вопросы крайне любопытные, но которые, кажется, никогда не будутъ рѣшены по отсутствію всякихъ положительныхъ данныхъ.

Какъ бы то ни было, но все это — и высокая, по тогдашнему времени, чудская культура, и начало государства — было сметено нашествіемъ русскихъ, безвозвратно погнѣло отъ меча и пожара; а сами финны были загнаны въ самыя глухія мѣста, въ родѣ, на примѣръ, болотистаго вюздинскаго края, съ крайне нездоровымъ климатомъ, куда въ продолженіе цѣлаго полугодя нѣтъ возможности пробраться ни конному, ни пѣшему. Пермьки естественно здѣсь крайне дичали.

Но память о свободѣ не сразу могла быть задушена даже и московскимъ царемъ, имѣвшимъ у себя въ распоряженіи регулярныя войска. Пермьки еще долго не могли успокоиться и глухо волновались. Пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, они мстили «русакамъ» за насиліе, дѣлали внезапныя набѣги на русскія поселенія, разоряли и сожигали ихъ, а жителей беспощадно избивали, такъ что когда знаменитый Аникій Строгоновъ завелъ солянныя варницы на сѣверѣ вятской земли, то принужденъ былъ построить здѣсь крѣпость Кай для защиты отъ пермяковъ, воти и татаръ (1558 г.). Смутное время самозванцевъ и пугачевскій бунтъ отзывались въ вятскомъ и пермскомъ краѣ всеобщимъ возстаніемъ инородцевъ, которые нещадно разоряли русскія поселенія. Сѣверная часть провинціи до конца XVIII вѣка оставалась неспокойною. Враждебное отношеніе инородцевъ къ русскимъ нѣсколько сгладилось только въ позднѣйшее время, а у нѣкоторыхъ племенъ оно осталось и до сихъ поръ. Въ этомъ не мало виновата дурная администрація края. Исторія Вятки за XVII и XVIII вѣка представляетъ сплошную лѣтопись вятчинчества и разныхъ злоупотребленій воеводъ и вообще всѣхъ мѣстныхъ властей. Воеводы и губернаторы смѣняются постоянно. Нѣсколько разъ увольняется весь штатъ чиновниковъ, чтобы уничтожить и искоренить этимъ вятки и плутовство, но на гниломъ мѣстѣ опять и опять вырастаетъ гнилое дерево... Народу приходилось совсѣмъ плохо отъ такихъ властей. Чиновники самовольно уничтожали выборное начало, хотя сама царская власть иногда благопріятствовала ему и старалась его поддерживать. Изъ указа царей Іоанна и Петра Алексѣевичей вятскому воеводѣ Петру Дорошенко, въ 1682 г., видно, что на Вяткѣ,

во всѣхъ пяти городахъ, уѣзды и волости находились въ запустѣніи, оттого, что тамъ самовольно «сидѣли подъячіе безъ мірскихъ выборовъ по подписнымъ челобитнымъ и по накупамъ, и чинили жителямъ налоги и стѣсненія, и отъ письма брали лишнія вятки, и разоряли въ конецъ». Народъ страдалъ, еще больше страдали невѣжественные и вполне беззащитные инородцы, и разумѣется, вражда ихъ къ начальству и вообще ко всѣмъ русскимъ ничуть не сглаживалась. Въ сношеніяхъ съ ними пермякъ всегда держалъ за пазухой камень, видя въ каждомъ «русаѣ» своего кровнаго врага. Введеніе христіанства ¹⁾ также мало способствовало сближенію съ русскими. Изъ пермяцкаго сказанія о чудскихъ амахъ мы уже видѣли, какимъ путемъ совершалось это крещеніе и съ какими чувствами пермяки шли къ купели. При такихъ условіяхъ христіанство естественно не могло быть примиряющимъ началомъ; напротивъ оно еще болѣе обострило взаимныя отношенія между двумя народностями, послужило новой причиной разлада между ними. — Непривязненное отношеніе къ русскимъ въ пермяѣ уничтожилось только въ позднѣйшее время, когда онъ присмотрѣлся и попривыкъ къ русскимъ. Сталиваясь на каждомъ шагѣ съ русскимъ крестьяниномъ, пермякъ увидалъ въ немъ птицу одного полета съ собою, увидалъ, что ихъ гнететъ и давитъ одна сила, что простой «русаѣ» радуется съ нимъ одними радостями, печалится одною печалію. Онъ пересталъ враждовать и примирился съ русскими. Но страхъ передъ мундиромъ и вообще всѣмъ, что носитъ на себѣ печать чиновничества, какой-то бессознательный и суевѣрный страхъ остался и до сихъ поръ. Пріѣздъ исправника, станового и т. под. пермякъ и теперь еще называетъ бѣдою. Онъ отречется отъ всего, отдастъ послѣднюю рубашку, только не водите его на судъ, къ чиновникамъ: это для него горше всего.

II.

Было время, когда пермяки считались сильнымъ и многочисленнымъ племенемъ, когда они занимали всю почти пермскую губ. и сѣверъ вятской; теперь ихъ насчитывается всего-на-все 60,000 человѣкъ. Изъ нихъ около 50,000 чел. живутъ въ пермской

¹⁾ Главная масса пермяковъ приняла христіанскую вѣру при св. Стефанѣ, епископѣ Великопермскомъ, въ половинѣ XV вѣка, вмѣстѣ съ родичами и сосѣдями своими вологодскими зырянami. Остальные крестились въ XVII и XVIII вѣкѣ.

губерніи, остальные въ вятской. Большая часть пермяковъ обрусѣла и смѣшалась съ русскими ¹⁾; сильнѣйшая народность поглотила слабѣйшую. Это сліяніе продолжается и донынѣ, и даже теперь въ большей степени, чѣмъ прежде. Особенно сильно обнаруживается фактъ обрусѣнія въ деревняхъ, заселенныхъ наполовину русскими, на половину пермяками. Пермяки перенимаютъ здѣсь всѣ русскіе обычаи и нравы, стараются подражать своимъ сосѣдямъ даже въ мелочахъ, говорятъ по-русски, роднятся съ ними, такъ что самый типъ ихъ измѣняется, переходя въ какую-то неуловимую середину между славянскимъ типомъ и финскимъ. Къ слову замѣчу, что близкія отношенія съ пермяками и однородность жизненныхъ условій не остаются безъ вліянія и на русскихъ и сильно отражаются на нихъ; и если есть факты обрусѣнія пермяковъ, то не мало, въ свою очередь, и фактовъ совершенно противоположнаго характера — опермачиванія русскихъ. Находясь въ близкихъ, а иногда и кровныхъ сношеніяхъ съ пермяками, русскіе въ иныхъ мѣстахъ совсѣмъ утратили свои племенные черты и приобрѣли типъ, болѣе приближающійся къ финской народности, чѣмъ къ славянской. Таковы, напр., воѣ почти жители восточныхъ волостей слободскаго уѣзд., харинской волости, глазовскаго у. и др. Мы находимъ у нихъ тоже хилое недоразвитое сложеніе, тотъ же низкій ростъ, очертаніе лица съ маленькими узкими, нѣсколько наклонными, глазами, и почти безъ всякихъ признаковъ усовъ и бороды; тотъ же неправильный угловатый черепъ съ жидкими русыми волосами; тотъ же лѣнивый апатичный взглядъ, вялую походку и медвѣжью неповоротливость. Въ такихъ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ типомъ невозможно различить, гдѣ кончается пермякъ и гдѣ начинается русскій. Взаимное воздѣйствіе двухъ народностей — русской и пермяцкой — проявляется даже на фамиліяхъ. Пермяки часто заимствуютъ ихъ у русскихъ, такъ что теперь рядомъ съ Гырдымовыми, Тугбаевыми, мы видимъ Сидоровыхъ, Петровыхъ, Вырпаевыхъ etc. Среди русскихъ, въ свою очередь, зачастую встрѣчаются фамиліи чисто пермяцкія.

Пермяки, да и вообще всѣ инородцы финскаго племени, въ городахъ жить не любятъ. Въ 1871 г. въ вятск. губ. всѣхъ инородцевъ (пермяковъ, вотяковъ и черемисъ) по городамъ жило только 91 чел., въ томъ числѣ пермяковъ 7 чел. муж. пола и

¹⁾ Одинъ изъ лучшихъ мѣстныхъ исследователей, г. Романовъ, полагаетъ, напр., что всѣ жители кайскаго края (18,000 чел.) есть ни больше ни меньше, какъ обрусѣвшіе пермяки. Кратк. очерки уѣздовъ вятск. губ. Вятка, 1878, стр. 100.

2 жен. Робкіе пермяки боятся человѣческаго общества и предпочитаютъ оставаться въ своей глуши; среди родимыхъ лѣсовъ.

Мы уже говорили, что пермякъ выбиралъ для поселенія какую-нибудь лошину, закрытую со всѣхъ сторонъ отъ глазъ посторонняго человѣка. Поэтому всѣ старинныя пермяцкія поселенія расположены обыкновенно гдѣ-нибудь въ котловинѣ, на низкомъ мѣстѣ, воокъ небольшой рѣчки или ручейка. Новыя же поселенія, всѣ почины и деревнюшки, возникшіе въ недавнее сравнительно время, располагаются напротивъ на возвышенныхъ мѣстахъ. Пермякъ заботится теперь не о безопасности, а объ удобствѣ и красотѣ. Недостатокъ хорошихъ мѣстъ для обработки земли принуждалъ пермяковъ селиться лѣсными починками, дома въ 2—3; этимъ и объясняется разбросанность пермяцкихъ поселеній. Впрочемъ, у пермяковъ вообще замѣчается тенденція селиться небольшими починками; они не любятъ большихъ деревень и бѣгутъ изъ нихъ. Только послѣднее крутое время нѣсколько посократило ихъ, такъ какъ теперь нельзя уже безнаказанно селиться на казенныхъ лѣсныхъ земляхъ по волѣ своей, гдѣ кому угодно, а сельскія общества неохотно даютъ свои приговоры на заселеніе подушной земли. Кромѣ того и большія дороги, и скотопрогонныя тракты явились здѣсь централизующимъ началомъ. Пермяки стали собираться около нихъ, образуя иногда очень большія деревни. При вѣздѣ въ пермяцкую деревню васъ прежде всего поражаетъ невообразимая грязь и безалаберность построекъ. О порядкѣ и симметріи здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Строенія безпорядочно нагромождены тутъ и тамъ. Одна изба стоитъ задомъ на передъ, другая выпятила свой уголъ на улицу, третья стоитъ бокомъ къ проходящей мимо дорогѣ, четвертая отошла назадъ, на гумно, пятая выступила впередъ. Не знаешь, гдѣ улица, гдѣ дорога. Такъ построены всѣ старинныя и удаленныя отъ большой дороги деревни пермяковъ. Къ нимъ вполне примѣнима пословица о трехъ дворахъ и семи улицахъ. Пермяку не изъ-за чего было тѣсниться, земли передъ нимъ было вдоволь, расчищай и занимай ее, сколько хочешь. И онъ дѣйствительно, не тѣснился, тѣмъ болѣе, что ему хотѣлось имѣть подъ руками всѣ хозяйственныя постройки. Онъ становился какъ можно дальше отъ своего сосѣда и безпорядочно громоздилъ эти постройки вокругъ своего дома и спереди, и сзади, не заботясь о расположеніи улицъ. Только въ позднѣйшее время, когда начальство строго стало слѣдить за правильностью построекъ, деревни стали выравниваться, особенно тѣ, которыя лежатъ на большой проѣзжей дорогѣ. Поселенія лѣсныя, куда ни-

какое начальство не рискнетъ забраться, строится по прежнему, какъ Богъ на думу положитъ.

Изобиліе лѣса даетъ пермяку возможность строить просторныя и высокія избы и крыть ихъ не соломой, какъ у русскихъ, а дранью или тесомъ. Архитектура пермяцкихъ домовъ довольно своеобразна. Обыкновенно домъ пермяка двумя капитальными продольными стѣнами раздѣляется на 3 части: жилую избу, промѣть и кѣтъ. Избы всѣ почти курныя. Оконъ всего четыре; три на улицу и одно во дворъ. Среднее окно обыкновенно большое, косищатое, аршина 1¹/₂ въ вышину и аршинъ въ ширину; другія три — маленькія, волоковыя. Оплюшь и рядомъ, вмѣсто стеколъ, въ окна вставленъ пузырь или пропитанная масломъ бумага. Въ пермской губ. попадаются и слюдяныя «окоштинны». Свѣта такія окна даютъ мало, такъ что въ избѣ постоянны сумерки; закопченныя стѣны и потолокъ еще болѣе увеличиваютъ мрачность избы. Надъ вѣвомъ отъ входа обыкновенно помѣщается большая печь, битая изъ глины ¹⁾ и по большей части безъ трубы; для дыма прорубается надъ печью въ стѣнѣ окошко, которое открывается во время топки и послѣ опять замыкается деревяннымъ ставнемъ; иногда это окошко продѣлывается и въ потолокъ, надъ челомъ печи. Порой встрѣчается и дымоволокъ — большая труба изъ липовой коры, которая во время топки вставляется въ отверстіе въ потолокъ. Вдоль стѣнъ стоятъ лавки, въ переднемъ углу — незамысловатый, топорной работы, столъ собственнаго издѣлія; на столѣ — неизбѣжный жбанъ съ квасомъ и хлѣбъ, завернутый въ грязнѣйшую скатерть. Около печи непременно судница для посуды, которая ежеминутно можетъ понадобиться страпухѣ; тутъ же хранятся ложки, ножи, чайная посуда, у кого она есть, и наконецъ, неизбѣжный котелокъ, который сопровождаетъ пермяка всюду — и на охоту, и на полевныя работы, и на сѣнокосъ. Мало того, даже и дома пермякъ предпочитаетъ его всякому горшку и варить въ немъ почти всѣ жидкія кушанья. Стульевъ и свамеевъ въ избѣ нѣтъ; ихъ роль исполняютъ толстыя деревянные обрубки (джекы), а по большей части и ихъ не бываетъ, такъ что нѣкоторымъ членамъ семьи приходится обѣдать стоя. Въ каждой избѣ непосредственно есть палаты. Они очень высоки, такъ что средній человѣкъ смѣло можетъ стать на нихъ во весь свой ростъ. Здѣсь семейство живетъ всю зиму, такъ какъ на полу бываетъ холодно; тамъ

¹⁾ Битыя печи (чуvalы), если не ошибаюсь, преобладаютъ у всѣхъ инородцевъ; онѣ есть и у вотяковъ, и у черемисъ, оставковъ и т. п.

иногда даже и обьдають, перенеся для этого столъ снизу. На палатахъ пермяки спать зимой и лѣтомъ; на полъ ложиться не любятъ. Ни подушекъ, ни войлоковъ пермякъ не знаетъ, о перинахъ и не слыхивалъ. Спать онъ по-спартански, на голыхъ доскахъ, подложивъ подъ голову шабуръ и укрывшись полушубкомъ.

Грязь на полу, на лавкахъ, на палатахъ и вездѣ вообще непролазная, потому что пермяки неопратны, убирають и метутъ избу очень рѣдко, а. моють только одинъ разъ въ годъ, на Илью пророка. Зимой на ночь они нерѣдко впускають въ избу всѣхъ домашнихъ животныхъ, какъ напримѣръ: телятъ, овецъ и т. п., а днемъ кормятъ здѣсь коровъ. Послѣ этого полъ не подмывается; хозяйка ограничивается только тѣмъ, что соскребиваетъ пометь вояремъ и выбрасываетъ его на дворъ. Грязная лохань стоитъ въ избѣ по цѣлымъ днямъ не вынесенной... Мефитическія испаренія производятъ въ избѣ невыносимую вонь. Вечеромъ ко всему этому присоединяется еще смрадъ отъ лучины, которая составляетъ единственное освѣщеніе пермяковъ. Цѣлыя міриады пукачей (таракановъ) и клоповъ гуляютъ по избѣ, не возбуждая ни въ комъ ни малѣйшаго вниманія. Они попадаютъ въ кушанье, въ хлѣбъ, въ квась, и пермякъ нисколько не брезгаетъ этимъ; замѣтитъ въ хлѣбѣ запеченнаго таракана, выковыряетъ его пальцемъ и продолжаетъ ѣсть съ прежнимъ аппетитомъ. Въ каждой избѣ непременно виситъ люлька, а иногда и двѣ, такъ какъ пермяки по большей части живутъ большими семьями, а жены ихъ вообще очень плодучи. Устройство люльки очень оригинально. Она дѣлается изъ выгнутого луба и сверху, когда ребенокъ спитъ, перекрещивается веревкою, такъ что дитя никакъ не можетъ вывалиться оттуда, если бы даже захотѣло это сдѣлать. Колыбель для него превращается въ клетку...

Рядомъ съ жилой избой находится пролетъ—маленькая узенькая глухая комнатка. Она отдѣлена и отъ избы, и отъ клѣти капитальными стѣнами. Здѣсь хранится посуда и различные хозяйственные продукты, въ родѣ муки, крупы, масла и даже молока, такъ какъ погребъ здѣсь не въ употребленіи. Эта комната находится въ исключительномъ вѣдѣніи женщинъ; мужчины никогда не ходятъ туда, а если хозяину нужно взять что-нибудь изъ пролета, онъ посылаетъ туда «бабу».

Клѣтъ дѣлается не для гостей, какъ у русскихъ, а специально приноврелена для храненія «лепоти» ¹⁾ и разнаго другого иму-

¹⁾ Такъ называютъ пермяки бѣлье и вообще всякую одежду.

щества, какъ-то: хомутовъ, дугъ, рыболовныхъ снастей и т. п. Вслѣдствіе этого оконъ въ ней нѣтъ, а вмѣсто нихъ прорублено одно маленькое отверстіе, вершка въ 3 длиною и столько же шириною. Эти отверстія иногда бывають задѣланы двумя желѣзными полосками, положенными крестъ-на-крестъ. Печки въ клѣти, разумѣется, тоже нѣтъ.

Дворъ обнесенъ бревенчатымъ заборомъ, по большей части не крытый; грязь на немъ всегда невообразимая, такъ что скотъ иногда стоитъ въ ней по колѣно и потому часто болѣетъ. Пермякъ рѣдко подстилаетъ на дворъ солому, сберегая ее на зиму для корма скота.

На дворѣ, гдѣ-нибудь въ углу, въ куточкѣ, сложены соха и борова; тутъ же стоитъ и телѣга-двухколеска, употребляемая здѣсь только для возки сноповъ и навозу. Телѣгъ четырехколесныхъ пермякъ вовсе не знаетъ; онѣ составляютъ здѣсь рѣдкость, роскошь, доступную только богатымъ. Когда въ какой-нибудь отдаленный глухой починокъ случайно заѣдетъ русакъ на такой телѣгѣ, то ребятишки сбѣгаются смотрѣть на нее, какъ на чудо заморское. Кромѣ двухколесныхъ телѣгъ, никакихъ другихъ лѣтнихъ экипажей нѣтъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, говорятъ, не было и этого; снопы и навозъ возили на саниахъ, на нихъ же отвозили и мертвыхъ на погостъ; отсюда и пошелъ обычай отвозить покойниковъ въ церковь непременно на саниахъ—будетъ ли то лѣтомъ или зимою, все равно—обычай, имѣющій широкое распространеніе среди пермяковъ. Въ Карсвайской вол., глаз. у., навозъ вывозятъ и до сихъ поръ просто на лубкахъ, тамъ и сани еще не успѣли войти въ употребленіе.

Позади дома на дворѣ, расположено многое множество разныхъ построекъ. Пермякъ вообще любитъ строиться; это—его страсть,—должно быть за неизмѣнимъ чего-нибудь лучшаго, на что бы онъ могъ обратить свою любовь. Пермякъ называетъ себя бѣднымъ, несчастнымъ, если у него, по крайней мѣрѣ, половина двора не загромождена разными клѣтушками, сарайчиками, соломяниками, сѣнниками и т. п. И нужно ему отдать справедливость, онъ достигъ извѣстной степени совершенства въ архитектурѣ своихъ построекъ: онѣ прочно сложены и довольно красивы на видъ. Русскіе, живущіе рядомъ съ пермяками, иногда въ однихъ и тѣхъ же физическихъ условіяхъ, держатся совершенно противоположныхъ воззрѣній. У нихъ, не смотря на обиліе лѣса подъ рукою, новыя избы строятся весьма туго, только въ въ крайнихъ случаяхъ, и не отличаются ни красотой, ни прочностью и во всемъ уступаютъ пермяцкимъ.—Надворныя строенія

у пермяков дѣлаются обыкновенно въ два этажа; въ верхнемъ устраиваются сараюшки для сѣна и соломы, въ нижнемъ—помѣщенія для скота; въ зимнее время, когда стоятъ страшные холода, доходящіе здѣсь порою до 40°, сюда загоняютъ скотъ, потому что на некрытомъ дворѣ онъ можетъ переизбавиться. Въ домахъ старинной постройки для этой цѣли существуютъ особые приспособленія. Такіе дома устроены въ два яруса, трудно сказать—этажа. Въ верхнемъ помѣщается изба и клѣтъ, нижній, совершенно темный, безъ оконъ и безъ пола, специально предназначенъ для скота. Называется онъ подполицей или подъизбицей.

Амбаровъ для хлѣба здѣсь нѣтъ, потому что пермяки предпочитаютъ хранить хлѣбъ немолоченнымъ, въ копнахъ или, какъ ихъ здѣсь называютъ, сѣромахъ. У много зажиточнаго пермяка такіе сѣромы стоятъ по три, по четыре года; рѣдко, впрочемъ, это бываетъ, потому что такихъ богачей въ средѣ пермяковъ не много.—Овины здѣсь рѣдки; они стали вводиться только очень недавно. Пермяки молотятъ свой хлѣбъ по большей части «сыромолотомъ».

Въ одеждѣ пермяка преобладаетъ холстина и сукно, исключительно домашняго приготовленія: онъ не любитъ покупать что бы то ни было и старается обойтись своими домашними средствами. У 90%, пермяковъ вы не встрѣтите въ домѣ ни одного покупного клочка. Костюмъ незатѣйливъ и напоминаетъ до нѣкоторой степени одежду русскаго крестьянина. Мужчины носятъ пестрядинныя рубашки-косоворотки (пордѣсь) и синіе штаны (гачъ) изъ толстой и грубой пеньковой ткани. Воротъ и прорѣзь рубашки иногда обшиваются красной каёмкой. Въ праздники пермяки любятъ наряжаться въ ярко-красныя плюсовые рубашки; красный цвѣтъ, замѣчу мимоходомъ, есть любимый цвѣтъ. На рубашкѣ пермякъ носитъ ременный поясъ (юкость) съ пришитой къ нему бивой—нѣчто въ родѣ маленькаго патронташа¹⁾. Поясъ этотъ надѣвается на мальчика съ 7—8 лѣтъ, т.-е. съ того времени, когда онъ начинаетъ работать и пособлять отцу въ хозяйствѣ; и съ той минуты пермякъ съ нимъ никогда не разстается и уноситъ даже съ собой въ могилу. Кушаки покупные встрѣчаются рѣдко, развѣ у богатыхъ, да и то надѣваются только по праздникамъ. Въ послѣднее время стало входить въ обычай, что-

¹⁾ Слово бива происходитъ отъ пермцаго *би*, что значитъ огонь. Прежде въ бивѣ они носили кремь и огниво, чтобы постоянно имѣть огонь подъ руками. Теперь въ бивѣ носятъ спички, мелкія деньги, пуговицы, иглы etc.

бы женихъ шелъ подъ вѣнецъ непременно въ красномъ кушагѣ (изъ коломенки).—Лѣтомъ пермякъ ходитъ въ одной рубашкѣ или надѣваетъ поверхъ ея бѣлый холщевый шабуръ, сшитый на манеръ русскаго аяма, только нѣсколько повороче его и безъ воротника, съ четырехъ-угольнымъ вырѣзомъ для шеи. Зимой же и осенью пермякъ носитъ нагольную шубу (пашь), а сверхъ ея надѣваетъ опять-таки тотъ же шабуръ. Аямы, зипуны и сукманы изъ толстаго сермяжнаго сукна, какіе въ ходу у сосѣдей русскихъ, не получили еще здѣсь окончательнаго права гражданства и появляются только изрѣдка на плечахъ зажиточныхъ пермяковъ. Въ чердынскомъ краѣ пермяки, напротивъ, зимою мало носятъ полушубки, а удовлетворяются по большей части однимъ дукасомъ (зипунъ), накинувъ на него неизмѣнный шабуръ. Полушубокъ и аямъ подпоясываются широкимъ кожанымъ поясомъ (тасма), съ приделанною къ нему слѣва желѣзной скобою (черговьянъ) для топора, а справа кожаными ножнами (пуртесъ) для охотничьяго ножа. На головѣ и зимою, и лѣтомъ пермяки носятъ шапку изъ домашнихъ овчинъ. Впрочемъ, богачи лѣтомъ замѣняютъ ее классическимъ грешневикомъ, который и здѣсь наконецъ начинаетъ входить въ моду. Въ пермской губ. очень распространенъ малахай или чебакъ—высокая шапка съ наушниками, а также треухъ—шапка, съ овчиною внутри и матеріей снаружи. Рукавицы у пермяковъ двухъ родовъ: рабочія и для поѣздокъ. Первые (кэпижъ) и есть собственно рукавицы съ варежками, какъ у русскихъ; вторыя называются кушаницами, онѣ съ длинной пушистой шерстью, вывороченной наружу, и служатъ пермякамъ вмѣсто муфтъ; въ сильные морозы пермяки закрываютъ ими лицо. Обувь состоитъ изъ лаптей (кэмыасъ), причемъ зимою ноги обертываются нѣсколько разъ черными шерстяными онучами, а лѣтомъ простой небѣленой холстиной, портянками (намыдъ). Крестьяне зажиточные имѣютъ иногда кожаные сапоги (сапогыасъ), которые носятъ только по праздникамъ.

Относительно одежды женщина оказывается консервативнѣе мужчины; въ костюмѣ ея сохранилось больше оригинальности и самобытности. Снизу надѣвается бѣлая холщевая или пеньковая рубаха (порома), воротъ и рукава ея вышиваются обыкновенно красной и синей пряжей; рисунокъ вышивки очень затѣливъ и требуетъ для своего исполненія большой сноровки и терпѣнія. Порой рукава рубахи украшаются сборочками и складочками, а на плечахъ вшивается алый кумачъ, или и они также украшаются узорами изъ красныхъ нитокъ. Поверхъ рубашки надѣвается крашенинный сарафанъ (дубасъ, синюха) изъ поскон-

ней ткани, выкрашенной въ кубовую синюю краску. Съ вѣкотораго времени стали входить въ моду и ситцевые фартуки, но платье еще нигдѣ не видно. Шубы женскія крыты всегда крашенной, а у богатыхъ — синей китайкою. На ноги женщины надѣваютъ или лапти, или кожаные боты (ботомысь), чапчуры, какъ называютъ ихъ здѣшніе русаки. Башмакъ, т.-е. башмаки, пермячка знаетъ только по одному названію. На Чердыни, кромѣ лаптей, женщины носятъ еще «чарки», родъ башмаковъ съ суконной опушкою. Женскія лапти плетутся изъ тонкихъ лыкъ и расшиваются иногда очень красиво красными нитками. — Головной уборъ пермячекъ составляетъ предметъ ихъ гордости и постоянныхъ заботъ. У замужней женщины онъ состоитъ изъ сороки: это — лентка изъ грубаго толстаго холста съ широкой лопастью назадъ, закрывающею весь затылокъ. Спереди она старательно расшита разноцвѣтными бумажными, а иногда и шерстяными нитками. На лбу симметрично расположены красные и синіе четверугольники, треугольники и др. фигуры. Задняя часть обыкновенно покрыта ситцемъ, а концы обиты красной бахромой, ссученной изъ красныхъ нитокъ руками самой же пермячки. Снизу сороки надѣвается повой — сѣтка изъ суровыхъ поскомныхъ нитокъ, сплетенная на манеръ рыболовныхъ сѣтей. Подъ повоемъ лежитъ шамшур — маленькая китайчатая или крашенная шапочка; она едва прикрываетъ шмакъ ¹⁾ на головѣ. Каждая дѣвушка должна приготовить себѣ въ свадьбу непременно двѣ сороки, три повоя и двѣ шамшуры. Поверхъ сороки надѣвается обыкновенно платокъ (чиньянь), — пестрядный или ситцевый, смотря по состоянію.

Дѣвушка отличается отъ замужней женщины только по своему головному убору. Она заплетаетъ свои волосы въ одну косу и носитъ на головѣ повязку, украшенную бисеромъ (коловедетъ). Въ пермской губерніи дѣвушки ходятъ просто закрытыя фатой. Каждая дѣвушка, кромѣ того, непременно носитъ оловянные серьги и стеклянные бусы (мольастъ); мѣдные и оловянные кольца составляютъ также одно изъ любимыхъ украшеній пермячекъ.

Коловадець дѣвушки — лучшая и красивѣйшая часть костюма пермячки, можетъ быть потому, что никогда не требуетъ стирки, вѣчно оставаясь бѣлымъ, такъ какъ сплошь унизанъ бисеромъ. Издали онъ кажется вѣнкомъ изъ бѣлыхъ полевыхъ цвѣточковъ и придаетъ лицу пермячки благородное выраженіе

¹⁾ Такъ называется пучекъ волосъ на самой макушкѣ головы.

невинности и простоты. Вообще же одежда пермяковъ—и женщинъ и мужчинъ—непріятно поражаетъ своею неопрятностью и нечистотой. Пермячка мало заботится о своемъ платьѣ и очень рѣдко моетъ и чиститъ его. Даже самыя лучшія праздничныя пельномы-коромы (вышитыя рубашки) и снѣюхи ея загрязнены и засалены, до крайности. Тѣмъ же достоинствомъ отличается и одежда мужчинъ, на которую порой бываетъ просто страшно, взглянуть до того она пропитается саломъ, кровью и грязью.

Въ пищу пермякъ неприхотливъ и неразборчивъ: «навозъ жреть», презрительно отзываясь о немъ русский. Главной пищею служить ячменный или овсяный хлѣбъ изъ несѣянной муки, такъ называемый ярушникъ. Ржаной хлѣбъ—здѣсь рѣдкое явленіе; у большинства пермяковъ онъ появляется на столѣ только въ праздники и воскресные дни. Во время голодовокъ, которыя не составляютъ среди пермяковъ рѣдкаго явленія, ячменный хлѣбъ замѣняется пихтовой корой. Для этого кору мелко-на-мелко толкутъ въ ступахъ; полученную «муку» смѣшиваютъ съ отрубями или ячной мукой и готовятъ изъ этой смѣси лепешки, твердыя какъ камень и какъ камень же невкусныя и непитательныя. Говорятъ, что отъ этой пищи сильно пухнутъ ноги; я самъ, впрочемъ, не видалъ и не ручаюсь за достовѣрность этого. Кромѣ пихтовой коры, суррогатомъ хлѣба во время неурожаевъ служитъ черемха (*pinus radus*). Здѣсь ея чрезвычайно много; поймы рѣчныя сплошь залиты кустами этого растенія. Конечно, въ другихъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества, ея можетъ быть, еще гораздо больше, но нигдѣ, я думаю, она такъ не утилизована, какъ здѣсь. Нужда, говорятъ, мать изобрѣтательности. Голодный пермякъ долго думалъ, чѣмъ бы ему набить пустой желудокъ; наконецъ и выдумалъ: нарвалъ ягодъ этой самой черемхи, высушилъ, смололъ на ручномъ жерновѣ и получила у него костяная мука; муку эту онъ смѣшалъ съ ячной и сталъ изъ этой смѣси хлѣбы печь... Я разъ было-попробовалъ этого хлѣба и на цѣлую недѣлю разстроилъ себѣ желудокъ.

— Непривыченъ ты,—утѣшалъ меня пермякъ-хозяинъ, у котораго я нанималъ квартиру.—Непривыченъ... погоди, какъ пооботрешься—станешь ѣсть. Сладко вѣдь, не въ примѣръ лучше овсянника, особливо такъ тотъ засохнетъ.

Старикъ нѣкоторые помнятъ, что какъ-то разъ, во время голодухи, пермяки пятались мохомъ, паренымъ сѣномъ и конопляной избоиной. О послѣдней они говорили: «горько и невкусно; въ брюхѣ словно камень, а все будто голоденъ».

Пермяцкое питаніе незатѣливо и неприхотливо. Часовъ въ

5—6 утра, какъ только встають съ постели, они завтракають хлѣбомъ и кислымъ молокомъ (шомайель). Въ 11 часовъ утра обѣдъ. Здѣсь прежде всего подается шидъ, щи. Во щахъ этихъ нѣтъ и признака капусты, такъ какъ въ здѣшнихъ мѣстахъ она совсѣмъ не родится и цѣнится чуть ли не на вѣсъ золота. Шидъ—это просто горячая вода, приправленная кислымъ молокомъ и овсяной мукой, а въ постные дни—коноплянымъ сокомъ; въ великомъ постѣ шидъ варится изъ рѣпы. По праздникамъ во щахъ варятъ пившу, вонючую и невозможную на вкусъ рыбу, привозимую сюда изъ архангельской губерніи; мясо пермязъ средней руки ѣсть не болѣе десяти разъ въ годъ. Весною шидъ готовится изъ ягеля (путьки), съ прибавленіемъ того же кислаго молока.—За шидомъ, «на загладку», слѣдуетъ холодное кислое молоко съ ярушникомъ, а въ праздничные дни, кромѣ того, еще ячная каша—размазня, сваренная на водѣ. Молоко прѣсное пермзянами въ пищу не употребляется; они ѣдятъ молоко кислое, упомянутый шомайель. Для этого прѣсное молоко заквашивается въ особыхъ кадкахъ, и чѣмъ дольше стоитъ оно, тѣмъ считается лучше. Вполнѣ заквашенное, «хорошее» молоко получается только тогда, когда оно простоятъ въ тепломъ мѣстѣ недѣли 3—4 и совсѣмъ перебродитъ. При этомъ оно получаетъ зеленоватый отбѣнокъ, цвѣтъ плѣсени, и разлагается на свои составные элементы: бѣлковина и жиръ свертываются комками, а водянистыя части отдѣляются въ видѣ сыворотки. Молоко получаетъ острый специфическій запахъ, очень напоминающій запахъ лимбургскаго сыра, до котораго очень падли гг. гастрономы, извратившіе свой вкусъ разными изысканными блюдами. Вкусъ такого молока кисло-горькій. Въ немъ зачастую заводятся отвратительные бѣловатые черви. Одинъ видъ этого молока приводитъ свѣжаго человѣка въ содроганіе и ужасъ, но пермязи находятъ, что оно очень хорошо и вкусно, и съ большой охотой ѣдятъ его. Масло коровье никогда на столъ не подается; оно все уходитъ на продажу. Кашу ѣдятъ съ коноплянымъ или льнянымъ масломъ.—Часа въ 2—3 по полудни пермязи полдничаютъ остатками обѣда, и вечеромъ, ложась спать, ужинають,—опять кислымъ молокомъ и хлѣбомъ.

По праздникамъ иногда пекутъ пироги (чериньянъ) съ начинкою изъ пикши. Въ это время положительно боязно входить въ избу пермяза: какъ только вы отворите дверь,—васъ обдастъ такимъ смраднымъ, невыразимо-ѣдкимъ запахомъ разлагающагося трупа, что вы невольно отшатнетесь; это значитъ пермязка готовить пироги изъ пикши. Нерѣдко также пекутъ шаньги—

ватушки изъ картофеля и ячной муки. О гречневой кашѣ пермяки не имѣютъ никакого понятія, такъ какъ гречиха совсѣмъ не родится на здѣшней болотистой и сырой почвѣ. За то здѣсь въ большомъ ходу овесъ; изъ него готовятъ муку, крупу и толокно. Последнее вмѣстѣ съ рѣдькой и рѣпой служитъ единственной пищей во время великаго поста. Говорятъ, что ирландцы дошли до такого искусства, что готовятъ изъ картофеля до 60 отдѣльныхъ кушаньевъ; пермяки съ своей рѣпой нисколько ему не уступятъ. Онъ и варить ее, и жарить, и варить, и печь; ѣсть ее и просто, и съ квасомъ, и съ водой, и съ коноплянымъ сокомъ, и съ толокномъ. Картофель здѣсь сталъ входить въ употребленіе очень недавно, всего 10 — 15 лѣтъ тому назадъ; садятъ его очень немногіе, да и то не на поляхъ, а въ огородахъ, вмѣстѣ съ лукомъ и рѣдькой, единственными огородными овощами пермяковъ.

Мясо, какъ я уже замѣтилъ, пермяки ѣдятъ рѣдко; зайцевъ и пѣтуховъ не ѣдятъ совсѣмъ: «погано». Основаніе этого страннаго взгляда теряется въ глубокой древности. По всей вѣроятности, прежде, въ языческія времена, зайцы и пѣтухи были жертвенными животными, почему и составляли табу для простого смертнаго. На эту мысль наводитъ то обстоятельство, что животные эти и теперь еще играютъ роль въ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ пермяковъ; такъ пѣтухъ и до сихъ поръ приносится въ жертву (см. ниже), а невмѣланныя зайчьи шкурки зачастую служатъ мѣстнымъ колдунамъ при ихъ гаданіяхъ.

Изъ напитковъ, кромѣ воды, пермяки употребляютъ квасъ и спиртуозную овсяную брагу; квасъ (слюкасъ) въ большинствѣ случаевъ готовится изъ рѣпы; для вкуса иногда прибавляется въ этому нѣсколько отрубей. Квасъ этотъ мало чѣмъ отличается отъ воды; цвѣтъ его — мутновато-желтый. До браги (суръ) пермяки большіе охотники и варятъ ее очень часто; при чемъ кладутъ въ нее достаточное количество хмѣля. Можно сказать, что нисколько вотякъ любитъ свою кумышку, настолько же пермякъ уважаетъ свой суръ. Онъ готовится не просто, а съ различными обрядами и наговорами, которые должна знать каждая хозяйка. — Чаю пермяки совсѣмъ не употребляютъ; самовары здѣсь крайне рѣдки.

III.

Между всеми пермяками, по наружности, замѣчается чрезвычайное сходство; все они на одинъ покровъ, такъ что одного трудно отличить отъ другого. Съ виду они сухіе, тощіе, съ какимъ-то грязно-желтымъ цвѣтомъ кожи. Узкія плечи, тонкая и короткая шея, плоская, недоразвитая грудь, кривыя, короткія ноги — все это указываетъ на слабость и хилость сложенія. Голова небольшая, угловатая; бѣлокурые жидкіе волосы острижены по-русски въ кружокъ, падаютъ на лобъ, совершенно закрывая его, никогда не выются и не сдѣются. Между 20—22 годами появляется у пермяка маленькая рѣдкая борода; у многихъ ея и совсѣмъ не бываетъ. Глаза узкіе, подслѣповатые, по большей части голубые, какъ и у всѣхъ народовъ финскаго племени. Подслѣповатость ихъ зависитъ отъ золотушнаго сложенія пермяковъ и отъ курныхъ, чадныхъ избъ, въ которыхъ они живутъ. Глаза расположены не на горизонтальной линіи, а нѣсколько наклонно, лежатъ глубоко; выраженія въ нихъ нѣтъ никакого, они вялы и безжизненны. Вадернутый носъ и вздры, нѣсколько вывороченныя наружу, придаютъ пермяку свирѣпый и заносчивый видъ, хотя на самомъ дѣлѣ едва ли въ мірѣ найдется такая овца, которая была бы такъ же смирна и кротка, какъ современный пермякъ. Скулы у многихъ сильно выдаются. Щеки осунувшіяся, безжизненные, румянца на нихъ нѣтъ и слѣда; губы тонкія и сжаты. Женщины совсѣмъ почти лишены бровей. Вообще говоря, фizioномія пермяка не привлекательна; въ ней не замѣчается ни красоты, ни живости. Походка его вполне соответствуетъ фizioноміи: пермякъ ходитъ мѣшкотно, неуклюже, по-медвѣжьи, и при этомъ не размахиваетъ руками, что всегда показываетъ или тупую, или сосредоточенную, флегматичную натуру.

Ростомъ пермяки не щеголяютъ; они, по крайней мѣрѣ, на $1\frac{1}{2}$ вершка ниже того средняго типа, какой мы привыкли встрѣчать въ Великороссіи. Точно также они не обладаютъ особенной физической силой. Прежде когда-то пермяки были рослыми и сильными народомъ, но постоянное сопряженіе съ русскими подѣйствовало на нихъ такъ же, какъ и столкновеніе съ европейцами на индійцевъ Америки. Русскіе занесли къ нимъ разныя болѣзни, въ родѣ сифилиса, въ корень подтачивающія здоровье пермяковъ; привили къ нимъ, пьянство, воровство, о которыхъ пермяки ранѣе и не слыхивали. Племя это быстрыми

шагами идетъ къ вырожденію, и можно съ увѣренностью сказать, что ему уже не долго существовать на бѣломъ свѣтѣ, что оно уже доживаетъ свои послѣднія минуты. «Народъ тамъ муха, — говорятъ русскіе про пермяковъ. — Свѣтлаго народу тамъ нѣтъ, изродился». По собственному сознанію, пермяковъ они стали больно жидки. И дѣйствительно, жидки. Рѣдкій изъ нихъ доживаетъ до 50 лѣтъ. Къ 35 годамъ женщина терлеть уже способность дѣторожденія. — Среди всеобщаго разложенія сохранились только тѣ семьи, которыя живутъ въ лѣсныхъ починкахъ, вдали отъ большой дороги, городовъ и русскихъ поселеній. Чистота крови спасла ихъ отъ вырожденія. Паули въ своемъ сочиненіи: «*Les peuples de la Russie*» приводитъ примѣръ силы и долговѣчности одной такой пермяцкой семьи. Одинъ изъ членовъ этой семьи легко и свободно поднималъ тѣлѣгу, нагруженную 25 пуд. муки. Этотъ богатырь прожилъ 115 лѣтъ, а отецъ его 112. Но такихъ нетронутыхъ семействъ теперь очень мало; они сохраняются какимъ-то чудомъ.

Языкъ пермяковъ крайне бѣденъ и неблагозвученъ, частое повтореніе звуковъ *ы* и *э* непріятно дѣйствуетъ на слухъ. Въ разговорѣ пермяковъ вы постоянно слышите русскія слова; они-то отчасти и восполняютъ скудость ихъ собственнаго языка. Разумѣется, слова эти передѣлываются пермяками на свой ладъ; такъ, напр., къ русскимъ глаголамъ они присоединяютъ пермяцкое окончаніе — *нэ*, *гоститнэ*, *воровайтнэ* и т. д.; къ именамъ для обозначенія множественнаго числа прибавляютъ окончаніе *ясэ*, *чулокъясэ*, *лампайясэ* и т. п. Словъ для выраженія отвлеченныхъ понятій у пермяковъ совсѣмъ нѣтъ. Въ шестидесятыхъ годахъ былъ изданъ «Опытъ грамматики пермяцкаго языка» (Рогова); къ сожалѣнію, не смотря на всѣ мои старанія, я никакъ не могъ достать его. — Говоритъ пермякъ какъ-то лѣниво, вяло, немножко нараспѣвъ, безъ всякихъ повышеній и пониженій въ голосъ и при томъ никогда не жестикულიруетъ, если не считать постоянного почесыванья. — Письменности у нихъ нѣтъ. Пѣсни они поютъ русскія и при томъ до такой степени искажаютъ ихъ, что въ большинствѣ случаевъ трудно добраться до смысла. Напѣвъ пѣсень отличается монотонностью и однообразиемъ. Въ немъ слышится безысходная тихая грусть, отъ которой сжимается ваше сердце. Пѣсня ноетъ, стонетъ надъ ухомъ, разливается глубокой, но неоформленной, затаенной тоской... Веселыхъ, разухабистыхъ пѣсень у пермяковъ очень мало. — Сказки пермяцкія не богаты поэзіей и не блещутъ цвѣтами фантазіи и творчества: онѣ вялы, безжизненны и неуклюжи,

какъ самъ пермякъ. Цѣлые эпизоды въ нихъ иногда заимствованы изъ русскихъ сказокъ. Содержаніе свое онѣ черпаютъ исключительно изъ міра духовъ. Въ каждой сказкѣ непременно является чортъ, лѣшій, водяной и т. д. Бытовыхъ сказокъ у пермяковъ совсѣмъ не встрѣчается. Все это наводитъ на мысль, что пермяцкія сказки есть не болѣе, какъ остатки языческихъ вѣрованій, глухое эхо старины. Замѣчательны, по своей оригинальности, фіналы пермяцкихъ сказокъ. Здѣсь вы найдете непременно сто р. денегъ и $\frac{1}{2}$ ведра волки, — то какъ плату за услугу, то какъ находку, то какъ вѣно брачное, то какъ стоимость брачнаго пира, — ни больше, ни меньше какъ сто рублей и полведра водки! Даже въ пѣсняхъ — и то случается слышать объ этихъ ста рубляхъ и полуведрѣ водки. Должно быть, пермяку сильно хочется имѣть эти вещи.

Главною преобладающею чертою въ характерѣ пермяка является апатія и полное отсутствіе всякой инициативы. «Не толкни пермяка подъ бокъ — онъ и на дворъ не сходитъ», говорятъ про нихъ русскіе. Сонливый и неповоротливый, онъ готовъ цѣлый день пролежать на печи. Онъ не стукнулъ бы палецъ о палецъ, если бы злая необходимость не принуждала его работать, заботиться о кускѣ насущнаго хлѣба. «Авось, небось и какъ-нибудь» имѣютъ здѣсь самое широкое распространеніе. Пермякъ не заботится о будущемъ, не заглядываетъ въ него, онъ живетъ исключительно настоящимъ. Ни погони за наживой, ни жажды новыхъ впечатлѣній, ни стремленія улучшить свое положеніе — ничего нѣтъ. Это, во истину, мертвое царство, болото, подернутое плѣсенью.

Эта вялость и лѣнь — родовая черта пермяка. До чего простирается лѣньность и беззаботность пермяка, можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Онъ никогда не навозитъ на зиму дровъ съ осени, какъ это дѣлаютъ русскіе крестьяне. Привезетъ себѣ возъ, два — и довольно, и сидитъ себѣ дома на печи, иликовыряетъ что-нибудь по дому, или пойдетъ по сосѣдямъ, ласы точить съ ними, или отправляется въ кабакъ — на людей посмотрѣть и себя показать, узнать дневныя деревенскія новости, — и такъ до тѣхъ поръ, пока жена не напомнитъ ему, что дрова всѣ вышли. Слѣдить разъ-другой и опять откладываетъ о нихъ всякое попеченіе на мѣсяцъ или полтора. А жена, межъ тѣмъ, работаетъ рукъ не покладая, управляетъ со всѣмъ хозяйствомъ, ухаживаетъ за дѣтишками, занимается пражей, тканьемъ холста и т. п. Далѣе, онъ никогда не обмолотитъ сразу весь свой хлѣбъ; онъ возится съ нимъ опять въ теченіе всей зимы. Вымолотитъ овинъ, свезетъ зерно на мельницу и потомъ дожидается, когда кон-

чится весь хлѣбъ. Затѣмъ опять молотить и ѣдетъ на мельницу и т. д.

Если что и придаетъ пермяку энергіи, такъ это страстное желаніе подражать русскимъ, стать съ ними вровень. Увидить онъ у русскаго самоваръ—и ему, стало быть, нужно самоваръ имѣть.—и трудится онъ до поту лица, чтобы только заработать лишнюю копѣйку на покупку самовара. И надо отдать ему справедливость, онъ обыкновенно умѣетъ добиться того, что вадумалъ. Его ослиное терпѣніе и необыкновенная выносливость производятъ просто чудеса. Въ 3—4 года пермякъ, взявшійся за умъ, совершенно поправляется и становится если не богатымъ, то, по крайней мѣрѣ, зажиточнымъ. «Пермякъ въ работѣ чорта сломить,—говорятъ про него русскіе,—только бы ему приняться». И это справедливо; пермякъ дѣйствительно чорта сломить своимъ упрямствомъ, терпѣніемъ и настойчивостью, не смотря на то, что, по своимъ физическимъ силамъ, онъ далеко уступаетъ русскимъ. Жаль только, что пермякъ рѣдко «принимается».

Въ характерѣ пермяковъ видна какая-то забитость и пришибленность. Они робки, трусливы, скрытны и неразговорчивы. Нужно много соли съѣсть съ пермякомъ, долго пожить съ нимъ, чтобы заслужить его полную откровенность. Внутреннія движенія души его подглядѣть крайне мудрено: онъ живетъ въ себѣ и для себя; это натура флегматичная, глубоко сосредоточенная. Климатическія условія мѣстности и тиранническій гнетъ русскихъ, таготѣвшій надъ нимъ съ XIII в., пришибли его и заставили замкнуться въ самого себя. — Пермякъ не любознательнъ и не любопытенъ. Русскій крестьянинъ великороссъ, когда встрѣтится съ образованнымъ, «хорошимъ» человѣкомъ, не можетъ наговориться съ нимъ до-сыта. Онъ спрашиваетъ его, какъ живутъ люди въ другихъ мѣстахъ, что они дѣлаютъ, чѣмъ занимаются, интересуется политикой, любитъ слушать объясненіе разныхъ машинъ и земледѣльческихъ инструментовъ. Ничего подобнаго мы не видимъ въ пермякѣ. Онъ—воплощенное равнодушіе. Ему и въ годовую не придетъ спросить о чемъ-нибудь, никакая вещь его не заинтересуетъ; только блестящіе предметы, яркая окраска останавливаютъ на себѣ его вниманіе. Нѣсколько разъ я показывалъ пермякамъ картинки; при этомъ они любовались только одними раскрашенными, и чѣмъ пестрѣе были цвѣта на картинкѣ, тѣмъ больше она имъ нравилась, — нравилась не по содержанію, а именно только за цвѣтъ, за краски. Простыми картинками, безъ красокъ, они совсѣмъ не интересовались и почти не глядѣли на нихъ. Каждую картину, занимавшую ихъ, они по

нѣсколько разъ переворачивали на другую сторону, чтобы убедиться, не нарисовано-ли и тамъ чего-нибудь. Многие изъ нихъ буквально не могли отличить лошади отъ собаки. Вопросы никакихъ не предлагали, хотя въ большинствѣ случаевъ совершенно не понимали картинъ. Имъ, очевидно, было рѣшительно все одно, что бы ни стояло на картинѣ, лишь было бы написано «ядрено», какъ они выражались. Показывалъ также я имъ нѣкоторые миструменты, употребляемые при геодезическихъ работахъ; они съ жадностью бросались на блестящіе предметы и подолгу рассматривали ихъ, но никто не полюбопытствовалъ узнать, на что употребляется та или другая вещь. Ихъ интересовали эти предметы какъ блестящіе диковинки, — не болѣе; о назначеніи ихъ они не думали.

Разумѣется, я говорю здѣсь не обо всѣхъ пермякахъ абсолютно; есть и между ними такіе доки, которые за поясъ заткнутъ нашего великорусскаго крестьянина средней полосы. Это интеллигенція, слѣвки пермяковъ; я говорю не о нихъ, наша рѣчь — о большинствѣ, о массѣ.

При всей своей апатіи и лѣни пермякъ не обиженъ отъ Бога здравымъ смысломъ; у него есть тонкая наблюдательность и критическій анализъ. Онъ глубоко понимаетъ окружающую природу — разумѣется, въ практическомъ отношеніи — и умѣетъ приложить свои знанія и опытъ въ дѣлу. При выборѣ мѣста для кулиги или поселенія ему достаточно взглянуть на растенія мѣстности, чтобы опредѣлить характеръ почвы; онъ сразу видитъ, выгодно-ли ему разрабатывать мѣсто или нѣтъ, и если выгодно; то для какихъ хлѣбовъ. Онъ прекрасно знаетъ свойства почвы, какой грунтъ, «любитъ» то или другое растеніе. Онъ знаетъ, что ива, береза, сосна, подорожникъ и гвоздика (тыгъ) растутъ на песчаной почвѣ, тимовеева трава — на глинистой, шалфей и можжевельникъ — на известковой, ольха и др. криво растущіе кустарники — на почвѣ кислой болотистой, — никогда не ошибется въ выборѣ мѣста для подсѣки и починка. Таковую же смѣтливость онъ выказываетъ и въ лѣсованьѣ (охота), которое составляетъ одно изъ любимыхъ его занятій.

Въ сравненіи съ своими сосѣдами русскими и даже зырянскими пермякъ кажется существомъ слабымъ и беззащитнымъ. Онъ легко подчиняется чужому вліянію и уступаетъ силѣ, какова бы она ни была — умственная, физическая или нравственная. Его смиреніе и безпримѣрная кротость вошли даже у здѣшнихъ жителей въ пословицу. Съ особеннымъ уваженіемъ относятся пермяки въ русскимъ. Пермякъ отлично сознаетъ, что русскій

умѣ и развитіе его — и преклоняется предъ нимъ, уважаетъ его. Русскій крестьянинъ для него идеалъ; онъ, какъ мы уже сказали, стремится подражать ему и копируетъ его даже въ мелочахъ, въ походѣ, въ одеждѣ, въ постройкѣ, во всемъ. Тамъ не менѣе пермяки избѣгаютъ и сторонятся русскихъ, потому что тѣ ихъ обижаютъ и эксплуатируютъ. Очень рѣдко случается, чтобы пермяцкая деревня позволила русаку поселиться на своей подушной землѣ, тогда какъ своему брату пермяку она съ величайшей готовностью даетъ на это свой приговоръ, — по крайней мѣрѣ, такъ было до послѣдняго размежеванія, когда еще у пермяковъ земли было вдоволь. Если среди пермяцкаго населенія и попадаются русскія деревнюшки и починокъ, то основаны они непременно на казенной землѣ, но ужъ никакъ не на пермяцкой. Зырянамъ чаще удается втереться въ пермяцкія деревни, но вообще пермяки не любятъ пускать постороннихъ на свои земли, и если встрѣчаются исключенія изъ этого общаго правила, то они обуславливаются просто-на-просто давленіемъ со стороны волостного правленія, передъ которымъ пермякъ трепещетъ. Русскіе и зыряне безбожно обманываютъ и эксплуатируютъ простодушныхъ пермяковъ. Они покупаютъ у нихъ хлѣбъ, масло, шерсть и др. хозяйственные продукты и отвозятъ ихъ въ городъ, выручая при этомъ сто на сто. Пермяки жалуются, что русакъ ихъ больно забираетъ, но сами все-таки ничего не дѣлаютъ, чтобы избавиться отъ наглой эксплуатаціи.

— Да что же вы сами не отвозите хлѣба въ городъ? — спросите вы ихъ.

— Куда ужъ намъ? — отвѣтятъ они. — Не срушны. Насъ муха и та крыломъ зашибитъ можетъ. Кабы мы не пермяки были...

Не то насмѣшкой надъ собою, не то грустью звучатъ эти слова — не разберешь хорошенько. Одно ясно: что пермякъ сознаетъ свое безпомощное положеніе и чувствуетъ, что у него не хватаетъ силъ на борьбу съ русской и зырянской предприимчивостью и энергіей.

А вотъ и другой фактъ такого же рода. Для постройки барки здѣшніе лѣсопромышленники всегда приглашаютъ рабочихъ изъ Руси. Пермяковъ на подмогу нанимаютъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда рабочихъ-русскихъ слишкомъ мало, а половодье, какъ говорится, на носу: не нынче-завтра, рѣка, того гляди, разольется. По большей же части стараются обойтись безъ найма пермяковъ, потому что «пользы отъ нихъ мало», «не понимаютъ ничего», «воронъ ловятъ», а тутъ нужно, чтобы работа кипѣла. Если ужъ крайность и заставить прибѣгнуть къ

ихъ помощи, то плату имъ даютъ небольшую, иногда вдвое меньше, чѣмъ русскимъ. Русскому крестьянину платятъ, на примѣръ, въ день 40 коп., а пермяку положить никакъ не больше 30, а то и 20 коп. Но пермякъ идетъ и на такую плату, лишь бы только взяли. Работу свою, свой трудъ онъ не цѣнитъ ни во что, ему дороги деньги.

Сосѣдство русскихъ деморализующимъ образомъ дѣйствуетъ на нравственность пермяковъ. Благодаря ихъ вліянію, за послѣднее время пермяки пристрастились къ водкѣ. Кабаки растутъ и плодятся въ пермяцкихъ деревняхъ, какъ грибы послѣ дождя, и сидѣльцами во всѣхъ кабакахъ оказываются тѣ же русскіе, или отставные солдаты изъ пермяковъ, окончательно обрубившіе во время своей долговременной службы. Въ быстромъ распространѣніи пьянства непослѣднюю роль играетъ, разумѣется, нужда, которая съ каждымъ годомъ все ближе подкрадывается къ пермякамъ, засылая передъ собою своихъ обыкновенныхъ помощниковъ—неурожаи и голодовки. Пьетъ теперь пермякъ и съ радости, и съ горя, и въ праздники, и въ будни; при продажѣ, при куплѣ, мѣнѣ; на сходкахъ при рѣшеніи общественныхъ дѣлъ. «Пермяки больно пить люта!» удивляются имъ даже здѣшніе крестьяне-русаки, сами здорово зашибающіе. Ни одно рѣшеніе схода, ни одинъ мало-мальски выходящій изъ ряду житейскій случай не обходится безъ водки. Кабацкое зелье сдѣлалось душою всѣхъ собраний, и общественныхъ и частныхъ. Родится ребенокъ — попойка, умеръ кто-нибудь въ семьѣ — попойка; про такіе случаи, какъ свадьба, помочи ¹⁾, нечего и говорить. Кстати сообщу здѣсь характерный обычай, существующій у пермяковъ при куплѣ-продажѣ и наймѣ. Въ этихъ случаяхъ и вообще, при заключеніи какихъ бы то ни было условій, стороны уговариваются о попятной. При неисполненіи которою-нибудь изъ сторонъ заключеннаго условія съ нея взыскивается эта попятная, въ видѣ ведра или даже двухъ ведеръ водки, которая и выпивается на міру. Если же неисполнившій условія заупрямится и станетъ отлынивать отъ попятной, то деревня расправляется съ нимъ «посвойски» и крѣпко наказываетъ розгами... Что это, защита ли начала справедливости, или просто злость за неудавшуюся выпивку?

Порой между стариками, ревнителями трезвой и суровой старины, слышатся жалобы на общую испорченность молодого поколѣнія, происходящую отъ пьянства; но эти жалобы исчезаютъ безслѣдно и не производятъ никакого дѣйствія. Пьянство разрос-

¹⁾ Именинъ пермякъ не правитъ; да врядъ ли онъ и знаетъ о ихъ существованіи.

тается все шире и шире: Пьютъ даже подростки и дѣти, — разумѣется, съ одобренія отца и матери. По вычисленію, произведенному мною въ 1880 году, оказалось, что пропитыхъ за годъ денегъ приходится почти по 3 р. на каждого пермяка или по 7¹/₂ р. на семью — цифра солидная при здѣшней дороговизнѣ денегъ. Кабакъ сдѣлался у пермяковъ общественнымъ мѣстомъ, гдѣ они сходятся и рѣшаютъ всѣ дѣла, возникающія въ общинѣ. Тамъ происходятъ совѣщанія по поводу выбора старшинъ, десятскихъ и др. начальственныхъ лицъ деревни; ведутся нескончаемыя пренія о раскладѣ податей, о томъ, какому десятку теперь слѣдуетъ гати гатить, мосты настилать и пр. Тамъ же производятся и всѣ торговые сдѣлки; тамъ пермякъ и веселится, пропивая послѣдній грошъ. Словомъ, кабакъ — биржа, дума и клубъ.

Въ пьяномъ видѣ пермякъ безалаберенъ и страшенъ. Онъ пьетъ самъ, поитъ другихъ, безобразничаетъ, поетъ, ругается. Здѣсь выплываетъ наружу все, что накопилось, накупѣло у него на душѣ, и чѣмъ забитѣе, ограниченѣе личность, тѣмъ больше въ ней безпашашнаго ухарства подъ вліяніемъ винныхъ паровъ. Флегматикъ-пермякъ дѣлается тогда неузнаваемъ. Куда дѣвается его смиренность, кротость! Онъ бьетъ всѣхъ и вся, куражится, ломаетъ, лѣзетъ въ драку. Имъ овладѣваетъ въ это время какая-то дикая злоба. Онъ готовъ убить, задушить васъ ни за что, ни прочто. «У нихъ какъ драка, такъ и покойники», — отзываются русскіе: — потому не по любви они дерутся, а по злобѣ».

Вмѣстѣ съ пьянствомъ проникло сюда и воровство, которое прежде было явленіемъ невозможнымъ и неслыханнымъ среди пермяковъ. У нихъ на собственномъ языкѣ нѣтъ даже словъ для выраженія понятій: воръ, воровство, хотя слово грабежъ и существуетъ. Назадъ тому 20 лѣтъ, по разсказамъ стариковъ, здѣсь и не знали, что такое замѣкъ. Дома никогда не запирались, а если случалось, что всѣ уходили изъ дому, то ставили у дверей пась, т.-е. коромысло или просто на просто палку наискось; и тогда никто изъ постороннихъ не считалъ себя въ правѣ войти въ домъ ¹⁾. Нынче не то. Нынѣ не диво встрѣтить цѣлыя семьи, промышляющія воровствомъ, а ужъ о молодомъ поколѣніи и говорить нечего. Среди подростковъ и «робятъ» 18—20 лѣтъ вы рѣдко встрѣтите такого, который бы не былъ битъ сосѣдами за кражу. И все это — результатъ короткаго знакомства съ рюм-

¹⁾ Такіе порядки сохранились теперь только въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ большой дороги и русскихъ поселеній. Тамъ о воровствѣ и донныя еще понятія не имѣютъ и сохраняютъ всѣ обычаи старыхъ временъ.

кою и сближенія съ русскими. Такъ и сами пермяки объясняютъ это. «А все и пошло съ того, что стали якшаться съ русаками. Русаки, извѣстно, парни теплые: воръ на ворѣ ѣдетъ да воромъ ноголяетъ. Научать добру, только свяжись съ ними». У пермяковъ существуетъ даже по этому поводу одна сказка, въ которой рассказывается, какъ русакъ училъ пермяка воровать и какъ послѣднему учеба эта въ наукъ пошла, такъ что ученикъ перешиболъ даже своего учителя и обокралъ его самого. И какой злой проніей звучитъ эта сказка! Должно быть, сложили ее какой-нибудь старикъ, глубоко возмущенный испорченностью молодежи. Всѣ вообще старики страшно негодуютъ противъ развивающагося воровства. Побѣда пока еще остается за ними и кража никогда не проходитъ даромъ виновному, нарушившему древнее обычное право: артель безпощадно деретъ его розгами. При этомъ не даютъ спуска и чужимъ. Разъ какой-то нипцій-зырянинъ, шляясь по здѣшней мѣстности, задумалъ-было прокатиться на чужой лошади домой. Его догнали, привезли назадъ и жестоко отодрали на міру.

Между собой пермяки живутъ дружно, рѣдко ссорятся и не обижаютъ другъ друга. Посемельная община у нихъ еще только въ зародышѣ и Богъ знаетъ когда разовьется—да и разовьется ли еще?—но за то здѣсь существуетъ община нравственная, крѣпкая солидарность. Пермякъ не выдастъ ни за что своего брата: «пермякъ за пермяка—что быкъ за быка», говоритъ мѣстная русская пословица. Русскій крестьянинъ никогда не затронетъ въ дракѣ пермяка, зная, что за того горой поднимутся всѣ товарищи-собраты и намянутъ ему шею. Въ случаѣ какого-нибудь преступленія, случившагося въ ихъ средѣ, пермяки своимъ судомъ накажутъ преступника, но ни за что не выдадутъ его властямъ. Слѣдователи, прїѣзжающіе сюда по разнымъ дѣламъ, ничего не могутъ добиться отъ нихъ: знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ—единственный отвѣтъ пермяка на всѣ вопросы, хотя бы онъ прекрасно зналъ всѣ мельчайшія подробности дѣла.

Стадность, общественность сильно развита у пермяковъ. Другъ безъ друга они ложки ко рту не поднесутъ, вездѣ—сосѣди, міръ, артель. Почти всѣ работы справляются помочами. Самые пустяковыя деревенскія дѣла непременно рѣшаются на сходѣ. Даже время поюса, посѣва, жатвы и то опредѣляется всѣмъ міромъ. Сходъ завѣдуетъ не только общественными дѣлами, онъ считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться и въ семейную обстановку пермяка. На сходѣ рѣшаются споры и раздоры между членами семьи, по жалобѣ кого-нибудь изъ нихъ; случается даже, что

деревенскій сходъ разводитъ мужа съ женою, если они живутъ не ладно, и опредѣляетъ раздѣлы между братьями. Рѣшающимъ голосомъ на сходахъ пользуются старики. Рѣшенія схода безапелляционны и въ большинствѣ случаевъ исполняются свято и нерушимо. Непослушныхъ сходъ наказываетъ собственной властью. Разъ былъ даже такой случай: за отказъ городить огорода артель наказала розгами старосту деревенскаго и десятскаго, такъ какъ тѣ вообразили, что и они—начальство, а начальство-де огородовъ не городить.

Пермяки очень гостепріимны и сострадательны. Ни одинъ странный, захожій человѣкъ не уйдетъ отъ нихъ безъ угощенія и привѣта. Они накормятъ, напоятъ его, чѣмъ Богъ послалъ, а иногда и ярушникъ всунуть ему въ карманъ на дорогу. Это гостепріимство и доброта особенно проявляются въ ихъ отношеніяхъ къ «ссылникамъ». Не смотря на то, что ссыльные—мы говоримъ въ данномъ случаѣ про ссыльных уголовныхъ, а не о политическихъ—ничего, кромѣ вреда, не приносятъ пермякамъ, не смотря на то, что они съ презрѣніемъ и высокомеріемъ смотрятъ на пермяцкую «необразованность», пермяки въ высшей степени благодушно относятся къ нимъ, жалѣютъ ихъ и въ крайнемъ случаѣ всегда готовы помочь имъ. Когда пріѣзжаетъ новый ссыльникъ, тотчасъ же къ нему являются сострадательныя пермяки и приносятъ съ собою ярушниковъ, шанегъ, чтобы угостить ими новопріѣзжаго. «Тошно вѣдь, поди, родименькому первое то время: какъ не пожалѣть его!»

Но при всемъ своемъ добродушіи и гостепріимствѣ, пермяки въ домашней жизни очень бережливы, даже скупы. Пермякъ почти ничего не покупаетъ, а старается по возможности обойтись своими домашними средствами. Въ дому у него только и есть покупного, что шляпа-грешневикъ, соль, да 2—3 горшка; все остальное—свое; даже чашки, ложки и тѣ по большей части самодѣльщина. О мылѣ пермяки и понятія не имѣютъ; его замѣняютъ зола и щелокъ. При охотѣ за бѣлками пермякъ заряжаетъ ружье 3—4 дробинками,—никакъ не болѣе, и старается цѣлить прямо въ глазъ или ухо. При своей замѣчательной сноровкѣ и вѣрности глаза, промаха онъ никогда почти не даетъ, и бѣлка послѣ выстрѣла тотчасъ же кубаремъ летитъ съ дерева. Снимая шкуру пермякъ распластаетъ всю бѣлку по косточкамъ, но ужъ непременно найдетъ свои дробины и употребитъ ихъ снова въ дѣло. Тоже самое, говорятъ, наблюдается и среди другихъ инородцевъ, родственныхъ пермякамъ по происхожденію. Пермякъ боится душою, когда ему приходится выплачивать деньги.

Нужно видѣть, какъ онъ покупаетъ что-нибудь въ лавкѣ. Онъ долго переминается съ ноги на ногу, уходитъ изъ лавки и опять приходитъ, десять разъ спрашиваетъ настоящую цѣну и потомъ съ какимъ-то остервенѣніемъ достаетъ изъ-за пазухи замасленный «чиньянъ», въ которомъ хранятся у него деньги, молча отдаетъ ихъ лавочнику, и съ сердитымъ, нахмуреннымъ лицомъ, взявъ покупку, выходитъ изъ лавки. Даже водки не рѣшится пермякъ выпить сразу: скупость и тутъ удерживаетъ его. Прийдя въ кабакъ, онъ долго сидитъ на полу или на лавкѣ, угрюмо вглядываясь въ лицо кабатчика и, по всей вѣроятности, ругая его на чемъ свѣтъ стоитъ. И случается нерѣдко, что придя въ кабакъ съ твердымъ намѣреніемъ выпить, пермякъ посидитъ, посидитъ тамъ, да такъ и выйдетъ вонъ, не выпивъ. Желаніе выпить долго борется въ немъ со скупостью. Но стоитъ пропустить ему одну рюмку — всякій расчетъ пропадаетъ, пермякъ пьетъ уже дальше безъ оглядки, до тѣхъ поръ, пока не свалится или пока деньги не уйдутъ изъ кармана.

Въ заключеніе передамъ здѣсь одинъ курьезный фактъ, показывающій, что скупость пермяка не сдавалась даже подъ давленіемъ администраціи, какъ ни боится пермякъ вообще всякаго мундирнаго начальства. Въ 1844 году мѣстный окружной начальникъ предложилъ пермякамъ орловск. уѣзда, вятской губ. завести у себя огнегасительные инструменты и пожарныя дощечки; при этомъ предлагалось какъ то, такъ и другое выслать «за умѣренную плату» изъ города. Въ былое время предложеніе начальника равнялось приказанію. Такъ пермяки и поняли это, но тѣмъ не менѣе на-отрѣзъ отказались исполнить волю начальства, краснорѣчиво доказывая на цѣломъ листѣ, что въ городскихъ дощечкахъ они не имѣютъ никакой надобности, ибо лѣсу у нихъ довольно и стало быть, они и сами могутъ надѣлать такихъ дощечекъ, сколько душа пожелаетъ. Точно также не согласились на приобрѣтеніе огнегасительныхъ инструментовъ, мотивируя свое несогласіе недостаткомъ денежныхъ средствъ и плохими заработками. На томъ кажется дѣло и кончилось; окружной начальникъ, получивъ такой категорическій отказъ, не сталъ больше и настаивать.

Лѣса—это варварство, сказалъ В. Гюго, описывая жителей нижней Бретани. Горецъ борется за идеалъ, лѣсной житель за предрасудки. Пермякъ—дитя лѣсовъ и потому страшно суевѣренъ. У него—на всякій шагъ примѣта, каждое дѣло сопряжено съ обрядомъ, имѣющимъ таинственное полурелигиозное значеніе. Суевѣріе встрѣчаетъ его при рожденіи, всю жизнь идетъ съ

нимъ рука объ руку и провожаетъ его до могилы. Лишь только родится ребенокъ, на лбу у него проводятъ сажей продольную полосу или крестъ, въ предупрежденіе уроковъ или порчи при взглядѣ на него постороннихъ лицъ. О времени рожденія никто изъ сосѣдей не долженъ знать, потому что въ противномъ случаѣ женщина не разродится. Роды происходятъ непременно въ банѣ. Существуетъ повѣрье, что родильница сама должна наносить дровъ и вытопить баню: ребенокъ крѣпче будетъ. Въ продолженіе трехъ дней женщина остается въ банѣ, причемъ ее одну не покидаютъ ни на минуту, потому что банникъ, злой духъ, живущій въ банѣ подъ печкою, можетъ задушить ее. Чтобы ребенокъ былъ здоровъ и силенъ, на голову кладутъ краюшку хлѣба, приговаривая: будь здоровъ, будь здоровъ! и такъ до трехъ разъ. Отцу новорожденнаго даютъ круто посоленный кусокъ хлѣба, иногда даже подсыпаютъ сюда песку. Новорожденнаго цѣлую недѣлю носятъ въ баню и парятъ на полѣхъ березовыми вѣтками; причемъ отъ обжога на тѣлѣ у ребенка иногда появляются водяные пузыри. Болѣзни, равно какъ и всякое несчастіе свое, пермякъ приписываетъ дѣйствию нечистаго или порчѣ, или наконецъ дурному глазу; поэтому заговоры и нашептыванія играютъ главную роль при ихъ леченіи. Въ фельдшеровъ и медицинскую науку пермякъ не вѣритъ, напротивъ къ шептунамъ и шептуньямъ относится съ большимъ уваженіемъ. Во время эпидемій и эпизоотій мѣръ никакихъ не предпринимается, а каждый домохозяинъ особо относитъ въ лѣсъ ярушникъ и кусокъ мяса и бросаетъ гдѣ-нибудь подъ высокимъ деревомъ въ жертву «лѣсному». Пермякъ увѣрялъ, что Вѣрченъ, котораго онъ считаетъ своимъ покровителемъ, не оставитъ его безъ защиты и отгонитъ злую хворь (вишанъ) прочь отъ двора. Вербное воскресенье—праздникъ «сосѣдей», домовому, и потому въ этотъ день его угощаютъ, выносятъ ему на дворъ пирогъ съ пикшей, и просятъ, чтобы онъ берегъ скотинку, холилъ и любилъ ее. На радость сосѣдей и ради его праздника въ этотъ день подстригаютъ лошадямъ хвосты и увѣшиваютъ рога у коровы красными и синими тряпками. При первомъ выгонѣ скота весной, его провожаютъ до самой околицы съ зажженными свѣчами, и остановившись тамъ, кланяются вслѣдъ ему, чтобы коровки молока побольше приносили, а овечки шерсти за лѣто нагуляли.

Суетѣріе пермяковъ нисколько не смягчается грамотностію, потому что ея здѣсь совсѣмъ почти не существуетъ: грамотныхъ едва наберется и 1⁰/. Школы, устроенныя земствомъ, мало помогаютъ, ибо пермяки очень не охотно отдаютъ дѣтей своихъ

въ училище, мальницъ нуженъ при домѣ. Ребята съ 7 — 8 лѣтъ считаются полуроботниками, помогаютъ отцу и матери въ хозяйствѣ, ѣздятъ въ лѣсъ за дровами, боронятъ, пасутъ скотъ, такъ какъ здѣсь общаго пастуха никогда не держатъ, и каждое семейство пасетъ свой скотъ особо. О школѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Учиться мальчику совсѣмъ некогда... да и не для чего: «выростетъ — хозяйствомъ править станетъ, въ чему же тутъ грамота? вѣдь ему не «писчикомъ»¹⁾ быть». Такъ и не отдаетъ мальчика въ школу.

Пермяки страшно нечистоплотны, и это служитъ причиною многихъ болѣзней между ними. Еще хорошо, что они очень любятъ баню и ходятъ въ нее раза по два въ недѣлю; въ противномъ случаѣ ихъ замѣчательное равнодушіе къ чистотѣ могло бы повлечь за собой гибельныя послѣдствія. Бѣлье мѣняется ими крайне рѣдко и закашивается до послѣдней возможности. Среди орловскихъ пермяковъ я дѣлалъ наблюденія, сколько, въ общей сложности, дней въ году болѣетъ каждый изъ нихъ; оказалось 28. Впрочемъ наблюденія мои касались не болѣе какъ 70 дворовъ или около 200 душъ, а на основаніи такихъ скудныхъ данныхъ строить общій выводъ было бы невозможно.

Пермяки часто страдаютъ болѣзнію глазъ отъ курныхъ и дымныхъ избу, худосочиемъ и опухолью железъ; диссентерія посѣщаетъ пермяковъ каждый годъ регулярно и уноситъ значительный процентъ населенія. Но самыми страшными бичами являются оспа и сифилисъ. Эти болѣзни минуютъ здѣсь лишь немногихъ. Отъ оспы, разумѣется, страдаютъ больше всего дѣти до 5 лѣтъ. Сифилисъ или, какъ говорятъ пермяки, дурная болѣзнь (омаъ вишагъ) распространился здѣсь за послѣднее время до громадныхъ размѣровъ. Онъ занесенъ сюда русскими; ближайшей же причиной его развитія и распространенія служитъ ужасающая бѣдность и неопрятность пермяковъ. Сифилисъ проявляется здѣсь въ весьма тяжелыхъ формахъ и приобрѣлъ уже эндемическій характеръ, сдѣлавшись какъ бы мѣстнымъ страданіемъ, вродѣ болотной лихорадки барабинской степи или итальянскихъ мареммъ. Въ рѣдкомъ семействѣ имъ не заражены если не всѣ поголовно, то, по крайней мѣрѣ, молодежь. Къ фельдшеру обращаются рѣдко. Процентъ сифилитиковъ, по отношенію къ общей массѣ населенія, опредѣлить съ точностью невозможно. По реестрамъ фельдшеровъ оказывается, что сифилитики здѣсь составляютъ около 25% всѣхъ больныхъ, приходящихъ за медицинской по-

¹⁾ Писарь.

мощью; но цифра эта, само собой разумѣется, гораздо ниже дѣйствительной, потому что къ фельдшеру идутъ очень немногіе, а особенно при такой щекотливой болѣзни. По тѣмъ даннымъ, какія мнѣ удалось собрать, живя среди пермяковъ, оказывается, что около 80% всего населенія здѣсь—сифилитики. Тоже говорятъ и другіе люди, близко знакомые съ пермяцкимъ бытомъ.

Такое чрезмѣрное распространеніе сифилиса среди взрослыхъ сильно отражается на здоровьѣ молодого подрастающаго поколѣнія. Дѣти здѣсь большею частію блѣдны; болѣзненны на видъ; лица ихъ старчески-морщинисты, глаза безжизненны, движенія вялы. Смертность между дѣтьми чрезвычайная: въ иныхъ мѣстахъ около 30 и даже 32% умираетъ въ первые полгода жизни. Пермяки вырождаются—это несомѣнно. Признаковъ этого вырожденія и кромѣ сифилиса очень много. Мелкій ростъ и слабосиліе пермяковъ зависятъ не только отъ климатическихъ условій и отъ племенныхъ особенностей организаціи, но и имѣютъ характеръ патологическій и составляютъ одинъ изъ признаковъ дегенераціи. Мало того, высшее выраженіе дегенераціи—бесплодіе встрѣчается здѣсь очень часто. Причины этого факта ясны: проституція, относительное неравенство лѣтъ мужа и жены, распространившееся за послѣднее время пьянство и вообще эксцессы in Baccho et Venere, какъ выражаются ученые доктора.

Н. Довротворскій.

НОВѢЙШІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ РУССКОЙ НАРОДНОСТИ

II ¹⁾.

СОРОКОВЫЕ ГОДА.—ПЕРЕЛОМЪ ВЪ НАУКѢ ИСТОРИЧЕСКОЙ И ВЪ ЭТНОГРАФІИ.

Сороковые года были въ литературѣ поэтической временемъ рѣшительнаго перелома: «художественная добросовѣстность» Пушкина положила основаніе тому реализму, который, выразившись гениально у Гоголя, сталъ постоянной чертой нашей литературы, и, какъ ея, въ большой степени самобытное, приобрѣтеніе, составилъ ея отличительную особенность до настоящаго времени. Такимъ же образомъ сороковые года были переломомъ въ научно-общественныхъ изученіяхъ народности: здѣсь онъ приведенъ былъ съ одной стороны усиленіемъ старыхъ, или даже основаніемъ новыхъ отраслей научно-критическаго изслѣдованія, и съ другой—вообще ростомъ общественнаго сознанія, которое воспитывалось множествомъ вліяній и самой жизни, и западно-европейской литературы. Въ обоихъ случаяхъ, новыя идеи выходили за предѣлы официальной народности или даже шли прямо наперекоръ идеямъ, лежавшимъ въ ея подкладѣ. Выше мы упомянули, какіе внѣшніе факты обозначили наглядно особое усиленіе научной дѣятельности въ сороковыхъ годахъ,—именно, изданія Археографической комиссіи; основаніе въ университетахъ славянскихъ изученій; посылка за границу цѣлаго ряда молодыхъ ученыхъ, произведшая сильный притокъ европейскихъ науч-

---

¹⁾ См. выше: февраль, 599 стр.

ныхъ средствъ. Труды Археографической комиссіи произвели изъ частной инициативы и въ частію нашли правительственную поддержку; славянскія изученія возникали еще ранѣе officialнаго учрежденія славянскихъ кафедръ въ университетахъ¹⁾; посылка ученыхъ за границу была также отвѣтомъ на потребность, которая и ранѣе чувствовалась въ просвѣщенныхъ кругахъ общества²⁾, и составляла вообще потребность цѣлаго русскаго образованія, — для него общеніе съ западной наукой и литературой было жизненнымъ условіемъ, необходимой помощью въ своей домашней работѣ.

Въ вопросѣ народнаго изученія, дѣла было очень много. Въ исторіографіи до сороковыхъ годовъ разрабатывалась карамзинская постановка предмета (Полевой не имѣлъ вліянія, по слишкомъ большой поспѣшности его труда); измѣнялись нѣкоторыя ея подробности, прибавлялись другія, шли новыя изслѣдованія частныхъ вопросовъ, но основная точка зрѣнія оставалась неизмѣнной: таковы были труды Погодина, Арцыбашева, Буткова, Кубарева, Устрялова, и проч. Исторія оставалась по прежнему исключительно исторіей государства; интересы ученыхъ были въ особенности сосредоточены на древнихъ временахъ, на варягахъ и подобныхъ предметахъ, весьма индифферентныхъ для живого пониманія исторіи. Въ этнографіи, однимъ авторитетомъ былъ Снегиревъ, съ изслѣдованіями слишкомъ вышними, не весьма точными, иногда крайне поверхностными; другимъ — Сахаровъ, съ матеріаломъ народныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п., весьма случайнаго, иногда сомнительнаго происхожденія, съ объясненіями, лишенными не только научнаго достоинства, но иногда и здраваго смысла. Собраній народной поэзіи, кромѣ Сахарова и Снегирева, почти не было: слышно было только, что они дѣлаются, что надъ ними работаетъ Петръ Кирѣевскій, Даль; изрѣдка появлялись небольшіе сборники въ журналахъ. Народная бытовая старина и обычай были наблюдаемы мало, и главное сочиненіе этого рода, завѣщанное старой школой, была книга Терещенки, «Бытъ русскаго народа», собранная довольно усердно, но безъ всякой научной критики. Бытъ крестьянскій былъ совершенно

¹⁾ Не говоря о трудахъ Востокова и Кёппена, Шинкова (изданіе и переводъ Брадешворской рукописи), Калайдовича (открытія въ древней болгарской литературѣ), опытахъ Кайсарова, книгъ Броневскаго, сочиненіяхъ Венелина, — Срезневскій задолго до посылки за границу занимается славянствомъ и издаетъ словацкія пѣсни; Бодянский пишетъ диссертацию о славянской народной поэзіи, и пр.

²⁾ Путешествія за границу Из. Кирѣевскаго, В. Боткина, Станкевича, Тургенева, порывавшія за границу Пушкина и т. д., и т. д.

закрѣпить для изслѣдованія въ отношеніяхъ общественномъ и экономическомъ. — Славянскій міръ былъ извѣстенъ чрезвычайно отрывочно и лишь немногимъ любителямъ, — что должно бы казаться изумительнымъ, если бы принимать буквально извѣстныя проповѣди о славянской миссіи русскаго народа. Въ ту пору этого еще не предвидѣлось, о славянствѣ думали немного, историко-этнографическія данныя славянской жизни ничѣмъ не входили въ объясненіе судьбы и характера русской народности, и пока только въ конфиденціальныхъ запискахъ Погодина говорилось о соединеніи славянства подъ главенствомъ Россіи.

Между тѣмъ, въ литературѣ западно-европейской, особливо нѣмецкой, давно были созданы и къ сороковымъ годамъ были въ полномъ ходу развитія цѣлыя отрасли науки, которыя съ новыми, ранѣе неизвѣстными пріемами приступали къ изслѣдованію судьбы народовъ отъ ихъ до-исторической старины до современнаго быта, и уже вскорѣ достигли неожиданно-богатыхъ результатовъ. Это была новая историческая критика, сравнительное языкованіе, миеологія и этнографія.

Въ нѣмецкой литературѣ, которая особенно у насъ дѣйствовала въ этихъ изученіяхъ, нынѣшнее столѣтіе представляетъ чрезвычайно богатое и разностороннее развитіе исторической науки, со всѣми смежными областями знанія. Уже съ давнихъ временъ накапливая она громадныя запасы эрудиціи, и новый методъ, новая научная идея нигдѣ такъ легко не пріобрѣтали себѣ всеоружія научнаго матеріала, какъ въ Германіи. Англійская и французская литература до очень недавняго времени развивались, вообще, особнякомъ, часто съ большою научною силой, но и съ нѣкоторою исключительностью и односторонностью; нѣмцы гораздо раньше вступили въ наукѣ на путь международнаго общенія — и это давало особенно ихъ наукѣ перспективу болѣе разносторонняго обладанія матеріаломъ, и болѣе широкаго обобщенія. Такимъ явленіемъ была знаменитая нѣмецкая «историческая школа»; это была столь могущественная научная сила, что не только наложила свою печать на ученое движеніе въ Германіи, но пріобрѣла большое вліяніе и за предѣлами нѣмецкой литературы.

Мы не можемъ входить здѣсь въ подробности ея развитія. Довольно сказать, что многоразличныя условія, ближайшимъ образомъ съ конца прошлаго вѣка, создали въ нѣмецкой наукѣ такое широкое плодотворное развитіе историческаго знанія, въ какомъ оно еще до тѣхъ поръ не являлось. Теоретическимъ основаніемъ его была философія Канта, которая сообщила и историческому

изслѣдованію духъ критическаго анализа. Въ частности, новыя историческія взгляды подготавливались сложнымъ рядомъ явленій литературныхъ, событій политическихъ и общественныхъ. Такъ, на развитіи новѣйшей исторіографіи отразились вліянія Гердера. Самъ исходя изъ Руссо, онъ съ одушевленіемъ высказывалъ свои идеи «человѣчности», развитіе которой составляетъ внутренний смыслъ всей человѣческой исторіи, и изслѣдуя естественныя начатки культуры и просвѣщенія, полагалъ основаніе народнымъ изученіямъ: въ противоположность отвлеченному раціонализму французской философіи прошлаго вѣка выдвигалась реальная народная личность, и космополитическое направленіе смѣнялось частнымъ національнымъ. Отразились далѣе возвышенныя стремленія нѣмецкой поэзіи, которая въ произведеніяхъ Шиллера и Гёте, въ порывахъ романтической школы, расширяла область поэтическаго творчества и воспримчивости,—рядомъ съ освободительными и человѣчными идеалами настоящаго реставрируя для новаго общества идеалы античнаго міра, мистическую поэзію среднихъ вѣковъ, первобытно-свѣжую поэзію народа. Французская революція нанесла тяжелый ударъ феодальному принципу, но затѣмъ событія Наполеоновской эпохи возбудили національное чувство и подняли національное сознаніе съ другой стороны, обративъ умы къ историческому изученію національнаго содержанія. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ умственныхъ и политическихъ возбужденій расширялись и общественныя интересы, и горизонтъ историческаго наблюденія,—подъ этими вліяніями образовалась и «историческая школа».

Первыя проявленія новой научной критики, развившейся потомъ въ цѣлое направленіе и въ цѣлый выработанный методъ, относятся еще къ концу прошлаго вѣка. Однимъ изъ факторовъ этого рода, произведшимъ сильное впечатлѣніе въ ученый міръ, были знаменитыя *Prolegomena ad Homerum*, Фридриха-Августа Вольфа, который въ гомеровскомъ эпосѣ указывалъ не случайное, единичное произведеніе одного автора, а произведеніе національное, и на мѣсто традиціоннаго слѣпца поставилъ создателемъ этого эпоса греческій народъ. Мысль Вольфа, воспринятая потомъ великими нѣмецкими классическими филологами, какъ Бёкъ, Готтфридъ Германнъ, Лахманнъ, имѣла то великое значеніе, что вводила въ вопросъ понятіе органическаго развитія историческихъ явленій, въ частности — впервые угадывала то представленіе о народномъ эпосѣ, которое господствуетъ въ науцѣ въ настоящее время. Эта мысль органическаго развитія развивалась все болѣе, и съ начала столѣтія, въ историко-филологиче-

скихъ наукахъ совершался цѣлый переворотъ; новый критическій анализъ распространялся на различныя области историческаго знанія. Таковы были изслѣдованія Фихте, Шеллинга, Шлейермахера въ области религіозной; Якова Гримма, Боппа, Лассена въ области языкованія; Эйхгорна, Савиньи Рудорфа—въ правѣ; Нибура, Отфрида Мюллера, Шлоссера—въ исторіи.

Изученія филологическія и историко-юридическія имѣли у насъ особенное вліяніе,—и это вполне объясняется ихъ новостью и многообъемлющимъ интересомъ. Съ Боппомъ и Я. Гриммомъ выросла совершенно новая наука—сравнительное и историческое языкованіе, которое развѣтвилось потомъ на цѣлыя группы изслѣдованій. Языкъ народа впервые представился какъ исторически разившійся организмъ, измѣненія котораго совершались по извѣстному закону, который въ своихъ современныхъ формахъ и матеріалѣ сохранилъ отраженные на немъ слѣды давнихъ, изъ глубочайшей старины, ступеней развитія, понятій, быта и мнѳологіи. Почти безъ всякихъ предшественниковъ, которые подготовили бы его открытія, Боппъ сразу создалъ науку сравнительнаго языкованія, которая впервые и съ неоспоримой очевидностью открыла по матеріалу и образованію языка единство происхожденія громадной семьи индо-европейскихъ народовъ. Яковъ Гриммъ еще ранѣе Боппа усмотрѣлъ возможность историческаго изслѣдованія языка съ другой стороны, въ предѣлахъ одного языка, и примѣнилъ это изслѣдованіе въ своей «Нѣмецкой грамматикѣ»; богатымъ историческимъ запасомъ данныхъ языка онъ воспользовался въ «Древностяхъ нѣмецкаго права», въ «Мнѳологіи», въ «Исторіи нѣмецкаго языка». На изученіи языка впервые основано было изслѣдованіе отдаленныхъ временъ, до которыхъ не достигали историческія свѣдѣнія, эпохъ самаго образованія племенъ, первоначальной народности—ея общественно-бытоваго характера, и ея поэтическаго творчества. Если было въ обществѣ стремленіе къ національной реставраціи и исключительности, оно могло найти здѣсь богатый матеріалъ самыхъ подлинныхъ фактовъ народности; но трудъ Гримма заключалъ въ себѣ средства и для болѣе широкихъ умственныхъ возбужденій, а именно, для болѣе безкорыстной любви къ народу, для оцѣнки и защиты его нравственнаго достоинства и общественнаго права...

Отчасти сходнымъ образомъ дѣйствовала историческая школа въ правѣ. Первая классическая книга въ этой области, исторія нѣмецкаго права и государственныхъ учрежденій Эйхгорна, изданная во времена наполеоновскаго гнета надъ Германіей, вся

построена на мысли, что государство съ его учрежденіями и законами не есть дѣло человѣческаго произвола, а результатъ естественнаго органическаго развитія. На томъ же главномъ положеніи основаны труды знаменитаго Савиньи, который въ исторіи права указывалъ органическое созданіе національности: законы и государственныя формы являются только утвержденіемъ естественно-развившихся отношеній и не могутъ быть дѣломъ случая; первое возникновеніе этихъ отношеній теряется въ глубинѣ древности, какъ возникновеніе обычаевъ и языка; право можетъ быть только народное; право всеобщее такъ же невозможно какъ всеобщій языкъ и т. д. Въ этой постановкѣ вопроса были ясныя задатки консерватизма—преувеличеніе значенія права, исходящаго изъ «естественныхъ отношеній» вело къ возвеличенію существующаго порядка, каковъ бы онъ ни былъ; и это была притомъ несомнѣнная научная ошибка, потому что исторія, образованность, самое право,—развивающіеся наконецъ, въ теченіи вѣковъ, далеко за предѣлы содержанія первоначальнаго народнаго духа,—измѣняютъ законодательство и общественныя формы и сами становятся органическимъ прецедентомъ. Ученіе Савиньи и дѣйствительно въ своихъ примѣненіяхъ было сильно консервативное, и требовало исправленія болѣе правильной оцѣнкой другихъ историческихъ факторовъ; но общая мысль была научно плодотворна и вела къ болѣе точному пониманію внутренней юридической жизни народовъ, какого не давала прежняя историографія.

Въ чисто исторической области подобный переворотъ произвели труды въ особенности Нибура. Знаменитый историкъ Рима произвелъ на первый разъ сильное недоумѣніе своей мыслью, что въ такъ называемой древней исторіи Рима, извѣстной намъ особенно по Ливію, мы имѣемъ вовсе не исторію, а остатки народнаго эпоса, что первые герои ея не были дѣйствительныя лица, а поэтическия олицетворенія цѣлыхъ періодовъ, что Римъ не могъ быть основанъ шайкой бѣглецовъ, а былъ созданіемъ наиболѣе энергическаго изъ италійскихъ племенъ. Въмѣсто обычнаго повторенія легендъ, Нибуръ ищетъ объясненія римской исторіи въ политическихъ и экономическихъ условіяхъ жизни римскаго народа; въ его толкованіи римской исторіи являлся уже не рядъ анекдотическихъ и частію вполнѣ сказочныхъ событій, а картина развитія самыхъ реальныхъ отношеній. Въ подобномъ смыслѣ, греческой исторіи посвятилъ свои труды Карлъ Отфридъ Миллеръ. Третьимъ знаменитымъ писателемъ, котораго ставить въ ряду основателей исторической школы, былъ доста-

точно извѣстный и у насъ Шлоссеръ. Результатомъ было богатое развитіе нѣмецкой исторіографіи, которая, какъ увидимъ, имѣла самое прямое вліяніе на успѣхи русской науки.

Рядомъ съ нѣмецкими историками, хотя гораздо слабѣе, оказывали у насъ вліяніе и новыя французскіе историки, — Гизо и группа историковъ-повѣствователей. Гизо получилъ у насъ славу еще во времена Полевого; онъ производилъ сильное впечатлѣніе точнымъ, чрезвычайно послѣдовательнымъ построениемъ своего историческаго плана; это былъ опять по преимуществу историкъ внутренняго государственнаго быта и учреждений, которые онъ разъясняетъ съ замѣчательнымъ искусствомъ и проницательностью, историкъ совершенно въ духѣ нѣмецкой исторической школы, и не безъ ея вліянія. Давно извѣстны были у насъ и тѣ знаменитые писатели, которые, подъ вліяніемъ романтическаго обращенія къ среднимъ вѣкамъ, создавали исторіографію живописную, какъ Форіаль, Барантъ, оба Тьерри; давно былъ знакомъ Мишле, первые труды котораго (о началахъ французскаго права) были примѣненіемъ взглядовъ Гримма; наконецъ историки новѣйшихъ временъ — Тьеръ, Луи-Бланъ.

Вліянія европейской исторической литературы приходили сами собой; въ университетскомъ преподаваніи, — какъ ни бывало оно слабо въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ; — авторитеты европейской литературы не могли не оказывать своего дѣйствія; въ литературу переводную и журнальную проникала слава главнѣйшихъ представителей науки. Въ самой русской исторіографіи выросла потребность въ новыхъ приѣмахъ изученія, въ болѣе полномъ пересмотрѣ источниковъ, и наша Археографическая экспедиція и коммиссія возникала параллельно съ подобными предпріятіями на западѣ, — съ изданіемъ источниковъ французской исторіи, предпринятымъ по мысли Гизо, съ нѣмецкимъ изданіемъ «Памятниковъ» Перца. Въ книгѣ Эверса о древнемъ русскомъ правѣ, нѣмецкая историческая критика коснулась и русской древности. Такъ называемая скептическая школа набрасывала сомнѣніе на достовѣрность традиціонной исторіи древняго періода, указывала на необходимость принять въ соображеніе бытовныя условія древности, — хотя вообще не сумѣла ни ясно сформулировать своихъ мнѣній, ни поставить вмѣсто отрицаемой традиціи собственныя положенія. Полевой посвящалъ свою книгу Нибуру, «первому историку нашего вѣка», и усиливался примѣнить къ фактамъ русской исторіи приемы нѣмецкихъ и французскихъ изслѣдователей. Все это были признаки

созрѣвавшей потребности новаго критическаго толкованія русской исторіи.

Выполненіемъ этой потребности явились съ сороковыхъ и особенно съ пятидесятихъ годовъ труды цѣлаго ряда новыхъ историковъ и филологовъ, которые уже не дилеттантски, а самостоятельной работой восприняли методы европейской исторической и филологической науки и примѣнили ихъ къ матеріалу русской исторіи и народности.

У насъ всего болѣе вліяла именно нѣмецкая наука. Главной причиной этого была та ея разносторонность, о которой мы говорили. Если французская литература приобрѣтала обширное вліяніе по историческому значенію французской образованности, то въ данномъ случаѣ нѣмецкая брала верхъ по болѣе глубокому историческому труду и болѣе обширности горизонта изученій. Относительно вліяній нѣмецкой науки, у насъ было сильно и историческое преданіе. Нѣмцы были ближайшіе сосѣди, у которыхъ могли быть заимствованы знанія научныя, художественныя, техническія. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ въ Москвѣ начались западныя вліянія и вызовы иноземныхъ ученыхъ и инженеровъ, это были по преимуществу, если не исключительно, нѣмцы. Это велось еще съ XV—XVI вѣка, въ концѣ XVII-го столѣтія въ Москвѣ уже населилась цѣлая нѣмецкая слобода. Съ основанія петербургской академіи, въ нее вызывались нѣмцы; эти и другіе нѣмцы, вызванные при Петрѣ, находили въ Россіи множество земляковъ, за собой тянули и другихъ; съ присоединеніемъ остзейскаго края являлся большой контингентъ *своихъ* нѣмцевъ. Первые русскіе ученые, какъ Ломоносовъ, прошли нѣмецкую школу. Въ московскій университетъ, со второй половины прошлаго вѣка, нѣмецкіе профессора (при обиліи университетовъ, геллертеровъ дома было множество) приглашались десятками. Тоже повторилось въ новыхъ университетахъ, основанныхъ при Александрѣ I, въ Казани, Харьковѣ, Петербургѣ, гдѣ вызванные профессора дѣйствовали еще въ пятидесятихъ годахъ. Въ академіи наукъ, ученые нѣмецкіе вызывались и до нашихъ дней. Замѣтимъ, что между этими нѣмецкими академиками и профессорами бывали люди европейской знаменитости, какъ, напр., Эйлеръ или Шлѣцеръ, или люди съ почетной извѣстностью и дѣйствительными знаніями въ своемъ дѣлѣ. Когда правительство поняло, наконецъ, старую мысль Петра В., что слѣдуетъ скорѣе образовывать своихъ людей, чтобы не зависѣть отъ чужеземцевъ, — и стало посылать русскихъ молодыхъ ученыхъ за границу для довершенія ихъ занятій (безъ этого обойтись все-таки было не-

возможно—да невозможно и дониндѣ), то стравой, куда они были направляемы съ этою цѣлью, была опять по преимуществу Германія.

Основаніе «профессорскаго института» въ Дерптѣ и посылка подготовлявшихся тамъ будущихъ профессоровъ за границу—съ конца двадцатыхъ и до сороковыхъ годовъ—произвели небывалый прежде въ такомъ размѣрѣ пріливъ связей научныхъ силъ, и самымъ благотворнымъ образомъ подѣйствовали на преобразование нашей исторической и съ нею этнографической науки. Наши молодые ученые, обыкновенно уже достаточно подготовленные, и между которыми нерѣдки были люди положительнаго таланта, встали въ Германіи въ полномъ дѣйствіи «историческую школу», бывали слушателями самихъ ея основателей, и въ состояніи были освоиться съ ея развѣтленіями и отщепенцами, сознательно воспринять ея методъ ¹⁾. Въ то же время новые научные приемы бросали корень въ новыхъ университетскихъ поколѣніяхъ путемъ литературы; оживленная пора московскаго университета въ тридцатыхъ годахъ воспитала рядъ замѣ-

¹⁾ Вотъ, для примѣра, нѣсколько именъ изъ тогдашней профессуры по исторіи, праву и филологіи. Въ московскомъ университетѣ:

— Рѣдкинъ: 1838—80 въ профессорскомъ институтѣ; 1881—84, въ Берлинѣ, слушатель Савинны, Бѣка, Гегеля.

— Крыловъ, Никита: 1881—84, въ Берлинѣ, занимается „подъ личнымъ руководствомъ Савинны“, школа котораго „образовала господствующее направленіе его профессорской дѣятельности“ (Словарь моск. проф.).

— Криковъ, извѣстный филологъ: 1833—35 за границей; въ Берлинѣ былъ слушателемъ Бѣка.

— Чинисевъ, политико-экономъ: 1838—35 за границей.

— Грановскій: 1836—39 за границей, большую часть въ Берлинѣ, подъ руководствомъ Ранке.

— Кудравцевъ: 1843—47 за границей.

Нѣкоторые изъ будущихъ профессоровъ были за границей не по официальной посланкѣ:

— Катковъ: 1841—43, слушалъ въ Берлинѣ особенно Шеллингъ (диссертация филологическая: Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго яз. 1845).

— Буслаевъ: 1839—41 за границей.

— Соловьевъ: 1842—44 за границей.

Въ петербургскомъ университетѣ:

— Калининъ, юристъ: 1828—34 въ Дерптѣ и за границей; въ Берлинѣ слушатель Эйхгорна, Савинны, Гегеля, Ганса.

— Неводимъ: 1829—32 за границей, образовался въ особенности по Савиннѣ.

— Ивановскій: 1832—35 въ Дерптѣ и за границей; въ Берлинѣ слушатель Савинны, Ганса, Карла Риттера.

— Куторга, М.: въ Дерптѣ, потомъ 1833—35 за границей.

— Порошинъ, политико-экономъ: 1833—35 за границей.

Въ вазанскомъ университетѣ:

— Мейеръ, Д. И.: кажется 1842—44, за границей, и друг.

чательныхъ дѣятелей, которые уже скоро внесли въ литературу богатый запасъ новыхъ научныхъ интересовъ.

Свою долю вліянія на развитіе историческихъ изученій оказало и гегеліанство, увлекавшее умы молодого поколѣнія тридцатыхъ годовъ. Оно имѣло исходный пунктъ и способъ наблюденія, не совсѣмъ согласные, иногда противоположные съ требованиями «исторической школы»; но были точки соприкосновенія, гдѣ то и другое содѣйствовало преобразованію исторической науки,—и въ самой Германіи, и въ отраженіяхъ гегеліанства у насъ. Представленіе о естественномъ, совершающемся съ внутренней необходимостью, процессѣ развитія духа,—процессѣ, создающемъ самую исторію человечества,—совпадало съ основной мыслью исторической школы, съ тою разницею, что послѣдняя избѣгала рисованныхъ отвлеченныхъ построеній «философіи исторіи» и останавливалась на генетическомъ объясненіи фактовъ.

Всѣ эти явленія, и въ видѣ общихъ теоретическихъ положеній, и въ видѣ специальныхъ историческихъ, юридическихъ и литературныхъ наученій, соединялись и перекрещивались въ молодыхъ кружкахъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, и создали небывалое прежде движеніе научно-критической мысли, въ духѣ которой и былъ произведенъ рядъ трудовъ, совершенно измѣнившихъ весь характеръ русской исторіографіи и изслѣдованій народности. Значительный научный матеріалъ былъ уже собираемъ ранѣе; философскіе вкусы, тогда распространенные, требовали теоретическаго освѣщенія фактовъ и приготавливали почву для новыхъ выводовъ и обобщеній; теперь, количество матеріала еще умножилось и къ нему приложены были новые приемы критики. Въ ходѣ русской науки наступилъ новый періодъ.

Въ области исторіографіи на первомъ планѣ стоятъ многочисленные труды неутомимаго Соловьева (1820—1879) ¹⁾. Его первая знаменитая диссертация: «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ» (1845) и вторая: «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома» (1847), наконецъ первый томъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» (1851) были фактомъ, что называется, составляющимъ эпоху. Труды Соловьева были приняты съ величайшимъ сочувствіемъ, уваженіемъ его

¹⁾ Оцѣнка этихъ трудовъ дѣлалась множество разъ при ихъ появленіи; общее опредѣленіе ихъ укажемъ въ статьѣ г. Герье: „С. М. Соловьевъ“, въ „Историч. Вѣстникѣ“, 1880; подробное перечисленіе ихъ—въ „Спискѣ сочиненій, 1842—1879“, составленномъ Н. А. Пономѣвымъ.

сверстниками, потому что отвѣчали ихъ собственнымъ исканіямъ и требованіямъ отъ историческаго изслѣдованія. Эти сверстники съ перваго раза вѣрно оцѣнили всю важность новаго приема и его отношеніе къ карамзинскому преданію. Съ другой стороны, труды Соловьева встрѣчены были весьма недружелюбно хранителями этого преданія, именно Погодинымъ,—это было странно во всякомъ случаѣ, происходило-ли отъ непониманія, или отъ непреодолимаго личнаго нерасположенія къ молодому сопернику.

Критическій приемъ Соловьева былъ именно приемъ «исторической школы». Первые образцы новой критики указали наглядно всю недостаточность прежнихъ изслѣдованій и необходимость искать объясненія внутреннихъ основаній историческаго процесса. Трудъ Соловьева былъ привѣтствованъ его сверстниками именно потому, что, говоря словами одного изъ нихъ, представлялъ—*«первую серьезную попытку понять и объяснить постепенное развитіе древней русской жизни. Этого до Соловьева никто еще не дѣлалъ, по крайней мѣрѣ печатно, не исключая самого Карамзина. «Исторія» Карамзина принадлежит болѣе къ изящной, чѣмъ къ исторической литературѣ (кромя примѣчаній, которыя представляютъ богатое собраніе матеріаловъ и источниковъ). Карамзинъ обращалъ болѣе вниманія на внѣшнія событія, чѣмъ на внутреннія. Онъ мало понималъ послѣдовательное, внутреннее развитіе русской жизни... Конечно, въ «Исторіи» Карамзина встрѣчаются намеки на мысль, которую развилъ г. Соловьевъ въ своей диссертациі, но имъ едва-ли можно придавать какую-нибудь важность... Дѣло состоитъ въ томъ, что Карамзинъ не искалъ въ фактахъ мысли, не останавливался надъ ними, не прослѣдилъ ихъ развитія въ исторіи, какъ г. Соловьевъ, а передавалъ ихъ отрывочно, безсвязно, какъ онѣ высказывались въ фактахъ. Конечно, время было другое. Но нельзя жъ опять не сказать, что это было такъ... Карамзинъ не глубоко смотрѣлъ на исторію. Это и даетъ намъ право назвать взглядъ г. Соловьева вполнѣ новымъ, оригинальнымъ и самостоятельнымъ, хотя на него и есть намеки въ «Исторіи» Карамзина».*

Критикъ,—слова котораго мы приводимъ,—вообще находилъ очень мало удовлетворительной и историческую и историко-юридическую литературу нашу послѣ Карамзина. Единственная полезная часть и въ той, и въ другой—собираніе и обнародованіе источниковъ; но изслѣдованій очень мало, и направлены они на предметы несущественныя; общіе взгляды составляются изъ чистаго произвола, а «необходимый законъ, по которому совершалась древняя русская исторія», даже не привлекаетъ вниманія.

Критикъ называлъ это состояніе науки *романтизмомъ* и находилъ, что «такой романтизмъ, господствующій въ современныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ, и лозунгами котораго почти всегда — мысли самыя не-дѣйствительныя, не-историческія, преимущество Руси передъ Россією (т.-е. древней Россіи передъ новою) и словенскаго міра передъ романо-германскимъ — такой романтизмъ свидѣтельствуешь только, что до истинной дѣйствительной исторической науки намъ еще очень, очень далеко.

Книга Соловьева радовала критика именно совершеннымъ удаленіемъ этого романтическаго произвола, и введеніемъ строгаго научнаго изслѣдованія историческихъ законовъ и движущихъ началъ. «Что мы особенно цѣнимъ въ авторѣ книги, — говорилъ критикъ, — это безусловную *отру от историческое развитіе*, и потому совершенное отсутствіе всякихъ любимыхъ заднихъ мыслей, насилующихъ факты, простой взглядъ на историческія событія и большой историческій смыслъ. Для г. Соловьева всѣ эпохи нашей древней исторіи равно интересны и важны; во всѣхъ онъ ищетъ внутренняго значенія, необходимой связи и разумной постепенности, не вводя постороннихъ дѣателей отъ своего лица». «Мы не усомнимся сказать, — заключилъ критикъ, — что трудъ г. Соловьева самъ по себѣ *составляетъ эпоху* въ области изслѣдованій о русскихъ древностяхъ и подаетъ радостныя надежды въ будущемъ».

Отзывъ, сущность котораго мы привели, принадлежитъ г. Кавелину¹⁾. Теперь, спустя почти сорокъ лѣтъ, когда и самый дѣатель, котораго привѣтствовалъ критикъ, отошелъ въ исторію, особенно любопытенъ этотъ первый отзывъ, такъ оправданный монументальнымъ трудомъ Соловьева. Г. Кавелинъ съ тѣмъ же вниманіемъ и сочувствіемъ останавливался на послѣдующихъ сочиненіяхъ Соловьева, и его «Исторіи отношеній между русскими князьями Рюрикова дома» (1847) посвятилъ рядъ статей, въ которыхъ внимательно прослѣдилъ и провѣрилъ главную мысль Соловьева и ея историческія подробности, — такъ какъ на этотъ разъ шла рѣчь объ одномъ изъ основныхъ *началъ* всей старой русской исторіи²⁾. Интересъ вполне понятенъ: это были именно ученые *одной школы*, едва раздѣленные спеціальностью, — одинъ былъ собственно историкъ, другой юристъ, — но видѣвшіе одно требованіе для историческаго изслѣдованія и естественно сходяв-

¹⁾ «Отеч. Записки», 1845, дек., библи. хроника; и Сочин. Кавелина, М. 1859, т. II, стр. 30, 31, 33, 38.

²⁾ «Современникъ», 1847, кн. 8 и 12; 1848, кн. 5; Сочиненія, II, стр. 454—612.

шіеся въ вопросѣ объ историческихъ началахъ, которые были вмѣстѣ и началами юридическими.

Понятіе о народѣ, какъ организмѣ, и объ исторіи народа, какъ органическомъ развитіи его исконныхъ бытовыхъ началъ, въ обстановкѣ природныхъ условій и внѣшнихъ условій сосѣдства, составляетъ основную историческую идею Соловьева, и приложеніе этой идеи есть его великая научная заслуга. Съ первыхъ своихъ изслѣдованій Соловьевъ исходилъ изъ этой точки зрѣнія, и потомъ нѣсколько разъ возвращался къ объясненію понятія органическаго развитія: естественно, что исторія, построенная на этомъ основаніи, была совсѣмъ не похожа на старую карамзинскую. Свой главный историческій трудъ Соловьевъ открываетъ изслѣдованіемъ географической области, въ которой предстояло развиваться дѣятельности русскаго народа. Это была система знаменитаго Риттера, который, въ параллель исторической школы, создавалъ тогда впервые географическую науку, связанную съ исторіей и этнографіей и объяснявшую взаимодѣйствіе природы и человѣка. Взглядъ Риттера былъ опять привлекателенъ для Соловьева именно тѣмъ, что удалялъ изъ исторіи случайность и произволъ, и давалъ естественный и постоянный законъ для объясненія фактовъ. Отдѣльными замѣчаніями о вліяніи «климата» есть еще у Карамзина; но до Соловьева нигдѣ не было съ такой подробностью разработано вліяніе географическихъ условій вообще, — быть можетъ, даже съ преувеличеніемъ апіорическихъ выводовъ послѣ факта. Съ точки зрѣнія органическаго развитія, новый историкъ отнесся отрицательно къ обычному дѣленію русской исторіи на періоды: по его взгляду, никакого рѣзкаго дѣленія не могло быть тамъ, гдѣ идетъ *непрерывная* дѣятельность развитія, гдѣ каждое явленіе подготавливается предыдущимъ, и если иногда крупное событіе имѣетъ видъ внезапнаго переворота, это значитъ только, что его причинъ надо искать глубже въ условіяхъ и потребностяхъ жизни и дальше въ предшествующихъ вѣкахъ. Еще въ 1847, при защитѣ второй диссертации, Соловьевъ въ рѣчи на диспутѣ высказывалъ свою точку зрѣнія: до сихъ поръ заботились особенно о томъ, какъ *раздѣлить* русскую исторію; теперь надо стараться, напротивъ, *соединить* ея части въ одно цѣлое, связать раздробленное и неправильно противопоставленное; надо возсоздать органическій ходъ исторіи, а онъ самъ отмѣтитъ дѣленія естественныя и необходимыя¹⁾. Позднѣе онъ развилъ эту самую мысль и въ печати.

¹⁾ Сочин. Кавелинъ, II, 459—460.

Въ связи съ этимъ представленіемъ, Соловьевъ объяснялъ родовыми отношеніями «систему удѣльную», которая прежде представлялась бессмысленнымъ дѣломъ произвола. Онъ отвергалъ также вліяніе монгольскаго ига въ томъ размѣрѣ, какое ему часто приписывали: монгольское иго было непричастно тому повороту въ русской исторіи, который съ нимъ совпадаетъ хронологически, или по крайней мѣрѣ было въ этомъ поворотѣ только одной изъ многихъ дѣйствующихъ причинъ. Далѣе, въ связи съ этимъ, былъ взглядъ Соловьева на Ивана III, на Ивана Грознаго, чьихъ дѣятельность внушена была не личными характеристиками, хитрой осторожностью одного, или жестокостью другого, а принудительными обстоятельствами, которыя вперёдъ предписывали извѣстное направленіе ихъ политикѣ. Наконецъ, въ самомъ переходѣ отъ древней Россіи къ новой, въ дѣятельности Петра, которая характеризуется обыкновенно какъ реформа, даже революція, Соловьевъ не видитъ никакого внезапнаго перерыва, никакого произвольнаго нарушенія «исконныхъ русскихъ началъ», на которое до сихъ поръ плачутся поклонники древней Руси; напротивъ, Соловьевъ указывалъ тѣснѣйшую практическую связь древней Россіи и новой, и связь нравственную, потому что самый способъ дѣйствія реформы складывался по тѣмъ нуждамъ, какія были почувствованы ранѣе Петра, и по тѣмъ приёмамъ мысли, какіе были воспитаны старымъ русскимъ обществомъ. Петръ былъ только исполнитель требованія, которое вѣками нарастало въ древней Россіи, и средство, употребленное новой Россіей для удовлетворенія этого требованія, было совершенно законно — оно употреблялось и самою древней Россіей. Тѣ угловатости, которыхъ не лишена реформа, были слѣдствіемъ той малой развитости сознанія, какая опять была унаслѣдована отъ старой Россіи. «Эта страсть къ кореннымъ переворотамъ, къ полному отрицанію стараго и созданію новаго, есть плодъ неразвитости сознанія. Одна крайность — безсознательное подчиненіе старому, ведетъ необходимо къ другой крайности — безсознательному стремленію къ новому».

Развивая далѣе мысль объ органическомъ ростѣ русскаго народа, Соловьевъ устраняетъ и ту черту, какою многіе желаютъ еще донинѣ отдѣлять русскій народъ отъ европейскаго Запада, какъ нѣчто совсѣмъ на него не похожее и особенное, къ чему не прилагаются идеи и историческія явленія Запада. Это мнѣніе о несходствѣ, или даже противоположности Россіи и Запада, — въ которомъ не изгладилось или, вѣрнѣе, усердно подогрѣвалось преданіе старой московской исключитель-

нести, — поддерживалось у насъ людьми двоякаго сорта, съ одной стороны людьми, вообще не весьма расположенными къ просвѣщенію («ученье — воть чума»), бюрократическими обскурантами, а съ другой подкатоено было новѣйшими доктринарами, которыми казалось, что этимъ противопоставленіемъ Россіи и европейской образованности возвышается достоинство русскаго народа. Думаемъ, что Соловьеву это мнѣніе было противно въ общій его форматъ. Въ тѣ годы, когда шла его молодая дѣятельность, на этой противенеломности Россіи и Запада особенно настаивали: Западъ являлся тогда очагомъ революціоннаго буйства, противъ него принимались строжайшія карантинныя мѣры, его просвѣщеніе считалось зараженнымъ и ядовитымъ, — и славянофилы страннымъ образомъ этому вторили; Соловьевъ, который (накъ и многіе другіе дѣтели «исторической школы» въ Германіи и у насъ) въ результатъ своихъ историческихъ изученій былъ большимъ консерваторомъ, не только не былъ однако приверженцемъ этого дѣленія и удаленія отъ Запада, но напротивъ думалъ, что послѣднюю стадію историческаго развитія русскаго народа, послѣдній результатъ его исторической работы, составляетъ его приобщеніе къ развитію обще-человѣческому: въ концѣ своей многотрудной задачи — внѣшняго построенія государства и внутренней работы образованія, — русскій народъ долженъ прикнудить къ европейской семьѣ, ему родственной, и къ ея просвѣщенію. Требованіе просвѣщенія именно и отличало Соловьева отъ всякихъ прежнихъ и новѣйшихъ консерваторовъ, и прибавка этого условія, конечно, мѣняла всю обычную консервативную формулу.

Дѣло въ томъ, что Соловьевъ, по своему образованію, не былъ только тѣснымъ спеціалистомъ, но принималъ къ тому туманному направленію, которое укрѣпилось у насъ съ вліяніями европейской литературы и речомъ своей. Онъ вообще стоялъ особнякомъ, не вмѣшивался въ горячую публицистическую дѣятельность кружка Бѣлинскаго, но во всякомъ случаѣ принадлежалъ къ «западникамъ», и Грановскій, наиболѣе мягкій и симпатичный представитель у насъ гуманнаго направленія, былъ для него высшо цѣненнымъ товарищемъ ¹⁾.

Соловьевъ не любилъ полемикки, — слишкомъ часто безплодной, потому что большинство полемистовъ не умѣютъ вести спора о дѣлѣ, увлекаясь мелочностью личныхъ раздраженій, — неутомимая работа давала ему возможность вести постоянно дальнѣй-

¹⁾ Ср. объ этомъ замѣчаніе г. Герье: „С. М. Соловьевъ“, стр. 12—14.

шее разъясненіе и доказательство своего взгляда. Очень рѣдко онъ имѣялъ своему обычаю, и разъ выѣшался въ споръ противъ славянофильства. Оно было ему антипатично именно тѣмъ, что на мѣсто органическаго развитія реальныхъ данныхъ народной жизни ставило въ исторіи отвлеченнымъ апіоретическія положенія и въ нимъ подгоняло факты. Эти статьи Соловьева.¹⁾ особенно любимаы для объясненія его собственнаго приѣма и вѣрныхъ разнорѣчій съ славянофильствомъ. Это послѣднее направленіе онъ считалъ просто анти-историческимъ; и дѣйствительно, славянофильство доселѣ (и въ настоящее время еще меньше чѣмъ прежде) не можетъ приладить своей теоріи къ какому-нибудь послѣдовательному изложенію русской исторіи или русской литературы.

Однимъ изъ основныхъ пунктовъ разнорѣчія въ опредѣленіи хода русской исторіи была естественно Петровская реформа. Соловьевъ, осматривая ее съ разныхъ сторонъ, не скривалъ отъ себя ея недостатковъ и не былъ ея безусловнымъ панегиристомъ, — но самымъ рѣшительнымъ образомъ защищалъ ее отъ ея вѣйшихъ противниковъ, именно какъ глубоко естественный, органически необходимый фактъ развитія русскаго народа, какъ условіе и ручательство его достоинства въ средѣ европейскихъ народовъ и въ области обще-человѣческаго просвѣщенія. Это былъ только болѣе опредѣленный исторически, но тотъ же взглядъ на Петра, какой выставляла повѣя (не дворянская теорія) Пушкина; тотъ же взглядъ «западнической» партіи, которая въ реформѣ Петра защищала право просвѣщенія, еще слишкомъ мало обезпеченное въ русской жизни; по мнѣнію Бѣлинскаго, которое дѣлилось несомнѣнно и его друзьями, Пушкинъ нигдѣ не былъ такъ высокъ и именно такъ националенъ, какъ въ политическомъ воззвѣщеніи «творца Россіи».

Обозрѣніе научнаго и общественнаго значенія дѣятельности Соловьева привело г. Герье въ слѣдующему выводу, который мы приведемъ какъ первый уже историческій выводъ объ этой дѣятельности. «Въ исторіи, — говоритъ г. Герье, — выражается народное самопознаніе и историографія служитъ средствомъ для его выясненія. Въ лицѣ Соловьева русская историографія довершала задачу, которую она такъ давно стремилась выполнить. Въ немъ соединились всѣ условія, необходимыя для національнаго историка въ полномъ и истинномъ смыслѣ этого слова...

¹⁾ „А. Л. Шлецеръ“, въ Русск. Вѣстн. 1856 г., № 8, и „Шлецеръ и анти-историческое направленіе“, Русск. Вѣстн. 1857 г., № 8.

Ему было суждено поставить создающееся зданіе русской исторіографіи на прочномъ основаніи, потому что этимъ основаніемъ была современная европейская наука. Но историческая наука не должна представлять только зеркало для прошедшаго; она имѣетъ культурное общественное призваніе, и такъ понималъ свою задачу Соловьевъ. Для русской науки, какъ и для всякой другой, эта задача выполнима только въ союзѣ съ обще-европейскимъ просвѣщеніемъ, и въ этомъ отношеніи Соловьевъ направилъ русскую исторіографію на вѣрный путь; ни его патріотизмъ, ни его преданность православноѣ церкви не мѣшали ему считать себя европейцемъ и требовать отъ русскаго общества, чтобы *европейское* ему не было чуждо. Онъ сдѣлалъ болѣе; онъ доказалъ своей исторіей, что стремленіе къ европейской наукѣ и обще-человѣческому просвѣщенію есть исконное стремленіе въ Россіи, есть *національное* стремленіе. Историческіе труды Соловьева раскрыли постепенное, но непрерывное развитіе этого стремленія отъ первыхъ зародившей его въ «ревнителяхъ просвѣщенія» въ древней Руси, отъ болѣе яснаго проявленія его въ «русскихъ исповѣдникахъ просвѣщенія»¹⁾ въ XVII вѣкѣ, до сознательнаго упроченія его въ преобразованіяхъ великаго царя. Въ рядахъ этихъ русскихъ ревнителей просвѣщенія одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ принадлежитъ русскому національному историку, основателю историческаго направленія въ русской исторіи, такъ высоко понимавшему какъ научный характеръ, такъ и просвѣтительное призваніе русской исторіографіи²⁾.

Мы не будемъ входить здѣсь въ разборъ историческихъ взглядовъ Соловьева, которые въ иныхъ, и важныхъ, отношеніяхъ остаются спорными; мы будемъ имѣть случай говорить о нихъ дальше, а здѣсь хотѣли только указать его главную заслугу, состоящую въ приѣмѣ изслѣдованія, который дѣйствительно впервые открывалъ путь въ правильному пониманію русской исторіи. Это не была внѣшне-историческая, живописательная и морализирующая манера Карамзина, которая оцѣнивала событія по ихъ внѣшней яркости, анекдотической занимательности, историческихъ дѣятелей — по ихъ добродѣтелямъ и порокамъ; здѣсь открывалась критика внутреннего смысла этихъ событій, разыскивались фізіологическія основанія быта, событіямъ и лицамъ опредѣлялось ихъ мѣсто и значеніе по ихъ связи съ органическимъ движеніемъ исторіи. Изслѣдованія, веденныя въ этомъ на-

¹⁾ Статья Соловьева, въ „Русск. Вѣстн.“ 1857 г., № 17, стр. 65—76.

²⁾ „С. М. Соловьевъ“, стр. 38.

правленіи, могли продолжаться уже только въ этомъ направленіи:—можно было оспаривать указанные историкомъ законы явленій, но его точка зрѣнія могла быть опровергнута только открытіемъ и доказательствомъ другихъ *законовъ*.

Въ одно время съ Соловьевымъ, или даже раньше его, на этотъ самый путь изслѣдованія вступилъ Кавелинъ. Его знаменитая нѣкогда статья: «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи» ¹⁾ составляетъ сжатый очеркъ того взгляда, который былъ положенъ въ основаніе курса по исторіи русскаго законодательства, читаннаго имъ въ московскомъ университетѣ съ 1844 года. Уже съ этого времени, Кавелинъ въ своихъ лекціяхъ объяснял «преимущественно родовыя начала русскаго быта въ ихъ историческомъ развитіи»; въ 1847—48, онъ «большую часть лекцій посвящалъ весьма подробному обзорѣнію первоначальнаго быта славянъ и изслѣдованію происхожденія древнѣйшихъ славянскихъ учрежденій, причемъ пользовался данными изъ тепершняго быта славянскихъ племенъ и историческими письменными памятниками ихъ древнѣйшей исторіи» ²⁾.

Во «Взглядѣ» весьма послѣдовательно и ясно изложено развитіе началъ родовыхъ, оказывавшихъ вліяніе на самое политическое устройство государства, и указано ихъ позднѣйшее разложеніе и перерожденіе. Съ этой точки зрѣнія основныхъ движущихъ элементовъ исторіи, выводы Кавелина о главнѣйшихъ историческихъ лицахъ, о значеніи историческихъ эпохъ нерѣдко совершенно расходились съ общепринятыми представленіями и складывались именно въ томъ смыслѣ, какъ мы видѣли у Соловьева.

Какъ пришли эти новыя изслѣдователи къ своему методу? Нѣтъ сомнѣнія, что они прямо и косвенно испытали на себѣ вліяніе тогдашней европейской науки, особливо нѣмецкой исторической школы. Въ нашей исторіографіи, послѣ Карамзина, дальнѣйшей ступенію развитія былъ Эверсъ, скептическая школа, а затѣмъ прямо труды Кавелина и Соловьева. Такъ называемая скептическая школа вызвала вообще гораздо больше осужденій, чѣмъ признаній того, что все-таки было ею сдѣлано, —и это понятно: она не оставила ни одного цѣльнаго законченнаго труда, разбилась на подробности,—но любопытно отмѣтить, что компетентные люди, видѣвшіе близко ея дѣятельность,

¹⁾ «Современникъ», 1847 г., январь; Сочиненія, М. 1859, т. I, стр. 305—380. Статья помѣщена февралемъ 1846 г.

²⁾ Біограф. Словарь проф. моск. университета. М. 1855 г., т. I, стр. 365—366.

придаютъ ей больше значенія, чѣмъ обыкновенно за ней предполагается, и чѣмъ можно было бы предположить безъ этихъ удостовѣреній.

Кавелинъ, составляя Каченовскаго (главу скептической школы) и Венелина, не рѣшался утверждать, ясно ли они понимали «великій подвигъ», который имъ предстоялъ, но котораго они не могли совершить по встрѣченнымъ трудностямъ; но «то несомнѣнно,—говоритъ онъ,— что оба далеко не были поняты». «Ихъ невысказанная мысль осталась прекраснымъ, глубокомысленнымъ завѣщаніемъ для грядущихъ поколѣній; но современники, ихъ собратія по дѣлу, видѣли одни писанныя слова... Кого увѣрите теперь, что предѣломъ ихъ историческихъ убѣждений была подложность Несторовой лѣтописи или славянство варяговъ? Въ глаза бросается, что ихъ навели на эти мысли — другія, *болѣе глубокія* и въ своемъ основаніи *отрывныя требованія* отъ науки русской исторіи... Очень понятно, что удары, которые посыпались на Каченовскаго и Венелина, должны были оглушить ихъ и отклонить ихъ дѣятельность и вниманіе въ другую сторону. Такъ и прошли они, не высказавшись ¹⁾».

Далѣе, Соловьевъ, въ обширной біографіи Каченовскаго, написанной для юбилейнаго «Словаря профессоровъ моск. университета» (1855), относится къ Каченовскому съ такимъ же признаніемъ его заслугъ въ развитіи исторической критики. Не менѣе ихъ цѣнитъ эту заслугу ученый болѣе стараго поколѣнія: г. Рѣдкинъ замѣчаетъ въ автобіографіи, писанной для того же «Словаря», что онъ слушалъ въ Москвѣ лекціи русской исторіи «у перваго—по мнѣнію Рѣдкіна—критика отечественной исторіи Каченовскаго», и что «болѣе всѣхъ онъ обязанъ лекціямъ по русской исторіи Каченовскаго, въ отношеніи не столько самаго содержанія, сколько *ученымъ приѣмамъ* ²⁾».

Въ этихъ приѣмахъ и былъ вопросъ. «Скептицизмъ» Каченовскаго основанъ былъ на требованіи, чтобы бытовыя явленія и отдѣльныя событія, изображаемыя историками, отвѣчали общему характеру вѣка, т.-е., чтобы не подлежала сомнѣнію ихъ органическая связь съ основными историческими данными мѣста, времени и быта. И это требованіе, поставленное категорически какъ первое правило, было дѣйствительно ново въ русской исторіографіи. Подобное понятіе о внутреннемъ фیزیологическомъ

¹⁾ Сочин. Кавелина, II, 408—409. Писано въ 1847 году. Прибавимъ, что Венелину кромѣ того очень повредили такіе послѣдователи, какъ Савельевъ-Ростиславичъ и Морозкинъ, о которыхъ мы прежде говорили.

²⁾ Бюгр. Словарь проф. моск. ун-в. II, стр. 380.

развитіи народовъ Кавелинъ указываетъ и у Венелина. То и другое было несомнѣннымъ, хотя на первый разъ еще мало сознаваемымъ, отраженіемъ тогдашняго поворота въ европейской историографіи. Но въ тридцатыхъ годахъ, въ нашихъ университетахъ, и въ Москвѣ особенно, являются уже непосредственные ученики и послѣдователи нѣмецкой исторической школы: ея ученія передаются уже не въ случайныхъ, отрывочныхъ отголоскахъ, а въ ихъ полномъ составѣ и въ систематическомъ порядкѣ фактовъ и доказательствъ. — Соловьевъ и Кавелинъ, еще будучи слушателями университета, воспринимали эти вліянія, и какъ бываетъ въ здоровомъ развитіи, воспринимали ихъ съ участіемъ самостоятельной критики ¹⁾, и въ результатъ было сознательное примѣненіе метода къ новому матеріалу. Ближайшимъ матеріаломъ была русская исторія.

Общій планъ теоретическаго объясненія русской исторіи внутренними началами быта, какъ мы видѣли, сложился одновременно, и весьма похоже у Соловьева и у Кавелина, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Кавелинъ даже раньше указалъ новую точку зрѣнія.

Но затѣмъ, мысль объ органическомъ ходѣ исторіи привела Кавелина еще къ другому роду изслѣдованій, чрезвычайно любопытному ²⁾. Это — изслѣдованія этнографическія, опять въ своемъ родѣ первая въ нашей литературѣ.

Мы видѣли раньше, въ какомъ положеніи была наша этнографическая наука, главными представителями которой были тогда Сахаровъ, Снегиревъ и Терещенко. — Географическое общество тогда только-что основывалось.

Народный бытъ не могъ не привлечь *нашей* исторической школы. Если исходной точкой ея теоретическихъ толкованій русской исторіи были основныя формы быта, изъ которыхъ выводилось развитіе народной жизни и созданіе государства, то рядомъ былъ интересъ къ народному быту современному, въ которомъ такъ явно хранилась старина. Изученіе его требовалось и для объясненія современной жизни, и для пониманія старой исторіи. — Въ настоящее время изслѣдованіе народнаго быта владѣетъ обширнымъ запасомъ научныхъ средствъ: не говоря о богатыхъ указаніяхъ въ наукѣ европейской, у насъ этому изслѣдованію содѣйствуютъ уже сильно развившаяся археологія, срав-

¹⁾ Первая научная работа Кавелина: „О теоріяхъ владѣнія“ (Сочин. I, 3—37).

²⁾ Курсъ его по исторіи русскаго законодательства превратился за выходомъ его изъ московскаго университета въ 1848 г.

нительное языкознаніе, сравнительная мнѳологія, большой матеріалъ современныхъ наблюденій быта и произведеній народной поэзіи и т. д. Въ сороковыхъ годахъ, собраніе народнаго матеріала было еще весьма скудно; другія научныя средства, какъ увидимъ далѣе, едва появлялись въ это время. Такимъ образомъ, Кавелинъ, когда обратился къ вопросу о народномъ бытѣ, былъ ограниченъ лишь тѣми средствами, какія давалъ общій методъ исторической школы; но, не смотря на этотъ недостатокъ научной разработки предмета, внимательная критика народно-бытовыхъ фактовъ сдѣлала то, что его изслѣдованія въ этой области остаются доннынъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ трудовъ въ нашей этнографической литературѣ.

Первымъ поводомъ къ этой работѣ послужила для Кавелина упомянутая книга Терещенки, — не сама по себѣ, потому что лишена была всякаго научнаго значенія, но какъ новый, хотя и плохой, запасъ матеріала о народномъ бытѣ. Кавелинъ посвятилъ этому предмету рядъ статей ¹⁾, гдѣ впервые научнымъ образомъ освѣтилъ историческое значеніе русскаго народнаго быта. Исходный пунктъ изслѣдованія высказанъ слѣдующими словами:

„Наши прѳонародныя обряды, примѣты и обычаи, въ томъ видѣ, какъ мы ихъ теперь знаемъ, очевидно сложились изъ *разнородныхъ элементовъ* и въ продолженіи *многихъ эпохъ*. Все, что имѣло на Россію болѣе или менѣе продолжительное *вліяніе извне*, всѣ эпохи ея *внутренняго историческаго возростанія* проводили какую-нибудь черту въ обрядахъ и обычаяхъ, прибавляя къ нимъ новое, измѣняя, уничтожая или переименовая старое. Вслѣдствіе этой безпрестанной, хотя и медленной, перестройки наши обычаи и обряды представляютъ самый нестройный хаосъ, самое пестрое, повидимому безсвязное, сочетаніе разнороднѣйшихъ началъ. Развалины эпохъ, отдѣленныхъ вѣками намотники понятій и вѣрованій самыхъ разнородныхъ и противоположныхъ другъ другу въ нихъ какъ бы набросаны въ одну груду въ величайшемъ безпорядкѣ. Подвести ихъ подъ систему, объяснить изъ одного общаго начала невозможно, потому что они составились не по одному общему плану, не суть порожденіе единой творческой мысли. Чтобы внести сколько-нибудь свѣта въ эту массу отрывочныхъ, отчасти искаженныхъ и обезсмысленныхъ фактовъ, остается одно средство: разобрать ихъ по эпохамъ, къ которымъ они относятся, по элементамъ, подъ вліяніемъ которыхъ они образовались, и потомъ, съ помощью способовъ, на которые указываетъ историческая критика, восстановить, сколько возможно, внутреннюю связь этихъ эпохъ и послѣдовательность преемственнаго вліянія этихъ элементовъ. По примѣру геологів, критика должна найти влючъ къ этимъ ископаемымъ исчезнуваемаго историческаго міра“ ²⁾.

¹⁾ Современникъ, 1848; Сочин. Кавел., IV, стр. 3—201.

²⁾ Сочин. IV, стр. 36.

Но какъ найти этотъ ключъ? Авторъ справедливо замѣчаетъ, что это вовсе не такъ легко, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда, и указываетъ, какими разнообразными трудностями окружено правильное пониманіе обычая. Во-первыхъ, въ безчисленномъ множествѣ фактовъ, изъ которыхъ слагаются обычаи, обряды и повѣрья, очень немногіе сохранились въ первоначальномъ видѣ, а большая часть является искаженной всѣми позднѣйшими наростами и вліяніями. Есть факты, древность которыхъ несомнѣнна, но они такъ сглажены временемъ, что ихъ смыслъ открыть невозможно. Во-вторыхъ, многіе обряды и повѣрья имѣютъ въ современномъ употребленіи свое опредѣленное значеніе и толкуются самимъ народомъ: повидимому, научное объясненіе—готово, но на дѣлѣ народное толкованіе очень часто бываетъ совершенно ошибочно. По привычкѣ, по консервативному праву массы, обрядъ держится дольше, чѣмъ помнится его первоначальный смыслъ, и народъ, забывая съ теченіемъ вѣковъ старое значеніе обряда, толкуетъ его по своимъ новымъ соображеніямъ; новое толкованіе бываетъ обыкновенно рационалистическое, старается отыскать въ обрядовомъ дѣйствіи какой-нибудь, вновь придуманный, символизмъ, какія-нибудь соотношенія съ практической пользой и т. п., и подъ вліяніемъ его, можетъ видоизмѣняться самая форма обряда. Наблюдатели народнаго быта (въ прежнее время) обыкновенно обращали мало вниманія на эту разницу между фактомъ и его народнымъ толкованіемъ.

Но какъ найтись въ этомъ лабиринтѣ фактовъ, въ этомъ сборномъ мѣстѣ всѣхъ вѣковъ, періодовъ, понятій русскаго народа? — Указавъ нецѣлостность нѣкоторыхъ объясненій обычая у прежнихъ нашихъ этнографовъ, Кавелинъ дѣлаетъ общее замѣчаніе объ измѣнчивости быта, понятій и слѣд., объ измѣнчивости самой народности,—чего до сихъ поръ не могутъ уразумѣть иные партизаны народности, похожіе на ея враговъ.

«...Чего не должно терять изъ виду при изученіи народныхъ повѣрій, обычаевъ и обрядовъ, это—постепенность, внутренняя послѣдовательность, съ которою происходятъ различныя измѣненія въ народной жизни, на какой ступени мы ее ни возьмемъ... Народъ на все смотритъ съ точки зрѣнія, обусловленной его характеромъ, исторіей, особенностями, историческимъ возрастомъ въ данную минуту. Всего, что внѣ этого опредѣленного круга его понятій, внѣ окружающей его нравственной атмосферы, онъ не видитъ и не понимаетъ. Внесетъ ли исторія новый элементъ, условіе въ народную жизнь, — случай ли броситъ въ нее данное, выросшее на другой исторической почвѣ, плодъ другого порядка вещей и понятій—они или передѣлываются, или остаются тѣ же, но народъ соединяетъ съ ними другое понятіе, присущее ему; слѣдовательно,

внѣшній образъ или смыслъ ихъ—все равно—становятся другими, и принимая чужое, вводя въ себя посторонніе элементы, народъ остается собой и себя вѣрнѣе. Такъ сначала, и это иногда долго продолжается; потомъ начинается обратное дѣйствіе воспринятыхъ элементовъ и данныхъ на народный организмъ. Увеличивъ собою число фактовъ, изъ которыхъ слагается и около которыхъ вращается народная жизнь, умноживъ свѣдѣнія народа, они въ свою очередь измѣняютъ народный организмъ; но это измѣненіе, обновленіе, перерожденіе его является естественнымъ, какъ будто совершающимся изъ собственныхъ, внутреннихъ силъ народа; ибо дѣйствительно, все это, что его обогатило, увеличило его содержаніе, сначала было имъ усвоено, введено въ кругъ его понятій¹⁾.

Разъяснивъ сложное содержаніе вопроса, отстранивъ старыя ошибочныя взгляды на предметъ, Кавелинъ переходитъ, наконецъ, къ положительнымъ основаніямъ, на которыхъ должно строиться объясненіе стараго обычая. Онъ дѣлаетъ при этомъ весьма важное замѣчаніе, которое можетъ теперь считаться научно-доказаннымъ, такъ какъ подтверждается множествомъ антропологическихъ наблюденій:

«Мы знаемъ изъ исторіи,—говоритъ онъ,—что теперешнія наши понятія, убѣжденія,—словомъ, та нравственная, духовная атмосфера, въ которой живетъ современный человѣкъ, образовалась и сложилась постепенно и есть результатъ прошедшаго. Чѣмъ жила человѣкъ, какии вліяніемъ опредѣлялась жизнь цѣлыхъ народовъ, когда этой нравственной атмосферы еще не было, а была только одна темная, неразвитая и несознаваемая способность создать ее? Очевидно, они жили, ихъ жизнь могла опредѣлиться только внѣшней, ихъ окружавшей природой. Общественныя отношенія—если они на этой степени развитія могутъ быть названы общественными—были совершенно не опредѣлены, не устроены, а потому, во сколько они зависятъ отъ воли человѣка, совершенно случайно, или исключительно опредѣлялись непосредственными требованіями внѣшней природы.

«Итакъ, прежде понятій, прежде обычаявъ—первой формы правильныхъ общественныхъ и житейскихъ отношеній,—нераздѣльно и исключительно преобладавъ непосредственный, грубый фактъ, во всей случайности или внѣшней необходимости: за нимъ ничего не было. Слѣпо покорялся ему первобытный человѣкъ. Онъ не научился еще обладать природой; приспосабливая ей непреложные законы и отправленія къ своимъ нуждамъ и требованіямъ; онъ еще не пытался подчинить случайность отношеній съ подобными себѣ постояннымъ, опредѣленнымъ, общимъ правиламъ. Онъ еще не имѣлъ мысли, сознанія. Таковъ младенецъ.

«Первымъ актомъ сознанія, первымъ шагомъ къ возобладанію надъ случайностью и непосредственнымъ дѣйствіемъ внѣшнихъ законовъ, было явленіе, повидимому совершенно противоположное тому и другому, а именно обобщеніе и случайности, и слѣпой внѣшней необходимости, призваніе ихъ дѣйствій за вѣчный, непреложный законъ. Казалось бы, этимъ ихъ господство было увѣковѣчено. Но вглядываясь пристальнѣе, мы увидимъ въ этомъ обобщеніи

¹⁾ Тамъ же, стр. 50—51.

въ этомъ признаніи дѣйствительнаго факта первое выраженіе потребности существовать подъ владычествомъ разумнаго закона, первую попытку высвободиться изъ-подъ власти слѣпнаго случая.

«Здѣсь зародились убѣжденія и обычаевъ. Ихъ содержаніе—не отвлеченная мысль, не психологическая или отвлеченная истина, а непосредственные отправления и дѣйствія вѣншей природы или грубыя, случайныя явленія еще хаотической, первоначальной общественности» (стр. 58—59).

На основаніи этого взгляда, Кавелинъ выводитъ, что одна изъ главныхъ путеводныхъ нитей въ объясненіи стараго повѣрья и обычая есть ихъ *прямой, буквальный смыслъ*. Когда передъ историкомъ одна нестройная масса разновременныхъ и разнотипныхъ фактовъ, безъ всякихъ извѣстій и данныхъ объ ихъ возникновеніи, простое буквальное толкованіе часто даетъ важныя указанія на явленія древнѣйшаго быта, и ихъ послѣдовательное развитіе. «Цѣлый отжившій и давно исчезнувшій міръ, съ его понятіями и историческимъ значеніемъ иногда вдругъ оживаетъ въ яркихъ краскахъ отъ одного устраненія переноснаго значенія двухъ-трехъ старинныхъ обычаевъ, которое вкладывали въ нихъ изслѣдователи, и отъ возвращенія имъ ихъ буквальнаго, непосредственнаго, прямого смысла». Авторъ приводитъ примѣры изъ древнѣйшаго римскаго права. Такъ, кредиторъ имѣлъ право «изрубить въ куски» неоплатнаго должника. Долго понимали это въ переносномъ смыслѣ, какъ полную волю кредитора надъ должникомъ; но потомъ ученые должны были признать, что здѣсь выраженъ просто фактъ древнѣйшей дѣйствительности. По тому же праву, тяжущіеся на судѣ о какой-нибудь вещи вступали передъ судьей въ борьбу между собой—«одинъ отнималъ вещь у другого»; но этотъ символъ опять былъ нѣкогда настоящей борьбой¹⁾. Переноса этотъ выводъ въ русскую старину, Кавелинъ находитъ реальное объясненіе нѣкоторыхъ нашихъ обычаевъ.

«Приходятъ ли, по нашимъ свадебнымъ обрядамъ, сваты съ посохомъ и ведутъ рѣчь съ родителями невѣсты какъ будто чужіе, нѣкогда не слышавшіе о нихъ—хоть и живутъ дворъ-объ-дворъ—вѣрьте, что эти теперь символическія дѣйствія были когда-то, въ отдаленной древности, событіями, живыми фактами ежедневной жизни. Плачетъ ли невѣста по вогѣ, выражаетъ ли свадебная пѣснь ея неохоту, страхъ ѣхать въ чужую, незнакомую сторону—эти символы были тоже въ старину живой дѣйствительностью и въ этомъ значеніи

¹⁾ Что первоначальное значеніе символа было именно таково, читатель могъ видѣть изъ объясненій г. Кулишера по новымъ изслѣдованіямъ, въ статьѣ: «Символизмъ въ правѣ» (В. Евр. 1883, февраль). Напомнимъ здѣсь еще—основанныя на подобномъ взглядѣ, любопытныя изслѣдованія г. Воеводскаго (о канибализмѣ, и проч.).

являются однимъ изъ самыхъ богатыхъ историческихъ источниковъ. Думаетъ ли народъ, что на распутияхъ водится лихой человѣкъ — вѣрно когда-нибудь это было въ самомъ дѣлѣ такъ. Какая драгоценная черта для древнѣйшей общественности! Словомъ, ищите въ основаніи обрядовъ, повѣрій, обычаевъ — былей, когда-то живыхъ фактовъ, ежедневныхъ, нормальныхъ, естественныхъ условій быта, и вы откроете дѣльный историческій міръ, котораго тщетно будемъ искать въ лѣтописяхъ, даже въ самыхъ преданіяхъ; ибо народъ иногда и не помнитъ, какъ онъ жилъ въ отдаленной старинѣ, и не понимаетъ слѣдовъ этой жизни въ настоящемъ».

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ примѣняетъ свои общія положенія къ объясненію русской бытовой древности, — языческихъ вѣрованій, древняго общественного устройства, народныхъ праздниковъ, особенно подробно останавливается на бытѣ семейномъ и связанныхъ съ нимъ и доселѣ существующихъ обычаяхъ, на древнемъ бракѣ и т. д.

Трактатъ Кавелина есть важный фактъ въ развитіи нашей этнографіи, — какъ чуть ли не первый опытъ приложенія истинно-научнаго метода къ объясненію явленій народнаго быта. Позднѣе, методъ исторической школы утвердился въ изслѣдованіи бытовыхъ формъ, политическихъ учрежденій русской старины; но къ сожалѣнію, онъ почти не имѣлъ дальнѣйшаго примѣненія въ области древнѣйшихъ народныхъ представленій, обрядовъ и повѣрій. Въ этой послѣдней области, около того же времени, сталъ обильно примѣняться другой приемъ — объясненіе міеологическое, о которомъ подробнѣе скажемъ далѣе. Это было опять наслѣдіе отъ нѣмецкой науки, наслѣдіе полезное и которое необходимо было усвоить и переработать, такъ какъ въ немъ была большая доля научной истины; но не установившееся прочно въ самбй нѣмецкой наукѣ, міеологическое толкованіе примѣнялось у насъ съ преувеличеніями, которыя тогда же и бросились въ глаза Кавелину, такъ какъ слишкомъ противорѣчили его, гораздо болѣе реальному археологическому взгляду. На этомъ основаніи Кавелинъ высказался противъ Афанасьева, который тогда только-что началъ свои міеологическія изысканія, и дѣйствительно впадалъ при этомъ въ крайности, теперь едва ли уже не всѣми признанныя ¹⁾.

Такой же притокъ вліяній нѣмецкой науки, каковой представляетъ историческая школа у Соловьева и Кавелина, совер-

¹⁾ См. статью Кавелина: „О вѣдунѣ и вѣдьмѣ“ (противъ статьи Афанасьева подъ этимъ же заглавіемъ въ альманахѣ „Комета“, 1851) въ Отеч. Зап. 1851, т. 76; Сочин. Кавел. IV, стр. 231—246, особенно стр. 235—236.

пились въ области филологіи. И здѣсь, какъ тамъ, уже ранѣе подготавливалась почва для этихъ вліяній: чѣмъ въ историографіи былъ Каченовскій и «скептическая школа», тѣмъ въ филологіи были труды Востокова, Калайдовича, Кеппена, первое ознакомленіе съ славянскими языками. Но, и здѣсь, послѣ этой предварительной подготовки, притокъ новыхъ научныхъ взглядовъ открылся для филологіи еще другую, прежде совсѣмъ неизвѣстную, почву, гдѣ она и стала сильнымъ двигателемъ этнографіи.

Съ начала нынѣшняго столѣтія въ области языковѣданія совершался, по преимуществу въ Германіи, такой же переломъ, какой наступилъ въ историографіи съ исторической школой. Движеніе обѣихъ отраслей науки во многихъ случаяхъ было параллельно: въ теоретической основѣ была та же мысль объ органическомъ развитіи; въ нравственно-общественной—та же реакція противъ отвлеченнаго раціонализма XVIII вѣка и стремленіе къ раскрытію національныхъ особенностей, наклонность къ народному архаизму. Наконецъ, какъ развитіе исторической школы сопровождалось изданіемъ огромныхъ «монументовъ», собраній историческихъ источниковъ, такъ изученіе филологическое вызвало многочисленныя изданія памятниковъ народнаго языка и старой литературы, и ихъ обширную детальную разработку.

Нѣмецкое языковѣданіе развивалось тогда въ трехъ главныхъ направленіяхъ: сравнительномъ, основателемъ котораго былъ Боппъ; историческомъ, во главѣ котораго стоялъ Яковъ Гриммъ; и общемъ философскомъ, котораго первымъ начинателемъ былъ Вильгельмъ Гумбольдтъ. Сравнительное языковѣданіе, путемъ обширнаго изученія цѣлой группы языковъ, установило впервые фактъ происхожденія изъ одного источника, и потому тѣснаго родства такъ-называемыхъ индо-европейскихъ (индо-германскихъ, арійскихъ) языковъ, открыло перспективу ихъ послѣдовательнаго развитія, что стало послѣ предметомъ ревностныхъ разысканій для современнаго поколѣнія ученыхъ (въ особенности нѣмецкихъ). Трудъ Боппа (многотомная «Сравнительная грамматика» главнѣйшихъ индо-европейскихъ языковъ, въ томъ числѣ старославянскаго) былъ торжествомъ нѣмецкой науки, настоящимъ открытіемъ. Въ томъ же общемъ смыслѣ, Гриммъ предпринималъ свое историческое изслѣдованіе органическихъ измѣненій языка въ разныя эпохи его жизни: здѣсь въ первый разъ восстанавливалась картина развитія языка отъ тѣхъ старѣйшихъ формъ, какія могла услѣдить исторія, до его новѣйшихъ образованій. Наконецъ, общій вопросъ о человѣческомъ языкѣ, о дѣленіи языковъ на ихъ (три) основныя группы, о внутренней организаціи языка и т. д. Съ установ-

леніемъ этихъ изученій открылось новое, ранѣе даже не подозреваемое, поле для научныхъ исследованийъ, которыя уже вскорѣ изжили абсолютно или основали вновь цѣлыя отрасли историческаго, литературнаго и этнографическаго знанія: археологія, исторія культуры, этнографія становились часто только прикладнымъ языковѣдѣніемъ. Сравнительное языковѣдѣніе, въ соединеніи съ исторіей языка, давали возможность проникнуть въ тѣ до-историческія эпохи народовъ, которыя считались недостижимыми для науки и вызывали только произвольныя догадки; давали возможность открывать въ древнѣйшей эпохѣ народа состояніе понятій и быта, возстановлять его міеологию и учрежденія, находить слѣды культурныхъ связей племенъ и взаимныя вліянія и заимствованія, объяснили впервые истинное свойство и достоинство народной поэзіи. Знаменитые труды Якова Гримма, выше упомянутые, указывали и путь исследования, и въ высокой степени любопытные результаты, имъ достигаемые. Народный бытъ и старина, поэзія и языкъ стали предметомъ небывалаго прилежнаго изученія: уже въ 1812 г. Гриммъ (род. 1785) издавалъ нѣмецкія сказки, въ 1813 началъ изданіе «Старо-нѣмецкихъ Лѣсовъ», журнала, посвященнаго народно-поэтической старинѣ, и все дальше углублялся въ эти «лѣса»,—гдѣ отыскались сокровища свѣжаго первобытнаго языка, съ его неподдѣльной образностью и богатой естественной поэзіей. Наконецъ, народное стало средоточіемъ историческаго языковѣдѣнія; его присутствіе—жизной поэтической дѣятельности; средніе вѣка, когда въ непосредственности народнаго быта хранилось больше нетронутыхъ остатковъ старины,—любимой эпохой... По своей сущности эти изученія не были тождественны съ романтизмомъ,—ихъ основнымъ мотивомъ былъ не рыцарскій и католическій мистицизмъ, и изъ него не слѣдовало, какъ близкій выводъ, политическій консерватизмъ, какъ бывало у чистыхъ романтиковъ: здѣсь, напротивъ, прежде всего дѣйствовали мотивы научныя, въ которыхъ не легко приставала мелкая политическая тенденціозность или произвольная фантазія, и идеалы складывались иные,—Гримма въ среднихъ вѣкахъ влекли въ себѣ не рыцарство и монашескій мистицизмъ, а народъ и его простодушное міросозерцаніе—все равно, что оно было немного языческое, отъ этого оно было только болѣе полно поэзіи и непосредственнаго нравственнаго чувства. По своимъ политическимъ и религіознымъ мнѣніямъ, Гриммъ, при всей архаической страсти, остался человекомъ свободомыслящимъ.—Тѣмъ не менѣе, это новое научное обращеніе къ старинѣ имѣло точки соприкосновенія съ роман-

тивомъ, и само порождало сходныя явленія, когда научно-поэтическое народолюбіе слишкомъ устремлялось въ старину, видя въ ней одну патріархальную идиллію и забывая патріархальный «мракъ временъ» — что было на руку обскурантамъ. Нѣчто подобное повторилось и у насъ...

Вліянія новой науки оказали свое дѣйствіе въ тѣхъ же сороковыхъ годахъ. Какъ мы замѣтили, поворотъ и здѣсь различнымъ образомъ подготовлялся: расширялись изданія памятниковъ старой литературы (труды Востокова, Калайдовича, Погодина, Строева, археографической комиссіи, московскаго общества исторіи и древностей); возбужденъ дѣятельный интересъ къ народной поэзіи и изученію народнаго быта; начиналось знакомство съ родственными нарѣчіями славянскими и ихъ народно-поэтическими памятниками; сдѣланъ былъ Востоковымъ (еще въ 1820-мъ году) самостоятельный опытъ историческаго объясненія старо-славянскаго языка въ связи съ новѣйшими нарѣчіями. Наконецъ, имена Боппа, Гримма, Вильгельма Гумбольдта, Беккера появились — по крайней мѣрѣ были названы, въ университетскомъ преподаваніи ¹⁾. Нѣкоторые изъ молодыхъ ученыхъ познакомились съ новымъ языкованіемъ въ непосредственномъ источникѣ, нѣмецкихъ университетахъ и литературѣ.

Въ 1844 г. вышла книга г. Буслаева: «О преподаваніи отечественнаго языка» ²⁾. Это былъ первый русскій научный трудъ, построенный на основаніи новѣйшаго языкованія, и — начало многолѣтняго поприща, на которомъ авторъ оказалъ потомъ высоко цѣнныя заслуги въ изученіи русской старины, языка, народной поэзіи и искусства.

Первая часть книги г. Буслаева посвящена дидактическимъ вопросамъ преподаванія, въ которомъ авторъ желалъ освѣжить и расширить гимназическій курсъ русскаго языка матеріаломъ новѣйшаго языкованія. Болѣе любопытна и важна для исторіи нашей науки вторая часть книги, гдѣ авторъ переходитъ на филологическую почву и въ видѣ матеріаловъ для русскаго грамматикѣ предлагаетъ цѣлый рядъ изслѣдованій и замѣчаній о свойствахъ, содержаніи и исторической судьбѣ русскаго языка. Сравнительное языкованіе и историческій методъ въ первый разъ примѣнены здѣсь къ русскому языку, и этимъ сдѣланъ былъ въ его изученіи шагъ впередъ, столько же важный,

¹⁾ Кажется, еще въ тридцатыхъ годахъ. Ср. Біогр. Словарь моск. проф. I, стр. 288. Вуслаевъ, О препод. I, стр. V.

²⁾ О преп. отеч. языка. Сочиненіе Федора Вуслаева, старшаго учителя 3-й московской реальной гимназіи. М. 1844, 2 части. Второе изд., съ измѣненіями. М. 1867.

такъ то, что сдѣлано было въ исторіографіи трудами Кавелина и Соловьева. Въ эти годы верховъ филологическаго знанія считалась книга Павскаго («Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка», 1841—42),—книга, дѣйствительно замѣчательная по большой наблюдательности и остроумію соображеній, но составленная по старымъ способамъ, безъ того историческаго элемента, который послѣ Гримма сталъ неизбѣжнымъ научнымъ условіемъ въ изслѣдованіи языка. Съ появленіемъ книги г. Буслаева, «Наблюденія» Павскаго, не говоря о другомъ грамотѣйствѣ, сразу теряли свое значеніе ¹⁾.

Г. Буслаевъ взялъ себѣ руководителемъ Гримма, и какъ заимѣчаетъ онъ (въ предисловіи), взялъ именно потому, что «почитаетъ его начала самыми основательными и самыми плодотворными, и для науки, и для жизни». Онъ примѣняетъ сравнительный и историческій методъ Гримма къ объясненію русскаго языка, его звуковъ и формъ, изучаетъ народную реторику и стилистику, впервые дѣлаетъ попытку «исторіи народнаго языка» ²⁾, извлекаетъ изъ стараго и народнаго языка матеріалы для исторіи быта—военнаго, юридическаго, религіознаго, семейнаго, для опредѣленія языческаго и христіанскаго взгляда на природу; рассматриваетъ гредизмы и варваризмы въ старомъ языкѣ, наконецъ—провинціализмы или областной языкъ различныхъ краевъ Россіи.

Вторымъ замѣчательнымъ трудомъ г. Буслаева была его диссертация: «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ» (М. 1848). Онъ опредѣляетъ вопросъ по древнему переводу св. писанія на славянскій языкъ и по тѣмъ средствамъ, какія въ немъ употреблены для передачи неизвѣстныхъ прежде языку христіанскихъ понятій, отвлеченныхъ (религіозныхъ и нравственныхъ) и реальныхъ. Это было новое примѣненіе общихъ положеній и критическаго метода нѣмецкой науки; уже въ первомъ своемъ трудѣ авторъ показалъ близкое знакомство съ ея литературой, — тѣмъ болѣе теперь. По сущности вопроса книга раздѣлена на двѣ части: характеристика, по языку, періода мифологическаго, дохристіанскаго, и періода христіанскаго. Въ этомъ послѣднемъ авторъ ставитъ слѣдующіе вопросы: возведеніе исторіи славянскаго языка къ IV вѣку (слѣды его отыскиваются въ готскомъ

¹⁾ Ср. „О пренод“, 1-е изд. II, стр. 9.

²⁾ „Чтобы узаконить необходимость изученія народнаго языка, слѣдуетъ показать тѣсную связь нашей народной поэзіи съ древнѣйшими памятниками какъ русскою литературою, такъ и прочихъ славянскихъ племенъ, и съ произведеніями новѣйшихъ писателей“. О пренод. II, стр. 209—210.

переводѣ евангелія этого вѣка); отвлеченныя понятія, выраженные славянскимъ переводомъ писанія; древнѣйшія славянскія слова, значенія чисто христіанскаго (авторъ убѣждаетъ, что еще до IX вѣка славянскій языкъ бывалъ уже органомъ понятій христіанскихъ); слова, составляющія переходъ отъ древнѣйшаго періода къ христіанскому; начало славянской грамотности, определяемое готскимъ переводомъ библіи, IV вѣка; исторія понятій семейныхъ въ языкѣ; языкъ въ періодъ развитія общественныхъ отношеній изъ семейныхъ; расширение домашняго круга возрѣній въ языкѣ; грецизмы.

Общія положенія диссертациі, что исторія языка стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ преданіями и вѣрованіями народа, что въ періодъ своего образованія языкъ носитъ на себѣ слѣды народной мѣеологіи, что древнѣйшія формы эпической поэзіи ведутъ начало отъ образованія самаго языка, что родство индо-европейскихъ народовъ сопровождается согласіемъ ихъ повѣрій и преданій, что мѣеологическія преданія славянъ должны быть изучаемы въ связи съ преданіями другихъ средневѣковыхъ племенъ, особливо нѣмцевъ, — эти положенія прямо принадлежатъ ученіямъ Гримма.

Диссертациія г. Буслаева была въ нашей литературѣ совершенной новостью: это былъ первый опытъ примѣнить сравнительное и историческое языковѣданіе къ древностямъ славянскаго языка, откуда извлекалась бытовая картина такой далекой поры, на изслѣдованіе которой подобнымъ путемъ еще никогда не покушалась русская наука.

Впослѣдствіи, ученая дѣятельность г. Буслаева состояла въ дальнѣйшемъ примѣненіи этого метода къ старой русской народной словесности, быту и мѣеологіи. Таковы были: «Дополненія и прибавленія» къ «Сказаніямъ» Сахарова съ объясненіями стараго языка и народно-мѣеологическыхъ представленій ¹⁾; таковъ обширный трактатъ: «Русскія пословицы и поговорки» ²⁾, «Русская поэзія XVIII вѣка» ³⁾, наконецъ цѣлый рядъ изслѣдованій въ области русской старины, впослѣдствіи собранныхъ въ извѣстномъ изданіи ⁴⁾. Выѣстъ съ научнымъ методомъ, выработаннымъ по Гримму, г. Буслаевъ, по свойству своего даро-

¹⁾ Архивъ Калачова. М. 1850, кн. I, отд. IV, стр. 1—48.

²⁾ „Архивъ“, II, половина вторая. М. 1854, отд. IV, стр. 1 — 176. Сборникъ пословицъ, здѣсь напечатанный, не былъ потомъ, къ сожалѣнію, повторенъ въ изданіи трудовъ г. Буслаева, 1861 г.

³⁾ „Моск. Вѣдомости“ 1852, № 52—57, и отдѣльно. М. 1852.

⁴⁾ „Историческіе очерки русской народной словесности и искусства“. Спб. 1861, 2 большихъ тома.

ванія, соединилъ и другую черту, отличавшую знаменитаго нѣмецкаго ученаго: Гриммъ не только критически, но фантазіей и поэтическимъ чувствомъ востанавливалъ любимую старину; подобная черта давала привлекательность и трудамъ г. Буслаева—онъ съ любовью раскрывалъ преданья старины, вникалъ въ ея затаенный смыслъ, собиралъ ея поэзію въ тѣхъ *membra disiecta*, въ которыхъ она по большей части у насъ сохранилась, и объяснялъ ее современному читателю!

Вскорѣ на томъ же поприщѣ присоединился къ г. Буслаеву другой писатель, оставившій по себѣ добрую память какъ ревностный дѣятель въ области народныхъ изученій — Аванасьевъ (1826 — 1871). Еще юношей, въ сороковыхъ годахъ, онъ выступилъ съ серьезными работами по исторіи, потомъ и по исторіи литературы (особливо XVIII вѣка), но уже скорѣ отдался почти исключительно изученіямъ археологическимъ и этнографическимъ въ томъ направленіи, о которомъ мы сейчасъ говорили. Въ длинномъ рядѣ статей, появлявшихся въ журналахъ и сборникахъ, Аванасьевъ останавливался въ особенности на мифологической сторонѣ народнаго обычая, поэзіи и преданій, толкуя ихъ сравнительно-филологическими средствами. Имъ была собрана и сопоставлена огромная масса народно-мифологическаго матеріала; никто донынѣ не воспользовался въ такой степени обильными, хотя отрывочными свѣдѣніями, разсыянными въ литературѣ, и особенно въ мѣстныхъ провинціальныхъ изданіяхъ. Въ послѣдніе годы своей жизни, Аванасьевъ собралъ свои прежнія и новыя изслѣдованія въ обширномъ трудѣ: «Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу» (М. 1866 — 1869, три тома), къ которому мы возвратимся впослѣдствіи. Его «Народныя русскія сказки» ¹⁾ остаются до сихъ поръ лучшимъ и наиболее богатымъ сборникомъ; «Народныя русскія легенды» остаются единственнымъ сборникомъ этого рода произведеній ²⁾. Наконецъ, его занимала вообще исторія нравовъ, внутренней жизни общества, литературная старина, особливо со стороны ея общественнаго значенія ³⁾.

¹⁾ Первое изданіе, М. 1855—63, 8 выпусковъ; второе, М. 1873, четыре части. Въ особый сборникъ были выдѣлены „Дѣтскія сказки“.

²⁾ Онъ изданъ въ Москвѣ, 1869. Второе изданіе этой книжки не было цензурой разрѣшено, такъ что первое составляетъ теперь библиографическую рѣдкость.

³⁾ Биографическія свѣдѣнія объ Аванасьевѣ, см. въ „Р. Старинѣ“, 1872, томъ V, стр. 787—790, ст. г. Ефремова; подробный списокъ сочиненій, составленный самимъ Аванасьевымъ, въ „Р. Архивѣ“, 1871, ст. 1948 — 1955; тамъ же 1872, № 3—4, отрывокъ изъ его воспоминаній о гимназическомъ ученѣ; Справочный словарь, Геннади, Берл. 1876, I, стр. 54—55.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ образовалась уже цѣлая группа молодого поколѣнія ученыхъ, которые работали въ указанномъ направленіи по русской исторіи и этнографіи. Съ цѣлью служить органомъ этой группы, основанъ былъ г. Калачовымъ (въ то время профессоромъ московскаго университета) въ 1850 г. извѣстный «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», гдѣ должны были, по предположенію издателя, являться не только труды чисто историческіе и юридическіе, но также «статьи и матеріалы по части русской филологіи и археологіи въ пространномъ смыслѣ»; главное вниманіе направлено было на «внутренній бытъ нашего отечества и *народа*, имѣя въ виду ту тѣсную *неразрывную связь*, которою во всѣхъ отношеніяхъ соединяется Русь древняя съ новой». Программа изданія составлена была весьма разумно, въ видахъ новой исторической и филологической школы и для объединенія ихъ трудовъ. Издатель предложилъ свой планъ на обсужденіе ученымъ любителямъ русской исторіи; они приняли планъ съ живымъ сочувствіемъ, которое и заявили своимъ участіемъ въ сборникѣ г. Калачова ¹⁾. Главными участниками «Архива», кромѣ самого издателя, были: Соловьевъ (доставившій статью: «Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи Славянъ, преимущественно восточныхъ, во времена языческія», — по даннымъ историческимъ, съ объясненіями по Гриммову методу), г. Буслаевъ, Грановскій, Афанасьевъ, Кавелинъ, Забѣлинъ, М. Капустинъ, Бѣляевъ, А. Н. Поповъ, В. Григоровичъ и др.

Мы не имѣемъ въ виду излагать здѣсь факты движенія нашей исторіографіи, а только указать то внутреннее измѣненіе, которое произошло въ способахъ изслѣдованія, а затѣмъ и въ самомъ взглядѣ на историческое развитіе. Это былъ дѣйствительный переворотъ. Прежняя школа, послѣднимъ могиланомъ который оставался Погодинъ, какъ мы сказали, относилась не очень дружелюбно къ новому направленію, думала противопоставить ему такъ-называемый «математическій» методъ, — который былъ только грубо компиляторскимъ, — но, нападая на «общіе взгляды» новой школы, могла противопоставить имъ только риторическія

¹⁾ «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», изд. Калачовымъ. Книга I. М.—1850; книги второй половина вторая. М. 1854; — половина первая. М. 1855; — книга третья. Спб. и Москва, 1861, — всего четыре компактные тома. — Съ конца 50-хъ годовъ, г. Калачовъ началъ изданіе «Архива историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», — другого состава.

тирады ¹⁾. Дальнѣйшія изслѣдованія въ русской исторіи пошли по тому пути, который открытъ былъ трудами Соловьева и Кавелина. Новые дѣятели, выступавшіе на это поприще, являлись уже готовыми послѣдователями новаго метода; назовемъ извѣстныя имена: Дмитрія Валугева, Пл. Павлова, Забѣлина. Писатели, которые, нѣсколько позднѣе, являлись во многихъ и существенныхъ пунктахъ противниками историческихъ выводовъ Соловьева, — Конст. Авсаковъ съ одной стороны, г. Костомаровъ съ другой, — шли, однако, по тому же пути органическаго изслѣдованія. Совершенно измѣнился и способъ, и предметы изысканія: внѣшняя исторія, внѣшняя археологія и этнографія продолжаютъ разрабатываться съ многосторонностью, прежде неизвѣстной, но надъ ними ставится руководящій вопросъ объ органическихъ элементахъ исторіи, о свойствахъ народнаго характера и быта, опредѣлившихъ складъ общества и государства, о послѣдовательномъ развитіи, осложненіи и измѣненіи этихъ элементовъ. Все это сливается въ изученіи народности: науки, шедшія до сихъ поръ раздѣльно, безъ ясно сознаваемой связи между ними, объединяются, и цѣлью исторіи стало окончательно не одно государство, а именно національный организмъ, государство, народъ и общество, — въ ихъ тѣсной фізіологической и исторической связи.

Если сопоставить это научное движеніе съ тѣмъ, какое шло въ литературѣ поэтической, нельзя не видѣть, что эти двѣ разнородныя области литературы, по источникамъ и свойствамъ своего направленія были совершенно параллельны. Внутренній смыслъ новаго, возникавшаго отношенія въ народу и новаго способа изученій высказывался наконецъ съ третьей стороны, чисто общественной и публицистической, насколько она могла находить себѣ мѣсто въ литературѣ сороковыхъ и первой половины пятидесятихъ годовъ. Мы разумѣемъ то настроеніе, которымъ проникнута была критическая дѣятельность Бѣлинскаго, научная и

¹⁾ Ср. объ этомъ Кавелина, Сочин. II, стр. 110—299, разборы „Историко-критическихъ-отрывковъ“ и „Исслѣдованій, замѣчаній и лекцій“, Погодина; и Забѣлина, „Опытъ изученія русскихъ древ. и исторіи“, 1872. I, 385—394. За Погодиннымъ признавали заслугу многихъ важныхъ частныхъ изслѣдованій, исполненныхъ съ большою внимательностью; но онъ остался совсѣмъ безъ вліянія на развитіе метода и на объясненіе общихъ началъ русской исторіи; какъ говорилъ Кавелинъ еще въ 1846, — „Погодинъ, принадлежа къ школѣ толкователей, экзегетиковъ, а не историковъ въ настоящемъ смыслѣ слова, никогда не могъ подняться до высшаго историческаго воззрѣнія“.

публицистическая дѣятельность Герцена, Грановскаго и цѣлаго круга людей того же и болѣе молодого поколѣнія, дѣлившихъ тѣ же взгляды. Литература вынуждалась говорить полу-словами, читатели научались понимать ее на полу-словахъ, и въ концѣ концовъ новое направление имѣло за себя цѣлую общественную группу, и, прибавимъ, наиболѣе образованную группу.

Въ чемъ состояло мировоззрѣніе людей «сороковыхъ годовъ», объ этомъ говорилось уже много разъ. Старая бытовая традиція переставала удовлетворять; въ ней становилось тѣсно: она видимымъ, нагляднымъ образомъ угнетала и потребность въ просвѣщеніи, которая становилась все шире и сознательнѣе въ образованномъ классѣ, угнетала реальный бытъ и самые существенные интересы народной массы, опутанной безправіемъ и во имя которой хотѣла, однако, говорить официальная народность. Отрицаніе крѣпостного права было, въ новыхъ взглядахъ, истиной давно рѣшенной и не требующей доказательствъ. Для литературы вопросъ былъ закрытъ—съ тѣхъ поръ, какъ были о немъ заведены и вскорѣ же прерваны первыя рѣчи при Александрѣ I, и до конца 1850-хъ годовъ, — но онъ молча былъ уже порѣшенъ въ умахъ просвѣщеннѣйшихъ людей, потому что крѣпостное право было теоретически и нравственно несовмѣстимо съ тѣмъ складомъ понятій, который успѣлъ сложиться.

Но отрицаемое и осужденное теоретически, крѣпостное право было еще цѣло и невредимо въ практической дѣйствительности; оно имѣло за себя всѣ законы, всѣ привычки помѣщичьяго большинства, и нашло бы въ послѣднемъ упрямыхъ защитниковъ. Практическое рѣшеніе вопроса казалось, и было на дѣлѣ, самымъ настоятельнымъ интересомъ общества. Прежде, чѣмъ онъ не былъ бы рѣшенъ, не могло быть рѣчи о какомъ-либо расширеніи свободы для самого общества, не могло быть рѣчи о какомъ-либо по истинѣ національномъ просвѣщеніи, о національной повзѣи, литературѣ. Въ тѣ годы не было возможности прямо говорить о предметѣ, но литература ставила вопросы историческіе, общественные, художественные, изъ которыхъ значеніе народа и народности опредѣлялось совсѣмъ иначе, чѣмъ это слѣдовало по консервативной теоріи официальной народности, а наконецъ сдумѣла близко подойти и къ самому вопросу о крѣпостномъ правѣ.

Само правительство, во времена императора Николая I, помышляло о необходимости заняться крестьянскимъ вопросомъ, — но, исполненное во всемъ прочемъ авторитарнаго духа, видимо боялось приступать къ этому дѣлу. Въ біографіи Кисе-

лева, написанной Заблоцкимъ, указаны взгляды этого министра и напечатана записка самого Заблоцкаго, фактически доказывавшая тогда необходимость реформы; нѣсколько времени спустя, Заблоцкій напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1845) знаменитую статью «О колебаніи цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи», — гдѣ техническимъ языкомъ политической экономіи (тогда, науки у насъ еще мало распространенной) указывалъ причину колебанія въ «принудительной рентѣ», другими словами въ крѣпостномъ порядкѣ хозяйства. Въ 1847 вышла въ Парижѣ нѣвѣстная книга Н. Тургенева: «La Russie et les Russes». Строго запрещенная въ Россіи, она была, однако, въ обращеніи и тѣмъ болѣе внимательно читалась. Тургеневъ былъ однимъ изъ ревностѣйшихъ проповѣдниковъ освобожденія крестьянъ при Александрѣ I, и теперь его книга переносила живую традицію въ сороковые года.

Молодая профессура, довершавшая свое образованіе и научную подготовку подъ непосредственнымъ вліяніемъ лучшихъ силъ европейскаго знанія, вносила въ преподаваніе, кромѣ точнаго знакомства съ положеніемъ своей юридической и исторической специальности, цѣлую атмосферу понятій, выработанныхъ въ обществахъ, пережившихъ болѣе долгую и глубокую умственную жизнь, болѣе развитыхъ въ общественно-политическомъ и гуманномъ смыслѣ. Многіе изъ этихъ университетскихъ преподавателей, воспитавшихся въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, имѣли на кафедрѣ самое благотворное вліяніе, и въ научномъ, и въ общественно-нравственномъ отношеніи. Пусть припомнитъ читатель извѣстные факты изъ жизни московскаго университета въ сороковыхъ годахъ, и прочтетъ даже въ холодно и казенно написанной «Исторіи петербургскаго университета» (1869) подробности о характерѣ преподаванія въ рукахъ старыхъ профессоровъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, и въ рукахъ новаго профессорскаго поколѣнія въ сороковыхъ годахъ. Имена Рѣкина, Грановскаго, Брюкова, Кудравцева, М. Куторги, Лунина, Д. Мейера (ограничиваясь историко-юридическою областью) и другихъ — въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Казани, пользовались обширною популярностію и авторитетомъ, источникъ которыхъ былъ именно въ томъ, что наука являлась у нихъ не въ формѣ сухого (и часто крайне скучнаго) склада внѣшнихъ знаній, какъ бывало прежде, а живою силою, отвѣчающей на умственные потребности и лучшіе нравственные инстинкты общества.

Извѣстно, какомъ широкимъ вліяніемъ пользовался въ этомъ смыслѣ Грановскій, имя котораго сохраняетъ до сихъ поръ по-

пулярность, рѣдку у насъ для имени профессора. Прибавить, изъ менѣе извѣстныхъ фактовъ, нѣсколько подробностей о профессорѣ Мейерѣ въ Казани. Мейеръ былъ профессоромъ гражданского права. Это былъ также ученикъ нѣмецкой исторической школы права: у себя дома эта школа, вѣрнѣе впадала въ преувеличеніе исторической стороны права, — если исторія необходимо создала извѣстныя формы и содержаніе, то крайніе послѣдователи школы принимали, что эти формы и содержаніе освящены и впродѣ, чуть не навсегда; результатомъ былъ консерватизмъ, котораго представителемъ дѣйствительно и былъ глава школы, Савиньи. Мейеръ не далъ увлечь себя въ эту крайность. У насъ, этотъ характеръ исторической школы отразился всего сильнѣе на Неволинѣ, а въ худшемъ видѣ на тѣхъ людяхъ, которые просто желали консервативнымъ флагомъ науки прикрывать существующія безобразія. Мейеръ признавалъ научныя заслуги Неволлина, но въ общемъ взглядѣ его видѣлъ крайнюю односторонность. «Историческій элементъ, — говорилъ Мейеръ, — есть конекъ людей, съ которыми я расхожусь во взглядѣ и стремленіи... Неволинъ оказывалъ наукѣ услуги незабвенныя; но все-таки исторія права — не вся наука, а сторона ея, средство, должствующее вести къ высокой цѣли, и я вооружаюсь не противъ исторіи, а противъ усилій присвоить ей *софистическое* исключительное господство въ наукѣ». Тѣмъ болѣе возмущалъ Мейеръ противъ людей, которые «хотятъ науки, безусловно скромной и умиротворяющей, чуждающейся жизни»; которые «хотятъ образовывать людей приличныхъ, которые бы не иначе стали брать взятки какъ съ достоинствомъ». «Моя наука, — замѣчаетъ онъ, (когда еще не было рѣчи объ освобожденіи крестьянъ и не возникло поднятаго освобожденіемъ интереса въ крестьянскому быту), — *жадно изучаетъ жизнь* и для этого прислушивается и къ сходкѣ крестьянъ, вчитывается въ конторскія книги помещика, перебираетъ переписку купцовъ, шныряетъ по толкучему рынку, явшается съ артелью рабочихъ, взбирается на судно къ бурлакамъ, усаживается, какъ дома, ... въ архивъ суда и въ самомъ судѣ (т.-е. *старомъ судѣ*), стараясь не замѣчать, что здѣсь смотреть на нее не совсѣмъ благосклонно. Но моя наука за то и сама *требуетъ уступокъ отъ дѣйствительности*»... Излагая такую науку, Мейеръ знакомилъ слушателей вообще съ общественными явленіями, близкими къ вопросамъ права. Изложеніе предмета прерывалось объяснительными эпизодами, которые слушались съ увлеченіемъ... «Въ гражданскомъ правѣ, — рассказываетъ слушатель Мейера, — доходя до отдѣла объ

объектахъ имущественныхъ правъ, Мейеръ всегда высказывалъ мысль о несостоятельности учреждений, въ силу которыхъ допускалось, что человѣкъ, лицо, могъ быть, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, объектомъ права собственности. Лекціи объ этомъ важномъ предметѣ были самыми замѣчательными, потому что затрогивали множество постановленій и обычаевъ, имѣвшихъ въ собою право давности, но тѣмъ не менѣе вредившихъ дальнѣйшему прогрессу въ жизни цѣлаго государства. Мейеръ старался при всякомъ удобномъ случаѣ, и на лекціяхъ, и въ бесѣдахъ съ своими студентами, возвращаться къ основной идее, руководившей его въ сужденіяхъ объ этомъ предметѣ, и каждый разъ онъ унотреблялъ всю силу доводовъ и убѣжденій въ пользу своего задушевнаго принципа». Слушателей, между которыми много было баричей, сначала озадачивали его мнѣнія: «имъ не приходила даже въ голову дурная сторона учрежденія, потому что увѣренность въ нормальности и непреложности его подрѣзывалась обыкновенно ложными и патріархально-сентиментальными сентенціями, всосанными, такъ-сказать, съ молокомъ». Но вліяніе профессора оказывало свое дѣйствіе, и черезъ два года по вступленіи Мейера на кафедру (что было въ 1845) однимъ изъ его слушателей была представлена замѣчательная кандидатская диссертация «о крѣпостномъ состояніи» ¹⁾.

Мейеръ былъ убѣжденъ, что недалекъ конецъ крѣпостного права и что его уничтоженіе, по духу времени, должно совершиться путемъ законодательнымъ, и онъ считалъ своей обязанностью готовить молодое поколѣніе къ великому событію. Ему самому не суждено было дожить до совершенія этого событія,—но тѣмъ выше заслуга его научной проницательности и высокаго общественнаго чувства.

Дѣятельность профессоровъ, какъ Грановскій, Мейеръ и другіе, была прекраснымъ выраженіемъ тѣхъ научныхъ и нравственныхъ вліяній, какія приносили новый приливъ просвѣщенія—среди внѣшнихъ условій, крайне неблагоприятныхъ. Жизнь общества, повсюду окруженнаго бюрократической опекой, не давала исхода для возникавшихъ стремленій; напротивъ, съ 1848 года, по насмѣшнѣ судьбы, начались, подъ впечатлѣніями европейскихъ волненій, реакціонныя стѣсненія и въ томъ небольшомъ кругѣ дѣятельности, какой доставляли литература и университетъ. У людей, въ которыхъ было пробуждено живое обще-

¹⁾ Вратчина. Сиб. 1859. «Студентскія воспоминанія о Д. И. Мейерѣ, профессорѣ казан. ун-а», Певарскаго, стр. 224—232, и др.

ственное чувство, такой складъ жизни создаетъ обыкновенно наклонность къ крайнему идеализму; общественнымъ стремленіямъ нѣтъ мѣста въ настоящемъ, оно ихъ гнететъ и отталкиваетъ, и мысль бросается въ идеалистическую область, въ прошедшее или въ будущее: такъ возникало стремленіе въ теоретически подрашенную и поэтизированную старину (у славянофиловъ); идеализированіе народа и его «идеи», отъ которой ждется въ будущемъ социальное издѣленіе; жадный интересъ къ общественно-политической жизни другихъ народовъ, въ борьбу которой переносятся сочувствія, не находящія примѣненія дома; страстное увлеченіе отвлеченными, но существенными вопросами о человѣческой личности, ея внутреннемъ развитіи, ея нравственномъ правѣ; противорѣчіе идеалистическихъ порывовъ съ дѣйствительностью создаетъ въ литературѣ типъ отчаявшихся, «разочарованныхъ», «лишнихъ» людей... Вліяніе европейской литературы возрастаетъ, и именно вліяніе тѣхъ ея сторонъ и тѣхъ писателей, въ которыхъ сказывалось отрицаніе гнетущихъ общественныхъ явленій и заявлялось стремленіе къ иному, лучшему общественному порядку. Таковъ былъ полу-романтический скептицизмъ Гейне, возвышенный реализмъ и филантропическій юморъ Диккенса, романъ и деревенская повѣсть Жоржъ-Занда, историческія книги Луи-Блана, наконецъ, французскій социализмъ, въ сочиненіяхъ Сентъ-Симона, Кабе и особенно въ теоріяхъ Фурье, вліяніе котораго — одно время у насъ весьма распространенное — въ настоящее время едва понятно. Имя Фурье показываетъ уже, что это былъ социализмъ особаго рода, чистая теорія, почти чистая фантазія, до крайности далекая отъ дѣйствительности и относившаяся къ какому-то темному будущему, — но въ основѣ увлеченія лежало тѣмъ не менѣе глубокое отрицаніе порядковъ аракеевскаго типа, и мечты о справедливомъ устройствѣ общественныхъ отношеній. Увлекались не одни мечтатели, но и люди болѣе серьезныя, которые видѣли силу социализма въ его критикѣ буржуазнаго и бюрократическаго государства... Этотъ «социализмъ», смѣшанный изъ Фурье и Сентъ-Симона, и изъ интереса къ политическому движенію тогдашней Европы, особенно Франціи передъ 1848 годомъ (а затѣмъ и послѣ него), начался у насъ очень давно. Въ біографіи Бѣлинскаго мы указывали, что его другъ, Василій Боткинъ, считалъ себя социалистомъ еще въ половинѣ тридцатыхъ годовъ; въ тѣ же годы увлекались социализмомъ Герценъ и Огаревъ. Въ сороковыхъ годахъ, «социализмъ» — въ которомъ выражалось неясное, но все-таки сильное стремленіе къ иному порядку вещей, чѣмъ насущная дѣйстви-

тельность — былъ очень распространенъ, и именно въ своихъ фантастическихъ теоріяхъ: по закону реакціи, онѣ были привлекательны именно какъ крайній контрастъ съ дѣйствительностью. Наиболѣе вѣрующими его партизанами были члены извѣстнаго кружка Петрашевскаго.

Въ примѣръ того, какъ далеко распространялся этотъ вкусъ къ социализму, приведемъ фактъ, разсказываемый въ біографіи извѣстнаго археолога и ориенталиста, П. С. Савельева. Это былъ человекъ, кромѣ своей ученой специальности, очень разносторонне образованный, самыхъ умѣренныхъ мнѣній, много работавшій въ литературѣ, но стоявшій въ сторонѣ отъ литературныхъ партій, не принадлежавшій ни къ западникамъ, ни къ славянофиламъ, — по официальному положенію, одно время секретарь комитета иностранной цензуры; но по своимъ теоретическимъ взглядамъ, а это былъ — социалистъ. «Въ сферѣ политико-экономическихъ идей, — говоритъ біографъ Савельева (о сороковыхъ годахъ), — благородное сочувствіе къ массамъ ставило его инстинктивно въ ряды противниковъ ученія *laissez faire, laissez aller*, имѣющаго практическимъ послѣдствіемъ тиранство капитала и обездоленіе труда; — инстинктивно потому, что пристально политическою экономіею Савельевъ никогда не занимался... Несостоятельность экономическаго ученія либеральной (т.-е. буржуазной) школы выяснилась ему нѣсколько позже, когда началось знакомство Петербурга съ критикою и теоріями новыхъ социалистовъ» (это было въ концѣ сороковыхъ годовъ). «Социализмъ, какъ направленіе, пришелся ему несравненно болѣе по сердцу, нежели либерализмъ»... Самъ біографъ, Григорьевъ (извѣстный ориенталистъ, біографъ Грановскаго и недавній начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати), который былъ другомъ Савельева, замѣчаетъ, что «вполнѣ разделялъ его симпатію къ социализму» ¹⁾.

Обозначенное нами движеніе было, какъ видимъ, одушевлено тѣмъ же основнымъ настроеніемъ, какое пролило поэти-

¹⁾ Жизнь и труды П. С. Савельева. В. В. Григорьева. Изданіе Импер. Археолог. общества. Спб. 1861, стр. 83—84; о мнѣніяхъ Савельева см. также стр. 140—141, 161—164. Годы два назадъ, нѣкто Султанъ Пираліевъ разискивалъ происхожденіе нашего нутѣннаго социализма, перевиралъ при этомъ факты и выводилъ неблизки на людей, которыхъ видимо и не зналъ; между прочимъ, на извѣстнаго педагога и пероводчика, Ир. Введенскаго. Но Пираліеву слѣдовало бы вспомнить книгу В. В. Григорьева: онъ увидѣлъ бы, что социалистами бывали тогда люди какъ Савельевъ, секретарь цензурнаго комитета, и Григорьевъ, чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, оба ученые ориенталисты.

ческую литературу. То и другое было результатомъ собственнаго роста литературы и общественной мысли, который подкрѣплялся сильными вліаніями европейской науки и поэзіи. Движеніе совершалось еще въ эпоху полнаго господства официальной народности и, при всѣхъ внѣшнихъ стѣсненіяхъ, еще тогда раскрыло несостоятельность ея теоріи. Подкладкой этой теоріи былъ фальшиво сентиментальный взглядъ въ исторіи, плодившій лицемерную реторику «благонамѣреннаго» обскурантизма; крѣпостничество, прикрывавшееся фразами о «добромъ» и патріархальномъ русскомъ народѣ, желающемъ только отеческаго управленія помѣщиковъ и исправниковъ; бюрократическій гнетъ, стремившійся подавить всѣ малѣйшія самостоятельныя проявленія общественной самодѣятельной мысли. Новая точка зрѣнія не вела съ этой теоріей правильнаго спора, — онъ былъ и немислимъ, — по самымъ своимъ содержаніямъ она совершенно упразднила эту теорію. Новый взглядъ вносилъ сознательное изслѣдованіе народной исторической жизни, и указывалъ законъ органическаго развитія, объяснявшій явленія прошедшаго и желавшій устраненія явленій пережитыхъ; въ современной жизни народа онъ отвергалъ крѣпостное право, не только по нравственнымъ, но также и по чисто-экономическимъ соображеніямъ, какъ учрежденіе, вредное для самого государства; въ дѣлѣ просвѣщенія, онъ проникнуть былъ убѣжденіемъ въ необходимости свободы изслѣдованія для науки, и возможно-широкаго распространенія образованія въ обществѣ и народной массѣ.

Въ собственно этнографической наукѣ произошла полная перемѣна. Какъ въ исторіи, такъ и здѣсь, приложена была теперь точка зрѣнія органическаго развитія, и къ объясненію народной старины впервые примѣнены научныя средства: намѣчены были элементы народности, и можно сказать, впервые понять смыслъ народнаго быта и сознательно воспринята народная старина и поэзія какъ въ литературѣ поэтической, такъ и въ этнографическомъ изученіи; народъ возстановлялся въ его человѣческомъ достоинствѣ и правѣ.

Произошелъ поворотъ коренной и глубокой. «Народъ» переставалъ быть *anima vilis*, грубой служебной силой, которая величалась въ реторикѣ и презиралась на дѣлѣ. Напротивъ, въ понятіяхъ просвѣщенныхъ людей, онъ являлся исторической основой всей національной жизни; въ глазахъ энтузіастовъ онъ вставалъ въ видѣ отвлеченнаго, — и правда, еще далеко не вездѣ яснаго, — но возвышеннаго идеальнаго цѣлаго, скрывавшаго въ себѣ богатые задатки будущаго, широкаго начала идеальнаго

общественнаго порядка, которые остаются только раскрыть и внести въ жизнь (— на такомъ пунктѣ сходились нѣкогда одинаково и «соціалисты» Герценъ и славянофилы).

Таковы были научныя и нравственно-общественныя пріобрѣтенія литературы сороковыхъ годовъ въ пониманіи и объясненіи народности. Понятно само собою, что это было только начало; предстояло еще множество труда по всѣмъ отраслямъ вопроса; поставленныя рѣшенія далеко не всегда оказались полными и вѣрными, — но великая заслуга была уже въ томъ, что цѣлый вопросъ выведенъ былъ на почву научнаго изслѣдованія и поставленъ въ ряду первостепенныхъ интересовъ самого общества.

Эпоха освобожденія крестьянъ имѣла здѣсь свое предисловіе.

А. ПИПИНЪ.

РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

ВЪ САТИРѢ

САЛТЫКОВА

III. Эпоха застоя, внешней войны и внутренней смуты ¹⁾.

До-реформенная Россія—если выдѣлить изъ нея одну поздно зародившуюся и медленно растущую группу—распадалась на массу, инертную, придавленную, пассивную, и небольшое меньшинство, «дѣлавшее исторію», насколько «дѣланіе исторіи» было мыслимо при радикальномъ отрицаніи движенія и перемѣны. Это меньшинство состояло изъ чиновниковъ и помѣщиковъ; другими словами, оно совпадало съ администраціей, въ составъ которой помѣщики входили не только прямо, какъ чины полиціи и судьи, но и косвенно, какъ прирожденные начальники своихъ крестьянъ. Отъ властныхъ верхушекъ общества зависѣло благополучіе отдѣльныхъ лицъ, зависѣла самая возможность жить, т.-е. сколько-нибудь пользоваться жизнью; ихъ руками сѣялось, плодилось и поддерживалось все то, чѣмъ тогда страдала Россія. Понятно, что именно на нихъ обрушились прежде всего удары щедринской сатиры. Произведенія перваго ея періода посвящены почти исключительно бюрократіи, мундирной и не-мундирной; въ произведеніяхъ втораго періода роль бюрократіи нѣсколько меньше, но все еще весьма значительна. Исторіографы и піонеры, сѣтели и дѣятели, тапѣвенты и помпадуръ, вѣшкололовые и мар-

---

¹⁾ См. выше: февр. 707 стр.

жизни, великосвѣтскіе собиратели и провинціальные составители проектов—все это порожденія той среды, которая вдохновила автора «Губернскихъ очерковъ» и пережила эпоху метаморфозъ Глунова и Крутогорска. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, рамки картины расширялись все больше и больше, содержаніе ея становилось все болѣе и болѣе разнообразнымъ; наибольшей полноты и выстѣ съ тѣмъ наибольшей законченности она достигаетъ въ ту эпоху, въ изученію которой мы теперь приступаемъ. Объясняется это не только зрѣлостью мысли и дарованія автора, но и матеріаломъ, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло. Русское общество перестало быть тѣмъ безформеннымъ, сѣрымъ пятномъ, какимъ оно представлялось наблюдателю въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ; процессъ дифференціаціи пошелъ въ ходъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ дольше продолжалась искусственная его задержка. Появились на свѣтъ новыя общественныя классы, новыя теченія, новыя группы интересовъ; одно погружалось на дно, другое вслывало на поверхность. Дрожжами, производившими броженіе, служили то реформы, то реакція противъ реформъ; движеніе, возникшее подъ однимъ вліяніемъ, захватывалось другимъ, противоположнымъ, и увлекалось далеко въ сторону отъ своей первоначальной цѣли. «Правящія сословія», сами постоянно измѣняясь, старались то остановить, то регулировать ходъ событій. Усилія ихъ бросались въ глаза больше, чѣмъ все остальное, отчасти вслѣдствіе старой привычки смотрѣть на верхъ и только на верхъ, отчасти потому, что совершающееся вверху дѣйствительно всего замѣтнѣе, всего виднѣе. Мало-по-малу, однако, свѣтъ проникалъ и внизъ; закулисная, неказовая сторона жизни обрисовывалась все яснѣе и яснѣе. Наступилъ моментъ спросить себя: что же создали, въ концѣ концовъ, эпоха конфуза и эпоха освобожденія отъ конфуза? Къ какимъ результатамъ привела дѣятельность помпадуровъ и ташкентцевъ, въ связи съ другими условіями, независимыми отъ воли дѣятелей? Въ какомъ положеніи находится объектъ помпадурскихъ и ташкентскихъ мѣропріятій, объектъ пафнутьевскихъ вожделѣній? Что происходитъ въ той промежуточной сферѣ, которая начинается непосредственно надъ «человѣкомъ, питающимся лебедю»? Какія формы принимаетъ реакція противъ реакціи, какъ уживается—или не уживается—старое съ новымъ? Зачатки этихъ вопросовъ мы видѣли у г. Салтыкова уже и прежде; теперь, начиная съ «Благонамѣренныхъ рѣчей», они рѣшительно выступаютъ на первый планъ, не устраняя, но заслоняя все остальное. Въ этомъ новомъ періодѣ дѣятельности

г. Салтыкова, не окончившемся и до сихъ поръ, все до такой степени тѣсно связано между собою, что дробить его, въ хронологическомъ отношеніи, на части мы не считаемъ возможнымъ; самостоятельное цѣлое составляетъ только эпопея Іудушки («Господа Головлевы»), стоящая въ сторонѣ отъ цикла щедринской сатиры. Матерьялъ, лежащій передъ нами, такъ богатъ ¹⁾, что его нельзя исчерпать въ одной статьѣ; мы выдѣлимъ изъ него пока лишь нѣсколько темъ, оставляя всѣ другія до слѣдующаго раза.

Эскизъ: «Въ дорогѣ», открывающій собою серію «Благонамѣренныхъ рѣчей», составляетъ настоящую увертюру къ трагикомедіи, надъ которою до сихъ поръ работаетъ сатирикъ. Основная нота этой увертюры—слово «дуракъ», понимаемое не въ обычномъ, прямомъ, а въ особомъ, самоновѣйшемъ смыслѣ. Оно раздается на всѣхъ перекресткахъ, преслѣдуетъ автора въ тараптасѣ, въ уѣздномъ городѣ, на станціи и въ вагонѣ желѣзной дороги, повторяется въ безконечныхъ варіаціяхъ, крѣпко сплоченныхъ единствомъ темы. Эта тема—*хищничество*, возведенное въ принципъ, безастѣнчивое, самодовольное, свободное отъ всякихъ сомнѣній и колебаній. «Дуракъ»—это тотъ, который не становится подъ знамя хищничества, который не умѣетъ «пользоваться обстоятельствами», не считаетъ всего плохо лежащаго за свою законную добычу. Кто повѣжливе, тотъ выражаетъ ту же мысль словами: «очень вы, сударь, просты»; кто пооткровеннѣе, тотъ, не стѣсняясь, говоритъ «дуракъ»! Вы просты, если имѣли случай обыграть въ карты, и не обыграли, если имѣли случай обмануть довѣрителя, и не обманули. «Счастье само въ руки лѣзетъ, а онъ, смотри, носъ отъ него воротитъ! дуракъ!»—«Этакой случай былъ—и упустилъ! дуракъ»—вотъ восклицанія, нарушающія вечернюю тишину мирнаго провинціального уголка. «Покуда дураки на свѣтѣ есть—жить можно! Дураковъ учить надо!»—такова подкладка этихъ восклицаній. Старинныя русскія пословицы: «простота хуже воровства», «на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ»—входятъ въ небывалый почетъ, становятся краеугольнымъ камнемъ новой житейской морали. Не всегда, однако, эта мораль высказывается съ тою откровенностью, которой мы только-что видѣли примѣры.

¹⁾ Онъ распределенъ между семью сборниками: „Благонамѣренныя рѣчи“, „Въ средѣ умѣренности и аккуратности“, „Убѣжище Монрепо“, „Круглый годъ“, „Сборникъ“, „За рубежемъ“ и „Письма къ тетенькѣ“.

«Хищничество» принимает всё возможные оттенки, надбавляет всё возможные маски, облачается въ самые разнообразныя комбинаціи. «Нынѣ хищничество всѣхъ видовъ и формъ,—читаемъ мы въ «Дѣтияхъ Москвы» («Сборникъ», стр. 58),—до того усложнилось или, лучше сказать, слилось съ всевозможными ремеслами, изъ которыхъ одни положительно ставятся въ примѣръ благонамѣренной дѣловитости, другія же, хотя и не ставятся въ примѣръ, но слѣвуть въ обществѣ подъ именемъ милыхъ шалостей — что даже очень тонкій наблюдатель врядъ ли сѣумѣетъ въ точности опредѣлить, гдѣ кончается благонамѣренность и гдѣ начинается хищничество». Прежде слова: «воръ, мошенникъ» возбуждали въ насъ ясныя, опредѣленныя представленія; классическій образъ вора былъ такъ невѣтѣливъ, что «самый простодушный изъ будочниковъ могъ прямо отыскать его въ толпѣ, взять за шиворотъ и вести въ участковый клоповникъ». Классическій мошенникъ былъ нѣсколько болѣе приличенъ и облагороженъ, но и онъ едва ли могъ ввести въ заблужденіе людей, мало-мальски одаренныхъ здравымъ смысломъ. Теперь не то; теперь будочникъ весьма легко можетъ усомниться, «брать ли ему вора за шиворотъ, согласно указаніямъ до-реформенной практики, или дѣлать подъ козырекъ, согласно съ правилами вѣжливости, установившимися вслѣдствіе вольной продажи вина... Дѣло идетъ не о томъ, какъ поступить съ мошенникомъ низшаго званія, съ гнусною фязіономіей и въ запятанномъ пальто, а о томъ, какъ подойти къ тоскующему іомудскому принцу, о помолвкѣ котораго съ дочерью концессіонера Губошлепова на дняхъ объявлено, или къ «питомцу славы», еще вчера дирижировавшему танцами на балу у предводителя дворянства».

Воровство, мошенничество, казнокрадство, даже наиболѣе утонченное, наиболѣе отличное отъ «классическихъ» традицій—далеко не самая распространенная, да и не самая зловредная форма хищничества. Гораздо опаснѣе оно тогда, когда оно не сталкивается съ уложеніемъ о наказаніяхъ, когда оно пользуется повровительствомъ власти и защитой закона, когда оно воплощается не въ отдѣльных лицахъ, а въ цѣлыхъ группахъ, все крѣпче и крѣпче прирастающихъ къ однажды завоеванной почвѣ. Фигуры *такихъ* хищниковъ принадлежать къ самымъ сильнымъ созданіямъ г. Салтыкова. Настоящимъ «столпомъ» между ними является Осипъ Ивановичъ Деруновъ. Это не блѣдное олицетвореніе порока—это живой человѣкъ, нарисованный во весь ростъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ типическій представитель новаго общественнаго слоя. Соединеніе въ одномъ лицѣ типичности и индивидуаль-

ности—залогъ долговѣчности художественнаго образа, конечно если исполненіе соотвѣтствуетъ замыслу. Имя Дерунова умереть не скоро; мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что для него найдется мѣсто въ той галерей, къ стѣнамъ которой притвожены Фамусовъ, Скаловубъ, Молчалинъ, Чичиковъ, Ноздревъ, Собакевичъ. Фамусовыхъ настоящихъ, первобытныхъ, безусловно схожихъ съ оригиналомъ, теперь уже нѣтъ—но фамусовскій типъ не отошелъ въ вѣчность, онъ только измѣнился, приспособляясь къ времени и обстоятельствамъ. Впереди его ожидаетъ, по всей вѣроятности, еще цѣлая серія подобныхъ превращеній. Тоже самое можно сказать и о другихъ грибоѣдовскихъ и гоголевскихъ герояхъ—тоже самое можно сказать и о Деруновѣ. Наша мысль сдѣлается вполне понятной, если изъ русской литературной Валгаллы мы перешагнемъ въ общеевропейскую, если мы остановимся, напримѣръ, на мольеровскомъ Тартюффѣ. Тартюффъ, съ своею аффишированою набожностью, съ своимъ громогласнымъ: «*Laurent, serrez ma haire avec ma discipline*»—это сынъ XVII вѣка, слишкомъ наивный, недостаточно искусный для нашего, болѣе требовательнаго времени, для нашей болѣе запутанной и хитросплетенной обстановки; но въ немъ самомъ, и даже въ средѣ, его окружающей, есть черты живучія, устойчивыя, никогда не теряющія интереса современности. Довѣріе Оргоновъ пріобрѣтается теперь, можетъ быть, не такъ легко, какъ при Людовикѣ XIV, но Оргоны не перевелись и до сихъ поръ; чувственность прорывается изъ-подъ ханжества не такъ, можетъ быть, грубо, какъ въ сценѣ Тартюффа съ Эльмирой, но продолжаетъ, въ случаѣ надобности, воздвѣвать очи вверхъ и преклонять колѣна. «Сдѣлаи съ небомъ» (знаменитые тартюффовскіе «*accommodements avec le ciel*») получили другое наименованіе—сдѣлокъ съ совѣстью, съ нравственностью, съ убѣжденіемъ,—но самое понятіе о «сдѣлкахъ» сохранилось въ прежней силѣ. Пройдетъ нѣсколько десятилѣтій—и Деруновы *ring sang* исчезнутъ, какъ исчезли подлинныя Тартюффы и подлинныя Фамусовы; но Деруновы, какъ носители золотого скипетра, командующіе толпою съ высоты туго набитаго вошелька, какъ слуги, умѣющіе быть властелинами, и властелины, умѣющіе быть слугами,—будутъ жить до тѣхъ поръ, пока ихъ не сдѣластъ невозможными коренная перемѣна общественнаго строя. Главная разница между Тартюффомъ и Деруновымъ заключается въ томъ, что въ Деруновѣ яче намѣчено все временное, мѣстное, національное, все обуславливаемое даннымъ моментомъ народной жизни. Это увеличиваетъ его рельефность, это дѣлаетъ его фи-

гурой въ полномъ смыслѣ слова исторической—но до известной степени уменьшаетъ для него, если можно такъ выразиться, шансы «выживания», шансы перехода въ отдаленное потомство. Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что эту черту типъ Дерунова раздѣляетъ съ большинствомъ другихъ русскихъ типовъ, названныхъ нами выше. Всего меньше она свойственна тѣмъ созданіямъ русскаго творчества, въ которыхъ воплотилось то или другое общее свойство человеческой природы,—свойство, встречающееся во всѣ времена, у всѣхъ народовъ. Плюшкинъ прикипаетъ къ плавтовскому Скупу, въ молюеровскому Гарпагону, къ баллаковскому Гранде; въ Хлеставовѣ есть все-что сходное не только съ корнелевскимъ «Лгуномъ», но и съ Фальстафомъ Шекспира.

Превосходный этюдъ, посвященный Дерунову («Столпъ», въ «Благонамѣренныхъ рѣчахъ»), даетъ намъ прежде всего біографію этого «героя нашего времени». Основанія своей фортуны онъ положилъ еще при крѣпостномъ правѣ, счумѣвъ понравиться и помѣщикамъ, и дворянамъ, заслуживъ отъ первыхъ кличку «министръ», но не возгордившись успѣхомъ и развернувшись только тогда, когда наступила другая эпоха, благоприятная для «развертыванья». На дорогѣ къ богатству онъ подвелъ мину подъ своего брата, но подвелъ ее «чисто, благородно», угодиществомъ передъ родителями,—угодиществомъ, въ сравненіи съ которымъ образъ дѣйствій брата оказался «фордыбаченьемъ» и былъ, какъ и слѣдовало, наказанъ лишеніемъ наслѣдства. Какими маневрами ознаменовалъ Деруновъ эпоху «новыхъ вѣяній», какою ложкой снялъ съ нея сливки—этого мы доподлинно не узнаемъ; но дополненіемъ къ «Столпу» могутъ служить, въ этомъ отношеніи, другіе очерки г. Салтыкова, знакомящіе насъ съ разновидностями деруновскаго типа. Вотъ, на примѣръ, Антошка-Стрѣла — впоследствии Антонъ Валерьяновъ или даже Антонъ Валерьяновичъ Стрѣловъ («Отецъ и сынъ», въ «Благонамѣренныхъ рѣчахъ») — сначала летающій стрѣлой по базару и исполняющій приказъ кунцовъ-толотесумовъ, потомъ управляющій имѣніемъ генерала Утробина, забирающій въ свои руки лучшую часть утробинскихъ владѣній, въ надлежавшую минуту сбрасывающій маску прислужничества и проникающій, наконецъ, съ помощью генеральскаго сына и подложныхъ векселей, въ самый центръ облюбованной имъ позиціи. Вотъ Хрисанша Полушникъ («Опять въ дорогѣ», тамъ же), обездоливающій помѣщика Гололобова, послѣ того какъ помѣщикъ Гололобовъ обездолил крестьянъ. Вотъ Егорка Груздевъ («Убѣжище Монрепо»), выработавшій себѣ «еще въ под-

ломъ видѣ» способность «кровинивствовать», положившій ее въ основу своей карьеры и быстро достигающій той вышины, на которой ничто не мѣшаетъ ему мечтать объ устройствѣ «банки» и объ окончательномъ «слонаніи родной Палестины». Вотъ Антошка Разуваевъ (тамъ же), бывшій довѣренный корнетни Отлетасовой, еще мелко плавающий, но уже «попавшій на линію Груздевыхъ» и потрясающій своимъ бумажникомъ, какъ аргументомъ запя гёрліке, передъ самымъ носомъ владѣльца Монрепо. Вотъ господинъ Колупаевъ («За рубежомъ»), управляющій судьбою русскихъ «кнехтовъ» и разстилающій паутину кругомъ разныхъ Монрепо. «Кнехты» и «Монрепо», простодушная крестьянская масса и отживающее барство—вотъ, въ самомъ дѣлѣ, два главные источника, изъ которыхъ полной, неустанной рукой черпаютъ новые «господа положенія». Къ этому процессу черпанья мы еще возвратимся; покончимъ сначала съ Деруновымъ, вокругъ котораго, въ качествѣ сравнительно мелкой сошки, группируются Стрѣловы, Разуваевы и К^о.

Красивый и благообразный въ молодости, Деруновъ, на старости лѣтъ, является настоящимъ патриархомъ, «благочиннымъ», сановитымъ. Онъ не возгордился, ему не совѣстно встрѣтиться съ свидѣтелемъ старыхъ дней; онъ даже съ видимымъ удовольствіемъ узнаетъ и принимаетъ «чезовскаго барина», у родителей котораго онъ нѣкогда покупалъ полотно и сушеные грибы. Имя Божіе у него постоянно на устахъ; семья ему, повидимому, всего дороже. «Теперича мнѣ хоть какую угодно принцессу предоставь», говоритъ онъ, «развѣ я ее на мою Анну Ивановну промѣняю? Спаси Господи! Въ семью-то придешь — ровно въ раю очутишься! Благодать, тишина, всякій при своемъ мѣстѣ—истинный рай земной!» Правда, съ однимъ сыномъ, Яшенькой, онъ обращается строго, сажаетъ его даже въ смиренительный домъ—но вѣдь это сынъ «непочтительный», т.-е. не во всемъ слушающійся папани. Чѣмъ же занимается этотъ почтенный старецъ, этотъ добрый семьянинъ? Онъ весь въ услугахъ помѣщикамъ и крестьянъ; у первыхъ онъ покупаетъ земли, на которыхъ они не умѣютъ хозяйничать, и арендуетъ винокуренные заводы, которыхъ они не умѣютъ эксплуатировать; послѣднихъ онъ облегчаетъ отъ «лишней обузы», т.-е. отъ хлѣба, безъ котораго они могутъ кое-какъ прокормиться, и отъ скота, безъ котораго они могутъ прожить если и не хозяевами, такъ батраками. Конечно, и помѣщикамъ, и крестьянамъ Деруновъ платитъ дешево, очень дешево—но ужъ это ихъ дѣло, вольно же имъ дешево продавать; право покупателя—«пользоваться обстоятельствами». Помѣщику

трудно усмотрѣть за крестьянами, еще труднѣе разыскивать съ нихъ—а Деруновъ все вышцетъ, всякое дѣло порядкомъ поведетъ. «Если бы я и совсѣмъ за землей не смотрѣлъ, у меня крестьяннѣ снѣгъ-пороха не украдетъ. Потому, у него изстари составлялось мнѣніе, что у Дерунова ничего плохого не лежитъ. Опять же и на счетъ высканій: не разорю я, а исподоволь разыскиваю. Вижу, коли у котораго силы нѣтъ, въ работу возьму. Ему пріятно, потому что онъ гроша изъ кармана не вынулъ, а ровно бы на гулянкахъ отработался; а мнѣ и того пріятнѣе, потому что я работой-то съ него, вмѣсто рубля, два получу!» Въ покупкахъ у крестьянъ Дерунову также помогаютъ *обстоятельства*. «Хлѣбомъ нынче за первый сортъ торговать. На счетъ податей строго стало, выкупные требуютъ—ну, и везутъ. Иному и самому нужно, а онъ отъ нужды везетъ. Очень эта операція нынче выгодная. И скотъ скупать хорошо, если ко время. Вотъ въ мартѣ кормы-то повыберутся, да и недоимки понуждать начать—тутъ только не плошай! За безцѣнокъ цѣлые табуны покупаемъ». При ближайшемъ знакомствѣ съ Деруновымъ мы узнаемъ, однако, что онъ не только пользуется обстоятельствами, но и устраиваетъ ихъ—то съ помощью властей, то силою собственной изобрѣтательности. Крестьяне не хотятъ продавать хлѣбъ по назначенной Деруновымъ цѣнѣ—и кончаютъ тѣмъ, что продаютъ его Дерунову по цѣнѣ еще низшей, потому что нигдѣ не находятъ другихъ покупателей. Поупрямься они еще немного—ихъ уломалъ бы исправникъ; желаніе ихъ получить за хлѣбъ настоящую цѣну оказалось бы стачкой или бунтомъ. «Заслѣие вяжъ,—такъ опредѣляетъ простой человѣкъ положеніе Дерунова,—а потому и окружилъ кругомъ. На какой базаръ ни сунься—вездѣ отъ него приказчики. Какое слово скажутъ, такъ тому и быть!»

Основа деруновскаго могущества не требуетъ поясненій; но почему оно такъ прочно, такъ неотразимо? Гдѣ виѣшняя точка опоры, дающая Дерунову такую увѣренность въ себѣ, гарантирующая успѣхъ всѣхъ его предпріятій? Капиталъ—безспорно большая, очень большая сила, но съ нимъ однимъ все же такъ далеко не уйдешь. Разрѣшеніе загадки заключается отчасти въ словахъ Дерунова о причинахъ, по которымъ выгодна торговля скотомъ и хлѣбомъ; еще меньше сомнѣній оставляетъ въ насъ предика, произносимая имъ по поводу «мужицкой стачки». «Чемезовскій баринъ» позволилъ себѣ замѣтить, что отказъ мужиковъ продешевить свой хлѣбъ едва ли заслуживаетъ названія бунта. «А по твоему, баринъ, не бунтъ?» возражаетъ ему Деруновъ.

«Мнѣ для чего хлѣбъ-то нуженъ? самъ, что ли, эту махину съѣмъ? въ амбарѣ, что ли, я гноить его буду? Въ казну, сударь, въ казну я его ставлю! Армію, сударь, хлѣбомъ продовольствую! А ну, какъ у меня въ-за нихъ, курицыныхъ сыновъ, хлѣба не будетъ! Помирать, что ли, арміи-то?».. «Мы здѣсь живемъ въ тишинѣ и во всякомъ благомъ поспѣшеніи», продолжаетъ онъ поучать легкомысленнаго барина: «каждый при своемъ занятіи находится. Я, напримѣръ, при торговлѣ состою; другой—рукомесло при себѣ имѣть; третій—отъ земли пятается. Что кому свыше опредѣлено. Чтеніевъ для насъ не полагается. На счетъ вина свободно, а на счетъ чтеніевъ строго. Коли ежели безъ пользы читать, такъ отъ чтеніевъ даже для разсудка не безъ ущерба бываетъ. День человѣкъ читаетъ, другой читаетъ—и возмечтаетъ неаявленная и неудобьблаголемая. Почтеніе въ старшимъ потеряетъ, начнетъ сквернословить. Вотъ его въ ту пору сцарапають, раба божьяго—и на цугундеръ. Веди себя благородно, не мути, унылости на другихъ не напускай... И ни тебя, ни меня, никого не спросятъ, сами все слѣлаютъ! А почему тебя не спросятъ? А потому, баринъ, что уши выше лба не растутъ, а у кого ненарокомъ и вырастутъ сверхъ мѣры—подрѣзать маленьчко можно!» Деруновъ говоритъ здѣсь, очевидно, какъ лицо власть имѣющее, какъ доброволецъ порядка, но доброволецъ кому слѣдуетъ угодный и кѣмъ слѣдуетъ апробованный, однимъ словомъ—какъ *столпъ*, столпъ семьи, религіи и государственности. Что онъ «продовольствуетъ армію»—это только одно изъ правъ его на званіе столпа, и далеко не самое главное; гораздо важнѣе то, что онъ не допускаетъ роста ушей выше лба и готовъ не только оповѣстить о необходимости операціи, но даже принять въ ней посильное участіе. Само собою разумѣется, что вниманіе Дерунова сосредоточено преимущественно на тѣхъ ушахъ, чрезмѣрный ростъ которыхъ угрожаетъ его собственнымъ интересамъ—напримѣръ, на ушахъ людей, скептически относящихся къ понятію о крестьянскомъ бунтѣ; но скептицизмъ рѣдко бываетъ однопредметнымъ, одностороннимъ, и бдительность Дерунова получаетъ, такимъ образомъ, характеръ вспомогательно-полицейской функціи.

Деруновъ всегда и вездѣ остается Деруновымъ, все равно, живетъ ли онъ въ глухой провинціи или въ столицѣ, ходитъ ли въ волчьей или въ собольей шубѣ, самолично ли волнуетъ пальцемъ сало или предоставляетъ волупанье приказчикамъ, сохраняя за собой только дѣла почище. Этюдъ: «Превращеніе», показывающій намъ Дерунова въ Петербургѣ, въ шикарной обстановкѣ

дорогого отеля, немного прибавляетъ къ тину, такъ ярко и такъ полно изображенному въ «Столпѣ». Правда, мы видимъ здѣсь этого ревнителя основъ «явнымъ прелюбодемъ», открыто живущимъ съ своей незнакомой, женой злосчастнаго Яшенъи; но эта черта не имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, существеннаго значенія. Патриархъ-кровосмѣситель, стражъ семейнаго начала, опозоривающій семью собственного сына—безъ сомнѣнія характеристиченъ, какъ крайнее выраженіе противорѣчія между словомъ и дѣломъ; но не въ сношествѣ, давно знакомомъ народному быту, заключается главный признакъ современнаго «столпчества». Деруновъ могъ бы быть безусловно вѣрнымъ своей Аннѣ Ивановнѣ—и все-таки олицетворять собою ту новоявленную саранчу, которая черной тучей нависла надъ русскою землею. Миръ Деруновыхъ—отлично подготовленная почва для развитія чувственности, начиная съ простѣйшихъ ея проявленій до самыхъ сложныхъ и утонченныхъ; но это свойство принадлежитъ не однимъ новымъ «столпамъ»—оно составляетъ общую собственность «охранителей», нынѣшнихъ и прежнихъ, русскихъ и не-русскихъ.

Чтобы понять вполне значеніе Дерунова, необходимо припомнить, что этотъ образъ созданъ въ 1873 г., когда «столпы» только-что нарождались въ дѣйствительности, когда свѣже-испеченное сословіе «міроѣдовъ», крупныхъ и мелкихъ, начинало лишь расправлять свои крылья и не успѣло еще сдѣлаться предметомъ всесторонняго изученія. Г. Салтыкову удалось заглянуть въ процессъ образованія типа, фиксировать его черты въ самый моментъ ихъ зарожденія. Достигнуть такого успѣха, значитъ быть въ одно и то же время мыслителемъ и художникомъ—мыслителемъ, чтобы подмѣтить и обобщить цѣлый рядъ аналогичныхъ явленій, художникомъ, чтобы сосредоточить ихъ и воплотить въ одной живой фигурѣ. Мы видимъ здѣсь съ поразительною ясностью, какимъ образомъ сатира можетъ придти на помощь социологіи, указать ей путь и тему для изслѣдованія. Небольшой этюдъ, посвященный «столпу», былъ въ свое время настоящимъ «лучемъ свѣта въ темномъ царствѣ»—лучемъ свѣта, пришедшимъ извнѣ, но за то устранившимъ возможность возвращенія къ первобытной темнотѣ. Деруновы продолжали дѣлать свое дѣло, за ними потянулись безчисленные Разузаевы и Колупаевы; но ихъ работа совершалась, по крайней мѣрѣ, среди бѣлаго дня, ея не видѣли одни слѣпые—и принятіе противъ нея оборонительныхъ мѣръ сдѣлалось лишь вопросомъ времени. Скажемъ болѣе: нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ прямо были подсказаны щедринскою сатирой, хотя она вовсе не старалась подчеркнуть проистекаю-

щаго изъ нея практическаго урова. Источники деруновской силы изображены такъ наглядно, что немного нужно труда для уразумѣнія средствъ противодействія этой силѣ. Если одинъ изъ нихъ до сихъ поръ лежать втунѣ, другія — испытаны не вполнѣ или слишкомъ поздно, то это уже не вина сатирика; онъ сразу сдѣлалъ больше, чѣмъ можно было ожидать отъ него — и все-таки продолжалъ начатую геркулесовскую работу.

Черезъ пять-шесть лѣтъ послѣ появленія «Столпа», господство Деруновыхъ было уже всѣми признаннымъ фактомъ. «По всей веселой Руси,—читаемъ мы въ «Предостереженіи» («Убѣжище Монрепо», 1878—79), — отъ Мѣщанскихъ до Кунавина включительно, раздается одинъ кличъ: чумазый идетъ! Идетъ, и на вопросъ: что есть истина? твердо и неуяснительно отвѣчаетъ: расшивочно и на выносъ!» Чумазый—это собирательное имя для всѣхъ «кабатчиковъ, мѣнялъ, подрядчиковъ, желѣзнодорожниковъ и прочихъ міроѣдскихъ дѣлъ мастеровъ», къ которымъ обращено «Предостереженіе». Имя, на этотъ разъ, выбрано не совсѣмъ удачно; къ желѣзнодорожникамъ и подрядчикамъ положительно не пристало названіе чумазыхъ, даже для кабатчиковъ и мѣнялъ (въ обширномъ смыслѣ обоихъ словъ) оно далеко не всегда можетъ быть признано подходящимъ. Рука объ руку съ чумазыми, непричесанными и неумытыми, идутъ безукорыненно чистые, благоухающіе субъекты — благоухающіе не только благопріобрѣтенными, но и наслѣдственными духами, — идутъ и творятъ ту же работу, оказываются такими же «столпами», забираютъ такую же силу и точно также пользуются ею. Не въ названіи, впрочемъ, суть дѣла; «Предостереженіе» ничего не терпѣтъ отъ того, что въ первыхъ строкахъ его не совсѣмъ точно наименованы адресаты. Оно составляетъ подробное развитіе тезиса, затронутаго уже въ первой характеристикѣ Дерунова. Дѣйствительно ли «столпы» суть «столпы»? Поддерживаютъ ли они все то, чего считаются опорой—семью, собственность, государство? Вотъ въ чемъ вопросъ, не гамлетовскій, конечно, но по нынѣшнему времени довольно важный. Разрѣшеніе его усложняется тѣмъ, что ставитъ его отставной «столпъ», нѣкогда крѣпостныхъ дѣлъ мастеръ, корнетъ Прогорѣловъ. И онъ когда-то былъ аркадскимъ принцемъ, и онъ пользовался когда-то вліяніемъ и властью, но потерялъ ихъ въ тотъ короткій періодъ «безстолбія», за которымъ послѣдовало появленіе новыхъ «столповъ». «Я самъ, пропащій человекъ Прогорѣловъ, былъ въ свое время столпомъ и самъ безчисленно прегрѣшалъ. Я былъ и отнимателемъ, и прелюбодѣемъ, и наемникомъ ка-

зеннаго интереса, и не только не полагалъ въ томъ грѣха, но и вполне искренно былъ убѣжденъ, что именно на этихъ грѣхъ китахъ міръ стоитъ. Только теперь, когда меня безповоротно произвели въ чинъ пропадаго человѣка, я понялъ, что никакихъ тутъ китовъ нѣтъ... На первыхъ порахъ, я волновался и представлялъ изъ себя не то невinnie падшаго, который успѣлъ-таки припрятать въ укромномъ мѣстѣ вой — какія уцѣлѣвшія крохи, не то человѣка, приведеннаго въ восторженное состояніе отъ непрерывной молотбы по головѣ... Но вдругъ промелькнула свѣтлая минута. Я вслушался, вникъ — и покраснѣлъ... Я примирился съ мыслью, что я пропащій человѣкъ; воспоминанія минувшей славы уже не пробуждаютъ во мнѣ ни безплодной горечи, ни несбыточныхъ надеждъ. Я знаю, что исторія навѣдь не возвращается, что даже гнусное не повторяется въ ней въ однихъ и тѣхъ же формахъ, и что стало быть Прогорѣловымъ, какъ бы они ни вопіяли — повториться въ прежнихъ формахъ не суждено. Вооруженный съ одной стороны этимъ убѣжденіемъ, съ другой — опытомъ прежнихъ лѣтъ, Прогорѣловъ сначала испытываетъ своихъ преемниковъ, потому даетъ имъ мудрые совѣты. При испытаніи оказывается, что «столпы» не имѣютъ понятія объ отечествѣ и государствѣ, превратно смотрятъ на собственность, семейное начало не столько утверждаютъ, сколько отрицаютъ. Отечество и государство они смѣшиваютъ съ начальствомъ, собственность уважаютъ только свою, семейные принципы культивируютъ въ Кунавинѣ. Забывали объ отечествѣ и Прогорѣловы — но именно за то они и попали въ отставку. «Возобновляя въ памяти процессъ моего переименованія изъ столповъ въ пропавшіе люди, — таковы заключительныя слова прогорѣловскаго поученія, — «долженъ сознаться, что въ числѣ причинъ этого превращенія немаловажную роль играло и то, что я процвѣталъ независимо отъ процвѣтанія моихъ соотечественниковъ, что я ни за кого не поревновалъ, никого своей грудью не заслонилъ. Стало быть, ежели ты желаешь столповать продолжительно и благополучно, то не только не долженъ брать примѣровъ съ меня (въ чему ты, мимоходомъ сказать, черевчуръ склоненъ), но обязываешься поступать совершенно наоборотъ. Я равнодушествовалъ — ты сострадай; я бездѣйствовалъ — ты хлопочи; я держался правила: носа изъ мурья не совать — ты выбѣгай изъ мурья какъ можно чаще, суй свой носъ, суй!» Въ успѣхахъ своихъ благихъ поученій Прогорѣловъ, впрочемъ, плохо вѣритъ, потому что у новѣйшихъ столповъ «и на умѣ нѣтъ ничего такого, чтобы что-нибудь вышло» — нѣтъ даже

мысли о томъ, чтобы можно было трудиться и хлопотать не только для себя, но и для другихъ или для другого.

Какъ ни слабы сами столпы по части служенія семьѣ, собственности и государству, но обвинять другихъ въ полебнаніи основъ они очень любятъ; это одно изъ ихъ обычныхъ занятій, одинъ изъ признаковъ настоящаго «столпа». Передъ ихъ шеманимымъ судомъ можетъ оправдаться только тотъ, кто принадлежитъ, хоть мыслю и чувствомъ, къ одному съ ними лагерю. Перескочивъ, не столько ловкимъ, сколько смѣлымъ прыжкомъ, со скамьи обвиняемыхъ на судейское кресло, они произнесли обвинительный вердиктъ надъ своимъ обвинителемъ — признали г. Салтыкова виновнымъ въ отрицаніи всего того, что для нихъ такъ дорого и такъ священо. Подсудимый апеллировалъ противъ этого приговора въ «Кругломъ годѣ» — и апелліація его является новымъ обвинительнымъ актомъ, не менѣе сильнымъ, чѣмъ прежніе. Остановимся пока на той части апелліаціи, которая касается главнаго предмета вѣдомства столповъ — собственности. «Второе знамя, — говоритъ апелляторъ (въ приговорѣ идетъ рѣчь о неуваженіи въ «знаменамъ»), — собственность. Приѣмлю и ни мало вопреки глаголю. Но не приѣмлю, чтобы комерсантъ Деруновъ именовалъ себя апостоломъ собственности, хотя онъ до того простеръ свое усердіе въ этомъ направленіи, что всякую попытку крестьянъ получить за пудъ хлѣба шестьдесятъ копѣекъ, вмѣсто предлагаемой имъ, Деруновымъ, полтины, считаетъ за бунтъ и потрясеніе». Мысль, заключающаяся въ этихъ словахъ, была высказана уже раньше — устами корнета Прогорѣлова — въ видѣ слѣдующаго афоризма: «блюда свою собственность, но не отказывай и присному твоему въ правѣ имѣть таковую». Признаніе г. Салтыковымъ собственности, какъ основы, смягчило сердце Дерунова, но противъ двухсторонней формулы Прогорѣлова онъ все-таки протестуетъ. «Позвольте вамъ доложить, — пишетъ онъ Щедрина («Круглый годъ», первое октября): — ежели я буду о собственности публики скорбѣть, то не послѣдуетъ ли отъ сего для меня изнуренія? а равнымъ образомъ, не дастъ ли оно партикулярнымъ людямъ такой повадки, что мы-дескать будемъ праздно время проводить, а Деруновъ за всѣхъ насъ стараться станетъ? А награда — на небеси-съ?... По званію нашему, одно что-нибудь: или дѣла дѣлать, или отчетъ отдавать. Ибо званіе наше на этотъ счетъ довольно-таки строго, такъ что если нужное для операцій время мы станемъ употреблять для чистосердечіевъ, то операціи запустимъ, а чистосердечіями никому удовольствія не предоставимъ». Да, именно такъ,

а не иначе должны относиться Деруновы къ поученіямъ, къ разъясненію основъ и принциповъ. Прочитайъ только-что приведенныя слова, невольно вспоминаешь сонъ, приснившійся «чезовскому барину» послѣ свиданія съ Деруновымъ. «Видѣлся мнѣ становой приставъ. Окончилъ, будто бы, онъ курсъ наукъ и даже получилъ въ геттингенскомъ университетѣ дипломъ на доктора философіи. Сидитъ, будто, этотъ испитанный психологъ и пишетъ: «Проявился въ моемъ станѣ кунецъ первой гильдіи Осипъ Ивановъ Деруновъ, который собственности не чититъ и въ дѣйствіяхъ своихъ по сему предмету представляется не безъ опасности. Искусственнымъ мѣрами понижаетъ онъ на базарахъ цѣну на хлѣбъ и тѣмъ вынуждаетъ мѣстныхъ крестьянъ сбывать свои продукты за безцѣнокъ. И даже на дняхъ, встрѣтивъ чезовскаго помѣщика (ниа рекъ), наглými и безстыжными способами вынуждалъ онаго продать ему свое имѣніе за самую ничтожную цѣну»...

«Столып» не могли бы такъ скоро войти въ силу и такъ прочно уѣсться на своемъ мѣстѣ, если бы житейская ихъ мораль не была въ то же время, въ болѣе или меньшей степени, хотя-же моралью среды, въ которой имъ приходится дѣйствовать. Могучимъ подспорьемъ этой морали служитъ формализмъ, считающій позволненнымъ и позволительнымъ все то, что не запрещено закономъ. И столпы, и подражатели ихъ, и всякіе вообще охочіе до пріобрѣтенія люди являются, съ этой точки зрѣнія, истинными «юристами», хотя бы и не имѣли понятія о юриспруденціи. «Какъ юристъ,—говоритъ Прогорѣловъ, обращаясь къ столпу,—ты ясно понимаешь, чѣмъ ты въ правѣ воспользоваться», что вотъ это ты можешь «оттягать», а вотъ это —просто «отнять»; но партикулярный человѣкъ, какъ сынъ отечества, во всемъ этомъ сомнѣвается. Какъ юристъ, ты говоришь: какъ взялъ, такъ и отдай!—а онъ, какъ сынъ отечества, возражаетъ: а все-таки ты поступай по-божески! Какъ юристъ, ты говоришь: своими ли глазами ты смотрѣлъ? своими ли руками бралъ?...—а онъ, какъ сынъ отечества, возражаетъ: и все-таки ты меня обманулъ, зубы мнѣ заговорилъ. Какъ юристъ, ты его убѣждаешь: ты всѣ сроки пропустилъ, не жаловался, кто жъ виноватъ, что ты прозѣывалъ?...—а онъ, какъ сынъ отечества, возражаетъ: гдѣ жъ это видано, что изъ-за казыхъ-то вѣлауъ у меня мое отнимать?» Послушайте адвоката, увеселяющаго и отчасти смущающаго своихъ спутниковъ юридическими фокусами, въ родѣ одинаково горячей защиты сначала одного, потомъ другого, диаметрально противоположнаго тезиса («Опять въ дорогѣ»,

въ «Благонамѣренныхъ рѣчахъ»); что отвѣчаетъ онъ на замѣчаніе педагога о трудности уловить истину посреди юридической казуистики, объ опасности, которою эта казуистика угрожаетъ самому началу собственности? «Собственность—это краеугольный камень всякаго благоустроеннаго общества! Собственность—это объектъ, въ которомъ человѣческая личность находитъ наибудобнѣйшее для себя проявленіе-сь. Собственность—это та вещь, при несуществованіи которой человѣческое общество рисковало бы превратиться въ стадо дикахъ звѣрей-сь». Какая, подумаешь, твердость въ принципахъ, при столь полной шаткости въ ихъ примѣненіи! Но адвокатъ—человѣкъ искушенный въ ухищреніяхъ; подищемъ лучше кого-нибудь, никогда не обитавшаго подъ тѣнью юридическаго древа познанія добра и зла. Вотъ, напримѣръ, помѣщикъ Батищевъ («Благонамѣренныя рѣчи», «Переписка»), не сразу даже взявшая въ толкъ, какая-такая эта должность, въ которой все обвинять нужно (смыслъ увѣдомилъ ее о назначеніи его товарищемъ прокурора). «Братецъ неслѣб себя прекраснѣйшее мнѣніе оставилъ,—пишетъ эта простодушная старушка,—а теперь, по большому соизволенію, оно должно перейти къ намъ. Сказывалъ старшій камердинеръ его, что у покойнаго старая пассія въ Москвѣ жила, и отъ оной будто бы дѣти, но она, по закону, никакого притязанія къ имѣнію покойнаго имѣть не можетъ, мы же, по христіанскому обычаю, отъ всего сердца грѣхъ ей прощаемъ и даже не желаемъ знать, какою отъ этого грѣха плодъ былъ! Жаль, конечно, дѣтей, но ежели законъ имъ правъ не даетъ, то что же мы противъ закона сдѣлать можемъ!» Чтобы разсуждать не формально-юридическому шаблону и съ нимъ же соразмѣрять свои чувства, свои дѣйствія, не нужно, очевидно, быть ни «юристомъ» (въ смыслѣ прогорѣловскаго предостереженія), ни заправскимъ столпомъ; достаточно сжиться съ той атмосферой, которая образуетъ столповъ и благопріятствуетъ ихъ процвѣтанію.

Посмотримъ теперь поближе на одну изъ сторонъ дѣятельности «столповъ»—на постепенное, безкровное завоеваніе ими прежнихъ прогорѣловскихъ владѣній или такъ называемыхъ «Монрепо». Въ исторіи этого завоеванія главную роль играютъ два обстоятельства: слабое сопротивленіе старыхъ владѣльцевъ и обиліе союзниковъ у ихъ преемниковъ. Остановимся пока на второмъ элементѣ, изображенномъ всего рельефнѣе въ «Убѣжищѣ Монрепо». Когда Разуваевъ рѣшается выкурить «барина» изъ

усадебн, ему помераетъ не только становой приставъ Граціановъ, не только «бабушка», не только мѣстные набатчики, но и домохозяинъ Мёнрепо—садовникъ, скотница Матрена, оба Ивана, даже самъ вѣрный Лукьянычъ. Эти послѣдніе помощники, положимъ, не слишкомъ важны, они берутъ не столько силой, сколько численностью, массой; но за то первыми пренебрегать ни въ какомъ случаѣ нельзя. Что же заставляетъ Граціанова держаться сторону Разуваевыхъ? Прежде всего — расчетъ на содѣйствіе ихъ въ тѣхъ многотрудныхъ задачахъ, которыя возложены нынѣ на становыхъ и даже на сѣнскихъ (см. рѣчь Граціанова при вступленіи въ должность станового). Содѣйствіе обывателей можетъ быть троякаго рода: «содѣйствіе дѣйствительное, плодоносящее и безусловно полезное—содѣйствіе не особенно полезное, но и не вредное—содѣйствіе положительно вредное». Отъ «господъ бывшихъ помѣщиковъ», нынѣ скромно именующихъ себя земле-владѣльцами», Граціановъ ожидаетъ, въ лучшемъ случаѣ, только содѣйствія второго рода; содѣйствователи настоящіе, содѣйствователи перваго рода, въ его глазахъ—преимущественно «господа набатчики». Этого мало: между «бывшими помѣщиками» могутъ найтись «содѣйствователи безусловно вредные». Чтобы прослыть таковымъ въ глазахъ Граціанова, не нужно даже что-нибудь дѣлать; похоронительнымъ можетъ быть и «ничегонедѣланіе». «Если я ничего не дѣлаю—въ такому неутѣшительному результату приводитъ мало-по-малу помѣщикъ, выживаемый изъ Мёнрепо—то это значитъ, что я фрондирую. Или, въ переводѣ на русскій языкъ: фордибачу, артачусь, фыркаю, хорохорюсь, пѣтушусь, ваку кукишъ въ карманѣ (вотъ каково богатство синонимовъ!). И все это, какъ истинно лукавый и опасный человѣкъ, дѣлаю *промежду* себя. Допустимъ, однакожъ, что это такъ. Допустимъ, что я дѣйствительно *недоволенъ* и съ своей личной точки зрѣнія, и съ болѣе общей, философской. Но развѣ быть *недовольнымъ* *промежду* себя воспринято? Развѣ гдѣ-нибудь написано: вмѣняется въ обязанность быть во что бы то ни стало довольнымъ? Наконецъ, развѣ погибнуть государство, общество, религія отъ того, что я... ваку кукишъ въ карманѣ? Граціановъ думаетъ, что погибнуть, а вслѣдъ за нимъ также думаютъ Осьмушниковъ, Ковыряевъ, Разуваевъ. Всѣ они, вмѣстѣ взятые, не понимаютъ, чтѣ значатъ слова: государство, общество, религія,—но трепетать готовы. И вотъ они бродятъ около меня, киваютъ на меня головой, шепчутся, и только что не въ глаза мнѣ говорятъ: уйди!» Ободренные сочувствіемъ Граціановыхъ, Разуваевы, Деруновы и К⁰ сами начинаютъ разыскивать «недоволь-

никъ», всего чаще и скорѣе усматривая ихъ, конечно, въ категоріи «неудобныхъ» — т.-е. неудобныхъ для «стола», слышномъ уморно удерживающихъ за собою какое-нибудь облюбованное имъ Монрепо или просто расходящихся съ нимъ въ мнѣніи о стачкѣ или о бунтѣ. Не даромъ же Деруновы, отецъ и сынъ, заводятъ при «чемезовскомъ баринѣ» разговоръ о другомъ баринѣ, кандауровскомъ, котораго «чуть было не увезли», хотя «за нимъ не было никакихъ поступковъ». «Ни съ кѣмъ не знакомится, книжки читаетъ, дома по вечерамъ сидитъ» — вотъ факты, изъ которыхъ гг. Деруновы дѣлаютъ выводъ, что «кандауровскій баринъ, можетъ быть, промежутокъ себя революцію пушаетъ». Если въ этомъ смыслѣ толкуется простое «сидѣнье дома», то нетрудно себя представить, въ какихъ комментаріяхъ — и соответствующимъ дѣйствіямъ — падаютъ поводъ господинъ Паричевъ, заводящій нѣчто въ родѣ крестьянскаго банка (въ переводѣ на языкъ «столповъ» это означаетъ «коммуны дѣлать, протолеріатъ проновѣдывать, прокламацію распущать») или господинъ Анпетовъ, самолично дѣйствующій сохою и дѣлающійся съ крестьянами прибылями отъ обработки земли (см. «Благосамѣренныя рѣчи» — «Охранители» и «Отецъ и сынъ»).

«Столпы», болѣею частью, народъ тяжелый на подъемъ (въ кругу привычныхъ имъ операций: здѣсь ихъ подвижность не знаетъ предѣловъ), не привышій владѣть перомъ, ослепившій и осторожный. Имъ нужны застрѣльщики, развѣдчики, которые умѣли бы писать подъ ихъ диктовку и служить посредниками между ними и Граціановыми. Найти такихъ людей для нихъ тѣмъ легче, что не мало развелось развѣдчиковъ-добровольцевъ, готовыхъ работать на собственный рискъ и страхъ, безъ всякаго даже вознагражденія со стороны Разуваевыхъ и Деруновыхъ. «Мало ли отставныхъ поручиковъ, губернскихъ и полковскихъ секретарей безъ дѣла шатается», говоритъ молодой исправникъ (въ «Охранителяхъ»), достаточно двучившій этихъ добровольцевъ при исправленіи служебныхъ обязанностей. «Всѣ они нынче возмнили себя представителями нравственнаго порядка и борьбы. Живется этимъ резниателямъ, правду сказать, довольно холодно и голодно, а къ дѣлу они никакимъ манеромъ пристроиться не могутъ. Такъ-таки со времени упраздненія крѣпостнаго права и висятъ на воздухахъ». Отчасти отъ бездѣлья, отчасти отъ бѣдности, отчасти отъ бессильной злобы они занимаются «назвѣщеніями». Типическимъ представителемъ ихъ является отставной капитанъ Терпибѣдовъ, встрѣча съ которымъ производитъ на свѣжаго человѣка такое впечатлѣніе, «какъ

будто распахнулись двери давно не отпировавшагося подвала, наполненного старымъ, заплѣсневѣвшимъ отъ времени хламомъ». Много разъ находившійся подъ судомъ, онъ теперь поддерживаетъ «добрыя начала», слѣдить не только за поступками, но и за мыслями своихъ ближнихъ. «Химіи да физики теперь въ ходу, — говоритъ онъ старому знакомому, — а мы безъ химіи вѣкъ прожили, наипаче на божью милость надѣялись. Такое ужъ время нынѣче настало, что въ церковь не ходятъ, а больше, съ позволенія сказать, въ удобреніе вѣрятъ». Союзникъ и отчасти руководитель Терпибѣдова — запрещенный поэтъ Арсеній, «загадочное существо, котораго видъ вселялъ опасеніе». Даже Терпибѣдовъ, «при всемъ сознаніи своей несомнѣнной благонамѣренности», внезапно обрываетъ начатую неосторожную фразу, «словно чуя, что незрячій взоръ отца Арсенія покоится на немъ. И дѣйствительно, взоръ этотъ какъ бы говорить: продолжай! добавляйся! твои будутъ рѣчи, мои — перо и бумага». Подобно господину Перегоренскому, отецъ Арсеній не щадитъ и начальство, если оно съ недостаточнымъ довѣріемъ и недостаточною готовностью относится къ результатамъ его подслушиванья (противъ слова «подслушиванье» отецъ Арсеній, впрочемъ, протестуетъ; онъ признается только въ желаніи «достойныя примѣчанія вещи усмотрѣть»). На второмъ планѣ, за спиною запрещеннаго попа и отставнаго капитана виднѣется «столпъ» — кабатчикъ Пантелѣй Егоровъ. Онъ также «свидѣтельствуетъ» противъ обвиняемаго Арсеніемъ и Терпибѣдовымъ помѣщика Парначева, но свидѣтельствуетъ не изъ любви къ искусству, а потому, что Парначевъ стоитъ поперекъ его дороги — мѣшаетъ процвѣтанію его питейной торговли, раскрываетъ его темныя дѣла, убѣждаетъ крестьянъ завести школу. Отношенія между «столпомъ» и добровольцами, въ главныхъ чертахъ, вездѣ одни и тѣже. Когда владѣлецъ Монрепо читаетъ на лицѣ уходящаго отъ него батюшки: «*Матеріалы!* Правительству новыхъ источниковъ дохода не представлять — первое; пастырей духовныхъ не чтить и совѣтами ихъ небрежать — второе; утверждаетъ, якобы говѣлъ въ городѣ, но наврядъ ли — третье» — то на чью преимущественно пользу должны, въ случаѣ надобности, пойти эти «матеріалы»? На пользу Разуваева!

Неужели, однако, навѣты Разуваевыхъ и Деруновыхъ, «навіщенія» Терпибѣдовыхъ и отцовъ Арсеніевъ, въ связи съ бдительностью Граціановыхъ, достаточны для того, чтобы обратить въ бѣгство обитателей Монрепо, Чемезова и другихъ дворянскихъ пепелищъ? Вѣдь кандауровскаго барина не увезли, а только

чуть было не увезли? Вѣдь Пантелѣй Егоровъ предлагалъ только взять господина Парначева «на замѣчаніе»? На эти вопросы можно отвѣтить, прежде всего, словами исправника Колотова: «а вы полагаете, что взять человека на замѣчаніе—это ничего?» Кандауровскій баринъ не даромъ бѣжалъ изъ деревни, зная, что для рѣшенія его участи «ожидаются поступки»; вѣдь поступокъ — понятіе относительное, поступкомъ, какъ мы уже видѣли, можетъ быть признано и «ничегонедѣланіе». Владѣлецъ Монрепо имѣлъ только одну претензію—безъ утѣшенія прожить послѣдніе дни. «И что же? оказывается, что даже для осуществленія этой скромнѣйшей претензіи необходима *протекція*. Я долженъ припомнить старинныя связи, долженъ утруждать на- номинаніемъ о своемъ забытомъ существованіи, долженъ обращаться къ просвѣщенному содѣйствію. Конечно, въ этомъ содѣйствіи мнѣ не будетъ отказано, и въ концѣ концовъ я получу-таки право безнаказанно «артачиться» и «показывать кулики въ карманѣ» — но ради Бога, развѣ нельзя отъ одной мысли объ этой предварительной процедурѣ сойти съ ума?» А если протекціи нѣтъ, если не принадлежишь, притомъ, ни къ одной изъ четырехъ категорій, гарантированныхъ отъ соединеннаго деруновско-граціановскаго гнета (см. «Убѣжище Монрепо», стр. 133—134), если, въ довершеніе всего, «не имѣешь достаточно денегъ, чтобы переселиться въ городъ и тамъ жить припѣваючи на глазахъ у вышняго начальства»? Каково, наконецъ, положеніе тѣхъ, которые хотятъ жить въ деревнѣ «несообразно съ своимъ званіемъ» — напримѣръ, пахать, будучи дворяниномъ или окончивъ курсъ въ семинаріи (припомнимъ исторію Анпелова или повѣсть о поновскомъ сынѣ, рассказанную въ четырнадцатомъ «Письмѣ къ тетенькѣ»)? «Наружныхъ признаковъ, при помощи которыхъ можно было бы сразу отличить благонамѣреннаго отъ неблагонамѣреннаго, нѣтъ; ожидать поступковъ — и мѣшкотно, и скучно. Способъ выйти изъ затрудненія—это сердцецѣдствіе. Явился запросъ на сердцецѣдствіе — явились и сердцецѣды, и помощники сердцецѣдовъ изъ числа охочихъ людей». Сердцевѣдами по преимуществу оказались люди, наименѣе приготовленные къ этому занятію—бывшіе «курофды или куроцаны». «Курофдъ-психологъ, курофдъ-политикантъ! Курофдъ, принимающій на себя разцѣнку обывательскихъ убѣжденій и съ самымъ невозмутимымъ видомъ однимъ выдающій аттестатъ благонадежности, а другимъ — аттестатъ неблагонадежности!» «Что будетъ» — невольно думаетъ обыватель — «если онъ, вмѣстѣ того, чтобы ограждать луга мои отъ погравы, начнетъ читать въ моемъ

сердцѣ? Прочтеть одну страницу, помуслить палецъ, перевернуть, прочтеть другую, и такъ далѣе до конца?» Удивительно ли, что одна эта мысль способствуетъ опустѣнію Монрепо или переходу ихъ въ руки людей, служащихъ не объектами, а агентами сердецвѣдѣнія?

Предоставленные самимъ себѣ, ничѣмъ не подовѣрѣваемые и не тѣснимые, удержались ли бы «культурные люди» въ своихъ Монрепо? Подъ именемъ культурныхъ людей разумѣются здѣсь «самые обновленные представители культурной массы» или «тѣ истадія городской суеты, для которыхъ деревня составляетъ, наравнѣ съ экипажемъ, хорошимъ поваромъ и проч., одну изъ принадлежностей комфорта или общепризнанныхъ условій приличія — и ничего больше». Огличительной ихъ чертой служить, во-первыхъ, сельско-хозяйственная неумѣлость, въ силу которой они неминуемо терпятъ крушеніе на поприщѣ «раціональнаго хозяйства», во-вторыхъ, гадливость, препятствующая сближенію съ массой, въ третьихъ, отсутствіе знаній, съ помощью которыхъ они могли бы быть полезными деревнѣ. Отсюда совѣтъ сатирика «культурнымъ людямъ» — «сворачивать и суживать границы земельныхъ своихъ владѣній», приближать ихъ все больше и больше къ размѣру и типу «дачи». Въ качествѣ дачъ, Монрепо нужны культурнымъ людямъ, хотя бы для того, чтобы служить имъ «усыпальницами». «Нигдѣ не найдется, для самаго прихотливаго умирающаго, такого простора, такой тишины, такой безусловной изолированности; нигдѣ нельзя такъ незамѣтно и естественно окупнуться въ область неизвѣстнаго... Ничто не шлохнется кругомъ, ни одинъ звукъ не помѣшаетъ естественному потуханію. Особливо зимой. Монрепо, потонувшее въ сугробахъ снѣга — да это земной рай!» Не жестоко ли изгонять изъ этого рая утомленныхъ, жаждущихъ отдыха людей, и водворять на мѣсто тишины — разубавскій гамъ, на мѣсто безмятежнаго спокойствія — суетливую дѣятельность Деруновыхъ?

Позвольте, однако — могутъ возразить пѣвцу Монрепо-усыпальницы защитники дѣянія во что бы то ни стало: — если «культурные люди» умѣютъ только умирать, а не жить въ своихъ Монрепо, то есть ли поводъ горевать о выселеніи ихъ отсюда, хотя бы искусственномъ, хотя бы насильственнымъ? Лучше наказаніе жизнью, чѣмъ смерть; лучше Деруновъ, чѣмъ медленно умирающій «баринъ». Если удѣлъ культурныхъ людей — постепенное, но постоянное «сокращеніе земельныхъ владѣній», то какъ же помѣшать переходу роняемыхъ ими имѣній въ руки, всегда готовые подхватить все падающее — въ руки Колупаевыхъ

и К^о? Гдѣ другой, вѣстный наслѣдникъ для принятія безпре-
 станно открывающихся наслѣдствъ? Не лежать же имъ втунѣ,
 пока не отыщется законный ихъ обладатель! Не Граціановы по-
 могаютъ Разуваевымъ и Деруновымъ — имъ помогаетъ другой,
 болѣе могучій союзникъ: сила вещей, законъ необходимости или
 исторіи. Разуваевы и Деруновы — это нарождающаяся буржуазія,
 у насъ, какъ и на западѣ, заступающая мѣсто дворянства. Не-
 приглядна она, это правда — но что за бѣда! дайте срокъ — она
 выровняется, причешется, умоется, и будетъ хоть куда! — Прежде-
 чѣмъ отвѣтить на эти возраженія, припомнимъ, кому хотѣлъ
 продать свое имѣніе «чмеазовскій баринъ», когда еще не полу-
 чалъ предложенія отъ Дерунова? Сосѣднимъ крестьянамъ — тѣмъ-
 самымъ крестьянамъ, съ которыхъ не умѣютъ взыскивать помѣ-
 щикъ, но умѣютъ взыскивать Деруновъ. Крестьянинъ — вотъ есте-
 ственный, законный преемникъ помѣщика, рѣшающагося раз-
 статься съ цѣлымъ Монрепо или съ какою-нибудь его частью.
 Деруновъ — это пришлецъ, паразитъ, втискивающийся между нихъ,
 отдаляющій ихъ другъ отъ друга, затрудняющій и замедляющій
 выгодную для обѣихъ сторонъ перемѣну. Въ концѣ концовъ
 земля все-таки достается крестьянину, но достается ему не въ
 собственность, а на тотъ срокъ и на тѣхъ условіяхъ, какія со-
 благоволитъ назначить Деруновъ. Это еще не все. Опредѣленіе
 «культурныхъ людей», заимствованное нами изъ «Убѣжища Мон-
 репо», далеко не исчерпываетъ предмета; оно даже не обни-
 маетъ всѣхъ фигуръ, созданныхъ самимъ сатирикомъ. Не для
 всѣхъ культурныхъ людей деревня составляетъ «принадлежность
 комфорта или общепризнанныхъ условій приличія — и ничего-
 больше». Между этими «исчадіями городской суеты» и «по-
 движниками, препоясывающими чресла и взыскующими выш-
 няго града» (см. «Убѣжище Монрепо», стр. 31, 34) есть сре-
 дина; между верхушкой и подножіемъ высокой лѣстницы есть
 много промежуточныхъ ступеней. Есть «культурные люди», не-
 причастные къ подвижничеству, но способные и готовые рабо-
 тать въ деревнѣ не для одной лишь собственной выгоды; есть
 Анпетовы, не отступающіе и передъ физическимъ трудомъ, есть
 Парначевы, кое-что устраивающіе и предпринимающіе въ инте-
 ресахъ массы. Анпетовы и Парначевы не только безвредны —
 безвредны вѣдь, болѣею частью, и тѣ обитатели Монрепо, ко-
 торые ищутъ въ нихъ единственно тихой и непыльной кон-
 чины, — они приносятъ пользу, хотя бы только тѣмъ, что спо-
 собствуютъ уменьшенію разстоянія между массой и культурными
 людьми. Если уже одна безвредность — качество довольно цѣнное,

въ виду вреда, приносимаго Колунаевыми, Разуваевыми e tutti quanti, то что же сказать о чертахъ положительно-хорошихъ, хотя и не идеальныхъ? Существованіе Анпетовыхъ и Парначевыхъ служить очевиднымъ доказательствомъ тому, что господство «столпа» — не фатумъ, неизбежно угрожающій русскому народу. Отбѣтъ только не изгонять Анпетовыхъ и Парначевыхъ изъ деревни, не мѣнять имъ пріонимать туда, а напротивъ, сдѣлать пребываніе ихъ тамъ возможнымъ и сносимъ — и нашествіе Деруновыхъ станетъ менѣе опаснымъ, продолжая, конечно, тяготѣть надъ нашимъ настоящимъ и ближайшимъ будущимъ и вызывать цѣлый рядъ оборонительныхъ мѣръ, въ той или другой степени неотложныхъ.

Деруновъ и Разуваевъ — поистинѣ Протей, являющіеся въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и шествующіе въ своей цѣли самыми различными путями. Знаменитый девизъ Разуваева: «ѡнъ достанитъ!» обнимаетъ собою область несравненно болѣе широкую, чѣмъ выживаніе помѣщиковъ изъ Монрено и высканіе съ крестьянъ арендной или иной платы. Владѣлецъ Монрепо не даромъ полюбилъ Разуваеву, произведя его за одну фразу въ званіе финансиста. Припомнимъ, по какому поводу она была произнесена. На вопросъ: какъ торгуете? Разуваевъ отвѣчаетъ: «и ниче дѣла нельзя похулить, надо правду сказать. Народъ ниче очень ужъ оплошалъ; такъ значить только случая опускать не слѣдуетъ». «Удивляюсь, — возражаетъ ему собесѣдникъ: — по моему, если народъ оплошалъ, да еще вы случаевъ упускать не будете — вѣдь этакъ онъ, чего добраго, и вовсе оплошаетъ. Откуда вы тогда барышни-то свои выбирать надѣетесь?» — «Ахъ, вашескородіе! — восклицаетъ Разуваевъ, — ѡнъ достанитъ!» Что это значить? Это значить, что «курица не перестаетъ нести золотыя яйца, даже если она съѣдена. Это какая-то вѣчная, дважды волшебная курица, курица-мнѡзъ, курица-безсмыслица, но въ то же время курица, подлинное существованіе которой можетъ подтвердить такой несомнѣнный экспертъ куриныхъ дѣлъ, какъ Разуваевъ. И мнѣ кажется, что наши экономисты и финансисты недостаточно оцѣниваютъ этотъ фактъ, ибо въ противномъ случаѣ они не разглагольствовали бы ни о сокровищахъ, въ нѣдрахъ земли срывающихся, ни о сокровищахъ, изготовляемыхъ экспедиціей заготовленія бумагъ, а просто-на-просто объявили бы: ежели въ одномъ карманѣ пусто, въ другомъ ничего, то распорѣ курицы брюхо, выпотроши, свари, съѣшь, и пускай она продолжаетъ нести золотыя яйца по прежнему. И она будетъ вестись — въ этомъ порукою Разуваевъ». Не ясно ли, что устами

Анатолий Разумовъ, охотящагося выпустить за безцѣнокъ Монрепо, говорилъ въ данномъ случаѣ кѣйкій собирательный Разумовъ, говорилъ коллективная разумовская мудрость, неоднократно и многообразно испытанная платажную силу «оцѣпленного» народа?

Мы отвѣли вопросу о «столпахъ», со всѣми его развѣтвленіями, больше, быть можетъ, мѣста, чѣмъ слѣдовало бы для соблюденія симметріи; оправданіемъ этому служить крайняя его важность. Лагерь «столповъ» построенъ на два фронта: однимъ онъ обращенъ въ интеллигенцію, другимъ—въ крестьянству. Онъ угрожаетъ именно тому, отъ чего всего больше зависитъ будущее Россіи. Это лагерь укрѣпленный, удобный не только для обороны, но и для наступленія; основанный гдѣ двадцать тому назадъ, онъ быстро достигъ значительныхъ размѣровъ и не перестаетъ расти въ длину и ширину. Извѣданъ онъ теперь вдоль и поперекъ, извѣданъ отчасти подъ вліяніемъ толчка, данного щедринскою сатирой; но и помимо этой заслуги въ прошедшемъ, она сохраняетъ до сихъ поръ весь интересъ современности. Никакія детальныя изслѣдованія не могутъ замѣнить художественныхъ образовъ, сразу воспроизводящихъ то или другое вновь народившееся явленіе, запечатлѣвающихъ его не только въ памяти, но и въ воображеніи общества. Разговоръ Дерунова съ чemezовскимъ баринкомъ или Разумова съ владѣльцемъ Монрепо стоитъ нѣсколькихъ монографій; онъ проникаетъ въ добавокъ, въ такія сферы, которыя не всегда доступны для послѣднихъ. Имена щедринскихъ «столповъ» вошли въ обиходъ нашей публицистики, нашего общественнаго—и это вполне понятно, потому что они «говорятъ многое въ немногихъ словахъ», потому что они вызываютъ въ умѣ читателей не только отвлеченный фактъ, но и живыхъ людей, въ которыхъ онъ воплотился. Не всѣ разновидности нашего типа разработаны г. Салтыковымъ съ одинаковою яркостью и полнотою; мы имѣли уже случай замѣтить, что главную роль играетъ у него столпъ «чумазый»—но различіе между столпами чумазыми и не-чумазыми преимущественно внѣшнее; свѣтъ, брошенный на первыхъ, отражается и на послѣднихъ. Много общаго съ «столпами» имѣютъ—мы это еще увидимъ—и такія фигуры, какъ «кузина Машенька», какъ Филофей Павлычъ, какъ Пашенька въ «Семейномъ счастьѣ» («Благонамѣренныя рѣчи»), бесспорно принадлежащія къ категоріи «чумазыхъ». Одной стороною, но меньшей мѣрѣ, соприкасаются съ столпами и чиновные пріобрѣтатели «на законномъ основаніи», рвущіе куски изъ всякихъ земель, поступающихъ въ дѣлежку (см. «За рублемъ»,

стр. 24 и слѣд.). Понятія ихъ о собственности, о государствахъ и въ особенности объ отечествѣ несомнѣнно весьма близки къ понятіямъ Раауваевыхъ и Деруновыхъ. Всего характеристичнѣе между такими «благопріобрѣтателями», — тѣ, которые «вруть» и выѣстъ съ тѣмъ фрондируютъ, не щадя даже самого процесса «рванья». «Выбросили кусокъ, да еще ограничиваютъ, — жалуются его превосходительства Петръ Петровичъ — пользуйся такъ-то и такъ-то, не смѣй продавать! Вѣдь только у насъ могутъ *проходить даромъ* подобныя нечѣлости!» — «Ни рѣки, ни лѣсу — ничего!» — вопіетъ его превосходительства Иванъ Ивановичъ. — А коллегъ моему такое же количество лѣса отвели, да при рѣкѣ, да въ семи верстахъ отъ пристани! Нѣтъ, не доросли мы! Ой-ой, какъ еще не доросли! Отъ того у насъ подобныя дѣла и могутъ *проходить даромъ!*» «Вѣдь и меня надѣлили! — восклицаетъ, смѣясь, его превосходительства Терентій Терентиичъ. — Вотъ такъ поѣбка была! Хотите? говорить. Ну какъ, молъ, не хотѣтъ: съ моимъ, говорю, удовольствіемъ! Да, только у насъ такіа дѣла могутъ *проходить даромъ!*» Это уже послѣдняя степенъ «тонкости», до которой, пожалуй, рѣдко доходятъ и настоящіе «столпы». Получить «надѣлъ» и по этому же поводу либеральничать — на такую штуку способенъ только «культурный человѣкъ»!

Мы видѣли мелькомъ новыхъ бюрократовъ, въ качествѣ союзниковъ или подражателей «столповъ»; обратимся къ нѣкоторымъ другимъ типамъ изъ того же стараго, но вѣчно обновляющагося міра. На тѣхъ фигурахъ, которыя принадлежатъ прошедшему, мы останавливаться не будемъ, хотя и между ними многія заслуживали бы изученія: назовемъ, для примѣра, Удава, Дыбу, Отчаяннаго, Зильберггроша, Губошлепова, начальниковъ, о которыхъ повѣствуетъ Молчаливъ или юблляръ Севастьяновъ («Сонъ въ лѣтнюю ночь», въ «Сборникѣ»). Для насъ интересно теперь новое время, представителемъ котораго, на нившей административной ступени, служить знакомый намъ уже ставовой приставъ Граціановъ. Вполнѣ достоинъ быть начальникомъ Граціанова молодой исправникъ Колотовъ («Охранители», въ «Благонимѣренныхъ рѣчахъ»). «Не забудьте, — говоритъ онъ собесѣднику, удивляющемуся его молодости, — что въ настоящее время мы все живемъ очень быстро, и что вообще чиновничья мудрость измѣняется нынче не годами, а плотностью и даже, такъ сказать, врожденностью консервативныхъ убѣжденій, сопровождаемыхъ готовностью, по первому трубному звуку, устремляться куда

глаза глядять. Мы всё здѣсь, то-есть вся воинствующая бюрократическая армія, мы всё — молодые люди и всё урожденные консерваторы». Этотъ урожденный консерваторъ не прочь, однако, и полицберальничать, не прочь даже посмѣяться надъ своимъ призваніемъ; «но—странное дѣло, —замѣчаетъ его собесѣдникъ, —тѣмъ больше я вслушивался въ его рекомендацію самого себя, тѣмъ больше мнѣ казалось, что, не смотря на внѣшній закалъ, передо мною стоятъ все тотъ же достолюбезный Держиморда, съ которымъ я когда-то былъ такъ пріятельски знакомъ. Да, именно Держиморда! Почищенный, приглаженный, выправленный, но все такой же балагуръ, готовый во всякое время и отца родного съ кашей съѣсть, и самому себѣ въ глаза наплевать». Колотовъ — консерваторъ, если можно такъ выразиться, разстегнутый (конечно не въ присутствіи начальства), консерваторъ *blagueur et bon enfant* (до поры до времени); молодой судебный слѣдователь Добрецовъ (въ «Непочтительномъ Коронатѣ»), это — консерваторъ-доктринеръ, всегда застегнутый на всё пуговицы, всегда мнящій себя на службѣ, всегда что-то «высматривающій и вынюхивающій». «На меня, — говоритъ «чезевскій помѣщикъ», —подобные люди производятъ непріятное впечатлѣніе. Что-нибудь непременно онъ у меня вытянетъ! — думается мнѣ. Можетъ быть, онъ въ душѣ моей покопаться хочетъ, что-нибудь отгудова унести, ради иллюстраціи въ искренней бесѣдѣ съ начальствомъ... Много, ахъ, много нынче такихъ молодыхъ людей развелось! и глазки бѣгаютъ, и носикъ вздрагиваетъ, и ушки на макушкѣ — все ради того, что если начальство взглянетъ, такъ чтобы въ своемъ видѣ передъ нимъ быть». «Профессія юриста, —разсуждаетъ Добрецовъ, —есть самая священная изъ всѣхъ либеральныхъ профессій, открытыхъ современному человѣку, потому что общество никогда такъ не нуждалось въ защитѣ, какъ въ настоящее время». — «Въ защитѣ? Противъ чего», спрашиваетъ собесѣдникъ. — «Противъ современнаго направленія умовъ-съ. Противъ тѣхъ недозрѣлыхъ и нетерпимыхъ теорій, которыя предъявляются со стороны извѣстной части молодого поколѣнія». — «Но вѣдь такого рода защиту могутъ и становые пристава оказывать!» — «Могутъ-съ; но безъ знанія дѣла-съ. Слѣдствіе будетъ мертво, если въ него не вложенъ духъ живъ. А вотъ этотъ-то духъ живъ именно и дается юридическимъ образованіемъ». Средину между Колотовымъ и Добрецовымъ занимаетъ товарищъ прокурора Батищевъ (въ «Перепискѣ»). Онъ немножко доктринеръ, но не прочь и отъ легкаго взгляда на вещи; подобно Добрецову, онъ раскрываетъ соп амоге «корни и нити», — но Добрецовъ при этомъ точно

священнодѣйствуетъ, а Батищевъ уловляетъ не столько вселенную, сколько расположеніе начальства (играющее, впрочемъ, далеко не послѣднюю роль и для Добрецова). Добрецовъ—будущій прокуроръ, Батищевъ—будущій адвокатъ, соблазняемый барышами Ерофеева. Добрецовъ слишкомъ туго накрахмаленъ, чтобы быть поворотливымъ; отличительная черта Батищева—тонкость и гибкость, съ помощью которыхъ онъ «вьетъ веревки» не только изъ своего генерала, но и изъ Теофановъ, «не питающихъ довѣрія къ начальству». Правда, гдѣ тонко, тамъ и рвется; обрывается и Батищевъ, но, какъ конка, упадетъ прямо на ноги. Чуть-чуть поменьше усердія—и «гнѣзда», которыя вездѣ чудились Батищеву, были бы подвергнуты разоренію. Всегда ли, однако, находится рука, своевременно полагающая предѣлы Батищевскому рвенію?

Добрецовъ и Батищевъ принадлежатъ къ числу такъ-называемыхъ «государственныхъ младенцевъ»; поближе къ центру стоятъ «провиденціальныя младенцы», выводимые на сцену въ «Кругломъ годѣ»—налюбленные засѣдатели, а иногда и председатели тѣхъ безчисленныхъ комиссій, которыя «считаютъ нужнымъ» издать сто-одинъ томъ трудовъ, дабы и вѣтъ не прииди ни къ какому заключенію». Одна изъ комиссій, въ которыхъ участвуетъ Оединька, «бездѣйствуетъ за невозможностью изяснить, въ чемъ заключается предметъ, подлежащій ея разработкѣ; другая тоже бездѣйствуетъ за недоставленіемъ отъ одного изъ корреспондентовъ свѣдѣнія, что разумѣлъ онъ, говоря, что со времени крестьянской эмансипаціи отечественное земледѣліе вступило въ знакъ Рака»; въ третьей идетъ усиленная работа, но судя по тому, что ея цѣль—присканіе мѣръ «на случай могущаго быть свѣтопреставленія»—трудно ожидать и отъ нея болѣе опредѣленныхъ результатовъ. Не вся дѣятельность Оединьки поглощается, однако, бездѣйствующими комиссіями; онъ употребляется и для мѣропріятій, и самъ охотно ихъ употребляетъ, какъ ступеньки къ повышенію. Каждый членъ группы, къ которой принадлежитъ Оединька, «безтрепетно грозитъ перстомъ: вотъ я васъ! Каждый мнитъ, что все, что ни охватитъ его жадный взглядъ—все это ни что иное, какъ арена, уготованная для подвиговъ его молодечества, арена, на которой онъ можетъ дразниться, подтягивать, учить, утверждать въ вѣрѣ». Они всѣ убѣждены, что «пирогъ, осуществляемый отечествомъ, нужно не просто ѣсть, а сколь можно ожесточеннѣе рвать зубами, потому что внутри его, вмѣсто начинки, засѣло скопище неблагонамѣренныхъ элементовъ». Они не понимаютъ, что «на свѣтѣ существуютъ не

дѣй только разновидности: челоѡѡкъ-начальникъ и челоѡѡкъ-бунтовщикъ, но есть еще среднїй челоѡѡвъ, трудащїйся и скромный, челоѡѡвъ, который предпочитаетъ спокойствїе безпокойству, свободу — стѣсненїю, потому что видѣть въ спокойствїи и свободѣ единственную ограду своей личности и своего труда». Въ ту же ошибку впадаетъ и Семейъ Григорьичъ (см. «Письма къ тетенькѣ»). Не ограничиваясь объявленїемъ войны «неблагонадежнымъ элементамъ» вообще, онъ готовъ перечислить ихъ по пальцамъ, но никакъ не можетъ найти конца перечисленїю. «Остановись, любезный другъ, — замѣчаетъ ему собесѣдникъ, — вѣдь этакъ ты всѣхъ русскихъ подданныхъ поголовно въ сонму неблагонадежныхъ причислишь!» — «Э! еще довольно останется», отвѣчаетъ Сенича, какъ бы перифразируя слова Разумова: «Йенъ достанить!» При отдѣленїи овецъ отъ козлицъ по столь неопредѣленному признаку, какъ благонадежность или неблагонадежность — трудно избѣжать ошибокъ; Сенича это допускаетъ, но смотреть на это легко, какъ на случайность, неизбежную въ военное время. Дѣло доходитъ до того, что въ присутствїи Сенички начинаетъ чувствовать себя не безопаснымъ собственнїй отецъ его, вся вина котораго заключается въ храненїи, по старой привычкѣ, коллекцїи запрещенныхъ книжекъ.

Для Сенички и Бединьки главная рѣчь еще впереди — по крайней мѣрѣ они такъ полагаютъ и, можетъ быть, не безъ основанїа; графъ Твердоонто («За рубежомъ») нынѣшася уже весь, изъ чего, впрочемъ, отнюдь не слѣдуетъ, что ему больше и не будетъ дано слово. При видѣ его, даже у подножїи альпїйскихъ горъ, русскїй путешественникъ чувствуетъ нѣкій священнїй ужасъ и вспоминаетъ стихъ: «такъ храмъ оставленный — все храмъ, кумиръ поверженный — все Богъ». «Развѣ не бывало примѣровъ», думается ему дальше, «что и въ оставленныхъ храмахъ вновь раздавалось урчанїе авгуровъ, что и низверженные кумиры вновь выбирались на старыя пьедесталы и начинали вращать алмазными очами?» Когда графъ Твердоонто стоялъ близъ кормила, онъ мечталъ объ увѣнчанїи зданїа, но «получивъ лишь скудное образованїе въ кадетскомъ корпусѣ, ни до чего не могъ додуматься, что было бы равносильно даже управѣ благотворенїа. Что-то необычайно-смутное мелькало въ его головѣ, чего ни онъ самъ, ни подчиненные его не были въ состоянїи ни изложить, ни изложить. Это былъ какой-то вселенскїй смертъ, который надлежало навсегда и повсемѣстно водворить, и которому предстояло все знать, все слышать, все видѣть, и въ особенности наблюдать, чтобы не было ни превратныхъ идей, ни недоумокъ».

Держался Твердоонто до тѣхъ поръ, пока держалось представление о необходимости смерти. Въ тиши вынужденнаго досуга онъ то воображаетъ себя еще не обратившимся въ «простое состояніе исторіи» — и воспоминаетъ съ гордостью о томъ блаженномъ времени, когда отъ его циркуляровъ зависѣло изобиліе или неизобиліе Россіи, — то сознается чистосердечно въ своихъ ошибкахъ. «Думая вырывать плевелы, — говоритъ онъ лже-корреспонденту, — я почти всегда вырывалъ добрые колосы; желая все знать — я ничего не зналъ, желая все видѣть и слышать — я ничего не видалъ и не слыхалъ». А между тѣмъ, и у графа Твердоонто было призваніе, была спеціальность, надъ которой онъ могъ бы потрудиться не безъ пользы. «При мнѣ, — продолжаетъ тотъ же псевдо-корреспондентъ, — зашелъ у него съ Мамелфинымъ разговоръ о томъ, что есть истинная кобыла и каковы должны быть у нея статьи? — и я рѣшительно залюбовался имъ. Уменъ, образованъ, начитанъ и... доброжелателенъ. И онъ знаетъ кобылу, и кобыла знала его. Общія положенія, выводы, цитаты — такъ и сыпались»... Не вспоминается ли при этомъ знакомое намъ русско-ташкентское свойство — «готовность, ожидающая только приказанія?» Не лучше ли было бы и для самого Твердоонто, и для многихъ другихъ и многого другого, если бы дѣятельность его не выходила изъ своихъ естественныхъ предѣловъ.

Таковы новыя административныя пейзажи, внесенные послѣдними десятью годами въ альбомъ щедринской сатиры. Новы, собственно говоря, только комбинаціи, а не элементы, изъ которыхъ онъ составлены. Вездѣ мы узнаемъ знакомыя черты, слышимъ ташкентскія, помпадурскія, ташкентско-помпадурскія или помпадурско-ташкентскія мелодіи, разыгрываемыя à grand orchestre или усовершенствованными инструментами. Для полноты картины, слѣдовало бы упомянуть еще о параллели, нѣсколько разъ проводимой г. Салтыковымъ между старой и новой бюрократіей; но мы остановимся на ней въ другомъ мѣстѣ, въ связи съ другой параллелью — между старою бюрократіей и новѣйшимъ земствомъ.

Чтобы отдохнуть отъ зрѣлища борьбы, преслѣдовавшаго насъ и въ мірѣ «столповъ», и въ мірѣ бюрократіи, поищемъ у г. Салтыкова картинъ семейнаго счастья. Мы написали эти слова — и вспомнили, что они составляютъ названіе первой по времени пьесы г. Островскаго въ купеческаго быта. Намъ авторъ рисуетъ, болѣею частью, семью дворянскую — но результатъ получается и тамъ, и тутъ одинаково неутѣшительный. Не гово-

римъ о «Господахъ Головлевыхъ», этой ужасающей драмѣ изъ помѣщичьей жизни; Арина Петровна и даже Іудушка—такъ можетъ успокоивать себя читатель—люди другого времени, уже канувшаго въ вѣчность. Тоже самое можно сказать, пожалуй, и о Марьѣ Петровнѣ Воловитиновой, матери семейства, описаннаго въ «Семейномъ счастьѣ»; но къ «кузинѣ Машенькѣ» и многимъ другимъ эта оговорка непримѣнима, наша эпоха никакъ не можетъ всецѣло поставить ихъ въ пассивъ безвозвратно прошедшаго. Современная маменька въ первый разъ выведена на сцену у г. Салтыкова въ «Ташкентцахъ» приготовительнаго класса» (параллель первая); это Ольга Сергѣевна Персіанова, прототипъ русской «бонапартистки», окончившая курсъ наукъ въ парижскихъ «mondes où l'on s'amuse». Единственный сынъ ея, Nicolas, въ дѣтствѣ былъ для нея куколою, которую она наряжала, въ молодости сдѣлался собесѣдникомъ, выслушивавшимъ воспоминанія о ея побѣдахъ и въ свою очередь сообщавшимъ ей о своихъ подвигахъ, задуманныхъ или совершенныхъ. Одного поля ягода съ мадамъ Персіановой—Натанъ Проказкина («Еще переписка», въ «Благонамѣренныхъ рѣчахъ») и Натали Неугодова (въ «Бругломъ годѣ»). Въ отношеніяхъ къ дѣтямъ у нихъ нѣтъ середины между распушенностью и твердостью—но твердость онѣ проявляютъ только тогда, когда дѣти недостаточно скоро и безпрекословно исполняютъ телеграфные приказы въ родѣ слѣдующихъ: «vendez vite» или «envoyez argent». «Неблагодарный сынъ Федоръ», отвѣчаетъ госпожа Неугодова на письмо, заключавшее въ себѣ скромную просьбу умѣрить парижскіе расходы, за отсутствіемъ ресурсовъ для ихъ покрытія,—«неумѣстными наставленіями твоими была глубоко возмущена. Но я—мать, и знаю, что есть законъ, который меня защититъ. Законъ сей велитъ дѣтямъ почитать родителей и покорять оныхъ, послѣднимъ же дать право непочтительныхъ дѣтей заключать въ смиренныя и нныя заведенія. До сихъ поръ я симъ предоставленнымъ мнѣ правомъ не пользовалась, но ежели обстоятельства къ оному меня вынудятъ, то повѣрь, что я сумѣю доказать, что и у меня нѣтъ недостатка въ твердости души». Слогъ письма объясняется тѣмъ, что его писалъ другъ Натали, получившій семинарское образованіе; но Натали его подписала, прибавивъ въ нему: «au nom du ciel envoyez au plus vite l'argent que je vous ai demandé». У французовъ есть поговорка: «un oncle est un créancier donné par la nature»; матери въ родѣ госпожъ Неугодовыхъ переложили ее, для собственнаго употребленія, въ слѣдующій русскій афоризмъ: «сынъ есть природою данный бан-

жиръ и повѣренный въ дѣлахъ (денежныхъ и другихъ), подлежащій, въ случаѣ ослушанія, заключенію въ смирательномъ домѣ».

«Кузина Машенька» — это то же современная маменька, но совсѣмъ въ другомъ родѣ. Строгая и на счетъ манеръ, и на счетъ нравовъ, она не расточаетъ, а приобретаетъ и воспитываетъ будущихъ приобретателей. На видъ такая же «куколка», какъ знакомы намъ Натали или Ольги, съ глазами, выражающими горе «ни объ чемъ», она видитъ, однако, какъ нельзя лучше все, что ей выгодно видѣть, и можетъ служить образцомъ твердости даже для самаго крѣпковѣйшаго мужчины. Подобно Дерунову, она скунаетъ лѣса, земли; лѣсъ сводить, а землю мужичкамъ въ кортому отдаетъ — «вѣдь имъ земля-то нужна, ахъ, какъ нужна!» Особенно нужна крестьянамъ земля, близко лежащая къ ихъ околицѣ — нужна потому, что они «боятся штрафовъ»; вотъ эту-то землю Машенька и прибираетъ преимущественно къ рукамъ, прямо рассчитывая, сколько процентовъ принесетъ ей крестьянская «боянь». Деруновъ совѣтуетъ «чемезовскому барину» не продавать землю крестьянамъ, потому что онъ не сумѣетъ изыскать съ нихъ продажную цѣну; Машенька, очевидно умѣющая «выскапывать» не хуже Дерунова — даетъ тотъ же совѣтъ, только мотивируетъ его сентиментальнымъ восклицаніемъ о «неблагодарности» крестьянъ. Она никакъ не можетъ понять, какимъ образомъ ее чемезовскій кузенъ отдалъ своимъ бывшимъ крестьянамъ именно ту пустошь («Кусточки»), которая имъ особенно необходима. «Да вѣдь крестьянамъ безъ этой земли просто жить нельзя», замѣчаетъ кузенъ. «А они бы у васъ кортомили ее», возражаетъ ему Филофей Павлычъ, маменькинъ совѣтникъ и будущій мужъ: «и имъ бы безъ обиды, и вамъ бы хорошая польза была». — «Да вѣдь они имѣли право на Кусточки! *Право* — ясно ли это, наконецъ! Вы сейчасъ говорили, что собственность уважать надо, а по разъясненіямъ-то выходитъ, что уважать надо не собственность, а прижиму!» Это восклицаніе кузена попало прямо въ цѣль; Машенька и Филофей Павлычъ, какъ и Деруновъ, почитаютъ собственность — но только свою, а не чужую.

Одинаково относиться во всѣмъ своимъ дѣтямъ такіа матери, какъ кузина Машенька, не могутъ; имъ нужно видѣть въ дѣтахъ повтореніе собственной особы, съ вариантами въ подробностяхъ, но безъ отступленій отъ главной темы. Стоитъ только ребенку уклониться отъ заранѣе намѣченного шаблона — онъ тотчасъ же попадаетъ въ разрядъ непочтительныхъ, заворонѣ-

лнхъ, дурныхъ, откуда одинъ только шагъ до разряда отбитыхъ и безнадежныхъ. Второй сынъ кузины Машеньки, Коронатъ, рано попалъ въ первую изъ этихъ категорій. Не теряя, однако, надежды на его исправленіе, Машенька выбрала для него подходящий «путь къ счастью», т.-е. къ фортунѣ и каррьерѣ; старшаго, Теогноштушку, она предназначила въ кавалерію, какъ мальчика откровеннаго, а Коронатушку, яко скрытнаго и осмотрительнаго, заблагоразсудила пустить по юридическо-ю части». Проходить нѣсколько лѣтъ—и Коронатъ оказывается поистинѣ непочтительнымъ; онъ рѣшается пережвннть дорогу и сдѣлаться медикомъ. Онъ проситъ у матери посылать ему, до окончанія курса, по триста рублей въ годъ—и получаетъ категорическій отказъ. «Ежели ты упорствуешь въ непочтительности, то и я въ своихъ правилахъ остаюсь непреклонною. И согласія моего на твою фантазію не изъявляю, а приказываю, какъ христіанинъ и мать: продолжай по юридической части идти, какъ тебѣ отъ меня и отъ Бога сіе предназначено. Въ противномъ же случаѣ, надѣйся на себя, а на меня не пеняй. За симъ, да будетъ надъ тобой Божіе и мое благословеніе». Коронатъ проситъ дядю хлопотать за него лично передъ мамонькой; дядя исполняетъ эту просьбу. При первомъ упоминаніи о Коронатѣ лицо мамоньки глядитъ совершенно спокойно; «но что-то, не то чтобы злое, а глупо-непоколебимое сѣвзило сѣвзовъ это спокойствіе, какъ будто бы она говорила: какъ ты тамъ ни ораторствуй, а у меня свои правила есть. Это бываетъ, особенно съ женщинами—и такъ онѣ за эти правила держатся, что словно львицы разъяренныя, готовы всякому горло зубами перервать и кровь выпить, кто въ нимъ безъ сноровки подойдетъ. Главное свойство *правилъ*—отсутствіе всякихъ правилъ и полная невозможность отдѣлнть отъ шелухи ту руководящую мысль, которая послушная для нихъ основаніемъ. Это—какая-то неумовная путаница, въ которой ни за что ухватиться нельзя, но потому-то именно она и обладаетъ своего рода неприступностью». Неприступна, именно неприступна и Машенька; всѣ убѣжденія кузена отскакиваютъ отъ нея, какъ отъ каменной стѣны. У нея есть «правило»: дѣти должны почитать родителей; больше ей ничего не нужно, тѣмъ болѣе, что она можетъ подтвердить «правило» ссылкой съ одной стороны на Хама, съ другой—на подлежащія статьи закона. Подходить ли желаніе Короната быть медикомъ, а не юристомъ, подъ понятіе о непочтительности—это ужъ не машенькина ума дѣло; непочтителенъ Коронатъ, да и только—больше и разсуждать не о чемъ. Даже Филофею Павлычу не приходится

поддерживать Машеньку въ ея рѣшимости; его слова: «мать— всѣ права ея-съ; такъ и въ законѣ-съ» служатъ только послѣднимъ аккордомъ пьесы, совершенно самостоятельно и съ замѣчательною бѣглою въ пальцахъ разыгранной матерью «непочтительнаго» сына. Когда кузень вѣхалъ отъ нея обратно, ему казалось, что передъ его глазами только-что развернулось «цѣлое море глупости, предразсудковъ, ничѣмъ не обусловленнаго упрямства—море, по наружности тихое, но алчущее человѣческихъ жертвъ».—Нѣчто среднее между кузиной Машенькой и Натали Неугодовой—это Наденька (она же «индюшка», въ «Письмахъ въ тетенькѣ»), вертящаяся передъ зеркаломъ, на подобіе послѣдней, но наравнѣ съ первой претендующая на «правила» и на деспотическое управленіе семействомъ.

Кто выходитъ изъ семей, воспитываемыхъ—или не воспитываемыхъ—Наденьками, Наташеньками и Машеньками? Съ одной стороны—Коронаты или «прапорщики» (см. «Письма въ тетенькѣ»), съ дѣтства ожесточенные несправедливостію, насильно втиснутые на чуждую имъ дорогу, въ худшемъ случаѣ—гибнущіе на ней, въ лучшемъ—отрывающіеся отъ нея цѣною безконечныхъ лишеній и страданій; съ другой стороны—самки въ родѣ Нонночки, мелкіе развратники въ родѣ Nicolas Персіанова, безпардонные кутилы въ родѣ Оединьки Воловитинова или Теогнуштушки, соломённые души въ родѣ Сенички Воловитинова, холодные карьеристы въ родѣ Оединьки Неугодова. Не одна семья, конечно, дѣлаетъ ихъ тѣмъ, что они есть—но она безспорно погибаетъ въ ихъ душѣ трудно изгладимую складку. Въ семьяхъ подобныхъ тѣмъ, о которыхъ мы только-что говорили, свила себѣ гнѣздо всякаго рода фальшь, на половину сознательная, на половину бессознательная. Какъ употребляется тамъ всуе имя Божіе—это мы уже видѣли; къ «юридической» части Коронаты оказывается предназначеннымъ не только маменькой, но и Богомъ. На устахъ у Машеньки, какъ и у Іудушки, бессмѣнно пребываетъ слово: «по родственному», нисколько не мѣшая ни купить у родственника имѣніе за четверть цѣны, ни пригрозить ему «извѣщеніемъ», когда онъ гладитъ родственницу не по шерсти. Своего кузена Машенька принимаетъ восклицаніями: «ахъ, мой родной! вотъ неожиданность, вотъ радость!»—но кузену не напрасно слышится въ этихъ словахъ «только данъ тѣмъ традиціямъ родственности, которыя предписываютъ во что бы то ни стало встрѣчать добраго родного шумными изъясненіями радостнаго празднословія. Это—такой же бессодержательный обычай, такое же лганье, какъ и причитаніе по покой-

никъ». До чего доходить фальшь, когда въ воздухѣ пахнетъ близкимъ къ открытію или уже оторывшимся наслѣдствомъ—это особенно наглядно представлено г. Салтыковымъ въ двухъ картинахъ: комической—въ «Семейномъ счастьѣ», трагической—въ «Господахъ Головлевыхъ». Для однихъ домохозяевъ фальшь становится, въ свою очередь, второй натурой; они вносятъ ее, какъ завѣтъ отъ предковъ, и въ частную, и въ публичную жизнь. Другіе, освободясь изъ-подъ вліянія фальши, отождествляютъ съ нею весь семейный бытъ, всѣ проповѣдуемыя въ немъ начала.

Поднимемся одной ступенью выше: посмотримъ на семьи, въ которыхъ рядомъ съ «правилами» есть мѣсто и для искренняго чувства. Здѣсь возможны, между прочимъ, два случая: полное усвоеніе молодымъ поколѣніемъ родительскихъ *правилъ* и полное ихъ отрицаніе. Первый случай мы видимъ въ семьѣ Нагорныхъ («Ташкентцы приготовительнаго класса», параллель третья), пожалуй и въ семьѣ Велентьевыхъ (тамъ же, параллель четвертая). Нагорновы нѣжно любятъ своего Мишу; если они и запрещаютъ ему думать объ адвокатурѣ, то не слишкомъ насилуютъ этимъ его призваніе. Онъ не прочь и отъ обвинительной дѣятельности, и триумфы съ шампанскимъ торжествуютъ въ его душѣ надъ мундиромъ только тогда, когда онъ находится подъ непосредственнымъ ихъ обаяніемъ. Правила, съ которыми онъ вступаетъ въ жизнь, отличаются отъ отцовскихъ только приспособленіемъ къ новой обстановкѣ—но они сдѣлались отъ этого не лучше, а хуже. То же самое можно сказать и о Порфишѣ Велентьевѣ; его усовершенствованное хищничество заткнетъ за поясъ первобытные, сравнительно, приемы, съ помощью которыхъ наполнялись карманы его папашы и мамашы. Со вторымъ случаемъ мы встрѣчаемся прежде всего въ семьѣ Молчалина («Въ средѣ умѣренности и аккуратности»). Ея глава держится системы *laissez faire, laissez aller*; онъ не навязываетъ дѣтямъ своихъ *правилъ*, не гнѣвается за отступленіе отъ нихъ—и пріобрѣтаетъ этой цѣной семейный миръ, но не семейное счастье. Семейное счастье невозможно безъ взаимнаго довѣрія, безъ нѣкоторой общности мыслей и интересовъ. Дѣти Молчалина любятъ отца, но, живя подъ одной съ нимъ кровлей, отдѣлены отъ него точно китайской стѣной. Поглощенный департаментскими дѣлами, Молчалинъ чувствуетъ эту отчужденность не такъ живо, какъ чувствовалъ бы ее другой, болѣе свободный человекъ; но все-таки она тяготѣетъ надъ нимъ тяжелымъ бременемъ и наполняетъ его душу смутною боязнью. «Боюсь я за нихъ, боюсь!» говорить онъ старому пріятелю. «Особенно съ тѣхъ поръ, какъ господинъ Кат-

ковъ эту травлю поднѣлъ! Не люблю я этого челоуѣка — грѣшенъ. Вотъ и благонамѣренный, а для родительскаго-то сердца каковъ!» Мысль о господинѣ Катковѣ преслѣдуетъ Молчалина и тогда, когда онъ смотритъ на игры и забавы дѣтей. «Сидишь-это въ сторонѣ, чтобъ имъ не помѣшать, и думаешь: и съ чего только господинъ Катковъ тревогу поднѣлъ! Молодежь, какъ молодежь! Ну точно, есть въ нихъ... есть этотъ душевъ... вотъ хоть бы на счетъ прародителей нашихъ... Такъ вѣдь не всяко же льво въ строку! Знаю, что велика Божья милость, а все-таки не разъ и не два подумаешь: ну какъ онъ, Павелъ-то Алексѣичъ мой, что ни на есть сболтнетъ? Ну, какъ да у меня его за это отнять? Неужтожъ и плакать-то мнѣ объ немъ нельзя?» Въ «Чужомъ толкѣ» мы видимъ Молчалина, дѣйствительно застигнутаго гровою. Растерянный, блѣдный, онъ заходить къ знакомымъ выпить стаканъ воды, но смотреть не на нихъ, а черезъ нихъ, «въ тотъ невѣдомый уголъ, откуда слышится ему дорогой голосъ: мы, папаша, знаемъ, что вы насъ любите, и очень вамъ за это благодарны. Эти слова когда-то казались ему холодными (онъ, какъ и всѣ старики — отцы, не прочь бы посантиментальничать), но теперь они звучатъ въ его ухахъ, какъ высшее выраженіе сыновней любви». Онъ готовъ взять на себя отвѣтственность, угрожающую сыну; онъ искренно убѣжденъ, что это будетъ совершенно справедливо. Ему говорить: «сами, сударь, виноваты! правилъ настоящихъ не умѣли внушить!» — «Это точно, что я не внушалъ, — разсуждаетъ онъ самъ съ собою, — ну я, стало быть, и отвѣтъ за это долженъ дать! А то, помилуйте! Я — не внушалъ, а Павелъ Алексѣичъ все-таки обязанъ знать... настоящія правила! На что похоже!»

«Дѣти! дѣти!» — такъ заканчиваетъ г. Салтыковъ свои экскурсіи «въ среду умѣренности и аккуратности» — «вотъ *больное мѣсто* беззащитнаго, безпомощнаго молчалинства. По мнѣнію моему, оно представляетъ повстиннѣ неистощимый родникъ для размышлений, да и для художественнаго воспроизведенія въ немъ чувствуется весьма небезъинтересная канва. Я даже думаю, что тутъ именно и таится зерно той заправской русской драмы, которой до днесь никакъ не могла выродить изъ себя русская жизнь... Итакъ, настоящая, захватывающая духъ драма найдена! Но кто же воспроизведетъ ее? и когда?» Одна сторона ея воспроизведена, нѣсколькими годами позже, самимъ лѣтописцемъ современнаго молчалинства — воспроизведена не въ драматической формѣ, но съ поразительною силой. «*Больное мѣсто*» составляетъ одинъ изъ

кульминаціонныхъ пунктовъ творчества г. Салтыкова ¹⁾; это нѣчто столь же законченное, столь же образцовое въ своемъ родѣ, какъ и первый этюдъ, посвященный «столпу». «Столпъ» — это настоящая сатира, то гнѣвная, то презрительно-ироническая, проникнутая негодованіемъ противъ побѣдоносной неправды, противъ чудовищнаго полипа, безчисленными щупальцами пьющаго кровь своей постоянно возрастающей добычи. «Больное мѣсто» — это торжество психологическаго анализа, согрѣтаго глубокимъ чувствомъ и освѣщеннаго глубокою идеей. Еслибы намъ нужно было доказать, что г. Салтыковъ — не только замѣчательный сатирикъ, но и одинъ изъ первыхъ нашихъ беллетристовъ, то мы сослались бы рядомъ съ «Господами Головлевыми» и на «Больное мѣсто», такъ высоко стойтъ, въ нашихъ глазахъ, эта небольшая повѣсть, съ ея простой завязкой, съ ея единственнымъ героемъ.

Чутье художника-мыслителя выразилось уже въ самомъ выборѣ предмета. Гаврило Степанычъ Разумовъ — это не «Удавъ», въ домѣ котораго также разыгралась семейная драма (см. седьмое «письмо къ тетенькѣ»); это и не Молчалинъ, привыкшій къ выжидательной системѣ и могущій упрекнуть себя только за «не-внушеніе правилъ». Нельзя сказать, чтобы Удавъ былъ совершенно неспособенъ къ страданію, чтобы судьба трехъ сыновей, изъ которыхъ «одинъ пропалъ, другой — попался, третій — остался дѣлать и выражается о братьяхъ: такъ имъ, подлецамъ, и надо», — оставила его безусловно равнодушнымъ. Нѣтъ; жизнь его существенно измѣнилась уже съ тѣхъ поръ, какъ «его хранина погрузилась въ мракъ и наполнилась шипѣніемъ», вслѣдствіе обособленія элементовъ, сначала угрожавшихъ, а потомъ и дѣйствительно разрѣшившихся «исторіей». Онъ предполагалъ, что подъ старость у него будутъ три утѣшенія (хотя бы только для внимательнаго слушанія анекдотовъ изъ жизни графа Михаила Николаевича), а на повѣрку вышло только одно — да и относительно этого послѣдняго утѣшенія ему пришлось задуматься, «подлинно ли оно утѣшеніе, а не египетская казнь». Потрасающаго впечатлѣнія, однако, потеря Удавомъ двухъ утѣшеній на насъ произвести не можетъ, какъ потому, что Удавъ и искреннее чувство — понятія несовмѣстимыя, такъ и потому, что слишкомъ ужъ очевидна связь между прошедшимъ Удава и предстоящимъ ему будущимъ, слишкомъ заслужена постигшая

¹⁾ Напечатана эта повѣсть въ № 1 „Отечественныхъ Записокъ“ за 1879 г., по-печатана — въ „Сборникѣ“.

его кара. Молчалинъ — гораздо болѣе, чѣмъ Удавъ, подходящий субъектъ для семейной драмы; но она могла разразиться надъ нимъ только извнѣ — а такая драма, не смотря на весь свой ужасъ, все-таки не составляетъ еще послѣдняго слова трагизма. Гроза можетъ пройти, солнце можетъ опять показаться на небѣ, жизнь можетъ возвратиться въ прежнюю колею, хотя бы и съ нѣкоторымъ изъясномъ; къ отчаянію, даже въ худшемъ случаѣ, не присоединяется здѣсь вовсе или присоединяется лишь слегка страшная мука самообвиненія. Безповоротенъ только тотъ разрывъ, который идетъ изнутри, котораго не можетъ ни остановить, ни уничтожить ничья посторонняя рука; безгранично и безысходно только то горе, въ составъ котораго входитъ безплодное раскаяніе. Прошедшее — вотъ гдѣ коренится главная разница между Разумовымъ и Молчалинымъ; за послѣднимъ имѣются только мелкіе грѣшки, за первымъ есть и крупные счеты. Въ исторіи Удава темныхъ страницъ еще гораздо больше, но онъ почти не сознаетъ ихъ мрака; Разумовъ долго былъ близорукъ почти до слѣпоты, но глаза его наконецъ раскрылись — и раскрылись слишкомъ поздно.

Вся жизнь Разумова сложилась такъ, что любовь къ сыну должна была сдѣлаться для него господствующимъ, единственнымъ, всепоглощающимъ интересомъ. Молодымъ онъ никогда не былъ, такъ называемаго періода страстей никогда не переживалъ; женился онъ не по любви и даже не по расчету, а для порядка, въ силу одного изъ тѣхъ рѣшеній, «которыя имѣютъ за себя достоинство исконной общепризнанности». Его рано захватили *тиски*, «съ которыми онъ, съ самой бурсы, до того свылся, что даже не чувствовалъ ихъ давленія». Всепроникающей формулой его существованія была служба и сопряженное съ нею *дѣло*. «Разъ прилѣпившись къ дѣлу, разъ взявши на себя обязательство выполнить его *по своей совѣсти* — т.-е. *какъ приказано*, — Гаврило Степанычъ почувствовалъ свою жизнь до краевъ наполненною. Онъ былъ нечестолюбивъ и даже не понималъ честолюбія. Повышенія и награды хотя и настигали его, но въ установленномъ порядкѣ, а не потому, чтобъ онъ искалъ ихъ; даже «необходимымъ» онъ сдѣлался не за какія-нибудь потворства начальническимъ страстямъ, а просто потому, что лучше другихъ вникалъ, лучше другихъ умѣлъ неясному мельканью начальственной мысли найти связанное и ясное выраженіе». Въ массѣ дѣлъ, которыя проходили черезъ руки Разумова, немало было такихъ, которыя для однихъ оканчивались нравственной обидой, для другихъ — матеріальнымъ ущер-

бомъ; но эти обиды и ущербы прикрывались въ глазахъ Разумова представленіемъ о высшемъ интересѣ, — представленіемъ, принятымъ на вѣру и едва ли означавшимъ что-либо иное, кромѣ простого «приказанія». Вотъ почему онъ былъ добросовѣстно убѣжденъ, что «мухи не обидѣлъ», хотя отъ него пострадали многіе и весьма многіе; вотъ почему онъ могъ быть даже жестокимъ, хотя жестокость не была въ его натурѣ. «Бывали, конечно, минуты, когда на него наносило вѣтромъ что-то въ родѣ трупнаго запаха, и когда онъ по неволѣ задумывался. Въ такія минуты, онъ выходилъ изъ-за письменнаго стола, къ которому считалъ себя прикованнымъ, безпокойно шагаль взадъ и впередъ по кабинету, какъ бы подъ вліяніемъ ощущеній физической боли, и старался припомнить тотъ «высшій интересъ», который на сей предметъ полагается. И, разумѣется, въ концѣ-концовъ припоминалъ и... успокоивался».

Успокоеніе, почерпаемое изъ такого источника, прочно только до тѣхъ поръ, пока колесо «дѣла» вертится безостановочно, пока одно впечатлѣніе смѣняется другимъ, не давая ни опомниться, ни оглянуться, пока «высшій интересъ» ежеминутно мечется въ глаза, то въ видѣ начальства, то въ видѣ бумагъ и подлежащихъ узаконеній или предписаній, то, наконецъ, просто въ видѣ привычной департаментской обстановки. Къ несчастію для Разумова, онъ былъ внезапно отдаленъ отъ колеса, когда чувствовалъ въ себѣ и охоту, и силу вращать его по-прежнему. Шестидесятилѣтній, бодрый старикъ очутился въ глухомъ губернскомъ городѣ (размѣръ пенсіи не позволялъ оставаться въ столицѣ), внѣ привычной колѣн, безъ занятій, безъ жизненныхъ цѣлей—за исключеніемъ одной, воплощенной въ единственномъ сынѣ. Степа родился черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ запоздалой женитьбы, когда Гаврило Степановичъ совсѣмъ-было потерялъ надежду на потомство. «Съ этой минуты жизнь Разумова какъ бы раздвоилась, и онъ впервые почувствовалъ, что съ нимъ случилось что-то въ родѣ «эпизода». Даже женитьба не произвела въ немъ такого волненія, такого сладкаго и въ то же время щемящаго набытка счастья, который заставляетъ опасаться, что чаша не черезъ-чуръ ли наполнена. Между новымъ объектомъ жизни—сыномъ, и старымъ объектомъ — *дѣломъ*, сразу установилась прочная связь; старый объектъ служилъ новому и уже не господствовалъ надъ жизнью». Не трудно понять, насколько должно было подняться значеніе новаго объекта, когда старый, помимо воли субъекта, былъ вовсе сложенъ со счетовъ. Въ довершеніе всего, Гавриилъ Степановичу пришлось разстаться съ сыномъ, оставить его въ Пе-

тербургѣ, до окончанія ученія. «Разумовъ не зналъ куда дѣваться отъ унынія и скуки. Только лѣтомъ, во время каникулъ, онъ расцвѣталъ, потому что въ это время прїѣзжалъ въ побывку Степа. Однако, и тутъ не обошлось безъ горькихъ замѣтокъ. Хотя отецъ и сынъ по прежнему безпредѣльно любили другъ друга, но не въ природѣ вещей было, чтобы Степа всего себя отдалъ старику отцу». Въ Петербургѣ они также видѣлись довольно рѣдко — «но вѣдь тогда существовало *дѣло*, которое сдерживало отцовскія чувства, а теперь была свобода, пользуясь которой онъ, конечно, готовъ былъ всякую минуту жизни посвятить своему дѣтищу. Но этого-то именно и не понималъ Степа и продолжалъ отдавать отцу столько же времени, какъ и прежде». Старикъ не обвинялъ сына — «но болѣло его старческое сердце, и съ каждымъ днемъ все глубже и глубже погружался онъ въ пучину той безразсвѣтной пустоты, на которую обрекло его одиночество».

Это только прологъ драмы, будничныя, заурадные, переживаемыя тысячами отцовъ и матерей — и благо тѣмъ изъ нихъ, для которыхъ драма не идетъ дальше пролога, какъ бы онъ ни былъ богатъ горечью и слезами. Настоящій трагическій моментъ въ жизни Разумова наступаетъ тогда, когда въ опасеніямъ за сына — опасеніямъ въ родѣ тѣхъ, которыя испытываетъ Молчалинъ — присоединяется другое, еще болѣе гнетущее чувство. «Гаврило Степанычъ зналъ навѣрное, что Степа — юноша честный, трудолюбивый и притомъ до крайности любящій, сердечный. Но въ самомъ воздухѣ носилось что-то такое, что могло грубо прикоснуться къ этой чувствительной, нѣжной натурѣ, обидѣть и затереть ее. Когда Гаврило Степанычъ раздумывалъ объ этомъ, то по временамъ ему приходило на мысль что-то новое, неожиданное. Онъ чувствовалъ, что въ эти тревожныя думы, повидимому посвященные исключительно настоящему, врываются какіе-то смутныя отголоски изъ его чиновническаго прошлаго. Словно далекій чуть слышимый стукъ или неопредѣленное напоминаніе, въ родѣ того, какое иногда испытывается при чтеніи книги. Помнится, что гдѣ-то, когда-то затрогивался извѣстный предметъ, но гдѣ и когда — не доищешься. Только случайность можетъ раскрыть кроющуюся тутъ связь — и иногда раскрываетъ ее очень трагически». Степа въ первый разъ прїѣзжаетъ на каникулы студентомъ. «Какъ теперь поступить? какой совѣтъ ему дать? съ какимъ напутствіемъ поставить его передъ раскрытыми настежь дверями жизни? Когда слова: *советъ, напутствіе* мелькнули въ головѣ Разумова, онъ почувствовалъ, что тотъ неясный

стукъ прошлаго начинаетъ слышаться явственнѣе и явственнѣе, что выдѣляются изъ тьмы нѣкоторые очертанія, которыя безпокоятъ, отнимаютъ у мысли ея обычное безмятежіе. Однако-жъ, и на этотъ разъ дѣло ограничилось одной смутной тревогой. Проблески появились, освѣтили случайно тотъ или другой уголокъ картины—и опять утонули».

Восторженность и пылкость, съ которыми Степа вступалъ въ университетъ, скоро уступили мѣсто задумчивости, унынію. Когда Разумовъ узналъ объ этой перемѣнѣ — она совершилась въ Петербургѣ—имъ овладѣлъ безотчетный страхъ. «Онъ почувствовалъ, что почва колеблется подъ его ногами, что впереди стоитъ какая-то неотразимая и совсѣмъ новая обида, которая окончателно подорветъ его жизнь, подорветъ непремѣнно, неизбежно»... Подъ вліяніемъ этого чувства, онъ отдалялъ минуту свиданія, не хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ, не соглашался послать туда Ольгу Аванасьевну. Тяжело было ему замѣтить, что Аннушка—съ дѣтства другъ Степы—знаетъ о Степѣ гораздо больше, чѣмъ его родители, и знаетъ что-то такое, вслѣдствіе чего измѣнилось отношеніе ея къ Гаврилѣ Степановичу. Онъ опять пересматривалъ свое прошлое—и хотя продолжалъ повторять: «мухи не обидѣлъ», но наплывавшія со всѣхъ сторонъ сомнѣнія отъ этого не исчезали. Пріѣхалъ, наконецъ, Степа. «По наружности онъ не измѣнился; такъ же, какъ прежде, приласкался къ отцу—то-есть *почти* такъ же. То, да не то — почуялось Гаврилѣ Степановичу». Первое впечатлѣніе подтвердилось: хоть и ничѣмъ, повидимому, не обнаруживаетъ Степа охлажденія, хоть и старается даже усилить внѣшнія выраженія ласковости—а «видитъ отцовскій глазъ убыль, чуетъ въщее отцовское сердце утрату». Гаврило Степановичъ становится сдержанъ, молчаливъ—но старческая болтливость, а можетъ быть и болѣзненная потребность узнать, разъ навсегда, свою участь—однажды беретъ свое. Онъ говоритъ о своихъ «дѣловыхъ» подвигахъ, говоритъ подробно, откровенно—и договаривается до того, что Степа послѣдно уходитъ изъ комнаты. Тайна раскрыта; камень, медленно опускавшійся, придавилъ Разумова до самой земли. Онъ хочетъ испить чашу до дна, хочетъ объясниться съ сыномъ; Степа уклоняется отъ объясненія, умоляетъ отца забыть случившееся—но Гаврило Степановичъ продолжаетъ допрашивать его: «ты презираешь? ты не одобряешь? Да вѣдь я по сущей совѣсти поступалъ», — оправдывается онъ передъ сыномъ: «выслушай, разсуди, пойми! *По сущей совѣсти!*» Оправданія не помогли; между отцомъ и сыномъ осталась какая-то пропасть. Разумовъ сидѣлъ въ своемъ

углу и молчаливо давился своимъ горемъ. «Неужто же все... вся прошлая жизнь?...—спрашивалъ онъ себя,—неужто нѣтъ въ этой жизни ничего смягчающаго?» — «Есть-то есть,—таковъ былъ внутренній отвѣтъ,—но какъ *это-то* въ этомъ увѣришь?» — «Жизнь ужъ написана,—говорилъ Разумовъ своему старому другу:—какъ ты ее по новому, новыми словами напишешь? Погубилъ бы себя—такъ и погибель твоя не нужна». «Онъ долженъ сидѣть на берегу моря; въ глазахъ его налетитъ ураганъ и разсвирѣбуютъ волны, въ глазахъ его будутъ бороться и умирать пловцы, а онъ осужденъ бесплодно метаться на своемъ мѣстѣ и испускать стоны. Кто услышитъ эти стоны, да и кому они нужны? Въ громадномъ стонѣ цѣлой природы какое значеніе можетъ имѣть его бессильный старческій стонъ? Старикъ! ты лишній, ты мѣшаешь!—вотъ что слышится ему среди гвалта и воплей разгорѣвшейся сѣчи»... «Свѣтъ просіялъ для Разумова, но не тихій, а зловѣщій, и просіялъ... черезъ сына. Онъ думалъ, что сынъ—утѣха, а вышло, что онъ—просіаніе. Какимъ-то проклятымъ образомъ переплелись эти два совсѣмъ несовмѣстныхъ понятія, и нѣтъ возможности распутать ихъ. И утѣха, и просіаніе—какой адъ! Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Утѣха, утѣха, утѣха! Слышишь ли ты это, Степа! Подсказываетъ ли тебѣ сердце, что, какое бы громадное несчастіе ни придавило тебя, это же самое несчастіе во сто кратъ, въ тысячу кратъ тяжелѣйшимъ молотомъ придавить безпомощную голову твоего отца! Нѣтъ у этого отца ни настоящаго, ни будущаго, нѣтъ даже прошлаго, но вѣдь и въ этомъ человѣкѣ-обрывкѣ трепещетъ сердце... Тобой полно это сердце, однимъ тобой!» Степа не услышалъ этого отчаяннаго крика; онъ не выдержалъ тяжести, павшей на его молодые плечи. Онъ не могъ ни вырвать изъ своего сердца любовь къ отцу, ни забыть объ отцовскомъ прошломъ. Когда онъ не хотѣлъ, чтобы при немъ говорили объ этомъ прошломъ, ему возражали, что ему стоитъ только «совсѣмъ порвать» — и онъ ко всему будетъ относиться «объективно»; но онъ не могъ исполнить этого совѣта. Онъ слишкомъ глубоко и сильно любилъ, чтобы замѣнить любовь объективизмомъ — и предпочелъ похоронить непримиримыя, одинаково неизгладимыя чувства, похоронить ихъ вмѣстѣ съ собою въ добровольно вырытой могилѣ.

Какая трагедія или, лучше сказать, какой эпизодъ изъ трагедіи, разыгрывающейся въ русской современной жизни! Занавѣсъ поднятъ уже давно, болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ; первый актъ драмы отразился въ тургеневскихъ «Отцахъ и дѣтихъ» — но что такое страданія Николая Петровича Кирсанова

въ сравненіи съ страданіями Гаврилы Степановича Разумова! Событія усложняются все больше и больше, вопросы растутъ въ ширину и глубину, не только задѣвая, но ломая, искажая чело-вѣческія существованія. Припомнимъ тотъ эпизодъ изъ «Героевъ времени» Некрасова (1875 г.), который составляетъ какъ бы параллель къ «Большому мѣсту».

„Слухъ по столицѣ пронесся одинъ—
Сдѣлано слишкомъ ужъ дерзкое дѣло!
Входитъ къ Зацѣну единственный сынъ:
«Правда ли?» «Правда ли»? Юноша смѣло
Сыплеть вопросы—и нѣтъ имъ конца;
Вспыхнула ссора, Зацѣна взбѣсился.
Чтобъ не встрѣчать и случайно отца,
Сынъ непокорный въ Москву удалился.
Тамъ онъ оканчивалъ курсъ, голодалъ,
Письма и деньги отцу возвращалъ.
Въ тайнѣ Зацѣна о немъ тосковалъ...
Вдругъ телеграмма пришла роковая:
«Раненъ твой сынъ». Черезъ сутки письмомъ
Другъ объяснилъ и причину дуэли:
«Воромъ отца обозвали при немъ»...
Черныя мысли отцомъ овладѣли,
Утромъ онъ къ сыну поѣхать хотѣлъ,
Но и другая пришла телеграмма»...

Сынъ Зацѣны умеръ; отецъ, съ телеграммой въ карманѣ, ѣдетъ на званный обѣдъ, напивается пьянымъ, истерически рыдаетъ, публично кается въ грѣхахъ—и кончается тѣмъ, что садится за «горку», съ тысячными ставками. Канва для драмы есть и здѣсь—но только канва; мы не узнаемъ главнаго—отношеній сына къ отцу до первой катастрофы, не узнаемъ, былъ ли вызовъ на дуэль уступкой общепринятымъ понятіямъ о чести или тѣмъ исходомъ изъ невыносимыхъ нравственныхъ мукъ, каими послужило для Степы Разумова самоубійство. Въ «Большомъ мѣстѣ» насъ поражаетъ прежде всего, наоборотъ, удивительная законченность картины. Вся внутренняя жизнь старика Разумова, начиная съ появленія первыхъ, смутныхъ сомнѣній, проходитъ передъ нами съ необыкновенною ясностью; мы переживаемъ вмѣстѣ съ нимъ переходъ отъ недоумѣнія къ страху, отъ страха—къ увѣренности въ бѣдѣ, отъ этой увѣренности—къ отчаянію. Способность автора не только понимать, но и чувствовать чужія душевныя движенія—способность, замѣченная нами уже въ раннихъ произведеніяхъ его (напр., въ «Госпожѣ Падейковой») — достигаетъ здѣсь высшаго своего развитія и какъ бы передается на время читателямъ, прикованнымъ

къ полету творческой мысли. Что такое, съ перваго взгляда, герой «Большого мѣста»? Заурядный чиновникъ, засушенный продуктъ семинарскаго и канцелярскаго буквѣдства, механизмъ, приводимый въ движеніе посторонней рукой и рѣжущій съ одинаковымъ усердіемъ какъ бумагу, такъ и человеческое мясо. А между тѣмъ, Разумовъ овладѣваетъ нашимъ состраданіемъ, нашимъ сочувствіемъ; глазъ психолога увидѣлъ, рука художника показала въ немъ человѣка, не вѣдавшаго что творить, пока не насталъ моментъ «просіянія». Последнія страницы «Большого мѣста» — это лирическая поэма, написанная великимъ мастеромъ; грозное *crescendo* захватываетъ душу, старческій стонъ Разумова слышится точно на яву, финальный аккордъ оставляетъ слушателя на нѣсколько минутъ подавленнымъ, разбитымъ.

Образъ молодого Разумова набросанъ только въ общихъ чертахъ, онъ ступаетъ передъ ослѣпительно яркимъ образомъ старика-отца, но это не мѣшаетъ ему быть живымъ и понятнымъ. Не даромъ авторъ настаиваетъ съ самаго начала на нѣжности и кротости Степы; многіе на его мѣстѣ выдержали бы испытаніе, «порвавъ» съ прошедшимъ — для него разрывъ невозможенъ, любви къ отцу не можетъ убить въ немъ даже презрѣніе. Любить и вмѣстѣ съ тѣмъ презирать — это непосильно для мягкой натуры. Хорошо еще, еслибы никто не растревалъ Степину рану — но ее задѣваютъ безпрестанно и безперерывно, ему не даютъ забыть о ней ни на минуту, его насильно толкаютъ на путь, по которому онъ идти не можетъ. Если бы Степа и не поднялъ на себя руку, жизнь отца и сына во всякомъ случаѣ была бы разбита; трагизмъ ихъ положенія заключается именно въ его безвыходности.

Разгадку глубокаго впечатлѣнія, производимаго «Большимъ мѣстомъ», слѣдуетъ искать не только въ драматическомъ сюжетѣ, не только въ художественной его обработкѣ. Оно стоитъ какъ бы призракомъ будущаго передъ большинствомъ русскихъ отцовъ; оно напоминаетъ имъ, какъ своеобразное *shemento mori*, о необходимости рано или поздно дать отчетъ дѣтямъ въ прожитой жизни — изъ всѣхъ отчетовъ, можетъ быть, самый тяжелый и трудный. Чтобы страшиться этого отчета, не нужно быть Разумовымъ или Зацѣной; *по сущей совѣсти*, по невидѣнію, по легкомыслію или привычкѣ совершается каждый день, на каждомъ шагѣ, множество дѣлъ не особенно темныхъ, но все же такихъ, съ которыми неохотно встрѣтится сынъ въ отцовскомъ жизненномъ счетѣ. Мысль объ отчетѣ носилась уже передъ Лер-

МОНТОВИМЪ, КОГДА ОНЪ ЗАКЛЮЧИЛЪ СВОЮ «ДУМУ» БЕЗСМЕРТНЫМИ СТИХАМИ:

«И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
«Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
«Насмѣшкой горькою обманутаго сына
«Надъ промотавшимся отцомъ».

Это было скорѣе гениальное предвидѣніе, чѣмъ вопль наболѣвшаго чувства. Сорокъ пять лѣтъ тому назадъ не было еще разлада между «отцами» и «дѣтьми»; въ огромномъ большинствѣ случаевъ дѣти шли по дорожкѣ, протоптанной отцами, и не предъявляли къ нимъ требованій, которыхъ сами были чужды. Задачи, которыя начинало сознавать и задавать себѣ меньшинство, были сравнительно просты и удобоисполнимы; легче было достигнуть извѣстнаго уровня, чѣмъ теперь, легче было на немъ удержаться. Заслугой, во многихъ случаяхъ, было даже бездѣйствіе, простая непричастность къ непригляднымъ сторонамъ жизни; теперь отчетъ, наполненный отрицательными величинами, не выдержать даже снисходительной критики. Опасность, о которой пророчески говорить Лермонтовъ, наступила черезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ его смерти — и наступила въ такихъ размѣрахъ, которые даже не снились великому поэту. Рѣчь идетъ уже не о «горькой насмѣшкѣ» не о «презрительномъ стихѣ», а объ антагонизмѣ, разбивающемъ цѣлыя существованія. Счастливы тѣ, къ которымъ еще не примѣнно восклицаніе Разумова: «жизнь написана — какъ ты ее по новому, новыми словами напишешь?» Счастливы тѣ, которые могутъ вписать въ свою жизнь нѣсколько новыхъ страницъ, болѣе свѣтлыхъ, или изгладить кое-что изъ написаннаго прежде. Если даже слова: «по сущей совѣсти» не служатъ индульгенціей для прошлаго, то не ясно ли, что нужно искать «просіянія», пока еще не слишкомъ поздно, пока оно не пришло само собою и не переплелось «проклятымъ образомъ» съ понятіемъ объ «утѣхѣ»? Мы далеки отъ мысли, чтобы именно такою была мораль «Большого мѣста», чтобы такою было *поученіе*, задуманное авторомъ. Повѣсть г. Салтыкова слишкомъ художественна, чтобы быть узко-дидактической; но если поэтическое произведеніе неотразимо настраиваетъ мысль и чувство на извѣстный ладъ, если оно вызываетъ изъ глубины души смутно таящуюся думу, облакаетъ ее въ плоть и кровь, отдаетъ въ ея власть, хотя бы на нѣсколько мгновеній, всего человѣка, то въ нашихъ глазахъ — это высшее торжество художника, а не поводъ обвинять его въ тенденціозности, въ нарушеніи законовъ искусства.

Изъ необходимости отчета не вытекаетъ еще, однако, необходимость безпощаднаго, безапелляціоннаго осужденія. Отчетъ долженъ быть не только выслушанъ — онъ долженъ быть понятъ, понятъ не отвлеченно, а въ связи съ временемъ, къ которому онъ относится, съ обстановкой, которая многое въ немъ объясняетъ. Прямолинейность, часто свойственная «дѣламъ», имѣетъ свою *raison d'être*—но она не должна быть цѣликомъ примѣняема къ прошедшему. Степа терзался не безъ причины —но не былъ же безусловно неправъ и его отецъ, когда онъ искалъ и находилъ въ своей жизни «смягчающія обстоятельства». «Болезненное мѣсто» (повторяемъ еще разъ, мы говоримъ не о на-мѣреніяхъ автора, а только о впечатлѣніи, имъ производимомъ) — это проповѣдь снисхожденія и любви, не имѣющихъ ничего общаго ни съ прекрасодушіемъ, ни съ индифферентизмомъ. «*Tout comprendre, c'est tout pardonner*» — формула непригодная для реальной жизни, съ ея безконечными столкновеніями, съ ея еже-часной борьбой. *Все прощать* — значить заглушить въ себѣ чувство негодованія, которому столь многимъ обязана и дѣйствительность, и поэзія, и въ особенности сатира. «Болезненное мѣсто» не внушаетъ намъ всепрощенія; оно не говоритъ намъ: «относись безразлично ко всему, потому что нѣтъ вѣрнаго критерія для добра и зла»; оно не говоритъ: «все необходимо, слѣдовательно ничего не заслуживаетъ ни одобренія, ни поощренія»; оно говоритъ только: «не дѣлай отдѣльное лицо отвѣтственнымъ за порядокъ или за систему». Еслибы Степа могъ хоть на одну минуту усвоить себѣ точку зрѣнія отца — ту точку зрѣнія, на которую Разумовъ сталъ послѣ «просіанія», — не было бы катастрофы, сломавшей жизнь обоихъ. Съ отцомъ, продолжающимъ возводить свое бывшее «дѣло» въ перлъ созданія, примиреніе едва ли было бы возможно — но вѣдь Разумовъ давно отказался отъ прежней увѣренности въ безусловной правотѣ «дѣла», онъ только *извинялъ* участіе свое въ немъ. Принять его извиненія могъ и Степа, оставаясь самимъ собою. Несчастье и горе научили Разумова обобщеніямъ, которыя, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, были бы для него просто непонятны. «Иногда онъ по всѣмъ вѣдомствамъ перелеталъ мыслью — и находилъ, что, въ сущности, вездѣ одно и то же. Вездѣ все то же *дѣло* дѣлалось, да и теперь дѣлается, только формы, можетъ быть, разныя. И на службѣ, и въ частной жизни. И самъ Степа, если доживетъ до поры самостоятельности, тоже будетъ это самое *дѣло* дѣлать, въ какую бы пору ни прятался отъ него, какими бы замысловатыми названіями ни прикрывалъ свою *новую* дѣятельность. Атмосферу надо

измѣнить, всю атмосферу—вотъ тогда, можетъ быть... Какъ ни смотрѣть на цѣпь разсужденій, съ помощью которыхъ Разумовъ пришелъ къ этому выводу, самый выводъ во всякомъ случаѣ долженъ быть признанъ близкимъ къ истинѣ. *Атмосферное давленіе*—вотъ факторъ, слишкомъ легко забываемый Степами и ихъ совѣтниками, тѣми совѣтниками, девизъ которыхъ: «со всѣмъ порвать». Пускай совершается разрывъ съ мыслями, съ убѣжденіями—но пускай къ нему не присоединяется, безъ крайней необходимости, разрывъ съ чувствами, разрывъ съ людьми, несравненно болѣе болѣзненный и тяжелый. Довольно и того, что міросозерцаніе «дѣтей» часто противорѣчить міросозерцанію «отцовъ»; отсюда одинъ только шагъ до нетерпимости—но соединенными усиліями обѣихъ сторонъ этотъ шагъ можетъ быть предупрежденъ, ослабѣвшая нравственная связь можетъ сохраниться. «Больное мѣсто» вышло въ свѣтъ въ самый разгаръ того броженія, жертвами котораго падаютъ Разумовъ и Степа; заключающійся въ немъ призывъ прозвучалъ безслѣдно—но это не мѣшаетъ намъ вѣрить въ его внутреннюю силу. Могучее примирительное слово, сказанное во время битвы, не останавливаетъ сражающихся—но оставляетъ во многихъ изъ нихъ какой-то смутный отголосокъ, рано или поздно превращающійся въ ясную, опредѣленную ноту. Скоро ли наступятъ условія, благопріятныя для этого превращенія—не знаетъ; но если на долю «Больного мѣста» и не выпадетъ заслуженная имъ роль въ русской общественной жизни, оно всегда останется одною изъ лучшихъ страницъ въ творческой дѣятельности г. Салтыкова.

Б. АРСЕНЬЕВЪ.

ПЛАНТАЦІЯ КРАСАВИЦЪ

Cable. Belles Demoiselles Plantation.

Съ англійскаго.

Въ послѣднее время въ западной Европѣ и у насъ начинаютъ съ особымъ интересомъ слѣдить за новою школою американскихъ романистовъ, богатою недюжинными талантами. Новизна бытовыхъ картинъ и реализмъ ихъ изображенія производятъ на избалованнаго европейскаго читателя особенно свѣжее впечатлѣніе. Но нужно признаться, что кругъ, въ которомъ вращается наше знакомство съ американцами-повѣствователями, пока еще очень тѣсенъ. Два, три имени, Бретъ-Гартъ, Маркъ Твенъ и нѣсколько другихъ, — господство юмористическихъ приѣмовъ надъ другими видами творчества—все это можетъ дать довольно одностороннее представленіе о литературномъ движеніи Америки.

Мы хотимъ познакомить теперь читателя съ талантомъ оригинальнымъ, развивающимся не на проторенной дорогѣ. Кабль, авторъ двухъ романовъ: «The Grandissimes» и «M-me Delphine», приобрѣлъ извѣстность главнымъ образомъ своими рассказами изъ быта креоловъ. Уроженецъ Новаго Орлеана, онъ поставленъ былъ въ возможность наблюдать крайне оригинальный фактъ инстинктивной вражды двухъ міровъ — стараго, феодально-европейскаго, представителями котораго являются креолы (французы и испанцы), и новаго, американскаго, демократическаго. Новизна мотивовъ, жизненная правда, при замѣчательномъ литературномъ выполненіи, сразу обратили на него вниманіе преимущественно сѣверо-американцевъ; тонкая же иронія, которой насъ возъ пронизаны его рассказы, и нѣкоторое затаенное недобро-

желательство его, пуританина, къ католикамъ-креоламъ — причина тому, что онъ одинъ изъ самыхъ непопулярныхъ людей между ними. Предлагаемый рассказъ взятъ изъ сборника, озаглавленнаго «Old Creole Days» (Рассказы изъ стараго быта креоловъ).

Первымъ собственникомъ плантаціи «Belles-Demoiselles» былъ графъ... предположимъ, что его звали де-Шарлѣ (старые креолы очень не любятъ, чтобы имена ихъ предавались гласности). Онъ былъ комиссаромъ французскаго короля. Въ одинъ прекрасный день, получивъ приказаніе явиться во Францію, чтобы объяснить ту счастливую случайность, по которой комиссариатъ сгорѣлъ до тла со всѣми находившимися въ немъ счетными книгами, графъ уѣхалъ, оставивъ дома жену, графиню, изъ индійскаго племени Чокто.

Прибывъ ко двору, гдѣ объясненія его были милостиво приняты, онъ получилъ въ даръ ту полосу земли, на которой возникла впоследствии плантація Belles-Demoiselles. Но возможно ли человѣку все помнить? Въ припадкѣ забывчивости графъ женился на французской аристократкѣ, красивой и богатой, и увезъ ее съ собою. Известно, однако, что «хорошо все то, что хорошо кончается». Голодъ свирѣпствовалъ въ колоніяхъ, и индійская графиня умерла отъ истощенія, не оставивъ послѣ себя ничего, кромѣ осиротѣвшей семьи полу-бѣлыхъ ребятишекъ, ютившихся гдѣ-то на краю поселенія, носившихъ фамилію де-Шарлѣ и упомянутыхъ въ завѣщаніи графа.

А новая графиня прожила всего съ годъ, оставила monsieur прелестнаго сына и утасла, похищенная изъ этого суетнаго міра болотною лихорадкой.

Отъ этого сына произошла гордая семья креоловъ де-Шарлѣ. Она развивалась стройно, все выше и выше, поколѣніе за поколѣніемъ, величаясь, безъ постороннихъ побѣговъ, прямая, какъ пальма. Въ заключеніе, въ то именно время, о которомъ я поведу рѣчь, она расцвѣла со всею поразительной красотой столѣтняго дерева въ лицѣ Артемизіи, Инновентин, Фелиситѣ, близницъ Маріи и Марты, Леонтины и малютки Септимы, семи прелестныхъ дѣвушекъ, жилище которыхъ было по справедливости названо плантаціею Belles-Demoiselles.

Участокъ, дарованный графу, имѣлъ нѣкогда форму длиннаго мыса, вокругъ котораго Миссиссипи бился, влохоталъ и пѣнялся такъ, что страшно было глядѣть. Громадный водоворотъ разверзался, кружился въ дикой пучинѣ у подножья низкаго берега.

и снова исчезали, а за ними разверзались, кружились и исчезали другіе. Широкими кругами, шама, выбрасывалась на поверхность изъ глубины въ нѣсколько сотъ футовъ грязная масса, которая, сглажившись, казалось, уносилась вдаль, исчезала, снова подползала подъ водою, всплывала съ легкимъ шипѣніемъ на поверхность, опять устремлялась въ пространство и скрывалась изъ виду. Ежеминутно глинистый берегъ обрушивалъ большую глыбу земли на осаждающаго его врага и отступалъ на футъ, иногда на двѣли арды, а бурная рѣка надвигалась только все болѣе и болѣе, пока, наконецъ, весь мысъ не былъ поглощенъ водою, и широкій Миссиссиппи тихо несея мимо величественной дугою, не требуя болѣе ничего. Берегъ держался крѣпко; о подтачиваніи его водою стали мало-по-малу забывать, и уменьшенный участокъ графа превратился въ длинный, широкій, заросшій склоны, на многія мили покрытый сахарнымъ тростникомъ.

Плывя вверхъ по Миссиссиппи въ то отдаленное время, вы почти навѣрное могли видѣть въ ту самую минуту, когда впервые показывались вдаль бѣлые шпицы собора Сентъ-Луи и какъ разъ направо, пониже насыпи, усадьбу Belles-Demoiselles, съ ея широкою верандою и выращенною въ красный цвѣтъ кипарисовой крышею, — она выглядывала изъ-за плотины, точно птица изъ гнѣзда, и наполовину была скрыта новою аллеей, которую одинъ изъ прежнихъ де-Шарлѣ (тотъ самый, что женился на mademoiselle Marot) посадилъ на вершинѣ насыпи.

Домъ стоялъ необыкновенно близко отъ рѣки, фасадомъ въ востокъ, и имѣлъ видъ четвероугольника, окруженнаго со всѣхъ сторонъ громадною верандою, съ ступенями спереди, широкою полосою спускавшимся внизъ и напоминавшими объятія, которыя мы протягиваемъ на встрѣчу ребенку. Съ веранды можно было обозрѣвать рѣку на протяженіи девяти миль, и въ этомъ районѣ, какъ разъ подъ рукою, находился тѣнистый садъ, полный рѣдкихъ и прекрасныхъ цвѣтовъ, нѣсколько дальше — обширныя поля, покрытыя сахарнымъ тростникомъ и рисомъ, и еще болѣе отдаленныя жилища невольниковъ, а на самомъ горизонтѣ со всѣхъ сторонъ темнымъ поясомъ надвигался кипарисовый лѣсъ.

Владѣльцемъ усадьбы былъ теперь полковникъ де-Шарлѣ, Жанъ-Альберъ-Анри-Жозефъ де-Шарлѣ-Маро, полковникъ, милостію перваго американскаго губернатора. Monsieur — онъ не сталъ бы говорить ни съ кѣмъ, кто называлъ бы его полковникомъ — походилъ на сѣдовласаго патриарха. Поступь его была твердая, фигура стройная, умъ сильный и ясный, лицо классическое, безмятежное, величавое, повелительное, манеры вѣжли-

выи, голосъ музыкальный, чарующій. У него были свои пороки — во всё времена его жизни; но онъ терпѣлъ ихъ, какъ и всё люди его рода, съ такою чистою совѣстью и откровенностью, что онъ не оставилъ никакого въѣзнаго пятна на его джентльменской наружности. Онъ велъ большую игру въ Royal-street, много пилъ въ улицѣ Орлеанъ, прокололъ насвоемъ своего противника на мѣстѣ, отведенномъ для дуелей въ Naughterhouse Point'ѣ и танцовагъ, и ссорился на квартетонскихъ балахъ въ театрѣ улицы св. Филиппа. Даже и теперь, не смотря на всю его любезность и безпредѣльное гостепрѣимство, попрежнему былъ странно сдержанъ и гордъ и въ глубинѣ своего черстватаго сердца не любилъ никого, кромѣ себя, своего имени и своихъ сиротокъ дочерей. Но ужъ за то ихъ!... Поразительная красота этихъ дѣвушекъ болѣе, чѣмъ оправдывала безпредѣльное обожаніе отца! Противъ этихъ семи богинь онъ никогда не возставалъ. Кажется, еслибъ онъ потребовали даже, чтобы онъ обобралъ стараго де-Карлоса... Право не знаю, что и сказать.

Старикъ де-Карлосъ приходился весьма отдаленнымъ родственникомъ полковнику съ индѣйской стороны. За этимъ единственнымъ исключеніемъ, тонкая, на подобіе нити, линія потомства индѣйской графини, доведенная путемъ безразсудныхъ браковъ и смертныхъ случаевъ въ канавкахъ Новаго Орлеана до полного истощенія, угасла. Родовое имя, благодаря испанскимъ связямъ, превратилось въ де-Карлосъ; но единственный еще живой носитель его былъ извѣстенъ всѣмъ и каждому только какъ «индѣецъ Чарли».

Насколько я знаю, есть на свѣтѣ одна вещь, которую не сдѣлаетъ ни одинъ прозолъ: онъ ни за что не отречется вполне отъ утѣхъ крови, каковы бы онѣ ни были, во-первыхъ потому, что никогда не стыдится ни своихъ, ни отцовскихъ грѣховъ, а во-вторыхъ, какъ онъ самъ вамъ скажетъ, еще и потому, что онъ «человѣкъ-душа».

Вслѣдствіе этого, различные наслѣдники владѣній де-Шарль всегда свято уважали права и интересы де-Карлосовъ и въ особенности ихъ права на обладаніе кучкою развалившихся построекъ, находившихся въ той части города, которая считалась нѣкогда довольно бѣдною, но съ теченіемъ времени вошла въ дѣйствіе. Собственность эта болѣе, чѣмъ удовлетворяла потребностямъ послѣдняго изъ де-Карлосовъ въ продолженіи его долгой и правдой жизни, а такъ какъ его хозяйство состояло всего только изъ него самого, да изъ старой и исцѣленной негрятинки, то невольно разнеслась молва, что у него «есть деньги». Старый

Чарли, хотя и прованный «индѣйцемъ», былъ тѣмъ же мѣло «бѣлымъ», только со смуглымъ цвѣтомъ лица; дѣтъ онъ былъ почти однихъ съ полковникомъ де-Шарлѣ, жилъ погруженный въ блаженство полнѣйшаго невѣжества, былъ хитеръ, глухъ и, по крайней мѣрѣ по слухамъ, жестокъ.

Полковникъ и онъ всегда бесѣдовали между собой по-англійски. Этотъ рѣдкій даръ, приобретенный первымъ отъ его жены-шотландки, а вторымъ отъ прибывавшихъ вверхъ по рѣкѣ торговцевъ, казался обоимъ превосходнымъ средствомъ для заведенія сношеній, гораздо болѣе идущимъ въ цѣли, чѣмъ, напримѣръ, французскій языкъ, словомъ, тѣмъ-то въ родѣ той палки, которую мы привязываемъ къ уздѣ одной лошади и въ сбруѣ другой, благодаря чему онѣ соблюдаютъ должную дистанцію. Въ кон вѣки разъ, въ видѣ шутки, англійскій языкъ достигалъ и до слуха обитательницъ Belles-Demoiselles, и это означало каждый разъ, что родитель ихъ готовится вести какое-нибудь дѣло со старикомъ Чарли.

Надо сказать, что полковникъ давно уже мучился желаніемъ приобрести имѣніе Чарли. Не то, чтобъ онъ хотѣлъ вытѣснить его недобросовѣстнымъ образомъ; напротивъ того, онъ гордился своею добросовѣстностью въ дѣлахъ; но ему страшно хотѣлось соединить все имѣніе въ однихъ рукахъ. Желаніе это въ немъ зародилось отъ роскошной праздности, и его мало затрудняло то ничтожное пренатствіе, что онъ ссоздалъ уже до нѣкоторой степени въ долгу у старика Чарли за занятія у него деньги; залогомъ, да еще въ удешаженныхъ разбирѣхъ, служила, конечно, усадьба Belles-Demoiselles! Участки земли, строенія, доходы Чарли,—все это, думалъ полковникъ, могло бы отлично принадлежать ему, — что бы онъ потомъ ни сдѣлалъ съ этимъ имѣніемъ, сохранилъ бы его, отдалъ ли кому или разорилъ. Ахъ, еслибы ему только достался участокъ старика! Онъ могъ бы осуществить тогда то, о чемъ просилъ его «въ теченіе многихъ лѣтъ» красавицы-дочери, именно, устроить себѣ въ веселомъ городѣ пріютъ, да еще каковой пріютъ! Здѣсь онъ срылъ бы рядъ воттеджей и обнесъ бы стѣною свой садъ; тамъ дорожка, гдѣ теперь крутить канатъ, уступила бы мѣсто бесѣдкамъ, обвитымъ дикою лозою; вонъ та булочная замѣнилась бы роскошной оранжереей; этотъ винный складъ пришлось бы разрушить, а на его мѣстѣ воздвигнуть для себя домъ, красивѣйшій во всемъ штатѣ. Никто тогда не пройдетъ мимо, не сказавъ: «вотъ палаццо де-Шарлѣ, семьи знатнаго происхожденія, людей съ пышнымъ вкусомъ, щедрыхъ, съ родословной столь же древней, какъ и

сама Франція. Семья эта состоитъ изъ бодрого старика и семи красивыхъ и счастливыхъ дочерей; если кто осмѣлится пожелать жениться на одной изъ нихъ, тотъ долженъ отказаться отъ своего собственнаго имени!»

«Домъ нужно будетъ построить прочно изъ камня, привезеннаго на корабляхъ изъ страны янки; на немъ будетъ красоваться высокій бельведеръ, съ золотой фигурой, стоящей на цыпочкахъ и сверкающей на его вершинѣ; а съ бельведера вы увидите, далеко за искрящимися извилами рѣки, красную крышу Belles-Demoiselles, дачной резиденціи. У широкихъ каменныхъ воротъ ее будетъ стоять сторожежа, и уже одинъ осмотръ имѣнія станетъ считаться завиднымъ преимуществомъ».

Конечно, семья эта была настолько красива и свободна отъ всякихъ любовныхъ печалей, что могла предаваться такимъ роскошнымъ фантазіямъ; но зато она была, правду сказать, такъ счастлива тамъ, гдѣ находилась, что могла бы, казалось, имѣть лишь одно желаніе—навсегда остаться тутъ.

Тѣ, кто по какой-нибудь счастливой случайности, попадали въ садъ Belles-Demoiselles въ лѣтнюю послѣ-обѣденную пору, когда небо начинало уже алѣть подъ вечеръ, могли насладиться прелестнымъ зрѣлищемъ семьи, собравшейся у подножья широкой лѣстницы передъ домомъ на выложенной черепицею мостовой; она весело болтала и обвинялась шутками, прерываемыми тѣми переливами смѣха, которые такъ мило раздаются изъ группы дѣвушекъ. Отца можно было видѣть сидящимъ посреди нихъ, центромъ всеобщаго вниманія и любезности, свидѣтелемъ, посредникомъ, примирителемъ и судьей по единогласному опредѣленію его прелестныхъ дочерей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и единственнымъ вассаломъ семи неограниченныхъ владѣтельницамъ.

То онѣ сдвинутъ вмѣстѣ свои кресла въ оживленномъ обсужденіи какого-нибудь новаго на въ танцахъ или для того, чтобы примѣрить богатое украшеніе; то прыгаютъ вокругъ отца, одушевленно споря, пока старшая вставляетъ ему въ петлицу букетъ фіалокъ; то близнецы двинутся внизъ по аллеѣ, чтобы поискать какой-нибудь необыкновенный цвѣтокъ, и высокія ноты чисто женскаго восторженнаго удивленія привѣтствуютъ ихъ возвращеніе.

Съ наступающимъ вечеромъ красавицы спокойнѣе группируются вокругъ своего центра—отца. Часто стулья остаются пустыми, и онѣ садятся на нижнія ступени крыльца, одна повыше другой, и отдаются мягкому вліянію наступающей ночи. Въ подобный часъ пловецъ на рѣкѣ, уже прикованный темными

очертаніями широкой крыши дома и его тѣнистаго сада, вырѣзывающагося на лучезарномъ закатѣ солнца, могъ слышать голоса невидимой группы дѣвушекъ, сливающихся въ нѣжную гармонию вечерней пѣсни, раздающіеся все звонче по мѣрѣ того, какъ подъ вліяніемъ музыки дѣвушками овладѣвало трепетное чувство, сопровождаемое, наконецъ, живыми тонами отцовскаго голоса. За тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ мало-по-малу угасалъ дневной свѣтъ, все смолкало, и странники знали, что этотъ прелестный домъ принималъ своихъ птенцовъ въ свои мирныя объятія.

А между тѣмъ, изъ одного только празднаго каприза, красавицы эти вдругъ заблагоразсудили быть недовольными.

— *Artii* — обратилась въ одно прекрасное утро одна изъ сестеръ къ другой, съ притворнымъ изумленіемъ въ широко-раскрытыхъ глазахъ:—что-то какъ будто готовится!...

— *Сомм-е-п-т?* — Протяжное изумленіе.

— Папа ѣдетъ въ городъ!

Вѣсть эта перелетѣла въ верхній этажъ.

— Инно! — говорить одна сестра другой, встрѣтившись съ нею въ дверяхъ:—что-то какъ будто готовится!...

— *Qu'est-ce que c'est?* — Тщетная попытка казаться суровою.

— Папа ѣдетъ въ городъ!

Необычайная вѣсть эта подтвердилась. Въ тотъ же самый день, въ послѣ-обѣденную пору, полковникъ бросилъ поводья своей лошади на руки грума и вошелъ къ старику Чарли, сидѣвшему на скамьѣ подъ тѣнистымъ деревомъ; голова его была, по обыкновенію, обвязана пестрымъ платкомъ. Старикъ находился, очевидно, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ и выразилъ улыбкою почтительное привѣтствіе, не отваживаясь встать на ноги.

— Ну, Чарли! — полковникъ возвысилъ голосъ, чтобы при-норовиться къ глухотѣ своего родственника:—какъ поживаетъ въ настоящее время другъ мой Чарли?

— Что? — растерянно спросилъ Чарли.

— Хорошо ли поживаетъ другъ мой Чарли?

— Въ домѣ, позовите ее! — И Чарли дѣлаетъ видъ, будто хочетъ встать.

— Ноп, ноп. Мнѣ ничего не нужно! — Говорившій приостановился, чтобы перевести духъ. — Какъ идутъ дѣла?

— О! — отвѣчалъ старикъ, — каждый день все болѣе и болѣе разоряетъ меня.

— Сколько ты хочешь за него? — равнодушно спросилъ плантаторъ, указывая взмахомъ бича на домъ.

— Хочу за что?—спросилъ индѣецъ Чарли.

— За домъ! Сколько хочешь ты за него?

— Не вѣрю!—проговорилъ Чарли.

— Что бы ты сдѣлалъ за него?—воскликнулъ плантаторъ.

— Чего бы я ждалъ?

— Сколько бы ты сдѣлалъ за все имѣніе?

— Я не хочу его продавать!

— Я тебѣ дамъ за него десять тысячъ долларовъ.

— Десять тысячъ долларовъ за этотъ домъ? О нѣтъ, какая же это цѣна! Мой старій домъ — хорошій старій домъ! (Старикъ Чарли и полковникъ никогда не позволяли себѣ раздражаться бранью другъ передъ другомъ). Вотъ ужъ сорокъ лѣтъ, что мнѣ не пришлось даже покрасить его! Я легко могу получить пятьдесятъ тысячъ долларовъ за этотъ старій домъ!

— Пятьдесятъ тысячъ журавлей въ небѣ,—воскликнулъ полковникъ.

— Хорошій домъ! Можетъ приносить громадный доходъ,—продолжалъ глухой.

— Должно быть, отъ этого-то ты такъ и богатѣешь, Чарли?

— Ноп, я ничего не получаю! Это слишкомъ умно для меня, вотъ въ чемъ бѣда. А онъ хорошій домъ, можетъ приносить доходъ съ быстротой паровой машины, цѣлую бочку денегъ на-тащить въ недѣлю! Что я! я только теряю деньги каждый день. Слишкомъ умно для меня!

— Чарли!

— Э?

— Скажи мнѣ, что ты возьмешь за него?

— Что я получаю? Ничего не получаю! Не моего ума дѣло!

— Что бы ты согласился принять?

— Принять? Я ужъ довольно принялъ! Я и такъ ужъ на-попосину пьянъ!

— За домъ, что бы ты ваялъ?

— Тебѣ хочется его купить?

— Не знаю (пожатіе плечами),—пожалуй... если ты продашь его дешево.

— Это чудо, а не домъ.

Водворилось долгое молчаніе. Наконецъ, старій Чарли началъ:

— Старій индѣецъ Чарли—совсѣмъ нигуда не годный пестъ!

— *C'est vrai, oui!*—проворчалъ полковникъ въ носъ.

— У него течетъ въ жилахъ индійская кровь!

Полковникъ кивнулъ утвердительно головой.

— Но въ немъ есть и частица хорошей крови, не такъ ли?

Полковникъ кивнулъ еще разъ, уже нетерпѣливо.

— *Bien!* Индійская кровь стараго Чарли шепчетъ ему: продавай домъ, Чарли, старый дуракъ! Мама, хорошая кровь старика Чарли говоритъ: если ты, Чарли, негодный старый 'пестъ, продашь этотъ домъ, который графъ де-Шарль построилъ для твоей прабабушки, то пусть чертъ тебя поберетъ, Чарли, мнѣ дѣла нѣтъ до тебя!

— Да вѣдь ты не равно когда-нибудь продашь его, старикъ?

— Нѣтъ!—И это ~~нѣтъ~~ раздалось посреди глухихъ проклятій, точно раскатъ грома посреди бурнаго залива. Възбѣшенный полковникъ быстро повернулся и вышелъ.

— Полковникъ!—пробормоталъ Чарли, нетвердо поднимаясь.

Плантаторъ обернулся съ гнѣвнымъ вопросомъ во взорѣ.

— Я не торгуюсь съ тобой!..—сказалъ Чарли.

Полковника начинало подзадоривать.—Какъ это ты будешь торговаться?—спросилъ онъ.

— Мой домъ вамѣнъ твоего?

Полковникъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва. Онъ быстро повернулся и прямо подступилъ къ своему родственнику.

— Чарли...—сказалъ онъ.

— Индѣецъ Чарли,—подсказалъ тотъ съ пьянымъ кивкомъ.

Но самообладаніе уже возвращалось къ полковнику.—Продать тебѣ *Belles-Demoiselles*?—закричалъ онъ зычнымъ голосомъ, потому захоталъ:—Ха, ха, ха, ха!—и уххалъ.

Какая-то тѣнь, впрочемъ не очень густая, налегла на настроеніе духа обитательницъ плантаціи *Belles-Demoiselles*. На старика хозяина, сіяющій обликъ котораго уподоблялъ его яркому Сатурну, сверкающему среди зснаго круга его дочерей, стали находить минуты раздумья; онъ пробуждался иногда отъ сердитыхъ размышленій, часто гулялъ одинъ и раздраженно выслушивалъ доклады своего надсмотрщика... И не удивительно. Дочери знали отцовскую скуность въ дѣлахъ и приписывали ей его неудачу въ вопросѣ о покупкѣ имѣнія старика Чарли. Онѣ привыкли наперерывъ хулить *Belles-Demoiselles*. Если дулъ сѣверный вѣтеръ, невозможно было ѣздить верхомъ; если выпадалъ дождь—становилось слишкомъ грязно для катанья. По утрамъ садъ былъ сыръ. По вечерамъ надеждали кузнечики. *Димми* превращался у этихъ барышень въ капиталъ; каждая головная боль считалась ими предвзвѣстницей злой лихорадки; а если веселость, свойственная кучкѣ дѣвушекъ, не знающихъ ни лишеній, ни заботъ, прорывалась иногда въ видѣ безпечнаго смѣха въ присутствіи отца, онѣ немедленно закатывали свои французскіе

глазки, ломали руки и съ сжатыми кулачками и комической энергіей клялись все съизнова, что смѣялись только надъ собственнымъ несчастіемъ, что онѣ истомятся до смерти, если ничъ не удастся перейти въ этотъ милый городъ. «О театр! О Orleans street! О маскарады, place d'armes, балы!» И съ чисто-французскимъ легкомысліемъ онѣ призывали небо во свидѣтели, бросались другъ къ другу въ объятія, кружились по залѣ, напѣвая вальсъ, кончали всеобщимъ столкновеніемъ и паденіемъ и съ глазами, сверкающими отъ веселья, приписывали всю бѣду скользкому полу, который рано или поздно непремѣнно будетъ причиной смерти всѣхъ семерыхъ.

Уже три раза нѣжный отецъ, раздражаемый такимъ образомъ, ухищрялся повидаться случайно — по чисто-дѣловой случайности — съ старымъ Чарли, постоянно увеличивая предлагаемую имъ сумму; но все было тщетно. Наконецъ, онъ обратился къ нему уже прямо.

— Что? — произнесъ глухой старикъ. — Зачѣмъ это онъ тебѣ понадобится? Что это тебѣ не живетъ тамъ, гдѣ ты всегда былъ счастливъ? Вѣдь это чистѣйшая крысиная нора, мой домъ, годная только для индѣйца Чарли, вотъ и все. Зачѣмъ это ты не остаешься тамъ, гдѣ тебѣ всегда жилось хорошо, или не купишь что-нибудь другое?

— Это не твое дѣло, — оборвалъ его плантаторъ. Надо сознаться, что доводы полковника не удовлетворяли даже его самого.

Послѣдовало хмурое молчаніе. Наконецъ снова заговорилъ Чарли.

— Хорошо, смотри же. Я продамъ тебѣ домъ стараго Чарли...

— Bien, только со всѣми принадлежностями.

— Хорошо, — отвѣчалъ Чарли. — Продамъ я тебѣ домъ и всю землю, потомъ напьюсь до-пьяна и засну. Тогда, откуда ни возьмись, появится чертъ и станетъ мнѣ нашептывать: Чарли, старый Чарли, негодный старый песъ, проснись! Что ты тутъ дѣлаешь? А гдѣ же домъ, который monsieur le comte подарилъ твоей прабабушкѣ? Развѣ ты не видишь, что богатый баринъ де-Шарль срылъ его, а на его мѣстѣ построилъ новый? Дуракъ ты, дуракъ, Чарли, старая индѣйская собака!

— Я тебѣ дамъ сорокъ тысячъ долларовъ, — сказалъ полковникъ.

— За домъ?

— За все.

Старикъ покачалъ головой.

— Сорокъ лямъ! — закричалъ полковникъ.

— Затѣмъ *ораты*! какъ это ты смѣешь сказать, что я вру. Я не вру, — возразилъ, не расслыхавъ ничего, глухой.

— Non, non! — Я дамъ тебѣ сорокъ-пять тысячъ долларовъ, — снова закричалъ полковникъ, уже надъ самымъ его ухомъ.

Чарли опять покачалъ головой.

— Пятьдесятъ!

Онъ снова покачалъ.

Цифры все росли, да росли.

— Семьдесятъ пять!

Въ отвѣтъ на это послѣдовало со стороны владѣльца дома приглашеніе уйти и оставить его въ покоѣ, такъ какъ въ нѣоторыхъ, имъ же самымъ указанныхъ отношеніяхъ, онъ былъ самой презрѣнной тварью и не годился въ компанію къ блестящему джентльмену.

Блестящій джентльменъ почувствовалъ сильное желаніе развиться ругательствами; но сдѣлать это передъ старикомъ Чарли — возможно ли это было! Онъ сѣлъ на лошада и уѣхалъ.

— Я тебѣ скажу, что сдѣлаю, — закричалъ вслѣдъ ему Чарли.

Полковникъ, догадавшись, съ улыбкою обернулся, не слѣзая съ лошади.

— Сколько должны мнѣ уже Belles-Demoiselles? — спросилъ глухой.

— Сто-восемьдесятъ тысячъ долларовъ, — не запинаясь отвѣтилъ полковникъ.

— Вѣрно, — сказалъ Чарли. — Мнѣ же нужны Belles-Demoiselles.

Сдержанный смѣхъ полковника далъ понять, что это для него совершенно безразлично.

— Но, — продолжалъ старикъ Чарли, — какъ бы то ни было, а во мнѣ есть вѣдь кровь графовъ де-Шарль, хоть немного, да есть, не такъ ли?

Полковникъ вникъ въ головы далъ понять, что есть.

— Bien! — Если я уйду отсюда и не поселись въ Belles-Demoiselles, люди скажутъ, непремѣнно скажутъ: старикъ говорилъ все время гнусную ложь! Онъ не въ родствѣ съ своей старой бабкой, нисколько не въ родствѣ. Въ немъ нѣтъ ни одной капельки крови де-Шарль, чтобы искупить его драгуную, старую, индѣйскую дунюну! Нѣтъ, сударь! На что мнѣ тогда деньги! Мой домъ за твой!

Онъ повернулся къ своему дому такъ быстро, что не ви-

далъ, какъ полковникъ гнѣвно замахнулся надъ нимъ бичемъ и послѣ того уѣхалъ.

Разъ два или три на возвратномъ пути, не смотря на его досаду, смѣхъ вырывался съ устъ полковника при воспоминаніи о семейной гордости старика Чарли и о дерзновенномъ его предложеніи. Но, странное дѣло, съ каждымъ разомъ онъ невольно думалъ все съ большимъ уваженіемъ не объ его предложеніи помѣняться домами, а о его нелѣпой привязанности къ крѣпкамъ. Это было гораздо лучше того, что полковникъ могъ ожидать отъ своего «совсѣмъ пропащаго» родственника, и такъ похоже на его собственныя фантазіи въ этомъ родѣ, что ужъ ради одного этого полковникъ прощалъ даже Чарли его дерзкое предложеніе.

Послѣднее пораженіе такъ сильно подѣйствовало на хозяина Belles-Demoiselles, что дочери его, видя печаль на его лицѣ, почувствовали приливъ раскаянія. Онѣ любили своего отца, какъ только могутъ любить дочери, и, заглянувъ, что ихъ притворное горе серьезно мучитъ его, стали сдерживать свои жалобы, обнаруживая еще болѣшую нѣжность къ отцу и наконецъ — перомесски порѣшили во всеуслышаніе, что жить на свѣтѣ другого такого мѣста, какъ Belles-Demoiselles. Но это новое настроеніе духа трепало старика еще болѣе прежняго и только обостряло его неудовольствіе. Человѣкъ этотъ, богатый и не знавшій заботъ, привыкшій видѣть радость постоянной гостей у себя въ домѣ, добровольно отгонялъ отъ себя счастье, считалъ его возможнымъ лишь въ городѣ, куда легко могъ бы за нимъ послѣдовать, еслибъ тоже нелѣпое благоговѣніе къ предкамъ, которое мѣшало нѣдѣлицу Чарли продать свое имѣніе за сумму, вдвое болѣе его стоимости, не мѣшало и полковнику выбрать какое-либо другое мѣсто для геродского жилья.

Однако, мало-по-малу красота природы и веселость всѣхъ, окружавшихъ старика, одержали верхъ надъ его тоской; пора болѣзненнаго унынія прошла. Наступило Рождество, за нимъ и Новый годъ. Минувалъ и онъ. Прелестный садъ Belles-Demoiselles облекся въ свой весенній нарядъ; красавицы-сестры переходили отъ розъ къ розѣ. Однако неудовольствіе растворилось, какъ паръ, подъ вліяніемъ согревающихъ лучей семейной привязанности, и отъ дерзновеннаго упорства Чарли осталось, по-видимому, лишь одно воспоминаніе. Чаша жизненныхъ радостей, казалось, переполнялась, какъ разъ одновременно съ увеличившимся полноводіемъ рѣки.

Какъ она была высока! Грозныя волны ея катились, хлопотали и кружились, гоня передъ собою унылую массу обломковъ, и какъ странно близко къ берегу подступала рѣка! Люди сторожили насыпь день и ночь. Въ самыя бурныя ночи даже полковникъ участвовалъ въ этихъ обходахъ и ободрялся подъ вліяніемъ занятія и возбужденія, когда рѣка ежеминутно перекидывала черезъ плотину блую руку, точно хотѣла затопить ее. Но все было крѣпко, а къ концу лѣта вода снова ушла въ свои берега и казалась совершенно безвредною.

Въ одинъ прекрасный, необычайно тихій вечеръ старый полковникъ Жанъ-Альберъ-Амри-Жозефъ де-Шарль-Маро, находясь въ мечтательномъ настроеніи духа, ускользнулъ отъ надзора своихъ повелительницъ и направился на самую вершину насыпи, гдѣ имѣлъ обыкновеніе гулять. Вскорѣ онъ утѣлся на каменной скамьѣ, любимомъ его мѣстѣ. Передъ нимъ разстилались обширныя поля; около него возвышался его расцвѣтшій домъ. Сохранивъ еще, быть можетъ вслѣдствіе вѣчного общенія съ женщинами, нѣкоторую склонность къ сентиментальности, полковникъ замечтался о старинѣ. Гордиться прошлымъ врядъ ли ему можно было. Утро его жизни отличалось безумными шалостями, а далеко за полдень она омрачалась утонченнымъ кутежемъ. Гордость заставила его прожить почти совершенно безъ пользы для другихъ и презирать почести, добытыя личными заслугами; варты разстроили его состояніе; смерть отняла у него прелестную жену; благодаря его невѣженности имѣніе находилось въ залогѣ. — А тѣмъ не менѣе домъ его возвышался по прежнему, его благоухающія поля все еще были плодородны, нима его замѣняло ему славу; а тамъ среди деревьевъ и цвѣтовъ, словно ангелы, гуляющіе въ Эдемѣ, мелькали его дочери, предметы его единственного земного культа.

Вдругъ легкій шорохъ позади полковника заставилъ его вскопчить. Онъ съ безповоротливостью заглянулъ черезъ край узкой полосы берега, отдѣлившей плотину отъ рѣки. Ничего не было видно. Онъ приостановился, наклонилъ ухо въ водѣ, съ лицомъ, выразившимъ тревожное ожиданіе. Чу! Раздался плескъ, точно какое-то громадное чудовище нырнуло въ рѣку, и изъ-подъ берега выдѣлились и широкимъ полукругомъ развѣились по водѣ мѣлкія волны.

Великій Боже!

Полковникъ кинулся впередъ по насыпи и добрался между водяными растениями до берега. Въ этомъ мѣстѣ берегъ былъ отвѣсный и вода видѣлась на четыре фута ниже его. Полков-

никъ находился не у самого края обрыва, и упалъ на колѣни въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, ломалъ руки, стоналъ, плакалъ, не спуская затуманенныхъ слезами глазъ съ узкой, длинной расщелины, просвѣчивавшей сквозь спутавшуюся траву и расхолодившейся дугою въ ту и другую сторону по направлению къ рѣкѣ.

— Боже мой, — громко вскрикивалъ онъ, — Боже мой! — Но въ ту самую минуту, когда онъ выпалъ къ своему Богу, точно въ отвѣтъ на его призывъ, раздвинулась и перервалась тягучая трава, щель медленно превратилась въ широкое отверстіе, и главное, постепенно, безъ всякаго шума, кромѣ звука соединившейся наконецъ воды, громадная глыба земли опустилась въ кипящій водоворотъ и навсегда исчезла.

Въ это самое мгновеніе дыханье воздуха донесло до старика изъ находившагося за нимъ сада безпечный смѣхъ красавицъ обладательницъ Belles-Demoiselles.

Полковникъ вскочилъ на ноги и вскарабкался вверхъ по насыпи. Потомъ, принудивъ себя идти болѣе мѣрнымъ шагомъ, направился къ дому и велѣлъ сдѣлать лошадей.

— Скажите дѣтямъ веселиться во время моего отсутствія, — наказывалъ онъ слугѣ. — Я вернусь къ ночи. — И звукъ лошадиныхъ подковъ вскорѣ раздался по проселочной дорогѣ, ведущей къ городу.

— Чарли, — говорилъ плантаторъ, подъѣзжая къ окну, откуда высовывался ночной колпакъ старика. — Ты знаешь это говоритъ мой домъ за твой, не такъ ли?

— Вотъ тебѣ и на! — говорилъ Чарли. — Откуда это тебя принесло въ такую позднюю пору?

— Я прямо изъ банка улицы Сентъ-Луи, — скитрилъ полковникъ.

— Что тебѣ надо? — спросилъ пожелительный Чарли.

— Я пришелъ съ тобою дѣльце сдѣлать.

Презрѣнный родственникъ вытянулъ изъ ушей клочки заткавшей ихъ шерсти. — Да, да, — бормоталъ онъ съ неопредѣленнымъ взглядомъ.

— Ну, старикъ, ты знаешь это говоритъ: мой домъ за твой! такъ что ли, Чарли?

— Не знаю, — отвѣчалъ Чарли, — онъ и теперь ужъ почти что мой. Почему это ты не остаешься въ немъ самъ?

— *Потому что не хочу*, — дико закричалъ полковникъ. — Довольно съ тебя этого? Ты лучше лови меня на словѣ, старикъ, совѣтую тебѣ.

Чарли не поморщился; но отвѣтъ его привелъ полковника въ восхищеніе. Онъ началъ такъ:

— Мнѣ все равно, я возьму его! mais... только въ полную собственность!

— Не всю плантацію, Чарли, только...

— Мнѣ все равно, — повторилъ Чарли, — мы можемъ объ этомъ столковаться. Mais... почему это ты не хочешь оставить домъ за собою? Мнѣ онъ не нуженъ. Лучше бы ты его оставилъ для себя.

— Смотри, Чарли, не дурачь меня, старикъ, — въ ярости вскричалъ плантаторъ.

— О нѣтъ! — возразилъ Чарли. — О нѣтъ! Ты-то самъ не дѣлаешь ли изъ себя дурака?

Ошеломленный полковникъ только уставился на него глазами. Чарли продолжалъ:

— Да! Belles-Demoiselles стоятъ больше трехъ такихъ домовъ, какъ мой. Я проходилъ тамъ недѣли двѣ тому назадъ. О, что за прелесть Belles-Demoiselles! Вѣтеръ раскидывалъ сахарный тростникъ, въ саду такъ славно пахло, на рѣкѣ изъ стороны въ сторону колыхалась лодка, семь belles demoiselles ѣхали верхомъ! Мило-мило, — сказалъ себѣ тогда старикъ Чарли, — и какой счастливецъ monsieur le père!

— Да, — продолжалъ онъ (полковникъ все еще не сводилъ съ него глазъ), — у графа де-Шарль были двѣ семьи. Одна — изъ презрѣннаго племени чокто, другая — изъ высшей noblesse. Онъ далъ презрѣннымъ чокто вотъ эту старую крысину юру; онъ далъ Belles-Demoiselles твоему дѣду; а вотъ теперь ты не satisfait! Чтò стану я дѣлать съ Belles-Demoiselles? онѣ развалятся у меня черезъ два года, да! А что сдѣлаешь ты съ домомъ старика Чарли? Ты его сломаешь, и будешь ты прямой дуракъ. Нѣтъ, лучше бы мнѣ и не затѣвать съ тобою дѣла!

Полковникъ сердито вдохнулъ въ себя струю воздуха, но Чарли, не останавливаясь, продолжалъ:

— Право, лучше бы не затѣвать, mais я все-таки сдѣлаю это для тебя; — все равно, какъ еслибы monsieur le comte сказалъ мнѣ: Чарли, старый дуракъ, я хочу помѣниться съ тобой домами!

Пока полковникъ подозрѣвалъ въ словахъ Чарли иронию, онъ былъ очень разсерженъ, но такъ какъ оказывалось, повидимому, что Чарли говорилъ серьезно, то онъ началъ чувствовать какія-то угрызения совѣсти. Онъ далеко не былъ мягкосердечнымъ человѣкомъ, но обрушившееся на него несчастье

сильно разстроило его, и эта странная, незаслуженная, безкорыстная преданность семьи со стороны Чарли тронула его сердце. Неужели же онъ все еще будетъ стараться завлечь Чарли въ вырытую имъ самимъ яму? Онъ колебался, — нѣтъ, онъ покажетъ ему всю усадьбу при яркомъ дневномъ свѣтѣ; ну, а если онъ заблагоразсудитъ не замѣтить подтачиваемаго водою берега, тогда самъ будетъ виноватъ! Сдѣлка, какъ сдѣлка, вогу и все!..

— Приходи ко мнѣ въ домъ сегодня вечеромъ, — сказалъ плантаторъ; — завтра, передъ завтракомъ, мы осмотримъ все мѣсто и покончимъ дѣло!

— Затѣмъ? — сказалъ Чарли.

— Потому что мнѣ надо быть въ городѣ завтра утромъ.

— Не хочу, — возразилъ Чарли. — Какимъ образомъ доберусь я къ тебѣ?

— Я найму тебѣ лошадь.

— Пожалуй, мнѣ все равно, а побѣду. — И они отправились.

Когда они ѣхали уже нѣкоторое время по дорогѣ, совершенно темной отъ изгородей изъ розъ, полковникъ оглянулся на презрѣнную отрасль своей семьи.

— Не сбивайся съ пути, старикъ.

— Что?

— Не сбивайся съ пути!

— Ничего, ничего, ладно; не собоюсь съ своего слова, — отвѣчалъ глухой. — Мы вѣдь не надуть другъ друга хотимъ, не такъ ли?

Но полковникъ, казалось, не слышалъ этихъ словъ. Его великодушный замыселъ становился ему ненавистнымъ. Не одна только безпричинная доброта Чарли одерживала побѣду; хвала, расточаемая имъ Belles-Demoiselles, шевельнула въ сердцѣ полковника цѣлую безду страстной привязанности къ его роскошному дому. Правда, если онъ удержитъ домъ въ своихъ рукахъ, то при ужасающей быстротѣ подтачивания берега домъ рухнетъ въ рѣку не позднѣе трехъ мѣсяцевъ; но не лучше ли будетъ лишиться его такимъ образомъ, чѣмъ продать свое право первенства. Съ другой стороны (полковникъ возвращался къ своей первой мысли), предать собственную кровь! Конечно, вѣдь это былъ только «индѣецъ Чарли»; но не заговорила ли въ немъ сейчасъ кровь истыхъ де-Шарль? Бессознательно, полковникъ застоналъ.

Вскорѣ они свернули на тропинку, ведущую къ плантаціи

съ тыла, а еще нѣсколько времени спустя, выѣхавъ изъ-за группы дубовъ, увидали передъ собою виллу.

Она казалась драгоценнымъ алмазомъ, сверяющимъ изъ-за темной аллеи, громаднымъ свѣтящимся червякомъ, скрытымъ густою листвою, такимъ олицетвореніемъ роскоши и веселья, что бѣдный хозяинъ снова застоналъ отъ избытка чувства.

— Что?—вопросительно сказалъ Чарли.

Полковникъ только натянулъ узду и, машинально сойдя съ лошади, созерцалъ представившуюся ему картину. Высокія, закругленныя двери и окна были широко раскрыты на вострѣбу лѣтнему воздуху; изъ каждого отверстія вырывался яркій свѣтъ многочисленныхъ канделябровъ и озарялъ блестящую зеленъ магнелій и лавровъ, а на широкихъ террасахъ видѣлись повсюду разбросанные разноцвѣтные фешары, колеблемые нѣжнымъ вѣтеркомъ. Звукъ пира доносился до слуха полковника, вмѣстѣ со звуками арфы; а мимо одного изъ оконъ, болѣе ярко освѣщеннаго, чѣмъ остальные, промелькнули раза два тѣни танцующихъ. Но увы! какія тѣни проносились въ сердцѣ хозяина этой прелестной виллы!

— Старикъ Чарли, — сказалъ онъ, любовно глядя на свой домъ:—и ты, и я, мы вѣдь ужъ оба стары, не такъ ли?

— Да,—отвѣчалъ невозмутимый Чарли.

— И мы оба въ свое время были порядочными негодяями? такъ ли, Чарли?

Чарли, пораженный мягкостью тона полковника, только повторилъ: «да».

— И ты, и я вѣдь скуповаты?

— Это вѣрно, мы скупы!

— Но вѣдь ты никогда не слыхалъ, чтобы я кого-нибудь обманулъ, старикъ.

— Нѣтъ,—совершенно равнодушно промолвилъ Чарли.

— А думаешь ли ты, что я захочу надуть тебя теперь?

— Не знаю,—сказалъ Чарли,—не думаю!

— Такъ слушай же, старикъ,—голосъ полковника начиналъ дрожать, —я не хочу обманывать тебя. Боже мой! старикъ, говорю тебѣ... ты со мной сдѣлки не дѣлай!..

— Это почему еще?—спросилъ Чарли, уже совсѣмъ разсерженный; но внезапно оба быстро оглянулись на домъ. Полковникъ дико замахалъ руками по воздуху, бросился впередъ шага на два и, испустивъ страшный крикъ отчаянія и ужаса, упалъ лицомъ на землю. Старикъ Чарли точно ошаманѣлъ отъ страха.

Belles-Demoiselles, это царство дѣвичьей красоты, этотъ

центръ веселья и плясокъ, весь трепещущій и свержающій удовольствіемъ, погружался съ непродолжительными, но дикими воплями ужаса, погружался все ниже, ниже въ безпощадную, неизмѣримую пучину Миссиссипи!

Въ продолженіи двѣнадцати долгихъ мѣсяцевъ мракъ окутывалъ разумъ оспротѣвшаго отца; около половины этого времени полковникъ слегъ; и всѣ эти дни и ночи старикъ Чарли, «презрѣнный», «дуракъ», ходилъ за нимъ нѣжно, няньчилъ его любовно ради его имени, его несчастій и его разбитого сердца. Ни одна женщина не переступила порога комнаты больного, слуховыя окна которой глядѣли на мрачную массу построекъ старика Чарли; только самъ старикъ, да искусный докторъ — одинъ, преисполненный жгучейшаго сочувствія, другой — полный кротости, надежды и терпѣнія, проникали внутрь комнаты; въ окно же врывалась благоухающая, вѣчно-зеленая лоза, пересаженная сюда съ подмытого берега Belles-Demoiselles. Она ловила лучи заката въ свою цвѣтущую сѣть и мягко пропускала ихъ на кровать больного; она собирала въ полночь скользящій свѣтъ луны и часто пробуждала спящаго, чтобы онъ взглянулъ своими бессмысленными глазами на красивые, серебряные узоры, разбросанные на полу.

Мало-по-малу обнаружались мимолетные проблески возвращающагося сознанія. Медленно, спокойно, увеличивался незамѣтно извѣстнѣе въ день, сталъ показываться во взорѣ больного лучъ разсудка; рѣчь становилась связною; но вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ замѣтенъ общій упадокъ всего надломленнаго организма, и докторъ заявилъ, что здоровье *monieur* становится одновременно и лучше, и хуже.

Какъ-то разъ подъ вечеръ, когда Чарли сидѣлъ у поросшаго лозою окна, съ угасшей трубкой въ рукѣ, глаза стараго полковника устремились прямо на него и такъ и остановились на время.

— Чарли, — сказалъ онъ съ усиленіемъ, и сіяющая отъ радости сидѣлка его бросилась къ постели больного и наклонилась къ нему свое наиболѣе здоровое ухо. Послѣдовала одна или двѣ неудачныхъ попытки, потомъ полковникъ шепнулъ съ кротою и грустною улыбкой:

— Мы вѣдь съ тобой сдѣлки не сдѣлали?

Истина была въ этомъ случаѣ второстепеннымъ вопросомъ для Чарли; главное, было дать больному пріятный отвѣтъ.

Вслѣдствіе этого онъ энергически кивнулъ головой, точно хотѣлъ сказать: «О да! мы совершенно покончили. Это былъ самый честный обмѣнъ». Но, замѣтивъ, что улыбка исчезаетъ съ лица полковника, онъ прибѣгнулъ къ другому средству, покачалъ головою еще болѣе энергично, чтобы дать понять, что они даже и не приближались ни къ какой сдѣлкѣ; улыбка снова появилась на устахъ больного.

Чарли очень хотѣлось, чтобы полковникъ узналъ виноградную лозу. Онъ попытился къ окну съ широкой улыбкой, прикоснулся къ листѣ, кивнулъ головой и лукаво усмѣхнулся.

— Знаю,—сказалъ полковникъ съ сіяющими глазами,—уже много недѣль!

На слѣдующій день.

— Чарли!

Здоровое ухо наклонилось къ нему.

— Пошли за священникомъ.

Священникъ пришелъ и остался съ больнымъ цѣлый вечеръ. По его уходѣ, онъ казался очень изнуреннымъ и усталымъ, но улыбался и не дозволялъ снять у себя съ груди распятіе.

Настало еще одно утро. Передъ самымъ разсвѣтомъ, Чарли, лежавшему тутъ же въ комнатѣ на койкѣ, показалось, что его зовутъ; онъ подошелъ къ кровати:

— Старикъ, — шепнулъ умирающій, — что, вода все еще подтачиваетъ берегъ?

Чарли утвердительно кивнулъ головой.

— Ты не вернешь своихъ денегъ!

— О, это ничего,—сказалъ Чарли. Двѣ крупныя слезы катились по его смуглымъ щекамъ.—Это ничего.

Полковникъ снова шепнулъ:

— *Mes belles demoiselles!*—въ раю... въ саду... я буду съ ними на зарѣ.

Такъ оно и случилось.

В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое марта, 1883.

Мнѣніе „умнаго и опытнаго сановника“ о современномъ настроеніи русскаго общества. — Разнообразіе понятій, соединяемыхъ со словомъ: „общество“, и происходящія отсюда недоразумѣнія. — Рязанское земство и статистика. — Своевременны-ли работы по пересмотру гражданскихъ законовъ? — Возможность совмѣстнаго дѣйствія народныхъ обычаевъ и гражданского уложенія. — Роль „сочинительства“ въ составленіи кодекса.

Со временъ Петровской реформы Западная Европа снабжаетъ насъ, какъ извѣстно, не только учрежденіями, но и модами; вліянію послѣднихъ поддаются даже тѣ, которые на словахъ всего больше ратуютъ за нашу „самобытность“. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ французскіе и англійскіе журналисты стали сообщать публикѣ свои бесѣды съ разными высокопоставленными, власть имѣющими лицами — и этотъ обычай, по надлежащемъ обожданіи, перешелъ на русскую почву. Собесѣдниками русскихъ публицистовъ были сначала иностранные государственные люди; корреспонденты русскихъ газетъ стѣмѣли проникнуть въ кабинетъ Гамбетты, въ пріемныя комнаты князя болгарскаго или Алеко-паши, и поспѣшили повѣдать намъ содержаніе разговоровъ, болѣею частью совершенно безсодержательныхъ. Въ послѣднее время сдѣланъ еще шагъ впередъ; на страницахъ нашихъ газетъ появляются уже бесѣды редакторовъ ихъ, или сотрудниковъ, съ русскими сановниками. Само собою разумѣется, что заграничные нравы въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, переходятъ къ намъ *mutatis mutandis*, приспособляются къ нашимъ условіямъ, къ нашей обстановкѣ. Исчезаютъ, прежде всего, собственные имена, замѣняемые выраженіями въ родѣ слѣдующихъ: „умный и опытный сановникъ“, „государственный человѣкъ, пользующійся большимъ вліяніемъ“, и т. п.; „devine, si tu peux, ou choisis, si tu l'oses!“ Исчезаютъ, далѣе — по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, —

вопросы или реплики собесѣдника, не облеченнаго властью; рѣчь другой стороны льется свободно, ничѣмъ не прерываемая и не останавливаемая. Измѣняется, наконецъ, самый характеръ этой рѣчи; она становится болѣе авторитетной и болѣе авторитарной, она не столько объясняетъ, сколько вѣщаетъ и провозглашаетъ. Все это вмѣстѣ вѣдтое значительно уменьшаетъ цѣну откровеній; въ некоторомъ значеніи, однако, за ними нельзя не признать, лишь бы только представлялась несомнѣнной ихъ подлинность, т.-е. происхожденіе ихъ изъ того источника, которому они приписываются. Въ Западной Европѣ, не исключая даже Германіи, мнѣнія государственныхъ людей ни для кого не составляютъ тайны; журнальныя indiscretions прибавляютъ лишь немногое къ статьямъ оффиціозныхъ газетъ, къ дѣловымъ рѣчамъ, къ публичнымъ заявленіямъ всякаго рода. У насъ всѣ эти формы гласности не существуютъ вовсе, или существуютъ только въ крайне несовершенномъ, зачаточномъ видѣ. Мы не имѣемъ, поэтому, права быть разборчивыми и не можемъ пройти безразлично мимо тѣхъ словъ, которыя были произнесены недавно, въ бесѣдѣ съ редакторомъ „Руси“.

„Въ предъявляемомъ обществомъ требованіи — такъ выразился собесѣдникъ г. Аксакова — нѣтъ собственно ничего серьезнаго, опредѣленнаго, насущно-нужнаго, потому что никакихъ такихъ *стипшихъ, жгучихъ, животрепещущихъ* вопросовъ вовсе и не имѣется. Потребность, выражаемая обществомъ — потребность фальшивая. Оно просто избаловано двадцатью-пятью годами непрерывныхъ реформъ, постоянно содержавшихъ его въ возбужденномъ состояніи, постоянно волновавшихъ его болѣе или менѣе сильными ощущеніями. Какъ избалованный ребенокъ, которому ежедневно дарили новую игрушку и вдругъ прекратили подарки, оно, оставшись безъ новинокъ, просто *скучаетъ*. Необходимо, чтобы общество вышло изъ-подъ власти этого нервного, лихорадочнаго состоянія, успокоилось, зажило по будничному, и тогда жизнь съ своими очередными вопросами потечетъ сама собою, нормально и правильно“.

Итакъ, общество *просто* избаловано, *просто* скучаетъ. Не слышкомъ-ли *просто* это объясненіе, чтобы быть справедливымъ? Изъ-за стремленія къ простотѣ, не упущены-ли здѣсь изъ виду одни, не извращены-ли другіе, безусловно несомнѣнные факты? Намъ говорятъ о „двадцати-пяти годахъ непрерывныхъ реформъ“ — но эта политическая арифметика не имѣетъ ничего общаго съ обыкновенною арифметическою точностью. Семидесятыя годы еще слишкомъ близки отъ насъ, чтобы можно было забыть ихъ настоящій характеръ. Кто привыкъ къ осторожному обращенію съ историческими данными, тотъ укажетъ въ нашемъ ближайшемъ прошедшемъ не двадцать-пять, а только

пять годовъ „непрерывныхъ реформъ“—т.-е. пятилѣтіе 1861—65 г. Это пятилѣтіе обнимаетъ собою *всѣ* коренныя преобразованія императора Александра II-го, *всѣ* перемены, знаменующія собою переходъ отъ одной эпохи къ другой, отъ старой Россіи къ новой. Въ это именно время совершилось освобожденіе крестьянъ, введены въ дѣйствіе земскія учрежденія, обнародованы новые судебные уставы, отиѣнены суровыя тѣлесныя наказанія, узаконена нѣкоторая свобода печати. Правда, въ 1870 г. утверждено новое городовое положеніе, въ 1874 г. установлена всеобщая воинская повинность и допущенъ гражданскій бракъ для раскольниковъ; но кто же рѣшится утверждать, что ожиданіе или осуществленіе этихъ послѣднихъ реформъ „волновало общество, содержало его въ возбужденномъ состояніи?“ Если бы возбужденіе умовъ зависѣло только отъ слишкомъ обильнаго и продолжительнаго дождя „подарковъ“, оно исчезло бы уже давно, по крайней мѣрѣ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Періоды апатіи или скуки встрѣчаются и въ шестидесятыхъ, и въ семидесятыхъ годахъ; новому броженію, новому безпокойству, они уступаютъ мѣсто не потому, чтобы возобновлялось быстрое и безостановочное движеніе впередъ, а потому, наоборотъ, что оно слишкомъ долго не возобновлялось. Съ основной посылкой приведенныхъ выше словъ падаетъ, конечно, и ихъ заключеніе. Если двадцатипятилѣтній преобразовательный ливень—явленіе несуществовавшее въ нашей новѣйшей исторіи, то не можетъ быть рѣчи и объ „избалованности“ общества—а если общество не избаловано, то причину ненормальнаго настроенія его, констатируемаго и собесѣдникомъ г. Аксакова, очевидно слѣдуетъ искать въ чемъ-либо иномъ. Если привычка общества къ „подаркамъ“ на самомъ дѣлѣ вовсе не существуетъ, то отсутствіе „жгучихъ“ вопросовъ очевидно должно быть доказано какимъ-нибудь другимъ, менѣе „простымъ“ способомъ. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что подобныхъ способовъ нѣтъ и быть не можетъ. Куда бы мы прежде ни посмотрѣли, куда бы ни обратились—вездѣ были видны недодѣлки, пробѣлы, постройки, безапелляціонно обреченныя на сломку. Перечислять вопросы, настоятельно требующіе разрѣшенія, мы не станемъ; это значило бы повторять всѣмъ извѣстное, много разъ сказанное и нами, и другими. Напомнимъ только, что въ настоящую минуту совершается, по инициативѣ самого правительства, пересмотръ всего нашего уголовного, гражданскаго и административнаго права. Неужели въ этой работѣ нѣтъ ничего „спѣшнаго“, ничего „животрепещущаго?“ Неужели она начата только для того, чтобы погладить по головкѣ „избалованное“ общество, чтобы поддержать въ немъ „возбужденіе умовъ“ и удовлетворить его „фальшивую потребность?“...

„Необходимо“, говорятъ намъ, „чтобы общество вышло изъ-подъ власти нервнаго, лихорадочнаго состоянія, успокоилось, зажило по будничному“. Если подъ именемъ „будничной жизни“ разумѣтся здѣсь полнѣйшее примиреніе съ дѣйствительностью, отказъ не только отъ стремленій, но и отъ желаній, не только отъ неудовольствій, но и отъ права на неудовольствіе, то ожидать такихъ „будней“ придется еще весьма долго — или, лучше сказать, они никогда не настанутъ. Однажды пробудившееся сознаніе не можетъ улетучиться безслѣдно и всецѣло; застой мысли не можетъ быть водворенъ ни искусственными, ни другими какими средствами. Его не было даже въ тридцатыхъ годахъ, его безсилна была создать даже безпримѣрно - суровая реакція 1849 — 50 г. „Политическіе же будни“ въ болѣе тѣсномъ, болѣе скромномъ смыслѣ, — уже хорошо знакомы русскому обществу. Оно переживало ихъ съ 1866 по 1879 г. (за исключеніемъ военнаго времени), оно переживало ихъ и послѣ; дальше идти въ этомъ направленіи, кажется, некуда. Заурядность интересовъ, предоставленныхъ въ свободное вѣдѣніе и распоряженіе общества, не оставляетъ желать ничего болѣшаго; остальные принадлежности „будничнаго существованія“ — преобладаніе матеріальныхъ заботъ, усердное служеніе наживѣ, погоня за удовольствіями — также всё имѣются на лицо. Несостоятельность тезиса, защищаемаго въ текстѣ „Руси“, обнаруживается еще яснѣе противорѣчіями, которыя въ немъ могутъ быть замѣчены. Общество находится „подъ властью лихорадочнаго состоянія“ — и вмѣстѣ съ тѣмъ оно *скучаетъ*; какъ совмѣстить эти черты, исключаящія одна другую? Лихорадка можетъ изнурить пациента, но она не даетъ ему времени скучать, тормошитъ нервы, повышая жаръ крови, заставляя спѣшить, кипатиться, волноваться; скука усыпляетъ, понижаетъ температуру, уменьшаетъ сумму жизненной энергіи. Признаки скуки — это мы готовы допустить — начинаютъ появляться въ нашемъ обществѣ; но это не скука ребенка, внезапно оставшагося безъ игрушекъ, а скука взрослого человѣка, слишкомъ долго остающагося безъ серьезнаго дѣла. Если для „нормальнаго, правильнаго теченія жизни съ ея очередными вопросами“ необходимъ предварительный искусъ въ видѣ „политическихъ будней“, то этотъ искусъ, повторяемъ еще разъ, уже выдержанъ нами.

Въ предлогахъ къ задержкамъ и отсрочкамъ никогда не бываетъ недостатка; устраните одинъ изъ нихъ — на его мѣсто явится нѣсколько новыхъ. Кто бы могъ подумать, что на степень такого предлога будетъ возведенъ окончившійся недавно процессъ о подлогахъ и растратахъ въ обществѣ взаимнаго кредита? Отъ недостаточности контроля, существовавшаго въ этомъ обществѣ, „Московскія

Вѣдомости" прямо заключаютъ къ недостаточности и негодности — по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи—всякаго вообще общественнаго контроля. Не сильна та теорія, для подтвержденія которой пускаются въ ходъ столь плохіе каламбуры. Слова: „общество“, „общественный“, имѣютъ нѣсколько значеній—такъ отчего-жъ бы, думаютъ каламбуристы, и не подставить одно изъ нихъ на мѣсто другого?.. Нужно ли объяснять, что *общество* акціонерное, кредитное, и *общество* въ смыслѣ организованнаго политическаго цѣлаго—понятія совершенно различныя; что столь же различенъ и существующій, или могущій существовать въ томъ и другомъ контроль? Въ обществѣ подобномъ тому, представителей котораго мы видѣли недавно на скамьѣ подсудимыхъ, есть избиратели и избираемые, но нѣтъ посредствующаго звена между ними — нѣтъ, говори фигурально, земскаго собранія, стоящаго между составными элементами земства и земской управой. Контроль принадлежитъ небольшой группѣ лицъ, составляющей только какъ бы дополненіе къ другой, еще меньшей группѣ — правленію общества. Между избирателями нѣтъ никакой солидарности; они сходятся на нѣсколько минутъ или часовъ, чтобы разойтись въ разныя стороны до слѣдующаго года. У нихъ есть, конечно, одинъ общій интересъ — сохраненіе въ цѣлости суммъ, вложенныхъ въ дѣло,—но есть, за то, и общая тенденція къ приращенію этихъ суммъ, къ увеличенію барышей или дивиденда. Чѣмъ сильнѣе послѣдняя, тѣмъ слабѣе заботливость о первомъ; значительная прибыль немислима безъ риска. Прибавимъ къ этому отсутствіе или крайне слабое развитіе гласности, особенно въ банковомъ дѣлѣ. Повторяются ли намѣченные нами черты въ обществѣ другого рода—въ томъ обществѣ, которое такъ беззащитно хотятъ приравнять къ торговому или промышленному предпріятію? Разнообразіе цѣлей, важность задачъ, самое устройство учреждений—все это оставляетъ мѣсто развѣ для аналогіи, скользящей по поверхности предметовъ, довольствующейся внѣшнимъ сходствомъ положеній и тождествомъ названій.

Гораздо ближе къ обществу въ политическомъ смыслѣ этого слова стоятъ, безъ сомнѣнія, такіа коллективныя единицы, какъ городскія думы или земскія собранія. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что ихъ ошибки должны быть поставлены на счетъ всему обществу, ихъ неумѣлость — признана доказательствомъ нашей неразвитости, незрѣлости, неподготовленности къ болѣе широкимъ задачамъ. Теперь, когда вѣтеръ дуетъ не въ сторону „общественнаго содѣйствія“, грѣхи нашего мѣстнаго самоуправленія еще усерднѣе, чѣмъ прежде, эксплуатируются именно въ только-что указанномъ нами смыслѣ. Съ аргументами эксплуататоровъ мы давно знакомы, и не стали бы

останавливаться на нихъ теперь, еслибы не нашли, совершенно неожиданно, мѣткого опроверженія ихъ въ сочиненіи писателя, сражающагося обыкновенно въ самыхъ первыхъ рядахъ консервативной арміи. Мы говоримъ о г. Чичеринѣ и его новой книгѣ: „Собственность и государство“. „Послѣ водворенія общей гражданской свободы,—читаемъ мы во второй части этой книги,—естественною ступеню къ новой политической жизни должно быть соединеніе различныхъ общественныхъ классовъ въ общихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Здѣсь они знакомятся другъ съ другомъ и привыкають дѣйствовать вмѣстѣ. Это — необходимая ступень къ политическому праву, но ступень, которая не можетъ замѣнить послѣдняго. Долговременное и исключительное погруженіе въ мѣстные интересы даетъ и людямъ, и самому дѣлу, мелочной характеръ. Пока учрежденія еще юны и требуютъ усиленнаго раченія для приведенія ихъ въ дѣйствіе, они въ состояніи воодушевить общество и дать ему толчокъ. Но какъ скоро дѣло вошло въ обычную колею, такъ неизбежно наступаетъ пора, когда видѣруется рутинна и начинаютъ господствовать личныя пререканія и дразни. Чѣмъ ниже общественный уровень, тѣмъ съ болѣею ясностью выступаютъ эти явленія. Вывести общество изъ этой душной атмосферы могутъ только политическія права“. Мы выписали эти слова не потому, чтобы они содержали въ себѣ что-либо новое; мысль, выраженная въ нихъ, проводилась много разъ „либеральной“ печатью. Знаменательно то, что она усвоена г. Чичеринимъ, котораго невозможно заподозрить въ либерализмъ. Скажи то же самое кто-нибудь другой, болѣе близкій къ другимъ сферамъ — на него посыпались бы обвиненія въ неблагонамѣренности, въ возбужденіи вредныхъ страстей, въ тенденціозной защитѣ земскихъ учреждений. „Вы сваливаете вину съ больной головы на здоровую“,—воскликнули бы ревнители извѣстнаго рода; „не имѣя возможности отрицать слабыя стороны земства, вы стараетесь превратить ихъ въ доказательство вашихъ предвзятыхъ мнѣній, вашей сочиненной доктрины“. Къ г. Чичерину никто съ такими восклицаніями не обратится; противъ него нужно было бы выдвинуть полемическія орудія болѣе серьезнаго свойства—а такихъ орудій въ арсеналѣ нашихъ консерваторовъ quand même пожалуй и не найдется. Мы нисколько не удивимся, если въ органахъ, сочувствующихъ общему направленію г. Чичерина, цитированная нами страница будетъ обойдена молчаніемъ; по извѣстному французскому выраженію, она не дастъ воды на ихъ мельницу—не можетъ служить подспорьемъ для ихъ обычныхъ выликаній. Для насъ, наоборотъ, она дорога въ такой же мѣрѣ, въ какой дорого собственное сознаніе противника въ гражданскомъ процессѣ. Вмѣстѣ того, чтобы по-

дробно опровергать злорадные указанія на промахи земскихъ учреждений, намъ достаточно будетъ впредь простой ссылки на г. Чичерина, столь убѣдительно доказавшаго неизбѣжность этихъ недостатковъ и рекомендовавшаго вѣрное противъ нихъ лекарство.

Заручившись сознаніемъ г. Чичерина, мы можемъ безбоязненно встрѣчаться съ новыми неутѣшительными фактами изъ дѣятельности земскихъ учреждений; намъ нечего больше опасаться обращенія ихъ въ орудіе противъ принципа самоуправленія. Крайне прискорбными многіе изъ этихъ фактовъ остаются, однако, и теперь—а самымъ прискорбнымъ между ними слѣдуетъ признать недавній походъ разанскихъ земцевъ противъ земской статистики. Починъ точнаго изслѣдованія экономическихъ условий, при которыхъ живетъ населеніе данной мѣстности, принадлежитъ къ числу главныхъ заслугъ русскаго земства. Такими опредѣленными, достовѣрными, разнообразными свѣдѣніями, какія собраны и собираются до сихъ поръ въ губерніяхъ московской, курской, тверской, черниговской, петербургской, официальная статистика никогда не располагала и располагать не могла, вслѣдствіе недостаточной близости ея органовъ къ мѣстной жизни, вслѣдствіе преобладанія канцелярскихъ приемовъ въ полученіи и разработкѣ статистическихъ данныхъ. Существенно-важныхъ ошибокъ, тенденціознаго извращенія фактовъ въ земскихъ работахъ не обнаружено, несмотря на то, что недовольныхъ направленіемъ ихъ и результатами съ самаго начала было не мало. Попытка пріостановить начатое дѣло была сдѣлана, сколько намъ извѣстно, только въ черниговской губерніи—но она исходила, если мы не ошибаемся, отъ небольшой лишь группы земскихъ дѣятелей, вооружившихся поддержкой администраціи. Зрѣлище земскаго собранія, поднимающаго руку на собственное дѣтище, принимающаго на себя роль полиціи и цензуры, суждено было въ первый разъ представить разанской губерніи. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, говоря о первомъ выпускѣ „Сборника статистическихъ свѣдѣній по разанской губерніи“, издаваемого разанскимъ губернскимъ земствомъ ¹⁾, мы имѣли уже случай обратить вниманіе читателей на достоинства этого изданія, могущаго стать рядомъ съ извѣстными, образцовыми трудами московскаго земства. Въ концѣ прошедшаго года отпечатанъ былъ новый выпускъ сборника, относящійся къ нѣкоторымъ волостямъ уѣздовъ данковскаго и раненбургскаго (волости эти были выбраны для изслѣдованія потому, что изъ нихъ всего больше выходило крестьянъ-переселенцевъ). Картина, изображенная въ этомъ выпускѣ, весьма печальна; она констатируетъ упадокъ крестьянскихъ хозяйствъ, зависящій въ особенности

¹⁾ См. „Вѣстн. Евр.“ 1882 г. № 7, Литературное Обозрѣніе, стр. 364—368.

отъ раскинутости крестьянскихъ надѣловъ, отъ стѣсненія крестьянъ сосѣдними владѣльцами, отъ непомерно высокой платы за выгонъ, за водопой и т. п. Въ раненбургскомъ уѣздѣ, изъ 19,000 крестьянскихъ дворовъ, безлошадныхъ оказалось *семь тысячъ*, однолошадныхъ—пять тысячъ; отношеніе къ числу душъ еще болѣе поразительно—не имѣть лошадей 40% крестьянскаго населенія ¹⁾). Крупнаго рогатаго скота на дворъ, среднимъ числомъ, приходится менѣе одной штуки. Арендныя цѣны на землю чрезвычайно высоки; наемная плата работнику, наоборотъ, чрезвычайно низка, составляя отъ 30 до 40 рублей въ годъ, отъ 40 до 50 коп. за лѣтній день. Многіе изъ числа землевладѣльцевъ возмущались обнаруженіемъ подобныхъ фактовъ и заподозрили составителей сборника въ сознательномъ извращеніи истины, въ намѣреніи взволновать крестьянъ (какъ будто бы крестьяне узнаютъ свое положеніе изъ статистическихъ сборниковъ!). Въ очередномъ губернскомъ собраніи, засѣдавшемъ въ декабрѣ прошлаго года, этотъ взглядъ на сборникъ нашелъ сильную поддержку. Значительная партія изъ среды гласныхъ потребовала уничтоженія злоуредной книги, съ возложеніемъ всѣхъ расходовъ по ея изданію на предсѣдателя губернской управы (А. В. Алянчинова). Большинствомъ голосовъ дѣло было рѣшено именно въ этомъ смыслѣ; собраніе постановило, вмѣстѣ съ тѣмъ, удалить отъ должности всѣхъ участвовавшихъ въ составленіи сборника. Въ чрезвычайномъ собраніи, происходившемъ въ концѣ января, дѣло о сборникѣ подверглось новому обсужденію; декабрьскія постановленія не были подписаны гласными, вслѣдствіе чего явилась возможность отрицать ихъ обязательную силу. Гласные съѣхались въ собраніе въ небываломъ числѣ; одно время побѣда клонилась на сторону разума и правды—но въ концѣ концовъ большинство голосовъ осталось вѣрнымъ прежнему рѣшенію и добилось, притомъ, перемѣны всего состава губернской управы. Гласный кн. Волконскій предлагалъ передать дѣло о сборникѣ на разсмотрѣніе уѣздныхъ земскихъ собраній (раненбургскаго и данковскаго), безъ сомнѣнія болѣе компетентныхъ, чѣмъ губернское, для повѣрки цифръ и данныхъ, приведенныхъ въ сборникѣ; но предложеніе это не было даже допущено къ баллотировкѣ. Какого рода ошибки были открыты въ сборникѣ и послужили предлогомъ къ его уничтоженію—объ этомъ можно судить по слѣдующему факту: одному помѣщику—сказано было въ сборникѣ—сосѣдніе крестьяне обрабатываютъ *сорокъ десятинъ* за одно только право пользованія водопоемъ. Помѣщикъ заявляетъ въ собраніи, что это ложь, что кре-

¹⁾ Всѣ эти цифры, равно какъ и исторію борьбы въ губернскомъ собраніи, мы заимствуемъ изъ „Голоса“ (1882 г. №№ 350 и 353; 1883 г. №№ 23, 32 и 35).

стьяне обрабатываютъ ему за водопой не сорокъ, а тридцать десятинъ. Еслибы заявленіе помѣщика и было справедливо, то 'сущность дѣла отъ этого измѣнилась бы весьма немного; обработка хотя бы и тридцати десятинъ и право пользованія водопоємъ—цѣнности очевидно весьма далека отъ равенства. Но что же оказывается на самомъ дѣлѣ? Десятины, обрабатываемыя крестьянами за водопой—десятины *сороковыя* (т.-е. по 3200 кв. саж. въ каждой), а *тридцать* сороковыхъ десятинъ равны *сорока* казеннымъ. Другими словами, составители сборника никакой дѣйствительной ошибки не допустили, а выразили только достовѣрный фактъ не въ тѣхъ геометрическихъ единицахъ, въ какихъ заблагоразсудилось выразить его счастливому владѣльцу водопоя.

Свѣтобоязнь, овладѣвшая большинствомъ рязанскихъ земцевъ—симптомъ весьма серьезный. Мы привыкли видѣть земскія собранія помогающими болѣе свободы слова, возстающими противъ дискрѣціонной власти своихъ предсѣдателей, ходатайствующими объ отпѣнѣ губернаторской цензуры надъ земскими изданіями; запрещеніе самимъ земствомъ обширнаго земскаго труда—явленіе небывалое, „признакъ времени“ весьма характеристичный. Оно доказываетъ съ полною ясностью наступленіе для земства той поры, о которой говоритъ г. Чичеринъ—той поры, когда въ мѣстныхъ учрежденіяхъ „внѣдряется рутинна и начинаютъ господствовать личныя пререканія и дразги“. „Долговременное и исключительное погруженіе въ мѣстные интересы“ успѣло уже принести для рязанскаго земства—и конечно не для него одного—указанные г. Чичеринимъ результаты; оно „сообщило и людямъ, и самому дѣлу мелочной характеръ“. Задѣтое самолюбіе отдѣльных лицъ или ложно понятый сословный гоноръ оказывается достаточно сильнымъ, чтобы пріостановить или уничтожить полезную, необходимую работу, чтобы исторгнуть завѣдываніе земскимъ дѣломъ изъ рукъ людей, правильно понявшихъ свое призваніе. Допустимъ на минуту, что въ рязанскій статистическій сборникъ вкралось нѣсколько болѣе или менѣе важныхъ ошибокъ; что же мѣшало большинству собранія исправить ихъ, оговорить, принять мѣры противъ повторенія ихъ на будущее время? Не очевидно ли, что торжествующей партіи не по сердцу просто раскрытіе истины, обнародованіе фактовъ, въ которыхъ отражается дѣйствительное положеніе крестьянства? Если все останется по старому, если избирательная система не будетъ измѣнена радикально, кругъ дѣйствій земства значительно расширенъ,—земской статистикѣ скоро будетъ положенъ конецъ не въ одной только рязанской губерніи. Нападенія противъ откровенности статистиковъ, указанія на возможный вредъ ея—нападенія, пока еще сдержанныя и деликатныя—намъ пришлось

уже слышать и въ петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Еще нѣсколько шаговъ въ томъ же направленіи— и на всей земской линіи раздастся сигналъ, призывающій къ отступленію съ одной изъ передовыхъ земскихъ позицій.

Мы только-что упомянули о петербургскомъ губернскомъ собраніи; остановимся, встати, на довольно характеристичномъ эпизодѣ, ознаменовавшемъ послѣднюю его сессію. Однимъ изъ губернскихъ гласныхъ внесено было предложеніе ходатайствовать передъ правительствомъ о предоставленіи уѣзднымъ земскимъ собраніямъ петербургской губерніи права устанавливать нормы вознагражденія за пастьбу крестьянскаго скота на земляхъ соеѣднѣхъ частныхъ владѣльцевъ ¹⁾. Большинство комиссіи, разсматривавшей это предложеніе, признавало его заслуживающимъ подробной разработки; большинство собранія высказалось, наоборотъ, за немедленное и безусловное отклоненіе его. Доводы обѣихъ сторонъ угадать нетрудно. Одни утверждали, что регулировать цѣну пастьбы на чужой землѣ, значило бы нарушить право собственности землевладѣльца; другіе старались доказать, что здѣсь идетъ рѣчь не о нарушеніи права собственности, а объ ограниченіи его, столь же законномъ (разъ, что признава его необходимость и общепольность), какъ и всякій другой земельный сервитутъ. Въ мнѣніи большинства отразилась та односторонность юридическихъ воззрѣній, съ которой намъ такъ часто уже приходилось считаться; но къ доводамъ теоретическаго свойства присоединилась, на этотъ разъ, еще другая нота, сходная съ тезисомъ рязанскихъ враговъ статистики. Ораторы большинства говорили о необходимости избѣгать всего того, что можетъ „волновать умы крестьянъ“, возбуждать въ нихъ преувеличенныя ожиданія и т. п. Однажды вступивъ на путь ложныхъ тревогъ и преувеличенныхъ опасеній, гдѣ остановится земство, къ какимъ реформамъ сѣмѣть отнестись съ надлежащимъ спокойствіемъ духа? Не рискуетъ ли оно очутиться всецѣло въ лагерѣ „нашихъ охранителей“, безъ того уже достаточно многолюдномъ и сильномъ? Не свидѣтельствуютъ ли всѣ приведенные нами факты о преждевременномъ старчевствѣ земскихъ учреждений, о необходимости освѣжить ихъ составъ, вдохнуть въ нихъ новую жизнь? Состарѣлось и одряхлѣло безъ сомнѣнія не *земство*, какъ совокупность живыхъ силъ страны—одряхлѣли существующіе органы его, въ особенности губернскія земскія собранія, представляющія собою почти исключительно одинъ общественный классъ, или, лучше сказать, небольшую долю одного общественнаго класса.

¹⁾ См. „Голосъ“ 1882 г., № 350.

Намъ приходилось уже не разъ касаться предпринятаго въ прошломъ году пересмотра нашихъ гражданскихъ законовъ. Мы говорили о способахъ собранія фактическихъ данныхъ, разъясняющихъ недостатки и пробѣлы дѣйствующаго свода; мы указывали на необходимость выслушанія не только частныхъ, отдѣльныхъ, но и коллективныхъ мнѣній, на необходимость обращенія къ содѣйствію земскихъ уполномоченныхъ, правильно избранныхъ „свѣдущихъ людей“; мы разбирали взглядъ гг. Кавелина и Пахмана на предметъ и систему новаго гражданского уложенія ¹⁾. Остановимся теперь на нѣкоторыхъ другихъ сторонахъ того же самаго вопроса.

Въ нашей журналистикѣ было высказано, и притомъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, мнѣніе о несвоевременности кодификаціонныхъ работъ въ области гражданского права. Обстоятельства, говорятъ одни, не благопріятствуютъ въ настоящую минуту кореннымъ преобразованіямъ и не позволяютъ, слѣдовательно, ожидать составленія такого гражданского уложенія, которое было бы дѣйствительнымъ шагомъ впередъ въ сравненіи съ десятимъ томомъ свода законовъ. Содержаніе новаго уложенія, говорятъ другіе, должно быть почерпнуто преимущественно изъ русской народной жизни—а она слишкомъ еще мало извѣстна, изслѣдована далеко не во всѣхъ направленіяхъ и недостаточно глубоко. Первое замѣчаніе мы готовы были бы признать основательнымъ, еслибы кодификація гражданскихъ законовъ принадлежала къ числу тѣхъ работъ, которыя могутъ быть приведены къ концу въ короткое время. Гражданское уложеніе, болѣе или менѣе безукоризненное въ техническомъ отношеніи, свободное отъ недомолвокъ и противорѣчій десятаго тома, но ни въ чемъ почти не отличающееся отъ него по существу, и въ нашихъ глазахъ было бы приобрѣтеніемъ весьма сомнительнаго достоинства. Ничего не измѣняя къ лучшему въ гражданскомъ бытѣ и строѣ общества, оно облегчило бы только дѣятельность суда—но затруднило бы, за то, новую, болѣе широкую реформу гражданского законодательства. Несостоятельность дѣйствующаго свода до такой степени очевидна, что пересмотръ его составляетъ только вопросъ времени; принципиальныхъ защитниковъ у свода нѣтъ, ни между юристами, ни между людьми опыта и практической жизни, ни между государственными дѣятелями. Совсѣмъ другое положеніе могъ бы занять усовершенствованный, съ внѣшней стороны, кодексъ, о которомъ мы только-что упомянули; за него могло бы стать горой большинство юристовъ, противъ передѣлки его можно было бы возразить, не безъ основанія, указаніемъ на неудобство безпрестанныхъ перемѣнъ въ сферѣ гражданскихъ зако-

¹⁾ См. Внутреннее Обозрѣніе въ №№ 8, 9 и 12 „Вѣстника Европы“ за 1882 г.

новъ. Всѣ эти соображенія падаютъ, однако, въ виду того несомнѣннаго факта, что занятія редакціонной комиссіи не могутъ быть окончены раньше трехъ-четырехъ лѣтъ (это срокъ скорѣе минимальный, чѣмъ максимальный) — а за окончаніемъ ихъ послѣдуетъ еще опубликованіе проекта во всеобщее свѣдѣніе, рассмотрѣніе его особо учрежденнымъ комитетомъ, окончательное обсужденіе его въ высшей законодательной инстанціи. При какихъ обстоятельствахъ совершится утвержденіе и обнародованіе новаго гражданскаго уложенія — объ этомъ, слѣдовательно, теперь нельзя еще и гадать; основываясь на обычной смѣнѣ явленій, въ силу которой движеніе чередуется съ застоємъ, и наоборотъ, можно только надѣяться, что условія, при которыхъ начата работа, успѣютъ измѣниться прежде совершеннаго ея окончанія. Раньше или позже, эта перемѣна должна наступить непременно; чѣмъ ближе къ концу будутъ, къ тому времени, подготовительные труды по составленію проекта гражданскаго уложенія, тѣмъ скорѣе оно можетъ быть призвано къ жизни. Значительная часть этихъ трудовъ не зависить отъ господствующихъ политическихъ теченій и можетъ выйти одинаково удачной при самой различной общей обстановкѣ. Есть цѣлые институты гражданскаго права, стоящіе въ сторонѣ отъ борьбы партій, дающіе полный просторъ юридической техники, по самому существу своему безцвѣтной и безстрастной. Таковы, напримѣръ, порядокъ укрѣпленія правъ собственности на недвижимыя имѣнія, таковы многія части ученія объ обязательствахъ и договорахъ. Даже тамъ, гдѣ выступаютъ на сцену другіе, болѣе жгучіе вопросы—въ области, напримѣръ, права семейственнаго или наследственнаго—сбораніе матеріаловъ, группировка примѣрныхъ рѣшеній, выработка правильной терминологіи не обусловливаются тѣмъ или другимъ направленіемъ государственной жизни. Вотъ почему мы привѣтствовали и привѣтствуемъ до сихъ поръ приступъ къ работамъ по составленію гражданскаго уложенія, совершенно независимо отъ того, при какихъ политическихъ созвѣздіяхъ эти работы рѣшены въ принципѣ и начаты на самомъ дѣлѣ.

Нельзя, по нашему мнѣнію, согласиться и съ тѣми, которые мотивируютъ несвоевременность работы недостаточною подготовленностью къ ней. Составленіе гражданскаго уложенія—это именно тотъ толчокъ, который былъ необходимъ какъ для пополненія собранныхъ уже свѣдѣній по обычному праву, такъ и для всесторонней ихъ разработки. Если мировые судьи откликнутся на призывъ, съ которымъ обратилось къ нимъ министерство юстиціи, и сообщать точныя данныя о рѣшеніяхъ, постановленныхъ ими на основаніи обычая; если въ каждомъ уѣздѣ сдѣлано будетъ извлеченіе изъ рѣшеній волостныхъ судовъ (по крайней мѣрѣ за два или за три года), содержащихъ

въ себѣ какія-либо указанія на народный обычай; если, параллельно съ этимъ, будутъ продолжаться частныя изслѣдованія, прямо или косвенно приспособленныя къ кодификаціоннымъ задачамъ—то въ теченіе немногихъ лѣтъ можетъ быть сдѣлано не меньше, чѣмъ при другихъ условіяхъ—въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій. Само собою разумѣется, что міръ народныхъ обычаевъ все-таки будетъ изученъ не вполне—но ожидать конца такого изученія, значило бы отложить реформу *sine die*, на неопредѣленное время. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что отличительныя черты народныхъ юридическо-экономическихъ воззрѣній—тѣ черты, въ которыхъ наиболѣе типично и рельефно отразились народныя понятія о правѣ и правдѣ,—раскрыты уже и теперь, благодаря соединеннымъ трудамъ земскихъ учреждений, ученыхъ обществъ и въ особенности частныхъ лицъ. Статистическія изданія различныхъ земствъ, отвѣты, вызванные извѣстными программами изслѣдованія поземельной общины, журнальныя статьи и книги гг. Ефименко, Матѣева, Якушкина, Трирогова и др.—все это ярко освѣтило вопросъ, еще недавно загадочный и темный. Во всѣ закоулки и изгибы громаднаго пространства этотъ свѣтъ, конечно, еще не успѣлъ проникнуть—но съ помощью его лучей можно избѣжать по крайней мѣрѣ слишкомъ явныхъ, слишкомъ грубыхъ ошибокъ. И съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, не было причины медлить—нужно только позаботиться о томъ, чтобы въ число приготовительныхъ работъ по составленію гражданского уложенія была включена широкая разработка обычнаго права.

Въ связи съ этимъ вопросомъ возникаетъ другой, еще болѣе важный. Рядомъ съ новымъ гражданскимъ уложеніемъ останется ли мѣсто для народнаго обычая, или онъ долженъ будетъ окончательно исчезнуть передъ закономъ? Другими словами, послѣ изданія уложенія должно ли быть удержано за судомъ (волостнымъ и мировымъ) принадлежащее ему теперь право рѣшенія по обычаю тѣхъ дѣлъ, участниками которыхъ являются исключительно крестьяне? Намъ кажется, что другого отвѣта, кромѣ утвердительнаго, здѣсь быть не можетъ. Совмѣстное дѣйствіе закона и обычая не составляетъ чего-то небывалаго, ненормальнаго; доказательствомъ этому служить существующее не у насъ однихъ право коммерческихъ судовъ руководствоваться торговыми обычаями—право, остающееся въ силѣ даже и послѣ изданія особаго торговаго уложенія (напр., въ Германіи). Какъ бы тщательно ни были сгруппированы при кодификаціи народныя обычаи, какъ бы разсудительно и добросовѣстно они ни были приняты въ соображеніе составителями гражданского уложенія,—замѣнить ихъ вполне послѣднее не можетъ, по слѣдующимъ главнымъ причинамъ. Многіе обычаи, въ особенности изъ числа тѣхъ,

которые дѣйствуютъ въ небольшихъ, сравнительно, районахъ, остаются неизвѣстными или не приведенными въ достаточную ясность; воспользоваться ими при кодификаціи не будетъ возможности — а между тѣмъ они соотвѣтствуютъ, быть можетъ, какъ нельзя лучше мѣстнымъ условіямъ, ихъ создавшимъ. Другіе обычай переживаютъ именно теперь критическую эпоху, измѣняются, медленно и постепенно, согласно съ новыми требованіями и обстоятельствами. Фиксировать ихъ закономъ въ настоящемъ ихъ видѣ, значило бы остановить естественный процессъ развитія, изъ котораго они могли бы выйти совершенно другими; отвергнуть ихъ вовсе, вслѣдствіе неустойчивости ихъ и неопредѣленности, значило бы лишиться драгоцѣннаго матеріала, оставить безъ удовлетворенія реальную потребность населенія. Вносить въ гражданское уложеніе цѣлый рядъ постановленій, примѣнимыхъ къ однимъ крестьянамъ, едва ли будетъ признано удобнымъ. Составителямъ уложенія — если оно должно совершенно вытѣснить народный обычай — будетъ предстоить, затѣмъ, такая дилемма: или возвести на степень общаго закона правила, выработанныя специальными условіями крестьянскаго быта — или отмѣнить эти правила и безусловно подчинить крестьянъ дѣйствію законовъ, приспособленныхъ къ быту другихъ сословій. И то, и другое одинаково нежелательно. Задача кодификаціи, насколько она имѣетъ дѣло съ народнымъ обычаемъ, состоитъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, чтобы извлечь изъ него все пригодное для всѣхъ классовъ общества, для всѣхъ слоевъ народа, все общее, справедливое и разумное, не пріуроченное ни къ данной мѣстности, ни къ данной формѣ быта. Гражданскій законъ перестанетъ тогда быть чѣмъ-то чуждымъ, мало понятнымъ для массы народа; въ его сферу дѣйствія войдутъ многія изъ числа юридическихъ отношеній, специально свойственныхъ крестьянству. Съ другой стороны, остальные сословія освободятся изъ-подъ гнета отчасти устарѣвшихъ, отчасти искусственныхъ, безжизненныхъ постановленій, неудачно регламентирующихъ гражданскій строй такъ-называемаго общества. Возьмемъ, для примѣра, положеніе усыновленныхъ, пріемышей, незаконнорожденныхъ; обычное право опредѣляетъ его, вообще говоря, гораздо справедливѣе, чѣмъ писанный законъ. Въ другихъ случаяхъ, однако, обобщеніе началъ обычнаго права представляло бы явные неудобства. Сюда относятся, напримѣръ, семейные раздѣлы при жизни главы семейства — и иногда вопреки его волѣ, — необходимые въ крестьянскомъ быту, но чуждые другимъ сословіямъ и едва ли могущіе къ нимъ привиться. Гражданское уложеніе можетъ, конечно, узаконить подобные раздѣлы, но только въ общихъ выраженіяхъ, не вдаваясь въ подробности, неизбежно различныя въ различныхъ мѣстностяхъ и при различныхъ условіяхъ

семейной жизни. То же самое слѣдуетъ сказать и объ общинномъ землевладѣніи. Молчаніе о немъ дѣйствующаго свода гражданскихъ законовъ представляетъ значительныя неудобства, которыя должны быть устранены при изданіи гражданского уложенія; но регламентація всѣхъ формъ и принадлежностей общиннаго землевладѣнія была бы насиліемъ жизни, создавшей и поддерживающей ихъ разнообразіе. Общее заключеніе наше таково: укрѣпивъ своей санкціей нѣкоторые институты обычнаго права, усвоивъ себѣ лучшія и наиболѣе общія его черты, гражданское уложеніе должно оставить просторъ для дальнѣйшаго его развитія; обычай долженъ остаться однимъ изъ регуляторовъ народной жизни, однимъ изъ основаній для судебныхъ рѣшеній. Безусловно уничтожить его силу, значило бы отказаться и отъ народнаго, крестьянскаго суда — а обойтись безъ этого суда не позволяютъ наши разстоянія, не позволяетъ слабое распространеніе, особенно въ средѣ сельскаго населенія, общаго и юридическаго образованія. Скажемъ болѣе: право руководствоваться обычаемъ слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, предоставить и общимъ судамъ, когда обѣ стороны, въ гражданскомъ дѣлѣ, принадлежать къ крестьянскому сословію и когда одна изъ нихъ ссылается на обычай. Чтобы сдѣлать это возможнымъ, нужно только опредѣлить тѣ способы, съ помощью которыхъ судъ будетъ удостовѣряться въ существованіи и содержаніи обычая.

Гражданское уложеніе—не простой сборникъ обычаевъ и узаконеній; это органическое цѣлое, задача котораго — не только установить гармонію между закономъ и дѣйствительностью, но и обезпечить дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе гражданскихъ отношеній. Исполненіе этой задачи немыслимо безъ нововведеній, безъ перемѣнъ, иногда довольно глубокихъ, однимъ словомъ—безъ извѣстной доли *творчества*. Отсюда опасенія и тревоги въ той средѣ, которая боится движенія, ищетъ спасенія только въ старинѣ, клеймитъ именемъ *сочинительства* всякое сколько-нибудь рѣшительное отступленіе отъ прадѣдовскихъ преданій. Мы имѣли уже случай замѣтить, по другому поводу, что *сочинительство*, понимаемое въ смыслѣ присканія новыхъ формъ для новаго содержанія, новыхъ средствъ для новыхъ задачъ—необходимый элементъ государственной жизни; возставать можно только противъ сочинительства грубаго, насилующаго дѣйствительность, идущаго въ разрѣзъ съ истиной — но отнюдь не противъ всякаго сочинительства, не противъ сочинительства въ принципѣ. Въ лагерѣ самобытниковъ на этотъ вопросъ смотреть иначе; тамъ считается дерзостью простое заявленіе желаній, направленныхъ къ видоизмѣненію основныхъ началъ нашего гражданского права. „Профессоръ А.“ —слышится отсюда— „вводить въ семью,

мѣстѣ съ фамиліиными совѣтами, и будочника; профессоръ Б. проектируетъ условія и сроки развода такъ-то; профессоръ В. назначаетъ ихъ иначе, и, наконецъ, профессоръ Г. требуетъ введенія его при всякомъ удобномъ и неудобномъ поводѣ". Въ этой картинѣ много фантастическаго; требованіе развода „при всякомъ удобномъ и неудобномъ поводѣ" принадлежитъ, если мы не ошибаемся, всецѣло воображенію живописца. Положимъ, однако, что разнообразіе мнѣній, вызываемыхъ пересмотромъ гражданскихъ законовъ, достигаетъ крайнихъ размѣровъ; что же здѣсь ненормальнаго или ужаснаго? Можно ли удивляться тому, что не всѣ одинаково смотрятъ на важнѣйшіе вопросы общественнаго устройства и общественной жизни? Констатируя недостатки существующихъ порядковъ, можно ли не касаться средствъ и путей къ ихъ улучшенію? Гдѣ и когда такое громадное и серьезное дѣло, какъ составленіе гражданского уложенія, обходилось безъ усиленной умственной работы въ средѣ мыслящей части общества, безъ столкновенія противоположныхъ взглядовъ, безъ борьбы теоретиковъ съ практиками и теоретиковъ различной окраски между собою? Пускай въ числѣ предложеній будутъ и неудобноосуществимыя, утопическія, преждевременныя — бѣды въ этомъ никакой нѣтъ, они внесутъ свою лепту въ общее дѣло, хотя бы только разъясненіемъ того, что не должно входить въ его задачу. Кричать: „караулъ!" при первой встрѣчѣ съ несимпатичной доктриной, нѣтъ рѣшительно никакого повода; отъ публичнаго выраженія ея частнымъ лицомъ до принятія ея законодателемъ еще слишкомъ далеко. Жаловаться, покаянство, можно скорѣе на недостатокъ, чѣмъ на избытокъ „сочинительства" по части гражданского права. Мнѣній, далеко расходящихся съ дѣйствующимъ законодательствомъ, заявлено еще немного; нужно надѣяться, что число ихъ значительно возрастетъ во время дальнѣйшихъ фазисовъ кодификаціонной работы. Правильному выбору пути они помогутъ, во всякомъ случаѣ, гораздо больше, чѣмъ возгласы: „куда? назадъ! ни съ мѣста!"

Чтобы убѣдиться въ пользѣ предложеній, уклоняющихся въ сторону отъ торной дороги, бросимъ взглядъ на мнѣніе „профессора А., вводящаго въ семью, вмѣстѣ съ фамиліиными совѣтами, и будочника". Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что подъ именемъ профессора А. здѣсь слѣдуетъ понимать К. Д. Кавелина, въ одной изъ статей котораго, посвященныхъ гражданскому уложенію, рѣчь идетъ, между прочимъ, о семейныхъ совѣтахъ ¹⁾. „Право безусловной свободы членовъ семейства распоряжаться своимъ имуществомъ," — говоритъ почтенный авторъ, — находится въ рѣзкомъ противорѣчій съ

¹⁾ См. Журналъ Гражд. и Угол. Права, 1882 г., декабрь.

лежащими на нихъ обязанностями, выполненіе которыхъ предполагаетъ матеріальныя средства. Необходимо ограничить это право, но какъ? Самымъ естественнымъ и разумнымъ казалось бы поставить имущественныя распоряженія членовъ семьи, съ извѣстными оговорками, въ извѣстной мѣрѣ, подъ контроль учрежденія, которое было бы въ состояніи добросовѣстно оцѣнить, въ какой мѣрѣ полезно или необходимо, въ томъ или другомъ частномъ случаѣ, ограничить право распоряженія имуществомъ того или другого члена семейства. Такимъ учрежденіемъ могъ бы быть семейный совѣтъ, составленный изъ совершеннолѣтнихъ членовъ семьи, ея ближайшихъ родственниковъ и свойственниковъ, а также постороннихъ лицъ, близкихъ къ семейству, при участіи органа публичной власти, судебной или административной. Такому совѣту можно было бы предоставить и право разсматривать, въ качествѣ примирителя и третейскаго судьи, взаимныя неудовольствія и претензіи членовъ семьи, лично и по имуществу*.

Съ точки зрѣнія житейской рутины и казенной морали предложеніе г. Кавелина можетъ показаться чѣмъ-то неслыханнымъ, вопіющимъ. Вводитъ постороннихъ во внутренній міръ семьи, дѣлаетъ ихъ участниками семейныхъ тайнъ, отступать отъ великаго наполеоновскаго принципа: *„il faut laver son linge sale en famille“*, ограничивать полновластіе отца семейства, поощрять какія-то разбирательства между ближайшими родственниками—не значить ли это посягать на самыя священныя чувства человѣка, на самыя непокосновенныя права отца, не значить ли это колебать семейный союзъ, а вмѣстѣ съ нимъ и союзъ общественный, государственный? Оглушительно-трескучихъ фразъ на ту же тему можно наговорить еще много; но стоить только кое-что припомнить и кое-что сообразить—и заключеніе получится совсѣмъ другое. Припомнить нужно, прежде всего, что нашему законодательству и нашей практикѣ давно извѣстна опека надъ расточительными. Назначеніе ея зависѣло и зависить отъ администраціи—но кто приводитъ въ движеніе административную машину, кто собираетъ и представляетъ данныя, служащія основаніемъ для административной мѣры? Очевидно—тѣ, которые заинтересованы въ учрежденіи опеки: ближайшіе наслѣдники, т. е. въ большинствѣ случаевъ ближайшіе родственники. До сихъ поръ ограниченіе правъ, обусловливаемое расточительностью, было, большею частью, дѣломъ случая; добиться его для однихъ было слишкомъ легко, для другихъ—слишкомъ трудно. Семейный совѣтъ, какъ регуляторъ имущественныхъ распоряженій, имѣетъ, въ этомъ отношеніи, безспорное преимущество передъ администраціей. Правда, роль, отводимая ему г. Кавелинымъ, не ограничивается предупредж-

деніемъ явно недѣльныхъ, безумныхъ расходовъ; но развѣ только они одни угрожаютъ благосостоянію семьи, будущности младшихъ ея членовъ? Развѣ мы не видимъ семей, страдающихъ отъ неумѣльных распоряженій или отъ самодурства отца, отъ пристрастія его къ однимъ дѣтямъ, отъ несправедливости его къ другимъ, отъ безконечныхъ и непримиримыхъ внутреннихъ раздоровъ? Неужели своевременное внимательство семейнаго совѣта было бы, въ подобныхъ случаяхъ, зломъ болѣе, чѣмъ распаденіе семьи, чѣмъ нравственная порча или экономическая гибель нѣкоторыхъ ея членовъ? Неужели можно признать, напримѣръ, вреднымъ или опаснымъ семейный третейскій судъ между отцомъ и взрослымъ сыномъ, когда послѣдній не соглашается избрать карьеру, предназначенную для него отцомъ, а отецъ грозитъ оставить непослушнаго сына безъ всякихъ средствъ къ существованію? Необходимо ли вводить въ семейный совѣтъ представителя судебной или административной власти, или же достаточно допустить, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, обжалованіе или опротестованіе постановленій семейнаго совѣта—это вопросъ спорный, въ разсмотрѣніе котораго мы теперь не входимъ. Задача Е. Д. Кавелина заключалась не въ томъ, чтобы представить цѣлый проектъ новаго юридическаго института; онъ намѣтилъ его только въ главныхъ чертахъ, не предвѣщая ни формъ его осуществленія, ни предѣловъ и размѣровъ его дѣятельности. Какъ бы то ни было, мысль пущена въ обращеніе, одному изъ предразсудковъ, стоящихъ поперекъ дороги къ реформѣ, объявлена война—и это кажется намъ уже не малой заслугой. Чѣмъ больше будетъ сдѣлано предложеній, свободныхъ отъ суевѣрнаго уваженія въ старинѣ и коренящихся въ реальныхъ требованіяхъ жизни, тѣмъ больше наберется матеріаловъ для капитальной постройки, какою должно быть новое гражданское уложеніе.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е марта, 1888.

Министерское международствіе во Франціи и мѣры противъ претендентовъ.—Кабинетъ Жюль Ферри.—Открытие парламентской сессіи въ Англіи.—Ирландскія разоблаченія и политика Гладстона.—Дунайская конференція въ Лондонѣ.—Церковный вопросъ въ Германіи.—Прусскій сеймъ.—Австрійскія дѣла.—Положеніе дѣлъ въ славянскихъ земляхъ.

I.

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца, европейская печать особенно много занималась министерскимъ „международствіемъ“ во Франціи. Французская республика провела цѣлыхъ три недѣли безъ прочнаго однороднаго кабинета: преемникъ Дюклера, де-Фальеръ, оказался только эфемернымъ премьеромъ,—онъ заболѣлъ тотчасъ послѣ своего назначенія, оставивъ важнѣйшіе министерскіе посты въ рукахъ второстепенныхъ лицъ (товарищей министровъ). Благонамѣренныя французы, удѣляющіе свои досуги политикѣ, приходили въ ужасъ при мысли, что три важныя вѣдомства—морское, внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ—не имѣютъ своихъ официальныхъ представителей предъ парламентомъ. Многимъ казалось уже, что Франціи угрожаютъ великія опасности вслѣдствіе отсутствія трехъ министровъ, и что страна, очутившись какъ бы безъ правительства, можетъ почувствовать презрѣніе къ республикѣ. Серьезныя газеты ежедневно доказывали, что народъ не выдержитъ такого переходнаго состоянія министерскихъ канцелярій и рано или поздно заявитъ свою рѣшимость установить надъ собою твердую власть.

„Нѣкоторые доктринеры,—говорилъ, между прочимъ, „Journal des Débats“,—полагаютъ, что страна, какъ и отдѣльныя лица, можетъ управляться сама собою. Мы боимся прежде всего, что мы не достигли такой зрѣлости. Но можно бы еще допустить эту идею, если бы мы стояли въ мірѣ одиноко, еслибы не существовало другихъ государствъ на картѣ Европы, и еслибы намъ нужно было заботиться исключительно о внутреннихъ, а не о вѣнскихъ дѣлахъ. Безъ сомнѣнія, наша административная машина такъ хорошо устроена и настолько привыкла дѣйствовать механически, что мы сами можемъ вовсе не замѣчать отсутствія правительства; но всѣ наши центральныя и мѣстныя канцеляріи не помогутъ намъ принять участіе въ томъ, что совершается въ данное время въ Египтѣ, въ Тунисѣ, въ

ожной и сѣверной Африкѣ, въ Турціи, въ устьяхъ Дуная и накопецъ повсюду, гдѣ замѣшаны интересы и вліянія соперничающихъ націй. Чтобы фигурировать въ свѣтѣ не одними раззолоченными мундирами, но и вліаніемъ и дѣйствіемъ, народъ долженъ имѣть правительство. Гдѣ же оно у насъ? Ни въ палатѣ депутатовъ, ни въ сенатѣ, не видно никакой руководящей воли, никакого признака авторитета, никакой министерской отвѣтственности; а если мы пойдемъ еще выше въ конституціонномъ отношеніи, то встрѣтимся съ свѣтлымъ безразличіемъ, которое входитъ уже въ область созерцанія".

Франція „слишкомъ мало управляется" президентомъ Греви и его смѣняющимися министерствами; она „жаждетъ твердой повелительной руки, которая сдерживала бы однихъ, охраняла бы другихъ и угрожала бы третьимъ, въ интересахъ всего государства", — такъ заявляли ежедневно, въ болѣе или менѣе сильныхъ выраженіяхъ, не только бонапартисты и монархисты, но и республиканцы. Народъ, предоставленный самому себѣ и не чувствующій надъ собою крѣпкаго начальственного руководства, — развѣ можетъ быть что-либо ужаснѣе такого безнадѣжнаго положенія? Съ разныхъ сторонъ оплакивалась печальная участь Франціи, — то съ примѣсью злорадства, какъ въ Германіи, то съ прибавкою ироническихъ поученій, какъ въ Англіи. Нѣмецкая печать отдыхала отъ собственныхъ политическихъ заботъ, наслаждалась картиною французскихъ неурядицъ. Лондонскіе публицисты выражали свои сожалѣнія и сочувствія, большею частью въ двусмысленномъ и насмѣшливомъ тонѣ. Эти заграничные отголоски составляли, однако, только слабое отраженіе того общаго оглушительнаго шума, который поднять былъ парижскими газетами послѣ неудачъ Дюклера и де-Фальера.

Французская журналистика, по старой памяти, придаетъ громадное значеніе тому обстоятельству, какіе именно министры стоятъ во главѣ правительства и какимъ авторитетомъ они пользуются; оставаться же хоть день безъ министерства, какъ необходимаго предмета критики и нападеній, — это уже выше силъ французской политической печати. Для народа въ обширномъ смыслѣ министерскія перемѣны, волнующія парижскую прессу, имѣютъ въ сущности очень мало значенія. Законы исполняются во Франціи строго и точно при всякомъ республиканскомъ кабинетѣ; налоги взимаются всегда одинаково, и администрація съ неизмѣннымъ усердіемъ заботится объ интересахъ населенія, независимо отъ такого или иного состава министерства въ Парижѣ. Кризисы скользятъ только по поверхности политической жизни страны, не затрагивая никакихъ существенныхъ государственныхъ вопросовъ. Министры являются лишь представителями господствующаго настроенія въ данное время, и частая смѣна

нѣ составляетъ неизбѣжное слѣдствіе впечатлительности и извѣ-
чности французскаго политическаго характера. Для народа важна
правительственная система, хорошая или дурная, благотворная или
отѣснительная, реформаторская или консервативная; а затѣмъ парла-
ментскія и кабинетныя комбинаціи проходятъ совершенно бесслѣдно,
пока общее направленіе государственной дѣятельности остается преж-
нимъ. Для публики, однако, великій министерскій или партійный во-
просъ разрастается въ нѣчто крайне серьезное, такъ какъ большин-
ство французскихъ газетъ посвящаетъ все свое вниманіе этимъ по-
верхностнымъ личнымъ вопросамъ и пререканіямъ. То, что происхо-
дитъ въ парламентѣ или въ совѣтѣ министровъ, не можетъ вліять
на движеніе административной машины, которая во Франціи отли-
чается не меньшею рутинностью и стойкостью, чѣмъ въ любомъ мо-
нархическомъ государствѣ Европы.

Разсказываютъ, что во время страшныхъ іунскихъ дней 1848 года,
когда улицы были загромождены баррикадами и грохотъ орудій раз-
давался надъ Парижемъ, офицеръ, посланный съ отрядомъ солдатъ
для охраны министерства иностранныхъ дѣлъ, засталъ тамъ чинов-
никовъ и писцовъ за обычною работою, точно ничего не случилось.
Офицеръ занялъ мѣсто у входа въ помѣщеніе канцеляріи; черезъ
нѣкоторое время одинъ пожилой чиновникъ подошелъ къ нему съ
бумагами, приготовленными къ подписи, и почтительно спросилъ,
не является ли онъ уполномоченнымъ отъ новаго правительства.
Вослѣдствіемъ, когда печатные оттиски новой республиканской кон-
ституціи были разосланы во всѣ сельскія общины для надлежащаго
оповѣщенія, нашлись услужливые мѣры, которые вполне добросовѣстно
писали министру слѣдующее: „мы вывѣсили конституцію вашего
пр-ва на дверяхъ мѣримъ и съ особымъ удовольствіемъ будемъ вывѣ-
шивать всѣ дальнѣйшія конституціи, какія вы сочтете нужнымъ
прислать намъ“.

Чрезмѣрная централизація составляетъ коренной недостатокъ
французскаго управленія; но она въ то же время служитъ сильнѣй-
шимъ оружіемъ въ рукахъ власти. Никакое министерство не отка-
жется отъ возможности заправлять изъ Парижа всѣмъ колоссальнымъ
административнымъ механизмомъ Франціи, — хотя эта возможность
была также причиною непрочности правительствъ и значительно
облегчала опасные государственные перевороты. Стоить только за-
владѣть центральной пружиною, исходящею изъ министерства, и
весь оффиціальный міръ Франціи находится въ распоряженіи новаго
правителя. Мѣстныя учрежденія почти всецѣло подчинены админи-
страціи, которая вообще вооружена настолько сильно, что прямое
противодѣйствіе ей считается крайне рискованнымъ и даже немисли-

мнѣ. Поэтому-то французы относятся съ такою непонятною для насъ горячностью къ малѣйшимъ признакамъ монархическаго или бонапартистскаго движенія. Попытка захватить центральную власть кажется вполне осуществимою для рѣшительнаго принца, пользующагося симпатіями въ извѣстной части арміи; а завладѣвъ центромъ, легко уже подчинить всю Францію, лишенную свободнаго мѣстнаго самоуправленія. Иностранцы могутъ удивляться паникѣ, охватившей республиканскіе кружки при появленіи манифеста принца Жерома Бонапарта, отъ 15 января; но французы хорошо сознаютъ, что бываютъ моменты, когда смѣлый претендентъ съ громкимъ именемъ можетъ съ весьма небольшими силами наложить руки на кормило правленія. Никто еще не забылъ, съ какою насмѣшливостью встрѣчались въ 1848 году предположенія о замыслахъ принца Луи-Наполеона, героя комическихъ экспедицій въ Страсбургъ и въ Булонь; между тѣмъ этотъ принцъ, крайне непопулярный и считавшійся довольно ограниченнымъ, добрался незамѣтно до источника власти, подъ покровительствомъ тогдашнихъ безусловно-либеральныхъ принциповъ.

Французскіе республиканцы хотятъ теперь заранѣе гарантировать себя отъ повторенія подобной трагикомедіи; они вспомнили объ орлеанской фамиліи, успѣвшей занять исключительное положеніе въ арміи, благодаря поддержкѣ многихъ высшихъ офицеровъ-монархистовъ. Республика, какъ и всякая другая форма правленія, признала за собою право самообороны; объ этомъ не было бы и спора, еслибы министры и палата депутатовъ довольствовались примѣненіемъ существующихъ законовъ и административныхъ мѣръ. Даже такіе либеральные дѣятели, какъ Тьеръ и Леонъ Сэй, не стѣснялись въ свое время подвергаться аресту и высылать за-границу членовъ фамиліи Бонапарте, пребываніе которыхъ во Франціи казалось несогласнымъ съ интересами общественнаго спокойствія. Нынѣшняя палата депутатовъ желала возвести эту предохранительную мѣру на степенъ общаго закона, причемъ имѣлось въ виду ослабить значеніе наиболѣе серьезныхъ и вліятельныхъ претендентовъ—принцевъ Орлеанскихъ. Чистые и строго-послѣдовательные либералы возстали противъ таковой несправедливости, не допуская преждевременнаго осужденія людей, не провинившихся прямо предъ закономъ. Умѣренныя партіи и газеты заговорили о республиканскихъ принципахъ, о личной свободѣ и равенствѣ. Страстная полемика въ парламентѣ и въ печати получила еще болѣе рѣзкій оттѣнокъ, вслѣдствіе отсутствія надлежащаго министерства со времени отставки Дюклера. Судя по этой полемикѣ, можно было бы подумать, что Франція погибаетъ или находится наканунѣ полной анархіи: такъ и поняли дѣло многіе европейскіе публицисты, не исключая и такихъ, какъ

сотрудники „Times'a“. Въ дѣйствительности все это произошло только отъ чрезмѣрнаго стремленія къ законности, ибо и безъ новаго закона правительство могло удалить принцевъ изъ военной службы и имѣть за ними строгій надзоръ. Парижская печать волновалась этимъ вопросомъ неизмѣримо болѣе, чѣмъ французское общество; для послѣдняго былъ гораздо важнѣе возникшій отсюда и тянувшійся долѣе обыкновеннаго министерскій кризисъ, грозившій подорвать авторитетъ президента Гревя.

Склонность къ исключительнымъ законамъ осуждалась въ данномъ случаѣ почти всею либеральною печатью въ Европѣ. Но, по мнѣнію бесспорно либеральной „Daily News“, несправедливо критиковать политику французскаго правительства въ томъ смыслѣ, что оно одно будто бы находитъ опаснымъ постоянное жительство членовъ навшихъ династій въ странѣ, низвергнувшей ихъ. „Напротивъ, нужно признать, что такой вопросъ едва ли поднимался бы въ какомъ либо другомъ европейскомъ государствѣ. Потомки Бурбоновъ не живутъ и не могутъ жить въ бывшемъ Неаполитанскомъ королевствѣ. Князь Бисмаркъ никогда не допустилъ бы, чтобы представители Ганноверской королевской фамилии поселялись въ своей прежней резиденціи, въ качествѣ частныхъ лицъ. Отъ республики мы обыкновенно ждемъ чего-то другого; но не надо забывать, что во Франціи старыя традиціи имѣютъ еще большую силу, чѣмъ претенденты не отказались отъ своихъ правъ, и что республика, слѣдуя урокамъ исторіи, имѣетъ основаніе бояться даже приверженныхъ ей принцевъ“. Бездѣ наследники низложенныхъ королей возбуждали бы естественное недовѣріе правительства и подвергались бы суровымъ мѣрамъ въ случаѣ прямого заявленія правъ на утраченную корону; а что мечта о коронѣ не покинула еще Орлеанскую фамилію,—этого не отрицаютъ ближайшіе ея друзья и поклонники.

Французскіе либералы не желали подчиняться Гамбеттѣ и низвергли его за то, что онъ хотѣлъ командовать и распоряжаться; а теперь они же жалуются, что никто не управляетъ парламентомъ и что бессильные министры безцѣльно чередуются въ сѣнящихся кабинетахъ, не внушая въ себѣ никакого уваженія въ Европѣ. И въ этихъ послѣднихъ жалобахъ есть нѣкоторая доля оптического обмана: министры представляются часто бессильными только потому, что они добровольно уходятъ со сцены при первомъ же столкновеніи съ общественнымъ мнѣніемъ или съ палатами. Если бы министръ могъ дѣйствовать силою и властью противъ общества, если бы онъ твердо могъ оставаться на своемъ мѣстѣ, несмотря на выраженное ему общественное порицаніе, и если бы онъ свободно могъ поирать законы, подобно герцогу де-Персиныи или де-Морию при Наполе-

онѣ III, — то всякій называлъ бы такого дѣятеля образцомъ государственной твердости, хотя бы политическая программа его истерпывалась устройствомъ личныхъ финансовыхъ дѣлъ, безъ всякаго отношенія къ общему благу. А тутъ какойнибудь Дюклеркъ или Фальеръ отступаютъ при первомъ же разногласіи, не располагая никакими средствами для того, чтобы заставить замолчать противниковъ. Нетерпѣливая публика не дастъ даже болѣть министру и безжалостно требуетъ его смѣны. Въ Германіи, наприимѣръ, Фальеръ, разъ понавъ въ министры, держался бы спокойно на своемъ мѣстѣ и могъ бы не обращать вниманія на оппозицію, лишь бы князь Бисмаркъ былъ доволенъ его исполнительностью. Вотъ почему люди, не обнаружившіе никакихъ особенныхъ талантовъ, какъ фонъ-Госслеръ, Веттихеръ, Ахенбахъ и имъ подобные, могутъ долго и безпретензительно сохранять министерскіе посты въ Пруссіи, враждуя открыто съ стремленіями и симпатіями нѣмецкаго общества. Такого рода прочность правительства едва ли имѣетъ много преимуществъ передъ шаткостью и переменчивостью французскихъ кабинетовъ.

Впрочемъ, и во Франціи существуетъ нѣсколько опытныхъ и авторитетныхъ политическихъ дѣятелей, способныхъ придать правительству характеръ твердости и энергіи, когда это требуется обстоятельствами. Къ числу такихъ людей принадлежитъ Жюль Ферри, которому президентъ Гревъ поручилъ составленіе новаго министерства. Кабинетъ сформировался окончательно 21 февраля, и изъ его членовъ заслуживаютъ вниманія министръ иностранныхъ дѣлъ Шальмелль-Лакуръ, бывшій посланникъ въ Лондонѣ, министры юстиціи и публичныхъ работъ — Вальдекъ-Руссо и Рейналь, состоявшіе уже министрами при Гамбеттѣ. Самъ Жюль Ферри взялъ на себя министерство народнаго просвѣщенія, которое обязано ему крупными реформами въ духѣ анти-клерикализма. Относительно претендентовъ дѣло ограничилось отчисленіемъ ихъ отъ службы, а о спеціальному законѣ не можетъ быть пока и рѣчи, такъ какъ палата отвергла проектъ, принятый сенатомъ взаимѣнъ депутатскаго и предписывающій возбуждать противъ принцевъ формальный процессъ въ случаѣ незаконныхъ посягательствъ на общественное спокойствіе. Политическія страсти вновь затихли во Франціи, и кризисъ обошелся безъ тѣхъ ужасныхъ послѣдствій, которыя предсказывались пессимистами. Говорятъ, что пострадала за это время международная политика и что интересы французовъ въ Египтѣ и въ другихъ мѣстахъ были лишены подобающей защиты, въ періодъ министерскаго междоусобія; но въ этой области потери весьма сомнительны, ибо Франція принуждена была и раньше относиться пассивно къ дѣйствіямъ Англіи и другихъ великихъ державъ на Востокѣ.

II.

Засѣданія англійскаго парламента открылись 15 февраля, въ отсутствіе премьера Гладстона, который пользовался отдыхомъ въ Каниѣ. Тронная рѣчь, прочитанная лордомъ-канцлеромъ Сельборномъ, упоминала, между прочимъ, на важныя реформы, имѣющія быть внесенными въ палату общинъ,—а именно, проектъ закона о правахъ арендаторовъ въ Англіи и Шотландіи, составленіе 'уголовнаго кодекса, улучшение и развитіе мѣстнаго самоуправленія, преобразование городской администраціи Лондона. Нѣкоторыя изъ предположенныхъ реформъ предприняты уже давно, но не могли до сихъ поръ поступить на обсужденіе парламента, поглощеннаго другими текущими дѣлами, особенно ирландскими.

Положеніе Ирландіи продолжаетъ служить источникомъ безконечныхъ трудностей для правительства. Слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ лорда Кавендиша и Борка, совершенномъ въ маѣ прошлаго года въ Фенкесъ-паркѣ, привело къ весьма интересному открытію. Одинъ изъ подсудимыхъ, членъ дублинскаго городского совѣта, Кэри, сообщилъ подробныя свѣдѣнія объ организаціи политическихъ убійствъ въ Ирландіи, причемъ въ числѣ главныхъ дѣятелей назвалъ нѣкоторыхъ членовъ бывшей земельной лиги, стоявшихъ близко къ Парнеллю и рекомендованныхъ имъ правительству въ качествѣ полезныхъ сотрудниковъ по умиротворенію страны. На парламентаго вождя ирландскихъ патріотовъ пало подозрѣніе, которое громко высказано было въ палатѣ общинъ бывшимъ ирландскимъ статсъ-секретаремъ Форстеромъ. Парнелля заводоурили въ заведомыхъ сносненіяхъ съ убійцами и въ негласной поддержкѣ ихъ; а на Гладстона посыпались упреки за то, что онъ вступилъ въ переговоры съ мятежниками, замаранными невинною кровью, и этимъ уронилъ авторитетъ власти, безъ всякаго полезнаго результата для Ирландіи.

Отсутствіе Гладстона дало полную волю раздраженію его противниковъ; утверждали, что онъ остался въ Каниѣ только для того, чтобы избѣгнуть неприятныхъ запросовъ по поводу разоблаченій дублинскаго процесса. Маркизъ Салисбери, глава оппозиціи въ палатѣ лордовъ, заявилъ, что правительство напрасно предстало предъ парламентомъ безъ головы, и что это „безголовое туловище показываетъ признаки паралича, какъ видно изъ неопредѣленнаго содержанія тронной рѣчи“. По мнѣнію лорда Салисбери, правительство не имѣетъ никакой точной политики, ибо въ рѣчахъ, произнесенныхъ во время парламентскихъ ваканцій, каждый изъ министровъ выражалъ свои особые взгляды, совершенно несогласные между собою. Лордъ

Гренвилль въ верхней палатѣ, а лордъ Гартингтонъ — въ нижней, защищали правительство отъ обвиненій. Нѣсколько оппозиціонныхъ поправокъ предложено было къ обычному отвѣту на тронную рѣчь, но всѣ онѣ отвергнуты большинствомъ. Между прочимъ, сэръ Лаусонъ порицалъ Гладстона за рѣшое отступленіе отъ либеральныхъ началъ по отношенію къ Египту, гдѣ проповѣдники миролюбія и свободы, у себя дома, явились въ чужой странѣ врагами самоуправленія и независимости, пособниками деспотизма и безправнаго застоя. Лордъ Рандольфъ Черчилль, сынъ герцога Марльборо, выразилъ надежду, что правительство не будетъ болѣе унижать себя секретными сдѣлками съ партією ирландскихъ автономистовъ, поддерживающею кровавыя беззаконія въ Ирландіи. Парнелль сдѣлался предметомъ ненависти для значительной части англійскаго парламента и общественнаго мнѣнія; онъ не пытался даже оправдываться серьезно, а напротивъ самъ выступилъ въ роли обвинителя, доказывая несправедливость и тиранническій характеръ насильственныхъ мѣръ, примѣняемыхъ въ Ирландіи для водворенія порядка. Въ то же время Парнелль заявилъ, что имъ будетъ внесенъ проектъ дополнительнаго закона къ ирландскому земельному биллю, съ цѣлью устраненія его капитальныхъ недостатковъ, обнаруженныхъ на практикѣ.

Многіе удивляются самоуѣренному поведенію Парнелля въ виду тяготящихъ надъ нимъ подозрѣній; но даже злѣйшіе противники его едва ли искренно вѣрятъ въ возможность хотя бы отдаленнаго участія его въ политическихъ убійствахъ, крайне затрудняющихъ мирное удовлетвореніе потребностей и желаній ирландскаго народа. Въ то время, какъ подготовлялась мрачная драма, жертвами которой пали Боркъ и Кавендишъ, Парнелль сидѣлъ еще въ Кильмангайской тюрьмѣ, откуда выпущенъ былъ только въ началѣ мая, за три дня до совершенія преступленія; изъ тюрьмы онъ прямо направился въ Лондонъ, гдѣ и застало его извѣстіе о катастрофѣ. Въ Ирландіи давно уже образовалась партія, недовольная мирными политическими приѣмами Парнелля и готовая „дѣлать исторію“ (по выраженію одного изъ подсудимыхъ) болѣе крутыми способами. Къ этой партіи примкнули и нѣкоторые изъ второстепенныхъ членовъ земельной лиги, руководимой Парнеллемъ, — подъ вліяніемъ суровой репрессивной системы, ожесточившей мирныхъ враговъ англійскаго владычества и аристократическаго землевладѣнія въ Ирландіи. Повидѣмому, соединеніе реформаторскаго законодательства съ мѣрами административнаго произвола рѣдко приноситъ хорошіе плоды.

Передовые англійскіе дѣятели убѣдились уже на опытѣ, что насиліемъ нельзя подчинить духъ враждебнаго народа, и что прочное спокойствіе невозможно безъ предоставленія людямъ нѣкоторой са-

мостоятельности въ общественныхъ дѣлахъ. Принципъ этотъ постоянно повторяется членами либеральной партіи въ Англіи; онъ также принимается теперь въ широкихъ размѣрахъ въ Остѣ-Индіи, гдѣ вице-король лордъ Рипонъ призываетъ туземное населеніе къ участию въ обсужденіи общихъ интересовъ. Къ подобной же дѣли стремится лордъ Дэфферинъ въ Египтѣ, хотя и не находитъ тамъ элементовъ для прочнаго самоуправленія. Одни только ирландцы не могутъ добиться права, которое въ теоріи провозглашается либералами во всѣхъ странахъ свѣта. Правда, ирландцы хотятъ слишкомъ многого,—они хотѣли бы обойтись совершенно безъ англійской администраціи и получить свой особый парламентъ; но по всей вѣроятности они довольствовались бы и меньшимъ, еслибы только правительство рѣшилось твердо вступить на этотъ путь. Такой исходъ окажется рано или поздно неизбежнымъ; онъ освободилъ бы Англію отъ вѣчныхъ тревогъ, связанныхъ съ ирландскимъ вопросомъ, и не нанесъ бы никакого ущерба ни ея политической силѣ, ни ея нравственному авторитету. Ирландцы могли бы со временемъ добровольно подчиняться умственному превосходству англичанъ; исчезли бы поводы къ взаимной враждѣ, и „Зеленый островъ“, находящійся нынѣ въ состояніи запущенія, превратился бы въ одну изъ наиболѣе цвѣтущихъ частей Соединеннаго королевства. Политическія традиціи и самолюбіе мѣшаютъ, однако, англійскому правительству совершить тотъ смѣлый шагъ, который теоретически одобряется даже статсъ-секретаремъ по дѣламъ Ирландіи, Тревелияномъ, и намѣстникомъ лордомъ Спенсеромъ,—не говоря уже о болѣе радикальныхъ сотрудниковъ Гладстона, каковы Чамберленъ и Гербертъ Гладстонъ.

Внѣшніе вопросы, кромѣ египетскаго, представляютъ теперь мало интереса для англійскихъ государственныхъ людей. Никакихъ экспедицій не предполагается, и усложненій не предвидится; споръ съ Франціею изъ-за Египта фактически улаженъ, и временная натянутость между кабинетами лондонскимъ и парижскимъ потеряла уже значеніе, особенно со вступленіемъ бывшаго посланника въ Лондонѣ, Шальмеля-Лакура, на постъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Существуетъ еще сравнительно небольшой международный вопросъ, въ которомъ близко заинтересована Англія. Въ Лондонѣ засѣдаетъ, съ первыхъ чиселъ февраля, конференція изъ представителей европейскихъ державъ для обсужденія вопроса о дунайскомъ судоходствѣ.

Судьба этого вопроса довольно любопытна. Парижскій конгрессъ 1856 года, признавъ свободу Дуная, установилъ двѣ коммиссіи—одну европейскую, на два года, и другую постоянную, изъ представителей прибрежныхъ государствъ. Первая, временная, суще-

ствуешь до сихъ поръ, и полномочія ея будутъ продолжены еще на нѣвѣстный срокъ; а вторая, постоянная, имѣла лишь эфемерное существованіе и закрылась въ мартѣ 1859 года. Предполагалось, что уполномоченные отъ европейскихъ кабинетовъ успѣютъ въ теченіе двухъ лѣтъ привести къ концу техническія работы по очисткѣ устьевъ Дуная и затѣмъ передадутъ дѣло въ руки прибрежныхъ державъ. Между тѣмъ работъ и сооружений потребовалось больше, чѣмъ ожидалось; европейская коммиссія дѣйствовала успѣшно цѣлыхъ девять лѣтъ, тогда какъ представители прибрежныхъ государствъ не могли придти къ соглашенію относительно условій своей будущей совместной дѣятельности. Австрія, Турція, Баварія и Вюртембергъ пытались игнорировать желанія придунайскихъ княжествъ и навязать имъ свой уставъ судоходства по Дунаю; но возраженія Англіи противъ нѣкоторыхъ пунктовъ проекта разстроили это предпріятіе, и прибрежная коммиссія перестала вовсе собираться. Въ 1866 году парижская конференція продлила полномочія европейской коммиссіи на пять лѣтъ; въ 1871 году въ Лондонѣ рѣшено было сохранить ее еще до апрѣля 1883 года, а теперь дѣло идетъ о дальнѣйшемъ существованіи этого полезнаго учрежденія. При началѣ работъ коммиссіи, въ устьяхъ Дуная глубина воды была не болѣе восьми футовъ, и Сулинской гавани еще не существовало; а теперь глубина воды доходитъ до семнадцати футовъ, и Сулина представляетъ удобную и безопасную стоянку для судовъ. Коммиссія пользовалась почти неограниченною властью надъ Дунайскими устьями, издавала обязательныя постановленія, производила инженерныя работы, заключала займы и взимала установленныя сборы, содержала свою маленькую армію полицейскихъ и рабочихъ, имѣла свой флагъ и свои лодки. Это убѣдительный примѣръ совместнаго международнаго труда въ области весьма сложныхъ дѣлъ и задачъ, требующихъ постоянного общаго согласія участвующихъ государствъ. Права коммиссіи постепенно увеличивались. Берлинскій конгрессъ 1878 года распространилъ ея юрисдикцію до Галаца, а въ 1881 году рѣшено подчинить ея власти всю часть Дуная отъ Желѣзныхъ воротъ, гдѣ рѣка покидаетъ австрійскую территорію, и до впаденія въ Черное море.

Засѣдающая въ Лондонѣ конференція должна будетъ, между прочимъ, разрѣшить разногласія, вызванныя австрійскимъ проектомъ учрежденія прибрежной коммиссіи съ преобладающимъ голосомъ Австріи для надзора за судоходствомъ на пространствахъ отъ Желѣзныхъ воротъ до Галаца. Эта новая коммиссія состояла бы изъ представителей Румыніи, Сербіи, Болгаріи и Австріи, съ присоединеніемъ одного изъ членовъ европейской коммиссіи, назначаемыхъ на

шестимѣсячный срокъ въ алфавитномъ порядкѣ. Румынія возражаетъ противъ притязанія Австріи играть первенствующую роль въ этомъ новомъ учрежденіи, такъ какъ нижній Дунай находится уже въ австрійскихъ предѣлахъ, и слѣдовательно Австрія не можетъ быть причислена въ прибрежные государства относительно теченія рѣки между Галацемъ и Желѣзными воротами. Протесты Румыніи поддерживались до сихъ поръ Англіею, которая одна отправляетъ по Дунаю въ десять разъ болѣе грузовъ, чѣмъ австрійцы и нѣмцы въ совокупности. Планъ прибрежной комиссіи будетъ, вѣроятно, покинутъ, за невозможностью соглашенія между Австріею и придунайскими государствами,—тѣмъ болѣе, что создавать это учрежденіе, подвластное европейской комиссіи, не представлялось вообще особенной надобности. Еще одно затрудненіе, впрочемъ только кажущееся, возбуждено было желаніемъ русскаго правительства произвести необходимыя улучшенія въ Киііискомъ гирлѣ. Это желаніе не могло встрѣтить серьезнаго противодѣйствія дипломатинъ уже потому, что Киііискій рукавъ Дуная проходитъ исключительно въ предѣлахъ Россіи.

III.

Въ Германіи, послѣ открытія прусскаго сейма, выступилъ вновь на сцену церковный вопросъ,—но только на короткое время. Прозрачные намеки тронной рѣчи давали право заключить, что берлинское правительство не прочь вступить въ соглашеніе съ Ватиканомъ и сдѣлать существенныя уступки вліятельной партіи католическаго центра. Намеки императора Вильгельма побудили папу Льва XIII обратиться къ нему съ посланіемъ, въ которомъ выражена готовность содѣйствовать восстановленію религіознаго мира въ средѣ католическихъ подданныхъ Пруссіи. На это письмо императоръ прислалъ отвѣтъ, составленный въ весьма примирительномъ и почтительномъ тонѣ. Папа Левъ XIII въ свою очередь изложилъ тѣ условія, при которыхъ замѣщеніе духовныхъ должностей подвергалось-бы контролю прусскаго правительства; для этого требуется только пересмотръ майскихъ церковно-политическихъ законовъ 1873 года. Берлинскій кабинетъ, повидимому, не принимаетъ подобныхъ предварительныхъ условій, и вопросъ не разрѣшился еще пока ничѣмъ положительнымъ.

Бюджетныя пренія прусскаго сейма отличаются на этотъ разъ нѣкоторою оживленностью. При обсужденіи расходовъ по жельзнодорожному дѣлу, профессоръ Вагнеръ воспользовался случаемъ, чтобы объяснить научныя принципы „государственнаго социализма“. Правая

сторона сильно рукоплескала оратору и вызвала этимъ порицаніе со стороны предводителя центра, Виндгорста. Какъ неопытный парламентскій дѣятель, Вагнеръ былъ легко побѣжденъ Виндгорстомъ и Мейеромъ. Вагнеръ имѣлъ неосторожность сослаться на свои сочиненія, предполагая ихъ извѣстными слушателямъ; но Виндгорстъ замѣтилъ на это, что парламентъ имѣетъ дѣло только съ рѣчами и заявленіями депутатовъ, а не съ ихъ книгами, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ едва ли кто имѣлъ бы достаточно досуга, чтобы читать сочиненія Вагнера. Мейеръ замѣтилъ еще, что, повидимому, Вагнеръ скорѣе пишетъ, чѣмъ другіе успѣваютъ читать, такъ что услѣдить за его печатными продуктами нѣтъ возможности. При томъ самая рѣчь о государственномъ социализмѣ не имѣла никакого отношенія къ обсуждаемымъ статьямъ бюджета и напрасно отняла только время у палаты. Вагнеръ терпѣливо перенесъ всѣ эти замѣчанія и колкости, въ ожиданія другого болѣе подходящаго случая для полнаго развитія своихъ экономическихъ теорій въ парламентѣ.

Болѣе серьезный эпизодъ произошелъ вслѣдствіе рѣчи извѣстнаго оратора прогрессистовъ, Евгенія Рихтера, при обсужденіи закона о военныхъ пенсіяхъ. Военный министръ фонъ-Камеке почувствовалъ себя настолько обиженнымъ разсужденіями и остротами Рихтера, что счелъ долгомъ подать императору просьбу объ отставкѣ. Отставка не была принята, но „кризисъ“ продолжался нѣсколько дней, и министра едва уговорили остаться на своемъ мѣстѣ. Эти постоянныя личныя столкновенія между министрами и оппозиціей сдѣлались хроническимъ явленіемъ, съ тѣхъ поръ какъ правительство перестало обращать вниманіе на голосъ общества въ серьезныхъ государственныхъ вопросахъ. Генералъ фонъ-Камеке въ этомъ отношеніи отступилъ отъ принциповъ своихъ товарищей и начальства; онъ придалъ серьезную важность парламентской рѣчи оппозиціоннаго оратора и вообразилъ, что нельзя оставаться министромъ, подвергавшся такого рода публичному осужденію (которое, впрочемъ, относилось не къ нему лично, а къ господствующимъ въ Пруссіи военнымъ порядкамъ). Весь этотъ эпизодъ занималъ берлинскія газеты въ теченіе цѣлой недѣли.

Переходя къ Австро-Венгріи, мы замѣчаемъ въ ней то же вялое настроеніе политическихъ партій, ту же одностороннюю законодательную дѣятельность аристократіи и ту же пассивную политику извнѣ, какъ и до сихъ поръ. Министерство графа Таафе поставило себѣ задачею — идти одновременно впередъ и назадъ. Оно берется за рѣшеніе социальныхъ вопросовъ при помощи старыхъ заброшенныхъ орудій, обновленныхъ аристократическими руками „христіанъ-соціалистовъ“; въ то же время восстанавливается многое изъ того,

что было уничтожено въ эпоху либеральныхъ реформъ. Новый промышленный уставъ, подчиняющій свободу промысла строгимъ корпоративнымъ условіямъ, получилъ уже силу закона. Новый школьный законъ, разсматриваемый нынѣ палатою господъ, имѣетъ цѣлью внести религіозный характеръ въ дѣло народнаго обученія, въ противоположность всему ходу законодательства въ этой области за послѣднія двадцать лѣтъ. Министръ, баронъ Конрадъ, сдѣлалъ даже оригинальное признаніе, что онъ въ сущности не раздѣляетъ воззрѣній, лежащихъ въ основѣ проекта, и что онъ внесъ его въ палату только подъ вліяніемъ обстоятельствъ, заставляющихъ дѣйствовать въ такомъ именно духѣ. Проектъ удостоился одобренія кардинала Шварценберга; его поддерживаютъ также князь Сапѣга и другіе знатные „рыцари“, засѣдающіе въ верхней палатѣ.

Либерализмъ теперь въ загонѣ въ Австріи; но не процвѣтаютъ также консервативныя добродѣтели, — порядокъ и благоразуміе въ финансахъ, честность и добросовѣстность въ управленіи. Австрійскій бюджетъ составляетъ теперь до полумилліарда расходовъ, при дефицитѣ въ 28½ милліоновъ гульденовъ. Такіе же дефициты повторяются изъ года въ годъ въ венгерской половинѣ имперіи, и не видно даже никакихъ попытокъ выйти изъ этой невозможной системы хозяйства. Недавній случай съ депутатомъ Каминскимъ раскрылъ еще весьма чувствительную язву австрійской бюрократіи — продажность. Въ Галиціи предполагалась къ постройкѣ новая желѣзно-дорожная вѣтвь, посредствомъ казенныхъ инженеровъ и подрядчиковъ. Но желѣзно-дорожный баронъ Шварцъ пожелалъ взять эту постройку въ свои руки, и депутатъ Каминскій обязался помочь ему за условленное процентное вознагражденіе. Каминскій употребилъ разнообразныя мѣры для достиженія желаннаго результата и при этомъ затратилъ на счетъ Шварца до 600,000 гульденовъ; въ концѣ концовъ, дорога отдана была Шварцу, вопреки прежнему рѣшенію строить ее казеннымъ способомъ. Баронъ Шварцъ нашелъ, однако, что дѣло обошлось ему ужъ слишкомъ дорого, и уклонился отъ обязанности вознаградить Каминскаго по условію, вслѣдствіе чего послѣдній предъявилъ въ судѣ формальный искъ. Исторія эта получила такимъ образомъ огласку и вызвала большое волненіе въ парламентскихъ и правительственныхъ сферахъ Вѣны. Общее негодованіе направилось прежде всего на депутата Каминскаго и его повѣреннаго, депутата Вольскаго; ихъ исключили изъ польскаго клуба, и они оба сложили съ себя депутатскія полномочія. Палата назначила слѣдственную комиссію для разслѣдованія этого темнаго дѣла, которое, быть можетъ, броситъ нѣкоторый свѣтъ на закулисныя особенности консервативнаго режима графа Таафе. Что депутаты

австрійскіе занимаются сомнительными аферами,—это само по себѣ довольно печально; но что правительство, хлопочущее о подъемѣ нравственности и религіи въ народѣ, подаетъ само примѣръ распущенности, — это фактъ гораздо болѣе плачевный, раскрывающій прозаическую и непріятную изнанку благородныхъ соціально-христіанскихъ проектовъ, которыми будто бы поглощены руководящіе круги австрійской монархіи.

Международная политика Австріи имѣетъ нѣкоторую самостоятельность только на Востокаѣ. Вѣнскій кабинетъ настойчиво и послѣдовательно распространяетъ свое вліяніе на земли Балканскаго полуострова, при всегдашнемъ содѣйствіи германской дипломатіи. Для австрійцевъ эти земли составляютъ богатый и почти нетронутый еще источникъ торговыхъ выгодъ и финансовыхъ предпріятій. Коммерческіе интересы поддерживаются политическими и въ свою очередь усиливаютъ ихъ. Но балканскіе народы иногда проявляютъ нежеланіе служить предметомъ чужихъ спекуляцій; они хотятъ какъ будто жить для себя, а не для своихъ благодѣтелей и протекторовъ. Отсюда частыя пререканія, дипломатическія недоразумѣнія и интриги, которыя вращаются иногда около самыхъ мелочныхъ вопросовъ, но за которыми стоитъ, однако, авторитетъ великой державы. Противоположныя вѣдшія вліянія борются между собою на почвѣ славянскихъ дѣлъ, и въ результатъ, конечно, страдаетъ спокойное развитіе неокрѣпшихъ еще государствъ. Дѣятельность правительствъ колеблется между могущественными указаніями извнѣ и разнообразными внутренними теченіями. Помимо этихъ неблагоприятныхъ условий, положеніе народовъ Балканскаго полуострова не можетъ быть названо дурнымъ.

Болгарское народное собраніе въ Софіи успѣло, въ послѣднюю свою сессію, рассмотреть нѣсколько важныхъ законопроектовъ, касающихся различныхъ отраслей администраціи и народнаго хозяйства. Въ короткое время выработаны и утверждены правила о національномъ болгарскомъ банкѣ и объ ипотечномъ его отдѣленіи, законы объ отчетности и контролѣ, о преобразованіи полиціи и жандармеріи, о гражданской службѣ, о новомъ строительномъ обществѣ и о желѣзныхъ дорогахъ. Болгарскіе представители работаютъ энергично надъ возрожденіемъ своей родины; министры также добросовѣстно исполняютъ свои обязанности и даютъ подробныя объясненія на запросы въ народномъ собраніи. Завѣдующій иностранными дѣлами, г. Стоиловъ, произнесъ недавно весьма патріотическую рѣчь, встрѣченную шумнымъ одобреніемъ депутатовъ. Онъ объяснилъ, что Болгарія имѣетъ право принимать участіе въ совѣщаніяхъ лондонской дунайской конференціи, безъ посредства турецкаго посланника, кото-

раго конференція признала уполномоченнымъ говорить и отъ имени вассальныхъ княжествъ. Правительство протестовало противъ обиднаго рѣшенія конференціи и заявило, что не будетъ считать для себя обязательными постановленія, состоявшіяся безъ участія болгарскаго делегата. Изъ словъ министра можно заключить, что Болгарія имѣетъ уже свою вѣдущую политику и смѣло отстаиваетъ ее передъ великими европейскими державами, въ близкихъ для болгарскаго народа вопросахъ. Глава болгарскаго кабинета, русскій генералъ, наблюдаетъ за внутреннею политикою княжества и поддерживаетъ равновѣсіе между туземными политическими партіями. Князь Александръ I, при всѣхъ своихъ нѣмецкихъ симпатіяхъ, сохраняетъ тѣсныя связи съ Россією, которой Болгарія обязана своимъ самостоятельнымъ существованіемъ. Русскій представитель, г. Арсеньевъ, пользуется популярностью между болгарами, о чемъ свидѣлствуютъ корреспонденты нѣмецкихъ газетъ. Болгарская журналистика и литература сильно развились въ послѣдніе годы; школьное дѣло поставлено хорошо и прочно. Можно сказать, что страна процвѣтаетъ подъ вліяніемъ свѣжихъ народныхъ элементовъ, устранившихъ послѣдніе остатки турецкаго произвола.

Болгарія находится еще пока въ сторонѣ отъ арены политическаго соперничества между кабинетами европейскіхъ державъ. Гораздо замѣтнѣе отражается это соперничество на положеніи Сербіи, благодаря сосѣдству ея съ Австрією. Сербское королевство невольно поддается дѣйствію могущественной сосѣдки и старается пребывать съ нею въ неизмѣнной дружбѣ. Въ Бѣлградѣ господствуетъ австрійское вліяніе, еще со времени паденія министерства Ристича. Іованъ Ристичъ претендовалъ на роль сербскаго Бисмарка или Кавура; онъ хотѣлъ имѣть и проводить свою собственную политическую программу, не стѣсняясь особенною разборчивостію въ средствахъ. Преемники Ристича отказались отъ подобнаго честолюбія и заботились главнымъ образомъ о томъ, чтобы подъ ближайшимъ покровительствомъ Австріи оживить экономическую жизнь, промышленность и торговлю страны. Сербія заключила торговые трактаты съ Англією, Австро-Венгрією и Германією, а также съ Италією, Бельгією и Голландією. Всѣ великія державы согласились на отмену старыхъ привилегій, принадлежавшихъ иностраннымъ консуламъ въ Сербіи, относительно юрисдикціи надъ подданными европейскіхъ государствъ; между прочимъ такого рода консульскій договоръ съ Германією, подписанный въ январѣ, предложенъ недавно на разсмотрѣніе германскаго союзнаго совѣта.

Тогда какъ Сербія робко идетъ по теченію австрійскому, другая славянская сосѣдка Австріи, Черногорія, беспокоитъ вѣнскую дипло-

матію своимъ духомъ независимости, своею несговорчивостью и упорствомъ. Небольшое горное княжество представляетъ австрійцамъ слишкомъ малое и скудное поле для коммерческой и политической эксплуатаціи. Австрія смотритъ на Черногорію какъ на неизбежное зло, съ которымъ надо мириться такъ или иначе; попытки подчинить это „орлиное гнѣздо“ просвѣщенному руководству вѣнскихъ политиковъ никогда не имѣли успѣха и совершенно оставлены въ послѣдніе годы. Соотвѣтственно этому, и отношеніе Европы къ обоимъ славянскимъ государствамъ совершенно различно. Любопытенъ тотъ фактъ, что по берлинскому трактату 1878 года Сербія получила больше земли, чѣмъ ожидала,—210 квадратныхъ миль, вмѣсто 180, предположенныхъ Санъ-Стефанскимъ договоромъ; а прирѣзка земли къ Черногоріи сокращена, по настоянію Австріи, съ 210 до 80 квадратныхъ миль. Это должно было какъ будто убѣдить славянъ, что послушаніе награждается, а непокорность наказывается. Неблагоклонность вѣнскаго кабинета даетъ себя чувствовать черногорцамъ при каждомъ подходящемъ случаѣ. Напримѣръ, всѣ государства, имѣвшія какіе-либо счеты съ Турціею по поводу послѣдней войны, давно уже получили удовлетвореніе, по крайней мѣрѣ формальное; одна только Черногорія не можетъ до сихъ поръ добиться присоединенія пограничныхъ пунктовъ, уступленныхъ ей по берлинскому трактату. Пограничная турецкая коммиссія все еще занята отысканіемъ новой границы, возбуждая безконечные споры и допуская даже кровавыя стычки между мусульманами и христіанами изъ-за предстоящаго размежеванія. Черногорское правительство два раза обращалось уже къ европейскимъ кабинетамъ съ дипломатическими жалобами на Порту; но на каждую ноту получается отвѣтное объясненіе Турціи, причѣмъ вся вина взваливается на черногорцевъ и на разныя непредвидѣнныя случайности. Турецкіе дипломаты весьма ловко пользуются тѣмъ обстоятельствомъ, что Австрія не покровительствуетъ Черногоріи и не вступаетъ за нее; а въ Вѣнѣ, быть можетъ, рассчитываютъ, что въ концѣ концовъ черногорскіе правители придутъ къ сознанію, что вѣтъ Австріи нѣтъ спасенія, и что безъ австрійской протекціи обойтись невозможно. Въ ожиданіи этой нравственной побѣды, между двумя родственными государствами сѣется раздоръ. Сынъ претендента на сербскій престолъ, принцъ Петръ Карагеоргіевичъ, посѣтилъ недавно черногорскую столицу и былъ принятъ тамъ самымъ дружескимъ образомъ; говорили, что дѣло идетъ о помолвкѣ его съ дочерью князя Николая. Вѣнскія газеты очень много разсуждали объ этомъ событіи, придавая ему какой-то таинственный политическій оттѣнокъ. Въ Бѣлградѣ всѣ эти толки были приняты серьезно, и обнаружилось раздраженіе про-

тивъ черногорскихъ „интригъ“. Въ печати высказывались съ обѣихъ сторонъ необычныя рѣзкости, для которыхъ матеріалъ и поводы заимствовались изъ австрійскихъ источниковъ. Въ дѣйствительности, тутъ не могло быть ничего такого, что оправдывало бы опасенія и безпокойство сербскаго правительства. Черногорія не имѣла никакого расчета заключать сдѣлку съ личными врагами царствующей въ Сербіи фамилии Обреновичей; такая сдѣлка была бы бессмыслицею въ политическомъ отношеніи и только повредила бы репутаціи черногорскихъ правителей въ глазахъ славянства. А взаимное раздраженіе пока подогрѣвается и пускаетъ корни, во вредъ интересамъ родственныхъ между собою народностей.

Турція мститъ славянскимъ государствамъ за ихъ враждебныя стремленія, — но мститъ довольно невиннымъ образомъ. Ея главное оружіе заключается въ систематическихъ проволочкахъ, протестахъ и дипломатическихъ нотахъ на имя европейскихъ державъ. Турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ, Аарифи-паша, разослалъ недавно ноту, въ которой затронулъ щекотливый вопросъ о болгарской дани и о степени участія Сербіи, Черногоріи и Греціи въ отвѣтственности за турецкій государственный долгъ, соразмѣрно количеству земельных прирѣзковъ изъ турецкихъ земель. Размѣръ денежной дани, которую должно уплачивать Портѣ болгарское княжество, не установленъ еще понинѣ, и это кажется туркамъ весьма несправедливымъ, послѣ того какъ султанъ въ точности исполнилъ свои обязательства относительно вассальныхъ и независимыхъ народовъ Балканскаго полуострова. Порта поручила своему представителю въ Берлинѣ высказаться въ этомъ смыслѣ передъ княземъ Бисмаркомъ, и Саадулла-бей такъ усердно исполнилъ это предписаніе, что германскій канцлеръ потребовалъ назначенія на его мѣсто другого дипломата, съ большимъ тактомъ. Жалобы Порты не только оставляются безъ послѣдствій, но подають еще поводъ къ неудовольствіямъ. Безвозвратно прошли тѣ времена, когда интересы оттоманской имперіи служили излюбленнымъ предметомъ дипломатическихъ заботъ. Турція вымещаетъ теперь свою злобу на подвластныхъ ей христіанскихъ населеніяхъ, — не даетъ Арменіи обѣщанныхъ льготъ и реформъ, не утверждаетъ бюджета на 1883 годъ, принятаго областнымъ народнымъ собраніемъ Восточной Румеліи, и т. п. Но все это остается безъ всякаго вліянія на общій ходъ дѣла на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ начало народнаго самоуправленія все болѣе развивается и крѣпнеть.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е марта, 1883.

- С. Капустинъ, Что такое поземельная община? Сиб., 1882.
— Johannes von Kewssler, Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland. Zweiter Theil, erste Hälfte. St.-Petersburg, 1882.

Книга г. фонъ-Кейслера составляетъ продолженіе обширнаго труда, начало котораго извѣстно читателямъ нашего журнала по статьѣ К. Д. Кавелина: „Поземельная община въ древней и новой Россіи“ ¹⁾. Вторая часть сочиненія, справедливо названнаго въ этой статьѣ драгоценнымъ приобрѣтеніемъ и для Россіи, и для Европы, отличается тѣми же достоинствами, какъ и первая: всестороннимъ изученіемъ предмета, безпристрастнымъ освѣщеніемъ его, тонкимъ критическимъ анализомъ противоположныхъ мнѣній. Теперь, когда вопросъ о поземельной общинѣ опять выдвинулся на первый планъ, когда параллельно съ изслѣдованіями, болѣе полными и обстоятельными чѣмъ прежде, появляются и въ печати, и въ земскихъ собраніяхъ поверхностныя, но ожесточенныя нападки противъ самаго принципа общиннаго землевладѣнія ²⁾, трудъ г. фонъ-Кейслера получаетъ особенно важное значеніе. Онъ не можетъ быть заподозрѣнъ въ тенденціозности, въ намѣренномъ игнорированіи или извращеніи тѣхъ или другихъ фактическихъ данныхъ: авторъ не принадлежитъ ни къ одной изъ нашихъ такъ называемыхъ партій; точка зрѣнія его чисто научная, свободная отъ всякой предвзятой мысли. Овладевъ русскимъ языкомъ, онъ познакомился со всей громадной литературой избраннаго имъ вопроса и пришелъ къ опредѣленному заключенію, вполне благоприятному для общиннаго землевладѣнія. Признавая фактъ обѣдѣнія крестьянъ, ухудшенія крестьянскаго хо-

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“ 1877 г., № 5, стр. 290—288.

²⁾ Припомнимъ, напримѣръ, пренія объ общинѣ въ петербургскомъ губерн. земскомъ собраніи, въ январѣ 1882 г.

зайства (конечно, какъ правило, допускающее не мало исключеній), авторъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицаетъ причинную связь между этимъ фактомъ и господствующею формою русскаго крестьянскаго землевладѣнія. Онъ доказываетъ свой основной тезисъ двоякимъ путемъ: сравненіемъ хозяйственныхъ результатовъ, достигаемыхъ частными собственниками и общинниками, и раскрытіемъ настоящихъ источниковъ неудовлетворительнаго экономическаго положенія крестьянъ. Матеріалы для сравненія онъ заимствуетъ отовсюду, тщательно взвѣсивая ихъ достовѣрность и внутреннюю силу и группируя ихъ какъ нельзя болѣе удачно. Онъ беретъ, напримѣръ, официальное изданіе министерства государственныхъ имуществъ: „1881-й годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, по отбѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ“, и извлекаетъ изъ него данныя, касающіяся витебской губерніи, въ западной части которой господствуетъ подворное, въ восточной—общинное владѣніе; оказывается, что разница между урожаемъ на землѣ крестьянской и урожаемъ на землѣ помѣщичьей особенно чувствительна (во вредъ крестьянамъ) именно въ уѣздахъ съ преобладающимъ подворнымъ владѣніемъ. Еще подробнѣе г. фонъ-Кейслеръ разсматриваетъ условія, препятствующія развитію крестьянскаго благосостоянія; оцѣнку современнаго положенія вещей онъ вездѣ предпосылаетъ обстоятельныя историческія очерки, восходящіе къ работамъ редакціонныхъ комиссій. Онъ констатируетъ малоземелье крестьянъ, обременительность крестьянскихъ платежей, недостатки крестьянскаго управленія и самоуправленія, соглашаясь во всемъ существенномъ съ тѣми положеніями, которыя еще такъ недавно считались—а можетъ быть, и теперь кое-гдѣ считаются—предосудительными вымыслами людей неблагонадежныхъ. Съ замѣчаніями автора о послѣдствіяхъ тѣхъ стѣсненій, которыя сплошь и рядомъ испытываютъ крестьяне по отношенію къ выгонамъ и водопою, не мѣшало бы познакомиться большинству рязанскихъ и петербургскихъ земцевъ ¹⁾. Чрезвычайно поучительно, въ устахъ г. фонъ-Кейслера, характеристика образа дѣйствій, свойственнаго противникамъ общиннаго землевладѣнія. Указавъ на то, что они агитируютъ болѣею частью за кулисами и выходятъ на сцену сравнительно рѣдко и неохотно, авторъ продолжаетъ: „тактика, соблюдаемая ими, заключается въ слѣдующемъ. Или они умалчиваютъ истинныя причины обѣднѣнія крестьянъ и выводятъ его дедуктивно изъ общиннаго землевладѣнія (повторяя при этомъ вычитанное въ какомъ-нибудь учебникѣ политической экономіи); или они разражаются жалобами противъ неблагонамѣреннаго либерализма, кото-

¹⁾ См. выше, Внутреннее Обозрѣніе.

рый, не зная настоящихъ потребностей народа, преувеличиваетъ зло, съ цѣлью возбудить неудовольствіе въ умахъ—особенно между крестьянами—и ниспровергнуть существующій порядокъ. Намеками и полусловами прибавляется, ко всему этому, понатный для всякаго умѣющаго читать между строками совѣтъ правительству поскорѣе положить конецъ столь опаснымъ ковамъ либераловъ“. Таковъ заслуженный аттестатъ, выданный нашимъ „охранителямъ“ за подписью посторонняго, нелицепріятнаго свидѣтеля,—аттестатъ, которому суждено приобрѣсти общеевропейскую извѣстность ¹⁾.

Вышедшая теперь часть книги г. фонъ-Кейслера состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: первый посвященъ современному положенію сельскаго хозяйства въ Россіи, насколько оно изображено въ трудахъ извѣстной комиссіи 1872 г. и въ послѣдующихъ изданіяхъ министерства государственныхъ имуществъ; второй отдѣлъ содержитъ въ себѣ изложеніе и разборъ причинъ, обуславливающихъ это положеніе; въ третьемъ отдѣлѣ начато специальное изслѣдованіе русской поземельной общины. Судя по началу, это изслѣдованіе будетъ такимъ сводомъ всего извѣстнаго до сихъ поръ о современной общинѣ, какового еще не представляетъ русская литература. Авторъ черпаетъ данныя не только изъ обнародованнаго недавно „Сборника матеріаловъ для изученія русской поземельной общины“, не только изъ отдѣльныхъ сочиненій, относящихся къ общинному землевладѣнію, но и изъ журнальныхъ статей, изъ всѣхъ статистическихъ трудовъ, изданныхъ земствами. Когда трудъ г. фонъ-Кейслера будетъ законченъ, нельзя будетъ не пожелать перевода его на русскій языкъ, если не цѣликомъ, то по крайней мѣрѣ въ послѣдней, самой важной его части.

Небольшая брошюра г. Капустина, также посвященная поземельной общинѣ, интересна по своей основной мысли. Изученіе только-что упомянутого нами „сборника матеріаловъ“, въ связи съ другими данными, привело автора къ убѣжденію, что сельская поземельная община не есть что-либо особое, отдѣльное въ числѣ другихъ явленій народной жизни. „Нѣтъ, община—это все, что есть въ мысляхъ и дѣйствіяхъ сельскаго люда! Это міръ отношеній семейныхъ, общественныхъ; это міръ всѣхъ выходящихъ отсюда нравственныхъ и юридическихъ понятій; все міросозерпаніе религіозное и, наконецъ, все прямо и косвенно слѣдующее изъ дѣятельности экономической, хозяйственной, изъ отношеній ко всему, что дѣйствуетъ и живетъ

¹⁾ Безпристрастіе г. фонъ-Кейслера выразилось съ полною ясностью въ немногихъ словахъ, сказанныхъ имъ объ остзейскихъ землевладѣльцахъ; отставая ихъ право на титулъ хорошихъ хозяевъ, онъ признаетъ справедливость другихъ, дѣлаемыхъ имъ упрековъ (*werden auch andere Vorwürfe mit Recht gegen sie erhoben*).

внѣ села". Исходя изъ этого убѣжденія, г. Капустинъ видитъ душу общины въ личномъ трудѣ, направленномъ въ общему благу; другими словами, на личномъ трудѣ основываются главнѣйшимъ образомъ права общинника, къ личному труду сводятся его обязанности — а трудится онъ не только для себя, но и для всѣхъ вообще. Преобладающее значеніе личного труда въ крестьянскомъ общинномъ быту — мысль не новая, на что указываетъ и самъ г. Капустинъ; автору принадлежить, во всякомъ случаѣ, заслуга яркой иллюстраціи ея немногими, но вѣскими чертами. Окончательно доказаннымъ тезисъ г. Капустина еще считаться не можетъ; но значительную долю истины онъ содержитъ въ себѣ несомнѣнно. Фактическое изслѣдованіе общины закончено далеко не вполне; но здѣсь, какъ и вездѣ, гипотеза въ правѣ предшествовать положительному знанію. Обобщенія въ родѣ того, которое защищаетъ г. Капустинъ, освѣщаютъ путь, облегчаютъ трудъ изслѣдователей и намѣчаютъ новыя задачи, требующія разработки, новые вопросы, требующіе разрѣшенія.

— В. Чичеринъ. Собственность и государство. Двѣ части. Москва, 1882 и 1883.

Въ одномъ изъ примѣчаній къ статьѣ „Поземельная собственность въ теоріяхъ экономистовъ и социологовъ“, помѣщенной недавно въ „Вѣстникъ Европы“ (1883 г. № 1, стр. 205), новое сочиненіе г. Чичерина справедливо названо „заповѣдникомъ отголоскомъ дѣмекской метафизики“. Еслибы авторъ ограничился пареніемъ въ „сверхъопытномъ мірѣ“, дедуцированіемъ экономическихъ и юридическихъ понятій изъ „вѣчныхъ, абсолютныхъ началъ, управляющихъ вселенною“, то мы могли бы оставить его книгу безъ подробнаго разбора, тѣмъ болѣе, что о шаткихъ основахъ метафизики г. Чичерина, о произвольныхъ выводахъ и эфемерныхъ построеніяхъ ея мы имѣли уже случай говорить по поводу сочиненія его: „Наука и религія“ ¹⁾. Но г. Чичеринъ не только метафизикъ, не только квази-философъ — онъ выѣстъ съ тѣмъ публицистъ, представитель политическихъ и экономическихъ взглядовъ, съ которыми необходимо считаться. Съ этой только точки зрѣнія мы и остановимся на нѣкоторыхъ сторонахъ ученія его о собственности и государствѣ.

Вывода собственность исключительно изъ природы человека, какъ разумно-свободнаго существа (I, 97), г. Чичеринъ впадаетъ въ противорѣчіе не только съ указаніями опыта и жизни, но и съ самимъ собою. Допуская, въ одномъ мѣстѣ (I, 141), что собствен-

---

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“, 1879 г., № 12, Литературное обозрѣніе.

ность, какъ положительное установленіе, узаконяется государствомъ и слѣдовательно существуетъ не помимо закона, онъ утверждаетъ въ другомъ мѣстѣ (I, 101), что „законъ, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, никому не даетъ права собственности на что бы то ни было и не опредѣляетъ содержанія этого права, а признаетъ только за лицомъ, во имя неотъемлемо принадлежащей ему свободы, право приобретать собственность и свободно распоряжаться приобретеннымъ“. Право не только употреблять собственность, но и злоупотреблять ею, неразрывно связано, въ глазахъ г. Чичерина, съ самымъ понятіемъ о собственности. „Полнота права собственности,— читаемъ мы на стр. 149,—не всегда, однако, является таковою въ действительности; осуществляясь въ обществѣ, право собственности подвергается многообразнымъ ограниченіямъ и видоизмѣненіямъ, вслѣдствіе взаимодѣйствія человѣческихъ волей“. Ограниченія права собственности—этого не отвергаетъ и г. Чичеринъ — устанавливаются не только волей собственника, но и независимо отъ его воли, предписаніемъ закона. Если это такъ, то во что же обращаются всѣ абсолютныя опредѣленія, столь тщательно выработанныя авторомъ? Не ясно-ли, что право собственности, какъ право, стоитъ всецѣло на печѣй закона, а не виѣ ея и не надъ нею? Регламентация права собственности закономъ должна имѣть извѣстный предѣлъ—это бесспорно; но самая недвижность этого предѣла служить лучшимъ доказательствомъ тому, что въ основаніи его лежитъ не абсолютное начало, а соображенія общественной или государственной пользы. Въ созданіи законовъ о правѣ собственности сила вещей участвуетъ не меньше, но и не больше, чѣмъ въ созданіи другихъ органическихъ законовъ. Бессильныя теоретически, общія положенія, г. Чичерина не лишены, однако, практическаго значенія; они направлены къ тому, чтобы сдвинуть какъ можно больше сферу законодательныхъ ограниченій права собственности. „Вторженіе государства въ область собственности и стѣсненія правъ хозяина,—говоритъ авторъ (I, 154),—всегда должно разсматриваться какъ зло, которое должно быть по возможности устранимо“. Чтобы быть послѣдовательнымъ, г. Чичерину слѣдовало бы признать зломъ и тѣ стѣсненія хозяйскихъ правъ, которыя вызваны предосторожностью противъ пожаровъ, эпидемій и т. п.; но такъ далеко онъ не идетъ, противъ ограниченій полицейскаго свойства онъ вовсе не возражаетъ. Сомнительными, за то, являются у него тѣ ограниченія, которыя устанавливаются во имя экономическихъ интересовъ общества (I, 151); онъ разсматриваетъ ихъ, даже въ лучшемъ случаѣ, какъ необходимое, временное зло. Таковы, напримѣръ, тѣ стѣсненія права собственности, которыя имѣютъ цѣлью предупредить легкомысленное истребленіе лѣсовъ

частными лѣсовладѣльцами. Авторъ допускаетъ ихъ лишь въ видѣ переходной мѣры, впредь до сосредоточенія въ рукахъ казны такого количества лѣсовъ, при которомъ можно было бы безъ вреда предоставить полную свободу частному лѣсному хозяйству.

Основная ошибка г. Чичерина отражается, въ большей или меньшей степени, на всѣхъ отдѣлахъ его изслѣдованія. Говоря, напримеръ, о наслѣдствѣ, онъ не признаетъ за государствомъ права ограничивать наслѣдованіе по закону извѣстною степенью родства и отстаиваетъ всецѣло наслѣдственное право родственниковъ, какъ бы отдаленно ни было ихъ родство съ наслѣдодателемъ. Соображенія, приводимыя имъ по этому предмету (I, 234), поражаютъ своею слабостью, своими явными натяжками. *Аргументъ первый*: „если наслѣдованіе въ боковыхъ линіяхъ сохранилось во всѣхъ законодательствахъ въ мірѣ, то это указываетъ на глубокое его основаніе“. Но вѣдь и институтъ рабства, въ свое время, существовалъ во всѣхъ законодательствахъ міра — а основаніе его, въ смыслѣ справедливости и пользы, не дѣлалось отъ этого болѣе глубокимъ. Ограниченію права наслѣдства въ боковыхъ линіяхъ положено уже, притомъ, фактическое начало; во Франціи (см. Code civil, art. 735) оно не простирается дальше двѣнадцатой степени родства ¹⁾. *Аргументъ второй*, касающійся собственно родовыхъ имуществъ: „если одинъ изъ братьевъ умираетъ бездѣтнымъ, то ясно, что имѣніе должно достаться остальнымъ, ибо не будь этого брата или умри онъ раньше, оно принадлежало бы имъ“. Разсуждая такимъ образомъ, можно придти и къ отрицанію завѣщательнаго права, и къ признанію права первородства; стоитъ только сказать: если бы отецъ умеръ безъ завѣщанія, то имѣніе его досталось бы его сыновьямъ, каждому по равной части; или: еслибы отецъ умеръ, имѣя только одного сына, то все имѣніе его перешло бы къ этому сыну. *Аргументъ третій*, относящійся собственно къ имуществамъ благопріобрѣтеннымъ: „если отъ расточителя наслѣдники могутъ получить имѣніе уменьшеннымъ, то справедливость (!) требуетъ, чтобы отъ рачительнаго хозяина они могли получить его приумноженнымъ“. Да, еслибы всѣ наслѣдники въ государствахъ составляли нѣчто въ родѣ общества взаимнаго страхованія, съ покрытіемъ убытковъ на счетъ прибыли; но пока подобное общество не существуетъ, трудно понять, какимъ образомъ потеря однихъ наслѣдниковъ (если только мыслима потеря чего-либо еще не принадлежащаго, существующаго лишь in spe) можетъ быть

¹⁾ Г. Чичеринъ очевидно упустилъ изъ виду это немаловажное обстоятельство; онъ повторяетъ съ большою увѣренностью, что „всѣ законодательства въ мірѣ признаютъ за отдаленнѣйшимъ родственникомъ большее право на наслѣдство, нежели за государствомъ“ (I, 235).

вознаграждена обогащеніемъ другихъ, не имѣющихъ ничего общаго съ первыми. *Аргументъ четвертый*: „чѣмъ дальше родство, тѣмъ слабѣе связь и тѣмъ меньше самое право; но это умаленіе права ведетъ лишь къ тому, что предоставляется большій просторъ свободѣ (т.-е. свободѣ завѣщанія); самое же право, какъ бы оно ни было слабо, никогда не уничтожается и выступаетъ наружу, какъ только вѣтъ заслоняющаго его другого, сильнѣйшаго права“ (т.-е. права ближайшаго родственника или наслѣдника по завѣщанію). Въ математикѣ существуютъ безконечно малыя величины, но къ перенесенію ихъ отсюда въ міръ права и общественной жизни не представляется достаточныхъ основаній. Считать право родственника въ двадцатой—или даже въ десятой, въ восьмой степени—болѣе сильнымъ, чѣмъ право общества или государства, значить не хотѣть видѣть дѣйствительность и ставить фикцію выше требованій общей пользы, вполне согласныхъ съ справедливостью. *Аргументъ пятый и послѣдній*: „въ наслѣдованіи дальнихъ родственниковъ выражается одно изъ важнѣйшихъ началъ общественнаго быта, именно: что наслѣдство есть учрежденіе частнаго, а не публичнаго права“. Этотъ афоризмъ составляетъ естественный выводъ изъ общаго взгляда г. Чичерина на право собственности; замѣтимъ только, что символизмъ—плохое оправданіе для такого ненормальнаго явленія, какъ наслѣдованіе по закону въ дальнихъ боковыхъ линіяхъ.

Признавая наслѣдственное право, кому бы оно ни принадлежало, чѣмъ-то безусловнымъ и исключаяющимъ—кромя случая выморочности—всякое право со стороны государства, г. Чичеринъ естественно долженъ возставать и противъ обложенія наслѣдствъ пошлиной, сколько-нибудь значительной. Подати на наслѣдство, въ его глазахъ, не соответствуютъ истиннымъ началамъ финансоваго права и составляютъ зло, не особенно чувствительное только при низкомъ размѣрѣ обложенія (I, 235); даже для боковыхъ линій пошлина не должна превышать годового дохода съ наслѣдственного имущества (II, 255). Новый налогъ съ наслѣдствъ, введенный у насъ въ прошломъ году, не удовлетворяетъ этому условію (максимумъ налога доходитъ до 8%, т.-е. до такой нормы, до которой доходъ простирается не можетъ); другими словами, одна изъ самыхъ справедливыхъ и разумныхъ финансовыхъ мѣръ послѣдняго времени должна быть признана, съ точки зрѣнія г. Чичерина, явнымъ превышеніемъ правъ, принадлежащихъ государству. Такой же окраской отличаются мнѣнія автора и по другимъ финансовымъ вопросамъ. Онъ сожалѣетъ объ отміѣнѣ солиднаго акциза (II, 279—280), предостерегаетъ противъ слишкомъ быстраго облегченія податнаго бремени, лежащаго на массѣ, совѣтуетъ отложить это облегченіе до умноженія капиталовъ и до обнаруженія

набытка въ государственныхъ доходахъ (II, 287 и 288), отвергаетъ освобожденіе бѣднѣйшаго класса отъ налоговъ, допуская льготы лишь для отдѣльныхъ лицъ, въ видахъ благотворительности, т.-е. какъ милостыню нищимъ (II, 263 и 264). Само собою разумѣется, что г. Чичеринъ—противникъ прогрессивнаго налога; мы узнаемъ отъ него, что „для человѣка, стоящаго на извѣстномъ уровнѣ жизни, лишеніе извѣстной доли дохода можетъ быть даже чувствительнѣе, нежели для болѣе бѣднаго, не имѣющаго тѣхъ же потребностей“ (II, 260).

Охраняя собственность отъ законодательной регламентаціи, капиталъ—отъ болѣе широкаго податнаго обложенія, г. Чичеринъ напрасно ищетъ средней позиціи, одинаково далекой отъ крайностей теорій вмѣшательства и теорій невмѣшательства; онъ постоянно склоняется въ послѣднюю сторону, по крайней мѣрѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ рѣчь о дорогихъ ему интересахъ меньшинства, о конкуренціи, о такъ называемой экономической свободѣ. Говоря объ отношеніяхъ государства къ семьѣ, онъ замѣчаетъ, что родительская власть, по своему нравственному характеру, въ значительной степени руководствуется усмотрѣніемъ, и что злоупотребленіями ея могутъ считаться поэтому только *самые крайніе случаи* (II, 216). На крайнія, но не самыя крайнія злоупотребленія государство должно, слѣдовательно, взирать безмолвно и пассивно?—Государство можетъ опредѣлять тахіишмъ рабочихъ часовъ для дѣтей, даже для женщинъ, но отнюдь не для взрослыхъ людей (II, 238—239). Государство не должно принимать на себя организацію кредита для нуждающихся (какъ жаль, что у насъ уже учрежденъ крестьянскій поземельный банкъ!), не должно выдавать ссудъ производительнымъ товариществамъ, состоящимъ изъ рабочихъ (рабочимъ, однако, не возбраняется конкурировать съ капиталистами), должно приходить на помощь рабочему классу только въ крайнихъ случаяхъ и въ возможно тѣсныхъ размѣрахъ (II, 241—243). Одна изъ главныхъ, вообще, заботъ г. Чичерина заключается въ томъ, чтобы рабочему или низшему классу не оказывалось слишкомъ много вниманія, чтобы онъ постоянно помнилъ подчиненное положеніе свое въ государствѣ. Такъ, наприимѣръ, великодушно допуская соглашения между рабочими и фабрикантомъ относительно участія перахъ въ прибыляхъ послѣдняго, авторъ спѣшитъ воскликнуть: „не надобно только забывать, что это не товарищество на равныхъ правахъ: тутъ есть патронъ и кліенты, воспитатель и воспитанники, благодѣтель и получающіе благодѣнія“ (II, 148). А если фабрикантъ не хочетъ быть патрономъ и благодѣтелемъ, если онъ считаетъ справедливымъ и даже для себя выгоднымъ учредить именно „товарищество на

равныхъ правахъ"? Уже не слѣдуетъ ли запретить ему это отъ имени государства? Мы не удивились бы, еслибы г. Чичеринъ пришелъ въ такому заключенію, потому что есть случаи, въ которыхъ онъ весьма снисходителенъ къ государственному вмѣшательству. Онъ признаетъ, напримѣръ, за государствомъ не только право воспрещать общественное проявленіе религіозныхъ ученій, разъ что они кажутся ему вредными, но и право допускать въ своихъ предѣлахъ существованіе одной только церкви, съ устраненіемъ всѣхъ остальныхъ (II, 218, 220). Столь же широко „усмотрѣніе“, предоставляемое авторомъ государству въ области народнаго образованія; государство можетъ, по его мнѣнію, не только учреждать высшія учебныя заведенія, но и запрещать учрежденіе ихъ обществамъ и частнымъ лицамъ (II, 234).

Щедрыи на запрещенія, г. Чичеринъ болѣе чѣмъ остороженъ, когда идетъ рѣчь объ активной дѣятельности государства. Согласно съ экономистами правовѣрной школы, онъ считаетъ государство худшимъ изъ предпринимателей (I, 390), общественную власть — плохимъ промышленникомъ (II, 230), государственное управленіе желѣзными дорогами — полезнымъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ (II, 231), переходъ государственныхъ земель въ частную собственность — идеальной цѣлью государственнаго хозяйства (II, 248). Безусловно поклоняясь частной собственности, онъ убѣжденъ, что общественное владѣніе должно исчезнуть, подобно тому, какъ ребенокъ неминуемо долженъ сдѣлаться взрослымъ человекомъ (I, 449). Община, въ его глазахъ — продуктъ крѣпостного права; для свободы она непригодна. „Свобода, въ развивающемся обществѣ, окончательно беретъ верхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ наступаетъ неизбежно разложеніе общественной собственности личною. Это именно та задача, которая предстоитъ Россіи въ настоящее время“. Авторъ предвидитъ возраженіе, что община, какъ убѣжище для слабыхъ и немощныхъ, соотвѣтствуетъ цѣлямъ государства, обязаннаго заботиться о тѣхъ своихъ членахъ, которые не въ состояніи сами за себя стоять (I, 453); но это возраженіе его не убѣждаетъ, но той простой причинѣ, что онъ не признаетъ подобной обязанности за государствомъ. „Право на продолженіе своего существованія, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (I, 16), — не принадлежитъ никому; изъ свободы лица вытекаетъ для него только право дѣлать все, что оно можетъ для продолженія своего существованія. У кого средствъ больше, тотъ очевидно сдѣлаетъ больше; у кого средствъ меньше, тотъ сдѣлаетъ меньше“. Ту же самую мысль, можно было бы выразить еще короче, старинной французской поговоркой: „chacun pour soi et Dieu pour tous“.

Политическія мнѣнія г. Чичерина, если разсматривать ихъ въ

примѣненіи къ русской современной дѣйствительности, отличаются крайнею неопредѣленностью. Цѣлый лѣсъ оговорокъ, условныхъ предположеній заслоняетъ собою настоящую мысль автора. „Въ государствахъ съ сословнымъ устройствомъ,—читаемъ мы на стр. 333 (т. II),—водвореніе равноправности знаменуетъ переходъ отъ одной общественной формаціи къ другой; разъединенные элементы сливаются на почвѣ общей гражданской свободы. Необходимымъ послѣдствіемъ такого порядка рано или поздно является свобода политическая. Для высшаго сословія, въ особенности, она одна можетъ замѣнить отиѣненныя привилегіи. Въ правильномъ государственномъ порядкѣ съ отиѣвною привилегіей наступаетъ пора развитія политическихъ правъ, но уже не для одного высшаго сословія, а для всѣхъ классовъ, обладающихъ достаточною политическою способностью“. Повидимому, ясно; но стоитъ только перевернуть нѣсколько страницъ назадъ или впередъ, чтобы встрѣтиться съ массою сомнѣній и противорѣчій. На стр. 320 (т. II) сказано, что когда дѣло идетъ о признаніи свободы личной, для гражданъ не требуется особеннаго приготовленія—а нѣсколькими строками ниже слѣдуетъ фраза: „и при водвореніи гражданской свободы необходимо, однако, переходное положеніе“, т.-е. особенное приготовленіе, иначе только названное. Политическая свобода—говорится дагѣе—требуетъ еще гораздо большаго. Для нея нужно, кромѣ преготовленія, преобладаніе, въ общественныхъ элементахъ, единства надъ различіями (II, 325); въ большихъ государствахъ установленіе ея труднѣе, чѣмъ въ малыхъ; въ государствахъ, соединяющихъ въ себѣ нѣсколько народностей—оно труднѣе, чѣмъ въ государствахъ, состоящихъ изъ одной народности. „По какимъ же признакамъ можно судить“, спрашиваетъ себя авторъ на стр. 335, „что настала пора сдѣлать рѣшительный шагъ?“ Мы радуемся этому вопросу, надѣясь, что отвѣтъ автора устранилъ возможность дальнѣйшихъ недоумѣній—но ожиданіе наше не оправдывается: признаки, указываемые авторомъ, имѣютъ опять-таки лишь „относительное значеніе“, а нѣкоторые изъ нихъ угрожаютъ даже положительной ошибкой. „Надобно знать,—замѣчаетъ г. Чичеринъ,—въ какой мѣрѣ способность общества проявляется въ веденіи мѣстныхъ дѣлъ. Если выборныя учрежденія идутъ успѣшно, то можно сказать, что общество созрѣло для политической свободы. Если же, наоборотъ, самоуправленіе движется хромая, если недостаетъ людей и на мѣстахъ, то трудно ожидать успѣха отъ призыва ихъ къ высшей дѣятельности“. Посмотримъ, однако, что говоритъ авторъ на предидущей страницѣ (334). „Долговременное и исключительное погруженіе въ мѣстные интересы даетъ и людямъ, и самому дѣлу мелочной характеръ... Какъ скоро дѣло (мѣстнаго

самоуправленія) вошло въ обычную колею, такъ неизбежно наступить пора, когда вѣдрется рутинна и начинаютъ господствовать личныя пререканія и драги... Вывести общество изъ этой душной атмосферы могутъ только политическія права". Не ясно ли отсюда, что признавъ, упомянутый выше, ровно ничего не стѣбитъ, что неудачи въ веденіи мѣстныхъ дѣлъ не доказываютъ, сами по себѣ, неспособности общества къ другой, болѣе трудной задачѣ? Г. Чичеринъ упустилъ, притомъ, изъ виду еще одно обстоятельство, отъ котораго зависить успѣхъ или неуспѣхъ мѣстнаго самоуправления; онъ ничего не сказалъ объ избирательной системѣ—а между тѣмъ въ ней можетъ заключаться существенное препятствіе къ правильной дѣятельности учреждений. Чтобы узнать окончательное мнѣніе г. Чичерина, намъ приходится обратиться къ рѣчи, произнесенной имъ на университетскомъ обществѣ 12-го января. Онъ высказался въ этой рѣчи противъ измѣненія учреждений и уставовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ послѣднему двадцатипятилѣтію—а въ „Собственности и государствѣ" (II, 336) онъ говоритъ, что съ введеніемъ политической свободы „несовмѣстны сколько-нибудь широкія преобразования въ гражданской и административной области". Г. Чичеринъ считаетъ настоящій моментъ неудобнымъ для преобразованій послѣдняго рода—слѣдовательно, онъ считаетъ его удобнымъ для нововведенія болѣе важнаго; кажется, такъ? Личное мнѣніе г. Чичерина имѣетъ, впрочемъ, весьма второстепенное значеніе; мы хотѣли только доказать, что политическая теорія, комментарія къ которой нужно искать въ застольныхъ рѣчахъ, не удовлетворяетъ самымъ простымъ требованіямъ опредѣленности и ясности. Такою же неопредѣленностью отличается и взглядъ г. Чичерина на свободу печати; онъ признаетъ ее полезной только въ связи съ политической свободой и рекомендуетъ послѣднюю, какъ противувѣсъ вреду, приносимому первой. Это было бы прекрасно, еслибы введеніе политической свободы не было обставлено столь разнообразными и многочисленными оговорками; но какъ же поступать, пока эти оговорки или нѣкоторыя изъ нихъ сохраняютъ свою, хотя бы мнимую силу? Держать печать въ безусловномъ подчиненіи? Когда же она, въ такомъ случаѣ приучится къ свободѣ?.. Какъ бы то ни было, политическая свобода, проектируемая г. Чичеринымъ, имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, несомнѣнное сходство съ „дарами Данаевъ". Что это за свобода, первымъ результатомъ которой была бы неподвижность? Что это за свобода, отъ активнаго пользованія которою была бы устранена масса народа (см. т. II, стр. 289)? Все значеніе ея, въ сущности, не свелось ли бы къ охраненію „экономической свободы",

выгодной именно для тѣхъ классовъ, которые одни были бы обременены политическими правами?

Чтеніе рассматриваемой нами книги составляетъ тяжелую работу, какъ вслѣдствіе громаднаго ея объема и метафизическихъ приѣмовъ автора, такъ и въ особенности вслѣдствіе принятой имъ системы изложенія: не ограничиваясь возраженіями противъ того или другого основнаго положенія, онъ полемизируетъ силою и рядомъ противъ отдѣльныхъ авторовъ, по необходимости повторяясь и вдаваясь въ излишнія подробности. Возьмемъ, напримѣръ, главу о собственности (I, 97—160); онъ споритъ въ ней по очереди съ Вагнеромъ, съ Прудономъ, съ Ланге, съ Родбертусомъ, опять съ Вагнеромъ, съ Іерингомъ. Полемика съ Вагнеромъ, если можно такъ выразиться, наводняетъ собою большую часть сочиненія г. Чичерина. Уваженіемъ къ противникамъ г. Чичеринъ похвалиться не можетъ; „во всѣхъ этихъ возраженіяхъ Родбертуса нѣтъ даже и тѣни научнаго доказательства“, „до сознанія различія между кулакомъ и юридическимъ закономъ Ланге, повидимому, не доходилъ“ — вотъ образцы языка, которымъ онъ говоритъ даже о наиболѣе умѣренныхъ представителяхъ враждебнаго ему лагеря. О цѣлой группѣ экономистовъ, во всякомъ случаѣ одушевленныхъ самыми лучшими наклоненіями — о такъ называемыхъ социалистахъ каеэдри — онъ выражается слѣдующимъ образомъ: „когда ученые люди, назначенные правительствомъ, профессора университетовъ, проповѣдуютъ тѣ же (т.-е. социалистическія) ученія или слабодушно вступаютъ съ ними въ компромиссы, внося смуту въ умы, колебля самыя твердыя и неоспоримыя начала общественнаго быта, то это указываетъ на глубокое умственное растлѣніе современнаго общества“ (I, 142)... „Пытался возвести экономическую науку къ высшему синтезу, но не владея основаніями этого синтеза, социалисты каеэдри производятъ только сугубую путаницу понятій“ (II, 157). Не эти внѣшніе недостатки, впрочемъ, составляютъ самую слабую сторону сочиненія г. Чичерина. Если оно пройдетъ безслѣдно въ нашемъ обществѣ и въ нашей литературѣ, если оно всего меньше подѣйствуетъ именно на тѣхъ, кому оно специально посвящено — на русскихъ юношей, — то разгадку этому нужно будетъ искать преимущественно въ черствости, сухости доктринерства, свойственнаго автору. Его основная формула, признающая только самопомощь, мирящаяся съ необезпеченностью массъ, провозглашающая крайній индивидуализмъ, безучастіе государства къ нуждающимся и слабымъ — идетъ въ разрѣзъ съ общимъ движеніемъ вѣка, приводитъ къ опасному квіетизму. Книга г. Чичерина сослужитъ службу преимущественно тѣмъ приверженцамъ экономическаго застоя, которые видятъ въ немъ источникъ собственнаго

благосостояніи, но очень рады облечь свой эгоизмъ въ научную или хотя бы псевдо-научную форму. Для нихъ ученый трактатъ о „состепенности и государствахъ“ сдѣляется арсеналомъ, изъ котораго они долго будутъ черпать и оружіе, и оборонительные доспѣхи. Проповѣдовать молодежи культъ науки — великое, доброе дѣло; но для того, чтобы проповѣдь могла быть успѣшной, необходимо, чтобы наука не низводилась на степень тенденціознаго оправданія дѣйствительности, не принимала по отношенію къ ней ту служебную роль, какую, въ средніе вѣка, играла философія по отношенію къ богословію, — роль, выразившуюся въ извѣстныхъ словахъ: „*ancilla theologiae*“.—К.

Альбомъ Московской Пушкинской выставки 1880 года. Изданіе Общества любителей россійской словесности, подъ редакціей дѣйствительнаго члена Льва Поливанова. Москва, 1882, 4°.

Пушкинская литература все растетъ; къ ней прибавилось новое замѣчательное изданіе—„Альбомъ“, заглавіе котораго мы выписали. Въ 1880 г., во время пушкинскаго праздника, московское Общество любителей россійской словесности устроило въ залахъ благороднаго собранія любопытную „пушкинскую выставку“—собраніе портретовъ поэта, бюстовъ, автографовъ, нѣкоторыхъ вещей, дагѣ много портретовъ близкихъ къ нему лицъ и его друзей; собраніе видовъ мѣстностей, гдѣ онъ жилъ, наконецъ изданій, переводовъ и т. п. Устройство выставки стояло, безъ сомнѣнія, немалыхъ хлопотъ, и на ней собралось столько интереснаго, что естественна была мысль — воспользоваться рѣдкимъ случаемъ, когда собралось изъ частныхъ рукъ столько иллюстрацій къ біографіи Пушкина, и въ какомъ-либо изданіи познакомить съ содержаніемъ выставки тѣхъ, кто не могъ самъ ее видѣть, и вообще сохранить это содержаніе для литературы.

Общество любителей словесности дѣйствительно и возымѣло эту мысль: оно постановило издать снимки съ нѣкоторыхъ изъ предметовъ выставки, съ надлежащими объясненіями. Но желая придать связь этимъ объясненіямъ и вообще дать „Альбому“ значеніе изданія, которое воскрешало бы въ воображеніи читателей образъ поэта, его обстановку и среду, его окружавшую, общество рѣшило, вмѣсто отрывочнаго указателя къ рисункамъ, издать цѣлое жизнеописаніе Пушкина, гдѣ матеріалъ выставки послужилъ бы иллюстраціями. Составленіе біографіи взялъ на себя г. Венкштернъ.

Изданный теперь „Альбомъ“ состоитъ такимъ образомъ изъ біографіи, къ которой присоединено 62 фотогравюры и фотолитографіи, исполненныя художникомъ М. М. Пановымъ, и три политипаж.

Рисунки, вообще прекрасно исполненные, представляютъ рядъ любопытныхъ портретовъ, изображеній мѣстностей и т. п.: нѣсколько портретовъ самого Пушкина (мальчикомъ, портреты Кипренскаго, Тропинина, К. Брюллова, Мазера); современные портреты Жуковского, кн. Вяземскаго, Плетнева, Нащокина, Дала, гр. Бенкендорфа; портреты (болѣе поздніе) Гоголя, поэта Языкова, Чаадаева, Пушкина, кн. Горчакова, Мицкевича; портреты предковъ и близкихъ Пушкина — дѣдовъ, отца, матери, дяди В. Л. Пушкина, брата, жены; рядъ автографовъ, карикатурныхъ и шуточныхъ рисунковъ перомъ, часто на черновыхъ рукописяхъ его произведеній—въ минуты самой работы, такъ что передъ читателемъ возстановляется самый процессъ его кабинетнаго труда.

Биографія, составленная г. Венкштерномъ, исполнена очень старательно. Авторъ собралъ матеріалъ, котораго накопилось теперь очень много, и внимательно прослѣдилъ событія жизни Пушкина, давая понятіе и о самой обстановкѣ, въ которой они проходили. Свободный отъ преувеличеннаго панегирическаго тона, какой всего чаще является въ подобныхъ біографіяхъ, авторъ умѣетъ относиться безпристрастно къ личности самого поэта и вообще къ лицамъ и событіямъ его исторіи. Новѣйшая литература мемуаровъ и воспоминаній о Пушкинѣ, между прочимъ оживленная праздникомъ 1880 г., доставила ему много любопытныхъ и характерныхъ подробностей, которыми онъ воспользовался, не впадая въ утомительные мелкіе детали. Это не есть ученая, все исчерпывающая біографія—съ обширными цитатами, разборомъ разнорѣчивыхъ показаній и заключеній; въ иныхъ случаяхъ, авторъ не восходитъ до первыхъ источниковъ, не касается нѣкоторыхъ трудныхъ вопросовъ; но при всемъ томъ, это—интересно написанный рассказъ, который можетъ съ пользою служить какъ популярная біографія Пушкина: для „Альбома“ она составляетъ прекрасный текстъ.

Самый „Альбомъ“ исполненъ въ типографскомъ, и въ художественномъ отношеніи очень хорошо. Изданіе — какія у насъ появляются очень рѣдко; какъ изданіе, посвященное біографіи одного писателя, оно должно даже назваться пока единственнымъ въ своемъ родѣ въ нашей литературѣ. Цѣна его—12 руб. въ переплетѣ—при множествѣ рисунковъ и факсимиле, должна считаться очень умеренной.

ЗАМѢТКА НА ЗАМѢТКУ.

По поводу статьи г. Юзова: „Неудачная вылазка противъ русской самобытности“ („Недѣля“, 1883 г., № 6).

Намъ возражаютъ собственно противъ одного изъ историческихъ фактовъ, приведенныхъ нами недавно въ статьѣ: „Либерализмъ въ западной Европѣ“ ¹⁾. При этомъ, съ одной стороны, фактическія указанія принимаются за личные наши взгляды, а съ другой—намъ приписываютъ такія мнѣнія, которыхъ мы вовсе не высказывали. Мы ничего не говорили ни противъ русской самобытности, ни о надѣленіи крестьянъ землею во Франціи, ни о благоразуміи революціоннаго конвента,—такъ что разсужденія нашего критика по этимъ тремъ пунктамъ оказываются совершенно излишними. Мы упомянули только о фактѣ, что во время большой французской революціи крестьяне освобождены были не только отъ феодальныхъ повинностей, но и отъ оброчныхъ поземельныхъ платежей въ пользу помѣщиковъ, безъ всякаго за это выкупа. Намъ даже казалось, что такого рода историческія свѣдѣнія, доступныя и не специалисту, не могутъ служить предметомъ спора. Но намъ возражаютъ,—и мы принуждены разсвѣять недоразумѣнія, вызванныя очевидно неполнымъ знаніемъ предмета, о которомъ идетъ рѣчь, со стороны возражающаго.

Говоря объ уничтоженіи феодальнаго и помѣщичьяго режима во Франціи, мы сослались на замѣчанія Тэна по поводу нарушенія права частной собственности *дѣтелями 1789 года*; а въ вышеупомянутой статьѣ авторъ опровергаетъ эту ссылку (которую легко было провѣрить) какими-то совершенно не идущими къ дѣлу выдержками не изъ подлинника, а изъ переведенной на русскій языкъ и притомъ одной первой части того же сочиненія Тэна, касающейся *до-революціоннаго* положенія дѣлъ во Франціи. Авторъ отсюда и почерпнулъ свѣдѣніе, что французскіе крестьяне еще до революціи владѣли землею на правахъ подвластной собственности; слѣдовательно,—заключаетъ онъ,—реформа не дала ничего новаго крестьянству, и для установленія выкупа не было никакихъ основаній. По соображенію автора, въ 1789 году могли быть уничтожены во Франціи только тѣ налоги и платежи, которые вытекали изъ феодальныхъ, *политическихкихъ* правъ помѣщиковъ. Онъ идетъ еще дальше и полагаетъ, что Тэнъ могъ жаловаться только на уничтоженіе этихъ

¹⁾ См. выше: январь, стр. 420.

именно феодальныхъ повинностей. Можетъ быть, подобные выводы допускаются какою-нибудь „самобытною“ логикой, но въ дѣйствительности они могутъ только удивлять своею незамысловатою простотою. Не станемъ также объяснять автору, что кромѣ русскаго перевода первой части Тона существуетъ еще масса другихъ недурныхъ сочиненій о томъ же предметѣ, и что смѣшивать дѣятельность конвента съ законодательными мѣрами предшествовавшихъ собраній (учредительнаго и законодательнаго—отъ 1789 до сентября 1792 года) непростительно. Не ради полемики отвѣчаемъ мы теперь на подобную замѣтку, а ради разъясненія того, что могло показаться недосказаннымъ въ нашемъ изложеніи.

При отмѣнѣ крестьянскихъ повинностей во Франціи, учредительное собраніе проводило строгое различіе между феодально-политическими и частно-поземельными правами владѣльцевъ. Первые уничтожены безусловно, а вторые признаны подлежащими выкупу со стороны поселянъ. Къ послѣднему разряду повинностей отнесены всѣ платежи, получаемые помѣщикомъ въ качествѣ поземельнаго собственника, въ силу старыхъ договоровъ объ уступкѣ земли крестьянамъ за ежегодный оброкъ или чиншъ. Французское арендное право знало три вида отдачи земли въ оброкъ,—аренду сеньориальную или чиншевую (*le bail à vente seigneuriale ou à cens*), долгосрочную аренду римскаго права (*emphytéose*) и простой поземельный наемъ (*le bail à vente foncière*). Первые два вида арендныхъ правъ давали поселянамъ легальное пользованіе землею, переходившее часто въ наслѣдство (*héritage, dominium utile*), тогда какъ за помѣщикомъ оставалось формальное или прямое право собственности (*droit foncier simple, dominium directum*) ¹⁾. Наслѣдственная аренда устанавливала такимъ образомъ двѣ категоріи правъ собственности на однѣ и тѣ же земли: права владѣльческія, господствующія, и права „полезныя“, подвластныя, обремененныя денежными или личными повинностями въ пользу сеньоровъ. Эту двойственность поземельныхъ правъ (*propriété utile et directe*) необходимо всегда имѣть въ виду, въ разсужденіяхъ о землевладѣніи въ до-революціонной Франціи. То, что на тогдашнемъ юридическомъ языкѣ называлось „полезною собственностью“ или „наслѣдствомъ“, составляло въ сущности постоянную или вѣчную аренду,—по нашему, чиншевое, оброчное владѣніе.

Декреты 4—11 августа 1789, 15—28 марта и 3—9 мая 1790 года, отмѣнивъ феодальныя привилегіи, допустили выкупъ всѣхъ

¹⁾ См. юридическій трактатъ Феликса и Анріона: „*Traité des rentes foncières*“, Paris, 1828, стр. 2 и слѣд.

оброчныхъ и чиншевыхъ платежей, происшедшихъ изъ договорныхъ отношеній между настоящимъ собственникомъ земли и ея исконнымъ нанимателемъ, арендаторомъ или чиншевикомъ. Но французскіе крестьяне не понимали и не хотѣли понимать этихъ тонкихъ различій между феодальными и поземельными правами; они почти повсемѣстно перестали платить какія бы то ни было деньги помѣщикамъ, вслѣдствіе чего послѣдніе во многихъ мѣстахъ остались безъ всякихъ средствъ къ жизни. Противъ постановленій о выкупѣ раздавались съ разныхъ сторонъ революціонные протесты; крестьяне начали расправу съ владѣльцами, и общая картина разоренія этого еще недавно привилегированнаго класса вызываетъ у Тэна тѣ желчныя выходки, о которыхъ упомянуто выше. Правила о выкупѣ не примѣнялись еще и потому, что не было организовано ни выкупныхъ учреждений, ни официальныхъ посредниковъ для устройства и облегченія выкупныхъ сдѣлокъ. Затѣмъ, въ виду возбужденнаго настроенія крестьянства, законодательное собраніе отказалось отъ системы выкупа, принятой учредительною палатою. Право владѣльцевъ на полученіе выкупа обставлено было такими условіями, которыя дѣлали его совершенно неосуществимымъ: помѣщикъ долженъ былъ, во-первыхъ, доказать свое законное право собственности на имѣніе и, во-вторыхъ, представить письменный актъ объ отдачѣ земли въ оброкъ поселянину. Между тѣмъ, въ дѣйствительности древніе документы на владѣніе землею рѣдко гдѣ сохранились, а арендные и чиншевые договоры заключались болѣею частью безъ всякихъ письменныхъ формальностей, такъ что помѣщики остались ни при чемъ. Подъ вліяніемъ политической борьбы съ дворянствомъ, законодательное собраніе предоставило чиншевымъ и оброчнымъ земли въ полную собственность поселянъ, безъ всякаго вознагражденія владѣльцевъ (декреты 15—19 іюня 1791, 18 іюня и 6 іюля 1792, 25—28 августа того же года). Конвентъ подтвердилъ этотъ принципъ декретомъ 19 іюля 1793 года.

Революція, — какъ говорить Тэнь, — прикрывалась разными именами, но по существу она была „une translation de propriété“, т.-е. перемѣщеніе собственности, а не однихъ политическихъ или феодальныхъ правъ. Отныне этотъ получаетъ полное освѣщеніе, если вспомнить колоссальную распродажу такъ называемыхъ „національныхъ имуществъ“ (бывшихъ помѣщичьихъ, духовныхъ и королевскихъ) на льготныхъ условіяхъ, съ разсрочками платежа, причемъ крестьянство приобрѣло земель на сумму 1,346 милліоновъ, въ теченіе семи мѣсяцевъ, съ апрѣля до ноября 1791 года. Обо всемъ этомъ ничего не слыхалъ авторъ замѣтки, увѣряющій теперь, что

во время французской революціи не было вовсе „государственного вмешательства въ распредѣленіе поземельной собственности“.

Въ доказательство „непониманія социальнаго вопроса“ революціоннымъ правительствомъ Франціи, авторъ приводитъ со словъ г. Л. Мечникова сообщеніе профессора Бодрильера о причинахъ возстанія крестьянъ въ Бретани. Конвентъ конфисковалъ, между прочимъ, помѣщичьи земли, находившіяся въ крестьянскомъ пользованіи;—значить, въ данномъ случаѣ правительство не признавало за поселянами никакихъ самостоятельныхъ правъ на землю. Тутъ дѣйствительно есть „непониманіе“,—но не со стороны конвента, а со стороны автора „Неудачной вылазки“. Сообщенный Бодрильеромъ фактъ касается такого пользованія землею, при которомъ помѣщикъ можетъ всегда отказать арендатору въ продолженіи аренды, съ обязанностью только вознаградить его за произведенныя улучшения (такъ называемая *tenure à domaine congéable*). Такия формы поземельнаго найма, зависящія отъ усмотрѣнія владѣльца, не даютъ поселянину никакого вещнаго права на арендуемые участки и не имѣютъ, конечно, ничего общаго съ тѣмъ оброчнымъ или чиншевымъ владѣніемъ, которое превращалось въ право собственности.

Наши наивные оптимисты, къ числу которыхъ принадлежитъ очевидно и авторъ замѣтки, привыкли повторять избитыя фразы о томъ, что у насъ есть прекрасныя вещи,—напримѣръ, надѣлъ землею,—а у другихъ народовъ ничего подобнаго нѣтъ. Признаться, мы не понимаемъ смысла этого узкаго, ограниченнаго самодовольства, ищущаго только поводовъ къ квази-патріотическому хвастовству. Такая хвастливость, проявляемая и встать и не встать, рѣшительно чужда нашему народному духу, отъ имени котораго говорятъ иногда „патріоты своего отечества“. Самодовольство вообще дѣйствуетъ вредно на общественное мнѣніе,—тѣмъ болѣе, когда оно противорѣчитъ дѣйствительной жизни. Пора уже перестать обольщаться красивыми словами и имѣть въ виду только ихъ внутреннее реальное содержаніе. Запоздалые восторги по поводу нашего поземельнаго устройства производятъ теперь лишь комическое впечатлѣніе и поддерживаютъ путаницу понятій въ области весьма важнаго практическаго вопроса. Авторъ замѣтки думаетъ даже, что у насъ было „надѣленіе (землею) *всѣмъ*“, а не тѣмъ только, кто экономически усиленнѣе“, забывая о классѣ дворовыхъ людей, тоже крестьянъ, оставшихся безъ земли. Слово *надѣлъ* предполагаетъ, что крестьянамъ даны были земли, которыхъ они раньше не имѣли, и что за эти земли не требовалось съ нихъ покупной цѣны. Такого надѣла никогда у насъ не было; его вовсе не знаетъ Положеніе 19 февраля 1861 года. Подъ именемъ надѣла разумѣлась у насъ обязательная *продажа* крестьянъ

намъ части тѣхъ земель, которыя раньше находились въ фактическомъ пользованіи сельскихъ обществъ. Если до крестьянской реформы эти фактическія владѣнія крестьянъ не охранялись закономъ, какъ во Франціи, то только потому, что сами крестьяне составляли тогда у насъ собственность помѣщиковъ и не могли слѣдовательно имѣть никакихъ имущественныхъ правъ предъ лицомъ закона. Брѣвостіе у насъ часто *покупали землю* всѣмъ міромъ, и эта купленная ими земля считалась официально собственностью помѣщиковъ, что немислимо было во Франціи еще задолго до революціи. Владѣнія сельскихъ обществъ, принадлежавшія номинально помѣщику, пользовались во Франціи охраною закона со временъ Кольбера; у насъ же такой законной охраны не существовало. Неужели въ этомъ заключалось преимущество наше передъ Западомъ?

Крестьянскій надѣлъ уменьшился у насъ съ прошлаго столѣтія болѣе, чѣмъ втрое. „Мы видимъ въ Германіи,—говоритъ г. Семеновскій,—энергическое стремленіе положить предѣлъ обезземеленію крестьянъ (въ XVIII вѣкѣ) и напротивъ полную бездѣятельность правительства въ этомъ отношеніи у насъ“¹⁾. Чѣмъ же тутъ хвастать? Совѣтуемъ вдуматься въ эти историческіе факты и познакомиться еще со многими другими, прежде чѣмъ выступать столь слабо вооруженнымъ на защиту русской самобытности, которая, впрочемъ, вовсе не нуждается въ защитѣ.

Л. С.

¹⁾ „Крестьяне въ царствованіе импер. Екатерины“, В. Семеновскаго, т. I, стр. 124.

НЕКРОЛОГЪ.

Владиміръ Барвинскій. — Александръ-Вацлавъ Мацѣевскій. —
Іосифъ Шуйскій.

Мѣсяць февраль, или по-славянски *лютий*, оправдать для польской и галицкой литературы въ нынѣшнемъ году свое старое названіе. Въ теченіе одной недѣли (3, 7 и 10 нов. ст.) исчезли три извѣстные дѣятеля, три человѣка, прославившіеся не только въ предѣлахъ своей національности, но не чуждые всему славянскому міру; открылись три могилы для трехъ умершихъ. Они были люди пера и сѣятели слова, распространители идей.

Предупредить двухъ другихъ самый молодой изъ нихъ, Владиміръ Барвинскій, родившійся въ 1850, въ Тарнопольскомъ округѣ, одинъ изъ основателей товарищества „Просвѣтъ“, редакторъ русинскаго журнала „Правда“, а съ 1880 г. редакторъ-издатель львовской газеты „Дѣло“. Этотъ, еще весьма молодой человѣкъ состоялъ за послѣднее время вождемъ русинскаго движенія и дѣла въ Галичинѣ и былъ творцомъ ясной и послѣдовательной программы, которую № 9/10 „Дѣла“, отъ 8 февр. 1883 г., опредѣляетъ слѣдующими словами:

„Мы, галицкіе русины—нераздѣльная часть 17-милліоннаго русскаго народа, по своему языку и по всѣмъ этнографическимъ признакамъ одинаково отличающагося и отъ великоруссовъ, и отъ поляковъ. Исторія сдѣлала насъ демократическимъ народомъ и, раздѣливши насъ между разными державами, по необходимости ведетъ насъ на путь федеративнаго союза съ другими славянскими народами. Заявивъ всю нашу исторію ненависть ко всякому угнетенію и ко всякой кривдѣ, мы, русины, стремимся къ федераціи на основаніи самой строгой автономіи и равноправности всѣхъ, хотя бы наименьшихъ славянскихъ племенъ“. — Барвинскій былъ сторонникомъ теперешней политики министерства Таафе, противникомъ всякихъ заигрываній, какъ съ вѣнскими централистами, такъ и съ правительственными сферами за границею. Онъ чуждался всякой такъ-называемой великой политики, отыскивающей точекъ опоры внѣ Галичины, и доведшей русинскую народность до того, что она теряетъ почву, что у нея изъ рувъ ускользаютъ училища, отнимаемыя у оо. Василянъ іезуитами, и что число представителей русинской народности сошло до немногихъ единицъ въ рейхсратѣ. Великолѣпно было то положеніе, которое

подъ опытною рукою Барвинскаго заняло „Дѣло“ въ процессѣ Грабаръ, Наумовича, Добрянскаго и другихъ, когда эта газета бичевала безпощадно тѣ язвы, то притупленіе нравственнаго чувства и растлѣніе, которыми заражены были лица, претендовавшія на первенствующее между галицкими русинами положеніе. — Нѣсколько тысячъ народу сопровождали покойнаго на Лычаковское кладбище; участвовало въ отпѣваніи униатское духовенство съ архіепископомъ Сильвестромъ Сембратовичемъ во главѣ; тридцать вѣнковъ возложено на гробъ отъ разныхъ редакцій, товарищей и городовъ, въ томъ числѣ отъ „польскихъ журналистовъ — товарищу русину“; скорбь о безвременной утратѣ выражалась въ надгробныхъ словахъ, между которыми были двѣ рѣчи и на польскомъ языкѣ. — Въ Барвинскомъ обществѣ главнымъ народности въ Галичинѣ теряли человѣка, который способенъ былъ прямымъ путемъ содѣйствовать наиболѣе скорому миролюбивому разрѣшенію русско-польскаго вопроса въ Галиціи путемъ компромисса, безъ обращенія въ виѣшней какой-либо поддержкѣ.

Десять два студента, нѣсколько человѣкъ судебного вѣдомства, три скромные вѣнча, полное отсутствіе литературы и рѣчей — таковы были проводы изъ Варшавы на Повонзки (кладбище) останковъ, умершаго 10 февраля, профессора и знаменитаго ученаго Александра-Вацлава Мацѣвскаго. Такъ какъ умершій родился еще въ 1793 году, то ему было безъ малаго 90 лѣтъ при смерти. Смерть, говорили, забыла о немъ, и современники давнымъ-давно не считали въ числѣ живыхъ эту ходячую мумію, пережившую свою славу и свой талантъ, но все еще роющуюся аккуратно въ печатномъ и рукописномъ хламѣ, до самой кончины не выпускающую пера изъ рукъ и кропающую историческіе выводы и диссертациі, которые не находили уже издателей. Мацѣвскій изслѣдовалъ когда-то пандекты въ бывшемъ Александровскомъ варшавскомъ университетѣ, съ 1825 по день закрытія этого университета въ 1831 году. Мацѣвскій не отличался талантомъ преподаванія, свою весьма громкую и широко распространенную знаменитость стяжалъ онъ тѣмъ, что въ промежуткѣ между двумя революціями, между двумя возстаніями, 1830 и 1863 г. былъ проводникомъ и глашатаемъ самой непопулярной и самой даже ненавистой польскому тогдашнему обществу идеи общеславянскаго единенія, хотя бы это единеніе начиналось на первыхъ порахъ не съ политики, а только съ литературы и науки, то-есть того направленія, котораго пѣвцомъ былъ Колларъ, а представителями въ Чехіи — Шафарикъ и Ганка, въ Москвѣ — Водянскій, Погодинъ и первое поколѣніе русскихъ славянофиловъ. „Исторія славянскихъ законодательствъ“ Мацѣвскаго (1832 — 1835) явилась во-время и была

переведена на русскій и нѣмецкій языки. Ни школы изслѣдователей она не совила, ни на практическую почву сравнительнаго изслѣдованія законодательства она не поставила. Основныя ея идеи не ясны, изслѣдованія не отличаются хорошимъ методомъ, на цитаты нельзя полагаться, но проявляются и главныя качества автора: громадная и изумляющая, по своей многосторонности, начитанность и способность создать самыя неожиданныя гипотезы; при неумѣнн разрѣшить порядкомъ ни одного вопроса, талантъ возбуждать ихъ цѣлыя сотни, понуждая къ спору, разъясненію и повѣркѣ, а слѣдовательно и содѣйствуя успѣхамъ науки. По учености съ Мацѣевскимъ могъ состязаться одинъ только Лелевель; они и боролись на этой почвѣ по поводу возникновенія польскаго государства, по труднымъ вопросамъ, столь же неудоборазрѣшимымъ, какъ и вопросъ о происхожденіи варяговъ на Руси. Понятно, что въ этой борьбѣ всѣ сочувствія публики и поддержка со стороны печати были не на сторонѣ Мацѣевскаго, а на сторонѣ его противника. Къ ученой коллежѣ примѣшивались тогда горячія страсти политическія и національныя. Когда въ 1846 г. Мацѣевскій издалъ „Pierwotne dzieje Polski i Litwy“, возбудилъ вопросы о саксонскомъ происхожденіи польской шляхты и о распространеніи въ Польшѣ, до официального принятія ею крещенія, христіанства по славянскому Кирилло-Меѳодіевскому обряду, — то люди, немогшіе вовсе и помѣряться съ нимъ по историческимъ знаніямъ, напр., Рихтеръ и Дуткевичъ, опровергали его доводами, которые теперь считались бы неподходящими, но публика была на ихъ сторонѣ, и ученые мнѣнія Мацѣевскаго въ глазахъ многихъ считались чѣмъ-то въ родѣ измѣны національному дѣлу. Наиболѣе важный вкладъ Мацѣевскаго въ науку, наиболѣе, притомъ, солидный, но наименѣе цѣнный до сихъ поръ современниками, есть его исторія польской литературы, доведенной, впрочемъ, только до 1650 г., подъ заглавіемъ: „Pismienictwo polskie“ (3 тома, 1853 года). Мацѣевскій былъ человѣкъ односторонній, исключительно только кабинетный, не политическій, а только ученый, витающій въ области отвлеченныхъ научныхъ задачъ и вопросовъ, и совершенно равнодушный къ „злобѣ дня“, къ потребностямъ и заботамъ современности. Лично онъ былъ мало симпатиченъ, самолюбивъ, расчетливъ, занятъ собою, мало общителенъ. При возрожденіи польской исторической науки послѣ 1863 года, когда взглядъ на прошлое сталъ гораздо трезвѣе, могъ бы дожидаться и Мацѣевскій болѣе справедливой оцѣнки своихъ гипотезъ и идей, но въ то время онъ былъ уже слишкомъ старъ, движеніе науки его обошло и оставило совершенно одинокимъ въ чуждой ему обстановкѣ. Живыхъ связей съ обществомъ у него не было даже и тогда, когда онъ находился

въ полной силѣ своего ума и таланта; связи эти не могли образоваться и послѣ 1863 года, когда онъ сдѣлался отжившимъ свой вѣкъ старцемъ, окаменѣlostью, уцѣлѣвшюю отъ прежнихъ поколѣній. Этимъ обстоятельствомъ объясняется и малое число людей, сопровождавшихъ неоплакиваемый его гробъ. Кое-что отъ него осталось, однако, и перейдетъ въ будущіе вѣка. Во всякомъ случаѣ на славянскомъ небѣ закатилась одна, не малая звѣзда.

Обѣ утраты блѣднѣютъ и ступеваются передъ самою крупною, третьею,—предъ кончиною польскаго историка, профессора краковскаго университета и секретаря краковской академіи наукъ, Іосифа Шуйскаго, родившагося въ 1835 и дожившаго только до 47 лѣтъ.—Жизнь его небогата событіями. По своей специальности филологъ, и притомъ классикъ, Шуйскій, кончивъ въ 1858 г. курсъ наукъ въ краковскомъ университетѣ, чувствовалъ призваніе къ поэзии, писать поэмы, драмы, сатирическіе очерки (1861, *Portrety przez nie Van Dуска*), но несмотря на значительный успѣхъ своихъ произведеній онъ бросилъ этотъ путь и сдѣлался историкомъ, рѣшившимся удовлетворить самой насущной потребности общества въ то время: дать полный очеркъ всей исторіи народа отъ возникновенія государства до его паденія. Задача была смѣлая, требовала обширныхъ знаній, громаднаго запаса силы. Шуйскій ее исполнилъ въ пяти большихъ томахъ, подъ заглавіемъ: „*Dzieje Polski wedle najpowszechniejszych badań*“, въ 4 года (1862 — 1866). На заглавномъ листѣ помѣщенъ слѣдующій эпитафій изъ Красинскаго: *Wszystko nam dałeś co dać mogłeś, Panie* (ты все намъ далъ, что могъ дать, Господи). Интересъ сочиненія растетъ съ каждымъ томомъ; блѣднѣе другихъ—періодъ Пястовъ; гораздо глубже wynikaетъ авторъ въ содержаніе событій эпохи Ягеллоновъ; наконецъ, послѣдніе томы заключаютъ въ себѣ очень правдивый и потрясающій реальностью безъ всякихъ скрашиваній образъ политическаго вырожденія народа отъ внутреннихъ язвъ и болѣзней, сдѣлавшихъ паденіе Польши явленіемъ неизбежнымъ, причемъ, однако, народность польская, подобно чешской, сохранила большую жизненность, большой запасъ силъ, которыми она можетъ осуществлять въ будущемъ свои историческія задачи, какъ бы ни была скромна роль, ей предстоящая въ настоящемъ, и хотя бы ей не пришлось вовсе возстановить по собственной волѣ проигранную политическую самобытность. Въ сочиненіи Шуйскаго отразился духъ времени,—съ одной стороны, необходимость уразумѣть послѣдовательную связь явленій историческаго развитія Польши, чтобы начертать для польскаго элемента практическую программу дѣйствій среди открывавшейся съ 1850 г. народамъ Австріи новой жизни консти-

туціонной по почину Франца - Іосифа; съ другой стороны, столь же неотложная послѣ погрома, постигшаго націю въ 1863 году въ предѣлахъ Россіи, необходимость покончить навсегда съ романтизмомъ исторической школы Лелевеля, которая, оправдывая прошлое и объясняя паденіе Польши внѣшними событіями, ставила себѣ предъ глазами идеалъ шляхетско-республиканской свободы, то-есть въ сущности анархію, и доказывала, что паденіе Польши совершилось только потому, что народъ не былъ до конца вѣренъ этому идеалу. Въ своей исторіи Шуйскій является убѣжденнымъ монархистомъ, сторонникомъ крѣпкой власти и сильной дисциплины, постигающимъ, что, если сдѣлавшемуся демократическимъ по ходу европейской исторіи обществу польскому придется жить, то только подъ условіемъ полного перевоспитанія, полной отвычки отъ личнаго произвола, отъ знаменитаго польскаго „liberum veto“, которое, по мѣткому выраженію Шуйскаго, выродилось теперь въ еще болѣе опасное „liberum conspiratio“. Оно-то породило тѣ безплодные возстанія, вслѣдствіе которыхъ поляки, какъ неисправимые крамольники и всесвѣтные революціонеры, сдѣлались въ Европѣ притчею во языцѣхъ. Съ консерватизмомъ политическимъ соединялась въ Шуйскомъ и сильная религіозность, притомъ въ очень опредѣленномъ направленіи—римско-католическомъ. Въ своихъ публичныхъ лекціяхъ (1880) о возрожденіи и реформаціи въ Польшѣ, чутьемъ художника угадывая всю прелесть движенія свободной мысли, которымъ Польша обязана гуманизму, и которое ей подарилъ золотой вѣкъ Сигизмундовъ въ литературѣ и искусствѣ, Шуйскій относится къ этому гуманизму въ окончательномъ выводѣ отрицательно, смотритъ на возрожденіе реформаціи въ Польшѣ скорѣе какъ на причины, ускорившія разложеніе государства, нежели какъ на причины, созидающія добро. Такъ какъ Шуйскій былъ человѣкъ въ высшей степени живой и на потребности современнаго общества отзывчивый, такъ какъ даже въ области своихъ историческихъ изслѣдованій онъ преслѣдовалъ практическія цѣли, такъ какъ онъ вѣрилъ, что исторія прошлаго должна быть наставницею и руководительницею въ настоящемъ, что она должна вырабатывать государственныхъ людей и гражданъ,—то понятно, что онъ не могъ не быть захваченъ волною общественнаго и политическаго движенія въ Австро-Венгрію, возрождающейся и обновляющейся къ новой жизни вслѣдствіе дарованной Австріи конституціи. Въ 1868 онъ былъ избранъ депутатомъ въ галицкій сеймъ, а потомъ въ вѣнскій рейхсратъ. Въ то же время онъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ членовъ редакціи основаннаго въ 1866 году ежемѣсячнаго журнала „Przegląd polski“, литературно-политическаго, въ которомъ кромѣ него участвовали профессоръ графъ Станиславъ

Тарновскій и теперешній редакторъ газеты „Czas“, Станиславъ Ковмянъ. Общими силами эти три автора сочинили однажды и помѣстили въ 1870 г. въ „Польскомъ обозрѣніи“ (Przegląd polski) статью сатирическаго содержанія подъ заглавіемъ: „TeKa Stanczyka“ (портфель Станчика, бывшаго шуткомъ при дворѣ Сигизмунда I), бичующую ихъ политическихъ противниковъ. Статья произвела много шума и дала слагающемуся направленію и ученію названіе. Не только писавшихъ статью въ складчину, но и всѣхъ ихъ единомышленниковъ стали журналы называть „станчиками“. Постъ, занимаемый этимъ немногочисленнымъ, но весьма послѣдовательнымъ и вліятельнымъ кружкомъ, охарактеризованъ былъ Шуйскимъ въ его застольной рѣчи на литературномъ обѣдѣ по случаю юбилея Крашевскаго (1878): „мы, въ должности пожарной команды, послѣдуемъ туда, гдѣ нужно гасить водою шальные вспышки и неумѣстныя увлеченія“. Конечно, это только отрицательная сторона задачи; она преобладала въ дѣятельности кружка „станчиковъ“, по обстоятельствамъ того времени, она занимала можетъ быть слишкомъ много мѣста въ ихъ программѣ, такъ что самъ кружокъ сталъ видимо слабѣть въ своемъ вліяніи, и нынѣ онъ можетъ совсѣмъ распасться послѣ смерти самаго сильнаго и самаго авторитетнаго изъ своихъ вожаковъ. Сеймовымъ ораторомъ и главою парламентской партіи Шуйскій не сдѣлался никогда; въ этомъ отношеніи онъ вовсе не похожъ на своего товарища изъ того же кружка краковскихъ „станчиковъ“, Дунаевского, теперешняго цислейтанскаго министра финансовъ. Шуйскому не доставало дара увлеченія, — словомъ, ораторской силы и огня. Голосовыхъ средствъ его едва хватало на университетскую аудиторию; но, какъ въ началѣ его дѣятельности, въ немъ, какъ въ поэтѣ, сказался первоначальный историкъ, — такъ во второй половинѣ его дѣятельности надъ историкомъ порою поднимался публицистъ, ясный, энергическій, исполненный сосредоточенной и благородной страсти. Очень мало найдется памфлетовъ, равныхъ по достоинству маленькой брошюрѣ на 30 страницахъ, изд. въ 1877 г., подъ заглавіемъ: „O fałszywej historii jako mistrzyni fałszywej polityki“ (фальшивая исторія рождаетъ фальшивую политику). Для того, чтобы дать хотя слабое понятіе объ особенностяхъ слога Шуйскаго и о манерѣ его какъ публициста, выпишемъ слѣдующія слова изъ этой брошюры:

„Слѣпой только могъ бы отрицать, что демократія не есть главный двигатель самоновѣйшаго общества, — не то, что называютъ демократическимъ ученіемъ, но то, что приноситъ съ собою духъ общественный, — пробужденная во всѣхъ членахъ гражданственность. Онъ былъ тою мощью, которая опрокинула во Франціи монархію, создала національно-политическое единство въ Италіи и Германіи, воору-

жила Россію палицею панславизма. Можно не сочувствовать нѣкоторымъ изъ его дѣлей, можно предвидѣть, что онъ подавляетъ нѣкоторые плоды и пріобрѣтенія цивилизаціи, но какъ не цѣнить самого дѣятеля, когда онъ такой сильный? какъ не ждать того, что онъ съ собою несетъ? Наша, такъ-называемая, демократія ни въ чемъ не оказалась похожею на мощныя и полезныя демократическія движенія за-границею. Она не взяла на себя задачу, готовую, великую — правда, трудную: отбучить народъ отъ безначалія; она его еще болѣе анархизировала. Ей слѣдовало кричать громогласно о надѣленіи землею крестьянъ, а она молчала. Когда же она заговорила наконецъ, то оказалась она столь безконечно глупою, что, взваливая всю вину на шляхту и обрекая ее на небытіе, она освобожденное утро простонародье хотѣла опляхетить вечеромъ и приказывала ему на набитой на рукоятку, обращенной остріемъ вверхъ, мужицкой косью поднять девять вѣковъ исторіи. Это безуміе приключилось не одинъ разъ, но цѣлые два раза. — Въ своемъ слѣпомъ подражаніи Западу она плодила и сновала заговоры, не памятуя того, что заговоръ есть борьба частицы народа съ собственнымъ устройствомъ вещей, что сколько ни насчитывается здравыхъ движеній освободительныхъ, они всегда выходили изъ нѣдръ народа совсѣмъ готовыми, какъ Минерва изъ головы Юпитера, въ лицѣ Вашингтона и Телла, Эгмонта или Скандербега, Чарнецкаго или Костюшки. То были вулканическіе подъемы народа, который чувствовалъ, что переполнилась мѣра угнетенія, то были волны сплывившейся во едино, при высокой температурѣ, лавы, — всѣ эти движенія, сколько ихъ ни было, совершались при условіи направленія впередъ головами, впередъ охранительными элементами народа. — Надо ли продолжать эту характеристику нашей лже-демократіи? Надо ли вспоминать, что она слова вымолвить не умѣла къ народу, ни единымъ шагомъ къ нему приблизиться? что она не научилась считаться съ главною силою: вѣрою народа; что за то она усвоила себѣ всѣ привычки шляхетской демократіи, зависть и высокоуміе; что, не прощая графамъ и князьямъ, она не приучала низшіе слои общества къ сознанію собственного достоинства, но возбуждала въ нихъ только завистливое стремленіе къ ея альдорадо, къ обители великопанства и шляхетства? — Надо ли вспоминать, что она внесла тенденціозность въ науку, примѣнивала эту тенденціозность къ прошлому и пошла искать себѣ родоначальниковъ во всемъ, что было, подобно ей, такою же анархіею; что она пошла кокетничать съ старошляхтичами; что она прорыла мысленно каналъ, соединяющій славянскую демократію съ шляхетскою демократіею и сію послѣднюю... съ собою; что она для укрѣпленія себя завела терроризмъ общественнаго мѣтнія и на безчисленныхъ пред-

метахъ надписала: нельзя трогать, это догматы! а всякое ея нарушеніе—ересь! Она имѣла инстинктъ властолюбія, анархистка! но лишена была сознанія того, что долгъ велить дѣлать. Въѣсто правды, она была ложь, въѣсто трезвости мнѣнія — предлагала бѣлену, въѣсто критики—отрицаніе и пасквили; она сдѣлалась деспотомъ общества“.

Настоящее призваніе Шуйскаго было университетское преподаваніе исторіи, которымъ онъ началъ заниматься въ 1869 году. За свои заслуги по этой части онъ возведенъ былъ въ званіе члена палаты господъ австрійскаго рейхсрата. Однимъ изъ послѣднихъ плодовъ его дѣятельности на этомъ поприщѣ была книга, изданная въ Варшавѣ въ 1880: „Historyi polskiej ksiąg dwanaście“, сокращенная, но добавленная новыми изслѣдованіями и исправленная передѣлка прежняго труда: „Dzieje Polski“.—Вскорѣ послѣ вступленія Шуйскаго на кафедру, состоялось, по императорскому рескрипту 29 мая 1871 г., преобразование краковскаго общества любителей наукъ въ краковскую академію наукъ, которая должна была сдѣлаться главнымъ средоточіемъ умственной дѣятельности польскаго народа, въ особенности по части изученія прошлаго. Громадный трудъ организаціи новаго установленія и работы выпалъ на долю предсѣдателя академіи Іосифа Майера и секретаря ея Іосифа Шуйскаго. Академія наукъ сдѣлала въ короткое время своего существованія (1872—1883), въ теченіе одного десятилѣтія гораздо больше, чѣмъ всѣ ученыя общества польскія, разбѣянные въ различныхъ частяхъ бывшей рѣчи посполитой и въ Парижѣ за все время своего существованія. Ея заслуги по наданію источниковъ громадны. Ея работы занимаютъ уже многіе десятки объемистыхъ фоліантовъ.

Чрезмѣрный умственный трудъ исчерпалъ преждевременно силы ученаго. Легкія его были не въ порядкѣ. Истощеніе сказывалось за цѣлый десятокъ лѣтъ до смерти въ острыхъ чертахъ захудалаго и совсѣмъ безкровнаго лица, напоминавшаго средневѣковыхъ аскетовъ и окаймленнаго желтою, сѣдющею бородою. Привычка работать была такъ велика, что за то время, когда Шуйскій лечился въ Италіи, имъ писались въ минуты свободныя отъ страданій переводы изъ Эсхила, Кальдерона, Аристофана, Шекспира.—Похороны умершаго, совершенныя на счетъ галиційской казны по распоряженію областного управленія (wydział krajowy), были весьма трогательны и торжественны. Болѣе десятиа тысячъ человѣкъ высыпало за гробомъ на кладбище—число громадное, если принять въ соображеніе малый объемъ и небольшое населеніе этого некрополя—города польскихъ воспоминаній и гробницъ. Въ лицѣ Шуйскаго современное польское общество теряетъ весьма многое: человѣка безукоризненно

чистаго и необычайно цѣльнаго, бывшаго однимъ изъ главныхъ дѣятелей того возрожденія, которое совершилось въ этомъ обществѣ послѣ великаго урока 1863 г., и которое подвигается впередъ тихими шагами.

К. Д.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е марта, 1883.

Приватные и авторитетные отзывы о характерѣ нашего современнаго общества и печати. — Сравненіе послѣдней съ до-реформенною печатью. — Корреспонденціи изъ Петербурга въ Москву о Петербургѣ. — Разсужденія въ нихъ по поводу юбилея Жуковскаго и участія въ томъ городской Думѣ. — Письмо академика Я. К. Грота къ городскому головѣ. — Оцѣнка корреспондентомъ финансовой дѣятельности адъшней Думѣ, и наши поправки изъ Городового Положенія. — Письменное привѣтствіе русскихъ женщинъ И. А. Гончарову, и его отвѣтъ.

Одинъ изъ излюбленныхъ предметовъ нашей печати, это—изслѣдованіе отношенія публики къ этой же печати; вопросъ, вездѣ объясненный и давно исчерпанный, у насъ безпрестанно возвращается на сцену, и каждый разъ всякій думаетъ открыть при этомъ что-нибудь новое и сказать еще никѣмъ не сказанное слово. Вотъ и сегодня еще въ одной изъ петербургскихъ газетъ такъ начинается трактатъ все о томъ же предметѣ,—о газетѣ и о публикѣ: „Мой почтенный собратъ, по перу, П. Д. Боборыкинъ, мастерски очертивъ фizioномію (судя по дальнѣйшему, тутъ слѣдовало бы, пожалуй, употребить другое слово)—фizioномію нашей публики, съ ея импотентностью, стадностью и отсутствіемъ духа сознательной коллективности, не коснулся одного изъ существенныхъ, какъ мнѣ кажется, отправленій этой же публики въ сферѣ ея умственной жизни; я говорю объ отношеніи публики къ печати или, говоря частнѣе, къ газетѣ—отношеніи, на характерѣ и крѣпости котораго, быть можетъ, лучше всего провѣряется уровень зрѣлости и самостоятельности публики“, и т. д.

Не оспаривая нисколько ни мастерство почтеннаго П. Д. Боборыкина, какъ публициста, а еще менѣе—несомнѣнное право его „сбрата по перу“ вновь перенаслѣдовать „уровень зрѣлости и самостоятельности публики“, мы не могли въ то же время не обратить серьезнаго вниманія на тотъ весьма важный фактъ, что въ текущемъ мѣсяцѣ по-

явился отзывъ о томъ же самомъ предметѣ на столбцахъ „Правительственнаго Вѣстника“, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что въ официальномъ органѣ характеристика современной нашей публики, или по крайней мѣрѣ, ея огромнаго большинства, сопровождается и взглядомъ на характеръ самой печати. Относительно публики выражено мнѣніе, хотя, вѣнечю, въ другихъ выраженіяхъ,—почти однородное съ вышеприведеннымъ, а именно: „Читатели, особенно въ провинціяхъ—говорится въ „Правит. Вѣстникѣ“—привыкнувъ издавна относиться съ довѣріемъ ко всякому печатному извѣстію, прочитанному въ какой бы то ни было газетѣ, не всегда умѣютъ различать источникъ, откуда идутъ эти извѣстія, и взвѣшивать ихъ достовѣрность“;—однимъ словомъ, избытокъ „довѣрчивости“, „неумѣнье“ различать правду отъ лжи—все, что обыкновенно характеризуетъ дѣтскій возрастъ—все это указывается, какъ характеристическая черта нашей публики вообще, и провинціальной въ особенности.

Оба вышеприведенные взгляда на нашу публику: одинъ—совершенно частный, но зато повторяющійся слишкомъ часто, другой—несравненно болѣе авторитетный,—оба эти взгляда подводятъ новодъ къ тому, чтобы попытаться сколько-нибудь оправдать публику отъ обвиненій ея, съ одной стороны въ „младенчества“ не по возрасту, а съ другой—и того хуже—въ „стадности“, ставящей ее на уровень еще болѣе низкій, чѣмъ младенчество. Если же у насъ неостанетъ силъ къ полному оправданію нашей публики, то, быть можетъ, намъ удастся понять самимъ сколько-нибудь, на чемъ могли быть построены вышеприведенныя ея характеристики,—а, какъ говорить одно извѣстное французское выраженіе,—comprendre c'est pardonner: понять—значить, простить!

Прежде всего, намъ кажется, тутъ есть одно важное недоразумѣніе, которое одинаково встрѣчается иногда и въ официальныхъ кругахъ, и въ такихъ неофициальныхъ сферахъ, какъ, на примѣръ, печать. Вездѣ публика слишкомъ рѣзко противопоставляется, въ однихъ случаяхъ, администраціи, въ другихъ—печати, какъ нѣчто отличное въ томъ смыслѣ, въ какомъ бывають иногда отличны расы или касты; и при этомъ забывается одно очень простое обстоятельство, а именно, что сегодняшній администраторъ или публицистъ еще вчера могъ быть „читателемъ“, т. е. публикой, и наоборотъ—завтра можетъ сдѣлаться опять „читателемъ“, на ряду съ другими. И несмотря на то, эта истина забывается всѣми, разъ только кто-нибудь выдѣлится временно изъ этого же общества и вступить на арену официальной или только публичной дѣятельности. Развѣ тоже самое лицо, которое сегодня упрекаетъ публику за излишнее довѣріе ко всякому печатному слову, за ея неумѣнье взвѣшивать до-

стовѣрность извѣстій, — развѣ завтра оно не можетъ вступить въ ряды этой самой публики, а тогда развѣ оно не будетъ въ такомъ же положеніи? Какія же въ самомъ дѣлѣ — не только для читателя русскаго, страдающаго издавна легковѣріемъ, но и для иностраннаго, вполне и давно привычнаго къ печатному слову, — какія имѣются средства повѣрить всѣ газетныя извѣстія и взвѣсить всю ихъ достовѣрность? Конечно, съ извѣстіемъ о появленіи на улицѣ классической „голубой лошади“ справится каждый легко, хотя бы оно и появилось въ печати; но за подобными исключеніями, надобно допустить, что не только читатель, но и администраторъ, и самый опытный редакторъ газеты находятъ въ томъ же, свойственномъ всѣмъ положеніи, когда мы устно передаемъ другъ другу новости дня: газета, какъ и отдѣльный человѣкъ, очень скоро составляетъ себѣ ту или другую репутацію; если сообщая новость моему пріятелю, я прибавляю, что слышалъ ее отъ самого Новикова, то я, конечно, рискую, что мнѣ не повѣрятъ даже и въ томъ случаѣ, если онъ невзначай сообщилъ мнѣ вѣрное извѣстіе; но вѣдь то же повторяется и съ газетами, и каждому изъ насъ приходится получать встрѣчный вопросъ: — а гдѣ вы это читали? — и при отвѣтѣ, смотря по его содержанію, выслушивать замѣчанія: — Ну, это вздоръ! — или: — Пожалуй, что это и такъ: эта газета не напечатала бы! — или: — Эта газета можетъ знать! — и т. д. Если же у насъ, дѣйствительно, существуетъ еще родъ нѣкотораго суевѣрія по отношенію къ печатному слову, то это отнюдь не должно быть разсматриваемо, какъ результатъ того, что въ наше время нѣтъ надлежащаго надзора за печатью, что она злоупотребляетъ своею свободою и печатаетъ все, что попадетъ ей подъ руку или придетъ на мысль; скорѣе наоборотъ: привычка нашей публики относиться съ довѣріемъ ко всему печатному сложилась, — какъ то засвидѣтельствовано справедливо и въ „Правит. Вѣстникѣ“, — издавна, т. е. въ эпоху, предшествующую закону о печати 1865 года, когда цензурное вѣдомство несло на себѣ всю отвѣтственность за каждое печатное слово, когда, слѣдовательно, уваженіе къ печатному слову было вмѣстѣ уваженіемъ къ власти, обеспечивающей достовѣрность всего печатнаго. Тогда, при существованіи подцензурной печати и сложилась та довѣрчивость публики къ печати, что теперь вмѣняется ей именно въ недостатокъ и разсматривается какъ признакъ ея нѣкотораго легкомыслія и неумѣлости. Такой нашъ взглядъ раздѣляется и авторомъ вышеупомянутаго сообщенія въ официальномъ органѣ: „многіе — говорятъ онъ — до сихъ поръ остаются еще въ той мысли, что правительство, конечно, не дозволило бы печатать во всеобщее свѣдѣніе слухи и извѣстія, недостовѣрные или прямо лживые“, — какъ оно, прибавимъ мы къ этому, дѣйствительно не дозволяло лѣтъ 30 или 40 тому на-

задъ, когда настоящимъ редакторомъ газеты, въ смыслѣ отвѣтственности, былъ цензоръ, съ котораго и взыскивалось потомъ за все ненадлежаще разрѣшенное имъ. Но вѣдь, именно, въ ту эпоху и оброровалась та привычка публики, за которую ее теперь упрекать; эта привычка была вредна и тогда, такъ какъ существованіе цензуры въ то время обезпечивало, до нѣкоторой степени, публику отъ ложныхъ извѣстій, но зато она была тѣмъ легковѣріе по отношенію къ „стоустой молвѣ“, считая ее послѣднимъ убѣжденіемъ правды въ тѣхъ случаяхъ, когда цензоръ, иногда просто для личной безопасности, не пропустилъ и правды, чтобы какъ-нибудь не понести отвѣтственности по службѣ; законъ о печати 1865 года нанесъ ударъ стоустой молвѣ, и значительно ослабилъ ея авторитетъ, равно какъ онъ же поколебалъ довѣріе публики къ произведеніямъ русской заграничной литературы; но для полной отвычки отъ дурныхъ привычекъ слѣпото довѣрія къ печатному слову нужно было, во-первыхъ, время, такъ какъ „привычка — вторая природа“ — и кромѣ того, необходимо было неуклонное примѣненіе этого закона, которое одно могло бы вырвать съ корнемъ старца привычки.

Весьма смягчающимъ для нашей публики, въ этомъ отношеніи, служить еще то обстоятельство, что такое же легковѣріе при встрѣчѣ съ русскимъ печатнымъ словомъ, и такую же неумѣлость обнаруживаютъ не только наши провинціалы, но и весьма образованная иностранная публика, нападая привычная къ значенію печатнаго слова вообще; она раздѣляетъ то же самое вышесказанное убѣжденіе провинціаловъ, что у насъ правительство не дозволило бы напечатать недостовернаго или ложнаго слуха. Между тѣмъ, какъ справедливо замѣчаетъ тотъ же авторъ сообщенія въ „Правит. Вѣстникѣ“, — „при нынѣшнемъ состояніи печати и при размноженіи газетъ, издающихся безъ всякой предварительной цензуры, правительство не можетъ принять на себя проверку всѣхъ слуховъ и новостей, которыя ежедневно въ нихъ появляются“. Это — неоспоримая истина; но слѣдуетъ ли изъ того, что лучшимъ средствомъ къ исправленію зла было бы возвращеніе къ прежнему состоянію печати — до 1865 года, и къ такому сокращенію газетъ, какое требуется для удобства предварительнаго просмотра ихъ? Не будетъ ли это средствомъ только для того, чтобы по прежнему — въ публикѣ усилилось суевѣріе къ силѣ печатнаго слова, которое осуждается тѣмъ же авторомъ статьи, какъ легкомысліе, — а „стоустая молва“ вошла бы въ прежнюю силу, — не говоримъ уже о возвращеніи при томъ авторитета заграничной литературы.

Но не была ли печать въ прежнее время, при малочисленности своихъ органовъ и при бдительности цензуры, за то болѣе

отборную, не крайней мѣрѣ, чистую, возвышенную, правдивую; не пользовалась ли она, соответственно тому, и большимъ уваженіемъ общества, большимъ авторитетомъ въ его глазахъ? Авторъ свидѣтельствуетъ только объ одномъ, что въ наше время, при отсутствіи предварительной цензуры, — „изданіе газетъ становится дѣломъ спекуляціи и торговнымъ предпріятіемъ, которое ведется многими редакціями съ цѣлю привлечь какъ можно болѣе спроса на свой товаръ“. Но если только теперь, въ наше время, изданіе газетъ „становится“ дѣломъ спекуляціи, — то значить ли это, что въ прежнее время, 30, 40, 50 лѣтъ тому назадъ, оно не было таковымъ? Вопросъ — почти напрасный, такъ какъ въ ту, болѣе или менѣе отдаленную эпоху, самою распространенною газетою была „Сѣверная Пчела“; никто не рѣшился и прежде никто рѣшался, кромѣ самой редакціи этой газеты, утверждать, что „Сѣверная Пчела“ была чужда всякой спекуляціи, что это была газета патриотическая, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, трудившаяся исключительно во имя добра и чести. Самъ Жуковский, при всемъ своемъ незлобивомъ характерѣ, просилъ, въ 1851 г., своего друга К. К. Зейдлица не нанимать ему ни за что дачи редактора „Сѣверной Пчелы“, Карлова, близъ Дерпта: „Карлово, — пишетъ онъ изъ-за границы, — было бы мнѣ весьма по сердцу; я этотъ домъ знаю... Но злой духъ, злой духъ!“... „Постарайся, если можно, снасти меня отъ этой бѣды“¹⁾. Изъ словъ Жуковского видно, что редакторы подцензурной печати сами не очинялись цензурою, — а степень уваженія, какою они пользовались въ средѣ такихъ лицъ, какъ Жуковский, была не особенно велика, если ему былъ ненавистенъ даже самый домъ Булгарина, ни въ чемъ, конечно, неповинный, въ качествѣ предмета неодушевленнаго.

Изъ всего этого можно съ справедливостью заключить одно, а именно: вѣнчавшее состояніе печати, издающей, впрочемъ, только въ двухъ столицахъ безъ предварительной цензуры, и размноженіе газетъ не служатъ причинами указанной въ статьѣ ихъ деморализаціи, такъ какъ прежде была всего почти одна газета на всю Россію, которую можно было назвать самою распространенною, а вслѣдствіе того и самою вліятельною; издавалась эта газета съ предварительною цензурою, и тѣмъ не менѣе — это была „Сѣверная Пчела“ Булгарина; ни цензура, ни отсутствіе размноженія газетъ, почти даже единственность газеты, — ничто не спасло ее отъ такой дурной репутаціи, что и до сихъ поръ нельзя никакъ забыть „Сѣверную Пчелу“: имя ея остается пословицей.

Далѣе, однако, въ той же статьѣ „Правительственнаго Вѣст-

¹⁾ „Жизнь и поэзія Жуковского“, К. К. Зейдлица, Спб. 1888, стр. 285.

ника", мы прочли съ большимъ удовольствіемъ авторитетное опроверженіе тѣхъ укорененныхъ взглядовъ на русскую публику, какіе очень часто и, по нашему мнѣнію, весьма несправедливо, повторялись въ различныхъ публицистическихъ статьяхъ, появлявшихся, въ газетахъ и московскихъ, и петербургскихъ, почти безъ различія отъѣнностей между ними: въ этомъ отношеніи все были согласны, какъ одинъ чашовикъ. „Публика, — говоритъ авторъ, — привыкла ловить съ крайнимъ любопытствомъ всякую новость, *особливо отъносилуюся къ административнымъ сферамъ*". А между тѣмъ, мы въ газетахъ только и читаемъ „лакеѳаціи“ объ анатоміи нашего общества, о его индифферентизмѣ, равнодушіи ко всему серьезному и дѣловому, и т. д., и т. д. Но что же можетъ быть серьезнѣе любопытства, относящагося къ административнымъ сферамъ; это — вовсе не правдоное любопытство къ глубокимъ или уличнымъ новостямъ, скандаламъ, личнымъ исторіямъ; это — весьма серьезное любопытство къ дѣловой сторонѣ жизни, вовсе не увеселительной, и имѣющей прямое значеніе для всякаго человѣка, способнаго возмущаться надъ мелкими, личными интересами дѣл. Собственно говоря, нельзя не радоваться такому направленію общественной мысли, — и авторъ, безъ сомнѣнія указавъ на это только съ цѣлю, чтобы дальѣ показать, что такое любопытство общества къ административнымъ сферамъ не находитъ для себя хорошаго удовлетворенія; и это, дѣйствительно, вполне справедливо, такъ какъ за такое удовлетвореніе принимаются одніе газеты, а „чтобы удовлетворить этой потребности, — прибавляетъ авторъ, — и читать ее извѣдывая въ день, наши газеты въ свою очередь привыкли гоняться за новостями для того, чтобы поднести ихъ читателямъ ежедневно, причемъ далеко не все изданія заботятся о провѣркѣ непрерывно возникающихъ слуховъ и сенсаций; иныя же, за неимѣніемъ подлинныхъ новостей, охотно принимаютъ на свои страницы извѣстія, не только сомнительныя, но и прямо вымышленныя, лишь бы только извѣстіе казалось интереснымъ и могло возбудить спросъ на газету, въ коей помѣщено. Нѣкоторые изданія, особливо изъ такъ называемой „мелкой печати“, идутъ еще дальѣ и заводятъ у себя фабрикацію новостей“.

Собственно говоря, допустивъ даже всю справедливость сдѣланнаго газетамъ упора, мы все же должны спросить: чего же собственно нужно желать отъ газеты? Она грѣшитъ, и даже болѣе чѣмъ грѣшитъ, — но вѣдь она грѣшитъ потому, что желаетъ быть интересною; цѣль сама по себѣ хороша, — средства не хороши; но если нѣтъ другихъ средствъ быть интереснымъ, то, — можетъ спросить насъ газета, — полагаемъ ли мы, что она должна служить правдѣ, подлѣ условіемъ быть скучною? Никто не врагъ себѣ, и всякій хотѣлъ бы

добиться выгоды путемъ правды, но если ему будутъ часто повторять: *toute la verité n'est pas bonne à dire?*.. Выразимъ нашу мысль сравненіемъ: представьте себѣ человѣка, одержимаго не крайнимъ любопытствомъ къ новостямъ изъ административныхъ сферъ, а крайнимъ голодомъ; сосѣдъ его, имѣющій въ своемъ распоряженіи хорошую пищу — не даетъ ее, не видя, какъ спекулянтъ пользуется голодомъ и сбываетъ млинку за настоящій хлѣбъ, да еще получаетъ за это большее вознагражденіе—обвиняетъ обонхъ и стыдитъ—одного за то, что онъ имѣетъ слабость принимать млинку за хлѣбъ, а другого за то, что онъ съ такою наглостью сбываетъ свой дрянной товаръ. Развѣ, въ настоящемъ примѣрѣ, не будетъ правъ одинъ голодный, который все-таки видитъ, что, какъ ни правы по себѣ разсужденія того, кто ничего не даетъ, и какъ ни предосудительны дѣйствія послѣдняго, но все же, безъ этихъ предосудительныхъ дѣйствій, пришлось бы ему остаться совсѣмъ безъ пищи.

Если же въ самомъ дѣлѣ признается, что наша публика не утратила еще любопытства къ дѣйствіямъ административныхъ сферъ, то едва ли это любопытство прекратится, вслѣдствіе молчанія газетъ, или таковой ихъ осторожности, которая равняется молчанію. Опровергать всѣ газетные слухи нѣтъ никакой возможности—это справедливо,—но и запрещеніе такихъ слуховъ не есть лучшее средство, такъ какъ стоустая молва гораздо хуже всѣхъ газетъ, а главное, она не допускаетъ и никакихъ опроверженій. Самая сила печатныхъ слуховъ опирается всецѣло на канцелярскую тайну и всегда бываетъ пропорціональна ей: чѣмъ больше послѣдняя, тѣмъ большую силу представляютъ слухи. „Не проходитъ недѣли—говоритъ авторъ—чтобы газетные вѣстовщики не сочинили цѣлой серіи извѣстій по разнымъ вѣдомствамъ“; но это только доказываетъ, что эти „вѣстовщики“ пользуются своимъ привилегированнымъ положеніемъ; при большей публичности дѣйствій административныхъ сферъ, они тотчасъ же потеряли бы почву подъ ногами.

Итакъ, мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе автора—да не такому вопросу и не можетъ быть двухъ мнѣній—а именно, что газетная ложь не есть что-нибудь питательное; но относительно средствъ противъ нея, мы думаемъ, что отрицательныя мѣры въ этомъ дѣлѣ не суть самыя цѣлесообразныя: чѣмъ больше свѣта, тѣмъ меньше того, что живетъ и плодится при помощи мрака.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ, какъ рассказываетъ петербургскій корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“,—„послѣ трехлѣтняго затишья

въ петербургской жизни настало небывалое оживленіе... У всѣхъ обнаружился словно удвоенный запасъ жизни, веселья, обычнаго русскаго (!) хлѣбосолюства". Обращаемъ мимоходомъ вниманіе г. Аксакова на такую ересь корреспондента московской газеты, которая выѣхавъ съ „Русью“ въ Петербургъ не видитъ ничего, кромѣ „капцеларій“ и подражанія „гнилому“ Западу. Но г. корреспондентъ не ограничился такимъ комплиментомъ нашему Петербургу, и нашелъ въ немъ массу денегъ, притоку, несомнѣнно „русскихъ—по словамъ того же корреспондента—денегъ“, такъ какъ они и въ Петербургѣ „обладаютъ страннымъ свойствомъ“ (онъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: самобытныи): „ихъ нѣтъ, но они есть!... „Мы жалуемся, плачемся на трудныя времена, со смѣхомъ, или съ гримасой предпринимаемъ разныя экономическія реформы въ своемъ житьѣ-бытьѣ—и вдругъ поражаемъ грандіозною и изыскою роскошью, барственной щедростію и самымъ беззаботнымъ мотовствомъ“. При открытомъ вышѣ „странномъ свойствѣ“ русскихъ денегъ—быть на лицо, когда ихъ нѣтъ,—корреспонденту не слѣдовало бы выражать нѣкотораго сожалѣнія о томъ, что деньги тамъ тратятся; но онъ не могъ пройти молчаніемъ такого факта, ибо по его мнѣнію, „это явленіе все-таки составляетъ признакъ большого и сильнаго народа: мы бѣдны, но я думаю, что наша бѣдность побогаче иной зажиточности“—заключаетъ корреспондентъ уже совершенно серьезно и не безъ пафоса. Но послѣ этого, почему же не сказать: „мы невѣжественны, но я думаю, что наше невѣжество лучше иной образованности“.

Если бы авторъ петербургскихъ корреспонденцій въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ не пошелъ дальше избраннаго имъ сюжета и ограничился изреченіемъ истинъ, образчикъ которыхъ мы только-что привели,—то мы не имѣли бы и повода останавливать вниманіе читателя на его наблюденіяхъ надъ петербургскою жизнью. Но онъ отъ „серьезныхъ“ шутокъ перешелъ очень скоро къ серьезнымъ сюжетамъ, „вызывающимъ на размышленіе“—и все это по поводу того, что въ Петербургѣ, въ послѣднее время, „къ цѣлому ряду празднествъ примкнуло скромное торжество столѣтней годовщины дня рожденія Жуковскаго“. Казалось бы, что если это торжество было скромное, да еще къ тому совершилось „рутиннымъ порядкомъ“, по замѣчанію того же корреспондента, то чтѣ же можно къ этому еще прибавить? Но „злой духъ“, котораго не долюбивалъ, какъ мы видѣли, Жуковский, — проснулся въ корреспондентѣ и заговорилъ его устами: все было хорошо на „скромномъ торжествѣ“ юбилея Жуковскаго,—но „недоставало только тѣхъ нравственныхъ признаковъ (?), по которымъ узнается единодушная и сильная интеллигенція, чествующая громкую въ національной культурѣ память; а между тѣмъ эта ин-

теллигенція очень старалась. Она даже взяла на себя неблагодарную задачу слегка „реставрировать“ поэтический образ Жуковского въ самомъ послѣднемъ вкусѣ... Въ пѣвцѣ Свѣтлана, въ переводчикѣ Шиллера и Гёмера усиленно разъискивался тотъ пошлый типъ, въ который современная журналистика приняла улаживать всякое крупное литературное явленіе; понадобилось поспѣшно сдѣлать Жуковского либераломъ въ нашемъ журнальномъ смыслѣ.

Благодаря этой тирадѣ, мы теперь знаемъ наконецъ, что у насъ есть двѣ интеллигенціи: одна называется „эта“, а другая—„та“; до сихъ поръ обыкновенно противопоставлялась „интеллигенція“—„народу“, и соответственно тому назывались два противоположныхъ лагера: „интеллигенція“ и „народники“; отъ такой терминологіи происходило не малое замѣшательство въ преніяхъ. Надобно отдать справедливость г. корреспонденту: дѣйствительно, у насъ двѣ интеллигенціи: „та“ и „эта“. По поводу юбилея Жуковского, „эта“ провинилась предъ „той“, имѣвъ дерзость не только позаботиться о чествованіи самого Жуковского, но еще отыскать въ немъ черты просвѣщенной человѣчности, и усмотрѣвъ въ немъ „либерала въ нашемъ журнальномъ смыслѣ“. Но, во-первыхъ, кто мѣшалъ „той“ интеллигенціи праздновать юбилей Жуковского въ своемъ смыслѣ; ужъ не вышеприведенное ли письмо поэта, гдѣ онъ подробно мотивируетъ, почему ему не хочется жить на дачѣ Булгарина: „онъ (т.-е. Булгаринъ),—пишетъ Жуовскій,—насилъно вторгнется въ мое знакомство, или, по крайней мѣрѣ, будетъ хвастать, что живетъ со мною душа въ душу; постарайся, если можно, спасти меня отъ этой бѣды“,—такъ заключаетъ свое письмо къ другу Жуовскій. „Той“ интеллигенціи, дѣйствительно, трудно было бы жить „душа въ душу“ съ поэтомъ, —и вотъ она негодуетъ на „эту“, дерзнувшую найти въ Жуковскомъ симпатичныя себѣ черты. Но, спроситъ любознательный читатель,—что такое значить быть „либераломъ въ нашемъ журнальномъ смыслѣ“? Корреспондентъ не оставляетъ этого вопроса безъ отвѣта,—и отвѣтъ, по истинѣ, драгоценный: „находили-моль даже (т.-е. либералы), что Жуовскій содѣйствовалъ освобожденію крестьянъ!“ Что этимъ хотѣлъ опять сказать г. корреспондентъ: то ли, что либералы, ради желанія во что бы то ни стало доказать сходство свое съ Жуовскимъ, взвели на него небылицу; или то, что „содѣйствовать освобожденію крестьянъ“ это и значить быть „либераломъ въ нашемъ журнальномъ смыслѣ“? Но Жуовскій не только косвенно содѣйствовалъ, путемъ воспитанія Государа Цесаревича, освобожденію крестьянъ, но и самъ освободилъ своихъ крѣпостныхъ: это—историческій фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Остается правдоподобнымъ второе предположеніе; но и тутъ самъ г. корреспондентъ даетъ, какъ будто, либераламъ

смигавшія обстоятельства, говоря такъ, по поводу указаннаго ими отношенія Жуковскаго къ вопросу объ уничтоженіи крѣпостного права: „съ одной стороны, это какъ будто справедливо, потому что такая реформа, какъ благоволучное упраздненіе крѣпостного права, была, безъ сомнѣнія, результатомъ общихъ культурныхъ успѣховъ страны и просвѣщенія помѣщичьяго класса, а потому всадій даровитый писатель, оставившій слѣды въ литературѣ и просвѣщеніи можетъ считаться содѣйствовавшимъ успѣху преобразованій; но кто же не знаетъ, что наша журналистика болѣе чѣмъ равнодушна къ *безотносительнымъ* (индифферентнымъ?) интересамъ просвѣщенія, литературы и искусства“!

Читатель видитъ самъ, что г. корреспондентъ не сдѣлалъ уже такой грубой ошибки, чтобы обвинить либераловъ въ равнодушіи *вообще* къ интересамъ просвѣщенія: о, нѣтъ! — и вотъ онъ обвиняетъ ихъ въ равнодушіи къ „безотносительнымъ“ интересамъ, — а мы, при этомъ, получаемъ новое откровенное признаніе, въ чемъ состоитъ различіе между „тою“ и „этою“ интеллигенціею: обѣ стоятъ за интересы просвѣщенія, но „та“ ищетъ безотносительныхъ интересовъ а „эта“ — „соотносительныхъ“, т.-е. такихъ, при которыхъ возвышенныя слова не остаются безотносительными, не переходятъ въ живое дѣло, воплощаются въ жизнь.

Но не одни либералы оскорбили г. корреспондента, дозволивъ себѣ не оставаться „безотносительными“ къ чествованію памяти Жуковскаго: были и другія обстоятельства, не менѣе оскорбительныя. „Я выражусь, — пишетъ дажѣ г. корреспондентъ, — что праздники Жуковскаго были какъ бы лишены тѣхъ нравственныхъ признаковъ, которые должны сообщить ему внутреннее значеніе и содержаніе. Мнѣ кажется, что такъ вышло отчасти вслѣдствіе первостепенной роли, которую на этомъ празднествѣ играла почему-то городская дума. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что въ русской столицѣ, въ центрѣ науки, литературы и искусства, въ стѣнахъ высшаго ученаго учрежденія, вѣномъ на бюстѣ поэта были возложены руки городского головы, при ассистентахъ изъ думскихъ гласныхъ? Неужели не нашлось никого и ничего ближе къ предмету чествованія? Не доставало только эволюцій пожарнаго ебоза и процессій цеховъ со значками“.

Читая такую тираду, можно только подумать: а вѣдь, дѣйствительно, правъ г. корреспондентъ, что „наша бѣдность нобогаче иной зажиточности“, — особенно, если подъ бѣдностью разумѣть не одну бѣдность матеріальную, но и духовную. Впрочемъ, мы можемъ выше-

приведеннымъ размышленіямъ г. корреспондента (да проститъ онъ намъ такую смѣлость!) противопоставить письмо почтеннаго представителя отдѣленія русскаго языка и словесности академіи наукъ, Я. К. Грота, на имя г. городского головы, И. И. Глазунова, по поводу того же предмета:

„М. г. Иванъ Ильичъ. Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ поручило мнѣ принести вашему превосходительству искреннюю его признательность за участіе, принятое вами, вмѣстѣ съ другими представителями общественнаго управленія столицы, въ академическомъ чествованіи памяти нашего славнаго поэта и незабвеннаго наставника въ Божѣ почившаго Государя Императора.

„Позвольте мнѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ имени моихъ сочленовъ выразить городскому обществу наше глубокое уваженіе и благодарность за то просвѣщенное вниманіе, которое оно съ нѣкотораго времени обнаруживаетъ къ интересамъ литературы, науки и воспитанія и которое, особенно въ настоящемъ случаѣ, высказалось такъ прекрасно и отрадно“.

Изъ словъ почтеннаго академика оказывается, что петербургская Дума была прежде очень близка къ идеалу г. корреспондента и являлась не только „безотносительною“, но и „беззаботною“ по части литературы, науки и воспитанія, а „съ нѣкотораго времени“ начала обнаруживать къ нимъ интересъ, чуть не болѣшій, чѣмъ къ вывозу нечистотъ. Въ глазахъ академика это явленіе—„прекрасно и отрадно“; въ глазахъ корреспондента, это—нѣчто другое. Но вѣдь Дума опредѣлила поставить бюстъ Жуковскаго въ одномъ изъ городскихъ садовъ, открыть двѣ новыя народныя школы его имени; почему же, послѣ этого, могло быть страннымъ то обстоятельство, что „вѣнокъ на бюстъ поэта былъ возложенъ руками городского головы“? Пусть прочтеть г. корреспондентъ „Городовое Положеніе“, и тамъ онъ увидитъ, въ ст. 54, что „Городская Дума дѣйствуетъ именемъ *всего городского общества*“,—а потому и вѣнокъ былъ возложенъ на бюстъ поэта, конечно, руками г. городского головы, а не корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей“, но вѣдь и вѣнокъ былъ поднесенъ именемъ *всего* петербургскаго городского общества, а не отъ редакціи какой-нибудь газеты или журнала.

„Кстати о нашей, т.-е. петербургской, Думѣ“,—восклицаетъ далѣе г. корреспондентъ, переходя, повидимому, къ главной цѣли своей корреспонденціи.—Можно объ этомъ, конечно, говорить и кстати, и не кстати, но всегда необходимо при этомъ знать нѣсколько и самое дѣло, и тѣ 160 статей, изъ которыхъ состоитъ Городовое Положеніе, обязательное для Думы, какъ всякій законъ—и чего, именно, недостаетъ

очевидно г. корреспонденту. Отложимъ, впрочемъ, этотъ предметъ до другого раза, тѣмъ болѣе, что въ концѣ февраля будетъ прочтенъ въ Думѣ отчетъ за первое десятилѣтiе со дня введенiя въ дѣйствiе Городового Положенiя въ Петербургѣ, въ февралѣ 1873 года. Познакомившись съ этимъ отчетомъ, мы скажемъ въ слѣдующiй разъ какъ объ отчетѣ, такъ встаетъ и о размышленiяхъ корреспондента на ту же тему. Теперь же ограничимся только небольшимъ замѣчанiемъ.

Г. корреспондентъ полагаетъ, между прочимъ, что квартирный налогъ, занимавшiй такъ долго административную Думу, есть измышленiе какихъ-то „воротилъ“, да еще съ какою-то либеральною (т.-е. вредною) цѣлью — расширить выборное право и тѣмъ преобразовать составъ городского управленiя. По его мнѣнiю, квартирный налогъ негдѣ возникнуть въ Думѣ только потому, „что въ составѣ нашей столичной Думы нѣтъ лицъ, знакомыхъ съ экономической наукою“. Можетъ быть, это и такъ, но въ составѣ нашего правительства есть очень много людей, знакомыхъ съ экономической наукою, чего, надѣемся, не будетъ опровергать и корреспондентъ московской газеты. Если бы онъ былъ знакомъ съ Городовымъ Положенiемъ, то тотчасъ же усмотрѣлъ бы тамъ, что квартирный налогъ изобрѣтенъ не „воротилами“, а указанъ Думѣ „Городовымъ положенiемъ“ (см. 135 статью), какъ нормальный источникъ городского дохода; существующiй же адресный сборъ, собираемый не по новому закону 1870 г., а по старымъ мѣстнымъ положенiямъ, давно осужденъ правительствомъ и подлежитъ отмене; если же онъ не отмененъ до сихъ поръ, то только благодаря снисходительности правительства, которое ждетъ вотъ уже 10 лѣтъ, чтобы Дума отказалась отъ него и вступила на лучший финансовый путь. Адресный сборъ есть та же подушная подать, и не странно ли въ самомъ дѣлѣ видѣть, что государство отказывается отъ подушной подати, какъ несправедливой и обременительной, а столица продолжаетъ заботиться сохранять его, замаскировывая какими-нибудь видоизмѣненiями!

Относительно же расширенiя избирательнаго права, укажемъ пока только на слѣдующiя цифры: изъ 900,000 почти — населенiя Петербурга, въ это время пользуются правомъ избранiя и на избранiе всего 20,000 человекъ; но это еще ничего, худшее впереди — изъ этихъ 20,000, цѣлыхъ 18,000 пренебрегаютъ своимъ правомъ и не являются на выборы гласныхъ, а выборъ производится всего какими-нибудь 2,000 человекъ; и вотъ эти-то 2,000 выбираютъ 252 представителя городского общества, состоящаго изъ 900,000 населенiя; наконецъ, и изъ этихъ 252 лицъ являются на засѣданiе Думы болѣе или менѣе постоянно, отъ 60 до 70 человекъ; не дальше

какъ на-дняхъ былъ опять примѣръ несостоявшагося засѣданія, по неавѣкъ узаконеннаго числа гласныхъ (51).

А что расширение избирательнаго права не есть опять результатъ измышленія либераловъ—для этого достаточно указать на то же Городовое Положеніе, которое, въ примѣчаніи къ ст. 17, допустило образовательный цензъ въ остзейскихъ городахъ и исключило изъ этого правила одни коренные русскіе города. Вслѣдствіе этого, напримѣръ, г. корреспондентъ „Москов. Вѣд.“, хотя и принадлежать къ „той“, а не „этой“ интеллигенціи, но все же онъ человѣкъ образованный и живущій трудомъ, несравненно высшаго сорта, нежели трудъ мелочнаго торговца, спускающаго мимоходомъ и гнилые апельсины,—лишается у насъ права быть и избирателемъ, и избираемымъ, а мелочной торговецъ признается настоящимъ обывателемъ Петербурга; и вотъ, вѣроятно, онъ-то и находится въ числѣ тѣхъ 18,000, которые не являются на выборы, а если онъ очутится въ числѣ явившихся 2,000, то ему будетъ указано—кого именно выбирать. Итакъ, либералы тутъ опять не при чемъ; слѣдуетъ, скорѣе, спросить: почему Городовое Положеніе лишаетъ коренные русскіе города того, чѣмъ снабжены остзейскіе,—и не оттого-ли городское ховайство въ остзейскихъ провинціяхъ не въ примѣръ лучше таковаго же—въ коренныхъ губерніяхъ? Но отложимъ этотъ предметъ до слѣдующаго раза, въ ожиданіи отчета здѣшней городской Думы—за десять лѣтъ.

Въ заключеніе хроникъ, дополнимъ тѣ краткія извѣстія, какія мы сообщали въ послѣдній разъ о дружескомъ чествованіи пятидесятилѣтняго юбилея литературной дѣятельности И. А. Гончарова. Оно, какъ мы видѣли, вызвало въ обществѣ тогда же многочисленныя выраженія симпатій къ таланту одного изъ нашихъ перво-классныхъ писателей, не прекратившіяся, какъ видно, и позже. Намъ доставлена копія съ привѣтствія, которымъ почтило юбиляра, за подписью 100 лицъ, пѣлое общество русскихъ женщинъ, и въ числѣ подписавшихъ привѣтствіе, встрѣчаются лица, съ именами, пользующимися справедливою и почетною извѣстностью въ области беллетристики, художества, и на педагогическомъ поприщѣ. На это привѣтствіе И. А. Гончаровъ отвѣчалъ письмомъ, адресованнымъ къ тѣмъ четыремъ лицамъ, которыя исполнили возложенное на нихъ порученіе обществомъ.—Вотъ текстъ привѣтствія:

„Дорогой Иванъ Александровичъ! Многія изъ насъ вамъ вовсе неизвѣстны, но мы, тѣмъ не менѣе, позволяемъ себѣ такое обращеніе къ вамъ, потому что не находимъ другого слова, которое

лучше бы выражало то чувство, какое мы къ вамъ питаемъ. Вы, по истинѣ, намъ дороги.—дороги, какъ всякая русская слава дорогѣ каждой русской женщинѣ;—дороги, какъ художникъ, тонкое, деликатное перо котораго нарисовало нѣсколько прелестнѣйшихъ въ нашей литературѣ женскихъ типовъ;—наконецъ, дороги, какъ честный, умный и добрый человекъ: послѣднее многимъ изъ насъ извѣстно по личному опыту, для другихъ—очевидно изъ вашихъ сочиненій.

„О талантѣ вашемъ говорено уже много. Распространяться о немъ еще, значило бы повторять избитую истину. Но позвольте намъ теперь только указать на то ваше свойство, которое намъ особенно симпатично,—а именно, на *искренность*, глубоко лежащую въ основѣ всѣхъ вашихъ произведеній. Это—драгоценный перлъ, не всегда присущій и самымъ даровитымъ художникамъ, но который вашимъ произведеніямъ сообщаетъ особенную прелесть и убѣдительность. Она, эта искренность, заставляетъ съ безграничнымъ довѣріемъ относиться и къ скрывающемуся въ васъ, за художникомъ, моралисту. Читая васъ, не только наслаждаешься, но и учишься:—у *Бабушки*, житейской мудрости;—у *Олги*, какъ любить и съ достоинствомъ переносить разочарованія;—у *Веры*, какъ, „послѣ горькихъ опытовъ, ошибокъ гордости и невѣдѣнія“, не падать духомъ, не умаляться, „а возрастать на пути разумной, сознательной жизни“.

„Позвольте же и намъ, столько вамъ обязаннымъ, русскимъ женщинамъ, присоединить свой голосъ къ тѣмъ выраженіямъ признательности, любви и уваженія, которыя вамъ нинѣ, по случаю вашего пятидесятилѣтняго литературнаго юбилея, шлютъ съ разныхъ сторонъ. Да хранитъ васъ Богъ на многія лѣта!“ (Слѣдуетъ 100 подписей).

На это И. А. Гончаровъ отвѣчалъ, 5-го февраля, слѣдующимъ письмомъ:

„Милостивыя государыни. Мнѣ жаль, что вы съ вашей ласковой рѣчью, отъ лица многихъ русскихъ женщинъ, застали меня, 2 февраля, въ припадкѣ жестокой боли, и я на эти задушевныя слова могъ отвѣчать лишь несвязными, отрывочными словами благодарности. Пользуюсь первой свободной отъ боли минутой, чтобъ болѣе связно поблагодарить васъ и въ лицѣ вашемъ—всѣхъ участницъ, подписавшихъ привѣтствіе.

„Изъ всего букета похвалъ, которыми щедро осыпана вами моя старая, больная голова, позвольте взять одинъ цвѣтокъ: слово *искренность*. Надѣюсь, никто не упрекнетъ меня въ нескромности.

„Вы этимъ появленіемъ вашимъ у одра больного писателя, которому выпало на долю когда-то внушить вамъ нѣкоторую симпатію, принесли столько утѣшенія, радости, баловства!

„Виѣстѣ съ этимъ добрымъ дѣломъ, вы проявили, можетъ быть, безсознательно для васъ самихъ, женскую силу и самостоятельность. Вы провознесли свой собственный судъ и оцѣнку, состоявшуюся въ

вашемъ сознаніи, помимо всякихъ привилегированныхъ критическихъ трибунъ, въ opiekъ которыхъ наше, уже вполне развившееся общество болѣе не нуждается. Всякій и всякая теперь носятъ въ себѣ свой судъ надъ своими писателями, иногда вѣрнѣ самой привилегированной критики.

„Съ какой тонкостью, съ какимъ женскимъ тактомъ поняли и оцѣнили вы во мнѣ то, что я самъ всего болѣе цѣню въ себѣ и въ другихъ моихъ собратіяхъ по перу: это—искренность. Признавъ ее въ моихъ сочиненіяхъ, вы добрались и до ея источника—сердца.

„Кому же и добираться до сердца, какъ не вамъ, женщинамъ?

„Вы правы. Тѣ образы, которые, вы говорите, вамъ полюбились въ моихъ сочиненіяхъ, писаны болѣе всего сердцемъ,—оттого, конечно, вы и полюбили ихъ. Вы угадали, что авторъ страдалъ вмѣстѣ съ бабушкой и Вѣрой, что онъ раздѣлялъ муки Райскаго,—скорбѣлъ съ Ольгой объ Обломовѣ,—съ Обломовымъ о немъ самомъ,—однимъ словомъ, что онъ, рисуя эти образы, самъ жилъ ихъ жизнью, плакалъ ихъ слезами!

„Наконецъ, можетъ быть, вы угадали, и конечно угадали, что авторъ, приводя въ концѣ *Обрыва*, беспорядочно-текущую, пеструю рѣчь Райскаго (въ его посвященіи своего романа женщинамъ),—его восторженные надежды, упованія, пророчества о силѣ женской природы, о значеніи и будущности русской женщины,—влагалъ въ нихъ часть своихъ собственныхъ надеждъ, упований, и пророчествъ.

„Конечно, угадали—и наградили меня вашей ласковой рѣчью и цвѣтами, можетъ быть, послѣдними въ моей жизни.

„Если мнѣ не суждено болѣе встать, я ихъ принимаю съ благодарностью, какъ украшеніе на могилу. Я не стремлюсь къ ней, но и не прячусь отъ неизбежнаго и, можетъ быть, близкаго предѣла.

„Благодарю же васъ!

„Вотъ, что я хотѣлъ вамъ сказать тогда искренно и отъ всего сердца, но чего не дала договорить мнѣ болѣзнь.

„Вашъ старый и неизмѣнный поклонникъ и другъ“.

ИЗВѢСТІЯ

ОТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, О ПОДПИСКѢ НА СТИПЕНДІЮ И ПРЕМІЮ ИМЕНИ С. М. СОЛОВЬЕВА.

Въ октябрѣ 1879 года русская наука понесла великую утрату въ лицѣ заслуженнаго профессора московскаго университета, автора „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, Сергія Михайловича Соловьева. Съ тѣхъ поръ, какъ изъ среды самаго университета, такъ и со стороны многочисленныхъ читателей покойнаго, разсыпанныхъ по всей Россіи, не прекращались заявленія о необходимости выразить уваженіе къ его многолѣтней и плодотворной дѣятельности наиболѣе соотвѣтствующимъ ея характеру способомъ. Заявленія о томъ поступали не только отъ ученыхъ учреждений и обществъ, изъ которыхъ во многихъ покойный Соловьевъ былъ почетнымъ членомъ, но и отъ людей, посвятившихъ себя болѣе широкой общественной дѣятельности. Память покойнаго, какъ ученаго, такъ много и съ такою славой трудившагося для науки и Россіи; его заслуги, какъ писателя, всѣми признанныя и высоко цѣнимыя; его благородный образъ мыслей и дѣйствій и его просвѣщенный взглядъ на современные вопросы русской жизни; его благотворное участіе въ воспитаніи многихъ поколѣній (съ 1845 по 1879 г.) русскихъ студентовъ; высокій примѣръ самоотверженной преданности и безграничной любви къ наукѣ и отечественному просвѣщенію,—все это побуждало людей, питавшихъ уваженіе къ памяти покойнаго, ходатайствовать объ учрежденіи при московскомъ университетѣ, какъ мѣстѣ его постояннаго служенія, стипендіи и преміи за лучшія историческія сочиненія, имѣющихъ раздаваться отъ его имени.

Нынѣ Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на открытіе повсемѣстной въ Имперіи подписки для сбора добровольныхъ пожертвованій на составленіе капитала для учрежденія при московскомъ университетѣ стипендіи и преміи имени С. М. Соловьева.

Объявляя о семъ во всеобщее свѣдѣніе, московскій университетъ приглашаетъ всѣхъ почитателей покойнаго доставлять свои пожертвованія въ *правленіе университета* съ обозначеніемъ: назначаются ли предлагаемыя ими пожертвованія на стипендію и премію *имѣстѣ*, или только на которую нибудь изъ нихъ. Такъ какъ дѣятельность покойнаго обращена была на пользу русскихъ людей многихъ поколѣній и не останется безъ благотворнаго вліянія на людей поколѣній будущихъ, то московскій университетъ съ равною признатель-

ностію приметъ и послѣнное приношеніе отъ учащихся, и пожертво-
ваніе отъ людей, какъ воспитавшихся на сочиненіяхъ С. М. Со-
ловьева, такъ и бывшихъ свидѣтелями первыхъ успѣховъ его на
литературномъ и педагогическомъ поприщѣ.

ПОПРАВКИ:

Въ февральской книгѣ журнала—

<i>Стран.</i>	<i>строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>слѣдуетъ:</i>
506	18 сл.	рѣшили	рѣшились бы
510	5 сл.	Впрочемъ составляетъ	Составляетъ
522	19 сл.	держала	держала
530	21 „	къ чорту-то	къ чорту—то
547	15 „	я ужъ	я ужъ
562	18 сл.	кидавшіе	кидавшіеся

Надатель и редакторъ: М. СТАСОВИЧЪ.

ВЪСТѢЖЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.
ЛІТЕРАТУРЫ.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 4-я.

АПРѢЛЬ, 1883.

ПЕТЕРБУРГЪ.

В. ШАРШОВИЧЪ

Въ Петербургѣ
издана
Въ типографіи
В. ШАРШОВИЧЪ
Google

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1883.

Стр.

— ПЕРЕВОДЧИЦА НА ПРИСКАХЪ. — Рассказъ изъ жизни на Уралѣ. — I-VII. — Д. М-ина	449
— ИДЕАЛИСТЫ ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ. — Биографическій этюдъ. — X-XIV. — Окончаніе. — П. В. Анненкова	501
— ПЕРМЯКИ. — IV-VII. — Окончаніе. — Н. Добровольскаго	544
— ПОВѢСТИ-ПАРОДИИ БРЕТЬ-ГАРТА. — Съ англійскаго. — VIII-X. — Окончаніе. — Е. А.	581
— ГОДЫ ВОЗСТАНІЯ ВЪ ВЕНГРИИ. — Гр. де-Воллана	618
— ШПИЛЬГАГЕНЪ И ЕГО ТЕОРІЯ РОМАНА. — П. О. Морозова	641
— РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ САТИРѢ САЛТЫКОВА. — IV. — Продолженіе. — К. К. Арсеньева	667
— МАРИОНЪ ФАЙ. — Романъ въ двухъ частяхъ, Антони Троллопа. — Часть первая. — VIII-XVI. — О. П.	715
— ХРОНИКА. — Наши учительскія семинаріи; — Историческій очеркъ. — I-III. — Бар. Н. А. Корфа	786
— ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Введеніе судебнаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ въ составъ департамента полиціи. — Ожидаемое измѣненіе законовъ о раскольникахъ. — Проектъ общаго устава русскійхъ желѣзныхъ дорогъ: фиктивный передача акцій и возможная противъ нея мѣры; составъ и дѣятельность желѣзно-дорожныхъ правленій; подсудность исковъ, предъявляемыхъ къ желѣзнымъ дорогамъ. — Новый налогъ на заграничные паспорта. — Пятидесятилѣтіе петербургскаго коммерческаго суда. — Что думаютъ „Московскія Вѣдомости“ о пятидесятилѣтіи нашихъ общихъ судовъ.	803
— ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ ЖЕНСКИХЪ ГИМНАЗІЙ. — Историческая замѣтка. — В. П. Острогорскаго	826
— ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. — ВАРШАВА. — А. О.	839
— ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Князь А. М. Горчаковъ и его „полуволитика“. — Призваніе въ Journal de St.-Petersbourg. — Задачи русской дипломатіи и ошибочное ихъ пониманіе. — Динамитная партія въ Англіи. — Обстановка ирландскаго движенія. — Внутренній дѣла Франціи. — Министерская шаткость въ Пруссіи. — Личная политика кн. Бисмарка, и ея послѣдніе результаты.	852
— ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Исторія русской перекли, Макарія, митрополита московскаго, т. XII. — Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, Д. Кобеко. — Жуковскій и его произведенія, соч. П. Загарина. — Статьи для публики, по вопросамъ историческимъ, политическимъ, и пр., В. Н. Модестова	872
— ЗАМѢТКА. — Наши статистическія работы по землевладѣнію. — О. О. Воропонова	887
— НЕКРОЛОГЪ. — П. И. Мельниковъ. — А. Е-на	893
— ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Кончина Л. С. Макова. — Воспоминанія изъ времени его управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. — Открытое письмо г. Лѣскова. — Жалоба г. Каткова на стѣсненія печати, со стороны администраціи и судебнаго вѣдомства. — По вопросу о способности православной паствы избирать пастырей	896
— БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Искусство Италіи. А. Вышеславцева. — Путешествіе русскаго посольства по Афганистану и Бухарскому ханству. — П. Л. Яворскаго. — Исторія XIX вѣка, Мишле. — Не въ бровь, а въ глазъ. — Г. Минаева	

ПЕРЕВОДЧИЦА

НА

ПРИСКАХЪ

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ЖИЗНИ НА УРАЛА.

I.

— Да-съ, Ираида Филатьевна...— говорилъ низенькій сгорбленный старикъ съ опухшимъ краснымъ лицомъ. — Все испыталъ, все перенесъ, какъ праведный Іовъ... Былъ богатъ, пользовался почетомъ, а теперь сирь и убогъ-съ.

Старикъ жестомъ показалъ на свою порыжѣлую заплатанную визитку, на короткіе, обросшіе внизу бахромой штаны съ выдавшимися протертыми колѣнками и на старыя лапти, которые жалко болтались на его голыхъ ногахъ. Ираида Филатьевна, коротенькая и толстая женщина, лѣтъ сорока, съ маленькими голубыми глазками и широкимъ чувственнымъ ртомъ, только пыхнула въ отвѣтъ синимъ дымомъ сигары, которую курила, и немного хриплымъ голосомъ небрежно проговорила:

— Ну, а дальше?..

Старикъ посмотрѣлъ на свою собесѣдницу мутными слезившимися глазами записного пьяницы, покрутилъ головой и улыбнулся разсѣянной, полупьяной улыбкой. Онъ только теперь обратилъ вниманіе на мужской костюмъ Ираиды Филатьевны, которая была одѣта въ черныя бархатныя шаравары, въ красную канаусовую рубашку и щегольскіе лакированные сапоги; нега

у Иранды Филатьевны была самая маленькая, что называется аристократическая нога, съ высокимъ подъемомъ и крошечной ступней.

— Ну-съ?..

— Ахъ, Иранда Филатьевна... одну крошечную рюмочку-бы... А?..

— Да у васъ, батенька, вчерашнее похмѣлье изъ головы не вышибло, а вы рюмочку...

Вмѣсто отвѣта старикъ моментально схватилъ своими красными дрожащими руками маленькую бѣлую руку Иранды Филатьевны и покрылъ ее поцѣлуями; Иранда Филатьевна молча поднялась со ступеньки крыльца, на которомъ они сидѣли, и, слегка переваливаясь на своихъ толстыхъ коротенькихъ ножкахъ, лѣнливой походкой ушла въ комнату.

Разговоръ происходилъ на крыльцѣ коковинской принцессы конторы. Старикъ нѣсколько времени сидѣлъ неподвижно на своей ступенькѣ, потомъ поднялъ голову и, прищурившись, долго смотрѣлъ кругомъ. Налѣво отъ конторы поднималась лѣсистая горка, направо раскинулся желтымъ пятномъ коковинскій пріискъ, точно оправленный въ широкую зеленую раму изъ хвойнаго лѣса. Кругомъ беспорядочно громоздились Уральскія горы, обрѣзывая горизонтъ волнистой неправильной линіей. Все кругомъ—и горы, и лѣсъ, и пріискъ, и самая контора были залиты ослѣпительнымъ свѣтомъ іюльскаго солнца. Около вагнеровъ на пріискѣ не суетились старатели, въ лѣсу замолкли птичьи голоса и даже неутомимый дятель пересталъ долбить старую ель съ обломленной вершиной, которая стояла въ двухъ шагахъ отъ конторы.

— Ухъ, какъ парить...—вслухъ проговорилъ старикъ, снимая съ головы рваную изломанную баранью шапку.

Иранда Филатьевна вынесла ему стаканчикъ водки; старикъ жадно припалъ къ нему блестящими синими губами и, выпивъ водку залпомъ, на нѣсколько времени впалъ въ то безсознательно-блаженное состояніе, какое испытываютъ только горькіе пьяницы.

— Кто же васъ ко мнѣ прислалъ? — спрашивала Иранда Филатьевна, опять усаживаясь на ступеньку рядомъ со старикомъ; она задыхалась отъ жара, а на крыльцѣ было какъ-будто прохладѣе.

— Самъ пришелъ-съ, самъ,—заговорилъ старикъ разбитымъ хриплымъ голосомъ.—Я вѣдь не всегда такой былъ, Иранда Филатьевна. Когда вашъ папенька, генералъ Касаткинъ, слу-

жили на Уралѣ, они бывали у меня въ домѣ... Какъ-же-съ!.. Всѣ бывали, потому что домъ у меня былъ полная чаша. Всѣ тогда знали Якова Порфирыча Шипицына... Да-съ!.. Въ силѣ былъ, въ большой силѣ-съ, капиталами страшными ворочалъ... Да и вы у меня бывали, сударыня, этакой маленькой дѣвочкой: коротенькое платьице, бѣлые кальсончики, локончики... Хе-хе!.. Конечно, гдѣ вамъ упоминуть, ежели тогда вамъ, можетъ, семой годокъ шелъ... Однимъ словомъ: отроковица.

— Вѣдь вы въ Лобовскомъ заводѣ живете?

— Да... т.-е. нѣтъ: жилъ когда-то, а теперь гдѣ день, гдѣ ночь.

— Я помню: домъ у васъ стоитъ на горѣ?

— Точно такъ-съ... Этакой большой домна, съ мезониномъ, колоннами, галдареей и всякое прочее. А рядомъ съ моимъ-то домомъ стоитъ домъ Хомутова, Прошки Хомутова... Такой же какъ у меня. Можетъ, помните?

— Нѣтъ... Я помню, какъ сквозь сонъ, что была съ папѣ въ Лобовскомъ заводѣ, въ домѣ съ колоннами, и ѣла малину въ большомъ саду, вмѣстѣ съ какими-то дѣвочками...

— Именно, именно, сударыня... И малина была крупная, хорошая малина, а дѣвочки-то мои дочери. Да-съ... Вотъ дочери-то меня и загубили, сударыня. Ахъ, не то, вѣдь, я хотѣлъ сказать: о дочеряхъ послѣ. Завелъ я рѣчь о томъ, почему пришелъ къ вамъ... А видите, какая причина вышла: какъ-то въ городѣ, въ Моховѣ нашемъ, зашелъ я грѣшнымъ дѣломъ въ кабачокъ, извѣстно, не съ радости, а съ горя... Хорошо. Только тутъ попались мнѣ старатели съ коковинскаго пріиска, ну, разговаривались. Вотъ они мнѣ и рассказали про васъ: такая, говорить, у насъ славная барышня на пріискѣ, однимъ словомъ, добръющая душа. Къ кому хворь, говорятъ, прикинется, али какое горе—все къ ней несемъ... Вотъ я тогда и припомнилъ васъ... Думаю, авось барышня и признаютъ Якова Шипицына. А мнѣ, видите-ли, нужно пробраться на Вогульскій пріискъ, къ Хомутову, оно, значить, къ вамъ, на Коковинскій-то мнѣ и вышло по-пути... Какъ-же-съ! А вы вотъ и признали меня...

— Однако, что вамъ отъ меня нужно?

— Я-съ?... Мнѣ лично отъ васъ ничего не нужно, Иранда Филатьевна... Какъ изволите видѣть: весь-тутъ—старъ и дряхлъ, а похоронить-то и меня мѣсто найдутъ. Вотъ за станицикъ я вамъ благодаренъ... Э-эхъ! Ну, да это все пустяки, дѣло-то не въ томъ... Да-съ. Не о себѣ хлопочу. Только ужъ позвольте сначала вамъ все обсказать.

— Рассказывайте...

Шипицынъ на минуту задумался, припоминая длинный рядъ годовъ, гдѣ мелькали знакомыя лица, дорогія сердцу сцены и разные житейскіе случаи; онъ встряхнулъ головою, точно желая освободиться отъ тяжелыхъ воспоминаній и заговорилъ своимъ дряблымъ, разбитымъ голосомъ:

— Прохора-то Герасимовича вы знаете?

— Нѣтъ.

— Ну, Хомутова?.. Прошку Хомутова?

— Да, слышала о немъ, даже разъ, кажется, видѣла его издали.

— Такъ-съ...

Шипицынъ опять задумался. На пыльной дорогѣ, въ двухъ шагахъ отъ конторы, весело выбѣжала синичка и, помахивая длиннымъ чернымъ хвостикомъ, съ женскимъ любопытствомъ посмотрѣла своими черными крошечными глазами на разговаривавшихъ. Одно мгновеніе она, кажется, готова была улетѣть и даже немного присѣла, чтобы вспорхнуть разомъ, но страхъ такъ же быстро миновалъ, какъ и пришелъ, и маленькая шалунья беззаботно погналась за кружившимися въ воздухѣ и опавшими отъ жару мошками. Она ловко схватывала ихъ, дѣлая самыя граціозныя пѣ, и нѣсколько разъ оглянулась на крыльцо, точно ожидая погони.

— У насъ еще отцы-то жили душа въ душу, — заговорилъ Шипицынъ послѣ своего раздумья: — а потомъ мы съ Прошкой подросли, почтай однолѣтки были, въ одинъ годъ насъ и женили... Мы по безпоповщинѣ, такъ свадьба у насъ по родительскому благословенію. Живой рукой окрутить, и вся тутъ. Хорошо... У Хомутова въ домѣ и моленная налажена была. Ноньче эти дѣла просто пошли, а допрежь этого ужъ какія строгости были: разорять за моленную. Только старики-то Хомутовы крѣпки были, ну, и не сумѣвались: чуть что слышать, сейчасъ давай замазывать всѣмъ рты. Ну, обнаковенная политика... Хорошо. Вотъ мы и живемъ рядышкомъ: у Хомутовыхъ домъ полная чаша, и у насъ тоже. Даже огороды не были разгорожены, ребяташки такъ одной грудкой и ходять... А дѣтишекъ у насъ все копится да копится: что ни годъ, то и съ прибылью. Только у Прошки ребята родились все въ перемежку: ноньче дѣвка, на другой годъ парень — такъ, въ родѣ какъ часы были заведены; а у меня не такъ: у меня подрядъ шли все дѣвки... Ей-Богу!.. Ужъ чего-чего только мы не дѣлали съ женой, чтобы парня хоть одного добыть: ни Боже мой! Какъ сама-то тяжелая ходитъ,

такъ я ужъ по глазамъ у ней вижу, что безпремѣнно она дѣвку принесть опять... И чтобы вы думали: десять дѣвокъ! Ну куда я съ ними дѣнусь, особливо по нашему вупеческому положенію! Сынъ подростъ, онъ ужъ и помощникъ, съ десяти лѣтъ за прилавкомъ: и себѣ хлѣбъ зарабатываетъ, и отцу замѣна. Хорошо. Вотъ только жена моя въ одиннадцатый разъ и забеременѣла. А меня и страхъ, и горе, и злость впередъ разбирають. Какъ, думаю, жена принесть одиннадцатую дѣвку, сейчасъ ее, какъ кошку, въ дѣшокъ да въ воду... Ей-Богу, такъ и думаю про себя. Ну-съ, и ждемъ мы съ женой, какъ страшнаго суда, кто родится...

— И родилась одиннадцатая дѣвка?

— Такъ точно-съ: *одиннадцатая*!.. Ужъ такое меня горе взяло, такое горе взяло! Пошелъ къ своему старику, который у насъ за попа справлялъ... Маркомъ его звали. Ну, Маркъ меня и спрашиваетъ: «Кого, Яковъ Порфирычъ, Богъ далъ?»—А я ему: «Будь она, говорю, отъ меня проклята—одиннадцатая дѣвка родилась!» Ахъ, горе, горе!..

— Что же, вы утопили ее?

— Нѣтъ... Какое утопилъ!.. Старшихъ-то дѣвокъ я такъ не долюбивалъ, а одиннадцатая-то къ самому сердцу пришлась. Ей-Богу, сударыня... Стала она подростать и такая ли изъ себя бойкая да смышленная дѣвчурка вышла, ну, заглядѣнье: глазенки какъ черная смородина, волосы русые да кудравые, сама румяная... Ахъ, хороша уродилась Настыбка, всѣ сосѣди любовались, только уродилась она не въ добрый часъ... Да. Какъ разъ съ самаго дня ея рожденія начали мы захудать, т.-е. я и Хомутовъ. Одному тутъ не везетъ, другому въ другомъ мѣстѣ... Не успѣешь отъ одной невадачи поправиться, а тамъ ужъ другая на носу. Такъ оно и пошло, точно подъ гору покатилося. Ну, по крайности, не обидно выходило: пиръ пировали вмѣстѣ, и горе горевать вмѣстѣ. Куда что дѣвалось: сначала тоже крѣпились, а потомъ ужъ и крѣпиться мочи не стало. А у Хомутова дѣла еще хуже моихъ... Я то хлѣбомъ торговалъ, а онъ краснымъ товаромъ. Вотъ и подойди Ирбитская армарка. Неотступно Хомутову деньги надобны, а денегъ нѣтъ. Онъ ко мнѣ, какъ къ старому другу-пріятелю, а у меня тоже пусто въ карманѣ: всѣ деньги, какія были, въ товаръ положилъ. Объяснилъ я ему все дѣло и говорю, что помочь мнѣ ему нечѣмъ... А Прошка-то Хомутовъ-то и говоритъ: «Яковъ Порфирычъ, поручись за меня?..» Подумалъ-подумалъ я, ну, какъ не помочь человѣку, ежели онъ просто за-живо тонетъ, да еще какому человѣку: душа въ душу

жили чуть не сто лѣтъ. «Хорошо», говорю я Прощіѣ. Ну, онъ, обнаковенно, зачалъ божиться: тотъ Богъ, этотъ Богъ... Поручился я за него тысячу на десять, и онъ поѣхалъ на Ирбитскую, набралъ товару, а потомъ черезъ полгода и обанкрутился: все богатство какъ водой смыло—ничего не осталось. А тутъ и меня за мою поруку подтянули и тоже все съ молотка пошло... Охъ-хо-хо!.. Забѣдовали какъ есть... Лавки опечатаны, товаръ съ уяціону ушелъ, дома что было накоплено, тоже поманеньку разстранжирили,—сегодня лошадку продадимъ, завтра экипажи, послѣ—серебряную посуду, изъ платья что ни-на-есть. Въ конецъ захудали... А я не ропщу: думаю-то, вмѣстѣ бѣду несемъ, авось поправимся. Конечно, оно обидно, что послѣднія крохи у меня за Хомутовымъ пропали, ну, а поправится мужикъ—отдасть.

— Тогда эти вольные золотые промысла пошли,—продолжалъ Шипицынъ послѣ небольшой паузы.—Ну, Хомутовъ-то и раньше немножко золотомъ займовался, а тутъ ужъ обѣи руками за прѣиска схватался... Все равно: двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать. Сыновья у него подросли, ну, все отцу подмога отъ нихъ. А я такъ и послѣлъ съ своими одиннадцатью дѣвками: жениховъ-то и не видывали. Да и какіе женихи: кто побогаче—брезгаютъ изъ разореннаго дому невѣсту брать, кто побѣднѣе—думаютъ, что такая невѣста къ бѣдности все-таки не обычна, тосковать станеть. Ну, ихъ у меня, невѣстъ-то, сразу штукъ шесть и очутилось на рукахъ... Чистое горе!.. Дѣвичье дѣло—и одѣться надо, и обуться, а достатковъ-то не хватаетъ и на хлѣбъ. Вотъ Хомутовъ прѣисками занялся, а мнѣ и того нельзя: сижу съ своими дѣвками, какъ собака на цѣпи, а дѣвки на возрастъ—долго ли до грѣха. Къ бѣдности-то завсегда грѣхъ первымъ дѣломъ льнетъ... Такъ мы и маячились лѣтъ съ пять, а тутъ, погляжу, мои старшія-то дочери совсѣмъ зачичерѣѣли въ дѣвкахъ, а за ними ужъ меньшія, какъ горохъ по тычинкамъ, растутъ. Одиннадцатая-то, Настенька, тоже ужъ за двѣнадцать годочковъ перевалила и такъ-то наливаеця, что твое яблочко. И все это ей ни по чемъ, въ родѣ какъ ртуть! Мы ее стрѣлой прозвали за ее разудалый характеръ. Всѣхъ бывало утѣшить... А въ тринадцать-то лѣтъ она у насъ совсѣмъ заневѣстилась: хоть сейчасъ замужъ. Ей-Богу!.. Оказія, а не дѣвка... А мнѣ ужъ и кормить моихъ дѣвокъ нечѣмъ, давай ихъ обывать по добрымъ людямъ: старшія, тѣ въ начетчицы ушли, другія изъ-за хлѣба околачивались по дальнимъ родственникамъ, одна учительшей была... Не съ голодухи же помирать моихъ дѣвкамъ!.. А ужъ въ тѣ поры началъ я виномъ зашибать... Остальные остатки

тащилъ изъ дому да пропивать. Да какъ и не пить: приходишь домой—въ родѣ, какъ адъ кромѣшный. Жена высохла и въ родѣ изъ ума рехнулась, дочери грызутся, бѣдность, нищета... Охъ-хо-хо!.. Одна стрѣла наша и въ усь не дуетъ: приходишь пьяный домой, она тебя и приберетъ, и уговорить, и спать уложить, а на утро даже ономѣлится дастъ. Подъ ныннюю-то руку и драться сталъ крѣпче: всѣхъ, бывало, какъ мышей разгонию изъ дому... Жену, старуху-то, даже тиранить сталъ. Ей-Богу, осатаилъ совсѣмъ. Ну, а тутъ какъ разъ Хомутовъ и огорой этотъ Вогульскій присякъ: въ годъ всѣ долги свои заплатилъ и четыреста тысячъ въ карманъ чистенькихъ. Обрадѣлъ я, бросилъ свое пьянство, вымылся, помолился и въ Хомутову, за своимъ, значить, долгомъ... Чгобы вы думали, сударыня, вѣдь этотъ самый Хомутовъ заперся въ моемъ долгѣ?!.. Ей-Богу... «Не биралъ»—и пабашъ. Это онъ моими-то десятью тысячами поворостовался при своихъ, можно сказать, милліонтахъ... А дѣло велось по дружбѣ, безъ всякихъ записокъ, ну, и спланили мои десять тысячъ.

— Должно быть, этотъ Хомутовъ величайшій мерзавецъ?!.

— Какъ вамъ сказать... Мудреное это дѣло, сударыня, чловѣка судить: и не мерзавецъ Хомутовъ, и на нищую братію тысячами жертвуетъ, и многимъ помогаетъ, а мнѣ не заплатилъ... Ума не приложу!.. Даже ежели бы онъ и долженъ не былъ мнѣ, ну, что ему стоило дать мнѣ взаймы хоть тамъ пять какихъ-нибудь тысячъ: вѣдь всю бы семью спасъ и деньги свои обратно получилъ. Нѣтъ, куда тебѣ! На меня же накинута и даже въ мою выгнала изъ своего собственнаго дома... Вотъ тутъ ужъ я и закурилъ окончательно, а жена, старуха-то моя, маялась-маялась, да и догадалась: померла... Да-съ, вотъ оно куда пошло, Ираида Филатьевна... А потомъ, какъ я остался одинъ одишепенекъ съ моими дѣвками, тутъ такая музика началась— не приведи, Господи!.. Дѣвки всѣ на возрастѣ, кровь въ нихъ ходитъ, ну, извѣстно, одолѣли... Такъ и шили по рукамъ ни за грошъ, а стрѣла-то моя едва у меня и осталась, какъ вѣшница въ глазу. И то сказать, дѣвчурѣй всего пошелъ шестнадцатый годокъ. Воспрая дѣвка, чего сказать, а водой не замутишь... Ну, а тутъ какъ-то и ее грѣхъ попуталъ...

— Пятнадцать-то лѣтъ?

— Ей и теперь пятнадцать... Да. Обидно мнѣ это, Ираида Филатьевна, потому, какъ сманилъ Настеньку все тотъ же Хомутовъ, Прошка Хомутовъ. Стрѣла-то теперь съ нимъ на Вогульскомъ и живетъ... Ну, посудите: ему за пятьдесятъ, а ей всего

шестнадцатый годочекъ... Вѣдь еще дитѣ, ежели разобрать, хоть изъ себя она вполне можетъ отвѣтить за настоящую взрослую дѣвицу.

— Ахъ, негодяй!—вскричала Иранда Филатьевна, вскакивая съ своего мѣста.

— Я вотъ въ нему и пробираюсь за моею стрѣлкой, да вотъ изъ вамъ по пути завернулъ: не пособите ли чѣмъ моему горю?

— Именно?

— Какъ же-съ... Первое дѣло, одному мнѣ Хомутовъ не отдастъ Настеньку, а ежели бы вы на него напали, вдвоемъ-то мы у него изъ горла вырвемъ дѣвку. Ей-Богу!.. Да ми его... Видите, не могу я съ нимъ разговору вести, а какъ увижу — сейчасъ меня точно обухомъ по головѣ: все потемнѣетъ, и ничего не помню. А вотъ вы бы на счетъ разговору протѣкающе-съ... Второе-съ: куда я дѣнусь съ Настенькой, ежели и ослѣбѣетъ ее? Ни кола, ни двора... А жалъ дѣву: маля, а не дѣвка, хоть я и проклялъ ее при рожденіи.

— Хорошо, я подумаю, — задумчиво отвѣтила Иранда Филатьевна, зажигая потушшую сигару.

II.

— А вотъ и наши идутъ, — прибавила Иранда Филатьевна, указывая Шипицыну движеніемъ головы на подходящихъ въ конторѣ со стороны пріиска трехъ мужчинъ. — Оставайтесь съ нами обѣдать, Яковъ... Яковъ...

— Порфиричъ, судариня, — помогъ Шипицынъ, поднимаясь съ своего мѣста. — Нѣтъ, Иранда Филатьевна, очень вамъ благодаренъ и безъ того... Покинуйте-съ, я свое мѣсто даже весьма понижаю. Куда ужъ мнѣ въ лаптишкахъ съ гг. иностранцами обѣдать...

— Да вѣдь иностранцы такіе же люди, какъ и мы съ вами. Оставайтесь?..

— Нѣтъ, ужъ увольте, судариня... потому какъ я по своему убожеству даже людей порядочныхъ ничѣ избѣгаю, а ежели къ вамъ насмѣлился обратиться, такъ единственно по вашей превеликой добротѣ. Въ родителя пошелъ сердцемъ-то, въ Филата Никандрича... Вотъ, ежели бы относительно Настеньки вы оборудовали это дѣло, въ правую ножку поклонюсь... Вѣдь еще со-всѣмъ отроконица она у меня!

— Хорошо, я подумаю, а вы завтра утром навѣдайтесь. Теперь, вы куда?

— А на принесть мѣста много... У кого-нибудь изъ старателей перебыюсь до завтра.

Шипицынъ конфузливо переминался съ ноги на ногу и не уходилъ; онъ стыдился попросить еще стаканчикъ водки, но Иранда Филатьевна предупредила его просьбу и вынесла второй стаканчикъ; старикъ съ жадностью выпилъ водку, торжественно вытеръ губы горстью и, какъ-то весь сгорбавшись, униженно шмыгнувъ куда-то за уголъ конторы, вѣроятно, избѣгая встрѣчи съ гг. иностранцами.

Впереди всѣхъ шелъ старикъ французъ съ козлиной бородкой и сѣдыми усами; его высохшее длинное тѣло было заключено въ щегольскую синюю визитку, сѣрые брюки и лакированные охотничьи сапоги. Изъ подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей весело и пронизательно глядѣли свѣтлокаріе глаза, ослѣженные цѣлой свѣтлою малыхъ морщинъ. Мягкая пуховая шляпа съ широкими полями защищала его отъ жгучихъ солнечныхъ лучей. Вообще м-г Пажонъ принадлежалъ къ тому типу молодыхъ старичковъ, которые до семидесяти лѣтъ считаютъ себя юношами. Рядомъ съ нимъ выныла г-ръ Шоттъ, настоящій пивабскій нѣмецъ, съ длиннѣйшими руками, длиннымъ туловищемъ, короткими ножками и какимъ-то драблымъ вартофельнымъ лицомъ. Шестивѣ замыкалъ мистеръ Арчеръ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, высокій, стройный, съ румянымъ лицомъ, голубыми округлыми глазами и твердо сложенными губами; въ зубахъ онъ держалъ маленькую цѣнковую трубочку. Заложивъ сильныя красныя руки за спину, молодой человѣкъ шелъ съ тѣмъ особеннымъ спокойнымъ равнодушіемъ ко всему на свѣтѣ, какъ умѣютъ ходить только одни англичане; на головѣ у него былъ надѣтъ helmet of India.

— Здравствуйте, м-лле... — заговорилъ по французски м-г Пажонъ. — Мы, кажется, заставили васъ ждать?.. Тысячу разъ извините...

— У васъ тутъ была какой-то мушницъ? — спрашивалъ нѣмецъ, снимая съ головы соломянную шляпу, причемъ его голова оказалась совсѣмъ лысой.

— Экое у васъ бабье любопытство, г-ръ Шоттъ, — отрясала Иранда Филатьевна. — Не «была мушницъ», а былъ мужчина...

— Ja, ja... — забормоталъ старикъ: — Былъ мужчина...

— Ну, былъ, а теперь его нѣтъ... Вамъ какая забота?

— О, вы скажете всегда... такое скажете... — бормотал старикъ, отмахиваясь своей длинной, какъ рачья клешня, рукой.

М-г Пажонъ и мистеръ Арчеръ вдвоемъ знали только два русскихъ слова: первый щи называлъ «чи», а второй говорилъ «хорошо» и «нѣтъ-хорошо». Герръ Шоттъ постоянно щеголялъ предъ ними своимъ знаніемъ русскаго языка.

Послѣ обѣда, поданнаго на открытомъ воздухѣ подъ навѣсомъ крыльца, вся компанія разошлась по своимъ комнатамъ. Коковинская принцессова контора была выстроена на двѣ половины: въ одной жили герръ Шоттъ и мистеръ Арчеръ, а въ другой м-г Пажонъ и Иранда Филатьевна. Последняя на принсѣ, кромѣ своей главной роли переводчицы, имѣла еще большее значеніе, какъ хозяйка и подруга м-г Паждона. Международнымъ языкомъ на принсѣ былъ французскій, и благодаря ему, Иранда Филатьевна заняла свое настоящее положеніе. Въ сложности, всѣ четверо представляли собой массу такихъ непримиримыхъ противорѣчій, что едва ли одна кровля когда-нибудь прикрывала болѣе запутанную человѣческую комбинацію.

Иранда Филатьевна передала свой разговоръ съ Шипицынымъ, когда осталась въ комнатѣ вдвоемъ съ м-г Пажономъ. Французъ слушалъ ея порывистый разсказъ сосредоточенно и серьезно, насасывая длинную трубочку съ шелковой кисточкой на тонкомъ чубуцѣ; онъ нѣсколько разъ хмурилъ свои сѣдые брови и наконецъ проговорилъ:

— Что же вы думаете теперь дѣлать, м-ше Ира?

Онъ не говорилъ ей «ты»; Иранда Филатьевна употребляла «вы» и «ты», глядя по расположенію духа.

— Какъ что?—удивилась она.

— Какъ хотите, а женщинѣ вмѣшиваться въ такіа дѣла, по моему, не совсѣмъ удобно...

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Да вѣдь этотъ Хомутовъ-то поцѣикъ, и можетъ сдѣлать какую-нибудь неприятность... наговорить дерзостей.

— Что же, по твоему, оставить эту пятнадцатилѣтнюю дѣвочку въ рукахъ этого скота?

— Можетъ быть, она сама этого хочетъ...

— Никогда... Слышишь: никогда!.. Въ пятнадцать лѣтъ дѣвочка не можетъ имѣть такихъ гнусныхъ желаній. Это было съ ея стороны ошибкой, можетъ быть, заблужденіемъ, наконецъ, просто нестастіемъ... Ее, во что бы то ни стало, необходимо вырвать изъ рукъ Хомутова. И я это сдѣлаю завтра же...

М-г Пажонъ нѣсколько мгновеній полу-вопросительно смо-

трѣлъ на покраснѣвшую Иранду Филатьевну и потомъ задумчиво проговорилъ:

— У васъ геройская душа, м-лле Ира...

— Вадоръ!.. Никакого тутъ и геройства нѣтъ, а самое простое человеческое чувство, которое возмущается несправедливостью. Это у васъ всякіе пустяки за геройство сходятъ... Вы думаете, что женщина создана специально только для вашего удовольствія?.. Нѣтъ, она такой же человекъ, какъ и мужчина. Поймите это разъ навсегда.

— Во всякомъ случаѣ, если Хомутовъ позволить съ вами какую-нибудь дерзость, я къ вашимъ услугамъ...

— Это на счетъ дуэли?.. Ха-ха... Хомутова можно побить, но драться на дуэли онъ никогда не будетъ.

— Хорошо, предположимъ, что вы освободили эту дѣвушку, а потомъ что вы съ ней будете дѣлать?

— Какъ что? Привезу ее сюда, и она будетъ жить со мной въ одной комнатѣ, т.-е. вотъ въ этой самой, въ которой мы сейчасъ разговариваемъ.

— А я куда?

— Вы перейдете къ Шотту... Что-жъ тутъ такого, особеннаго? Устроится какъ-нибудь...

М-г Пажонъ готовъ былъ хоть сейчасъ же драться на дуэли съ Хомутовымъ, но спать въ одной комнатѣ съ герръ Шоттомъ—это заставило его нахмуриться.

— Если вы вздумаете сердиться, то я совсѣмъ уйду отъ васъ,—пригрозила Иранда Филатьевна, загораясь румянцемъ до самой шеи. — Что за глупости!.. Будьте довольны тѣмъ, что имѣете... за немнѣніемъ лучшаго. А то я сейчасъ же... Понимаете?

— Ахъ, я совсѣмъ и не думалъ сердиться, — поправился м-г Пажонъ, цѣлуя руку м-лле Иры. — Мнѣ показалось только неудобнымъ то, что, какъ хотіе, подъ одной крышей, сейчасъ за стѣной, не считая меня, будутъ жить еще двое мужчинъ. Знаете, молоденькая женщина съ одной стороны сама будетъ подвергаться опасности, а съ другой...

— Ха-ха-ха!.. — залилась Иранда Филатьевна. — Вотъ это мило... Ха-ха!.. Что-же, они дикіе звѣри, что-ли? Что касается мистера Арчера, то могу поручиться за него, что онъ даже не взглянетъ на дѣвицу лишняго раза, потому что онъ джентльменъ съ ногъ до головы. Кромѣ того, онъ влюбленъ въ какую-то кузину, которой пишетъ длиннѣйшія письма въ Англію каждую недѣлю и на которой онъ женится... Я поручусь за Арчера.

Можетъ быть, вы опасаетесь за герръ Шотта? Ха-ха!.. Но право этотъ швабскій Аполлонъ совсѣмъ не опасенъ, кромѣ... своей флейты и бумажныхъ ковриковъ. Вѣдь онъ и мнѣ дарилъ эти коврики, однако, какъ видите, это совсѣмъ не такъ опасно.

Иранда Филатьевна принадлежала къ тѣмъ горячимъ натурамъ, для которыхъ каждое мимолетное желаніе — законъ. Она цѣлую жизнь была игрушкой и рабомъ этихъ желаній, переживая тысячи неудачъ, ошибокъ и разочарованій, какія неизбѣжно сыплются на голову такихъ людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, точно для довершенія всѣхъ бѣдъ, природа дала ей добрейшее сердце, которое вѣчно изнывало подъ напоромъ неудовлетворенной любви, подтапливая ее на самыя дикія выходы. Разъ извѣстная мысль попадала въ голову Иранды Филатьевны, разъ она согрѣвалась теплотой ея любвеобильнаго сердца—эта мысль немедленно приводилась въ осуществленіе. И такъ шла цѣлая жизнь, какими-то пароксизмами самой лихорадочной дѣятельности, горячими скачками отъ одного предмета привязанности къ другому; эта лихорадка выкупалась тяжелыми минутами унынія, давящей тоски и полнымъ равнодушіемъ ко всему на свѣтѣ.

Не дальше какъ утромъ Иранда Филатьевна переживала одну изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ своего мудренаго существованія; но тутъ подвернулся старикъ Шипицынъ со своей «стрѣлой» — и всю хандру какъ рукой сняло. Впрочемъ, она давно уже не испытывала прилива силъ и теперь точно хотѣла наверстать даромъ потраченное время. Конечно, и раньше она никому не отказывала въ помощи и постоянно возилась съ прінсковыми бабами и ребятишками, которые одолѣвали ее своими болѣзнями, нуждами и разными бѣдами прінсковаго житья-бытья. Но такая дѣятельность не удовлетворяла кипучей натуры Иранды Филатьевны, не поглощала всѣхъ силъ, не заставляла переживать му-чительныхъ часовъ ожиданія и щемящей тоски.

Теперь другое дѣло.

Когда Шипицынъ еще рассказывалъ о «стрѣлѣ», въ головѣ Иранды Филатьевны успѣлъ сложиться самый блестящій планъ не только освобожденія этой дѣвушки, но и окончательнаго устройства ея на впріскѣ. Она дала Шипицыну уклончивый отвѣтъ только подъ влияніемъ той выдержки, какая еще сохранилась въ ней какимъ-то чудомъ.

— M-lle Anastasie... Настенька... Настя... — шептала про себя Иранда Филатьевна, съ нетерпѣніемъ дожидаясь ночи.

Она уже любила эту пятнадцатилѣтнюю дѣвочку, жертву бѣдности, людского эгоизма и развращенности. Это чувство охва-

тило ее съ особенной силой и заставило ее сорокалѣтнее сердце бить усиленную тревогу, точно эта Настенька была ее собственной дочерью, которая когда-то была потеряна, а теперь вдруг нашлась... Да, она эта Настенька, всего въ тридцати верстахъ отъ Коквинскаго пріиска, и Ираида Филатьевна осыпала дѣтище своей фантазіи самыми ласковыми нѣжными именами, какія можетъ придумать только любящая женская душа. За ужиномъ Ираида Филатьевна все время думала о томъ, что-то теперь дѣлаетъ ее Настенька на Вогульскомъ пріискѣ? Можетъ быть, тамъ идетъ бѣшеная оргія, и этотъ ребенокъ улыбается своимъ палачамъ. Дальше, ей представлялась, что дѣвушка переживаетъ самую горькую нужду. Такъ можетъ думать только мать о своихъ дѣтахъ, придумывая и переживая тысячи несуществующихъ затрудненій и опасностей. Словомъ, Ираиду Филатьевну охватила всецѣльная страсть, страсть совершенно особеннаго рода: раньше она любила только мужчинъ, а теперь всей душой прильпилась къ совершенно неизвѣстной ей дѣвушкѣ.

Вечеромъ, когда всѣ улеглись спать Ираида Филатьевна осторожно поднималась съ своей походной желѣзной кровати и, распахнувъ окно, усаживалась на подоконникъ, съ голыми плечами и руками. Голова горѣла, ей было душно. Вѣжливый храпъ м-г Пажона возмущалъ ее теперь до глубины души, и она, съ закрытыми глазами, мечтала о блаженномъ завтра, когда въ этой комнатѣ мѣсто накрахмаленнаго истертаго француза займетъ Настенька и разомъ наполнитъ комнату свѣжестью своей шестнадцатой весны. Ея воображеніе уже впередъ рисовало картину того, какъ онѣ устроятся въ этой комнатѣ вдвоемъ: свою кровать она отдастъ Настенькѣ, а сама переберется на клеенчатый диванъ; затѣмъ на окнахъ нужно будетъ повѣсить занавѣски, а на полу разостлать коверъ. Не дурно было бы окленть стѣны обоями, достать туалетъ...

— Нѣтъ, это ужъ роскошь... вздоръ!—рѣшила Ираида Филатьевна, останавливая полетъ собственной фантазіи.—Необходимо устроить трудовую обстановку, пополнить библіотеку новыми книгами, выписать нѣсколько журналовъ...

А въ окно на мечтавшую Ираиду Филатьевну глядѣла миріадами блестящихъ глазъ пахучая лѣтняя уральская ночь; пріискъ и рѣка Коквинка были затянута бѣлымъ туманомъ; горы при невѣрномъ освѣщеніи молодого мѣсяца казались выше, пирамидальныя вершущи елей и пихтъ вырѣзывались на голубомъ фонѣ сѣвернаго неба, каждый своей вѣточкой; гдѣ-то скрипѣлъ въ осокѣ коростель и ухнулъ въ лѣсу филинъ. Однимъ

словомъ, это была одна изъ тѣхъ чудно-поэтическихъ, тихихъ и полныхъ грезъ, сѣверныхъ ночей, когда человѣкъ точно тонетъ въ окружающей его сладкой дремѣ.

Да, ночь была чудо какъ хороша и, какъ настоящая красавица, щедро разсыпала кругомъ себя дары и блески своей красоты. Самый воздухъ, наскенный ароматомъ лѣсныхъ цвѣтовъ и травы, кажется, не смѣлъ шевельнуться, чтобы не нарушить чудной гармоніи, охватившей тихо и торжественно спавшую землю. Ночныя тѣни сгустились у опушки лѣса, залегли темными пятнами по логамъ и впадинамъ, а тамъ вверху въ бездонной голубой выси, разливалось трепетное голубое сіяніе лихорадочно горѣвшихъ, серебряныхъ звѣздъ, точно алмазная пыль; широкія полосы луннаго свѣта выхватывали изъ ночного мягкаго сумрака стрѣлки елей и пихтъ и ложились на покрытую росой траву матовыми фосфорическими пятнами.

— Какъ это все хорошо!..—проговорила вслухъ Ираида Филатьевна съ жадностью дыша полнымъ свѣжести лѣтней ночи воздухомъ.

Но она не замѣчала творившихся предъ ея глазами красоту природы: всѣ чувства и мысли были сосредоточены, какъ въ фокусѣ, на одной идеѣ. Да, теперь все было хорошо. Ираида Филатьевна съ удовольствіемъ припоминала свой послѣдній «случай»; когда она поступила переводчицей на Кокковинскій принскъ. Много она пережила на своемъ вѣку, но похоронить себя въ глухомъ лѣсу, въ обществѣ какихъ-то сомнительныхъ иностранцевъ—это было съ ея стороны очень смѣлымъ шагомъ, на который она рѣшилась съ большимъ трудомъ. Впрочемъ, она была достаточно гарантирована тѣмъ, что м-г Пажонъ былъ очень порядочный человѣкъ, какъ она убѣдилась съ перваго знакомства съ нимъ, хотя онъ и былъ легкомысленъ и говорилъ, какъ истый французъ. Сначала она долго относилась скептически къ этому фантазеру-инженеру, который помѣшался на идеѣ оживить русскую золотопромышленность усовершенствованными способами механической промывки золотоносныхъ песковъ. Потомъ... потомъ повторилась одна изъ тѣхъ исторій, которыя вѣчно останутся новыми: въ одно прекрасное утро Ираида Филатьевна сдѣлалась подругой м-г Пажона. Это случилось какъ-то само собой, и стороны не обольщали себя иллюзіями.

— Если вы хотите, мы завтра повѣнчаемся, — предлагалъ м-г Пажонъ въ порывѣ великодушія.

— О, нѣтъ... Мы и безъ этого успѣемъ еще разойтись, когда надѣдимъ другъ другу, — отвѣтила Ираида Филатьевна.

III.

На другой день рано утромъ, Шипицынъ нехотя брелъ къ присковой конторѣ. Въ головѣ у него стояло ужаснѣйшее помѣшье. Онъ нѣсколько разъ долженъ былъ останавливаться и отдыхать на свалкахъ перебитого песку. «Поднесетъ или нѣтъ Иранда Филатьевна стаканчикъ?» думалъ старикъ, съ трудомъ передвигая подгибавшіяся и дрожавшія ноги. «Охъ, хорошо бы пропустить два такихъ стаканчика»... съ безнадежной тоской прибавлялъ Шипицынъ про себя, и въ его воспаленномъ мозгу уже рисовалась картина, какъ Иранда Филатьевна беретъ графинъ водки и наливаетъ стаканчикъ.

— Эй, вы, что же это вы едва шевелитесь?—окликнул Шипицына женскій голосъ.

— Вотъ тѣ и разъ...—проговорилъ старикъ, поднимая голову.—Къ самой конторѣ подошелъ... Ишь ты!.. Никакъ у нихъ гости? Какая-то дама... Должно быть, меня за кучера приняла.

У конторы дѣйствительно стояла тройка осѣдланыхъ лошадей, а по крыльцу нетерпѣливыми шагами ходила сама Иранда Филатьевна въ шелковомъ цилиндрѣ съ вуалью, въ синей амазонкѣ съ длиннѣйшимъ шейфомъ и шведскихъ перчаткахъ съ лакированными манжетами. Шипицынъ не узналъ ея сначала; она показалась ему выше, чѣмъ вчера, и неизмѣримо красивѣе. Онъ даже снялъ свою баранью шапочку и униженно поклонился издали.

— Да ну же, чего вы стали?—закричала на Шипицына Иранда Филатьевна, топая ногой.—Я васъ съ которой поры здѣсь жду... Верхомъ умѣете ѣздить?

— Д-да....

— Ну, такъ садитесь, сейчасъ же и въ дорогу. Вотъ, стойте гнѣдая, на нее и садитесь.

Шипицынъ отправился къ гнѣдой лошади, закинулъ ногу въ стремя и, какъ мѣшокъ съ травой, свалился на землю.

— Не могу, Иранда Филатьевна...—прошепталъ онъ. Мнѣ бы поправиться... чуточку поправиться... Я молодцомъ пройду, ей-Богу, молодцомъ!..

Иранда Филатьевна ушла въ контору и вернулась съ полу-бутылкой коньяку въ одной рукѣ, а другой она торопливо спрята-ла въ карманъ своей амазонки плохонькій старинный револьверъ системы Лефоме. Пока Шипицынъ допивалъ второй стаканчикъ, изъ людской показался кучеръ Мазаръ.

— Ну, и езопя же барышня гдѣ-то добыла, — думалъ онъ, не торопясь подходя къ крыльцу.

При помощи Макара, Иранда Филатьевна взобралась въ сѣдло и опытной рукой натянула поводья; соловой киргизъ-иноходецъ, съ поротыми ушами, красиво выгнувъ свою оленью шею и нетерпѣливо заюгался на одномъ мѣстѣ. Шипицынъ, спрятавъ недопитую бутылку за пазуху, тоже вѣселился на свою лошадь, причемъ никакъ не могъ помануть другимъ лаптемъ въ стремя.

— Макарь, принеси свои сапоги, — свомандовала Иранда Филатьевна, старая отъ нетерпѣнія.

Макарь неохотно сходилъ за сапогами и, почесывая въ затылкѣ, подалъ ихъ Шипицыну.

— Двѣ повертки налѣво, а потомъ одна направо? — спрашивала Иранда Филатьевна, пока Шипицынъ надѣвалъ сапоги.

— Точно такъ-съ, барышня, — отвѣчалъ Макарь, бойко встряхивая своими подстриженными въ скобу волосами. — Первая повертка налѣво будетъ на прѣискъ Талой, къ Соболеву, значить... Вторая повертка налѣво уведетъ въ Мураши, деревунка тутъ есть, а третья направо — на прѣискъ Кончикъ, къ Колченогову.

Черезъ пять минутъ Иранда Филатьевна уже спускалась на своемъ иноходцѣ подъ гору, прямо на прѣискъ; Шипицынъ рясдой, дрыгая въ сѣдлѣ, старался догнать ее. Въ поводу онъ велъ запасную лошадь въ дамскомъ сѣдлѣ; это была лучшая лошадь на прѣискѣ, вороной масти, съ тонкими сильными ногами и блестящими черными глазами. Шипицынъ даже не спросилъ, куда они ѣдутъ: по воинственному виду Иранды Филатьевны онъ видѣлъ, что они ѣдутъ добывать отъ Хомутова «стрѣлу». Они скоро миновали прѣискъ и поднялись на крутую лѣсистую горку; съ нея открывался великолѣпный видъ на весь прѣискъ и на контору, которая занимала небольшое возвышеніе. Картина получалась самая пестрая: на протяженіи цѣлой версты земля была изрыта по всѣмъ направленіямъ и образовала по бокамъ прѣиска громадныя свалки; Коловинка была запружена въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и ея мутную, желтую воду издали трудно было отличить отъ размывшихъ песчаныхъ береговъ. Нѣсколько золотопромывательныхъ машинъ, штанговая водочачка, паровикъ около шахты, толпы рабочихъ, ватившіяся прѣисковыя тележки, нагруженныя золотоноснымъ пескомъ, — все это было залито лгущимъ свѣтомъ занимавшагося ведраннаго дня и производило хорошее доброе впечатлѣніе. Иранда Филатьевна любила прѣиско-

вую жизнь; эта лихорадочная дѣятельность была въ ея характерѣ, отвѣчая ея авантюристскимъ наклонностямъ.

— Экое обзаведенье, подумаешь, — задумчиво проговорилъ Шипицынъ, оглядываясь назадъ.

— Пожалуйста, не выпускайте лошади, — упрямилась Иранда Филатьевна, оглядываясь назадъ.

— Помилуйте... да я...

— Нѣтъ, серьезно говорю вамъ. И не отставайте...

Благодаря этой проклятой заводной лошади, положеніе Шипицына выходило самое критическое: лѣвой рукой онъ правилъ своимъ гвѣдомъ, правой держалъ за поводъ вороную, а за пазухой, между тѣмъ, какъ птичка въ клеткѣ, билась полубутылка коныаку... Не было никакой возможности пропустить хоть нѣсколько капель живительной влаги, потому что какъ только онъ пробовалъ вытащить изъ-за пазухи бутылку — ворона начинала прысть ушами, раздувала ноздри и надавала самый подозрительный храпъ. Лошадь припоминала нагайку, которую Макарь носилъ за пазухой. Пома Шипицынъ переносилъ муки Танталя, Иранда Филатьевна все сильнѣй и сильнѣй подгоняла своего вноходца. Ей казалось, что горы сегодня были выше обыкновеннаго и дорога дѣлала много совершенно лишнихъ поворотовъ. Особенно сердили ее крутые спуски, когда приходилось ѣхать шагомъ. Черезъ часъ обѣ лошади были въ мылѣ, и Иранда Филатьевна, обратившись къ своему спутнику, съ досадою проговорила:

— До этого Вогульскаго принска, будетъ цѣлыхъ сто верстъ, а не тридцать...

— Сударыня, вы очень скоро ѣдете...

— Вотъ вадоръ! Плетемся шагомъ, точно веземъ кислое молоко... Я не знаю, ужъ не сбились ли мы съ дороги? Вы видѣли повертку на право?

— Точно такъ-съ!..

— Это на Талый... Должна быть вторая повертка въ Мураши. Кажется, мы никогда не дойдемъ до нея.

— На Таломъ-то работаетъ Соболевъ, мой бывшій приказникъ, — со вздохомъ замѣтилъ Шипицынъ. — На Копчикѣ тоже...

— Другой приказникъ?..

— Да... Колченоговъ. На мои кровные денежки теперь раздуваются. Охъ-хо-хо!.. Въ нашемъ купеческомъ званіи всегда такъ бываетъ: хозяинъ разорился, глядишь, приказники и полѣзли въ гору. А безъ приказниковъ купцу невозможно... Грѣхи!.. Надо же и имъ отвѣдать сладкаго житья, — прибавилъ Шипицынъ

со смиреніемъ, чувствуя, какъ у него съ непривычки къ верховой ѣздѣ отнималась поясница и начинали отекаѣть ноги.

А кругомъ, при утреннемъ освѣщеніи, все было такъ удивительно хорошо, точно безконечной пестрой лентой развертывалась какая-то волшебная панорама.

Съ прикрутостей и взлобочковъ можно было видѣть горы на далекомъ разстояніи. Онѣ точно тонули въ золотой пыли утренняго солнца. По логамъ и впадинамъ, по дну которыхъ притались безымянныя горныя рѣчущія, еще стоялъ туманъ; кое-гдѣ онъ начиналъ подниматься къверху небольшими бѣлыми облачками, отдѣльными волнами и длинными бѣлыми нитами. Уральскія горы вообще не высоки, и только нѣкоторыя изъ нихъ заканчиваются шиханами, т.-е. группами обнаженныхъ скалъ на вершинахъ. Эти шиханы теперь были закутаны фіолетовой дымкой, которая на горизонтѣ принимала темносніе тоны. Дремуцій ельникъ выстилалъ все кругомъ и только кой-гдѣ, на откосахъ и прикрутостяхъ, изъ траурной зелени сѣверной ели выдѣлялись гривки сосняку, да еще по лощинамъ, гдѣ бѣжали въ горъ ключи, свѣжими, свѣтло-зелеными пятнами вырѣзывались отдѣльные островки березняковъ и осинниковъ. Въ одномъ мѣстѣ дымилось въ туманѣ небольшое горное озеро; горы около него тѣснились зелеными валами, точно волны тяжелатаго бархата, раскинутыя артистической рукой въ красивомъ безпорядкѣ.

Когда дорога желтой лентой сбѣгала подъ гору, даль пропадала и путниковъ охватывала настоящая зеленая нетронутая глушь, точно они спускались на дно какого-то бассейна, изъ котораго вода только что была выпущена. Ели дружной семьей жались къ самой дорогѣ, образуя зеленую, прихотливо вырѣзанную шпалеру, въ отверстія которой золотыми пятнами, полосами и зайчиками врывались солнечные лучи и зажигали бриллиантовыми искрами придорожную траву, еще покрытую ночной росой. На самомъ днѣ лога, куда приводила дорога, мелькали зеленыя душистыя поляны, точно опушенныя кустами рябины, жимолостью и смородиной; въ сочной густой травѣ, хватавшей человѣку по грудь, пестрѣли желтые молочаи, полевая гвоздика выставяла свои розовыя головки и синѣли лѣсные колокольчики. Дикій горошекъ мѣшался съ бѣлыми ростками ромашки; иванъ-чай высоко поднималъ свои пирамидальныя верхушки, облѣпленныя блѣдно-розовыми цвѣточками и бѣлымъ шелковистымъ пухомъ. Здѣсь же въ густой зелени зрѣла и наливалась малина, краснѣли кисти поспѣвавшей костяники и далеко разливалъ въ воздухѣ

свой аромат горный шалфей. Когда лошади, фыркая и мотая головами, въ бродъ переправлялись черезъ говорливую горную рѣчку, путниковъ охватывало ночной свѣжестью, которая заставляла вздрагивать.

— Этакая благодать! — умилялся Шипицынъ. — Чудны дѣла Твои, Господи... Вся премудростью сотворилъ еси!..

— Да, здѣсь дѣйствительно хорошо... — соглашалась Иранда Филатьевна, точно просыпаясь отъ какого сна.

Проведенная безъ сна ночь и тревога ожиданія заставили поблѣднѣть ея полное, немного обрюзгшее лицо, на которомъ, на одно мгновеніе, выступили слѣды минувшей красоты. На нее напало тяжелое раздумье, точно она еще разъ переживала свою жизнь. Да, эти воспоминанія давили ее, какъ тяжелый сонъ, въ которомъ безконечный рядъ неудачъ и разочарованій едва освѣщался двумя-тремя свѣтлыми точками. Всего нѣсколько мгновеній счастья на цѣлую жизнь, — это слишкомъ несправедливо!..

Опустивъ поводья и машинально глядя по сторонамъ, Иранда Филатьевна перебирала свое прошлое.

Ей теперь за сорокъ лѣтъ. Начала себя она помнить маленькой пухлой бѣлокурой дѣвочкой, которая ходила въ коротенькихъ платьицахъ, бѣлыхъ панталонахъ, обшитыхъ кружевами, и въ завитыхъ локонахъ. Лицо у ней было всегда круглое и всегда румяное. Отецъ называлъ ее толстухой и всегда, бывало, ущипнетъ за самую щеку, когда она ласкалась къ нему. Генералъ Касаткинъ принадлежалъ къ тому типу безалаберныхъ и безхарактерныхъ русскихъ людей, которые для подчиненныхъ составляютъ истинное несчастье, потому что какъ бы примѣнитесь къ человѣку, который сегодня разрушаетъ то, что создавалъ вчера, а завтра будетъ проклинать цѣлый свѣтъ за то, что сегодня вполне одобрялъ. Они въ то время жили на Уралѣ, гдѣ отецъ, въ качествѣ горнаго инженера, занималъ очень видный постъ. Мать для Ирки навсегда осталась какою-то блѣдной туманной фигурой, въ родѣ тѣхъ, какія появляются на акранѣ волшебнаго фонаря. Она всегда ходила съ подвязанной щекой, вѣчно отъ чего-нибудь лечилась и появлялась на сцену только въ самыя критическія минуты, когда генералъ Касаткинъ начиналъ рвать и метать. Какъ всѣ безхарактерные люди, онъ былъ очень добръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вспыльчивъ до бѣшенства: въ такія минуты къ генералу не было никакого приступа и онъ продолжалъ тѣ несправедливости, какія люди такого сорта способны устраивать подъ впечатлѣніемъ минуты. Появленіе жены

заставляло расходившагося генерала успокоиваться, и онъ даже плакалъ отъ надрывающей его злости.

— Ахъ, Ирочка, Ирочка... Моя милая толстуха, какъ мы теперь съ тобой жить будемъ?—плакался генералъ, когда въ одно прекрасное утро безцвѣтная генеральша умерла.

Толстуха положила свою бѣлокурую головку на плечо отцу и горько заплакала, заплакала потому, что всѣ въ домѣ плакали; въ дѣйствительности она совсѣмъ не переживала особеннаго горя, потому что и не понимала, и не любила матери. Генералъ предавался шумному и откровенному отчаянію, которое было совершенно искренне, какъ все, что онъ дѣлалъ въ своей жизни; онъ по своему любилъ свою безцвѣтную жену. На рукахъ у него осталось, кромѣ Ирочки, еще три дочери и два сына; какъ чадолюбивый отецъ, онъ самъ взялся за воспитаніе дѣтей. Это воспитаніе заключалось въ томъ, что дѣтямъ была предоставлена полная свобода, и они, какъ всѣ дѣти, быстро освоились съ своимъ новымъ положеніемъ: мальчики живя жили въ кучерской, а дѣвочки въ кухнѣ или въ дѣвичьей. Въ каждомъ барскомъ домѣ прислуга имѣетъ рѣшающее вліяніе на воспитаніе дѣтей, предъ нимъ разлетаются въ дребезги всѣ благородныя усилія гувернантокъ, гувернеровъ, учителей и учительницъ. За служебными недосугами генералъ Касаткинъ часто совсѣмъ забывалъ о существованіи своихъ дѣтей и дѣлалъ исключеніе только для толстухи Ирочки, которую любилъ безъ ума, потому что она походила на него во всемъ, какъ дѣй капли воды. Къ этому времени относится побѣдка Ирочки вмѣстѣ съ отцомъ по заводамъ, причемъ, для своего возраста, она видѣла можетъ быть слишкомъ много, а еще больше того слышала. Часто ей приходилось быть нѣмой свидѣтельницей очень откровенныхъ сценъ и разговоровъ, какіе ведутся въ холостой мужской компаніи, и никто не обращалъ вниманія на забавную толстуху, которая дремала гдѣ-нибудь въ уголѣхъ подъ шумокъ веселыхъ разговоровъ. Эта цыганская жизнь исключительно въ обществѣ мужчинъ оставила въ характерѣ Ирочки глубокій и неэстетичный слѣдъ; къ этому періоду ея жизни относилось и знакомство Ирочки съ семьей Шаницыныхъ.

Отсутствіе безцвѣтной генеральши скоро отозвалось на судьбѣ генерала Касаткина самымъ роковымъ образомъ: не имѣя за спиной поддерживавшей его цѣлую жизнь руки, онъ, благодаря своей горячности, запутался въ самой глупой исторіи. Микроскопическій горный чинъ сдѣлалъ доносъ на генерала, куда слѣдуетъ, обвиняя его въ очень важныхъ злоупотребленіяхъ;

этот доносъ вызвалъ канцелярское слѣдствіе. Не смотря на свои недостатки, генералъ былъ честный человѣкъ по службѣ и не зналъ за собой никакой вины; но бѣда вышла изъ того, что производить слѣдствіе пріѣхалъ такой же вспыльчивый и взбалмошный человѣкъ, который съ первыхъ двухъ словъ осадилъ генерала и даже заставилъ его замолчать. Понятно, что такое незаслуженное оскорбленіе взорвало генерала, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ слабость считать себя человѣкомъ, въ которомъ не только нуждаются, но безъ котораго министерство даже не въ состояніи обойтись. Словомъ, онъ раздѣлялъ очень простибельное заблужденіе многихъ другихъ людей и, вмѣсто того, чтобы сократить себя и помириться съ оскорбившей его особой, полѣзъ на стѣну, и въ концѣ концовъ, какъ многіе великіе люди, вылетѣлъ окончательно въ трубу. Подавая въ отставку, генералъ Касаткинъ былъ глубоко убѣжденъ, что ненастье бываетъ всегда передъ ведромъ и что его призовутъ, поклонятся и призовутъ. Но вышло такъ, что генерала Касаткина не только не призвали, а совсѣмъ позабыли и замолчали; онъ навсегда былъ похороненъ для казенной службѣ и слишкомъ поздно постигъ всю глубину своего паденія, а также и то, что будь жива безцѣльная болельная генеральша, этого никогда бы не случилось.

Вся эта исторія разыгралась въ концѣ пятидесятихъ годовъ. На Уралѣ генералу Касаткину больше нечего было дѣлать, и онъ перѣхалъ въ Казань, гдѣ у него былъ собственный домишко и какая-то недвижимая собственность въ уѣздѣ. Но и въ дни своего паденія генералъ Касаткинъ остался генераломъ Касаткинымъ и не только не сократилъ себя, но создалъ изъ своей жизни цѣлую оппозицію ненавистному министерству. Прежде всего, семья генерала начала испытывать чувствительные уколы бѣдности, которые наконецъ перешли въ хроническую нужду; но тѣмъ тѣснѣе смыкалось роковое кольцо, тѣмъ сильнѣе генералъ укрѣплялся на своей позиціи и точно закаменѣлъ въ какой-то болѣзненной гордости. Чтобы насолить своимъ недругамъ, онъ нѣсколько разъ поступалъ на частную службу, но и здѣсь не выдерживалъ характера и ссорился со всѣми. Его разстроенному воображенію вездѣ грезились интриги и возни его недоброхотовъ, такъ что, въ концѣ концовъ, онъ окончательно и навсегда заупорился въ своемъ домишкѣ, облюбовалъ либеральную газету и, пуская клубы дыма изъ длинной трубки, далъ полную волю своему наболѣвшему чувству. Каждый номеръ газеты приносилъ новую пищу его озлобленному чувству и онъ злобно хохоталъ, перебирая официальные извѣстія о повыше-

нійхъ и наградахъ своихъ бывшихъ товарищей по службѣ. Такъ какъ лично для генерала пѣсенка была спѣта, то онъ постарался создать оппозицію въ лицѣ своихъ дѣтей, воспитаніемъ которыхъ онъ теперь и занялся съ этой нарочитой цѣлью.

Жизнь въ Казани для Иrotchки была самымъ бурнымъ періодомъ ея существованія.

Ей только что минуло тринадцать лѣтъ, когда они перѣѣхали туда,—самый не благодарный возрастъ для дѣвушки, когда она теряетъ занимательность маленькой игрушки, а въ обществѣ большихъ является совсѣмъ лишней. Иrotchка въ тринадцать лѣтъ была все такой же румяной толстушкой, какъ и раньше, что ее очень бѣсило; ничего похожаго на талію она не могла сдѣлать при помощи самыхъ узкихъ корсетовъ, а руки и ноги были точно налиты самой обидной ребячьей полнотой. Но Иrotchка развилась гораздо быстрее своихъ лѣтъ и въ этомъ пухломъ дѣтскомъ тѣлѣ проснулись потребности и желанія большихъ людей. Когда она ходила въ свою школу въ коричневомъ короткомъ платьѣ и съ книжками, перетянутыми ремнемъ, каждая встрѣча съ красивымъ гимназистомъ бросала ее въ жаръ. Ея дѣтское сердце билось не дѣтскими желаніями и глаза заволакивались туманомъ: она изнывала отъ потребности любить и проводила безсонныя ночи за чтеніемъ романовъ. Обыкновенно люди находятъ то, что желаютъ найти, и Иrotchка встрѣтилась, наконецъ, съ нимъ. Это случилось, именно въ разгаръ генеральской оппозиціи министерству. Старшія двѣ сестры Иrotchки учились въ старшихъ классахъ той же школы, а братья кончали курсъ въ гимназій; въ генеральскомъ домѣ скоро закипѣла шумная молодая жизнь. Генеральская оппозиція какъ разъ совпала съ движеніемъ конца пятидесятихъ годовъ, и старикъ ухватился за это движеніе, какъ утопающій за соломенку. Въ генеральскомъ домѣ кипѣла настоящая ярмарка, и велись самые оппозиционные разговоры. Иrotchка могла только завидовать дѣвушкамъ съ стриженными, по тогдашнему обычаю, волосами и въ синихъ очкахъ, всегда окруженныхъ толпою молодежи. Тринадцатилѣтняя толстушка, вѣроятно, жалко терлась въ этой толпѣ, слѣпо перенимая все, что успѣвалъ схватывать глазъ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ сблизиться съ кѣмъ-нибудь изъ молодыхъ людей, она съ грѣхомъ пополамъ добилась имѣть своего собственнаго учителя математики, студента Бѣлоногова. Алгебра въ жизни Иrotchки навсегда осталась самой поэтической страницей, въ которой изъ-за математическихъ формулъ и алгебраическихъ выраженій на нее нахлынуло чувство первой любви.

Теперь, черезъ двадцать-пять лѣтъ, Иrotchка какъ сновъ сонъ припоминала этого Бѣлоносова, — длинноногій, вихлястый, съ зеленымъ лицомъ и длинной нечесанной гривой, онъ явился для нея тѣмъ идеаломъ, о которомъ она даже не смѣла мечтать. Сколько самыхъ глухихъ воспоминаній было связано съ этимъ временемъ: Иrotchка до тошноты зубрила свою алгебру и въ промежуткахъ цѣловала тѣ страницы учебника, къ которымъ прикасались костлявыя руки Бѣлоносова, а образки карандашей, которыми онъ писалъ, и бумагу съ формулами, выведенными его рукой, она даже съѣдала, какъ страусъ. Бѣлоносовъ имѣлъ всегда очень суровый видъ и совсѣмъ не замѣчалъ своей тринадцатилѣтней ученицы, когда она, съ блестящими глазами и заливавшимся все лицо румянцемъ, отвѣчала свой урокъ.

Четырнадцать и пятнадцать лѣтъ промелькнули для Иrotchки какъ сладкій сонъ, отъ котораго она не могла проснуться. Бѣлоносовъ наконецъ обратилъ на нее свое вниманіе и началъ даже развѣивать забавную толстуху. Генералъ предоставилъ дѣтямъ полную свободу и совсѣмъ не вмѣшивался въ ихъ личныя дѣла, благодаря чему Иrotchка могла не только гулять съ своимъ развѣвателемъ по пыльнымъ казанскимъ улицамъ, сколько было душѣ угодно, но даже заходила на его студенческую квартиру, гдѣ она чувствовала себя на седьмомъ небѣ. Эта пыльная, грязная, душная комната, съ колченогимъ столомъ и просиженнымъ клеенчатымъ диваномъ, сдѣлалась нѣмой свидѣтельницей первыхъ всхлипокъ любви Иrotchки, которая отдалась Бѣлоносову беззапѣтно.

Иrotchка не могла разсуждать или объяснять что-нибудь... Своя воля, свобода — все это теперь гнело и давило Иrotchку, которая молилась на своего идола.

Бѣлоносовъ, между тѣмъ, кончилъ курсъ по математическому факультету и поступилъ учителемъ гимназій въ одинъ изъ провинціальныхъ городовъ, сказавъ Иrotchкѣ на прощаньи:

— Иrotchка, ты всегда была умной, разсудительной женщиной и поймишь, что... Однимъ словомъ, я женюсь.

Иrotchка побѣжала отъ этихъ словъ и жалкимъ убитымъ взглядомъ въ послѣдній разъ взглянула на своего коварнаго идола. Ночью она приняла мышьяку, а утромъ, когда она металась въ страданіяхъ, молодой вратъ Корольковъ, попыкивая папироской, спокойно говорилъ:

• — Эхъ, барышня, и отравиться-то толкомъ не умѣли... Не только любовь, а даже и мышьякъ требуетъ мѣру: вы пересолдили... Если-бы вы приняли дозу вчетверо меньше, тогда вамъ

осталось бы только раскланяться съ этимъ міромъ, какъ говорить китайцы.

— Въ другой разъ я воспользуюсь вашимъ совѣтомъ, — едва могла проговорить Ирочка.

— Бѣдная моя, — жалѣлъ генералъ свою Ирочку, когда узналъ объ ея неудачной попыткѣ отравиться. — Стоило изъ-за подлеца безпокоить себя. Послунай, толстуха, меня старика... Ну, да что тутъ толковать! Всѣ вы, бабы, на одну колодку: языкомъ и туда, и сюда, а какъ дошло дѣло до физиологій и шабашъ! Охъ! ужъ эта мѣй ваша бабья физиологія. Нѣтъ, ты, моя толстуха, будь впередъ поумнѣе. На твой вѣкъ поддецовъ много будетъ, а ежели изъ-за каждаго травить себя — нѣтъ, жирно будетъ!.. А все ваша проклятая физиологія бабья...

Генералъ сильно состарился за послѣдніе года и, какъ всѣ оставшіеся не у дѣлъ, какъ-то совсѣмъ опустился. Его полное красное лицо обрюзгло и обложилось жирными мѣшками; глаза потухали, а кончикъ носа принималъ предательскій сине-багровый отгѣнокъ, потому что, отъ скуки и бездѣлья, генералъ привыкъ утѣшаться водкой.

Выздоровленіе Ирочки шло быстрыми шагами. Молодая натура, какъ помятая весенняя трава, счастливо пережила неожиданное потрясеніе и разцвѣла краше прежняго. Конечно, Ирочка въ этомъ случаѣ многимъ была обязана доктору Королькову, который каждый день навѣщалъ больную. Это былъ развитой малый, отъ котораго вѣяло вѣчнымъ праздникомъ. Онъ вносилъ съ собою всюду струю самаго беззаботнаго веселья. Притомъ Ирочка ему нравилась, что удесатеряло его веселье.

— Мы еще поживемъ съ вами досыта, — фамиллярно говорилъ онъ своей паціенткѣ, которая замѣтно притихла и унала духомъ. — Необходимо смотрѣть философски на жизнь и на людей. Этотъ вашъ Бѣлоносовъ чистый дуракъ, потому что не умѣлъ цѣнить своего счастья. Я бы на его мѣстѣ никогда такъ не сдѣлалъ...

Ирочка скоро утѣшилась въ обществѣ доктора Королькова. Но это была уже не первая любовь: она теперь преслѣдовала своего сожителя сценами ревности, подозрѣніями и горячими домашними перепалками. Впрочемъ, Корольковъ самъ былъ виновать въ этомъ: его постоянно тануло отъ одной женщины къ другой, и похождения доктора дѣлались извѣстны Ирочкѣ; она уходила отъ него къ отцу, но онъ опять являлся къ ней, приносясь съ собою чистосердечное раскаяніе въ содѣянныхъ грѣхахъ, влялся всѣми богами, что исправится, и Ирочка прощала ему все.

Такъ дѣло танулось лѣтъ пять, пока Корольковъ не наткнулся на одну очень пожилую вдову, съ рябымъ безобразнымъ лицомъ и ястребиными глазами; она не только женила его на себѣ, но совсѣмъ придавила и загнала.

Ирочка опять осталась одна, на полной своей волѣ, и занятая своими личными дѣлами, какъ-то не замѣчала, что дѣлалось въ родной семьѣ, которая послѣ смерти генеральши расплылась въ разныя стороны. Братья давно кончили курсъ въ университетъ и поступили на службу; одна сестра умерла отъ тифа, другая рассорилась съ отцомъ и поступила въ гувернантки къ богатому купцу. Генераль Касаткинъ давно махнулъ на дѣтей рукой и продолжалъ свою «оппозицію», какъ онъ называлъ водку. Въ одно прекрасное утро старый генераль за стабаномъ крѣпкого чая отдалъ свою душу Богу, и Ирочка осталась одна.

Разрывъ съ Корольковыми, смерть отца, свои подъ-тридцать лѣтъ, а больше всего новый характеръ шестидесятихъ годовъ, — все это вмѣстѣ взятое заставило Ирочку крѣпко призадуматься. Казань ей надоѣла; все кругомъ было точно пропитано самыми тяжелыми воспоминаніями: недавніе идеальные люди превратились въ буржуа и отрекшались отъ увлеченій юности; общество преслѣдовало то, чему недавно само же поклонялось, впереди нигдѣ не видно было проблесковъ лучшаго будущаго. Но Ирочка надѣялась на осуществленіе своихъ идеаловъ, хотя кругомъ нея все представляло самую печальную картину разрушенія; она рѣшилась ѣхать въ Петербургъ, гдѣ вмѣстѣ съ работою надѣялась встрѣтить и настоящихъ хорошихъ людей.

Въ Петербургѣ она встрѣтила людей съ такими же недостатками, какъ и въ Казани, и перебивалась цѣлыхъ десять лѣтъ, переходя отъ одной профессіи къ другой. И здѣсь ее преслѣдовали тѣ же неудачи, какъ въ Казани: люди, съ которыми она сходилась близко, всегда кончали тѣмъ, что обманывали ее болѣе или менѣе наглымъ образомъ. Каждый разъ послѣ такого случая Ирочка давала себѣ слово, что ужъ въ слѣдующій разъ ничего подобнаго не повторится. Ирочка одолѣла три новыхъ языка и жила переводами, — не отказываясь ни отъ какой работы: была корректоромъ, ретушоромъ, служила въ книжномъ магазинѣ, открывала какую-то мастерскую, словомъ всего было испробовано. Но не смотря на всѣ эти испытанія она оставалась прежней толстушкой, съ неизмѣннымъ румянцемъ на щекахъ, и оставалась сѣпо вѣрующей въ свое дѣло и въ тѣхъ людей, которые для нея въ дни юности были окружены ореоломъ героевъ. Свои личные дѣла она не смѣшивала съ тѣмъ направленіемъ, въ которомъ

кружилась съ дѣтства. На ея глазахъ недавніе герои развѣнчивались, уступая мѣсто другимъ; идеи старѣли и замѣнялись новыми; жизнь создавала новые идеалы, типы и средства. Ирочка ничего не хотѣла знать и, присутствуя при медленномъ вымирании дѣятелей и идей начала шестидесятыхъ годовъ, она даже не допускала мысли, что прежнія «дѣти» превратились въ «отцовъ», давно полиняли, выѣтривались и износились.

Не смотря на всѣ толчки и передраги, Ирочка все еще вѣрила въ «людей слова». Только семидесятые года заставили ее оглянуться назадъ и сравнить это шумное прошлое съ настоящимъ. Странно, Ирочка не понимала народившихся «дѣтей», не признававшихъ ни шумныхъ сходокъ, ни полуночныхъ горячихъ бесѣдъ, ни даже заветныхъ книжекъ. Эти новыя «дѣти» пугали Ирочку своей молчаливостью. Такимъ образомъ, похоронивъ движеніе шестидесятыхъ годовъ, Ирочка сознавала только одно, что она въ Петербургѣ лишняя, что ей тутъ нѣтъ мѣста, и уѣхала на Уралъ.

IV.

— Вотъ и Вогульскій...—проговорилъ Шипицынъ, когда они вѣхали на открытую вершину одной горы.

— А? Что?!—проговорила Ираида Филатьевна, просыпаясь отъ своихъ воспоминаній и останавливая вымыленную лошадь.

— Говорю: Вогульскій... Вотъ въ ложбинѣ,halb.

Было часовъ восемь утра; солнце залило горы яркимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, и изъ общей массы зелени пріискъ Вогульскій выдѣлялся неправильной, ярко-желтѣвшей заплатой. До него оставалось всего версты три-четыре. Направо на самомъ горизонтѣ синимъ дымкомъ курился пріискъ Копчикъ. Ираида Филатьевна подобрала поводья и долго смотрѣла въ зеленую даль, на эту чудную воздушную перспективу, прозрачную глубину, въ которой тонулъ лѣсъ, горы и самое небо, едва тронутые легкими серебрястыми облачками.

— Денегъ-то Хомутовъ добылъ на Вогульскомъ цѣлую уйму, —тихо говорилъ Шипицынъ, стараясь удержать вороную лошадь, которая тонула въ сторону, къ зеленой травѣ. —Въ прошломъ году зашибъ тысячъ пятьсотъ... Да-съ. Плакали мои денежки...

— Какъ такъ?

— Да вѣдь онъ на мои деньги развѣдчикъ-то пронаводилъ, разбойникъ... Какъ же! Не поручись тогда я за него, вѣдь пабашъ бы Хомутову. Охъ-хо-хо... Вотъ, и Копчикъ тоже, и Тазий...

Они осторожно начали спускаться подъ гору. Лошади почували жилье и весело фыркали, мотая головами. Иранда Филатьевна поправилась въ сѣдлѣ, встряхнула шлейфъ своей амазонки отъ наспѣвшей на него пыли и точно вся замерла на какой-то одной мысли. Вся краска сбѣжала съ ея полнаго лица, сочныя алмазныя губы сложились твердо и увѣренно, глаза смотрѣли вдаль смѣло и вызывающе, точно отыскивая своего противника. Иранда Филатьевна чувствовала, какъ замерло ея сорокалѣтнее сердце, когда она увидѣла вдали контору на Вогульскомъ: тамъ Настенька, отъ которой раздѣляло ихъ всего какихъ-нибудь четыре версты. Скорѣе, скорѣе...

Они спустились въ глубокую лощину, затянутую чахлами и вьяномъ, ольхой, кустами смородины и черемухи. Во всемъ чувствовалась близость пріиска: въ сторонѣ ходили спутанные лошади, глухо позванивая мѣдными боталами; въ одномъ мѣстѣ, на лѣсной прогалинкѣ, трава была скошена только-что сегодня утромъ, и отъ нея остался зеленый слѣдъ по дорогѣ: въ пыли валялись пучки не успѣвшей завянуть травы и уже свернувшіе свои лепестки помятые цвѣты; деревья были вырублены, тамъ и самъ валялись кучи порыжѣлаго прошлогодняго хворосту и зеленныя вѣтви молодыхъ бересть. Скоро изъ-за рѣдкаго еловаго подлѣда глянулъ и самый пріискъ; изъ-за мелькавшей свѣтлы деревьевъ можно было рассмотреть глубокую шахту въ горѣ, на противъ — дробильную машину, которая молола золотосодержащій кварцъ, затѣмъ двѣ золотопромывательныя машины, катившіяся таратайки и кучки рабочихъ, которыя красиво пестрили общій желтый фонъ пріиска.

— Вы подождете здѣсь съ полчаса, — говорила Иранда Филатьевна подбирая поводья. — А потомъ и пріѣжайте прямо въ контору...

— Хорошо-съ... — смиренно отозвался Шипицынъ, теряя прежнюю бодрость. — Будьте спокойны-съ, — прибавилъ онъ, не зная къ чему.

Въ какихъ-нибудь пять минутъ вноходецъ перенесъ Иранду Филатьевну на другую сторону пріиска и стрѣлой влетѣлъ на вылобочекъ, на которомъ красовалась новая контора съ низкой тесовой крышей и крошечными оконечками. Рабочіе съ удивленіемъ проводили глазами амазонку и опустили нѣсколько приличныхъ случаю ироническихъ замѣчаній...

Иранда Филатьевна, подѣлавая къ конторѣ, замѣтила въ одномъ окнѣ чье-то молодое, румяное бойкое лицо, но не могла разобрать: мальчикъ это или дѣвочка. На топотъ лошади изъ

людовой выскочили два конюха и приняли лошадь; на крыльцѣ монторы показался какой-то сѣденый старичокъ въ потертой и порывавшей плисовой визитѣ.

— Могу я видѣть г. Хомутова? — спрашивала Иранда Филатьевна, истинетивно принимая позу свѣтской дамы.

Старичекъ замаялся, но его вывелъ изъ затрудненія молодой человекъ, показавшійся изъ ближайшей двери.

— Я сейчасъ ихъ спрошу, — проговорилъ онъ, исчезая въ другой двери, выходившей тоже на крыльцо.

Молодой человекъ не заставилъ себя ждать, и появившись снова на крыльцѣ и встряхнувъ волосами, — проговорилъ: — пожалуйста... вотъ сюда-съ.

Комната, куда вошла Иранда Филатьевна, была убрана очень роскошно для приска: полъ былъ закрытъ бухарскимъ ковромъ, стѣны оклеены новенькими обоями, у окна стояла орѣховая дорогая конторка, заваленная бумагами и письменными принадлежностями; въ одномъ углу, прикрытая легкими ширмами, стояла кровать, въ другомъ мраморный умывальникъ. На встрѣчу вошедшей Ирандѣ Филатьевнѣ поднялся изъ-за письменнаго стола высокой плечистый господитъ лѣтъ подѣ шестьдесятъ, съ свѣжимъ, румянымъ скуластымъ лицомъ, узкимъ бѣлымъ лбомъ, остриженными подѣ гребенку волосами и узкими темными глазами. Вся фигура такъ и рѣзала глазъ своимъ полу-азиатскимъ происхожденіемъ, не смотря на крахмаленную сорочку и безукоризненную лѣтнюю пару изъ чичунчи.

— Касаткина... — задыхаясь, проговорила Иранда Филатьевна; у ней въ глазахъ рябило и металось пестрое пятно, которое выдѣлялось за конторкой: это безъ сомнѣнія, была сама Настенька, одѣтая въ малороссійскій костюмъ.

— Очень пріятно... — немного хрипло проговорилъ Хомутовъ, и смѣривъ амазонку съ ногъ до головы, онъ прибавилъ, подавая стулъ: — чему обязанъ видѣть васъ, madame?..

— Мнѣ нужно переговорить съ вами по одному очень важному дѣлу...

Иранда Филатьевна остановилась и показала глазами на расшитое красными и синими узорами пятно; дѣвушка поняла этотъ взглядъ, порывисто поднялась съ мѣста и легкой походкой вышла изъ комнаты, кокетливо постукивая французскими каблучками сафьянныхъ туфель. Какъ севозъ туманъ, для Иранды Филатьевны промелькнуло миловидное характерное лицо съ темными, опушенными густыми рѣсницами глазами, вздернутымъ, капризнымъ носикомъ, пухлыми губами и тяжелой русой косой. Иранда

Филатьевна должна была перевести духъ, прежде, чѣмъ могла что-нибудь сказать.

— Не хотите ли чаю?—предлагалъ Хомутовъ съ вѣжливостью настоящаго джентльмена.

— Нѣтъ, благодарю васъ...—почти шопотомъ отвѣтила Иранда Филатьевна, чувствуя, какъ все лицо ей залило яркой краской.

— Позвольте...—заговорилъ Хомутовъ, стараясь что-то припомнить. — Касаткина... Касаткина... Вы не дочь ли генерала Касаткина?

— Да.

— Ахъ, очень пріятно, — уже совершенно развязно проговорилъ Хомутовъ, и по его толстымъ губамъ проползла чуть замѣтная улыбка. — Такъ это вы на Кововинскомъ у французомъ живете?

— Да, я служу у м-га Пажона переводчицей...

— Такъ-съ... да. О-чень пріятно...—гнѣвно и нахально протянулъ Хомутовъ, еще разъ оглядывая свою собесѣдницу.

Хомутовъ не былъ злымъ человѣкомъ по природѣ, но Касаткина въ его глазахъ была просто «пажонтова наложница» и, слѣдовательно, церемониться съ ней было нечего. «Видали мы этакихъ-то генеральскихъ дочерей на своемъ вѣку даже очень достаточно», думалъ онъ, нахально рассматривая полную фигуру своей гостьи.

— Я пріѣхала взять отъ васъ Настеньку...—уже спойвно проговорила Иранда Филатьевна, сжимая одну перчатку. — Вы, конечно, согласитесь со мной, что такой молодой дѣвушкѣ не совсѣмъ удобно жить на принскѣ исключительно въ мужскомъ обществѣ...

— Вотъ какъ!..—процѣдилъ Хомутовъ, не ожидавшій такого оборота дѣла. — Для чего же вамъ она понадобилась?

— Это ужъ мое дѣло, и вы, какъ честный человѣкъ, должны согласиться со мной. Дѣвочка погибнетъ у васъ...

— Такъ-съ... Гмъ!.. Погибнетъ... А у васъ ей веселѣе что ли будетъ? Вотъ вы, слава Богу, живете и не погибаете...

— Я...—вспыхнула Иранда Филатьевна. — Я совсѣмъ другое дѣло. Мнѣ сорокъ лѣтъ, и я могу располагать своей судьбой, какъ хочу. Однимъ словомъ, это совершенно лишній разговоръ, и я желаю знать только одно: отпустите вы Настеньку со мной или нѣтъ?

— А позвольте узнать, госпожа, но какому вы праву можете требовать отъ меня Настеньку?

— Если вы хотите знать, я действую по желанію и просьбѣ Якова Порфирыча...

— Ха-ха-ха!..—залился Хомутовъ, поднимая плечи. — За сколько же онъ продалъ Настеньку вашимъ французамъ?..

— Милостивый государь, вы забываетесь!.. — закричала Иранда Филатьевна, вскакивая съ мѣста блѣдная, какъ полотно. — Я съумѣю заставить васъ замолчать... Да!.. Вы думаете, что я—женщина, совершенно одна въ вашей конторѣ, слѣдовательно со мной можно дѣлать все, что угодно... Вы ошибаетесь и жестоко заплатите за свою дерзость!..

— Ну, ну, извините, барынька... — заговорилъ Хомутовъ, превращаясь опять въ джентльмена. — Право, извините... Я вѣдь не злой человѣкъ. Не хотите ли лучше чайку?.. За самоварчикомъ и покалякали бы...

— Вы, кажется, хотите отдѣлаться отъ меня шутками?

— Совсѣмъ нѣтъ... Я говорю серьезно. Видите ли, я даже хотѣлъ нарочно заѣхать къ вамъ, на Коковинскій, чтобы познакомиться съ вами.

— Со мной?!

— Да, съ вами...

Хомутовъ проговорилъ послѣднюю фразу съ такой добродушной откровенностью, что весь гнѣвъ Иранды Филатьевны какъ-то сразу прошелъ и она только подумала про себя: «Или этотъ Хомутовъ действительно добродушный человѣкъ, или самая тонкая бестія».

— Нѣтъ, право бы самоварчикъ? Не хотите? Ну, какъ знаете... А съ дороги оно было бы даже очень интересно, вѣдь тридцать верстъ тоже проѣхали, да еще верхомъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Я очень тороплюсь... Пожалуйста, не задерживайте меня!

— Вотъ, вы опять и сердитесь?.. Я къ вамъ ото всей души, а вы... Ну, однако, объ дѣлѣ-то надо говорить. Видите ли, какая штука: я вдовецъ, мнѣ подъ шестьдесятъ, но я еще въ силахъ (Хомутовъ повелъ своими могучими плечами)... Хорошо-съ... Только Настенька мнѣ все-таки не пара, да и свои сыновья подросли, пожалуй и до грѣха не долго... Вы не подумайте, что я ее соблазнялъ или обольщалъ... Ни-ни!.. Сама пришла... Ей-Богу! Да вотъ спросите ее, она сама вамъ расскажетъ. Ну-съ, такъ выходить, что эта самая Настенька даже мнѣ въ тягость, да и предъ сыновьями совѣстно...

— Еще бы: вамъ шестьдесятъ, а дѣвочкѣ пятнадцать! Это просто варварство...

— Ахъ, право, какъ это вы круто разговариваете!.. Право чайку бы? Ну, не буду, не буду, только не гнѣвайтесь... Не хотите ли курить?

Иранда Филатьевна достала изъ кармана портсигаръ и закурила сигару; Хомутовъ молчалъ, подыскивая слова.

— Ну, я жду?—рѣзко проговорила Иранда Филатьевна.

— Сейчасъ, сейчасъ... Я вѣдь и папашу вашего Филата Никандрыча очень даже хорошо зналъ. Онъ и въ дому у меня бывалъ, да и вы тоже. Маленькой такой дѣвочкой были... Вотъ я и думаю... Только вы пожалуйста не гнѣвайтесь!.. Вотъ я и думаю: живете вы теперь на Кововинскомъ, съ этими французами... Вѣдь трудно вамъ?

— Нисколько! Пожалуйста, скорѣе кончайте...

— Прѣвините, мадамъ: вы не замужемъ?

— Да вамъ-то какое дѣло? Что вы меня неповѣдуете?

— А я къ тому рѣчь веду, что Настеньку вы отъ меня возьмите, пусть ее съ французами поживетъ, а сами на Вогульскій переѣзжайте... Ей-Богу, барынька!

— Да вы съ ума сошли?

— Даже нисколько... Я отъ души, я никакихъ дурныхъ мыслей не держу въ головѣ. Живите у меня, какъ сами пожелаете, и только всего. Можеть, и сойдемся...

— Никогда!!.. Вы, во-первыхъ, пустили Шипицына по міру со всей семьей, во-вторыхъ, самымъ безсовѣстнымъ образомъ воспользовались неопытностью пятнадцатилѣтней дѣвочки, въ третьихъ...

— Это вамъ все Шипицынъ навралъ...

— Я ему должна вѣрить, потому что обвиненіе противъ васъ на лицо.

— Это вы про Настеньку-то опять?

— Да, про нее...

Хомутовъ быстро пошелъ въ двери и, вернувшись, проговорилъ:

— Послушайте, барынька... Я не знаю, что вы хотите дѣлать съ Настенькой, но я... Вы мнѣ не повѣрите... Да?.. Спросите ее...

Хомутовъ вышелъ... Черезъ пять минутъ въ комнату вошла Настенька. Иранда Филатьевна такъ и впилась въ нее глазами. Да, это была та самая Настенька, которую она вчера полюбила и о которой промечтала цѣлую ночь. Небольшого роста, но вполне сформировавшаяся, съ гибкими крадущимися движеніями, она производила съ перваго раза очень выгодное впечатлѣніе; а

смуглое, съ загорѣлымъ румянцемъ лицо, съ неправильно выгнутыми черными бровями и лошачьи-ласковымъ взглядомъ темныхъ глазъ съ широкимъ зрачкомъ, принадлежало къ тому загадочному типу лицъ, которыя точно спеціально созданы природою для любви. «О, да это настоящій тигренокъ», — подумала Иранда Филатьевна, когда Настенька вопросительно и ласково смотрѣла на нее.

— Намъ прежде необходимо познакомиться, — заговорила Иранда Филатьевна. — Надѣюсь, мы полюбимъ другъ друга, т.-е. я, какъ увидала васъ, такъ и полюбила.

— И я тоже...

Иранда Филатьевна горячо поцѣловала Настеньку, и не выпуская ея рукъ изъ своихъ, она норовисто и несвязно передала цѣль своего приѣзда на Вогульскій принскъ. Дѣвушка молчала, перебирая смуглой, съ дѣтскими ямочками рукой расшитый край своего передника.

— Я говорила съ г. Хомутовымъ, — закончила свою рѣчь Иранда Филатьевна, стараясь заглянуть въ глаза Настеньки: — теперь дѣло за вами... Я увѣрена, что вы уѣдете со мной, т.-е. съ вашимъ отцемъ, который ждетъ насъ недалеко отъ принска. Вамъ и лошадь готова...

— И папа здѣсь?

— Да. Если васъ что-нибудь затрудняетъ, будьте вполне откровенны со мной... Можетъ быть, вамъ тяжело расстаться съ Вогульскимъ принскомъ?

— А гдѣ я буду жить?

— Вы будете жить у меня, на Кожовинскомъ принскѣ...

— А папа?

— Про папу я ничего не знаю, какъ онъ думаетъ устроиться...

Подумавъ немного, Иранда Филатьевна прибавила:

— Если вамъ тяжело будетъ расставаться съ вашимъ папой, тогда мы устроимъ его на нашемъ принскѣ, подыщемъ ему какую-нибудь должность...

— Нѣтъ, я такъ сказала...

Съ послѣдними словами изъ-подъ густыхъ рѣсницъ у Настеньки выступили двѣ слезинки, и по лицу промелькнуло конвульсивное движеніе. Иранда Филатьевна обняла дѣвушку и ласковымъ шопотомъ ее спросила:

— О чемъ вы плачете, голубчикъ?

— Такъ... — по-дѣтски отвѣчала Настенька, потихоньку всхлипывая,

— Вамъ, можетъ быть, не хочется ѣхать отсюда?

— Нѣтъ, хочется... только, пожалуйста, скорѣе...

Эта сцена была прервана чѣмъ-то неистовымъ крикомъ, который раздавался на крыльцѣ, а затѣмъ послышалась глухая возня, площадная ругань и прежній неистовый крикъ. Можно было отчетливо различить, какъ на полу крыльца упирались и барахтались чьи-то ноги, а затѣмъ тяжело, съ хриплымъ крикомъ, рухнуло какое-то человѣческое тѣло. «А... подлецъ!.. Нашелъ я тебя... наше-олъ?..» хрипѣлъ чей-то голосъ, пересыпая свои слова неистовой руганью.

— Вѣдь это пана кричить... — въ ужасѣ прошептала Настенька, однимъ движеніемъ кидаясь къ двери.

Крыльцо теперь представляло такую картину: на полу лежалъ съ окровавленнымъ лицомъ Шипицынъ, а Хомутовъ, придавивъ его колѣномъ, одной рукой держалъ за горло. «Я тебя наше-олъ... подлецъ!» хрипѣлъ Шипицынъ, начиная сипѣть.

— Онъ... хотѣлъ меня убить... — задыхавшимся голосомъ прошептала Хомутовъ, указывая на свое разорванное платье; лицо у него было исцарапано, а на носу катилась капля свѣжей крови.

— Господа, что же это такое! — металась Иранда Филатьевна, напрасно стараясь стащить Хомутова съ Шипицына. — Развѣ вы не видите, что онъ пьянъ...

— Онъ меня камнемъ хотѣлъ убить...

Послѣ долгихъ усилій, дерущихся, наконецъ, розняли; Шипицынъ дѣйствительно едва стоялъ на ногахъ. Пока Иранда Филатьевна разговаривала съ Хомутовымъ, онъ успѣлъ докончить бутылку съ коньякомъ.

— Гдѣ у васъ лошади? — спрашивала Иранда Филатьевна.

— Воронко-то убѣжалъ... — смиренно проговорилъ Шипицынъ, приходя въ себя; его одежда сильно пострадала въ неравной борьбѣ. — А я тебя все-таки убью!.. — заревѣлъ онъ, обращаясь въ Хомутову: — Мало тебѣ моей крови — ты изъ дѣтей моихъ кровь пьешь!.. Настенька...

Пьяный обезумѣвшій старикъ опять ринулся-было на Хомутова, но его во-время удержали старичокъ въ плисовомъ пиджакѣ и давешній молодой человѣкъ.

— Мы сейчасъ ѣдемъ, — проговорила Иранда Филатьевна, когда со стороны принца привели обѣжавшую лошадь.

V.

Настенька поселилась на Коковинскомъ пріискѣ.

Ираида Филатьевна была неузнаваема, точно она переживала вторую молодость. Съ утра до поздней ночи она хлопотала безъ усталости; этотъ трудъ доставлялъ ей великое наслажденіе, потому что все дѣлалось для нея, для Настеньки. Толстуха точно переродилась разомъ и, стряхнувъ съ себя гнетъ тяжелыхъ воспоминаній, зажила новой молодой жизнью, счастливой своимъ самоотреченіемъ. Вѣчная жажда любви, томившая ее, теперь, какъ въ фокусѣ, сосредоточилась на Настенькѣ: каждый новый день приносилъ новое счастье—отрывать новыя совершенства въ этой загадочной дѣвушкѣ. Даже роль кающейся Магдалины придавала Настенькѣ тысячу новыхъ неудовимыхъ прелестей. Ираида Филатьевна совсѣмъ забывала о себѣ. Часто она просыпалась по ночамъ, точно въ комнатѣ спалъ грудной ребенокъ, и по цѣлымъ часамъ просиживала у постели Настеньки, не смѣядохнуть; она ловила каждый вздохъ своего божка и часто украдкой цѣловала разсыпавшуюся русую дѣвичью косу или полную дѣтской полнотой съ пояскомъ по срединѣ шею. Иногда отъ прилива тайнаго счастья у толстухи наворачивались на глазахъ слезы, и она не сдерживала ихъ, всѣмъ существомъ отдаваясь сладкому чувству материнской любви.

Сама Настенька едва-ли понимала и сотую часть того, что творилось вокругъ нея; она, какъ вѣтенокъ, напившійся теплаго молока, сладко потягивалась и поѣвывала, не обращая особеннаго вниманія на куряныя хлопоты толстухи и не утомляя себя заботами о будущемъ. Есть такіе люди, которые способны вполне «растворяться въ настоящемъ», выражаясь языкомъ Шопенгауэра, и мысль о будущемъ не оставляетъ на ихъ лицахъ ни малѣйшей тѣни. Глядя на эту беззаботную, немного лѣнивую и неизмѣнно-веселую Настеньку, толстуха часто завидовала непоколебимому равновѣсію ея душевныхъ силъ.

— Ахъ, это вы... — удивилась однажды Настенька, когда проснувшись ночью, увидала у своей кровати Ираиду. — Какъ вы меня испугали!..

— Я... мнѣ показалось, что ты неправильно дышешь... — лгала толстуха:— не болитъ-ли у тебя что-нибудь, моя крошка?

— Нѣтъ, я здорова...

— Можетъ быть, тебѣ достало спать?..

— Нѣтъ, напротивъ...

— Вѣдь ты мнѣ скажешь, когда у тебя что-нибудь заболитъ?

— У меня никогда ничего не болитъ...

Этотъ навязный дѣтскій отвѣтъ разсѣялъ Иранду до слезъ, точно на нее пахнуло изъ далекаго прошлаго собственной молодостью, не знавшей куда дѣваться съ своими, просившими выхода, силами.

Присутствіе Настеньки сдѣлало контору неузнаваемой: на окнахъ появились бѣлыя занавѣси, на полу бухарскій пушистый коверъ, въ простѣвнѣ между окнами новенькій орѣховый туалетъ со множествомъ ящичковъ и шпательчечекъ; подоконники были заставлены душистыми левкоями и резедой, а на ночномъ столѣ у кровати Настеньки чья-то невидимая рука каждое утро выставляла свѣжій букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ и душистой травы. Сама Иранда Филатьевна больше не наряжалась въ свою мужскую канаусовую рубашу, а щеголяла въ широкихъ домашнихъ платьяхъ изъ какой-то пестрой лѣтней матеріи. Настенькѣ было предложено на выборъ нѣсколько платьевъ, и она остановилась на самомъ скромномъ изъ нихъ, синемъ изъ тонкой батистовки съ блѣднымъ синимъ рисункомъ; когда Настенька надѣла въ первый разъ это платье, зачесала гладко волосы, выбрала самый простой гладкій воротничокъ и подошла здороваться въ Ирандѣ Филатьевнѣ, та даже немного отступила и, покачивая головой, съ невольной гордостью проговорила:

— О, да у тебя есть вкусъ, моя крошечка... да!.. Настоящая Маргарита... Нѣтъ, Маргарита все-таки была нѣмка, вѣдая нѣмка, а ты походишь на... кошечку. Да?.. Знаешь, Настенька, какіе у тебя глаза странные: никакъ не разберешь, какого они цвѣта... То вдругъ сдѣлаются совсѣмъ темные, то кажутся сѣрыми, то зелеными.

— Какъ у кошки?—засмѣялась Настенька.

Первые дни своего пребыванія на Коковинскомъ принсѣ, Настенька совсѣмъ не показывалась изъ своей комнаты на крыльцо, составлявшее теперь нейтральную почву, на которой сходились всѣ за чаемъ, обѣдали и ужинали. «Ей необходимо отдохнуть и успокоиться отъ своего прошлаго», думала толстуха. «Конечно, наши мужчины немного съ ней наговорятъ, но примутся таращить глаза, оглядывать всю»... М-г Пажонъ нѣсколько разъ спрашивалъ Иранду Филатьевну, когда она, наконецъ, покажетъ имъ свою кающуюся Магдалину, и при этомъ такъ гнило улыбался, что толстуха чуть-чуть не выпарапала ему глазъ. Герръ Шоттъ тоже вздыхалъ что-то особенно смиренно и съ умилениемъ

заглядывалъ въ глаза Ирандѣ Филатьевнѣ, точно старый закормленный котъ. Одинъ мистеръ Арчеръ оставался джентльменомъ по прежнему и по прежнему былъ серьезенъ и молчаливъ.

Иранда Филатьевна сильно боялась за первое появленіе Настеньки въ этой сборной мужской компаніи, но дѣло обошлось самымъ счастливымъ образомъ: Настенька появилась на крыльцѣ съ скромнымъ достоинствомъ настоящей благовоспитанной дѣвицы, такъ что мужчинамъ оставалось только относиться къ ней съ полнымъ уваженіемъ, что и было исполнено.

— А она ничего... — замѣтилъ послѣ Пажонъ.

— Какъ это прикажете понимать? — рѣзко спросила Иранда Филатьевна, которая теперь начала относиться къ своему сожителю очень сурово.

— Я, ничего, кажется, не сказалъ обиднаго...

— Тѣмъ хуже для васъ, потому что у васъ это обидное вертѣлось на языкѣ... Поймите же, что Настенька — такой же человѣкъ, какъ всѣ другіе люди, и оставьте свои пошлыя мысли. Отчего мужчина можетъ дѣлать рѣшительно все съ собою, а женщина обязательно должна хранить себя? Пошлость!..

— Но я не виноватъ, что природа устроила мужчину и женщину нѣсколько иначе...

— Опять глупо!.. Природа ничего не устранила для нашихъ пошлостей, которыя придумали ужъ сами люди.

Настенька стала появляться на крыльцѣ, какъ свой человѣкъ, и держала себя съ независимой простотой, такъ что Иранда Филатьевна торжествовала и за нее, и за себя. Побѣда была одержана полная, хотя Иранда и слѣдила самымъ ревнивымъ взглядомъ за каждымъ движеніемъ «этихъ проклятыхъ мужчинъ».

Старикъ Шипицынъ, ради Настеньки, тоже былъ устроенъ на принскѣ, въ какой-то маленькой должности при золотопромывательной машинѣ и все время не пилъ, увѣряя Иранду Филатьевну, что онъ теперь не только не можетъ пить, но даже «вполнѣ презираетъ эту самую водку». По вечерамъ Шипицынъ иногда заглядывалъ въ контору, но въ комнату Настеньки, не смотря на всѣ приглашенія, не входилъ, а становился у окошечка и тутъ бесѣдовалъ съ своей «стрѣлой». Эта идиллія умиляла Иранду Филатьевну; и она даже противъ желанія начинала вѣрить, что старикъ Шипицынъ, можетъ быть, и совсѣмъ броситъ водку для своей Настеньки. Сила любви неизмѣрима и творитъ чудеса.

— Отчего же вы не хотите въ комнату идти? — допрашивала старика Иранда Филатьевна.

— Нѣтъ-съ, и безъ того много вамъ благодарны-съ,—уклончиво отвѣчалъ Шипицынъ.— Мы свое мѣсто хорошо знаемъ... Не подѣ кадрилъ намъ съ гг. иностранцами компанію водить.

Въ хорошіе дни Иранда Филатьевна уходила съ Настенькой куда-нибудь въ лѣсъ и была совершенно счастлива. Онѣ бродили по лѣсу цѣлые часы и возвращались на принскъ съ корзиной грибовъ или ягодъ. Каждый разъ они брали съ собой легкій завтракъ, и когда уставали, выбирали гдѣ-нибудь подѣ елью или березой укромное мѣстечко и отдыхали на полной свободѣ, не стѣсняясь ни чѣмъ постороннимъ присутствіемъ. Странное дѣло, какъ Иранда ни ухаживала за Настенькой, послѣдняя все-таки оставалась для нея какимъ-то сфинксомъ, котораго никакъ не разгадаешь. Иранда Филатьевна до сихъ поръ не знала даже того, что нравится или не нравится Настенькѣ, что она любитъ, чего желала бы; только въ лѣсу эта загадочная Настенька страхи-вала съ себя всякую неприступность, начинала болтать безъ умолку, глѣла и дурачилась, какъ сумасшедшая.

— Э, да ты у меня лѣсная птичка!—восхищалась Иранда Филатьевна.— Любишь лѣсъ?

— Очень... Когда маленькая была, постоянно въ лѣсу жила. Дома скука: мама вѣчно жаловалась и плакала, папа пьяный. Уйдешь въ лѣсъ съ мальчишками—весело! Я отлично на деревья лазила...

Иранда Филатьевна съ жадностью хваталась за малѣйшій обрывокъ такихъ воспоминаній Настеньки, чтобы по нимъ хотя приблизительно составить себѣ картину развитія этой брошенной на произволъ судьбы дѣвочки и затѣмъ опредѣленно идти къ цѣли. А цѣль была ясна: Настенька—богатая непосредственная натура, лишенная даже тѣни какого-нибудь развитія, но Иранда не сомнѣвалась, что стоить только бросить сѣмена знанія на эту нетронутую почву—и произойдетъ чудо умственного и нравственного просвѣтлѣнія. Даже круглое невѣжество Настеньки, которая едва могла читать по складамъ и писала безъ малѣйшихъ признаковъ орфографіи,—даже это невѣжество правилось Ирандѣ Филатьевнѣ, потому что она могла начать постройку зданія съ фундамента. «Развить» эту дѣвушку и вывести ее на настоящую дорогу,—вотъ была золотая мечта Иранды, и она ухватилась за нее обѣими руками. Планъ былъ набросанъ въ пять минутъ: сначала дать время Настенькѣ отдохнуть и оглядѣться, и въ это время изучить ея характеръ, привычки, недостатки и складъ ума; затѣмъ осторожно приступить къ самому «развитію», начать, конечно, съ тѣхъ завѣтныхъ книжекъ и плохо переписанныхъ тетрадокъ,

надъ которыми пятнадцатилѣтняя Ирочка пережила столько счастливыхъ часовъ. Да, это была блестящая идея: заветныя книжки должны пробудить въ Настенькѣ жажду знанія, а тамъ уже все пойдетъ, какъ слѣдуетъ.

Дальше... Первымъ дѣломъ, конечно, бросить пріискъ и переселиться куда-нибудь въ глухой уѣздный городокъ, гдѣ и начать трудовую отшельническую жизнь. Да, это будетъ отлично, а когда Настенька станетъ на собственные ноги, тогда можно будетъ перебраться и въ Питеръ: пусть Настенька посмотритъ на *настоящую* жизнь и *настоящихъ* людей. Руководствуясь опытомъ собственной тревожной жизни, Иранда хотѣла впередъ застраховать Настеньку отъ возможныхъ ошибокъ и заблужденій духа и плоти. Изъ Настеньки выработается идеальная женщина, и она, наконецъ, проживетъ той счастливой жизнью, которая для самой Иранды осталась недостижимымъ идеаломъ. Жизнь Иранды Филатьевны прошла какъ-то между пальцевъ: она все собиралась только жить, а когда оглянулась назадъ — лучшая полоса жизни была уже пройдена; въ Настенькѣ она точно хотѣла дожить то, чего ей не достало самой для полноты. Вблизи этой молодой натуры Иранда чувствовала себя свѣжѣе, испытывая тотъ приливъ силъ, какой даетъ намъ только молодость; въ ней смутно заговорило нравственное чувство, и она съ ужасомъ оглянулась назадъ, гдѣ, какъ изъ тумана, выплывали совсѣмъ чужія для нея теперь фигуры: Бѣлоносова, Королькова и до т-г Пажона включительно.

— Все это... грязь и обманъ! — шептала она поблѣввшими губами, хватаясь за голову.

«Никто изъ этихъ подлецовъ и никогда не любилъ меня, — съ щемящей тоской думала она далѣе. — Развѣ это была жизнь? Сплошной обманъ и самообманъ. Охъ, Настенька, Настенька, не знаешь ты, моя ласточка, что Господь Богъ создалъ женщину въ минуту своего гнѣва!..»

Когда Настенька была достаточно подготовлена къ принятію развитія, Иранда Филатьевна, прежде, чѣмъ приступить къ дѣлу, пережила что-то въ родѣ священнаго трепета. Нервы у ней поразвинулись за время скитаній и теперь то, что въ теоріи казалось такъ просто и ясно, на практикѣ волновало ее и даже нагоняло сомнѣнія. А если она не сумѣетъ приняться за дѣло?

— Настенька, а ты не думала иногда... — дрогнувшимъ голосомъ начала она свое роковое объясненіе. — Однимъ словомъ, у тебя не являлось желаніе учиться?

Настенька съ удивленіемъ посмотрѣла на свою покровительницу и какъ-то загадочно улыбнулась.

— Меня учила читать одна старушка-начетчица, — уклончиво отвѣтила она.

— По псалтирю? Можетъ быть, она была тебя?

— Насъ пять дѣвочекъ у ней учился... Всѣхъ колотила. Возьметъ да козеными по головѣ и ударить, а то лѣстовкой по спинамъ отхлещетъ.

— Ну, а не про такое ученіе говорю, моя милая. Тебѣ хотѣлось бы знать, какъ люди жили раньше, какъ они живутъ теперь въ разныхъ странахъ?.. Отчего у насъ бываетъ тепло и холодно, зима и лѣто, бѣдные и богатые, добрые и злые? Вѣдь все это интересно знать... да?

— Не знаю...

— А вотъ если захочешь учиться, тогда и будешь все знать. Я сама тебя буду всему учить, хочешь?

— Хочу... А по французскому вы будете меня учить?

— Если пожелаешь, и по французскому будемъ учиться...

Съ этого разговора и началось развитіе Настеньки. Иранда Филатьевна не любила откладывать дѣла въ долгій ящикъ, достала изъ чемодана свои книжки и тетрадки и съ лихорадочнымъ жаромъ принялась за работу въ тотъ же день. Толстуха не хотѣла видѣть, что Настенька рѣшительно ничего не понимаетъ и не чувствуетъ, и иногда потихоньку зѣваетъ, стараясь замаскировать себя рукавомъ. Иранда Филатьевна позабыла все на свѣтъ и душила свою несчастную ученицу завѣтными книжками далеко за-ночь, а ученицѣ эти книжки казались горше козеными и лѣстовки старухи-начетчицы.

VI.

За своей новой работой Иранда Филатьевна совсѣмъ охладѣла въ м-гъ Пажону, который только возмущалъ ее своей глупостью и вообще всей накрахмаленной молодившейся фигурой.

Дни дѣлались замѣтно короче и по вечерамъ въ помѣщеніи гг. иностранцевъ отъ трехъ трубокъ стоялъ дымъ коромысломъ, чего, впрочемъ, сами курильщики не замѣчали. Пажонъ отъ скуки училъ двухъ пуделей, за которыми Макарь нарочно ѣздилъ за двѣсти верстъ; мистеръ Арчеръ ходилъ изъ угла въ уголъ, плотно сжавъ губы и заложивъ руки за спину; герръ Шотъ возился съ своимъ гербаріемъ, а когда всѣ ложились

спать — онъ зажигалъ тоненькую восковую свѣчку, защищаемую шелковымъ экраномъ и потихоньку работалъ изъ разноцвѣтной почтовой бумаги маленькій очень красивый коврикъ. Нужно отдать справедливость трудолюбію и искусству герра Шотта: въ теченіе двухъ недѣль усиленной тайной работы онъ едва успѣлъ сдѣлать всего одинъ уголокъ красиваго коврика. Въ это время кузина мистера Арчера, не получая обычныхъ писемъ отъ кузена, пролила много напрасныхъ дѣвичьихъ слезъ; добрая дѣвушка изъ своей старой Англій видѣла глазами любви дорогаго кузена, пригвожденнаго на далекомъ Уралѣ къ одру болящаго тажикомъ недугомъ... Какъ бы удивилась эта милая особа, еслибы увидѣла, какъ въ дѣйствительности вѣрнѣе спалъ мистеръ Арчеръ самымъ здоровымъ сномъ и ужъ совсѣмъ не походилъ на трудно больного человѣка. Дѣло въ томъ, что мистеръ Арчеръ былъ занятъ изученіемъ русскаго языка и ему рѣшительно не доставало времени на письма.

Однажды, когда Иранда Филатьевна съ Настенькой чистили на крыльцѣ ягоды для какого-то варенья, мистеръ Арчеръ долго и сосредоточенно наблюдалъ за ихъ работой, а потомъ совершенно неожиданно процѣдилъ сквозь зубы, на ломанномъ русскомъ языкѣ, комплиментъ красотѣ Настеньки.

Иранда рѣзко замѣтила мистеру Арчеру по-англійски:

— До настоящей минуты я считала васъ, молодой человѣкъ, гораздо умнѣе... Развѣ можно говорить такіа вещи молодымъ дѣвушкамъ?

— Я не виноватъ, что миссъ Анастаси сегодня такая хорошенькая, — невозмутимо отвѣчалъ англичанинъ.

— Но вы все-таки должны себя держать джентльменомъ...

Занятія съ Настенькой по части развитія подвигались крайне туго, ученица не только не понимала умныхъ книжекъ и хорошихъ стиховъ, но обливалась крупнымъ потомъ надъ первыми четырьмя дѣйствіями ариметики. Такимъ образомъ, пришлось измѣнить немного планъ развитія этой дикарки и вмѣсто умныхъ книжекъ высиживать съ ней ариметическія задачи. Однажды, когда такой урокъ порядкомъ надоѣлъ учительницѣ и ученицѣ, подъ окнами неожиданно раздался звонкій лошадиный топотъ и Настенька быстро спряталась за носакъ.

— Да, вѣдь, это Хомутовъ?!. — въ ужасѣ прошептала Иранда, которой сейчасъ-же представилось, что этотъ ужасный человѣкъ пріѣхалъ за Настенькой.

Она выпрямилась и какъ-то вся надулась, какъ насѣдка, которая приготовилась защищать свой выводокъ отъ налетѣв-

наго ястреба; черезъ минуту она уже была на крыльцѣ и встрѣтила Хомутова очень холоднымъ вопросомъ:

— Вамъ кого угодно, милостивый государь?

— Да я такъ прѣхалъ...—добродушно отозвался гигантъ, передавая своего тюремнаго иноходца Макару.—Объ васъ соскучился, Иранда Филатьевна, ей-Богу!..

— А я такъ о васъ нисколько... Однако, вамъ кого угодно видѣть? Г. Пажонъ на принскѣ и въ конторѣ никого нѣтъ...

— Мнѣ вашего Паждона и не нужно совсѣмъ, пусть его погуляетъ по принску. Я собственно съ вами хотѣлъ побесѣдовать...

Благодарю за вниманіе, но мнѣ какъ разъ рѣшительно некогда сейчасъ.

— Я подожду...

— Да что вы привазились такъ? Кажется, могли-бы сообразить, что я не желаю совсѣмъ бесѣдовать съ вами...

Хомутовъ нѣсколько мгновеній вопросительно смотрѣлъ на Иранду Филатьевну, а потомъ, съ своей добродушной улыбкой проговорилъ:

— Вы, барынька, думаете, что я о Настѣ соскучился и прѣхалъ отбивать ее у васъ?

Хомутовъ засмѣялся своимъ хриплымъ смѣхомъ и махнулъ рукой.

— Я не желаю знать, зачѣмъ вы прѣхали сюда, но на вашемъ мѣстѣ я не сдѣлала-бы такъ.... Понимаете?

— Почему же это?

— Вы и этого не понимаете?—съ презрительной улыбкой проговорила Иранда Филатьевна.—Вы, кажется, увѣрены, что имѣя деньги, можно дѣлать все и, мало этого, можно смотрѣть въ глаза другимъ людямъ съ чистой совѣстью...

— Это вы опять насчетъ Настѣ?

— Кажется, я довольно ясно высказалась...

Эти слова заставили Хомутова улыбнуться какой-то глупо-загадочной, безнадѣжной улыбкой и онъ прибавилъ вполголоса:

— А вы спрашивали Настю, какъ все дѣло вышло?

— Я этого не желаю знать и не имѣю права на такіе вопросы...

Хомутовъ помолчалъ съ минуту и потомъ съ какой-то больной улыбкой проговорилъ:

— Знаете, Иранда Филатьевна... мнѣ васъ жаль... да! Вотъ вы образованная женщина и генеральскаго происхожденія, а

этимъ не понимаете. Послѣ помните мои слова, да будетъ поздно...

— Вы напрасно трудитесь застрашивать меня: я не изъ робкаго десятка... и даже ждала съ вашей стороны этого подхода.

Хомутовъ молча повернулся, сѣлъ на своего выходца и уѣхалъ на привскъ.

Это посѣщеніе сильно встревожило Иранду и она со страхомъ ждала слѣдующаго появленія Хомутова на Коконинскомъ привскѣ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней хомутовскій выходецъ былъ привязанъ у самой конторы къ столбу, а его хозяинъ сидѣлъ въ комнатѣ съ гг. иностранцами, съ которыми велъ бесѣду при помощи герръ Шотта. Это нахальство и дерзость взорвали Иранду и она не показала съ Настенькой за обѣдомъ на крыльцѣ. Она съ ужасомъ слушала, какъ раскупоривались бутылки и вся компанія начинала говорить все громче и громче.

«Сегодня же нужно уѣхать отсюда, — рѣшила про себя Иранда Филатьевна. — Этотъ разбойникъ, кажется, способенъ на все»...

Она вѣроятно не замедлила бы привести свою мысль въ исполненіе сейчасъ же, но этому помѣшало то, что нуть къ отступленію былъ отрѣзанъ: сейчасъ послѣ обѣда на крыльцѣ устроился сабирскій вистъ съ винтомъ, сопровождавшійся обильнымъ возліяніемъ. Очевидно, все было въ заговорѣ противъ нея, и она металась по своей комнатѣ, какъ звѣрь въ клеткѣ.

— Чего вы такъ беспокоитесь? — старалась успокоить Настенька свою учительницу. — Велика бѣда, поиграютъ, напьются и разойдутся...

— Но вѣдь это заговоръ противъ меня! Понимаешь: противъ меня... Они всѣ заплещутъ подъ дудку этого Хомутова!.. Это какія-то кули... Чтобы я послѣ этого осталась здѣсь?! Никогда!..

— Куда же вы думаете уѣхать? — верѣшительно спрашивала Настенька.

— А ты поѣдешь со мной?

— Да...

— Тамъ увидимъ, куда... Свѣтъ не клиномъ сошелся, моя крошка. Давно бы слѣдовало уѣхать, да все пролитая лѣнь заѣдала: съ насаженнаго мѣста не хотѣлось трогаться. Э!.. все это вздоръ... Мы еще съ тобой проживемъ...

Настенька тихо засмѣялась.

— Ты надъ чѣмъ это смѣешься?—обидчиво спрашивала Иранда.

Дѣвушка молча кивнула головой по направленію дверей, откуда доносились смѣшанный гулъ голосовъ.

Игра продолжалась до самаго вечера, а когда все стихло, Иранда Филатьевна осторожно выглянула въ слегка приотворенную дверь. На крыльцѣ никого не было, и только показавшійся молодой мѣсяцъ матовыми серебряными полосами игралъ по зеленой травѣ. Иранда вышла на крыльцо и въ ужасѣ отступила назадъ: на ступенькахъ лѣстницы, гдѣ она недавно разговаривала съ Шишцынымъ, теперь сидѣлъ самъ Хомутовъ и смотрѣлъ на нее остановившимся безсмысленнымъ взглядомъ совсѣмъ пьянаго человѣка.

— П-послу-ушай...—замычалъ Хомутовъ, дѣлая напрасное усиліе подняться на ноги.—Все гор-р-ить въ нутрѣ... воды испить... смерть моя пришла...

Эта безсвязная рѣчь разогнала весь страхъ Иранды и она, не давая себѣ отчета въ своемъ поступкѣ, побѣжала въ комнату за графиномъ воды и нашатырнымъ спиртомъ. Вся проза вытрезвленія была ей извѣстна досконально. Чтобы сразу привести въ чувство Хомутова, Иранда Филатьевна въ стаканъ съ водой пустила нѣсколько капель нашатырнаго спирта. Это лошадиное лекарство для этого колосса было дѣтской игрушкой.

— Спасибо, барынька... — проговорилъ потомъ Хомутовъ, когда выпилъ два графина самой холодной воды.

— Натрайте виски вотъ этимъ спиртомъ...

— Нѣтъ, не надо... Ты мнѣ чего-то подсунула, барынька? Сразу весь хмѣль вышибло... А все это твой Пажонтъ, старый пѣтухъ: присталъ съ шартрезомъ, что не выпить мнѣ одному бутылки. Ну, и выпилъ... Перехитрилъ, французскій пѣтухъ!.. Совсѣмъ-было ослабѣлъ... да... ослабѣлъ. Отродясь не бывало этакого страму...

— А вы сегодня не ѣдите домой.

— Нѣтъ, не поѣду... Я еще съ тобой буду говорить.

— Послушайте... вы забываетесь!..

— Нѣтъ, ты теперь меня послушай, барынька... Ты меня послушай!.. Да ты меня не бойся... Скажи сейчасъ: «Хомутовъ, але-маршъ въ воду!» Только пузырьки пойдутъ... Ей-Богу!.. Да... Э-эхъ, барынька, барынька!.. Разговоръ-то у меня мужицкій, ну, да не въ этомъ дѣло... А вѣдь, я тебя полюбилъ, вотъ те Христось. Какъ ты меня тогда отругала... помнишь, въ моей конторѣ? ну, я тебя и полюбилъ...

— Вамъ, право, теперь спать пора, а въ любви мнѣ успѣете объясниться завтра,—угovarивала Иранда Филатьевна.

— Нѣтъ, ты слушай... И обругать человѣка не мудрено,—продолжалъ Хомутовъ въ какомъ-то раздумьи:—вонъ Шипицынъ даже искусалъ меня тогда... Не въ этомъ дѣло!.. Да... Видишь, у Хомутова много золота, да не все золотомъ купишь. Такъ? Вотъ и Настя... Ну, да это другая статья совсѣмъ. Я про тебя-то хочу сказать, какъ ты меня тогда приняла, какъ наступила на меня... Ха-ха!.. Нѣтъ, видно, не все золотомъ купишь... Вотъ я тебя тогда за то и полюбилъ, потому неподкупная, гордая у тебя душа. Ты и сама себя цѣны не знаешь, и Настя не знаетъ... Да! А я вотъ тебя насквозь вижу... Вижу, какъ ты меня боишься и ненавидишь. А напрасно... боишься-то напрасно!.. Хомутовъ—пропадающая голова... вѣрно!.. А отчего онъ пропадетъ? Отъ силы отъ своей, барынька, отъ силы-мочи... Некуда съ ней ему дѣться. Такъ-то!.. Всѣ лънуть къ золоту, всѣ тебя обманываютъ, ну и разстервенишься... Теперь, вѣдь, какія наши бабы? Былъ я женатъ и еще жениться могу, а всѣ эти наши бабы на одну колодку скроены: либо боятся тебя, какъ мышь, либо подъ башмакъ загодить, а настоящей чести въ такой бабѣ все-таки нѣтъ... Гонору нѣтъ, потому такъ она себя не чувствуетъ, своей силы не знаетъ. Вотъ я тебя и жалѣю,—неожиданно прибавилъ Хомутовъ, встряхивая своей головой:—задарма пропадешь, барынька.

— Это не ваша забота.

— Нѣтъ, погоди... я вѣдь тебя отъ совѣсти жалѣю: теперь тебѣ тяжело, а впереди еще тяжелѣе будетъ... Вѣрно!.. Ты меня сторожишься, а себя не жалѣешь... Бѣда-то не по лѣсу ходить, а по людямъ...

— Чего же мнѣ жалѣть себя?

— Сама себя бѣду наживешь... Твоя-то бѣда теперь тебѣ въ глаза смотреть, улыбается, а...

— Вздоръ!..

— Ты думаешь, Хомутовъ пьянъ, зря мелеть... Нѣтъ, голубчикъ, у Хомутова сердце объ тебѣ болитъ... да!..

— Скажите мнѣ одно,—уже задумчиво и серьезно проговорила Иранда Филатьевна, усаживаясь на крылечко рядомъ съ Хомутовымъ:—зачѣмъ вы разорили Шипицына, обольстили его любимую дочь и теперь его же и ненавидите?

— Съ Шипицынымъ насъ Богъ разсудить... Мы тутъ всѣ запутались, а теперь поди, разбирай, кто правъ.

— Положимъ даже, что вы и сами неувѣрены были въ

своей виновности, чего же стоило вамъ выбросить старому другу пятьдесятъ тысячъ, чтобы оградить себя отъ нареканій!.. Вотъ чего я не понимаю! Вѣдь вы другимъ помогаете же, я знаю, а Шипицына преслѣдуете...

— Видите, барынька, прежде-то я даже и думалъ ему помочь, да онъ все со зломъ да съ гордостью ко мнѣ приставалъ. Ну, оно, это самое дѣло такъ и затянулось... А теперь ужъ ему не поможешь, Шипицыну-то. Ежели ты скажешь одно слово, — прибавилъ Хомутовъ: — своими ручками бери и отдай Шипицыну, сколько тебѣ поглянется. Отворю сундукъ и бери...

— Нѣтъ, вы лучше сами ему отдайте, а не для меня.

— Не могу... Шипицынъ-то вамъ рассказывалъ, да не все. Есть у меня старушка мать, очень древняя старушка, вотъ она и проклянетъ меня, ежели я помогу Шипицыну. Видишь, у ней съ Шипицынымъ разговоръ такой вышелъ, крупный разговоръ. Надо полагать, — сказалъ онъ ей, — матери-то моей, что-ни-на-есть обидное. А что онъ ей сказалъ — я неизвѣстенъ, потому родительница молчить... Мать-то мнѣ прямо сказала: «Прощка, ежели ты хоть грошъ дашь Шипицыну, нѣтъ тебѣ моего благословенія родительскаго во вѣки вѣковъ. Проклянута... А безъ моего благословенія погинешь, аки червь!» Ндравная старуха, однимъ словомъ.

— Ну, а я, барынька, домой, — заговорилъ Хомутовъ, прерывая самъ себя и поднимаясь съ мѣста. — Тошнехонько мнѣ на твоихъ французовъ смотрѣть...

Какъ Иранда Филатьевна ни уговаривала Хомутова не ѣздить ночью, онъ настоялъ на своемъ и взлѣзъ на vystоявшагося иноходца.

— Пріѣзжайте какъ-нибудь, — проговорила Иранда Филатьевна, когда Хомутовъ снялъ шляпу, — побесѣдуемъ...

— Спасибо, барынька... Это я тебѣ пьяный все разболталъ, а трезвому стыдно будетъ глаза показывать. Да... А ты подумай, о чемъ я тебѣ толковалъ. Ежели круто придется, только перешли мнѣ вѣсточку: я всѣхъ въ одинъ узелъ завяжу для тебя... Слышала?..

— Нѣтъ, мнѣ еще ни къ кому не случалось обращаться за помощью...

— Гордость одолѣла... Ну, какъ знаешь... А только помни мое слово: берегись того, кого любишь.

Хомутовъ стегнулъ нагайкой иноходца и пропалъ въ бѣломъ густомъ туманѣ, который былъ залитъ весь пріискъ; только

удары лошадиныхъ копытъ о камни еще нѣсколько мгновеній нарушали мертвую тишину лѣтней уральской ночи.

Когда Иранда Филатьевна вернулась въ свою комнату, Настенька уже спала на своей кровати крѣпкимъ сномъ. Она очевидно дождалась Иранды Филатьевны и прилегла на кровать, не раздѣваясь. «Берегись того, кого любишь», — вспомнила Иранда слова Хомутова и долго, и внимательно смотрѣла въ спокойное лицо Настеньки, залитое ровнымъ горячимъ румянцемъ. Дѣвушка спала, слегка раскрывъ свои пухлыя розовыя губы; ровное, спокойное дыханіе едва можно было замѣтить, по лицу расплывалась какая-то неопредѣленная мысль, заставлявшая одну бровь приподниматься. Длинные пушистыя рѣсницы бросали на закрытые глаза густую тѣнь, такъ что казалось, что эти глаза смотреть, смотреть не врачюмъ, а какъ темныя неясныя пятна.

Странно, за нѣсколько часовъ передъ этимъ Иранда Филатьевна считала Хомутова разбойникомъ и страшно боялась его, а теперь... теперь ей немножко было жаль его. Это было совсѣмъ особенное чувство, которое столько разъ губило Ирочку. Она хорошо знала его симптомы: душу охватывала неопредѣленная тоска, между тѣмъ въ сердцѣ теплилось горячее желаніе и глаза застилало туманомъ.

«Ну, Ирочка, пожалуйста безъ глупостей», — проговорила она сама себѣ вслухъ, распахивая окно.

Половина неба была затянута тучей; гдѣ-то вдали глухо рокотала лѣтняя гроза и тнуло свѣжей пахучей струей. Передъ гровой трава всегда сильно пахнетъ. Нѣсколько звѣздочекъ весело мигали въ углу окна.

VII.

Хомутовъ дѣйствительно больше не показывался на Коконинскомъ принскѣ; Иранда скоро позабыла о немъ и его странныхъ разговорахъ.

Приближалась осень. Въ жизни Иранды это время года всегда являлось критическимъ моментомъ и ее всегда страшно тнуло куда-нибудь въ городъ. Но теперь она была не одна, и ее очень заботилъ вопросъ о будущемъ. Чѣмъ онѣ будутъ существовать съ Настенькой? гдѣ устроятся? не махнуть ли съ послѣдними пароходами въ Питеръ? Послѣдняя мысль была особенно заманчива, но Иранда боялась сразу окунуть свою вос-

питанницу въ вѣчные сумерки столничнаго существованія, съ его голодовками и холодовками. Сама Настенька не высказывалась, куда ей хотѣлось бы переѣхать, и отвѣчала каждый разъ уклончиво.

— Мы съ тобой такъ сдѣлаемъ пока, — предлагала Иранда: — возьмемъ у г. Пажона отпускъ недѣли на двѣ и съѣздимъ въ сосѣдній городъ. Можетъ быть, тамъ устроимся, а если нѣтъ, тогда махнемъ дальше.

Настенька ничего не имѣла противъ такого плана, и онѣ рѣшились выѣхать черезъ три дня. Но наканунѣ отъѣзда Настенька сильно прихворнула. Голова у ней была горячая, глаза мутны.

— Придется одной ѣхать, — рѣшила Иранда. — Медлить нельзя.

— А какъ же я здѣсь одна останусь? — спрашивала Настенька. — Я боюсь.

— Глупости... Бругомъ парадочные люди, и никто не осмѣлится беззаконить мою больную дѣвочку.

Передъ самымъ отъѣздомъ, когда лошади уже были поданы, Настенька неожиданно разчувствовалась и расплакалась. Эти первыя слезы тронули Иранду Филатьевну и она, цѣлуя Настеньку, ласково ее спрашивала:

— О чемъ ты плачешь, моя крошка? Вѣдь я скоро вернусь и увезу тебя отсюда. Съ тобой, вмѣсто меня, останется одна старушка, которая не дастъ тебя никому въ обиду. Ну, о чемъ ты плачешь?

— А если вы не пріѣдете? — сквозь слезы спрашивала Настенька.

— Вадорь!.. Будь умницей и выдоравливай поскорѣе.

— Вы всегда такъ любили меня... заботились...

— О, это пустяки, моя хороша!.. Я тебѣ всегда говорила, что мы всѣ эгоисты, и все на свѣтѣ дѣлаемъ для собственнаго удовольствія или выгоды. Если я тебя взяла къ себѣ, значить, мнѣ это было или выгодно, или пріятно, слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи о какой-нибудь благодарности.

— Скорѣе пріѣжайте, Иранда Филатьевна! Мнѣ безъ васъ будетъ очень скучно.

Настенька бросилась къ ней на шею и со слезами цѣловала ей все лицо и шею, такъ что та принуждена была даже поокладить эти вѣжности. Загадочная Настенька притихла и какъ-то вся съѣжилась; она показалась теперь Ирандѣ та- кой маленькой и жалкой дѣвочкой.

— Вы мнѣ отвѣчаете за мою дѣвочку... Понимаете?—пригрозила Иранда Филатьевна при отвѣдѣ Пажону.

— О, будьте спокойны, совершенно спокойны!—утиралъ старикъ, улыбаясь слащавой неопредѣленной улыбкой.

— Особенно берегитесь Хомутова...—наставляла Иранда Филатьевна.—Это такой человѣкъ, который... Однимъ словомъ, вы мнѣ отвѣчаете за все, что здѣсь случится.

Въ душѣ ея опять проснулся безотчетный страхъ къ Хомутову, и она оставила принскъ въ самомъ тревожномъ настроеніи. Едва ли она такъ тревожилась бы, еслибы оставляла на принскѣ свою родную дочь.

Ровно черезъ недѣлю Иранда Филатьевна возвращалась домой и нетерпѣливо ждала, когда изъ-за лѣса увидитъ наконецъ коковинскую принсковую контору.

Дѣла были устроены, работа отыскана, но всю дорогу у Иранды болѣло сердце. Она сама не могла отдать себѣ отчета въ своей тревогѣ. То ей казалось, что Настенька опасно больна; то она видѣла Хомутова, который ѣхалъ на коковинскій принскъ съ коварной цѣлью похитить Настеньку; то она начинала бояться тысячи тѣхъ случайностей, которыя можетъ придумать только возбужденный мозгъ.

Наконецъ, дорога кончилась, съ вершины послѣдней горы Иранда Филатьевна увидѣла вдали знакомый низенькій домикъ, о которомъ она столько думала. По наружному виду все оставалось по прежнему и изъ одной трубы весело поднималась вверхъ синяя струйка дыма.

Когда экипажъ подъѣзжалъ къ самой конторѣ, Иранда Филатьевна замѣтила, какъ изъ-за угла показалась-было фигура Шиницына и быстро спраталась. Тяжелое предчувствіе давило сердце Иранды. Выѣзая изъ экипажа, она замѣтила голову Пажона, которая выглянула изъ дверей конторы и быстро спраталась. Изъ людской показался герръ Шоттъ въ ермолей и въ старомъ халатѣ; старикъ несъ въ рукахъ что-то бѣлое. Иранда Филатьевна замѣтила издали, что это были женскіе воротнички и маншеты. Глаза ихъ встрѣтились. Нѣмецъ остолебенѣлъ, выпустилъ изъ рукъ свою носу и, шлепая стоптанными туфлями, какъ поймавннй швольникъ, убѣжалъ обратно въ людскую.

— Это чортъ знаетъ что такое!—проворчала Иранда Филатьевна, взбѣгая на крыльцо.

Она только-что хотѣла отворить дверь въ свою комнату,

какъ ей загорела дорога молодая горничная въ накрахмаленномъ бѣломъ передникѣ.

— Нельзя-съ... — бойко проговорила горничная: — Барыня почиваютъ... Не приказано будить.

— Какая барыня? Да ты съ ума сошла, моя милая... Я здѣсь барыня и прѣехала къ себѣ домой.

— Никакъ нѣтъ-съ... У насъ барыней Настасья Яковлевна. Третьева дни свадьба была въ...скомъ заводѣ.

— Какая свадьба? Чего ты мелешь...

— Баринъ Пажонъ-съ женился на Настасѣ Яковлевнѣ. Обыкновенная свадьба... А меня приставили къ барынѣ горничной.

Ираида Филатьевна бессильно опустилась на стулъ, и у ней въ головѣ все пошло кругомъ. Горничная съ двусмысленной сдержанной улыбкой смотрѣла на нее и не оставляла дверей.

Ираида плохо помнила, сколько времени она просидѣла въ этомъ положеніи; ее заставила очнуться маленькая желтая собачка, которая, съ чисто собачьимъ участіемъ къ человѣческому горю, ласково лизала ей руки. Откуда взялась эта собака — Богъ ее знаетъ; до этого времени Ираида Филатьевна никогда не видала ее на пріискѣ.

— Куда? — проговорила глухо Ираида, когда пришла въ себя. — Куда теперь?

Горничная ушла отъ дверей, за которыми слышался теперь шелестъ накрахмаленныхъ юбокъ и плескъ воды. «Барыня умывается»... — подумала Ираида Филатьевна и сейчасъ же прибавила про себя: — «А я затѣмъ сижу здѣсь?»

Было часовъ двѣнадцать; солнце стояло надъ головой, но въ его лучахъ уже не было лѣтняго зноя. Дыханіе наступавшей осени чувствовалось во всемъ: зелень на деревьяхъ поблѣднѣла и перешла въ желтые тона; трава высохла; недавній утренникъ прихватилъ нѣсколько молодыхъ березокъ, и онѣ выдѣлялись изъ остального лѣса яркими, лимонно-желтыми пятнами. Въ двухъ, трехъ мѣстахъ, какъ облитая кровью, стояла осина.

— Затѣмъ же обманъ?... — стонала Ираида Филатьевна, хватаясь за голову. — Затѣмъ было обманывать?

— Войдите, — послышался изъ-за дверей голосъ Настеньки.

Въ первую минуту Ираида не хотѣла идти въ свою комнату, но потомъ ее страстно потянуло туда. Еще разъ взглянуть на нее, на ту, за которую она готова была отдать свою жизнь.

Когда Ираида Филатьевна вошла въ комнату, Настенька лѣниво подвигалась къ ней на встрѣчу изъ-за туалета, передъ ко-

торымъ поправляла свой батистовый чепчикъ съ альзаскимъ бантомъ. На ней былъ надѣтъ длинный батистовый пеньюаръ со множествомъ богатыхъ прошивокъ.

Отъ объясненія съ Настенькой у Иранды закружилась голова и подкосились ноги: ей предложили поискать другого мѣста; она хотѣла крикнуть, но только беззвучно раскрыла ротъ и жалкимъ растеряннымъ взглядомъ смотрѣла на улыбающуюся Настеньку. Можетъ быть, все это сонъ? — мелькнуло въ ея головѣ и она даже провела ладонью по холодному лбу, — нѣтъ, это была сама дѣйствительность, которая жгла ей грудь и камнемъ давила сердце.

— А я чуть не забыла... — спохватилась Настенька, придавая своему лицу серьезное выраженіе. — Безъ васъ здѣсь почти каждый день пріѣзжалъ Хомутовъ и все спрашивалъ, когда вы пріѣдете. Онъ навѣрно и сегодня будетъ...

— Настенька!.. — глухо застонала Иранда и выбѣжала изъ комнаты.

— «Куда? Зачѣмъ?» — вертѣлись въ головѣ ея вопросы, когда она очутилась на крыльцѣ и на нее пахнуло свѣжимъ воздухомъ.

Лѣсъ былъ такъ же зеленъ, какъ всегда; осеннее солнце обливало золотыми волнами все кругомъ; гдѣ-то беззаботно чиликала безымянная лѣсная птичка; покоемъ и тишиной вѣяло отовсюду, — той тишиной, какой природа преполняется только осенью, какъ человѣкъ, который готовъ заснуть.

— Куда? Зачѣмъ? — уже вслухъ спрашивала себя Иранда, безцѣльно хватаясь одной рукой за дорожную сумочку.

Она упала на первый попавшійся на глаза стулъ и, схватившись за голову обѣими руками, тихо зарыдала. Цѣлый рядъ яркихъ картинъ промелькнулъ въ ея головѣ, и каждая картина раздавливала ее, какъ колеса катившагося по ней поѣзда, и тутъ же изъ глубины души, изъ полузабытыхъ дѣтскихъ воспоминаній, неизвѣстно какъ, зачѣмъ и для чего, выплыла тихая семейная сцена... Вотъ Ирочекъ восемь лѣтъ; она лежитъ въ своей теплой мягкой постелькѣ и сладко спитъ утренняя дѣтскимъ сномъ, котораго никакъ не можетъ разогнать старая няня Акимовна, вынычавшая еще самого генерала Касаткина, — «Ирушка, вставай, голубушка», — шепчетъ старушечій голосъ, и востылая сморщенная рука забирается подъ одеяло, чтобы пощекотать баловницу: — «благовѣстать, Ирушка». — «Я сейчасъ, Акимовна: одну минуточку», — сладко шепчетъ дѣвочка, не открывая глазъ. Опять набѣгаетъ сладкій и могучій дѣтскій

сонъ, и опять слышится старушечій голосъ: — «Ирушка, отблаговѣстили!..» Чьи-то дрожащія руки любовно и осторожно натягиваютъ чулокъ на дѣтскую ногу и маленькая Ирушка, сквозь сонъ, точно изъ Богъ знаетъ какой дали, слышитъ: «Ирушка, трезвонять... Вставай, ласточка!» — «Акимовна, голубчикъ: одну секундочку»... Старушка долго смотритъ на разметающуюся дѣвочку, качаетъ задумчиво головой и ласково шепчетъ: — «Ну, ннѣ, понѣжйся»... Но черезъ мгновеніе старая Акимовна приходить въ себя и какимъ-то испуганнымъ голосомъ начинаетъ шептать: — «Ирушка, отрезвонили! А?.. Ирушка, отблаговѣстили!»...

— Отблаговѣстили... отрезвонили... — машинально повторяетъ теперь Иранда слова старой Акимовны и теперь они жгутъ ее огнемъ: впереди темно, холодно, некуда больше идти...

Конскій топотъ заставилъ ее поднять голову; не видя еще ничего, она уже чувствовала, что это ѣдетъ Хомутовъ. Да, это его иноходецъ звонко бьетъ копытомъ въ землю... Первымъ движеніемъ ея было куда-нибудь убѣжать, скрыться, но она вспомнила, какъ давеча бѣжалъ отъ нея Шоттъ, какъ прятался за уголъ Шипицынъ — и осталась на мѣстѣ. А Хомутовъ уже входитъ на крыльцо въ какомъ-то татарскомъ азымѣ и издали улыбается ей. Она ненавидѣла его въ это мгновеніе, ненавидѣла за его физическую силу, за самоувѣренную улыбку...

— Иранда Филатьевна...

— Не подходите... — въ ужасѣ шепчетъ она, точно стараясь что-то припомнить. — Погодите, одну минуту погодите...

Хомутовъ остановился съ протанутой рукой на воздухѣ.

— Послушайте, сходите къ ней, — шепчетъ она, показывая головой на контору: — скажите ей, что я прощаю ей все... Понимаешь: рѣшительно все!.. Я уйду отсюда, только... только я хочу проститься съ ней.

Хомутовъ нехотя вошелъ въ контору, и Иранда отъ слова до слова слышала его разговоръ съ Настенькой, которая нарочно громко отрѣзывала каждое слово. — «Что еще за нѣжности?» — почти кричала она на Хомутова.

Когда Хомутовъ повернулся къ двери, глухой выстрѣлъ заставилъ его вздрогнуть. На крыльцѣ, корчась въ предсмертной агоніи, лежала Иранда; на полу валялся дранной револьверъ. На выстрѣлъ изъ всѣхъ щелей показались люди и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, начали поднимать умирающую.

— Отходить... — прошепталъ Макарь, когда Иранда распустилась на его рукахъ, какъ подстрѣленная птица.

Уткнувшись въ уголъ лицомъ, тихо захныкала старикъ Шипицынъ; Хомутовъ стоялъ надъ самоубійцей растерянный и убитый.

— Эхъ, свѣтлая была душа...—медленно и съ разстановкой проговорилъ онъ, глубоко надыгая на свою голову широкую шляпу.

М-г Пажонъ, глядя на безмолвно лежавшую м-лле Иру, молодцовато покручивалъ усы. Мистеръ Арчеръ безстрастно осмотрѣлъ бывшую переводчицу и ушелъ къ себѣ въ комнату, чтобы продолжать начатое письмо въ Англію къ кузинѣ, которая не получала отъ него никакихъ извѣстій въ теченіе цѣлаго мѣсяца.

Д. М — и н ѣ.

ИДЕАЛИСТЫ

ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

Окончаніе.

Х *).

Бѣдная родственница пензенскаго губернатора Панчулидзева, завѣстнаго тѣмъ, что онъ много лѣтъ безмятежно управлялъ одной и той же губерніей, благодаря только потворству всяческимъ злоупотребленіямъ, когда они прикрывались покорнымъ видомъ и лестію — Марья Львовна Милославская, въ послѣдствіи Огарева, росла и воспитывалась въ богатомъ домѣ, обѣднѣвшемъ по «непредвидѣннымъ обстоятельствамъ». Съ молода она отличалась, по собственному ея признанію, рѣшительнымъ и вѣбальмошнымъ характеромъ. Очутившись со скудными средствами и въ зависимости отъ постороннихъ лицъ, она устранила пополазновенія общества смотрѣть на нее свмсоа, горделивымъ и презрительнымъ обращеніемъ съ людьми, рѣзкимъ и черезъ-чуръ иногда откровеннымъ словомъ. До самаго замужества она слыла за то, что на свѣтскомъ языкѣ называется «*personne fantasque*» за фантастическую, невѣрияемую особу. Но у нея было одно важное преимущество передъ сверстницами. Поставленная въ необходимость самой думать о себѣ, разсчитывать, для составленія карьеры

---

¹⁾ См. выше: картъ, стр. 122.

еры, на собственные силы и средства, она была гораздо лучше вооружена, чѣмъ ея подруги, приобрѣла раннюю способность догадываться о предметахъ, если не понимать ихъ, и сосредоточиваться въ своихъ желаніяхъ для вѣрнаго достиженія своихъ цѣлей. Огаревъ рано замѣтилъ оригинальную дѣвушку, скоро сблизился съ нею и покончилъ тѣмъ, что женился на ней, со всѣмъ и не предчувствуя, что ей предназначено было разрушить всѣ его планы и идеалы трудовой, художнической и учено-дѣятельной жизни.

Въ маѣ 1838 г. Огаревъ извѣщалъ друзей неожиданно и довольно торжественно о совершенномъ имъ бракѣ. Онъ пишетъ:

«Я женатъ съ 26 апрѣля—женатъ и счастливъ. Ты писалъ мнѣ, что глаза женщины чаруютъ, и предписывалъ быть осторожнымъ, но я не ошибся въ моемъ выборѣ. Провидѣніе свелось насъ, а встрѣтившись, мы не могли не полюбить другъ друга. Да, другъ, другой жены я не могъ бы выбрать и съ другой не могъ бы быть счастливъ, а теперь я счастливъ, совершенно счастливъ. Если при полученіи извѣстія о моей женитьбѣ заронила въ твою голову мысль сомнѣнія въ твердости твоего друга, то кайся и проси у Бога прощенія; ты меня довольно знаешь, чтобъ не сомнѣваться. И вѣрь, что жена моя никогда не совратитъ меня съ пути свыше предназначеннаго—напротивъ; ея любовь очистила мою душу отъ всего порочнаго. ...Я имѣлъ всегда въ виду жить полною жизнью, развить силу душевную во всѣхъ направленіяхъ, и теперь чувствую, что достиженіе идеала моего—не невозможность. Какъ богата, какъ роскошна во всемъ, что въ мірѣ называютъ прекраснымъ и высокимъ, будетъ жизнь. Мракъ слетѣлъ съ души моей, отчаяніе смѣнилось вѣрою, только въ такомъ расположеніи духа можно идти впередъ—и что виною этому? любовь! Да, безъ нея пустота провинціи поглотила бы всего меня и я не былъ бы ни на что способенъ. Радуйся, другъ, и благодари мою Марію за мое спасеніе!»..

Въ такомъ тонѣ Огаревъ еще долго писалъ о своемъ семейномъ благополучіи—друзьямъ и близкимъ.

Молодая жена, на первыхъ порахъ, горячо и искренно любила своего философа-мужа, который открылъ ей такую блестящую дорогу въ жизнь. Будучи очень умной женщиной, въ чемъ соглашались и позднѣйшіе ожесточенные враги ея, она сразу вошла въ роль надежной спутницы безпечнаго поэта и постаралась освоиться съ его привычками ума, съ его наклонностями, съ его образомъ представленія своихъ обязанностей.

Она окружала отца Огарева, напрямѣръ, такими попеченіями и ласками, которыя подчинили умирающаго старика совершенно ей волѣ, хотѣ, желая сохранить до смерти характеръ владыки семьи и своего достоинства, онъ назначилъ довольно скудное содержаніе замужней четѣ (4000 р. въ годъ), предоставивъ себѣ дальнѣйшія распоряженія объ устройствѣ ея судьбы. Работа мысли, какую она пережила до замужества, скрытно отъ всѣхъ глазъ, помогла ей распознать идеалы и стремленія своего мужа и подчинить имъ свои природные инстинкты и влеченія къ блеску, шуму, волненіямъ и наслажденіямъ свѣтской жизни. Она превратилась — и притомъ очень искренне, какъ полагаемъ, — на все время медоваго мѣсяца въ скромную женщину, помышляющую только объ удовольствіяхъ искусства и поэзіи, о приобрѣтеніи тихихъ симпатій кругомъ себя, о развитіи культа дружбы, безгранично царствовавшего тогда между товарищами Огарева. Прочитавъ въ письмахъ къ нему, что озабоченные друзья предостерегали его отъ увлеченій и смотрѣли на его женитьбу какъ на западню, въ которой могутъ погибнуть всѣ его начинанія, вмѣстѣ съ надеждами на свободную и счастливую жизнь, Марья Львовна приняла тотчасъ же мѣры, чтобы уничтожить всѣ эти опасенія. Въ первомъ же, *рекомендательномъ* письмѣ къ главному свептику, относительно будущности женатаго Огарева, и лучшему его другу, Герцену, Марья Львовна кратко излагаетъ свою біографію и свои нынѣшнія вѣрованія, свое «profession de foi». Письмо это замѣчательно и въ психологическомъ отношеніи: въ немъ столько же неподдѣльнаго добродушія, сколько и искуснаго подбора чувствъ и мыслей, на успѣхъ которыхъ можно было рассчитывать. Оно начинается слѣдующей нѣмецкой фразой: «Wäre ich noch hübsch, dann wäre es Trug, dann wäre es noch Gefahr, aber hässlich ist ihres Freundes Gattin. Sind sie ruhiger, Freund?..» (Будь я красива — тогда могъ бы быть обманъ, могла бы быть опасность, но жена вашего друга безобразна... Не успокойте-ли это васъ, другъ?..) Сверху этихъ строкъ рукой Огарева написано: «Es ist nicht wahr was hier deutsch geschrieben ist». (Все что здѣсь написано по-нѣмцки — несправедливо). За тѣмъ идетъ русскій текстъ письма, который видимо затруднял его автора:

«Что же могло свести и связать насъ? Онъ былъ дивнъ, я съ мужчиной всегда горда. Почти нечаянно вырвавшіяся истины. Правда, Любовь, Вѣра, самоотверженіе, вѣчность были стихіи, въ концѣ я жила съ тѣхъ поръ, что люди и привычка стали задувать во мнѣ огонь воображенія и охлаждать несносную рѣзвость. Но простодушіе во мнѣ осталось, и оно, и сердце доброе и неуго-

нимое (sic)—одни качества или пороки (каждый постигаетъ по своему)—принесены мною общему другу въ приданое; прибавьте еще любовь безпредѣльную. Выѣсто того, чтобъ нахмуриться, читая ваше письмо, не нарадуюсь, что Н. (Николай) напелъ помощниковъ (sic) и друзей истинныхъ».

Какъ бы не справившись съ мудреннѣмъ языкомъ, авторъ мгновенно переходитъ въ французскому діалекту и уже свободно развиваетъ на немъ ту же самую тему, добавляя ее еще и политическими намеками. Прилагаемъ продолженіе это въ переводѣ:

«Выходи за мужъ, я понимала, какая мнѣ предстоитъ будущность, но когда однажды постигнешь *эту чистую думу*, которая только и радуется, что радостями ближнего, то вами овладѣваетъ любовь и чувствуешь въ себѣ способности вращать ей тоску. Я вообще нетерпѣливаго характера, а нынѣ я сопереживаю съ *мимэ* въ терпѣніи и укаживаніи за его отцомъ, получаю въ видѣ награды наслажденіе плакать *омиэти* съ *мимэ* и цѣловать его ноги, какъ свидѣтельство моего удивленія. Нужно ли мнѣ говорить вамъ, что другъ вашъ—одинъ изъ самыхъ усердныхъ учениковъ и послѣдователей Христа. Успокойтесь же на счетъ его сопутницы, которая нисколько не тщеславна, не легкомысленна, любитъ добродѣтель для нея самой, уважаетъ ваши характеры, господа, и не уступитъ вамъ ниюгда въ твердости, добротѣ, человеколюбіи. Каждый вечеръ я молюсь за васъ всѣхъ и призываю на васъ благословеніе Божіе, чтобы оно поддерживало васъ на правомъ пути, сохранило Огареву друзей его, а страждущему человечеству его пособниковъ. Я родилась въ роскоши, сведена была обстоятельствами на скучное состояніе въ послѣднее время и съ давнихъ поръ жила сиротой—все это позволило мнѣ очень рано опредѣлять цѣнность людей и вещей. Вотъ почему я была въ состояніи скоро угадать моего друга и теперь принадлежу вамъ. Жизнь для меня привлекательна только съ этой точки зрѣнія,—все прочее есть—ничто. Если я васъ нѣсколько успокоила, то письмо мое было не напрасно. Еще одно слово. О* принадлежитъ великому дѣлу (*à la bonne cause*) еще болѣе, чѣмъ мнѣ, а своимъ друзьямъ столько же, сколько и своей возлюбленной. Послѣ всего этого не протянете ли вы мнѣ свою руку?..»

Герценъ дѣйствительно протянулъ ей эту руку. При этомъ мы опять встречаемся съ особенностями, характеризующими поведенія записки и воспоминанія. Въ «Быломъ и Думамъ» Герценъ рассказываетъ, что при первой встрѣчѣ съ Огаревой (о чемъ

будемъ сейчасъ говорить), онъ непріятно былъ пораженъ рѣзкимъ, металлическимъ ея голосомъ, который находился въ дисгармоніи съ ея рѣчами и заставлялъ думать о настоящихъ основахъ ея характера. Замѣтка, по нашему мнѣнію, обязана своимъ происхожденіемъ то же воспоминаніемъ, уже провѣреннымъ и дополненнымъ всѣми послѣдующими соображеніями, какихъ не могло быть сначала, и нисколько не выражаетъ перваго впечатлѣнія. Первое, непосредственное впечатлѣніе было у Герцена одинаково со всѣми знакомыми молодой женщины, и также точно возносило ее на громадный пьедесталъ, въ чемъ можно убѣдиться по слѣдующей выдержкѣ изъ отчета Герцена о свиданіи съ нею, написаннаго московскому другу, такъ сказать въ нѣсколько минутъ: «И она не совсѣмъ такова, какъ ты говорилъ; по твоимъ рассказамъ я только зналъ, что она умна, а теперь я увидѣлъ въ ней тѣмъ сердца, душу раскрытую симпатіямъ высокимъ и обширнымъ. Она достойна его»... Это и было именно настоящимъ выраженіемъ чувства и мнѣнія о личности, обязанной всѣхъ безъ исключеній сначала.

Мы уже сказали, что вскорѣ послѣ свадьбы, именно по лѣту 1836 г., Огаревъ уѣхалъ съ женой на югъ Россіи для леченія. Тамъ онъ получилъ два одинаково неожиданныя извѣстія, одно, какъ уже знаемъ, о послѣднемъ апоплексическомъ ударѣ, постигшемъ отца, а другое, о женитбѣ самого Алекс. Иван. Герцена, хранившаго до того глубокое молчаніе о тайнѣ своей любви. На этомъ послѣднемъ извѣстіи теперь и остановимся.

Въ запискахъ Герцена (Былое и Думы) мы имѣемъ вѣрное изображеніе рѣшимости и рыцарской отваги, съ которыми онъ добылъ предметъ страсти—свою двоюродную сестру по крови и чужую ему по гражданскимъ опредѣленіямъ. Наталья Александровна Герценъ была побочной дочерью старшаго брата Яковлевыхъ, Александра, подобно тому, какъ Герценъ самъ былъ побочнымъ сыномъ втораго брата, Ивана Алексѣевича. Отецъ Нат. Алекс. изъ всѣхъ своихъ незаконныхъ дѣтей усыновилъ только одного («химича» Занисова), предоставивъ остальныхъ собственной ихъ участи и попеченіямъ усыновленнаго счастливецъ, который довольно долго и скрывалъ безправныхъ братьевъ и сестеръ въ одной изъ своихъ деревень, не скупясь, впрочемъ, на приличное содержаніе ихъ. Впослѣдствіи Наталья Алекс. попала въ домъ побочной тети, княгини Хованской, которой любила: тутъ она и получила первоначальное воспитаніе, въ видѣ поправки несправедливости, ей оказанной отцомъ, но съ требованіемъ, взаимнѣ, безконечной благодарности и безконеч-

наго покинoveniя благотѣлительницѣ своей. Изъ этого дома, строго охраняемаго крѣпостными, которые еще въдобавокъ и любили барышню, Герценъ и извлекъ свою невѣсту, послѣ того, какъ она отказалась отъ предлагаемаго ей брака съ чиновнымъ лицомъ и съ хорошими приданнымъ. Онъ два раза тайкомъ прѣзжалъ изъ Владиміра въ Москву, рискуя попасть подъ судъ за самовольныя отлучки, пробрался въ домъ княгини-покровительницы, сговорился съ невѣстой о побѣгѣ, на-скоро занялъ деньги, выправилъ всѣ нужные документы, преодолѣлъ всѣ кляузы и помѣхи и съ помощью одного испытаннаго московскаго друга увезъ свою добычу во Владиміръ, гдѣ и женился. Свадьба произошла 9 мая 1838 г.—стало быть черезъ полтора мѣсяца послѣ свадьбы Огарева. Надо сказать, что не менѣе мужества и энергіи выказала во всемъ этомъ романѣ и молодая бѣглеца, смѣло пустившаяся въ дорогу — въ одномъ утреннемъ капотѣ, съ однимъ узелкомъ въ рукахъ и въ шали, которую ей прислала на этотъ случай, совсѣмъ и не знавшая ее и лежавшая уже тогда на смертномъ одрѣ, превосходная Екат. Гавр. Левашова.

Владимірская новобрачная не походила вовсе на новобрачную Пензенскую, хотя онѣ и называли другъ друга сестрами сначала. Монастырская, почти затворническая жизнь Натальи Александр. въ домѣ благотѣлительницы наполнили ее умъ и сердце мечтами героическаго характера. Она иначе и не представляла себѣ существованіе, какъ непрерывнымъ рядомъ подвиговъ любви, какъ цѣлью высокихъ, не уступающихъ и не ослабѣвающихъ чувствъ. Изъ того же романтическаго соверщенія выходила и строгость ея требованій отъ людей, которые цѣнились не по ихъ трудамъ или характерамъ, а по количеству исключительныхъ доблестей — самоотверженія, преданности, страсти, какими обладали или, казалось, находились въ обладаніи. Она сама развивала въ себѣ всѣ нужныя добродѣтели для защиты названныхъ явленій въ ея смыслѣ и между прочимъ силу воли и характера, поразительныхъ въ этомъ мягкомъ, нѣжномъ существѣ, никогда не возвышавшемъ голоса и проходившемъ черезъ жизнь едва слышными шагами. Но сила воли и характера всегда подвержены опасности переродиться въ деспотическія замашки, особенно тяжелыя, если въ основѣ ихъ лежатъ еще благородныя побужденія. Между тѣмъ подвижная натура Герцена требовала простора и не могла ограничиться однимъ поклоненіемъ великодушнымъ порывамъ, долгу и поэтическимъ фантазіямъ, какъ бы они высоки ни были. Пылкий безпokoйный умъ его никогда не давалъ ему покоя и толкалъ его на личное участіе въ любомъ дѣлѣ, какое про-

ходило у него подъ глазами. При этомъ necessarily было мяться съ толпой и приносить съ собой ея страсти и споры. Часто послѣ борьбы и приключеній своихъ на аренѣ жизни, онъ забывалъ просить извиненія за грѣхъ добровольнаго отсутствія своего изъ-подъ семейнаго крова у той, которая украшала его золотыми снами и мечтаніями, а эта оплошность наносила тяжелыя раны ея сердцу. Не далѣе, какъ черезъ два года, во вторую свою новгородскую ссылку (1841), Герценъ подмѣтилъ гѣмы, горькія слезы у жены, вызванныя работой странной мысли, поселившейся въ ея головѣ и шептавшей ей, что она не имѣетъ средствъ отвѣчать на всѣ моральныя потребности мужа. Герценъ подвелъ въ своихъ запискахъ всѣ эти симптомы больного воображенія подъ одну рубрику «Grübeleien» (мнительности), относя ихъ къ результатамъ прошлой жизни, приучившей молодую женщину къ горю и ежечаснымъ опасеніямъ, съ которыми она уже не могла разстаться и въ счастьи. Но психическая причина ихъ, кажется, лежала глубже: она находилась въ мечтаніяхъ о такомъ союзѣ сердецъ, въ которомъ пропадало бы всякое раздѣленіе личностей и стали бы немислямы и невозможны одиночныя ихъ побужденія и проявленія. Отъ одной этой претензіи могла бы разрушиться самая надежная связь, если бы здѣсь не ограджали ея необычайныя попеченія мужа и дорогія воспоминанія, соединенныя съ бракомъ у обоихъ участниковъ его. Позднѣе, по переѣздѣ въ Москву въ 1842 г., когда Герцену открылся еще большій просторъ для свободнаго проявленія своей общезительной натуры, пароксизмы мнительности стали нападать еще чаще на его супругу. Одного пустого увлеченія Герцена, почти столь же мгновеннаго, какъ внезапный, нервный сонъ посреди дня, одной случайной встрѣчи съ интересной личностью достаточно было, чтобы составить несчастье Натальѣ Александровнѣ и погрузить ее въ мрачное отчаяніе. Она потеряла вѣру въ свою будущность, въ обаяніе и власть, которыми имѣла надъ любимымъ человекомъ, въ свое призваніе сдѣлаться его видимымъ «провидѣніемъ» на землѣ, не смотря на тысячи доказательствъ неизмѣнной страсти и привязанности съ его стороны. Долго потомъ Герценъ силлся утѣшать ея душевныя раны, но вовсе излечить ихъ не успѣлъ, съ ними она уѣхала и за-границу въ 1847 г., гдѣ и стала искуать развлеченій отъ боли, которую все еще чувствовала на душѣ, по милости ихъ. Надо прибавить, что она сохранила тихую свою улыбку, грацію и изящество всего существа своего до послѣдняго дня жизни (умерла въ 1852 г.) и осталась идоломъ своего мужа и послѣ

смерти, не смотря на потрясенія, внесенныя въ его жизнь. Нѣкоторыя подробности о заграничной жизни находятся въ статьѣ «Замѣчательное десятилѣтіе» ¹⁾.

Между тѣмъ, возвратившись съ Кавказа и сдѣлавшись, за смертію отца, полнымъ хозяиномъ своихъ имѣній, Огаревъ еще сильнѣе сталъ помышлять о снятіи съ него опеки и переѣздѣ въ Москву. Онъ подымалъ на ноги не только мѣстныхъ начальниковъ, но знакомыхъ и родню въ Петербургѣ, да и самъ писалъ о томъ графу Бенкендорфу. Огвѣта не приходило. Тогда рѣшено было послать ходатаемъ въ Петербургъ саму Марью Львовну Огареву, но прежде ей слѣдовало еще, по ея настоянію, побывать въ Москвѣ для совѣта съ докторами послѣ неожиданнаго прерваннаго ея леченія на Кавказѣ. Сопутницей и покровительницей ея въ большомъ и незнакомомъ городѣ вызвалась быть тоже пензенская помѣщица и другъ ихъ дома Марья Дмитриевна Ховрина, сестра генерала Лужина, бывшаго впоследствии оберъ-полиціймейстеромъ въ Москвѣ. «Она шепчетъ мнѣ при случаѣ, — замѣчала г-жа Огарева въ одномъ письмѣ своемъ, — на ухо то, что называется свѣтскимъ преступленіемъ». М. Д. Ховрина имѣла славу женщины большого свѣта, охотно отворявшей двери своей гостиной для замѣчательныхъ людей времени, каковой бы репутаціей они ни пользовались въ другихъ кругахъ общества, въ чемъ и походила на Е. Г. Левашеву. Вообще Москва того времени сохраняла еще много женскихъ личностей, думавшихъ о началахъ разумной жизни въ обществѣ и вліявшихъ не только на окружающихъ, но по своимъ связямъ и на круги въ провинціи ²⁾. Марья Львовна Огарева не очень заботилась о предостереженіяхъ своей спутницы; она успѣла завязать знакомства въ неизвѣстномъ городѣ и бросить жадный и любопытный взглядъ на соблазны и искушенія, которые онъ представляетъ. Старые, заснувшіе-было инстинкты пробудились въ ней и воскресили ея давнія мечтанія о независимой жизни, на всей своей волѣ, безъ обязанностей, общественныхъ и семейныхъ путей. Съ этими свѣжими впечатлѣніями своей поѣздки, она и возвратилась назадъ,

¹⁾ Навечат. въ „Вѣстникѣ Европы“, потомъ въ книгѣ „Воспоминанія и критическіе очерки“, ч. III. Спб. 1881.

²⁾ Естаети замѣтить, что большая часть героинь старыхъ романовъ И. С. Тургенева, вплоть и включительно до: романа „Наканунъ“, принадлежатъ по духу къ этому цылу развитыхъ и благородныхъ женщинъ Москвы, хотя и явились наканунѣ его исчезновенія съ общественнаго горизонта, вследствие разныхъ политическихъ теченій.

въ скромный домъ мужа. Такъ прошелъ 1838 г. и наступилъ 1839 годъ.

Въ мартѣ этого 1839 г. Огаревъ, наконецъ, привелъ въ исполненіе давнюю свою мечту посѣтить друга дѣтства и юношества на мѣстѣ его пребыванія, во Владимірѣ, рекомендовать ему жену, которую тотъ еще не зналъ, и наконецъ обмѣняться мыслями и ощущеніями съ человѣкомъ, съ которымъ годы тому назадъ онъ попрощался на порогѣ полицмейстерской канцеляріи и съ тѣхъ поръ болѣе не встрѣчался...

Свиданіе обоеихъ друзей и ихъ женъ произошло 17 марта 1839 г. и было послѣднимъ актомъ той внутренней, интимной драмы, которую трое изъ нихъ развивали порознь, но слѣдуя одной общей программѣ. Восторженное душевное состояніе достигло на этомъ свиданіи своего апогея и истощило все свое содержаніе. Радость, охватившая друзей, перешла въ религіозный экстазъ. Всѣ четверо были молоды, счастливы и, не смотря на опальное свое положеніе, исполнены надеждъ на себя, на будущее свое, на предстоящую имъ дорогу въ жизни. Они искали куда излить избытокъ своихъ ощущеній. По предложенію Огарева они пали ницъ всѣ четверо передъ распятіемъ, принося благодарныя молитвы и потомъ въ слезахъ расцѣлывались другъ съ другомъ. Огаревъ написалъ гимнъ провидѣнію, растворившему ихъ сердца, въ лучшія минуты ихъ жизни, для полного признанія неисчислимыхъ его благодѣяній. Герценъ извѣщалъ друзей въ Москвѣ о событіи такими знаменательными словами:

«Ну, братъ—если бы жизнь моя не имѣла никакой цѣли, кромѣ индивидуальной, знаешь ли, что бы я сдѣлалъ 18 марта? Принялъ бы ложку синильной кислоты... Относительно къ себѣ: «Я все земное совершилъ».

«Только еще и оставалось мнѣ, послѣ Наташи—желать—и оно сбылось, и какъ сбылось? Четырехъ-дневное, свѣтлое, ясное, святое свиданіе.

«Мы инстинктивно всѣ четверо бросились передъ распятіемъ и горячія молитвы лились изъ устъ. Что за дивный, что за высокій Огаревъ?.. Зачѣмъ ты не могъ взглянуть на эту группу, которая обратилась къ небу не съ упрекомъ, не съ просьбой, а съ гимномъ, съ осанной! 21 марта».

Огаревъ, какъ видно изъ письма, пробылъ 4 дня во Владимірѣ и при себѣ отправилъ жену въ Петербургъ хлопотать лично о снятіи надвора, которое заставляло такъ долго ждать себя, не смотря на мѣры, принятыя пациентами для ускоренія его. Еще

наканувъ самаго прїѣзда Огарева, Герценъ писалъ по оказіи (отъ 16 марта 1839):

«Это письмо отправляется по оказіи, потому и начну его съ грустнаго сообщенія. Отвѣтъ изъ Петербурга пришелъ. Графъ Бенк. пишетъ министру внутреннихъ дѣлъ, что онъ не находитъ удобнымъ ходатайствовать о снятіи надзора — егдо по крайней мѣрѣ еще годъ во Владимірѣ, ибо до года губернаторъ не въ правѣ представлять, а Богъ вѣсть будетъ ли удобное время черезъ годъ. Жить мнѣ здѣсь хорошо — не спору, но за что же это шестилѣтнее гоненіе (съ 1834 и 1840 г.). Надо теперь за-
пасться на годъ дровами, огурцами, идеями и книгами. Первые три пункта я беру на себя, а въ третьемъ и твоя доля»...

Порученіе, возлагаемое на М. Л. Огареву, было теперь послѣднею надеждою ссыльных и увѣчалось, въ изумленію ихъ, полнѣйшимъ и быстрымъ успѣхомъ. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ съ отъѣзда М. Л. Огаревой, какъ мужъ ея получилъ дозволеніе на свободное пребываніе въ столицахъ и вездѣ, гдѣ пожелаетъ, чѣмъ и воспользовался, переѣхавъ тотчасъ же въ Москву. Родовой домъ его на Никитской былъ уже проданъ и онъ поселился у петровскаго парка. Точно такое же дозволеніе, нѣсколько позднеѣ, получено было и Герценомъ, такъ что въ концѣ 1839 г. мы уже видимъ его на короткое время въ Петербургѣ, а затѣмъ — и тоже не надолго, въ родномъ его городѣ, Москвѣ. Эпопея ихъ изгнаннической жизни кончилась такъ же внезапно, какъ и началась. Только путешествіе Марьи Львовны Огаревой въ Петербургъ не обошлось ей даромъ: она возвратилась изъ него перерожденная и не похожая на ту, которая чертила заявленія безграничной преданности мужу и семейному очагу и принимала дѣятельное участіе во владимірскомъ свиданіи.

Къ промежутку между владимірскимъ свиданіемъ и возвращеніемъ въ Москву Огарева относится, по всѣмъ вѣроятіямъ, и освобожденіе громаднаго села «Бѣло-омуты», ему принадлежавшаго, отъ крѣпостной зависимости. Освобожденіе этого села, стоявшаго на р. Окѣ, украшеннаго 4 церквами, владѣвшаго великолѣпными поемными лугами, 10,000 десятинами строевого лѣса и обширными рыбными ловлями, замѣчательно по грандіозности своего плана и по ничтожности результатовъ, отъ него полученныхъ. Огаревъ, оставшись одинъ за отбытіемъ жены, прямо изъ Владиміра и проѣхавъ въ Бѣло-омуты, пригласивъ къ себѣ въ помощники для задуманнаго имъ предпріятія одного изъ московскихъ друзей. Мы не имѣемъ официальныхъ документовъ

о проважденной ими реформѣ, но можемъ сообщить нѣкоторыя ея подробности по слухамъ и воспоминаніямъ современниковъ. Богатые крестьяне этого села служили въ званіи управляющихъ, распорядителей и въ другихъ высшихъ должностяхъ при откупныхъ, и если сами не дѣлались прямо откупщиками, то единственно по милости ограниченій крѣпостного права. Многие изъ нихъ являлись къ старому помѣщику съ просьбой о свободѣ и предложеніемъ значительныхъ выкуповъ. Одинъ изъ нихъ почти накануне его смерти предлагалъ за себя 100,000 руб. сер., но старый баринъ, довольствовавшійся очень скромнымъ оброкомъ съ своихъ крестьянъ и поощрявшій всячески ихъ страсть къ наживѣ, не хотѣлъ и слышать о выкупахъ, гордась тѣмъ, что въ числѣ его подданныхъ есть чуть не миллионеры. Молодой, унаследовавшій его имѣнія баринъ тоже не благоволилъ къ отдѣльнымъ выкупамъ, но по другимъ причинамъ. Онъ отказалъ 3 домовладѣльцамъ, явившимся къ нему тотчасъ послѣ смерти его отца съ 250,000 р., въ видѣ вознагражденія за свое освобожденіе, и требовалъ, чтобы все село въ полномъ его составѣ приступило къ выкупу и равномѣрно воспользовалось его выгодами. На этомъ условіи и состоялась сдѣлка, принесшая Огареву сравнительно ничтожную сумму, если принять въ соображеніе цѣнность уступленныхъ имъ угодій, да и то не вполнѣ выплаченную (говорили, тысячъ 400). Часть этой суммы пошла на устройство пивче-бумажной фабрики въ одной изъ пензенскихъ деревень Огарева, а другая скоро разошлась и исчезла въ его собственныхъ рукахъ. Но при свершеніи акта освобожденія упущено было изъ вида мужицко-олигархическое устройство бѣломутовской общины. Богачи въ ней и прежде уплачивали государственныя и барскія повинности за земли и угодья немущихъ, распоряжаясь послѣдними на правахъ второго поддѣльнаго вотчиннаго права, а теперь, когда выкупъ палъ преимущественно на тѣхъ же богачей, остальное населеніе, не участвовавшее въ немъ, оказалось ихъ неоплатнымъ должникомъ и поступило къ нимъ въ кабалу. Дѣло еще запуталось тѣмъ, что, при утвержденіи акта освобожденія, правительство, изъ видовъ сбереженія отъ хищническаго ховяйства цѣнныхъ въ государственномъ смыслѣ угодій, отписало нѣкоторыя изъ нихъ къ вѣдомству государственныхъ имуществъ. Положеніе о крестьянахъ 1861 года нашло много работы въ этой, повидимому, автономной общинѣ при опредѣленіи ея собственности и правъ каждаго ея члена. Когда особый чиновникъ межевого департамента, прибывшій на мѣсто для окончательной разверстки земель, въ томъ же 1861 году,

между государственными имуществами и собственниками села, сказавъ старикамъ Бѣло-омута, его окружавшимъ: «видите-ли, какая еще благодать остается вамъ по милости помѣщика, отдавшаго вамъ все это за безцѣнокъ, а онъ теперь очень нуждается—что бы вамъ собрать тысячъ 100 и послать къ нему»—то старики задумчиво отвѣчали: «точно, надо бы», да на томъ и остановились. И они были правы. Какая имъ была нужда поправлять нерасчетливость и промахи бывшего своего хозяина. Да Огаревъ ничего подобнаго и не ожидалъ. Съ самаго начала онъ радовался своему подвигу, зная, что онъ далеко не ocupaется полученными имъ деньгами, да собирался приложить и къ другимъ менѣе богатымъ деревнямъ своимъ такую же систему освобожденія, хотя и на иныхъ началахъ. Здѣсь на основаніи модной тогда экономической теоріи, проповѣдывавшей о благодѣяніяхъ фабрикъ для сельскаго населенія, онъ хотѣлъ учреждать по мѣрѣ силъ и примѣняясь къ требованіямъ разныхъ округовъ—фабрики на вольномъ трудѣ, которыя дали бы крестьянину возможность находить всегда заработокъ, готовый отвѣтъ на свои нужды, освободить отъ принудительной работы и снять съ него бремя податей и повинностей. «Какъ я люблю этотъ народъ,—писалъ онъ въ это время,—какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы они почитали меня за друга, который имъ желаетъ добра и сдѣлаетъ его. Можетъ быть, со временемъ, устроивши фабрику, я похлопочу о «комитетѣ поощренія фабрикъ и заводовъ». Вотъ новые проекты—не знаю, понравятся ли, но я ихъ вижу теперь сквозь призму энтузіазма. Скажи мнѣ еще разъ—могъ ли я понравиться крестьянамъ? достигъ ли я своей цѣли? видятъ ли во мнѣ доброжелателя? кто мнѣ скажетъ—да! то я радуюсь, какъ ребенокъ».

XI.

Появленіе Герцена и Огарева въ Москвѣ ознаменовалось переломомъ въ ихъ умственномъ направленіи и постепенной гибелью юношескихъ иллюзій, которыми они такъ долго пытались въ провинціи. Едва успѣли они осмотрѣться на новыхъ мѣстахъ жительства, какъ послѣ шумныхъ встрѣчъ, овацій и радостныхъ бесѣдъ съ друзьями, приступили къ переработкѣ прежнихъ идеаловъ, къ критической повѣркѣ ихъ и нашли къ нимъ ограниченія и дополненія, которыя измѣнили первоначальную ихъ фязіономію до неузнаваемости.

Какіе же новые факторы, какіе нравственные элементы, находившіеся дотолѣ въ пренебреженіи, предъявили теперь права на ихъ вниманіе и оказались столь сильными и столь требовательными, что, мало-по-малу, разорвали сложную цѣпь убѣжденій, многолѣтній и окрѣпшій строй ихъ мыслей? Попытку разрѣшенія вопроса мы старались представить и прежде въ біографическомъ опытѣ нашемъ: «Замѣчательное десятилѣтіе», къ которому и отсылаемъ читателя. Вопросъ собственно сводится на вліяніе возникавшихъ тогда философскихъ и историческихъ ученій въ культурномъ обществѣ нашемъ. Двѣ силы преимущественно участвовали въ дѣлѣ снѣтія безпочвенныхъ, отвлеченныхъ воображаемыхъ идеаловъ у обонхъ друзей и въ упражденіи излюбленныхъ ими началъ и убѣжденій. Первое мѣсто занимаетъ тутъ, конечно, гегелевская система, понятая исключительно какъ отрицаніе всего, что не подходитъ подлѣ логическое опредѣленіе, а второе безспорно принадлежитъ антиноду ея—ученію славянофиловъ о великости безотчетнаго народнаго творчества какъ въ созданіи политической исторіи, такъ и формъ обществія. Слѣдовало разобратъ между ними. Оба ученія, не смотря на свою противоположность или, можетъ быть, вслѣдствіе своей противоположности, окрѣпли и развились почти одновременно; но друзья наши не видали ни ихъ начала, ни ихъ первыхъ ходовъ, избывая свою ссылку вдали отъ города и отъ университета, гдѣ ученія пустили корни.

Съ перваго уже приступа къ изученію новыхъ теченій мысли, оказавшихся въ обществѣ, для Герцена стала ясна несостоятельность самонадѣянныхъ, ложно величественныхъ, одиноко высшихъ метафизическихъ построекъ и всѣхъ разъясненій и оправданій, которыя для нихъ были заготовлены. Съ ними нельзя было стоять въ уровень ни съ однимъ ученіемъ и они не давали мѣрки для ихъ провѣрки. Не нужно было и устранять ихъ: старыя соверпанія, не питаемыя болѣе искусственными способами, потухли сами собою, отпали, не причиняя боли, не возбуждая сожалѣній, безъ трогательныхъ прощаній и торжественныхъ проводовъ. Иначе было съ Огаревымъ: онъ покидалъ старыя одежды свои не-хотя и съ сожалѣніемъ, но это зависѣло уже отъ психической разницы въ характерахъ друзей.

Герценъ былъ совершенно лишенъ дара прощенія и забвенія, которымъ обладалъ въ такой сильной степени другъ его, Огаревъ. Горечь ссылки легла тяжелымъ камнемъ на его сердце и вовсе никогда его не покидала. При небольшомъ вниманіи легко распознать ея примѣсъ въ выраженіи самыхъ возвышен-

ныхъ, миролюбивыхъ чувствъ, какія онъ посылалъ друзьямъ въ видѣ бюллетеней о состояніи своего нравственнаго здоровья. Долго сберегалъ онъ и воспоминанія о тщетныхъ усиліяхъ освободиться отъ путъ, мѣшавшихъ его движеніямъ, о долгихъ дняхъ и часахъ ожиданія конца своего искуса. Печальное наслѣдство, полученное имъ въ года испытаній, онъ не растратилъ въ болѣе свѣтлыя эпохи жизни, а напротивъ тогда-то еще и приумножилъ его, оправдывая старое замѣчаніе, что жизненные бѣды и непріятности чувствуются человѣкомъ, можетъ быть, еще сильнѣе по минованіи ихъ, чѣмъ въ самую пору ихъ существованія. Горькія воспоминанія эти онъ бережно донесъ до 1852—54, когда положилъ ихъ на бумагу—за границей. Примѣръ человѣка, ничего не забывающаго въ жизни, казался ему всегда не мало-важнымъ оружіемъ для политическаго развитія общества. Онъ расположенъ былъ прощать даже преувеличенія, по часту встрѣчающіяся въ разсказахъ людей, которые считаютъ себя глубоко оскорбленными. Нельзя сомнѣваться, что досада на обстоятельства, сложившіяся такъ непріязненно противъ него, помогла ему, еще до прибытія въ Москву, очнуться отъ блаженнаго сна, въ которомъ находился, частію и подъ магнетическимъ вліяніемъ своего обычнаго медиума, Огарева. Онъ стыдился послѣ обнаруженной имъ нѣкогда слабости и не упомянулъ ни однимъ словомъ въ своихъ запискахъ объ особенномъ нервномъ состояніи, какое пережилъ въ провинціи. За то теперь онъ уже съ удвоенной энергіей негодованія встрѣчалъ всѣ явленія, въ которыхъ могъ распознать признаки только-что повинутаго имъ направленія. Вотъ почему и В. Г. Бѣлинскому пришлось еще въ 1839 году испытать силу его гнѣва и упрековъ, когда критикъ нашъ, на очень короткое время, впрочемъ, поддался искушенію дать философско-мистическую подкладку явленіямъ текущей русской жизни. Отрезвленіе Герцена шло изумительно быстро и врядъ ли не началось еще во Владимірѣ, и притомъ тотчасъ же послѣ мистическаго свиданія съ другомъ, описаннаго выше. Онъ скоро уставалъ въ однообразіи торжественныхъ нотъ и спѣшилъ убѣжать отъ нихъ. Вдобавокъ при первомъ соприкосновеніи съ центрами культурной нашей жизни, Москвой и Петербургомъ, ему съ разу сдѣлалось ясно, что подъ покровомъ того же самаго направленія, какому и онъ служилъ, только въ менѣе обработанномъ и въ менѣе опoетизированномъ видѣ живутъ всѣ тѣ очень малоутѣшительныя явленія русскаго міра, которыя такъ возмущали его. Между тѣмъ, неожиданный случай, опрокинутый всѣ его начинанія въ Петербургѣ, окончательно укрѣпилъ

въ немъ мнѣніе, что кромѣ критическихъ отношеній къ обществу никакого другого дѣла человѣку въ его положеніи и не предстоитъ. Тогдашняя русская жизнь какъ бы сама приняла на себя трудъ освободить его окончательно ото всего женственного, добродушнаго и мечтательнаго.

Лѣтомъ 1840 г. Герценъ переселился со всей семьей въ Петербургъ, гдѣ уже на короткое время былъ, какъ уже знаемъ, и въ послѣднихъ числахъ декабря прошлаго года. Тогда онъ представлялся, между прочимъ, и министру внутреннихъ дѣлъ графу А. Г. Строганову, который предложилъ ему мѣсто въ своей канцеляріи. Дѣло шло о томъ, чтобы съ полученіемъ чина 8-го класса, который ему слѣдовало, сдѣлаться потомственнымъ дворяниномъ и полноправнымъ гражданиномъ, чего страстно желалъ отецъ Герцена и что въ тогдашнемъ положеніи общества дѣйствительно было совсѣмъ не маловажнымъ дѣломъ. Не прошло и года столичной жизни, какъ молодой Герценъ совершенно неожиданно и, такъ сказать, невзначай опять сдѣлался преступникомъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ въ Москву онъ повторилъ общій слухъ, ходившій тогда по городу и передававшійся знакомыми другъ другу чуть не на всѣхъ перекресткахъ о какомъ-то убійствѣ, будто бы совершенномъ полицейскимъ солдатомъ. Никто не былъ потревоженъ за этотъ слухъ въ городѣ, но слово, перехваченное въ письмѣ у Герцена, получило особое значеніе. Въ немъ усмотрѣли злорадное распространеніе новости, бросающей тѣнь на администрацію. Подъ первымъ впечатлѣніемъ гнѣва ему пригрозили даже обратнымъ путешествіемъ въ Вятку, но болѣе хладнокровное изслѣдованіе дѣла и заступничество министра гр. Строганова измѣнили намѣренія администраціи относительно вѣтреннаго корреспондента. Оставить однакоже въ Петербургѣ лицо, уличенное въ пропагандѣ дурныхъ слуховъ, тоже не было возможности. Герцену предложили для ссылки на выборъ два города: Новгородъ или Тверь, соглашаясь водворить его тамъ, гдѣ ему покажется удобнѣе. По совѣту министра онъ выбралъ Новгородъ. Спѣшимъ сказать, что трудно найти другой примѣръ административной высылки, сопровождаемой такой вѣжливостію, такимъ благорасположеніемъ къ пациенту, какъ это было въ настоящемъ случаѣ. Она производилась, будто нехотя, будто съ сожалѣніемъ о томъ, что принуждены были прибѣгнуть къ этой мѣрѣ. Кромѣ позволенія оставаться въ городѣ сколько нужно было Герцену—отъѣздъ его сопровождался еще и важными служебными отличіями. Ему предоставлено было мѣсто «совѣтника» губернскаго правленія въ Новгородѣ—изъ мно-

жества кандидатовъ, добивавшихся его — т. е. Герценъ понадалъ въ правительственные члены той области, куда ссылался на жительство. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ получалъ и чинъ коллежскаго ассесора, открывавшій, по тогдашнимъ порядкамъ, блестящую карьеру для честолюбцевъ. Казалось, что административная кара, являющаяся въ такомъ видѣ и съ такимъ явнымъ характеромъ временной и краткосрочной мѣры, должна была бы потерять для него добрую часть своей ядовитости и угнетающей силы. Въдѣ первая московская ссылка, несравненно болѣе гровая, не оставлявшая никакихъ надеждъ, а наоборотъ предвѣщавшая несравненно еще худшія послѣдствія въ будущемъ, нашла же въ немъ человѣка, готоваго переносить удары судьбы съ твердостью и достоинствомъ. Здѣсь произошло явное совсѣмъ иное: не было и помина о вознесеніи благодарственныхъ гимновъ карающей судьбѣ, ни малѣйшаго поползновенія обновить теорію о пользѣ страданій!.. Герценъ не могъ одолѣть тупого отчаянія, которое овладѣло имъ противъ его воли. Правда, существовали еще и семейныя причины для такого нравственнаго состоянія. При самомъ началѣ этого дѣла жена его, Наталья Александровна, была напугана появленіемъ въ ихъ квартирѣ жандармскаго офицера, приглашавшаго хозяина для объясненія въ III отдѣленіе. Послѣдствіемъ испуга были преждевременные роды ея и продолжительная болѣзнь затѣмъ. Но главная основа нравственныхъ страданій Герцена заключалась не въ этомъ случаѣ, какъ онъ еще ни былъ прискорбенъ самъ по себѣ, а въ отсутствіи какой-либо возможности разъяснить мыслию свершившійся фактъ, понять причину и смыслъ его появленія. Приходилось думать, что существованіе жертвы, имъ пораженной, сдѣлалось игролищемъ въ рукахъ какихъ-то неизвѣстныхъ ей силъ и что одного ничтожнаго обстоятельства совершенно достаточно на семъ свѣтѣ или для возвышенія человѣка, не въ мѣру подъятыхъ трудовъ, или для приниженія его, не въ мѣру вины и проступка. Когда онъ изложилъ друзьямъ своимъ въ Москвѣ горькія чувства, обуревавшія его наканунѣ почетной ссылки, ему предстоящей, то Огаревъ, вѣроятно, по старой памяти, предложилъ ему въ утѣшеніе совѣтъ считать все происшедшее «частнымъ случаемъ» и предаться покорному самоотреченію — резигнаціи (resignation). Хотя поворотъ въ общемъ настроеніи друзей возмущалъ и Огарева, но онъ всегда отставалъ отъ товарища. На этотъ разъ Герценъ отвѣчалъ своему постоянному наставнику строгимъ и гнѣвнымъ письмомъ, которое приводимъ ниже. Гер-

денъ является въ немъ новымъ человекомъ и видимо стоитъ уже на рубежѣ второго періода своего развитія.

1841 г. 11-го февраля. С.-Петербургъ.

«Ты, Огаревъ, проповѣдуешь *резигнацію*, но въ томъ случаѣ, въ которомъ ты ее проповѣдуешь мнѣ, она нейдетъ, даже я думаю, что именно и бѣда-то вся, что *она слишкомъ мною*. Я понимаю, что человекъ, одержимый чахоткой, былъ бы жалокъ со своими упреками и гнѣвами на судьбу; понимаю, что человекъ, у котораго потонулъ корабль со всѣмъ имуществомъ его — благороденъ, перенося просто то, что внѣ сферы разума и его воли, но *резигнаціи*, когда бьютъ въ рожу, я не понимаю и люблю свой гнѣвъ, столько же, сколько ты свой покой. «Частный случай!» Конечно, все, что случается не съ цѣлымъ племенемъ, можно назвать частнымъ случаемъ, но я думаю, есть повыше точка зрѣнія... Ежели ты написалъ, что это «частный случай», мнѣ въ утѣшеніе, то спасибо; если же ты не шути такъ думаешь, то это одно изъ проявленій *той ложной монашеской пасивности, которая, по моему мнѣнію, твой Тифонъ, твой злой духъ*. Христіане истинные могли смотрѣть равнодушно на все, что съ ними дѣлали; для нихъ жизнь была дурная станція на дорогѣ въ царство Божіе, гдѣ наградятся труды. Мы на жизнь не такъ смотримъ, мы слишкомъ шатки въ вѣрѣ, въ насъ будетъ слабостью, что у нихъ сила. Въ этомъ отношеніи намъ можетъ скорѣе идти гордый, непреклонный стоицизмъ, нежели кроткое прощеніе дѣйствительности, индულгенція всѣмъ пакостямъ ея... С. говорить, что между прочимъ у тебя бродитъ намѣреніе пожить здѣсь годъ-другой. По моему (какъ я уже говорилъ въ 1839 г.) это просто безуміе и, какъ всякое безуміе, не имѣетъ ни малѣйшаго оправданія въ самомъ себѣ. Служить ты неспособенъ, да и гдѣ съ твоимъ *рамомъ*? Прожить все свое достоиніе самымъ глупымъ образомъ *chemin faisant* въ камеръ-юнкерству—разсуди самъ! Пожить весело—низкая цѣль, да и притомъ я не думаю, чтобы ты *сумѣлъ здѣсь поселиться*; собственно жить сюда никто не ѣздитъ... Удостоверь меня, что планъ этотъ исчезъ. Да и что теперь можетъ быть лучше: 5 лѣтъ путешествія! А я, остающійся, со стѣсненнымъ сердцемъ, но съ полною любовью друга и брата благословляю васъ на благодатныя пять лѣтъ. Поважайте, поважайте!

«Omni casu 1-го января 1845 г. мы встрѣчаемся въ Женевѣ, т.-е. каждый съ своей стороны пусть сдѣлаетъ все отъ него зависящее: à l'impossible nul n'est tenu. Давай руку... И съ этой-то

надеждой я поѣду въ Новгородъ. «Не бейся сердце—погода». Все заключено да будетъ внутри. О!! Лютеръ говаривалъ: «въ гнѣвъ чувствую я всю мощь бытія моего». Ненависть — *supereccitatio* любви. Планы, проекты литературно-жизненные расскажетъ С* ¹⁾. 1) Продолжать изучать Гегеля и ѳимпцевъ. 2) Диссертация о Петровскомъ переворотѣ—тезисы пришло. 3) Опытъ дѣтской книжки пригготовительной для изученія Всеобщей исторіи. Я радуюсь, что цѣли ограничены: *пора перестать блуждать по морю-по океану!* Скоро наступитъ тридцатый годъ—не правда ли при этомъ морозъ деретъ по кожѣ «много собрали, да мало напарили».

«Ты любишь «эту землю». Понятно. И я любилъ Москву, а жилъ въ Перми, Вяткѣ, не переставая ее любить, и жилъ годъ въ Петербургѣ, да ѣду въ Новгородъ! Попробуемъ полюбить земной шаръ—оно лучше. Куда ни поѣзжай тогда—все будешь въ любимомъ мѣстѣ.

«С* говоритъ, что ты, кажется, сжегъ мои письма. Это скверно, лучше бы сжегъ дюймъ мизинца на лѣвой рукѣ у меня. Наши письма—важнѣйшій документъ развитія; въ нихъ, время отъ времени, отражаются всѣ модуляціи, отзываются всѣ впечатлѣнія на душу. Ну, какъ же можно жечь такія вещи?»

Рѣшительный тонъ этого документа, въ которомъ авторъ за-ранѣе отказывается отъ надеждъ и утѣшеній во всѣхъ ихъ видахъ, за исключеніемъ надежды начать съ 1845 года иную, новую жизнь за-границей, не помѣшалъ ему однакоже искать и скоро найти на родинѣ задачи, способныя занять серьезный умъ и облегчить сердце. Не далѣе, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ своего письма, Герценъ былъ уже спвоенъ и обнаруживалъ намѣренія, далекія отъ тупого отчаянія, которое подсказывало ему злобнѣйшій крикъ: «спасайся, кто можетъ». Въ немъ совершился новый психическій поворотъ, новая эволюція мысли, которые съ разу возвращали ему прежнюю бодрость. Онъ приобрѣлъ основы для дѣятельности и почувствовалъ родъ признательности къ несчастному событію, открывшему ему глаза на то, въ чему ему слѣдовало стремиться, чему посвятить свои труды въ будущемъ. Нѣчто подобное случилось съ нимъ и въ первую московскую ссылку; онъ и тогда радовался полученному удару, но теперь были уже совершенно другія основанія для его настроенія. Тогда

¹⁾ Этотъ часто упоминаемый С* есть товарищъ ихъ по ссылке, Н. Сатинъ. Онъ еще ранѣе ихъ, 1837 г., по такой болѣзни своей получилъ дозволеніе проживать въ разныхъ губерніяхъ и городахъ. Въ началѣ 1842, онъ уѣхалъ лечиться за границу.

онъ примирялся съ невзгодой, проповѣдуя великія силы утѣшенія, заключающіяся въ разумной покорности судьбѣ; теперь онъ примирялся съ подобнаго же рода невзгодой, рѣшаясь на борьбу, которую она именно ему и указывала. Отъ возбужденнаго состоянія, которымъ пронизанъ февральское его письмо, онъ перешелъ, ни мало не противорѣча самому себѣ, въ холодную оцѣнку явленія, выбросившаго его изъ колеи предначертаннаго для себя существованія. Въ февралѣ 1840 г. онъ ропталъ и жаловался, потому что фактъ, подавившій его своею тяжестью, казался ему логически необъяснимымъ; въ мартѣ 1841 онъ уже не ропталъ и не жаловался, потому что фактъ былъ уясненъ, поставленъ на свое мѣсто въ ряду явленій того времени и говорилъ самъ за себя, не требуя дальнѣйшихъ толкованій. Въ это же время Герценъ опять близко сошелся съ Бѣлинскимъ послѣ довольно долгой размолвки, произведенной оптимистскими воззрѣніями послѣдняго. Они оба признали теперь, что обычный порядокъ вещей нисколько не нарушался случаемъ съ Герценомъ, что наоборотъ самый случай былъ естественнымъ, законнымъ и нормальнымъ порожденіемъ этого порядка. Письмо Герцена, отъ 2-го марта, въ немногихъ, но мягкихъ полуфразахъ и намекахъ повторяетъ все здѣсь сказанное:

«2 марта. — «Человѣкъ удивительно устроенъ» — говаривалъ Наполеонъ, а до него, воображаю, Киръ, Камбизъ etc. etc. Въ самомъ дѣлѣ, я начинаю ощущать пользу контузинъ № 2. Я было затерялся (по примѣру XIX вѣка) въ сферѣ мышленія, а теперь снова сталъ дѣйствующимъ и живымъ до ногтей. Самая злоба моя восстановила меня во всей практической доблести и что забавно — на самой этой точкѣ мы встрѣтились съ Виссаріономъ (Бѣлинскимъ) и сдѣлались партизанами другъ друга. Никогда живѣе я не чувствовалъ необходимости перехода — нѣтъ! — развитія въ жизнь философіи. И ни малѣйшей апатіи отъ удара (который немѣлкимъ силенъ и только самой безвыходностью даетъ выходъ)! Торжественнѣе полного безсмія нельзя видѣть: полное отрицаніе въ себѣ малѣйшихъ правъ. Да, въ этомъ отрицаніи «ist eine grosse Satzung» (есть важное опредѣленіе). Это не игра словъ: положеніе, что я *ничто*, что во мнѣ есть сила, ентелехія...»

Дальнѣйшее продолженіе письма бросаетъ яркій свѣтъ на мѣру, принятую относительно Герцена, и которая, какъ уже сказали, не имѣя вида ожесточеннаго преслѣдованія, отличалась характеромъ келейной расправы, что именно и составляло ее наиболѣе тяжелую сторону. Любопытно, что совѣтъ, данный имъ Огареву отправиться въ пятилѣтнее заграничное пу-

тешествіе, и обѣщаніе послѣдовать за нимъ приняты были послѣднимъ, какъ присужденіе его и самого себя на многолѣтнее бездѣйствіе; противъ такого толкованія своихъ словъ Герценъ возсталъ съ негодованіемъ. Огаревъ дѣйствительно въ томъ же 1841 г. взялъ паспортъ за границу, но только на шесть мѣсяцевъ. Затѣмъ изъ того же продолженія узнаемъ, что ссылка Герцена опредѣлена была заранѣе, по соглашенію начальства, въ одинъ годъ, послѣ котораго и съ повышеніемъ чина ему уже обѣщано было мѣсто вице-губернатора. Оба графа Строгоновы — Александръ и Сергій Григорьевичи — открыто заявили себя покровителями молодого чиновника, признавая въ немъ недюжинныя способности, энергію и благородство направленія и желая сохранить его для коронной службы, но въ этомъ они ошибались. Служба не входила въ виды Герцена, и рано или поздно, но онъ обмануль бы ожиданія своихъ покровителей. Вотъ это продолженіе:

«3 марта. Я поручилъ: 1-е, растолковать вамъ, что я разумію и какъ я разумію отъѣздъ... Вы не поняли меня. Никто не говорилъ о празднои жизни — да и могъ ли я, весь сотканный изъ дѣятельности, рѣшиться жить сложа руки. Авось либо онъ передастъ вамъ ясно. Бѣлинскій безъ восхищенія не можетъ говорить о моемъ желаніи — онъ его схватилъ именно съ той точки, какъ я хотѣлъ. А ргоров — не странно ли, что онъ сдѣлался моимъ партизаномъ? Я здѣсь приобрѣлъ нѣкоторый голосъ — и оттого мнѣ жалъ покидать Петербургъ. *Разумѣется, неумѣстность юда въ Новгородъ — абсолютна.* Хотѣ бы въ даль (теплую) куда, а то въ Новгородъ. Впрочемъ, я постараюсь черезъ годъ уѣхать хоть въ Крымъ. Теперь нельзя, потому что того хочетъ Строгановъ ¹⁾, а ему (равно и вашему Строганову ²⁾) я долженъ засвидѣтельствовать искреннѣйшее спасибо. Мнѣ слѣдственно имъ же предстоитъ и выходъ. С* расскажетъ тебѣ о запискѣ Сергія Григорьевича — весьма гуманной. Дѣло въ томъ, что мы разнѣ понимаемъ дѣло. Строгоновы думаютъ, что сущность въ службѣ, и потому опредѣляютъ совѣтникомъ, чтобы перевести въ вице-губернаторы, когда получу чинъ надворнаго совѣтника, — а у меня ужъ это не входитъ въ расчетъ. А смѣшно: я выигралъ по службѣ — проигрышемъ... Впрочемъ, я службы не брошу теперь, да только не хотѣлось бы жить въ мерекѣ климатѣ.

«А прежде 1 мая не уѣду. Министръ и не думаетъ торо-

¹⁾ Министръ.

²⁾ Сергій Григорьевичъ Строгановъ — почетный моск. университета.

пить меня. А до тѣхъ поръ Наташа хорошенъко оправится и дороги будутъ *кратинабельныя*. Стало, увидимся. Остановись въ «*Hôtel de Paris*», на *Малой Морской, вблизи Невск. Прос.* Это отъ меня не болѣе 50 шаговъ. Итакъ, мы вмѣстѣ увидимъ море. Я тебѣ покажу его: это одно изъ моихъ мечтаній»...

И онъ дѣйствительно дождался Огарева съ женой его, показавъ имъ море, вѣроатно съ тѣмъ же чувствомъ, съ каковымъ Пушкинъ въ Одессѣ 1824 смотрѣлъ на него, поминшля о дальнихъ странахъ, которыя оно омываетъ; наконецъ, проводилъ обоихъ супруговъ за-границу и за тѣмъ самъ явился къ 1-му іюля 1841 къ мѣсту своего назначенія, въ Новгородъ.

ХП.

Здѣсь и открылось ему то замущенное годами поле администраціи, которое онъ призванъ былъ подготовить для высшей культуры. По крайней мѣрѣ такъ онъ понималъ самъ свою задачу, впадая при этомъ въ ошибку, свойственную всѣмъ утопистамъ канцелярій и правленій прошлымъ и настоящимъ. Герценъ принялся за работу именно не какъ чиновникъ, а какъ посторонній человѣкъ, имѣющій свои цѣли и торопящійся обнаружить свои честныя идеи. Онъ оказался съ перваго же раза не въ ладахъ съ губернаторомъ, который былъ похожъ на всѣхъ своихъ товарищей, требовалъ неувоспитательно вышнихъ знаковъ уваженія и держался правила—не обращать вниманія на мѣнія своихъ «совѣтниковъ»; это былъ военный человѣкъ, не одобрявшій системы коллегіальнаго управленія. Съ нимъ, однако же, отлично уживались всѣ тѣ, которые, поддѣлываясь подъ образъ мыслей и взгляды его, проводили свои рѣшенія, прикрываясь только его авторитетомъ; но на такія продѣлки, для достиженія благихъ цѣлей своихъ—Герценъ не былъ подготовленъ, да онъ бы и не удался ему: онъ нажилъ себѣ враговъ почти во всѣхъ товарищахъ-совѣтникахъ, скоро почувствовавшихъ, что имѣють дѣло съ безпокойнымъ и опаснымъ нововводителемъ. Къ тому же на долю Герцена досталось управленіе наиболѣе раздражающимъ отдѣленіемъ (II-мъ), гдѣ сосредоточивались дѣла по, такъ-называемому, благочинію: о сѣмьныхъ, о раскольникахъ, о крестьянахъ, жалующихся на помѣщиковъ и обратно, о крѣпостныхъ людяхъ, отыскивающихъ свободу etc. etc. Понятно, что мыслитель и либеральный человѣкъ осужденъ былъ при этомъ встрѣчаться ежедневно съ положительнымъ, суровымъ законодатель-

ствомъ тѣхъ временъ и отступать передъ нимъ; попытка растолковать его въ болѣе мягкомъ смыслѣ почти всегда не удавалась: Герценъ всякій разъ покидалъ присутствіе чуть не больной. Гуманистъ и философъ въ чиновничьемъ мундирѣ, онъ страдалъ несовершенствами администраціи и считалъ себя отвѣтственнымъ за то, что она допускала, и за то, чего она не допускала. Въ этомъ именно и заключалась драматическая коллизія. Люди съ своими особыми взглядами на гражданскія права и обязанности, попадающіе на службу, не ограничиваются одной борьбой съ явными злоупотребленіями — они затрогиваютъ обыкновенно и порядки, которые привели къ злоупотребленіямъ, умножая такимъ образомъ свои заботы и плоды ненависти кругомъ себя. Враги всѣхъ такихъ выскочекъ, какъ Герценъ, оказывались постоянно правыми передъ нимъ, скрываясь за непроницаемымъ щитомъ дѣйствовавшего тогда положительнаго законодательства, но они не ограничивались однимъ этимъ преимуществомъ, а посылали ему вызовы и съ другихъ сторонъ. Извѣстно, что тогда существовала многочисленная категорія людей, не имѣвшая правъ, не прикрытая закономъ и находившаяся въ полной зависимости отъ администраціи. Тутъ Герценъ встрѣчался съ такими образцами равнодушныхъ отношеній къ человѣческимъ нуждамъ и страданіямъ, что ему предстояло или бѣжать съ поля битвы, закрывъ глаза, или начать борьбу — и на этотъ разъ совсѣмъ не на юридической почвѣ, которой вовсе и не было, а борьбу съ обычаями, нравами, понятіями и воспитаніемъ людей. Съ перваго же приступа къ ней, онъ увидалъ всю безконечность и всю бесплодность ея, такъ какъ примѣры нравственной жестокости какъ бы преднамѣренно умножались на его глазахъ, но мѣрѣ того, какъ онъ все болѣе ратовалъ противъ нихъ. Разстроенный физически и усталый до изнеможенія, онъ ждалъ случая отдѣлаться отъ должности, гдѣ не приносилъ никакой пользы. Случай представился скоро въ формѣ грубаго отказа одной бѣдной женщины, добивавшейся какого-то дозволенія у губернатора, и не выходилъ изъ ряда обычныхъ, урядныхъ явленій мѣстной жизни; но нервы Герцена были потрясены, и онъ тотчасъ послѣ того подалъ просьбу объ отставкѣ, пробывъ не болѣе полугода членомъ губернскаго правленія.

Отставка его скоро вышла изъ сената, но вмѣстѣ съ нею графъ Бенкендорфъ предписывалъ губернатору удержать Герцена по прежнему въ Новгородѣ, но уже въ качествѣ простаго, поднадзорнаго ссыльнаго. Ошеломленный этимъ новымъ распоряженіемъ, Герценъ снова принялся за хлопоты по переводу въ Москву,

за письма къ генералу Дубельту, за отысканіе вліятельныхъ адвокатовъ въ Петербургѣ, которыхъ и нашелъ въ лицѣ покойнаго графа М. Вьельгорскаго и другихъ и успѣлъ по лѣту 1842 г. отдѣлаться и отъ этой напасти. Онъ получилъ тогда извѣстіе, что по предстательству покойной императрицы Александры Оедоровны, тронутой письмомъ къ ней жены Герцена—Натали Александровны, ему, Герцену, дозволяется сопровождать больную свою супругу въ Москву. Графъ Бенкендорфъ прибавлялъ отъ себя, что вмѣстѣ съ запрещеніемъ вѣзда въ Петербургъ, полицейскій надзоръ за нимъ будетъ учрежденъ и въ Москвѣ.

Герценъ не мѣшалъ сборамъ. Ровно черезъ годъ съ небольшимъ послѣ появленія своего на берегахъ Волхова, онъ выѣзжалъ изъ Новгорода, унося съ собою новое настроеніе, ростъ и развитіе котораго заслуживаютъ вниманія.

Несмотря на тревоженія служебной и общественной жизни своей въ Петербургѣ и Новгородѣ, Герценъ именно посреди мѣняющихся ея красокъ и положилъ начало тому развитію, которое докончилъ уже въ Москвѣ. Любопытно прослѣдить его первые шаги на пути, доставившемъ ему общую и почетную извѣстность въ нашей литературѣ. Мы видѣли, что наканунѣ отъѣзда въ Новгородъ онъ сознательно отказался отъ громадныхъ замысловъ, необъятныхъ художественныхъ тѣмъ, къ которымъ такъ недавно еще лежало его сердце знаменательными словами: «Я радуюсь, что цѣли (у меня) ограниченны—пора перестать блуждать по морю-по океану». Онъ тогда же намѣтилъ и самыя цѣли: 1) изученіе Гегеля и нѣмцевъ, 2) диссертация о Петровскомъ переворотѣ, 3) составленіе книжки о Всеобщей исторіи для дѣтей. Для послѣдняго труда не доставало ему въ провинціи пособій—документовъ, справокъ, оказавшихся еще болѣе необходимыми въ *дѣтскомъ* курсѣ, чѣмъ при составленіи каваго-либо много-мысленнаго трактата. Трудъ былъ заброшенъ. Изученіе нѣмецкой философіи продолжалось непрерывно, но съ тѣмъ скептическимъ отгѣнкомъ, съ тою подозрительностью относительно настоящаго смысла гегелевской системы, которая отличала Герцена отъ всѣхъ толкователей знаменитаго философа на нашей почвѣ. По свидѣтельству многихъ его писемъ и особенно его «Дневника», обнимающаго время съ 25 марта 1842 по 29 октября 1845 включительно и напечатаннаго въ женевскомъ собраніи его сочиненій (1875), толкованія Герцена отличались, при глубокомъ уваженіи къ основателю ученія, весьма оригинальнымъ способомъ его пониманія. По Герцену—Гегель взрылъ почву подъ общественнымъ, частію еще средне-вѣковымъ строемъ

европейской жизни, но боялся наложить руки на само здание, выстроенное ею на рыхлой почвѣ, изъ жалости къ красивой его постройкѣ, на которую указывалъ и своимъ послѣдователямъ, терпѣливо ожидая, что оно рухнетъ само собою по милости логически и діалектически подкопаннаго имъ, Гегелемъ, фундамента. Вообще «Дневникъ» этотъ содержитъ тайную исторію народоженія и наростанія его созерцанія и образа мыслей, — и по этому весьма любопытенъ. Что касается до диссертациі о Петровскомъ переворотѣ, то происхожденіе и судьба ея гораздо сложнее. Собственно она никогда не была написана, разрѣшившись остроумной статейкой «Москва и Петербургъ» (1842), которая не могла попасть въ нашу печать и появилась на свѣтъ — въ видѣ привѣса къ забавному разсказу «Станція Едрово» — только уже въ 1846 г. (Московский Листокъ, 1846 г.), и то передѣланная и частію ослабленная. Но мысли, положенія, тезисы, какъ называетъ ихъ авторъ, которыя должны были войти въ составъ диссертациі, не вовсе пропали: они вошли въ плоть и кровь Герцена, составили сущность его взглядовъ на прошлое и настоящее Россіи и окрасили позднѣйшую его политическую исповѣдь — знаменитую статью: «Съ того берега».

При самомъ началѣ этого неисполненнаго труда, Герценъ извѣщалъ друзей о своемъ намѣреніи заняться имъ такими словами:

«С.-Петер. 1 марта, 1841 г. — Я намѣренъ писать *письма о Петровскомъ періодѣ* и для этого обзавелся Голицынымъ, разумѣется, не Полевымъ, а настоящимъ. Разумѣется также, что я беру предметъ не съ чисто исторической стороны.

«Нами заключается Петровское время. Мы, выходяще изъ національности въ чисто европейскую форму и сущность — заканчиваемъ великое дѣло очеловѣченія Руси. Но послѣ нашего времени начнется періодъ органическаго, *субстанціаламаго* развитія и притомъ чисто *человѣческаго* для Руси. Тогда ея роль будетъ не отрицательная въ судьбѣ Европы (преграда Наполеону, напр.), а положительная. Положеніе Россіи относительно Европы странно — *une fausse position* — но оно лежало въ идеѣ Петровской революціи, и вся крутость и скорбность ея были необходимы. Этими скорбями выкупается десятилѣтнее отчужденіе отъ чело-вѣчества и проч.».

Несмотря на ухищренный философскій языкъ, — который профессоръ математики и очень зоркій литературный критикъ, покойный Перевощиковъ, такъ забавно называлъ «птичьимъ языкомъ», — мысль Герцена въ этомъ письмѣ выступаетъ довольно ясно.

Періодъ преобразованія Россіи въ европейское государство, потребовавшій столько неистовыхъ и кровавыхъ мѣръ, приходитъ къ концу и, по убѣжденію Герцена, долженъ смѣниться для нея положительной ролью *европейски-національной* державы, въ которой она и представитъ міру со временемъ. Этой мыслию онъ уже въ 1841 году доставлялъ себѣ возможность стовориться съ партіей славянофиловъ и вступить въ особня, оригинальныя отношенія къ ней, которыя дѣйствительно создавъ въ послѣдствіи и которыми не измѣнялъ уже до конца жизни. Онъ издѣвался надъ нею и любилъ ее; ужасался приложеній, какія она дѣлаетъ изъ своихъ началъ, и отстаивалъ значеніе и смыслъ этихъ началъ, боролся страстно съ ея нападеами, иногда пасквилями на культурныхъ людей и въ то же время говорилъ: «западная, либеральная партія тогда только получитъ силу и народную поддержку, когда овладѣетъ тѣмами славянофиловъ». Еще въ томъ же 1841 онъ раздражался такой юмористической характеристикой на счетъ славянъ, съ которыми только-что познакомился проездомъ черезъ Москву годъ тому назадъ.

«Въ Москвѣ я все время ратовалъ съ славянобѣсіемъ и не смотря на все—*ей-Богу люди тамъ лучше, у нихъ есть интересы*, изъ-за которыхъ они рады дни спорить (exemp. gratia)—Вельтманъ, доказывая, что родъ человѣческій, послѣ раздѣленія Римской Имперіи, одной долей сошелъ съ ума—именно Европейской, а другой въ умъ вошелъ, именно Византіей, а потомъ Русью. Если бы татары не повредили, а потомъ Москва, а потомъ Петръ—то и не то бы было. А Европу за безуміе наказывалъ Богъ всякими плеведами—французской болѣзнію и французской революціей... и проч.»

Письмо было писано изъ Новгорода къ Бѣлинскому въ Петербургъ, и сарказмы его не помѣшали Герцену уже въ слѣдующемъ году упрекать изъ Москвы, какъ Бѣлинскаго, такъ и всю петербургскую печать въ односторонности по отношенію къ выдающимся людямъ осмѣянной партіи, въ недостаткѣ гуманности, въ отсутствіи желанія—смотреть на вещи съ дѣйствительной точки зрѣнія и въ смѣшеніи именъ, по которому принимаютъ наравнѣ съ другими и такіа почетныя имена, какъ Конст. Аксаковъ, братья Кирѣевскіе, Ю. Самаринъ и др. Во избѣжаніе недоразумѣній Герценъ часто прибавлялъ въ своимъ дружескимъ выговорамъ замѣчаніе: «славянофила изъ меня такъ же трудно сдѣлать, какъ и славянофоба», но оговорка была лишняя. Всѣ знали, что защита тогдашней народной нашей партіи была у него только игрой на поверхности опредѣлившагося уже

строга мыслей и не могла взмѣнить его сущности,—той сущности, которую онъ самъ выразилъ однажды такъ, говоря о проповѣди примиренія, поднятой Бѣлинскими:

«Я нахожу одно примиреніе—полнѣйшую вражду. (Кристаллизація: не кристаллизуется;—употребленіе: никогда не употребляется) ¹⁾. Много мечтаній утратилось: я не жагѣю ихъ. Это послѣдніе лепестки вѣнчика:—въ періодъ плодотворенія они должны спасти. Истина не въ нихъ, а въ плодѣ. Не скажу, чтобы вмѣстѣ съ мечтами отлетѣли и надежды—о, нѣтъ, нѣтъ и 1000 разъ нѣтъ. Напротивъ, въ жизнь мою я не чувствовалъ яснѣе Галилеевскаго—е руге се шюве. Скорбь родовъ нисколько не похожа на скорбь агоніи. А умираютъ и рѣдившіеся. (Тогда) блаженный мужъ отходитъ отъ совѣта нечестивыхъ... Онъ идетъ съ своей вѣрой, съ своей любовью, съ надеждой и какъ упрекъ садится вдали—и скорбитъ».

Это было уже далеко отъ отчаянія, помрачавшаго его умъ въ началѣ изображаемаго періода. Съ такой программой будущаго и съ такимъ установившимся образомъ мыслей, обновленный Герценъ и явился въ Москву, 13-го іюля 1842 года.

XIII.

Практическое воспитаніе Огарева шло инымъ путемъ.

Онъ выѣхалъ съ женой лѣтомъ 1841, какъ уже видѣли, за границу. Все время пребыванія въ Петербургѣ онъ принадлежалъ болѣе роднымъ своимъ и ихъ знакомымъ, чѣмъ Герцену. Послѣдній едва успѣлъ свести его въ Петергофъ и показать ему, и то полусонному и разсѣянному, морской заливъ. Само разставаніе друзей носило особенный, чуть не стоическій характеръ. Они вышли на Неву, миновали дворецъ, обнялись на набережной въ виду крѣпости и затѣмъ каждый пошелъ своей дорогой. Да и въ чему тутъ были проводы?.. Огаревъ уѣзжалъ на нѣсколько мѣсяцевъ, и дѣйствительно къ половинѣ слѣдующаго 1842 г. находился опять въ Петербургѣ и Новгородѣ. Но въ удивленію всѣхъ, его знавшихъ, или въ оправданіе ихъ предчувствій, онъ явился назадъ одинъ. Жена его уѣхала въ Италію въ сопровожденіи одного молодого русскаго художника и тамъ осталась.

Это было предвѣстіе близкаго разрыва, который однакожъ

¹⁾ Это были извѣстныя афоризмы,—ставшіе притчей,—изъ стариннаго московскаго профессора естественной исторіи,—кажется, Демидовскаго.

осуществился довольно поздно, только въ 1844 году. Огаревъ любилъ жену и въ то время, когда она освободилась уже отъ нравственныхъ приврастъ, которыя породили любовь. Онъ ждалъ, чтобы въ немъ самомъ потухла послѣдняя искра привязанности, и только тогда отошелъ отъ избранной имъ женщины, когда почувствовалъ, что она успѣла расхитить все, что находилось въ его сердцѣ. Въ послѣднихъ числахъ мая 1842, онъ навѣстилъ Герцена и пробылъ у него 11 дней. Тогда-то въ изліяніи дружескихъ бесѣдъ и посреди нескончаемаго пира, ознаменовавшаго ихъ встрѣчу, Огаревъ выразилъ намѣреніе разорвать связь, не имѣющую болѣе смысла, и передать исторію бѣгства своей жены. По свидѣтельству Герцена, онъ былъ спокоенъ и веселъ и уѣзжалъ опять за границу, чтобы окончательно рѣшить дѣло съ женой, которое въ настоящемъ своемъ положеніи составляло несчастье ихъ обоихъ; но рѣшеніе послѣдовало не скоро, какъ сказали.

Не стоило бы продолжать разсказъ объ этой семейной катастрофѣ, если бы съ нею не связывалась исторія крушенія цѣлаго плана жизни и цѣлой группы надеждъ и замысловъ, составленныхъ Огаревымъ для своего существованія и разрушенныхъ той самой рукой, на которую онъ рассчитывалъ для ихъ поддержки и укрѣпленія.

Марья Львовна Огарева принадлежала къ тому типу русскихъ женщинъ, тогда еще очень многочисленному, которыя никогда не умѣли разобраться въ своихъ чувствахъ. По различнымъ и противоположнымъ отзывамъ о ней ея современниковъ уже можно заключить, что она представляла изъ себя амальгаму возвышенныхъ стремленій и пустыхъ наклонностей, чередовавшихся въ ея душѣ съ необычайной быстротой. Догадка эта подтверждается всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ изъ ея жизни. Жизнь эта протекла у нея въ безпрестанныхъ переходахъ изъ строгихъ воззрѣній на свое призваніе къ поворнымъ паденіямъ, болѣею частью еще и неожиданнымъ. Она не оставила послѣ себя никакихъ привязанностей, хотя и не скупилась на жертвы для ихъ приобрѣтенія. Иначе и не могло быть по условіямъ ея ума и природы. Въ пылу благородныхъ увлеченій она мечтала о прелести беззавѣтнаго существованія и, спускаясь въ низшіе порядки жизни, призывала утерянныя рай высшихъ идеальныхъ стремленій; философская пропаганда, утопическія и радикальныя мнѣнія, которыхъ она сдѣлалась обязательной слушательницей и свидѣтельницей, по выходѣ замужъ — окончательно сбили ее съ толка. Она приобрѣла отъ нихъ привычку смѣши-

вать влеченія страстей и врожденныхъ инстинктовъ съ основами морали и принципами независимаго мышленія.

Сущность ея характера однакожь была не очень сложна: основнымъ тономъ его было врожденное влеченіе къ шуму, приключеніямъ, чувственнымъ наслажденіямъ и умственному раздраженію, которое было только видовымъ движеніемъ ихъ. Съ такими задатками, попавъ въ соприкосновеніе съ требованіями семейнаго идеализма, она искала способовъ пристроиться къ нему наилучшимъ образомъ и успѣла въ этомъ, благодаря очень гибкому и бойкому уму своему и искренней привязанности къ мужу, котораго несомнѣнно тогда любила не за одно богатство, но и за душу его. Усталость явилась скоро. Уже въ первую одиночную свою поѣзду въ Москву, для леченія, состоявшуюся вскорѣ послѣ тѣхъ изліяній чувства, какія мы видѣли въ вышеприведенномъ ея письмѣ къ Герцену, Огарева искала вознагражденій за долгое пребываніе свое въ одномъ поэтическомъ настроеніи и пробовала почву для новой и болѣе просторной жизни. Вторая и тоже одиночная поѣздка ея въ Петербургъ за освобожденіемъ мужа и тотчасъ послѣ знаменитаго владимірскаго свиданія имѣла еще большія послѣдствія. Она уѣзжала изъ Владимира, унося съ собою еще теплыя воспоминанія о сценахъ, тамъ происходившихъ, и совершенно позабыла о нихъ, какъ только перешла черезъ нѣсколько петербургскихъ салоновъ и увидала, какъ легко, свободно и беззаботно наслаждаются тамъ плодами цивилизаціи, науки, искусства. Чего недоставало ей, чтобы жить посреди такой же обстановки и собирать вокругъ себя счастливыя и довольныя лица? Она была богата, носила старое дворянское имя, обладала недюжиннымъ умомъ, изощреннымъ вкусомъ и всѣми другими условіями свѣтскаго успѣха, выдающейся общественной роли. Въмѣсто того она осуждена на полу-монашескую жизнь съ вѣчной провѣркой самое себя, которая требуется скромностію семейнаго очага, съ постояннымъ надзоромъ за собой какихъ-то невидимыхъ, неосознаемыхъ принциповъ, на непрigладную участь пройти жизненный путь объ руку съ *снѣжнмъ студентомъ*, не просыпающимся отъ видѣній, и вторить вмѣстѣ съ нимъ гулу задорныхъ утопій его пріятелей. Она возненавидѣла свое положеніе. Мысль вырвать Огарева изъ среды, въ которой онъ находился, и перенести его на арену большого свѣта, гдѣ такъ облегчается трудъ существованія, засѣла крѣпко въ ея головѣ. Съ ней явилась она и въ Москву, когда въ 1839 году чета наша получила дозволеніе поселиться въ столицѣ.

Здѣсь при первыхъ же проявленіяхъ своей мысли Марья

Львовна встрѣтила болѣе сильную оппозицію, чѣмъ ожидала, въ друзьяхъ Огарева, подозрительно и косо смотрѣвшихъ на затаенныя цѣли молодой женщины. Кругъ одинаково настроенныхъ людей составлялъ плотную стѣну около Огарева. Онъ дышалъ вмѣстѣ съ ними атмосферой идей, которой нигдѣ не находилъ болѣе и безъ которой существовать не могъ. Не легкое дѣло было разрушить очарованіе круга, но за это дѣло Марья Львовна принялась рѣшительно, хотя и исподоволь, увлекая Огарева въ общество, гдѣ бы онъ могъ забыть о гнѣздѣ, хранившемъ лучшую часть его духовнаго бытія. Огаревъ слѣдовалъ за ней безъ сопротивленія, не усматривая большого преступленія въ томъ, что молодая женщина жаждетъ свѣта и простора и ищетъ ихъ тамъ, гдѣ думаетъ ихъ встрѣтить навѣрное. Но друзья угадали намѣренія и характеръ его руководительницы и прозрѣли порчу всей его жизни, если онъ слѣпо отдастся во власть ея. Сама собою возникла глухая, но ожесточенная борьба между обоими лагерями и направленіями. Споръ сводился въ сущности на вопросъ объ обладаніи Огаревымъ, и надо сказать, что Марья Львовна защищала свое достоинство и своего мужа съ ожесточеніемъ и свирѣпостью львицы, отвѣчая оскорбленіями на оскорбленія, отражая удары ударами же и скрываясь отъ дѣльных обвиненій и упрековъ за ироніей и холоднымъ презрѣніемъ, которыми мастерски владѣла и которыми обманывала мужа. Не менѣе раздраженія выказали и защитники самостоятельности Огарева, находившіе въ эксцентричности многихъ поступковъ простой женщины, въ частомъ легкомысліи ея поведенія поводы объявлять ее виновницей всей смуты. Впрочемъ, какъ часто случается въ столкновеніяхъ людей,—дѣйствія и побужденія обѣихъ сторонъ смѣшивались въ одну кучу, а охотниковъ разобрать ихъ по существу не находилось. Все шло у враговъ Огаревой за свидѣтельство ея испорченности, рискованная мысль принималась за тайный развратъ, дѣтская шалость за порокъ и проч. Около двухъ лѣтъ длилась эта борьба, свидѣтельствуя о безсиліи воли у главнаго ея предмета, Огарева. Во все это время онъ искалъ случая примирить обѣ стороны, равно ему дорогія—и не нашелъ его. Отчаявшись въ возможности отыскать нейтральную почву, на которой могли бы сойтись враги, онъ подумывалъ, какъ видѣли, о переездѣ въ Петербургъ и наконецъ прибѣгъ къ заграничному воюжу, какъ къ единственному спасенію своему. При отъѣздѣ нашей четы въ 1841 г. изъ Петербурга за море, Марья Львовна еще разъ обнаружила передъ Герценомъ, бывшимъ однимъ изъ отъявленныхъ ея враговъ, способъ

ность отзываться (и каждый разъ искренно, по нашему убѣжденію) на любую ноту человѣческаго сердца. Герценъ попросился съ нею (въ новгородскомъ письмѣ къ московскимъ пріятелямъ отъ 23 іюля 1841 г.) такимъ отзывомъ, хотя и ироническимъ по формѣ, но за которымъ, какъ у него часто бывало, скрывается все-таки истинное его чувство:

«Я забылъ тебѣ сообщить, что передъ отъѣздомъ Огарева, я снова помирился съ Марьей Львовной. Мы право много передъ ней виноваты: въ ней есть такіа достоинства — *mais des dignités*! Она зап.» (NB. начинавшаяся фраза — «она заплакала» — вычеркнута авторомъ и вмѣсто нея поставлено просто восклицаніе): Почтеннѣйшая женщина!..»)

Что случилось съ ней за-границей — мы не знаемъ. Извѣстно только, что когда, послѣ леченія въ Карлсбадѣ и Теплицѣ, Огаревъ направился въ обратный путь, Марья Львовна, подъ предлогомъ болѣзни, уѣхала въ Римъ и Неаполь, — и не одна, какъ гласила легенда, на этотъ разъ достовѣрная.

Во вторую свою поѣздку за-границу, которая очень близко слѣдовала за первой, Огаревъ, вѣроятно, убѣдился, что пребываніе его супруги въ Италіи равнялось добровольному отреченію отъ узъ, связывавшихъ ихъ обоихъ, что ей надо предоставить время для отрешенія отъ всѣхъ обязанностей волшебной страны, гдѣ она посвящена была также точно въ тайны художественныхъ мастѣрскихъ, какъ и въ способы туземнаго пониманія жизни, замѣнившіе для нея прежніе свѣтскіе идеалы. Расчетъ Огарева былъ вѣренъ. Отрезвленіе шло у Марьи Львовны всегда рядомъ съ увлеченіемъ. Она поспѣшила на встрѣчу къ нему въ Германію, заслушавъ о его пріѣздѣ.

Одинъ изъ общихъ ихъ друзей, весьма благорасположенный къ г-жѣ Огаревой и лежавшій тогда въ тяжелой болѣзни на о. Искія, упомянутый уже Н. Сатинъ давалъ такую оцѣнку личности Марьи Львовны въ своемъ письмѣ отъ 1842 года, посланномъ изъ Неаполя, 18 іюля с. с.: «Что сказать тебѣ на твои обвиненія противъ М. Л.? Всѣ они справедливы и самъ я ихъ повторялъ много разъ, но все-таки я нѣмѣю къ ней состраданіе и повторяю, что Огаревъ поступилъ бы неблагородно, бросивъ ее. Она дурна, но кто виноватъ въ этомъ? Отчасти она, но гораздо болѣе судьба, бросившая ее въ эту волею, а не въ другую. Это не фатализмъ à la turque и ты напрасно будешь противопоставлять ему волю человѣка. Самая эта воля не есть нѣчто врожденное, опредѣленное, но развивается и получаетъ направленіе воспитаніемъ, обстоятельствами и условливается орга-

низацію. Огаревъ *по неволѣ* виновать въ одномъ: въ своей слабости. Онъ никогда не могъ бы передѣлать натуры своей жены, но могъ бы остановить ея дурныя наклонности. Ну, да что дѣлать, онъ слабъ. А потому для него выходъ невозможенъ и страданія неизбежны»...

Пророчество сбылось только на половину — послѣдняя его часть дѣйствительно исполнилась, — Огаревъ много страдалъ, но выходъ все-таки былъ найденъ.

Тотъ же самый корреспондентъ, еще не вполне изцѣленный, перѣхалъ въ Германію и былъ свидѣтелемъ встрѣчи Огарева съ женой въ Майнцѣ, на Рейнѣ, гдѣ она жила его. Произошло объясненіе между ними, и свидѣтель прибавляетъ, что онъ измучился въ теченіе двухъ недѣль, пока оно длилось. Сурово оттолкнутая и оскорбленная на первыхъ порахъ раздраженнымъ мужемъ, Марья Львовна обнаружила гордость женщины, грубо призванной къ отвѣту въ то время, какъ она пришла съ признаніемъ своей опрометчивости и раскаяніемъ. Далѣе рассказчикъ повѣствуетъ, что вскорѣ роли перемѣнились: изъ подсудимой Марья Львовна сдѣлалась рѣшительницей участи Огарева, что послѣдній искалъ сдѣлки, примиренія, унижался, льстилъ, прибѣгалъ къ хитростямъ — и получилъ отпущеніе. Теперь, — поясняетъ рассказчикъ, — они связаны тѣснѣе, нежели когда-нибудь и не любовью, а обстоятельствами». Онъ проводилъ ихъ до Страсбурга по дорогѣ въ Италію и расстался съ своимъ другомъ, совершенно сбитый съ толку поведеніемъ его и не понимая причинъ, заставлявшихъ его дѣйствовать такъ странно и непоследовательно во всей этой исторіи. Разгадку своихъ недоумѣній онъ получилъ съ первой остановкой Огарева въ Цюрихѣ. Онъ писалъ ему оттуда (октябрь 1842):

«Измученный пошлостью моего поведенія, съ ненавистью въ душѣ, я ѣхалъ и пріѣхалъ сюда... *Зачѣмъ я унижался подъ конецъ?* — Затѣмъ, что я видѣлъ въ этомъ возстановленіе и спасеніе отъ всѣхъ преслѣдованій женщины, которую я глубоко оскорбилъ... Но битва не кончена. Во мнѣ разрушенъ цѣлый міръ, къ которому я былъ привязанъ... Всѣ униженія, которыя я понесъ, лежатъ на сердцѣ... *Въ призваніи художника я не отказался*; остальное все погибло. Ширь жизни, жажда наслажденій и блаженства будутъ тщетны, свято затаены... Мой путь унылъ, но я буду силенъ»...

Комментируя эту записку друга передъ московскими пріятелями, корреспондентъ прибавляетъ отъ себя:

«Марья Львовна съ своей стороны пишетъ ко мнѣ, что она

поняла теперь совершенно свои отношенія къ мужу и клянется, что она измѣнится и никогда не стѣснить его ни словомъ, ни дѣломъ... Чѣмъ все это кончится — Богъ знаетъ! Одно только вѣрно, что Огаревъ теперь страдаетъ такъ, какъ никогда еще не страдалъ. Теперь общается быть сильнымъ... Дай-то Богъ! А онъ можетъ быть силенъ. Въ самомъ этомъ униженіи, перенесенномъ имъ добровольно для восстановленія женщины, — онъ явилъ силу огромную, но только не встати употребленную. — Ганау, 26 октября (1842)».

И такъ, желаніе спасти нѣкогда любимую имъ женщину отъ дурной славы какъ покинутой и презрѣнной жены, было единственнымъ поводомъ самоотверженной покорности Огарева. Друзья его въ Москвѣ не были однакоже нисколько умилены его поступкомъ, въ которомъ усматривали только руку коварной женщины, привыкшей играть на благородныхъ чувствахъ мужа, какъ на знакомомъ инструментѣ, и особенно вознегодовали, когда узнали, что поступокъ свой Огаревъ сопровождалъ еще выдачей женѣ векселя въ 30 т. р. и назначеніемъ ей ежегоднаго содержанія. Никто не хотѣлъ признать, что такимъ образомъ Огаревъ возвратилъ свободу дѣйствій себѣ и спутницѣ своей и открылъ для нея возможность равноправныхъ отношеній съ нимъ безъ любви и обязанностей. О восстановленіи сердечныхъ привязанностей тутъ не было и помина. Самъ Огаревъ не обманывался на этотъ счетъ: «битва не кончена», замѣчаетъ онъ, говоря о своихъ уступкахъ женѣ. Все дѣло заключалось для него въ томъ, чтобы закончить борьбу наиболѣе благороднымъ, великодушнымъ способомъ. — Обѣ стороны широко пользовались свободой, какую взаимно предоставили себѣ, и довольное ихъ лицо, тотъ же корреспондентъ, у котораго мы брали уже столько цитатъ и свидѣтельствъ, весьма доволенъ душевнымъ состояніемъ Огарева. «Послѣднія письма его, — говоритъ онъ, — полны теплоты и спокойствія. Нѣтъ, онъ не погибъ; но я на минуту ошибся въ немъ, полагая его падшимъ — и мнѣ это больно! Онъ ясно опредѣлялъ свои отношенія къ Марѣ Львовнѣ, и эти отношенія основаны теперь на общественныхъ приличіяхъ и частію на взаимной привычкѣ и на нѣкотораго рода обязанностяхъ. Что касается до послѣднихъ, какъ вамъ объяснить ихъ? Вы оба этого не поймете, ибо слишкомъ восстановлены противъ нея... Имѣя она свое состояніе — многія препятствія были бы устранены, но теперь, приучивъ ее къ роскоши, Огаревъ не можетъ оставить ее безъ возможности удовлетворять своимъ пріхотямъ; она же на столько-то благородна и горда, чтобы не при-

нять денегъ отъ человѣка, который ее отталкиваетъ. Въ нравственномъ отношеніи онъ не только полезенъ ей, но даже необходимъ: эта женщина совершенно одна, она не умѣла привязать къ себѣ ни одного существа и, право, она страдаетъ. Она сама виновата. Такъ! Я тоже самъ виноватъ, что боленъ — однако, это не причина, чтобы вы не пожалѣли о моей болѣзни и не облегчили бы ее, если бы могли. Нѣтъ, нѣтъ, господа, вы рѣшительно не понимаете, какъ тяжело быть жесткимъ, особенно такому человѣку, какъ Огаревъ... (6 дек. 1842. Ганау)». По смыслу этого письма оказывается, что въ тотъ родъ *modus vivendi*, какой нашли для себя супруги, входила и возможность ихъ совмѣстнаго жительства на правахъ полюбовнаго или срочнаго соглашенія. Корреспондентъ нашъ умалчиваетъ о лживости подобныхъ отношеній, которыми не могли долго продолжаться, и не проговаривается ни однимъ словомъ о другомъ важномъ обстоятельстве, касающемся Огарева.

Съ потерей жены рухнулъ для него цѣлый міръ опредѣленныхъ цѣлей въ будущемъ и упразднились всѣ приготовленія къ трудовой жизни, всѣ общанія и зарокѣ, данныя себѣ на мужественное прохожденіе земного поприща подъ недремлющимъ взоромъ Провидѣнія. Вокругъ него образовалась пустота, которую приходилось теперь наполнять чѣмъ ни попало, лишь бы освободиться отъ гнетущаго чувства ея существованія. Съ самыхъ первыхъ признаковъ неминуемаго семейнаго переворота, показавшихся еще въ первое его заграничное путешествіе, онъ уже потерялъ власть надъ собой, погрузился въ вихрь разсвѣній, увлеченій, влывшествъ. Таверны и локанды Италіи, замки и сады по Рейну, бульвары и балы Парижа попеременно видѣли его усилія заглушить духовное сиротство свое въ безконечномъ шумѣ пировъ и праздниковъ, въ которыхъ съ тѣхъ поръ онъ и сдѣлалъ привычку, длившуюся очень долго. Со всѣмъ тѣмъ жить вовсе безъ идеальныхъ стремленій онъ уже не могъ, и тогда являлись неожиданныя и скоро-проходящія усилія создать для себя, во что бы то ни стало — серьезные задачи въ жизни. Такъ, проживая во Флоренціи (конецъ 1842), онъ отдался страсти къ искусству, на что намекаетъ и одна горделивая фраза уже приведеннаго выше письма его: «*въ призваніи художника я не отчаиваюсь* — остальное все погибло» ¹⁾. За все это время онъ

¹⁾ Въ ноябрѣ 1842 Огаревъ жилъ во Флоренціи, затѣмъ прибылъ въ Римъ и дѣлалъ планы посѣтить Неаполь и Сицилію и по веснѣ 1843 прибыть на Рейнъ съ тѣмъ, чтобы оттуда пробраться въ Парижъ на зиму.

находился въ экстазѣ передъ Италіей, ея школами живописи, принялся даже за уроки рисованія, чтобы лучше понимать величіе ея произведеній, и снабжалъ Герцена подробными отчетами о своихъ занятіяхъ, которые тотъ даже и не сообщалъ другимъ пріятелямъ, называя ихъ трактатами объ искусствѣ.

Поздѣе, и уже въ Берлинѣ, Огаревъ повабился о художническомъ призваніи и погрузился весь въ естественныя науки, начинавшія тогда цѣсти на руинахъ нѣмецкой философіи и рядомъ съ социальнымъ движеніемъ Германіи. Онъ отставалъ передъ сомнѣвающимися друзьями свое намѣреніе отдаться естествознанію безповоротно. Пока въ Москвѣ еще разсуждали о вѣсѣхъ этихъ предпріятіяхъ, туда пришло извѣстіе, что Марья Львовна, пріѣхавъ въ Берлинъ, собирается подарить Огареву ребенка. Изумленіе было общее. Герценъ просто восликинулъ, сообщая о новости въ Петербургъ:

«10 октября 1844.—Марья Львовна скоро подаритъ Огареву наслѣдника, привезеннаго изъ Италіи и le bon magé преміей за такое усердіе признаетъ его и вѣроятно отдастъ имѣніе. Для чего это?... Всякая вѣсть о немъ меня глубоко огорчаетъ и разстраиваетъ. Да когда же предѣлъ этимъ гнусностямъ ихъ семейной жизни?»

Предѣлъ скоро явился. Ребенокъ родился мертвымъ, и Огаревъ оповѣщалъ друзей объ этомъ обстоятельстве такими словами: «17 октября. Берлинъ. Мое намѣреніе быть отцомъ рушилось... Родился недоносокъ, мертвый ребенокъ, съ такой жалобной фізіономіей, что я до сихъ поръ забыть не могу. Сегодня уже 8 дней. Жена здорова. Странная діалектика судьбы—мѣняетъ жизни, разрушаетъ возможности нравственнаго прогресса, etc... Но ты самъ все это знаешь и знаешь, какъ много надо внутренней силы, чтобы становиться выше случайностей»...

Между тѣмъ погибшій младенецъ составилъ послѣдній актъ этой семейной драмы. Супруги разѣхались — и навсегда. По всѣмъ вѣроятіямъ Марья Львовна потеряла надежду возстановить свое старое, вліятельное положеніе, въ виду возрастающей холодности мужа, и поторонилась кончить съ безполезными усиліями связать порвавшіяся нити вѣкогда живыхъ отношеній. Въ половинѣ декабря 1844 она покинула мужа и болѣе уже не встрѣчалась съ нимъ. Огаревъ передавалъ событіе очень просто:

«Marie на дняхъ уѣхала. Позволь уже не говорить объ этой печальной комедіи. Развязка была суха: для меня прискорбна, для нея мучительна. Я ожидалъ лучшаго. Но я и самъ не вы-

держалъ и не могу считать себя правымъ: равнодушіе доходило во мнѣ до этогома. Я не предполагалъ въ себѣ такого холода и недоволенъ имъ. Впрочемъ, все обошлось по наружности спокойно; только внутренно я недоволенъ — самимъ собой недоволенъ. Но едва ли могло быть иначе. Я бы зналъ это напередъ, если бы умѣлъ откровенно измѣрить въ себѣ, насколько температура ниже 0. Затѣмъ конецъ ложнымъ отношеніямъ».

Такъ завершилась связь, отъ которой Огаревъ ожидалъ нечисленныхъ благъ для сердца, ума и воображенія. Бѣдная женщина, обманувшая эти ожиданія, умерла въ Парижѣ, въ крайней бѣдности, въ 1853 или 54 году: средства ея существованія, по разстроенному состоянію дѣлъ Огарева, значительно сократились, а подъ конецъ и совсѣмъ иссякли.

Огаревъ пробылъ еще болѣе года за границей послѣ окончательнаго разрыва съ женою и посвятилъ это время на то, чтобы явиться въ Россію съ новой фязіономіей, убить въ себѣ стараго романтическаго человѣка, выйти черезъ науку въ реальной жизни и дѣятельности, убѣжать, какъ самъ говорилъ, «aus Blasen hinaus» (вонъ изъ мечты) и показаться на родинѣ преобразованной и опредѣлившейся личностью. Въ 1846 году онъ вернулся домой дѣйствительно въ новомъ видѣ, хотя и не въ томъ, за которымъ гнался, но давшемъ ему особенное типическое выраженіе, которое онъ и сохранилъ уже до конца жизни (1877) и которое должно считаться истиннымъ разоблаченіемъ его нравственной природы, какъ она выработалась теченіемъ и перипетіями его бурной жизни, изложенными здѣсь приблизительно.

Герценовъ былъ правъ, когда говорилъ, что жизненнымъ дѣломъ Огарева было созданіе той личности, какую онъ представлялъ изъ себя. Когда онъ появился, наконецъ, въ Москвѣ, окружающіе узнали въ немъ прежняго добродушнаго, глубоко-сердечнаго человѣка, но уже безъ всякихъ задержекъ со стороны какого-либо ученаго предрассудка или нажитаго принципа, какъ прежде. Опасались, что со свободой отъ нутъ, связывавшихъ нѣкогда его умъ и совѣсть, онъ утратитъ возвышенное настроеніе духа, тотъ пламень души, которые его всегда отличали, но они остались при немъ, только Огаревъ утихъ и загорался медленно, не вбѣруя болѣе въ правоту вдохновенныхъ вѣщанійъ и внезапныхъ движеній сердца. Мѣсто ихъ заступила теперь какая-то печальная вдумчивость въ явленія жизни и ожиданіе поученій и откровеній только отъ страдающихъ умовъ, отъ болѣющихъ сердецъ, въ присутствіи которыхъ онъ всегда и оживлялся. Онъ

сдѣлался по плечу каждому человѣку, какъ самому простому, такъ и самому развитому, потому что одинаково вѣрно понималъ ихъ духовныя нужды и входилъ въ цѣль ихъ мыслей и представлений. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прибрѣлъ рѣдкое хладнокровіе сужденія, не покидавшее его уже во всю остальную жизнь: всякій фактъ и случай, явившійся въ свою очередь, какъ логическое слѣдствіе цѣлаго предшествующаго жизненнаго процесса, признавался имъ законнымъ, получалъ его согласіе и поддержку, хотя бы самъ по себѣ не имѣлъ претензій на очевидный моральный характеръ и способенъ былъ бы даже возбуждать къ себѣ неприязнь и осужденіе. Ту же самую мѣрку прилагалъ онъ и къ себѣ лично. Совершенно ясно и спокойно смотрѣлъ онъ на приближеніе старости, на умножающіеся припадки злой своей болѣзни, на грозящее ему разореніе, на всю свою потерянную, испорченную жизнь—и ни о чемъ не сожалѣлъ, ни въ чемъ не раскаявался. И о чемъ было жалѣть? Общія, горячія симпатіи встрѣчали его всюду, гдѣ онъ ни являлся за все время его послѣдняго пребыванія въ Россіи. Въ семействѣ Герцена и Т—хъ образовалось даже нѣчто въ родѣ *огаревскаго культа* за даръ, которымъ отличался герой его открывать въ самыхъ глубокихъ тайникахъ человѣческаго сердца скрытныя желанія, влеченія и помыслы, поощрять ихъ и выводить на свѣтъ, къ жизни и свободѣ. Само божество и не подозрѣвало о существованіи такого культа и часто погибало, вдали отъ воздвигнутыхъ ему алтарей, въ какой-либо трупобѣ матеріальной и духовной нищеты, къ ужасу и негодованію своихъ поклонниковъ. Но тревоги и опасенія ихъ были напрасны: по извѣстству нравственной своей природы, Огаревъ выходилъ чистымъ изъ всѣхъ положеній; онъ не могъ уже замараться ни въ какой грязи, и брызги мутныхъ житейскихъ волнъ стекали съ него, не оставляя никакихъ слѣдовъ. Здѣсь мы покидаемъ его, потому что дальнѣйшая жизнь и дѣятельность его сперва дома, а потомъ за-границей съ 1856 г. не входятъ въ планъ этого этюда, но разстаться съ нимъ мы не можемъ, не сообщивъ одного замѣчательнаго его письма, гдѣ съ рѣдкой ясностью и убѣдительностью онъ передаетъ идею, которая всегда лежала въ основѣ его существованія, а теперь, къ концу изображаемаго нами періода, сдѣлалась преобладающею и составила неотъемлемую часть его фізіономіи.

Письмо это (безъ означенія года) писано, по всѣмъ признакамъ, позднѣе семейной катастрофы:

«Франкфуртъ на Майнѣ. 15 февр. Ты говоришь, что для

истины не нужно скорби. Какъ ты врешь, баронъ ¹⁾! Какъ ты говоришь противъ себя! И что тебѣ за радость увѣрять себя, что ты чрезвычайно спокоенъ, счастливъ и доволенъ—и прими-ренъ, когда очень хорошо знаешь, что лжешь и что ты внутренно страдаешь! Страдаешь уже тѣмъ, что истину, которую носишь въ себѣ, не можешь напечатлѣть вокругъ себя и что самъ не можешь жить адекватно истинѣ, которую въ себѣ носишь. Это еще очень немного, что ты понялъ истину и сталъ очень доволенъ. Теорія весьма мало удовлетворяетъ и, не переходя въ кровь и плоть, т.-е. въ практику, въ твою личную жизнь—сводится на новую абстракцію, за которую я и копѣйки не дамъ. Если негация—путь ума къ истинѣ, то скорбь—путь сердца къ истинѣ. Кто не шелъ этимъ послѣднимъ путемъ—тотъ никуда не придетъ. Юноша сказалъ Христу: «я хочу слѣдовать за Тобою». «Раздай имѣніе нищимъ,—сказалъ Христосъ,—и ступай за мной». Юноша не раздалъ имѣнія нищимъ и не пошелъ за Христомъ. Что это значитъ? Что скорбь объ истинѣ была не довольна сильна въ его сердцѣ, чтобы рѣшить его на поступокъ. А если бы скорбь эта была ему невыносима—съ какою бы радостью онъ раздалъ все и пошелъ бы за Христомъ. Какъ же скорбь не есть путь къ истинѣ? Да и зачѣмъ тебѣ истина, если ты не скорбишь во лжи? Кровью сердца покупается истина, баронъ. Не противорѣчь, потому что лгать станешь. *Что содѣлаетъ тотъ, кто насъ возъ прочувствуетъ всю скорбь насладителю достойная, а не труда? Онъ пойдетъ въ пролетаріи, баронъ. Замотай это слово себѣ на память, потому что я не шушу.* А чтожъ вѣра, безъ страданія? Что теорія безъ скорби? Что принципъ при неадекватности жизни съ этимъ принципомъ? Пуфъ—просто риф! Играніе своими умственными способностями! Внутренняя ложь или равнодушіе! Пустое самолюбіе—истина, приобретаемая не путемъ скорби. Склони свою гордую голову, баронъ, передъ великимъ чувствомъ скорби и уважь въ ней толчокъ, который бросаетъ тебя въ міръ правды—безъ расчетовъ самолюбія, заднихъ мыслей на... Да что тебѣ говорить объ этомъ? Ты самъ знаешь—только, что ты набросилъ на себя упрямство... Жить въ истинѣ—дѣло другого рода, жить въ истинѣ—блаженство! Да вѣдь мы живемъ въ истинѣ, только какъ теоріи, т.-е. не живемъ въ истинѣ, а думаемъ о ней, знаемъ, что есть она на свѣтѣ, чувствуемъ скорбь,

¹⁾ Шутливое прозваніе лица, къ которому адресовано письмо и которое несколько не отличалось баронскими, аристократическими наклонностями и манерами.

что не можемъ жить адекватно съ ней,—но не всегда довольно чувствуемъ—и недостатокъ скорби есть недостаточное проникновеніе себя истиной. Мораль, братецъ, мораль! Да,—это слово не рифм. Не одна мысль—вся жизнь должна быть въ истинѣ. И потому не ругай меня за скорбь. И не думай также, чтобъ я мораль смѣшивалъ съ аскетизмомъ. Пьетизмъ мнѣ совершенно чуждъ. Но я требую отъ себя поступковъ, полного чистосердечія съ самимъ собою и съ людьми, требую дѣлать свою жизнь «in der Wahrheit» и рѣшаюсь оторваться ото всего, что меня давитъ, что есть ложь, отъ чего я задыхаюсь—и глубоко уважаю путь къ истинѣ посредствомъ скорби... Я не каюсь въ прошломъ—это не жвачка, что теперь во мнѣ совершается, но я схватываю минуту разсвѣта и рѣшаюсь идти въ путь при свѣтѣ дневномъ, зная, что тогда всѣ пути ясны, сколько ни были бы трудны. Dixi!

XIV.

Пола Огаревъ, на подобіе степной или горной рѣки, борющейся на каждомъ шагѣ съ естественными преградами и помѣхами, еще вскалъ своего русла, Герценъ уже съ 1842 г. твердо шелъ отъ успѣха къ успѣху, какъ въ литературной дѣятельности, такъ и въ дѣлѣ самообразования и устройства своего внутреннего міра. При концѣ служебной новгородской карьеры онъ началъ свой «Дневникъ», о которомъ уже говорили, и продолжалъ его 3½ года сряду. Повторяемъ, что «Дневникъ» этотъ представляетъ важный біографическій матеріалъ. Изъ него видно, какъ все болѣе расширялся объемъ его мысли, захватывая новыя пространства, переходя отъ разбора философскихъ темъ къ этюдамъ реальныхъ явленій, отъ вопросовъ литературы и искусства къ наблюденію живыхъ людей и характеровъ, отъ оцѣнки бытовыхъ, общественныхъ фактовъ въ изложенію своихъ мнѣній о причинахъ ихъ появленія и проч.

Рядомъ съ «Дневникомъ» начались и большія работы Герцена, продолжавшіяся и въ Москвѣ и встрѣченныя при ихъ появленіи болѣе тѣмъ пріятливо въ обществѣ нашихъ столицахъ, какъ онъ самъ замѣчаетъ. Первой напечатанной статьёй изъ этого періода его дѣятельности, обратившей на себя общее вниманіе, должна считаться статья: «По поводу одной драмы» — отчетъ о переводной драмѣ гг. Арнольда и Фурнье «Восемь лѣтъ старше» (1842). Появленіе второй: «Дилеттантизмъ въ наукѣ»

съ ея 3-мя подраздѣленіями (1842—43) и съ дополнительной статьей: «Буддизмъ въ наукѣ», возбуждало множество толковъ и установило писательскую репутацію Герцена. За ними и въ то же время стали появляться и повѣсти его, изъ которыхъ нѣкоторыя (разсказъ: «Трензвинскій»¹⁾ уже содержали черты и приемы будущаго автора знаменитыхъ «Кто виноватъ?» и «Записокъ д-ра Брупова». Вообще онъ добился очень скоро признанія за собой качествъ цѣннаго, анализирующаго ума. Между новой его дѣятельностью и старой, изобрѣтавшей для себя колоссальныя темы, безъ отношенія къ насущной дѣйствительности или съ натакнутыми къ ней отношеніями, лежала уже цѣлая пронасть. Предоставляемъ будущему біографу Герцена трудъ прослѣдить послѣднее его направленіе до крайнихъ его границъ, а сами переходимъ въ другому и тоже любопытному вопросу.

Что же представляла изъ себя, въ психическомъ смыслѣ, сама личность Герцена въ эту эпоху перерожденія ея таланта и окончательнаго ея развитія?

Нравственная его фязіономія отлично опредѣляется критическимъ и полемическимъ настроеніемъ его мысли, не чуждавшейся и памфлета. Герценъ является неутомимымъ слѣдователемъ по части пороковъ мышленія, промаховъ развитія, несообразностей дѣйствій съ ихъ поводами. Полемическая идея окрашиваетъ точно также его ученныя статьи, какъ и повѣсти, являвшіяся въ промежуткахъ между ними, какъ самый его слогъ и способы выражаться вообще. Научные и художественные элементы его произведеній, при всемъ ихъ достоинствѣ, не составляютъ для него первой и важнѣйшей заботы. Они постоянно употребляются имъ какъ вѣрные союзники, но не составляютъ главной силы, ядра его арміи въ борьбѣ съ заблужденіями и предрассудками. Не на нихъ возлагаетъ онъ надежды на успѣхъ той или другой выбранной имъ, художественской или научной темы, а на яркость публицистической мысли, положенной въ ея основу. Разбудить общество, поднять его сознаніе на извѣстную опредѣленную высоту, вотъ что составляло его цѣль, а совѣтъ не откровенія въ области метафизики или творчества. Слѣдуетъ однакоже сказать, что въ томъ соединеніи съ наукой и искусствомъ, въ какомъ являлась на свѣтъ его публицистическая дѣятельность—она уже была весьма серьезнымъ дѣломъ и чреватымъ

¹⁾ Разсказъ о Трензвинскомъ находится въ статьѣ еще 1840—41 г. „Записки одного молодого человѣка“ (Отечеств. Записки 1841, № 1) и обратилъ тогда же на себя вниманіе какъ искусная характеристика психически любопытнаго субъекта.

чайно быстро, благодаря именно этому соединенію, приобрѣла ему большую извѣстность, горячія симпатіи и немаловажное вліяніе.

Для всѣхъ знавшихъ Герцена не покажется новостью, если скажемъ, что это былъ очень осмотнительный, очень осторожный, въ нравственномъ смыслѣ, человекъ. Не то, чтобы онъ разсчитывалъ свои поступки по указанію господствующихъ мнѣній въ обществѣ или сообразовался съ мѣрками поведенія, предписываемыми дряхлыми обычаями и обветшалыми представленіями житейскихъ обязанностей—нѣтъ. Всѣ эти условія фальшивой *порядочности* онъ нарушалъ не разъ и даже считалъ нарушеніе ихъ признакомъ независимаго характера. Подозрительность и оглядка, свойственныя ему, имѣли другого рода основанія. Онъ инстинктивно чувствовалъ приближеніе порока и нравственного безобразія, подъ какой бы формой они ни являлись, и отталкивалъ ихъ отъ себя, какія бы доказательства о прямомъ своемъ происхожденіи отъ либеральной доктрины они ни представляли. Грубость въ словѣ, какъ и въ поступкѣ, одинаково возмущала его и въ явленіяхъ чистаго произвола, и въ дѣйствіяхъ благонамѣренной оппозиціи; ему противно было своеволіе также точно въ нравахъ, какъ и въ мысляхъ. Идеалистическое воспитаніе, полученное въ первыхъ годахъ молодости, не пропало у него даромъ: оно оставило ему брезгливость къ нечистому оружію, къ ухищреннымъ способамъ вредить непріятелю; брезгливость эта въпослѣдствіи принесла ему много огорченій и много враговъ. Его нельзя было увлечь ни на какое рѣшеніе, противное гуманнымъ основамъ его мысли, хотя бы такое рѣшеніе вызывалось назойливымъ или дикимъ образомъ дѣйствій самого противника. Онъ думалъ, что свободныя начала налагаютъ обязанности выше тѣхъ, которыми руководствуются люди животныхъ страстей и инстинктовъ. Вотъ почему онъ постоянно предавалъ осмѣянію литературныхъ и политическихъ рубакъ, которые представлялись ему съ планами крошать все вокругъ себя.

При необычайно-пылкой, легко воспламеняющейся природѣ своей, которая подчинялась еще весьма сильно развитому воображенію и бросала его съ силой неудержимаго потока всюду, гдѣ оказывалось движеніе или свѣтилось обѣщаніе новаго, еще неиспытаннаго опыта—понятно, что онъ дѣлалъ нерѣдко промахи какъ въ частной, такъ и политической жизни. Онъ старался обмануть свѣтъ надменнымъ и пренебрежительнымъ отношеніемъ къ упрекамъ, которые порождали всѣ такіа ошибки, но

самого себя онъ обмануть не могъ. Мы, конечно, не знаемъ тайнъ его душевнаго состоянія, но что оно не было особенно радостно и спокойно, это доказывается многими глубоко-грустными и трогательными признаніями въ его сочиненіяхъ. Весе-лость, юморъ, фосфорическій блескъ, разлитые на нхъ поверх-ности, не вполне заслоняють ту пучину горя, разочарованій, недовольства жизнию и самимъ собою, которая существовала за ними въ душѣ автора и давала иногда знать о себѣ жалобами, неожиданными разоблаченіями. Всегдашнее противорѣчіе между прямымъ моральнымъ созерцаніемъ, усвоеннымъ съ молодости, и основами нравственности, подсказываемыми для своего оправда-нія соображеніями по поводу случаевъ и обстоятельствъ—состав-ляло тотъ пыточный станокъ, на которомъ Герценъ томился много лѣтъ. Нужно ли говорить, что этимъ положеніемъ между двумя мірами, этими связями съ двумя разными созерцаніями, Герценъ и пробуждаетъ наши симпатіи, отражая на себѣ волне-нія и колебанія современности съ ея порывами къ далекому бу-дущему и съ ея привязанностями къ родному и поэтическому въ прошломъ. У него не было и тѣни *прямолинейности* въ ха-рактерѣ, которой завидовалъ. Онъ робѣлъ и смирялся передъ людьми, которые, довѣряясь одной излюбленной ими идеѣ, слѣ-дуютъ за ней, закрывъ глаза на весь остальной міръ представ-лений и убѣжденій и духовныхъ нуждъ человѣчества. Люди этого закала грубо оттолкнули отъ себя Герцена, когда въ концѣ своего поприща онъ хотѣлъ съ ними сблизиться, полагая, что между ними можетъ установиться общность цѣлей и воззрѣній. И они были, по своему, правы:—многосторонность Герцена, его развитіе, его образованность и его даровитость были имъ не нужны: они мѣшали, а не помогали имъ.

Да, они мѣшали еще и ему самому, не позволяя остановиться съ самодовольствомъ ни на какомъ фазисѣ его развитія, не да-вая успокоиться ни на какомъ трудѣ, хотя бы и увѣнчанномъ успѣхомъ, возмущая постоянно довѣріе къ себѣ и побуждая его искать усиленно пятенъ и погрѣшностей въ своей природѣ. Идеалы существованія поставлены были имъ далеко впередъ, а на пути къ нимъ критическія его способности работали не-устанно, заставляя иногда относиться къ ничтожнымъ подро-бностямъ жизни, къ самому себѣ и другимъ почти съ отгѣнкомъ диффамаци. Есть одно письмо его къ Т. Н. Грановскому, гдѣ эти качества проявляются съ особенной силой. Приводимъ его здѣсь: въ немъ онъ защищается отъ обвиненій въ сухости сердца и признаетъ, что эгоизмъ составляетъ принципъ его существо-

ванія — противорѣчіе очень обыкновенное у развитыхъ и рефлектирующихъ людей той эпохи:

«19 іюля (1844 г.). Село Покровское... Правда ли это, что въ духѣ человѣческомъ ничего не пропадаетъ, что кануло въ него, а хранится какъ на морскомъ днѣ. Нѣтъ и да! Только то хранится, что ядовито и жестко, а прекрасное, вдохновенное и полное широкаго покоя, какъ эфирное масло, улетаетъ, оставляя неопредѣленное благоуханіе... Почему ты думаешь, что я не понимаю этой стороны жизни? Это заставляетъ меня подозревать, что ты односторонне понялъ мой характеръ. Я знаю, что натура моя — болѣе дѣятельная, нежели созерцательная, что во мнѣ нѣтъ того глубокаго и всегдашняго *раздумья* поэтическихъ натуръ. Но понимаемъ и симпатіей я не обиженъ, нѣтъ истиннаго чувства, которое я не оцѣнилъ бы свято...

«Я вѣрилъ, всею душою вѣрилъ въ себя и въ Огарева. Его семейная исторія лишила меня этой вѣры. Я люблю его, но вся моя вѣра въ индивидуальности сильно потряслась. Я съ ироніей взглянулъ на жизнь, но этимъ не кончилось: мнѣ надо было смириться самому и я имѣлъ случай видѣть себя ничтожнымъ, безхарактернымъ, слабымъ. Да, я смотрѣлъ на себя *безъ уваженія* много разъ... Я не говорилъ вамъ этого, вы ни разу не нашли настоящаго отвѣта, а это моя сторона *der Gemüthlichkeit* (добродушія)...

«На меня грусть самая тяжелая, самая развѣдающая находить минутами, — потомъ солнечный свѣтъ, дружеское слово, слово любви, одно появленіе Сашки (пятнадцатилѣтняго сына Герцена) и — грусть проходитъ! Но той вѣры въ себя, но того вдохновеннаго настроенія, съ которымъ входилъ въ жизнь — ихъ нѣтъ! Я почти никогда не плачу — и не знаю, что такое облегчительныя слезы; когда мнѣ случалось плакать — мнѣ казалось, что все существо мое истаетъ. А когда въ этихъ домашнихъ дѣлахъ души прибавишь среду, «умштвенды», какъ говаривалъ одинъ старикъ — *виріе елейсонъ*!

«Ты чище, юнѣе, благороднѣе меня, но я тебѣ не завидую. Знаешь, чѣмъ утверждаютъ плотину? Грязью; она вязнетъ и вода какъ хочешь плещи. Да это не *manière de dire*, не фраза, а въ самомъ дѣлѣ такъ. Я увѣренъ, что настолько приобрѣлъ эгоизма, что я крѣпче тебя, — а я не родился эгоистомъ. Жизнь, *mon signore*, жизнь!

«Но я завидую тебѣ въ другомъ, — завидую много. Ты именно тотъ человѣкъ, который можетъ безконечно счастливо сдѣлать женщину. Храните ваше счастье. Боже васъ оборони,

чтобы пылинка сѣла на него. Знаете ли, что такое пылинка? Иной разъ это яйцо червяка, а червякъ — это гомеопатическій «*boa constrictor*». Душа Нат. (Нат. Алекс. Герценъ), предъ которой охотно склоняюсь, въ образѣ которой осталось все, что осталось святого для меня — слишкомъ нѣжна, слишкомъ полна раздумьемъ, наконецъ слишкомъ ясно видитъ она и понимаетъ меня и жизнь, чтобы отдаваться безотчетно... Это тяжело, и знать, что такъ и быть должно — очень тяжело... Прощай. Не отвѣчай на это письмо ни слова — не нужно... Да и не рви его».

Заканчиваемъ этимъ актомъ неумѣреннаго самообвиненія нашъ разборъ личности Герцена. По моральному своему смыслу документъ говорить въ ея пользу болѣе, чѣмъ мы могли бы то сдѣлать.

П. АННИКОВЪ.

Валенъ. — Февраль, 1883.

ПЕРМЯКИ

Бытовой и этнографическій очеркъ.

О к о н ч а н і е.

IV *).

Пермяки давно осѣли и стали заниматься земледѣліемъ. У нихъ въ языкѣ есть всѣ названія хлѣбныхъ растений (рож—шю, овесъ—зоръ и т. д.), земледѣльческихъ орудій, домашнихъ животныхъ и хозяйственныхъ работъ (молотить—вартѣнъ, жать—вундѣнъ и проч.). Хлѣбъ—главное богатство пермяка, земля—его кормилица. Поэтому, не мудрено, что земледѣліе составляетъ его главное и любимое занятіе. Онъ прекрасно сознаетъ, что все его благосостояніе зиждется на землѣ, и онъ любитъ, холить ее, ухаживаетъ за нею. Весною онъ будто перерождается: и смотреть весело, и ходить прямо, въ немъ прибываетъ и бодрости, и энергіи; полевныя работы и весенній воздухъ оживляютъ его. И парочно, и ненарочно онъ забѣжитъ въ поле посмотреть, какъ всходить рожъ, вырѣла ли она, не пора ли жать наконецъ. Поважѣсть врѣветъ хлѣбъ, онъ, по крайней мѣрѣ, разъ десять побываетъ въ полѣ, остановится и долго-долго смотреть на свою полосу съ какимъ-то любовнымъ наслажденіемъ. И какъ радуется его простая душа, если хлѣбъ хорошо поднимается и поспѣваетъ ко времени до заморозковъ, и какъ онъ печаленъ, если какое-нибудь несчастье обрушится на его поле. А эти несчастія случаются сплошь и рядомъ. Иной разъ градомъ побьетъ, а то такъ дожди зальютъ, червь съѣстъ. Недаромъ же въ здѣшнихъ краяхъ, среди русскихъ крестьянъ, сложилось

---

*) См. выше: мартъ, 228 стр.

повѣрье, что Касьяновъ годъ постоянно приноситъ несчастіе. Такъ оно пожалуй и выходитъ: изъ 3—4 лѣтъ одинъ годъ непременно бываетъ голодный.

Главный вредъ земледѣлію приносятъ дожди, продолжающіеся иногда недѣли по двѣ, по три сряду и превращающіе почву въ какую-то массу вязкой и липкой грязи. Хорошо, если идутъ они во-время, напр., вскорѣ послѣ посѣва хлѣба, — тогда, разумѣется, они оказываютъ росту хлѣбовъ громадную услугу; но по большей части они идутъ и во время, и безо времени, и не даютъ убратъ сѣно, а посѣвамъ ржи и ярового вырѣть и выколоситься. Бываютъ года, когда не проходитъ ни одного лѣтняго дня, чтобы не было дождя. Остается тогда пермякъ и безъ сѣна, и безъ хлѣба, и, проклиная свою горькую долю, идетъ въ кабакъ и топить печаль въ чаркѣ зелена вина. Годы 1871—1878 были вообще дождливы, и пермяки въ то время, набѣдствовались. Особенно же неблагопріятны были года 1875 и 1878. Въ эти два года сѣна пермяки не собрали вовсе, урожан хлѣбовъ тоже были неблистательные, далеко ниже средняго, — по большей части самъ-2, а самъ-3 считали уже за особенную милость Божію. Скотъ продавался по баснословно-дешевой цѣнѣ, и, не смотря на то, покупателей на него не было, потому что сѣна по всему краю нигдѣ не собрано было ни соринки. Корова стояла 4—7 руб.; мелкій скотъ, какъ-то: свиньи, овцы и др., не считался ни во что. Лошадей, впрочемъ, пермяки продавали мало, рассчитывая на извозъ; это былъ послѣдній шансъ изъ существованія, и они старались изъ всѣхъ силъ прокормить своихъ лошаденковъ. Пермскій скотъ попробовалъ въ эту зиму и соломы съ крышъ, и сѣнной трухи, оставшейся отъ прошлаго года въ сараяхъ; а когда и этого наконецъ не стало, начали кормить его зелеными пихтовыми хвоями.

— И неужели коровы ѣли эти колючки?—ужаснулся я, услышавъ объ этомъ.

— Ёсть-то ѣли, — отвѣчали пермяки, — только плохо. Навозъ изъ-подъ ногъ подбираютъ, а отъ пихты отворачиваются.

Сами хозяева питались не лучше своего скота и не были сытѣе его. Ржаную и ячменную муку во многихъ домахъ мѣшали съ мякиной и отрубями, а въ нѣкоторыхъ ѣли просто на просто одно мясо буренки или чернавки безъ хлѣба, а гдѣ и этого не было, тамъ пускали въ ходъ суррогаты хлѣба, извѣстные уже читателю. Пермяки съ какимъ-то благоговѣйнымъ ужасомъ вспоминаютъ эти года, называя ихъ черными, дурными

(омаля). Экономическій уровень ихъ за это время сильно понижился, такъ что они не могутъ справиться еще и до сихъ поръ.

Кромѣ дождя и сырости, столь обыкновенной въ здѣшней мѣстности, немалый вредъ посѣвамъ приносятъ хлѣбный червь (*Noctuida* изъ рода *Agrotis*), такъ часто попадающійся во всей Европѣ, Сибири и Сѣв. Америкѣ (Кенпентъ, *Θ.*). Градъ въ въ томъ краю падаетъ рѣдко, такъ какъ пермяки живутъ по большей части около лѣсовъ, а эти послѣдніе, какъ извѣстно, служатъ лучшимъ естественнымъ градоотводомъ. Кромѣ всего этого, мы упомянемъ здѣсь объ одномъ очень странномъ явленіи, встрѣченномъ нами впервые въ здѣшнихъ мѣстахъ. Какъ только ячмень успѣетъ околоситься и зерно начнетъ наливаться, нѣкоторые колосья дѣлаются сперва сѣрыми, потомъ все болѣе и болѣе чернѣютъ и наконецъ ко времени жатвы дѣлаются совершенно черными. Зеренъ въ такомъ колосѣ вовсе нѣтъ, а вмѣсто нихъ какая-то черная пыль на подобіе сажки. Вмѣстѣ съ колосомъ намѣняется и соломина; она дѣлается сѣровой, даже почти черной. Пермяки утверждаютъ, что скотъ не ѣстъ такой соломы. Въ 1880 г. такихъ колосѣвъ было очень много, не менѣе 10% всего количества, а на полосахъ открытыхъ, «лобовыхъ», и того болѣе, отчего разумѣется, получился недоборъ; Это странное явленіе замѣчается не только на земляхъ пермяцкихъ, но и у русаковъ здѣшней мѣстности, и повторяется оно регулярно каждый годъ—въ одно лѣто больше, въ другое меньше. Чѣмъ же объяснить этотъ непонятный фактъ? Одно изъ двухъ: или это происходитъ отъ дѣйствія сырости,—колосъ загниваетъ вслѣдствіе обилія почвенной и атмосферной влаги, или отъ морозовъ-утренниковъ, которые зачастую бываютъ здѣсь даже среди самаго жаркаго лѣта, въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ. Эти лѣтніе морозы, не сильные сами по себѣ, мало приносятъ вреда колосьямъ сильнымъ, вполне здоровымъ, но колосья слабые, развившіеся при тѣхъ или другихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, «робѣютъ» и страдаютъ отъ нихъ.

Итакъ, пермякъ — истинный земледѣлецъ, онъ любитъ свою землю, не смотря на то, что она зачастую оказывается неблагоприятной и плохо вознаграждаетъ его труды; онъ любитъ земледѣльческій трудъ и старательно ухаживаетъ за своею полосой. Пермяцкіе праздники всѣ почти совпадаютъ съ различными фазами полевыхъ работъ. Первый праздникъ бываетъ весною, какъ только оголится земля и надо выѣзжать съ сохою на полосу. Теперь это собственно говоря даже не праздникъ, а просто поздравленіе кулаковъ и міроѣдовъ; онъ такъ и называется «литками».

Устраивается онъ слѣдующимъ образомъ. Собирается сходъ, на которомъ, между прочимъ, обсуждаютъ вопросъ, кому сдать землю маломочныхъ, которые работать не въ состояніи. Такъ какъ арендная плата за землю здѣсь ограничивается только тѣми податями, земскими и государственными, которыя лежатъ на ней, то богачи деревенскіе и зажиточные крестьяне съ охотою берутъ на себя эту землю, выставляя міру четверть или полведра водки. Такимъ путемъ водки набирается иногда до 2—3 ведеръ—то ли не праздникъ для пермяка! Онъ пьетъ, гуляетъ, ругается, дерется—и весело ему, опъ въ своей стихіи. Нѣтъ сомнѣнія, что прежде праздникъ этотъ носилъ иное названіе и имѣлъ совершенно другой характеръ, и только условія новаго времени, постепенное пониженіе экономическаго благосостоянія пермяковъ и возрастающая любовь къ водкѣ сдѣлали его «литками», торговой сдѣлкой. А что онъ дѣйствительно имѣлъ во время оно другой характеръ, это видно изъ нѣкоторыхъ обрядовъ, сопровождающихъ этотъ праздникъ. Такъ, когда принесутъ водку, самый старшій пермякъ наливаетъ водки въ простую деревянную чашку и долго смотритъ въ нее. Потомъ выливаетъ водку на землю и говоритъ собратамъ, какого урожая слѣдуетъ ожидать въ этотъ годъ. Предсказанія его всегда бываютъ свѣтлы и радужны; онъ всегда обнадеживаетъ своихъ собратій и говорить имъ, что ни градъ, ни дождь, ни червь дурной не придутъ на ихъ хлѣба. Вѣрятъ пермяки этому предсказанію или нѣтъ—не знаю, но только всегда выслушиваютъ его съ полнымъ вниманіемъ и почтеніемъ. Послѣ этого каждый присутствующій на сходѣ подходитъ къ ведру, выпиваетъ чашку водки и остатки выплескиваетъ, приговаривая: «новый годъ — хорошій хлѣбъ». Затѣмъ начинается общая попойка, которая кончается иногда только на 3-й или 4-й день, послѣ чего пермяки всѣ вмѣстѣ выѣзжаютъ на пашню.—Другіе два праздника бываютъ въ Ильинъ день, при началѣ сѣнокоса, и Спасовъ день, при его окончаніи. Эти праздники сопряжены даже съ жертвоприношеніями, что прямо указываетъ на ихъ древнее происхожденіе; о нихъ мы скажемъ ниже.

Размѣры душевого надѣла земли здѣсь не велики, всего отъ 3 до 8 десятинъ на душу. Впрочемъ, это нисколько не вліяетъ на благосостояніе пермяка. Недостатокъ надѣльной земли вполне вознаграждается обиліемъ кулигъ и подсѣвъ. Хищническая, лядная система хозяйства и по сіе время имѣетъ еще право гражданства въ здѣшнихъ краяхъ и практикуется пермяками, хотя, кажется, она и здѣсь доживаетъ уже свои послѣдніе

дни. — Душевые надѣлы расположены обыкновенно на земляхъ, близко прилежащихъ къ селеніямъ; на нихъ ведется трехпольное хозяйство съ уваженіемъ земли черезъ каждые три года въ четвертый. Остальные пахатные участки, кулиги, находятся на задахъ, на поддушной землѣ, въ поселянскихъ лѣсныхъ дачахъ. Урожай на пермскихъ земляхъ, особенно надѣльных, вообще плохъ: максимумъ самъ-4, а бываютъ года, когда не собираютъ и сѣмянъ. «Прежде не въ примѣръ лучше было», говоритъ пермякъ, и по пальцамъ высчитываетъ, сколько онъ собиралъ хлѣба прежде и сколько получаетъ теперь. И дѣйствительно, теперь стало хуже. Тогда ему предоставлялось полное право расчищать кулиги и мѣста для сельбища не только на поддушной землѣ, но и въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ, гдѣ только онъ пожелаетъ, и ему жилось тогда хорошо. Онъ не нуждался ни въ хлѣбѣ, ни въ деньгахъ, не ѣздилъ въ казанскую губернію нищенствовать, потому что урожай на новинахъ и чищобахъ сторицею вознаграждали его трудъ и приносили иногда 20% и болѣе. Съ рокового 1864 года все пошло вверхъ дномъ. Самовольныя расчистки казеннаго лѣса были воспрещены, и пермяки принуждены были довольствоваться только тою землею, на которой «сидѣли». А земля эта была уже истощена частыми посѣвами и требовала усиленной и дѣятельной обработки и навозу. Но при всемъ своемъ желаніи подлиповецъ-пермякъ не могъ дать ей ни того, ни другого вслѣдствіе крайней бѣдности своей и невѣжества, и немудрено, что теперь онъ не получаетъ съ земли и пятой доли того, что получалъ когда-то прежде.

Главными орудіями для обработки земли служатъ здѣсь бороны (гѣрь) и соха (очась). Кромѣ того, для распаханія запущенныхъ полосъ, пустошей употребляется пермяками еще чертецъ, или, по здѣшнему произношенію, чертѣчъ, у котораго, вмѣсто сошниковъ, придѣланъ рѣзецъ. Этотъ же чертецъ употребляется и для ломанья эжъ¹⁾. Для палыниковъ и подсѣвъ у пермяковъ сохранилась еще бороны старой первобытной конструкции; это — еловая плаха, съ обрубленными на половину сучьями, которые замѣняютъ въ данномъ случаѣ зубья бороны. Въ полѣ великорусская форма бороны почти вездѣ вытѣснила этотъ первобытный типъ.

Ржи пермяки сѣютъ мало. На здѣшней почвѣ, содержащей въ иныхъ мѣстахъ до 70% глины, рожь, не смотря на всю

¹⁾ Цѣлина, мѣсто, никогда не паханное.

свою невзыскательность, не может произрастать съ успѣхомъ. Ржаной хлѣбъ, какъ я уже упоминалъ появляется на столѣ пермяка только иногда, въ качествѣ лакомства; постоянной же пищей служить хлѣбъ ячменный. «Ячмень у насъ всему голова», говорятъ сами пермяки. Онъ составляетъ въ хозяйствѣ ихъ статью, на которую обращается преимущественное вниманіе; имъ засѣвается большая часть ржаного и ярового поля и даже кулиги. Ячмень не боится холодовъ, лѣтнихъ іюльскихъ утренниковъ, не «робѣетъ» на этой холодной, почти постоянно влажной почвѣ—это и даетъ ему большое преимущество передъ всѣми другими хлѣбами. Кромѣ того, и навозу на здѣшней почвѣ онъ требуетъ гораздо меньше, чѣмъ рожь: тамъ, гдѣ подо ржаной хлѣбъ нужно было бы положить 100 телѣгъ, для ячменя за глаза довольно 50, а это расчетъ. Засѣвая поля ячменемъ, пермякъ остается въ чистомъ выигрышѣ, потому что тамъ, гдѣ бы онъ снялъ всего 9 пудовъ ржи, при урожаѣ самомъ счастливомъ,—онъ получаетъ 15 пуд. ячменя, такъ какъ этотъ послѣдній родится гораздо лучше чѣмъ рожь: обыкновенная норма его урожая—самъ-4, въ хорошіе года самъ-5—6 и даже 7. Относительно питательности, 15 пудовъ ячменя замѣняютъ 11—12 пуд. ржи; стало быть, вся выгода на сторонѣ ячменя. Правда, ячменный хлѣбъ не такъ вкусенъ, какъ ржаной, да и кромѣ того, имѣетъ еще одно большое неудобство: если онъ полежитъ дня 2—3, то его хоть топоромъ руби—не разрубишь: онъ превращается въ камень, но пермякъ рассчитываетъ, что жевать каменный ячменный хлѣбъ все-таки лучше, чѣмъ питать сомнительную надежду на урожай ржи и рисковать ею посѣвомъ.

Овса и льну пермяки высѣваютъ очень мало. Льну въ поляхъ они вовсе не сѣютъ, во-первыхъ, потому что пахота полевой и безъ того немного—нодъ ячмень не хватаетъ, а во-вторыхъ, ленъ въ поляхъ совсѣмъ не родится: онъ требуетъ удобрения, а его едва хватаетъ для ржи и ячменя. Потому ленъ сѣютъ обыкновенно на чищобахъ. Для этого весной, лишь только земля пообсохнетъ, каждый пермякъ разчищаетъ въ лѣсу небольшое мѣстечко въ 20—30 кв. саженъ, оставляя деревья на мѣстѣ. Лѣтомъ деревья эти высохнуть и на слѣдующій годъ, въ май, ихъ палать и тутъ же сѣютъ ленъ. Вся эта процедура очень легкая, потому что тутъ не нужно ни пни выкорчевывать, ни пахать, ни боронить; сжегъ сваленныя заранѣе деревья, разбросалъ сѣмена—и дѣло въ шляпѣ, больше и безпокоиться не о чемъ: само уродится. Обыкновенный посѣвъ льна 10—12 фунтовъ на семью, урожай бываетъ всегда очень порядочный, самъ-5—7.

Посѣвъ лень одинъ разъ на пальникѣ, мѣсто это обыкновенно оставляютъ и переходятъ на другое; а такъ какъ лень сѣетъ почти каждый, то всѣ поселянскія и казенныя дачи, лежащія близъ поселеній пермяковъ, испещрены этими пальниками или лысынами. Случалось что такимъ образомъ уничтожались цѣлыя рощи. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ какъ вышло запрещеніе разчистки казенныхъ лѣсныхъ дачъ, облысненіе лѣса встрѣчается рѣдко. Теперь пермяку приходится или совсѣмъ прекратить посѣвъ льна, что въ нѣкихъ мѣстахъ уже и сдѣлано, или сѣять его на общественной поддушной землѣ, въ деревенскихъ дачахъ. При этомъ, дорожа своимъ лѣсомъ и не желая губить его понапрасну, пермяки уже не бросаютъ разъ вычищенное мѣсто, а распахиываютъ его и сѣютъ тутъ хлѣбъ. Чищоба становится такимъ образомъ кулигой, входитъ въ составъ хозяйства и уже не покидается. Распахиваютъ ее обыкновенно на другой или на третій годъ послѣ посѣва льна, когда жорни у пней подгниютъ и ихъ легко будетъ выкорчевать. Въ первый годъ сѣется рожь или ячмень, причемъ урожай бываетъ самъ-10—15 и даже болѣе; во-второй —опять рожь, на этотъ разъ урожай уменьшается до 5. Въ третій годъ высѣваютъ овесъ или лень, на 4-й кулигу оставляютъ подъ паромъ, и она съ этихъ поръ входитъ уже въ систему трехпольную.

Лень составляетъ исключительную собственность женщинъ. Онѣ сами и ухаживаютъ за нимъ; мужикъ только приготовить чищобу да раскидаетъ сѣмена, все остальное дѣло женщинъ. Сѣмя они продаютъ скупщикамъ русакамъ и деньги употребляютъ на свои бабьи нужды. Что же касается волокна, то его онѣ сами прядутъ и готовятъ изъ него «лопотъ» для себя и для семьи.

Сѣютъ здѣсь еще рѣпу и коноплю. Конопля сѣется на гумнахъ и въ огородахъ, а рѣпа — на пальникахъ (скюртюму) такимъ же порядкомъ, какъ и лень. Рѣпа-паренка, выстѣ съ кислымъ молокомъ и рѣдькой, составляетъ главное кушанье пермяковъ. Картофель садится не въ поляхъ, а въ огородахъ, такъ какъ онъ еще только недавно введенъ здѣсь и не получилъ еще права полевого гражданства. Онъ составляетъ очень рѣдкое явленіе за столомъ пермяковъ. Они смотрятъ на него, какъ на лакомство, на роскошь; они варятъ его только по большимъ праздникамъ, какъ Ильинъ день, Пасха и т. д., и въ случаѣ болѣзни кого-либо изъ членовъ семьи (sic!).

Скотоводствомъ занимаются небрежно. Только лошадей любятъ и берегутъ. Оно и естественно: лошадь лучшая помощница въ

хозяйствъ: на ней пермякъ и землю пахать, и извозъ править, а этотъ послѣдній промыселъ доставляетъ ему немалыя выгоды и затыкаетъ всѣ прорѣхи въ его утломъ хозяйствѣ. Пермяцкія лошади принадлежать къ такъ-называемой вятской породѣ. Маленькія ростомъ, мускулистыя, съ короткими толстыми ногами и едва замѣтной шеей, онѣ обладаютъ однимъ неоцѣненнымъ качествомъ — необыкновенной выносливостію. Это настоящій ломовикъ, какой и потребенъ крестьянину здѣшнихъ мѣстъ. Цѣлыя сотни верстъ она везетъ иногда 30—35 пуд. груза и не только не надрывается при этомъ, но даже и не худѣетъ, если порядочно кормить ее. Пермякъ ухаживаетъ за лошадыю самъ, не доверяя женѣ или кому бы то ни было изъ домашнихъ. Онъ ничего не жалѣетъ для нея, даетъ ей въволю овса и сѣна, и во время извоза, въ сильные морозы, поитъ ее даже виномъ, чтобы не заблала. Цвѣтъ шерсти у пермяцкихъ лошадей рижеватый съ желтымъ отливомъ; полной зрѣлости достигаютъ онѣ на пятомъ году.

Весь остальной скотъ пермяковъ плохъ до невѣроятности. Коровы некрасивы, хилы, необычайно малаго роста и, что особенно замѣчательно, роговъ совершенно не имѣютъ. Пробовали было разводить здѣсь рогатую породу, но это оказалось невозможнымъ, потому что черезъ 2—3 поколѣнія рогатыя коровы перерождались и становились такими же безрогими, какъ и всѣ другія. Рогатыя коровы цѣнятся здѣсь дороже обыкновенныхъ на 3—5 рублей потому, что онѣ могутъ съ успѣхомъ защищаться сами отъ нападенія дикихъ звѣрей. Мѣстныя коровы очень бѣдны молокомъ. Это объясняется дурнымъ помѣщеніемъ и уходомъ, а главнымъ образомъ недостаточностію хорошаго корма. Скупой пермякъ жалѣетъ для коровы сѣна и кормитъ ее всю зиму или яровой или ржаной соломой, а сѣно скорѣе свезетъ какому-нибудь русаку-кулаку или продастъ извозчикамъ. Въ теченіе 7 зимнихъ мѣсяцевъ скотъ едва спасается отъ голодной смерти и выгоняется на пастбище въ самомъ жалкомъ положеніи. Къ счастью здѣсь много выгонныхъ угодій и хорошихъ пастбищъ, такъ что скотъ на подножномъ корму скоро поправляется. Пастуха общественнаго здѣсь нѣтъ, скотъ пасутъ малыя дѣти. Лошадей пускаютъ въ лѣсъ одиѣхъ, тамъ онѣ и гуляютъ по цѣлымъ днямъ и даже недѣлямъ, до тѣхъ поръ, пока не понадобится хозяину сѣбѣздить куда-нибудь или не наступитъ пора пашни. Пойдетъ тогда хозяинъ искать своего бурку по лѣсамъ, лугамъ, трясинамъ и болотамъ. Ищетъ иногда дня по 2—3, исходить весь лѣсъ верстъ на 30 кругомъ и все-таки въ концѣ концовъ на-

ходить, никогда не возвратится домой безъ лошади. При этомъ пермякъ обнаруживаетъ удивительное терпѣніе и настойчивость, изумительное знаніе лѣса и умѣнье оріентироваться въ немъ. По направленію и наклону сучьевъ дерева, по тому какъ задралась кора на бережѣ и по многимъ другимъ признакамъ, неуловимымъ и непонятнымъ для посторонняго человѣка, онъ безъ всякихъ затрудненій находитъ себѣ дорогу. Практическая смѣтливость и привычка къ лѣсу служатъ ему путеводной нитью въ этомъ лабиринтѣ деревьевъ. — Медвѣдь рѣдко трогаетъ лошадей, развѣ только жеребенкомъ иногда полакомится; большія же взрослые лошади ему не даются.

Цѣна на скотъ опредѣляется здѣсь большими или меньшими урожаями травъ и хлѣбовъ. Средняя цѣна лошади 20—30 р., высшая 40—50 р., низшая 15 р. — Пермскій скотъ мало страдаетъ отъ эпизоотій. Чума и сибирская язва, такъ часто посѣщающія безлѣсныя мѣстности восточной полосы Европейской Россіи, заглядываютъ сюда очень рѣдко, потому что пермяки живутъ въ глуши, вдали отъ всего Божьяго міра, и отдѣлены отъ него громадной зеленой стѣною, хвойнымъ лѣсомъ, иногда въ нѣсколько десятковъ верстъ шириною. Такимъ образомъ лѣса, затормозившіе ихъ умственное развитіе и державшіе ихъ въ невѣжествѣ и темнотѣ, защищаютъ ихъ въ данномъ случаѣ отъ всѣхъ бѣдъ и напастей, неразрывно связанныхъ со скотскими падежами. «Нѣтъ худа безъ добра», говоритъ пословица.

Кромѣ лошадей и коровъ, пермяки держатъ также свиней и овецъ. Мясо ихъ невкусное, какое-то жесткое. — Куръ здѣсь мало: пѣтухъ, двѣ-три курицы — вотъ и все птичье обзаведеніе пермяка. Курицы считаются исключительной принадлежностію дѣвушекъ, и весь доходъ, какой получается отъ куръ, составляетъ собственность этихъ узкоглазыхъ и курносыхъ особъ. Пермяки яйцами отдариваютъ своихъ кавалеровъ за платен и разныя гостинцы, которые тѣ приносятъ имъ. При такихъ условіяхъ яицъ здѣсь найти трудно; десятокъ ихъ стоитъ 15—20 коп., да и за такую сравнительно дорогую цѣну не всегда ихъ отыщешь. Только одни становые пристава и прочій чиновничій людъ во всякое время дня и ночи могутъ достать ихъ, «сколько угодно» и при томъ еще даромъ. Ну, на то они и чиновники...

Ремеслъ и производствъ у пермяковъ почти вовсе не существуетъ. Они не успѣли еще хорошенько развиться и окрѣпнуть здѣсь. Если пермяки и дѣлаютъ что-нибудь, то дѣлаютъ исключительно для своего домашняго употребленія. Каждый у себя дома — и столяръ, и кузнецъ, и плотникъ, и слесарь; все, что

ему нужно, онъ дѣлаетъ самъ: и избу ставить, и сошникъ навариваетъ, и ложку съ чашкой сдѣлаетъ, при случаѣ даже курокъ у ружья исправить; но все это у него выходитъ грубо, топорно, безъ всякаго слѣда изящества. Пермячки прядутъ за прялками, имѣющими видъ лопаты, на которую и навязывается куделя; ткуть изъ конопли и изъ льна разные ткани, изъ шерсти овецъ готовятъ грубые, низкопробныя сукна. Отмѣчу одинъ интересный фактъ. Шерсть и конопля считаются принадлежащими всей семьѣ, тогда какъ ленъ, какъ мы уже сказали, составляетъ собственность женщины и главнымъ образомъ дѣвушекъ. Ткани изъ шерсти и конопли идутъ на одежду семьи; ихъ приготовляетъ по большей части старшая въ домѣ хозяйка, жена большака. Дѣвушки же занимаются изготовленіемъ льняныхъ тканей, которыя всецѣло поступаютъ въ ихъ коробки, гдѣ хранятся чулки. Красятъ ткани сами же женщины. Краска обыкновенно не покупается, а готовится дома изъ ивовой или ольховой коры, а иногда и изъ кѣреса, дико-растущей марены.

Послѣ земледѣлія, любимое занятіе охота или «лѣсованье». Пермякъ будто созданъ для охоты. У него есть всѣ качества, необходимыя для охоты: необыкновенная выносливость и терпѣніе, тонкая наблюдательность, короткое знакомство съ нравами и образомъ жизни лѣсныхъ звѣрей и птицъ, знаніе лѣса и удивительная способность быстро оріентироваться въ немъ въ какое угодно время и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Пермякъ молодой—въ душѣ охотникъ; онъ страстно любитъ шляться по лѣсамъ и лугамъ, далеко раскинувшимся по берегамъ рѣкъ, протекающихъ здѣсь,—за утками, рябчиками, зайцами и бѣлками. Приобрѣсть новое ружье и гармонику составляетъ заветную мечту каждаго парня, и онъ стремится всѣми силами осуществить эту мечту, но, въ сожалѣнію, для большинства мечта эта такъ и остается мечтой, потому что парню рѣдко удастся сколотить такую сумму, которая была бы достаточна для покупки гармоники, а тѣмъ болѣе ружья: оно вѣдь стоитъ такъ дорого—отъ 2 до 5 р. Гдѣ же ему взять такую махину денегъ?..—Потомъ, когда парня женятъ, когда онъ заживетъ своимъ хозяйствомъ и выстроитъ себѣ особую керку,—словомъ, когда онъ вполне окупится въ житейскій омутъ и практика жизни обвѣетъ его своимъ холоднымъ дыханіемъ, когда онъ на своихъ плечахъ понесетъ всю тяготу крестьянской жизни—ему уже становится не до мечтаній, не до ружья и не до гармоники. Всѣ его помыслы направлены теперь на то, каковъ будетъ урожай, чѣмъ заплатить подати, не останется ли въ веснѣ безъ хлѣба и т. д. Онъ весь погло-

щенъ заботами о завтрашнемъ днѣ, о кускѣ насущнаго хлѣба. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока, подъ давленіемъ житейскихъ заботъ, постоянной безысходной нужды, онъ не превращается просто-на-просто въ рабочую машину: тогда онъ со всѣмъ перестаетъ думать, мечтать и желать... Но даже и въ это время, онъ по временамъ какъ будто оживляется и воскресаетъ, искра жизни вдругъ вспыхиваетъ въ немъ опять. Это бываетъ съ пермякомъ на охотѣ, когда онъ бродитъ съ ружьемъ по дикимъ, величественнымъ лѣсамъ и широкимъ лугамъ: въ немъ пробуждается тогда настоящій человѣкъ со всѣми его страстями, желаніями и стремленіями. Онъ оживляется, выходитъ изъ своей спячки и изъ неповоротливаго, лѣниваго флегматика превращается въ горячаго, задорнаго сангвиника, изъ старика дѣлается молодымъ; сгорбленный станъ его выпрямляется, глаза блестятъ, походка учащается. Любо тогда взглянуть на него!.. Но это магическое превращеніе, вызванное могучими чарами природы и чудными красотами дикаго лѣса, проходитъ такъ же скоро, какъ и появляется. Съ возвращеніемъ домой, вступивъ за порогъ своей избы, пермякъ опять погружается въ спячку, опять дѣлается соннымъ, вялымъ, флегматичнымъ...

Ружья у пермяковъ самой первобытной конструкціи: всѣ они по большей части кремневые и только за послѣднее время замѣчается попытка передѣлывать ихъ въ пистонныя. То, что въ образованномъ мірѣ давно уже отслужило свою службу и признано негоднымъ, здѣсь считается новинкой и только еще начинаетъ вводиться въ употребленіе. Когда явились тутъ эти допотопныя кремневки и сколькимъ поколѣніямъ служили—вѣдомо одному Аллаху; новыя ружья покупаются здѣсь очень рѣдко. Пермякъ—замѣчательный стрѣлокъ, онъ лучшій охотникъ края; промахъ для него немислимое дѣло, и не смотря на то, что археологическое ружье его бьетъ не далѣе какъ на 10—15 сажень, онъ въ одну недѣлю настрѣливаетъ иногда до 150 паръ рябчиковъ.

Главная охота производится осенью и зимой. Осенью пермяки собираются группами человѣкъ по пяти и уходятъ лѣсовать въ далекіе сѣверные вологодскіе лѣса, и тамъ остаются недѣли по двѣ, по три; бьютъ рябчиковъ, тетеревовъ, зайцевъ, бѣлокъ—вообще мелкую дичь. Добычу вывозятъ отсюда цѣлыми возами. Зимой охотятся на медвѣдей съ ружьемъ и рогатиной. Кромѣ того, для ловли зайцевъ, куницъ, рысей etc. употребляютъ капканы и тенета. Замѣчательна охота на зайцевъ при помощи «володь». Для этого толстую лѣсину ставятъ въ наклонномъ

положеніи и подпирають снизу тоненькимъ осиновымъ прутикомъ (вичкою),—непремѣнно осиновымъ, такъ какъ зайцы очень любятъ это дерево. Неосторожный заяцъ перегрызаётъ эту вичку, колода падаетъ и убиваетъ его. Такихъ колодъ здѣсь по лѣсу можно встрѣтить очень много, такъ какъ здѣсь этотъ способъ охоты одинъ изъ самыхъ употребительныхъ: и выгодно, и хлопотливо—два преимущества, которыми такъ дорожатъ скупой пермякъ, не особенно ретивый на работу.

Большую часть денежнаго заработка пермякъ выручаетъ охотою. Жаль только, что львиная доля при этомъ попадаетъ въ руки русскаго кулака, которому онъ продаетъ продукты своей охоты. Немало также затрудняетъ пермяковъ дороговизна пороха. Прежде они сами приготовляли его, но строгости начальства прекратили это противозаконное занятіе; впрочемъ, говорятъ, что въ отдаленныхъ, лѣсныхъ починкахъ и до сихъ поръ дѣлають порохъ сами.

Изъ другихъ занятій можно указать на извозъ и дранье ворья и бересты—два промысла, имѣющіе немаловажное значеніе для пермцакаго хозяйства.

Подробно говорить объ экономическомъ положеніи пермяковъ не позволяють намъ узкія рамки нашего очерка. Для этого потребовалось бы написать цѣлый трактатъ, такъ какъ они живутъ разбѣянными группами и потому норма ихъ бюджета для разныхъ мѣстностей неодинакова. Въ большинствѣ случаевъ они живутъ плохо, хуже даже чѣмъ здѣшніе русаки ¹⁾. Нищенство здѣсь развилось до грандіозныхъ размѣровъ и отлилось даже въ форму особаго, отхожаго промысла. На такой промыселъ пускаются обыкновенно тѣ, у кого есть одна лошадь, такъ какъ въ извозъ имъ ѣхать невыгодно: «самого себя съѣшь», а дома сидѣть на безкормицѣ и еще того хуже. Ѣздить больше по двое, причемъ одинъ непремѣнно бываетъ слѣпой, или хромой, или глухой, или, по крайней мѣрѣ, притворяется такимъ, чтобы пуще разжалобить сардобольныхъ хозяекъ. Сбирать отправляются по большей части въ другія губерніи: уфимскую, казанскую, востромскую. Въ нищѣ уходятъ иногда цѣлыми семьями, мало того, цѣлыми починками, деревнями. Всѣхъ пермяковъ, промышляющихъ этимъ, можно считать около 3% общаго ихъ количества ²⁾.

¹⁾ А до чего плохо живутъ здѣсь русскіе крестьяне, это можно видѣть, напр., изъ статьи г. Верхотурскаго: «Современное положеніе вятск. губ.» Отч. Зап. 1878, IX. Положеніе пермскихъ крестьянъ немногимъ лучше вятскихъ.

²⁾ Процентъ вычисленъ только для вятскихъ пермяковъ.

V.

Справить свадьбу для пермяка дѣло не легкое. Не мало изъязну оставляетъ она въ его утломъ хозяйствѣ, такъ что иногда нужны цѣлые годы, чтобы оправиться послѣ нея; но съ другой стороны онъ радуется, что въ домъ прибудетъ новая работница или работникъ. Рабочія руки здѣсь дороги, особенно въ лѣтнюю страдную пору, когда плата поденщику доходить до 70 коп. Поэтому каждый пермякъ дорожитъ своею дочерью и старается удержать ее при себѣ какъ можно дольше. Дѣвушки здѣсь выходятъ замужъ очень поздно, лѣтъ 20—25, такъ что женихъ почти всегда бываетъ моложе невесты на 5—7 лѣтъ. Этимъ-то главнымъ образомъ и объясняется развратъ, каковой мы находимъ среди пермяковъ: между дѣвочкой и замужней женщиной никакой посредствующей стадіи не существуетъ; въ 12—13 лѣтъ она уже любитъ съ какимъ-нибудь зономъ (парнемъ). Замѣчательно, что на пермяцкомъ языкѣ нѣтъ даже особаго названія для обозначенія дѣвушки и замужней женщины. У нихъ есть одно только слово «ныль», означающее вообще женщину. Пермяки вятскіе, близко стоящіе къ русскимъ, заимствовали у этихъ послѣднихъ слово «баба» для замужней женщины, а названіе «ныль» теперь осталось только за дѣвушками. Свобода отношеній половъ доведена у пермяковъ до *pas plus ultra*. Родители смотрятъ на это сѣвозъ пальцы; они и не думаютъ унимать своей дочери, и даже бываютъ довольны, когда дочь зашибаетъ копѣйку, сама себя кормитъ и одѣваетъ. Мало того, нерѣдко они сами посылаютъ ее въ пріѣзжимъ господамъ и «знатымъ иностранцамъ», которые никогда не переводятся въ этихъ краяхъ.

Въ продолженіе холостой жизни парень переиѣнитъ нѣсколько любовницъ, и этого никто не ставитъ ему въ вину, какъ будто такъ и слѣдуетъ. Зимой, начиная съ Рождества и до масленицы, молодежь собирается по вечерамъ на игрища. Здѣсь пьютъ водку, пляшутъ, поютъ, играютъ и въ заключеніе ложатся всѣ вмѣстѣ спать... Немудрено, послѣ этого, что среди пермяковъ развивается сифилисъ. Но справедливость требуетъ замѣтить, что пермяки допускаютъ свободу отношеній только до брака; со вступленіемъ же въ бракъ все прекращается. Супруги остаются вѣрны другъ другу до гробовой доски.

Представляется вопросъ: показывается ли развратъ пермяковъ ихъ глубокую нравственную испорченность или онъ зависитъ отъ

каких-нибудь других причин? Судя по общему взгляду пермяковъ на свободныя отношенія среди молодежи, можно думать, что это есть просто отклоненіе съдой старины, остатки прежде бывшаго общиннаго брака. На это указываютъ и нѣкоторые обычаи и обряды, сопровождающіе бракъ у пермяковъ. Такъ, на примѣръ, во время дѣвешника, послѣ того, какъ невѣста вернется изъ бани, въ избу набираются парни со всей деревни. Они разсаживаются по лавкамъ, а дѣвушки становятся кучей у дверей. Братъ или другой какой-нибудь родственникъ невѣсты беретъ изъ толпы первую попавшуюся дѣвушку, схватываетъ ее въ охапку и сажаетъ на колѣни къ парню, потомъ беретъ другую и относитъ ее другому парню, затѣмъ третью, четвертую, и такимъ образомъ каждый парень получаетъ по дѣвушкѣ. Начинается обниманіе, любезности и пр. Наговорившись вдоволь съ одной дѣвушкой, парень передаетъ ее своему сосѣду и отъ него въ замѣнъ получаетъ другую и т. д. Это называется «жениться». Въ языкѣ пермяковъ нѣтъ даже словъ «вступать въ бракъ», «женихъ», «невѣста».

У всѣхъ вообще дикихъ и необразованныхъ народовъ, находящихся на одинаковой степени умственнаго развитія, существуетъ обычай калыма: или женихъ долженъ платить за невѣсту известную сумму, или, наоборотъ, невѣста платить за жениха. Этотъ калымъ какъ бы освящаетъ рабство и неправомерность половъ. У пермяковъ этого обычая нѣтъ. Калымъ не платится здѣсь ни со стороны жениха, ни со стороны невѣсты. Мужъ не покупаетъ себѣ жены, а сходится съ нею, какъ равный съ равнымъ. Поэтому женщина здѣсь вполне самостоятельный членъ семьи и отличается отъ мужчины только тѣмъ, что кругъ ея зачатій ограничивается домашнимъ обиходомъ.

Свадьбы бываютъ по большей части зимой, въ мясоѣдѣ, между святками и масленицей. Жену себѣ парень беретъ непременно изъ чужой деревни; и рѣдко женится на дѣвушкѣ, съ которой жилъ до свадьбы: обычай запрещаетъ ему это. При выборѣ невѣсты руководствуются только ея дородностью и способностью работать. Русскій прежде чѣмъ возьметъ жену, внимательно прослѣдитъ ея прошлое, не было ли тамъ чего зазорнаго, и ни за что не возьметъ ея, если это прошлое было не совсѣмъ чисто. Вотъ какъ думаетъ иначе: не любили дѣвку парни, стало быть плохая жена будетъ. Въ пермякѣ примиряются оба эти крайніе взгляды. Была бы дѣвка хорошая, здоровая, до остальнаго ему нѣтъ дѣла; мускульная цѣнность бабы, ея «туша», какъ онъ самъ выражается, стоитъ для него на первомъ планѣ.

Сватовство ведется обыкновенно кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ жениха. Во время переговоровъ свата съ отцомъ, невеста уходитъ изъ дому къ подругамъ и поднимаетъ тамъ плачь, жалуясь на свою горькую судьбу, на то что —

Пришелъ въ ихъ домъ сѣрый волеъ,
Хочетъ ее молодую въ гѣсъ вести;
А тамъ и холодно, и голодно,
А здѣсь-то мнѣ тепленько,
У родимаго моего батюшки и т. д. ¹⁾

Если дѣло между отцомъ и сватомъ будетъ улажено, призываютъ невесту, и мать спрашиваетъ ее при всѣхъ, согласна ли она выйти за мужъ за такого-то. Невѣста отвѣчаетъ прямо: «да» или «нѣтъ», и мнѣніе ея всегда уважается. Не было примѣра, чтобы отецъ съ матерью выдали дочь свою противъ ея желанія. Да впрочемъ рѣдко и случается, чтобы невеста дала отрицательный отвѣтъ: въ 22 года какой дѣвушкѣ не хочется вырваться изъ-подъ опеки родительской и зажить самостоятельной жизнью? Порой это желаніе выражается даже въ очень рѣзкой формѣ: дѣвушка упрекаетъ родителей, что они такъ долго держать ее у себя и не выдаютъ за-мужъ, такъ что родители бывають рады отвязаться отъ дочери.

Если дѣвушка согласна выйти за-мужъ за предлагаемаго ей жениха, то она изъ своихъ рукъ подноситъ свату рюмку водки. Тотъ сначала отказывается принять ее и выпиваетъ только послѣ долгихъ и неотступныхъ просьбъ со стороны невесты; затѣмъ онъ уходитъ, чтобы оповѣстить жениха о результатахъ сватовства. Спустя нѣсколько времени, — по большей части на другой же день послѣ этого, — назначаются «свидышки» (смотрины), формальное сватовство, на которомъ присутствуетъ самъ женихъ и всѣ его близкіе родные. Здѣсь дѣло рѣшается уже окончательно, уговариваются о днѣ свадьбы, о приданомъ и проч. Здѣсь же, на сговорѣ, происходитъ и обрученіе, обычай перешедшій къ пермякамъ, вмѣстѣ со многими другими, отъ русскихъ. Невѣста и женихъ мѣняются оловянными кольцами (чуннычѣ). Послѣ этого невеста выходитъ въ клѣтъ и приноситъ оттуда цѣлую кучу подарковъ, которыми одѣляетъ всѣхъ родныхъ жениха. Подарки эти состоятъ изъ грубыхъ, толстыхъ полотенецъ, не болѣе какъ въ аршинъ длиною и четверти полторы шириною; концы ихъ вышиты красными нитками или просто обшиты широкой плюсовой каймой. За это женихова родня должна отда-

¹⁾ Это причитаетъ дѣвушка на своемъ родномъ языкѣ; переводъ сдѣланъ мною.

ривать ее 2—5 коп.,—не ради денегъ, а «для чести». Жениху невѣста даритъ красную плюсовую рубашку, расшитую очень затѣйливо разноцвѣтными нитями руками самой невѣсты. Рубашка эта готовится задолго до свадьбы; изъ всего чулка она вышивается особенно тщательно, такъ какъ по ней судятъ о способностяхъ невѣсты, ея искусствѣ, ловкости и стараніи. Поэтому иногда дѣвушки отдають вышивать ее на сторону, русаламъ. Но бѣда, если узнають объ этомъ сосѣди: бѣдную дѣвушку засмѣють, даже мальчишки на улицѣ будутъ дразнить ее, и въ такомъ случаѣ выйти за-мужъ ей представляется очень мало шансовъ, потому что никакой хорошій женихъ не возьметъ за себя такую обманщицу. Женихъ, взявши рубашку, отдариваетъ невѣсту котами или лаптами и при этомъ два раза цѣлуется съ нею. Свидышки обыкновенно бывають въ праздники, такъ какъ по буднямъ развѣзжать некогда.

Послѣ окончательнаго сговора и обрученія отказаться отъ брака не имѣетъ уже права ни та, ни другая сторона. Особенно строго въ этомъ случаѣ общественное мнѣніе относится къ жениху, если онъ возвратитъ свое слово и не женится на засватанной дѣвушкѣ. Послѣ такого скандала ему ужъ не найти невѣсты въ своей волости; всѣ дѣвушки и даже вдовы откажутъ ему. Женщины крѣпко стоятъ здѣсь другъ за дружку, и общими силами мстятъ за обиду. Женихъ долженъ ѣхать за женою куда-нибудь на сторону, на Русь. Ничего подобнаго не бываетъ, если откажется отъ своего слова невѣста; на ней сейчасъ же женится какой-нибудь «зонтъ» изъ сосѣдней деревни; мужчины, стало быть, оказываются далеко не такими дружными и солидарными, какъ женщины. Впрочемъ, послѣ сговора дѣло расходуется очень рѣдко, такъ какъ это невыгодно ни той, ни другой сторонѣ. Измѣнившій слову долженъ, во-первыхъ, возвратитъ всѣ полученные подарки, и кромѣ того, дать извѣстное вознагражденіе за всѣ траты, сдѣланныя потерпѣвшей стороной во время сватовства. Потерпѣвшій подарковъ не возвращаетъ; это какъ бы плата за хлопоты и окупъ уничтоженія. Но если бракъ не состоялся по причинамъ дѣйствительно уважительнымъ, напр., вслѣдствіе солдатчины, болѣзни и смерти жениха и невѣсты, то стороны не платятъ другъ другу ничего. «Дѣло божье», говорятъ пермяки при этомъ и, погоревавъ вмѣстѣ о случившемся за полуштофомъ водки, полюбовно расходятся, размѣнявшись только подарками.

Свадьба назначается обыкновенно въ ближайшій воскресный день, черезъ недѣлю послѣ свидышекъ. Наканунѣ собирается у

невѣсты дѣвишникъ, гдѣ присутствуютъ всѣ дѣвушки селенія; парней сперва не допускаютъ. Дѣвушки сидятъ вокругъ стола; ихъ угощаютъ орѣхами, пряниками; при этомъ угощенье не ставятъ на столъ, какъ это дѣлается у русскихъ, а раздаютъ по рукамъ. Сама невѣста сидитъ на передней лавкѣ, нѣсколько поодаль отъ стола. Волосы ея распущены и живописно падаютъ по плечамъ. Сверху они прикрыты бѣлой барашковой шапкой. Шапку эту невѣста не скидаетъ до самаго вѣнца, даже спать въ ней ложится. Передъ вѣнчаніемъ женихъ долженъ самъ снять ее съ головы невѣсты и повязать свою будущую жену платкомъ. Рядомъ съ невѣстой сидитъ мать или другая какая-нибудь родственница; сидятъ онѣ обнявшись и обѣ горько плачутъ... Истинныя ли то слезы или только факція—не знаю. Дѣвушки во все время дѣвишника поютъ заунывные, грустные пѣсни, въ которыхъ выражается вся грусть-тоска невѣсты, разлучающейся съ роднымъ домомъ, съ отцомъ, матерью. Всѣ эти пѣсни поются по-русски и очевидно заимствованы у «русаконъ»; порой онѣ такъ искажены и перевертаны, что невозможно добраться до смысла. Чтобы познакомить читателей съ ихъ содержаніемъ, приведу здѣсь одну изъ нихъ, наиболѣе понятную. Я записалъ ее, исправивъ главнымъ образомъ родовыя и падежныя окончанія, которыя перевираются перьями безбожнѣйшимъ образомъ. Вотъ эта пѣсня:

Не зайка сѣрый прыгаетъ,
 Не сѣгн на дворѣ кутать и мутать,
 Надрывается мое сердечушко,
 Нѣту мнѣ горькой покоюшка.
 Какъ приходится мнѣ разставатися
 Со батюшкой родимымъ,
 Со матушкой-матушкой,
 Со милыми моими братцами,
 Со лебедушками-сестрами,
 Со теплымъ гнѣздомъ отцовскимъ.
 Ужъ вы братцы мои, братцы милые,
 Вы корѣна (укрѣпа?) моя богатырская!
 Выходите изъ-за браннаго стола,
 Становитесь посередѣ избы,
 (Вы) взгляните на восходъ солнечный,
 Обернитесь ясными соколами,
 Вы летите за поля, за лѣса
 Къ Ивану свѣтъ Васильичу,
 Ко тому ли злему разлучнику;
 Закажите ему всѣ пути дороженьки,
 Чтобъ не ѣхалъ онъ за мною, молоденькой,
 Не бралъ бы меня съ гнѣзда матушкина.

Затѣмъ начинается благословеніе. Дѣвушки поютъ протяж-
нымъ голосомъ:

Ты, родимый мой батюшка!
Ты взгляни на меня, горькую,
Благослови-ко меня во послѣдніе,
Что во первые, во послѣдніе.
Какъ твое-то благословеньице
Изо дна моря повynesетъ,
Въ обидушку никому не дастъ.

А въ это время невѣста встаетъ съ лавки и подойдя къ отцу бросается передъ нимъ на колѣни и долго плачетъ, оставаясь въ такомъ положеніи. Наконецъ, когда дѣвушки запоятъ тоже самое во второй разъ, она поднимается съ полу, и отецъ благословляетъ ее. Потомъ невѣста такимъ же порядкомъ испрашиваетъ благословенія у матери, все время оставаясь въ шапкѣ.

Послѣ этого мать на минуту отходитъ въ печѣ и приносить оттуда приготовленное заранѣе бѣлье и шубу и передаетъ эти вещи дочери. Невѣста принимаетъ и кланяется матери въ ноги; потомъ мать приноситъ пару вѣшниковъ и на нихъ коровай хлѣба или ярушникъ. Невѣста принимаетъ и это и опять кланяется своей родительницѣ до земли. Затѣмъ отправляются въ баню. Выходятъ изъ избы съ пѣснями, обыкновенно въ сопровожденіи цѣлой толпы вѣвакъ, между которыми не рѣдкость встрѣтить даже солидныхъ, пожилыхъ мужиковъ, пользующихся общимъ уваженіемъ и почетомъ на селѣ. Впереди идетъ невѣста, подъ руку съ матерью или другой какой-нибудь близкой родственницей, если матери нѣтъ въ живыхъ. Съ невѣстой входятъ въ баню и нѣсколько дѣвушекъ, которыя должны мыть ее и парить. Прочія же дѣвушки, которымъ не достало въ банѣ мѣста, равно и вся посторонняя публика, поджидаютъ невѣсту у двери бани. И все время, пока невѣста парится, онѣ не перестаютъ пѣть пѣсни; причемъ четыре дѣвушки, держа на головѣ одежду и бѣлье невѣсты, пляшутъ среди круга. Невѣста выходитъ съ бани въ шубѣ, съ вѣшникомъ въ рукахъ. Вѣшникъ этотъ она перебрасываетъ черезъ голову, потомъ кланяется на всѣ четыре стороны всему честному народу, собравшемуся здѣсь, и отправляется домой въ сопровожденіи той же свиты, причемъ пѣсни ни на минуту не смолкаютъ до самыхъ дверей верки. Придя домой, невѣста становится посередъ избы, опять кланяется на всѣ четыре стороны и говоритъ (по-пермязи) «спасибо» теплой баенкѣ, милому братцу за то, что вспоилъ вскормилъ ее и не далъ никому въ обиду, любезнымъ подружкамъ, всѣмъ

добрымъ молодцамъ, съ которыми гулять приводилось, и потомъ, наконецъ, отцу и матери. Затѣмъ дѣвушки усаживаютъ невѣсту въ передній уголъ и умываютъ ее брагою (сурь); невѣста вытирается чистымъ полотенцемъ и цѣлуетъ всѣхъ своихъ подругъ, которыя поочередно подходятъ къ ней. Послѣ этого невѣсту оставляютъ въ покоѣ и молодежь начинаетъ «жениться», о чемъ мы уже говорили выше.

Утромъ въ день свадьбы къ невѣстѣ опять собираются подружки; здѣсь поются пѣсни, въ которыхъ слышатся тѣ же жалобы невѣсты на свое несчастное положеніе, на горькую судьбину. Невѣста, по прежнему въ шапѣ, сидитъ среди подругъ и плачетъ... А между тѣмъ у жениха въ это время устраивается веселая пирушка, на которую собираются обыкновенно всѣ его родные. Порадочно подвыпивши, вся компанія отправляется къ невѣстѣ. Звонъ и громъ разносится по деревнѣ отъ цѣлой массы колокольцовъ и бубенчиковъ, которыми увѣшиваются лошади; крики, свистъ и гамъ самихъ поѣзжанъ вторятъ имъ. Вся деревня отъ мала до велика сбѣгается смотрѣть на жениховъ поѣздъ. Дядя жениха цѣлыми горстями кидаетъ въ толпу «чѣрки», маленькіе каточки изъ ржаной или ячной муки, замѣшанные на пивномъ суслѣ; по вкусу они нѣсколько походятъ на «солодѣлышъ», солодѣлый, перекипшій хлѣбъ, столь употребительный между крестьянами владимірской и ярославской губерній. Ребятишки гурьбой бѣгутъ за поѣздомъ до самой околицы и наперерывъ, съ дракой, подбираютъ по дорогѣ любимыя ими «чѣрки». Пріѣхавъ къ дому невѣсты, поѣзжане должны долго стоять на морозѣ и стучать въ запертыя ворота, прежде чѣмъ ихъ выпустятъ въ избу. Въ это время невѣста одѣвается и готовится къ вѣнцу. На нее надѣваютъ новую кирому и сивюху и за пазуху кладутъ шерсть и ярушникъ, чтобы невѣста жила замужемъ тепло, сыто и привольно. Когда кончится туалетъ невѣсты, она начинаетъ прощаться со всѣмъ, что было дорого и мило ей въ дому родительскомъ, прощается съ милымъ гребнемъ, за которымъ коротала длинныя дѣвическіе вечера, съ палатами, которые доставляли ей спокойный сонъ, тепло и покой; цѣлуетъ корову и лошадь, къ которымъ такъ привыкла, ухаживая постоянно за ними, цѣлуетъ всѣ четыре угла избы; потомъ, въ послѣдній разъ, обнимаетъ мать, отца, братьевъ и сестеръ... Въ это время подходитъ къ ней дядя жениха, беретъ ее за руки, связываетъ ихъ легонько лыкомъ или мочалою и выводитъ изъ избы; вмѣстѣ съ ними выходитъ вся женихова родня; садятся на сани и отправляются въ церковь. Изъ невѣстаной родни на вѣнчанья при-

существуют только дядя и тетка, которые тотчасъ же послѣ обряда уѣзжаютъ домой. Къ поѣзжанамъ почти всегда присоединяются и дѣвушки, которыя всю дорогу поютъ трогательныя, прощальныя пѣсни, въ которыхъ выливается скорбь невесты, вылетающей изъ родного гнѣзда. Послѣ вѣнчанія молодую отводятъ къ церковнымъ дверямъ и тутъ происходитъ окончательное превращеніе дѣвушки въ «бабу». Ея прическа и головной уборъ совершенно измѣняется. Коловедетъ снимается съ ея головы навсегда, дѣвическая коса расплетается, волосы собираются на головѣ въ одинъ пучекъ, который называется «шмакомъ» и поверхъ его надѣваютъ повой и сороку.

Послѣ вѣнчанія молодые уѣзжаютъ въ домъ жениха, куда въ одно время съ ними подѣзжаетъ и приданое невесты, по пермяцкой пословицѣ, которую можно перевести такъ: «молодая къ воротамъ — и приданое тамъ». Чтобы не нарушить буквального смысла этого правила, братъ или дядя невесты, который везетъ приданое, иногда по часу и болѣе ожидаетъ брачнаго поѣзда гдѣ-нибудь за околицей. Къ слову замѣчу, что приданое невесты состоитъ изъ рухляди, лопоты, а также изъ коровы и двухъ овецъ, которыхъ отецъ невесты непременно долженъ дать за дочерью, или правильнѣе своей дочери, выходящей въ замужество. Это обычай старый; при заключеніи брачнаго условія наговорѣ стороны даже не договариваются объ этомъ. Послѣ вѣнца у жениха устраивается пиръ, гдѣ бываетъ одна только женихова родня, а родственники невесты пріѣзжаютъ обыкновенно на другой день по утру. Отмѣчу здѣсь одинъ важный, любопытный фактъ, раскрывающій намъ кое-что изъ прошлой жизни народа. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, заселенныхъ пермяками, есть обычай созывать на свадебный пиръ къ молодому всю деревню. Дѣлается это такъ: одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ жениха садится верхомъ на лошадь, увѣшанную лентами, конфектными бумажками (sic), бубенцами и колокольчиками и объѣзжаетъ все селеніе, останавливаясь у каждаго дома и говоря на распѣвъ по русски: «Господи Іисусе Христе! Приходите добрые сосѣди пиво пить, хлѣба соли кушать къ молодому князю N». Вся деревня поголовно собирается къ жениху на дворъ, старики приглашаются въ избу, и всѣхъ угощаютъ пивомъ, водкой, ярушниками. Въ благодарность за это молодежь устраиваетъ передъ домомъ хороводъ, поютъ пѣсни, величаютъ молодого князя со княгиней, желаютъ ему всякаго блага и коней съ золотой сбруей, и палаты бѣлокаменные, и удачу въ охотѣ великую. Мы упомянули здѣсь о хороводѣ: собственно говоря,

пермязцѣй чункычъ (кругъ, кольцо) нельзя назвать хороводомъ, это особеннаго рода пляска, пермязцѣй національный танецъ, выполняемый подъ пѣсню. Для этого становятся всѣ въ круговую и начинаютъ легонько притопывать ногами, медленно подвигаясь впередъ по кругу. Въ танцѣ этомъ нѣтъ живости и энергіи; всѣ двигаются, будто маневены по проволоку, съ пунктуальной, размѣренной точностью. Жестикація никакой; руки у всѣхъ опущены по швамъ, головы держатъ неестественно прямо. Пѣсня, подъ которую производится танецъ, поется пермязцами и составляетъ, кажется единственную собственную пѣсню пермязкомъ. И Боже, что это за пѣсня!—простой наборъ словъ, лишенный всякаго смысла и содержанія. Вотъ ея точный переводъ:

«Куда пошелъ, молодецъ (вонъ)? Въ лѣсъ, въ лѣсъ, въ лѣсъ. Тамъ пихты стоятъ, тамъ ели стоятъ,—мнѣ хочется идти туда; пусти меня, отецъ, пусти меня, мать,—мнѣ хочется идти туда. Видѣлъ тамъ коня, видѣлъ черногриваго. Мнѣ не нуженъ конь, я пѣшкомъ дойду. Хорошо меня угостили, денегъ ничего не взяли, ярушниковъ много дали. Я ѣлъ, ѣлъ—сытъ сталъ; медвѣдь ѣлъ, ѣлъ—не доѣлъ, а собака пришла, взяла и съѣла».

Обычай угощать на пирѣ у жениха всѣхъ его односельчанъ можетъ указывать на то, что во времена оны между пермязцами существовалъ бракъ посредствомъ умычки, или захвата невѣсты изъ чужого племени. Это видно и изъ того, что передъ вѣнчаньемъ дядя жениха связываетъ невѣстѣ руки, и въ такомъ видѣ она ѣдетъ до самой церкви, гдѣ уже самъ женихъ развязываетъ веревку и освобождаетъ ее. Умычка могла развиваться изъ общиннаго брака, о которомъ мы уже упоминали, и могла составлять вторую стадію въ развитіи быта. Умычка и до нынѣ еще имѣетъ мѣсто у нѣкоторыхъ финскихъ племенъ, родственныхъ пермязкамъ,—даже и у такихъ, которые просвѣщены свѣтомъ христіанства, напр. у вотяковъ, черемисовъ, и у вогуловъ. Похищеніе невѣсты не могло быть произведено единичными силами молодца; парню требовалась помощь, и она являлась со стороны рода, къ которому онъ принадлежалъ. Угощеніе со стороны жениха было платою и благодарностію своему племени за оказанную помощь. Обычай звать на пиръ къ жениху невѣстину родню происходитъ изъ того же источника. Захвативъ жену изъ чужого племени, женихъ старался потомъ умиловить тѣхъ, у кого онъ взялъ себѣ жену, такъ или иначе примириться съ ними, и съ этой цѣлію устраивалъ пиръ жениной роднѣ.

Когда молодые послѣ вѣнца пріѣдутъ домой, ихъ встрѣчаютъ

отецъ и мать жениха, оба въ шапкахъ и нубахъ, хотя бы на дворѣ стояло красное лѣто. Они здороваются съ молодыми, цѣлуются и, взявши ихъ за руки, вводятъ въ избу. Начинается пиръ, продолжающійся до глубокой ночи. На другой день битья посуды, какъ у русскихъ, не бываетъ. Къ родителямъ невесты молодые отправляются только на третій день послѣ свадьбы; здѣсь также устраивается пиръ горою. Только на пятый день прекращается пиrowанье, все входитъ въ обычную колею и молодые принимаются за работу.

Свадьба обходится пермяку среднимъ числомъ въ 15—20 р. Водки выпивается обыкновенно около ведра. Главное угощеніе на свадьбѣ—овсяное пиво (сурь); имъ хоть облейся. Крестьянинъ середнякъ непременно готовитъ на свадьбу около 20 ведеръ пива. Съ этою цѣлью въ годъ свадьбы онъ даже овса сѣетъ больше обыкновеннаго, засѣвая имъ почти все яровое поле.

Въ бракъ вступаютъ пермяки, какъ я уже говорилъ выше, не по принужденію, а по доброй волѣ. Отецъ не считаетъ себя вправе принудить дочь свою идти за парня, который ей не нравится. А если случаются факты принужденія, то они никогда не проходятъ даромъ ихъ виновникамъ, общественное мнѣніе сильно возмущается противъ такихъ отцовъ и караетъ ихъ — не презрѣніемъ, нѣтъ, оно здѣсь не существуетъ, а просто ругательствами, а порой и дубиною. За отцомъ остается одно право, перешедшее въ обычай, — не выдавать дочери за-мужъ до тѣхъ поръ, пока она не отработаетъ на семью всего, что было на нее затрачено во время ея дѣтства. Родство нисколько не служитъ препятствіемъ къ браку. Говорятъ, что случаи сожителства братьевъ съ сестрами зачастую встрѣчаются между пермяками, обитающими въ глухихъ, отдаленныхъ починкахъ.

VI.

Положеніе женщины у пермяковъ совсѣмъ иное, чѣмъ у русскихъ. Здѣсь она почти совершенно свободна и самостоятельна, и хотя не имѣетъ права быть на сходахъ и подавать свой голосъ въ дѣлахъ общественныхъ, но за то въ семьѣ она вполне равноправна съ мужемъ. Жена заводитъ всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ, блюдетъ за свѣтомъ, топить печку, готовитъ кушанье; на ней же лежитъ главная тягота семейной жизни—уходъ за дѣтми. Мужъ вѣдаетъ дѣла общественныя и полевныя, на до-

машинѣй обиходъ онъ оказываетъ мало вліянія; да здѣсь и не требуется его внимательства, потому что пермячка—баба расторопная и сметливая, и не нуждается въ совѣтахъ и руководствахъ. Въ семействѣ пермяка царить полное спокойствіе; не слышно тѣхъ ругательствъ, какими русскій мужикъ угощаетъ свою бабу; о подзагыльникахъ, тычкахъ и «разакъ» здѣсь и помину нѣтъ. Пермякъ не то боится, не то уважаетъ свою жену, а въ домашнихъ дѣлахъ даже слушается ея. Это обуславливается двумя главными причинами. Во-первыхъ, пермякъ признаетъ за женщиною какую-то особенную, сверхъестественную силу. Онъ считаетъ ее существомъ одареннымъ даромъ прозорливости и думаетъ, что она можетъ сноситься съ духами. Отсюда должно быть и пошла одна пермяцкая пословица, которая, въ переводѣ на русскій языкъ, будетъ значить: «баба всегда въ горниѣ чорта держитъ, съ ней не разговаривай». А кромѣ того нужно принять еще во вниманіе, что пермякъ бываетъ всегда моложе своей жены, какъ мы уже говорили выше. Эта разница въ лѣтахъ особенно сильно проявляется въ первое время послѣ свадьбы; мужъ оказывается совершенно подъ башмакомъ жены. Немалую долю вліянія сохраняетъ она и тогда, когда мужъ со всѣмъ совершетъ и сдѣлается настоящимъ хозяиномъ-мужиномъ. Никогда мужъ не рѣшится безъ ея совѣта на какое бы то ни было дѣло.

Самостоятельность женщины проявляется очень рано. Обыкновенно съ 12—13 лѣтъ дѣвушка уже начинаетъ жить своею собственною личною жизнью. Она какъ-то удаляется отъ семьи, начинаетъ радиться, шить себѣ «лопотъ» и готовить «чулелъ». Подъ этимъ общимъ названіемъ разумѣются какъ подарки, которые неvěста должна дѣлать роднымъ жениха на свадьбѣ, такъ и приданое ея. Родители не помогаютъ ей въ этомъ ни деньгами, ни трудомъ, у отца слишкомъ много другихъ расходовъ, чтобы онъ сталъ тратиться еще и на затѣи дочери, матери же совсѣмъ некогда, — у ней слишкомъ много дѣла по хозяйству. Она голова всему дому и первая работница семьи; она и поваръ и портной, и порой даже сапожникъ семьи, такъ что свободныхъ минутъ у нея очень мало. Вся помощь со стороны родителей ограничивается тѣмъ, что они даютъ дочери въ собственность половину посѣяннаго льна, — дѣлай съ нимъ что знаешь; другая половина поступаетъ въ семью, изъ нея мать приготовляетъ бѣлье и одежду для домашнихъ. Такимъ образомъ интересы ея не сталкиваются ни съ тѣми: она сама по себѣ, другіе семейные сами по себѣ. На нее даже мало обращаютъ вниманія; она не

богѣ какъ работница, обязанная отбыть въ домѣ отца извѣстный срокъ. Со свадьбой всякая связь съ родной семьей порывается. Выросшая при такихъ сравнительно хорошихъ условіяхъ, пермячка на всю жизнь остается самостоятельной, рабское подчиненіе мужчинѣ становится для нея невыносимымъ. У русскихъ вятской губерніи есть обычай бить жену въ первую брачную ночь, «чтобы запрежа власть, значить, показать, чтобы не зазнавалась послѣ, не гнула рыломъ-то». Не то у пермяковъ; здѣсь скорѣе жена задастъ трепку своему мужу... Мужъ, вятскій въ домѣ, имѣетъ на жену еще меньше вліянія; тутъ онъ полный рабъ жены и ея родни, лошадь, которая дѣлаетъ, что ей уважутъ. Въ подобныхъ случаяхъ онъ даже прозвища своего не удерживаетъ, а принимаетъ родовое прозвище жены. Имущество жены, которое она приноситъ въ приданое, мужъ никогда не смѣетъ назвать своимъ. Оно находится въ полномъ и исключительномъ ея владѣніи; жена можетъ располагать имъ, какъ ей угодно, и только въ случаѣ отчужденія его она спрашиваетъ совѣта у мужа. Приданое жены цѣликомъ переходитъ къ ея дочери тоже въ качествѣ приданого; сынъ не имѣетъ никакого права на материнскій «чулкій». Въ случаѣ, если дочери нѣтъ, чулкій переходитъ къ сестрѣ или другой какой-нибудь близкой родственницѣ умершей; и только въ такомъ случаѣ, когда совсѣмъ не окажется наследниковъ по женской линіи, онъ достается сыну.

Совсѣмъ иное положеніе въ семьѣ занимаетъ сынъ. Онъ вполне подчиненъ отцу; этотъ послѣдній властенъ дѣлать съ нимъ, что угодно, властенъ бить его какъ собаку и никто слова не скажетъ противъ этого. Власть отца надъ сыномъ продолжается до самой смерти перваго. Сынъ не имѣетъ своего имущества, своихъ денегъ, какъ это водится у здѣшнихъ русскихъ крестьянъ; всѣ свои заработки онъ отдаетъ отцу и тотъ безконтрольно распоряжается его деньгами. Сынъ пикнуть не смѣетъ передъ отцомъ. Общественное мнѣніе, мнѣніе міра всегда на сторонѣ отца, — все равно, виноватъ онъ или правъ. Въ случаѣ семейнаго разлада отецъ и сынъ идутъ на міръ судиться, и дѣло всегда оканчивается тѣмъ, что сына высѣкутъ безпощадно, хоть бы онъ былъ правъ сто разъ. Тѣмъ не менѣе власть не всегда остается въ рукахъ отца. Отецъ главный распорядитель въ дому только до тѣхъ поръ, пока онъ въ силахъ работать; а когда онъ вьсадетъ на печку и перестанетъ появляться на полѣ и на гумнѣ, то фактически старшинство переходитъ къ старшему, опытнѣйшему сыну, хотя de jure старшимъ продол-

жасть считаться отецъ, и къ нему постоянно обращаются за совѣтами и приказаніями не только въ важныхъ и эстренныхъ случаяхъ, но и въ самыхъ пустыхъ дѣлахъ, напримѣръ, когда ѣхать на мельницу, куда поставить на ночь перезабшую телушку—въ сѣнникъ или въ избу, не нужно ли постлатъ на дворѣ соломы etc. Но совѣты эти выслушиваются, кажется, только для проформы. Послѣ смерти отца болышина переходитъ иногда къ его жентѣ, если она женщина умная, оборотистая, умѣетъ на сыновей узду накинуть. Это случается здѣсь на каждомъ шагу, потому что пермячки вообще женщины самостоятельныя, за себя постоятъ умѣютъ.

Старшой въ пермяцкой семьѣ — глава и начальникъ двора, впрочемъ, ограниченный домашнимъ совѣтомъ. Онъ обязанъ блюсти бюджетъ семьи, сводить концы съ концами. Онъ распределяетъ домашнихъ на работы, наблюдаетъ, чтобы все было исполнено во время, чтобы сѣно было убрано въ стоги сухимъ, чтобы рожь не перестоялась и т. д. Въ большихъ, семьяхъ обязанности старшого очень многосложны и тяжелы. Онъ долженъ за всѣмъ усмотрѣть, во все вникнуть, иначе младшіе члены семьи, работающіе изъподъ палки, непременно что-нибудь набѣдокурятъ. Старшой кромѣ того представитель семьи, двора на общественныхъ сходахъ и въ дѣлахъ съ начальствомъ; если же болышину держитъ женщина, то на сходъ отправляется обыкновенно сынъ, племянникъ, или вообще какой-нибудь мужчина, такъ какъ здѣсь не принято, чтобы «бабы» появлялись на сходѣ.

Положеніе другихъ членовъ въ семьѣ опредѣляется ихъ умственными способностями, опытностью и иными качествами. На семейныхъ совѣтахъ, которые бывають по поводу тѣхъ или другихъ важныхъ случаевъ, подаютъ свой голосъ даже дѣти, хотя мнѣніе отъ нихъ отбрасывается въ шуточной формѣ. — «А ну-ка, пузанъ, скажи, что бы ты сдѣлалъ?» — спрашиваетъ шути отецъ или дѣдъ у восьмилѣтняго малыша, и тотъ пресерьезно высказываетъ свое мнѣніе. Если оно неосновательно, отецъ разъясняетъ ему, что, де-скать, такъ, братъ, нельзя потому и потому; если же мальчишка скажетъ умное слово, его хвалятъ и гладятъ по головкѣ. Дѣвушекъ при этомъ не спрашиваютъ никогда. Что касается подростковъ, которые работаютъ уже на ряду съ большими, то ихъ выслушиваютъ вполне серьезно и зачастую принимаютъ ихъ слова во вниманіе. Рѣшающимъ голосомъ на домашнихъ совѣтахъ пользуется большакъ; какъ онъ скажетъ, такъ тому и быть въ концѣ концовъ. Только въ одномъ случаѣ голосъ его не имѣетъ такого рѣшающаго значенія, — это при женитьбѣ одного

изъ членовъ семьи. Прежде чѣмъ засылать сватовъ, семья долго совѣтуется насчетъ того, какую бы невѣсту выбрать для парня; причемъ болѣе важнымъ и значеніемъ пользуется слово самого жениха, такъ какъ «ему съ женой жить, ему и нужно смотрѣть въ оба, чтобы послѣ не плакаться ни на кого». О свободѣ, какая предоставляется дѣвушкамъ при выборѣ мужа, я уже говорилъ выше.

Всѣмъ имѣніемъ семьи распоряжается старшой. Только женщины имѣютъ свою собственную коробью, въ которую прячутъ свой скарбъ. Всѣ деньги, какія поступаютъ въ семью за проданные продукты, сохраняются у старшого въ кошелькѣ, который онъ носитъ постоянно на шеѣ. Къ нему же поступаютъ и деньги, заработанныя членами семьи на сторонѣ. Молодежи въ храмовые праздники дается иногда по нѣскольку копѣекъ «на баловство». — Мелкіе расходы на семью большае производитъ самъ, не спрашивая нибого. При расходахъ крупныхъ онъ напередъ непремѣнно посовѣтуется съ домашними, если бы даже дѣло шло о такомъ необходимомъ расходѣ, какъ подати или покупка хлѣба. Старшой обязанъ одѣвать домашнихъ изъ общаго заработка, причемъ покупать приходится вообще мало, такъ какъ вся одежда у пермяковъ своя, домашняго приготовленія.

Но всѣ эти порядки, равно какъ и самое старшинство, начинаютъ болѣе и болѣе исчезать. Пермская семья переживаетъ въ настоящее время переходный періодъ, — старые патріархальные устои рушатся, на мѣсто ихъ возникаютъ новые порядки. Короткое сближеніе съ русскими принесло свои плоды. Старшій теряетъ свое значеніе, сыновья выходятъ изъ-подъ родительской опеки. Экономическая неурядица послѣдняго времени еще болѣе обострила положеніе. Новая семья, слагающаяся на развалинахъ старой, заработка у своихъ членовъ не отбираетъ, и, оставляя ихъ жить, какъ кому заблагоразсудится, и потому, разумѣется, не даетъ себѣ труда входить въ ихъ положеніе и помогать имъ чѣмъ бы то ни было. Все здѣсь «разбилось розно», всякій самъ по себѣ. Принципъ новой семьи — свобода, самостоятельность и самостоятельность. Родители заботятся только о дѣтахъ своихъ; племянники же и другіе родственники по боковой линіи для нихъ будто не существуютъ. Взаимныя отношенія членовъ этой новой семьи характеризуются пословицей очевидно новѣйшей формации: «братъ брату — шаберъ» (сосѣдъ).

Незаконнорожденные дѣти пользуются у пермяковъ одинаковыми правами со всѣми другими членами семьи. Это объясняется, во-первыхъ, тѣми свободными отношеніями половъ, о которыхъ

мы уже говорили. Имѣть ребенка не считается здѣсь позоромъ для дѣвушки; число незаконнорожденныхъ очень велико; чуть ли не пятая часть всего населенія состоитъ изъ такихъ «кранинниковъ», какъ окрестили ихъ русскіе (пермяки никакого особеннаго названія имъ не даютъ) Съ другой стороны, такое положеніе незаконнорожденныхъ въ семьѣ обуславливается тѣмъ, что здѣсь человѣкъ дорогъ, какъ рабочая сила двора, потому что населеніе слишкомъ рѣдко. Этимъ же послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется и то особенное положеніе, какое занимаютъ въ семьѣ пермяка простые работники-батраки. Они считаются такими же полноправными членами семьи какъ и всѣ вообще домашніе, имѣютъ голосъ въ семейныхъ совѣщаніяхъ и могутъ пользоваться имуществомъ семьи въ такихъ же предѣлахъ, какъ и всякій родной членъ семьи, — разумѣется, только до тѣхъ поръ, пока живутъ въ домѣ. Если «казакъ» — здѣшнее названіе батрака, перешедшее, безъ сомнѣнія, отъ русскихъ — человѣкъ работающій и не слишкомъ зашибаетъ то хозяева выдаютъ за него свою дочь и тѣмъ привязываютъ его къ дому.

За послѣднее время среди пермяковъ стали распространяться раздѣлы. Братья живутъ вмѣстѣ въ одномъ дому только до тѣхъ поръ, пока живъ отецъ-большакъ и авторитетъ родительской власти сдерживаетъ сыновей. Но лишь только отвезли отца на погостъ — сейчасъ же дѣлятся, недѣли не проживутъ вмѣстѣ... Стремленіе къ раздѣламъ особенно сильно проявляется среди пермяковъ, живущихъ по большимъ дорогамъ и вблизи отъ русскихъ поселеній. Патріархальныя многочисленныя семьи сохранились только въ глухихъ, лѣсныхъ деревенькахъ, куда еще до сей поры не доносился русскій духъ.

Одинъ большакъ, умирая, строго-на-строго наказывалъ своимъ сыновьямъ не расходиться, а жить вмѣстѣ, въ миру и въ согласіи. А чтобы еще больше утвердить дѣтей въ этой мысли, онъ призывалъ священника, отъ котораго прежде бѣгалъ какъ отъ чумы, и при немъ повторилъ сыновьямъ свое увѣщаніе. Батюшка, съ своей стороны, сказалъ имъ поучительную рѣчь. Сыновья въ концѣ концовъ поцѣловали крестъ, принесенный батюшкою, и облобызали взаимно другъ друга въ знакъ братской любви и согласія. Но едва лишь успѣли они похоронить отца, какъ начались ссоры, неудовольствія — и черезъ мѣсяцъ они уже жили въ раздѣлѣ.

— Да изъ-за чего вы дѣлитесь? — спросилъ я разъ одного пермяка, разошедшагося съ своимъ братомъ. — Вѣдь вмѣстѣ жить

и выгоды да и теплы; сами же вы говорите, что голубь отъ голуба въ морозы грѣется.

— Стѣснительно, другъ. Каждому, вишь, старшимъ хочется быть, чтобы другого, значить, въ зашей да по рылу. Нонѣ, братъ, совсѣмъ у насъ не ладно пошло, весь разумъ виномъ зашибло. Вонъ у меня брательникъ-отъ въ первую же недѣлю черезъ-дельникомъ меня отхлесталъ. Я, говорить, старшой; ты слушать меня должонъ, какъ-бы отца родного. А что онъ за старшой?.. веревъ не размечетъ по полосѣ... Взялъ я да и уѣхалъ отъ него. Живи, молъ, какъ знаешь, я и безъ тебя обойдусь. Лѣсу у насъ много, нужды въ этомъ не видимъ. Чего же мнѣ терпѣть-то отъ него? проживу и такъ.

Самый актъ раздѣла производится у пермяковъ слѣдующимъ образомъ. Утромъ въ день окончательнаго размета имущества къ братьямъ въ избу собираются родственники и уважаемые сосѣди «на любовь», какъ выражаются пермяки. Одинъ изъ ближайшихъ «родниковъ» приноситъ съ собою пару новыхъ лаптей и, войдя въ избу, даетъ каждому брату по лаптю. Братья цѣлуются, мѣняются лаптями, затѣмъ опять цѣлуются и опять мѣняются лаптями и потомъ передаютъ ихъ самому старшему и уважаемому изъ всѣхъ присутствующихъ, какъ будто дѣлая его свидѣтелемъ того, что они расходятся не въ сердцахъ, а совершенно мирно. Потомъ начинается обсужденіе всей компаніей, что кому изъ братьевъ «надлежитъ». Лошади, коровы, овцы, весь скербъ домашній живо сортируются между ними; причемъ, если въ домѣ есть сестра—дѣвица или вдова, все равно,—ей отдаютъ всѣхъ телятъ, сколько бы ихъ ни было, и одну овцу; больше она ничего не получаетъ изъ имущества отцовскаго. Затѣмъ начинается столованье. На столѣ появляется полштофъ водки и неизбежный ярушникъ, въ качествѣ закуски. Послѣ выпивки компанія расходится, заставивъ братьевъ поцѣловаться вторично. Взявшій лапти все время засѣданія не выпускаетъ ихъ изъ рукъ и потомъ уноситъ ихъ съ собою и забрасываетъ на повѣтъ, т.-е. на крышу своего дома.

Обычай приглашать сосѣдей на любовь очень распространенъ. Пермякъ рѣдко что дѣлаетъ самъ, безъ совѣта близкихъ сосѣдей и родственниковъ. Случается ли ему продавать лошадь, корову или женить сына,—первое всего онъ собираетъ сосѣдей и совѣтуется съ ними. Понятно, что всѣ эти совѣщанія непременно бывають сопряжены съ выпивкой. Безъ родниковъ и сосѣдей необходимо у пермяковъ даже такое обыкновенное дѣло, какъ продажа сѣна, скота, хлѣба (обыкновенно—русскимъ кулакамъ)

и проч. При этомъ часть платы, какъ бы она ни была незначительна, непременно идетъ на лѣтки.

VII.

По своему міровозрѣнію, по своимъ дѣтски-наивнымъ вѣрованіямъ пермяки очень напоминаютъ Подлиповцевъ. Религіозныя понятія ихъ крайне темны и сбивчивы. Они «все еще плохіе хрістіане и очень суевѣрны», говоритъ про нихъ Максимовъ. Рассказывая о домовомъ, который бросаетъ съ печи горшки и ходитъ ночью по сѣнамъ, русскій мужикъ — особенно новый, хлебнувшій уже городской жизни — ухмыляется въ бороду и на половину самъ не вѣритъ въ эту чертовщину. Пермякъ же искренно и беззапятно вѣритъ всѣмъ подобнымъ рассказамъ. Скажу болѣе, вся религія пермяка — безпросвѣтное суевѣріе.

Представленія пермяковъ о духовномъ мірѣ отличаются крайней грубостью и чувственностью. Пермяцкій Енъ (Богъ) совсѣмъ не похожъ на хрістіанскаго Бога, хотя пермяки и считаются номинально хрістіанами. Они думаютъ, что Енъ живетъ на небѣ въ прекрасно устроенной кѣлѣ, окруженной садомъ изъ лучшихъ, какія только можетъ представить пермякъ, деревьевъ. Отъ простыхъ смертныхъ Енъ отличается только тѣмъ, что можетъ прожить «тыщу» лѣтъ; больше этого числа пермякъ ничего не въ состояніи и представить себѣ, оно для него болѣе, чѣмъ безконечность. Кромѣ того Енъ обладаетъ неимоверно-большимъ ростомъ и чрезвычайной физической силой: Енъ одной рукой можетъ поднять цѣлую деревню (sic!) и забросить ее далеко за море. Такіе случаи не разъ и бывали, когда жители земли слишкомъ ужъ раздражали Ена своими грѣхами и безчинствомъ. Енъ могущественъ и управляетъ всѣмъ міромъ; но въ этомъ ему постоянно мѣшаетъ его младшій братъ чортъ (культъ). Чортъ былъ прежде такимъ же добрымъ богомъ, какъ и Енъ, но потомъ они поссорились и разошлись. Съ этихъ поръ чортъ старается вредить своему брату; козломъ отпущенія является человѣкъ, твореніе Ена; надъ нимъ-то и продѣлываетъ чортъ свои пакостные эксперименты. Онъ вводитъ его въ грѣхъ, научаетъ воровству, которое, по взглядамъ пермяковъ, составляетъ для человѣка самый страшный, непростительный грѣхъ. Чортъ приходитъ къ пьянымъ женщинамъ въ видѣ красиваго мужчины и соблазняетъ ихъ на грѣхъ. Поэтому пермякъ никогда не оставить своей пьяной жены наединѣ; боится, что чортъ заступитъ

его мѣсто, онъ не отойдетъ отъ нея, до тѣхъ поръ пока она не проспится совершенно. Пермакъ убѣжденъ, что разъ чортъ поживетъ съ его женой — она останется на вѣки безплодной. Вслѣдствіе этого здѣсь очень не любятъ пьяныхъ женщинъ, а на безплодныхъ смотрятъ съ отвращеніемъ... Далѣе, чортъ посылаетъ на поля червей, душитъ хлѣбъ дождями; лѣтомъ насылаетъ сильный жаръ, мошну, комаровъ, зимой трескучіе морозы, отъ которыхъ даже у терпѣливаго пермака выступаютъ слезы на глазахъ, бѣлѣетъ носъ и щеки. Богъ далъ людямъ солнышко красное, а чортъ изъ зависти поставилъ на небѣ луну, чтобы ночью освѣщать дорогу своимъ клеветамъ—ворамъ, грабителямъ и убійцамъ. У Ена съ чортомъ идетъ постоянная война; причемъ первый беретъ силою, а чортъ хитростью. За вѣмъ остается посѣда въ этой борьбѣ, пермакъ не договариваетъ. Самое сильное орудіе у Ена—громъ, которымъ управляетъ Илья-пророкъ, любимецъ и наперсникъ Ена: чортъ бѣжитъ отъ грома въ глухіе лѣса и тамъ въ безсильной злобѣ начинаетъ ломать и метать деревья. Этимъ и объясняется, почему послѣ каждой грозы въ лѣсу бываетъ много поломанныхъ, и вырванныхъ съ корнемъ деревьевъ.

Вообще, по понятіямъ пермаковъ, Ень существо зыждущее, благое, а чортъ—озлобленное, мстительное и все разрушающее. Въ этомъ дуалистическомъ вѣрованіи, можетъ быть, слышатся отголоски сѣдой старины; подъ покровомъ Ена и чорта можно разсмотрѣть древнихъ чудесныхъ боговъ—Инмара и Керемета, которымъ и теперь еще поклоняются чуждъ-язычники, вотяки и черемисы.

Прибавимъ еще, что черти живутъ въ лѣсу цѣлыми деревнями. Они заманиваютъ или даже забираютъ насильно къ себѣ заблудившихся и заставляютъ ихъ пахать, сѣять, молотить, носить воду, строить дома, мѣсить глину,—словомъ закабаляютъ ихъ къ себѣ на вѣки-вѣчныя въ батраки. Человѣкъ богобоязненный смѣло можетъ ходить въ лѣсъ: черти его не тронуть; они уводятъ къ себѣ только воровъ да мошенниковъ. Рѣдкій воръ выходитъ изъ лѣсу цѣлымъ и невредимымъ; на эту тему у пермаковъ существуетъ нѣсколько сказокъ, мораль которыхъ однакова: не воруй, а если украдешь—въ лѣсъ не ходи.

Наряду съ Еномъ и чортомъ, двумя высшими верховными силами, пермаки чтутъ Вѣрчена (вѣрь—лѣсъ), лѣсного духа. Пермаки величаютъ его дядюшкой и избѣгаютъ употреблять его собственное имя, а если когда и произносятъ его, то непременно шопотомъ, чтобы не подвергнуться его гнѣву—онъ не любитъ,

чтобы его имя упоминалось все, и мстить за это. На видъ дядюшка, должно быть, очень не презентабеленъ: по рассказамъ людей свѣдущихъ, онъ весь покрытъ черной шерстью, хромъ на одну ногу и кривъ на одинъ глазъ; но это не мѣшаетъ ему бѣгать быстрѣе вѣтра и видѣть все, что дѣлается на землѣ. Волосы у него сбились въ одну громадную копну, которую не расчешешь и бороной. Дядюшка — большой охотникъ до женскаго пола и пермякъ бовтса пускать въ лѣсъ одну бабу и посылаетъ обыкновенно съ нею малыхъ дѣтей. — Вѣрченъ въ большомъ уваженіи у пермяковъ. Дикари всегда особенно уважаютъ того духа, который соответствуетъ условіямъ мѣстности, гдѣ они живутъ. Вѣрованіе это создано подѣ обаяніемъ таинственности дремучаго лѣса, со всѣхъ сторонъ окружающаго пермяковъ. Лѣсъ на всякаго даже необразованнаго человѣка производить чарующее впечатлѣніе. Въ умѣ пермяка составилось убѣжденіе, что властелинъ лѣса есть вмѣстѣ и его властелинъ. По его понятіямъ, власть Вѣрчена не ограничивается однимъ только лѣсомъ, какъ у лѣснаго русскаго; она обнимаетъ всю жизнь пермяка, всѣ его работы и занятія, и одинаково чувствительна въ веркѣ, въ семьѣ, какъ и въ лѣсу или въ полѣ. Можно сказать, весь языческій культъ пермяка сосредоточился въ лѣшемъ. Пермякъ обращается къ Вѣрчену за помощію во всѣхъ вообще затруднительныхъ жизненныхъ обстоятельствахъ. Украдутъ ли у него лошадь — онъ идетъ въ лѣсъ и кладетъ подѣ какое-нибудь высокое дерево — но только не березу, такъ какъ дядюшка не любитъ этого «русскаго» дерева — ярушникъ, рабчика убитаго, ковшъ зеренъ, шкурку бѣличью и возвращается домой спокойный и увѣренный, что его жертва не останется втунѣ и лошадь найдется. Захвораетъ ли жена или кто-нибудь изъ домашнихъ, отправляется ли онъ въ извозъ, случится ли какое несчастье — вездѣ и всегда призываетъ онъ въ помощь Вѣрчена, принося ему посильную жертву ¹⁾. Онъ помогаетъ пермяку во всѣхъ его начинаніяхъ; онъ поднимаетъ бури и вихри и сноситъ крыши съ домовъ у тѣхъ хозяевъ, которые виновны въ кражѣ, или осмѣлились непочтительно отовзваться о своемъ дядюшкѣ. Онъ для пермяка и заступникъ, и покровитель, и вмѣстѣ страшно-карающая сила. Къ Богу церковному, пермяки обращаются рѣдко.

Изъ второстепенныхъ духовъ, окружающихъ пермяка, нужно

¹⁾ О времени принесенія жертвы никто изъ домашнихъ не долженъ знать, — иначе она теряетъ свою силу, лѣшій не приметъ ее и отдастъ на сѣденіе звѣрямъ и птицамъ.

отмѣтить Ву-мурта (человѣкъ воды). Это—извѣстный всѣмъ водяной; характеристическія черты его тѣ же, что и у русскаго водяного; поэтому мы нелагать ихъ здѣсь не будемъ. Укажемъ только на странныя отношенія, между водянымъ и «дядюшкою»: между ними, по словамъ пермяковъ, идетъ постоянная война. Водяной сердится на то, что дядюшка бросаетъ коряги и пни въ его жилища, которыми служатъ главнымъ образомъ бездонныя озера въ лѣсу, съ черной болотной водой, и рѣчные омуты. Выведенный изъ терпѣнія этими проказами Вѣрчена водяной выходитъ изъ своей стихіи и начинается съ нимъ сраженіе, причемъ дядюшка, всегда остается побѣдителемъ.

Сусѣдко обладаетъ всѣми качествами русскаго домового. Онъ также живетъ на дворахъ, также ухаживаетъ за скотомъ, заплетаетъ гривы у лошадей; наконецъ, по наружности своей, онъ также походитъ на черную кошку. Кромѣ того онъ наблюдаетъ за шмакомъ у замужнихъ женщинъ. Бѣда, если онъ увидитъ, что баба расчесываетъ свой шмакъ: непременно сотворитъ въ домѣ какую-нибудь пакость: или корову задушить, или хворь пошлетъ на семью, или краснаго пѣтуха подъ крышу пустить. Поэтому пермячки никогда не расчесываютъ своихъ волосъ гребнемъ—отъ свадьбы и до самой могилы. Можно себя представить, сколько грязи накопится у нея въ головѣ. За то сусѣдко доволенъ и покровительствуетъ дому... Если онъ особенно благоволитъ хозяйкѣ, то приходитъ по ночамъ въ избу, садится за гребень и начинаетъ пряхъ, чтобы помочь ей въ работѣ, причемъ, вмѣсто лучины, ему служатъ собственные глаза, которые свѣтятся въ темнотѣ синеватымъ фосфорическимъ блескомъ.

Изъ всего сказаннаго нами очевидно, что пермяка христіаномъ назвать мудрено. У него, собственно говоря, двѣ вѣры: своя собственная, перешедшая къ нему по преданію отъ временъ давно минувшихъ, и церковная, христіанская. Изъ смѣшенія этихъ двухъ вѣрованій у него и получился тотъ оригинальный, крайне-своеобразный взглядъ на Бѣга и чорта, о которомъ мы сейчасъ говорили. Слѣды этого смѣшенія вы найдете во всѣхъ сказаніяхъ пермяковъ. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ одна легенда о происхожденіи грома (перевожу почти буквально).

«Въ одной керкѣ (избѣ) собрались на пирушку пророки. Тутъ же былъ и Илья-пророкъ. Всѣ другіе — пророки какъ и бытъ: жирные да толстые такіе, что твои коровы яловыя (sic), а Илья—худенькій ровно бы спичка какая. Вотъ и стали пророки смѣяться надъ нимъ: «что де, ты, за пророкъ! и силы у тебя нѣтъ, да и худъ ты, какъ ветла, середъ поля. Не на пророка ты по-

хожъ, а на карамору; по стѣнамъ бы тебѣ лазить, а не съ нами сидѣть». Горько стало Ильѣ. Вышелъ онъ изъ избы да и взмолился Ену: Господи, говорить, ты меня любишь, а сусѣди пророки обижаютъ. Не далъ ты мнѣ красоты пророческой, дай же хоть силу. И услышалъ его Енъ, далъ ему огниво и кремьнь: «вотъ, говорить, тебѣ сила, Ильа». Стукнулъ Ильа огнивомъ о кремьнь, — какъ загремѣть-загремѣть у него, самому страшно сдѣлалось. Пророки, что сидѣли въ избѣ, такъ и попадали всѣ. Вышли они и Ильѣ поклонились: «сильный ты пророкъ, Ильа; любить тебя Енъ, будь же ты нашимъ наибольшимъ отъ нынѣ до вѣку». И сталъ Ильа во старшіе имъ. И гремѣть онъ съ тѣхъ поръ на небѣ на страхъ дьяволамъ и грѣшнымъ людямъ».

Кто не узнаетъ въ этомъ Ильѣ, производящемъ громъ при помощи огнива и кремня, стариннаго финскаго Укко ¹⁾, перенесеннаго на христіанскую почву?

Въ церковь пермякъ рѣдко заглядываетъ; иной бываетъ тамъ не болѣе двухъ-трехъ разъ во всю свою жизнь. Исповѣдываться и причащаться онъ не любитъ, потому что не видитъ въ этомъ никакого смысла, глядитъ на исповѣдь какъ на тяжелую обязанность. Онъ не говѣетъ и не постится передъ исповѣдью и нерѣдко случается, что идетъ на духъ прямо изъ кабака. Многіе изъ нихъ соблюдаютъ великій постъ, но лѣтнихъ постовъ совсѣмъ не признаютъ и все лѣто ѣдятъ свой помайенъ, потому что больше имъ и питаться нечѣмъ. Молитвъ пермяки никакихъ не знаютъ; только «Богородицѣ» почему-то посчастливилось больше всѣхъ другихъ, и ее часто можно слышать отъ дѣтей, въ искаженномъ видѣ. Ее употребляютъ даже въ играхъ, при пересчитываніи играющихъ, вмѣсто русскаго: «перводанъ, другоданъ» и пр.

Немногія молитвы пермяками перековеркиваются, равно какъ и русскія пѣсни и поговорки.

О загробной жизни пермяки не имѣютъ никакого опредѣленнаго понятія. Съ одной стороны пермякъ вѣритъ въ рай и адъ, въ возмездіе и наказаніе за грѣхи, содѣянные на землѣ ²⁾; съ другой, онъ думаетъ, что люди и послѣ смерти продолжаютъ вести такой же образъ жизни, какъ и на землѣ, — также работаютъ, пьютъ, ѣдятъ и съ женами играютъ. Погребальные обряды

¹⁾ Тэйлоръ. Первобитная культура, Спб. 1872. Т. II, 316.

²⁾ Самыми тяжкими грѣхами считаются между пермяками воровство и порча (жны и сажанье чорта въ животъ, нѣчто въ родѣ истеричности и пр.). Грѣхи эти такъ велики, что ихъ даже замолишь нельзя. Убийство составляетъ менѣе важный грѣхъ; а если оно произведено въ дракѣ или „за дѣло“, то грѣхомъ и вовсе не считается.

представляют странное смѣшеніе этихъ взглядовъ, повидимому несогласимыхъ между собой.

Какъ только умираетъ кто изъ семьи, его кладутъ сейчасъ же на лавку, въ переднемъ углу, а не на столъ, какъ это дѣлается у русскихъ. Въ гробъ умершаго кладутъ ярушникъ или пирогъ съ пикшею, иголку и нѣсколько мѣдныхъ монетъ — «на обзаведенье». Къ этому иногда прибавляется и новый праздничный шабуръ, въ которомъ любилъ гулять покойникъ. Впрочемъ теперь одежду умершаго по большей части отдають бѣднякамъ; въ этомъ уже замѣтно вліяніе христіанства. Покойниковъ отвозятъ на погостъ непременно въ саняхъ, которые и оставляются на могилѣ. Когда ѣдутъ на кладбище, то назадъ не оглядываются, чтобы не вызвать новаго покойника въ домъ. Передъ тѣмъ, какъ опускать гробъ въ могилу, крышку на гробъ приподнимають, чтобы покойникъ могъ взглянуть послѣдній разъ на вольный бѣлый свѣтъ. Здѣсь съ нимъ еще разъ прощаются, раскланиваются на послѣднее разставаніе и затѣмъ засыпаютъ землею. Въ продолженіе трехъ дней послѣ похоронъ пермяки ходятъ на могилу усопшаго и приносятъ сюда ярушниковъ, шанегъ, а иногда и водку, которую выливають на землю. Въ иныхъ мѣстахъ это дѣлается такъ: на могилѣ вырываютъ небольшую ямку и въ нее выливають водку, приговаривая: ю, ю! (пей, пей); потомъ кладутъ поверхъ ямки ярушникъ и говорятъ: кэчъ, кэчъ! (ѣшь, ѣшь!) Тоже самое происходитъ и въ радоницу, весенній поминовенный день, когда каждый пермязъ считаетъ своею обязанностью задать родителямъ угощеніе. Онъ смотритъ на умершихъ, какъ на повровителей своего дома и увѣренъ, что чѣмъ больше ихъ угощать, тѣмъ они добрѣ будутъ къ нему; если же не положить умершему въ гробъ нужныхъ вещей да не задабривать его порою водкой и ярушниками, то онъ разсердится, самъ придетъ изъ могилы, возьметъ, что ему нужно, да еще, мало того, и отомститъ оставшимся въ живыхъ, разстроивъ ихъ хозяйство.

На третій день послѣ похоронъ въ домѣ устраиваются поминки, на которыя приглашаютъ всѣхъ родственниковъ и сосѣдей. Передъ началомъ стола зажигаютъ нѣсколько восковыхъ свѣчъ и ставятъ ихъ на окна и по обѣ стороны порога. Потомъ на нѣсколько времени дверь открывается, гости садятся за столъ и приглашаютъ *лола* (душа, тѣнь) за общую трапезу. Дверь затворяется лишь только всѣ усядутся по мѣстамъ. Въ передній уголъ кладется шапка или платокъ, смотря потому, мужчина или женщина былъ умершій. Мѣсто, гдѣ лежитъ

шапка, ниѣмъ не занимается; противъ него на столѣ ставится особая чашка, которую до-верху наполняютъ блинами, кислымъ молокомъ, ярушниками, водкой и т. п. Всякій гость считаетъ своей обязанностью положить въ чашку покойнаго часть каждаго кушанья, которое подается на столъ, говоря при этомъ: «ѣшь, сватуха!» или: «пей, брательникъ!» Послѣ обѣда блюдо это выносятъ въ огородъ и ставятъ тамъ въ крапиву, въ какой-нибудь укромный уголокъ, чтобы собаки не съѣли. Черезъ три дня смотреть, осталось ли что въ чашкѣ или нѣтъ. Если вороны не успѣли растаскать всего и въ чашкѣ что-нибудь осталось, — значить, «лохъ» ѣсть не хочетъ, сердится на что-то.

Колдовство у пермяковъ въ большомъ ходу. Этимъ дѣломъ занимаются по большей части женщины, за которыми пермякъ признаетъ какую-то особенную, одной ей присущую, таинственную силу и способность сноситься съ духами и прозрѣвать будущее. Знахарки имѣютъ большое вліяніе на семейныя и общественныя дѣла; въ нимъ часто обращаются за совѣтами въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Главный приемъ ихъ колдовства — чаръ эшванъ (вѣшать топоръ): заключается онъ въ слѣдующемъ. Когда къ знахаркѣ приходитъ съ какой-нибудь болѣзнію, то она зажигаетъ передъ образами свѣчку, достаетъ изъ печки нѣсколько каленыхъ угольковъ и ставитъ ихъ въ ковшъ или котелѣкъ посреди избы. Потомъ бросаетъ на угли шишку хмѣля и на толстомъ гайтанѣ изъ пеньки вѣшаетъ надъ жаровнею топоръ, стараясь привести его въ равновѣсіе; потомъ начинаетъ перебирать разные имена, до тѣхъ поръ пока онъ не упадетъ. Тогда она объявляетъ посѣтителю, что онъ долженъ сходить въ церковь и помолиться тамъ такому-то святому и поставить ему свѣчку, величиною въ палецъ, въ руку, въ цѣлый ростъ, смотря по тому, что болитъ у человѣка. Такія чаръ-эшованныя свѣчи приготовляются кругами, въ видѣ веревочекъ. Ихъ можно видѣть во всѣхъ церквахъ пермяцкихъ приходоу пермской губерніи.

Праздниковъ у пермяковъ очень много. Одни изъ нихъ — христіанскіе, другіе языческіе, но тѣ и другіе непременно связаны съ земледѣіемъ, охотой и поминовеніемъ усопшихъ. Пермяки встрѣчаютъ праздниками вскрытіе рѣкъ, первую осень, празднуютъ нѣсколько дней предъ посѣвомъ хлѣба и послѣ уборки его; осеннюю охоту завершаютъ также праздникомъ. Всѣ праздники ознаменовываются страшнымъ разгуломъ; пиръ идетъ обыкновенно съ утра до ночи, водки и овсяной браги выпивается множество. Нѣтъ сомнѣнія, многіе изъ этихъ праздниковъ прежде сопровождались извѣстными обрядами, но теперь обрядовъ соблю-

дается мало, моленій не бываетъ и праздники стали служить только удобнымъ предлогомъ попить да погулять. Впрочемъ жертвоприношенія по мѣстамъ еще удержались и до сего дня. Духовенство не только не старается искоренить эти остатки языческой старины, но, повидимому, даже поддерживаетъ ихъ...

Изъ всѣхъ праздниковъ пермяцкихъ особенно заслуживаетъ вниманія праздникъ Ильи-пророка. Этотъ святой пользуется особеннымъ почетомъ, чуть ли не наравнѣ съ Вѣрченомъ и Еномъ. День Ильи пророка считается у пермяковъ главнымъ праздникомъ въ году и по большей части соединяется съ жертвоприношеніемъ. Приготовленія къ празднику начинаются обыкновенно за недѣлю или за двѣ. Хозяйка приберетъ весь домъ, очиститъ его отъ грязи и сора, накопившихся здѣсь въ теченіе цѣлаго года; накануне истопитъ баню и всѣ домашніе вымоются. Передъ праздникомъ дня за 2—3 староста деревенскій дѣлаетъ сборъ на покупку жертвеннаго животнаго, причемъ плата необязательная: кто сколько дастъ, то и ладно. Въ случаѣ нехватки денегъ на покупку быка или барана, съ богатыхъ и зажиточныхъ семей собирается особая добавочная плата; по большей части въ этомъ случаѣ добавляетъ деньги кто-нибудь одинъ «по усердію». Пермякъ, отдавая деньги на жертву, говоритъ: «отъ меня и отъ родителей моихъ». Колютъ жертву особымъ священнымъ ножомъ, который хранится у какого-нибудь уважаемаго старика на деревнѣ. Эта операція производится за селеніемъ, гдѣ-нибудь на берегу рѣки, на пригорѣ. Нѣкоторые ультра-религіозные пермяки мажутъ себѣ кровью, капающею съ жертвы, глаза и лобъ. Освѣжевавъ жертву, ее разрубаютъ на части; лучшія отдаются духовенству; остальные же варятъ въ особомъ артельномъ котлѣ, который, какъ на примѣръ у вятскихъ пермяковъ, хранится при церкви. Сваренное мясо приносятъ къ храму и ставятъ передъ папертью. Послѣ обѣдни священникъ выходитъ и читаетъ надъ нимъ молитвы. Лишь только онъ удалится, всѣ разомъ бросаются на жертвенное мясо. Начинается настоящая свалка... Все сливается въ одну пеструю массу; каждому хочется ухватить кусокъ заветнаго «святого мяса». Стоянь стоитъ въ воздухѣ... Нѣкоторые съдаютъ свою долю тутъ же «для здоровья», другіе уносятъ домой, зашиваютъ въ тряпку и хранятъ въ своей бивѣ, какъ талисманъ, предохраняющій отъ всевозможныхъ бѣдъ и напастей. Многіе уносятъ мясо на кладбище и кладутъ на могилы родныхъ, или зарываютъ въ полѣ на своей полосѣ, чтобы хлѣбъ родился лучше.

Такія жертвоприношенія въ Ильинъ день бываютъ и по

небольшимъ деревнямъ. Для этого двѣ-три деревни собираются вмѣстѣ, покупаютъ одного быка и сѣдаютъ всѣмъ міромъ; роль священника исполняетъ какой нибудь старикъ. Онъ произноситъ надъ жертвой свою импровизированную молитву, въ которой проситъ Ена о томъ, чтобы онъ «добра» (имущества) имъ побольше послалъ, хлѣбъ отъ дождя и червя спасъ, чтобы сѣно лучше уродилось и т. п.

Въ день Ильи-пророка пермяки не выгоняютъ скота на пастбище, потому что тогда всѣ звѣри лѣсные свободно бродятъ по лѣсамъ, и будто бы дано имъ право отъ Ильи-пророка дѣлать въ этотъ день все, что они ни захотятъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жертвоприношенія бывають не въ Ильинъ день, а въ другіе праздники. Время этихъ жертвоприношеній совпадаетъ обыкновенно съ началомъ или окончаніемъ полевыхъ работъ. Въ день жертвоприношенія устраиваются братчина, братскій обѣдъ, въ складчину; въ немъ принимаетъ участіе обыкновенно вся деревня отъ мала до велика... Но о братчинѣ, равно какъ и вообще объ устройствѣ общины у инородцевъ ватской и пермской губерніи, мы надѣмся говорить подробнѣе при другомъ случаѣ.

У женщинъ существуютъ особые праздники, какъ-то: дожинки (сюрлютуй), дѣвичій праздникъ и т. п. «Дѣвичій праздникъ» бываетъ въ концѣ лѣта, послѣ снятія льна съ полей. Въ этотъ день дѣвушки (нылгасъ), нарядившись въ свои лучшія пельпомы-коромы, ходятъ гурьбою по селу или деревнѣ и распѣвають пѣсни. Нѣкоторые щедрые домохозяева угощаютъ ихъ водкой и пирогами съ пившей. Хотя дѣвушки и пьютъ вообще водку, приучаясь къ ней подъ благотворнымъ вліяніемъ отца и матери чуть не съ пеленокъ, однако на этотъ разъ они сдерживаются, и отказываются отъ рюмки, показывая видъ, что они совсѣмъ не пьютъ водки и даже понятія не имѣютъ о вкусѣ ея. Оно и понятно: парни въ это время скрытно подсматривають за ними; и горе, если они узнають, что какая-нибудь дѣвушка пьетъ водку: ей никогда не выйти замужъ, потому что кто же пожелаетъ имѣть у себя соперникомъ чорта и вдобавокъ безплодную жену?

Н. Довротворскій.

ПОВѢСТИ-ПАРОДИИ БРЕТЪ-ГАРТА

Съ англійскаго.

VIII *).

ЛОТО

ИЛИ

ПОХОЖДЕНІЯ МОЛОДОГО ЧЕЛОВѢКА НА ПОИСКАХЪ РИКИНГІИ.

М-ра Бенджаминса ¹⁾.

Я помню его маленькимъ мальчикомъ, — сказала герцогиня. — Его мать была моимъ большимъ другомъ; знаете, она была одною изъ моихъ подругъ на моей свадьбѣ.

— И съ тѣхъ поръ вы никогда его не видали, мама? — спросила ея старшая замужняя дочь, нисколько не казавшаяся старѣе своей матери.

— Никогда; онъ вскорѣ осиротѣлъ. Я часто упрекала себя за это, но такъ трудно посѣщать мальчиковъ.

Этотъ простой, но изящный разговоръ происходилъ въ рабочей комнатѣ Плушама; хозяйка прекраснаго отеля сидѣла, окруженная своею семьей, всѣ ея замужнія дочери были подлѣ нея.

---

*) См. выше: февраль, стр. 778.

¹⁾ Подразумѣвается Бенджаминъ д'Израэли, лордъ Виконсфильдъ; и самое названіе повѣсти: „Лото“ (Lothaw) должно напомнить романъ д'Израэли: „Лотаръ“ (Lothair).

Одна изъ нихъ ловко вязала на золотыхъ спицахъ самымъ причудливымъ узоромъ шелковый кошелекъ; никто бы не повѣрилъ, зная почти баснословное богатство герцога, чтобы этотъ тонкій кошелекъ предназначенъ былъ вмѣстить въ себѣ сумму не менѣе какъ въ 1.000,000 фунтовъ стерлинговъ; другая вышивала туфли исключительно жемчужными зернами; третья раскрашивала что-то самыми рѣдкими красками и золотила тончайшимъ сусальнымъ золотомъ. Красивыя женщины работали, нагнувшись надъ пальцами съ блестящею вышивкою, и красивыя пальцы касались грудей, украшенныхъ жемчугомъ. Другія, сидѣвшія подагѣ, часто напѣвали мелодіи, пробуя пассажи новаго романса, сообщеннаго имъ въ рукописи и сочиненнаго какимъ-нибудь преданнымъ, титулованнымъ другомъ исключительно для аристократическаго круга и никакъ не для публикаціи.

Сама герцогиня, не имѣвшая себѣ равной по красотѣ, богатству и положенію, была замужемъ за первымъ аристократомъ трехъ соединенныхъ королевствъ. Тѣ, кто занимался этими дѣлами, знали, что дѣти были положительно во всемъ схожи съ родителями—особенность аристократовъ и богатей. Они всѣ между собою были похожи, точно братья и сестры, кромѣ родителей,—благодаря чистотѣ ихъ крови, изяществу манеръ и роскошной обстановкѣ, родителей можно было принять за ихъ же старшихъ сына и дочь. Дочери, за исключеніемъ одной, были всѣ замужемъ за первыми аристократами страны. Это исключеніе составляла леди Коріандеръ, которая имѣла выборъ только между маркизомъ и человѣкомъ, жившимъ своими доходами въ 1.000,000 ф. стерл., еще выжидала. Они собрались въ священной изящной интимности семейнаго круга за завтракомъ, и у всѣхъ на царственныхъ лбахъ блестяли коронки, которыя они всегда носили изъ сыновняго уваженія къ торійскому направленію отца и въ ритуалистическимъ вкусамъ матери; видъ былъ столько же изящный, сколько ослѣпляющій. Эта особенность и сильное фамиліальное сходство побудили ихъ зятя, добродушнаго Ст.-Аддльгурда, сказать: «клянусь душою, знаете, вся эта изящная толпа имѣла видъ карточныхъ козырей». Ст.-Аддльгурдъ былъ радикалъ. Имѣя доходу 15.000,000 ф. стерл. и принадлежа къ одной изъ старѣйшихъ фамилій Британіи, онъ могъ себѣ позволить быть таковымъ.

— Мама, я обронила жемчужину, — сказала леди Коріандеръ, наклонясь надъ персидскимъ ковромъ.

— Съ вашихъ губокъ, милый другъ мой, — сказалъ Лѳто, входя въ ту самую минуту въ комнату.

— Нѣтъ, изъ моей работы. Это была очень цѣнная жемчужина, мама; папа заплатилъ за двѣ Исааку и сыновьямъ 50,000 ф. стерл.

— А, въ самомъ дѣлѣ,—сказала герцогиня, гнѣвно поднимаясь:—пойдите завтракать.

— Но, ваша свѣтлость,—выѣшался Лѣто; онъ былъ еще очень молодъ и на четверенькахъ ползалъ по ковру, ища упавшую жемчужину.—Подумайте, сколько это стоитъ...

— Дорогой другъ,—выѣшалась герцогиня, съ большимъ тактомъ, слегка приподнимая его за фалды сюртука,—я жду вашу руку.

Лѣто былъ страшно богатъ. Владѣя семнадцатью замками, пятнадцатью виллами, девятью охотничьими павильонами и семью городскими домами, онъ имѣлъ, кромѣ того, другія владѣнія, о которыхъ даже не слыхалъ.

Всѣ въ Плушамѣ играли въ крокетъ, и всѣ играли отлично. Послѣ чистоты ихъ крови и громаднаго богатства, семья ихъ славилась этимъ искусствомъ. Однако, Лѣто скоро надоѣла игра, онъ серьезно ушибъ себѣ свою аристократическую большую ногу, и прихрамывая побѣжалъ къ герцогинѣ.

— Я иду на птичій дворъ,—сказала она.

— Позвольте мнѣ идти съ вами, я очень люблю куръ—жареныхъ,—прибавилъ онъ въ раздумьѣ.

— Герцогъ подарилъ на дняхъ леди Монтерн большихъ кохинхинокъ,—продолжала герцогиня, перемѣняя деликатно разговоръ.

Lady Montairy,
Quite contrary,
How do your Cochins grow? ¹⁾

Запѣлъ весело Лѣто.

Герцогинѣ это не понравилось. Послѣ продолжительнаго молчанія Лѣто отрывисто и серьезно сказалъ:

— Вотъ что, сударыня; когда я вернусь въ свое имѣніе, я бы желалъ построить тамъ нѣсколько усовершенствованныхъ коттеджей для бѣдныхъ, и жениться на леди Коріандеръ.

— Вы пугаете меня, дорогой другъ; тѣмъ не менѣе оба ваши желанія такъ благородны и такъ хороши,—сказала герцогиня:—но Коріандеръ еще дитя, какъ и вы,—прибавила она, смотря привѣтливо на своего спутника.

¹⁾ Леди Монтерн, совершенно напротивъ, какъ поживаютъ ваши кохинхины.

Въ первый разъ Лото былъ на большомъ обѣдѣ у м-ра Путнея Джильса. Внимательно наблюдая за другими, ему удалось добропорядочно держать себя; онъ не пилъ изъ полоскательницы, но пробовалъ украдкою чайною ложечкою содержимое въ ней. Разговоръ былъ особенный и замѣчательно интересный.

— Такъ вы полагаете, что моногамія просто дѣло термометра? — сказала м-ръ Путней Джильсъ своему сосѣду.

— Я положительно думаю, что политамія опредѣляется изотермическими линіями, — возразилъ Лото.

— Это, такъ сказать, вопросъ широты, — замѣтилъ господинъ, сидѣвшій напротивъ и много, и громко говорившій. Онъ былъ профессоромъ въ Оксфордѣ, имѣлъ сильную склонность къ сатирѣ и во время обѣда очень не нравился всему обществу, плохо отзываясь о бывшемъ хорошо извѣстномъ канцлерѣ казначейства, — замѣчательномъ государственномъ человѣкѣ и блестящемъ романистѣ, котораго онъ боялся и ненавидѣлъ.

Вдругъ въ комнатѣ произошло смятеніе; между женщинами оно было даже очень сильно. Доложили о пріѣздѣ его святѣйшества кардинала. Онъ вошелъ такой ласковый и пожалъ руку каждому, спрашивая о здоровьѣ родныхъ и трепля по подбородку самыхъ хорошенькихъ женщинъ, съ возвышенной граціей, свойственной хорошо воспитаннымъ людямъ его положенія, и затѣмъ сѣлъ, сказавъ: какъ же вы поживаете сегодня, друзья мои? — на нѣсколькихъ языкахъ, на которыхъ онъ говорилъ вполнѣ свободно.

Сердце Лото было тронуто. Это появленіе произвело впечатлѣніе на его глубокія религіозныя убѣжденія. Онъ тотчасъ же подошелъ къ этому высоко-одаренному существу, исповѣдался и получилъ отпущеніе грѣховъ. Завтра, сказалъ онъ самъ себѣ, я приму причастіе и отдамъ церкви всѣ мои обширныя владѣнія. Теперь не время думать объ усовершенствованныхъ котѣджахъ.

Въ то время какъ Лото уходилъ отъ кардинала, его поразило прекрасное лицо. Это было лицо женщины высокаго роста, но стройной, какъ колонна іоническаго ордена. У нея было лицо гречанки, а виски уроженки Коринфеа; эллинскіе глаза, смотрѣвшіе изъ-подъ нависшихъ бровей, громадныя, точно слуховыя окна, на аттическомъ челѣ, дополняли ея превосходныя афинскія черты. На ней былъ надѣтъ черный казавинъ, застегнутый до верху и оканчивавшійся стоячимъ воротничкомъ, и цвѣтныя панталоны.

— Милостивый государь, васъ поразило это лицо, — сказалъ одинъ социальный паразитъ.

— Да; кто она?

— Ее зовутъ Мери-Анна. Она замужемъ за американцемъ и недавно выдумала новую религію.

— А! — сказалъ серьезно Лѣто, съ трудомъ удерживаясь, чтобы не кинуться къ ней.

— Да; хотите, я представлю васъ?

Лѣто подумалъ о наклонности лѣди Коріандеръ къ «высокой церкви», о кардиналѣ, и не рѣшился: — Нѣтъ, благодарю васъ, не теперь.

Лѣто входитъ въ зрѣлость. Онъ присутствовалъ на двухъ собраніяхъ о правахъ женщины, на трехъ митингахъ феміевъ, обѣдалъ разъ у Вайта, танцовалъ *vis-à-vis* съ принцемъ крови и ѣлъ на золотой посудѣ въ Бреси-гоуэ.

Его конюшни были близъ Оксфорда и занимали болѣе обширное пространство, нежели университетъ. Онъ ѣхалъ какъ-то туда и примѣтилъ, какъ нѣсколько мужиковъ и служителей старались удержать пару несшихся лошадей, запряженныхъ въ коляску, въ которой сидѣли лѣди и джентльменъ. Спокойно дожидаясь окончанія несчастнаго случая, благовоспитанный Лѣто не позволилъ себѣ выѣшиться, пока коляска не опрокинулась, сидѣвшіе въ ней не были выброшены на землю и бѣшенныя животныя остановлены служителями, — тогда онъ подошелъ и предложилъ дамѣ исключительное пользованіе его оксфордскими конюшнями.

Обернувъ къ нему лицо свое, эллипсисъ чертъ котораго были ему отлично памятни, она медленно высвободила изъ-подъ колесъ господина, и съ женскимъ достоинствомъ представила ему, какъ своего мужа — генераль-маіора Кампердоуна, американца.

— А, — сказалъ безпечно Лѣто, — у меня, кажется, тамъ есть земля. Если я не ошибаюсь, мой агентъ м-ръ Путней Джилль недавно купилъ тамъ штатъ — Иллинойс, — кажется, вы такъ его называете?

— Именно. Я — житель города Чикаго, позвольте представиться вамъ, какъ хозяину.

Лѣто граціозно поклонился джентельмену; послѣдній, кромѣ того, что былъ одѣтъ лучше многихъ англичанъ, не обнаруживалъ другихъ признаковъ плебейскаго происхожденія.

— Мы встрѣчались прежде, — сказалъ Лѣто, обращаясь къ лѣди, которую велъ подъ руку, показывая ей свои конюшни

университетъ и другія примѣчательныя мѣста въ Оксфордѣ. Пожалуйста, скажите мнѣ, въ чемъ состоитъ ваша новая религія?

— Выборное право женщинъ, свободная любовь, обоюдная помощь, коммунизмъ. Примите ее и—меня.

Лѣто не зналъ, что ему дѣлать. Она поддержала его и запечатлѣла поцѣлуемъ его смоленувшія уста. Генералъ приблизился и съ тактомъ истиннаго джентльмена слегка кашлянулъ.

— Мой мужъ будетъ очень счастливъ переговорить съ вами далѣе объ этомъ предметѣ,—сказала она спокойно и съ достоинствомъ, идя подлѣ генерала.—Отправимтесь съ нами въ Онеиду. Брукская ферма—уже дѣло прошлаго.

Когда Лѣто ѣхалъ къ своему деревенскому мѣстопребыванію «The Mugal Enclosure», онъ увидалъ толпу, какъ кажется состоявшую изъ рабочаго класса, собравшуюся вокругъ человѣка страннаго вида, въ живописномъ одѣяніи негританскаго пѣвца.—Что такое онъ говоритъ?—спросилъ Лѣто своего возницу.

Неизвѣстный почтительно снялъ шляпу и сказалъ: «моя Мери-Анна».

— Моя Мери-Анна!—Сердце Лѣто быстро забилося. Кто былъ этотъ таинственный иностранецъ? Онъ слышалъ отъ лѣди Коріандеръ о какомъ-то заговорѣ папистовъ; но могъ ли онъ подумать, что м-ръ Кампердоунъ имѣетъ съ ними что-нибудь общее?

Видъ двухъ-сотъ вооруженныхъ людей, шедшихъ ему на встрѣчу у воротъ «The Mugal Enclosure» отогналъ постороннія мысли изъ головы молодого и впечатлительнаго Лѣто. Слѣдомъ за этими людьми на ступеняхъ господскаго крыльца, стояли его служители, имѣя во главѣ старшаго повара и старшаго прислужника за столомъ. По обѣимъ сторонамъ стояли двѣ группы женской прислуги, имѣя впереди старшую прачку, онѣ держали длинный свитокъ предковъ, на которомъ висѣло фамильное бѣлье и пройдя подъ которымъ молодой лордъ вступилъ въ жилище своихъ отцовъ. Двадцать-четыре поваренка несли на плечахъ массивную золотую и серебряную фамильную посуду и поставили ее у ногъ своего господина. Тогда управляющій пересчиталъ ложки, и церемонія окончилась.

Лѣто вздохнулъ. Онъ отыскалъ богато раззолоченную «Урну» или священнѣйшій мавзолей, воздвигнутый его дѣду въ главной комнатѣ второго этажа, и плакалъ надъ прахомъ человѣка, котораго не зналъ. Онъ бродилъ одиноко по своему великолѣпному парку, и бросившись на дерновую скамейку, сталъ размыш-

лать о великой Первой Причинѣ, и о необходимости религіи. Я пошлю Мери-Аннѣ великолѣпный подарокъ,—сказалъ задумчиво Лѣто.

— Каждая изъ этихъ жемчужинъ, милордъ, стоитъ пятьдесятъ тысячъ гиней,—сказалъ м-ръ Аметистъ, модный брильянтикъ, легко загребая лопаткою изъ ларя, стоявшаго за его конторкою.

— Въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ безпечно Лѣто,—я предпочелъ бы посмотрѣть болѣе дорогія.

— Вѣроятно, шестой номеръ,—сказалъ м-ръ Аметистъ, бери пару жемчужинъ съ верху маленькой пирамиды, сложенной изъ нихъ на полѣ. Эти величиною одинаковы съ жемчугомъ герцогини Биллингсгетъ, но онѣ лучшаго достоинства. Дѣло въ томъ, что ея свѣтлость позволяетъ двумъ своимъ дѣтямъ, маркизу Смитфильду и герцогу Ст. Джильсу, — славные, хорошенькіе мальчики—употреблять ихъ въ своихъ играхъ вмѣсто шариковъ. Жемчугъ требуетъ, чтобы съ нимъ обращались бережно, и я два раза въ недѣлю хожу чистить ихъ. Можетъ быть, милордъ желаетъ нѣсколько жемчужныхъ нитей?

— Длинною въ половину каната,—сказалъ коротко Лѣто, и пришлите ихъ ко мнѣ на домъ.

М-ръ Аметистъ задумался.—Боюсь, у меня нѣтъ достаточнаго числа—то есть, извините меня на минуту. Я сбѣгаю въ Тоуэръ и займу нѣсколько у коронныхъ брильянтиковъ.—И прежде чѣмъ Лѣто успѣлъ выговорить слово, онъ схватилъ шляпу и оставилъ Лѣто одного.

Положеніе его, конечно, было затруднительное. Онъ не могъ сдѣлать ни шагу, не ступивъ на драгоценные перлы, скатившіеся съ конторки; самыя рѣдкіе драгоценные камни были разбросаны на полкахъ; цѣлыя состоянія, заключавшіяся въ немнѣющихъ цѣны изумрудахъ, были у него подъ рукою, хотя его аристократическая, чистая кровь и сила его религіозныхъ убѣжденій не позволили бы ему прикарманивать ни одного брильянта, и тѣмъ не менѣе ему не могло не придти въ голову, что его могутъ обвинить въ кражѣ одного изъ нихъ.—Вы можете обыскать меня,—сказалъ онъ, когда вернулся м-ръ Аметистъ;—но увѣряю васъ честью джентльмена, что я ничего не взялъ.

— Довольно, милордъ,—сказалъ м-ръ Аметистъ, съ низкимъ поклономъ:—мы никогда не обыскиваемъ аристократовъ.

Когда Лото повинулъ м-ра Аметиста, онъ наткнулся на генерала Кампердоуна.—Какъ поживаетъ Мери-Анна?—спросилъ онъ поспѣшно.

— Къ сожалѣнію, я долженъ объявить вамъ, что она умираетъ,—сказалъ серьезнымъ голосомъ генералъ, вынимая изо рта сигару и снимая шляпу передъ Лото.

— Умираетъ!—повторилъ недоувѣрчиво Лото.

— Увы, это правда!—возразилъ генералъ.—Чтенія въ продолженіе цѣлаго сезона, простуда зимою, путешествіе по желѣзнымъ дорогамъ и дурное питаніе въ дорогѣ отозвались на ея деликатномъ сложеніи. Но она желаетъ видѣть васъ передъ смертью. Вотъ ключъ отъ моей квартиры. Я dokonчу здѣсь на улицѣ мою сигару.

Лото, войдя въ полу-освѣщенную комнату умирающей женщины, съ трудомъ узналъ ея эллинское исхудалое лицо. Это была совершенно классическая развалина,—такая же несчастная и такая же совершенная какъ Парменонъ. Онъ въ молчаніи схватилъ ея руку,

— Рѣчи на открытомъ воздухѣ два раза въ недѣлю и плохой хлѣбъ въ деревняхъ привели меня къ этому,—произнесла она слабымъ голосомъ:—но это ничего. Дѣло идетъ впередъ. Тиранъ-мужчина будетъ пораженъ.

Лото могъ только пожать ея руку.

— Общайтесь мнѣ одно. Что бы ни случилось, никогда не дѣлайтесь католикомъ.

— Почему?

— Эта церковь не признаетъ развода. А теперь поцѣлуйте меня. Я бы желала въ эту торжественную минуту предстать въ другой міръ при посредствѣ человека лучшаго общества на землѣ. Прощайте, когда я умру, будьте такъ добры, уведомяте о томъ моего мужа.

Лото провелъ слѣдующее полгода на одномъ арійскомъ островѣ, въ арійскомъ климатѣ, и съ арійскимъ народомъ.

— Это арійскій видъ,—сказалъ его хозяинъ,—а это статуя Мери-Анны. Дѣйствительно, это была фигура во весь ростъ изъ мрамора генеральши Кампердоунъ!

— Мнѣ бы хотѣлось сдѣлаться язычникомъ,—сказалъ однажды Лото, выслушавъ увлекательную рѣчь своего хозяина о греческомъ искусствѣ.

Но въ эту ночь, посоветовавшись съ хорошо извѣстнымъ спиритическимъ медиумомъ, Лото получалъ сообщеніе отъ покойной

генеральши Кампердоувъ; она совѣтовала ему вернуться въ Англію. Черезъ два дня послѣ того онъ явился въ Плушамъ.

— Молодыя дѣвушки въ саду, — сказала герцогиня. — Не хотите ли пойти сорвать розу? — прибавила она, граціозно улыбаясь и слегка подмигнувъ глазами, насколько это допускали ея патриціанскія манеры и ея орлиный носъ.

Лѣто ушелъ и вскорѣ вернулся, ведя подъ руку раскраснѣвшуюся Коріандеръ.

— Богъ да благословить васъ, мои дѣти, — сказала герцогиня. Затѣмъ, обратясь къ Лѣто, она произнесла: — Вы просто приняли и выполнили ваше предопредѣленіе. Для васъ въ нравственномъ отношеніи было невозможно жениться внѣ нашей семьи. Теперь англиканская церковь въ безопасности.

IX.

ЧЕЛОВѢКЪ, ПРЕСЛѢДУЕМЫЙ ДУХАМИ.

Рождественскій рассказъ, по Чарльзу-Диккенсу.

I. ПЕРВОЕ ПРИВИДѢНІЕ.

Не говори мнѣ, что это не былъ «стукальщикъ»¹⁾. Я достаточно часто видѣлъ эту вещь и знаю, въ чемъ тутъ дѣло. Таеъ же хорошо знаетъ это мальчикъ пивоваръ, разносящій пиво въ три часа, — онъ усиленно машетъ за рѣшеткою дома или выдвываетъ бѣшенныя штуки ногами у дверей; также долженъ быть знакомъ съ нимъ и мясникъ, хотя мясники вообще пренебрегаютъ такими пустяками; также знакомъ съ нимъ и почтальонъ, для котораго стукальщики самой необыкновенной формы суть только человѣческія слабости, о которыхъ нужно сожалѣть, но приходится пользоваться. И знать также должны объ этомъ дѣлѣ и пр. и пр.

Но это былъ *особенный* стукальщикъ. Странный, особенный, невообразимый стукальщикъ, — такой танственный и подозрительный, что полицейскій, номеръ Х.37, когда тотъ впервые попался ему на глаза, тотчасъ хотѣлъ взять его подъ арестъ, но, вступивъ въ соглашеніе съ инстинктами своей профессіи удовольство-

¹⁾ „Knocker“ — дверной молотокъ, замѣняющій въ Англіи звонки; а также — тотъ, кто стучится.

вался тѣмъ, что взглянуть на него строгимъ взглядомъ, не допуская шутокъ, и твердо надѣялся еще открыть его секретъ. Стукальщикъ былъ безобразный; онъ имѣлъ форму чело-вѣческаго лица съ злымъ выраженіемъ, какое себѣ только можно представить; это было олицетвореніе злости. Онъ держалъ въ зубахъ мѣдный пруть. Впослѣдствіи, въ непроницаемомъ будущемъ, и т. д. и т. д.

Но если при дневномъ свѣтѣ это лицо имѣло свирѣпое выраженіе, вы бы посмотрѣли на него ночью, когда, выглядывая во мракъ, оно имѣло видъ фигуры, сидящей въ засадѣ; когда свѣтъ отъ уличныхъ фонарей падалъ на него и придавалъ какое-то злобѣщее выраженіе его чертамъ; когда оно, казалось, значительно подмигивало глазами на закутанную фигуру, которая при наступленіи ночной темноты тихо пробѣжала по ступенямъ лѣстницы, шмыгнувъ въ таинственный домъ; когда дверь, открываясь, показывала темный проходъ, въ которомъ фигура, казалось, терялась, какъ бы сливаясь съ таинственнымъ мракомъ; когда въ бурную ночь сильный вѣтеръ жестоко колыхалъ стукальщика, точно желая сорвать его и съ торжествомъ унести съ собою. Эта ночь была именно такая.

Вѣтеръ бушевалъ дико, немилосердно. Этотъ вѣтеръ началъ свое существованіе легкимъ деревенскимъ вѣтеркомъ, но странствуя по промышленнымъ городамъ, развратился и достигнувъ большого города ринулся въ круговоротъ жизни безъ удержа. На углахъ улицъ бурный вѣтеръ предавался вакхическимъ кивкамъ, срывалъ шляпы съ обесиленныхъ прохожихъ, и затѣмъ, исполнивъ свою обязанность, торопился далѣе, какъ всѣ молодые кутилы—къ морю.

Онъ сидѣлъ одинъ въ мрачной библіотекѣ, прислушиваясь къ завываніямъ вѣтра въ каминѣ. Вокругъ него въ изобиліи были разбросаны историческія книги и романы; въ рукахъ онъ держалъ только-что разрѣзанную книгу и лѣниво переворачивалъ листы, пока глаза его не остановились на портретѣ, повѣшенномъ на главной стѣнѣ. Когда вѣтеръ забушевалъ еще сильнѣе, а темнота на дворѣ стала еще непроницаемѣе, странная фигура, имѣющая роковое сходство съ портретомъ, появилась за его стуломъ, опираясь ему на плечо. Человѣкъ этотъ взглянулъ на портретъ и вздохнулъ. Фигура также взглянула и тоже вздохнула.

— Опять здѣсь?—сказалъ человѣкъ, которому являлись видѣнія.

— Опять здѣсь,—повторила фигура тихо.

— Новый разсказъ?

— Новый.

— Старая исторія?

— Старая.

— Я вижу ребенка, — сказалъ человекъ, переводя глаза со страницъ книги на огонь камина, — самый ненатуральный ребенокъ, образецъ дитяти. Онъ преждевременно созрѣлъ и философъ. Онъ умираетъ въ бѣдности, подъ тихую музыку. Онъ умираетъ въ роскоши, подъ тихую музыку. Передъ смертью онъ пишетъ завѣщаніе; онъ повторяетъ молитву Господню, онъ цѣлуетъ свою няню. Этотъ ребенокъ...

— Мой, — сказала привидѣніе.

— Я вижу женщину, небольшого роста, я вижу нѣсколько прелестныхъ женщинъ, но онѣ всѣ небольшого роста. Онѣ всѣ болѣе или менѣе глупы и идиотки, но всегда привлекательны и малы ростомъ. Они носятъ кокетливые чепчики и передники. Я примѣчаю, что женская добродѣтель неизмѣнно стоитъ ниже средняго уровня, и что онѣ всегда просты и женственны. Эти женщины...

— Мои.

— Я вижу гордую, высокомерную и злоую леди. Она высокаго роста, имѣетъ видъ королевы. Я замѣтилъ, что всѣ гордыя и злыя женщины высокаго роста и имѣютъ видъ королевъ. Эта женщина...

— Моя, — сказала привидѣніе, ломая руки.

— Я вижу постоянно что-то угрожающее. Я примѣтилъ, что когда должно случиться несчастье, убійство или смерть, есть что-то въ обстановкѣ, въ мѣстности, въ воздухѣ, что даетъ предзнаменованіе, предсказываетъ событіе за цѣлыя годы впередъ. Я не могу сказать, чтобы я замѣтилъ это въ дѣйствительной жизни ощущеніе этого поразительнаго факта принадлежить...

— Мнѣ! — сказала привидѣніе.

Человекъ продолжалъ безнадежнымъ тономъ:

— Я вижу вліяніе его въ журналахъ и газетахъ; я вижу слабыхъ подражателей, которые обезсиливаютъ міръ безмысленною формулою. Мнѣ начинаетъ это надоѣдать. Это не годится, Чарльзъ! не годится! — И человекъ опустилъ голову, закрылъ лицо руками и застоналъ. Фигура строго наклонилась и посмотрѣла на него; портретъ на стѣнѣ насунилъ брови, когда онъ взглянулъ.

— Несчастный, — сказала привидѣніе, — и какъ это могло случиться съ тобой?

— Когда-то я плакалъ и смѣялся, но тогда я былъ моложе. Теперь, я желалъ бы забыть объ этомъ, если бы я могъ.

— Да исполнится твое желаніе. И возьми это съ собою, человѣкъ, я отказываюсь отъ тебя. Отъ этого дня ты будешь жить съ тѣми, кого я замѣняю. Не забывая меня, ты долженъ будешь пройти жизненный путь, какъ будто мы не встрѣчались. Но сперва ты увидишь то, что будетъ твоимъ. Въ часъ ночи приготовься принять привидѣніе, которое я вызову. Прощай!

Звукъ его голоса, казалось, замеръ въ утихавшемъ вѣтрѣ; человѣкъ остался одинъ. Огонь весело пылалъ и свѣтъ пламени, отражаясь на стѣнахъ комнаты, рисовалъ на ней безобразныя тѣни.

— Ха, ха,—засмѣялся человѣкъ, весело потирая руки:—теперь примемся за пуншъ изъ виски и за сигару.

II. Второе привидѣніе.

Часъ! Ударъ отдаленнаго колокола еще не успѣлъ замереть, какъ дверь у входа захлопнулась съ перекастистымъ гуломъ. Въ корридорѣ раздались шаги; дверь библіотеки сама собою отворилась настежъ и Стукальщикъ—да Стукальщикъ—медленно вошелъ въ комнату. Человѣкъ протеръ рукою глаза,—нѣтъ! невозможно было ошибиться,—это было лицо Стукальщика, посаженное на туманное, едва примѣтное туловище. Мѣдный прутъ былъ перемѣщенъ изъ рта въ правую руку, державшую его какъ дубину.

— Очень холодный вечеръ,—сказалъ человѣкъ.

— Да,—сказалъ домовый рѣзкимъ, металлическимъ голосомъ.

— Должно быть, на дворѣ довольно прохладно,—сказалъ человѣкъ, стараясь быть учтивымъ.—Пьете ли вы—не хотите ли выпить вина?

— Нѣтъ,—сказалъ домовый.

— Можетъ быть, для перемѣны вы хотите выпить холоднаго?—продолжалъ человѣкъ поправляясь, вспомнивъ температуру, къ которой, вѣроятно, привыкъ домовый.

— Время летитъ,—сказалъ холодно домовый.—У насъ нѣтъ времени для пустой болтовни. Пойдемъ! Онъ протянулъ свой жезлъ по направленію окна и положилъ свою руку на руку того, у кого былъ. При его прикосновеніи тѣло человѣка, казалось, сдѣлалось такое же тонкое и безтѣлесное какъ самъ домовый, и они вмѣстѣ исчезли въ окнѣ въ ночномъ мракѣ и бурѣ.

Такъ быстро они неслись, что человѣкъ, казалось, потерялъ сознание. Наконецъ, они вдругъ остановились.

— Что ты видишь?—спросилъ домовый.

— Я вижу зубцы средневѣковаго замка. Храбрые воины въ

вольчугахъ переѣзжаютъ цѣнной мостъ и пальцами рукъ, одѣтыхъ въ стальные рукавицы, посылаютъ поцѣлуи красавицамъ-дамамъ, которыя въ отвѣтъ машутъ имъ лилейными руками. Я вижу сраженіе, бой и турниръ. Я слышу, какъ герольды выкрикиваютъ похвалы прелестямъ хорошенекъ женщинъ и безстыдно провозглашаютъ имена ихъ любовниковъ. Остановись. Я вижу, какъ жидовка хочетъ соскочить со стѣны башенки. Я вижу рыцарскіе подвиги, насиліе, грабежъ и рѣки крови. Я видѣлъ почти то же самое въ Астлей.

— Смотри опять.

— Я вижу пурпурныя степи, долины, женщинъ съ видомъ мужчинъ, босоногихъ мужчинъ, подлыхъ книжныхъ червей, еще болѣе насилія, физическое превосходство и кровь. Все кровь,— и господство физической силы.

— А какъ ты теперь себя чувствуешь?—спросилъ Гоблинъ.

Человѣкъ пожалъ плечами.—Нисколько не лучше отъ того; что меня вернули назадъ и хотятъ, чтобы я сочувствовалъ временамъ варварства.

Домовой улыбнулся и стиснулъ его руку; они снова быстро полетѣли въ ночномъ мракѣ и снова остановились.

— Что ты видишь?—спросилъ домовой.

— Я вижу баракъ и артельный столъ, группу пьяныхъ кельтскихъ офицеровъ, рассказывающихъ смѣшныя исторіи и дѣлающихъ вызовы на дуэль. Я вижу молодого джентльмена-ирландца, способнаго совершить чудеса храбрости. Я случайно узнаю, что высшая степень героизма, это быть корнетомъ драгунскаго полка. Я слышу много разговоровъ по-французски! Нѣтъ, благодарю васъ,—сказалъ поспѣшно человѣкъ, останавливая движеніе руки домowego:—я бы не хотѣлъ отправиться на полуостровъ, и нисколько не ишу частнаго свиданія съ Наполеономъ.

Снова домовой полетѣлъ съ несчастнымъ человѣкомъ; слыша страшный ревъ внизу, человѣкъ рѣшилъ, что они несутся надъ океаномъ. Въ виду показался корабль, и домовой остановилъ его ходъ.—Смотри,—сказалъ онъ, сжимая руку своего товарища.

Человѣкъ вѣвнулъ.—Не думаешь ли ты, Чарльсъ, что ты погубишь все это? Конечно, это все очень нравственно и поучительно, и такъ далѣе. Но не слишкомъ ли много пантомимы во всемъ этомъ? Пойдемъ теперь!

— Смотри!—повторилъ недовольный домовой, ущипнувъ его за руку. Человѣкъ застоналъ.

— О конечно, я вижу корабль ея величества, Аретузу. Ко-

нечно, я отлично знаю на немъ суроваго старшаго лейтенанта, и эксцентричнаго капитана, одного очаровательнаго и нѣсколькихъ несносныхъ мичмановъ. Конечно, великолѣпно—смотреть на все это и не страдать морскою болѣзнию. А вотъ молодежь хочетъ сыграть штуку съ комиссаромъ. Ради Бога уйдемъ, — и несчастный положительно потащилъ за собою домового. Они остановились у начала широкаго, безконечнаго луга, среди дубовой аллеи.

— Я вижу,—сказалъ человѣкъ машинально, не дожидаясь вопроса, точно онъ повторялъ урокъ, которому его выучилъ домовой,—я вижу благороднаго дикаря. На него пріятно смотреть! Но я вижу подъ его воинственной татуировкой, подъ перьями и живописною одеждою, грязь, болѣзни и несимметричный контуръ. Я замѣчаю подъ его напыщенными рѣчами обманъ и ложь; подъ его отважностью жестокость, злонамѣренность и мстительность. Благородный дикарь—хвастунъ. Я тоже замѣчалъ м-ру Катлину.

— Пойдемъ,—сказало привидѣніе.

Человѣкъ вздохнулъ и вынулъ свои часы.

— Не можемъ ли мы остальное продѣлать въ другой разъ?

— Мой часъ почти окончился, непочтительное созданіе, но есть еще шансъ для твоего исправленія. Пойдемъ!

Они снова полетѣли въ ночномъ мракѣ и снова остановились. Ихъ ушей воснулся звукъ прелестной, но грустной музыки.

— Я вижу,—сказалъ преслѣдуемый духами человѣкъ, съ нѣкоторымъ интересомъ,—я вижу за лѣниво текущею рѣкою старую мызу, покрытую мохомъ. Я вижу роковыя образы: вѣдьмъ, пуританъ, священниковъ, малолѣтнихъ дѣтей, судей, магнетизированныхъ дѣвушекъ, движущихся подъ звуки мелодіи, которая поражаетъ меня своею чистотою и прелестью. Но хотя эти фигуры несутся по спокойному и ровному теченію рѣки, онѣ очень странны и страшны: злокачественная изва видна на сердцѣ каждой изъ этихъ фигуръ. Не только у священника, но у вѣдьмы, у дѣвушки, у судьи, у пуританина у всѣхъ на сердцѣ выжжены ярко-красныя буквы. Я не могу оторвать отъ нихъ глазъ, я весь дрожу, но я чувствую, что какое-то болѣзненное чувство меня охватываетъ. Прошу... вашего извиненія.—Домовой страшно зѣвалъ. Быть можетъ, не лучше ли намъ отправиться.

— Еще одно и послѣднее,—сказалъ Домовой. Они направлялись домой. На востокъ появились красноватая облака. Вдоль береговъ рѣки, мрачно протекавшей по пустырямъ и стоячимъ болотамъ у низенькихъ домишекъ, сидѣвшихъ въ уровень съ во-

дою и точно моллюски выползшихъ на берегъ, чтобы немного просохнуть, вдоль темныхъ барокъ, которыя еще трутнѣе было разглядѣть сквозь таинственное покрывало, медленно поднимался туманъ, окутывая всю окрестность. Такъ поднималось и сглаживалось и въ сердцѣ преслѣдуемаго духами человѣка и т. д. и т. д.

Они остановились у красиваго домика, выстроеннаго изъ краснаго кирпича. Домовой, не говоря ни слова, махнулъ рукою.

— Я вижу, — сказалъ преслѣдуемый духами человѣкъ, коротенькую гостиную, вижу моихъ старыхъ клубныхъ друзей, товарищей по шлоу, знакомыхъ, именно такъ какъ они жили и что дѣлали. Вижу честныхъ и несебялюбивыхъ людей, которыхъ я любилъ, и фатовъ, которыхъ ненавидѣлъ. Я вижу, какъ между нами проходить, иногда сливаясь съ ихъ образами, наши старые друзья Дикъ Стиль, Аддисонъ и Конгривъ. Примѣчаю, что эти господа имѣютъ привычку слишкомъ часто становиться другъ другу поперегъ дороги. Королевскій штандартъ королевы Анны, самъ по себѣ не представляющій хорошаго украшенія, немного чересчуръ выдается въ этой картинѣ. Длинные галереи изъ чернаго дуба, старинная мебель, старинные портреты очень живописны, но наводятъ уныніе. Домъ сырой. Мнѣ гораздо пріятнѣе здѣсь на лугу, гдѣ устриваютъ Ярмарку Тщеславія». Вотъ колокольчикъ звонить, занавѣсъ поднимается, принесли маріонетки для новаго представленія. Дай мнѣ поглядѣть.

Преслѣдуемый духами человѣкъ въ своемъ рвеніи торопился впередъ, но рука домового остановила его и указала ему внизъ: у ногъ своихъ, между собою и поднимавшимся занавѣсомъ онъ увидѣлъ свѣжую могилу. Въ сильномъ горѣ прильнувъ къ могилѣ, преслѣдуемый духами человѣкъ увидалъ привидѣніе прошлой ночи.

Онъ пошевелился и проснулся. Яркіе лучи солнца врывались въ комнату. День былъ свѣтлый, морозный. Онъ весело подбѣжалъ къ окну и отворилъ его. Маленькій мальчикъ привѣтствовалъ его: съ веселымъ праздникомъ. Преслѣдуемый духами человѣкъ тотчасъ же подарилъ ему билетъ англійскаго банка. «Какъ похожъ былъ этотъ мальчикъ на Тини Тима и Бобби, — Боже мой, кто за геній у этого Диккенса!

Стукъ въ дверь и вошелъ Бутсъ.

— Ваше жалованье вамъ удваивается. Читали вы Давида Копперфильда?

— Да, сударь.

— Ваше жалованье увеличивается въ четыре раза. Что вы думаете объ «Old Curiosity Shop?»

Вошедшій человекъ тотчасъ же залился слезами и затѣмъ началъ страшно смѣяться.

— Довольно! Вотъ вамъ пять тысячъ фунтовъ. Откройте пивную и назовите ее «Нашъ общій другъ». Ура! я такъ счастливъ! И онъ началъ плясать по комнатѣ.

При яркнхъ лучахъ солнца, наполнявшихъ комнату, и весь сіяющій счастьемъ отъ содѣяннаго имъ добраго дѣла, человекъ этотъ уже болѣе не имѣлъ видѣній, развѣ только видѣлъ онъ во снѣ то, что снится въ прекрасныхъ дѣтскихъ снахъ, онъ сѣлъ опять въ свое кресло и дочиталъ «Нашего общаго друга».

Х.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ШАЙКА

или

Мальчикъ-Атаманъ, Юный Политикъ и Чудо-Пиратъ.

Это было скромное селеніе въ Новой Англіи. Нигдѣ въ долинѣ Коннектикута осеннее солнце не освѣщало болѣе мирной, идиллической и промышленной общины. Мушкатные орѣхи медленно собрѣвали на деревьяхъ, а бѣлые сыры для употребленія жителей Запада постепенно округлялись подъ твердою трудолюбивою рукою американскаго ремесленника. Честный коннектикутскій фермеръ спокойно собиралъ въ своей житницѣ черные бобы, которые, если мѣшать ихъ съ овсяною мукою, составляютъ пріятную замѣну пищи въ цивилизованной Европѣ. Все было тихо, точно въ воскресенье. Доэмовиль былъ всего въ семи миляхъ отъ Гартфорда, и окрестный ландшафтъ былъ веселъ—отъ убѣжденія, что онъ вполне застрахованъ отъ нападенія.

Немногіе повѣрятъ, что это мирное селеніе было родиною трехъ юныхъ героевъ, о подвигахъ которыхъ поговоримъ впоследствии—но мы забѣгаемъ впередъ.

Доэмовильская академія была главнымъ ученымъ собраніемъ въ странѣ. Подъ серьезнымъ и мягкимъ управленіемъ почтеннаго доктора Контекста, она достигла вполне заслуженной популярности. Однако, съ годами усилившіеся недуги старости принуждали доктора во многомъ довѣряться своимъ помощникамъ.

которые, нечего и говорить, злоупотребляли его довѣренностью. Въ скоромъ времени ихъ грубая тиранія и полное недоброжелательство сдѣлались явными. Мальчишевъ положительно заставляли учить ихъ уроки. Трудно повѣрить столь отвратительному факту, но во время учебныхъ занятій ученикамъ приписывали сидѣть на мѣстахъ по крайней мѣрѣ съ наружнымъ видомъ дисциплины. Можно вполнѣ вѣрить свидѣтельству того, кто утверждалъ, что было запрещено катать по полу шары отъ крокета во время урока, — подъ дьявольскимъ извиненіемъ, что это мѣшаетъ занятіямъ. Было запрещено бить стекла мячами и бить палками младшихъ школьникоу. Ко всему этому младшіе учителя, напыщенные и дерзкіе, благодаря своей побѣдѣ, сбросили маски и показали въ своемъ настоящемъ свѣтѣ. Во время молитвы изо рта приходящаго ученика была вынута сигара! Изъ ящика у другого вынули бутылку съ водою и выбросили за окно. И наконецъ Безчестіе, Кража со вломомъ, Воровство и Ложь почти внали въ ушніе.

Могло ли американское юношество, сознавая свою силу и имѣя собственную литературу, покорно смириться передъ этою тираніею? Никогда! Мы твердо это повторяемъ. Мы повторяемъ это родителямъ и опекунамъ. Никогда! Но злобные гувернеры, счастливые и довольные, мало знали о томъ, что происходило въ холодной разсудительной головѣ Чарльса Франсиса Адамса Голэйтли, десяти лѣтъ отъ роду; почему ротъ Веньямина Франклина Дженкинса, семи лѣтъ, складывался въ презрительную усмѣшку; или какой огонекъ горѣлъ въ смѣлыхъ, голубыхъ глазахъ Бромлея Читтерлингса, шести съ половиною лѣтъ отъ роду, когда они воѣ трое сидѣли во время отдохновенія въ углу мѣста, предназначеннаго для дѣтскихъ игръ. Ихъ единственный товарищъ и повѣренный былъ негръ, школьный привратникъ, извѣстный подъ именемъ «Пирата Джима».

Прозвище было дано ему вѣрно, какъ это ясно видно по его прежней бурной карьерѣ, въ которой онъ открыто признался своимъ благороднымъ молодымъ друзьямъ. Рабъ въ семнадцать лѣтъ, въ двадцать лѣтъ предводитель возмущенія на африканскомъ берегу, потомъ корсаръ въ послѣднюю войну съ Англіею, въ двадцать пять лѣтъ онъ командовалъ брандеромъ и единственный уцѣлѣлъ на немъ; онъ велъ дикую кипучую жизнь настоящаго пирата, до тѣхъ поръ, пока возстаніе не призвало его снова на службу гражданина, а наступившій миръ и стремленіе къ сельской тиши заставили его принять мѣсто привратника въ доувильской академіи, гдѣ вопросовъ не задавали и ревомен-

дацій не требовали—онъ былъ безъ сомнѣнія достойный менторъ для нашихъ смѣльчаковъ. Хотя онъ уже перешелъ за границы лѣтъ, обыкновенно полагаемыхъ предѣломъ жизни чловѣка,—сосчитавъ различные эпизоды его карьеры, ему должно было быть около ста пятидесяти-девяти лѣтъ,—но на видъ онъ былъ еще не старъ, все еще здоровъ и силенъ.

— Да,—продолжалъ критическимъ тономъ пиратъ Джимъ:—я не думаю, чтобы онъ былъ выше васъ ростомъ, мистеръ Читерлингъ, да былъ ли онъ еще вашего роста, когда стоя на палубѣ моего корабля онъ убилъ выстрѣломъ капитана корабля Восточной Индіи. Мы называли его маленькій Вивильсъ, онъ былъ такъ малъ. Но богъ съ вами, мальчуганы! онъ ничего былъ въ сравненіи съ маленькимъ Самми Барло, который пробрался въ каюту капитана на русскомъ фрегатѣ и поразилъ его ножомъ прямо въ сердце, затѣмъ надѣлъ мундиръ капитана и его шляпу съ перьями, и принялъ начальство надъ кораблемъ.

— Не было ли платье капитана для него велико?—спросилъ Б. Франклинъ Дженкинсъ заботливо.

Привратникъ взглянулъ на Дженкинса съ оскорбленнымъ достоинствомъ.

— Не сказалъ ли я, что русскій капитанъ былъ чловѣкъ очень маленькаго роста; русскіе—малы ростомъ, какъ и греки.

Благородный восторгъ горѣлъ въ глазахъ юныхъ героевъ.

— Былъ ли Барло такъ же великъ, какъ я?—спросилъ Ч. Ф. Адамсъ Голэйтли, отбрасывая назадъ кудри съ своего юпитероваго чела.

— Да, у него, такъ сказать, была опытность. Слухи ходили, что онъ уходилъ своего школьнаго учителя прежде, нежели пошелъ въ море. Но это пустая болтовня, друзья мои.

Голэйтли вытащилъ изъ своей куртки флажку и подаль ее привратнику. Это была самая лучшая водка его отца. Это тронуло сердце честнаго стараго моряка.

— Богъ да благословить тебя, мой мальчикъ-пиратъ—сказалъ онъ, задыхаясь отъ волненія.

— Я досталъ немного табаку,—сказалъ молодой Дженкинсъ,—но онъ мелко наръзанъ; теперь я только его употребляю.

— Я могу купить все, что нужно въ мелочной лавкѣ на углу,—сказалъ пиратъ Джимъ:—но я оставилъ свое портмоне дома.

— Возьмите эти часы,—сказалъ молодой Голэйтли,—это отцовскіе. Съ тѣхъ поръ, что онъ сталъ тираномъ и завладѣлъ чужою собственностью и заставилъ меня поступить въ шайку корсара, я началъ съ того, что раздѣлилъ нашу собственность.

— Это все пустяки, — сказал задорно молодой Читтерлингс. — Каждая минута дорога. Время ли теперь заниматься виномъ и бражничать? Ха, намъ нужно дѣла — дѣла! Мы должны сегодня ночью сражаться за свободу — и, именно въ эту ночь. Шкуна уже на якорѣ у мельничной плотины, нагруженная провизіей для трехъ-мѣсячнаго плаванія. У меня чернѣйшій флагъ въ карманѣ. Къ чему же откладывать, вѣдь это трусость?

Двое старшихъ мальчиковъ съ легкимъ чувствомъ стыда и страха взглянули на разгорѣвшіяся щеки и высоко поднятую голову съ торчащимъ хохломъ волосъ младшаго товарища — блестящаго, красиваго Бромлея Читтерлингса. Увы! эта минута забывчивости и обоюднаго восхищенія была исполнена опасности. Къ нимъ подошелъ худой, болѣзненный, полуголодный учитель.

— Молодые люди, вамъ пора приняться опять за ваши занятія, — сказалъ онъ съ сатанинскою вѣжливостью.

То были его послѣдніе слова на землѣ.

— Долой, тиранъ! — воскликнулъ Читтерлингс.

— Sic ему — я хочу сказать «sic semper tyrannis!» — сказалъ классикъ Голэйтли ¹⁾.

Тяжелый ударъ въ голову палкой и деревянный шаръ, быстро брошенный въ его пустой желудокъ, за мертво уложили на полу учителя. Голэйтли вздрогнулъ.

Пусть мои молодые читатели не осудятъ его слишкомъ поспѣшно. Это было его первое убійство.

— Обыщите его карманы, — сказалъ практическій Дженнингс.

Они это исполнили и не нашли ничего кромѣ каталога Гарварда за три года.

— Бѣжимъ, — сказалъ Дженнингс.

— Впередъ къ лодкамъ! — воскликнулъ энтузіастъ Читтерлингс.

Но Ч. Ф. Адамсъ Голэйтли въ раздумѣ стоялъ, глядя на лежащаго учителя.

— Вотъ, — сказалъ онъ спокойно, — результатъ слишкомъ свободнаго правленія и нашей школьной системы. Страна требуетъ реформъ. Я не могу отправиться съ вами.

— Иммъиникъ! — воскликнули остальные.

Ч. Ф. А. Голэйтли грустно улыбнулся.

— Вы меня не знаете. Я не сдѣлаюсь пиратомъ, а членомъ конгресса!

¹⁾ Онъ повторяетъ извѣстные слова убійцы Линкольна.

Дженкинсъ и Читтерлингъ побѣдѣли.

— Я уже организовалъ два собранія въ негелльномъ клубѣ, и подвудилъ делегатовъ другого клуба. Нѣтъ, не отвращайтесь отъ меня. Будемъ друзьями, преслѣдуя различными путями одну общую цѣль. Прощайте!—Они пожали другъ другу руки.

— Но гдѣ Пиратъ Джимъ?—спросилъ Дженкинсъ.

Онъ на минуту покинулъ насъ, чтобы получить деньги за заложенные часы для покупки вооруженія для шкуны. Прощайте!

Такимъ образомъ разстались эти честныя, молодыя головы, исполненныя блестящихъ надеждъ.

Въ эту ночь былъ страшный пожаръ въ Доэмвилѣ. Доэмвильская академія, тайно подожженная, первая сдѣлалась жертвою пламени. Магазины сахару и складъ сигаръ, имѣвшіе большіе счета съ академіей, сгорѣли слѣдомъ за нею. При свѣтѣ огненныхъ языковъ, оснащенная шлюбка съ одною матчею медленно выходила отъ мельничной плотины. На слѣдующій день не нашли трехъ мальчиковъ — Ч. Ф. Адамса Голейтли, Б. Ф. Дженкинса, и Бромлея Читтерлингса. Не погибли ли они въ пламени? Кто могъ это знать? Достаточно того, что они никогда болѣе не появлялись въ домахъ своихъ предковъ подъ этими именами.

Хорошо было бы дѣйствительно для Доэмвила, если бы тайна тѣмъ и кончилась. Но болѣе грустное и скандальное событіе совершилось въ мирномъ селеніи. Въ эту ужасную ночь кто-то украдкою посѣтилъ пансіонъ мадамъ Бренборіонъ и на другое утро примѣтили, что двѣ первыя красавицы и наслѣдницы въ Коннектикутѣ, дочери президента сберегательной кассы и директора страхового общества—бѣжали. вмѣстѣ съ ними исчезли также всѣ вклады сберегательной кассы, а на другой день страховое общество отъ огня «Фламинго» лопнуло.

Теперь, молодые читатели, понывемъ со мною въ болѣе темныя и привѣтливыя страны. Вдоль береговъ Патагоніи горделиво плыветъ длинная, низкая, черная шкуна по морю, омывающему берега этой роскошной страны, покрытые виноградниками. Кто это, завернутый въ персидскіе ковры и богато одѣтый, спокойно возлещетъ на кварталъ-дѣкъ шкуны, небрежно играя чудными мѣстными плодами, которые держатъ передъ нимъ рабы-нубійцы въ корзинахъ изъ массивнаго золота? или по временамъ, смѣло и граціозно управляетъ велосипедомъ изъ

слоновой кости по полированной палубѣ темнаго орѣха, ловлю проходя между такелажемъ? Кто онъ? можно спросить. Чье имя наводитъ ужасъ на патагонскій флотъ? Кто какъ не Чудо-Пиратъ—неутомимый юноша, бичъ патагонскихъ морей? Путешественники, медленно дрейфующіе у силурійскихъ береговъ, моряки, плавающие вдоль девонскаго берега, до сихъ поръ дрожать при имени Бромлея Читтерлинга—юноши мстителя, недавно прибывшаго изъ Гартфорда, въ Коннектикутъ.

Многіе изъ пустого любопытства спрашивали: Затѣмъ и чего мститель? Не будемъ открывать страшной тайны, сокрытой въ молодой душѣ. Достаточно, что было много горечи въ его прошлой жизни и что тѣ, «чья душа болитъ надъ подъемлющейся волной»¹⁾ или «чья душа подымается надъ болѣющей волной», не поняли этого. Только одна королева амазонокъ, взятая въ плѣнъ на прошедней не дѣлѣ, знала его, можетъ быть, слишкомъ хорошо. Она любила Юношу Мстителя. Но напрасно; его молодое сердце, казалось, зачерствѣло.

— Выслушай меня,—сказалъ онъ наконецъ, когда она уже въ седьмой разъ безумно предлагала ему свою руку и королевство,—знай разъ навсегда, почему я долженъ отказаться отъ твоего лестнаго предложенія. Я люблю другую.

Съ дикимъ, отчаяннымъ крикомъ она прыгнула въ море, но была тотчасъ же спасена Чудо-Пиратомъ. И даже въ эту знаменательную минуту онъ былъ такъ холоденъ, что прежде, чѣмъ вынырнуть изъ воды, онъ поймалъ сирену и отдалъ ее подъ стражу своего управителя, съ приказаніемъ дать ей комнату и приготовить горячей и холодной воды, спойкойно сѣлъ на свое прежнее мѣсто подлѣ Амазонки. Когда дверь затворилась за его вѣрнымъ слугою, принесшимъ шампанское и мороженое интересной незнакомкѣ, Читтерлингъ снова продолжалъ свой рассказъ сдавленнымъ голосомъ:

— Когда я впервые бѣжалъ изъ-подъ кровли деспота-отца, я былъ влюбленъ въ прекрасную и образованную Элизу Дж. Сниффенъ. Отецъ ея былъ президентомъ сберегательной кассы рабочихъ, и отлично зналъ, что со временемъ всѣ влады будутъ его собственностью. Но какъ глупецъ я хотѣлъ предупредить событія и въ минуту дикаго безумія уговорилъ мною Сниффенъ бѣжать со мною; и забравъ всѣ наличныя деньги кассы, мы бѣжали.—Онъ остановился отъ одолевшаго его волненія.—Но судьба рѣшила иначе. Въ моей лихорадочной поспѣшности я забылъ

¹⁾ Whose soul would sicken o'er the heaving wave.

помѣстить въ складахъ моего судна особаго качества шоколадную карамель, которую очень любила Элиза Дженъ. На другой день мы должны были остановиться у Новой Рошеи, чтобы дать возможность миссъ Снеффенъ достать эти лакомства у ближайшаго кондитера и подобрать гарусу въ первомъ модномъ магазинѣ. Роковая ошибка. Она пошла — и болѣе не вернулась! — Черезъ минуту онъ продолжалъ сдавленнымъ отъ волненія голосомъ. — Продавъ томительную недѣлю, я долженъ былъ опять пуститься въ море, унося съ собою разбитое сердце и сознаніе, что касса ея отпа лохнула. Съ тѣхъ поръ я болѣе не видалъ ее.

— И вы все-таки любите ее? — спросила пылко королева Амазонокъ.

— О, навѣки!

— Благородный юноша. Вотъ тебѣ награда за твою вѣрность: узнай, Бромлей Читтерлингъ, что я — Элиза Дженъ. Утомившись ожиданіемъ, я сѣла на корабль съ перуанскимъ гуано, — но это длинная исторія, милый мой.

— И слишкомъ прозрачна, — сказалъ Юноша Мститель, высвобождаясь рѣшительно изъ ея объятій. — Элизѣ Дженъ годъ тому назадъ было только тринадцать лѣтъ, а тебѣ безъ малаго сорокъ.

— Правда, — грустно возразила она, — но я много страдала, а время течетъ быстро, и я выросла. Ты съ трудомъ повѣришь, что это все мои волосы.

— Не знаю, — возразилъ онъ мрачно и разсѣянно.

— Прости мнѣ мой обманъ, — сказала она. — Если ты поможешь съ другою, дозвожь мнѣ, по крайней мѣрѣ, быть тебѣ матерью.

Чудо-Пиратъ былъ пораженъ, слезы выступили у него на глазахъ. Сцена была въ высшей степени трогательная. Многие изъ старѣйшихъ моряковъ — люди, присутствовавшіе при сценахъ самыхъ ужасныхъ страданій, не пролилъ ни слезинки и не мѣнялся въ лицѣ — при видѣ этой сцены удалились въ винный погребъ, чтобы скрыть свое волненіе. Немногіе сгрунпировались на палубѣ и вернулись съ просьбою, чтобы отнѣтъ королевѣ Амазонокъ было дано наименованіе «королевы Острова Пиратовъ».

— Мать! — вымолвилъ Чудо-Пиратъ.

— Сынъ мой! — воскликнула королева Амазонокъ.

Они обнялись. Въ ту же самую минуту на кварталъ-декъ послышался громкій шумъ отъ паденія тѣла. То была забытая

сирена; она вышла изъ своей каюты и взойдя въ каютъ-компанію въ эту минуту, упала въ обморокъ при этомъ зрѣлищѣ. Чудо-Пиратъ бросился къ ней съ флакономъ солей.

Она медленно пришла въ себя. — Позволь мнѣ, — сказала она, приподнимаясь съ достоинствомъ, — покаянута корабль. Я не привыкла къ подобному поведенію.

— Выслушай меня — вѣдь она моя мать!

— Она, конечно, можетъ быть ею, — возразила сирена, — и можетъ говорить, что у нея свои волосы, — прибавила она поправляя съ замѣчательною граціей при помощи гребня и маленькаго ручнаго зеркала свои собственные роскошныя косы.

— Если бы я не была въ состояніи имѣть одежды, я бы носила хвостъ! — прошипѣла королева Амазонокъ. — Полагаю, ты не красишь ихъ, боясь соленой воды? Но, можетъ быть, ты предпочитаешь зеленые, моя милая?

— Немного соленой воды исправило бы твой цвѣтъ лица, голубушка.

— Рыба-женщина! — закричала королева Амазонокъ.

— Фокусница! — крикнула сирена.

И они сдѣлились одна съ другою.

— Бунтъ! За бортъ обѣихъ! — скормандовалъ Чудо-Пиратъ, ставъ на высоту событій и отбросивъ въ сторону всякую человѣческую привязанность въ минуту опасности.

Принесли доску и на нее помѣстили обѣихъ женщинъ.

— Я послѣ васъ, — сказала значительно сирена королевѣ Амазонокъ: — вы старшая.

— Благодарю васъ! — сказала королева Амазонокъ, отступая назадъ. — Рыбу всегда подаютъ на первое блюдо.

Съ дикимъ крикомъ ярости оскорбленная сирена схватила ее и прыгнула съ нею въ море.

Когда пучина скрыла ихъ навсегда, Чудо-Пиратъ вскочилъ.

— Поднимите черный флагъ и плывемъ въ Новый Лондонъ, — гаркнулъ онъ голосомъ, похожимъ на трубный звукъ. — Ха! ха! Морской разбойникъ опять на свободѣ!

Дѣйствительно, это была правда. Въ эту роковую минуту онъ высвободился отъ путъ человѣческихъ привязанностей и снова сталъ Юношею-Мстителемъ.

Опять я долженъ просить моихъ читателей сѣсть на моего крылататаго коня и поспѣшить со мною на почти недосыгаемыя вершины Скалистыхъ горъ. Тамъ, многія годы, шайка суровыхъ

и неповорныхъ диварей, извѣстныхъ подъ именемъ Голубинныхъ Лапокъ, сопротивлялась законамъ и библіямъ цивилизаціи. Въ продолженіи многихъ лѣтъ тропинки, ведшія къ ихъ лагерю, обозначались костями возчиковъ и сломанными телѣгами, а на деревьяхъ были развѣшаны скальпы, снятые съ головъ женщинъ и дѣтей. Самые храбрые военачальники не рѣшались атаковать ихъ въ ихъ укрѣпленіяхъ; они предусмотрительно не трогали ношей для снятія скальповъ, винтовокъ, пороку и зарядовъ, доставленныхъ любящимъ правительствомъ для ихъ благосостоянія и разбросанныхъ вокругъ укрѣпленнаго лагеря, съ требованіемъ не употреблять въ дѣло все это оружіе, покада военные не удалятся безопасно. Доселѣ, исключая случайнаго нападенія на землю Нокъ-ниъ, враждебнаго племени, они грабили только окрестность.

Но недавно съ ними произошла несчастная перемѣна. Дѣйствуя подъ чьимъ-то дурнымъ вліяніемъ, они пошли войною въ селенія бѣлыхъ, неся съ собою пожары и смерть. Нѣсколько разъ правительство предоставляло имъ свободно удалиться въ Вашингтонъ и даже предлагало снять съ нихъ фотографіи, но подъ тѣмъ же дурнымъ вліяніемъ, они отказались. Въ ихъ способѣ нападенія была какая-то особенная таинственность. Они всегда жгли школьныя зданія, школьныхъ учителей брали въ плѣнъ и о нихъ болѣе никогда не слышали. Вагонъ-дворецъ желѣзной дороги Тихаго Океана, въ которомъ помѣщалась партія учителей, направлявшихся въ Санъ-Франциско, былъ омуруженъ, путешественники взяты въ плѣнъ, и они никогда болѣе не заняли своихъ ваканцій въ спискахъ школъ. Совѣтъ экзаменаторовъ, направлявшихся въ Чіенъ, былъ тоже захваченъ и члены его вынуждены были среди странныхъ пытокъ давать отвѣты на вопросы, которые они сами ранѣе предлагали. Эти звѣрства стали приписывать наконецъ дурному вліянію новаго атамана шайки. До сихъ поръ знали о немъ только по его злобѣщнымъ прозвищамъ: «молодой человѣкъ, ищущій своего учителя», и: «поднявшій волосы дыбомъ у школьнаго начальства». Говорили, что онъ очень малъ и чрезвычайно молодавъ на видъ. Дѣйствительно, его прежнее наименованіе: «вытирающій себѣ носъ рукавомъ», было дано ему, какъ говорили, чтобы обозначить его все еще дѣтскія привычки.

Ночь царяла въ лагерѣ и надъ жилищами диварей. Краснокожія дѣвушки порхали между лагерныхъ огней подобно ночнымъ бабочкамъ, варили вкусный горбъ буйвола, жарили ароматное мясо медвѣдя и приготовляли тушеные бобы, чтобы нажормить

храбрецовъ. Для немногихъ избранныхъ были особо приготовлены сочныя стрелы какъ рѣдкое блюдо, хотя гордая спартанская душа ихъ атамана пренебрегала подобными изысканными яствами.

Онъ сидѣлъ одинъ въ своемъ вигамѣ, ему прислуживала одна миловидная Мушимушъ, самая красивая изъ дѣвушекъ у Голубиныхъ Лаповъ. Ни у кого нельзя было такъ ясно видѣть особенную черту ея замѣчательнаго племени, какъ глядя на ея маленькія ножки, когда она переступала ими. Достаточно было одного взгляда на атамана, чтобы убѣдиться въ истинѣ ходившихъ слуховъ относительно его молодости. Ему было около двѣнадцати лѣтъ, онъ держалъ себя прямо и гордо и былъ съ головы до ногъ одѣтъ въ пестрыя покрывала, вырѣзанныя фестонами, что давало ему видъ перочистки сверхъестественной величины. Громадное орлиное перо, вырванное изъ крыла голаго орла, пытавшагося разъ унести его, довершало его нарядъ. Это было также воспоминаніемъ его храбраго, сверхъ силъ человѣческихъ подвига. Онъ, безъ сомнѣнія, скальпировалъ бы орла, но природа уже предупредила его.

— Почему задумчивъ великій атаманъ? — сказала кротко Мушимушъ. — Не жаждетъ ли все еще душа его крови блѣднолицыхъ учителей? Неужели скальпированіе двухъ профессоровъ геологій изъ Ельской партіи изслѣдователей не успокоило вчера его сердце воина? Развѣ онъ забылъ, что той же участи ожидаютъ Гарденеръ и Кингъ? Не должна ли завтра сама его Мушимушъ доставить ему ботаника? Говори, молчаніе моего брата давить мнѣ сердце подобно снѣгу на горахъ и задерживаетъ потокъ моея рѣчи.

Но гордый Мальчикъ-атаманъ все хранилъ молчаніе. Вдругъ онъ произнесъ: Цыцъ! и всталъ. Онъ взялъ съ полу длинную винтовку и нацѣлился. Ровно въ семи миляхъ отсюда на отвесѣ горы видѣлась фигура человѣка, ходившаго взадъ и впередъ. Мальчикъ-Атаманъ прицѣлился и выстрѣлилъ. Человѣкъ упалъ.

Послали развѣдчика, чтобы скальпировать и обыскать мертваго. Посланный сейчасъ же вернулся.

— Кто былъ блѣднолицый? — строго спросилъ атаманъ.

— Агентъ общества страхованія жизни.

Атаманъ нахмурилъ брови.

— Я думалъ, что это разносчикъ книгъ.

— Почему сердце моего брата болитъ о разносчикѣ книгъ? — спросила Мушимушъ.

— Потому, — сказалъ свирѣпо Мальчикъ-атаманъ, — я опять безъ моего романа — я думалъ, что у него онъ найдется въ

связкѣ. Слушай меня, Мушимушъ. Почта Соединенныхъ Штатовъ не приноситъ мнѣ болѣе ни моей *Юной Америки*, ни моего еженедѣльнаго *Журнала для юношей и дѣвицъ*. Я нахожу невозможнымъ даже съ моими самыми вѣрными развѣдчиками выносить управленіе генерала Говарда и наполнять мою бібліотеку изъ телеги маркитанта. Безъ новаго романа или *Юной Америки*, какъ могу я поддерживать дѣло Индіи?

Мушимушъ на минуту погрузилась въ раздумье. Затѣмъ она гордо подняла голову.

— Братъ мой сказалъ. Хорошо. Онъ получить желанный романъ. Онъ узнаетъ, что можетъ устроить его сестра Мушимушъ.

Она встала и, легко припрыгивая подобно возочкѣ, вышла.

Черезъ два часа она вернулась. Въ одной рукѣ она держала три маленькихъ скальпа съ блондинскими волосами, въ другой—книжку «Юноша Мародеръ», въ одномъ томѣ, цѣна десять центовъ.

— Трое блѣднотлицыхъ дѣтей, — съ трудомъ проговорила она, — читали его сидя на наружной части повозки переселенцевъ. Я тихо подошла къ нимъ. Родители ихъ еще ничего не знаютъ о случившемся, — и она безъ силъ упала къ его ногамъ.

— Благородная дѣвица! — сказалъ Мальчикъ-атаманъ, гордо взглянувъ на дѣвушку, лежавшую у ногъ его: — и этихъ людей военный деспотизмъ думаетъ покорить!

Захватъ нѣсколькихъ повозокъ, нагруженныхъ водкою для провіантмейстера, и уничтоженіе двухъ тоннъ письменныхъ принадлежностей, предназначенныхъ для главнокомандующаго, что помѣшало его постоянной перепискѣ съ военнымъ департаментомъ, наконецъ пробудило отъ бездѣйствія военныя власти Соединенныхъ Штатовъ. Масса войска была сосредоточена передъ лагеремъ Голубинныхъ лапокъ; каждый часъ ждали атаки.

— Покажите ваши сапоги, сэръ?

Это говорилъ юноша, блѣдно одѣтый, стоя у отверстія палатки главнокомандующаго.

Генераль поднялъ голову, онъ былъ занятъ перепискою.

— А, — сказалъ онъ, взглянувъ на блѣдняка, — вижу, въ чемъ дѣло; я напишу, что примѣненія цивилизаціи идутъ постепенно впередъ вѣстѣ съ войскомъ. Да, — прибавилъ онъ, — вы можете вычистить мои ботфорты. Вы, однако, понимаете, что для того, чтобы получить вашу плату...

— Нужно подать прошеніе генеральному комиссару, за-

свидѣтельствовать его у квартирмейстера, закрѣпить подписью адъютанта, а тогда вы представите его въ военный департаментъ...

— Вижу, вы умный, размышляющій юноша — замѣтилъ мягко генераль. Я надѣюсь, вы не пьете водки, не курите табакъ, ни во что не посвящены?

— Я общалъ моей дорогой матерн...

— Довольно! ступайте съ вашею ваисою; ровно въ восемь часовъ я долженъ вести атаку на Голубинныхъ лапокъ. Теперь половина восьмого, — сказалъ генераль, смотря на большіе кухонные часы, стоявшіе въ углу палатки.

Маленькій чистильщикъ сапогъ поднялъ глаза: генераль потрувился въ свою корреспонденцію. Чистильщикъ сапогъ вынулъ изъ кармана трубочку, съ замазкою, вѣрно нацѣплялъ ее, и дунулъ: замазка попала прямо въ минутную стрѣлку часовъ и остановила ее. Онъ продолжалъ чистить сапоги, однако по временамъ останавливался, чтобы взглянуть на планъ сраженія, разложенный на столѣ у генерала; ему наконецъ помѣшалъ вошедшій офицеръ.

— Все готово къ атакѣ, генераль. Теперь восемь часовъ.

— Не можетъ быть! Только половина восьмого.

— Но на моихъ часахъ и на всѣхъ часахъ въ штабѣ...

— Они повѣряются моими кухонными часами, которые уже много лѣтъ живутъ въ моей семьѣ. Довольно! теперь только половина восьмого.

Офицеръ удалился; мальчикъ окончилъ чистку одного сапога. Явился другой офицеръ.

— Въѣсто того, чтобы намъ нападать на непріятеля генераль, на насъ нападаютъ. Наши пикеты уже отброшены.

— Военные пикеты не отличаются отъ другихъ пикетовъ, — сказалъ скромно мальчикъ. — Чтобы стать твердо, ихъ нужно было отбросить.

— Ха! это что-то значить, — сказалъ задумчиво генераль. — Кто вы таковой, что такъ говорите!

Вытянувшись во весь ростъ, чистильщикъ сапогъ сбросилъ покрывавшія его лохмотья и предсталъ въ образѣ Мальчика-атамана Голубинныхъ лапокъ.

— Измѣна! — заоралъ генераль; — прикажите выступить по всей линіи.

Но напрасно. Онъ тотчасъ же упалъ подъ боевою сѣвкою Мальчика-атамана; прошло еще четверть часа, и войско Соединен-

нихъ Штатовъ было разсѣяно! Такъ окончилась битва при Бут-блекъ-кригъ.

И тѣмъ не менѣе Мальчикъ-атаманъ не былъ счастливъ. Дѣйствительно, по временамъ онъ серьезно думалъ о томъ, не принять ли ему приглашеніе, сдѣланное старшимъ вождемъ въ Вашингтонѣ тотчасъ же послѣ избіенія его солдатъ, и снова опять посѣтить цивилизованные края. Душа его лихорадочно мучилась отъ бездѣйствія; школьные учителя уже пріѣхали ему; онъ ввелъ между своими подданными, индѣйцами игры въ кегли, волапъ, солитеръ и волчокъ,—но эти игры плохо принимались. Женщины просверливали шарики солитера и носили ихъ вмѣсто ожерелья; а его воины набивали на палки волапа гвозди и употребляли вмѣсто оружія. Онъ не могъ не сознавать, что какъ ни была прелестная Мушимушъ привязана къ своему бѣлому брату; тѣмъ не менѣе ея познанія въ кулинарномъ искусствѣ были весьма слабы. Ея пироги съ мясомъ были отвратительны; а приготовленное ею варенье гораздо ниже по достоинству того, которое дѣлала его тетя Салли въ Дозмвиллѣ. Только непредвидѣнный случай не далъ ему предаться крайностямъ лѣтъ и сибаритизму или сдѣлаться циникомъ. Дѣйствительно, въ двѣнадцать лѣтъ, жизнь уже ему опротивѣла.

Онъ вернулся въ свой вигвамъ послѣ утомительной охоты на буйволовъ, въ которой онъ убилъ собственноручно двѣсти семьдесятъ-пять буйволовъ, не считая того буйвола, на которомъ онъ ѣхалъ верхомъ, чтобы попасть въ стадо, и затѣмъ привелъ плѣннымъ въ лагерь въ подарокъ прелестной Мушимушъ. Онъ скальпировалъ двухъ верховыхъ нарочныхъ и одного корреспондента «New York Herald'a»; онъ ограбилъ почтовую станцію, забравъ множество денежныхъ повѣстокъ, что дало ему возможность вытннуть съ правительства двойные платежи, и теперь лежа на медвѣжьей шкурѣ, курить, размышляя о суетности человѣческихъ усилій, какъ вошелъ его развѣдчикъ, говоря, что какой-то блѣднолицый юноша желаетъ его видѣть.

— Не коммиссіонеръ-ли? Если да, скажи, что краснокожій переселяется послѣшно въ счастливыя мѣста, принадлежавшія его отцамъ, для охоты, и теперь жаждетъ только мира, одежды, и аммуниціи; получи послѣднее и затѣмъ скальпируй коммиссіонера.

— Но это просто юноша, который желаетъ свиданія.

— Не похожъ ли онъ на агента страхового общества? Если да, скажи, что у меня уже есть страховые полисы отъ

трехъ обществъ въ Гартфордѣ. Между тѣмъ приготоваь воль и посмотри за тѣмъ, чтобы женщины были готовы съ орудіями бытія.

Юношу ввели; повидимому, онъ былъ идвое моложе Мальчика-атамана. Когда онъ вошелъ въ вигамъ и предсталъ предъ очами вождя, они оба были поражены. Затѣмъ—бросились другъ другу въ объятія.

— Дженин, товарищъ!

— Бромлей, пріятель!

Б. Ф. Дженкинсъ, — ибо таково было имя Мальчика-атамана, — первый пришелъ въ себя. Обратясь къ своимъ воинамъ, онъ съ гордостью сказалъ:

— Пусть дѣти мои удалятся, пока я бесѣдую съ агентамъ нашего великаго отца въ Вашингтонѣ. Отнынѣ вигамы воиновъ не будутъ болѣе снабжены кормящими ключами. Не нужно поощрять того, чтобы воины поздно отходили ко сну.

— Наказъ! — спросили воины, но немедленно удалились.

— Говори тихо! — сказалъ Дженкинсъ, отводя въ сторону пріятеля: — здѣсь меня знаютъ только какъ Мальчина-атамана Голубиныхъ Лапъ.

— А я, — сказалъ съ гордостью Бромлей Читтерлингъ, — извѣстенъ повсюду какъ Чудо-Пиратъ, Юноша-молотъ береговъ Налагонъ.

— Но какъ пришелъ ты сюда?

— Слушай! Мой пиратскій бригъ, «Прелестная Сирена», стоитъ теперь въ гавани Меггсъ въ Санъ-Франциско, подъ видомъ судна со всякимъ хламомъ. Мой экипажъ, пираты сопровождали меня сюда въ вагонъ-дворецъ изъ Санъ-Франциско.

— Это должно было стоить дорого, — сказалъ осторожный Дженинсъ.

— Оно было бы дорого, но они уплатили расходы, сдѣлавъ сборъ съ другихъ пассажировъ — ты понимаешь. Завтра всѣ газеты будутъ только объ этомъ толковать. Ты получаешь «New York Sun»?

— Нѣтъ! я не люблю его полноту относительно Индіи. Но зачѣмъ ты пришелъ сюда?

— Слушай меня, Дженинъ. Это длинная и грустная исторія. Прелестная Элиза Дж. Сниффенъ, бѣжавшая со мною изъ Дюмвилья, была схвачена ея родителями и вырвана изъ моихъ объятій въ Ньюй Рочелли. Впоследствии я узналъ, что Элиза Джень Сниффенъ, обидѣвъ вслѣдствіе баниротства сберегательной кассы,

гдѣ отецъ ея былъ президентомъ,—чему я много способствовалъ и воспользовался большою частью вѣладовъ,—должна была сдѣлаться школьною учительницею и уѣхала на мѣсто въ учебное заведеніе въ Колорадо, и съ тѣхъ поръ о ней ничего не слышно.

Почему Мальчикъ-атаманъ такъ поблѣднѣлъ и схватился за древѣе шатра, чтобы не упасть? почему это?

— Элиза Дженъ Сниффенсъ,—еле дыша проговорилъ Дженкинсъ,—четыренадцати лѣтъ, съ рыжими волосами и съ легкой наклонностью къ косоглазію?

— Именно она.

— Боже, помоги мнѣ! Она умерла по моему приказу!

— Предатель!—воскликнулъ Читтерлингъ, бросаясь съ книжкою на Дженкинса.

Но между ними кто-то сталъ. Легкая граціозная Мушимунтъ, съ распростертыми руками бросалась между разсвирѣпѣвшими Чудо-Пиратомъ и Мальчикомъ-атаманомъ.

— Остановись,—сказала она строго Читтерлингсу:—ты не знаешь, что дѣлаешь.

Юноши остановились.

— Выслушай меня,—сказала она поспѣшно.—Когда Э. Дж. Сниффенсъ была захвачена въ кондитерской Невой Роптели, она впала въ бѣдность и рѣшила сдѣлаться школьною учительницею. Услыхавъ, что на западѣ отърывается учебное заведеніе, она поѣхала въ Колорадо, чтобы взять въ свое вѣденіе пансіонъ ш-ме Шофли, изъ Парижа. По дорогѣ туда ее взяли въ плѣнъ эмиссары Мальчика-атамана...

— Въ исполненіе моего рокового обѣта—никогда не щадить преподавателей,—прервалъ Дженкинсъ.

— Но во время захвата ея въ плѣнъ,—продолжала Мушимунтъ,—ей удалось вымазать себѣ лицо сокомъ изъ ягодъ индѣйскаго плюща; она присоединилась къ дѣвушкамъ-индіанкамъ и ее приняли за одну изъ ихъ племенн. Не будучи такимъ образомъ узницею, она смѣло вошла въ милость Мальчика-атамана—насколько честно и преданно, онъ лучше ея можетъ сказать—потому что я, Мушимунтъ, покорная сестра Мальчика-атамана, и есть Элиза Дженъ Сниффенсъ.

Чудо-Пиратъ заключилъ ее въ свои объятія. Мальчикъ-атаманъ, водѣвъ руку, произнесъ:

— Благословляю васъ, мои дѣти!

— Одного только недостаетъ, чтобы это собраніе было полно,—сказалъ Читтерлингъ, немного помолчавъ, но поспѣшное появленіе раба не дало ему договорить фразы.

— Посланный отъ Великаго Отца въ Вашингтонѣ.

— Скальпируй его, — закричалъ Мальчикъ-атаманъ: — теперь не время для дипломатическаго пустословія.

— Мы и скальпировали его, но онъ настанвааетъ на томъ, чтобы видѣть тебя, и прислалъ свою визитную карточку.

Мальчикъ-атаманъ взялъ ее громко прочелъ взволнованнымъ голосомъ:

«Чарльсъ Франсисъ Адамсъ Голэйтли, бывшій экзекуторъ Сената Соединенныхъ Штатовъ и дѣйствительный комиссіонеръ Соединенныхъ Штатовъ».

Черезъ минуту входилъ въ вигвамъ блѣдный, окровавленный Голэйтли, какъ будто преждевременно облысѣвшій, но все-таки холодный и разумный. Они бросились къ нему на шею, прося у него прощенія.

— Не говори болѣе объ этомъ, — сказалъ онъ спокойно: — подобныя вещи должны и будутъ случаться при настоящей системѣ правленія. Исторія моя коротка. Достигнувъ политическаго вліянія, при посредствѣ митинговъ, я сдѣлался наконецъ экзекуторомъ при сенатѣ. Вліяніемъ политическихъ друзей, я былъ назначенъ секретаремъ комиссіонера, котораго я теперь и представляю. Черезъ политическихъ шпионовъ въ твоемъ лагерѣ, я зналъ, кто ты, а дѣйствуя на чувство страха въ комиссарѣ, бывшемъ священникѣ, я легко побудилъ его отправить меня депутатомъ къ тебѣ для совѣщаній. Поступивъ такимъ образомъ, я лишился кожи на черепѣ, но такъ какъ густые волосы — признакъ юности — мѣшали моему политическому возвышенію, я нисколько не жалѣю о томъ. Когда я, еще молодой человекъ, буду уже плѣшивымъ, у меня будетъ болѣе власти. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ условія, которыя я имѣю предложить: можешь дѣлать, что хочешь, идти куда желаешь, только оставь это мѣсто. У меня въ карманѣ для тебя ассигновка въ сто тысячъ долларовъ на казначейство Соединенныхъ Штатовъ.

— Но что мнѣ дѣлать съ собою? — спросилъ Читтерлингъ.

— О тебѣ уже подумали. Секретарь Штатовъ, очень умный человекъ, рѣшилъ признать тебя *de jure* и *de facto* единственнымъ представителемъ Патагонскаго правительства. Ты можешь безопасно ѣхать въ Вашингтонъ, какъ чрезвычайный посолъ. Я обѣдаю на слѣдующей недѣлѣ у секретаря.

— А ты самъ, товарищъ?

— Я желаю только, чтобы черезъ двадцать лѣтъ отъ на-

стоящаго времени вы употребили свое вліяніе и свои голоса для избранія президентомъ Ч. Ф. А. Голэйтли.

Здѣсь кончается нашъ разсказъ. Надѣясь, что мои милые молодые читатели извлекутъ изъ этихъ страницъ примѣръ или мораль, какія найдутъ болѣе подходящими ихъ родители и опекуны, я надѣюсь въ будущемъ описать дальнѣйшую карьеру этихъ трехъ юныхъ героевъ, которыхъ я представилъ благосклонному вниманію читателей въ ихъ ранней вѣрѣ жизни.

Е. А.

ГОДЫ ВОЗСТАНИЯ

ВЪ.

ВЕНГРИИ

Pulzsky.—Meine Zeit, mein Leben. I. Vor der Revolution. II. Während der Revolution.—Pressburg & Leipzig, 1881.

Du aber, o Magyare, du liebst nur leeren Schimmer
Bald jubelst du, bald zagst du, doch stets im Wahn
und Flimmer

Du glaubst zu schwimmen...

Ladislaus Arany (Hunnenschlacht).

Есть народы, для которых такъ называемые уроки исторіи не имѣли, кажется, особой поучительности и значенія. Греза и мечтая о будущемъ величіи, они забываютъ дѣйствительность и фактическій опытъ прошлыхъ временъ. Къ такимъ народамъ принадлежитъ воинственно-задорная, рыцарская и свободолюбивая, но вмѣстѣ странно легкомысленная мадьярская нація. Благодаря энергическимъ усиліямъ своихъ выдающихся людей, мадьярскій народъ получилъ преобладающее вліяніе и авторитетъ въ дѣлахъ Австро-Венгерской монархіи. Еще не обезпечивъ себѣ миролюбивое соглашеніе съ иноплеменными народностями, населяющими Венгрію, мадьяры мечтаютъ о войнѣ съ Россією—какъ съ главнымъ средоточіемъ «панславизма». Этою войною они думаютъ нанести смертельный ударъ всему славянству и закрѣпить за собою на будущія времена роль первостепеннаго государства. На этотъ предметъ наводитъ и вышедшая не такъ давно книга венгерскаго академика Пульскаго («Мое время, моя жизнь») — одного изъ главныхъ дѣателей венгерскаго возстанія.

У насъ вообще мало извѣстны бытовныя особенности и историческіе факты венгерской жизни, и мемуары Пульскаго для нашихъ читателей потребовали бы многихъ объясненій. Самое имя Пульскаго—нынѣ главнаго директора музея въ Пештѣ, талантливаго писателя и знатока искусства—не пользуется у насъ извѣстностью; между тѣмъ, это одинъ изъ самыхъ видныхъ людей въ венгерскомъ обществѣ.

Пульскій, какъ и многіе изъ его знаменитыхъ соотечественниковъ, не можетъ назваться чистокровнымъ мадяромъ; стоитъ только вспомнить Конута (словака), Петѣфи (сърба; Петровичъ), Гунфальви (нѣмца; Nussdorfer) и многихъ другихъ, которые составляютъ гордость венгерской націи. Родъ Пульскихъ былъ валлонскаго происхожденія и носилъ прежде имя «Де-Пуле», но потомъ, переселившись въ Польшу, семейство Де-Пуле измѣнило свою фамилію на «Пульскій». Самъ Пульскій, по имени Ференцъ-Аврелій, родился въ Венгерской Руси въ г. Пряшевѣ въ 1814 году и благодаря этому имѣлъ возможность ознакомиться съ мѣстными славянскими языками. Въ семействѣ Пульскаго говорили обыкновенно по-нѣмецки, а во время уборки винограда, когда навѣщали гости, говорили по-мадярски. «По славянски мнѣ не позволяли говорить,—пишетъ Пульскій,—потому что этотъ языкъ считался признакомъ дурного тона».

Для того, чтобы обезопасить будущаго помѣщика отъ дурныхъ вліяній простонародія и воспитать его въ мадярскомъ духѣ, ему взяли няню изъ Пешта. Пульскій сознается, что онъ началъ забывать мадярскій языкъ въ гимназій, гдѣ преподаваніе велось по-латыни. Нѣмецкій языкъ былъ въ большомъ ходу среди мадярской знати, и большинство магнатовъ совершенно забыли родной языкъ. Выросши среди населенія славянскаго, Пульскій имѣлъ впоследствии возможность ознакомиться съ направленіемъ и стремленіями славянскихъ литературъ и говорить о нихъ мадярской публикѣ. Ставши однимъ изъ ревностнѣйшихъ партизановъ мадяризма, онъ задолго до 1848 велъ ожесточенную полемику съ дѣателями славянства—съ Людевитомъ Гаеиъ, Колларомъ, гр. Лео Туномъ и др., въ которыхъ видѣлъ клеветовъ Россіи и «панславизма». Мы не будемъ говорить о путешествіи, которое предпринялъ девятнадцатилѣтній Пульскій по Европѣ преимущественно въ Италіи; тамъ онъ посвящалъ себя специально изученію искусства. Описывая свою личную жизнь, Пульскій указываетъ тяжелую и мрачную эпоху реакціи, переживаемую европейскими народами. Это была пора его молодости. Венгрія, казалось, заснула мертвеннымъ сномъ. Только изрѣдка европейскія событія находили отъ

жизнь въ общественной жизни Венгріи. Подъ вліяніемъ системы императора Франца и Меттерниха общество впало въ состояніе апатіи. Самъ императоръ обладалъ достоинствами хорошаго семьянина, но онъ былъ врагомъ общественной самодѣтельности и просвѣщенія. Онъ набѣгалъ людей выдающагося ума и характера, и только посредственностію могли выдвинутся въ его царствованіе. Офицеры, о которыхъ въ спискахъ тайной полиціи значилось, что они любятъ чтеніе, могли быть увѣрены, что ихъ ободутъ наградами и производствами. Первыя впечатлѣнія сложились у Пульскаго въ эпоху нравобія и деспотизма, предшествующую 1848 году.

Правительство импер. Франца стремилось къ тому, чтобы подвести и Венгрію, къъшую свои особыя учрежденія, подъ общій уровень другихъ странъ австрійской монархіи; но мѣри, принимаемыя съ этой цѣлью, встрѣтили дружный протестъ мадьярской аристократіи. Эта оппозиція временами задерживалась, ослабѣвала, но вскорѣнть ее не могли никакія усилія Меттерниха. Подъ вліяніемъ революціонныхъ событій 1830 года, какъ искра изъ-подъ пепла, ожили и венгерскія стремленія къ свободѣ и съ тѣхъ поръ все сильнѣе давали себя знать Австріи.

Въ этой борьбѣ за существованіе, великое значеніе получили для мадьяръ тѣ представительныя учрежденія, которыя были принадлежностью венгерскаго политическаго устройства. Привыкнувъ къ политической самодѣтельности, сберегавшаяся въ этихъ учрежденіяхъ, и спасла мадьяризмъ отъ грозившей ему гибели. Только благодаря оппозиціи «комитатовъ», на которыхъ опиралось мѣстное самоуправленіе, венгерцы могли устоять противъ реакціонныхъ попытокъ императора Франца и Меттерниха. Венгерцы всегда оставались вѣрны династіи и не разъ ее выручали изъ бѣды, но ревниво оберегали свою комитатскую свободу. Императоръ и Меттернихъ по цѣлымъ годамъ не созывали общаго сейма въ Пресбургъ и старались усыпить бдительность мадьяръ, но въ комитатахъ шли бурныя пренія и велась традиція политической свободы; на незаконныя распоряженія власти отвѣчали законическимъ «принятіемъ къ свѣдѣнію» (*propositis ad acta*) и представляли свои граватины сейму. Надо сказать, что комитаты не подпадали вліянію австрійской центральной власти, благодаря своимъ обширнымъ административнымъ и законодательнымъ правамъ, наслѣдованнымъ отъ прежнихъ временъ. Каждый комитатъ издавалъ свои законы для своей мѣстности, не справляясь съ рѣшеніями центральной власти, каждый комитатъ выбиралъ двухъ делегатовъ въ сеймъ (къ нижній столъ) и давалъ имъ

подробную инструкцію, какъ дѣйствовать на сеймѣ; имѣлъ право отозвать делегата обратно и назначить другого. Всѣ должностныя лица въ комитетахъ до вице-журана включительно были выборны; правительство назначало только оберъ-журана, но онъ имѣлъ только номинальную власть. Дѣлами вѣдалъ и рѣшалъ ихъ вице-журанъ, избираемый «конгрегациею», т.-е. собраніемъ всѣхъ дворянъ графства.

Комитатъ наблюдалъ за неприкосновенностью закона и слѣдовательно имѣлъ право контроля не только надъ мѣстною, но и надъ центральною властью. Противозаконное постановление попросту не исполнялось. Какъ велась эта борьба комитатовъ съ центральною властью, это можно видѣть изъ книги Пульскаго. «Испанская революція и толки о конституціи», — говоритъ Пульскій, — пробудили и Венгрію изъ мертвеннаго сна. Комитаты оживились, всѣ заговорили, стали бранить нѣмцевъ и дѣлать представленія правительству. Когда правительство назначало въ неповоротные комитаты своихъ комиссаровъ для предѣлательства на конгрегацияхъ, то во многихъ мѣстахъ дѣло доходило до бурныхъ столкновений. Въ Земненскомъ комитатѣ, когда правительственный комиссаръ, гр. Лонъи, хотѣлъ сѣсть на предсѣдательское мѣсто, его же родственникъ вырвалъ изъ-подъ него стулъ... Мадыарская аристократія была вѣсница сильна своимъ корпоративнымъ духомъ, который господствовалъ и надъ родственными связями. «Когда комиссаръ баронъ Венгеримъ закрылъ залу засѣданія въ неоградскомъ комитатѣ, то конгрегация собралась подъ открытымъ небомъ и такъ продолжала свое засѣданіе. Даже въ своихъ подчиненныхъ правительство встрѣчало сопротивленіе — такъ одинъ высшій сановникъ (самъ *gubernator regium director*) нашелъ поступки дѣателей оппозиціи вполне законными и не согласился предать ихъ суду. Меттернихъ какъ ловкій политикъ понялъ, что насиліемъ ничего не сдѣлаешь, и пригласилъ воиъхъ протестовавшихъ предстать передъ монархомъ *ad audendum verbum regium*. Рассказываютъ, что одинъ изъ нихъ выслушалъ очень спокойно выговоръ, сдѣланный ему императоромъ, и когда императоръ спросилъ его, раскидается ли онъ въ своихъ мятежныхъ замыслахъ — отвѣтилъ: *Majestät, nich deutsch* (ваше величество, я по-нѣмцѣн не знаю)».

Сама жизнь служила прочною основою свободнымъ учрежденіямъ Венгріи. Пользовался уваженіемъ и авторитетомъ тотъ, который не заискивалъ у правительства, держался вдали отъ власти и участвовалъ только въ дѣятельности комитата или сейма.

Несовершенство венгерской конституціи, унаслѣдованной отъ

среднихъ вѣковъ, до 1848 года состояли въ томъ, что она имѣла чисто дворянскій, кастовый характеръ. Въ «конгрегаціи» комитата участвовали всякій дворянинъ и даже тотъ, котораго называли дворянчиномъ въ лаптяхъ; но остальные сословія не пользовались благами самоуправленія и свободы. Крестьяне несли повинности и обязаны были отбывать барщину («работу»). Буржуазія лишена была всякихъ правъ. Правда, нѣкоторые комитаты расширяли избирательное право, предоставляя адвокатамъ и людямъ свободныхъ профессій выборныя права, но это было только исключеніемъ. Наглядный примѣръ представляютъ города, которые до 1848 г. не пользовались никакимъ вліяніемъ на дѣятельность сейма. По венгерскому закону, каждый королевскій вольный городъ считался однимъ «благороднымъ лицомъ» и сеймъ имѣлъ право считать ихъ представителями наравнѣ съ представителями отсутствующихъ магнатовъ, т. - е. ниже депутатовъ отъ графствъ, составившихъ дворянскія корпораціи. Представители отъ 49 вольныхъ городовъ, изъ которыхъ многіе обладали стотысячнымъ населеніемъ, имѣли право участвовать въ преніяхъ сейма, но при голосованіи, голоса 70 городскихъ представителей считались за одинъ голосъ, т. - е. это равнялось полному безправію. Магнатскія вдовы не имѣли права на мѣсто въ верхней палатѣ, но посылали своихъ представителей въ нижнюю палату, гдѣ они участвовали въ преніяхъ, не имѣя права голоса. За то каждый сынъ магната могъ явиться въ палату магнатовъ самолучно и рѣшать о дѣлахъ страны. Англійская конституція даетъ только старшему сыну право засѣдать въ палатѣ лордовъ; въ Венгріи это право принадлежитъ всѣмъ сыновьямъ магната: засѣданія сейма по этой причинѣ были всегда многочисленны и въ Прессбургѣ собиралась вся аристократія страны. Такимъ образомъ аристократія и шляхетство распоряжались полновластно судьбами страны. Для того, чтобы приучить молодежь къ общественнымъ дѣламъ, комитаты высылали молодыхъ юристовъ въ сеймъ. Эти молодые юристы засѣдали очень часто въ самомъ сеймѣ и принимали участіе въ преніяхъ, но безъ права голоса. Политическая свобода идетъ рука объ руку съ правомъ распоряжаться платажными средствами страны. Тамъ, гдѣ правительства нашия средство удовлетворять своимъ нуждамъ возмимо представительства страны, тамъ возникалъ абсолютизмъ. Этого въ Венгріи не могло быть, потому, что комитаты назначали, какой налогъ слѣдуетъ платить правительству. Когда собирался сеймъ, то делегаты комитатовъ представляли свои жалобы (grievances) на противозаконныя дѣйствія власти и соглашались на утвержденіе

вагого только подъ тѣмъ условіемъ, что нѣхъ ходатайства будутъ уважены правительствомъ. Венгерцы съ гордостью говорятъ о своей конституціи, которая помогла имъ, послѣ многихъ крушеній, сохранить за собою независимость и политическую свободу.

Въ 1833 году Пульскій сдалъ адвокатскій экзаменъ, путешествовалъ потомъ въ Германіи и Италіи, жилъ въ Пресбургѣ, потомъ снова путешествовалъ по Англіи и Франціи, въ 1837 г. надалъ свое путешествіе на нѣмецкомъ, потомъ на мадьярскомъ языкѣ, и избранъ былъ членомъ мадьярской академіи. Въ 1839 году онъ былъ избранъ депутатомъ въ сеймъ и могъ принять участіе въ законодательной дѣятельности палаты. Въ палатѣ онъ познакомился съ цѣлкомъ мадьярской интеллигенціи — съ Кошутомъ, гр. Сечени, Дѣакомъ. Это близкое знакомство съ выдающимися дѣятелями Венгрии даетъ особенную цѣну немуарамъ Пульского, хотя самъ онъ не игралъ первостепенной роли въ событіяхъ. Для первой роли, онъ и не былъ созданъ; для этого требовалось краснорѣчіе Кошута, великія способности Сечени или Дѣака; но обладая большою наблюдательностью и многостороннимъ образованіемъ, Пульскій могъ быть компетентнымъ лѣтописцемъ своего времени. Пульскій дѣйствовалъ тогда не столько въ сеймѣ, сколько въ печати; въ 1840 году онъ выступилъ противникомъ славянства и по этому вопросу онъ, въ средѣ своего общества, вступилъ въ споръ съ великимъ государственнымъ человекомъ Венгрии — графомъ Сечени.

На первый взглядъ покажется страннымъ, почему Венгрія, обладавшая сплоченною и свободолюбивою аристократіею и имѣвшая въ 1848 г. людей, стоявшихъ на высотѣ своего положенія, кончила неудачою и крушеніемъ во всѣхъ своихъ начинаніяхъ. Долженъ былъ быть какой-нибудь органическій недостатокъ во всемъ строѣ Венгрии, если она, при первой попыткѣ отдѣлаться отъ Австріи, очутилась на краю гибели. Только люди, съ энергіей и талантомъ Кошута, могли довольно долго поддерживать неравную борьбу. — Непредубѣжденный судья (изъ такимъ принадлежалъ гр. Сечени) могъ впередъ предсказать исходъ этой борьбы и указать на причину неудачи. Организация Венгрии была достаточно сильна для ежедневной частной борьбы съ бюрократическою властью; но когда наступилъ серьезный государственный и національный кризисъ, она оказалась несостоятельна. Венгрія осталась позади другихъ народовъ, отстававшихъ свою свободу, позади не только Франціи, которая приняла

борьбу со всею Европою, но позади Испаніи, воевавшей съ Наполеономъ, и даже маленькой Швейцаріи: послѣ двухъ-трехъ сраженій, Венгрія, государство съ 15-милліоннымъ населеніемъ, сложила оружіе и замолкла до тѣхъ поръ, пока Австрія при другихъ обстоятельствахъ и изъ собственныхъ видовъ не дала ей подняться опять на высоту.

Въ этой твердынѣ была брешь, доступная непріятельскому нападенію. Австрійскіе министры нашли ту брешь, посредствомъ которой они могли проникнуть въ самую сердцевину венгерской свободы. Они открыли національности Венгрии, и въ нихъ нашли оружіе противъ зазорной мадьярской знати. Пульскій, съ своей точки зрѣнія, упрекаетъ вѣнское правительство, что оно поддерживало стремленія славянъ, и въ разсказѣ своемъ даетъ много свѣдѣній о національномъ движеніи среди сербовъ, хорватовъ и словаковъ.

Дѣло въ томъ, что прежде, когда латинскій языкъ былъ офиціалнымъ языкомъ монархій, венгерская государственность не давала поводовъ къ борьбѣ племенной. Каждый считалъ себя гражданиномъ Венгрии, не разбирая, въ какой вѣрѣ и въ какой національности онъ родился. Аристократизмъ мадьярской конституціи могъ видоизмѣниться съ теченіемъ времени въ болѣе демократическій строй, и Венгрія могла бы остаться цѣльнымъ сплоченнымъ и свободнымъ государствомъ въ 15 милл. Но когда, броженіе національной идеи охватило и Венгрію, государственнымъ языкомъ былъ объявленъ мадьярскій, а съ тѣмъ вмѣстѣ началось притѣсненіе другихъ народностей, которыя не могли и не хотѣли стереться и уничтожиться, чтобы войти безусловно въ офиціальную національность. Въ тоже время, переходъ отъ латинскаго языка къ мадьярскому показавъ, что подъ національнымъ вопросомъ кроется еще споръ между демократіей и аристократіей, между народовластіемъ и олигархіею.

Великія завоеванія прошлаго вѣка въ области мысли отразились и на смутныхъ стремленіяхъ національностей, искавшихъ самобытности и самосознанія: отсюда выросло и отрицаніе мадьярскаго государственнаго строя. Изъ Венгрии могла бы выработаться новая Швейцарія, въ которой мирно уживались бы всѣ народности; но мадьярская знать не хотѣла отказаться отъ освященнаго временемъ первенства надъ другими народами. Только нѣсколько челоувѣкъ въ Венгрии поняли всю силу и опасность этого вопроса и старались войти въ соглашеніе съ ино-племенниками, съ тѣмъ, чтобы упрочить венгерское государство. Это были гр. Сечени и гр. Телеки. Пульскій ставитъ вопросъ о

національностейъ чрезвычайно узко. У него весь вопросъ сводится на русскій «панславизмъ» и русскіе рубли, которые получилъ Людевитъ Гай (хорватскій патриотъ и публицистъ). Посредствомъ этихъ русскихъ рублей Гай, по словамъ Пульскаго, возбуждалъ хорватское движеніе. Эти русскіе рубли въ тридцатыхъ годахъ были ходячей басней или сплетней; въ дѣйствительности было только то, что одинъ Погодинъ помогалъ и то крохами Людевиту Гаю (какъ помогалъ крохами и ученымъ работамъ Шафарика). «Славяне были преисполнены ненавистью къ мадьярамъ, — говоритъ Пульскій, — въ особенности хорваты, мечтавшіе о триединомъ королевствѣ. Людевитъ Гай, съ помощью русскихъ рублей и поощряемый Вѣною, приступилъ съ большимъ умѣніемъ къ дѣлу возрожденія славянства. Онъ устроилъ типографію, установилъ южно-славянскій письменный языкъ. Всѣ классы народа поддерживали предпріятіе Гаю. Молодежь отдавалась мечтамъ о возстановленіи славянскаго государства. Духовенство и нѣкоторые аристократы изъ желанія быть популярными поддерживали починъ Гаю». Желая выставить все это результатомъ происковъ Россіи и Вѣны, Пульскій долженъ, однако, сознаться, что національное движеніе возникало и въ остальной Европѣ и самъ указываетъ при этомъ на возрожденіе фламандскаго элемента въ Бельгіи.

«Въ 1840 г. всѣ силы славянства были уже наготовѣ. Словацкіе лютеранскіе священники проповѣдывали ненависть къ мадьярамъ: чешская аристократія сначала не участвовала въ движеніи, потому что она большею частью нѣмецкаго происхожденія. Но вотъ къ чешскому движенію применилъ талантливыи молодой магнатъ, гр. Левъ Тунъ. Не зная почти чешскаго языка, онъ вдалъ на нѣмецкомъ языкѣ брошюру, написанную не безъ таланта, въ которой онъ жалуется на угнетеніе славянъ въ Венгріи. Автору такъ понравилось собственное произведеніе, что онъ послалъ брошюру Дѣаку, Сечени и др. Дѣакъ, Сечени, Батіани оставили книгу безъ отвѣта. Отвѣтъ отвѣтилъ очень кратко, что онъ признаетъ принципъ національностей и предоставляетъ Туну ослабить нѣмцевъ, но что мадьяры съ своей стороны постараются мадьяризовать словаковъ».

Только одинъ Пульскій отвѣтилъ подробною критикою на брошюру Туна, и между ними завязалась длинная полемика. Нападеніямъ подвергся и Колларъ, знаменитый чешско-словацкій патриотъ, панславистическій идеалистъ, авторъ книжки «о славянской взаимности» и поэмы «Дочь Славы». — «Я узналъ, къ великому моему изумленію, — пишетъ Пульскій въ воспоминаніяхъ,

—что и меня не пощадили Колларъ и посадилъ меня въ славянскій адъ—я помѣщенъ тамъ въ числѣ отступниковъ, и вотъ я въ теченіе 40 лѣтъ жарюсь на славянскомъ огнѣ, но страданій отъ этого никакихъ не чувствую».

Гр. Сечени стоялъ особнякомъ въ тогдашнемъ венгерскомъ движеніи. Онъ совѣтовалъ своимъ соотечественникамъ дѣйствовать въ примирительномъ духѣ и порицалъ всякое насиліе противъ славянъ «Въ качествѣ предсѣдателя академіи, — пишетъ Пульскій, — онъ произнесъ рѣчь, въ которой требовалъ признанія правъ другихъ національностей — и эта рѣчь была встрѣчена съ большимъ сочувствіемъ въ славянскомъ лагерѣ, но зато Демаъ, Кошутъ, Андраши и Весселени отнеслись враждебно къ этой демонстраціи — и я тоже вступилъ въ полемику съ великимъ графомъ. Сечени очень разсердился на мои статьи. Ему главнымъ образомъ не понравилось сочувствіе, которое ему высказывали славянскіе дѣятели» т. е. можетъ быть, по тогдашнему стѣсняло его относительно соотечественниковъ.

Сечени предсказывалъ, что революція поставитъ на карту самое существованіе мадьярской народности, которая будетъ побѣждена и поглощена славянскими элементами; онъ прозвѣщалъ, что навязывая славянамъ мадьярскій языкъ, мадьяры возбуждаютъ противъ себя всеобщее неудовольствіе. Его спокойный и примирительный голосъ не могъ, однако, побороть разгоравшагося фанатизма.

Между тѣмъ шла борьба съ правительствомъ, полная драматизма; на преданіе суду лучшихъ своихъ дѣятелей, Венгрія отвѣчала бурными рѣчами и оппозиція росла въ объемѣ. Одинъ гр. Сечени ладилъ съ правительствомъ. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ постоянно проводилъ мысль, что Венгрія можетъ достигнуть своей цѣли только осторожностью, поднятіемъ своего благосостоянія и просвѣщеніемъ. «Венгріи еще нѣтъ — Венгрія еще будетъ», говорилъ графъ Сечени. Онъ боялся разрыва съ Австріей; на дѣйствія Кошута и сочувствовавшихъ ему людей смотрѣлъ подозрительно, говоря, что оппозиціонныя дѣйствія приведутъ непременно къ катастрофѣ.

Основатель академіи, клуба мадьярской аристократіи, ревностный поборникъ разныхъ общепользныхъ предпріятій (цѣлной мостъ черезъ Дунай, дунайское пароходство, грандіозныя дорожныя сооруженія у Желѣзныхъ воротъ и пр.), Сечени разбудилъ своими книгами и рѣчами венгерское общество, но затѣмъ оно не хотѣло уже остаться въ тѣхъ рамкахъ благоразумія, которыя онъ предлагалъ. Онъ не могъ бороться съ страстными, полными

огня, рѣчами и статьями Кошута, который съ начала сороковыхъ годовъ сталъ любимцемъ венгерской націи, и о которомъ Морицъ Гартманъ говорилъ:

Er ist es der Prophet,
Von dem in heiliger Kunde
Geschrieben steht: es geht
Ein Schwert aus seinem Munde.

Молодежь и вся буржуазія съ восторгомъ шла за Кошутъ; его передовныя статьи электризовали Венгрію. Умѣренность Сечени была слишкомъ прѣсна для разгоряченныхъ и жаждавшихъ сильныхъ ощущеній головъ. По этимъ симптомамъ Сечени предугадывалъ революцію и постоянно о ней сокрушался. Но въ 1842 году, по словамъ Пульскаго, никто еще не думалъ о возможности взрыва. Горючаго матеріала, правда, набралось много, но Дворъ и ближайшіе его совѣтники думали отстранить опасность переменною въ выборной системѣ (II, стр. 3).

Все сложилось такъ, что Сечени, поработавшій не мало для Венгріи, мало-по-малу терялъ свое вліяніе надъ умами. Ему поставили въ вину его мягкое и полное терпимости отношеніе къ славянству, его чинъ тайнаго совѣтника и его принадлежность къ аристократіи. Другіе люди должны были явиться руководителями всѣхъ живыхъ силъ націи. И эти люди были Кошутъ и Дѣакъ.

Первое появленіе Кошута на политическомъ поприщѣ ознаменовалось участіемъ въ жестокомъ усмирении бунта въ сѣверныхъ комитатахъ Венгріи въ 1831 году.—Это былъ, такъ называемый, холерный бунтъ, въ которомъ крестьяне (словаки и венгерскіе русины) убивали помѣщиковъ, обвиняя ихъ въ отравленіи колодезѣй.

Кошутъ, хотя и былъ словакъ родомъ, но всѣми помыслами души прилѣпился къ мадьярской идеѣ. Онъ твердо вѣрилъ въ великую будущность Венгріи: путемъ ли великой революціи или большой войны, говорилъ онъ, Венгрія достигнетъ положенія великой державы.

Кошутъ началъ свою дѣятельность тѣмъ, что сталъ издавать отчеты о засѣданіяхъ комитатскихъ собраній. Рѣчи Вессзленни и другихъ оппозиціонныхъ дѣтелей стали такимъ образомъ извѣстны всей странѣ. Это не было въ интересахъ австрійскаго правительства и оно перестало принимать изданіе Кошута на почту; комитаты стали разсылать листки Кошута черезъ своихъ

людей, а Кошутъ затѣялъ процессъ съ почтовымъ вѣдомствомъ. Появляясь на трибунѣ, Кошутъ увлекалъ слушателей своимъ простымъ краснорѣчіемъ. Онъ бросилъ перчатку австрійскому правительству, и оно засадило Кошута на три года въ тюрьму. Ему не давали книгъ; только по прошествіи года ему дали *Socrus juris* и затѣмъ англійскій словарь, грамматику и Шекспира. Въ эти годы затворничества Кошутъ выучился по англійски. Арестъ Кошута вызвалъ по всей странѣ шумные протесты, не смотря на то, что власть отвѣчала новыми арестами и обвинениями въ государственной измѣнѣ. Въ пользу семейства Кошута открыта была подписка, которая дала значительныя пожертвованія.

Когда затѣмъ Кошутъ сталъ редакторомъ газеты Ландерера и началъ дѣйствовать какъ публицистъ, тогда пустили въ ходъ интригу и купили газету у ея собственника, чтобы прекратить дѣятельность Кошута.

Пульскій сообщаетъ интересный эпизодъ встрѣчи Кошута съ Меттернихомъ. Меттернихъ пожелалъ самъ видѣть Кошута, который хлопоталъ въ Вѣнѣ о разрѣшеніи издавать газету. «Строинный какъ статуя изъ рукъ Праксителя, стоялъ передъ нимъ во всей красотѣ силы и молодости, человекъ совсѣмъ другого звѣла и другихъ убѣждений. Не вельможа, но великій человекъ, воплотившій въ себѣ все негодованіе новаго поколѣнія, желавшаго избавиться отъ онеки абсолютизма и громко вызывающаго въ сильнѣмъ міра». «Съ вами и съ вашею помощью, если вамъ угодно—безъ васъ и противъ васъ, если будетъ нужно», сказалъ Кошутъ. Высокое положеніе и любезность Меттерниха произвели впечатлѣніе на Кошута. Меттернихъ увидѣлъ, что передъ нимъ замѣчательный человекъ, и хотѣлъ убѣдить Кошута, что не стоитъ тратить блестящія способности на газетную поденщину и совѣтовалъ ему дѣйствовать независимо отъ печати, но въ изданіи газеты отказалъ.

Пульскій говоритъ много и о творцѣ нынѣшняго австро-венгерскаго соглашения, Деакѣ, который уже въ 1842 году руководилъ парламентомъ и пользовался большимъ уваженіемъ. Онъ отличался трезвостью взгляда, обдуманностью рѣчей. Его величавая осанка, умные глаза, смотрѣвшіе изъ-подъ густыхъ бровей, его юморъ давали ему большую привлекательность. Отданный всегда непосредственному дѣлу, онъ не любилъ загадывать впередъ, но это не мѣшало его дальновидности.

— Я сказалъ ему однажды,—говоритъ Пульскій,—что эконо-

номистъ Листъ предсказывалъ мнѣ, что черезъ десять лѣтъ Деакъ будетъ министромъ.

— Я не знаю, — отвѣтилъ Деакъ, — что будетъ черезъ десять лѣтъ, но знаю, чего черезъ десять лѣтъ не будетъ — эрцгерцога Людвигъ, Коловарата и Меттерниха, и вся теперешняя система исчезнетъ въ тому времени, во-первыхъ потому, что представители системы уже слишкомъ стары, а потомъ и сама система истреплется.

— А если Венгрію сольютъ съ Австріей?

— Этого тоже не будетъ. Названные лица слишкомъ гнѣвны и не рѣшатся никогда на что-нибудь сильное; они все предоставятъ случаю. Скорѣе можно ждать перемѣны отъ какого-нибудь вѣннзганаго толчка. Австрійская монархія можетъ быть раздѣлена между Россією и Германією. Вотъ гдѣ опасность въ будущемъ.

Если извѣстная идея созрѣла въ общественномъ сознаніи, она должна найти себѣ исходъ и выразиться, воплотиться въ одномъ законѣ-нибудь человѣкъ или въ законѣ-нибудь общественномъ движеніи. Такимъ представителемъ венгерскаго народа былъ Кошутъ, когда онъ на сеймѣ, созванномъ въ ноябрѣ 1847 года, явился съ цѣлою программою новыхъ реформъ. Сечени со всею его прозорливостію не могъ примирить враждующія стороны, т.-е. австрійское правительство и партію Кошута, желавшую дойти до разрыва съ Австрією и основать независимое, свободное венгерское государство. Въ бурные рѣзкіе сейма 1847 г. чувствуется вліяніе революціоннаго духа.

Гр. Ваттани сдѣлалъ смѣлый шагъ. Онъ требовалъ отъ имени своей партіи конституціонныхъ учрежденій для другой, вѣмечной половины австрійской имперіи, съ тѣмъ соображеніемъ, что политическая свобода Венгріи не будетъ обезпечена вполнѣ, пока въ другой половинѣ монархіи будетъ царствовать абсолютизмъ и произволъ. Кошутъ предложилъ сейму цѣлую программу новыхъ реформъ: 1) гласность преній сейма, который долженъ собираться ежегодно въ Пештѣ; 2) городамъ дается право участвовать въ представительствѣ страны; 3) равномерное распредѣленіе налога; 4) уничтоженіе работъ (барщины) и уничтоженіе прежнихъ урбаріальныхъ отношеній.

На этомъ сеймѣ участвовали, между прочимъ, молодой Андранш.

Сечени, проповѣдывавшій всегда, что аристократія должна идти впереди народа и выдѣляться изъ массы не только земельною собственностью, но и талантами, съ восторгомъ привѣт-

ствовавъ молодого и даровитаго депутата. Консерваторы старались изолировать Кошута и образовать подъ предводительствомъ гр. Лонъай партію центра, но ихъ усилія кончились неудачно, потому что Андраши, Баттіани и всѣ таланты страны применили къ программѣ Кошута.

«Думалъ ли и изъ насъ кто-нибудь,—говоритъ Пульскій,—что мы близки къ революціонному взрыву? Только Сечени говорилъ о революціи. Анпони, Юшинеа и Меттернихъ находили, что венгерская оппозиція неудобна, но не видѣли въ ней никакой опасности. Виркнеръ думалъ, что съ нѣсколькими сотнями тысячъ можно взмѣнить все представительство страны, купивъ нѣсколько лишнихъ голосовъ въ палатѣ. Придворная канцелярія говорила, что и эта трата бесполезна, потому что распушеніе сейма сослужить ту же службу правительству и т. д. Только одинъ человекъ могъ предотвратить могучій потокъ злополучій—и это былъ гр. Сечени; но онъ именно считался въ глазахъ Меттерниха и его клевретовъ ужаснымъ революціонеромъ. Его неутомимая дѣятельность на пользу общества, его энергія была не по-нутру старичкамъ, засѣдавшимъ у кормила власти. Правительство не умѣло воспользоваться энергіею и любовью къ лихорадочной дѣятельности, отличавшей гр. Сечени, и громадною популярностію, которою онъ пользовался среди своихъ соотечественниковъ. Это была слишкомъ сильная личность, которая не подходила къ стародавнимъ правительственнымъ формамъ».

Система Меттерниха именно требовала людей совсѣмъ обезличенныхъ, покладливыхъ; она опасалась таланта и силы, и должна была при первой бурѣ пасть жертвою своего собственного неразумія и неспособности. Гр. Сечени, потерпѣвъ неудачу въ своей попыткѣ примирить партію Кошута съ вѣскимъ правительствомъ, записалъ 10 февраля 1848 въ своемъ дневникѣ слѣдующія знаменательныя слова: «tout est perdu»,—а 1-го марта разнеслась вѣсть о революціи въ Парижѣ.

«Значитъ, пора домой устраивать дѣла,—воскликнулъ Пульскій, узнавъ эту новость:—*мужики* не пойдутъ на барщину. Французская революція сокрушила феодализмъ въ Венгріи». — Таково было впечатлѣніе этого извѣстія.

2-го марта Кошутъ долженъ былъ произнести рѣчь. Зала сейма и галерей были заняты сплошною массою народа. Шумъ былъ невообразимый, но все смолкло, когда Кошутъ вошелъ на трибуну. Онъ началъ развивать ту мысль, что конституціонныя учрежденія Венгріи не обезпечены до тѣхъ поръ, пока въ другой половинѣ государства будутъ господствовать замашки абсо-

лютизма. «Изъ вѣнской мертвецкой проникаетъ къ намъ мертвѣщій, удушливый запахъ, который грозитъ и намъ погибелью». Онъ объяснялъ, что противоестественная политическая система иногда годами поддерживается и выказываетъ живучесть, потому что между терпѣніемъ народовъ и ихъ отчаяніемъ находится большое разстояніе. «Я знаю, — говорилъ онъ, — что устарѣлая система походить на драблѣхъ стариковъ, которымъ трудно воспринять новыя начала жизни; но мы не можемъ этимъ удовлетворяться. Системы, династія погибаютъ, но народы остаются. Не священный союзъ спасъ народы Европы, а обѣщанія властей даровать свободу, и воодушевленіе, охватившее народъ въ виду обѣщанной свободы. Династія, опираясь на свободу народовъ, вызоветъ воодушевленіе, потому что только свободный человѣкъ можетъ быть поистинѣ вѣрнымъ; а за бюрократію не сражаются народы. За свободу умираютъ охотно, а за угнетающій строй не умрутъ даже и воробей. Бюрократія и штыкъ — плохія связи, для того, чтобы поддержать драблѣй государственный строй. Кто безъ ужаса вообразить себѣ, что не давая народу ничего въ замѣнъ, можно налагать на него произвольно жертвы». Онъ закончилъ требованіемъ отвѣтственного министерства для Венгріи и конституціи для австрійскихъ земель. Рѣчь его, встрѣченная криками восторга, 4 марта была получена въ Вѣнѣ.

«Въ Вѣнѣ царилъ уже другой воздухъ, — рассказываетъ Пульскій. — Тайной полиціи уже не боялся никто и въ ходу была петиція, требовавшая свободы печати, гласнаго судопроизводства и расширенія правъ провинціальныхъ сеймовъ».

Мы не будемъ рассказывать событій венгерской революціи, и отмѣтимъ лишь нѣкоторыя новыя подробности, которыя сообщаетъ Пульскій, находившійся тогда въ центрѣ самаго движенія.

Сечени опять предлагаетъ свои услуги вѣнскому правительству, которое не знало что предпринять. Онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «4 марта. Прошу диктатуры полной. Всѣ должны мнѣ повиноваться. Денегъ и войска. Мои приказанія не должны быть опровергаемы. Въ шесть мѣсяцевъ созваніе новаго рейхстага. Закрытіе всѣхъ оппозиціонныхъ клубовъ. Въ обезпеченіе предлагаю мои имѣнія, мое семейство и мою голову». 8 марта онъ писалъ: «Я чувствую, что меня не пригласятъ на конференцію». 13 марта: «Въ Вѣнѣ уже революція, а еще нѣтъ рѣшенія. — Непонятно, что дѣлается. Кондукторъ на желѣзной дорогѣ произноситъ зажигающую рѣчь. 300 — 400 молодыхъ людей кричатъ: «Долой правительство, всѣ негодяи, долой магнатовъ и всю аристократію!»

Такъ отиѣтилъ гр. Сечени первый приступъ революціонной бури, которая должна была разразиться надъ всею Западною Европою.

Вѣнцы готовили къ 13 марта колоссальную демонстрацію. Дамы спрашивали у знакомыхъ, откуда бы это лучше всего видѣть. Меттернихъ предупреждалъ знакомыхъ дамъ избѣгать Неггengaasse, потому что будутъ приняты мѣры для подавленія беспорядковъ.

«Утромъ 13 марта вся Господская улица, — пишетъ Пульскій, — наполнилась чистою публикою, т.-е. людьми изъ свободныхъ профессій, и буржуазіею. Вся эта толпа ждала открытія мѣстнаго сейма для того, чтобы подать петицію. Несмѣтная толпа мастеровыхъ примкнула къ ходатаямъ и стала передъ дворцомъ. Часъ за часомъ проходилъ, и толпа ждала терпѣливо и спокойно, пока вернется депутація изъ дворца. Въ это время студентъ медицинскаго факультета Шпицеръ прочелъ нѣмецкій переводъ рѣчи Кошута толпѣ, которая требовала больше того, что было написано въ петиціи. Громкое одобреніе и крики. Въ это время вернулась депутація и возвѣстила народу, что правительство обратитъ вниманіе на петицію и приступить къ изученію требуемыхъ реформъ. Эта вѣсть быстро разнеслась и вызвала большое неудовольствіе въ толпѣ. — Вездѣ были выставлены войска. Народъ напиралъ на войска, которыя дали первый залпъ. — Тогда обезумѣвшая толпа съ криками «къ оружію» бросилась въ оружейный складъ. Одинъ фейерверкеръ, которому приказано было стрѣлять, отказался исполнить приказаніе начальства. Непослушаніе одного человѣка вызвало панику во дворцѣ».

Къ вечеру уже появились прокламаціи, обѣщавшія даровать свободу печати и расширеніе правъ мѣстныхъ сеймовъ. Въ городѣ царствовали беспорядки, и домъ Меттерниха былъ разграбленъ. Правительство дало позволеніе формировать національную гвардію. До сихъ поръ правительство тщательно избѣгало слова «конституція», но наконецъ, и въ этомъ уступило, и прокламаціи возвѣстили народу, что ему даруется конституція и что Меттернихъ удаленъ.

16 марта въ Вѣну прибылъ Кошутъ съ венгерскою депутаціею изъ Пресбурга. Въ этой депутаціи были Баттіани, Сечени, Этвешъ, патриархъ сербскій Раяичъ и 200 депутатовъ венгерскаго парламента. Вѣнцы приняли венгерскую депутацію съ энтузіазмомъ, и въѣздъ Кошута въ Вѣну походилъ на триумфальное шествіе. Гр. Сечени записываетъ въ своемъ дневникѣ: «Бѣдный Меттернихъ — система Франца, доведенная до абсурда,

привела къ его паденію. — Если Кошутъ пожелаетъ, то народъ непремѣнно разгромить дворецъ».

Кошутъ, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, вовсе не хотѣлъ довести династію до такого отчаяннаго положенія — онъ хотѣлъ вызвать революцію въ Вѣнѣ только за тѣмъ, чтобы подъ шумокъ устроить венгерскія дѣла. — Вотъ почему 17-го марта венгерская депутація, одержавъ побѣду надъ правительствомъ въ Вѣнѣ, вернулась спокойно въ Пресбургъ.

Венгерскій сеймъ засѣдалъ искони въ Пресбургѣ. Событія въ Вѣнѣ подымали духъ пештской молодежи, которая хотѣла основать въ Пештѣ настоящее революціонное правительство. Дѣйствительно, пештское населеніе выбрало изъ своей среды «комитетъ общественной безопасности». Первымъ дѣйствіемъ комитета было послать отъ себя депутацію въ Пресбургъ съ петиціею, гдѣ, между прочимъ, предлагалось перенести венгерскій парламентъ изъ Пресбурга въ Пешть. Столичная депутація была принята сеймомъ съ большою торжественностью, и Кошутъ держалъ ей рѣчь отъ всего собранія. Среди парламента это былъ не тотъ Кошутъ, который вызывалъ революцію въ Вѣнѣ: онъ и его товарищи хотѣли избѣгнуть всякаго намека на революцію. Онъ заявилъ, что желаетъ остаться на почвѣ законности и порядка. Желанія столицы (Пешта), выраженные въ петиціи, счастливо совпадаютъ съ желаніемъ сейма. Онъ надѣется, что и столичное населеніе останется вѣрно законности и порядку. Въ противномъ случаѣ — законное представительство сѣмъ беретъ побороть всякое единичное мнѣніе васты или города, который будетъ имѣть дерзость говорить отъ имени всей страны. Онъ и самъ желаетъ перенести засѣданія сейма въ Пешть, но это придется отложить до болѣе удобнаго времени, когда сеймъ покончитъ свои неотложныя задачи. — Тогда нынѣшній сеймъ сложитъ свои полномочія и уступитъ мѣсто представителямъ народа, которые будутъ выбраны законнымъ порядкомъ страню.

Получивъ извѣстія о происшествіяхъ въ Вѣнѣ и въ Пештѣ и узнавши, что въ Пештѣ уже назначили его министромъ финансовъ, Пульскій поспѣшилъ оставить свое имѣніе и переехалъ въ Пешть. Когда онъ явился въ комитетъ общественной безопасности, его выбрали и предсѣдателемъ комитета. Такимъ образомъ Пульскій очутился во главѣ революціоннаго правительства, сидѣвшаго въ Пештѣ.

Комитаты, какъ и прежде при австрійскомъ правительствѣ, дѣйствовали самостоятельно и подчинялись законному представительству страны, т.-е. отвѣтственному министерству страны (гр.

Баттіани, Кошутъ, Деакъ, Сечени, Этвешъ и др.). Въ Пештѣ формировалась національная гвардія. Баттіани и его товарищи хотѣли избѣгнуть всякихъ безпорядковъ и, пользуясь революціею въ Вѣнѣ, вынудить у австрійскаго правительства какъ можно болѣе въ пользу самостоятельнаго и независимаго существованія Венгріи. Кошутъ, не теряя времени, занялся уничтоженіемъ барщины, измѣненіемъ выборнаго начала и новою организаціею сейма. Новый законъ о печати, выработанный въ сеймѣ, не понравился въ Пештѣ, гдѣ его сожгли на площади. Комитетъ общественной безопасности отправилъ Пульскаго въ Пресбургъ съ порученіемъ просить объ отмѣнѣ закона и о перенесеніи сейма въ Пештъ. Результатомъ поѣздки Пульскаго было отмѣна закона о печати и то, что ему предложили мѣсто статсъ-секретаря при Кошутѣ. Онъ принялъ это назначеніе, которое не помѣшало ему остаться въ то же время предсѣдателемъ комитета общественной безопасности!

Въ это время въ Вѣнѣ произошли большія перемѣны. Придворная партія подняла голову и строила козни; она не могла удовлетворить всѣмъ требованіямъ. Прага потребовала самостоятельнаго министерства, хорваты требовали автономіи, сербы послали петицію въ Вѣну и требовали отдѣльной территоріи. Войско было недовольно мартовскими событіями и желало расквитаться съ народомъ. Неожиданно явилась прокламація вѣнскаго правительства, отрекавшагося отъ нѣкоторыхъ уступокъ въ пользу Венгріи, и назначеніе Іеллачича баномъ Хорватіи, противъ воли гр. Баттіани, представлявшаго интересы Венгріи. Все это произвело въ Пештѣ большое волненіе. Нѣмецкіе горожане во многихъ городахъ протестовали противъ равноправности евреевъ, и начались еврейскія побоища. Тогда Пульскій, по порученію Баттіани, приступилъ съ строгостью и съ большимъ тактомъ къ подавленію безпорядковъ. Отмѣчая эти бессмысленные бунты, Пульскій говоритъ и о положительныхъ результатахъ движенія 1848 года. «Законы 1848 года были выраженіемъ упованій цѣлаго поколѣнія людей, подобныхъ Сечени, Этвешу, Кошуту. Идеи эти были не новостью; они уже были осуществлены Соединенными Штатами и были провозглашены во Франціи, но ихъ осуществленію въ Венгріи мѣшало многое, и только въ 1848 г., какъ будто по волшебству, исчезли всѣ препятствія и дали мѣсто новому порядку вещей. Дворянство, духовенство отказались отъ барщины, отъ десятины, отъ всѣхъ привилегій и преимуществъ. Все это сдѣлалъ духъ времени, но всѣ эти требованія новой жизни нашли свое осуществленіе только потому, что во главѣ

націи стоялъ Кошутъ. Безъ него все ограничилось бы одними уличными безпорядками и нѣкоторыми незначительными измѣненіями въ конституціи страны. Только Кошутъ могъ вести за своимъ знаменемъ цѣлый народъ и сдѣлать такія громадныя перемѣны въ строѣ государства. Онъ одинъ сумѣлъ воспользо-ваться февральскою революціею и событіями въ Вѣнѣ, онъ одинъ былъ въ силахъ обуздать венгерскихъ магнатовъ, снискать уваженіе вѣнскаго правительства и влиять въ своихъ приближенныхъ слѣпую преданность къ себѣ и къ своимъ идеямъ. Одинъ изъ сотрудниковъ Кошута въ министерствѣ финансовъ воскликнулъ въ минуту восторга: «если мы только пять лѣтъ будемъ управлять страной, то она обратится въ рай земной». — Вы говорите о пяти годахъ, — отвѣтилъ Пульскій, — хорошо будетъ, если насъ черезъ годъ не повѣсятъ.

Съ Пульскимъ произошло новая перемѣна, ему предложили мѣсто статсъ-секретаря при князѣ Эстергази, который занималъ мѣсто венгерскаго министра при императорѣ. Въ Пештѣ, рассказываетъ онъ, уже не было помину о революціи. Все пришло въ свое нормальное положеніе, зато въ Вѣнѣ населеніе не было довольно дарованною конституціею и требовало всеобщаго голосованія, учредительнаго собранія и уничтоженія верхней палаты.

15-го мая началось народное волненіе; опять пошли въ ходъ петиціи и національная гвардія была на ногахъ. «Меня, — говоритъ Пульскій, — эта сцена удивила и я уговаривалъ вѣнцевъ, не требовать всеобщаго голосованія. Оно дастъ перевѣсъ славянскому элементу, а верхняя палата, состоящая изъ нѣмцевъ, можетъ быть даже полезна противъ славянскихъ вліяній». Министерство подало, однако, въ отставку и верхняя палата была уничтожена, но вслѣдъ затѣмъ вѣнцы къ великому изумленію узнали, что дворъ переѣхалъ въ Инсбрукъ. «Я узналъ, что императору нужны деньги и написалъ Баттіани, чтобы онъ доставилъ ему милліонъ въ Инсбрукъ—этотъ милліонъ окажется намъ полезенъ въ переговорахъ съ короною».

Венгерцы, какъ видно, играли въ двойную игру. Они думали о себѣ и готовы были войти въ сдѣлку съ австрійскимъ дворомъ. Вѣнцы съ своей стороны сѣдились за то, что венгерцы не идутъ на ихъ планы. Славяне преслѣдовали тоже свои собственныя цѣли, и въ результатъ предвѣрная партія насмѣялась надъ всѣми.

Событія между тѣмъ все болѣе запутывались. Правительство не довѣряло, но и боялось Венгріи; оттапливало и опять привлекало славянъ; стараясь подавить всѣ самостоятельныя дви-

женія, само запутывалось въ противорѣчіяхъ, перемѣшивались и дѣйствія борющихся сторонъ.

Іеллачичъ, получившій по настоянію Баттіани официальный выговоръ отъ императора и отрѣшенный отъ должности, уѣхалъ въ Загребъ, гдѣ его провозгласили диктаторомъ. Затѣмъ послѣ долгихъ переговоровъ послѣдовало въ Вѣнѣ извѣстное свиданіе Баттіани съ Іеллачичемъ, послѣ котораго они разошлись окончательно врагами. — Мы свидимся на Дравѣ, — сказалъ Баттіани. — На Дунаѣ, — отвѣтилъ Іеллачичъ, пристегивая саблю и взявши за шляпу.

Можно было заранѣе предугадать исходъ такого вавилонскаго столпотворенія, въ которомъ каждый тянулъ на свою сторону и никто не хотѣлъ сдѣлать необходимыхъ уступокъ. Премахами венгерскаго министерства относительно хорватовъ воспользовалась реакція, и война между народностями была объявлена.

Пульскій невысокаго мнѣнія о мадьярской аристократіи. Онъ видитъ въ ней «недостатокъ образованности, обрывки знаній, прибрѣтенныхъ отъ патера іезуита, надъ которымъ мадьярскій питомецъ зачастую смѣется, потому что наставникъ не смыслитъ ничего въ охотѣ, не знаетъ, что такое значить ухаживать и не обладаетъ хорошими манерами. Все это вмѣстѣ сдѣлало мадьярскую знать неспособною къ управленію государствомъ».

Гр. Баттіани, при всемъ своемъ умѣ, отличался тѣми же коренными недостатками, свойственными людямъ его класса. Онъ желалъ сойтись съ вѣнскимъ правительствомъ, не вѣрилъ въ силу сопротивленія венгерскаго народа, и какъ вѣнское населеніе, мечталъ о «революціи на законномъ основаніи». Одинъ Кошутъ былъ на высотѣ положенія; онъ одинъ вѣрилъ въ то, что венгерскій народъ сумѣетъ постоять за себя въ случаѣ нужды. Положеніе Венгріи становилось опаснымъ; въ самомъ министерствѣ образовался расколъ — Сечени, Этвешъ ушли изъ министерства. Іеллачичъ, вторгаясь въ Венгрію, не встрѣтилъ пока сопротивленія; австрійскіе сербы и словаки подняли возстаніе.

Венгерцы и хорваты готовились къ упорной борьбѣ. Въ августѣ 1848 г. императоръ вернулся въ Вѣну и вмѣстѣ съ нимъ кн. Эстергази. Венгерскій сеймъ хотѣлъ покончить всѣ счеты съ короною и съ этою цѣлю выслалъ депутацію въ Вѣну къ императору.

Депутацію ожидалъ въ Вѣнѣ непріятный сюрпризъ. Императоръ новымъ рескриптомъ выразилъ свое довѣріе и благоволеніе Іеллачичу и отмѣнилъ недавнее отрѣшеніе его отъ должности.

Когда депутація вернулась изъ Вѣны, всѣ взоры обратились

на одного человѣка, который могъ спасти и отстоять Венгрію. Кошутъ занялъ первенствующее положеніе въ странѣ. Онъ одинъ имѣлъ смѣлость поднять перчатку, брошенную вѣнскимъ правительствомъ, и призвать венгерцевъ къ оружію.

«Разсудите,—заканчиваетъ онъ свой краснорѣчивый манифестъ,—воодушевитесь и возьмитесь за оружіе, чтобы защитить отечество отъ врага. Когда мы съ нимъ повончимъ, тогда погибнетъ камарилья и тогда мы спасемъ нашего бѣднаго, больного короля и нашу обманутую, несчастную родину».

Вербуя добровольцевъ, устраивая финансовыя средства, Кошутъ заботился о томъ, чтобы найти союзниковъ. Онъ послалъ депутатовъ въ Парижъ, во Франкфуртъ, гдѣ засѣдалъ обще-германскій парламентъ и, наконецъ, въ Вѣну. «Мы хотимъ вести переговоры съ вами, народъ съ народомъ, оставляя камарилью въ сторонѣ», писалъ онъ въ Вѣну. Населеніе Вѣны приняло венгерскихъ депутатовъ восторженно, вѣнскіе либералы считали венгерскую борьбу солидарной съ своею, и полагали, что поработеніе Венгріи отразится на свободѣ Австріи, но парламентъ, гдѣ большинство членовъ были славяне, не допустилъ венгерскихъ депутатовъ въ засѣданіе.

Пульскій воспользовался перехваченною перепискою Іеллачича и напечаталъ ее въ видѣ прокламаціи къ вѣнскому населенію. Изъ этой переписки оказывалось, что войско Іеллачича грозитъ той же участью Вѣнѣ, какъ и Пешту. Это произвело громадное волненіе.

Происходила крайняя путаница: славянская молодежь записывалась въ ряды Іеллачича; Пульскій жаловался на это въ министерствѣ; многіе офицеры въ самой венгерской арміи отказывались сражаться противъ Іеллачича, облученнаго, какъ они говорили, довѣріемъ императора. Палатинъ венгерскій эрцгерцогъ Стефанъ поѣхалъ на встрѣчу къ Іеллачичу для личныхъ переговоровъ съ нимъ. Іеллачичъ въ присутствіи всѣхъ своихъ офицеровъ отказался принять приглашеніе эрцгерцога, который послѣ такого оскорбленія сложилъ съ себя свои полномочія и оставилъ Венгрію. Поступокъ Іеллачича возбудилъ подозрѣнія австрійскаго двора, который сталъ опасаться, что хорватскій банъ послѣ побѣды надъ венгерцами сдѣлается опаснымъ и неудобнымъ вассаломъ, и потому приближенные императора придумали послать въ Венгрію гр. Ламберга въ качествѣ главнокомандующаго венгерской и хорватской арміи (которые собирались сражаться!), съ большими полномочіями, въ числѣ которыхъ было распушеніе венгерскаго парламента и возстановленіе спокойствія и порядка въ странѣ.

Пульскій предупреждалъ въ Вѣнѣ объ опасности такого назначенія, но его не послушали. Венгерскій сеймъ, узнавъ о назначеніи, которое не было скрѣплено подписью венгерскаго министерства, призналъ его незаконнымъ и объявилъ, что повиновеніе королевскому комиссару будетъ считаться измѣною государству.

Ламбергъ, по прибытіи въ Пешть, накинулъ статское пальто на свой фельдмаршалскій мундиръ, но былъ узнанъ уличною толпою, которая вытащила его изъ кареты и изрубила его на куски.

Это кровавое дѣло подѣйствовало подавляющимъ образомъ на венгерское общество: Этвешъ уѣхалъ изъ Пешта, Сечени сошелъ съ ума и кончилъ жизнь самоубійствомъ. Событія стремились къ столкновенію, и вѣковой споръ между Венгріею и австрійскою короною долженъ былъ дойти до кровавой развязки. Вслѣдъ за убійствомъ Ламберга, Гёргей велѣлъ разстрѣлять графа Зичи, который везъ прокламаціи Іеллачича.

Первое сраженіе съ Іеллачичемъ кончилось побѣдою венгерцевъ. Въ австрійской главной квартирѣ рѣшили послать на помощь Іеллачичу часть вѣнскаго гарнизона.—6-го октября возсталъ народъ въ Вѣнѣ и недовольные кричали: «мы не хотимъ войны съ венгерцами; венгерцы наши друзья; долой Іеллачича и его хорватовъ». Національная гвардія начала драться съ линейными войсками. Народъ напалъ на военное министерство, и министръ, графъ Латуръ, былъ звѣрски умерщвленъ.

Не смотря на этотъ дикій фактъ народнаго самосуда, добродушные вѣнцы серьезно воображали, что они дѣлають все это «ради императора».

Въ Вѣну прибыло либеральное министерство, а императоръ поспѣшно бѣжалъ въ Ольмюцъ и оттуда далъ Виндишгрецу порученіе привести Вѣну къ повиновенію.

Когда Пульскій отъ имени венгерскаго правительства предложилъ вѣнскому министерству призвать для своей охраны венгерское войско, онъ встрѣтилъ отказъ. Онъ обратился тогда съ своимъ предложеніемъ въ магистратъ, гдѣ засѣдало временное революціонное правительство, но тамъ получился такой же результатъ.

Разсказывая о политической путаницѣ, происходившей въ Вѣнѣ, Пульскій замѣчаетъ: «но мы, венгерцы, были не лучше вѣнцевъ. Мы тоже боялись революціи и хотѣли сохранить хоть бы тѣнь законности. Именемъ короля мы дрались съ признаннымъ отъ короля баномъ Хорватіи, но не хотѣли пересту-

пить черезъ Лейту безъ приглашенія нашихъ сосѣдей, а наши сосѣди (боровшіеся съ своимъ правительствомъ) не дерзали призвать насъ на помощь, не желая казаться бунтовщиками. Они считали себя все-таки вѣрными подданными, несмотря на то, что они убили министра и выгнали войско изъ города».

На требованія объявить Іеллачича врагомъ Вѣны, Пульскій получилъ такой же отрицательный отвѣтъ. Вѣнцы подобно венгерцамъ хотѣли дѣлать революцію на законномъ основаніи. Пульскій поинтересовался узнать, какія мѣры приняты для защиты столицы.

— Зачѣмъ вы не сняли рельсовъ и не испортили дорогу?—спросилъ Пульскій.

— Мы уважаемъ торговлю.

— Но почему не разорваны телеграфныя проволоки?

— Революція не должна вредить торговлѣ.

Когда отъ франкфуртскаго парламента были присланы делегаты въ Вѣну: Блумъ, Гартманъ, Ауэрбахъ и Фрѣбель, то Пульскій вторично предложилъ Блуму бросить вѣнскій парламентъ, образовать революціонное правительство и призвать на помощь венгерскую армію. Вѣна была уже окружена императорскими войсками и скорое рѣшеніе было необходимо. Блумъ не согласился на распушеніе парламента и на энергическія мѣры. Увидѣвъ безуспѣшность своихъ попытокъ, Пульскій постарался во время выѣхать изъ Вѣны—Виндишгрецъ въ числѣ заложниковъ при сдачѣ Вѣны требовалъ Пульскаго.

Пульскій успѣлъ выбраться изъ Вѣны, проѣхалъ по желѣзной дорогѣ нѣсколько станцій въ расположеніи непріятельской арміи. На одной станціи онъ вышелъ изъ вагона.

«Мы попали на военный караулъ. Я спросилъ по-славянски, какъ пройти къ рѣкѣ. Мнѣ указали. Я вошелъ въ хижину и напелъ двухъ словаковъ. Я толкнулъ одного ногою.

— Что угодно, господинъ?—спросилъ онъ, угадавшій по моему удару, что я господинъ.

— Перевези насъ (Пульскаго и его спутника) на другой берегъ.

— Не могу.

— Я еще разъ толкнулъ его ногою.

— Дуракъ, ты получишь цванцигеръ съ каждой персоны и кромѣ того на чай. Итакъ, мы поѣхали.

Въ словацкомъ селѣ пресбургскаго комитата вышли мы на берегъ. Въ кофейнѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ и политиковали. Одни стояли за Кошута, другіе за Іеллачича. Моло-

дые стояли за Теллачича, потому что онъ славянинъ, и желали ему побѣды».

Мы привели этотъ маленькій эпизодъ, чтобы показать, какъ, при всемъ своемъ многостороннемъ образованіи, смотрѣлъ Пульскій на славянское племя. Повѣствуя и послѣ тридцати лѣтъ о томъ, какъ онъ ногою ударилъ словака, онъ не чувствуетъ никакой неловкости при этомъ воспоминаніи. Но здѣсь-то и заключается in fine вся безуспѣшность самоотверженія венгерцевъ во время ихъ возстанія.

Пульскій присутствовалъ и на сраженіи при Швехатѣ. Виндигрецъ уже занялъ Вѣну и разстрѣлялъ Мессенгейзера, Блума и другихъ. Кошутъ организовалъ защиту Венгріи. Населеніе доставляло, за банковые билеты Кошута, провіантъ, лошадей. Мачнаты большою частью выселились изъ страны.

Положеніе, по разсказу Пульского, становилось со дня на день хуже и хуже. Словацкій партизанъ Гурбанъ одержалъ побѣду надъ венгерцами. Румыны преслѣдовали своихъ помѣщиковъ и устранивали легіоны. Виндигрецъ надвигался со своимъ войскомъ на Пештъ. Между Кошутымъ, предсѣдателемъ комитета государственной охраны, и полководцемъ Гѣргеємъ возникли несогласія. Кошутъ слишкомъ много вмѣшивался въ распоряженія полководца, котораго это крайне раздражало.

Гѣргей былъ родомъ изъ Спиша. Плохія денежныя обстоятельства заставили его оставить гусарскую службу и онъ отправился въ Прагу изучать химію. Затѣмъ онъ нашелъ мѣсто на фабрикѣ. Когда была объявлена война, онъ организовалъ роту гонведовъ, и, взявъ въ плѣнъ графа Зичи съ прокламаціями Теллачича, велѣлъ его разстрѣлять въ 24 часа. Гѣргей былъ любимецъ радикаловъ. «Красивый собою,—говоритъ Пульскій,—Гѣргей былъ циникъ въ обращеніи, одѣвался очень небрежно, говорилъ мало, но офицеры боготворили его». «Гѣргей былъ честолюбивъ, онъ былъ хорошій и лично храбрый полководецъ, умѣлъ выбирать людей (Клаппа и Байеръ); но ему недоставало широкаго кругозора, знанія чужихъ странъ. Онъ считалъ возможнымъ соглашеніе между Вѣною и Пештотъ».

По мнѣнію Пульского, онъ долженъ былъ вести войско въ Вѣну, и дать всему возстанію международный характеръ. (Но такого грандіознаго плана не требовалъ и самъ Кошутъ). Вмѣсто того онъ занялся осадотъ Офена и этимъ далъ время русскимъ приготовиться къ вторженію.

Имѣнну Гѣргея Пульскій отвергаетъ. Самое худшее, что могли съ нимъ сдѣлать—это дать ему жизнь. Его ошибка состояла не въ томъ, что онъ сложилъ оружіе въ Виллагошѣ; всякое сопротивленіе было бы тогда безуміемъ.

Смѣшно сказать, что уже сражаясь съ австрійскимъ войскомъ, венгерское правительство сохраняло при себѣ назначеннаго Фердинандомъ военнаго министра Мессароша.

Венгрія была окружена со всѣхъ сторонъ врагами. Друзья Пульскаго подали Кошуту мысль послать Пульскаго за границу къ Пальмерстону. При окончательной побѣдѣ австрійцевъ, Пульскому не миновать было участи Блума, какъ одному изъ главныхъ начинателей октябрьской революціи въ Вѣнѣ. Такимъ образомъ нашъ герой во время выбрался на сухое мѣсто.

Въ Парижѣ Пульскій встрѣтился съ графомъ Владиславомъ Телеки, которому было поручено ходатайствовать о Венгріи у французскаго правительства. Страстный, подвижной, идеалистъ чистѣйшей воды, республиканецъ по убѣжденіямъ, аристократъ по рожденію, Телеки скоро освоился съ парижскимъ обществомъ и предпочиталъ жизнь парижскую жизни на родинѣ. Онъ не особенно ладилъ съ своими соотечественниками и непріязненно смотрѣлъ на Наполеона. Съ Кошутомъ онъ сошелся только въ 1859 г. Телеки не раздѣлялъ мнѣній Кошута въ вопросѣ національностей. Онъ развивалъ мысль, по мнѣнію Пульскаго, «фантастическую», что каждая національность имѣетъ право на самобытное и независимое существованіе и на отдѣльную территорию. Однажды, въ обществѣ (уже въ 1851) онъ высказалъ, что, напр., Трансильванія (принадлежащая Венгріи) имѣетъ полное право путемъ всеобщаго голосованія рѣшить, къ кому она желаетъ примкнуть—къ Венгріи или къ Румыніи. Присутствовавшій на этомъ вечерѣ венгерецъ перебилъ его и предупредилъ не говорить такихъ вещей при венгерцахъ, если не желаетъ прослыть за измѣнника въ своемъ отечествѣ. Телеки посмотрѣлъ высокомерно на противника, и подойдя къ Андраши, просилъ передать его вызовъ, но Андраши отказался и попросилъ его искать какого-нибудь француза: «венгерецъ не будетъ секундантомъ въ такомъ дѣлѣ». Такъ мало сочувствія встрѣчала у венгерскихъ передовыхъ политиковъ эта примирительная теорія.

Телеки именно думалъ, что Венгрія должна образовать федеративное государство на подобіе Швейцаріи, гдѣ мирно уживались бы всѣ національности Венгріи. Пульскій рассказываетъ, съ отѣнкомъ ироніи, что въ 1849 г. гр. Телеки вызвалъ его изъ Лондона въ Парижъ. «Ригеръ въ Парижѣ, — сказалъ онъ Пульскому, — мы должны съ нимъ видѣться». — Съ какою же

цѣлю. — «Мы должны войти въ соглашеніе съ славянами; конечно, они насъ ненавидятъ, но имъ принадлежить будущее и мы должны всячески примириться съ ними».

Такимъ образомъ Телеки по своимъ идеямъ подходитъ къ Сечени, который тоже хотѣлъ мирнымъ путемъ сойтись съ другими національностями. Но предводители венгерскаго востанія не хотѣли, да и донныѣ не хотѣтъ, допустить этой мысли. Отдавая должное мадьярамъ, Шерръ находитъ, что венгерская революція должна была погибнуть. «Она погибла *ослѣдствіе несправедливаго отношенія къ славянамъ*. Мадьяры были такъ великодушны, что потребовали свободы только для себя, а кость бросили илотамъ — славянамъ... Но пока народы и люди не хотѣтъ быть справедливыми къ другимъ, они *недостойны обладать свободою*». — Такъ говоритъ писатель, котораго не могли бы заподозрить во враждѣ къ національной свободѣ; но замѣчательно, что и долго спустя вождь венгерской революціи ничему не научился относительно этого вопроса. Кошутъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи ¹⁾ повторяетъ тотъ же старый вздоръ о панславизмѣ, о всемірной монархіи, которая водворится въ Европѣ, если за словаками или сербами будетъ признано право на самостоятельное политическое существованіе. И тотъ же Кошутъ говоритъ, что будущность принадлежить демократіи, т. е. развитію народной стихіи. Изъ этого противорѣчія онъ не могъ выйти...

Телеки представилъ Пульскаго Ламартину, который пригласилъ его къ себѣ: тамъ онъ долженъ былъ увидѣть депутата Гербетта, «очень хорошо знающаго дѣла Востока». Съ большимъ юморомъ рассказываетъ Пульскій объ этомъ вечерѣ у Ламартина: въ одномъ мѣстѣ стоялъ мраморный бюстъ Ламартина; на каминѣ рельефъ изъ мрамора, изображающій Ламартина; на стѣнѣ висѣлъ портретъ маслянными красками Ламартина; въ слѣдующей комнатѣ опять изображенія Ламартина, и т. д. Гербетту Пульскій сообщилъ, что русскіе уже въ Трансильваніи. «Это очень усложняетъ дѣло», отвѣтилъ французскій депутатъ. — Почему? — «Но вѣдь Трансильванія принадлежить султану и теперь опять поднимется восточный вопросъ»...

Эмигранты всѣхъ странъ основали «La Tribune des nations», органъ всѣхъ притѣсненныхъ народностей, который долженъ былъ появиться подъ редакцію Ле-Шевалье. Графъ Браницкій далъ деньги на это предпріятіе.

«Появленіе перваго номера этого журнала мы отпраздновали

¹⁾ Souvenirs et écrits de mon exil.

ужинномъ. На ужинѣ были Рамонъ-де-ла-Сагра (Куба), Мицкевичъ, Головинъ, Герценъ, нѣсколько крайнихъ французскихъ республиканцевъ, аббатъ Берлиъ и Геркаловичъ. — Рамонъ говорилъ скверно по-французски и употреблялъ вмѣсто слова *puissance* слово *potence*, Мицкевичъ съ такимъ негодованіемъ говорилъ о Россіи, что Герценъ, желавшій предложить тостъ за примиреніе Польши и Россіи, не нашелъ что отвѣчать ему. Геркаловичъ предложилъ мнѣ выпить брудершафтъ съ нимъ на соединеніе сербовъ и мадьяръ — я лишился языка. Напротивъ меня сидѣлъ историкъ Салай и я спросилъ его, что у меня въ стаканѣ — вино или вода и что не пьянъ ли я или общество съ ума сошло. — Нѣтъ ты пьешь воду, отвѣтилъ Салай, и ты не пьянъ, но общество кажется спятило съ ума.

Въ мартѣ 1849 г. Пульскій былъ въ Лондонѣ и старался войти въ прямыя сношенія съ Пальмерстономъ, который не признавалъ дипломатовъ, назначенныхъ правительствомъ Кошута, и просилъ ихъ подать свои заявленія черезъ австрійское посольство. Глава временнаго правительства, гр. Баттіани, прислалъ довѣрительныя грамоты Пульскому и поручалъ ему хлопотать о томъ, чтобы Венгрію признали воюющею стороною. Сочувствія среди англійскаго общества къ венгерцамъ было много. Пульскій сумѣлъ привлечь на свою сторону нѣсколько газетъ, имѣвшихъ большое вліяніе на общественное мнѣніе въ Англіи, но все это оказало мало пользы венгерцамъ; руководящіе люди и особенно Пальмерстонъ стояли за цѣлость и неприкосновенность Австріи.

Съ родины Пульскій получалъ изрѣдка извѣстія, не утѣшительнаго характера. Австрійцы были разбиты, но русскіе уже надвигались на Венгрію и въ виду была окончательная гибель всѣхъ венгерскихъ надеждъ. Общественное мнѣніе въ Венгріи было возбуждено тѣмъ, что Кошутъ посмѣлъ явиться въ королевской ложѣ. Интересно знать мысли, которыя имѣлъ Пальмерстонъ о венгерскомъ вопросѣ ¹⁾. Объ императорѣ Фердинандѣ онъ выражается очень рѣзко, какъ о личности, совершенно ничтожной; возвращеніе къ временамъ Меттерниха, предпочитавшаго роль единицы между нулями, онъ считалъ невозможнымъ. Меттернихъ, говоритъ Пальмерстонъ, «преслѣдовалъ всякій талантъ. Ему удалось затормозить естественное движеніе прогресса и изъ своего кабинета управлять государствомъ на подобіе всѣхъ деспотическихъ правленій, убивая всякій проблескъ народной жизни и водворяя мертвенность и плѣсень въ общественной средѣ. Та-

¹⁾ Palmerston.—Sa correspondance intime, II.

кимъ образомъ невозможно управлять народомъ, рано или поздно плотины должны были рушиться предъ напоромъ прогрессивныхъ идей». Но это платоническое сочувствіе Пальмерстона къ дѣлу Венгріи не привело ни къ чему. Англійскій министръ съ спокойствіемъ посторонняго зрителя сообщаетъ, что реакція торжествуетъ на всѣхъ пунктахъ въ Европѣ. Вмѣшательство Россіи было встрѣчено несочувственно въ Англіи, но интересы Англіи требовали цѣлости австрійской монархіи, и потому Пальмерстонъ и не думалъ покидать нейтралитета. «Русское войско ведетъ себя примѣрно въ Венгріи,—пишетъ графъ Баттіани своему лондонскому уполномоченному.—Русскіе повидимому ищутъ популярности, и въ войскѣ царствуетъ большая дисциплина. Офицеры русскіе съ пренебреженіемъ смотрятъ на своихъ австрійскихъ товарищей, которые безобразничаютъ въ странѣ». Уже на краю гибели, Баттіани въ циркулярѣ къ уполномоченнымъ Венгріи повторяетъ ту же тему о томъ, что мадьяризмъ долженъ остаться господствующимъ въ странѣ,—странное ослѣпленіе въ столь благородномъ и рыцарскомъ характерѣ. Когда катастрофа совершилась и австрійцы казнями отмѣтили свое торжество, тогда только Пальмерстонъ въ негодованіи называетъ ихъ животными и даетъ инструкцію англійскому послу въ Вѣнѣ выразить въ твердомъ тонѣ неодобреніе англійскаго правительства.

Главный виновникъ венгерской революціи, благодаря твердому образу дѣйствій Англіи, былъ спасенъ отъ австрійской висѣлицы, и надъ кровавою драмою, которая разыгралась въ равнинахъ Венгріи, упала занавѣсъ. Это былъ тяжкій, жестокий урокъ, данный исторіею самоувѣнію и самообольщенію, которымъ ублажалъ себя мадьяризмъ. Должно сказать однако, что дѣятели венгерскаго возстанія показали вообще много осмотрительности и благоразумія, какія рѣдко встрѣчаются въ эпохи національнаго возбужденія. Венгрія, какъ мы видѣли, пускаясь въ бой за свою автономію и за свои права, попробовала всѣ средства къ примиренію съ династією, готова была даже послѣ побѣды надъ австрійскими войсками войти въ соглашеніе съ Австрією и положить оружіе, лишь бы стоять на легальной, государственной, исторической почвѣ. Только неразумныя крайности Меттерниха толкнули Венгрію на край пропасти и вовлекли ее въ войну съ законнымъ государемъ; но даже сражаясь противъ австрійскихъ войскъ, венгерцы сражались «за короля Венгріи Фердинанда» и его именемъ подписывались всѣ приказы временнаго правительства. Когда въ послѣдствіи Австрія очутилась на краю гибели, Венгрія, въ лицѣ Деака и Андраши, старалась поднять разорванную нить и скрѣпить союзъ съ Австрією, и Деака вен-

герцы считают своимъ величайшимъ человѣкомъ. Мысль Кошута объ отдѣльномъ существованіи Венгріи уже давно оставлена. Венгерцы поняли урокъ, данный имъ хорватами въ 1848 г., и отдѣлили хорватамъ цѣлую область и признали права хорватскаго народа. Пятимилліонный народецъ сумѣлъ устроить свои дѣла, не смотря на то, что онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ враждебными народами.

Только въ одномъ мадьяры остались несправими; они думаютъ путемъ мадьяризаціи поглотить сербовъ, русскихъ, словаковъ и не хотятъ признать мысль графа Телеки. Отъ поголовной, инстинктивной боязни къ Россіи и къ славянству, мадьяры со времени берлинскаго конгресса перешли въ противоположное настроеніе и мечтаютъ разомъ покончить всѣ эти страхи и задержать надолго славянскій вопросъ—войною съ Россіей. Они рассчитываютъ при этомъ, что Россія будетъ дѣйствовать въ томъ же духѣ какъ и прежде, такъ что всѣ шансы будутъ на сторонѣ нашихъ враговъ. Побѣдоносная Россія ничего не выиграла отъ послѣдней войны, а Австрія присоединила двѣ провинціи на Балканскомъ полуостровѣ, и при помощи Германіи ея дальнѣйшему движенію на Востокъ не предвидится преграды. Но если допустить даже, что все пойдетъ какъ по маслу и Россія, сознавая свое безсиліе (которое мы отрицаемъ), уступить на всѣхъ пунктахъ напору германской стихіи, выиграютъ ли мадьяры отъ того, что германскія войска будутъ стоять въ Константинополѣ? Очень мало.—Въ центрѣ Европы образуется колоссальная имперія въ 80 милліоновъ съ преобладающимъ германскимъ населеніемъ, и роль мадьярскаго народа будетъ самая проблематическая. Славянская стихія можетъ приостановить на время свое прогрессивное движеніе, но надолго ли? Мадьяры рано или поздно, если не послушаютъ совѣтовъ Сечени и Телеки, попадутъ между двумя огнями. Противъ освобожденія славянства бесполезно бороться: это—историческая сила, и ея право умѣли понять и признать Сечени и Телеки. Пульскій не допускалъ никакихъ сдѣлокъ съ славянствомъ и онъ долженъ былъ, подобно Кошуту, видѣть крушеніе всѣхъ своихъ плановъ. Работоборства противъ славянскихъ стремленій, онъ сталъ въ противорѣчіе съ самимъ собою и забылъ сказанное имъ въ горячей полемикѣ съ гр. Туномъ. Онъ призналъ тогда, что панславизмъ не химера, потому что это—идея (хотя смыслъ ея и не тотъ, какой онъ ей тогда давалъ),—а идеи вообще всеильны въ мірѣ....

Григ. Д.-Волланъ.

ШПИЛЬГАГЕНЪ

И

ЕГО ТЕОРІЯ РОМАНА

Friedrich Spielhagen. Beiträge zur Theorie und Technik des Romans.
Leipzig, 1883.

Всякій, хотя бы даже и самый скромный, второстепенный дѣятель въ области искусства, конечно, не разъ задумывался надъ вопросомъ о цѣляхъ и средствахъ художественной дѣятельности и старался отдать себѣ болѣе или менѣе обстоятельный отчетъ въ томъ процессѣ, путемъ котораго извѣстная идея воплощается въ соотвѣтствующую ей художественную форму. Живописецъ, смотря на картины своихъ товарищей или предшественниковъ и высказывая о нихъ свой приговоръ, прилагаетъ къ нимъ извѣстную идеальную мѣрку, невольно сравниваетъ ихъ съ своими собственными произведеніями, обращаетъ вниманіе на ихъ техническія достоинства или недостатки и изъ этого сравненія старается извлечь новыя практическія указанія для своей собственной дѣятельности. Точно такъ же поступаетъ и поэтъ по отношенію къ другимъ поэтамъ, и актеръ по отношенію къ другимъ актерамъ. Безъ такого критическаго взгляда на предметъ художественной дѣятельности никакое творчество, вообще говоря, немислимо. Художникъ создаетъ свои произведенія, стараясь возможно ближе подойти къ поставленному имъ себѣ идеалу; а этотъ идеалъ складывается въ его душѣ не иначе, какъ путемъ теоретическаго анализа произведеній, признаваемыхъ за

образцовыя, путемъ изученія основныхъ условій и формъ искусства, наконецъ, путемъ наблюденія.

Но какъ въ художественной, такъ и въ критической своей дѣятельности, мы, въ сущности, всегда руководимся соображеніями совершенно субъективнаго характера; въ основѣ какъ нашихъ собственныхъ произведеній, такъ и нашихъ отзывовъ о произведеніяхъ чужихъ всегда лежитъ нашъ личный «вкусъ». Этотъ вкусъ можетъ быть развитъ гораздо тоньше, чѣмъ вкусъ «большой публики», можетъ — именно въ силу нашихъ специальныхъ занятій извѣстнымъ искусствомъ — находиться въ болѣе тѣсной связи съ основными законами художественнаго творчества; тѣмъ не менѣе, онъ все-таки остается чисто-личною нашею принадлежностью и обобщенію не подлежитъ, да и не поддается. Въ силу этого критическіе отзывы о произведеніяхъ искусства никогда не могутъ быть во всѣхъ отношеніяхъ точно-доказательными; съ другой стороны, и по той же причинѣ, самое точное, педантическое выполненіе всѣхъ правилъ и законовъ искусства далеко еще не можетъ служить ручательствомъ, что созданное такимъ образомъ произведеніе будетъ одобрено публикой и цѣнителями-специалистами. Кто не смѣется теперь надъ извѣстнымъ приговоромъ Вольтера о Шекспирѣ и кто не остается равнодушнымъ въ собственнымъ драматическимъ произведеніямъ французскаго поэта, не смотря на то, что въ нихъ такъ строго выдержанъ «академическій» стиль?

Однако, хотя критицизмъ и личный вкусъ составляютъ основу всякой художественной дѣятельности, лишь весьма немногіе художники пытаются обобщить свои теоретическіе взгляды на ту или другую отрасль искусства, въ которой они являются практическими дѣятелями, наложить эти взгляды систематически и, такимъ образомъ, дать опредѣленный критерій, который могъ бы служить путеводною нитью въ лабиринтѣ разнообразныхъ сужденій объ этомъ предметѣ. Обыкновенно говорятъ, что художники бываютъ плохими критиками и наоборотъ. По этому теорія искусства, эстетика, за немногими исключеніями, всегда разрабатывалась учеными специалистами-профессорами, которые, разбирая по ниточкѣ извѣстные образцовыя произведенія, старались вывести изъ этого анализа общіе законы художественнаго творчества. Но при всей своей учености, при всемъ своемъ остроуміи, эти люди все-таки сами никогда не были художниками, сами никогда не переживали и не могли наблюдать на себѣ того сложнаго духовнаго процесса, который называется творчествомъ, и въ силу этого неминуемо должны были впадать въ односторонность, какъ

впадаетъ въ нее, напримѣръ, анатомъ-патологъ, наблюдающій различныя фазы той или другой болѣзни только на трупахъ.

Съ другой стороны, и самонаблюденіе—методъ очень ненадежный, требующій постоянной и внимательной провѣрки. Понятно, что художники, пускаясь въ теоретическія разсужденія о своемъ искусствѣ и невольно увлекаясь этимъ опаснымъ методомъ, впадали въ ошибки еще болѣе важныя, чѣмъ ученые эстетикъ. Лишь весьма немногимъ удавалось, подобно Лессингу или Гёте, миновать эту Сциллу и Харибду безъ крушенія.

Подобную попытку предпринялъ теперь одинъ изъ самыхъ выдающихся романистовъ современной Европы,—Шпильгагенъ, въ книгѣ, скромное заглавіе которой выписано выше. Онъ поставилъ себѣ задачею выяснитъ общіе, основныя законы эпической поэзіи и спеціально романа, какъ того вида ея, который въ настоящее время господствуетъ въ литературѣ, съ возможною точностью формулировать теоретическія требованія, которымъ романъ долженъ удовлетворять, и обстоятельно, шагъ за шагомъ, показывать, какъ пишется и какъ долженъ писаться романъ,—подкрѣпляя свои положенія какъ литературными примѣрами, такъ и личнымъ своимъ опытомъ. Въ выполненіи этой задачи знаменитый романистъ обнаруживаетъ замѣчательную силу и глубину отвлеченной мысли, анализируя свой предметъ съ разныхъ сторонъ и стараясь дойти до самыхъ утонченныхъ философскихъ выводовъ. Книга, очевидно, назначается не для большой публики, а для спеціалистовъ, для писателей и для тѣхъ, кто не убоится послѣдовать за авторомъ въ высшія сферы отвлеченнаго мышленія. Впрочемъ, за это умственное напряженіе внимательный читатель съ избыткомъ вознаграждается цѣлымъ рядомъ весьма замѣчательныхъ и, можно сказать, артистически доказываемыхъ положеній, имѣющихъ большую цѣнность для всякаго, кто интересуется вопросами эстетики. Притомъ же Шпильгагенъ, сравнительно съ другими нѣмецкими эстетиками, отличается ясностью, образностью слога и увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Это послѣднее свойство придаетъ очень многимъ страницамъ книги характеръ ораторской рѣчи; да и вся книга, есть въ своемъ родѣ адвокатская рѣчь, написанная въ защиту тѣхъ принциповъ, которыхъ авторъ держался въ своей многолѣтней дѣятельности въ области романа и въ защиту достоинства и значенія самаго романа противъ порицателей этого рода поэзіи и противъ жалкихъ ремесленниковъ, роняющихъ честь поэтическаго знамени.

Книга Шпильгагена не представляетъ систематическаго цѣлага. Это—сборникъ отдѣльныхъ статей, частью напечатанныхъ,

частью впервые изданных; но все эти статьи связаны между собою единством общей идеи, во всех них с различными точек зрения рассматривается одна и та же тема, везде слышится одно и то же «*ceterum censeo*». В приложении помещена рѣчь въ память Бертольда Ауэрбаха, прочитанная въ собраніи берлинскаго литературнаго клуба. «Я посвятилъ бы всю эту книгу памяти моего покойнаго друга,—говорит Шпильгагенъ въ предисловіи,—если бы считалъ дозволительнымъ выставять на показъ свои интимныя отношенія. Эта книга многимъ обязана ему. При существованіи между нами самой тѣсной дружбы, мы всегда сообщали другъ другу свои литературные планы и труды, страницу за страницей. При такомъ общеніи мыслей, конечно, между нами нерѣдко бывали тѣ глубоко-серьезныя бесѣды, въ которыхъ художники стараются раскрывать все тайны своего искусства. Въ собранныхъ въ этой книгѣ статьяхъ нѣтъ, можно сказать, ни одного тезиса, который бы не былъ много разъ обсужденъ нами сообща съ разныхъ сторонъ, и я не помню, чтобы когда-нибудь мы расходились въ какомъ-либо важномъ пунктѣ теоріи нашего искусства... Даже и относительно техники, т.-е. практическаго примѣненія этой теоріи, между нами господствовало полное единодушіе. Разница была только въ томъ, что я въ своей практикѣ строго придерживался разъ навсегда установленныхъ нормъ, между тѣмъ какъ онъ охотно допускалъ известную свободу отъ нихъ». Такимъ образомъ, эти статьи во многомъ являются какъ бы протоколами бесѣдъ двухъ знаменитыхъ романистовъ о теоріи и практикѣ романа, и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ любопытныя указанія о томъ, чѣмъ руководится самъ Шпильгагенъ въ своей литературной дѣятельности.

Мы постараемся наложить сущность теоріи нѣмецкаго романиста, и, не придерживаясь порядка статей, подробный разборъ которыхъ не входитъ въ нашу задачу, суммировать разбросанныя въ нихъ замѣчанія такъ, чтобы въ сжатомъ очеркѣ представить возможно полный перечень главнѣйшихъ его положеній.

Теорія романа—дѣло до такой степени новое, что Шпильгагену приходится быть едва ли не первымъ піонеромъ въ этомъ отдѣлѣ эстетики. Прежніе теоретики относились къ этому виду эпоса съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, видя въ немъ «упадокъ» эпической поэзіи; но романъ отомстилъ за это пренебреженіе, широкою волною разлившись по всемъ современнымъ литературамъ, поглощая и подчиняя себѣ почти все остальные формы

такъ называемой изящной словесности, захватывая жизнь современнаго человѣчества въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Среди продуктовъ умственнаго труда въ настоящее время нѣтъ ни одного, который могъ бы похвастаться такою силою и быстрою распространеніемъ, какъ именно романъ: можно смѣло сказать, что теперь каждый, мало мальски порядочный романъ пишется для цѣлаго свѣта, такъ какъ вскорѣ послѣ своего появленія въ какой-либо одной литературѣ переходитъ во всѣ остальные. Это явленіе, конечно, не случайное; романъ имѣетъ такое важное значеніе потому, что никакая иная литературная (или вообще художественная) форма не представляетъ такого удобнаго и цѣлесообразнаго средства для популярнаго выраженія духовныхъ интересовъ и потребностей современнаго человѣчества.

Такимъ образомъ, въ наше время теоретики и историки изящной словесности вынуждены удѣлять роману гораздо больше вниманія, чѣмъ прежде. При извѣстной наклонности нѣмцевъ къ отвлеченному теоретизированію, подводящему всѣ явленія духовной жизни подъ строго опредѣленныя нормы, естественно, что они первые обратили вниманіе на романъ, такъ повелительно заявляющій о своихъ правахъ и до сихъ поръ еще не уложенный въ рамки точной теоріи. Честь почина въ выполненіи этой задачи, представляющей громадныя трудности вслѣдствіе безконечнаго разнообразія матеріала, взялъ на себя писатель, одинаково сильный какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ, — и такого почина нельзя не признать особенно счастливымъ. Вслѣдъ за Шпильгагеномъ, конечно, пойдутъ и другіе, которые во многомъ не согласятся съ его воззрѣніями, во многомъ измѣнятъ и переработаютъ ихъ; но нѣтъ сомнѣнія, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ высказанныхъ имъ теоретическихъ положеній надолго останутся основными и руководящими.

Существенныя условія, которыми опредѣляется форма и содержаніе романа, должны быть выведены изъ общаго понятія объ эпосѣ. Эпосъ, по опредѣленію Шпильгагена, есть «повѣствовательное поэтическое изображеніе человѣчества, насколько послѣднее можетъ быть представлено даннымъ народомъ въ данную эпоху». Въ подробномъ анализѣ этой формулы заключается вся теорія эпоса и романа. Говоря вообще, «изображеніе человѣчества» составляетъ задачу всѣхъ искусствъ: это можно сказать и о музыкѣ, которая какъ будто обособляется отъ остальныхъ искусствъ только потому, что, возникая непосредственно изъ глубины человѣческаго духа, не можетъ имѣть прочной связи съ внѣшнимъ міромъ в, подобно призраку, исчезаетъ вмѣстѣ съ

производящими ее звуками; и объ архитектурѣ, которая возводитъ жилища для людей, а на высшей ступени развитія — для боговъ, создаваемыхъ людьми по своему образу и подобию; и о живописи, которая даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она не оживляетъ своихъ картинъ изображеніемъ людей, все-таки стремится выразить и возбудить извѣстное душевное настроеніе. Такимъ образомъ, человѣкъ во всѣхъ искусствахъ стремится объективировать себя, наслаждаться собою, видѣть, слышать, осязать, постигать самого себя; въ эпической поэзіи онъ пытается достигнуть всего этого вмѣстѣ. Эпическая фантазія стремится возможно болѣе расширить свой горизонтъ; эпическій поэтъ имѣетъ цѣлью дать идеальную картину міра, матеріаломъ для которой служатъ данныя, добываемыя постояннымъ и внимательнымъ наблюденіемъ дѣйствительности.

Этотъ матеріалъ безграниченъ; между тѣмъ, искусство, по самой своей природѣ, требуетъ, чтобы его произведенія были заключены въ извѣстные предѣлы; отсюда возникаетъ основное противорѣчіе между стремленіями эпической фантазіи и условіями художественнаго творчества. Это коренное противорѣчіе никогда не можетъ быть разрѣшено вполне; вслѣдствіе этого лирика и драма, не заключающія въ себѣ такого противорѣчія и, стало быть, вполне владѣющія своимъ матеріаломъ, должны быть поставлены, въ эстетическомъ отношеніи, выше эпоса; другими словами, эпическое произведеніе никогда не можетъ достигнуть такой степени художественнаго совершенства, какъ произведеніе лирическое или драматическое. Единственнымъ средствомъ для приблизительнаго разрѣшенія указаннаго противорѣчія служить возможно полное соблюденіе законовъ объективнаго творчества; стало быть, и эстетическая цѣнность всякаго эпическаго произведенія должна опредѣляться сообразно съ тѣмъ, насколько въ немъ соблюдены эти законы.

Въ чемъ же заключаются эти законы и насколько возможно для современнаго романиста ихъ точное выполненіе?

Вотъ основной вопросъ, въ рѣшеніи котораго знаменитый романистъ, слѣдуя принятому имъ строго-эстетическому методу, впадаетъ въ очевидную односторонность и даже, не замѣчая этого, отчасти самъ себя опровергаетъ.

Признавая возможно полную *объективность* непремѣннымъ условіемъ эпическаго творчества, Шпильгагенъ беретъ точкою отправленія гомеровскій эпосъ, какъ наиболѣе совершенный, можно сказать, идеальный типъ эпопеи, представляющій такую высокую степень безличности и объективности, какая для современнаго

поэта рѣшительно недостижима. Личность гомерическаго пѣвца совершенно исчезаетъ за коллективною личностью народа и за воспѣваемыми имъ событіями; объ его личныхъ чувствахъ и міросоверпаніи не можетъ быть и рѣчи; онъ не имѣетъ свободы ни въ выборѣ матеріала, который данъ ему уже готовымъ въ мифахъ и преданіяхъ, ни въ выборѣ метода, такъ какъ послѣдній уже выработанъ народною поэзіею. Его герои — не его личные идеалы, а представители цѣлой націи, выразители ея духа; существенно измѣнить ихъ характеръ онъ не въ состояніи; онъ можетъ только чувствовать къ тому или другому изъ нихъ большую или меньшую симпатію, и этимъ ограничивается весь его субъективизмъ. Его отношеніе къ своему предмету и къ публикѣ лучше всего опредѣляется словами Телемаха въ Одиссее (I, 347—350):

«Какъ же ты хочешь пѣвку запретить въ удовольствіе наше
То воспѣвать, что въ его пробуждается сердцѣ? Виновенъ
Въ томъ не пѣвецъ, а виновенъ Зевесъ, посылающій свыше
Людямъ высокаго духа по волѣ своей вдохновенье».

«Чего бы не далъ современный романистъ, — говоритъ Шпильгагенъ, — чтобы имѣть право отвѣчать такими же словами своимъ критикамъ?» Но это невозможно и недостижимо для самаго гениальнаго поэта нашего времени, въ силу того, что человѣческое общество, бывшее въ гомерическія времена однороднымъ цѣлымъ, теперь является въ состояніи чрезвычайной дифференціаціи; что личность, прежде всецѣло сливавшаяся съ общою массою, теперь, напротивъ, стремится выдѣлиться изъ нея, заявить свою самостоятельность. Современный поэтъ можетъ быть выразителемъ чувствъ и идей только извѣстной, небольшой части своего общества; стремиться стать, подобно поэту древнему, выразителемъ понятій *всего* народа, — это было бы все равно, что отыскивать квадратуру круга.

Все это, конечно, исполнѣ вѣрно; но Шпильгагенъ не доводитъ своей мысли до конца и забываетъ прибавить еще одну черту, благодаря которой различіе между эпосомъ гомерическимъ и современнымъ доходитъ до степени противоположности, исключаяющей всякое сравненіе этихъ двухъ несовмѣримыхъ величинъ: гомеровскій эпосъ, какъ, напримѣръ, и наши былины, есть результатъ *творчества коллективнаго*, всенароднаго, между тѣмъ какъ эпосъ современный есть результатъ творчества личнаго, и, слѣдовательно, необходимо долженъ носить на себѣ отпечатокъ личности автора. Это обстоятельство полагаетъ между обими

видами эпосомъ непреодолимую пронасть, — и его-то Шпильгагенъ, повидимому, совсѣмъ упускаетъ изъ виду: онъ вездѣ говоритъ если и не о «Гомерѣ», то о «гомеровскомъ поэмѣ», какъ о личности, какъ о человѣкѣ, существовавшемъ и творившемъ эпическую былинку *отдѣльно* отъ народа, о поэтѣ, котораго можно поставить, для сравненія, наряду съ современными писателями. «Гомеръ — и Гёте», «Гомеръ — и Вальтеръ-Скоттъ»: въ этомъ логически невозможномъ сопоставленіи заключается поводъ къ весьма важному недоразумѣнію, которое не могло не отразиться на шпильгагеновской теоріи романа, внося въ нее нѣкоторую сбивчивость и натянутость.

Въ статьѣ о предѣлахъ романа («Das Gebiet des Romans») Шпильгагенъ, выходя изъ того положенія, что эпическая фантазія должна смотрѣть на человѣка сквозь призму спокойнаго, яснаго, объективнаго наблюденія, говоритъ, что это наблюденіе должно служить высшимъ закономъ для художника, путеводною звѣздой, которой онъ никогда не долженъ терять изъ виду, все равно, желаетъ ли онъ показать образъ человѣчества въ зеркалѣ давно прошедшаго времени (романъ историческій) или представить идеальный отпечатокъ своего времени и вѣка. Романистъ всегда долженъ стараться создавать личности вполне живыя, округленныя, которыя бы рѣзко выдѣлялись на общемъ фонѣ окружающей ихъ среды; показывать этихъ личностей въ дѣйствіи и не требовать отъ нихъ ничего такого, чего онѣ не могутъ дать. «И ни одной буквы, ни одной іоты болѣе. Нис Rhodus, hic salta! Такова область романа, — область достаточно обширная сама по себѣ и которая не сдѣлается обширнѣе, если романистъ станетъ выдавать историческія или археологическія диссертациі за эпическую поэзію, или прищипливать къ представителямъ современности тенденціозные ярлычки, или, въ преувеличенномъ стремленіи къ идеализаціи, давать вмѣсто людей отвлеченныя схемы, вмѣсто фактовъ символы, или окутывать міръ, отчаявшись въ возможности его яснаго изображенія, романтическимъ туманомъ, или выдавать юмористически-сатирическій винегретъ за здоровую эпическую пищу».

Требуя, такимъ образомъ, отъ романа законченности и полноты дѣйствія, въ противоположность стремленію гомеровскаго эпоса безконечно продолжаться, такъ-сказать, въ обѣ стороны отъ любого, произвольно взятаго пункта; требуя отъ дѣйствующихъ лицъ округленности, особенности, въ противоположность гомеровскимъ лицамъ, не отдѣляющимся отъ фона и очерченнымъ лишь односторонне, самымъ простымъ контурамъ, безъ

перспективы ¹⁾), — Шпильгагенъ отступаетъ отъ своего эпического идеала и признаетъ, что требованія, предъявляемыя въ наше время роману, должны быть иныя, чѣмъ тѣ, какія предъявлялись прежде эпической поэмѣ. Повидимому и средства для выполнения этой задачи должны были бы быть иныя; между тѣмъ, Шпильгагенъ, не смотря на это различіе, признаетъ для обоихъ видовъ поэзіи одинъ и тотъ же критерій и много разъ настойчиво повторяетъ романисту: «Ты долженъ представлять намъ людей въ дѣйствіи, *только въ дѣйствіи*, и не можешь дѣлать ничего другого, не переставая быть эпическимъ поэтомъ». Въ этомъ, по мнѣнію Шпильгагена, и заключается такъ-называемая «эпическая цѣльность». Мы увидимъ ниже, въ какихъ странныхъ результатахъ приведетъ на практикѣ такое одностороннее пониманіе задачи романиста.

Романистъ (я поэтъ вообще) можетъ выражать свои мысли только въ образахъ, и все его искусство заключается въ томъ, чтобы представлять себѣ эти образы не иначе, какъ живыми и дѣйствующими, группировать ихъ такъ, чтобы они получали наибольшую производительную силу, такъ, чтобы въ ихъ дѣйствіяхъ развивалась богатая и широкая картина человѣчества. Отличіе эпического поэта отъ драматурга состоитъ въ томъ, что первый рисуетъ намъ эту картину въ разсказѣ, т.-е. посредственно, между тѣмъ какъ драматургъ непосредственно ставитъ насъ лицомъ въ лицу съ создаваемыми имъ образами. Эпическій поэтъ всегда и неизбежно представляетъ себѣ людей не иначе, какъ въ известной, опредѣленной общественной средѣ и на опредѣленномъ мѣстномъ фонѣ (все равно — въ полѣ, въ лѣсу, на улицѣ или въ комнатѣ) и въ этихъ условіяхъ не можетъ изображать ихъ. Въ эпосѣ читатель всегда долженъ точно знать, гдѣ и когда происходитъ дѣйствіе, до мельчайшихъ подробностей, «долженъ знать, свѣтитъ ли въ это время солнце или луна, или совсѣмъ темно». Для этого онъ вовсе не нуждается въ подробныхъ, многорѣчивыхъ описаніяхъ; достаточно нѣсколькихъ отдѣльных штриховъ и намековъ, являющихся почти непронзвольно. Можно сказать, что настоящій эпикъ никогда не рисуетъ обстановки особо отъ людей, а даетъ о ней понятіе лишь въ то время, когда въ ней находятся люди, т.-е. когда въ ней происходитъ дѣйствіе.

Эта тѣсная связь эпически изображаемаго человѣка съ его

¹⁾ На этомъ основаніи А. В. Шлегель остроумно сравнилъ гомеровскія поэмы съ барельефами.

физической обстановкой, не говоря уже о социальной средѣ, — эта его зависимость отъ условій мѣста и времени составляетъ одну изъ причинъ, въ силу которой передѣлка романа въ драму бываетъ всегда неудачна, и всего менѣе удастся тогда, когда на нее берется самъ авторъ романа. Какъ бы онъ ни старался выдѣлать чистое ядро драматическаго дѣйствія, эпическая шелуха повсюду мѣшается ему; сцены, которымъ онъ придаетъ особенную важность, потому что въ нихъ лежитъ центръ тяжести всего дѣйствія, и которыя въ романѣ, среди эпической обстановки, были превосходны, на сценѣ являются, если не совсѣмъ невозможными, то скучными и безцвѣтными, не смотря на все искусство нынѣшнихъ режиссеровъ. Переложеніе извѣстнаго мотива изъ одного рода или вида искусства въ другой, какъ ни кажется оно легкимъ и удобнымъ, возможно только въ томъ случаѣ, когда между двумя областями искусства существуетъ внутреннее сродство. Такъ, лирическая пѣсня легко соединяется съ музыкой, и наоборотъ, музыканты сочиняютъ «пѣсни безъ словъ», между тѣмъ какъ баллада, вслѣдствіе своей эпической оболочки, не поддается музыкальной переработкѣ ¹⁾. Съ другой стороны, чисто-драматическій мотивъ можетъ побудить музыканта предпринять подобное переложеніе. Далѣе: какъ часто красивый видъ природы, даже портретъ, вызываютъ вдохновенныя строфы поэта; но могъ ли бы тотъ же поэтъ попытаться переложить въ стихи сонату Бетховена?

Шпильгагенъ доказываетъ, что матеріалъ романа совершенно не таковъ, какъ матеріалъ драмы, и что поэтому переложеніе романа въ драму немислимо. Идея романа такъ обширна по своему объему, такъ широко развѣтвляется въ характерахъ многихъ лицъ, изъ группировки которыхъ въ дѣйствіи складывается задуманная авторомъ картина общества, такъ глубоко раскидываетъ свои корни въ тяжелой почвѣ совершенно опредѣленныхъ историческихъ и социальныхъ отношеній, изображеніе которыхъ необходимо для того, чтобы придать каждой картинѣ извѣстный характеръ, — что неблагоразумный драматургъ, пытаясь воспроизвести все это при помощи своихъ ограниченныхъ средствъ, скоро выбивается изъ силъ. Счастливъ онъ, если ему удастся овладѣть хотя бы одною частью, однимъ эпизодомъ; но это возможно далеко не всегда.

¹⁾ Шпильгагенъ, очевидно, расходится съ возрѣніями новѣйшей музыкальной школы, которая не видитъ ничего невозможнаго въ переложеніи не только баллады но, пожалуй, даже и цѣлаго романа на музыку безъ словъ.

Съ другой стороны, повѣсть по своему матеріалу почти всегда драматична, и, слѣдовательно, можетъ быть удачно переложена въ драму. Вопросу о различіи между повѣстью и романомъ Шпильгагенъ посвящаетъ двѣ очень интересныя статьи («*Novelle oder Roman?*» и «*Roman oder Novelle?*») и опредѣляетъ это различіе въ общихъ чертахъ слѣдующимъ образомъ: повѣсть имѣетъ дѣло съ характерами уже готовыми, которые, вслѣдствіе особеннаго сдѣянія условій и обстоятельствъ, приведены къ интересному конфликту и такимъ образомъ вынуждены раскрыть свою сущность, такъ что конфликтъ, который иначе могъ бы разрѣшиться Богъ знаетъ чѣмъ, получаетъ вполне опредѣленный исходъ, обусловливаемый особенностями данныхъ характеровъ. Въ старинной новеллѣ первое мѣсто отводится именно «особенному сдѣянію условій и обстоятельствъ»; въ новѣйшей повѣсти преимущественное вниманіе обращается на «особенности данныхъ характеровъ». Романъ, напротивъ, заботится не столько о возможно большемъ интересѣ дѣйствія, сколько о возможно полномъ и широкомъ изображеніи жизни; поэтому онъ имѣетъ дѣло не съ готовыми людьми, которые, въ силу своей опредѣленности, быстро приводятъ всякое положеніе къ развязкѣ, а съ такими личностями, которыя находятся еще въ періодѣ развитія и вслѣдствіе этого не могутъ имѣть рѣшительнаго вліянія, а скорѣе сами поддаются вліянію окружающей ихъ среды, заставляя, такимъ образомъ, автора вести читателя къ цѣли длиннымъ, обходнымъ путемъ.

Какъ для романиста, такъ и для новеллиста эта цѣль, конечно, одна и та же: проникнуть въ глубь человѣческой души; но новеллистъ довольствуется лишь частнымъ объясненіемъ этой сфинксовой загадки, между тѣмъ какъ романистъ долженъ имѣть въ виду окончательное ея рѣшеніе. Соответственно этому и средства того и другого неодинаковы. Новеллистъ, обрисовывающій лишь немногихъ лицъ, которыя, въ сущности, всѣ находятся на первомъ планѣ, имѣетъ на своей палитрѣ очень немного красокъ и пишетъ смѣлыми, рѣзкими штрихами; романистъ, которому приходится выводить на сцену много лицъ и распределять ихъ сообразно съ требованіями перспективы, нуждается въ возможно болѣе широкомъ пространствѣ и во множествѣ самыхъ разнообразныхъ красокъ. «Новелла или повѣсть, — говоритъ Шпильгагенъ, — похожа на задачу умноженія, въ которой изъ небольшого числа множителей быстро получается вполне точное произведеніе; романъ похожъ на сложеніе длиннаго ряда большихъ цифръ, который требуетъ болѣе долгаго труда и даетъ менѣе

надежный результатъ». Поэтому повѣсть, какъ по своей цѣли, такъ и по выполненію, представляетъ рѣшительную аналогію съ драмой, между тѣмъ какъ романъ во всѣхъ отношеніяхъ прямо противоположенъ драмѣ.

Но вопросъ о средствахъ и способѣ ихъ употребленія переводитъ насъ изъ области теоретическихъ разсужденій прямо въ область практическихъ уроковъ искусства, въ область той «техники», которую романистъ рекомендуетъ своимъ читателямъ, основываясь на критическихъ наблюденіяхъ и на личномъ опытѣ. Эта сторона книги Шпильгагена, при всемъ своемъ интересѣ, во многихъ отношеніяхъ уступаетъ теоретической части. Въ теоріи, вообще говоря, всѣ могутъ быть согласны между собою, какъ Шпильгагенъ съ Ауэрбахомъ; но на практикѣ, не смотря на обязательную «объективность», всякій придерживается своего собственнаго метода. Это и естественно: едва-ли можно найти двухъ человѣкъ, которые бы отнеслись къ одному и тому же явленію совершенно одинаково.

Прежде всего: возможна ли вообще «техника» романа? Шпильгагенъ, какъ мы сказали выше, постоянно ссылается на *Иліаду* и *Одиссею*, причемъ впадаетъ въ указанную нами коренную ошибку, не замѣчая, что выведенныя изъ нихъ правила не подходятъ даже къ *Виргилію*, который во всемъ, можно сказать, рабски держался греческаго оригинала, и что осуждать произведенія новѣйшаго эпоса — романа за отступничество отъ этихъ правилъ равносильно осужденію Шекспира за то, что его драмы не похожи на софокловскія. Широкія, общія теоретическія рамки, конечно, нужны и полезны для всякаго рода художественнаго творчества; но едва ли можно сказать это объ указаніяхъ относительно выработки подробностей и частныхъ. Имѣетъ ли современный романъ опредѣленныя правила и формы? есть ли какая-нибудь возможность обучить писанію романовъ, — конечно, не такъ, какъ схоластическія пѣтійки обучали писанію разныхъ «стиховныхъ штукъ», т.-е. не съ исключительно внѣшней стороны, а въ самомъ дѣлѣ ясно и понятно указать неопытному писателю, съ чего онъ долженъ начинать романъ, какъ вести его дальше, какъ вплетать въ него различные эпизоды, гдѣ ускорять, гдѣ замедлять развитіе дѣйствія и какимъ образомъ привести его къ развязкѣ? Болѣе тѣмъ сомнительно; да если бы это и было возможно, то при строжайшемъ соблюденіи техническихъ правилъ мы получили бы лишь мертвое тѣло, можетъ быть, и прекрасную Галатею, но безъ души. Если романистъ не въ состояніи вдохнуть въ свое произведеніе эту живую душу, никакая

техника ничему его не научить. Шпильгагенъ не замѣчаетъ этого, потому что его воззрѣнія на предметъ слишкомъ субъективны; онъ все мѣряетъ на свой аршинъ, забывая, что такимъ аршиномъ обладаютъ лишь очень немногіе.

Но, признавая невозможность развитія «техники» романа, какъ учебнаго предмета, техники подробностей, мы все-таки должны допустить возможность и пользу болѣе общихъ, скорѣе теоретическихъ, чѣмъ чисто практическихъ указаній, особенно если они дѣлаются съ такимъ талантомъ и остроуміемъ, какъ у Шпильгагена. Мы остановимся на этихъ указаніяхъ еще и потому, что они во многомъ дополняютъ и объясняютъ представленныя выше основныя положенія теоріи Шпильгагена.

Въ этомъ отношеніи особенно важны двѣ статьи: «Der Held im Roman» и «Finder oder Erfinder». Шпильгагенъ тонко и очень вѣрно различаетъ въ романѣ два существенныхъ фактора: героя, на которомъ сосредоточивается весь интересъ дѣйствія, и ту среду или обстановку, гдѣ это дѣйствіе совершается. При этомъ практически возможны три случая: во-первыхъ, герой и окружающая его обстановка могутъ быть, такъ-сказать, равноправны или изображены съ одинаковой отчетливостью, — тогда получается романъ въ родѣ «Донъ-Кихота», «Консуэло» Жоржа Санда и т. п.; во-вторыхъ, обстановка можетъ быть важнѣе героя, т. е. его приключенія интереснѣе самой его личности («Айвенгô» Вальтеръ Скотта, «Жиль-Блазъ» Лесажа); наконецъ, въ третьихъ, герой стоитъ выше окружающей его обстановки и привлекаетъ къ себѣ преимущественное вниманіе («Давидъ Копперфильдъ» Диккенса и собственные романы Шпильгагена, исключая «Бурный потокъ» и «Одинъ въ полѣ не воинъ»). Мы не рѣшились бы сказать, что первый изъ этихъ случаевъ, когда герой и обстановка уравниваются другъ друга, когда характеры дѣйствующихъ лицъ столько же интересны и жизненны, какъ и самое дѣйствіе, — что такой случай предпочтительнѣе остальныхъ: художественныя произведенія едва ли можно сортировать, какъ сигары. Геніальный писатель въ родѣ Сервантеса, по какой бы изъ этихъ трехъ формулъ онъ ни писалъ, конечно, создалъ бы произведенія, одинаково совершенныя въ своемъ родѣ. Шпильгагенъ вѣрно понялъ и оцѣнилъ не только эти два главные фактора романа, но и взаимное отношеніе между ними; только, по своему личному вкусу, онъ предпочитаетъ выдвигать на первый планъ героя. Міръ въ его глазахъ не есть что-либо самостоятельное; онъ существуетъ въ романѣ единственно ради героя, тѣмъ болѣе, что, по мнѣнію Шпильгагена, героемъ романа почти

всегда бываетъ самъ его авторъ. Въ умѣ автора герой и матеріалъ романа — отождествляются; романистъ не можетъ представлять себѣ матеріалъ (дѣйствіе) отвлеченно, а представляетъ его непремѣнно въ связи съ лицомъ, которое является носителемъ идеи автора. Фантазія есть конкретное мышленіе; она никогда не имѣетъ дѣла съ отвлеченными понятіями; она не знаетъ самоубійства, а знаетъ только самоубійцу, и притомъ выполнѣ опредѣленнаго: Вертера, Офелію и пр. Стало быть, при первой же концепціи романа въ умѣ автора прежде всего является образъ героя. Отношеніе героя къ автору — чисто личное. Герой — это то стекло, сквозь которое авторъ, въ давномъ романѣ, смотритъ на міръ; это — масштабъ, которымъ измѣряются всѣ остальные лица и единствомъ котораго обуславливается гармонія цѣлаго. вмѣстѣ съ тѣмъ, герой есть какъ бы предѣлъ, удерживающій экспансивную эпическую силу и препятствующій вторженію въ романъ элементовъ, не имѣющихъ съ нимъ органической связи. Если романистъ вообще долженъ изображать жизнь такъ, чтобы она представлялась намъ въ видѣ космоса, управляемаго великими и вѣчными законами, то онъ, въ силу неизбежной логической и эстетической необходимости, долженъ выдѣлить изъ массы одного человѣка, который являлся бы какъ бы представителемъ всего человѣчества и съ жизнью и судьбою котораго была бы связана жизнь и судьба прочихъ людей. Таково самое общее правило; но такъ какъ практически наши средства для достиженія этой цѣли очень ограничены и такъ какъ мы занимаемся не человѣчествомъ вообще, а лишь незначительною его частью, то этотъ счетъ никогда не уплачивается вполне или, другими словами, наши изображенія дѣйствительности никогда не могутъ быть признаны вполне соответствующими ей. Изъ этого слѣдуетъ, что «остатокъ» нужно стараться довести до возможнаго минимума; а это достигается только тогда, когда дѣйствующія лица и окружающая ихъ обстановка во все продолженіе дѣйствія остаются вѣрны сами себѣ, когда авторъ не требуетъ отъ нихъ того, чего они не могутъ дать. Если эта внутренняя связь романиста съ выводимыми имъ живыми лицами и въ особенности съ героемъ расторгается, тогда нарушается вся гармонія романа, изъ стройнаго цѣлаго онъ обращается въ путаницу и распадается ¹⁾.

¹⁾ Съ этой точки зрѣнія Шпильгагенъ строго осуждаетъ извѣстный романъ Джорджа Эллиота „Мидльмарчъ“, въ которомъ авторъ постоянно „перерастаетъ“ своихъ героев и закидываетъ первого вторымъ и третьимъ. По мнѣнію Шпильгагена, „Мидльмарчъ“ — вовсе даже и не романъ, а просто *disjecta membra* романа безъ начала и безъ конца („Der Held im Roman“).

Затѣмъ Шпильгагенъ подробно разсматриваетъ другой вопросъ: нуждается ли романистъ для изображенія своихъ дѣйствующихъ лицъ, и въ особенности—своего героя, въ модели, въ натурщикѣ такъ же, какъ, напримѣръ, живописецъ или скульпторъ? По собственному опыту, онъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ безусловно утвердительно. Разница между скульпторомъ и романистомъ заключается только въ томъ, что для послѣдняго натурщикъ долженъ соответствовать идеальному типу не только по вѣнности, но и по внутреннему, духовному своему содержанію. Поэтому-то романистъ очень часто нисшетъ своего героя съ себя самого; почти всѣ начинающіе романисты, сознательно или безсознательно, дѣлаютъ это. Но, уподобляясь такимъ образомъ Протею, могущему принимать на себя всевозможные образы, романистъ, все-таки, долженъ заимствовать кое-что изъ природы того существа, въ которое онъ воплощается. Настоящій поэтъ, пройдя періодъ пылкой, юношески-ограниченной субъективности и сообразивъ, что не окружающій его міръ долженъ понять его, а онъ самъ долженъ понять окружающій его міръ, старается стать на высоту этой новой своей задачи. А это онъ можетъ сдѣлать только тогда, когда онъ вполне серьезно, искренно и страстно воплотится въ такой типъ, который во всѣхъ отношеніяхъ,—по темпераменту, характеру, привычкамъ, воспитанію, общественному положенію, даже по вѣнному виду,—какъ можно болѣе отличается отъ него самого. Конечно, и при этомъ, все-таки, останется извѣстный субъективный осадокъ; но устранить его уже не въ нашихъ силахъ. Этому-то субъективностью и объясняется, почему создаваемый художникомъ типъ никогда не соответствуетъ избранной модели во всѣхъ отношеніяхъ. Это различіе возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ дѣйствіе подвигается впередъ, потому что романистъ, избирая модель въ началѣ работы, еще не знаетъ, какъ сложится дѣйствіе во всѣхъ подробностяхъ и какихъ измѣненій въ характерѣ дѣйствующихъ лицъ потребуютъ обстоятельства.

Усвоивъ идею своего романа (вмѣстѣ съ типомъ героя) и набросавъ первый очеркъ его плана, романистъ (лучше сказать: самъ Шпильгагенъ, такъ какъ здѣсь онъ изображаетъ ходъ своихъ собственныхъ работъ) принимается за болѣе обстоятельное изученіе исторіи своего героя и знакомится съ окружающими его лицами и обстановкой. Вызывая эти лица, эти «schwankende Gestalten», и придавая имъ плоть и кровь, онъ внимательно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы воѣ они были, такъ сказать, на службѣ у главной идеи романа, т.-е. у героя, и чтобы въ романъ вхо-

длин только тѣ изъ нихъ, которыя предъявлять правильный паспортъ, т.-е. доказать свою органическую связь съ героемъ и, слѣдовательно, невозможность обойтись безъ нихъ. Но эти второстепенныя лица, будучи призваны на службу, очень часто заявляютъ свою самостоятельность и не легко подчиняются волѣ романиста, старающагося вогнать ихъ въ поставленныя имъ рамки. Тогда начинается своего рода борьба автора съ имъ же созданными образами, почти всегда вынуждающая его существенно измѣнять, въ подробностяхъ, первоначальный планъ. Для того, чтобы облегчить эту борьбу и удобнѣе ориентироваться въ толпѣ назойливыхъ образовъ, Шпильгагенъ всегда составляетъ списокъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ романа, со всѣми ихъ паспортными примѣтами, съ указаніемъ возраста, роста, цвѣта волосъ и глазъ и пр. Затѣмъ слѣдуетъ окончательная разработка плана во всѣхъ подробностяхъ и, наконецъ,—самая постройка зданія, т.-е. романа.

«Благо поэту,—говоритъ Шпильгагенъ,—который обладаетъ обильнымъ запасомъ живыхъ наблюдений и можетъ располагать ими на каждомъ шагѣ своего труднаго и опаснаго пути! Тогда — и только тогда — всякое облачко, появившись на небѣ, броситъ тѣнь на душу читателя, всякій солнечный лучъ, пробившись сквозь древесную листву, заглянетъ къ нему въ сердце, чирикание всякой птички раздастся въ его ушахъ».

Этимъ все сказано, но, къ сожалѣнію, ничего не объяснено, и самъ Шпильгагенъ вынужденъ сознаться, что мы всегда будемъ знать только то, *что* производитъ поэтическая творческая сила, но никогда не будемъ знать того, *какъ* она это производитъ, какъ объективируется внутреннее душевное оостаніе поэта. На основаніи наблюдений Шпильгагенъ приходитъ только къ тому выводу, что и художественно-творческая дѣятельность подчиняется тѣмъ же условіямъ, какъ и всякая другая, что и здѣсь, какъ вездѣ, изъ ничего ничего не выйдетъ, и что для достиженія цѣли необходимо, прежде всего, энергичный и прилежный трудъ. «Каждый атомъ матеріала, добытаго опытомъ, долженъ быть обработанъ фантазіей»; но самый процессъ этой обработки, процессъ творчества — «покрытъ завѣсою, которой никто и никогда не поднималъ и не подниметъ».

Изъ различныхъ формъ романа Шпильгагенъ съ особенной любовью и подробностью останавливается на такъ называемомъ романѣ «Въ первомъ лицѣ» (Ich-Roman), въ которомъ герой ведетъ рассказъ отъ своего имени («Давидъ Конперфильдъ» Диккенса). Предпочтеніе, отданное имъ этой формѣ, совершенно согласно

съ его взглядомъ на значеніе героя: онъ находитъ, что во всякомъ современномъ романѣ, даже и въ такомъ, гдѣ, повидимому, соблюдена полнѣйшая объективность, личность героя «приблизительно совпадаетъ» съ личностью автора, и что, въ сравненіи съ объективной безличностью гомеровскаго эпоса, всякій современный романъ субъективенъ и, независимо отъ своей формы, долженъ быть признанъ романомъ «въ первомъ лицѣ». Этимъ Шпильгагенъ объясняетъ и то сходство, какое замѣчается между различными героями различныхъ романовъ одного и того же, или даже разныхъ авторовъ, не смотря на видимое внѣшнее несходство ихъ положенія. Причина этого сходства лежитъ въ томъ, что авторъ постоянно пользуется одною и тою же моделью, создаетъ—сознательно или безсознательно—героя по своему образу и подобию. Въ относительно короткіе промежутки времени, отдѣляющіе одинъ романъ отъ другого, міросозерцаніе автора измѣняется такъ мало, что, въ сущности, въ каждомъ послѣдующемъ романѣ можно видѣть продолженіе предыдущаго. Въ этомъ отношеніи романистъ увлекается естественнымъ, присущимъ эпической фантазіи стремленіемъ постоянно «расширять свой горизонтъ». Если мы возьмемъ романы не одного какого-либо писателя, а всѣхъ писателей даннаго періода времени, то и въ нихъ мы вездѣ увидимъ то же генерическое сходство между героями. Это замѣчаетъ и обыкновенная публика, оказывая особенное предпочтеніе первому роману извѣстнаго писателя, тому роману, которымъ авторъ «проложилъ себѣ дорогу» въ литературѣ, а вмѣстѣ съ романомъ—и его героя. Романистъ можетъ написать еще дюжину произведеній, гораздо болѣе зрѣлыхъ по замыслу, гораздо болѣе удачныхъ по выполненію,—въ глазахъ публики его имя все-таки останется неразрывно связаннымъ съ заглавіемъ его перваго романа и съ именемъ его перваго героя. По той же причинѣ публика очень холодно относится къ «продолженіямъ», хотя бы появленіе ихъ и обуславливалось эстетическою необходимостью.

Въ виду этихъ соображеній, романисту, по многимъ причинамъ, удобнѣе, легче, свободнѣе вести рассказъ отъ своего лица, такъ какъ эта форма даетъ ему возможность вводить въ романъ субъективный элементъ въ формѣ своихъ личныхъ разсужденій, поясненій, обращеній къ читателю и т. п. «парабазовъ», которые въ романѣ «третьяго лица» (Eg-Roman) не могутъ быть терпимы. Если, не смотря на всѣ эти выгоды, романы отъ «перваго лица», все-таки, составляютъ лишь крайне незначительное меньшинство, то это слѣдуетъ объяснить двумя важными трудностями ихъ тех-

ники. Во-первыхъ, авторъ легко можетъ злоупотребить той свободой, которую онъ предоставляетъ здѣсь своему «я» и вдаться въ неидушую къ дѣлу и утомительную личную болтовню; во-вторыхъ, въ этой формѣ романа кроется нѣкоторая неестественность, которую едва ли возможно совсѣмъ устранить. Авторъ объективнаго романа выводитъ своихъ дѣйствующихъ лицъ при какой угодно обстановкѣ и заставляетъ ихъ высказывать самыя сокровенныя ихъ помышленія, — и это вполне правильно, такъ какъ онъ вездѣсущъ и всевѣдущъ, подобно музѣ Гомера; разумѣется, это — фикція, но фикція законная, освященная практикою искусства и согласная съ его сущностью. Субъективный романъ также требуетъ отъ своего автора вездѣсущія и всевѣдѣнія; но здѣсь авторъ, отождествляя себя съ героемъ, является, стало быть, человѣкомъ и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ обязанъ оправдать свое присутствіе и свое знаніе; а для этого ему очень часто приходится прибѣгать къ всевозможнымъ психологическимъ натяжкамъ, производящимъ вовсе не художественное впечатлѣніе.

Этимъ особеннымъ предпочтеніемъ къ герою романа, этимъ признаніемъ во всякомъ романѣ извѣстной субъективности объясняется нерасположеніе Шпильгагена къ роману историческому, «героями котораго бываютъ или такіе странно-расплывающіеся ребята, какъ Айвенгô и Квентинъ-Дорвардъ, или господа, какъ двѣ капли воды похожіе на г. X. Y. Z. изъ круга нашихъ знакомыхъ». И въ самомъ дѣлѣ, какую незначительную роль играетъ Айвенгô въ сравненіи съ Ричардомъ-Львиное-Сердце, или Дорвардъ въ сравненіи съ Людовикомъ XI, не говоря уже о томъ, что они совершенно ступеньваются, если романистъ изберетъ фономъ для своей картины миланскую чуму или соборъ Парижской Богоматери. Шпильгагенъ, какъ поэтъ, возмущается противъ такого униженія героевъ.

Но дѣйствительно ли справедливо, что личность романиста всегда «приблизительно совпадаетъ» съ личностью его героя? справедливо ли, что всякій романъ начинается прежде всего «изобрѣтеніемъ» героя, какъ это утверждаетъ Шпильгагенъ? По отношенію къ своему личному опыту онъ, по всей вѣроятности, правъ; но этого еще недостаточно для теоретическаго обобщенія. Если даже и допустить, что авторъ всегда высказываетъ въ романѣ свои личные взгляды, то почему же онъ долженъ дѣлать это непременно въ лицѣ героя, а не кого-либо другого? Развѣ, напримѣръ, «приблизительно совпадаютъ» личности мистера Пиквика или Домби — и Диккенса, Жиль-Блаза — и Лесажа, Донъ-Кихота — и Сервантеса, Базарова — и Тургенева и т. д.? Развѣ

не подходить онѣ скорѣе подъ тотъ, самымъ Шпильгагеномъ приводимый примѣръ, когда романистъ выбираетъ моделью лицо, во всѣхъ отношеніяхъ наименѣе съ нимъ сходное? Что касается до «генерическаго» сходства героевъ, мѣсто указаннаго Шпильгагеномъ, то, на нашъ взглядъ, оно объясняется не столько ихъ происхожденіемъ изъ личности автора, сколько изъ необходимости, присущей современному роману. Всѣ наши романы, въ концѣ концовъ, не болѣе, какъ любовныя исторіи; все остальное въ нихъ—только рамка, арабески, иногда чрезвычайно богатые и художественные, но все-таки только арабески; рамка иногда огромная, въ которой самая картина почти исчезаетъ, точно такъ же, какъ модные пейзажики на полотнѣ въ квадратный вершокъ, — но все-таки — только рамка, не болѣе. Соединится ли «онъ» съ «нею» — that is the question. Любовь, «съ ея небесною отравой, съ ея мучительною тоской», конечно, не составляетъ исключительнаго достоянія юности; но гдѣ можетъ она проявляться въ болѣе привлекательной, разнообразной и благодарной для романиста формѣ, какъ не въ юношескихъ, полныхъ силы и огня, натурахъ? Могъ ли Альфредъ-де-Мюссэ приписать любовныя грезы и любовное безуміе своего Октава — пятидесятилѣтнему человѣку? можемъ ли мы представить себѣ Дору Давида Копперфильда или тургеневскую Елену въ «Накавунѣ» — сорокалѣтнею матроной? Конечно, нѣтъ. Эти образы должны быть юными, — этого требуетъ жизненность и правда. Но при всѣхъ завидныхъ качествахъ юности, ей недостаетъ одного, — опыта и той особенной складки, которая придается имъ характеру зрѣлаго человѣка. Поэтому всѣ юношескія фигуры въ романахъ поразительно похожи одна на другую. Всѣ онѣ являются чѣмъ-то въ родѣ бѣлаго листа бумаги, который не препятствуетъ перу вывести, что угодно. У самого Шпильгагена въ Анджелу влюбляются всѣ мужчины, выведенные въ романѣ, а д-ръ Освальдъ Штейнъ («Загадочныя натуры») покоряетъ сердца всѣхъ женщинъ, съ которыми встрѣчается. Такимъ образомъ, самъ Шпильгагенъ оказался не въ силахъ бороться съ закономъ природы и искусства, по которому для романа требуется молодой герой и молодая героиня, и главнымъ занятіемъ ихъ является—любовь, вездѣ и всегда одна и та же. Что же удивительнаго, если основныя фабулы и основныя дѣйствующія лица всѣхъ романовъ такъ сходны между собою, что мѣняется только обстановка, «среда» (въ обширномъ смыслѣ этого слова), но не «онъ» и не «она»? не отъ неспособности писателя, а отъ невозможности, превращая одну личность въ другую, придать ей рѣзко обособленный ха-

ракторъ, происходитъ та «расплывчатость» героевъ, противъ которой вооружается Шпильгагенъ: она обуславливается самою сущностью современнаго романа.

Но если этотъ основной законъ не можетъ быть прямо нарушенъ, то его можно—обойти, такъ что герой и героиня съ ихъ личною судьбою могутъ, если не исчезнуть, то ступеваться въ той общей «картинѣ человечества», которая составляетъ высшую цѣль эпического поэта. Романистъ смѣло пускается въ водоворотъ событій или старается разъяснить идеальный смыслъ извѣстной эпохи и воплотить въ живые образы ея дѣйствующія силы. Такъ Вальтеръ-Скоттъ представлялъ въ романахъ важнѣйшія событія шотландской и англійской исторіи, гр. Л. Н. Толстой въ «Войнѣ и Мирѣ» далъ эпопею одной изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ русской жизни; такъ Бальзакъ задумалъ свой отчаянно-смѣлый планъ изобразить, въ цѣломъ рядѣ связанныхъ между собою романовъ и повѣстей, всю «человѣческую комедію», какъ она представлялась ему въ Парижѣ и въ провинціи; такъ и Зола намѣренъ въ исторіи одной семьи Ругоновъ развить патологию второй имперіи. Въ такихъ случаяхъ главною цѣлью романиста является возможно полное изученіе и воспроизведеніе того ряда явленій, того «кусочка вселенной», который онъ избираетъ своею темою, а не отчетливая отдѣлка личности героя, который далеко не всегда бываетъ для автора «носителемъ идеи», «зрительнымъ стекломъ» и «масштабомъ». Историческія личности у Вальтеръ-Скотта—Марія Стюартъ, Елизавета, Кромвелль, Людовикъ XI—на обрисовку которыхъ онъ тратитъ всѣ свои силы, почти совсѣмъ заслоняютъ отъ глазъ читателя героя съ его любовной исторіей, точно такъ же, какъ Вальжанъ въ «Несчастныхъ» Виктора Гюго. Конечно, всѣ подобныя произведенія почти неизбѣжно впадаютъ въ одинъ недостатокъ,—въ излишнюю роскошь орнаментаціи, благодаря которой является множество эпизодовъ, множество второстепенныхъ фигуръ, которыя лишь очень слабо связаны съ основною, любовною фаволою романа и, не смотря на то, оттѣсняютъ героя и героиню на задній планъ; но, съ другой стороны, какъ ограничена сцена тѣхъ романовъ, въ которыхъ эта любовная исторія заслоняетъ собою все остальное! Географъ чертитъ на большомъ листѣ карту цѣлой страны; топографъ на такомъ же листѣ изображаетъ планъ одного маленькаго городка. Оба даютъ произведенія, въ своемъ родѣ цѣлыя, законченныя; но методъ одного совсѣмъ не таковъ, какъ методъ другого, не смотря на то, что оба они работаютъ «объективно».

Какъ мы сказали, Шпильгагенъ съ особенною настойчивостью

требуетъ отъ романиста объективности, въ смыслѣ изображенія людей въ дѣйствіи. Въ справедливости этого требованія едва ли кто станетъ сомнѣваться, потому что, въ самомъ дѣлѣ, длинныя отступленія, объясненія, описанія и т. п. всегда производятъ въ романѣ непріятное впечатлѣніе. Но Шпильгагенъ идетъ гораздо дальше: онъ не признаетъ за романистомъ никакого права анализировать характеръ и образъ мыслей котораго-либо изъ выводимыхъ имъ лицъ, вѣлагать, болѣе или менѣе подробно, біографію этого лица до появленія его на сценѣ романа; онъ порицаетъ «эту холодную и безцвѣтную привычку къ реляціямъ», которыя только сообщаютъ свѣдѣнія, «рапортуя», а не изображаютъ; онъ нападаетъ на Доде за то, что тотъ заставляетъ молодую г-жу Рислеръ, стоя у окна, вспоминать всю свою жизнь до брака; когда одинъ изъ друзей, шутя, предложилъ ему начать романъ такъ: «Жили были два мальчика; одного звали Петромъ, а другого Павломъ; Петръ былъ хорошій мальчикъ, а Павелъ — дурной», — онъ отвѣчалъ, что въ этой фразѣ по крайней мѣрѣ три четверти словъ лишнія, такъ какъ мы изъ самаго романа должны узнать, какъ звали мальчиковъ и каковъ былъ ихъ характеръ. Онъ не находитъ достаточно сильныхъ выраженій для порицанія «рефлектирующихъ» романистовъ, называетъ ихъ «эпическими занками», «фальшивыми монетчиками фантазіи», нимало не уважающими публики. «Конечно, — говоритъ онъ, — возставать противъ этого извращенія искусства разными романо-кропателями все равно, что выступать въ роли знаменитаго гидальго, сражающагося съ вѣтряными мельницами; но, все-таки, поэты должны же быть заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ принимали за тѣхъ, кѣмъ они хотятъ быть, и не смѣшивали съ историками, путешественниками, моралистами, журналистами, памфлетистами и разными другими людьми, не принадлежащими къ корпораціи романистовъ или не имѣющими объ искусствѣ никакого понятія».

Но этотъ гнѣвъ оскорбленнаго эстетика, желающаго смотрѣть на современный романъ съ высоты гомеровскаго эпоса, едва ли справедливъ. Шпильгагенъ, очевидно, увлекся. Эпосъ есть повѣствованіе; а въ каждомъ повѣствованіи есть моменты и оживленные, и спокойные. Если ужъ ссылаться на Гомера, то что такое въ Илиадѣ извѣстный каталогъ кораблей или, разсказъ о томъ, какъ Гефестъ ковалъ щитъ для Ахилла, — что это, какъ не «рапорты»? когда въ той же Илиадѣ перечисляются всѣ предки героевъ, то кто же перечисляетъ ихъ, какъ не самъ «авторъ»? Постоянное, непрерывное «дѣйствіе» и «движеніе» вызвало бы въ читателей самое непріятное настроеніе, какъ неумолкаемый

грохотъ машины. Если бы романистъ ничего не описывалъ, ничего не сообщалъ, то не было бы и романа. Кто могъ бы одолѣть, напримѣръ, «Яриарку тщеславія» Теккерея, если бы послѣдній вздумалъ писать ее по шпильгагеновскому рецепту? какъ можно было бы ввести въ романъ бородинское сраженіе, котораго, конечно, нельзя «изобразить», какъ изображается въ Иліадѣ бой Гектора съ Ахилломъ? Небольшую повѣсть можно такъ разсказывать, потому что она по существу своему драматична и можетъ быть прочитана въ одинъ пріемъ; но романъ—дѣло совсѣмъ иное. Въ субъективномъ романѣ необходимы для каждаго продолжительнаго повѣствованія паузы наполняются разсужденіями самого автора-героя, въ объективномъ романѣ—сообщеніями автора относительно хода дѣйствія и дѣйствующихъ лицъ, описаніями и т. п. Къ чему стремился древній эпическій пѣвецъ, къ чему стремится современный романистъ? Къ тому, чтобы читатель внимательно, вдумчиво, съ удовольствіемъ и интересомъ слѣдилъ за его разсказомъ, чтобы онъ дочиталъ книгу до конца и, окончивъ чтеніе, пожалѣлъ, что расстаётся съ нею, съ лицами, съ которыми успѣлъ сблизиться въ продолженіе разсказа, съ развернутою передъ нимъ панорамой общества. Но какъ можетъ читатель оставаться спокойнымъ, если самъ авторъ не можетъ или не хочетъ успокоиться?

Такимъ образомъ, то, что Шпильгагенъ хочетъ изгнать изъ романа, составляетъ его необходимую принадлежность. Другое дѣло—злоупотребленія «рефлектирующихъ» романистовъ, на которыя Шпильгагенъ указываетъ, иллюстрируя свою критику очень яркими и остроумно выбранными примѣрами; но злоупотребленіе и правильное употребленіе—большая разница.

Съ точки зрѣнія своей теоріи, выдвигающей героя на первый планъ, Шпильгагенъ не обращаетъ особеннаго вниманія на обстановку и потому отрицаетъ въ романѣ всякую спеціальность. «Я не знаю,—говоритъ онъ,—ни политическаго, ни соціальнаго, ни философскаго, ни юмористическаго романа; я знаю только романы хорошіе и дурные. Пожалуй, еще посредственные». — «Если есть романы юридическіе, полицейскіе, плутовскіе, аристократическіе, народныя, — то отчего же не быть лакейскимъ, сапожничьимъ, кучерскимъ и т. д.?» Съ особенной строгостью онъ вооружается противъ юмористическихъ романовъ: «Если бы это было въ моей волѣ, я запретилъ бы нѣмцамъ въ продолженіе десяти лѣтъ употреблять слова «юморъ» и «юмористическій» въ разговорѣ и на письмѣ», такъ какъ ничто не производитъ такого сумбура понятій, какъ легкомысленное обращеніе съ этими

словами. Художественная фантазія должна изображать міръ, въ которомъ человѣческая глупость является не болѣе, какъ однимъ моментомъ; слѣдовательно и юморъ можетъ быть только однимъ моментомъ фантазіи среди многихъ другихъ («Ein humoristischer Roman»), по поводу романа извѣстнаго эстетика Фишера: «Auch Einer»).

Прилагая свою теоретическую мѣрку къ произведеніямъ современной литературы романовъ, Шпильгагенъ, какъ и слѣдуетъ нѣмецкому писателю, отдаетъ пальму первенства своимъ соотечественникамъ, которые «стремились стать на высотѣ своей эпической задачи, изображая картину своего народа и его стремленій въ данную эпоху съ похвальною наблюдательностью, искренностью и большимъ запасомъ энергіи, изобрѣтательности и искусства». И эти старанія увѣнчались успѣхомъ, которымъ нѣмецкіе романисты имѣютъ полное право гордиться передъ своими иновѣковыми товарищами. «Произвела ли Англія послѣ смерти Тэккерея (за исключеніемъ Джорджа Эллиота) что-нибудь подобное, по глубинѣ содержанія и тонкости отдѣлки, романамъ Ауэрбаха или Фрейтага? ¹⁾ Да и самъ Тэккерей, и даже самъ Диккенсъ, въ сравненіи съ нашими поэтами, представляются поверхностными; у нихъ есть банальныя черты. А французы! ихъ Гюго съ своими «Несчастными», ихъ Додэ съ своими «Фромомъ», «Набобомъ», «Королями въ изгнаніи», ихъ Зола съ своими безнравственными картинами, нарисованными сѣрой краской по сѣрому фону! Вѣдь, если они и имѣютъ успѣхъ внѣ Франціи, то только вслѣдствіе общей человѣческой слабости, по которой заграничные товары цѣнятся выше отечественныхъ»...

Этотъ строгій приговоръ развивается съ особенною подробностью въ примѣненіи къ французскимъ романистамъ. У нихъ нѣтъ никакой теоретической выучки; они не знаютъ различія между романомъ и повѣстью; они не могутъ обработать свой сюжетъ въ томъ обширномъ объемѣ, какой требуется отъ романа самой его сущностью, а между тѣмъ берутся за обширный матеріалъ. Какъ же справляется французскій писатель съ этимъ матеріаломъ, укладывая его въ небольшой томъ Шарпантье въ 400 страницъ? Очень просто: онъ дѣлитъ свой романъ на двѣ части: введеніе, въ которомъ какъ можно короче описываетъ судьбу всѣхъ дѣйствующихъ лицъ до начала дѣйствія, — и собственно исторію, которую требуется рассказать; само собою ра-

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ книги Шпильгагенъ называетъ нинѣшній англійскій романъ „одичалымъ“.

зумѣется, что тонъ обѣихъ этихъ частей совершенно различенъ. И, несмотря на такой приѣмъ, авторъ, все-таки, не предоставляетъ дѣйствующимъ лицамъ полной свободы, а, напротивъ, ежеминутно стѣсняетъ ихъ: какъ только то или другое лицо начнетъ дѣйствовать, услужливый романистъ тотчасъ же высказываетъ вслѣдъ за нимъ и начинаетъ описывать его съ головы до ногъ, анализировать его характеръ, образъ мыслей и пр. «Эта грубая, ребяческая манера, которая у насъ (нѣмцевъ) въ ходу только среди кропателей-дилеттантовъ, составляетъ неотъемлемую принадлежность всѣхъ французскихъ романистовъ». Наконецъ, что всего важнѣе, всѣ ихъ романы, въ сущности, вовсе не романы, а только послѣднія главы романовъ, остальной матеріалъ которыхъ кое-какъ сгруппированъ во введеніи и въ разбросанныхъ по роману объяснительныхъ эпизодахъ. Потому-то французскій романистъ, не имѣя ни мѣста, ни времени для всесторонней, пластической обрисовки своихъ персонажей, всегда изображаетъ ихъ, такъ сказать, въ профиль, съ одной только стороны, и, такимъ образомъ, совершаетъ тяжкій эпическій грѣхъ, давая вмѣсто романа адвокатскую или прокурорскую рѣчь.

Мы привели эти общіе критическіе отзывы Шпильгагена для того, чтобы показать, что въ критикѣ онъ одинаково силенъ и наблюдателемъ, какъ и въ теоріи, если не сильнѣе. Передадимъ теперь его взгляды на задачи строгой и правильной критики по отношенію къ роману.

Эта критика должна быть чисто-эстетическая. Нѣтъ ничего удивительнаго, говоритъ Шпильгагенъ, что современный романистъ, изображая неизмѣримый и безпредѣльный міръ на основаніи своихъ личныхъ, слѣдовательно, по необходимости крайне ограниченныхъ наблюденій, въ отзывахъ о своемъ трудѣ на каждомъ шагѣ встрѣчаетъ самыя странныя недоразумѣнія, и долженъ радоваться, если ему удалось удовлетворить вкусамъ незначительнаго меньшинства читателей, съ которыми онъ вращается, приблизительно, въ одной и той же общественной и умственной средѣ. Романистъ не долженъ этому удивляться; онъ долженъ употреблять весь свой талантъ, всѣ свои силы на то, чтобы изображать міръ такимъ, какимъ онъ его видитъ. Но и читатель, съ своей стороны, долженъ отнестись къ писателю добросовѣстно и постараться понять изображаемый имъ міръ, хотя бы самъ и не принадлежалъ къ нему. Стало быть, и критикъ долженъ бросить безплодную схематизацію, выискиваніе въ романѣ «основной идеи», на основаніи которой онъ причисляется къ одной изъ многочисленныхъ, произвольно установленныхъ и

никуда не годныхъ категорій («политическій, социальный, плутовской, кучерской» и т. д.). «Критикъ обязанъ показать, во-первыхъ, какъ широкъ тотъ горизонтъ, который захватывается идеальнымъ взоромъ автора; во-вторыхъ, удалось ли ему наполнить весь очерченный имъ кругъ богатой и пропорціональной фабулой; въ-третьихъ, достигъ ли онъ своей цѣли законными эстетическими средствами, т.е. изображая только живыхъ людей въ известной общественной и физической средѣ,—причемъ послѣдняя никогда не должна выступать самостоятельно, въ отвлеченныхъ описаніяхъ и вводныхъ эпизодахъ, но должна являться лишь по столько, по сколько черезъ нее проходятъ дѣйствующія лица; наконецъ, въ четвертыхъ, насколько съ этою, чисто-техническою и въ тѣсномъ смыслѣ слова поэтическою объективностью согласуется высшая объективность, требующая равноправности всѣхъ сторонъ жизни, или, проще, можно ли признать автора тенденціознымъ въ худшемъ смыслѣ этого слова, или же онъ тенденціозенъ лишь настолько, насколько и каждый современный романистъ не можетъ не быть субъективнымъ».

Все остальное—дѣло чисто личнаго вкуса, который Шпильгагенъ отвергаетъ въ теоріи, но котораго, какъ мы видѣли выше, нерѣдко придерживается на практикѣ. А о вкусахъ, какъ известно, не спорятъ. Большинство читающей публики даже и всѣ свои сужденія основываетъ не иначе, какъ на личномъ вкусѣ. «Это мнѣ нравится», «это мнѣ не нравится» — вотъ обычные отзывы, совершенно игнорирующие вопросъ о теоретическихъ законахъ, о томъ, соблюдены ли они или нарушены въ данномъ случаѣ. Теоріями могутъ заниматься только вѣмпы; у насъ теоріямъ противопоставляется «простой здравый смыслъ»...

Пусть такъ,—для публики; но для писателя? Возможна ли безъ теоріи сознательная художественная работа? У насъ многіе полагаютъ, что не только возможна, но и обязательна: актеръ долженъ играть «натурой» (даже «нутромъ»), поэтъ—писать «натурой», не заботясь ни о какой теоріи, ни о какой выучкѣ; договорите же вашу мысль до конца; скажите, что и музыкантъ долженъ играть «натурой», презирая нотную науку: вѣдь, талантливой натурѣ все достается даромъ, безъ труда...

Строгая, истинно-катоновская неумолимость Шпильгагена по отношенію къ фабрикантамъ романовъ, серьезность, съ какою онъ вступаетъ за основные законы искусства противъ литературныхъ барышниковъ, для всѣхъ искреннихъ цѣнителей искусства и дѣятелей въ его области должна имѣть нѣчто особенно привлекательное и возвышенное, особенно въ наше время «простого здра-

ваго смысла», когда поэзія изготовляется почти такъ же, какъ сигары, чуть не машиннымъ способомъ. Но вопросы личнаго вкуса не зависятъ ни отъ какого эстетическаго закона; въ этомъ отношеніи все опредѣляется личнымъ характеромъ, личными взглядами и привычками. Относительно теоріи нетрудно достигнуть соглашенія между заинтересованными въ ней лицами; но на практикѣ у всякаго свой методъ и свой вкусъ. Какъ «всѣ дороги ведутъ въ Римъ», такъ и къ цѣли художественной можно идти различными и многими путями; и если тонкости отвлеченной эстетической теоріи доступны лишь немногимъ избраннымъ, то на практикѣ всѣ роды хороши, — кромѣ, разумѣется, скучнаго.

П. Морозовъ.

РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

ВЪ САТИРѢ

САЛТЫКОВА

IV. ПРОДОЛЖЕНІЕ. *).

Никто изъ нашихъ первостепенныхъ беллетристовъ, за исключеніемъ развѣ Некрасова, не стоялъ такъ близко къ «воинствующей» литературѣ въ журналистикѣ, какъ г. Салтыковъ; никто изъ нихъ не радовался больше него ея радостями, не скорбѣлъ больше него ея печалами. Послѣднія пятнадцать лѣтъ проведены имъ въ неустанной журнальной борьбѣ, на бреши и въ вылазкахъ, вездѣ, гдѣ требовалась искусная рука или мѣткое слово. Онъ былъ и продолжаетъ быть литераторомъ не только между дѣломъ, въ часы досуга; литература—его профессія, его родная стихія. Онъ принадлежалъ ей всѣмъ сердцемъ даже тогда, когда еще не отдавалъ ей всего своего времени; она покорила его при самомъ вступленіи его въ жизнь, покорила его тѣмъ свѣтомъ и тѣмъ тепломъ, единственнымъ источникомъ которыхъ она была въ темную и холодную эпоху. «Я страстно и исключительно преданъ литературѣ,—говоритъ г. Салтыковъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ произведеній («Круглый годъ», стр. 79):—я обязанъ литературѣ лучшими минутами моей жизни, всѣми сладкими волненіями ея, всѣми утѣшеніями»... «Литература мнѣ особенно дорога, — читаемъ мы въ «Письмахъ къ тетенькѣ»

---

*) См. выше: янв. 262; февр. 707; мартъ, 806 стр.

(стр. 247),—потому что на ней съ дѣтства были сосредоточены всѣ мои упованія, и она, въ свою очередь, дала мнѣ гораздо больше того, что я достоинъ былъ получить. Весь жизненный процессъ этого замкнутого, по волѣ судебъ, міра былъ моимъ личнымъ жизненнымъ процессомъ; его незащищенность—моею незащищенностью; его замученность—моею замученностью». Чувство солидарности, выражающееся въ этихъ словахъ, личные воспоминанія, личная признательность — только одна изъ нитей, связывающихъ г. Салтыкова съ литературой; еще сильнѣе влечетъ его къ ней ея высокое призваніе, ея господствующая роль въ исторіи человѣческаго ума и общественнаго развитія. Отождествляя ее съ мыслью, онъ возноситъ ее надъ всѣмъ остальнымъ, признаетъ ее—ее одну—изъятою отъ законовъ тлѣнія и разрушенія. «Литература не умретъ! не умретъ во вѣки вѣковъ! Несмотря ни на что, она вѣчно будетъ жить и въ памятникахъ прошлаго, и въ памятникахъ настоящаго, и въ памятникахъ будущаго. Ничто такъ не соприкасается съ идеей о вѣчности, ничто такъ не поясняетъ ее, какъ представленіе о литературѣ... Общество, не имѣющее литературы, не сознаетъ себя обществомъ, а только беспорядочнымъ сбродомъ индивидуумовъ; страна, лишенная литературы, стоитъ внѣ общей міровой связи и привлекаетъ любопытство лишь въ качествѣ диковины... Еслибъ не было литературы, этого единственнаго сборнаго пункта, въ которомъ мысль человѣческая можетъ оставить прочный слѣдъ, ты ходилъ бы теперь на четверенькахъ, обросшій шерстью, лакалъ бы болотную воду, питался бы скрыми злаками и акридами... Всѣ знанія, которыми ты обладаешь, даны тебѣ литературой; всѣ понятія, сужденія, правила, все, чѣмъ ты руководишься въ жизни, все выработано ею. Даже понятіе о благонамѣренности литературы, и то ты почерпалъ изъ нея, а никакъ не додумался бы до него непосредственно. Безъ литературы не существовало бы ни живописи, ни музыки, ни искусства вообще, потому что она все разложила, и свѣтъ, и звукъ, и она же все сочетала. Не будь того свѣточа, который она всюду приносить съ собой, и звуки, и краски, и линіи—все было бы смѣшеніе, хаосъ. Одна литература имѣетъ привилегію *имать во себѣ концы*, она одна имѣетъ даръ всѣхъ соединить подъ сѣнью своею, всѣмъ давать возможность вкушать отъ сладостей общенія» ¹⁾).

¹⁾ См. „Круглый годъ“, стр. 47, 73—75; собесѣдникъ автора — Феденька Негодовъ.

Остановимся здѣсь на минуту, чтобы констатировать вѣдѣнную точку соприкосновенія между взглядомъ г. Салтыкова на литературу и взглядомъ Золя на *писанную мысль* ¹⁾. «Реальное и прочное вліяніе,—говоритъ Золя,—принадлежитъ исключительно писанной мысли... Все сводится къ писанной мысли; остальное—тщетная суета, минутныя видѣнія, уносимыя вѣтромъ». Сходство воззрѣній бросается въ глаза—но за нимъ скрывается глубокое разногласіе. Для Золя «писанная мысль» существуетъ, какъ говорятъ немцы, *an und für sich*; онъ поклоняется ей не какъ средству, а какъ цѣли, не какъ орудію прогресса, а какъ художественному произведенію, сильному только своею красотою. Культъ писанной мысли дорогъ Золя и по тому ореолу, которымъ онъ окружаетъ профессію писателя; вознося литературу на невмѣримо высокій пьедесталъ, авторъ Рюгонъ-Маккаровъ возноситъ вмѣстѣ съ нею и самого себя, куритъ олимпіамъ и передъ самимъ собою. Ему пріятно думать, что его имя переживетъ имя Гамбетты, что путь къ безсмертію, ведущій черезъ его рабочий кабинетъ, вѣрнѣе того, который проходитъ черезъ залы парламентскихъ засѣданій. Ничего подобнаго мы не видимъ у г. Салтыкова. Литература, въ его глазахъ—могучій факторъ культуры, залогъ движенія, ведущаго къ общему благу. Понимая и чувствуя прелесть формы, онъ не въ состояніи любоваться исключительно ею, въ ней одной искать «прочности мрамора или бронзы». На первомъ планѣ стоитъ для него *содержаніе* литературы—та работа мысли, которая началась еще гораздо раньше изобрѣтенія письма, та работа, благодаря которой человечество вышло изъ первобытнаго, дикаго состоянія. Съ помощью печатнаго слова, она совершается теперь все быстрее и быстрее, захватываетъ все большую и большую область. Драгоценны и благотворны не только положительныя, но и отрицательныя результаты этой работы—не только истины, раскрываемыя ею, но и ея ошибки. «Литература имѣетъ право допускать заблужденія, потому что она же сама и поправляетъ ихъ. Они составляютъ подготовительный процессъ той работы, въ результатъ которой оказывается истина. Истина—не кладъ, случайно находимый въ полѣ, и не болидъ, падающій съ неба совсѣмъ готовымъ; она дается ищущему цѣною величайшихъ жертвъ и усилій, цѣною за-

¹⁾ Та статья Золя, въ которой выражень этотъ взглядъ, напечатана въ „Figaro“ въ 1880 г., т.-е. черезъ годъ послѣ появленія „Круглаго года“; она вошла въ составъ сборника: „Une campagne“ (см. нашу статью о Золя въ „Вѣстникѣ Европы“; 1882 года, № 8, стр. 645—646).

блуждений» ¹⁾. Зола, замкнувшись въ сферѣ писанной мысли и взирая оттуда съ высомѣрнымъ пренебреженіемъ на суету политической и общественной жизни, сохраняетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ спокойствіе натуралиста, разглядывающаго подъ микроскопомъ давно знакомую букашку; г. Салтыковъ вноситъ въ свои произведенія душевную тревогу чело­вѣка, для котораго наблюденіе—только первый шагъ къ активному воздѣйствію на общество. Вопросы, мимо которыхъ равнодушно проходитъ Зола или на которые онъ смотритъ изда­ле­ка, глазомъ посторонняго зрителя, волнуютъ, терзаютъ г. Салтыкова, какъ вопросы собственнаго его существованія. Напрасно было бы искать въ щедринской сатирѣ той ноты самодовольствія и самопоклоненія, которая такъ громко звучитъ у Зола; нашему автору не до того, чтобы заранѣе предвкушать свою будущую славу. Ужъ если проводить, съ занимающей насъ точки зрѣнія, параллель между г. Салтыковымъ и французскими писателями, то всего ближе къ нему окажется Викторъ Гюго, преклоняющійся передъ чело­вѣческимъ умомъ именно въ томъ же духѣ и смыслѣ, въ какомъ г. Салтыковъ преклоняется передъ творческимъ словомъ. Человѣческій умъ, «преобразующій общества и правительства, служащій великимъ пастыремъ поколѣній, просвѣщающій массы, все болѣе и болѣе приближающій торжество права» ²⁾—это очевидно, та же сила, которую г. Салтыковъ олицетворилъ въ литературѣ. Какъ ни велико различіе между русскимъ сатирикомъ и французскимъ поэтомъ, они сошлись на почвѣ общей для всѣхъ честныхъ и смѣлыхъ умовъ,—на почвѣ уваженія къ мысли, къ ея неудержимому полету, къ ея свободѣ.

Литература, воспитавшая г. Салтыкова, навсегда привязавшая его къ себѣ—это преимущественно литература сороковыхъ годовъ. Достаточно назвать ее, чтобы вызвать представленіе о чемъ-то хорошемъ, чистомъ, свѣжемъ. Не нужно быть современникомъ ея, чтобы понять, какую роль играло тогда печатное слово. Люди, владѣвшіе имъ съ такимъ убѣжденіемъ, съ такимъ горячимъ чувствомъ, не забыты послѣдующими поколѣніями; имена Бѣлинскаго, Грановскаго, имена живущихъ еще между нами представителей славной эпохи не потеряли и до сихъ поръ своей обаятельной силы. Незаслуженные упреки не пощадили, однако, и этой блестящей страницы нашего прошлаго. Ее обвиняютъ въ «практической безрезультатности»—и обвиняютъ совер-

¹⁾ „Круглый годъ“, стр. 76—77.

²⁾ См. рѣчь В. Гюго о свободѣ печати, произнесенную въ 1850 г., въ законодательномъ собраніи („*Avant l'exil*“), стр. 324—325.

шенно напрасно. «Вѣра въ чудеса,—говорить г. Салтыковъ («Круглый годъ», стр. 190 и сл.),—помогла литературѣ сороковыхъ годовъ отыскать извѣстные идеалы добра и истины, благодаря которымъ она не задохлась; она же создала тѣ человѣчныя преданія, ту честную брезгливость, которыя выдѣлили ее изъ общаго строя жизни и дали возможность выйти незапятнанною изъ-подъ нѣга всевозможныхъ давленій. Все это было настолько характеристично и плодотворно, что въ этомъ одномъ можно безъ особой натяжки видѣть своего рода практическій результатъ... Кромѣ этого практическаго результата, былъ и другой, не столь рѣшительный, но за то болѣе непосредственный. Не смотря на свою изолированность, не смотря на полное отсутствіе воннствующихъ элементовъ, литература сороковыхъ годовъ, въ сущности, не оставалась безъ вліянія на большинство тогдашней интеллигенціи. Какъ ни испорчены и ни себялюбивы были представители этой интеллигенціи, но въ молодыхъ ея отпрыскахъ уже можно было подмѣтить нѣкоторые несомнѣнные пробужденія, замѣчательныя по своей мучительной искренности». «Тогдашняя литература,—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ («Похороны», въ «Сборникѣ»),—какъ-то сама собою подѣлилась на два лагеря, причемъ не допускалось ни смѣшеній, ни компромиссовъ, ни эклектизма. Говорятъ, что это было односторонне; но лучше ли было бы, еслибы существовала разносторонность—въ этомъ позволительно усомниться. Во всякомъ случаѣ односторонность спасала литературу отъ податливости... Замкнутость—явленіе не особенно плодотворное; но она охраняла литературный деворумъ и положила начало нѣкоторымъ литературнымъ преданіямъ, на которыя не безъ пользы можно сослаться и нынѣ». Какъ совершился, что повлекъ за собою переходъ отъ замкнутости къ толкотнѣ, отъ односторонности къ разношерстности—вотъ вопросъ, на которомъ часто останавливается мысль г. Салтыкова. Онъ понимаетъ, что изолированность не могла продолжаться вѣчно, что она была тягостна и ненормальна, какъ «безмолвный отвѣтъ плѣннаго заложника, не могущаго ничѣмъ инымъ протестовать противъ глумленій торжествующей современности»; онъ понимаетъ, что «отчуждая себя отъ жизни, литература обрекала себя, такъ сказать, на зимнюю спячку, но отнюдь не теряла надежду на пробужденіе, при первыхъ лучахъ весенняго солнца». И вотъ, пробужденіе настало, изолированность исчезла; какъ же это отразилось на литературѣ? Почему, не смотря на неоскудѣвающую по прежнему любовь къ ней, она наводитъ сатирика на грустныя, мрачныя мысли? Почему онъ

думаетъ, что хорошо быть литераторомъ, но только не настоящимъ, не дѣйствующимъ, а *бывшимъ*?—Причинъ этому много; начнемъ съ тѣхъ, которыя коренятся не въ самой литературѣ.

Судьба литературы вообще и значительной части литераторовъ въ особенности—внушать подозрѣнія, отъ которыхъ только одинъ шагъ до положительной непріязни. «Начальство знаетъ, что литература, вслѣдствіе вѣкового недоразумѣнія, считается украшеніемъ, но въ то же время не игнорируетъ и того, что излишество украшеній производитъ непріятную для глазъ пестроту. Богъ кабы всѣ дѣйствующие литераторы какимъ-нибудь сладкимъ волшебствомъ вдругъ превратились въ литераторовъ *бывшихъ*—вотъ было бы хорошо! Напримѣръ, Державинъ... ода «Богъ», «Фелица»... Или вотъ Пушкинъ... хотя все-таки лучше было бы, еслибы онъ былъ Державинимъ, а не Пушкинымъ—ну, да ужъ Богъ ему, покойнику, проститъ! А эти дѣйствующие литераторы... ахъ, эти литераторы!.. Словомъ сказать, дѣйствующій литераторъ представляется чѣмъ-то закоренѣлымъ, нераскаяннымъ и до такой степени заблуждающимся, что онъ, подобно анекдотическому Пошехонцу, способенъ въ трехъ соснахъ заблудиться». Заблужденія литераторовъ—таковъ господствующій взглядъ—угрожаютъ опасностью *основамъ*. «Дядя,—спрашиваетъ Ѳединька Неугодовъ въ «Кругломъ годѣ»,—позвольте узнать, зачѣмъ ваша литература съ такимъ упорствомъ ищетъ осмѣять и подорвать священнѣйшія основы нашего общества? Съ какого права она нападаетъ на коренныя основы нашей жизни? Кто далъ ей это полномочіе? Кто разрѣшилъ ей представлять въ гнусномъ видѣ семью, собственность, государство?» Воззрѣніе, представителемъ котораго является Ѳединька, допускаетъ только *известную* самостоятельность литературы, только *известную* съ ея стороны критику; другими словами, литература можетъ помогать, но не должна противодѣйствовать, можетъ писать диопрамбы, но должна воздерживаться отъ анализа. Отступленіе отъ этого правила почитается потрясеніемъ основъ или по меньшей мѣрѣ дерзкимъ «сованіемъ носа», «непрощеннымъ разглагольствіемъ», «хожденіемъ въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ». Отсюда тѣ своеобразныя формы, въ которыя вылилось «общеніе литературы съ жизнью»—общеніе, заступившее мѣсто *изолированности*. «Жизнь поступилась литературѣ не существенными своими интересами, не тѣмъ внутреннимъ содержаніемъ, которое составляетъ источникъ ея радостей и горестей, а только безчисленной массой пустяковъ. Въ то же время сдѣлалось яснымъ, что старинный афоризмъ: *не твое дѣло*, настолько заматерѣлъ и въѣлся во всѣ закоулки жизни, что

слабымъ рукамъ оказалось совершенно не подъ силу бороться съ нѣмъ. Литература искала общенія съ жизнью—а обрѣла общеніе съ пустяками».

Таково положеніе, созданное для литературы «независимыми отъ нея обстоятельствами». Отнестись къ нему она могла двоякимъ образомъ: либо возвратиться къ «изолированности» и опять ожидать «пробужденія», либо примириться съ «пустяками». Изъ этихъ двухъ путей болѣе удобнымъ, почти неизбежнымъ оказался послѣдній. «Съ одной стороны, изолированность приобрѣла какой-то неблагонамѣренно подозрительный характеръ, съ другой—школа юркихъ практикантовъ какъ-то чрезвычайно быстро создала совсѣмъ новую публику, которая, въ свою очередь, ничего не хочетъ знать, кромѣ пустяковъ». Постепенная деморализація литературы, постепенное паденіе традицій, созданныхъ ею въ сороковыхъ годахъ—вотъ болѣзнь, скорбный листъ которой давно уже начатъ и все еще не законченъ г. Салтыковымъ. Уже пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ «Признакахъ времени», сатирикъ констатируетъ появленіе на литературной сценѣ сначала «каплуновъ мысли», добросовѣстно копавшихся въ навозъ, тихо курлыкавшихъ одну и ту же несложную пѣсню, потомъ «вѣбсившихся жеребчиковъ», передъ которыми должны были исчезнуть или ступешаться даже мирныя, безобидныя птицы. За этой картиной слѣдуетъ наивѣстная намъ уже эпопея пѣвкоснимательства, заканчивающаяся предисловіемъ къ «Благонамѣреннымъ рѣчамъ». «О, теоретики пѣвкоснимательства! о, вы, которые съ пытливостью, заслуживающею лучшей участи, допытываетесь, сколько грошей могло бы быть сбережено, еслибъ суммы, отпускаемыя на околку льда на волжскихъ пристаняхъ, были расходуемы болѣе осмотрительнымъ образомъ! Подумайте, не цѣлесообразнѣе ли поступили бы вы, обративъ вашу всепожирающую пѣвкоснимательную дѣятельность на изслѣдованіе тѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ ущербовъ, которые несетъ человеческое общество, благодаря господствующимъ надъ нимъ призракамъ!» Въ ближайшемъ за тѣмъ отдѣлѣ щедринской сатиры: «Въ средѣ умѣренности и аккуратности», мы видимъ мытарства, которыя уготовляетъ для мысли черезъ-чуръ боязливая редакторская цензура. «Литературный Молчаливъ», еще недавно содержавшій табачную лавку и перенесенный оттуда, волею судьбы, въ редакцію «либеральной» газеты: «Чего изволите», никакъ не можетъ привыкнуть къ своей новой роли. Онъ «такъ боится, такъ боится, что, можно сказать, вся его жизнь — лихорадка одна». Съ одной стороны бранять сотрудниковъ, съ другой—угро-

знаетъ начальство; «всего три года, — восклицаетъ несчастный редакторъ, — я въ этой передѣлкѣ нахожусь, а ужъ болѣзнь сердца нажилъ! Каждый день слышать ругательства и каждый же день ждать бѣды! Еще вчера, напримѣръ, писалъ о какомъ-нибудь предметѣ, писалъ безстрашно — и ничего, сошло! Сегодня опять тотъ же предметъ, съ тѣмъ же безстрашіемъ, тронулъ — хлопъ! А я почему зналъ!» За то съ такимъ усердіемъ его карандашъ прокашивается по авторской корректурѣ, какъ слѣпо подчиняется онъ совѣтамъ цензоровъ-добровольцевъ, какъ ловко замѣняетъ не только одно слово другимъ, но и одну мысль другою, прямо противоположною! Подобно тому, какъ подъ рукою фокусника платокъ превращается въ бутылку, бутылка — въ платокъ, рука литературнаго Молчалина превращаетъ порицаніе въ похвалу, критику — въ низопоклошество, «дѣйствительныхъ статскихъ коодеосовъ» — въ адвокатовъ, «лютаго звѣря» — въ «свѣтлаго ангела». Каково положеніе сотрудниковъ, надъ статьями которыхъ производится молчалинскіе фокусы — объ этомъ мы можемъ судить по біографіи Пимена Коржунова («Похороны», въ «Сборникѣ»). Бѣдный, скромный труженникъ, литературный чернорабочій, онъ смотрѣлъ на свою профессію глазами идеалиста, вѣрнаго преданій сороковыхъ годовъ. Въ эпоху «пробужденія» и вызванныхъ имъ ликованій, онъ не раздѣлялъ общей радости именно потому, что предвидѣлъ вторженіе въ литературу новыхъ, опасныхъ для нея элементовъ. «До сихъ поръ, — говорилъ онъ, — русскіе писатели держались особнякомъ, а если кто изъ насъ и чувствовалъ потребность въ податливости, то или совѣстился высказываться, или же понималъ, что въ результатѣ этой податливости можетъ быть только грошъ, такъ что, собственно говоря, и компрометтировать себя не имѣетъ чего. А теперь, съ этой «практической ареной», смотри, какая скачка съ препятствіями пойдетъ! Изъ всѣхъ щелей бойцы выльзутъ, и всякій непременно будетъ добиваться, чтобы ему дали возможность товаръ лицомъ показать». Предчувствія Пимена сбылись — и что еще хуже, ему самому пришлось вступить на «практическую арену», чтобы кое-какъ добывать средства къ жизни. Онъ предсказывалъ, что о практическихъ вопросахъ, сдѣлавшихся доступными для литературы, «любая курица можетъ написать съ три короба руководящихъ статей» — и дѣйствительно, собственныя его статьи стали «обдавать читателя какимъ-то специфическимъ куринымъ запахомъ». А между тѣмъ, воплотившись въ лагерь, въ который бросила его судьба, Пименъ долго не былъ способенъ; этого не допускали водившіяся за нимъ, но

старой памяти, «блехи». «Непрерывно его щекоча и покусывая, блехи не давали его литературно-публицистическому дарованію развиваться въ томъ благовременномъ направленіи, которое во Франціи извѣстно подъ именемъ оппортунистскаго, а у насъ, покуда, носить кличку газетнаго легкаго поведенія». Наступилъ, однако, вонецъ и блехамъ; Пимель пересталъ ерошить волосы, пересталъ восклицать: ахъ, это ужасно! а «неутомимо и безропотно строчилъ съ утра до вечера, не чувствуя ни удовольствія, ни омерзѣнія», строчилъ для газеты: «Чего изволите», строчилъ для газеты: «И шло брѣть!» Кругомъ него вымирали и исчезали люди, сколько-нибудь ему близкіе; подходя къ старости, онъ очутился въ незнакомой средѣ, окруженный незнакомцами, и все-таки вынужденный работать съ ними. Онъ умеръ такъ же безотрадно, какъ и жилъ; на памятникъ его—еслибы кто-нибудь задумалъ поставить ему памятникъ—самой подходящей надписью были бы слова: «литература освѣтила ему жизнь, но она же наполнила ядомъ его сердце».

Подвигаясь впередъ, мы встрѣчаемся съ картинами, еще болѣе печальными. На послѣднихъ страницахъ: «За рубежомъ» представляется на сцену «торжествующая свинья», появляются на сцену «литературные клоповники». Свинья не только допрашиваетъ Правду, но и издѣвается надъ нею, «стѣсниваетъ ее своими средствами», гложетъ ее съ громкимъ чавканьемъ, соглат рорію, нимало не стѣсняясь. И въ прежнія времена «правда, дѣйствующая въ кварталахъ, представлялась обязательною, но никому не приходило въ голову утверждать, что правду вышукъ, чело-вѣческую, слѣдуетъ заковать въ кандалы... А нынче—послушайте, какая трель всенародно раздается изъ любого литературнаго клоповника! Мыслить не полагается! добрый сынъ отечества обязывается предаваться установленнымъ тѣлеснымъ упражненіямъ и затѣмъ насыщаться, нерезаривать и извергать. Всякій же, кто обнаружитъ попытку мышленія, будетъ яко пособникъ, укрыватель и соучастникъ злодѣйскихъ замысловъ... Неужто же мы такъ и останемся при этихъ хлѣвникъ идеалахъ?.. Помилуйте! вѣдь насъ, наконецъ, всѣхъ, отъ мала до велика, вша заѣсть! Мы разучимся говорить и начнемъ мычать! Мы будемъ въ состояніи только совершать обрядныя тѣлесныя упражненія, не понимая ихъ значенія, не умѣя ни направлять ихъ, ни пользоваться какими-нибудь результатами! Мы будемъ хлѣбъ сѣять на камнѣ, а навозъ валить въ щѣ!.. Наши консервативные клоповники хлопчутъ, въ сущности, только объ одномъ: о дѣйствительнѣйшихъ средствахъ народнаго порабощенія; но они знаютъ,

что встрѣтять на пути противниковъ, которымъ дѣйствительно ненавистно народное порабощеніе. Стало быть, прежде всего нужно упразднить этихъ людей, стереть ихъ съ лица земли, обрызгать «слюною бѣшеной собаки». А для этого, необходимо сдѣлать ихъ подозрительными, дать имъ клочку, воспользоваться всѣми неясностями и недоразумѣніями жизни, чтобы наплодить массу новыхъ неясностей и недоразумѣній. И когда травля будетъ надлежащимъ образомъ организована, тогда... Что будетъ тогда — клоповники сами не уясняютъ себѣ. Они не прозираютъ въ будущее, а преслѣдуютъ лишь ближайшія и непосредственныя цѣли! Поэтому ихъ даже не пугаетъ мысль, что *тогда* они должны будутъ очутиться лицомъ къ лицу съ пустою и безсильею. Покажѣте, они удовлетворены уже тѣмъ, что ненавидѣть могутъ свободно. И дѣйствительно, они ненавидятъ все, за исключеніемъ своей ненависти. Ненавидятъ завтрашній день, потому что тайна, которую онъ хранитъ въ нѣдрахъ своихъ, мѣшаетъ имъ безумно предаться удовлетворенію инстинктовъ человеконенавистничества; ненавидятъ своихъ собственныхъ дѣтей, потому что видятъ въ нихъ пособниковъ и соучастниковъ завтрашняго дня. Собственно говоря, нельзя представить себѣ положенія болѣе ужаснаго. Быть осужденному на вѣчное омертвѣніе и знать, что тузъ же рядомъ нѣчто страдаетъ, изнываетъ, стонетъ, но все-таки живетъ — развѣ можно представить себѣ казнь болѣе жестокою, нежели это пусто-утробное, пустомысленное и влокающее самодовлѣющей злобой существованіе?»

Въ приведенныхъ нами словахъ изображеніе «литературныхъ клоповниковъ» возвышается до трагизма; комическую ихъ сторону — комическую, впрочемъ, только до формъ — мы видимъ въ одиннадцатомъ «Письмѣ къ тегельбѣ». Оно посвящено характеристикѣ газеты, основанной Новдревымъ, — газеты, носящей знаменательное названіе «Помоевъ». Отличительная черта этого органа — «неизреченная и даже, можно сказать, наглая увѣренность въ авторитетности и долговѣчности. Ужъ мнѣ-то не заграждать уста! Я-то вѣдь до скончанія вѣковъ говорить буду! — такъ и брызжетъ между строками... Тактика Новдрева заключается въ слѣдующемъ. По всякому вопросу непременно писать передовую статью, но не затѣмъ, чтобы выяснить самую сущность вопроса, а единственно ради того, чтобы высказать по поводу его «русскую точку зрѣнія». Разумѣется, выйдутся люди, которые тронутся такимъ отношеніемъ къ дѣлу и назовутъ его недостаточнымъ — тогда подстеречь удобный моментъ и закричать: караулъ! Въ виду неизбежныхъ перетолкованій, самая приличная роль при-

личныхъ органовъ прессы по отношенію къ «Помоимъ» — это молчаніе. *Клеветы* въ журналистикѣ Ноздревъ не признаетъ: «журналистика, — говоритъ онъ въ откровенной бесѣдѣ, — поле для всѣхъ открытое, гдѣ всякій можетъ свободно оправдываться, опровергать и даже въ свою очередь клеветать. Безъ этого немислимо издавать мало-мальски *живую* газету. Но главное, надо же, наконецъ, за умъ взяться. Пора разъ навсегда покончить съ этими гнѣздами развѣвшагося либерализма, покончить такъ, чтобъ они ужъ не воскресли. Щадить врага — это самая плохая политика». Находятся люди, которые называютъ Ноздрева умницей: «мерзавецъ, говорятъ, но уменъ; знаетъ, гдѣ раки зимуютъ, и понимаетъ, что по нынѣшнему времени требуется. Стало быть, будетъ съ капиталцемъ». Авторъ «Писемъ къ тетенькѣ» согласенъ съ этимъ мнѣніемъ только отчасти; онъ допускаетъ приобрѣтеніе Ноздревымъ «капиталца», но не считаетъ его умницей. Забывъ о переходчивости времени, «Ноздревъ обнаружилъ себя до того, что даже винограднаго листа ему достать не откуда, чтобы прикрыть, въ крайнемъ случаѣ, свою наготу».

Брезгливая изолированность и союзъ человѣконенавистничества съ нахальствомъ — вотъ двѣ крайнія точки, между которыми вращается у г. Салтыкова исторія русской литературы. Гдѣ же выходъ изъ положенія, обрисованнаго имъ съ такою поразительною силой? Средство поднять уровень литературы ея друзья видятъ обыкновенно въ свободѣ печати — а подѣ свободой печати, осуществимой въ наше время, понимается обыкновенно подчиненіе ея исключительно суду и закону. Г. Салтыковъ не раздѣляетъ этого послѣдняго взгляда. Когда, въ концѣ 1880 г., всѣ заговорили о предстоящихъ для печати льготахъ, автора «За рубежомъ» смущалъ вопросъ, будетъ ли судъ по дѣламъ печати судомъ, свойственнымъ всѣмъ русскимъ гражданамъ, или судомъ экстра-ординарнымъ, свойственнымъ одной литературѣ? и какого рода «скорпіонами» будетъ тотъ судъ вооруженъ? Не худо было бы заявить, — думалъ онъ, — что «отъ суда мы не прочь, но только нельзя ли постараться, чтобы онъ вѣстить было можно?» «Для меня, — читаемъ мы дальше, — не лишено важности то обстоятельство, что въ теченіе почти тридцатипятилѣтней литературной дѣятельности я ни разу не сидѣлъ въ кутузкѣ. Но не придется ли познакомиться съ кутузкой теперь, когда литературу ожидаетъ покровительство судовъ?.. Я боюсь кутузки по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, тамъ должно быть сыро, непріятно, темно и тѣсно; во-вторыхъ — кутузка, несомнѣнно, должна воспитывать дѣлую тучу клоповъ. Право, я положительно не знаю такого

тяжкого литературнаго преступленія, за которое совершившій его могъ бы быть отданнымъ въ жертву сырости и клопамъ». Для того, чтобы отдача подѣ судѣ за проступокъ печати была «дѣйствительнымъ наслажденіемъ, а не перифразой исконнаго русскаго озорства», представлялось бы, по мнѣнію автора, не бесполезнымъ «обставить это дѣло нѣкоторыми иллюзіями, а именно: 1) чтобы процедура преданія суду сопровождалась не сверхъ-естественнымъ, а обыкновеннымъ порядкомъ; 2) чтобы суды были тоже не сверхъ-естественные, а обыкновенные, такіе же, какъ для татей; 3) чтобы кутузки ни подѣ какимъ видомъ по дѣламъ книгопечатанія не полагалось. Ежели эти мечтанія осуществятся, да еще ежели денежными штрафами не слишкомъ дожимать будутъ, то будетъ совсѣмъ хорошо». Годъ спустя, при измѣнившихся уже обстоятельствахъ, г. Салтыковъ остается вѣренъ прежнему мнѣнію: «если бы мы были простые тати,—говорить онъ въ первомъ «Письмѣ къ тетенькѣ»,—я бы и самъ скоро суда запросилъ. Но вѣдь мы, тетенька, *разбойники печати*»...

Прошелъ еще годъ—обстоятельства измѣнились еще разъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно уяснился, по крайней мѣрѣ въ нашихъ глазахъ, вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ «покровительства» административнаго и судебнаго. Съ теоретической точки зрѣнія, противъ трехъ «иллюзій» г. Салтыкова нельзя сказать ни слова—но вѣдь печать обитаетъ не въ безвоздушномъ пространствѣ, существованіе ея обуславливается не иллюзіями, а до крайности реальными фактами. Оставаясь на этой почвѣ, слѣдуетъ, какъ намъ кажется, примириться съ мыслью о «кутузкѣ». Лично для литераторовъ кутузка была бы весьма непріятна, это безспорно; имъ пришлось бы познакомиться съ клопами (уже не въ переносномъ смыслѣ слова), надыхаться сырымъ воздухомъ, приучить глаза къ полутемнотѣ—а кто же не предпочелъ бы остаться свободнымъ отъ подобныхъ экспериментовъ? Выше интереса литераторовъ стоитъ, однако, интересъ литературы; если нужно сдѣлать выборъ между кутузкой для первыхъ и тисками для послѣдней, то колебаніе едва ли мыслимо. Прекрасно, идеально-хорошо было бы соединеніе неприкосновенности автора съ неприкосновенностью печатнаго слова; но если до поры, до времени, нельзя обойтись безъ пожертвованія одною изъ нихъ, то съ меньшимъ ущербомъ для цѣлаго можетъ быть принесена въ жертву неприкосновенность автора. «Бей, да слушай», сказали нѣкогда герой классической древности; «отправляйте насъ въ кутузку, но не запре-

идите говорить» — могут сказать по его примѣру, хоть и безъ всякаго геройства, современные литераторы. Еслибы и можно было вообразить себѣ кутузку, поглощающую заразъ всѣхъ литераторовъ известнаго отгѣнка, то на мѣсто ихъ сейчасъ явились бы другіе, и начатая рѣчь продолжалась бы безъ перерыва; при системѣ, обходящейся безъ кутузки, возможно бесслѣдное (конечно, на время) исчезновеніе даннаго взгляда, безусловное молчаніе данной литературной группы. Снисходительности «разбойники печати» ни отъ кого и ни откуда ожидать не могутъ; но намъ сдается все-таки, что при господствѣ «судебныхъ сворціоновъ» — въ чистомъ видѣ, безъ посторонней примѣси — скорѣе бы настала конецъ тому чудовищному недоразумѣнію, которому обязано своимъ бытіемъ самое понятіе о «разбойникахъ печати». О естественности или сверхъестественности суда по дѣламъ печати теперь говорить не время; замѣтимъ только, что какъ ни справедливо, въ принципѣ, требованіе суда равнаго для литераторовъ и для татей, мы помирились бы даже съ нѣкоторыми отступленіями отъ этого равенства, лишь бы только были сохранены въ силѣ существенныя судебныя гарантіи — независимость суда, равноправность сторонъ, гласность судопроизводства, непоколебимость окончательнаго приговора. Совершенно фиктивны и безплодны были бы только такія реформы въ области законодательства о печати, которыя регулировали бы произволъ, устанавливали бы правила для «усмотрѣнія» — однимъ словомъ, пытались бы объять необъятное. Къ подобнымъ реформамъ вполне примѣнимы слѣдующія слова г. Салтыкова, хотя они и сказаны по другому поводу: «Прежде говорили — человекъ смертенъ двояко; во-первыхъ, по божескому произволенію, и во-вторыхъ, по усмотрѣнію; а нынѣ, въ послѣдней части этого положенія прибавляютъ: по правиламъ, о Макарьѣ телятъ не гоняющемъ установленнымъ. Кажется, маленькая прибавка сдѣлана (многіе даже «упорядоченіемъ» ее называютъ или «введеніемъ произвола въ рамки законности»), а какая въ ней чувствуется обида! Прежнее положеніе о порядкѣ пристиженія смертью принадлежало къ области права обычнаго, а не писаннаго. И вдругъ партикулярному человѣку не только во всеуслышаніе напоминаютъ, что онъ двояко смертенъ, но еще прибавляютъ, что по сему предмету существуютъ какія-то правила! Ужели это не обида? А кромѣ того, и страхъ. Потому что, если разъ на бумажѣ написано «смертенъ», такъ ужъ прямо, значить, и заруби у себя на носу: теперь, братъ, не професеть» (см. послѣднее «Письмо къ тетенькѣ»). Все это такъ, пока идетъ рѣчь объ установленіи формъ

для Макара, телятъ не гоняющаго, т.-е. для силы по преимуществу безформенной; но совсѣмъ не о томъ мечтала печать, въ эпоху ожиданія «кутузки».

Итакъ, рискуя страннымъ, съ перваго взгляда, сопоставленіемъ понятій, мы рѣшаемся утверждать, что открытіе передъ *литераторами* дверей въ вещественную кутузку было бы первымъ шагомъ къ освобожденію *литературы* изъ той не-вещественной кутузки «пустыбовъ», въ которую она засѣла по окончаніи періода «изолированности». Само собою разумѣется, что «общеніе литературы съ пустынями» не должно быть понимаемо буквально. Совершенно чуждой «существеннымъ интересамъ жизни» литература никогда не была; до известной степени она всегда могла ихъ касаться и всегда пользовалась этою возможностью. Мысль сатирика, отдѣленная отъ гиперболической оболочки, заключается въ томъ, что вступленіе «на правѣтическую арену», суженную и загроможденную преградами всякаго рода, внесло въ литературу съ одной стороны пристрастіе къ мелочамъ, склонность раздувать ихъ во что-то важное и крупное, съ другой стороны—обиліе низменныхъ стремленій, прежде прятавшихся по угламъ, теперь безвастѣичиво противобавляющихся впередъ и не боящихся солнечнаго свѣта. Радикально измѣнить положеніе литературы можетъ, слѣдовательно, только включеніе въ ея область «существенныхъ интересовъ жизни», на равныхъ правахъ съ «пустынями». Совершенно соглашаясь съ этою мыслью, мы идемъ дальше и говоримъ: если расширеніе сферы, доступной для литературы, и соединенное съ нимъ поднятіе литературнаго уровня возможно, въ настоящее время, лишь подъ условіемъ личной отвѣтственности литераторовъ, т.-е. подъ условіемъ «кутузки», то кутузка, со всей своей сыростью и со всѣми своими клопами, должна быть предметомъ нашихъ возжеланій. Да здравствуетъ кутузка, если только ей суждено положить конецъ преобладанію «пустыбовъ» въ литературѣ!

Исучая причины упадка нашей литературы, г. Салтыковъ, въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ произведеній (одинадцатое «Письмо къ тетенькѣ»), коснулся вопроса о вторженіи «улицы» въ литературу—вопроса въ высшей степени важнаго, тѣсно связаннаго съ взглядомъ сатирика на толпу, на массу, на ея значеніе въ народной жизни. «Поздрева провела въ литературу улица... Улица заявила о своемъ рожденіи уже на нашихъ глазахъ. Она создавалась сама собою, вдругъ, безъ всякаго уча-

стія со стороны литературы. Последняя, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, была до того истощена, измучена и отуманена, что при появленіи улицы даже не выказала особенной способности къ уясненію своихъ отношеній къ ней... Улица съ перваго же раза зарекомендовала себя безсвязнымъ галдѣніемъ, низменною несложностью требованій, живостью предразсудковъ, дикостью идеаловъ, произвольностью отправныхъ пунктовъ, и, наконецъ, какою-то удручающею безграмотностью. Но въ то же время, та же улица высказала и чуткость: а именно, она отлично поняла, что литература для нея необходима, и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, всей массой хлынула, чтобы овладѣть ею». Перевѣсь оказался на сторонѣ улицы, «не только не заподозрѣнной, но прямо, какъ на преимущество, ссылающейся на родство своихъ идеаловъ съ идеалами управы благочинія. Съ появленіемъ улицы, литература, въ смыслѣ творчества, не замедлила совсѣмъ сойти со сцены, отчасти за недоступностью новыхъ мотивовъ для разработки, отчасти за общимъ равнодушіемъ ко всему, что не прикасается непосредственно къ уличному галдѣнію... По наружности, кажется, что никогда не бывало въ литературѣ такого оживленія, какъ въ послѣдніе годы; но, въ сущности, это только шумъ и гвалтъ взбудораженной улицы, это нестройный хоръ обострившихся вождѣній, въ которомъ главная нота принадлежитъ подозрительности, сыску и безшабашному озлобленію... Вездѣ, въ цѣломъ мірѣ, улица представляетъ собою только матеріалъ для литературы, а у насъ, напротивъ, она господствуетъ надъ литературой. Во всѣхъ видахъ господствуетъ: и въ видѣ частной инсинуаціи, частнаго насилія, и въ видѣ непрерываемо-возбуждающей силы... Улицей овладѣлъ испугъ, и она ищетъ освободиться отъ него во что бы то ни стало... Она хочетъ, чтобы торжество досталось ей даромъ или, во всякомъ случаѣ, стоило какъ можно меньше. Дешевле и проще плющильнаго молота ничего мракомъ временъ не завѣщено—вотъ она и приводитъ его въ дѣйствіе, не разбирая, что и во имя чего молотъ плющить... Не думайте, однакожъ, что я пишу обвинительный актъ противъ возникновенія улицы и противъ ея вторженія въ литературу—напротивъ того, я отлично понимаю и неизбежность, и несомнѣнную законность этого факта. Невозможно, чтобы улица вѣчно оставалась подъ спудомъ; какъ только появились сколько-нибудь подходящія условія, улица и воспользовалась ими, чтобы засвидѣтельствовать о себѣ. Она создавалась сама собою, потому что имѣла право на самосозданіе. Мало того, что она сама создавалась—она втиснула въ себя и табель о рангахъ, которая

еще такъ недавно не признавала ея существованія». Если требованія улицы неизменны, отправные пункты — дикі и произвольны, то это объясняется фатальнымъ закономъ, въ силу котораго «первая стадія развитія всегда принимаетъ формы ненормальныя и даже уродливыя». «Состояніе хаотической возбужденности, въ которомъ улица нынѣ находится, можетъ привести ее только къ глухой стѣнѣ — и разъ это случится, самая невозможность идти далѣе заставить ее очнуться. И тогда же начнется проверка руководившихъ ею идеаловъ, а затѣмъ и несомнѣнное ихъ упраздненіе».

Мы стоимъ здѣсь передъ одною изъ тѣхъ, сравнительно немногихъ, страницъ щедринской сатиры, которыя даютъ поводъ къ недоразумѣніямъ и нуждаются въ комментаріяхъ. Лучшій матеріалъ для комментаріевъ — это прежнія сочиненія г. Салтыкова. Понятія объ *улицѣ* — въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употреблено въ «Письмахъ къ тетенькѣ», — мы въ нихъ не находимъ, но часто встрѣчаемся, за то, съ несомнѣнно близкимъ къ нему представленіемъ о *толпѣ*. Толпа выступаетъ на сцену уже въ предисловіи къ «Сатирамъ въ прозѣ», подъ общимъ именемъ Иванушекъ; она присутствуетъ, безмолвно и пассивно, при возмутительной кулачной расправѣ. Отличительная ея черта — «непреклонная вѣра въ роковую неизбежность силы» («Къ читателю», стр. 33—36). Такою же является толпа и въ «Признакахъ времени». «Торжество силы, — читаемъ мы въ «Литературномъ положеніи» (стр. 70), — еще отнюдь не утратило, въ глазахъ толпы, рѣшительнаго своего вліянія. Въ сущности ей очень мало дѣла до внутренняго содержанія торжества; ей нравятся его внѣшнія декораціи. Труба трубитъ, штандартъ снечетъ, а затѣмъ, Гарибальди или Францискъ въѣзжаетъ въ Неаполь — толпа одинаково зѣваетъ, одинаково плещетъ руками». Когда въ городѣ Навозномъ падали либералы, подъ ударами Оединькинаго: *фюимъ*, какъ относилась къ этому масса обывателей? «Въ глазахъ большинства, это были единичныя жертвы, отъ исчезновенія которыхъ городу было ни тепло, ни холодно. Оединька старался своимъ преслѣдованіемъ придать характеръ борьбы съ безвѣріемъ и непризнаніемъ властей. А такъ какъ обыватели Навознаго искони боялись вольнодумства пуще огня, то они не только не обращали вниманія на вопли жертвъ, но, напротивъ, хвалили Оединьку и подстрекали его къ новымъ подвигамъ» («Помпадуръ борьбы», стр. 198—199). «Средній человѣкъ, человѣкъ стадный, вырванный изъ толпы, — говоритъ г. Салтыковъ въ «Дневникѣ провинціала» (стр. 274), — это пред-

ставитель той безразличной, малочувствительной къ высшимъ общественнымъ интересамъ массы, которая во всякое время готова даромъ отдать свои права первородства, но которая ни за что не поступится ни одной ложкой чечевичной похлебки, составляющей ее насущный хлѣбъ. Кромѣ этой похлебки, она ничего не знаетъ, и ужъ конечно, тотъ потратилъ бы даромъ время, кто предпринялъ бы трудъ вразумить ее, что между правомъ первородства и чечевичною похлебкой существуетъ извѣстная связь, которая скорѣе послѣднюю ставитъ въ зависимость отъ перваго, нежели первое отъ послѣдняго». Еще безнадежныѣ, по-видимому, взглядъ на сближеніе съ толпою, на еденіе съ народомъ, выраженный въ послѣдней главѣ: «За рубежомъ» (стр. 336 — 338). «Не призыва требуетъ народъ, а подчиненія, не руководительства и ласки, а самоотреченія. Вы задаете себѣ задачу: міръ, валяющійся во тьмѣ, призвать къ свѣту, на массы болящія и недугующія пролить исцѣленіе. Но бывають историческія минуты, когда и этотъ міръ, и эти массы преисполняются упрямостью и недоувѣріемъ, когда они сами непостижимо упорствуютъ, оставаясь во тьмѣ и въ недугахъ. Не потому упорствуютъ, чтобъ не понимали свѣта. и исцѣленій, а потому, что источникъ этихъ благъ заподозрѣнъ ими. Въ такія минуты, къ этому валяющемуся во тьмѣ и недугахъ міру нельзя подойти иначе, какъ предварительно погрузившись въ ту же самую тьму и боля въ тою же самою проказой, которая грозитъ его истребить».

Какая печальная картина — и вмѣстѣ съ тѣмъ какое раздолье для бивзоровыхъ суждѣй, для намѣренно-слѣпыхъ враговъ сатирика! Какой удобный случай для «благороднаго негодованія», для изліянія высшихъ чувствъ! Какъ легко, нападая на ненавистнаго писателя, выставить себя народолюбцемъ, защитникомъ унижаемой и оскорбляемой массы ¹⁾! Мы сейчасъ увидимъ, что никакихъ оскорбленій ей, въ сущности, не нанесено, что въ защитѣ — особенно въ *такой* защитѣ — она вовсе не нуждается. Заручимся прежде еще одной цитатой, игнорируемой доброжелательными критиками, но какъ нельзя болѣе знаменательной и вѣской. Въ шестомъ «Письмѣ о провинціи» (стр. 264 — 268), констатируя еще разъ равнодушіе массы, рабочіе тяготѣніе ея къ силѣ, г. Салтыковъ останавливается на другой сторонѣ медали. «Негодую на толпу, — говоритъ онъ, — и сознавая

¹⁾ Самой благодарной темой для противниковъ иедринской сатиры послужило, конечно, то мѣсто: „За рубежомъ“, которое цитировано нами выше.

выполнѣ свое право на негодованіе, мы все-таки не можемъ скрыть отъ себя, что не въ другомъ чемъ-нибудь, а именно въ ней, въ этой безсознательной толпѣ, заключается единственное основаніе нашей собственной силы... Есть что-то фаталистическое въ томъ, что мы всѣ завѣтныя, свѣтлыя души наши посвящаемъ именно забитой, малосмысленной и подчасъ жестокой толпѣ, что самый великій мыслитель именно ей отдаетъ лучшую часть своей дѣятельности. Да, тутъ есть своего рода фатализмъ, объясняемый тою общечеловѣческимъ основой, которая именно и составляетъ соединительное звено между неразвитою толпою и наиболее развитою отдѣльною личностію. Исторія показываетъ, что тѣ люди, которыхъ мы не безъ основанія называемъ лучшими, всегда съ особенною любовью обращались къ толпѣ, и что только тѣ политическіе и общественные акты получали дѣйствительное значеніе, которые имѣли въ виду толпу. Это вовсе не значитъ, чтобъ эти люди идентифицировались толпѣ, чтобъ они принимали ея инстинкты за руководящій законъ, а значитъ только, что мысль о толпѣ, какъ о конечной цѣли всякаго полезнаго человѣческаго дѣйствія, сообщила ихъ дѣятельности то живое содержаніе, котораго она не имѣла бы, еслибы вращалась въ сферѣ отвлеченностей... Необходимо «отыскать для массъ выходъ изъ той глубокой безсознательности, которая равно вредна для нея, какъ и для насъ». Средства къ достиженію этой цѣли «откроются сами собою всякому человѣку, взирающему на народъ не съ высоты бессмысленнаго величія». Одно изъ нихъ, это — «сближеніе съ народомъ, или, иными словами, симпатическое отношеніе къ тѣмъ разнороднымъ и безчисленнымъ убожествамъ, которыя оцѣпляютъ его жизнь... Сближеніе такого рода не имѣетъ въ себѣ ничего фантастическаго; это не славянофильское любованіе какими-то таинственными задачами, это не ласкательство предразсудковъ, потому только, что они родились въ народѣ; нѣтъ, это просто изученіе народныхъ нуждъ и представленій, сложившихся болѣе или менѣе своеобразно, но все-таки принадлежащихъ несомнѣнно взрослому человѣку. Чтобы понять, что именно нужно народу, чего ему недостаетъ, необходимо поставить себя на его точку зрѣнія — а для этого не требуется ни нагибаться, ни кокетничать».

Эти слова написаны лѣтъ пятнадцать тому назадъ — но они сохраняютъ, въ нашихъ глазахъ, весь интересъ современности. Міросозерцаніе г. Салтыкова, въ главныхъ чертахъ, никогда не измѣнялось; не измѣнился — мы въ этомъ убѣждены — и взглядъ его на толпу, выраженный въ «Письмахъ о провинціи». Са-

тврѣ, достойной этого имени, свойственно останавливаться на тѣневой сторонѣ явленій; она не идеализируетъ, не прекраснодушествуетъ, не отрещивается отъ непріятныхъ или «нелюбимыхъ» истинъ, не отдаетъ себя во власть «насъ возвышающаго обмана». Она констатируетъ зло, гдѣ бы его ни встрѣчала; къ недостаткамъ массы она относится такъ же строго, какъ и къ недостаткамъ сословій, профессій, партій, общественныхъ группъ. Косность толпы, ея невѣжество, ея преклоненіе передъ торжествующею силой, ея преданность предрассудкамъ—все это факты, которыхъ нельзя ни отрицать, ни забывать; они мечутся въ глаза, постоянно напоминаютъ о себѣ, вызываютъ или обуславливаютъ многое изъ того, что служить мишенью для сатиры. Соціологъ или психологъ можетъ сдѣлать ихъ предметомъ спокойнаго, объективнаго изслѣдованія; сатирикъ слишкомъ возмущенъ ихъ безобразіемъ, слишкомъ пораженъ приносимымъ ими вредомъ, чтобы находить для нихъ на каждомъ шагѣ оправданіе или объясненіе, чтобы прерывать страстную рѣчь оговорками, смягченіями, чтобы соединять въ своемъ лицѣ обвиненіе съ защитой. Исторія всѣхъ литературъ, не исключая и русской, должна была бы научить чтенію между строками сатирическихъ произведеній, пониманію положительной ихъ подкладки, безъ подчеркиваній ея самимъ сатирикомъ; но для ограниченности, какъ и для ненависти, не существуетъ никакихъ поученій. Не видя или не желая видѣть ничего, кромѣ буквы, цѣпляясь за отдѣльные слова, за отдѣльныя фразы, онѣ всегда готовы приписать сатирику далекую отъ него мысль, чуждое ему чувство. Страница, выписанная нами изъ «Писемъ о провинціи», отличается отъ другихъ исключительно тѣмъ, что г. Салтыковъ является здѣсь не столько сатирикомъ, сколько публицистомъ. Онъ рассматриваетъ вопросъ со всѣхъ сторонъ—и договариваетъ то, что, въ сущности, подразумевается у него вездѣ и всегда. Какъ бы то ни было, эта страница освобождаетъ насъ отъ догадокъ и толкованій; она поможетъ намъ больше всего въ той работѣ, къ которой мы теперь приступаемъ.

Необходимость «сближенія съ народомъ» была провозглашена г. Салтыковымъ гораздо раньше, чѣмъ большинствомъ современныхъ эксплуататоровъ этой формулы; она была провозглашена имъ тогда, когда великая идея не успѣла еще обратиться въ испомленную, затасканную фразу. Не смѣшны ли, въ виду этого несомнѣннаго факта, тѣ вопли, которыми были встрѣчены слова сатирика о «тѣмъ и проказѣ»? Непрошенные защитники народа не только забыли прежнія произведенія г. Салтыкова—они не потрудились даже прочесть, какъ слѣдуетъ, тѣ немногія

фразы, въ которыхъ они усмотрѣли преступленіе противъ величества націй. Тѣмъ и проказа выставлены здѣсь не постоянными, неразлучными спутниками массы, а случайною принадлежностью ея *въ данную историческую минуту*. Сатирникъ вовсе не думаетъ утверждать, что погруженіе во тьму и зараженіе проказой—необходимыя предварительныя условія для всякаго «единенія съ народомъ»; онъ говоритъ только, на образномъ своемъ языкѣ, что черезъ этотъ кокусъ предстоитъ пройти тому, кто *теперь* захотѣлъ бы съ *успѣхомъ и безпретѣстнымъ* приблизиться къ массѣ. Можно находить это положеніе преувеличеннымъ, не вполне вѣрнымъ—но не позволительно смѣшивать его съ отрицаніемъ, въ принципѣ, самой возможности «оближенія». Вся послѣдняя глава: «За рубежомъ»—крикъ отчаянной скорби, вызванный зрѣлищемъ злобы, испуга и умственной смуты. Среди этой смуты громко раздавался призывъ къ общенію съ народомъ,—призывъ, варіантомъ котораго служило восклицаніе: «назадъ! домой!» Соединять понятіе о народѣ съ понятіемъ о регрессѣ, значило, очевидно, поднимать на щитъ именно тѣ особенности массы, которыя тянутъ ее внизъ, стоять между ней и свѣтомъ,—именно тѣ характеристическія черты толпы, съ которыми издавна вела борьбу щедринская сатира. Удивляться ли, загімъ, отпору, встрѣченному лже-народнической пропагандой со стороны г. Салтыкова? Краски, въ которыхъ имъ изображенъ народъ, относятся, собственно говоря, только къ этой пропагандѣ; народъ, обрѣтающійся во «тьмѣ и проказѣ»—это, въ глазахъ сатирника, не столько народъ реальный, сколько народъ сочиненный и возведенный на степень фетиша, для вящей выгоды фетишистовъ.

Что значать однако—можетъ спросить насъ кто-нибудь изъ фетишистовъ,—указанія сатирника на «непостижимое упорство массы»? Что значать жалобы его на то, что народъ «требуетъ не руководства, а самоотреченія»? Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что сатирнику или его друзьямъ хотѣлось бы двигать народъ, какъ пѣшку, по произвольно начертанному для него пути, а народъ не свѣшитъ подчиниться ихъ желанію, и именно за то подвергается гнѣвному обвиненію въ упорствѣ? Отвѣтомъ на всѣ эти вопросы служить извѣстный намъ уже взглядъ автора «Писемъ о провинціи» на сближеніе съ народомъ. Стремленіе облагодѣтельствовать народъ безъ его вѣдома или даже вопреки его волѣ предполагаетъ такое высокомерное отношеніе къ массѣ, противъ котораго прямо протестуетъ г. Салтыковъ. Онъ признаетъ необходимымъ «поставить себя на точку зрѣнія народа», изучить не только его нужды, но и его пред-

оставленія — «представленія болѣе или менѣе своеобразныя, но все-таки принадлежащія несомнѣнно взрослому человѣку». Опечуны народа, въ какую бы сторону они ни предполагали повести своего питомца, должны во всякомъ случаѣ считать его несовершеннolѣтнимъ, потому что несовершеннolѣтіе — единственное основаніе, единственная *raison d'être* для опеки. Провозглашать народъ «взрослымъ человѣкомъ» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, держать въ карманѣ готовую для него указку—это было бы противорѣчіемъ слишкомъ явнымъ, чтобы быть вѣроятнымъ; непоследовательность не принадлежитъ, притомъ, въ числу недостатковъ г. Салтыкова. Руководительство, о которомъ идетъ рѣчь въ разбираемомъ нами мѣстѣ—это очевидно, не что иное, какъ «симпатическое отношеніе къ тѣмъ равнороднымъ и безчисленнымъ убожествамъ, которыя оцѣпляютъ жизнь народа». Освободиться отъ нихъ безъ помощи меньшинства, масса едва ли можетъ; она сознаетъ и чувствуетъ ихъ, но присканіе средствъ къ ихъ устраненію составляетъ задачу, болѣею частью для нея непосильную. Найти эти средства, значитъ привести народъ къ желанной цѣли—не найти ихъ меньшинство, въ свою очередь, можетъ только въ взаимодѣйствіи съ народомъ. Все идущее на переворотъ такому взаимодѣйствію, все поддерживающее и усиливающее разнь между интеллигенціей и массой должно быть признано законнымъ достоинствомъ сатиры. Самоотреченіе, противъ котораго возстаетъ г. Салтыковъ, есть отреченіе отъ сознательной мысли; право, которое онъ хочетъ сохранить за меньшинствомъ—это право на умственную свободу, единственное право, котораго нельзя принести въ жертву даже интересамъ массы. Правильно понятые, эти интересы никогда, впрочемъ, и не могутъ требовать подобнаго жертвоприношенія.

Симпатическое отношеніе къ убожествамъ массы не всегда идетъ рука объ руку съ живой любовью къ народу—къ народу не въ идеѣ, не въ идеалѣ, а въ дѣйствительности, иногда суровой и неприглядной. Можно желать добра народу, можно служить ему словомъ и дѣломъ—и все-таки видѣть одѣ дурныя его стороны, внушающія сожалѣніе, состраданіе, но не сочувствіе. Такъ ли относится къ нему г. Салтыковъ? Чтобы убѣдиться въ противномъ, стоитъ только прочесть рѣчь сельскаго учителя на фантастическомъ юбилейномъ обѣдѣ крестьянина Мосенча («Сонъ въ лѣтнюю ночь», въ «Сборникѣ»). Она можетъ быть поставлена на одинъ рядъ съ лучшими страницами негра-совской поэмы: «Кому на Руси жить хорошо»; она не только отвѣчаетъ на вопросъ, хорошо ли живется крестьянскимъ дѣтямъ,

крестьянкамъ, самимъ крестьянкамъ—она возвышается до лиризма, немислимаго безъ глубокаго чувства. «Исторія отмѣнила много видовъ геройства и самоотверженности, но забывала объ одномъ: о геройствѣ и самоотверженности русской крестьянской женщины. Это—скромное, безпримѣрное геройство, никогда не прекращающееся, не ослабѣвающее ни при первомъ крикѣ пѣтеля, ни при третьемъ. Это—геройство, заменное въ тѣсныхъ предѣлахъ крестьянскаго двора, но всегда стоящее на стражѣ и готовое встрѣтить врага... Кто видитъ слезы крестьянки? Кто слышитъ, какъ онѣ льются капля по каплѣ, подтачивая драгоцѣннѣйшее чело-вѣческое существованіе? Ихъ видитъ и слышитъ только русскій крестьянскій малютокъ, но въ немъ онѣ оживляютъ нравственное чувство и полагаютъ въ его сердцѣ первыя сѣмена любви и добра». Самая мысль, лежащая въ основаніи «Сна въ лѣтнюю ночь», едва ли нуждается въ комментаріяхъ. Интеллигентный человѣкъ потрудится десять, пятнадцать, много — двадцать пять лѣтъ—и уже чувствуетъ потребность чествованія, хотя бы дѣятельность его немногимъ отличалась отъ дѣятельности Максима Петровича Севастьянова, помощника эзекутора департамента Препонтъ. Крестьянинъ работаетъ всю жизнь, не покладая рукъ—и работа его проходитъ незамѣченной, принимается другими, да и имъ самимъ, какъ нѣчто должное, разумѣющееся само собою. Прологомъ къ сновидѣнію о крестьянскомъ юбилей не даромъ служить доношеніе волостного писара Дудочкина, финаломъ сновидѣнія—звонъ колокольца и восклицаніе: «а, голубчики!» «Кромѣ установленныхъ правительствомъ воскресныхъ и табельныхъ дней,—пишетъ Дудочкинъ господину приставу второго стана,—учитель и священникъ, и прежде замѣченные мною въ частныхъ толкованіяхъ, дерзостно придумали ввести еще праздновать добродѣтели и другимъ мужицкимъ якобы качествамъ... И 15-го сего іюля долженъ быть у насъ сей новый праздникъ, а чѣмъ онъ кончится и въ чемъ будетъ состоять—того заранѣе опредѣлить нельзя... И мое мнѣніе таково, чтобъ мужикамъ потачки не давать, но дабы они впослѣдствіи не могли отговориться невинностью, то дать имъ покуражиться и весь образъ мыслей выполнить, а потомъ и накрыть съ полицинымъ по надлежащему». Мнѣніе Дудочкина принято начальствомъ—а вотъ почему сельскій учитель не успѣлъ досказать своей рѣчи о крестьянской «добродѣтели».

«Негодую на толпу, — говоритъ г. Салтыковъ въ «Письмѣ изъ провинціи», — и сознавая столь свое право на неодобреніе»... Остановимся на этихъ словахъ: они знаменуютъ собою единствен-

ную слабую сторону разбираемаго нами взгляда. Негодование—чувство, не всегда поддающееся разсужденію; овладѣвая человекомъ съ непреодолимою силой, оно не разбираетъ правыхъ и виноватыхъ, не взвѣшиваетъ мѣру и степень вины, обрушивается на все, препятствующее достиженію желанной цѣли. Становясь на точку зрѣнія сатирика, мы вполне понимаемъ негодование, иногда внушаемое ему толпою—ея вялостью, ея инерціей, внезапно уступающей мѣсто короткому, стихійному порыву; мы готовы даже признать за нимъ *право на негодование*, но только въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно говорить о правахъ страсти, въ смыслѣ естественной связи между напряженностью чувства и энергіей его выраженія. Отъ этого права до права, основаннаго на сознаниі, еще весьма далеко. Сознаніе предполагаетъ анализъ явленій, вызывающихъ чувство—а такой анализъ едва ли можетъ оставить мѣсто для негодованія противъ толпы. Ея недавнее прошедшее, объясняя вполне всѣ мало привлекательныя ея свойства, снимаетъ съ нея всякую отвѣтственность за ея дѣйствія, и тѣмъ болѣе за ея бездѣйствіе. Не можетъ быть, чтобы этого не понималъ г. Салтыковъ—но горячность, съ которою онъ воспринимаетъ впечатлѣнія минуты, заставляетъ его, по временамъ, упускать это изъ виду. Мы не ставимъ ему въ вину невольной забывчивости—она неразрывно соединена съ той силой убѣжденія и увлеченія, въ которой коренится главная мощь щедринской сатиры; мы только намѣчаемъ черту, необходимую для полноты оцѣнки. Сатирику ненавистенъ застой, онъ рвется впередъ, къ лучшему будущему; однимъ изъ задерживающихъ элементовъ на этомъ пути безспорно является толпа—отсюда гнѣвъ, не всегда сдерживаемый въ строго-законныхъ предѣлахъ. Въ сравненіи съ тѣмъ взглядомъ на толпу, который отразился въ «Нашихъ гауновскихъ дѣлахъ» («Сатиры въ прозѣ») и отчасти въ «Исторіи одного города»¹⁾, позднѣйшія произведенія г. Салтыкова представляютъ, впрочемъ, замѣтный поворотъ къ безпристрастію, къ справедливости. Если онъ не говоритъ почти вовсе о положительныхъ сторонахъ народной жизни, если онъ не представляетъ на видъ тѣхъ свѣтлыхъ народныхъ свойствъ, изученію которыхъ посвятила себя, въ послѣднее время, цѣлая группа беллетристовъ, то это объясняется не столько предубѣжденіемъ противъ толпы, сколько самымъ характеромъ сатиры. Ея призваніе—раскрывать зло, а не рисовать утѣшительныя картины.

Установивъ отношеніе г. Салтыкова къ «толпѣ», мы можемъ

1) См. первую нашу статью о г. Салтыковѣ, „Вѣст. Евр.“ № 1, стр. 289—290.

возвратиться къ нашей исходной точкѣ — къ тому «вторженію улицы въ литературу», которое изображено въ «Письмахъ въ тетенькѣ». На *сходство* «улицы» съ «толпою» мы указали съ самаго начала; теперь намъ предстоитъ опредѣлить, *тождественны* ли эти два понятія. «Живость предразсудковъ, несложность требованій, удручающая безграмотность» — всѣ эти отличительныя черты улицы бесспорно свойственны и толпѣ. Вполнѣ подходитъ къ послѣдней и все сказанное сатирикомъ о правѣ улицы на самосозданіе, о ненормальныхъ формахъ, причиняемыхъ первою стадіею развитія, о предстоящей провѣркѣ уличныхъ идеаловъ. Ошибочно было бы, однако, заключать отсюда, что улица, въ устахъ г. Салтыкова — синонимъ толпы, массы, народа. Толпа еще не вторгалась въ литературу; ничто не предвѣщаетъ даже близости такого вторженія. Если «мушкетъ», къ ужасу и огорченію Фединекъ Неугодовыхъ, господствуетъ *въ литературѣ* (см. «Круглый годъ», стр. 88 — 90), то это еще не значитъ, чтобы онъ господствовалъ *надъ литературой*, какъ господствуетъ надъ ней улица. Толпа еще слишкомъ скромна, слишкомъ запугана и забыта, чтобы стремиться къ торжеству надъ вѣмъ и надъ чѣмъ бы то ни было. Она не прочь, пожалуй, взмахнуть «плющильнымъ молотомъ» — но только тогда, когда онъ будетъ вѣмъ-нибудь вложить ей въ руки или когда нѣчто необычайное выведетъ ее изъ обычной апатіи и дремоты. Возводить плющильный молотъ въ перлъ созданія, какъ самое простое и самое дешевое орудіе торжества, она рѣшительно не въ состояніи. Итакъ, улица — не толпа, по крайней мѣрѣ не та толпа, съ которою мы прежде встрѣчались у г. Салтыкова; что же она такое? Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что она означаетъ ту промежуточную сферу, вторая лежитъ между интеллигенціей и народомъ, соприкасаясь и съ тою, и съ другимъ, захватывая и тамъ, и тутъ родственные по духу элементы. Интеллигенція, лытая худшимъ инстинктамъ толпы, примыкаетъ къ улицѣ, точно такъ же, какъ съ другой стороны примыкаютъ къ ней выходящіе изъ народа Разуваевы и Деруновы. Въ противоположность безсознательному консерватизму толпы, улица сознательно консервативна, въ смыслѣ охраненія собственныхъ своихъ интересовъ. Она пуглива, и жестока въ своей пугливости; она любитъ, чтобы ее увеселяли, и не любитъ, чтобы ей говорили правду или заставляли ее думать. Портретъ, снятый съ нея г. Салтыковымъ, несомнѣнно схожъ съ подлинникомъ; остается только спросить себя, вѣрно ли опредѣлена роль улицы по отношенію къ литературѣ. Появленіе

«улицы» приурочено г. Салтыковымъ въ началу пятидесятихъ годовъ; это или слишкомъ поздно, или слишкомъ рано. Слишкомъ поздно, если начинать исторію улицы съ самыхъ раннихъ набѣговъ ея въ литературу, несомнѣнно восходящихъ къ эпохѣ Булгарина и Греча; слишкомъ рано, если имѣть въ виду широкое развитіе уличныхъ вліяній. Въ концѣ пятидесятихъ, даже въ началѣ шестидесятихъ годовъ эти вліянія еще едва замѣтны. Первые попытки основать «маленькую прессу» остаются безъ успѣха (припомнимъ судьбу «Весельчака» и другихъ, подобныхъ ему изданій); она пускаетъ корни только въ половинѣ шестидесятихъ годовъ, почти одновременно съ появленіемъ «Вѣсти» и обновленныхъ «Московскихъ Вѣдомостей». Дѣлаетъ болгаринскаго наслѣдства, нѣсколько лѣтъ лежавшаго открытымъ, происходить именно около этого времени; «жителейскую всякую всячину» берутъ изъ него русскія копія съ «Petit Journal», русскіе подражатели Тимотѣ Тримма, а достѣхи болѣе крупнаго калибра и политическаго, если можно такъ выразиться, свойства, переходятъ въ руки большихъ консервативныхъ или реакціонныхъ органовъ. Съ тѣхъ поръ значеніе улицы идетъ crescendo, достигая кульминаціонной точки около половины семидесятихъ годовъ и удерживаясь на ней вплоть до настоящей минуты. О полномъ торжествѣ улицы, о господствѣ ея надъ литературой не можетъ, однако, быть и рѣчи; неслинному сатирика дѣйствительность, безъ сомнѣнія не свѣтлая, представляется уже чересчуръ мрачной. Литературу можно сравнить съ гостиницъ дворами, состоящимъ изъ длиннаго ряда самыхъ разнообразныхъ магазиновъ. Въ однихъ приказчики громко заываютъ публику, расхваливаютъ свой товаръ, бранятъ сосѣдскій и порочатъ самихъ сосѣдей; въ другихъ торговля ведется спокойно, просто, безъ назойливости и бахвальства. Въ однихъ предлагается все бросающееся въ глаза, блестящее зрелище, но быстро блекнущими красками, все модное, приспособленное къ господствующему вкусу, рассчитанное на спросъ данной минуты; въ другихъ соблюдается строгая коммерческая честность, допускающая только одну заботу—о добросовѣстности товара. Нетрудно угадать, куда повалить «улицу», въ особенности, если лавки второй категоріи будутъ отъ времени до времени закрываться помимо воли ихъ владѣльцевъ; но это еще не значитъ, чтобы побѣда принадлежала всецѣло лавкамъ перваго рода, чтобы улица повсюду и всѣмъ предписывала свои законы. «Вездѣ, въ цѣломъ мірѣ,—говоритъ г. Салтыковъ,—улица представляетъ собою лишь матеріалъ для литературы». Это не совсѣмъ такъ; улица

ездѣ вторгается въ литературу, только не въ равной степени и не съ одинаковымъ успѣхомъ. Развѣ «Figaro» — не порожденіе парижской улицы ¹⁾? Не ей ли именно онъ служить, не отъ нея ли получаетъ великія и богатія милости? Не доказываетъ ли его примѣръ, что въ исторіи литературы, какъ и въ исторіи обществъ, есть свои переживанія или выживанія, что литературное явленіе, созданное извѣстными условіями, можетъ уцѣлѣть и при совершенно другой обстановкѣ? Конечно, «Figaro» не пользуется никакими привилегіями, существованіе его обезпечено съ внѣшней стороны ничуть не больше, чѣмъ существованіе органовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ «улицей»; упомянувъ о немъ, мы хотѣли только доказать, что различіе между нашей литературой и другими, съ точки зрѣнія «уличныхъ» влияній — скорѣе количественное, нежели качественное. Прощѣтаніе «улицы» — неблагоприятное обстоятельство, съ которымъ постоянно слѣдуетъ считаться, но не камень преткновенія, котораго нельзя было бы обойти. Побольше равенства въ условіяхъ конкуренціи — т.-е. побольше свободы печати — и «улица» перестанетъ быть опасной для тѣхъ, кто не считаетъ нужнымъ закрывать съ нею. Она сохранитъ своихъ литературныхъ слугъ, но не будетъ мѣшать не-уличной литературѣ.

«Улица», въ щедринскомъ смыслѣ слова — это главный очагъ тѣхъ «шкурныхъ инстинктовъ», которые несомнѣнно играютъ большую роль въ современной жизни. «Боянь за никуру, за завтрашній день — вотъ основной тезисъ, изъ котораго отправляется современный русскій человѣкъ — и это смутное ожиданіе вѣчногрозящей опасности уничтожаетъ въ немъ не только позывъ къ дѣятельности, но и къ самой жизни. На первый взглядъ, тутъ кроется какъ бы противорѣчіе. Если человѣкъ тревожно цѣпляется за свой завтрашній день — стало быть, онъ жаждетъ жить. Ничуть не бывало. Не жажда жизни заставляетъ трепетать, а просто инстинктивная сердечная смута, которая, помимо сознанія, каждоминуто сосетъ и терзаетъ. Не завтрашняго дня жаль, а жутко при мысли, что можетъ быть онъ будетъ, а можетъ быть и не будетъ. Шкурный инстинктъ грозитъ погубить, если ужъ не погубилъ, всѣ прочіе жизненные инстинкты... Невольно вырывается крикъ: неужто все это есть, неужто ничего другого и не будетъ? Вѣдь было же когда-то время, когда твердили, что

¹⁾ Слова: „парижская улица“ возбуждаютъ въ насъ обыкновенно представленія совершенно другого рода — но мы употребляемъ ихъ здѣсь именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ объ „улицѣ“ авторъ „Писемъ къ тетенькѣ“.

Безъ идеаловъ ступить нельзя! Были великіе поэты, великіе мыслители, и ни одинъ изъ нихъ не упоминалъ о «шкурѣ», ни одинъ не указывалъ на принципъ самосохраненія, какъ на окончательную цѣль человѣческихъ стремленій» («За рубежомъ», стр. 327—8). Да, шкурный инстинктъ—это врагъ, съ которымъ необходимо бороться, врагъ—тѣмъ болѣе опасный, что онъ таится въ насъ самихъ, опираясь на естественное чувство самосохраненія; не слѣдуетъ, однако, принимать слова сатирика au pied de la lettre, не слѣдуетъ возводить преувеличеніе, понятное и неизбежное въ сатирѣ, на степень черты, характеристичной для всего современнаго быта. Еслибы безусловное господство шкурныхъ инстинктовъ было совершившимся фактомъ,—перемѣну къ лучшему, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, пришлось бы признать невозможной; въ обществѣ, поголовно объятomъ «боязнью за шкуру», очевидно нельзя предполагать способности къ самоуправленію. На самомъ дѣлѣ, къ счастью, рядомъ съ шкурнымъ инстинктомъ дѣйствуютъ и другіе, подобно тому, какъ въ литературѣ рядомъ съ вліаніемъ «улицы» остается мѣсто и для традицій, и для идеаловъ. Мы увидимъ, что въ болѣе спокойныя минуты такъ смотреть на дѣло и самъ г. Салтыковъ.

«Изолированность», составлявшая нѣкогда отличительную черту русской литературы, имѣетъ до сихъ поръ своихъ представителей въ русскомъ обществѣ. Писатели сороковыхъ годовъ создали типъ «лишняго человѣка», или, лучше сказать, прямо выхватили его изъ жизни; этотъ типъ еще не вымеръ, онъ только видоизмѣнился. Мы встрѣчаемся съ нимъ въ «Дворянскихъ мелодіяхъ» («Въ средѣ умѣренности и аккуратности»), въ «Дворянской хандрѣ» («Сборникъ»), въ «Усыжищѣ Монрепо». «Дворянскія мелодіи» зародились уже давно, въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ. Это было время, когда крѣпостное право царствовало въ полномъ разгарѣ, обеспечивая существованіе избранныхъ и доставляя всѣ удобства для украшенія ихъ досуговъ. И между тѣмъ—странное дѣло—молодые дворяне тосковали; ихъ сердца уже растворились и, слѣдовательно, требовали пищи—такой пищи, которая хоть косвенно соприкасалась бы съ крѣпостною дѣйствительностью, и въ то же время не слишкомъ компрометировала бы тотъ общедворянскій жизненный складъ, отказать отъ котораго совсѣмъ и не предполагалось. Экскурсіи въ область униженныхъ и оскорбленныхъ, которыми такъ богата была европейская литература того времени, представлялись въ

этомъ смыслѣ пишей почти идеальной. Онѣ располагали сердца къ чувствительности, и вмѣстѣ съ тѣмъ не нарушали приличекъ. Отсюда—дворянскія мелодіи. Отличительныя свойства этихъ мелодій: елейность, хорошій слогъ, обиліе окончностей, и въ то же время отсутствіе конкретнаго объекта. И какъ естественный результатъ всѣхъ этихъ свойствъ, взятыхъ вмѣстѣ—неудовимость... Мелодіи эти раздаются и понинѣ, хотя съ каждымъ днемъ все рѣже и рѣже. Въ большинствѣ случаевъ, дворянскія мелодіи довольно свободно обратились въ дворянскія же рычанія, но все-таки существуютъ разсѣянные по лицу земли стыдливыя единицы, которыя уморствуютъ и доднесь». Прежде въ «дворянскихъ мелодіяхъ» была своего рода цѣльность — теперь она уступила мѣсто двоегласію. Въ нихъ слышится то раскаяніе, то гордость, то самобичеваніе, то самооправданіе. Гордость или по крайней мѣрѣ самооправданіе преобладаетъ въ нихъ тогда, когда запоздалые пѣвцы сравниваютъ себя съ людьми «торжествующей современности». «Есть почва, — говоритъ одинъ изъ пѣвцовъ, — на которой я довольно прилично могу примириться съ встревоживающею совѣстью. Нѣтъ дѣятельнаго торжествующаго ала: право, в это не бездѣлица! Конечно, это не Богъ знаетъ какая почва, а скорѣе соломенка — но, въ качествѣ человека отживающаго, человека иныхъ пѣсней и иныхъ традицій, я хватаюсь за эту соломенку и возлагаю на нее великія надежды... Я могу себѣ сказать смѣло, что проявленія совѣсти, самоотверженности никогда не возбуждали во мнѣ пошлыя въ хохоту. Напротивъ того, я относился къ нимъ скорѣе благосклонно или, лучше сказать, опрятно, хотя и бессмысленно. Я понимаю, разумѣется, что беснѣліе очень мало украшаетъ человека, но въ извѣстной обстановкѣ самое воздержаніе можетъ претендовать на названіе заслуги. Вѣдь хохотъ (хохотъ надъ совѣстью, надъ самоотверженіемъ) не только жестокъ — онъ недоверителенъ, придирчивъ. Онъ не терпитъ никакой неясности, и ежели до поры до времени позволяетъ воздержанію прозябать въ темномъ углу, куда загналъ его испугъ — то именно только до поры до времени, и притомъ въ видѣ безпримѣрнаго снисхожденія»... «Насъ слѣдуетъ благодарить уже за то, — восклицаетъ другой пѣвецъ, — что однимъ изъ главныхъ результатовъ нашего существованія былъ стыдъ. Мы ничего не можемъ! ничего не знаемъ! — вотъ восклицанія, которыя не сходятъ у насъ съ языка; восклицанія сами по себѣ не важны, но важно въ нихъ то, что они не дозволяютъ краскѣ стыда сойти съ нашихъ лицъ. Не за себя однихъ стыдимся мы, но и за другихъ — за всѣхъ. Стыдъ животворить. Беснѣльному

онъ помогаетъ нести бремя жизни, сильному внушаетъ мысль о подвигѣ. Но, сверхъ того, онъ и приманиваетъ. Одинъ видъ страдающаго человѣка, среди проявленій безстыжести, уже можетъ служить небезполезнымъ напоминаніемъ. Вотъ во имя чего стыдъ долженъ быть затѣнъ даже такому существованію, котораго кончатный итогъ формулируется словами: ни зла, ни добра!»

Таковъ одинъ мотивъ изъ симфоніи дворянскихъ мелодій; переплетается съ нимъ, нарушаетъ его благозвучность другой, болѣе рѣзкій и стрѣгій. «Возможно ли, однажды сознавъ справедливость того или другого явленія, не идти на защиту его? или, сознавъ несправедливость его, не выступить на бой съ нимъ? Возможно ли успокоиться на одномъ сознаніи справедливости или несправедливости, и затѣмъ считать себя нравственно свободнымъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ обязанностей? По моему мнѣнію, это возможно только въ одномъ случаѣ: когда человѣкъ сидитъ въ четырехъ глухихъ стѣнахъ, и когда ему ничего другого не остается, какъ утѣшаться тѣмъ, что и этимъ стѣнамъ не дано погасить въ немъ свѣточа мысли, освещающей даже непроглядный мракъ тюрьмы. Но людямъ, которые, во всякомъ случаѣ, пользуются свободой исполнять начальственные распоряженія... Помилуйте! что же значить тогда «сознаніе»? Зачѣмъ «благородный образъ мыслей»? Къ чему вся эта комедія устремленій, порывовъ, зубовинныхъ скрежетовъ и слезъ? Когда это настроеніе беретъ верхъ, пѣвцы дворянскихъ мелодій говорятъ другъ другу: «существовать и постыдно, и незачѣмъ. Ни въ лагерѣ торжествующихъ, ни въ лагерѣ толкущихся—мы одинаково не у мѣста. Мы способны лишь волноваться—да и не волноваться въ строгомъ смыслѣ слова, а только жалія слова говорить. Но вѣдь это, навонецъ, и постыдно, и надѣлю. Ясно, что выходъ для насъ предстоитъ одинъ: уйти».

«Дворянская хандра» рисуетъ передъ нами именно этотъ выходъ изъ очарованнаго круга «дворянскихъ мелодій». Забить, успокоиться, уломать, заживо похоронить себя—вотъ цѣль, съ которою «гробовскатель» прѣбываетъ въ своей глухой усадьбѣ. И онъ когда-то порывался, совался, къ чему-то примазывался, кому-то предлагалъ свои услуги. Сначала къ нему снисходили, хотя въ этомъ снисхожденіи и чувствовался отбѣнокъ чего-то похожаго на изумленіе; потомъ онъ надѣлся, какъ надѣлись и всѣ «совашіеся» вмѣстѣ съ нимъ. «Все измѣнилось кругомъ насъ; спросъ на наши услуги вдругъ понизился до минимума, снисходительныя улыбки превратились въ откровенно-кислосладкія; одни мы не измѣнились и продолжали выказывать на-

зойливѣйшую готовность идти въ огонь и въ воду. Тогда, чтобы отдѣлаться отъ насъ, пришлось употребить насилие... Что было потомъ — лучше не вспоминать. Скажу одно: человѣку, который гордо шелъ въ храмъ славы и вмѣсто того попалъ въ хлѣвъ — и тому едва ли пришлось испытать столько горечи. Нить жизни порвана, привычки нарушены, всѣ планы, всѣ стремленія, все, чѣмъ жилъ человѣкъ — все разомъ упразднено... «Пятое колесо въ колесницѣ» — кто первый выдумалъ это ужасное сравненіе? «Ничего не знаю», «ничего не могу» — кто возвелъ эти ужасныя слова въ доктрину? Куда бѣжать, куда провалиться отъ этихъ заплетенныхъ афоризмовъ? И вотъ, на встрѣчу выдвигается... гробъ!» Счастливъ, сравнительно, тотъ, для котораго гробъ уготованъ заранѣе, въ образѣ благопріобрѣтеннаго или, еще лучше, наслѣдственнаго Монрепо.

«Я чувствую себя хорошо, — говоритъ отшельникъ, устроившійся въ своемъ гробу. — Та страшная мысль, что я ничего не могу, ничего не знаю, что я пятое колесо въ колесницѣ, уже не терзаетъ меня такъ неотступно, какъ прежде. Имѣя впереди только гробъ, мнѣ не нужно ни мочь, ни знать; мнѣ нужно одно — чтобы молчаніе, объемлющее меня, не нарушалось ни единымъ призывомъ къ жизни... Одиночество имѣетъ втягивающую силу. Оно нашептываетъ думы, не имѣющія ничего общаго съ думами живыхъ людей. Что-то совершенно особенное: не скажу, чтобы фантастическое или бессвязное, но никогда не кончающееся и притомъ доступное для безконечныхъ видоизмѣненій... Есть одна свѣтящаяся точка, въ которую неизмѣнно вперенъ взоръ — и этой одной точки совершенно достаточно, чтобы наполнить существо взирающаго до краевъ... Одиночество должно оказать мнѣ великую услугу: оно спасетъ меня отъ жизни. Умирать, хотя и заживо, но во-время — не только необходимо, но и полезно, поучительно: я на этомъ стою. Я знаю, что вообще достойнѣе и сообразнѣе съ человѣческимъ назначеніемъ говорить: благо живущимъ! Но знаю также, что бывають такія изумительныя обстановки, въ которыхъ и ужаснѣе, и приличнѣе говорить: благо умирающимъ и еще большее благо — умершимъ!»

Немного найдется въ нашей литературѣ произведеній, которыя производили бы столь сильное и вѣдѣтъ съ тѣмъ столь угнетающее впечатлѣніе, какъ «Дворянскія мелодіи» и въ особенности «Дворянская хандра». Разгадку этого впечатлѣнія нельзя искать въ одномъ искусствѣ, съ которымъ изображены страданія современныхъ «лишнихъ людей», вѣчно колеблющихся, вѣчно сомнѣвающихся и находящихся покой только въ полномъ

отреченіи отъ надежды, отъ жизни. Пѣвцы дворянскихъ мелодій, воспитанные атмосферою сороковыхъ годовъ — несомнѣнно типъ вымирающій; гробовскатели рѣдки и между ними. Отчего же картина ихъ безысходной скорби такъ болѣзненно дѣйствуетъ на душу? Отчего она отзывается въ насъ чѣмъ-то знакомымъ, будить въ насъ не то предчувствія, не то воспоминанія? Кто-то, не помнимъ, замѣтилъ по поводу Гамлета, что каждый чувствовалъ себя Гамлетомъ хоть нѣсколько минутъ въ продолженіе своей жизни, и что именно въ этомъ коренится больше всего обаяніе бессмертной трагедіи Шекспира. Нѣчто подобное можно сказать, *toutes proportions gardées*, и о двухъ разбираемыхъ нами сочиненіяхъ г. Салтыкова. «Дворянскія мелодіи» — названіе слишкомъ тѣсное для означаемого имъ предмета. Это, въ значительной степени, мелодіи переходного времени, мелодіи средняго чело-вѣка, отставшаго отъ одного берега и не приставшаго къ другому. Задача, лежащая на такомъ среднемъ чело-вѣкѣ — далеко не гамлетовская; но относится онъ къ ней, сплошь и рядомъ, именно по-гамлетовски. Бессильный справиться съ нею, онъ безсиленъ и примириться съ своимъ безсиліемъ; его гнететъ смутная мысль о неисполненномъ долгѣ, онъ не можетъ отдѣлаться отъ нея ни насмѣшкой, ни фатализмомъ, ни квіетизмомъ. До трагизма положеніе его, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не доходитъ, потому что его отвлекаетъ отъ гамлетовской думы злоба дня, житейская суета, обязательный трудъ; убавливаетъ его и привычка, утѣшаетъ его и та мысль, что стоять на распутьи обреченъ не онъ одинъ. Та интенсивность унынія, которую мы видимъ въ «Дворянской хандрѣ», выпадаетъ, какъ нѣчто постоянное, безповоротное, на долю немногихъ; но кому не случалось сопривасаться съ нею мимоходомъ, кому не случалось восклицать, съ искреннимъ, въ данную минуту, чувствомъ: «благо умирающимъ! благо умершимъ!» Читая «Дворянскія мелодіи», «Дворянскую хандру», современный чело-вѣкъ переживаетъ вновь иногда еще свѣжія, иногда полу-забытыя страницы собственнаго прошедшаго; передъ нимъ опять возстаетъ цѣлый рядъ «проклятыхъ вопросовъ», возстаетъ дилемма: «самообвиненіе или самооправданіе»? А что, если «кондуитный списокъ» читателя не можетъ быть резюмированъ словами: «ни зла, ни добра»? если ему приходится спросить себя, имѣетъ ли онъ право даже на то дешевое успокоеніе, на которое останавливаются иногда пѣвцы дворянскихъ мелодій? если онъ прекратилъ «сованія» и «порывы» не по «не зависѣвшимъ обстоятельствамъ», а по собственной волѣ, изъ любви къ «ми-

нутыми благамъ жизни?.. Удивляться ли, затѣмъ, что «Дворянскія мелодіи» и «Дворянская хандра» принадлежатъ, какъ и «Большое мѣсто», къ числу тѣхъ «рѣчей», которыми «безъ волненія внимать невозможно» — только не волюды «темноты ихъ значенія», а вслѣдствіе ихъ глубокой жизненной силы? Горечь впечатлѣнія смягчается, въ «Дворянскихъ мелодіяхъ», только надгробнымъ словомъ, гармонически разрѣшающимъ длинный рядъ предшествующихъ диссонансовъ. «Геройство не было въ привычкахъ этого человѣка, а, можетъ быть, отсутствовало и въ самой природѣ его, но при этомъ нельзя не принять во вниманіе, во-первыхъ, традицій эстетизма и обезпеченности, на лонѣ которыхъ онъ былъ воспитанъ, а во-вторыхъ и того, что геройство вообще ни для кого не обязательно. Это послѣднее соображеніе въ особенности вѣрно, хотя, по недоумѣнію, довольно рѣдко принимается въ расчетъ». Совершенно вѣрно; но остается еще опредѣлить, необходимо ли «геройство», чтобы въ итогахъ жизни оказалась не одна пустота, выражаемая формулой: «ни добра, ни зла»? Неужели нельзя достигнуть, и безъ геройства, менѣе отрицательнаго результата? А если можно, то во что обращается утѣшеніе, преподанное пѣвцамъ дворянскихъ мелодій?

Въ «Дворянской хандрѣ» нѣтъ даже такого полу-успокоительнаго аккорда, какимъ заканчиваются «Дворянскія мелодіи». Живого похороненный человѣкъ выходитъ на минуту изъ своего гроба, но только для того, чтобы увидѣть нѣчто болѣе ужасное, чѣмъ гробъ — разбитое семейное счастье, рухнувшія надежды, старика, одинокаго среди развалинъ. «Сколько разъ, въ былые времена, — восклицаетъ этотъ старикъ, — я провожалъ глазами вечернюю зарю и говорилъ себѣ: завтра я опять увижу ее тамъ на востокѣ. А теперь говорю: сейчасъ она потухнетъ, и затѣмъ начнется ночь... Да, ночь — и навсегда! Ничего, кромѣ ночи!» Правда, этому воплю отчаянія противопоставляется лучъ надежды: «заря опять придетъ, — возражаетъ старину внучка, — и не только заря, но и солнце». Но послѣднее слово остается за старикомъ: «тяжелы эти повторенія старой сказки объ упованіяхъ! Будемъ изнывать каждый въ своемъ углу... Довольно».

Антиподы «хандрашихъ людей», это — «люди торжествующей современности». Мы познакомились уже съ ними отчасти, говоря о «столпахъ», о Батищевыхъ и Неугодовыхъ, о кузняхъ Машенькахъ и графахъ Твердоонто; прибавимъ къ нимъ, для пол-

ноты картины, типическія фигуры Плѣшивцева и Тебенёкова ¹⁾. Тебенёковъ—это волкъ въ овечьей шкурѣ, консерваторъ въ образѣ либерала; Плѣшивцевъ—консерваторъ съ національнымъ отгнѣномъ, поклонникъ «русской подошвы». «Плѣшивцевъ утверждаетъ, что человѣкъ долженъ быть консерваторомъ не только за страхъ, но и за совѣсть; Тебенёковъ же объявляетъ, что прибавка словъ «за совѣсть» только условливаетъ дѣло, и что человѣкъ вполнѣ правъ передъ обществомъ и закономъ, если можетъ доказать, что онъ консерваторъ только «за страхъ». И Тебенёковъ, и Плѣшивцевъ одинаково утверждаютъ, что для человека необходима «почва», нѣтъ которой человѣкъ для обоихъ представляется висющимъ въ воздухѣ. Но высказавши это, Тебенёковъ объясняетъ, что «почва», въ его глазахъ, не что иное, какъ *modus vivendi*, какъ сборникъ извѣстныхъ правилъ, на которыя человѣкъ, дѣлающій себѣ карьеру, можетъ опереться. По мнѣнію Плѣшивцева, *почва* «не опредѣляется, а чувствуется; безъ почвы человѣкъ не можетъ чувствовать себя человѣкомъ. Почва, однимъ словомъ, это... вотъ это!..» Тутъ Плѣшивцевъ дѣлаетъ жестъ, какъ будто копается гдѣ-то глубоко руками. «И Тебенёковъ, и Плѣшивцевъ—оба религіозны и оба очень усердно выполняютъ требуемые религіей обряды; но Тебенёковъ стоитъ на почвѣ государственной религіи, говорить, что религія есть одинъ изъ рычаговъ, которымъ государство имѣетъ право пользоваться для своихъ цѣлей, а лично о себѣ выражается, что онъ *обязанъ* быть религіознымъ, потому что долженъ подавать примѣръ «пусть не жанетъ». Плѣшивцевъ тоже считаетъ государство немислимымъ безъ религіи, но видитъ въ послѣдней не подспорье, какъ Тебенёковъ, а основаніе, и вслѣдствіе того, жалѣетъ о временахъ патріарховъ. Религія, почва и любовь—ють триада, которой поклоняется Плѣшивцевъ и въ которой онъ видитъ такъ называемую русскую подошву. Онъ не можетъ болѣе ясно опредѣлить, въ чемъ собственно состоитъ эта подошва, но ожидаетъ отъ нея очень многого. Наконецъ, и Тебенёковъ, и Плѣшивцевъ—оба уважаютъ народность, но Тебенёковъ смотритъ на этотъ предметъ съ точки зрѣнія армій и флотовъ, а Плѣшивцевъ—съ точки зрѣнія подошвы. Оба говорятъ: есть ли на свѣтѣ другой народъ, какъ русскій!—но Тебенёковъ относитъ свои похвалы преимущественно къ дисциплинѣ, а Плѣшивцевъ—къ смиренію... Въ разномысліи ихъ сморѣе играетъ роль

¹⁾ „Благонамѣренія рѣка“, ч. 2 („По части женскаго вопроса“ и „Въ дружескомъ кругу“).

различіе темпераментовъ, нежели различіе убѣжденій. Плѣшивцевъ пылокъ и нетерпѣливъ, Тебеньковъ разсудителенъ и сдержанъ. Плѣшивцевъ охотно лѣзетъ на стѣну; Тебеньковъ предпочитаетъ пролѣзть въ подворотню... Говорятъ, будто Плѣшивцевъ искреннѣе, нежели Тебеньковъ и будто-бы, съ этой точки зрѣнія, онъ заслуживаетъ болѣе симпатіи; но, по моему, они оба—равно симпатичны». И Тебеньковъ; и Плѣшивцевъ считаютъ возможнымъ распространять похвальные чувства путемъ начальственныхъ предписаній и распоряженій; но въ проектѣ циркуляра, составленномъ Плѣшивцевымъ, говорится болѣе о любви къ отечеству; въ проектѣ циркуляра, составленномъ Тебеньковымъ—болѣе о любви къ государству. Это не мѣшаетъ сходству обоихъ циркуляровъ, по крайней мѣрѣ въ заключительной ихъ части, рекомендующей «воспитаніе и неуклонное охраненіе, въ предѣлахъ вѣдомства, надлежащаго похвальнаго чувства и пресѣченіе превратнымъ толкованіямъ всѣхъ способовъ къ омраченію и извращенію онаго». Не мудрено, что разсуждая, по поводу преній въ германскомъ рейхстагѣ о правѣ Германіи на преданность покореннаго ею Эльзаса, Тебеньковъ и Плѣшивцевъ приходятъ къ одному и тому же, утвердительному рѣшенію вопроса, хотя и мотивируютъ его не одинаково: Плѣшивцевъ—правомъ болѣе нравственнаго организма на порабощеніе менѣе нравственнаго, Тебеньковъ—формулою: «люби не люби, а подпоясывай»! «Тебѣ нравится,—справедливо замѣчаетъ Тебеньковъ, обращаясь къ Плѣшивцеву,—московскій періодъ государства російскаго, мнѣ нравится нѣтербургскій періодъ государства російскаго, но мы оба имѣемъ въ виду одну и ту же государственность. А при одинаковыхъ результатахъ, какая надобность знать, откуда кто отправляется: съ Плющихи ли въ столичномъ городѣ Москвѣ, или съ Офицерской въ столичномъ городѣ Петербургѣ?»

Картина, приведенная нами, нарисована г. Салтыковымъ лѣтъ семь или восемь тому назадъ—но, если можно такъ выразиться, она въ настоящую минуту еще болѣе современна, чѣмъ была тогда. Характеризуя Плѣшивцева, сатирикъ подмѣтилъ и соединилъ въ одно цѣлое тѣ черты, которыя для менѣе проницательныхъ глазъ выяснились вполнѣ лишь недавно, въ эпоху преобладанія такъ называемой «народной политики». Не былъ ли онъ тысячу разъ правъ, констатируя неопредѣленность понятія о подоплѣвѣ—понятія, выражаемаго не столько словами, сколько жестами? Не былъ ли онъ правъ, перечисляя точки соприкосновенія Плѣшивцевыхъ съ Тебеньковыми, указывая, за

прозрачной занавѣсью наружнаго разногласія, глубокое между ними сходство? Не предугадалъ ли онъ возможность ихъ союза, по крайней мѣрѣ временнаго? Мы далеки отъ мысли, чтобы подъ именемъ Плѣшивцева и Тебенъкова г. Салтиковъ хотѣлъ вывести на сцену какихъ-либо реальныхъ лицъ; мы думаемъ, наоборотъ, что онъ ни въ кого специально не мѣтилъ, ни съ кого не снималъ портрета—не именно потому ему и удалось создать типическія фигуры. За Плѣшивцевымъ, какъ и за Тебенъковымъ—въ особенности за первымъ—скрывается цѣлое направленіе; согласіе, обнаруживающееся между ними послѣ долгаго и повидимому ожесточеннаго спора, знаменуетъ нѣчто большее, чѣмъ сближеніе двухъ журналистовъ, двухъ политическихъ дѣятелей. Изъ массы разрозненныхъ фактовъ и мелкихъ симптомовъ г. Салтиковъ сдѣлалъ общій выводъ, вполне подтвердившійся дальнѣйшимъ ходомъ событій. Онъ доказалъ еще разъ, что владѣть даромъ «второго зрѣнія», что передъ его глазами проносятся иногда невидимая для другихъ «тѣнь грядущаго».

У Тебенъкова есть не только опредѣленный взглядъ на почву, народность и прочее—у него есть и цѣлый планъ дѣйствій, на случай, еслибы ему удалось приблизиться къ кормилу. «Моя система очень проста,—говоритъ онъ въ минуту откровенности:—*никогда ничему прямо не дозволять и никогда ничему прямо не запрещать*. Первое, что я дѣлаю—это ослабляю бразды, хотя, въ сущности, въ этомъ еще нѣтъ ничего опредѣленнаго, но для насъ, русскихъ, уже одно это очень и очень важно. Мы такъ чувствительны въ браздахъ, что малѣйшее измѣненіе въ манерѣ держать ихъ уже очень цѣнится нами. И вотъ, когда я ослабилъ бразды, когда всѣ почувствовали это—вдругъ начинается настоящее либеральное пиршество. Литература ликуетъ, студенты ликуютъ, женщины ликуютъ; а, съ своей стороны, тоже ликовую... Проходитъ годъ; начинаютъ тамъ и самъ прорываться проявленія такъ называемой *licence*. Я призываю зачинщиковъ и келейнымъ образомъ дѣлаю имъ внушеніе: «если вы хотите, чтобы я имѣлъ возможность защищать васъ, то поберегите и меня; если не хотите, то скажите прямо—я удалюсь въ отставку!» Разумѣется, моя угроза дѣйствуетъ; всѣ кричатъ: *осторожнѣе! осторожнѣе!* потому что если оставитъ насъ Тебенъковъ—мы погибли! Такъ проходитъ, можетъ быть, еще цѣлый годъ: *la licence relève la tête*—я говорю уже прямо: *messieurs, je m'en lave les mains!* и уступаю мое мѣсто князю Ивану Семенычу... Собственно говоря, я ничего не имѣю противъ князя Ивана Семеныча и даже, въ ряду прочихъ феноменовъ, при-

знаю его далеко не бесполезнымъ. Не нужно только, чтобы такіе люди слишкомъ долго оставались въ должности воздухоочистителей; но во временамъ очищать воздухъ — не бесполезно. Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ; волненія отчасти усмирены, отчасти подавлены, и существованіе князя Ивана Семеныча само собой утрачивается свой *raison d'être*. Тогда опять прихожу я, и опять привожу свою систему... Такимъ образомъ мы чередуемся: сперва я, потомъ князь Иванъ Семенычъ, потомъ опять я, опять князь Иванъ Семенычъ, и такъ далѣе... Безъ князя Ивана Семеныча *tout mon système s'écroule et s'évanouit!*

Шагъ впередъ и шагъ назадъ, шагъ впередъ и шагъ назадъ, — какъ убійственно-монотонна эта программа Тебенъкова! Въ дѣйствительной жизни абсолютно-правильная монотонность, въ счастію, немислима; но кто же рѣшится утверждать, что между дѣйствительностью и мечтой Тебенъкова нѣтъ ровно ничего общаго? «Ослабленные бразды», общее ликованіе, тезисъ: «ничего прямо не позволять и ничего прямо не воспрещать» — не напоминаетъ ли все это чего-то недавняго, гораздо болѣе недавняго, чѣмъ тотъ очеркъ («По части женскаго вопроса»), въ которомъ изложена г. Салтыковымъ тебенъковская система? Слѣдуетъ прибавить, что въ этихъ воспоминаніяхъ нѣтъ мѣста для самого Тебенъкова, что бразды были ослаблены безъ всякой предвзятой мысли о князѣ Иванѣ Семенычѣ, что въ первомъ шагѣ впередъ предполагались и другіе; но если оставить въ сторонѣ вопросъ о намѣреніяхъ и обратить вниманіе только на результаты, то сходство получится поразительное, и въ числу намѣченныхъ сатирикомъ «тѣней грядущаго» прибавится еще одна. Если не приурочивать воспоминаній въ одному определенному моменту, если протѣкать мысленно періодъ времени болѣе продолжительный, то найдется нѣчто схожее и съ формулой: «шагъ впередъ и шагъ назадъ»; придется задуматься и о томъ, скоро ли эта формула окончательно отслужитъ свою службу?

У «хандращихъ людей» есть еще и другіе антиподы, кромѣ «людей торжествующей современности», — но они затрогиваются г. Салтыковымъ лишь изрѣдка и мелькомъ (напр., въ «Непочтительномъ Коронатѣ», въ «Вольномъ мѣстѣ», въ «Дворянско-хандрѣ»). Причина, почему онъ не останавливается на нихъ обстоятельнѣе и чаще, давно уже объяснена имъ самимъ. «Существуютъ люди, — читаешь мы въ «Дневникѣ провинціала» (стр. 271—2), — которые называютъ себя «новыми людьми». Это не маневены съ наклеенными этикетками, а живые люди, ко-

торые въ этомъ качествѣ имѣютъ свои недостатки и свои достоинства, свои пороки и свои добродѣтели. Какъ долженъ былъ бы я поступать, еслибы повелѣ рѣчь объ этихъ людяхъ? Я могъ бы, конечно, не хуже любого изъ современныхъ беллетристовъ указать на темныя ихъ стороны; но меня останавливаетъ одно обстоятельство. Вѣдь ежели я стану смѣяться или пугать просто: какъ дескать, оно смѣшно или омерзительно!—это, быть можетъ, покажется нѣсколько глупымъ; а ежели я захочу смѣяться или пугать вплотную, то не найдусь ли я вынужденнымъ прежде всего подвергнуть осмѣянію самыя причины, породившія тѣ факты, которые возбуждаютъ во мнѣ смѣхъ или ужасъ?.. Съ добродѣтелями—и того хуже. Извѣстно, что «новый человѣкъ» принадлежитъ къ тому виду млекопитающихъ, у котораго по штату никакихъ добродѣтелей не полагается. Значитъ, самое уноминаваніе имени добродѣтелей становится въ этомъ случаѣ продерзостнымъ, и можетъ быть прямо принято за апологию. Такимъ образомъ, «новый человѣкъ» самою силою обстоятельствъ устраняется изъ области беллетристики. Указывать на его пороки—легко, но жутко; указывать же на его добродѣтели не только неудобно, но если хорошенько взвѣсить всѣ условія современнаго русскаго быта, то и матеріально невозможно». Въ этой цитатѣ мы можемъ прибавить только тѣ слова, которыми г. Салтыковъ заканчиваетъ свои «Письма къ тетенькѣ»: *Sapienti sat.*

Мы говорили до сихъ поръ о такихъ сторонахъ щедринской сатиры, которыя относятся, въ большей или меньшей степени, къ цѣлому періоду русской общественной жизни; перейдемъ теперь къ тѣмъ случаямъ, когда она прямо отливается на злобу дня, на вопросъ данной минуты. Славянскими дѣлами и восточною войной 1877—78 г. внушены три этюда г. Салтыкова: «День промель—и слава Богу», «На досугѣ» и «Трипиченны—очевидцы» («Въ средѣ умѣренности и аккуратности»). Последний изъ нихъ принадлежитъ къ числу тѣхъ очерковъ, которые мы, въ другомъ мѣстѣ, назвали фельетонными; эпосъ двухъ корреспондентовъ, отправившихся на Дунай и въ Малую Азію, не застрявшихъ въ Чебоксарахъ, вызываетъ только легкую улыбку. Въ дѣятельности нѣкоторыхъ заправскихъ корреспондентовъ, благополучно доѣхавшихъ по назначенію, можно было найти больше матеріала для настоящей сатиры. Болѣе колоритна, но также не свободна отъ водеvilнаго оттѣнка, отъ шаржа и карикатуры, повѣсть о Балабайкичѣ, замышляющемъ

осчастливитъ наша войска поставкой билекъ съ запашкомъ и выдерживающемъ потомъ цѣлый рядъ фантастическихъ приключеній. «Сдѣлай транспортировку Балалайкиныхъ, — говоритъ Глумовъ своему другу, — переложи ихъ нѣсколькими тонами выше, усложни ихъ ребаческіе проекты, прибавь къ нимъ гнилые сухари, толченый уголь вмѣсто пороха — и поводы для ожесточенія получатся самые полные. Не въ Балалайкинѣ, а въ совокупности Балалайкиныхъ, въ ихъ общедоступности и общепризнанности, въ разлитости балалайкинскаго эфира въ воздухъ — вотъ гдѣ настоящая причина негодованія!» Это совершенно справедливо — но самъ Балалайкинъ до такой степени комиченъ, многое изъ переживаемаго имъ до такой степени неправдоподобно, что читатель не настраивается на ладъ, звучащій въ словахъ Глумова. Съ истинно сатирической, за то, нотою мы встречаемся въ изображеніи той суматохи, которая овладѣла русскимъ обществомъ подъ вліяніемъ непривычно-серьезнаго интереса. Какъ быстро успокоивается нравственное чувство, возмущенное вѣстіями о болгарскихъ ужасахъ! Какъ легко заключаются сдѣлки съ совѣстью, цѣною трехъ рублей, отсылаемыхъ въ «дамскій кружокъ»! Какой диссонансъ слышится въ словѣ: «мерзавцы» (обращенномъ къ туркамъ), когда оно произносится Левушкой Колѣнцовымъ, въ промежуткѣ между заказомъ тонкаго обѣда и мечтами о предстоящемъ помпадурствѣ! Какой контрастъ между трагедіей, совершающейся за Дунаемъ, и сценами у Бореля или даже въ гостиной Положиловыхъ! Хороша генеральша, участвующая въ четырехъ комитетахъ и заказывающая себѣ обувь, изъ патріотизма, у русскаго башмачника (для разлуки съ французской модисткой у нея не хватаетъ силы); хорошъ купецъ Дрыгаловъ, щедрый на жертвы изъ «общественнаго ящичка», а жертвующимъ изъ собственныхъ средствъ одѣламъ назначающій длину въ два аршина, — но хорошъ и самъ Глумовъ, дешевый скептикъ, «рабъ съ головы до ногъ, рабъ выполняющій свое дѣло съ безупречною исправностью и въ тоже время старающійся, съ помощью цѣлой системы показываемыхъ въ карманѣ вукишей, обратить свое рабство въ шутку!» Было въ то время и нѣчто гораздо худшее, чѣмъ глумовскій скептицизмъ, положиловская апатія, генеральшина суета; это же-патріотизмъ, то грубый, то сентиментальный, всегда полный нетерпимости, ничѣмъ не рисковавшій лично, но отъ другихъ требовавшій безграничнаго и беззавѣтнаго риска. Въ лицахъ онъ у г. Салтыкова не изображенъ, но мѣтко характеризуемъ слѣдующими словами Глумова: «почему у насъ всякое бѣдствіе словно ша-

багль какой-то въ сердцахъ производить? Вся мразь, все отпѣ-
тое въ сердцахъ оживаетъ и, пользуясь симъ случаемъ, при-
нимается старые счеты сводить. О здоровомъ смыслѣ и свободѣ
сужденія—нѣтъ и въ поминѣ. На всѣхъ языкахъ — угроза, во
всѣхъ взглядахъ—намѣреніе горло перекусить... Всякое бѣдствіе
застаетъ наши лучшія силы врасплохъ. Люди, вполне хорошіе,
до того теряются при этомъ, что сами себя головой выдать го-
тovy. Иной прямо говорить: виновать! другой — подлѣйшимъ
образомъ вторить въ тонъ господамъ ташкентцамъ или хоро-
нится». «Когда посѣтителѣ ресторановъ, гранители мостовыхъ,
газетчики начинаютъ ликовать,—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ,
—то невольно возникаетъ вопросъ: справедливо ли поступаютъ
эти люди, принимая дѣятельное участіе въ легчайшей части по-
двига, то-есть въ ликованіи по его поводу, и не сознавая себя,
въ тоже время, матеріально-отвѣтственными за его послѣдствія?
Не знаю, ошибаюсь ли я, но думаю, что самаго слабаго про-
блеска совѣсти достаточно, чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ от-
рицательно». Удержать «человѣка сороковыхъ годовъ» отъ уча-
стія въ ликованіи должно было уже воспоминаніе о предъидущей
восточной войнѣ, когда трубныхъ звуковъ также было, на пер-
выхъ порахъ, слишкомъ достаточно. «Я помню очень многое, и
между прочимъ, 1853—1855 годы ¹⁾. Помню ликующихъ жу-
ликовъ, помню людей, одолеваемыхъ простымъ долгоязычіемъ,
и людей, пользовавшихся долгоязычіемъ, какъ подходящимъ
средствомъ, чтобы запускать руку въ карманъ ближняго или
казны. Мало того: я помню, что этихъ людей называли тогда
благоданѣренными, несмотря на то, что ихъ лганье было шито
бѣлыми нитками... Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, и измѣ-
нилось, конечно, къ лучшему; но одного серьезнаго момента
достаточно, чтобъ ветхій культурный человѣкъ всплылъ на по-
верхность во всеоружіи. Да! онъ все тотъ же! съ одной сто-
роны — долгоязычный, наивно примазывающійся къ чужому
ликванію, съ другой—робкій и устраниющійся. Оба эти отно-
шенія къ современности одинаково неестественны, но такъ какъ
первое изъ нихъ, сверхъ того, отмѣчено явною печатью нахаль-
ства, то понятно, что люди, успѣвшіе сохранить нѣкоторую
стыдливость, предпочитаютъ держать себя въ сторонѣ». Незавидно
было положеніе этихъ «устранившихся»; помимо обвиненій, къ
которымъ могло дать поводъ воядержаніе отъ ликованій, имъ

¹⁾ Эпизодомъ изъ этихъ воспоминаній служитъ очеркъ: „Тяжелый годъ“, напе-
чатанный во второй части „Благонанѣренныхъ рѣчей“.

угрожала еще другая опасность—опасность остаться наединѣ съ собственной мыслью. «Смутная тревога, — говоритъ одинъ изъ нихъ, — овладѣла моимъ существомъ. Я боюсь радоваться успѣху, потому что въ самомъ успѣхѣ представляется столько выстраданнаго и притомъ невѣрнаго, невыясненнаго, что въ невольномъ страхѣ закрываешь глаза, чтобъ отогнать отъ себя выдвигающуюся на заднемъ планѣ картину, которую торжествующая смерть сверху до низу наполнила безконечною свитою жертвъ. Я боюсь отчаяваться и роптать, потому что самый неуспѣхъ сопровождается здѣсь такимъ очевиднымъ искупленіемъ, передъ которымъ должны умолкнуть и праздный ропотъ, и безплодное молчаніе». Такимъ языкомъ, въ эпоху ликованій, рѣшались говорить немногіе; но многіе ли теперь станутъ отвергать, что въ минорной, глухо слышавшейся мелодіи было больше правды, чѣмъ въ громко раздававшейся мажорной? Свѣтъ послѣдующихъ событій, упавая на слова г. Салтыкова, не обнаруживаетъ въ нихъ ни ошибокъ, ни преувеличеній,—а много ли найдется «ликующихъ» рѣчей, которыя такъ же хорошо выдержали бы это испытаніе?

Вопросъ Глумова: «почему у насъ всякое бѣдствіе словно шабашъ какой-то въ російскихъ сердцахъ производитъ?» — былъ сдѣланъ въ 1876 г., по случаю неистовствъ турокъ надъ южными славянами; нѣсколько лѣтъ спустя его можно было бы повторить съ большею еще силой, по поводу внутреннихъ событій. Насталъ 1879-ый годъ, «страшный годъ, который неизгладимыми чертами врѣзался въ сердцѣ каждаго русскаго». Г. Салтыковъ былъ его лѣтописцемъ, и выдержалъ свою роль до конца; какое мрачное впечатлѣніе производить, за то, многія страницы «Круглаго года»! Озираясь назадъ, на только-что пережитый періодъ, авторъ характеризовалъ его словами: «общая внутренняя пригнетенность». Правда, «въ общемъ хоръ унынія, почти граничащаго съ безнадежностью, раздавались и голоса звонкіе, увѣренные, даже какъ бы почти торжествующіе»; но въ этой звонкости не было ничего ободрительнаго, она скорѣе заслуживала названіе зазорной. «Есть явленія, которыя до такой степени захватываютъ общество въ его настоящемъ и будущемъ, что передъ ними должно умолкнуть самое звонкое пустословіе»; между тѣмъ, оно не умолкало, разражаясь громами противъ «унынія» и осыпая обвиненіями «унывающую литературу». Притихла и пріуныла не одна литература—притихло и общество, притихли отдѣльныя лица. Картиной этой тишины, не заключавшей въ себѣ ровно ничего идиллическаго, служить послѣдняя глава

«Круглаго года», озаглавленная: «Вечерокъ». Мы встрѣчаемъ здѣсь старыхъ знакомыхъ — Положиловыхъ, Глумова, Плѣшивцева, Тебенъкова. У Положиловыхъ и прежде разговоры велись «чинно, смиренно, держась преимущественно около фактовъ, допуская «справедливую критику» ихъ, но не вдаваясь ни въ утопіи, ни въ радикализмъ». Теперь чинность дошла до мертвенности, смиреніе — до трусости. Тебенъковъ и Плѣшивцевъ боятся даже возобновить свой старый споръ о подоплѣкѣ; на обсужденіе предлагаются вопросы въ родѣ слѣдующаго: «дѣйствительно ли даръ слова есть драгоцѣннѣйшій даръ природы, или такъ только, каверза, допущенная въ видахъ удобнѣйшаго подсиживания человѣковъ?» Разговоръ прерывается то восклицаніемъ: «Господи! да неужто-жъ это не кошмаръ!» то словами: «Philippe ici», то справкой, нѣтъ ли кого-нибудь лишняго за дверью. Сильнѣе всѣхъ подобныхъ картинъ дѣйствуютъ, однако, тѣ мѣста «Круглаго года», въ которыхъ слышится активный протестъ противъ заподозрѣваній, наускиваній, противъ ближайшихъ причинъ «общей пригнетенности». Мы знакомы уже съ этимъ протестомъ; мы видѣли его въ суровомъ отпорѣ, данномъ обвинителямъ сатирика, въ пламенной апоэозѣ литературы, какъ воплощенія человѣческой мысли: Замѣчательная сама по себѣ, эта апоэоза приобрѣтаетъ особенное значеніе, если обратить вниманіе на число, которымъ она помѣчена: 1 мая 1879 г. Извѣстно, что въ это время литература больше чѣмъ когда-нибудь обрѣталась не въ авантажѣ. Нужна была безпредѣльная вѣра въ идею, нужна была глубокая преданность ей, чтобы выступить тогда защитникомъ литературы — и какимъ еще защитникомъ! Авторъ «Круглаго года» доказываетъ не право литературы на снисхожденіе, даже не полную ея невиновность; онъ доказываетъ, что она вовсе не можетъ быть виновата, что заблужденія ея — необходимыя ступени на пути къ истинѣ, что ей принадлежитъ будущее. Какими маленькими, съ этой высоты, кажутся обвиненія въ «потрясеніи основъ», вмѣстѣ съ самими обвинителями — Оединьками Неугодовыми! Съ подобной увѣренностью въ завтрашнемъ днѣ легче перенести невзгоды настоящей минуты, сколько бы въ нихъ ни заключалось «пригнетающихъ» элементовъ.

Эпоха такъ-называемой «диктатуры сердца» отразилась на щедринской сатирѣ сравнительно мало. Пессимистомъ въ теоріи, въ принципѣ г. Салтыкова назвать никакъ нельзя; но продолжительный, горькій опытъ развилъ въ немъ наклонность къ практическому пессимизму, сдѣлалъ его невосприимчивымъ къ на-

деждѣ, неподатливымъ на ликованіе. Мы видѣли уже, съ какимъ скептицизмомъ онъ отнесся къ слухамъ о льготахъ для печати. Его не прельстили даже толки объ «увѣнчаніи зданія», потому что во время разговора на эту тему съ Удавомъ и Дыбой ему пришло на мысль: «а что если вся штука разрѣшится уставомъ о кантонистахъ? Что ежели встанетъ изъ гроба графъ Алексѣй Андреичъ, отыщеть въ архивѣ изъѣденный мышами «уставъ» и, дополнивъ оный краткими правилами на случай могущаго быть свѣтопреставленія, воскликнетъ: пабашъ!» («За рубежомъ», стр. 109). Гораздо больше мѣста отведено г. Салтыковымъ слѣдующему періоду нашей современной исторіи—періоду «народной политики». Мы знаемъ уже, что къ этому періоду приурочена дѣятельность Сенички, приурочено появленіе Поздрева, процвѣтаніе «Помоевъ», окончательное торжество «улицы». На мѣсто старинной поговорки: *et tunc humanum est*, выступаетъ на сцену новый девизъ: *humanum est mentire*. «Мы всегда были охотники полгать, но не могу скрыть, что между прежнимъ, такъ сказать до-реформеннымъ лганьемъ и нынѣшнимъ такая же разница, какъ между лимономъ, только что сорваннымъ съ дерева, и лимономъ выжатымъ. Прежнее лганье было сочное, пахучее, ядреное; нынѣшнее лганье—дряблѣе, безъуханное, вымученное... По формѣ современное лганье есть не что иное, какъ грошовая будничная правда, только вывороченная на изнанку. По существу оно коварно и въ то же время тенденціозно. Оно представляетъ собой послѣднее убѣжище, въ которомъ мудрецы современности надѣются укрыться отъ наплыва развивающихся требованій жизни, послѣднее средство, съ помощью котораго они думаютъ поработить въ свою пользу обезумѣвшее подъ игомъ злоключеній большинство... Прежде мы лгали, потому что была потребность скрасить правду жизни; нынче—лжемъ потому, что боимся притронуться къ этой правдѣ» (второе «Письмо къ тетенькѣ»). Исходной точкой этой новомодной лжи была фраза о потрясеніи основъ, ближайшей ея цѣлью—образованіе міража, соблазнительнаго для «корелы» (т.-е. для толпы). «Мы съ вами, тетенька, обязываемся воздерживаться отъ бредней, а корела пусть бредитъ. Мы съ вами пусть не надѣмся на сложеніе недоимокъ, а корела— пусть надѣется... Надо, чтобъ корела постоянно видѣла впереди благополучныя перспективы, всеминутно вѣрила и ждала, но подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ: что все сіе лишь тогда совершится, когда краеугольные камни будутъ утверждены».

Рука объ руку съ лганьемъ всегда идутъ «извѣщенія». «Если

видишь гдѣ-нибудь въ окнѣ огонекъ,—читаемъ мы въ третьемъ письмѣ къ тетенькѣ,—то навѣрное тамъ, при трепетномъ свѣтѣ керосиновой лампы, какой-нибудь современный Пименъ строчить и декламируетъ: еще одно облыжное сказанье, и извѣщеніе окончено мое». «Взволновавъ и развративъ общество,—говоритъ г. Салтыковъ въ другомъ мѣстѣ (письмо седьмое),—ябеда постепенно вторгается и въ семью. Она грозитъ порвать завѣщанный преданіемъ связующій элементъ и, вмѣсто него, посѣять въ сердцахъ однихъ—ненависть, въ сердцахъ другихъ—безнадежность и горе... Улица, съ неслышанною доселѣ наглостью, врывается въ самыя неприступныя твердыни и, къ удивленію, не встрѣчаетъ дружнаго отпора, какъ въ бывалое время, а только производитъ расколъ. Такъ что весь вопросъ теперь въ томъ, на чьей сторонѣ останется окончательная побѣда: на сторонѣ ли ябеды, которая вознамѣрилась весь міръ обратить въ пустыню, или на сторонѣ остатковъ совѣсти и стыда?» Говорятъ, что ябеда не имѣетъ, большею частью, ощутительныхъ послѣдствій; «однако, вѣдь это смотря по тому, что разумѣть подъ именемъ ощутительныхъ послѣдствій. Для иного вѣдь и то ужъ *ощутительно*, что паскуднымъ обвиненіямъ нѣтъ отпора» (письмо третье). Въ восьмомъ письмѣ къ тетенькѣ та же самая, глубоко вѣрная мысль выражена еще рельефнѣе. «Я знаю, вы скажете, что всѣ эти проверки, добровольныя выслѣживанія и подсаживанія до такой степени нелѣпы и несерьезны, что даже опасеній не могутъ внушать. Я знаю также, что современная дѣйствительность почти сплошь соткана изъ такого рода фактовъ, по поводу которыхъ и помыслить нельзя, полезны они или не полезны, а именно только, опасны или мало опасны (и притомъ, съ какою-то непосредственной, чисто личной точки зрѣнія). Вслѣдствіе долготѣйшей практики, этотъ критеріумъ настолько окрѣпъ въ нашемъ обществѣ, что о другихъ оцѣнкахъ какъ-то и не слышать совсѣмъ. Но это-то, именно и наполняетъ мое сердце какимъ-то загадочнымъ страхомъ. По мнѣнію моему, съ такимъ критеріумомъ нельзя жить, потому что онъ прямо бьетъ въ пустоту. А между тѣмъ, люди живутъ. Но не потому ли они живутъ, что представляютъ собой особенную породу людей, фасонированныхъ *ad hoc* самою исторіей—людей, у которыхъ нѣтъ иныхъ перспективъ, кромѣ одной: что, можетъ быть, ихъ и не перешибетъ пополамъ, какъ они того всечасно ожидаютъ»...

Самымъ выдающимся событіемъ періода «народной политики» былъ, безъ сомнѣнія, призывъ «свѣдущихъ людей». Для того, чтобы понять отношеніе г. Салтыкова къ этому событію, необхо-

димо познакомиться съ взглядомъ сатирика на современныхъ земскихъ дѣятелей, изъ среды которыхъ, какъ извѣстно, были преимущественно приглашены свѣдущіе люди. Уже въ послѣдней главѣ «За рубежомъ» мы видимъ земца новой формаціи, не безобиднаго и наивнаго какъ «сѣятели» временъ «Новаго Нарцисса», а смотрящаго вглубь и мечтающаго о какой-то не маловажной роли. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ земскихъ людей, которые «слыгутъ дѣльцами, сочиняютъ формочки съ безчисленнымъ множествомъ графъ, называютъ себя консерваторами, хвастаются связью съ землею, утверждаютъ, что русскій мужичекъ не выдастъ, и приходятъ въ умиленіе отъ «Московскихъ Вѣдомостей». Они всегда смотрятъ въ одну точку, мыслятъ азбучно, но съ сознаниемъ благонадежности своихъ мыслей, и безконечно надѣдають всѣмъ авторитетностью и изобиліемъ пустяковъ». Узнавъ сатирика, земецъ начинаетъ слегка «сыскивать» его на счетъ патріотизма и требовать, чтобы онъ сказалъ, наконецъ, «трезвенное слово». Трезвенное слово самого земца заключается въ осужденіи интеллигенціи, «не имѣющей ничего общаго съ народомъ, вливающей отраву и разложеніе въ его свѣжій и непочатой организмъ». Отсюда происходитъ уже сама собою необходимость вырвать съ корнемъ злое начало; «воль скоро мы знаемъ, что нашъ врагъ—интеллигенція, стало быть, съ нея и начать нужно». — «Въ земскомъ человѣкѣ, — читаемъ мы въ пятомъ «Письмѣ къ тетенькѣ», — я вижу нѣчто двойственное. По наружному осмотру и по первоначальнымъ діалогамъ каждый изъ нихъ—парень хоть куда, а какъ заглянешь къ нему въ душу, анъ тамъ *крѣпостное право* засѣло». Прежнія недоразумѣнія между администраціей и земствомъ исчезли почти безслѣдно. «Администраторы догадались, что луженіе кострюль есть луженіе и ничего больше; стало быть, если земскіе дѣятели въ одномъ мѣстѣ не долудили, а въ другомъ—перелудили, то это бѣда небольшая. Земцы же, съ своей стороны, сознались, что уклонились отъ своей задачи, но теперь приносятъ повинную и ходатайствуютъ объ одномъ: чтобы, независимо отъ луженья, имъ разрѣшено было, преимущественно передъ прочими уполномоченными на сей предметъ лицами, вопіять: страхъ врагамъ!» Подъ этимъ сгнаннымъ ходатайствомъ—ибо вопіять: «страхъ врагамъ» никогда никому воспрещено не было—скрывается, въ сущности, желаніе устранить бюрократію отъ «пирога» и перенести ея права и обязанности по отношенію къ «пирогу» на излюбленныхъ земскихъ людей. Исполненіе этого желанія—весьма не желательно; Пафнутевы и Дракины, въ качествѣ земскихъ

арыжеетъ, заткнули бы за поясъ даже Сквозниковъ-Дмухановскихъ. «Я знаю, что Сквозникъ-Дмухановскій не Богъ знаетъ какое со-кровище, но зачѣмъ же возводить его въ вадратъ въ лицѣ безчисленныхъ Дракиныхъ и Забіякиныхъ? Я иду еще дальше и говорю, что ужъ если мы осуждены выбирать между Сквозникомъ-Дмухановскимъ и Дракинымъ, то имѣются очень существенные доводы, которые заставляютъ предпочесть перваго послѣднему. Сквозникъ-Дмухановскій пришелъ ко мнѣ извнѣ и виситъ надъ моею головою яко мечъ Дамокловъ; объ Дракинѣ же предполагается, что я самъ себѣ его вынянчилъ. Никогда я его не излюблилъ, а всѣ мнѣ говорятъ: излюбилъ. Сквозниковъ-Дмухановскихъ, сравнительно, немного, тогда какъ Дракинъ на каждомъ шагу словно изъ-подъ земли выросъ. Сквозникъ-Дмухановскій, какъ человѣкъ пришлый, не всю статистику вѣреннаго ему края знаетъ; напротивъ того, Дракинъ, какъ мѣстный старожилъ, всю статистику изучилъ до тонкости... Если въ жизни регулирующимъ началомъ является пословица: какъ ни кинь, все будетъ кинь, то и между киньями, все-таки, слѣдуетъ отдавать преимущество такому, который поприступился».

Усматривая въ земцахъ преимущественно Пафнутьевыхъ и Дракиныхъ, г. Салтыковъ, конечно, не могъ возлагать большихъ надеждъ на ихъ «содѣйствіе». Глаголъ «содѣйствовать», ими спрягаемый, казался ему синонимомъ глаголовъ: «наяривать, жарить, хватать за шиворотъ, гнуть въ «бараній рогъ». «Вы, пожалуй, возразите, — говоритъ онъ тетенькѣ (письмо шестое): — неужели же въ плотной массѣ Ивановыхъ не найдется такихъ, которымъ не безъизвѣстны и другого рода слова? Не спорю; вѣроятно, гдѣ-нибудь такіе Ивановы и водятся — такъ вѣдь это Ивановы неблагонамѣренные, которыхъ содѣйствіе, ужъ по введенному изстари порядку, предполагается несвоевременнымъ. Какимъ же образомъ они *найдутся*, коль скоро ихъ *не ищутъ*? Въ число содѣйствователей-добровольцевъ попадаетъ, за то, самъ Ноздревъ, колеблющійся между двумя формулами содѣйствія: просто «какъ угодно» и «наяривай... а впрочемъ, какъ угодно». За Ноздревымъ видѣются «содѣйствователи» уже совершенно баснословные — Мартынъ Ивановичъ Задека, «свѣдущій человѣкъ» по питейной части, безошибочно, съ завязанными глазами, различающій по вкусу всѣ возможные сорта водки, или Иванъ Непомнящій, «свѣдущій человѣкъ» по части болѣзней, въ особенности тѣхъ, для леченія которыхъ существуетъ казининская больница (см. двѣнадцатое письмо къ тетенькѣ).

Безусловно «висящимъ на воздухѣ» взглядъ г. Салтыкова на

земство и земцевъ признавать никакъ нельзя. Пафнутьевы—это земскіе или, лучше сказать, земско-дворянскіе или дворянско-земскіе прожекторы; Дракины—это исполнители, усердію которыхъ тѣсно въ существующей земской сферѣ. И тѣ, и другіе безспорно имѣются на лицо въ земскихъ собраніяхъ и управахъ; и тѣ, и другіе воздыхаютъ о потерянныхъ тучныхъ нажитыхъ, неуклонно мечтая о средствахъ возмѣщенія потери. Мы не станемъ отвергать и того, что Дракины и Пафнутьевы, вмѣстѣ взятые, могутъ превзойти Севозниковъ-Дмухановскихъ, что обиліе, на мѣстахъ, «властныхъ показателей пути» — на примѣръ волостныхъ старшинъ, проектированныхъ въ средѣ петербургскаго дворянства (1874) или московскаго земства (1881)—оказалось бы зломъ болѣе тяжкимъ, чѣмъ недостаточность числа станowych приставовъ. Намъ кажется, однако,—такія обобщенія нельзя принять безъ существенно-важной оговорки. Несмотря на свои слабыя стороны, земство—если разсматривать его какъ одно цѣлое—стоитъ гораздо выше того уровня, на который оно низводится въ «Письмахъ къ тетенькѣ». Оно ходатайствуетъ, въ большинствѣ случаевъ, вовсе не о правѣ вопіять: «страхъ врагамъ». Если изъ его среды исходятъ попытки заолонить массу въ дракинско-пафнутьевскія сѣти, то въ немъ же самомъ коренится и противодействие этимъ попыткамъ — противодействие, почти вездѣ и почти всегда побѣдоносное. Допустимъ на минуту, что земское самоуправленіе можетъ и не быть управленіемъ Пафнутьевыхъ и Дракиныхъ,—и мы должны будемъ придти къ совершенно иному выводу и относительно Севозниковъ-Дмухановскихъ. Знаніе мѣстныхъ условій, близость къ жизни, самый принципъ исключенности—однимъ словомъ, все то, что не безъ причины кажется опаснымъ въ рукахъ Пафнутьевыхъ и Дракиныхъ — обратится тогда въ преимущество, въ удобство, въ аргументъ не *за*, а *противъ* гоголевскихъ героевъ.

Избытокъ строгости къ земству отразился и на отношеніи г. Салтыкова къ «свѣдущимъ людямъ». Читатели «Вѣстника Европы» вѣроятно помнятъ, что нашъ журналъ никогда не былъ ни поклонникомъ этого учрежденія—въ томъ видѣ, въ какомъ призвала его къ жизни «народная политика»,—ни панегиристомъ дѣятельности «свѣдущихъ людей»; но если послѣдніе не имѣютъ права на большой почетъ, то не заслужили и тяжелой кары. Правда, многое въ «Письмахъ къ тетенькѣ», относящихся къ этому предмету, слишкомъ комично, слишкомъ сознательно - каррикатурно, чтобы быть для кого бы то ни было оскорбительнымъ; фигуры Ивана Непомнящаго или Мартына Задеки конечно не

претендуютъ даже на отдаленное сходство съ кѣмъ бы то ни было изъ числа реальныхъ «свѣдущихъ людей». «Я знаю, — говоритъ г. Салтыковъ послѣ эпизода съ Мартыномъ Задекой, — вы скажете, что я впадаю въ каррикатуру... Карриатура, такъ карриатура — большая бѣда! Не все же стоять, уставившись лбомъ въ стѣну; надо когда-нибудь и улыбнуться. Есть въ человѣческомъ сердцѣ эта потребность улыбки, есть. Даже измученный и ошеломленный человѣкъ — и тотъ ощущаетъ ее». Это справедливо; но бываютъ случаи, когда карриатура, переплетенная съ сатирой, вредитъ значенію послѣдней. Новдревъ съ одной стороны, Задека и Непомнящій съ другой — мало подходящіе ножны для пшавги, остріе которой обращено противъ «свѣдущихъ людей». Тѣ элементы этого явленія, которые дѣйствительно напрашивались на сатиру, остаются почти не затронутыми ею. Фраза о «неблагонамѣренныхъ Иваняхъ» одна стоить цѣлаго десятиа страницъ, посвященныхъ вечеру у Грызунова; она бьетъ не въ бровь, а прямо въ глазъ, и освѣщаетъ предметъ такимъ яркимъ свѣтомъ, котораго не можетъ дать самая удачная карриатура.

Возвращаясь къ земству, замѣтимъ, что матеріалъ для менѣе скептическаго отношенія къ нему можно найти и у г. Салтыкова. Земство и общество — понятія безспорно близкія между собою; въ составъ земства входятъ элементы изъ среды общества, земство, если можно такъ выразиться, врѣзывается въ общество, имѣетъ съ нимъ тысячи точекъ соприкосновенія. Между тѣмъ, взглядъ г. Салтыкова на русское общество вовсе не запечатлѣнъ пессимизмомъ, какимъ любятъ щеголять, въ послѣднее время, не только наши ретрограды, отрицающіе «общественное содѣйствіе», но и многіе изъ среды противоположной партіи. «Иногда мнѣ представляется вопросъ, — читаемъ мы въ третьемъ письмѣ къ тетенькѣ: — поддастся ли наше общество наплыву низкопробнаго озлобленія, которое набрасывается на все, выходящее за предѣлы хлѣбной атмосферы, или же оно будетъ только наружно окачено имъ, внутренне же останется вѣрнымъ инстинктамъ порядочности, которая до сихъ поръ, отъ времени до времени, прорывалась въ немъ? — И знаете ли, къ какому заключенію я пришелъ? — Непремѣнно останется вѣрнымъ порядочности. Какъ ни запугано наше общество, какъ ни слабо развито въ немъ чувство самостоятельности, но несомнѣнно, что внутреннія сочувствія его направлены въ сторону добраго и плодотворнаго дѣла». Послѣднее письмо къ тетенькѣ заканчивается слѣдующими знаменательными словами: «въ теченіи года, *въ моемъ мнѣніи*, вы настолько выросли, что первоначальные приемы родственной любезности пред-

ставляются мнѣ уже недостаточными. Нужно ли прибавлять, что отъ этого вы не только не подурнѣли на мой взглядъ, но даже похорошѣли». Снисходительностью къ «тетенькѣ» — т.-е. именно къ обществу — г. Салтыковъ никогда не отличался; комплиментовъ ей онъ не дѣлалъ никогда, не дѣлаетъ и въ словахъ, только что приведенныхъ. Онъ констатируетъ ими безспорный фактъ общественнаго роста, — роста, не исключающаго ни слабостей, ни болѣзней, но во всякомъ случаѣ знаменующаго собою безповоротный переходъ отъ дѣтства къ возмужалости.

Намъ остается теперь только бросить взглядъ на два произведенія г. Салтыкова, стоящія особнякомъ отъ остальныхъ («Исторія одного города» и «Господа Головлевы»), — и затѣмъ подвести общіе итоги.

Б. АРСЕНЬЕВЪ.

МАРІОНЪ ФАЙ

Романъ, въ двухъ частяхъ, Антоня Троллопа.

Съ англійскаго. *).

VIII. — Мистеръ Гринвудъ.

Роденъ провелъ пріятный вечеръ съ своимъ пріятелемъ и съ пріятелемъ своего пріятеля въ Гендонъ-Голль передъ ихъ отбытіемъ на яхту, и въ теченіе вечера о лэди Франсесъ не было сказано ни слова. День этотъ былъ воскресенье, 20 іюля. Погода стояла очень жаркая, молодые люди были въ восхищеніи отъ мысли убраться туда, гдѣ съ сѣверныхъ морей дуетъ прохладный вѣтерокъ. Вивіанъ также былъ клеркъ на государственной службѣ, но положеніе его было несравненно выше положенія, которое занималъ Джорджъ Роденъ. Онъ состоялъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и былъ младшимъ, личнымъ секретаремъ министра лорда Персифлажъ. Лордъ Персифлажъ и нашъ маркизъ были женаты на родныхъ сестрахъ. Вивіанъ былъ дальній родственникъ обѣихъ дамъ, отсюда и возникла дружба молодыхъ людей. Если съ Роденомъ лордъ Гэмпстедъ сошелся благодаря одинаковымъ взглядамъ, то съ Вивіаномъ онъ сошелся, благодаря совсѣмъ противоположной причинѣ. Гэмпстедъ всегда могъ указать на Вивіана какъ на доказательство того, что онъ, въ сущности, ничего не имѣетъ противъ собственнаго сословія. Вивіанъ былъ изъ тѣхъ людей, которые громко заявляютъ о своей великой симпатіи къ существую-

---

*) См. выше: мартъ, стр. 172.

чему порядку вещей. Чрезвычайно жаль, что есть голодные, но, что до него, онъ любить трюфели, бекасовъ, всякія вкусныя вещи. Если неправда существуетъ въ мірѣ, онъ за это не отвѣтственъ. Хотя бы она и существовала, она не послужила ему въ пользу, такъ какъ онъ былъ младшій братъ. Въ его глазахъ всѣ теоріи Гѣмпстеда были чистое хвостовство. Свѣтъ не измѣняется, людямъ приходится жить въ немъ и къ нему подлаживаться. Онъ намѣревался поступать именно такъ, а такъ какъ онъ любилъ и прокатиться на яхтѣ, и пострѣлять глухарей, онъ былъ очень радъ, что поладилъ съ лордомъ Персифлажъ и своимъ братомъ секретаремъ, такъ что имѣлъ возможность выбраться изъ города на ближайшіе два мѣсяца. Онъ былъ членомъ полдюжины клубовъ, всегда могъ отправиться въ загородный домъ брата, если не представлялось ничего болѣе интереснаго, въ Лондонѣ обѣдалъ въ гостяхъ разъ пять въ недѣлю и считалъ себя совершенно полезнымъ членомъ общества, такъ какъ удостоивалъ писать письма для лорда Персифлажъ. Онъ былъ пріятель въ обращеніи со всѣми, и такъ сблизился съ Роденомъ, точно тотъ былъ птицей одного съ нимъ полета.

— Да, глухарей,—говорилъ онъ, послѣ обѣда.—Пусть выдумаютъ что-нибудь лучше, сейчасъ попробую. Американскіе медвѣди—мнѣ. Можете добыть одного въ три года, и, насколько я слышалъ, не особенно велика потѣха, когда и добудете-то его. Львы — съ ними одно мученіе. Слоны — такія громады, точно стоги сѣна. Охота на свиней, можетъ быть, и пріятная вещь, но приходится отправляться въ Индію, а если вы — бѣдный клеркъ министерства иностранныхъ дѣлъ, у васъ на это нѣтъ ни времени, ни денегъ.

— Вы говорите, точно убивать что-нибудь необходимо,—сказалъ Родень.

— Необходимо, пока кому-нибудь не удастся выдумать что-нибудь лучше. Я ненавижу скачки, на которыхъ человѣкъ не знаетъ что съ собой дѣлать, если средства ему не позволяютъ держать пари. Къ картамъ я не намѣренъ пристращаться еще десять лѣтъ. На воздушномъ шарѣ я никогда не поднимался. Ухаживанье — славная вещь, но, такъ или иначе, оно такъ скоро вончается. Дѣвушки такъ смѣливы, что не согласны даромъ миндальничать. Вообще я не вижу, что человѣку остается дѣлать, если онъ что-нибудь не убиваетъ.

— Ну, на яхтѣ вы найдете небольшую добычу, — сказалъ Родень.

— Въ Исландіи и Норвегіи рыбъ нѣтъ числа! Я зналъ

человѣка, который наловилъ цѣлую тонну форелей въ одномъ изъ озеръ Исландіи. Ему пришлось на-глухо закутаться въ сѣтку, не-то мошки и комары его бы заѣли. И кожа сошла у него съ носа и ушей отъ солнца. Но ему это не было особенно непріятно, и онъ наволотилъ-таки тонну форелей.

— Кто ихъ взвѣшивалъ?—спросилъ Гѣмпстедъ.

— Какъ легко узнать сторонника утилитаризма по самому характеру его вопросовъ! Если человѣкъ и не наловитъ «цѣлую» тонну, онъ можетъ сказать, что наловилъ, а одно почти стоитъ другого.

— Вы съ собой забираете сѣти?—спросилъ Роденъ.

— Нѣтъ.—У Гѣмпстеда не хватило бы терпѣнія. Да и Фритредеръ недостаточно великъ, чтобы увести рыбу. Но я охотно прозакладаю соверенъ, что буду что-нибудь убивать всякій день—за исключеніемъ воскресеній.

О леди Франсесъ не было сказано ни слова, хотя было нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ Роденъ и лордъ Гѣмпстедъ оставались наединѣ. Роденъ рѣшилъ, что не будетъ предлагать никакихъ вопросовъ, если разговоръ самъ собой не коснется этого предмета, и даже не намекнулъ ни на кого изъ членовъ семьи; но въ теченіе вечера онъ узналъ, что маркизъ возвратился изъ Германіи съ намѣреніемъ отдаться своимъ парламентскимъ обязанностямъ въ теченіе остатка сессіи.

Этимъ путемъ Роденъ узналъ, что маркизъ, который, едва узнавши о ихъ помолвкѣ, увезъ свою дочь въ Саксонію оставилъ ее тамъ и возвратился въ Лондонъ. Возвращаясь домой въ этотъ вечеръ, онъ думалъ, что онъ обязанъ—отправиться къ лорду Кинсбюри, и сказать ему, лично отъ себя, то, что отецъ пока еще слышалъ только отъ дочери или отъ жены. Онъ зналъ, что человѣкъ, увлекшій сердце дѣвушки, долженъ идти къ отцу ея и просить позволенія продолжать свое ухаживаніе. Ему казалось, что онъ обязанъ исполнить этотъ долгъ, несмотря на то, что отецъ—такое высокопоставленное и могущественное лицо какъ маркизъ Кинсбери. Исполнить это, до сихъ поръ, было не въ его власти. Маркизъ узналъ новость, тотчасъ же схватилъ дочь и увезъ ее въ Германію. Можно было бы написать ему, но Родену казалось, что не такъ слѣдуетъ исполнить подобную обязанность. Теперь маркизъ возвратился въ Лондонъ, и хотя процедура будетъ непріятная, чувство долга брало верхъ. На другой день онъ сообщилъ мистеру Джиррингѣму, что важное частное дѣло требуетъ его присутствія въ Уэстъ-Эндѣ, и попросилъ дозволенія отлучиться. Утро въ этомъ отдѣленіи почтамта,

прошло въ болѣе глубокомъ молчаніи, тѣмъ обыкновенно. Крокеръ собирался съ силами для нападенія, но до сихъ поръ мужество измѣняло ему. Когда Роденъ надѣлъ шляпу и отворилъ дверь, онъ сказалъ: «Засвидѣтельствуйте мое почтеніе лорду Гэмпстеду и скажите ему, что я надѣюсь, что вѣтлеты ему понравятся».

Роденъ простоялъ съ минуту, держась рукой за дверь, ему хотѣлось броситься на Крокера, наказывать его за дерзость, но онъ наконецъ рѣшилъ, что лучше будетъ промолчать.

Онъ отправился прямо въ Паркъ-Лэнъ, думая, что вѣроятно застанетъ маркиза передъ его выходомъ изъ дома послѣ завтрака. Онъ никогда прежде не бывалъ въ городскомъ домѣ, извѣстномъ подъ именемъ Кинсбѣри-Гоузъ и обладавшемъ всею величавой обстановкой, какая можетъ быть придана городской резиденціи. Когда онъ позвонилъ у дверей, онъ самъ себя признался, что ощутилъ нѣкоторый страхъ, котораго устыдился. Сказавъ такъ много дочери, не долженъ же онъ пугаться разговора съ отцомъ. Но онъ чувствовалъ, что уладилъ бы дѣло гораздо лучше, еслибъ свиданіе происходило въ Гендонъ-Голлѣ, домъ лорда Гэмпстеда, который далеко не былъ такъ внушительнъ какъ Кинсбѣри-Гоузъ. Едва онъ успѣлъ позвонить, какъ дверь отворилась и онъ увидѣлъ передъ собой, кромѣ привратника, и напудренного лакея. Напудренный лакей не зналъ, дома милордъ, или нѣтъ; онъ освѣдомится. Не угодно ли джентльмену присѣсть и подождать минуты двѣ? Джентльменъ присѣлъ и дождался, какъ ему показалось, болѣе получаса. Домъ долженъ быть необыкновенно великъ, если слугѣ потребовалось столько времени, чтобъ разыскать маркиза. Онъ уже начиналъ подумывать, какъ бы ему половчѣе улизнуть, когда лакей возвратился, и съ холодной, недружелюбной миной попросилъ Родена слѣдовать за нимъ. Роденъ былъ совершенно увѣренъ, что должно случиться что-нибудь дурное, — такъ холоденъ и недружелюбенъ былъ тонъ этого человѣка; но тѣмъ не менѣе онъ послѣдовалъ за нимъ, такъ какъ уйти ему не представлялось никакихъ средствъ. Лакей не сказалъ, что маркизу угодно его видѣть, даже не намекнулъ, дома ли маркизъ. Казалось, будто его ведутъ на казнь за то, что онъ имѣлъ дерзость позвонить у дверей. Тѣмъ не менѣе онъ слѣдовалъ за своимъ проводникомъ. Его повели по корридору перваго этажа, мимо многочисленныхъ дверей, и ввели наконецъ въ довольно мрачную комнату, всѣ стѣны которой были уставлены книгами. Здѣсь онъ увидалъ

старого джентльмена; но старый джентльменъ былъ не маркизъ Кинсбѣри.

— А, э, о, — сказалъ старый джентльменъ. — Вы, полагаю, мистеръ Джорджъ Роденъ?

— Это мое имя. — Я надѣялся видѣть лорда Кинсбѣри.

— Лордъ Кинсбѣри считалъ лучшимъ для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ, чтобы... чтобы... я васъ принялъ, если ужъ это необходимо. Зовутъ меня Гринвудъ, преподобный мистеръ Гринвудъ; я — капелланъ милорда и, если могу принять смѣлость это сказать, его самый преданный, самый искренній другъ. Я уже очень давно имѣю честь находиться въ сношеніяхъ съ милордомъ, а потому ему угодно было поручить мнѣ эту... эту... щекотливую обязанность, — такъ, кажется, всего приличнѣе будетъ ее назвать. — Мистеръ Гринвудъ былъ человекъ маленькаго роста, толстый, лѣтъ шестидесяти, съ отвислыми щеками и отвислымъ подбородкомъ; нѣсколько сѣдыхъ, тщательно расчесанныхъ волосъ прикрывали его голову, у него былъ, красивый лобъ и носъ, съ молоду онъ, вѣроятно былъ хорошъ собой, хотя маленькій ростъ не отвѣчалъ понятію о мужской красотѣ. Теперь, въ старости, онъ сдѣлался апатичнымъ и не любилъ движенія; а растолстѣвъ, окончательно пошелъ въ ширину, и смотрѣлъ толстымъ карликомъ. Тѣмъ не менѣе въ лицѣ его еще сохранилась бы нѣкоторая пріятность, еслибъ не выраженіе сомнѣнія и колебанія, которое какъ будто бы обнаруживало трусость. Въ настоящую минуту онъ стоялъ посреди комнаты, потирая руки, и почти дрожалъ, объясняя Джорджу Родену, кто онъ такой.

— Я желалъ видѣть самого милорда, — сказалъ Роденъ.

— Маркизъ былъ не того мнѣнія, и я долженъ сказать, что согласенъ съ маркизомъ.

Въ настоящую минуту Роденъ почти не зналъ, какъ и продолжать затѣянное дѣло.

— Полагаю, что я имѣю право васъ удостовѣрить, что все, что бы вы сказали маркизу, вы можете сказать мнѣ.

— Такъ я долженъ понять, что лордъ Кинсбѣри не желаетъ меня видѣть?

— Да, пожалуй. Въ настоящую критическую минуту не желаетъ. Къ чему можетъ это повести?

Роденъ пока еще не зналъ, насколько онъ можетъ касаться лэди Франсесъ въ разговорѣ съ священникомъ, но ему не хотѣлось уйти, не намекнувъ даже на дѣло, которое его занимало. Ему особенно не хотѣлось произвести такое впечатлѣніе, будто онъ боится упомянуть о томъ, что сдѣлалъ.

— Мнѣ хотѣлось переговорить съ милордомъ о его дочери, — сказалъ онъ.

— Знаю, знаю, лэди Франсесъ! Я зналъ лэди Франсесъ съ ея ранняго дѣтства. Я питаю самую горячую преданность къ лэди Франсесъ, такъ же какъ и къ лорду Гемпстеду, къ маркизу, и къ ея тремъ дорогимъ мальчикамъ, лорду Фредерику, лорду Огустусу и лорду Грегори. Я не рѣшаюсь назвать ихъ моими друзьями, такъ какъ думаю, что различіе, какое Господу угодно было установить между сословіями, должно поддерживаться, сохраняя для лицъ высокаго рода всѣ ихъ привилегіи и всѣ ихъ почести. Хотя я, въ теченіе долгой жизни, соглашался съ марквизомъ насчетъ тѣхъ политическихъ принциповъ, пропагандой которыхъ онъ всегда стремился улучшить положеніе низшихъ классовъ, я тѣмъ не менѣе стремлюсь и стремился поддержать всѣми скромными средствами, какія могутъ быть въ моей власти, ту разнородность сословій, которой, въ соединеніи съ протестантской религіей, мнѣ кажется, должны быть главнымъ образомъ приписаны благосостояніе этой страны и ея высокое положеніе. Дорожа этими чувствами, я не желаю, особенно при такомъ случаѣ, какъ настоящій, хотя бы случайнымъ выраженіемъ ослабить уваженіе, которое я считаю должной данью всѣмъ членамъ такого аристократическаго семейства, какъ семейство маркиза Кинсбери. Оставивъ это на минуту, я, можетъ быть, могу рѣшиться въ данномъ случаѣ, — такъ какъ мнѣ довѣрена столь щекотливая задача, — заявить о моей горячей дружбѣ ко всѣмъ, кто носить досточтимое имя Траффордъ. Во всякомъ случаѣ я имѣю право настолько считать себя другомъ ихъ, что вы можете сказать мнѣ, по этому щекотливому вопросу, все, что сочли бы нужнымъ сказать отцу молодой дѣвушки. Какъ бы неудобны ни были всякіе разговоры, милордъ поручилъ мнѣ выслушать — и отвѣчать.

Джорджъ Роденъ, во время этой скучной проповѣди, стоялъ противъ проповѣдника со шляпой въ рукѣ, такъ какъ ему еще не сдѣлали чести предложить ему стулъ. Во время проповѣди проповѣдникъ ни на минуту не переставалъ дрожать и, повидимому, боялся заглянуть въ лицо своему слушателю. Родену казалось, что все это старикъ выучилъ наизусть, слова такъ и лились, въ нихъ было столько умиленія и горячности, и самая плавность рѣчи представляла такой сильный контрастъ съ манерой говорившаго. Въ каждомъ словѣ заключалось оскорбленіе для Родена. Ему казалось, что оскорбительныя выраженія подбирались съ намѣреніемъ. Всѣми этими длинными фразами о

словахъ, въ которыхъ мистеръ Гринвудъ выражалъ собственное смиреніе и недостойнство для роли друга въ такомъ аристократическомъ семействѣ, онъ очевидно имѣлъ намѣреніе подчеркнуть гораздо болѣе явное недостойнство своего слушателя для роли даже болѣе важной, чѣмъ роль друга. Если слова явились подъ вліяніемъ минуты, у него, думалось Родену, должна быть огромная способность проповѣдывать безъ приготовленія. Время, проведенное въ залѣ, показалось ему долгимъ, но оно было непродолжительно для передачи желаній маркиза и для приготовленія всѣхъ этихъ фразъ. Ему, однако, было необходимо отвѣчать безъ всякихъ приготовленій.

— Я пришелъ,—сказалъ онъ,—сказать лорду Кинсбери, что я влюбленъ въ его дочь.

При этихъ словахъ толстенькій человѣчекъ въ изумленіи поднялъ обѣ руки, хотя онъ уже ранѣе объяснилъ, что всѣ обстоятельства ему извѣстны.

— И я стелъ бы долгомъ прибавить,—сказалъ Роденъ, вооружаясь всѣмъ своимъ мужествомъ,—что молодая дѣвушка также меня любитъ.

— О, о, о!—Руки поднимались все выше и выше при этихъ восклицаніяхъ.

— Отчего же нѣтъ? Развѣ правда не всего дороже?

— Молодой человѣкъ, мистеръ Роденъ, никогда не долженъ хвастать привязанностью молодой дѣвушки;—въ особенности, когда я даже не могу допустить, чтобъ подобная привязанность существовала,—и еще менѣе въ домъ ея отца.

— Никто не долженъ ничѣмъ хвастать, мистеръ Гринвудъ. Я говорю о фактѣ, ознакомиться съ которымъ отцу необходимо. Если молодая особа опровергнетъ это, я замолчу.

— Деликатность требуетъ, чтобъ молодой дѣвушкѣ на этотъ счетъ не предлагалось никакихъ вопросовъ. Послѣ того, что случилось, нечего и думать о томъ, чтобъ ваше имя даже было произнесено въ присутствіи молодой лэди.

— Отчего?—я намѣренъ жениться на ней.

— Намѣрены!—Слово это мистеръ Гринвудъ, въ своемъ крайнемъ ужасѣ, выкрикнулъ во все горло.—Мистеръ Роденъ, мой долгъ увѣрить васъ, что вамъ, ни при какихъ обстоятельствахъ, не удастся снова увидѣть молодую особу.

— Кто это говорить?

— Маркизъ, маркиза, маленькіе братья лэди Франсесъ, которые, какъ только наберутся силъ, защитятъ ее отъ всего дурного.

— Надѣюсь, что ихъ силы не понадобятся ни для какихъ подобныхъ цѣлей. Если бы это случилось, я увѣренъ, что они исполнятъ свою братскую обязанность. Въ данномъ случаѣ имъ не предстояло бы особеннаго дѣла. — Мистеръ Гринвудъ покачалъ головой. Онъ продолжалъ стоять не сдвинувшись ни на одинъ дюймъ съ мѣста, на которомъ стоялъ, когда дверь открыли. — Ваму, мистеръ Гринвудъ, что всякій дальнѣйшій разговоръ между нами объ этомъ предметѣ совершенно бесполезенъ.

— Совершенно бесполезенъ, — сказалъ мистеръ Гринвудъ.

— Но честь моя и цѣль требуютъ, чтобы лордъ Кинсбери узналъ, что я приходилъ просить руки его дочери. Я не смѣю ожидать, чтобы онъ благосклонно принялъ мое предложеніе.

— Нѣтъ, нѣтъ; едва ли это возможно, мистеръ Роденъ.

— Но необходимо было, чтобы онъ узналъ о моемъ намереніи отъ меня самого. Теперь оно несомнѣнно такъ и будетъ. Онъ, насколько я понялъ изъ вашихъ словъ, знаетъ о моемъ присутствіи здѣсь. — Мистеръ Гринвудъ покачалъ головой, точно желая дать понять, что этого вопроса онъ болѣе обсуждать не можетъ.

— Если нѣтъ, мнѣ придется обезпечить милорда письмомъ.

— Это будетъ бесполезно.

— Слѣдовательно, знаетъ? — Мистеръ Гринвудъ кивнулъ головой.

— И вы ему потрудитесь передать, зачѣмъ я приходилъ?

— Маркизъ будетъ ознакомленъ съ характеромъ свиданія.

Тутъ Роденъ повернулся, чтобы выйти изъ комнаты, но былъ вынужденъ попросить мистера Гринвуда показать ему дорогу по корридорамъ. Священникъ это исполнилъ, онъ быстро шелъ впереди, маленькими шагами, на носкахъ, пока не сдѣлалъ незваннаго гостя привратнику. Исполнивъ это, онъ сдѣлалъ прощальный поклонъ и поспѣшно возвратился въ свою комнату. Роденъ вышелъ, думая при этомъ, что много еще воды утечетъ прежде, чѣмъ онъ будетъ принятъ въ этомъ домѣ, какъ желанный зять. На возвратномъ пути въ Голландію онъ снова все обдумалъ. Какъ могло все это кончиться, кончиться благопріятно для него и для любимой имъ дѣвушки? Отвращеніе къ нему, выраженное черезъ посредство мистера Гринвуда, было естественно. Слѣдовало ожидать, что человѣкъ въ условіяхъ маркиза Кинсбери будетъ всячески стараться держать дочь подальше отъ такого обожателя. Развѣ онъ не сочтетъ необходимымъ такъ поступить хотя бы въ виду однихъ денежныхъ соображеній? Всевозможныя препятствія будутъ воздвигнуты на его пути. На

его сторонѣ не будетъ ничего, кромѣ любви дѣвушки къ нему. Можно ли ожидать, что ея любовь будетъ достаточно сильна, чтобъ побѣдить такія препятствія? А еслибъ и такъ, добьется ли она собственнаго счастья, держась за эту любовь? Онъ сознавалъ, что въ его настоящемъ положеніи для него нѣтъ болѣе святаго долга какъ заботиться о счастьи женщины, которую онъ желалъ видѣть своей женой.

IX.—Въ Кенигсграфѣ.

Очень скоро послѣ этого въ Парадизъ-Роу было получено письмо отъ лэди Франсесъ, — единственное письмо, которое Роденъ получилъ отъ нея въ этотъ періодъ ихъ романа. Отрывокъ изъ письма будетъ приведенъ ниже; изъ него читатель увидитъ, какія затрудненія возникли въ Кенигсграфѣ относительно ихъ переписки. Онъ писалъ два раза. Первое письмо своевременно попало въ руки молодой дѣвушки, такъ какъ было обычнымъ порядкомъ доставлено съ деревенской почты и вручено ей собственной горничной. Когда второе достигло замка, оно попало въ руки маркизы. Она, правда, приняла мѣры, чтобъ оно попало ей въ руки. Она знала о полученіи перваго письма, и была поражена ужасомъ при мысли о подобной перепискѣ. Она не получала отъ мужа прямого полномочія по этому предмету, но сознавала, что для нея самой обязательно принять энергическія мѣры. Нельзя было допустить, чтобъ лэди Франсесъ получала любовныя письма отъ почтамтскаго клерка! Что касается самой лэди Франсесъ, маркиза охотно бы согласилась выдать ее за почтальона, еслибъ этимъ путемъ можно было окончательно отъ нея отдѣлаться, такъ, чтобы свѣтъ не зналъ, что существуетъ или существовала лэди Франсесъ. Но фактъ этотъ былъ очевиденъ, какъ не менѣе былъ очевиденъ печальный, слишкомъ печальный фактъ существованія брата, который былъ старше ея собственныхъ красивыхъ дѣтокъ. По мѣрѣ того, какъ чувство ненависти возрастало въ ней, она постоянно увѣряла себя, что была бы самой нѣжной мачихой, еслибъ эта нара умѣла держать себя какъ подобаетъ сыну и дочери маркиза. Видя, что они такое, и что такое ея собственныя дѣти, какъ старшіе силится отречься отъ того сословія, для украшенія и защиты котораго предназначены ея родныя дѣтки, равнѣ не естественно, что она ненавидѣла этихъ старшихъ и признавалась самой себѣ, что желала бы, чтобъ они сошли у нея съ дороги? Столкнуть ихъ съ дороги было нельзя, но лэди

Франсесъ во всякомъ случаѣ можно было обуздать. А потому она рѣшилась запретить переписку.

Она задержала второе письмо, и сообщила дочери о своемъ поступкѣ.

— Папа не говорилъ, чтобъ мнѣ не передавать моихъ писемъ,—убѣждала леди Франсесъ.

— Отецъ твой ни минуты не думалъ, чтобъ ты согласилась на что-нибудь до такой степени неприличное.

— Въ этомъ нѣтъ ничего неприличнаго.

— Предоставь мнѣ судить объ этомъ. Теперь ты на моей отвѣтственности. Отецъ твой, когда возвратится, можетъ поступать какъ ему угодно.

Произошелъ длинный споръ, окончившійся побѣдой маркизы. Молодая дѣвушка, когда ей было объявлено, что, въ случаѣ необходимости, деревенской почтмейстершѣ будетъ приказано не отправлять никакихъ писемъ, адресованныхъ на имя Джорджа Родена,—повѣрила въ силу угрозы. Она также была увѣрена, что ей не удастся добраться ни до какихъ писемъ, адресованныхъ на ея имя, если маркиза пуститъ въ ходъ свою квазі-родительскую власть, чтобъ этому воспрепятствовать. Она уступила, подъ условіемъ однако, чтобъ одно письмо было отправлено; и маркиза, которая вовсе не была увѣрена, что ея инструкции подѣйствуютъ на почтмейстершу, согласилась на это.

Нѣжный тонъ письма читатели угадаютъ и не видя его. Оно было очень нѣжно, полно обѣщаній и довѣрія. Затѣмъ слѣдовалъ коротенькій параграфъ, въ которомъ она объясняла собственное непріятное положеніе:

«Надо вамъ сказать, что было получено одно письмо, котораго мнѣ не показали. Не знаю, распечатала ли его мама, или уничтожила. Хотя я не видала его, я принимаю его за доказательство вашей доброты и вѣрности. Но для васъ будетъ бесполезно писать мнѣ еще, пока вы не получите отъ меня извѣстія; я также обѣщала, что это, до поры до времени, будетъ мое послѣднее письмо къ вамъ. Послѣднее и первое! Надѣюсь, что вы сохраните его до полученія другого, съ тѣмъ, чтобъ у васъ было хоть что-нибудь, что говорило бы вамъ, какъ горячо я васъ люблю».

Отсылая письмо, она не знала, какое великое утѣшеніе заключается даже въ возможности написать письмо тому, кого она любила; она также еще не испытала, какъ велико мученіе оставаться безъ видимыхъ доказательствъ вниманія того, кого любишь.

Послѣ эпизода съ письмомъ жизнь въ Кенингсграфѣ стала

очень тяжела и очень скучна. Маркиза и ея падчерица обвинялись немногими словами, да и тѣ никогда не звучали дружески, не отличались ласковымъ характеромъ. Даже дѣтей отдаляли отъ сестры какъ можно больше, чтобъ ихъ нравственность не была развращена дурнымъ сообществомъ. Когда она на это жаловалась ихъ матери, маркиза только выпрямлялась и молчала. Еслибъ было можно, она бы окончательно устранила всякое соприкосновеніе своихъ голубковъ съ сестрою, не потому, чтобъ она думала, что голубкамъ дѣйствительно будетъ причиненъ вредъ,—на этотъ счетъ она не имѣла никакихъ опасеній, такъ какъ голубки подчинялись ея собственному вліянію,—но съ тѣмъ, чтобъ наказаніе леди Франсесъ было полнѣе. При настоящихъ обстоятельствахъ, не должно было быть семейной дружбы, братскихъ игръ, никакихъ нѣжностей, никакой пощады. Должно было, думалось ей, въ крови этой первой жены таилась нечистая примѣсь, которая сдѣлала ея дѣтей совершенно неподходящими къ сословію, въ которомъ они, къ несчастію, родились. Это безобразіе со стороны леди Франсесъ, этотъ позоръ, при мысли о которомъ она положительно дрожала, эта ужасная привязанность къ существу низшему раздражали ее даже противъ лорда Гэмпстеда. И братъ, и сестра вообще такъ низко пали, что она невольно думала, что Провидѣніе не могло предназначить ихъ быть постоянной преградой славѣ семейства. Что-нибудь да непременно случится. Напримѣръ, окажется, что они вовсе не законныя дѣти настоящей маркизы. Откроется, какое-нибудь прекрасное, романическое сдѣленіе чтобъ спасти ее и ея голубковъ, и всѣхъ Траффордовъ, и всѣхъ Монтрезоровъ отъ ужаснаго поворота, которымъ угрожали имъ эти пришлецы. Мысль эта держалась въ ея умѣ, пока не превратилась въ почти неизбѣжное убѣжденіе, что лордъ Фредерикъ доживетъ до того, что станетъ лордомъ Гэмпстедомъ,—или, можетъ-быть, лордомъ Гайтотомъ, такъ какъ въ семьѣ существовалъ третій титулъ, а имя Гэмпстеда должно было, на нѣкоторое время, почитаться обезпеченнымъ,—а съ теченіемъ времени и маркизомъ Кинсбери. До сихъ поръ она имѣла привычку говорить своимъ дѣткамъ о ихъ старшемъ братѣ съ чѣмъ-то въ родѣ уваженія, какое слѣдуетъ оказывать будущему главѣ семейства; но въ эти дни она измѣнила свой тонъ, когда они говорили ей о Джэбѣ, какъ они упорно называли его, а она, по собственному побужденію, никогда не упоминала его имени въ разговорахъ съ ними.—Фанни не умница?—однажды спросилъ лордъ Фредерикъ.—На это она

ничего не отвѣтила. — Фанни очень не умна? — наставлялъ мальчишъ. — На это она торжественно кивнула головой.

— Что Фанни надѣлала, мама? — На это она таинственно покачала головой. Изъ всего этого можно заключить, что бѣдная леди Франсесъ сильно нуждалась въ утѣшеніяхъ во время пребыванія въ Кенингсграфѣ.

Маркизъ возвратился почти въ концѣ августа. Онъ пробылъ въ Лондонѣ до самыхъ послѣднихъ дней сессіи, а затѣмъ увѣрилъ себя, что его присутствіе положительно необходимо въ Траффордъ-паркѣ. Въ Траффордъ-паркѣ онъ и отправился и тамъ провелъ десять мучительныхъ дней одинъ. Мистеръ Гринвудъ, правда, поѣхалъ съ нимъ; но маркизъ былъ изъ тѣхъ людей, которые несчастны, если ихъ не окружаетъ семья, и такъ мучилъ мистера Гринвуда, что этотъ достойный священникъ былъ очень счастливъ, когда остался въ полномъ одиночествѣ по отъѣздѣ своего аристократическаго друга. Тогда, согласно данному обѣщанію и дѣйствительно сознавая, что обязанъ присмотрѣть за своей провинившейся дочерью, маркизъ возвратился въ Кенингсграфъ. Леди Франсесъ была для него, въ этотъ періодъ его жизни, предметомъ тревожныхъ заботъ. Не слѣдуетъ думать, чтобъ его чувства въ его старшимъ дѣтямъ сколько-нибудь подходили на чувства маркизы. И сынъ, и дочь были ему очень дороги, обоими онъ, до нѣкоторой степени, гордился. Они отличались благородной красотой, были умны и къ нему чрезвычайно почтительны. Онъ зналъ, какія заботы иной разъ старшіе сыновья причиняютъ своимъ отцамъ, какъ они требуютъ увеличенія разнавсегда назначенной имъ суммы, какимъ предосудительнымъ забавамъ иногда предаются, какія возникаютъ ссоры, какія разногласія, какъ сильно чувствуется недостатокъ привязанности и недостатокъ уваженія! Онъ имѣлъ благоразуміе все это замѣтить и сознавать, что онъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, необыкновенно счастливъ. Гэмпстедъ никогда не просилъ у него шиллинга. Онъ былъ человекъ щедрый и охотно бы далъ ему много шиллинговъ. Тѣмъ не менѣе утѣшительно было имѣть сына, который вполнѣ довольствовался собственнымъ доходомъ. Несомнѣнно настанетъ время, когда этимъ маленькимъ лордамъ понадобятся шиллинги. Леди Франсесъ всегда была особенно нѣжна съ нимъ, оваряя его жизнь сладкимъ отблескомъ воспоминанія о его первой женѣ. Онъ питалъ довольно сильную привязанность къ второй женѣ, и сознавалъ, какъ она была ему полезна для поддержанія его общественнаго положенія. Но онъ никогда не забывалъ прежней жизни, которая изобиловала болѣе высокими

мыслями, болѣе великодушными чувствами, а также стремленіями, которыхъ ему теперь недоставало. Въ минуты, которыя онъ проводилъ съ дочерью, прошлое какъ будто оживало; благодаря этому, она была ему очень дорога. Но теперь случилось горе, лишившее его жизнь всей ея прелести. Ему приходилось обратиться къ величію жены и отвергнуть нѣжность дочери. Въ теченіе этихъ дней, проведенныхъ въ Траффордѣ, онъ отравлялъ жизнь вѣрнаго друга, который такъ всегда былъ преданъ его интересамъ. Когда жена рассказала ему о войнѣ изъ-за переписки, ему, конечно, представилась необходимость отдать приказанія дочери. Едва ли можно было пройти молчаніемъ такой вопросъ, хотя онъ, вѣроятно, такъ бы и поступилъ, если бы маркиза не подстрекала его дѣйствовать.

— Фанни, — сказалъ онъ, — мнѣ была непріятна эта переписка.

— Я написала только одно письмо, папа.

— Хорошо, одно. Но было получено два.

— Я получила только одно, папа.

— Много два. Но не должно было бы быть никакихъ писемъ. Неужели ты считаешь приличнымъ, чтобъ молодая особа переписывалась съ... съ... джентльменомъ, вопреки желаніямъ отца и матери?

— Не знаю, папа.

Это показалось ему такъ слабо, что маркизъ рѣшился и сказать рѣчь, произнести вторую, по поводу всей этой исторіи, онъ считалъ своей отцовской обязанностью. Въ сущности говоря, не письма тутъ были важны, но чувство рѣшимости, предпринявшее ихъ. — Дорогая моя, это очень непріятная исторія. — Онъ остановился, ожидая отвѣта; но леди Франсесъ сознавала, что замѣненіе его изъ тѣхъ, на которыя она, въ настоящую минуту, отвѣтить не можетъ. — Ты знаешь, что нечего и думать о томъ, чтобъ ты вышла за молодого человѣка, до такой степени неподходящаго къ тебѣ по положенію, какъ этотъ молодой человѣкъ.

— Но я выйду, папа.

— Фанни, ничего подобнаго ты сдѣлать не можешь.

— Непремѣнно сдѣлаю. Можетъ быть до этого пройдетъ очень много времени; но я несомѣнно выйду... развѣ умру.

— Не хорошо съ твоей стороны, дорогая, говорить такъ о смерти!

— Я хочу сказать, что какъ бы долго я ни прожила, я буду считать себя невестой мистера Родена.

— Онъ поступилъ очень, очень дурно. Онъ обманомъ пробрался ко мнѣ въ домъ.

— Онъ пріѣхалъ въ качествѣ друга Гэмпстеда.

— Очень глупо было со стороны Гэмпстеда привозить его... очень глупо... почтамтскаго клерка.

— Мистеръ Вивіанъ клеркъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Какая разница между тѣмъ или другимъ управленіемъ?

— Большая; но мистеру Вивіану ничего подобнаго и въ голову бы не пришло. Онъ понимаетъ вещи, и знаетъ свое мѣсто. А тотъ—пренадеженный.

— Мужчина долженъ быть высомомбретъ, папа. Никто не будетъ о немъ хорошаго мнѣнія, если онъ самъ себя не будетъ цѣнить.

— Онъ былъ у меня въ Паркъ-Лэнѣ.

— Какъ! Мистеръ Роденъ?

— Да, былъ. Но я не видѣлъ его. Мистеръ Гринвудъ его принялъ.

— Что могъ мистеръ Гринвудъ сказать ему?

— Мистеръ Гринвудъ могъ попросить его удалиться,—что и исполнилъ. Болѣе говорить ему было нечего. А теперь, дорогая, довольно объ этомъ. Если ты надѣнешь шляпу, мы пойдемъ пройтись до деревни.—На это леди Франсесъ охотно согласилась. Она вовсе не была расположена ссориться съ отцомъ или принимать въ дурную сторону то, что онъ сказалъ о ея обожателѣ. Она не ожидала, чтобы дѣло пошло очень гладко. Она общалась себѣ быть постоянной и надѣялась на вѣчный успѣхъ; но не думала, чтобы торжество истинной любви далось ей легче, чѣмъ другимъ. Она была очень рада слова стать въ добрыя отношенія къ отцу, и не то, чтобы отказаться отъ своего поклонника, по такъ вести себя, точно онъ не занимаетъ перваго мѣста въ ея мысляхъ. Жестокость мачихи такъ ее подавляла, что разрѣшеніе сдѣлать прогулку съ отцомъ было для нея положительной радостью.

— Не думаю, чтобы что-нибудь можно было сдѣлать,—сказалъ маркизъ женѣ, нѣсколько дней спустя.—Это одна изъ тѣхъ бѣдъ, которыя случаются отъ времени до времени!

— Подумать только, что такая дѣвушка, какъ твоя дочь, плѣнилась почтамтскимъ клеркомъ!

— Къ чему повторять это такъ часто? Не вижу, чѣмъ почтамтъ хуже всякаго другого учрежденія. Понятно, что допустить этого нельзя, что разъ сказавши это, самое лучшее, что мы можемъ сдѣлать, это жить такъ, какъ будто ничего не случилось.

— И позволить ей дѣлать все, что она захочетъ?

— Кто ей позволитъ дѣлать, что она захочетъ? Она сказала, что не будетъ писать, и не писала. Намъ остается только отвезти ее опять въ Траффордъ и позволить ей забыть его какъ можно скорѣй.

Маркиза отнюдь не была удовлетворена, хотя не знала, какую бы рекомендовать особо-строгую мѣру. Было когда-то время—славное время, какъ теперь думала лэди Кинсбери—когда молодую дѣвушку можно было запереть въ монастырь, пожалуй въ тюрьму, или просто заставить выйти за какого-нибудь поклонника, найденнаго для нея родителями. Но эти удобныя времена миновали. Лэди Франсесъ и теперь была въ тюрьмѣ, но здѣсь маркиза вынуждена была играть роль тюремщица; въ этой же тюрьмѣ были заперты ея «голубки» за одно съ недостойной сестрою. Ей самой хотѣлось возвратиться въ Траффордъ, въ свой уютный уголокъ. Въ ея настоящемъ строеніи красоты Кенигсграфа не плѣняли ее. Но что будетъ, если лэди Франсесъ выскочить изъ окна въ Траффордъ и убѣжить съ Джорджемъ Роденомъ? Окна въ Кенигсграфѣ несомнѣнно гораздо выше оконъ въ Траффордѣ. Они рѣшили возвратиться въ началѣ сентября, и почти уже начинали укладываться, когда лордъ Гэмпстедъ неожиданно явился среди нихъ. Ему надобно кататься на яхтѣ, надобли книги и занятіе садоводствомъ въ Гендонѣ. Надо было что-нибудь придумать до начала охотничьяго сезона, а потому онъ въ одинъ прекрасный день явился въ Кенигсграфъ, нивого не предупредивъ. Это возбудило необузданный восторгъ его братьевъ, которыми онъ распоряжался такъ произвольно, что даже мать ихъ не могла помѣшать этому. Ихъ заставляли галопировать на пони, на которыхъ они прежде ѣздили только шагомъ; ихъ купали въ рѣкѣ, ихъ водили въ верхній этажъ замка и запирали въ башню, какъ это умѣлъ сдѣлать одинъ Гэмпстедъ. Джэкъ оставался Джэкомъ; дѣти были въ полномъ восхищеніи; но маркиза не такъ была обрадована его пріѣздомъ. Черезъ нѣсколько дней завязался разговоръ о лэди Франсесъ, котораго лэди Кинсбери охотно бы избѣгла, еслибы было можно, но на который вызвалъ ее пасивокъ.

— Не думаю, чтобы съ Фанни слѣдовало дурно обращаться, — сказалъ онъ.

— Гэмпстедъ, я бы желала, чтобы ты зналъ, что я не понимаю подобныхъ выраженій.

— Дразнить, мучить, дѣлать ее несчастной, хочу я сказать.

— Если она несчастна, то по своей винѣ.

— Но нельзя же съ ней обращаться, точно она себя опозорила.

— Она опозорила себя.

— Я это отрицаю. Я не позволю, даже вамъ, такъ выражаться о ней. — Маркиза выпрямилась, точно ее оскорбили. — Если въ вашемъ домѣ въ ней такъ будутъ относиться, я вынужденъ буду просить отца удалить ее и поселить ее у себя. Я не хочу видѣть, какъ сердце ея разобьется отъ жестокаго обращенія. Я увѣренъ, что это противно его желанію.

— Вы не имѣете права говорить со мною въ этомъ тонѣ.

— Я имѣю несомнѣнное право защищать мою сестру, и я воспользуюсь этимъ правомъ.

— Вы, вопреки всѣмъ приличіямъ, ввели въ домъ молодого человѣка.

— Я ввелъ въ домъ молодого человѣка, котораго съ гордостью называю своимъ другомъ.

— А теперь вы намѣрены помочь ему погубить вашу сестру.

— Вы совершенно ошибаетесь, говоря это. Они оба знаютъ, и Роденъ, и сестра моя, что я этого брака не одобряю. Еслибы Фанни жила у меня, я не смѣлъ бы себя въ правѣ пригласить изъ себя Родена. Они оба поняли бы это. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ съ ней можно было жестоко обращаться.

— Никто не былъ съ ней жестокъ, кромѣ ея самой.

— Довольно легко замѣтить, что здѣсь происходитъ. Было бы гораздо лучше, чтобъ Фанни оставалась въ семьѣ; но въ одномъ можете быть увѣрены — я не позволю ее пытать. — Съ этимъ онъ ушелъ, а на другой день уѣхалъ изъ Кенигсграфа. Понятно, что выраженія, какія онъ употреблялъ въ разговорѣ съ ней, не примирили маркизу съ ея пасынкомъ-радиनाломъ.

Недѣлю спустя, вся семья возвратилась въ Англію и въ Траффордъ.

Х. — „Noblesse oblige“.

— Совершенно согласенъ, — сказала Гэмистедъ, пытаясь основательно обсудить вопросъ съ сестрою, — что миледи не слѣдуетъ позволять тебѣ мучить.

— Она дѣйствительно меня мучитъ. Ты не можешь себя представить, какова была моя жизнь въ Кенигсграфѣ. Есть обращеніе, которое можетъ заставить любую дѣвушку убѣжать или утопиться. Не думаю, чтобъ мужчина даже понималъ, что значить, когда васъ постоянно встрѣчаютъ сердитымъ взглядомъ.

Мужчина имѣть своихъ друзей, можетъ бывать, гдѣ вдумается. Его душевная энергія не ослабѣваетъ въ одиночествѣ. Онъ даже не замѣтилъ бы половины того, что дѣвушка поневолѣ чувствуетъ. Даже прислугу поощряли въ грубому обращенію со мной. Мальчикамъ не позволяли и подходить ко мнѣ. Я никогда не слыхала не строгаго слова.

— Отверно.

— И это не облегчалось убѣжденіемъ, что она и никогда не любила меня. Это значить сносить всю власть матери, вовсе не наслаждаясь ея любовью. Съ прѣздомъ папа, конечно, стало лучше; но даже папа не можетъ заставить ее измѣнить своего обращенія. Мужчина, сравнительно, такъ мало значить въ домѣ. Если это будетъ продолжаться, я сойду съ ума.

— Конечно, я буду стоять за тебя.

— О, Джонъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь.

— Но вообще не легко понять, какъ за это дѣло приняться. Еслибъ мы поселились вмѣстѣ въ Гендонъ...—При этомъ предложеніи лицо ея оварилось выраженіемъ радости.—Конечно встрѣтилось бы затрудненіе...

— Какое затрудненіе? — Она, однако, прекрасно знала какое.

— Джорджъ Роденъ былъ бы слишкомъ близко отъ насъ.

— Я никогда бы съ нимъ не выдалась безъ твоего разрѣшенія.

— Я бы не разрѣшила. Въ этомъ и заключалось бы затрудненіе. Онъ бы сталъ убѣждать меня и мнѣ пришлось бы сказать ему, что я не могу позволить ему бывать у насъ, иначе, какъ съ разрѣшенія отца. Объ этомъ и думать нечего. А потому, говорю я, встрѣтилось бы затрудненіе.

— Я никогда бы съ нимъ не выдалась,—иначе, какъ съ твоего дозволенія, не писала бы ему, не получала бы отъ него писемъ. Ты не долженъ предполагать, что я отказалась бы отъ него. Никогда я этого не сдѣлаю. Буду жить, какъ жила, и ждать. Когда дѣвушка позволила себѣ сказать мужчинѣ, что любитъ его, по своимъ понятіямъ, она не можетъ отказаться отъ него. Есть вещи, которыхъ измѣнить нельзя. Я могла бы отлично жить, не думая о немъ, еслибъ не позволила себѣ полюбить его. Но я это сдѣлала, и теперь онъ долженъ быть для меня всѣмъ.

— Жаль, что такъ случилось.

— Да, такъ случилось. Но если ты возьмешь меня въ Гендонъ, я никогда не буду съ нимъ видаться, пока не получу разрѣшенія папа. Мой долгъ повиноваться ему—но не ей.

— Мнѣ это не совсѣмъ ясно.

— Я для нея больше не дочь, а потому она для меня больше не мать. Она охотно бы отдѣлалась отъ насъ обоихъ, еслибъ могла.

— Ты не должна приписывать ей такихъ мыслей.

— Еслибъ ты видѣлъ ее такъ часто, какъ я, ты бы понялъ. Она ненавидитъ тебя почти такъ же, какъ и меня, хотя не можетъ такъ легко этого обнаружить.

— Очень понимаю, что она ненавидитъ мои воззрѣнія.

— Ты стоишь у нея на дорогѣ.

— Конечно. Естественно, что женщина желаетъ забрать все лучшее для своихъ родныхъ дѣтей. Я самъ иногда находилъ, что жалости достойно, что у Фредерика есть старшій братъ. Подумай, какой-бы изъ него вышелъ славный молодой маркизъ, тогда какъ я совсѣмъ не въ своей стихіи.

— Это вздоръ, Джонъ.

— Мнѣ слѣдовало бы быть портнымъ. Портные, мнѣ кажется, вообще величайшіе бѣдняки, свѣптики и патріоты. Еслибъ изощрились мои природныя способности трудностью содержать жену и дѣтей на нѣсколько грошей въ день, я право думаю, что мнѣ удалось бы сдѣлать что-нибудь, что выдвинуло бы меня изъ толпы. Теперь же я ни то ни се, ни рыба ни мясо. Понимаю, что я—возмутительное существо для души преданной маркизамъ. Я вовсе не склоненъ къ аристократическимъ утонченностямъ. У миледи три сына, изъ которыхъ каждый былъ бы безувѣреннейшимъ маркизомъ. Можно ли требовать, чтобы она не думала, что я стою у нея на дорогѣ.

— Но она знала о твоёмъ существованіи, когда вышла за папа.

— Конечно, знала;—но это не измѣняетъ ея натуры. Мнѣ кажется, я нашелъ бы въ себѣ силы простить ее, хотя бы она попыталась отравить меня, до такой степени стою я у нея на дорогѣ. Мнѣ иногда приходило въ голову, что мнѣ слѣдовало бы пожертвовать собою, отказаться отъ своихъ надеждъ, превратиться въ Джона Траффордъ — съ тѣмъ, чтобы уступить дорогу ея юнымъ лордамъ.

— Это вздоръ, Джонъ.

— Во всякомъ случаѣ, это невозможно. Достигнуть этого я могъ бы однимъ путемъ — всадивши себѣ пулю въ лобъ, что не было бы согласно съ моими понятіями о жизни. Но ты ни у кого не стоишь на дорогѣ. Ничего нельзя выиграть, отравивъ тебя. Еслибъ она убила меня, въ этомъ былъ бы какой-нибудь

смыслъ; но мучить тебя побуждаетъ ее низкое честолюбіе. Она боится, чтобы ея собственное положеніе не пострадало отъ твоего неравнаго брака. Еслибъ она убила меня ради маленькаго Фреда, въ этомъ было бы что-то благородное. Она добилась бы чего-нибудь для того, кто, конечно, дороже ей всего на свѣтѣ. Но относительно тебя это самое подлое тщеславіе; и я этого не потерплю.

Разговоръ этотъ происходилъ въ началѣ октября, когда они уже провели нѣсколько недѣль въ Траффордъ-Паркѣ. Гѣмпстедъ, по своему обыкновенію, пріѣзжалъ и уѣзжалъ, никогда не оставаясь у нихъ болѣе двухъ или трехъ дней подрядъ. Лордъ Кинсбери, которому все было какъ-то неловко, рыскалъ по цѣлому графству, присматривая за своей собственностью, проводя день другой у кого-нибудь изъ пріятелей. Маркиза не пожелала приглашать въ себѣ друзей, объявивъ мужу, что семейству не до веселья, благодаря «прелестному» поведенію его старшей дочери.

Никто не пытался стрѣлять фазановъ, такъ велико было общее уныніе. Мистеръ Гринвудъ былъ въ Траффордѣ и проводилъ очень много времени въ обществѣ миледи. Хотя онъ всегда соглашался съ маркизомъ насчетъ его прежнихъ политическихъ принциповъ, тѣмъ не менѣе умъ его былъ такъ устроенъ, что онъ вполнѣ сочувствовалъ миледи относительно позора и ужаса, какіе заключаются для аристократическихъ семействъ въ униженныхъ союзахъ и сношеніяхъ. Онъ не только сочувствовалъ маркизѣ въ дѣлѣ почтамтскаго клерка, онъ сочувствовалъ ей вполнѣ и насчетъ лорда Гѣмпстеда. Мистеръ Гринвудъ вздыхалъ и стоналъ, когда они съ миледи обсуждали будущность дома Траффордовъ. «Пожалуй хорошо, а пожалуй и нѣтъ», такъ онъ милостиво выражался въ разговорахъ съ маркизой,—когда аристократъ разрѣшаетъ себѣ либерализмъ въ политическихъ убѣжденіяхъ; но ужасно подумать, чтобы наслѣдникъ громкаго титула снисшелъ до мнѣвій достойныхъ радикала-портного. Мистеръ Гринвудъ соглашался съ лордомъ Гѣмпстедомъ насчетъ портного. О лордѣ Гѣмпстедѣ, казалось ему, можно только скорбѣть, дѣйствовать тутъ нельзя. Ничего, думалось ему, нельзя предпринять относительно лорда Гѣмпстеда. Время,—время, которое многое разрушаетъ, но многое и врачуетъ,—несомнѣнно окажетъ свое дѣйствіе; такъ что лордъ Гѣмпстедъ пожалуй доживетъ до того, что будетъ также энергически поддерживать свое сословіе, какъ любой герцогъ или маркизъ. Или можетъ быть Господу угодно будетъ взять его. Мистеръ Гринвудъ замѣтилъ, что предположеніе это встрѣчается благосклоннѣе, а потому, не теряя времени,

принялся за списокъ перовъ, и написалъ двадцать примѣровъ тому что, въ теченіе полу-жизни, титулъ наследовалъ второй братъ. Повидимому, особая смертность господствовала среди старшихъ сыновей перовъ. Это было утѣшительно. Но здѣсь не было такого основанія для рѣшительныхъ дѣйствій, какое въ настоящую минуту существовало по отношенію къ леди Франсесъ. На этотъ счетъ друзья совершенно сходились во мнѣніяхъ.

Мистеръ Гринвудъ видѣлъ невозможнаго молодого человѣка, и могъ сказать, какъ онъ совершенно невозможенъ во всѣхъ отношеніяхъ — какъ онъ вульгаренъ, развѣзентъ, невѣжественъ, дерзокъ.

По мнѣнію мистера Гринвуда, молодыхъ людей слѣдовало разучить, хотя бы для этого пришлось прибѣгнуть къ самымъ строгимъ мѣрамъ. Мистеръ Гринвудъ постепенно научился отаиваться о молодой особѣ съ очень незначительной долей того уваженія, какое выказывалъ къ прочимъ членамъ семьи. Этимъ путемъ миследи научилась смотрѣть на леди Франсесъ, точно она вовсе и не леди Франсесъ, — а какая-нибудь дальняя родственница, Фанни Траффордъ, дѣвушка съ дурнымъ вкусомъ и нехорошимъ поведеніемъ, которая въ несчастіи попала въ семью, благодаря ложнымъ понятіямъ о милосердіи.

Дѣла такъ шли въ Траффордѣ, что Траффордъ едва ли былъ лучше Кенингсграфа. Въ Кенингсграфѣ не было мистера Гринвуда, а мистеръ Гринвудъ несомнѣнно значительно усилилъ непріятности, которыя приходилось выносить бѣдной леди Франсесъ. Въ этихъ-то условіяхъ она написала брату, прося его пріѣхать въ ней. Онъ пріѣхалъ, и между ними произошелъ вышеприведенный разговоръ.

Въ тотъ же день Гэмпстедъ видѣлся съ отцомъ и обсудилъ съ нимъ вопросъ. — Чтѣжъ ты хочешь, чтобы я дѣлалъ съ ней? — спросилъ маркизъ.

— Позвольте ей жить со мною въ Гендонѣ. Если вы предоставите домъ въ мое распоряженіе, все остальное я приму на себя.

— Хочешь взять своимъ домомъ?

— Отчего же нѣтъ? Еслибы я убѣдился, что оно мнѣ не по карману, я бы отказался отъ охоты съ гончими и держался одной лхты.

— Дѣло не въ деньгахъ, — сказалъ маркизъ, качая головой.

— Миследи никогда особенно не нравилась Гендонъ.

— Да и не въ домѣ. Я бы съ удовольствіемъ тебѣ его отдалъ. Но какъ могу я отказаться отъ наблюденія за твоей се-

строй, когда я знаю, что она расположена поступить именно такъ, какъ не должна.

— Но тамъ она не сдѣлаетъ этого скорѣй, чѣмъ здѣсь, — сказалъ братъ.

— Онъ былъ бы совсѣмъ близко отъ нея.

— Можете быть увѣрены, сэръ, что нѣтъ двухъ человѣкъ, которые больше руководились бы чувствомъ долга, чѣмъ моя сестра и Джорджъ Роденъ.

— Она исполнила свой долгъ, когда позволила себѣ стать невѣстой такого человѣка, не сказавъ ни слова никому изъ семьи?

— Она сказала миледи, какъ только это случилось.

— Она не должна была допускать, чтобы это когда-нибудь случилось. Пустьки ты все говоришь. Не хочешь же ты сказать, что такая дѣвушка, какъ твоя сестра, имѣетъ право дѣлать съ собой что хочетъ, не посоветовавшись ни съ кѣмъ изъ семьи, — даже принять предложеніе такого человѣка.

— Право не знаю, — задумчиво сказалъ Гемпстедъ.

— Ты долженъ знать. Я знаю. Всякій знаетъ. Глупо такъ рассуждать.

— Сомнѣваюсь, чтобы люди знали, — сказалъ Гемпстедъ. — Ей двадцать-одинъ годъ и по закону она, кажется, могла бы завтра выйти изъ дому и обвѣнчаться съ кѣмъ бы ей вздумалось. Вы, какъ отецъ, не имѣете надъ нею никакой власти: тутъ негодующій отецъ вскочилъ со стула, но сынъ продолжалъ свою рѣчь, точно рѣшившись не дать себя прервать: — исключая той власти, какую она сама можетъ вамъ предоставить по расположенію, или потому, что она находится въ матеріальной зависимости отъ васъ.

— Боже милосердый! — крикнулъ маркизъ.

— Мнѣ кажется, оно, приблизительно, такъ. Молодые дѣвушки подчиняются власти родителей по чувству, по привязанности и по сознанію своей зависимости, но, насколько я понимаю, юридически онѣ имъ не подвластны послѣ извѣстнаго возраста.

— Ну ты, извѣстно, уговорилъ собаку дать отрубить себѣ заднія лапы.

— Желалъ бы быть на это способнымъ. Но можно сказать нѣсколько словъ, не отличаясь такимъ краснорѣчіемъ. Если вопросъ такъ поставленъ, я не убѣжденъ, чтобы Фанни была нравственно виновата. Она, можетъ быть, поступила глупо. Я думаю, что да, такъ какъ сознаю, что бракъ для нея неровный.

— *Noblesse oblige*, — сказалъ маркизъ, прижимая руку къ груди.

— Несомнѣнно. Аристократическое происхождение, каково бы оно ни было по существу, налагаетъ на насъ обязанности. Если обязанностей этихъ не исполняютъ, то и аристократизму конецъ. Но я отрицаю, чтобы происхождение обязывало насъ къ образу дѣйствій, который мы признаемъ дурнымъ.

— Кто говорить, что оно къ этому обязываетъ?

— Происхождение, — продолжалъ сынъ, оставляя безъ вниманія вопросъ отца, — не можетъ заставить меня дѣлать то, что вы или другіе считаете хорошимъ, если я самъ этого не одобряю.

— Къ чему ты это все ведешь?

— Вы даёте понять, что изъ-за того, что мы съ сестрой принадлежимъ къ извѣстному классу, мы обязаны исполнять тѣ житейскія правила, къ которымъ этотъ классъ относится благосклонно. Это я отрицаю отъ ея имени и отъ своего. Я не самъ сдѣлалъ себя старшимъ сыномъ англійскаго пэра. Я признаю, что если очень многое дано мнѣ въ смыслѣ воспитанія, общественныхъ преимуществъ и даже денегъ, то отъ меня, по всей справедливости, могутъ требовать болѣе безукоризненнаго поведения, чѣмъ отъ тѣхъ, кому дано меньше. Въ этомъ смыслѣ, *poblesse oblige*. Но прежде чѣмъ я приму на себя обязанность, которую на меня налагаютъ, я долженъ понять, въ чемъ заключается это безукоризненное поведеніе. То же должна сдѣлать и Фанни. Выйдя за Джорджа Родена, она поступила бы лучше, на основаніи вашего же правила, чѣмъ отдавшись какому-нибудь дураку лорду, который ровно ничѣмъ не могъ бы гордиться, вромѣ своихъ земель и своего титула.

Маркизъ нетерпѣливо рассказывалъ по комнатѣ; въ душѣ онъ сердился, горячился и остановилъ бы Гемпстеда, еслибы это было возможно. — Я совсѣмъ не пушу ее въ Гендонъ, — сказалъ онъ, когда сынъ кончилъ.

— Этимъ вы докажете, что очень мало понимаете ее и меня. Роденъ тамъ и не подойдетъ къ ней. Едва ли могу я поручиться, что онъ этого не сдѣлаетъ здѣсь. Здѣсь Фанни будетъ чувствовать, что къ ней относятся какъ къ врагу.

— Ты не имѣешь права это говорить.

— Тамъ она будетъ знать, что вы многое сдѣлали для ея счастья. Даю вамъ слово, что она не увидится съ нимъ и писать ему не будетъ. Она сама мнѣ это обѣщала, и я ей довѣряю.

— Отчего она такъ жаждетъ покинуть свой родной домъ?

— Оттого, — смѣло сказалъ Гемпстедъ, — что она лишилась

своей родной матери. — При этихъ словахъ маркизъ страшно нахмурился. — Что касается меня, я ничего не могу сказать противъ мачихи. Я ни въ чемъ не обвиняю ее и по отношенію къ Фанни, кромѣ того, что онѣ совершенно не понимаютъ другъ друга. Вы сами должны это видѣть, сэръ. — Маркизъ прекрасно это видѣлъ. — И мистеръ Гринвудъ позволилъ себѣ говорить съ нею, что, по моему, было очень дерзко.

— Я никогда его не уполномочивалъ.

— Тѣмъ не менѣе, онъ говорилъ. Миледи, вѣроятно, уполномочила его. Результатъ всего этого, что за Фанни слѣдять. Конечно, она не намѣрена выносить продолженія такихъ мученій. Да и съ какой стати? Лучше, чтобы она переѣхала ко мнѣ, чѣмъ, чтобы ее вынудили бѣжать съ ея поклонникомъ.

Ранѣе конца недѣли маркизъ уступилъ. Гендонъ-Голлъ окончательно предоставлялся въ распоряженіе лорда Гемпстеда, и сестры его намѣрены были разрѣшить жить съ нимъ и хозяйничать у него въ домѣ. Переѣхать она должна была въ теченіе слѣдующаго мѣсяца и остаться тамъ, во всякомъ случаѣ, до весны. Конечно, встрѣтятся затрудненія насчетъ охоты, но Гемпстедъ, въ случаѣ необходимости, готовъ былъ отказаться отъ нея на этотъ сезонъ. Удобства, удовольствія, пользу сестры онъ ставилъ первой задачей своей жизни, и намѣренъ былъ позаботиться о томъ, чтобы Джорджъ Роденъ не игралъ во всемъ этомъ никакой роли.

Маркиза оцѣнивъ, узнавъ, что леди Франсесъ увозятъ, увозятъ въ ближайшее сосѣдство Лондона и почтамта. Много наговорила она мужу, маркизъ часто колебался. Но, когда разъ обѣщаніе было дано, у леди Франсесъ хватило энергіи требовать его исполненія. По этому поводу маркиза впервые позволила себѣ отозваться съ полнымъ неодобреніемъ о мужѣ, въ разговорѣ съ мистеромъ Гринвудомъ.

— Въ Гендонъ-Голлъ! — сказалъ мистеръ Гринвудъ, съ удивленіемъ водвѣвъ руки.

— Да. Мнѣ оно кажется самой... самой неприличной вещью, какую только придумать можно.

— Онъ можетъ каждый день отправляться туда пѣшкомъ, какъ только отдѣляется отъ писемъ. — Мистеръ Гринвудъ, вѣроятно, воображалъ, что Джорджъ Роденъ бѣгаетъ съ почтовыми сумками.

— Конечно, они будутъ видаться.

— Боюсь, что такъ, леди Кинсбери.

— Гемпстедъ объ этомъ позаботится. Изъ-за чего бы онъ

хлопоталъ перевести ее туда? Съ его идеями онъ сочтетъ дѣломъ достохвальнымъ окончательно унижить насъ всѣхъ. Онъ и не думаетъ о чести своихъ братьевъ. Да и какъ этого требовать, когда онъ такъ жаждетъ пожертвовать родной сестрой! Что касается до меня, онъ конечно готовъ сдѣлать все, чтобъ разбить мое сердце. Онъ знаетъ, что я дорожу мнѣніемъ его отца, и изъ-за этого онъ готовъ опозорить меня всѣми возможными способами. Но чтобъ маркизъ согласился!..

— Вотъ этого-то я понять не могу, — сказалъ мистеръ Гринвудъ.

— Они что-то отъ меня скрываютъ, мистеръ Гринвудъ.

— Не можетъ же маркизъ имѣть намѣреніе выдать ее за этого молодого человѣка!

— Не понимаю, ничего тутъ не понимаю, — сказала маркиза. — Онъ, казалось, такъ былъ твердъ. Что касается до самой дѣвушки, я никогда болѣе ее не увижу, послѣ того, какъ она оставитъ мой домъ такимъ образомъ. Говоря по правдѣ, я никогда не желаю видѣть и Гемпстеда. Они составляютъ противъ меня заговоръ, и я ненавижу это.

·XI.—Лэди Персифлажъ.

Гемпстедъ устремился въ Гендонъ почти не выдавшись съ мачихой, поглощенный приготовленіями въ пріѣзду сестры, а затѣмъ, до истеченія октября мѣсяца, устремился назадъ, за нею. Онъ всегда «устремлялся», никогда не отказываясь отъ личныхъ хлопотъ, разъ за что-нибудь брался. Увѣжая, онъ едва обмѣнялся съ милоди нѣсколькими словами. Увозя лэди Франсесъ, онъ конечно былъ обязанъ проститься съ нею.

— Мнѣ кажется, — сказалъ онъ, — что Франсесъ будетъ легко житься со мною въ Гендонѣ.

— Мнѣ до этого нѣтъ никакого дѣла, буквально никакого, — сказала маркиза, сурово нахмурившись. — Я умываю руки относительно всей этой исторіи.

— Я увѣренъ, что вы бы порадовались ея счастью.

— Невозможно, чтобъ дѣвушка, которая ведетъ себя не такъ какъ слѣдуетъ, была счастлива.

— Это, мнѣ кажется, справедливо.

— Оно несомнѣнно справедливо въ данномъ случаѣ.

— Совершенно согласенъ съ вашимъ первымъ положеніемъ. Но остается вопросъ: что значить вести себя не такъ, какъ слѣдуетъ? Положимъ...

— Ни слова, Гѣмпстедъ, я не хочу васъ слушать. Вамъ, вѣроятно, легко убѣждать отца, но меня вамъ не убѣдить. Фанни на вѣки оторвалась отъ моего сердца.

— Мнѣ это очень прискорбно.

— Долгъ велить мнѣ сказать, что вы слѣдуете ей примѣру. Въ иныхъ случаяхъ лучше быть откровенной.

— Конечно, но и благоразумной.

— Я вовсе не неблагоразумна, а съ вашей стороны крайне неприлично говорить со мной въ этомъ тонѣ.

— Ну, прощайте. Увѣренъ, что вскорѣ все обойдется, — сказать Гѣмпстедъ и увезъ сестру въ Гендонъ.

Передъ этимъ въ домѣ происходило очень много непріятнаго. Съ минуты, когда леди Кинсбѣри узнала, что ея падчерица переѣзжаетъ къ брату, она перестала даже говорить съ несчастной дѣвушкой. Насколько это было возможно, она и мужа отдала отъ себя. У нея бывали ежедневныя совѣщанія съ мистеромъ Гринвудомъ; большую часть своего времени она проводила, лаская, вѣсивъ и балуя трехъ злополучныхъ юныхъ аристократовъ, которымъ братъ и сестра такъ жестоко вредили. Однимъ изъ величайшихъ ея мученій было видѣть, какъ всѣ три мальчика шумно рѣзались съ «Джэкомъ» даже тогда, когда она лишила его собственнаго расположенія, какъ человѣка, совершенно недостойнаго ея благоволенія. Въ этотъ самый день онъ привезъ лорда Грегори въ гостиную въ одной ночной рубашонкѣ, вытащивъ мальчугана изъ его кровати, — какъ могъ бы сдѣлать человѣкъ, находящійся въ особенно дружественныхъ отношеніяхъ съ матерью.

Лордъ Грегори былъ въ раю, но мать выхватила ребенка изъ объятій грѣшника и въ гнѣвѣ унесла его обратно въ дѣтскую.

— Ничто такъ не полезно дѣтямъ, какъ когда ихъ сонъ потревожатъ, — сказалъ лордъ Гѣмпстедъ, обращаясь къ отцу; но гнѣвъ маркизы былъ дѣломъ слишкомъ серьезнымъ, чтобъ къ нему можно было относиться шутя.

— Отнынѣ и во вѣки она мнѣ болѣе не дочь, — сказала леди Кинсбѣри мужу на слѣдующее утро, какъ только экипажъ съ двумя грѣшниками отъѣхалъ отъ дверей.

— Съ твоей стороны очень не хорошо говорить это. Она твоя дочь и должна быть твоей дочерью.

— Я оторвала ее отъ своего сердца, такъ же какъ и лорда Гѣмпстеда. Какъ могло быть иначе, если они оба возмущались противъ меня? А теперь еще предстоитъ этотъ позорный бракъ.

Не хотѣлъ-ли бы ты, чтобъ я принимала здѣсь почтамтскаго клерка, какъ моего зятя?

— Никакого поворнаго брака не будетъ,—сказала маркиза.
— По крайней мѣрѣ я хочу сказать, что онъ гораздо менѣе возможенъ въ Гендонѣ, чѣмъ здѣсь.

— Менѣе возможенъ чѣмъ здѣсь! Здѣсь онъ былъ бы немислимъ. Тамъ они всѣ будутъ вмѣстѣ.

— Нисколько,—сказала маркиза. — Гемпстедъ объ этомъ позаботится. Она также дала мнѣ слово.

— Пфф...—воскликнула маркиза.

— Я не позволю тебѣ издавать такихъ восклицаній, когда я что-нибудь говорю тебѣ. Фанни всегда держала данное мнѣ слово, я довѣряю ей исполнѣ. Еслибъ она осталась здѣсь, твое обращеніе заставило бы ее бѣжать съ нимъ.

— Лордъ Книсбери,—сказала оскорбленная леди,—я всегда исполняла свой материнскій долгъ по отношенію къ дѣтямъ вашимъ отъ перваго брака. Они оказались необузданными и вообще не понимающими обязанностей, которыя должно было бы имъ предписывать занимаемое ими положеніе. Не дальше какъ вчера лордъ Гемпстедъ осмѣлился назвать меня неблагоразумной. Я очень много отъ нихъ вынесла и большаго выносить не могу. Жалѣю, что вы не нашли женщины, болѣе способной повліять на ихъ поведеніе. — Съ этимъ она величавой поступью вышла изъ комнаты. Повятно, что при такихъ обстоятельствахъ, домъ этотъ не былъ пріятенъ ни для кого изъ живущихъ въ немъ.

Едва миледи вошла въ свою комнату послѣ этого крупнаго разговора, какъ присѣла къ письменному столу и принялась за письмо къ сестрѣ своей, леди Персифлажъ, въ которомъ подробно описывала всѣ свои заботы и страданія. Леди Персифлажъ, годомъ или двумя моложе сестры, занимала въ обществѣ болѣе высокое положеніе, чѣмъ сама маркиза. Она была не болѣе какъ женою графа, но графъ этотъ былъ кавалеромъ ордена подвижки, губернаторомъ своего графства и, въ настоящую минуту, министромъ иностранныхъ дѣлъ. Маркиза не достигъ такихъ почестей. Лордъ Персифлажъ былъ странный человѣкъ. Никто хорошенько не зналъ, въ чемъ состояли его великія дарованія. Считалось дѣломъ признаннымъ, что онъ искусный дипломатъ, что честь Англіи безопасна въ его рукахъ, что никогда болѣе безукоризненный придворный не давалъ совѣтовъ всемогущественной монархинѣ. Онъ былъ красивъ, съ своими мягкими, сѣдыми волосами, блестящими глазами, правильными чертами лица. Онъ былъ порядочный дэнди, и хотя всѣмъ было извѣстно, что ему

ближе къ семидесяти, чѣмъ къ шестидесяти годамъ, онъ, на видъ, казался почти молодымъ. Онъ не былъ ни дѣлатель, ни ученъ, ни краснорѣчивъ. Но онъ умѣлъ отстаивать свое мнѣніе и отстаивалъ его въ теченіе многихъ лѣтъ. На женѣ своей онъ женился, когда она была очень молода; она сдѣлалась сначала замѣчательною красавицей, а затѣмъ законодательницею моды. Сестрѣ ея, нашей маркизѣ, было за тридцать, когда она вышла замужъ и она никогда, въ глазахъ свѣта не имѣла того значенія, какъ сестра ея, леди Персифлажъ. Къ тому же леди Персифлажъ была матерью наслѣдника своего мужа. Молодой лордъ Готбой, ея старшій сынъ, едва достигъ своего совершеннолѣтія. Леди Кинсбери смотрѣла на него, какъ на идеалъ наслѣдника графскаго титула. Мать его также имъ гордилась, такъ какъ онъ былъ красивъ какъ молодой Фебъ. Графъ, отецъ его, не всегда былъ отъ него въ восторгѣ, такъ какъ сынъ его уже приобрѣлъ привычку мотать деньги. Помѣстья Персифлажей были заложены, и казалось вѣроятнымъ, что лордъ Готбой пожалуй вызоветъ новыя затрудненія. Таково было семейство, отъ котораго маркиза ожидала поддержки въ своемъ горѣ. Письмо, которое она написала сестрѣ, по этому случаю, было слѣдующее:

«Траффордъ-Паркъ, суббота, 25 октября.

«Дорогая Джеральдина, — съ сердцемъ, удрученнымъ скорбью, берусь за перо, чтобъ писать тебѣ. Мнѣ приходится такъ тяжело, что я не знаю куда обратиться, если и ты меня не утѣшишь. Я начинаю сознавать, какъ ужасно замѣнять мать чужимъ дѣтямъ. Богъ видитъ, что я старалась исполнить свой долгъ. Но все было тщетно. Теперь все кончено. Я наизъи оторвалась сердцемъ отъ Гемпстеда и Фанни. Я была вынуждена сказать имъ отцу, что отлучила ихъ отъ своего сердца; тоже сказала я и лорду Гемпстеду. Ты поймешь, какъ ужасенъ долженъ былъ быть поводъ, если я была вынуждена сдѣлать такой шагъ.

«Ты знаешь, какъ страшно я была поражена, когда она впервые объявила мнѣ, что дала слово этому почтамтскому клерку. Молодой человѣкъ этотъ имѣлъ несказанную дерзость явиться къ лорду Кинсбери, въ Лондонѣ, съ цѣлью предложить ему себя въ зятя. Кинсбери, какъ и слѣдовало, не пожелалъ его видѣть, но поручилъ это мистеру Гринвуду. Мистеръ Гринвудъ прекрасно держалъ себя въ этомъ дѣлѣ и служилъ мнѣ большимъ утѣшеніемъ. Надѣюсь, что мы будемъ имѣть возможность когда-нибудь что-нибудь для него сдѣлать. Онъ говоритъ, что никогда не видалъ молодого человѣка хуже этого; — къ тому же

онъ дерзокъ и говорить такъ, точно имѣеть такое же право просить руки Фанни, какъ еслибы онъ былъ ей равный. Что до меня касается, она бы ничего такъ не заслуживала, какъ стать женой такого человѣка, еслибы только цѣлый свѣтъ не зналъ, въ какомъ близкомъ родствѣ она состоитъ съ моими дорогими мальчиками!

«Потомъ мы увезли ее въ Кенатсграфъ; я тамъ помучилась съ нею! Она упорно писала этому негодяю, и ухитрилась получить отъ него одно письмо. Я положила этому конецъ, но ты не можешь себя представить, какъ она меня терзала. Конечно, я съ самаго начала почувствовала, что ее слѣдуетъ разлучить съ братьями, потому что никогда не знаешь, какъ рано можетъ привиться дурная нравственность! Затѣмъ пріѣхалъ отецъ ея и Гемпстедъ, который все время поощрялъ сестру. Этотъ молодой человѣкъ—его другъ. Затѣмъ мы вернулись домой; и, какъ ты думаешь, что случилось? Гемпстедъ увезъ сестру къ себѣ въ Гендонъ, боюсь-о-боюсь, такъ сказать, съ почтамтскимъ клеркомъ, который у него въ домѣ свой человѣкъ; и Кинсбѣри это допустилъ! О, Джеральдина, это хуже всего остального! Неужели я не въ правѣ объявить, что отлучила ихъ отъ своего сердца?

«Едва ли ты можешь понять мои чувства, ты, сынъ которой такъ соотвѣствуетъ положенію, которое долженъ занимать старшій сынъ! А я-то съ моими голубками не только въ тѣни, но знаю, что имъ предстоить позоръ, отъ котораго имъ никогда не удастся окончательно освободиться. Я въ правѣ оторвать Гемпстеда и сестру его отъ моего сердца; но все же они останутся, до нѣкоторой степени, братомъ и сестрой моихъ бѣдныхъ мальчиковъ. Какъ мнѣ учить ихъ уважать старшаго брата, который, вѣроятно, съ теченіемъ времени станетъ главой дома, когда онъ близокъ съ такимъ ужаснымъ молодымъ человѣкомъ! Не въ правѣ ли я, послѣ этого, объявить, что никакихъ сношеній не должно быть между двумя семействами? Если она выйдетъ за него, она, конечно, перемѣнитъ имя; тѣмъ не менѣе, благодаря титулу, весь свѣтъ будетъ знать, кто она. Что касается до Гемпстеда, боюсь, что нѣтъ никакой надежды,—хотя странно, что второй сынъ такъ часто наследуетъ титулъ. Присмотришься и ты убѣдишься, что у второго брата чуть ли не больше шансовъ, чѣмъ у старшаго,—хотя я увѣрена, что ничего подобнаго никогда не случится съ дорогимъ лордомъ Готбой. Но онъ знаетъ, какъ держать себя въ томъ общественномъ положеніи, въ которое Господу угодно было поставить его. Отвѣчай мнѣ немедленно, пожалуйста, укажи, какъ

должна я поступать въ виду положенія, которое я призвана была занять въ свѣтѣ.

«Твоя горячо любящая сестра Клара Кинсбери.

«Р. С. Вспомни бѣднаго мистера Гринвуда, еслибъ лордъ Персифлажъ могъ быть чѣмъ-нибудь полезенъ священнику. Онъ становится старъ, а Кинсбери нивогда не имѣлъ возможности что-нибудь для него сдѣлать. Надѣюсь, что либералы нивогда не будутъ имѣть возможности что-нибудь для него-нибудь сдѣлать. Не думаю, чтобъ мистеръ Гринвудъ годился для какой-нибудь должности, такъ какъ онъ всю жизнь провелъ въ праздности, а теперь пристрастился къ лаковому кусочку; но назначеніе деканомъ было бы какъ разъ по нему».

Недѣлю черезъ двѣ леди Кинсбюри получила отъ сестры отвѣтъ съ которымъ читатель можетъ теперь же познакомиться.

«Замокъ Готбой, 9 ноября.

«Дорогая Клара, — не думаю, чтобъ можно было что-нибудь еще предпринять насчетъ Фанни. Что касается того, что ты отлучила ее отъ своего сердца, это, мнѣ кажется, не имѣетъ особаго значенія. Совѣтую тебѣ оставаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ Гэмпстедомъ, такъ какъ, въ случаѣ чего, вдовѣ нивогда не мѣшаетъ быть въ дружбѣ съ наслѣдникомъ. Если ужъ Фанни хочетъ выйти за этого господина, она за него выйдетъ. Леди Діана Пикокъ вышла за мистера Биллибоя, который былъ клеркомъ въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ. Его сдѣлали помощникомъ секретаря, они теперь живутъ въ Португаль-стритъ и прекрасно устроились. Леди Діану я встрѣчаю рѣшительно вездѣ. Мистеръ Биллибой не можетъ держать для нея экипажа, но это, конечно, касается только ее.

«Что же касается того, что ты говоришь о наслѣдованіи вторыхъ сыновей, старайся объ этомъ не думать. Это внушило бы тебѣ нехорошія мысли и заставило бы тебя возненавидѣть того именно человѣка, въ зависимость отъ котораго будетъ, вѣроятно, поставлена значительная часть твоего благосостоянія.

«Мнѣ кажется, тебѣ слѣдовало бы относиться ко всему легче, а, главное, не раздражать мужа. Я увѣрена, что онъ могъ бы причинить тебѣ очень много непріятностей, если его довести до крайности. Персифлажъ не имѣетъ рѣшительно никакого вліянія среди духовенства и ни за что въ мірѣ не согласился бы вмѣшиваться въ назначенія декановъ или епископовъ. Полагаю, что онъ могъ бы предоставить мѣсто капеллана при посольствѣ,

но твой священникъ для этого, кажется, слишкомъ старъ и слишкомъ глѣбнѣе.

«Твоя любящая сестра Джеральдина Персифлажъ».

Письмо это принесло очень мало утѣшенія разогорченной маркизѣ. Въ немъ сказывалась такая холодность, что оно глубоко ее оскорбило и въ первую минуту чуть не побудило отлучить отъ своего сердца и лэди Персифлажъ. Лэди Персифлажъ какъ будто думала, что Фанни слѣдуетъ положительно поощрять въ браку съ почтамтскимъ клеркомъ, изъ-за того, что когда-то, какая-то лэди Діана, которой теперь было подъ пятьдесятъ, тоже вышла за клерка. Лэди Діана могла убѣжать и съ грумомъ, но было ли бы это основаніемъ повторять такое чудовищное преступленіе? Кромѣ того, въ этомъ письмѣ было такое полное отсутствіе всякой ласки къ дѣтямъ. Сама она говорила съ большимъ чувствомъ о лордѣ Готбой; но вѣдь лордъ Готбой—признанный наслѣдникъ, тогда какъ ея родныя дѣтки—ничто. Въ этомъ и заключалось жало. Далѣе, милэди сознавала, что ей сдѣлали замѣчаніе за намекъ на возможность переселенія лорда Гемпстеда въ лучший міръ,—но лордъ Гемпстедъ смертенъ, такъ же какъ и другіе. Письмо сестры ни въ чемъ ее не убѣдило. Она не удостоитъ принять въ соображеніе никакія будущія выгоды, какія могла бы ей доставить дружба съ насныномъ. Ея вдовья часть была уже опредѣлена, съ полнымъ соблюденіемъ всѣхъ юридическихъ формальностей. Долгъ связывалъ ее съ родными дѣтьми, а затѣмъ уже съ мужемъ. Еслибъ ей удалось восстановить его противъ этихъ двухъ недостойныхъ старшихъ дѣтей, тогда она не упустила бы ничего, что могло бы сдѣлать его жизнь пріятной. Таковы были рѣшенія, къ которымъ она пришла по полученіи письма сестры. Около этого времени лордъ Кинсбери нашелъ нужнымъ сдѣлать внушеніе мистеру Гринвуду. За послѣднее время маркизъ относился къ священнику безъ особой нѣжности. Со времени ихъ возвращенія изъ Германіи милордъ бывалъ всегда или молчаливъ, или сердитъ. Мистеръ Гринвудъ крѣпко принималъ это къ сердцу. Хотя онъ жаждалъ обезпечить за собой дружбу маркизы, онъ вовсе не желалъ оставлять маркиза безъ вниманія. Въ сущности, во всемъ, что онъ имѣлъ, онъ зависѣлъ отъ маркиза. Маркизъ могъ завтра выгнать его изъ дома, а затворись передъ нимъ двери этого дома, никакой домъ, насколько ему казалось, не будетъ ему открытымъ, кромѣ дома призрѣнія нищихъ. Онъ всю жизнь провелъ среди комфорта и роскоши; но прожилъ безцѣльно въ смыслѣ сбереженія для

будущихъ потребностей. Тѣ мелкія назначенія, какія попадались на пути его, онъ отвергалъ какъ соединенныя съ излишнимъ трудомъ и недостаточнымъ вознагражденіемъ.

Онъ продолжалъ надѣяться, что такой великій человѣкъ, какъ маркизъ, найдетъ возможнымъ что-нибудь для него сдѣлать; онъ думалъ, что ему во всякомъ случаѣ удастся привязать къ себѣ своего патрона узами дружбы. Такъ было до появленія настоящей маркизы. Сначала она не создала для него особыхъ затрудненій. Она не сразу попыталась ниспровергнуть установившіяся въ семействѣ политическія воззрѣнія и мистеру Гринвуду позволяли быть кратко-либеральнымъ. Но въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, потребовалась большая осторожность. Постепенно онъ считалъ необходимымъ присоединиться въ консервативнымъ взглядамъ миссиди, — которые просто выражались мыслью, что сливки этого міра должны оставаться сливками. Трудно придерживаться двухъ политическихъ ученій въ одномъ и томъ же домѣ, такъ какъ приверженцы каждаго требуютъ поддержки въ генеральныхъ сраженіяхъ. Маркиза постепенно сдѣлалась требовательной, а маркизъ начиналъ сознавать, что ему измѣняютъ. Въ душѣ его поднималось чувство гнѣва, въ которомъ онъ самъ себѣ не отдавалъ отчета. Когда онъ узналъ, что священникъ позволилъ себѣ читать наставленія лэди Франсесъ, онъ два талъ гнѣвъ въ душѣ, пока наконецъ не нашелъ случая объясниться съ виновнымъ.

— Лэди Франсесъ очень хорошо тамъ, гдѣ она находится, — сказалъ маркизъ въ отвѣтъ на какое-то желаніе всего лучшаго его дочери.

— О, безъ сомнѣнія!

— Не думаю, чтобъ я особенно любилъ излишнее вмѣшательство въ такія дѣла.

— Развѣ я вмѣшивался, милордъ?

— Я не намѣренъ, въ данномъ случаѣ, обвинять васъ въ чемъ-либо особенномъ.

— Надѣюсь, что нѣтъ, милордъ.

— Но вы говорили съ лэди Франсесъ, когда, мнѣ кажется, было бы лучше попридержать языкъ.

— Мнѣ было поручено принять этого молодого человѣка въ Лондонѣ.

— Совершенно вѣрно; но не было поручено говорить что-нибудь лэди Франсесъ.

— Я столько лѣтъ зналъ молодую лэди!

— Не заставляйте меня сказать, что вы знали ее слишкомъ долго.

Мистеръ Гринвудъ очень этимъ огорчился, — такъ какъ то, что онъ сказалъ леди Франсесъ, онъ дѣйствительно сказалъ повинувшись инструкціямъ. Въ послѣднихъ словахъ маркиза какъ бы заключалась страшная угроза. А потому онъ былъ вынужденъ упомянуть о своихъ инструкціяхъ.

— Миледи кажется, думала, что можетъ быть слово, сказанное во время...

Маркизъ увидѣлъ въ этомъ трусость и готовъ былъ сильнѣе сердиться на своего стараго друга, чѣмъ еслибъ онъ держался перваго оправданія — старой дружбы. — «Я не потерплю выѣнательства въ дѣла этого дома, и все тутъ. Если я пожелаю, чтобъ вы что-нибудь для меня сдѣлали, я вамъ скажу. Вотъ и все. Пожалуйста, чтобъ объ этомъ болѣе не было рѣчи. Разговоръ этотъ мнѣ непріятенъ.

— Говорилъ маркизъ что-нибудь о леди Франсесъ со времени ея отъѣзда? — спросила маркиза у священника на слѣдующее утро. Какъ ему удержатъ равновѣсіе между ними, если объ стороны будутъ такъ осаждать его вопросами? — Онъ, вѣроятно, упоминать о ней?

— Вскользь, какъ-то.

— Ну?

— Мнѣ кажется, онъ не желаетъ, чтобъ его разспрашивали о леди Франсесъ.

— Еще бы. Желаетъ онъ ея возвращенія?

— Этого я сказать не могу, леди Кинсбери. Полагаю, что да.

— Конечно, я желала бы узнать истину. Онъ былъ такъ неблагоприятенъ, что я почти не знаю, какъ и заговорить съ нимъ. Вамъ онъ вѣрно говорить?

— А мнѣ кажется, что, напротивъ, милордъ въ настоящее время уклонится отъ разговора о леди Франсесъ.

— Но, мнѣ необходимо это знать. Теперь, когда ей угодно было уѣхать, я не пожелаю снова жить подъ одной крышей съ нею. Если лордъ Кинсбери заговорить съ вами объ этомъ, вамъ бы слѣдовало дать ему это понять. — Бѣдный мистеръ Гринвудъ сознавалъ, что ему предстоятъ тернистыя дорожки, на которыхъ, можетъ быть, очень трудно будетъ уберечь ноги отъ колючекъ. Затѣмъ ему предстояло рѣшить: если домъ распадется на два лагеря, сильно враждебные другъ другу, къ которому

изъ двухъ ему выгоднѣе будетъ применить? Дома маркиза, со всѣми ихъ удобствами, были для него открыты; но съ другой стороны, вліяніе лорда Персифлажъ было огромно, тогда какъ маркизъ не имѣлъ почти никакого.

ХН.—Замокъ Готбой.

— Хорошо бы ты сдѣлала, пригласивъ сюда стариковъ Траффордъ на нѣсколько недѣль. Гемпстедъ не захочетъ охотиться съ ружьемъ, но можетъ охотиться съ гончими.

Таковъ былъ отвѣтъ лорда Персифлажъ женѣ, когда она ему сообщила о разрывѣ, который произошелъ въ Траффордъ-Паркѣ и объ отъѣздѣ леди Франсесъ въ Гендонъ. «Старики Траффорды» были Гемпстедъ и леди Франсесъ. Лордъ Персифлажъ также былъ консерваторъ, но его политическія убѣжденія были совершенно иного сорта, чѣмъ убѣжденія его свояченицы. Онъ, прежде всего, былъ свѣтскій человѣкъ. Онъ былъ когда-то англійскимъ посланникомъ въ Петербургъ, а теперь былъ членомъ кабинета. Онъ не прочь былъ отъ служебныхъ благъ, но ему и въ голову не приходило ссориться съ радикаломъ изъ-за того, что онъ радикалъ. Онъ очень мало заботился объ образѣ мыслей своихъ гостей, если они умѣли быть пріятными или полезными. Свояченицу свою онъ считалъ старой душой, и не думалъ изъ-за нея ссориться съ Гемпстедомъ. Если дѣвушка упорствуетъ въ желаніи сдѣлать дурную партію, послѣдствія—ея дѣло. Отъ этого не будетъ особеннаго вреда никому, кромѣ ея. Что же до ущерба, причиняемаго его «сословію», до него лорду Персифлажъ не было никакого дѣла. Онъ не надѣялся на вѣчное существованіе своего сословія. Всѣ сословія, съ теченіемъ времени, отживаютъ. Онъ никого не ненавидѣлъ; но онъ любилъ пріятныхъ людей, любилъ все обращать въ шутку; любилъ доводить труды своей не бездѣльной жизни до минимума.

Одѣлавъ распоряженіе насчетъ стариковъ Траффордъ, какъ онъ называлъ ихъ по отношенію къ «голубкамъ», онъ болѣе не касался этого вопроса. Леди Персифлажъ написала записку «дорогой Фанни», выражая приглашеніе въ трехъ словахъ, и получила отвѣтъ, гласившій, что она и ея братъ будутъ въ замкѣ Готбой въ концѣ ноября.

— Какъ поживаете, Гемпстедъ?—сказалъ Персифлажъ при первой встрѣчѣ съ гостемъ, передъ обѣдомъ, въ день его пріѣзда. —Еще не со всѣмъ на свѣтѣ покончили?

Вопросъ этотъ будто бы имѣлъ въ виду революціонныя стремленія лорда Гемпстеда.

— Не такъ радикально, какъ надѣемся скоро это сдѣлать.

— Я всегда нахожу большое утѣшеніе въ томъ обстоятельстве, что наши негодяи такъ снисходительны. Должно признаться, что мы очень мало для нихъ дѣлаемъ, а между тѣмъ, они никогда не хватятъ насъ кистенемъ по голувъ, не стрѣляютъ въ насъ, какъ дѣлаютъ это вездѣ на континентѣ. — Съ этимъ онъ прошелъ далѣе, найдя, что сказаннаго совершенно достаточно для одного разговора.

— Итакъ, ты переселилась въ Гендонъ, къ брату? — сказала лэди Персифлажъ племянницѣ.

— Да, — сказала лэди Франсесъ, краснѣя при скрытомъ намекѣ на ея не-аристократическаго обожателя, заключавшемся въ этомъ вопросѣ.

Но лэди Персифлажъ и не думала разговаривать объ обожателѣ или, вообще, говорить что-нибудь непріятное.

— Мнѣ кажется, такъ будетъ очень удобно для васъ обоихъ, — сказала она: — но мы подумали, что ты, можетъ быть, поскучаешь немного съ непривычки, а потому пригласили васъ сюда недѣльки на двѣ. Домъ полонъ народу, и ты навѣрное встрѣишь знакомыхъ. — Въ замкѣ Готбой не было сказано ни слова объ ужасахъ, происшедшихъ въ семействѣ Траффордъ. Въ числѣ гостей былъ молодой Вивіанъ, отчасти, какъ онъ выражался, для декораций, отчасти для удовольствія, отчасти по службѣ. «Онъ любитъ имѣть подъ рукой секретаря, — говорилъ онъ Гемпстеду, — чтобы люди думали, что есть какое-нибудь дѣло. Вообще изъ министерства иностранныхъ дѣлъ никогда ничего не присылаютъ въ это время года. У него всегда гостятъ штуки двѣ иностранныхъ посланниковъ, или нѣсколько секретарей миссій, это придаетъ дѣловой видъ. Ничто не могло бы такъ оскорбить или удивить его, какъ еслибъ кто-нибудь изъ нихъ заинулся о дѣлахъ. Никто никогда не занимается, а потому онъ считается самымъ надежнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, какого мы имѣли со временъ старика.

— Ну, Готбой. — Ну, Гемпстедъ. — Такъ привѣтствовали другъ друга наследники.

— Пострѣляемъ завтра? — спросилъ молодой хозяинъ.

— Я никогда не стрѣляю. Я думаю, что весь свѣтъ это знаетъ.

— У насъ лучшая охота на тетеревовъ въ цѣлой Англіи, — сказалъ Готбой.

— Не до этого еще съ мѣсяцъ дѣло не дойдетъ.

— Тетерева или куры, фазаны, глухари или куропатки, кролики или зайцы, для меня все равно. Я не могъ бы попасть въ нихъ, еслибъ захотѣлъ, и не захотѣлъ бы, еслибъ могъ.

— Невозможность тутъ играетъ большую роль, — сказала Готбой. — Что касается до охоты съ гончими, здѣсь у насъ есть общество, которое охотится этимъ способомъ раза два, три въ недѣлю. Но это прежалкая забава. Они охотится за зайцами, за лисицами, какъ случится, и вѣчно карабкаются изъ оврага или скатываются въ пропасть.

— Я не хуже другого вскарабкаюсь и скачусь, — сказалъ Гэмпстедъ. Такъ былъ разрѣшенъ вопросъ относительно дальнѣйшихъ развлеченій гостя.

Но слава дома Готвилъ — это была фамилія графа — въ настоящую минуту славилась всего ярче въ лицѣ старшей дочери, лэди Амальдины. Лэди Амальдина, которая по цвѣту лица, по фигурѣ, по размѣрамъ, походила на Венеру, вытѣпленную изъ воска, была невѣстой старшаго сына герцога Меріонета. Маркизъ «Люддьютъль» былъ многообщающій молодой человѣкъ лѣтъ сорока, который въ теченіе всей жизни не сдѣлалъ ни одной глупости, а отецъ его былъ изъ той полт-дюжины счастливыхъ аристократовъ, изъ которыхъ каждый по очереди считается самымъ богатымъ человѣкомъ въ цѣлой Англіи. Лэди Амальдина, весьма естественно, гордилась своимъ высокимъ жребіемъ, а такъ какъ бракъ былъ уже возвѣщенъ во всѣхъ газетахъ, охотно говорила о немъ. Лэди Франсесъ, собственно, не была кузиной, но замѣняла ее, а потому считалась хорошей слушательницей для всѣхъ подробностей, какия предстояло сообщить. Можетъ быть, лэди Амальдина находила особенное удовольствіе въ присутствіи такой слушательницы, благодаря тому, что надежды самой лэди Франсесъ парили такъ невысоко. Исторія почтамтскаго клерка была извѣстна всѣмъ въ замкѣ. Лэди Персифлажъ смѣялась надъ мыслью держать такія вещи въ тайнѣ. Имѣя столько поводовъ гордиться собственными дѣтьми, она думала, что такихъ тайнъ существовать не должно. Если Фанни Траффордъ намѣрена выйти за почтамтскаго клерка, лучше, чтобъ свѣтъ узналъ объ этомъ заранее. Лэди Амальдина это знала и была въ восторгѣ имѣть повѣренную, взгляды и надежды которой такъ существенно отличались отъ ея собственныхъ. — Конечно, дорогая, ты слышала, что со мной скоро случится, — сказала она, улыбаясь.

— Я слышала о твоей помолвкѣ съ сыномъ герцога Ме-

рionета. этимъ маркизомъ съ ужаснымъ валлійскимъ именемъ — Llwddythlw.

— Когда ты разъ научишься его выговаривать, оно самое звучное словечко, звучнѣе всѣхъ, какія попадаютъ въ стихотворенiяхъ,— съ этимъ лэди Амальдина выговорила свое будущее имя; но читателю ни къ чему бы не послужило, еслибъ мы попытались изобразить здѣсь звукъ, каковой она произнесла. — Не поручусь, чтобъ не имя завоевало прежде всего мое сердце. Я теперь научилась подписывать его совершенно свободно, безъ одной ошибки.

— Вѣроятно немного пройдетъ времени до того, какъ тебѣ всегда придется его подписывать?

— Цѣлый вѣкъ, милая. Дѣла герцога такого рода, женихъ мой такъ постоянно занятъ, что и не думаю, чтобъ это могло совершиться ранѣе десяти лѣтъ. Благодаря дарственнымъ записямъ, парламенту, всякой всащинѣ, я буду старуха прежде чѣмъ меня поведутъ къ алтарю.

— Десять лѣтъ! — сказала лэди Фанни.

— Ну, положимъ десять мѣсяцевъ, что немногимъ меньше.

— Развѣ онъ не торопится?

— Страшно, но что можетъ онъ сдѣлать, бѣдняга? Онъ такъ поставленъ, что не можетъ устроить своихъ дѣлъ въ полчаса, какъ другiе. Большая обуза — имѣть такія обширныя помѣстья, такіе сложные интересы! А теперь у меня къ тебѣ есть большая просьба.

— Что такое?

— Быть въ числѣ моихъ друзей.

— Трудно поручиться за десять лѣтъ впередъ.

— Разумѣется, это вздоръ. Я твердо рѣшилась не имѣть въ числѣ своихъ друзей ни одной не титулованной. Не то, чтобъ я придавала хотя какое-нибудь значеніе такому рода вещамъ, но герцогъ придаетъ. Кромѣ того, мнѣ кажется, что списокъ въ газетахъ будетъ звучать торжественнѣе, если передъ каждымъ именемъ будетъ стоять слово: «лэди». Будутъ его три сестры, лэди Анна, лэди Антуанета и лэди Анатолія; затѣмъ мои двѣ сестры, лэди Альфонса и лэди Амелія. Правда, онѣ очень молоды.

— Успѣютъ состарѣться, судя по твоимъ словамъ.

— Правда. Кромѣ того, будетъ лэди Арабелла Портрояль и лэди Огуста Гелашайрсъ. У меня гдѣ-то есть списокъ, въхъ будетъ ровно двадцать человекъ.

— Если списокъ полный, едва ли найдется для меня мѣсто.

— Дочь графа Нокнавопуль дала мнѣ знать, что ей приходится отказаться, такъ какъ ея собственная свадьба будетъ раньше. Она бы отложила ее, такъ какъ выходитъ только за ирландскаго баронета и умираетъ отъ желанія видѣть свое имя въ числѣ избранныхъ, но онъ объявилъ, что если она еще будетъ откладывать, онъ отправится охотиться въ Скалистыя горы и, чего добраго, пожалуй, никогда не вернется. А потому очисти́лась вакансія.

— Не хотѣлось бы мнѣ такъ долго давать слово. Можетъ быть, и у меня найдется претендентъ и онъ ускачетъ въ Скалистыя горы.

— Это-то и помѣшало мнѣ внести твое имя въ списокъ, съ самаго начала. Ты, конечно, знаешь, что мы слышали о мистерѣ Роденѣ?

— Я не знала, — сказала лэди Франсесъ, краснѣя.

— Какъ же. Всѣ это знаютъ. По моему, ты молодецъ, если ты дѣйствительно къ нему привязана!

— Я никогда бы не вышла за человѣка, не будучи къ нему привязанной, — сказала лэди Франсесъ.

— Это само собой разумѣется. Но я говорю о романтической привязанности. Я на это не претендую съ своимъ маркизомъ. Я не нахожу этого нужнымъ въ бракахъ такого рода. Онъ гораздо старше меня и лысый. Вѣроятно, мистеръ Роденъ очень, очень красивъ?

— Я объ этомъ мало думала.

— Мнѣ оно казалось бы необходимымъ для такого рода брака. Не знаю, въ сущности, не лучше ли онъ всякаго другого. Романы — такая прелесть!

— Но прелестно также быть герцогиней, — сказала лэди Франсесъ, съ легчайшимъ отгѣнкомъ ироніи.

— Безъ сомнѣнія! Приходится обсудить вопросъ со всѣхъ сторонъ и тогда уже произнести сужденія. Знаю, что въ глазахъ папа имѣло большое значеніе то обстоятельство, что мой женихъ такой дѣловой человѣкъ. Онъ служилъ при дворѣ, королева непременно пришлетъ богатый подарокъ. Думаю, что у меня будетъ самая великолѣпная выставка свадебныхъ подарковъ, какую дѣвушка когда-либо устраивала въ Англіи. Многое множество лицъ уже спрашивало у мамы, что мнѣ больше понравится. Мистеръ Макъ-Уалль категорически объявилъ, что не пожалѣетъ полутораста фунтовъ. Онъ — шотландскій фабрикантъ, папа ему покровительствуетъ. Ты, вѣроятно, не намѣрена устраивать чего-нибудь очень внушительнаго по этой части.

— Нѣтъ, такъ какъ въ числѣ моихъ знакомыхъ нѣтъ шотландскихъ фабрикантовъ. Но моя свадьба, если я когда и выйду замужъ, до такой степени отдаленна, что я даже еще не начинала думать о своемъ повседневномъ платьѣ.

— Скажу тебѣ секретъ, — шопотомъ сказала леди Амальдина. — Мое уже готово и я его примѣрjala.

— За десять лѣтъ можешь сильно попомянуть, — сказала леди Франсесъ.

— Ахъ, отстань, это говорилось въ шутку. Но мы думали, что свадьба отпразднуется въ прошломъ юнѣ, а такъ какъ въ апрѣлѣ мы были въ Парижѣ, то и сдѣлали заказъ. Никому не говори объ этомъ.

Затѣмъ было рѣшено, что имя леди Франсесъ будетъ внесено въ списокъ, но внесено условно, какъ это дѣлается въ другихъ очень важныхъ случаяхъ. Черезъ нѣсколько дней по приѣздѣ лорда Гѣмпстеда въ замокъ былъ данъ большой обѣдъ, на который было приглашено чуть не два графства. Замокъ Готбой находится въ графствѣ Уѣстморландъ, на возвышеніи, откуда великолѣпный видъ на Улсуотерь, которое вообще считается однимъ изъ кумберландскихъ озеръ. А потому джентри обѣихъ графствъ были разосланы приглашенія. Владѣнія графа, въ этой мѣстности, были разбросаны по обоимъ графствамъ и находились подъ наблюденіемъ управляющаго, который самъ жилъ въ Пенритѣ и считался вполне подготовленнымъ къ своимъ обязанностямъ. Звали его Крокеръ; не только онъ самъ былъ приглашенъ на обѣдъ, но также и сынъ его, пользовавшійся, въ это самое время, мѣсячнымъ отпускомъ, разрѣшеннымъ ему властями того лондонскаго присутственнаго мѣста, къ которому онъ былъ причисленъ.

Читатель, можетъ быть, не забылъ, что насмѣшливый молодой человѣкъ, того же имени, сидѣлъ за однимъ столомъ съ Джорджемъ Роденомъ, въ почтамтѣ. Молодой Крокеръ былъ въ восхищеніи отъ оказанной ему, въ данномъ случаѣ, чести. Ему не только было извѣстно, что въ замокъ находится другъ его сослуживца, лордъ Гѣмпстедъ, съ сестрой своей леди Франсесъ; онъ такъ же зналъ, что Джорджъ Роденъ — женихъ этой благородной леди. Еслибъ онъ узналъ объ этомъ до своего отъѣзда изъ Лондона, онъ вѣроятно попытался бы сколько-нибудь загладить свое дерзкое обращеніе съ Джорджемъ Роденомъ, такъ какъ душа его дѣйствительно была переполнена сильнымъ восхищеніемъ къ человѣку, которому представлялась надежда на такое благополучіе. Но новость эту онъ узналъ только съ переходомъ на

сѣверъ. Теперь ему казалось, что ему можетъ представиться случай сообщать лорду Гѣмпстеду о своей короткости съ Роденомъ, а, быть можетъ, и закинуть словечко,—такъ, намекнуть только,—на предстоящее событіе.

Много прошло времени прежде, чѣмъ ему удалось настолько приблизиться къ лорду Гѣмпстеду, чтобъ заговорить съ нимъ. Онъ даже отказался возвратиться домой съ отцомъ, которому не хотѣлось, чтобъ поздній вечеръ засталъ его на большой дорогѣ; сынъ сказалъ, что его доведутъ до города знакомые. Онъ предвидѣлъ, что ему придется пройти шесть миль до Пенрита, въ тонкихъ сапогахъ, но сдѣлалъ такъ единственно съ цѣлью обмѣняться нѣсколькими словами съ пріятелемъ Родена. Наконецъ это ему удалось.

— Мы провели, по моему, чрезвычайно-пріятный вечеръ, милордъ.—Съ этого онъ началъ; и Гѣмпстедъ, который имѣлъ привычку быть особенно привѣтливымъ со всякимъ, съ кѣмъ случай сводилъ его, но кого онъ не считалъ джентльменомъ, очень любезно отвѣтилъ, что вечеръ точно былъ пріятный.

— Не скоро его забудешь,—продолжалъ Кроверъ.

— Пожалуй, вещи непріятныя помнишь долѣе пріятныхъ,—сказалъ Гѣмпстедъ, смѣясь.

— О, нѣтъ, милордъ, право нѣтъ. Я всегда забываю все непріятное. Это я и называю философіей.—Затѣмъ онъ коснулся предмета близкаго его сердцу.—Жалѣю, что здѣсь не было нашего друга Родена, милордъ.

— А онъ вашъ другъ?

— О, да, пріятель, самый короткій. Мы сидимъ въ одной комнатѣ въ почтамтѣ, за однимъ столомъ—закадычные друзья. Мы частенько болтаемъ о васъ, милордъ.

— Я глубоко уважаю Джорджа Родена. Мы съ нимъ дѣйствительно друзья. Не знаю никого, кого бы я ставилъ выше его.—Онъ это сказалъ серьезнымъ тономъ, считая себя обязаннымъ заявить о своей дружбѣ, громогласнѣе, чѣмъ сдѣлалъ бы это въ томъ случаѣ, еслибы это былъ другъ, равный ему по общественному положенію.

— Тоже самое чувствую и я. Роденъ, человѣкъ, который пойдетъ въ гору.

— Надѣюсь.

— Онъ навѣрное вскорѣ получить что-нибудь хорошенъкое. Его сдѣлаютъ инспекторомъ, главнымъ клеркомъ, чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Готовъ пари держать, что онъ ранѣе всѣхъ прочихъ служащихъ получить 500 фунтовъ въ годъ. Изъ-за

этого, конечно, произойдетъ шумъ. Шумъ всегда происходитъ, когда человѣка повышаютъ внѣ очереди. Но ему объ этомъ заботиться нечего. Побѣдителей не судятъ. Не такъ ли, милордъ?

— Онь, вѣроятно, менѣе всѣхъ желалъ бы, чтобъ въ его пользу была сдѣлана несправедливость.

— Съ этимъ намъ по неволѣ приходится мириться, милордъ. Не поручусь, чтобъ я не желалъ сразу подняться на высшую ступень, черезъ головы товарищей. Но на это нѣтъ никакой надежды, такъ какъ я независимъ и власти меня недолюбливаютъ. Старикъ Джирингемъ вѣчно напускается на меня именно изъ-за этого. Спросите Родена, онъ подтвердитъ вамъ мои слова, милордъ.— Затѣмъ въ разговорѣ настала минутный перерывъ, и лордъ Гемпстедъ хотѣлъ было имъ воспользоваться, чтобъ улизнуть. Но Крокеръ, который выпилъ достаточно, чтобъ быть смѣлымъ, замѣтилъ попытку и помѣшалъ ей. Онъ желалъ сообщить лорду, все, что зналъ.

— Роденъ счастливый человѣкъ, милордъ,—сказалъ онъ.— Я слышалъ отъ него восторженные отзывы о томъ, что его ожидаетъ.

— Какъ?

— Нѣтъ большаго счастья, какъ счастье супружеское; не такъ ли, милордъ?

— Честное слово, не знаю. Доброй ночи.

— Надѣюсь, что вы, какъ-нибудь на дняхъ, навѣстите насъ съ Роденомъ въ почтамтъ.

— Доброй ночи, доброй ночи!—Съ этимъ Крокеръ убрался. Минуту-другую лордъ Гемпстедъ положительно сердился на своего друга. Неужели Роденъ такъ мало цѣнилъ имя его сестры, что говорилъ о ней почтамтскимъ клеркамъ, такому субъекту, какъ этотъ господинъ! А между тѣмъ, ему положительно навѣстенъ фактъ помолвки. Гемпстедъ считалъ дѣломъ невозможнымъ, чтобъ извѣстie это проникло за предѣлы его родной семьи. Естественно, что Роденъ сказалъ матери; но неестественно—по мнѣнiю Гемпстеда—чтобъ его прiятель сдѣлалъ изъ сестры его предметъ бесѣды съ кѣмъ-либо другимъ. Для него вообще было ужасно, что такая личность говорила съ нимъ о сестрѣ его. Но право невозможно, чтобъ Роденъ совершилъ такой промахъ. Онъ вскорѣ рѣшилъ, что это невозможно. Но какъ жаль, что имя дѣвушки переходитъ изъ устъ въ уста у мужчины!

Послѣ этого онъ прошелъ въ курительную, гдѣ собралась молодежь, гостившая въ домѣ.—Это случается только разъ въ

годъ,—говорилъ Готбой, обращаясь ко всему обществу,—но я, честное слово, не вижу, зачѣмъ вообще этому происходить.

— Твой папенька находитъ, что это хорошо дѣйствуетъ на графство,—сказалъ одинъ.

— Онъ разомъ достигаетъ нѣсколькихъ цѣлей,—сказалъ другой.

— Это сплочиваетъ партію,—сказалъ третій.

— И даетъ множеству людей право говорить, что они обѣдали въ замкѣ Готбой, и при этомъ не лгать,—сказалъ четвертый.

— Но зачѣмъ давать множеству людей возможность говорить, что они здѣсь обѣдали?—спросилъ Готбой.

— Я люблю видѣть у себя за обѣдомъ моихъ друзей. Какъ тебѣ оно показалось, Гемпстедъ?

— Все это совершенно согласно съ теоріями Гемпстеда,—сказалъ одинъ.

— Только онъ пригласилъ бы еще мѣдниковъ и портныхъ,—сказалъ другой.

— И не пригласилъ бы лѣди и джентльменовъ,—замѣтилъ третій.

— Я пригласилъ бы мѣдниковъ и портныхъ,—сказалъ Гемпстедъ,—пригласилъ бы и лѣди, и джентльменовъ, еслибъ мнѣ удалось убѣдить ихъ не глумиться надъ обществомъ мѣдниковъ и портныхъ; но не пригласилъ бы этого молодого человека, который только-что атаковалъ меня.

— Это Крокеръ, почтамтскій клеркъ,—сказалъ Готбой.

— Отчего-бы намъ не пускать къ себѣ почтамтскаго клерка, другіе-же пускаютъ? Тѣмъ не менѣе, Крокеръ—жалкое существо.

Въ это время Крокеръ, въ тонкихъ сапогахъ, пѣшкомъ возвращался въ Певритъ.

ХІІІ.—Мѣстное общество охоты.

Едва-ли можно было назвать мѣстное общество «охоты съ гончими» особенно блестящимъ. Лордъ Готбой былъ правъ, говоря, что члены его постоянно карабкаются изъ овраговъ и охотятся за чѣмъ попало. Тѣмъ не менѣе и охотники и собаки серьезно относились къ своему дѣлу и, при затруднительныхъ условіяхъ, пользовались не малой долей удовольствія. Никакой корреспондентъ съ замысловатымъ псевдонимомъ не посылалъ изъ Кумберленда или Уэстморленда отчетовъ въ газеты, исключительно посвященные «сперту», не исчислялъ джентльменовъ,

приглашавшихъ даннаго корреспондента обѣдать, не описывалъ «блестящаго финала» великолѣпной охоты, гдѣ джентльмены скакали на своихъ знаменитыхъ скакунахъ, «Банкиръ» или «Буффъ», причемъ названныя лошади бывають обыкновенно тѣ, которыхъ джентльмены желали продать. Названія мелкихъ ручейковъ не приобрѣли, въ описываемой мѣстности, исторической извѣстности. Поѣзда не были приспособлены къ требованіямъ того или другаго охотничьяго сборища. Джентльмены не выходили изъ красивыхъ телѣжекъ въ хорошеняки передничкахъ, завязанныхъ вокругъ талии, точно въ такомъ костюмѣ, какъ молоденькія дѣвушки, гостящія въ деревнѣ, появляются въ раннему завтраку. Охотничьи костюмы далеко не были въ полномъ порядкѣ. На одинъ день довольствовались одной лошадыю. Старикъ егеръ, въ поношенномъ красномъ сюртукѣ, да при немъ мальчуганъ, возсѣдавшій на лохматомъ «пони», удовлетворяли требованіямъ одного дома. Несмотря на всѣ эти несовершенства, члены занимающаго насъ «общества охоты съ гончими» бойко скакали и испытывали не мало наслажденій. Въ этой же мѣстности возникла несомнѣнно лучшая охотничья пѣсенка въ цѣлой странѣ.

Какъ бы то ни было, лордъ Гемпстедъ рѣшился попытать счастья съ членами этого общества, и въ одно прекрасное утро отправился въ Кронеллос-Торнъ, одинъ изъ любимыхъ сборныхъ пунктовъ на полъ-пути между Пенритомъ и Кезвикомъ.

По моему, ничто такъ не гровитъ интересамъ охоты въ Великобританіи, какъ характеръ изысканнѣйшаго «фешёна», который все болѣе и болѣе придается этой забавѣ. Она, какъ, увы! и другія забавы, принимаетъ величественные размѣры, которые, по моимъ понятіямъ, губятъ всякое веселье. Люди не хотятъ стрѣлять, если дичь не проносится передъ ними цѣлыми тучами. Они отказываются удить рыбу, если рѣка ею не богата. Грести не стѣбитъ если вамъ не предоставлено прославиться въ качествѣ народнаго героя. Крикетъ требуетъ немалыхъ и дорогихъ приспособленій, которыя поражаютъ умы экономныхъ оловъ. Игра въ волакъ уступила мѣсто «lawn-tennis», потому что эта послѣдняя забава — дорогая. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мода играетъ большую роль, чѣмъ самая игра. Но ни въ чемъ чувство это такъ не преобладаетъ какъ въ вопросѣ объ охотѣ. Для управленія сворой, по современнымъ требованіямъ, охотникъ долженъ самъ быть человѣкомъ не малыхъ способностей, и кромѣ того ему нужны три егеря верхомъ. Охота лишена всякаго значенія, если ей не предаются по крайней мѣрѣ четыре раза въ недѣлю. Погоня за звѣремъ не интересна, если аллюръ не напоминаетъ

скачку съ препятствіями. Вопросъ, имѣется ли или нѣтъ лисица, за которой гонятся собаки, очень маловаженъ въ глазахъ большинства. Смѣлый охотникъ, который умѣетъ пронестись по полямъ отъ одного логовища въ другому, и такъ выдрессировать своихъ собакъ, что онѣ побѣгутъ, точно будто передъ ними несется добыча, считается хоронимъ «спортсменомъ». Если, въ заключеніе, лисица можетъ быть убита въ своемъ логовищѣ, тѣмъ лучше для тѣхъ, кто любитъ болтать о своихъ подвигахъ. Но коти бы гончія явились безъ лисицы и то не бѣда. Когда лисица бѣжитъ согласно съ требованіями своей природы, ее бравятъ какъ безполезное животное, за то, что она не несется по прямому направленію. Но всего хуже то, что мужчины придаютъ такое значеніе предметамъ, не имѣющимъ почти ничего общаго съ самой забавой. Ихъ сюртуки и жилеты, сапоги и рейтузы, шнурочки и шарфики, ихъ сѣдла и поводья, ихъ щегольскія побракушки и, главнымъ образомъ, ихъ фляжки, имѣютъ въ глазахъ многихъ мужчинъ болѣе значенія, чѣмъ все, что они продѣлаютъ въ теченіе дня. Я встрѣчалъ дѣвушекъ, которыя находили, что ихъ первое появленіе въ бальной залѣ, когда все еще свѣжо, безукоризненно, въ томъ видѣ, какъ вышло изъ рукъ модистки, — единственная, ничѣмъ не помраченная минута въ теченіе цѣлаго вечера. Тоже чувство иногда вызывали во мнѣ молодые охотники. Не то чтобы они отказывались сказать, когда представится въ тому случай, — они всегда готовы переломать себѣ кости, и нѣтъ большого заблужденія, какъ воображать, что денди не можетъ быть смѣльчакомъ; — ошибка заключается въ томъ, что люди приучаютъ себя предавать цѣну только тому что подъ силу одному ничѣмъ не ограничиваемому мотовству. Изъ этого слѣдуетъ, что истинная любовь къ спорту подавляется стремленіемъ въ модѣ.

Но возвратимся къ занимающему насъ обществу охоты. Сильное влеченіе къ лисицамъ возникло, за послѣднее время, въ думахъ охотниковъ и въ носатъ собакъ. Пустыхъ дней они не знали, такъ какъ ихъ цѣлямъ служилъ и заяцъ, если болѣе благородное животное не падалось; но уже возникла мысль объ устройствѣ парковъ для сохраненія звѣрей, принимались мѣры къ утѣшенію старухъ, лишившихся своихъ гусей; словомъ, мѣстное общество охоты съ гончими постепенно утрачивало свой первоначальный характеръ. На этотъ разъ собакъ повели выгонять звѣря изъ логовища вмѣсто того, чтобы просто, съ гиканьемъ, нестись за ними. Вскорѣ стало извѣстно, что лордъ Гэмпстедъ — лордъ Гэмпстедъ, и собравшіеся охотники привѣтствовали его. Что за дѣло, что онъ революціонеръ и радикалъ, если онъ умѣетъ

охотиться съ гончими. Онъ все-таки былъ сынъ маркиза, а потому его не оставили въ уединеніи, какое иногда достается на долю челоѣка, внезапно появившагося среди незнакомыхъ людей, собирающихся выѣхать на охоту. — Очень радъ васъ видѣть, милордъ, — сказалъ мистеръ Амблтвайтъ, председатель общества. — Не часто получаемъ мы новобранцевъ изъ вашихъ Готбой.

— Они тамъ питаютъ большое пристрастіе въ охотѣ съ ружьемъ.

— Да, а лошадей своихъ держатъ въ Нортэмптонширѣ. Лордъ Готбой тамъ охотится съ гончими. Графъ, кажется, теперь никогда не появляется въ отъѣзжѣхъ полѣ.

— Кажется, что нѣтъ. Ему приходится присматривать за всѣми иностранными державами.

— Полагаю, что у него дѣла не мало, — сказалъ мистеръ Амблтвайтъ. — Знаю, что у меня, въ это время года, дѣла очень много. Куда, вы думаете, эти гончія заткали свою лисицу въ прошлую пятницу? Мы нашли ее у деревни Клифтонъ. Онѣ гнали ее прямо черезъ Шаль-Фелль, круто повернули вправо, покатились черезъ улицу High-Street въ Троутбекъ.

— Всѣ эти мѣста въ горахъ, — сказалъ Гемпстедъ.

— Въ горахъ! еще бы. Мнѣ приходится проводить половину моего времени въ горахъ.

— Но не могли же вы сказать по улицѣ?

— Конечно, нѣтъ. И нынѣ пришлось дать крику, другіе пошли пѣшкомъ. Днѣй ни на минуту, въ теченіе цѣлаго дня, не терзалъ изъ виду собакъ. — Днѣй былъ мальчуганъ, воссѣдавшій на лохматомъ конѣ. — Когда мы ихъ настигли, полъ-своры окружало его, а хвостъ лисицы торчалъ у него на шпикѣ.

— Какъ добрались вы до дому въ этотъ вечеръ? — спросилъ Гемпстедъ.

— До дому! Да я совсѣмъ домой не попалъ. Было темно, вотъ глазъ выколи, прежде чѣмъ намъ удалось собрать остальныхъ собакъ. Иныхъ мы разыскали только на другой день. Мнѣ пришлось вочевать въ Боднесѣ, я считалъ себя счастливымъ, что досталъ постель. Домой я возвращался на другой день черезъ Кирстонъ-Фелль. Вотъ это я называю работой и для ѣздова, и для лошади. А тамъ, кажется, лисица, милордъ. Слышите? — И мистеръ Амблтвайтъ пескалъ.

— Очень радъ видѣть, что вы любите такого рода забавы, милордъ, — сказалъ голосъ въ самое ухо Гемпстеда; голосъ, хорошо ему памятный, хотя онъ слышалъ его всего только разъ. Это былъ Крокеръ.

— Да, — сказалъ лордъ Гемпстедъ, — я очень люблю забавы такого рода. Лисица, кажется, выбѣжала по ту сторону логовища. — Съ этимъ онъ поѣхалъ рысью по дорожкѣ, пролегавшей между двухъ полу-разрушенныхъ стѣнъ, и такой увкой, что двумъ всадникамъ нельзя было ѣхать рядомъ. Цѣлю его, въ данную минуту, было скорѣе уйти отъ Крокера, чѣмъ слѣдить за собаками.

Мѣстность, среди которой они находились, была дикая, не собственно гористая, но покрытая холмами, которые, не въ дальнемъ разстояніи, превращались въ горы; здѣсь культура, самаго грубаго разбора, только-что начинала оказывать свое вліяніе надъ природой. Вдоль долины, по которой протекалъ ручей, тянулся длинный лѣсокъ. Этотъ лѣсокъ то прерывался, то начинался снова, такъ что деревья шли почти сплошь на разстояніи полу-мили. Почва, по обѣ стороны ручья, была усыпана крупными камнями; снискъ, въ иныхъ мѣстахъ, былъ очень крутой. Тѣмъ не менѣе всадники могли нестись галопомъ и по этой мѣстности. Лисица пробѣжала долину во всю длину, затѣмъ пошла на перерѣзъ, чтобъ избѣжать собакъ, повружила по горному скату и снова скрылась въ лѣсокъ. Многіе изъ всадниковъ объявили, что звѣря надо убить, если онъ не рѣшится бѣжать какъ слѣдуетъ. Мистеръ Амблтвайтъ былъ очень занятъ, самъ травилъ собакъ и былъ болѣе занятъ мыслью, какъ бы надлежащимъ образомъ покончить съ лисицей, чѣмъ надеждой на хорошую скачку. Можетъ быть, онъ не особенно стремился провести еще другую ночь внѣ дома. И такъ охотники галопировали взадъ и впередъ вдоль опушки лѣса, пока въ нихъ не пробудилось сознаніе, что не худо было бы человѣку простоять нѣсколько времени смирно и поберечь свою лошадь, въ виду дальнѣйшихъ событій дня. Лордъ Гемпстедъ послѣдовалъ общему примѣру, и въ одинъ мигъ Крокеръ былъ возлѣ него. Лошадь, на которой красовался Крокеръ, отецъ его обыкновенно запрягалъ въ экипажъ, но она пользовалась извѣстностью въ мѣстныхъ лѣтописяхъ. Увѣрили, что не существуетъ преграды, черезъ которую она не сдѣлала бы переползти. О прыжкахъ она не имѣла ни малѣйшаго понятія. Она плохо была на галопѣ, но съ помощью тяжеловѣсной рыси собственнаго изобрѣтенія, могла двигаться цѣлый день, не очень быстро, но такъ, что никогда не оставалась совсѣмъ позади. Какова бы она ни была, Крокеръ, который мало ѣздилъ верхомъ во время пребыванія въ Лондонѣ, безконечно гордился ею. Крокеръ былъ облеченъ въ зеленый сюртукъ, который въ минуту расточительности заказалъ для охоты,

и въ коричневые панталоны, въ которыхъ любилъ показываться во всевозможныхъ случаяхъ. — Милордъ, — сказалъ онъ, — трудно этому повѣрить, но по моему эта лошадь — лучшая охотничья лошадь въ цѣломъ Кумберлендѣ.

— Право? Понятно, что какая-нибудь лошадь должна быть лучшей, отчего-жъ не ваша?

— Ничего нѣтъ, чего бы она не имѣла, — ничего. Прижки ея удивительны, а что до аллюра, онъ бы поразилъ васъ... Опять погнались за нею. Что за эхо они вызываютъ среди горъ!

Это было справедливо. Отъ времени до времени мистеръ Амблтвайтъ слегка касался губами своего рога, издавалъ короткий звукъ, и звукъ этотъ отражался то отъ одной скалы, то отъ другой; собаки, слышавъ его, лаяли громче, точно поощряемые музыкой горъ; голоса ихъ разносились по долинамъ, снова и снова отражались крутизнами, становились все громче и громче, точно восхищенные дѣйствіемъ ихъ собственныхъ усилій. Не будь даже охоты, концерта этого было достаточно, чтобъ вознаградить человека за трудъ, который онъ далъ себѣ приѣхать сюда. — Да, — сказалъ лордъ Гемпстедъ, отвращеніе котораго къ собесѣднику въ данную минуту заглушалось прелестью музыки, — удивительное здѣсь эхо.

— Знатное, какъ я называю. Ничего подобнаго у насъ не имѣется въ St.-Martin's le Grand. Можетъ быть, не лишнимъ будетъ объяснить, что лондонскій почтамтъ находится въ мѣстности, носящей это поэтическое названіе.

— Я тамъ что-то не помню эха, — сказалъ лордъ Гемпстедъ.

— Понятно, тамъ нѣтъ ни охоты съ гончими, ни гончихъ, не такъ ли, милордъ? Тѣмъ не менѣе, тамъ, вообще говоря, не дурно.

— Чрезвычайно почтенное учрежденіе, — сказалъ лордъ Гемпстедъ.

— Именно, милордъ; тоже и я всегда говорю. Оно не такъ аристократично, какъ министерство иностранныхъ дѣлъ, но гораздо приличнѣе таможи.

— Право? Я этого не зналъ.

— О, да. Это всякій знаетъ. Спросите Родена. — Заслышавъ это имя, лордъ Гемпстедъ началъ поворачивать свою лошадь, но Брокеръ былъ возлѣ него, отдѣлаться отъ него было невозможно. — Получали вы отъ него извѣстія, милордъ, съ тѣхъ поръ какъ находитесь въ здѣшнихъ мѣстахъ?

— Ни малѣйшихъ.

— Онъ, вѣроятно, охотнѣе переписывается съ представительницей прекраснаго пола.

Это было невыносимо. Хотя лисица снова повернула назадъ и помчалась вверхъ по долину, — движеніе, которое, казалось, угрожало ей мгновенной смертью, и лишало всякой надежды на добрую скачку съ того мѣста, гдѣ они находились — Гемпстедъ стелъ себя вынужденнымъ улизнуть, если возможно. Въ досадѣ онъ припиорилъ лошадей и понесся галопомъ между камней, точно цѣлью его было помочь мистеру Амблэвэиту въ его почти неистовыхъ усиліяхъ. Но Крокеру не было никакого дѣла до камней. Куда направлялся лордъ, туда направлялся и онъ. По-знакомившись съ лордомъ, онъ не намѣренъ былъ пренебрегать благополучіемъ, которое ниспослало ему Провидѣніе.

— Не выбраться ей отсюда живой, милордъ.

— Полагаю, что нѣтъ. — Преслѣдуемый лордъ снова двинулся впередъ, мысленно говоря себѣ, что было бы пріятно, еслибы одинаковая участь съ лисицей постигла и Крокера.

— Естятъ, такъ какъ у насъ рѣчь о Роденѣ...

— Я вовсе объ немъ не говорилъ. — Крокеръ замѣтилъ гнѣвный тонъ и уставился на своего спутника. — Я предпочитаю не толковать о немъ.

— Милордъ, надѣюсь, что не было ничего похожаго на ссору! Ради молодой особы, надѣюсь, что не возникло никакого недоразумѣнія!

— Мистеръ Крокеръ, — очень медленно проговорилъ Гемпстедъ, — вообще говоря, не въ обычай...

Въ эту самую минуту лисица высочила изъ своей засады, собаки понеслись за нею, а мистеръ Амблэвэйтъ промчался мимо нихъ съ горы, точно рѣшившись сломать себѣ шею. Лордъ Гемпстедъ понесся за нимъ такимъ аллюромъ, за которымъ мистеръ Крокеръ, нѣсколько времени, не могъ уловиться. Ему было положительно стыдно своей попытки дать этому господину понять, что онъ грѣшитъ противъ приличій. Ему невозможно было это сдѣлать, не намекнувъ на сестру, а упоминать о сестрѣ въ разговорѣ съ такимъ индивидуумомъ было бы профанаціей. Ему ничего не оставалось какъ только бѣжать отъ этого животнаго. Не обреченъ ли онъ нести это наказаніе за то, что онъ — по выраженію мачихи — «измѣнникъ своему сословію?»

Тѣмъ временемъ собаки стремительно неслись съ горы. Нѣкоторые изъ старыхъ охотниковъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстностью, пустились въ объѣздъ, рассчитывая, извѣстными имъ тропинками, выбраться на дорогу, ведущую въ Паттердаль. Вла-

годиря этому маневру, имъ, вѣроятно, не суждено снова видѣть гончихъ въ этотъ день,—но таковы прелести охоты въ гористой мѣстности. Они дали нѣсколько миль кружку, и хотя свидѣлись съ гончими, но охоты не видали. Видѣть собакъ, когда онѣ срываются съ мѣста, и снова видѣть ихъ когда онѣ, сожравъ лисицу, тѣснятся вокругъ ловчаго, очень важно въ глазахъ иныхъ людей.

Въ данномъ случаѣ Гѣмпстеду и Крокеру суждено было совершить гораздо больше этого. Хотя они спустились въ долину съ кручи, они не выбрались изъ гористой мѣстности въ низменную. Лисица вскорѣ снова бросилась въ горы. Гѣмпстеду иногда казалось, что дальше ѣхать невозможно, но мистеръ Амблтвайтъ ѣхалъ и онъ отъ него не отставалъ. Все было бы прекрасно, еслибы не присталъ къ нему Кромеръ. Хотя бы его старая, рыжевато-саврасая лошадь споткнулась о камни,—можно было бы удрать. Но старая лошадь оставалась вѣрна своей репутациі, и справедливость требуетъ замѣтить, что клеркъ ѣздилъ не хуже лорда. Прошло часа полтора прежде, чѣмъ собаки загнали лисицу, въ ту самую минуту, когда она готовилась скрыться въ кусты и пещеры, которыми окруженъ водопадъ Эри-Форсъ. Тогда ловчій вытащилъ лисицу изъ древесной чащи на лугъ, вдушій скатомъ надъ самымъ водопадомъ, и, артистически разобравъ ее, бросилъ голоднымъ собакамъ. Тутъ только подошли люди: шесть усердныхъ, но осторожныхъ охотниковъ и узнали всѣ подробности травли, которая впоследствии могли сообщать, отъ своего лица, другимъ, столь же осторожнымъ, но менѣе усерднымъ.

— Одна изъ удачнѣйшихъ охотъ, какія я когда-либо видалъ въ этой мѣстности,—сказалъ Кромеръ, который никогда не видалъ гончей ни въ какой другой мѣстности. Въ настоящую минуту онъ ѣхалъ, рядомъ съ Гѣмпстедомъ, по дорогѣ въ Пенритъ. Мистеру Амблтвайту, собакамъ и Крокеру предстояла вся дорога цѣлкомъ; Гѣмпстедъ долженъ былъ свернуть съ нея раньше. Тутъ не менѣе оставалось миль четыре, въ продолженіе которыхъ его мучитель не дастъ ему покою.

— Это вѣрно. Отлично поохотились, какъ я только-что говорилъ вамъ, мистеръ Амблтвайтъ.

XIV. — Возвращеніе домой съ охоты.

Лордъ Гѣмпстедъ обсуждалъ съ мистеромъ Амблтвайтомъ затруднительность охоты въ такой мѣстности какъ Кумберлендъ. Собаки двигались передъ ними. Даже, на своемъ лохматомъ пони, составлялъ арьергардъ, разыскивая отсталыхъ. Съ лордомъ Гѣмп-

стедомъ в мистеромъ Амблътвайтомъ былъ еще грубый, привычный ко всякой погодѣ, искусный въ верховой ѣздѣ полу-джентльменъ, полу-фермеръ, по фамиліи Паттерсонъ, который жилъ въ нѣсколькихъ миляхъ за Пенритомъ и былъ правой рукой Амблътвайта по части охоты. Въ ту самую минуту какъ Крокеръ присоединился къ нимъ, дорога слышалась, и молодой лордъ немного отсталъ. Крокеръ воспользовался случаемъ; но и лордъ не дремалъ и втиснулся между Паттерсономъ и Амблътвайтомъ.

— Все это справедливо, — сказалъ послѣдній. Понятное дѣло, мы и не претендуемъ охотиться какъ охотится ваша братья, щеголи, въ графствахъ. У насъ на это нѣтъ денегъ, нѣтъ подходящей мѣстности, да нѣтъ и лисицъ. Но не знаю, хуже ли вашего мы охотимся.

— Нисколько не хуже, если судить по сегодняшней охотѣ.

— Очень обыкновенной; — неправда ли, Амблътвайтъ? — спросилъ Паттерсонъ, который твердо рѣшился своихъ не выдавать.

— Сегодня было не дурно. Гончія ни разу не сбились со слѣда. По моему, на нашихъ горныхъ скатахъ собакамъ легче вынюхать слѣдъ, чѣмъ на нашихъ поросшихъ травой луговинахъ. Если вы охотникъ до верховой ѣзды, конечно, приходится крутенько. Но если вамъ дорогá охота, и вы не прочь покарауливаться, то, можетъ быть, вы поохотитесь здѣсь не хуже, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ.

— Гораздо лучше, судя по всему, что я слышалъ, — сказалъ Паттерсонъ. — Случалось вамъ когда слышать такую музыку въ Лестерширѣ, милордъ?

— Не думаю, чтобы случалось, — сказалъ Гемпстедъ. — Мнѣ было чрезвычайно весело.

— Надѣюсь, что вы опять прїѣдете, — сказалъ Амблътвайтъ, — и часто будете прїѣзжать.

— Непремѣнно, если останусь здѣсь.

— Я зналъ, что милорду понравится, — сказалъ Крокеръ, протискиваясь между ними въ такомъ мѣстѣ, гдѣ четвернымъ можно было ѣхать въ рядъ. — По моему милордъ, не привыкшій къ нашей мѣстности, обнаружилъ удивительное искусство въ верховой ѣздѣ.

— Славная у милорда лошадка, — сказалъ Паттерсонъ.

— Дѣло скорѣй въ ѣздокѣ, чѣмъ въ лошади, полагаю я, — сказалъ Крокеръ, пробуя лстать.

— Лучшій ѣздокъ въ цѣлой Англіи не можетъ охотиться съ гончими безъ хорошей лошади.

— Но за то и лучшая лошадь въ цѣлой Англіи отстанетъ

отъ гончихъ, если на спинѣ у нея нѣтъ хорошаго ѣздока, — сказалъ рѣшительный Крокеръ. Паттерсонъ заворчалъ — онъ ненавидѣлъ лести и помнилъ, что тотъ, кому лестили — лордъ.

Затѣмъ дорога снова съузилась и Гѣмпстедъ немного отсталъ. Въ одно мгновеніе Крокеръ очутился впереди него. Гѣмпстеду казалось, что бѣжать отъ этого человѣка какъ-то подло. Онъ уже оборвалъ его разъ, вѣроятно онъ теперь не коснется единственного предмета, который такъ особенно непріятенъ. — Вѣроятно, — сказалъ онъ, заводя разговоръ, который долженъ былъ указать его готовность обсуждать съ мистеромъ Крокеромъ любой, общій вопросъ, — мѣстность на сѣверъ и на западъ отъ Пенрита менѣе гориста, чѣмъ эта?

— О, да, милордъ; тамъ есть прелестныя мѣста для прогулокъ верхомъ. А что, Роденъ любитъ охоту съ гончими, милордъ?

— Не имѣю ни малѣйшаго понятія, — отрѣзалъ Гѣмпстедъ. Но затѣмъ сдѣлалъ новую попытку.

— Ваши гончія не забираются на сѣверъ до Карлейля?

— О нѣтъ, милордъ; никогда болѣе восьми или десяти миль отъ Пенрита. Въ той мѣстности другая свора; несравненно хуже нашей, но все годится. По моему, Роденъ какъ разъ человѣкъ способный охотиться съ гончими, еслибы представился къ тому случай.

— Не думаю, чтобы онъ когда-нибудь въ жизни видѣлъ гончую. Я немного тороплюсь, а потому пушусь рысью.

— Я самъ тороплюсь, — сказалъ Крокеръ, — и буду очень счастливъ служить вамъ путеводителемъ, милордъ.

— Пожалуйста, не дѣлайте этого; я самъ найду дорогу. — Съ этимъ Гѣмпстедъ дружески пожалъ руку мистеру Амблѣтвайту, съ ласковой улыбкой вынулъ мистеру Паттерсону и похвѣлъ самой крупной рысью.

Но отдѣлаться отъ Крокера было невозможно. Лошадь его была такъ же исправна къ концу дня какъ и въ началѣ, и шла знатной рысью. Пройхавъ съ четверть мили, Гѣмпстедъ признался самому себѣ, что не въ его власти отдѣлаться отъ своего врага.

— Хочется мнѣ сказать вамъ кое-что, милордъ. — Крокеръ пробормоталъ это довольно жалобно, такъ что Гѣмпстедъ смѣгнулся.

Онъ придержалъ лошадь и приготовился слушать.

— Надѣюсь, что я ничѣмъ не оскорбилъ васъ. Могу васъ увѣрить, милордъ, что сдѣлалъ это безъ всякаго намѣренія. Я питаю къ вамъ такое уваженіе, что ни за что на свѣтѣ не сдѣлалъ бы этого.

Что оставалось дѣлать Гемпстеду? Онъ былъ оскорбленъ. Онъ имѣлъ намѣреніе показать, что оскорбленъ. А между тѣмъ ему не хотѣлось откровенно въ этомъ сознаться. Цѣлью его было заставить Крокера замолчать, и сдѣлать это, если возможно, безъ всякаго намека на занимавшій его вопросъ. Если онъ заявитъ теперь, что оскорбленъ, ему трудно было бы не намекнуть, хоть косвенно, на сестру. Но онъ рѣшилъ, что не позволить себѣ никакихъ подобныхъ намековъ. Теперь когда Кроверъ обратился къ нему, какъ бы прося прощенія за какую-то провинность, которой самъ не сознавалъ, невозможно было не отвѣтить ему. — Ладно, — сказалъ онъ; — я увѣренъ, что вы не хотѣли сказать ничего особеннаго. Оставимъ это.

— О, конечно; очень вамъ благодаренъ, милордъ. Но я не совсѣмъ понимаю, что слѣдуетъ оставить. Такъ какъ я такъ коротокъ съ Роденомъ, сижу съ нимъ за однимъ столомъ каждый Божій день, мнѣ казалось естественнымъ заговорить о немъ съ вами, милордъ.

Это было справедливо. Такъ какъ Кроверъ, такой же клеркъ какъ Роденъ, явился въ замокъ Готбой въ качествѣ гостя, очень естественно, что онъ заговорилъ о своемъ товарищѣ по службѣ съ человѣкомъ, который, какъ всѣмъ было извѣстно, былъ другомъ этого товарища. Гемпстедъ не совсѣмъ вѣрилъ въ близость, въ которой его увѣряли, такъ какъ слышалъ отъ Родена, что онъ пока ни съ кѣмъ особенно не сошелся въ почтамтѣ. Онъ также инстинктивно чувствовалъ, что такой человѣкъ какъ Роденъ не долженъ быть друженъ съ такимъ господиномъ какъ Кроверъ. Но въ этомъ не заключалось никакого оскорбленія. — Оно и было естественно, — сказалъ онъ.

— Мнѣ было очень прискорбно, когда я изъ вашихъ словъ заключилъ, что произошла какая-то ссора.

— Никакой ссоры не было, — сказалъ Гемпстедъ.

— Очень радъ это слышать. — Онъ снова начиналъ затрогивать вопросъ, котораго касаться не слѣдовало. Какое ему дѣло, была ли нѣтъ ссора между лордомъ Гемпстедомъ и Роденомъ. Гемпстедъ снова фхалъ молча.

— Мнѣ было бы крайне прискорбно, еслибы произошло что-нибудь, что помѣшало бы осуществленію блестящихъ надеждъ нашего пріятеля.

Лордъ Гемпстедъ оглянулся вругомъ, чтобы взглянуть, нельзя ли увернуться, перепрыгнувъ черезъ какое-нибудь препятствіе. Справа, у самаго края дороги, струилось озеро, слѣва видѣлась высокая, каменная стѣна, безъ всякихъ признаковъ отвер-

сия, насколько могъ видѣть глазъ. Онъ ужъ ускорилъ аллюръ до послѣдней возможности и сознавалъ, что этимъ способомъ не уйдешь. Онъ покачалъ головой, прикусилъ рукоятку хлыста, смотрѣлъ прямо передъ собой, между ушей лошади.

— Вы не можете себя представить, какъ я горжусь тѣмъ, что джентльмену, который сидитъ за однимъ столомъ со мной, такъ посчастливилось въ его надеждахъ на супружество. Я считаю это великой честью для цѣлаго почтамта.

— Мистеръ Крокеръ, — сказалъ лордъ Гэмпстедъ, круто осаживая лошадь, — если вы простите здѣсь минутъ пять, я двинусь дальше; если же вы двинетесь, я простою здѣсь, пока вы не скроетесь изъ виду. Я настоятельно требую одного изъ двухъ.

— Милордъ!

— Что, вы выбрали?

— Вотъ, я опять васъ оскорбляю!

— Не упоминайте объ оскорбленіи, а только исполните мою просьбу. Я хочу быть одинъ.

— Неужели это изъ-за разговора о бракѣ? — спросилъ Крокеръ чуть не плача.

Тутъ лордъ Гэмпстедъ повернулъ лошадь и поѣхалъ рысью навстрѣчу собакамъ и всадникамъ, которыхъ слышалъ за собой на дорогѣ. Крокеръ приостановился на минуту, пытаясь доискаться, съ помощью собственнаго разума, какая могла быть причина страннаго поведенія молодого аристократа, а затѣмъ, не разъяснивъ вопроса, поѣхалъ домой, погруженный въ глубокія размышленія. Гэмпстедъ, очутившись снова въ обществѣ недавнихъ товарищей, предложилъ нѣсколько праздныхъ вопросовъ относительно ихъ плановъ на будущую недѣлю. Праздность ихъ онъ прекрасно сознавалъ, такъ какъ рѣшилъ, что добровольно не подвергнетъ себя возможности новой встрѣчи съ этимъ невозможнымъ молодымъ человекомъ. Но онъ продолжалъ задавать свои вопросы, выслушивая или не выслушивая отвѣтовъ мистера Амблгвайта, пока не расстался съ своими спутниками въ окрестностяхъ Пулей-Бриджъ. Тутъ онъ поѣхалъ одинъ въ замокъ Готбой, съ душой, сильно омраченной случившимся. Ему казалось почти доказаннымъ, что Джорджъ Роденъ долженъ былъ говорить съ этимъ господиномъ о своемъ предполагаемомъ бракѣ. Во всѣхъ своихъ рѣчахъ онъ намекалъ, что свѣдѣнія эти получены имъ непосредственно отъ товарища. Онъ какъ будто заявлялъ — Гэмпстеду казалось, что онъ заявилъ положительно, — что Роденъ часто говорилъ съ нимъ о своей женитьбѣ. Если это

такъ, какъ низко было поведеніе его друга! Какъ глубоко онъ ошибался въ немъ! Какъ страшно ошиблась его сестра въ оцѣнкѣ этого человѣка! Что касается до него лично, то пока дѣло шло только о его близости съ товарищемъ, положеніе котораго въ свѣтѣ было ниже его собственнаго, онъ гордился сдѣланнымъ имъ шагомъ, и тѣмъ, кто принимался его усовершенствовать, отвѣчалъ съ энергіей, доказывавшей, что онъ презираетъ ихъ взгляды никакъ не менѣе, чѣмъ они осмѣиваютъ его воззрѣнія. Онъ объяснилъ отцу свой взглядъ на эту дружбу, и пользовался всякимъ случаемъ показать, что ставитъ общество Джорджа Родена выше общества большинства молодыхъ людей своего круга. Какое ему дѣло до того, какъ Роденъ зарабатываетъ хлѣбъ свой, благо онъ дѣлаетъ это честнымъ образомъ? Не смотря на эти мелочи, «человѣкъ останется человѣкомъ». Такъ защищался онъ, вполне сознавая свою правоту. Когда Роденъ неожиданно влюбился въ его сестру, и сестра его не менѣе неожиданно влюбилась въ Родена, — тогда имъ овладѣло сомнѣніе. Дѣло, само по себѣ похвальное, могло стать опаснымъ въ силу того, что оно повлечетъ за собой. Нѣкоторое время ему казалось, что отношенія, полезныя для него, менѣе полезны для его сестры. Точно будто какой-то ореолъ святости окружалъ ея общественное положеніе, вовсе не касаясь его собственнаго. Онъ находилъ, что почтамтскій клеркъ ничѣмъ не хуже его; но не могъ убѣдить себя, что онъ ничѣмъ не хуже представительницъ его семейства. Затѣмъ онъ принялся обсуждать самъ съ собой этотъ вопросъ, какъ обсуждалъ всѣ вопросы. Что такого особеннаго въ природѣ дѣвушки, что должно заставлять ее относиться свысока къ обществу, которое онъ признавалъ пригоднымъ для себя? Давая волю сильно говорившему въ душѣ его сознанію этой святости женщины, не поддавался ли онъ одному изъ тѣхъ пустыхъ свѣтскихъ предразсудковъ, противъ которыхъ рѣшился бороться всю жизнь? Такъ разсуждалъ онъ съ самимъ собою; но его разумъ, хотя и вліялъ на его образъ дѣйствій, не оказывалъ никакого вліянія на его вкусъ. Ему непріятно было думать, что этотъ бракъ состоится, хотя онъ твердо рѣшился поддержать сестру и, въ случаѣ надобности, защитить ее. Относительно самаго брака, онъ не сдался. Между ними, сестрой и отцомъ было рѣшено, что влюбленные не должны видѣться въ Гендонъ-Голлѣ. Въ сущности онъ надѣялся, что это кончится ничѣмъ, хотя рѣшился не оставлять сестры, даже еслибы она продолжала держаться своего поклонника. Таково было состояніе его души, когда этотъ отвратительный молодой человѣкъ, — который какъ

будто созданъ былъ нарочно съ цѣлью показать ему, какимъ низкимъ существомъ можетъ быть почтамтскій клеркъ, — попался на пути его, и почти убѣдилъ его въ томъ, что его товарищъ хвасталъ среди своихъ сослуживцевъ милостями молодой аристократки, которая, въ несчастіи, полюбила его! Онъ не отступился отъ своихъ убѣждений, отъ своихъ радикальныхъ теорій, отъ своихъ старыхъ взглядовъ на социальные вопросы вообще; но онъ почти готовъ былъ сказать себѣ, что женщины пока слѣдуетъ считать изъятии изъ тѣхъ радикальныхъ перемѣнъ, которыя были бы полезны для мужчинъ. Для него самого его «словіе» — суета и миражъ; но для сестры его оно должно еще считаться не лишеннымъ нѣкотораго значенія. Въ этомъ настроеніи онъ рѣшилъ немедленно возвратиться въ Гендонъ-Голль. Нечего было надѣяться еще поохотиться съ мистеромъ Амблтъвайтомъ; да ему и необходимо было какъ можно скорѣй повидаться съ Роденомъ.

Въ этотъ вечеръ лэди Амальдина завладѣла имъ, и просила у него совѣтовъ относительно ея будущихъ обязанностей въ качествѣ замужней женщины. Лэди Амальдина была большая охотница поговорить по секрету о предстоявшей ей жизни, а ей еще не представлялось случая вызвать выраженіе сочувствія со стороны двоюроднаго брата. Гѣмпстедъ, въ сущности, и не находился съ нею въ этомъ родствѣ, но они называли другъ друга кузеномъ и кузиной, — да и другіе ихъ такъ величали. Никто изъ членовъ семейства Готвъль не питалъ той ненависти къ радикализму наслѣдника маркиза Кинсбѣри, какую питала маркиза — его мати. Лэди Амальдина радовалась, что лордъ Гѣмпстедъ зоветъ ее просто «Ами», и очень желала посоветоваться съ нимъ относительно лорда Льюддьютля.

— Вамъ, конечно, все извѣстно о моемъ бракѣ, Гѣмпстедъ? — сказала она.

— Ничего мнѣ неизвѣстно, — возразилъ Гѣмпстедъ.

— О, Гѣмпстедъ, какъ зло!

— Никому объ этомъ ничего не извѣстно, такъ какъ событіе это еще въ будущемъ.

— Вполнѣ достойно радикала, быть такимъ точнымъ и логичнымъ. Ну такъ о моей помолвкѣ?

— Да; объ ней я очень много слышалъ. Мы объ этомъ толкуемъ — какъ прикажете сказать, сколько времени?

— Не придирайтесь. Понятно, что такой человѣкъ, какъ Льюддьютъ, не можетъ обвиняться наскоро, точно первый встрѣчный.

— Какое несчастіе для него!

— Почему несчастіе?

— Я бы счелъ это несчастіемъ, еслибъ собирался жениться на васъ.

— Это—самая большая любезность, какую я когда-либо отъ васъ слышала. Какъ бы то ни было, ему приходится съ этимъ мириться, такъ же какъ и мнѣ. Это несносно, такъ какъ люди ни о чемъ другомъ говорить не хотятъ. Что вы думаете о Люддьютлѣ какъ объ общественномъ дѣятелѣ?

— Я совсѣмъ на этой мысли не останавливался. Я ничего думать не могу. Самъ я до такой степени частный человѣкъ, что не имѣю никакого понятія объ общественныхъ дѣтеляхъ. Надѣюсь, что онъ отлично можетъ спать.

— Спать?

— Безъ этого, должно быть, страшная скука просиживать столько часовъ подъ рядъ въ палатѣ общины. Но онъ давно практикуется и вѣроятно привыкъ.

— Но развѣ дурно человѣку, въ его положеніи, любить свою родину?

— Каждый человѣкъ долженъ любить свою родину; но еще сильнѣй, если возможно, долженъ любить весь міръ.

Леди Амальдина усталилась на него, совсѣмъ не понимая, что онъ хочетъ сказать.—Вы такой смѣшной,—сказала она.—Вы, мнѣ кажется, нигде не думаете о положеніи, которое призваны занять.

— Нѣтъ, думаю. Я человѣкъ, и очень много объ этомъ размышляю.

— Но вамъ придется быть маркизомъ Кинсбери, а Люддьютлю —герцогомъ Меріонетъ. Онъ ни на минуту этого не забываетъ.

— Какое наказаніе для него и для васъ.

— Отчего же для меня наказаніе? Развѣ женщина не можетъ понимать своихъ обязанностей такъ же, какъ и мужчина?

— Конечно, можетъ, если составила себѣ о нихъ какое-нибудь понятіе.

— Я составила,—горячо сказала леди Амальдина.—Я постоянно о нихъ думаю. Я прекрасно сознаю обязанности, которыя выпадутъ на мою долю, когда я сдѣлаюсь женою Люддьютля.

— Быть матерью его дѣтей?

— Я совсѣмъ не то хотѣла сказать, Гемпстедъ. Это все въ рукахъ Всемогущаго. Но сдѣлавшись будущей герцогиней Меріонетъ...

— Но это также въ рукахъ Всемогущаго. Не такъ ли?

— Нѣтъ, да. Конечно, все въ рукахъ Божіихъ.
 — Дѣти, герцогскій титулъ и всѣ помѣстья.
 — Никогда не встрѣчала я такого несноснаго человѣка, — воскликнула она.

— Во всякомъ случаѣ одно не меньше въ рукахъ Божіихъ, чѣмъ другое.

— Вы совсѣмъ меня не понимаете, — сказала она. — Понятно, если я обвѣнчаюсь, я буду замужемъ.

— А если у васъ будутъ дѣти, вы будете матерью. Если они будутъ — на что я надѣюсь — я увѣренъ, что они будутъ прехорошенькія и преблаговоспитанныя. Сдѣлать ихъ такими будетъ вашъ долгъ, кромѣ того, вамъ придется заботиться о томъ, чтобъ Люддьютлю за обѣдомъ подавали любимыя кушанья.

— Ничего подобнаго я дѣлать не стану.

— Тогда онъ будетъ обѣдать въ клубъ, или въ палатѣ общины. Такъ я себя представляю супружескую жизнь.

— И кромѣ этого ничего? Никакого единства душъ?

— Разумѣется, нѣтъ.

— Нѣтъ!

— Изъ-за того, что вы вѣрите въ Троицу, Люддьютль еще не попадетъ въ царство небесное. Если онъ сдѣлается игрокомъ и пьяницей, вы изъ-за этого не попадете въ адъ.

— Какъ можете вы говорить такія ужасныя вещи!

— Вотъ это было бы единство душъ. Единство интересовъ у васъ, я надѣюсь, будетъ и, съ этой цѣлью, смотрите, заботьтесь объ его обѣдѣ.

Послѣ этого она уже не дѣлала кузену довѣрительныхъ сообщеній, но потребовала отъ него обѣщанія присутствовать на ея свадьбѣ.

Нѣсколько дней спустя, онъ возвратился въ Гендонъ-Паркъ, оставивъ сестру, еще недѣльки на двѣ, въ замкѣ Готбой.

XV.—Маріонъ Фай и ея отецъ.

— Я видѣла, какъ онъ вошелъ съ добрыхъ четверть часа тому назадъ, а Маріонъ Фай вошла раньше. Я совершенно увѣрена, что она знала, что его ожидаютъ, — говорила Клара Демиджонъ своей теткѣ.

— Какъ могла она знать это? — спросила мистриссъ Дуфферъ, которая также находилась въ гостиной мистриссъ Демиджонъ. Клара и гостя стояли почти прижавшись лицомъ къ оконному

стеклу, въ перчаткахъ и нарядныхъ шляпахъ, готовы идти въ церковь.

— Я увѣрена, что знала, потому что разрядилась больше чѣмъ когда-либо въ свое новое коричневое шелковое платье, новыя перчатки и новую шляпу подъ цвѣтъ платья—хитрая, маленькая квакерша. Я сейчасъ вижу, когда дѣвушка принарядилась по какому-нибудь особенному случаю. Уже она навѣрно не надѣла бы новыхъ перчатокъ, чтобъ идти въ церковь съ мистриссъ Роденъ.

— Если вы еще долго проглазбите здѣсь, вы опоздаете, — сказала мистриссъ Демиджонъ.

— Мистриссъ Роденъ еще не ушла, — сказала Клара медля.

Было воскресное утро. Обитательницы № 10 приготовлялись къ молитвеннымъ упражненіямъ. Сама мистриссъ Демиджонъ никогда не ходила въ церковь; нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ нею приключился подагрическій припадокъ, который на вѣки послужилъ ей предлогомъ не выходить изъ дому въ воскресенье утромъ. Она оставалась дома съ томомъ проповѣдей Блэра; но Клара, дѣвушка не глупая, прекрасно знала, что никогда не прочитывалось болѣе полъ-страницы. Она знала, что за это время сильно подвигалось чтеніе послѣдняго романа, попавшаго въ домъ изъ маленькой бібліотеки, за угломъ. Колоколь ближайшей церкви смолкъ, мистриссъ Дюфферъ поняла, что приходится идти, или уронить себя въ глазахъ всѣхъ благочестивыхъ людей. «Идемъ, милая», сказала она, и онѣ отправились. Въ ту самую минуту, когда отворилась дверь дома № 10, отворилась и дверь дома № 11, напротивъ, и всѣ четыре дамы, считая Маріонъ Фай, встрѣтились на дорогѣ.

— У васъ сегодня гость, — сказала Клара.

— Да; — пріятель моего сына.

— Намъ кое-что извѣстно, — сказала Клара. — Неправда ли, миссъ Фай, онъ очень красивый молодой человѣкъ?

— Да, — сказала Маріонъ. — Онъ очень красивый молодой человѣкъ.

— Красота недолговѣчна, — сказала мистриссъ Дюфферъ.

— А все же ей придается большое значеніе, — сказала Клара, — особенно въ соединеніи съ высокимъ, аристократическимъ происхожденіемъ.

— Онъ прекрасный молодой человѣкъ, насколько я его знаю, — сказала мистриссъ Роденъ, считая своей обязанностью защищать пріятеля сына.

Гэмпстедъ возвратился домой въ субботу, а въ воскресенье

утромъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ посѣтить своего друга въ Голловѣ. Разстояніе было около шести миль, онъ поѣхалъ въ экипажѣ, который отослалъ съ намѣреніемъ вернуться домой гѣшкомъ. Онъ убѣдиль своего пріятеля идти съ нимъ, и тогда-то произойдетъ разговоръ, который, какъ онъ опасался, не кончится, не сдѣлавшись чрезвычайно непріятнымъ. Его ввели въ гостиную дома № 11 и тамъ онъ засталъ въ полномъ одиночествѣ молодую дѣвушку, которой прежде никогда не видѣлъ. Это была Маріонъ Фай, дочь квакера Захарія Фай, жившаго въ улицѣ Парадизъ-Роу, въ домѣ № 17.

— Я думалъ, найти здѣсь мистриссъ Роденъ,—сказалъ онъ.

— Мистриссъ Роденъ сейчасъ сойдетъ. Она надѣваетъ шляпу, чтобъ идти въ церковь.

— А мистеръ Роденъ?—спросилъ онъ.—Онъ, вѣроятно, не идетъ съ нею въ церковь?

— Ахъ, нѣтъ, къ сожалѣнію. Джорджъ Роденъ никогда не ходитъ въ церковь.

— Онъ вашъ другъ?

— Говоря, это я думала объ его матери; но отчего не подумать и объ немъ? Онъ не изъ числа моихъ близкихъ друзей, но я желаю добра всѣмъ людямъ. Въ настоящую минуту его нѣтъ дома, но я слышала, что онъ скоро вернется.

— А вы постоянно ходите въ церковь?—спросилъ онъ, основывая свой вопросъ не на дерзкомъ любопытствѣ относительно соблюденія ею своихъ религіозныхъ обязанностей, а на томъ, что онъ, судя по платью ея, подумалъ, что она непременно квакериша.

— Я обыкновенно хожу въ вашу церковь по воскресеньямъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я не имѣю права назвать ее моею. Боюсь, что вамъ придется и меня счесть азычникомъ, каковымъ вы считаете Джорджа Родена.

— Сожалѣю объ этомъ, сэръ. Не хорошо человѣку быть азычникомъ, когда столько христіанскихъ ученій разлито кругомъ. Но мужчины, кажется, разрѣшаютъ себѣ свободу мыслей, отъ которой женщины, по своей робости, склонны уклоняться. Если это такъ, то не лучше ли, что мы трусливы?—Тутъ дверь отворилась и мистриссъ Роденъ вошла въ комнату.

— Джорджъ ушелъ навѣстить больного пріятеля,—сказала она,—но сейчасъ вернется. Письмо ваше онъ получилъ вчера вечеромъ, и поручилъ мнѣ передать вамъ, что онъ возвратится

около одиннадцати часовъ. Отрекомендовались ли вы моей пріятельницѣ, миссъ Фай?

— Имени ея я не зналъ, — сказалъ онъ улыбаясь, — но мы познакомились.

— Мое имя — Маріонъ Фай, — сказала дѣвушка, — а ваше, вѣроятно, лордъ Гемпстедъ.

— Итакъ мы теперь можемъ считаться знакомыми отнынѣ и во-вѣки, — отвѣтилъ онъ, смѣясь: — только я боюсь, мистриссъ Роденъ, что ваша пріятельница откажется отъ этого знакомства, такъ какъ я не хожу въ церковь.

— Этого я не говорила, лордъ Гемпстедъ. Чѣмъ ближе были бы мы къ дружбѣ, — еслибъ это было возможно, — тѣмъ болѣе сожалѣла бы я объ этомъ. — Съ этимъ обѣ дамы отправились въ церковь.

Оставшись одинъ, лордъ Гемпстедъ тотчасъ рѣшилъ, что желалъ бы имѣть Маріонъ Фай другомъ, отчасти и потому, что она ходила въ церковь. Онъ сознавалъ, что она была права, говоря, что свободомысліе въ религіозныхъ вопросахъ неприлично для молодой дѣвушки. Какъ неприлично было бы, чтобъ сестра его, леди Франсесъ, вышла за почтамтскаго клерка, такъ было бы неприлично, еслибъ Маріонъ Фай была, по собственному ея выраженію, «язычницей». Несомнѣнно, что изъ всѣхъ женщинъ, на которыхъ когда-либо останавливались его глаза, она — онъ не хотѣлъ сказать себѣ: «всѣхъ прекраснѣе» — но, конечно, всѣхъ выше. Скромная шляпа, маленькій чепчикъ, хорошо сшитое коричневое, шелковое платье, перчатки того же цвѣта на ея маленькихъ ручкахъ составляли, на его взглядъ, такой красивый туалетъ, какой только могла надѣть дѣвушка. Неужели, благодаря одному случаю, такъ искусно выказывалась вся грація ея фигуры? Слѣдовало полагать, что она, какъ кважерша, равнодушна къ женскимъ нарядамъ. Теорія квакеровъ этого требуетъ, а во всѣхъ частяхъ своего туалета она строго придерживалась установленныхъ ими правилъ. Насколько онъ замѣтилъ, на ней не было ни одной ленточки. Не было и разнообразія цвѣтовъ. Шляпа ея была такъ проста и скромна, что ее могла бы надѣть ея бабушка. Полоска гладко-зачесанныхъ волосъ едва видѣлась между чепцомъ и лбомъ. Платье доходило до горла, на плечахъ была плотно охватывавшая ихъ шаль. Мысль, которая создала ея туалетъ, была чисто-квакерская. Но удивительная грація была очевидно дѣломъ случая, явилась просто потому, что природѣ угодно было сдѣлать эту дѣвушку граціозной! Относительно всего этого, пожалуй, можно было допу-

стить нѣкоторыя сомнѣнія. Вышло ли это нечаянно или нѣтъ, надо было еще сообразить. Но что грація существуетъ, это былъ фактъ, не требовавшій никакихъ соображеній, не допускавшій никакихъ сомнѣній.

Такъ какъ Маріонъ Фай будетъ играть не малую роль въ настоящемъ разсказѣ, то не лишнее будетъ нѣсколько подробнѣе описать здѣсь ея личность и условія ея жизни. Захарія Фай, отецъ ея, съ которымъ она жила, былъ вдовецъ и, кромѣ ея, не имѣлъ дѣтей. Ихъ у него было много, но всѣ они умерли, такъ же какъ ихъ мать. Она была жертвой чахотки, но прожила достаточно долго, чтобъ знать, что передала роковое наслѣдство своему потомству,—всѣмъ своимъ дѣтамъ, кромѣ Маріонъ, которая, когда мать ея умерла, казалась изъятаю изъ страшнаго проклятія, таготѣвшаго надъ семьей. Она тогда, по лѣтамъ своимъ, уже могла выслушать послѣднія наставленія матери относительно отца, который былъ тогда нравственно разбитый человѣкъ и съ трудомъ мирился съ жестокостью Провидѣнія. За что Богъ такъ посѣтилъ его,—его, который не зналъ другихъ удовольствій, другихъ наслажденій, какъ тѣ, какія доставляла ему любовь жены и дѣтей? На ея обязанности лежало утѣшить его, вознаграждать его, по мѣрѣ силъ, своею нѣжностью за все, что онъ потерялъ и теряетъ. Мать особенно поручала ей смягчать его сердце въ вопросахъ матеріальныхъ, и какъ можно сильнѣй призывать его къ религій. Со смерти ея матери теперь прошло два года, и она, во всѣхъ отношеніяхъ, старалась исполнить обязанности, указанныя ей матерью.

Но Захарія Фай былъ не такой человѣкъ, которымъ легко было бы управлять. Это былъ человѣкъ суровый, жесткій, правдивый, о которомъ можно было бы сказать, что еслибъ свѣтъ состоялъ только изъ такихъ людей, то этотъ свѣтъ находился бы въ гораздо лучшихъ условіяхъ, чѣмъ свѣтъ, извѣстный намъ теперь, такъ какъ великодушіе приносятъ менѣе прочной пользы, чѣмъ справедливость, а сладкія рѣчи не даютъ такихъ благотѣльных результатовъ, какъ правда. Враги его, а она у него водилась, утверждали, что онъ любитъ деньги. Это было несомнѣнно справедливо, такъ какъ только идіотъ можетъ не любить денегъ. Это, безъ сомнѣнія, былъ человѣкъ, который любилъ получать свое, который разъярился бы на всякаго, кто попытался бы лишить его собственности, или помѣшалъ ему въ его законныхъ усиліяхъ увеличить свое состояніе. На чужую собственность онъ не лъстался—развѣ въ смыслѣ заработка. Въ матеріальномъ отношеніи ему повезло, и онъ былъ—для своего по-

ложенія въ обществѣ — человѣкъ богатый. Но это благоденствіе нисколько не ослабило поразившаго его удара. Со всей своей суровостью онъ, прежде всего, былъ человѣкъ любящій. Зарабатывать деньги, сказалъ бы онъ, — а вѣроятно же только бы подумалъ, — необходимость, наложенная на человѣка грѣхопаденіемъ Адама; но потребность прижимать къ своему сердцу что-нибудь, что согрѣвало бы его, что было бы человѣку безгранично дороже его самого и всѣхъ его сокровищъ, эта потребность есть единственное, что осталось въ человѣкѣ отъ божественнаго дуновения, даже послѣ грѣхопаденія Адама. Единственное живое существо, на которое онъ могъ излить всю свою привязанность, была его дочь Марионъ.

Онъ не былъ человѣкъ съ дѣйствительно крупнымъ состояніемъ, занятія его не отличались особой важностью, иначе онъ бы вѣроятно не жилъ въ улицѣ Парадизъ-Роу, въ Голловѣ. Онъ уже много лѣтъ былъ главнымъ конторщикомъ гг. Погсона и Литтльберда, агентовъ и коммиссіонеровъ, въ улицѣ Бродъ - Стритъ. Принципалы его довѣряли ему вполне, и онъ такъ слился съ фирмой, что самъ почти приобрѣлъ въ Сити кредитъ негоціанта. Многіе думали, что Захарія Фай навѣрное компаньонъ представителей фирмы, иначе, казалось бы, онъ не могъ пользоваться такой извѣстностью и такимъ уваженіемъ въ средѣ торговыхъ людей. Въ сущности же онъ былъ не больше какъ главный конторщикъ, съ жалованьемъ въ четыреста фунтовъ въ годъ. Несмотря на все его пристрастіе къ деньгамъ, ему и въ голову не пришло бы просить увеличенія своего жалованья. Дѣломъ гг. Погсона и Литтльберда было оцѣнить его услуги. Онъ ни за что на свѣтѣ не уронилъ бы себя въ ихъ глазахъ, выпрашивая увеличенія платы. Но въ теченіе многихъ лѣтъ онъ тратилъ значительно меньше, чѣмъ получалъ, и съ умѣньемъ пользовался добытыми въ Сити свѣдѣніями, помѣщая свои сбереженія возможно выгоднѣйшимъ образомъ. А потому, по понятіямъ улицы Парадизъ-Роу и ея окрѣстностей, Захарія Фай былъ богатый человѣкъ.

Теперь онъ былъ старъ, ему было за семьдесятъ, высокій и худой; съ длинными сѣдыми волосами, слегка сгорбленный, но вообще бодрый и здоровый. Каждый день онъ отправлялся въ свою контору, выходилъ изъ дому ровно въ половинѣ девятаго, и отворялъ дверь въ контору въ ту минуту, какъ часы били девять. Съ такой же аккуратностью возвращался онъ домой въ шесть часовъ, пообедавъ, среди дня, въ одномъ изъ скромныхъ ресторановъ Сити. Все это время посвящалось интересамъ фирмы,

за исключеніемъ трехъ часовъ по четвергамъ, когда онъ присутствовалъ на митингѣ въ одномъ изъ молитвенныхъ домовъ квакеровъ. Въ этихъ случаяхъ Маріонъ всегда ему сопутствовала, отправляясь нарочно для этого въ Сити. Она охотно убѣдила бы его сопровождать ее по воскресеньямъ въ англиканскую церковь; но на это онъ никогда не хотѣлъ согласиться, какъ не соглашался на настоянія жены. Онъ говорилъ, что онъ квакеръ, и не намѣренъ быть ничѣмъ инымъ. Въ сущности, хотя онъ чрезвычайно аккуратно посѣщалъ свои митинги, онъ въ душѣ не былъ человѣкомъ релігіознымъ. Исполненія извѣстныхъ обрядовъ было для него достаточно, такъ же какъ для многихъ другихъ приверженцевъ уставовъ церкви. Съ малыхъ лѣтъ онъ привыкъ посѣщать митинги квакеровъ, и несомнѣнно будетъ продолжать посѣщать ихъ, пока силы ему не измѣнятся, но можно предположить, не судя о немъ слишкомъ строго, что курсъ акцій часто бывалъ у него на умѣ въ теченіе этихъ скучныхъ часовъ. Въ своей рѣчи онъ всегда строго соблюдалъ правила своей секты, говоря «ты» всѣмъ, къ кому обращался; но онъ соглашался освободить отъ этого дочь, признавая, что въ употребленіи способа выраженія, принятаго цѣлымъ міромъ, не заключается еще никакой лжи. «Если мѣстоименіе множественное, звучащее совершенно заурядно,—говоритъ онъ,—обыкновенно употребляется въ разговорѣ, потому что въ единственномъ числѣ оно слишкомъ торжественно и внушительно, то, впрочемъ, жаль, что языкъ такъ портятъ, но въ этомъ еще не можетъ заключаться никакой лжи; и лучше, чтобъ хоть молодежь придерживалась способа выраженія, распространеннаго среди тѣхъ, съ кѣмъ ей жить приходится». Такимъ образомъ, Маріонъ была избавлена отъ необходимости говорить всѣмъ «ты», и избѣгла того отбѣна лицемѣрія, которымъ какъ бы проницнуть теперь уже устарѣвшій способъ выраженія квакеровъ. За послѣдніе годы никто никогда не видалъ, чтобъ Захарія Фай смѣялся или шутилъ; но, если обстоятельства ему благопріятствовали, онъ иногда впадалъ въ странный тонъ, въ которомъ слышался частью юморъ, частью сарказмъ; но случалось это рѣдко, такъ какъ Захарія не скоро сходился съ людьми, и никогда не бесѣдовалъ въ этомъ тонѣ съ случайными знакомыми. О наружности Маріонъ Фай кое-что уже сказано; можетъ быть, достаточно, чтобъ—не говорю, вызвать опредѣленный образъ ея въ воображеніи читателя, такъ какъ это я считаю дѣломъ превышающимъ силы всякаго писателя,—но чтобъ дать читателю возможность составить себѣ собственное представленіе о ней. Она была не-

большого роста, удивительно стройная. Не блескъ ея глазъ, не правильность точно выведенныхъ рѣзцомъ чертъ ея лица такъ сильно поразили Гѣмпстеда, а что-то возвышенное, что сказывалось во всей ея фигурѣ. Мимолетный румянецъ появлялся на щекахъ ея, на лбу, пробѣгалъ вокругъ рта, когда она говорила, и придавалъ лицу ея яркость, которой нельзя было ожидать отъ него въ спокойномъ состояніи. Когда разговоръ оживлялъ ее волненіемъ, вы съ трудомъ рѣшились бы опредѣлить наружность ея однимъ словомъ. Лордъ Гѣмпстедъ, еслибъ его спросили, что онъ думалъ о ней, пока сидѣлъ въ ожиданіи своего пріятеля, рѣшилъ бы, что его привлекала къ ней какая-то божественная грація. А между тѣмъ, не прошелъ незамѣченнымъ мимолетный румянецъ, когда она сказала ему, что сожалѣетъ, что онъ не ходитъ въ церковь.

Жизнь Маріонъ Фай въ Парадизъ-Роу была бы очень одинока, еслибъ она, передъ смертью матери, не познакомилась съ мистриссъ Роденъ. Теперь почти дня не проходило, чтобъ она не провела часа въ обществѣ этой дамы. Онѣ были большіе друзья, до такой степени, что мистриссъ Винсентъ также познакомилась съ Маріонъ и, сочувствуя религіознымъ стремленіямъ дѣвушки, приглашала ее деньеа на два, на три въ Вимблдонъ. Это было невозможно, такъ какъ Маріонъ не соглашалась разстаться съ отцомъ, но раза два она сопровождала мистриссъ Роденъ въ ея еженедѣльныхъ посѣщеніяхъ, и положительно вошла въ милость у суровой дамы. Другого общества она не имѣла, да какъ будто и не желала. Клара Демиджонъ, видя дружбу, которая возникла между Маріонъ и мистриссъ Роденъ, была совершенно увѣрена, что Маріонъ лѣвитъ почтамтскаго клерка и по секрету сообщила мистриссъ Дуфферъ, что дѣвушка эта дѣйствуетъ самымъ безстыднымъ образомъ. Сама Клара не разъ попадалась на пути клерка, когда онъ возвращался домой въ сумерки,—можетъ быть, только изъ желанія узнать, каковы намѣренія молодого человѣка относительно Маріонъ Фай. Молодой человѣкъ былъ съ нею вѣжливъ, но она объявила мистриссъ Дуфферъ, что онъ одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые не любятъ женскаго общества.—Эти-то именно,—сказала мистриссъ Дуфферъ,—и женятся всего охотнѣе, изъ нихъ-то и выходятъ самые лучшіе мужья.

— О, она отъ него не отстанетъ, пока не добьется своего,—сказала Клара, тѣмъ самымъ давая понять, что, по ея собственному мнѣнію, не стоитъ продолжать своихъ нападеній, если молодой человѣкъ не сразу положить передъ нею оружіе. Джорджа

не разъ приглашали пить чай въ № 10, но приглашали тщетно. Вслѣдствіе этого Клара совершенно громогласно объявила, что Маріонъ Фай положительно заповоловила его, связала по рукамъ и по ногамъ.—«Она постоянно ловить его на дорогѣ, когда онъ возвращается со службы,—сказала она мистриссъ Дуфферъ:—я положительно называю его дерзостью, недостойной женщины». А между тѣмъ она знала, что мистриссъ Дуфферъ извѣстно, что сама она ловила молодого человѣка на дорогѣ. Мистриссъ Дуфферъ во всему этому относилась снисходительно, зная очень хорошо, какъ необходимо молодой особѣ храбро отставать собственные интересы.

А Маріонъ Фай и Джорджъ Роденъ, между тѣмъ, были добрые друзья.—Онъ обрученъ; я не должна говорить—съ кѣмъ,—сказала мистриссъ Роденъ своей молодой пріятельницѣ.—Боюсь, что это будетъ длинная, длинная, скучная исторія. Никому не говорите объ этомъ.

— Если она будетъ вѣрна ему, то надѣюсь, что и онъ будетъ вѣренъ ей,—сказала Маріонъ, съ истинно женскимъ участіемъ.

— Боюсь только, что онъ будетъ слишкомъ вѣренъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого быть не можетъ. Хотя бы онъ страдалъ, пусть будетъ вѣренъ. Можете быть увѣрены, что я говорить объ этомъ не буду ни съ нимъ и ни съ кѣмъ. Я такъ люблю его, что надѣюсь, что онъ не очень будетъ страдать.

Съ этой минуты она научилась видѣть въ Джорджѣ Роденѣ истиннаго друга и говорить съ нимъ свободно, такъ какъ не было причинъ избѣгать короткости. Съ чужимъ женихомъ дѣвушка можетъ позволить себѣ нѣкоторую короткость.

XVI. — Возвращеніе въ Гендонъ.

— Я пріѣхалъ немного рано,—сказалъ Гемпстедъ, когда пріятель его вошелъ,—и засталъ твою мать идущей въ церковь, съ пріятельницей.

— Маріонъ Фай?

— Да,—миссъ Фай.

— Она—дочь квакера, который живетъ черезъ нѣсколько домовъ отсюда. Но хотя она квакерша, она ходитъ и въ церковь.—Я завидую сладу ума тѣхъ, кто способенъ находить утѣшеніе, изливаясь въ благодарности великому, невѣдомому Богу.

— Я изливаюсь въ благодарности—сказалъ Гемпстедъ,—но у меня это дѣлается въ уединеніи.

— Сомнѣваюсь, чтобъ ты когда-нибудь, въ теченіе двухъ часовъ, находился въ общеніи съ небесной силою и небеснымъ вліяніемъ. Тутъ нужно нѣчто побольше благодарности. Надо понимать, что тутъ обязанность, не исполнивъ которой, подвергашься опасности. Тогда только явится ощущеніе спокойствія, которое всегда слѣдуетъ за исполненіемъ обязанности. Этого я никогда не могу достигнуть. Какъ ты нашелъ Маріонъ Фай?

— Она прелестна.

— Неправда ли, очень хорошенъкая, особенно когда говорить?

— Я не придаю никакой цѣны женской красотѣ, которая не является во всемъ блескѣ внѣ спокойнаго состоянія, во время разговора, движенія, смѣха, хотя-бы гнѣва,—восторженно сказалъ Гэмпстедъ. На дняхъ я разговаривалъ съ одной моей псевдо-родственницей, которая имѣетъ репутацію замѣчательно красивой молодой особы. Ей хотѣлось многое сообщить мнѣ, и пока я былъ въ ея обществѣ, въ комнату нѣсколько разъ входилъ мальчикъ въ ливреѣ. Это былъ круглолицый, некрасивый мальчикъ; но я нашелъ его гораздо красивѣе моей кузины, такъ какъ онъ открывалъ ротъ, когда говорилъ, и въ глазахъ его было оживленіе.

— Очень лестно для твоей кузины.

— Она уже пристроилась, такъ оно безразлично. Греки, мнѣ кажется, поклонились формѣ безъ выраженія. Сомнѣваюсь, чтобъ Фидій сдѣлалъ что нибудь замѣчательное изъ твоей миссъ Фай. На мои глаза, она безукоризненно прекрасна.

— Она совсѣмъ не моя миссъ Фай. Она—пріятельница моей матери.

— Счастлива твоя мать. Женщина, незнакомая съ тщеславіемъ, съ ревностью, съ завистью...

— Гдѣ найдешь ты такую?

— Мать твоя. Такая женщина можетъ, мнѣ кажется, любоваться женской красотой почти такъ же, какъ мужчина.

— Мать часто говорила мнѣ о добрыхъ качествахъ Маріонъ, но не особенно распространялась насчетъ ея красоты. Для меня главная ея прелесть—голосъ. Она говоритъ музыкально.

— Такъ, вѣроятно, говорила Мельпомена... Часто она бываетъ у васъ?

— Всякій день, кажется, но по большей части безъ меня. Несмотря на то, мы съ ней большіе друзья. Она иногда отправляется со мной въ городъ, въ четвергъ утромъ, на митингъ.

— Счастливецъ!—Родень пожалъ плечами, какъ бы созна-

вая, что счастье такого рода должно придти къ нему изъ другого источника, если вообще придеть. — О чемъ она говоритъ?

— По большей части о религiи.

— А ты?

— О чемъ-нибудь другомъ, если она мнѣ позволитъ. Ей-бы хотѣлось обратить меня. Я вовсе не жажду обратить ее, такъ какъ дѣйствительно убѣжденъ, что она и такъ хороша.

— Да, — сказалъ Гѣмпстедъ, — это обратная сторона того, что мы привыкли называть передовыми взглядами. При всей моей самоувѣренности, я никогда не осмѣливаюсь касаться религиозныхъ воззрѣній тѣхъ, кто моложе или слабѣе меня. Я чувствую, что за нихъ, во всякомъ случаѣ, бояться нечего, если они искренни. Никто, мнѣ кажется, еще не навлекъ на себя опасности, вѣруя въ божественность Христа.

— Никто изъ нихъ не знаетъ, во что вѣруетъ, — сказалъ Роденъ; — такъ же, какъ и мы съ тобой. Люди толкуютъ о вѣрованiяхъ, точно это вопросъ рѣшенный. Оно такъ только для немногихъ; да и этимъ немногимъ недостаетъ воображенiя. Какъ провелъ ты время въ замкѣ Готбой?

— О, такъ-себѣ, недурно. Всѣ были очень любезны, сестрѣ моей тамъ понравилось. Мѣстность прелестная. Домъ былъ полонъ гостей, которые презирали меня больше, чѣмъ я ихъ.

— Этимъ, пожалуй, много сказано.

— Было нѣсколько необыкновенныхъ обезьянъ. Одна дѣвица, не изъ очень молодыхъ, спросила меня, что я намѣренъ дѣлать со всей землей, когда отниму ее у всѣхъ. Я отвѣтилъ ей, что когда она вся будетъ раздѣлена поровну, то даже всѣмъ дочерямъ достанется по хорошенькому помѣстью, и что при такихъ обстоятельствахъ всѣ сыновья непременно женятся. Она признала, что такой результатъ былъ бы необыкновенно хорошъ, но объявила, что не вѣритъ въ него. Свѣтъ, въ которомъ мужчины желали бы жениться, превосходить ея пониманiе. Разъ я тамъ охотился.

— Охота, вѣроятно, плохая?

— Еслибъ не случилось тутъ одной помѣхи, она была бы очень хороша.

— Мѣшали вѣроятно горы и озера?

— Во все нѣтъ. Горы мнѣ полюбились своимъ эхомъ, а озера намъ не мѣшали.

— Зачѣмъ же дѣло стало?

— Явился одинъ субъектъ.

— Который былъ тебѣ антипатиченъ?

— Второй оказался невыносимымъ.

— Развѣ нельзя было отъ него отдѣлаться?

— Отдѣлаться было невозможно. Я, наконецъ, достигъ этого только тѣмъ, что повернулъ лошадь и поѣхалъ назадъ, когда мы уже ѣхали домой. Я предложилъ-было ему ѣхать дальше, пока я постою,—но онъ не захотѣлъ.

— Неужели дошло до этого?

— Положительно. Я просто бѣжалъ отъ него; не такъ какъ мы это продѣлываемъ въ обществѣ, когда ускользаемъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ, предоставивъ собесѣднику думать, что онъ намъ доставилъ большое удовольствіе, но категорически выразивъ мое мнѣніе и намѣреніе.

— Кто-жъ онъ такой? Въ этомъ-то и былъ вопросъ. Гемпстедъ затѣмъ пріѣхалъ, чтобъ сказать, кто онъ такой, и потолковать о немъ нисколько не стѣсняясь. Онъ твердо рѣшился это сдѣлать. Но онъ предпочиталъ не приступать къ строгому общенію пріятеля, пока они не пойдутъ вмѣстѣ пройтись, а теперь и не хотѣлось выйти изъ дома, не поговоривши еще о Маріонъ Фай. Онъ имѣлъ намѣреніе обѣдать въ полномъ одиночествѣ въ Гендонъ-Голлѣ. Насколько пріятнѣе было бы, еслибъ онъ могъ обѣдать въ улицѣ Парадизъ-Роу съ Маріонъ Фай! Онъ зналъ, что мистриссъ Роденъ обыкновенно рано обѣдала по воскресеньямъ, съ тѣмъ, чтобъ двѣ дѣвушки, составлявшія ея штатъ, могли отправиться — въ церковь или къ своимъ обожателямъ, какъ имъ заблагоразсудится. Онъ уже обѣдалъ здѣсь раза два, уничтожалъ скромную, но скрашенную обществомъ, баранину Голловэя, отдавая ей предпочтеніе передъ разнообразнымъ, но одинокимъ, обѣдомъ въ Гендонѣ. Не было, однако, ни малѣйшаго основанія предполагать, что Маріонъ Фай будетъ обѣдать въ домѣ № 11, даже допуская, что его бы пригласили. Въ сущности, ничто не могло быть менѣе вѣроятно, такъ какъ Маріонъ Фай никогда не покидала своего отца. Ему не хотѣлось дать понять пріятелю, что онъ жаждетъ дальнѣйшаго, безотлагательнаго сближенія съ Маріонъ. Въ этой выходкѣ было бы нѣчто нелѣпое, на что онъ не рѣшался. Только еслибъ онъ могъ провести день въ Парадизъ-Роу, а затѣмъ отправиться пѣшкомъ домой съ Роденомъ уже темнымъ вечеромъ, онъ могъ бы, казалось ему, совершенно легко сказать то, что имѣлъ высказать.

Но это было невозможно. Онъ просидѣлъ минуты двѣ молча послѣ того, какъ Роденъ спросилъ имя того, кто ему надоѣдалъ въ отъѣздѣмъ полѣ, и вмѣсто отвѣта предложилъ ему отпра-

виться вмѣстѣ пѣшкомъ, по дорогѣ въ Гендонъ.—Я совершенно готовъ; но ты долженъ назвать мнѣ этого ужаснаго человѣка.

— Какъ только отправимся—назову. Я затѣмъ и пріѣхалъ сюда, чтобъ назвать тебѣ его.

— Чтобъ назвать мнѣ человѣка, отъ котораго ты убѣждалъ въ Кумберлендѣ?

— Именно; пойдемъ.—Такъ они и отправились, болѣе чѣмъ за часъ до возвращенія Маріонъ Фай изъ церкви.—Человѣкъ, который такъ надобѣлъ мнѣ на охотѣ, былъ твой близкій пріятель.

— У меня въ цѣломъ мірѣ нѣтъ близкаго пріятеля, кромѣ тебя.

— А Маріонъ Фай?

— Я говорю о мужчинахъ. Не думаю, чтобъ Маріонъ Фай охотилась въ Кумберлендѣ.

— Мнѣ кажется, я бы не убѣждалъ отъ нея. Это былъ мистеръ Крокеръ, изъ главнаго почтамта.

— Крокеръ въ Кумберлендѣ?

— Да, именно, онъ былъ въ Кумберлендѣ; я встрѣтилъ его на обѣдѣ въ замкѣ Готбой, когда онъ былъ такъ добръ, что откомендовался мнѣ, а потомъ на охотѣ, — когда онъ болѣе, чѣмъ откомендовался мнѣ.

— Удивляюсь!

— Развѣ онъ не въ отпуску?

— О, да, онъ въ отпуску. Но какъ онъ могъ тамъ быть?

— Отчего ему не быть въ Кумберлендѣ, когда оказывается, что отецъ его управляющій или что-то въ этомъ родѣ у моего дяди Персифлажа?

— Я не зналъ, что его что-нибудь связываетъ съ Кумберлендомъ и не могъ предположить, чтобъ почтамтскій клеркъ въ отпуску охотился въ какомъ бы то ни было графствѣ.

— Ты не слыхалъ о его лошади?

— Ровно ничего. Я не зналъ, что онъ когда-нибудь садился на лошадь. Не объяснишь ли ты мнѣ теперь, почему ты называлъ его моимъ другомъ?

— Развѣ вы не друзья?

— Ни мало.

— Но развѣ онъ не сидитъ за однимъ столомъ съ тобой?

— Сидитъ.

— Мнѣ кажется, я подружился бы съ человѣкомъ, еслибъ сидѣлъ съ нимъ за однимъ столомъ.

— Даже съ Крокеромъ?—спросилъ Роденъ.

— Ну, онъ, пожалуй, составилъ бы исключеніе.

— Но, еслибъ онъ составилъ исключеніе для тебя, то от-

чего жъ бы не для меня? По правдѣ говоря, Крокеръ причиняетъ мнѣ не мало неприятностей. Онъ не только мнѣ не другъ; онъ мнѣ—я не скажу «врагъ», такъ какъ это значило бы придавать ему слишкомъ большое значеніе—но онъ къ этому званію ближе, чѣмъ кто бы то ни было изъ моихъ знакомыхъ. Но что же все это значитъ? Отчего онъ въ Кумберлендѣ особенно надоѣдалъ тебѣ? Отчего ты называешь его моимъ другомъ? Отчего ты хочешь говорить со мной о немъ?

— Онъ отрекомендовался мнѣ и сказалъ мнѣ, что онъ твой близкій пріятель.

— Такъ онъ солгалъ.

— До этого-то мнѣ было бы все равно;—но онъ сдѣлалъ хуже.

— Что жъ онъ еще сдѣлалъ?

— Я былъ бы съ нимъ любезенъ—хотя бы изъ-за того, что онъ сидитъ за однимъ столомъ съ тобой;—но...

— Но что?

— Есть вещи, которыя не легко высказать.

— Если ихъ приходится высказывать, такъ лучше ихъ высказать,—сказалъ Роденъ, почти сердито.

— Другъ ли онъ тебѣ или нѣтъ, а онъ знаетъ о твоихъ отношеніяхъ къ моей сестрѣ.

— Быть не можетъ!

— Онъ мнѣ это сказалъ,—порывисто проговорилъ лордъ Гэмпстедъ, языкъ котораго наконецъ развязался.—Понимаешь, сказалъ! Онъ снова и снова, къ крайнему моему неудовольствію, возвращался къ этому сюжету. Хотя бы дѣло это было совершенно рѣшенное, онъ не долженъ былъ бы упоминать о немъ.

— Конечно, нѣтъ.

— Но онъ не переставалъ толковать мнѣ о твоемъ счастьѣ, о томъ, какъ тебѣ везетъ, и пр. Остановить его было невозможно, такъ что мнѣ пришлось обратиться въ бѣгство. Я просилъ его замолчать, такъ категорически, какъ только могъ это сдѣлать, не упоминая имени Фанни. Но все это ни къ чему не повело.

— Какъ онъ узналъ это?

— Ты ему сказалъ!

— Я?

— Такъ онъ говорить.

Это было не совсѣмъ вѣрно. Крокеръ такъ подвелъ разговоръ, что ему не пришлось прибѣгать къ явной лжи, прямо заявивъ, что свѣдѣнія эти онъ получилъ отъ самого Родена. Тѣмъ не менѣе, онъ желалъ дать понять это Гэмпстеду, въ чемъ и успѣлъ.

— Онъ далъ мнѣ понять, что ты постоянно говоришь объ этомъ въ почтамтѣ.

Роденъ повернулся и взглянулъ на своего спутника; весь блѣдный отъ гнѣва, казалось, онъ не могъ выговорить ни одного слова.

— Это такъ и было, какъ я тебѣ говорю. Онъ началъ разговоръ въ замкѣ, а послѣ продолжалъ его, какъ только могъ подобраться ко мнѣ на охотѣ.

— И ты ему повѣрилъ?

— Что жъ мнѣ было дѣлать, когда онъ такъ часто повторялъ свой рассказъ?

— Обросить его съ лошади.

— И тѣмъ самымъ быть вынужденнымъ говорить о сестрѣ моей со всѣми и каждымъ, кто былъ на охотѣ, или находился въ предѣлахъ графства? Ты не понимаешь, какъ свято имя дѣвушки.

— Мнѣ кажется, понимаю. Мнѣ кажется, а болѣе всѣхъ способенъ понимать, какъ свято имя люди Франсесъ Траффордъ. Конечно, я никогда не говорилъ объ этомъ никому въ почтамтѣ.

— Отъ кого-жъ онъ слышалъ?

— Какъ могу я отвѣтить на это? Вѣроятно черезъ кого-нибудь изъ вашей же семьи. Вѣсть эта, черезъ люди Кинсбери, проникла въ замокъ Готбой, а тамъ и пошла гулять по свѣту. За это я не отвѣтственъ.

— Конечно, нѣтъ... если оно такъ.

— А также и за ложь такого субъекта, какъ онъ. Ты не долженъ былъ стеснять меня способнымъ на это.

— Я обязанъ былъ спросить тебя.

— Ты обязанъ былъ сообщить мнѣ это, но не долженъ былъ меня спрашивать. Есть вещи, которыхъ спрашивать и не нужно. Что мнѣ съ нимъ дѣлать?

— Ничего. Сдѣлать ничего нельзя. Ты не могъ бы коснуться этого вопроса, не намекнувъ на мою сестру. Она черезъ недѣлю возвращается въ Гендонъ.

— Она и прежде была тамъ, но я не видѣлъ ее.

— Конечно, ты ее не видалъ. Какъ же тебѣ ее видѣть?

— Просто пойти туда.

— Она бы тебя не приняла.

Роденъ сильно нахмурился при этихъ словахъ.

— Между отцомъ моимъ, Фанни и мною было рѣшено, что ты не долженъ ѣздить въ Гендонъ, пока она гоститъ у меня.

— Неужели мнѣ не слѣдовало участвовать въ этомъ договорѣ?

— Едва ли, мнѣ кажется. Договоръ этотъ долженъ былъ состояться, согласился ли бы ты на него или нѣтъ. Ни на какихъ другихъ условіяхъ отецъ не позволилъ бы ей пріѣхать ко мнѣ. Было крайне желательно разлучить ее съ леди Кинсбери.

— О, да.

— А потому договоръ былъ разумный. Я бы ее не принималъ ни на какихъ другихъ условіяхъ.

— Отчего?

— Потому что нахожу, что посѣщенія эти были бы неблаго-разумны. Мнѣ незачѣмъ съ тобой хитрить. Я не думаю, чтобы бракъ этотъ былъ возможенъ.

— А я думаю напротивъ.

— Такъ какъ я съ тобою несогласенъ, то не могу же я устраивать вамъ свиданія. Еслибы ты сталъ тамъ бывать, ты только заставилъ бы меня найти себѣ убѣжище въ другомъ мѣстѣ.

— Я васъ не беспокоилъ.

— Нѣтъ. А теперь мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты далъ мнѣ слово, что и впередъ не будешь. Я увѣрилъ отца, что это такъ и будетъ. Общаешь ли ты не посѣщать ее въ Гендонъ-Голлѣ, не писать къ ней, пока она гоститъ у меня?—Онъ пріостановился, ожидая отвѣта, но Роденъ молча шелъ далѣе и Гѣмпстедъ вынужденъ былъ не отставать отъ него.—Общаешь?

— Не могу я обѣщать. Я не хочу подвергаться возможности заслужить названіе лгуна. И не имѣю никакого желанія стучаться въ дверь дома, гдѣ мнѣ не рады.

— Ты знаешь, какъ бы я былъ тебѣ радъ, еслибъ не она.

— Можетъ случиться, что я буду вынужденъ попытаться ее видѣть, а потому я не дамъ никакого обѣщанія. Человѣкъ не долженъ связывать своихъ дѣйствій никакими увѣреніями такого рода. Если онъ пьяница, ему, пожалуй, полезно связать себя обѣщаніемъ не пить. Но тотъ, кто умѣетъ управлять собственными дѣйствіями, не долженъ ничего обѣщать. А теперь прощай. Пора домой обѣдать, мать ждетъ.

Онъ простился какъ-то наскоро и вернулся. Гѣмпстедъ пошелъ въ Гендонъ, размышляя то о сестрѣ, то о Роденѣ, котораго находилъ несговорчивымъ, то объ этомъ ужасномъ Кроверѣ, но всего болѣе о Маріонѣ Фай, относительно которой онъ рѣшилъ, что долженъ снова ее видѣть, какія бы препятствія ни встрѣтились на пути его.

О. П.

НАШИ УЧИТЕЛЬСКІЯ СЕМИНАРІИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

I.

Въ послѣднее время въ нашей печати выражается мнѣніе, будто бы наши учительскія семинаріи создаютъ людей, не довольствующихся своимъ положеніемъ, полуобразованныхъ верхоглядовъ, безъ которыхъ народной школѣ весьма полезно обойтись, замѣнивъ ихъ діаконами; вовсе не въ видѣ шутки, какъ можно бы подумать, съѣдутъ деньги, затрачиваемыя земствомъ и правительствомъ на учительскія семинаріи, издерживать на содержаніе діаконѣвъ при сельскихъ церквахъ, которымъ и поручать преподаваніе въ народныхъ школахъ. На этотъ разъ мы поставимъ вѣдь вопроса то обстоятельство, что начальная школа требуетъ, какъ рѣшено всѣмъ образованнымъ міромъ и provato собственнымъ опытомъ Россіи, *спеціально* подготовленнаго учителя, знающаго очень многое такого, чему діаконъ справедливо не обучаетъ; не станемъ обсуждать этого вопроса въ надеждѣ, что въ средѣ нашихъ читателей не найдется и одного, настолько мало знакомаго съ дѣйствительною жизнью, чтобы воспитаннику учительской семинаріи *среднимъ счетомъ* предпочесть діаконъ въ народномъ училищѣ, не позволяя себѣ о тѣхъ и другихъ судить по исключеніямъ. На этотъ разъ постараемся дать себѣ отчетъ въ томъ, въ какой степени проявилась наша „расточительность“ при открытіи учительскихъ семинарій, и въ какой мѣрѣ мы впали, при этомъ, въ излишество, которое давало бы намъ право уже теперь приостановиться съ учрежденіемъ новыхъ учительскихъ семинарій? Кроме того, всмотримся поближе въ одну изъ нашихъ учительскихъ семинарій, вербующую своихъ воспитанниковъ почти исключительно изъ крестьянской среды,—для того, чтобы, съ одной стороны, дать себѣ от-

четь въ томъ, при какихъ условіяхъ наши семинаріи существуютъ, какихъ достигаютъ результатовъ, и съ другой — какіе онѣ представляютъ органическіе недостатки, устраненіе которыхъ было бы желательно.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ еще никѣмъ не было утверждаемо, чтобы въ государствѣ, въ которомъ быть духовенства матеріально еще неполнѣ обеспеченъ, и гдѣ, по многимъ причинамъ, а преимущественно потому, что матеріальныя и другія условія жизни нашего духовенства не всегда заманчивы, ощущается недостатокъ въ лицахъ окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ даже для замѣщенія вакансій священнослужителей, — чтобы при этомъ возможно было назначать діаконовъ народными учителями. Въ то время, несмотря на то, что были уже устроены „педагогическіе курсы“ при десяти уѣздныхъ училищахъ въ Россіи, давшіе не мало полезныхъ учителей, въ отвѣтъ на заявленіе общества о необходимости новыхъ учительскихъ семинарій, доказывали однако, что ихъ не нужно; достаточно будетъ, полагали тогда, тѣхъ изъ оканчивающихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, которые еще не получили священническаго мѣста, и которые, до посвященія, могутъ нѣсколько лѣтъ съ успѣхомъ заниматься въ народныхъ школахъ. Но не прошло и четырехъ лѣтъ, какъ всѣ убѣдились доводами общества и опытомъ въ томъ, что не существуетъ иного способа обеспечить народныя училища вполне пригодными наставниками, кромѣ подготовленія ихъ въ особые учебныя заведенія; въ пользу этой безспорной истины говорило, и говорить, и то обстоятельство, что у насъ слишкомъ мало учебныхъ заведеній вообще, а для крестьянъ, которые пожелали бы не довольствоваться простою грамотностью и затѣмъ не идти въ чиновники, но возвратиться въ родное село, такихъ учебныхъ заведеній вовсе нѣтъ, и что лучшаго призванія для учившагося крестьянина и представить себѣ нельзя, какъ педагогическая дѣятельность въ родной средѣ, въ народной школѣ. Въ 1871 году правительствомъ открыты были потому *шесть* учительскихъ семинарій, но одной на учебный округъ, причѣмъ педагогическіе курсы упразднены; эти „министерскія“ учительскія семинаріи возникли позже нѣсколькихъ, открытыхъ земствомъ, которому принадлежитъ инициатива въ этомъ дѣлѣ, какъ во всѣхъ вопросахъ „новой школы“, если не считать первой дерптской учительской семинаріи, основанной еще въ 1828 году; съ того времени вопросъ замеръ на цѣлыхъ пятьдесятъ-три года, пробудившись за все это время только разъ въ видѣ открытія молодежненской учительской семинаріи въ 1864 году, возникшей изъ стремленія къ обрусенію края, а не изъ убѣжденія въ томъ, что учительскія семинаріи нужны своему народу, какъ хлѣбъ насущный. Послѣ 1871 года,

министерство просвѣщенія стало открывать учительскія семинаріи съ особенною энергіею, и по 1875 годѣ возникло ихъ, не считая первоначальныхъ, ранѣе 1872 года основанныхъ, до *двадцати* пяти; но, къ сожалѣнію, одновременно съ этимъ проводился принципъ, что вовсе не дѣло земства открывать учительскія семинаріи; и также къ сожалѣнію, въ эти годы земскія учительскія семинаріи стали подвергаться такому подозрительному и тяжелому надзору, и такимъ стѣсненіямъ, что многія изъ нихъ стали закрываться, или переходить въ вѣдѣніе правительства; все же казалось, что русскому обществу не предстоитъ болѣе предложенія о замѣнѣ народнаго учителя діакономъ, и что окончательно упрочилось мнѣніе о томъ, что необходимо дать нашему народу возможно больше, если не земскихъ, то правительственныхъ учительскихъ семинарій. Но вышло не то: въ движеніи вопроса объ учительскихъ семинаріяхъ въ 1875 году еще не была поставлена „точка“, но уже показалась умѣстной „точка съ запятою“: съ 1875 года по 1878 годѣ открыты вновь всего *четыре* учительскія семинаріи, и затѣмъ была поставлена „точка“. Земскія учительскія семинаріи существуютъ съ 1869 года, и въ настоящее время, судя по списку 1880 года, ихъ десять. Кромѣ того существуютъ у насъ двѣ учительскія семинаріи вѣдомства государственныхъ имуществъ и три вѣдомства императрицы Маріи; такимъ образомъ, собственно правительствомъ учрежденныхъ учительскихъ семинарій, не считая „центральныхъ училищъ“ нѣмецкихъ колонистовъ и учительскихъ семинарій лютеранской церкви, у насъ теперь только 52, а съ земскими всего 62.

Такъ какъ тѣ, которые стремятся убѣдить насъ въ томъ, что нами сдѣлано уже слишкомъ и слишкомъ много въ дѣлѣ открытія учительскихъ семинарій, часто ссылаются на прусскіе школьные порядки,—когда они считаютъ это для себя выгоднымъ,—то и мы сравнимъ Россію съ Пруссіею относительно числа учительскихъ семинарій, для того, чтобы выяснить, насколько умѣстна „точка“, насколько мы уже успѣли впасть въ излишество, насколько статистика оправдываетъ предположеніе, будто бы намъ пора приостановиться съ открытіемъ учительскихъ семинарій. У насъ, какъ мы видѣли, 62 учительскія семинаріи, открытыя земствомъ и правительствомъ, на 83 милліона жителей въ европейской Россіи. Въ Пруссіи же, по свѣдѣніямъ за 1881 годѣ, на 26 милліоновъ жителей 112 учительскихъ семинарій, изъ чего слѣдуетъ, что если бы намъ поравняться съ Пруссіею, то, пропорціонально населенію, мы успѣли открыть только 62 учительскія семинаріи изъ 357, которыя нужны, и остается открывать еще 295 учительскихъ семинарій; мы обладаемъ, значитъ, *шестю частію* того, что намъ нужно, если мы когда-

нибудь доживемъ до всеобщности начальнаго обученія. Вотъ, насколько намъ пора почить на лаврахъ, приостановившись съ открытіемъ учительскихъ семинарій! Но во всей російской имперіи не 83 милліона жителей, а 98 милліоновъ; и если принять въ расчетъ это населеніе, и добавить къ 62 учительскимъ семинаріямъ европейской Россіи еще 8, открытыя правительствомъ въ азіатской Россіи, тогда окажется, что намъ нужны въ будущемъ, если мы тогда поравняемся съ Пруссією настоящаго времени, не 65 учительскихъ семинарій, а цѣлыхъ 422! Теперь ясно видно, съ какою расточительностью мы до сихъ поръ бросали деньги на учительскія семинаріи, которыя будто плодились у насъ какъ грибы послѣ дождя. Да, намъ остается устраивать еще 357 учительскихъ семинарій, если только допустить, что будетъ у насъ столько народныхъ школъ, чтобы всякій русскій могъ учиться, и если добавить къ этому такое невозможное предположеніе, что населеніе Россіи не увеличится къ тому времени, когда все подростающее поколѣніе нашего народа будетъ проходить чрезъ школу. Но далеко до этого времени, а потому къ тому времени потребуется не 357 учительскихъ семинарій, а можетъ быть 700, или болѣе, а мы при 65 увѣряемъ себя уже въ томъ, что мы слишкомъ много сдѣлали по настоящее время!

II.

Но въ настоящемъ случаѣ важенъ не только вопросъ о числѣ учительскихъ семинарій; огромное значеніе имѣетъ вопросъ о *качествѣ* ихъ. Если въ самомъ дѣлѣ наши учительскія семинаріи надѣляютъ наши сѣла и города въ сущности ничего не знающими всеснайками, кое-чего нахватавшимися настолько, чтобы чуждаться своей скромной сферы и увеличивать число „недовольныхъ“, то дѣло крайне серьезно. Но, не говоря уже о томъ, что изъ такого положенія вещей могла бы только вытекать необходимость *преобразованія*, а никакъ не упраздненія учительскихъ семинарій,—не думаемъ, чтобы выставленное противниками семинарій пугало существовало въ дѣйствительности; мы надѣемся на то, что оно существуетъ только въ воображеніи лицъ, проводящихъ діаконвъ въ учителя, такъ какъ и эти лица не ратуютъ за немедленное закрытіе всѣхъ существующихъ учительскихъ семинарій, ограничиваясь совѣтомъ не открывать ихъ *вновь*. Существоуй не призраки, а существуй въ дѣйствительности та грустная картина, которую намъ представляютъ, — тѣ художники, кисти которыхъ картина принадлежитъ, обнаружили бы такую близорукость, при которой никакая живо-

пись невозможна: какой смысл былъ бы въ томъ, чтобы не открывать болѣе учительскихъ семинарій, съ цѣлю не создавать „неблагонадежныхъ“ людей, но все-таки продолжать надѣлать такими же опасными людьми изъ существующихъ учительскихъ семинарій. Видно, нѣтъ фактовъ для поголовнаго обвиненія нашихъ учительскихъ семинарій, если воздерживаются отъ приведенія ихъ даже тѣ, которые такъ охотно и легко на нихъ клеветаютъ. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ взять матеріалъ на то, чтобы не огульно судить о томъ, какихъ учебныхъ и воспитательныхъ результатовъ достигаютъ наши учительскія семинаріи въ *большинствѣ* случаевъ. Если я скажу, напримеръ, что, въ 1880 году, въ Херсонѣ съѣхались до 250 учителей и учительницъ на учительскій съѣздъ, и что я, руководя этимъ съѣздомъ, только любовался ихъ „благонадежностью“, то нѣкоторые могутъ заподозрить меня въ увлеченіи, другіе — въ недобросовѣстности; могутъ найтись и такіе, которые и меня самого запишутъ въ число „неблагонадежныхъ“; если я добавлю къ сказанному, что и въ настоящее время я состою въ ближайшихъ отношеніяхъ къ дѣлу народнаго образованія въ трехъ уѣздахъ (мариупольскомъ, александровскомъ и бердянскомъ), не говоря уже о томъ, что мнѣ близко извѣстно положеніе этого дѣла въ десяткахъ губерній; если я скажу, что только въ видѣ рѣдкихъ исключеній до меня доходятъ свѣдѣнія о неудачѣ учительскихъ семинарій, что касается „благонадежности“ воспитанниковъ ихъ (за которую, впрочемъ, гораздо чаще отвѣтственна жизнь, а не учебное заведеніе), то и къ этому показанію моему, которое я произношу при сознаніи всей отвѣтственности, падающей на меня предъ совѣстью и людьми, — то и это будетъ не болѣе, какъ личнымъ мнѣніемъ, которое всегда можетъ быть ошибочнымъ. Но мы живемъ въ такое время, которое, къ несчастью, представляетъ не мало данныхъ для того, чтобы всякій благоразумный и непредубѣжденный человекъ, не позволяющій себѣ судить по двумъ, тремъ явленіямъ, ему случайно извѣстнымъ, могъ успокоить свою совѣсть по вопросу о томъ, служимъ ли мы народу, или вредимъ ему, поощряя наши учительскія семинаріи: сколько было у насъ политическихъ процессовъ въ послѣдніе годы! Въдѣ народныхъ учителей у насъ десятки тысячъ, и въ числѣ ихъ уже тысячи прошедшихъ чрезъ учительскія семинаріи; въдѣ народный учитель ближе всѣхъ стоитъ къ нуждѣ народной, на которую и спекулируютъ лица, осуждаемыя по политическимъ процессамъ. Будь въ самомъ дѣлѣ нашъ народный учитель опасный элементъ въ государствѣ, то, при множествѣ ихъ, всѣхъ бы успѣло поразить до сихъ поръ число народныхъ учителей, замѣшанныхъ въ политическіе процессы, — и что же? Неужели у кого-нибудь станетъ добросовѣстности

не согласиться съ тѣмъ, что къ счастью только въ видѣ самихъ рѣдкихъ исключеній у друзей школы сжималось сердце при извѣстіи о томъ, что и знамя школы опозорено, причемъ почти всегда оставалось мѣсто для утѣшенія тѣмъ, что не подготовка учителя, но житейская обстановка его сбила его съ прямой дороги — служить народу въ школѣ, не консултруя надъ дѣтскою природою непосильными для дитяти разглагольствованіями и воспитывая дѣтей въ чувствѣ законности, научая ихъ не только словомъ, но и собственнымъ примѣромъ. Мы глубоко убѣждены въ томъ, что огромное большинство воспитанниковъ учительскихъ семинарій съ пользою служатъ дѣлу, и не сомнѣваемся также, что значительное большинство лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу, не можетъ не быть на нашей сторонѣ въ этомъ вопросѣ; и людей безпристрастныхъ, полагаемъ, не можетъ не убѣдить приведенное нами отрицательное доказательство.

Посмотримъ, какъ организованы наши учительскія семинаріи. Вѣрно ли то, что изъ нихъ должны были выходить люди, непременно недовольные своимъ положеніемъ; что онѣ осуждены были выпускать полуобразованныхъ фразеровъ, ловящихся на первую удочку и затѣмъ служащихъ орудіемъ въ рукахъ болѣе искусныхъ? Едва ли всѣ эти вопросы могутъ не быть близкими сердцу всякаго истинно-образованнаго человѣка; а для того, чтобы отвѣчать на нихъ, мы не ограничимся однимъ изученіемъ устава учительскихъ семинарій, но приглядимся ближе къ тому, какъ ведется дѣло хотя бы въ одной изъ нихъ, и притомъ, въ такой, которая воспитываетъ почти исключительно крестьянъ, т.-е. осуществляетъ мечту истинныхъ друзей дѣла, — которую лица, стремящіяся направить средства учительскихъ семинарій, на жалованье діаконамъ, считают не осуществившеюся, въ отношеніи педагогическомъ.

Для того, чтобы ознакомить читателей съ такою учительскою семинаріею, существующею въ селѣ, мы приглашаемъ его предварительно нѣсколько осмотрѣться въ той мѣстности, въ которой она дѣйствуетъ. Представьте себѣ уѣздъ, въ которомъ до 173 тысячъ жителей, городскихъ и сельскихъ, и 11,398 учащихся. Эти цифры, можетъ быть, васъ не поражаютъ, а потому сравнимъ этотъ уѣздъ съ нѣкоторыми другими частями нашего отечества: въ харьковской губерніи, на примѣръ (2 милл. жителей — и 32 тыс. учащихся), должно бы быть чуть не въ четыре больше учащихся, если бы она поравнялась съ тѣмъ уѣздомъ, о которомъ идетъ рѣчь. Мы говоримъ о бердянскомъ уѣздѣ таврической губерніи, благодаря земству котораго дѣло народнаго образованія приведено въ исключительно цвѣтущее положеніе. Для того, чтобы нагляднѣе

выяснилось сравненіе, допустимъ, что въ бердянскомъ уѣздѣ не 173 тысячи жителей, но 200 тысячъ, и округлимъ цифру учащихся, уменьшивъ ее до 11 тысячъ; затѣмъ, принимая во вниманіе, что въ бердянскомъ уѣздѣ есть нѣмецкія колоніи, къ которымъ примѣняется обязательность обученія, ничего общаго съ земствомъ не имѣющая, — сравнимъ съ бердянскимъ уѣздомъ саратовскую губернію, въ которой также есть нѣмецкія колоніи; въ такомъ случаѣ окажется, что въ саратовской губерніи на 2 милліона жителей всего 65 тысячъ учащихся, а должно бы быть, въ случаѣ равенства съ бердянскимъ уѣздомъ, 110 тысячъ! Екатеринославская губернія стоитъ впереди многихъ другихъ по относительному числу учащихся и въ ней (1½ милл. жителей) нужно бы увеличить число учениковъ въ школахъ (34 тысячи) въ два съ половиною раза для того, чтобы она достигла нормъ, до которой уже дожило бердянское земство. Наконецъ, если взять наши столичныя губерніи, то и онѣ не выдержатъ сравненія: такъ, въ петербургской губерніи, не считая столицы, около 800 тысячъ жителей и 25 тыс. учащихся, вѣсто 44 тысячъ, сообразно бердянской нормѣ; въ московской губерніи, не включая столицы, только 75 тысячъ учащихся на 2 милліона жителей, а въ бердянскомъ уѣздѣ настолько относительно больше, что если бы довести число московскихъ учениковъ до числа бердянскихъ, то пришлось бы добавить въ московской губерніи къ 75 тысячамъ еще 35 тысячъ. Но въ земствѣ ли вопросъ въ бердянскомъ уѣздѣ? Да, именно въ немъ, такъ какъ въ этомъ уѣздѣ такое значеніе получила земская народная школа въ селахъ и городѣ, что не существуетъ ни одного церковно-приходскаго училища и закрылись параллельный второй классъ мужской гимназіи и приготовительный классъ женской гимназіи, существующихъ при пособіи отъ земства; эти классы закрылись за отсутствіемъ учениковъ, такъ какъ дѣти посѣщаютъ народныя училища въ городѣ, и изъ нихъ поступаютъ въ гимназіи. И въ селахъ училища таковы, и благосостояніе населенія настолько удовлетворительно, что примѣры поступленія сельчанъ въ гимназіи города Бердянска такъ нерѣдки, что число гимназистовъ не изъ города, и не изъ уѣзда, въ которомъ вовсе нѣтъ дворянъ, составляетъ болѣе 14% всего числа учащихся въ мужской гимназіи; едва ли существуетъ еще вторая гимназія въ Россіи, въ которой, подобно бердянской, было бы всего 3 ученика изъ дворянъ и только 55 изъ чиновниковъ и духовенства: на 271 учащихся гимназіи 142 изъ дѣтей мѣщанъ, крестьянъ и солдатъ, проходящихъ чрезъ народныя школы. Такова работа земства, которое въ въ данномъ случаѣ дѣйствовало къ тому же вопреки множеству не-

благопріятныхъ обстоятельствъ ¹⁾. Если бы кто-нибудь изъ того, что во многихъ мѣстностяхъ нашего отечества земскія учрежденія не исполняютъ своихъ обязанностей, задумалъ вывести, что отъ этихъ учрежденій вообще нечего ожидать, то мы указали бы ему на историческую колебель русскаго просвѣщенія, на кievскую губернію, въ которой земскихъ учрежденій не существуетъ и гдѣ поэтому дѣйствовала одна администрація. Для того, чтобы познать просвѣдительную силу земства, имѣвшаго, какъ увидимъ, и большое вліяніе на учительскую семинарію, о которой мы говоримъ, сравнимъ сначала кievскую губернію (2¹/₂ милл. жителей и 37 тыс. учащихся), гдѣ земскія учрежденія не введены, съ вятскою губерніею, почти равною ей по населенію и обладающею бездѣйствующимъ земствомъ; оказывается, что при равномъ населеніи въ вятской губерніи на 5 тысячъ учащихся больше, чѣмъ въ кievской, несмотря на то, что кievская принадлежитъ къ густо населеннымъ (на миллионъ 2,734 жит.), что значительно облегчаетъ школьное дѣло, а въ вятской губерніи приходится на квадратную милю всего по 942 жителя. Но и вятское земство, извѣстное своимъ рвеніемъ въ пользу народнаго образованія, превзойдено бердянскимъ, иниціативѣ котораго обязана своимъ существованіемъ и та учительская семинарія, о которой идетъ рѣчь: въ бердянскомъ уѣздѣ число учащихся относительно *строго* больше, чѣмъ въ вятской губерніи (42 тыс. учащихся при 2¹/₂ милл. жителей). Вотъ, какое значеніе получаютъ теперь статистическія данныя, которыя мы привели въ началѣ, указывая на то, что въ томъ уѣздѣ, гдѣ существуетъ разсматриваемая нами учительская семинарія, болѣе 11 тысячъ учащихся, изъ которыхъ собственно въ земскихъ *сельскихъ* училищахъ, 6,138 ученика, не считая общественныхъ колоніальныхъ школъ (3,311 учениковъ), правительственныхъ народныхъ училищъ (525 учениковъ) и учащихся въ мужской и женской гимназіяхъ (540). Въ русскихъ селеніяхъ бердянскаго уѣзда, по свѣдѣніямъ за 1881—1882 годъ, приходится одинъ учащійся примѣрно на 15 душъ населенія мужескаго пола, т.-е. приблизительно *половина всего населенія школьнаго возраста* посѣщаетъ земскія народныя школы, учителей для которыхъ готовить учительская семинарія въ болгарскомъ селеніи Преславѣ.

Но остановимся еще на минуту на результатахъ, достигнутыхъ земствомъ по народному образованію, такъ какъ иначе мы не могли бы получить вѣрной точки зрѣнія на отношеніе бердянскаго земства къ правительственной преславской учительской семинаріи. До сихъ поръ мы видѣли только, что по числу учащихся районъ дѣятельности этой учи-

¹⁾ См. мою книгу „Наши педагогическіе вопросы“.

тельской семинаріи представляется настолько исключительнымъ, что справедливо было бы предположить особенное вниманіе министерства просвѣщенія къ преславской учительской семинаріи. Но сказаннаго недостаточно: съ 1882 года, изъ 110 русскихъ селъ только въ 32 нѣтъ училищъ, не исключая и самыхъ мелкихъ селъ. Будетъ ли удобно здѣсь примѣнить систему замѣны учителей діаконами? Пришлось бы назначать діаконѣвъ въ такія села, въ которыхъ нѣтъ церквей, а есть школы. Всего 105 земскихъ училищъ въ уѣздѣ содержатся на счетъ земства, но сельскія общества на свои средства сооружаютъ зданія, даютъ учительскую квартиру, топливо и сторожа; въ уѣздѣ существуютъ 52 каменныхъ, обширныхъ, изящныхъ школьныхъ зданія, и только 14, признаваемыхъ неудовлетворительными; въ 1882 году приобретено для школъ до 10 тысячъ экземпляровъ учебныхъ книгъ, 354 стопы писчей бумаги и проч., и на всѣ учебныя пособия израсходовано 5,640 рублей. Бердянское земство издерживаетъ всего на народное образованіе 81,555 рублей, изъ которыхъ собственно на начальное 70,258 рублей! Только теперь станетъ вполне понятнымъ, почему бердянское уѣздное земство не въ силахъ содержать преславскую учительскую семинарію, и въ правѣ ожидать отъ *кубернскаго* земства и отъ правительства щедрой затраты и особеннаго вниманія къ учительской семинаріи селенія Преславля, подготовляющей учителей несомнѣнно не для одного бердянского уѣзда, въ которомъ число учителей доходило до 150; эта школа близка стоитъ къ народно-школьному дѣлу, которое своимъ развитіемъ въ этомъ уѣздѣ представляетъ у насъ еще весьма рѣдкое исключеніе.

Съ самаго перваго созыва земскаго собранія, озабоченное вопросомъ о подготовкѣ народныхъ учителей, бердянское земство воспользовалось первыми благоприятными къ тому обстоятельствами, чтобы ходатайствовать объ открытіи въ предѣлахъ уѣзда учительской семинаріи; но долго домогательства земства оставались настолько безуспѣшными, что тогдашній попечитель учебнаго округа (въ 1874 году) отвѣчалъ бердянскому земству: — правительство можетъ открыть учительскую семинарію, если земство можетъ пожертвовать для нея зданіе, состоящее, по меньшей мѣрѣ, изъ 40 или 45 комнатъ, со всѣми необходимыми приспособленіями! Тогда бердянская земская управа, указавъ на домъ бывшаго „болгарскаго центральнаго училища“ въ селеніи Преславѣ, бердянского уѣзда, склонила мѣстное болгарское сельское общество пожертвовать его подъ учительскую семинарію, и надѣлать ее десятью десятинами земли. Но дѣло не подвигалось — и если двинулось, наконецъ, то по личной инициативѣ тогдашняго министра просвѣщенія, графа Д. А.

Толстого, вслѣдствіе частнаго ходатайства. При этомъ, совершилось какое-то чудо: то же окружное учебное начальство, которое еще недавно считало необходимымъ 45 комнатъ для учительской семинаріи, рѣшилось открыть ее въ селеніи Преславѣ въ зданіи съ 12 комнатами, принявъ отъ земства въ свое распоряженіе десять тысячъ рублей на приспособленіе дома, пожертвованныхъ бердянскимъ земствомъ. Но и этою значительною одновременною затратою, на которую земство рѣшилось въ виду обѣщанія правительства предоставить ему въ семинаріи безплатно десять стипендій, земство не ограничилося. Въ 1876 году, бердянское земство ассигновало одновременно на приготовительный классъ при правительственной учительской семинаріи, стоящей внѣ всякаго вліянія земства по закону, тысячу рублей. Кромѣ того, бердянское земство ежегодно доплачиваетъ по 360 рублей фельдшеру при учительской семинаріи и безплатно снабжаетъ его нѣкоторыми лекарственными матеріалами; бердянскимъ земствомъ выдана правительственной семинаріи одновременная субсидія на устройство ремесленныхъ мастерскихъ при учительской семинаріи и кромѣ того бердянское земство издерживаетъ 1,220 рублей ежегодно (по смѣтѣ за 1881—1882 годъ) на содержаніе стипендіатовъ своихъ въ Преславѣ.

Губернское земство таврической губерніи могло бы признать, что содѣйствіе учительской семинаріи, служащей цѣлому краю, а не одному бердянскому уѣзду, болѣе всѣхъ другихъ въ Россіи обременившему себя расходами по народному образованію, касается гораздо болѣе губернскаго, нежели уѣзднаго земства; вмѣсто этого, симферопольское губернское земство ограничивалось ежегодною затратою, въ теченіе пяти лѣтъ, по одной тысячѣ рублей на приготовительный классъ при учительской семинаріи, да и то еще заявляло въ 1882 году, что оно на будущее время не гарантируетъ этой ассигновки. Еще гораздо равнодушнѣе относится къ преславской учительской семинаріи, — какъ увидимъ, крайне далекой отъ россоши, предполагаемой сторонниками діаконской народной школы, — мѣстная администрація, которая въ теченіи многихъ лѣтъ всачески оттирала земство отъ учительскихъ семинарій и которая, казалось бы, не могла рациональнѣе затрачивать деньги на начальное образованіе, какъ именно на возможно лучшее содержаніе учительскихъ семинарій и въ возможно большемъ числѣ. Если только принять во вниманіе, что никто не въ правѣ завабаливать окончившихъ курсъ въ учительской семинаріи, на всю жизнь, въ предѣлахъ одного уѣзда и даже одной губерніи, то изъ этого одного соображенія уже станетъ очевиднымъ, что какъ бы мѣстное земство и ни было обязано принимать близко къ сердцу вопросъ о подготовкѣ учителей, но главнѣйшій расходъ на нихъ должно

нести все государство; оно обязано обставить ихъ такъ, чтобы они не терпѣли нужды. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ опять, чтобы предоставление земству возможно большаго вліянія на учительскую семинарію не могло соответствовать видамъ такой центральной власти, которая не вѣруетъ въ исключительное „бумажный“ контроль и въ неограниченность чиновничества. Какъ бы то ни было, а преславская учительская семинарія избрана исключительно попеченію учебнаго начальства; присмотримся же къ тому, какъ ей живется; при этомъ будемъ черпать главный матеріалъ изъ весьма интересной брошюры, напечатанной съ разрѣшенія попечителя одесскаго учебнаго округа ¹⁾ и написанной директоромъ преславской семинаріи П. Θ. Паховскимъ съ величайшимъ знаніемъ дѣла и съ любовью.

III.

Отсутствие заботы мѣстнаго начальства, вслѣдствіе затруднявшаго земство по этому дѣлу, до личнаго вмѣшательства, какъ мы видѣли, самого министра,—отсутствие такой заботы о преславской учительской семинаріи проявилось при самомъ открытіи ея, 10 ноября 1875 года: „Во времени открытія, семинарія не имѣла никакихъ учебныхъ пособій, не имѣла классной и другой мебели и должна была довольствоваться *однимъ столомъ и стуломъ*, временно занятыми въ мѣстномъ волостномъ правленіи, и нѣсколькими, присланными изъ Одессы (1) копечителемъ учебнаго округа скамьями“. О томъ, что мѣстное начальство, требовавшее первоначально отъ земства дома въ 45 комнатъ, внезапно признало возможнымъ помѣстить семинарію въ 12 комнатахъ, я уже упоминалъ; остается добавить, что учительская семинарія, при открытіи, застала флигель, начатый сооруженіемъ бердянской земскою управою для учительскихъ квартиръ, недостроеннымъ; тогда началась переписка директора семинаріи съ директоромъ народныхъ училищъ губерніи и попечителемъ учебнаго округа; „заявленія семинаріи на имя окружнаго начальства были *совсѣмъ оставлены безъ отвѣта*“, а бердянская управа, съ своей стороны, справедливо указывала на выданный ей десять тысячъ рублей, дальнѣйшія же затраты предоставляла государству, не имѣя по закону, ни малѣйшаго участія въ управленіи *правительственною* учительскою семинаріею, какова преславская. При такихъ условіяхъ, семинарія пришлось вынести цѣлый рядъ бѣдствій и лишеній, и по настоящее время не исполнѣ прекратившихся. Но официальная брошюра едва ли справедливо сѣтуетъ на

¹⁾ „Историческій очеркъ преславской учительской семинаріи“.

то, что напрасно учительская семинарія была открыта въ селеніи Преславѣ, и приписываетъ часть всего ея претерпѣннаго неудобствамъ, связаннымъ съ сельскою жизнью. Не сомнѣвался въ томъ, что помѣщеніе учительской семинаріи въ селѣ ведетъ къ нѣкоторымъ неудобствамъ,—выгодныя стороны, для дѣла, такого помѣщенія мы все-таки поставимъ на первый планъ: начальству семинаріи несравненно легче слѣдить за нравственностью воспитанниковъ въ селѣ, чѣмъ въ городѣ; сельское затѣшье гораздо болѣе городской суеты располагаетъ къ занятіямъ, а главное то,—что именно сельская жизнь, а не городская, подходитъ къ тому быту, который предстоитъ въ будущемъ народному учителю, окончившему курсъ въ учительской семинаріи. Учрежденіе семинаріи въ городѣ обойдется несомнѣнно дешевле, чѣмъ въ деревнѣ; но гораздо убыточнѣе расходовъ на учительскую семинарію окажется отчужденіе народного учителя отъ его родной сельской и крестьянской сферы, легко возможное при помѣщеніи учительской семинаріи въ городѣ: прожить три года семинарскаго курса среди городскихъ соблазновъ и случайностей не то, что прожить это время въ крестьянской хатѣ, съ которою воспитанникъ свыкся съ малолѣтства, и въ нравственно здоровой крестьянской семьѣ; эти соображенія кажутся мнѣ настолько существенными, что изъ-за нихъ я считаю возможнымъ мириться со многими неудобствами въ селѣ, и желалъ бы помѣщенія учительскихъ семинарій преимущественно въ селахъ, но не въ видѣ всѣми заброшенныхъ и забытыхъ учебныхъ заведеній, а при непрестанной заботѣ о нихъ и о возможно лучшемъ ихъ устройствѣ. Изъ того, что преславской учительской семинаріи пришлось страдать отъ атакъ тогдашняго мѣстнаго начальства, еще не слѣдуетъ, чтобы лишенія ея были неустранимы при сельской обстановкѣ. Если вообще для всякой учительской семинаріи слѣдуетъ городу предпочесть село, то тѣмъ болѣе для преславской, въ которой, за шестилѣтній періодъ, изъ 203 воспитанниковъ 165, т.-е. болѣе 81%, были изъ *крестьянскаго* сословія; не зная, по личнымъ наблюденіямъ, селенія Преславъ, я затрудняюсь допустить мысль, чтобы бердянская управа, такъ тепло и практично отнесшаяся къ дѣлу народнаго образованія вообще, опрометчиво указала на это село; а то обстоятельство, что семинаристы окружены инородческимъ населеніемъ въ Преславѣ, я считаю обстоятельствомъ въ извѣстномъ смыслѣ благоприятномъ для этой семинаріи, хотя не могу не согласиться и съ г. директоромъ, указывающимъ на то, что такая обстановка затрудняетъ обученіе русскому языку. Затрудненія въ послѣднемъ отношеніи не такъ велики, чтобы ихъ нельзя было преодолевать, и доказательствомъ служитъ то, что мнѣ извѣстны не только русскіе, но и инородческіе воспитанники преславской учительской семинаріи, прекрасно обученные русскому

языку; между тѣмъ, пребываніе учительской семинаріи въ инородческомъ селѣ вполне цѣлесообразно въ смыслѣ сближенія будущихъ учителей съ инородцами, въ смыслѣ упражненія въ самой семинаріи въ обученіи дѣтей инородцевъ. Все это чрезвычайно важно для такихъ учителей, которымъ очень часто придется преподавать на югѣ Россіи въ школахъ болгаръ, нѣмцевъ и грековъ. Насколько силенъ инородческій элементъ на югѣ Россіи, и какъ велика здѣсь потребность въ учителяхъ для инородцевъ, указываетъ тѣмъ, что инородцы составляли болѣе 25% всего числа учащихся преславской семинаріи, въ которой перебивало 38 болгаръ и 20 грековъ, и гдѣ не бывало нѣмецкихъ колонистовъ только потому, что земствомъ къ тому не было принято мѣръ,—что мы и считаемъ крупною ошибкою. Господствующимъ элементомъ въ семинаріи несомнѣнно останется русскій, воспитаніе же въ преславской учительской семинаріи учителей для велико-русскихъ, мало-русскихъ и инородческихъ селъ окажетъ огромныя услуги въ смыслѣ не полицейскаго обрусѣнія края, но педагогическаго, не путемъ оскорбляющихъ инородцевъ и малоросса запрещеній, но посредствомъ учителей, умѣющихъ благодаря самой обстановкѣ учительской семинаріи, взяться за обученіе инородцевъ и за преподаваніе въ малорусской школѣ.

Но возвратимся къ вопросу о томъ, насколько удобно живется учебному заведенію, предоставленному исключительной заботѣ мѣстныхъ чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія, изъ числа которыхъ далеко не всѣ—педагоги и не всѣ свободны отъ бюрократическихъ привычекъ. Остановимся хоть на такой мелочи, что за шесть лѣтъ при преславской семинаріи, которую они взялись устроить, при содѣйствіи бердянскаго земства, отпущившаго десять тысячъ рублей, и содержать на счетъ правительства, не устроено бани; это мелочь, но весьма существенная для здоровья учащихся, которыхъ мы къ тому же должны вриучать прививать къ сельскимъ шеольникамъ чистоплотность; но едва какой-нибудь вопросъ коснется денежной затраты, дирекція семинаріи тотчасъ же обращается къ бердянскому земству, уже обремененному, какъ мы видѣли, огромными затратами, а мѣстное учебное начальство, специально призванное заботиться о преславской учительской семинаріи, пребываетъ въ безмятежномъ невѣдѣніи и спокойствіи. По штату не полагается врача при нашихъ учительскихъ семинаріяхъ: къ нимъ прикомандировываются врачи только бесплатно; мы считаемъ и это крупною погрѣшностью, такъ какъ въ селѣ врачъ необходимъ для села, а врачъ семинаріи могъ бы съ большимъ успѣхомъ быть и преподавателемъ естественныхъ наукъ въ ней, и такимъ образомъ всякая семинарія могла бы имѣть своего врача, не обременяя особенно своего бюджета. Земство сдѣлало, что могло: оно не только включило преславскую семинарію въ земскій учебно-

ный участокъ, но и снабдило ее фельдшеромъ и лекарствами. Что же касается мѣстнаго учебнаго начальства, то оно вполне игнорировало, какъ эти вопросы, такъ и то, что при преславской учительской семинаріи не только нѣтъ врача и больницы, но даже и приѣмнаго покоя, и заболѣвшій воспитанникъ, *чѣмъ бы онъ ни заболѣлъ*, остается на квартирѣ, очень часто до нелзя тѣсной, вмѣстѣ съ не заболѣвшими еще товарищами.

Казалось бы, что квартиры семинаристовъ составляютъ такой вопросъ, къ которому не можетъ относиться холодно учебное вѣдомство, въ исключительномъ управленіи котораго семинаріи состоятъ. Что же мы видимъ? То же безмятежное спокойствіе мѣстнаго начальства, поставленнаго лицомъ къ лицу съ вопіющими фактами. Педагогическій совѣтъ семинаріи, осмотрѣвъ квартиры семинаристовъ, убѣдился въ томъ, что на каждого изъ нихъ приходится отъ 18 (!) до 38 кубическихъ аршинъ воздуха; что такая тѣснота въ квартирахъ зависитъ отъ нежеланія многихъ мѣстныхъ жителей пускать къ себѣ квартирантовъ, а послѣдствіемъ тѣсноты являются нечистота и испорченный, нездоровый воздухъ; ученики учительской семинаріи *живутъ однимъ хлѣбомъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ*, такъ какъ никто изъ мѣстныхъ болгаръ не берется ихъ продовать! Не это ли составляетъ ту обстановку, которая, по словамъ противниковъ учительскихъ семинарій, прививаетъ семинаристамъ ложную цивилизацію и ложный аристократизмъ, мѣшающій имъ впоследствии мириться съ скромнымъ образомъ жизни сельскаго учителя? Но если бы и было крайне нераціонально содержать воспитанниковъ роскошно, то столь же безчеловѣчно почти истязать ихъ, при возможности улучшить бытъ, на частныхъ квартирахъ: по ходатайству дирекціи семинаріи, мѣстное болгарское общество добавило къ 17 наличнымъ квартирамъ еще 8, но вопросъ о продовольствіи воспитанниковъ не измѣнился и по настоящее время, между тѣмъ какъ при малѣйшей заботливости окружнаго учебнаго начальства и незначительной затратѣ не трудно было бы выстроить столовую и найти предпринимателя, который за самую умѣренную цѣну могъ бы предоставить воспитанникамъ, подъ контролемъ совѣта, простой, но здоровый крестьянскій обѣдъ. Сооруженіе десяти крестьянскихъ хатъ стоило бы очень небольшихъ денегъ, но значительно улучшило бы квартиры семинаристовъ. Но кому объ этомъ позаботиться изъ тѣхъ, въ чьемъ вѣдѣніи находится эта учительская семинарія, по своей дѣятельности, какъ увидимъ, дѣлающая честь своему вѣдомству? Мѣстный педагогическій совѣтъ принимаетъ все это очень близко къ сердцу, но не обладаетъ нужными матеріальными средствами, а нищета эта извѣстна окружному начальству, но и оно не обладаетъ нужными денежными суммами; пишетъ ли оно

„бумаги“ по этимъ вопросамъ, не знаемъ; знаемъ только, что все остается по старому, и что администрація, убѣждавшая земство въ теченіи многихъ лѣтъ въ томъ, что вовсе не дѣло земства открывать учительскія семинаріи, и сама взявшаяся за учрежденіе ихъ, тернитъ однако описанную нищету. Мнѣ кажется, что если бы правительство привлекло общество къ ближайшему участию въ семинаріяхъ, то выиграло бы во всѣхъ отношеніяхъ: оно не только чаще, нежели теперь, узнавало бы истину, но и общество охотѣе рѣшалось бы дѣлать денежные затраты на правительственныя учительскія семинаріи. Въ настоящее время существуютъ при учительскихъ семинаріяхъ „почетные попечители“, но не по избранію земства на срокъ, а по назначенію, съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ обязался жертвовать ежегодно извѣстную сумму денегъ и оставался попечителемъ до тѣхъ поръ, пока будетъ исполнять принятыя на себя *денежныя* обязательства. А существуютъ ли для попечителя учительской семинаріи какія-нибудь *обязательства* по отношенію къ ней, кромѣ денежныхъ? Ему предоставляются извѣстныя права, но на него не падаетъ обязанностей, за неисполненіе которыхъ земство могло бы замѣнить лицо, взявшееся быть попечителемъ,—другимъ, болѣе усерднымъ и толковымъ. При безсмѣнности попечителей, поставленной къ тому же въ зависимость исключительно отъ исправности денежнаго взноса, не только ограничивается среда, изъ которой могутъ быть избираемы попечители, немногочисленнымъ кружкомъ богатыхъ людей, но само званіе попечителя учительской семинаріи превращается исключительно въ sinecure, въ теплое мѣстечко, доставляющее, за взносъ извѣстной, и не особенно большой суммы, отличія иногда при полнѣйшемъ небреженіи своими обязанностями. Само по себѣ понятно, что, въ отдѣльныхъ случаяхъ, и при настоящей организаціи возможны полезныя почетныя попечители, доказательствомъ чему служить то, что рассматриваемый нами „Историческій очеркъ преславской учительской семинаріи“ съ похвалою отзывается о новомъ попечителѣ семинаріи; но въ большинствѣ случаевъ почетныя попечители, олицетворяющіе собою единственную связь учительской семинаріи съ обществомъ и единственный контрольный органъ послѣдняго, своимъ бездѣйствіемъ ставятъ правительственныя учительскія семинаріи въ совершенно отчужденное положеніе къ обществу, и этимъ самымъ значительно уменьшаютъ шансы на то, чтобы общество, на глазахъ котораго бѣдствуютъ преславскіе семинаристы въ своихъ квартирахъ, принимало живое участіе въ учительской семинаріи, не считало ее себѣ чужою и выкало въ ея нужды, которыя безуспѣшно заявляются высшему учебному начальству.

Но врать, лазаретъ, баня, квартира и пища семинаристовъ, хотя и весьма важныя, но не специально-учебныя вопросы; для разрѣше-

ніа ихъ нужны деньги, а ходатайствовать объ ассигновкахъ, быть можетъ, „неудобно“ для окружного начальства,—потому отсутствіе заботливости послѣдняго тутъ хоть чѣмъ-нибудь возможно объяснить. Но какъ оправдать то, что съ 1875 года, цѣлыхъ семь лѣтъ, не послѣдовало отъ окружного начальства никакого отвѣта на составленныя педагогическимъ совѣтомъ программы преподаванія, правила приемныхъ, переходныхъ и выпускныхъ экзаменовъ, правила для воспитанниковъ, дежурныхъ наставниковъ и бібліотекарей, наконецъ, правила о взысканіи съ воспитанниковъ? Вполнѣ сочувствуя тому, что всѣ такіа правила не предрѣшаются въ Петербургѣ, и учительскимъ семинаріямъ предоставленъ въ этомъ отношеніи просторъ,—полагаю, однако, что попечителю учебнаго округа всѣ эти правила сообщаются; но вѣдь при отсутствіи даже отвѣтовъ на письменныя представленія упраздняется даже участіе высшаго учебнаго начальства въ судьбахъ семинаріи на бумагѣ, какъ ни мало такого рода участіе даетъ вообще.

IV.

Мнѣ остается упомянуть еще о томъ, какъ существуетъ приготовительный классъ при преславской учительской семинаріи. Къ тому, что читателю уже извѣстно объ этомъ, т.-е., что уѣздное земство дало на него денегъ только одинъ разъ, а губернское земство, которое содержать его въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, не гарантируетъ своей ассигновки на будущее время,—остается добавить теперь только, что всѣ ходатайства дирекціи семинаріи о томъ, чтобы учебный округъ испросилъ спеціальную правительственную ассигновку на приготовительный классъ, не увѣнчались успѣхомъ и повлекли за собою, на этотъ разъ, не молчаніе, но категорическій отказъ. Такъ какъ не при всѣхъ учительскихъ семинаріяхъ существуютъ приготовительныя классы, и такъ какъ ни одна изъ нихъ, не имѣя особой суммы для нихъ, не обязана организовать приготовительный классъ, но *можетъ* открыть его, если у нея окажутся на то свои спеціальныя средства, то на этомъ вопросѣ стоить остановиться повнимательнѣе, чтобы разрѣшить, насколько нуженъ приговительный классъ вообще?

Если нельзя не сочувствовать тому, чтобы по уставу въ учительскія семинаріи допускались лица „всѣхъ сословій“, то трудно не согласиться съ тѣмъ, чтобы на дѣлѣ народныя учителя для сельскихъ школъ, т.-е. для огромнаго большинства школъ Россіи, не подготавливались преимущественно изъ *крестьянъ*, какъ не имѣющихъ иного пути получить образованіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ не порвать тѣсной связи съ селомъ, и возвратиться сельчанами въ свою же среду для распространенія въ ней свѣта. Выслушаемъ преславскую учительскую

семинарію, вполне компетентную въ этомъ вопросѣ, такъ какъ она, какъ мы видѣли, въ теченіи шести лѣтъ, уже имѣетъ дѣло преимущественно съ крестьянами: „Съ особеннымъ удовольствіемъ приходится отмѣтить фактъ, что преславская семинарія по преимуществу крестьянская. ...Будущій контингентъ учителей для народа изъ среды народа—самый надежный и верный; здѣсь религиозный духъ, нравственные начала, уваженіе къ существующему строю и порядкамъ составляютъ тѣ незыблемыя основы, которыя внесутъ въ жизнь народную свѣтъ истинной грамотности... Помимо нравственной устойчивости, будущіе учителя изъ среды крестьянскаго сословія, не разединенные съ интересами и жизнью народа, легче примирятся съ своимъ скромнымъ, но высокимъ призваніемъ, чѣмъ заходящіе въ народную среду просвѣтителі, которымъ, по разнымъ причинамъ, не удалось докончить своего образованія въ среднихъ или высшихъ школахъ, и которые почувствовали въ себѣ просвѣтительное призваніе только въ силу постигшихъ ихъ неудачъ и не осуществившихся расчетовъ занять другое служебное поприще“. По наблюденію преславской учительской семинаріи „воспитательному вліянію всего легче и успѣшнѣе поддавались ученики народныхъ школъ“ въ учительской семинаріи, т.-е., воспитанники той самой земской школы, которую враги дѣла стараются выставить притономъ матеріализма и безбожія. Итакъ, эти питомцы народной школы, по мнѣнію дирекціи семинаріи, легче другихъ подвергались педагогическому вліянію, „какъ элементъ болѣе цѣльный и не испорченный нравственно; тѣ же изъ учениковъ, которые, побывавъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ“, состоящихъ внѣ вѣдѣнія земства, „только въ силу постигшей ихъ тамъ неудачи, противъ воли, такъ сказать, попали въ семинарію, весьма туго поддавались нравственному вліянію, и семинарія должна была нѣкоторыхъ изъ нихъ удалить изъ своей среды...; за исключеніемъ этихъ немногихъ лицъ, семинаристы, благодаря преобладанію въ ихъ средѣ крестьянскаго элемента (вотъ, какихъ разбойниковъ воспитало земство!), вели себя весьма удовлетворительно и вполне убѣждали воспитателей въ совершенной пригодности своей къ тому высокому служенію, къ которому готовила ихъ семинарская школа“. Да позволено будетъ мнѣ поддержать этотъ отзывъ преславской учительской семинаріи указаніемъ на то, что воспитанники ея и по окончаніи курса, на учительскомъ поприщѣ, дѣлаютъ честь воспитавшему ихъ учебному заведенію. Что же оказывается однако? облегченъ ли доступъ крестьянскому сословію въ учительскія семинаріи? Казалось бы, — да! но практика жизни, какъ мы увидимъ, говорить—другое.

Блр. Н. Корѣв.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое апрѣля, 1883.

Введеніе судебнаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ въ составъ департамента полиціи.—Ожидаемое измѣненіе законовъ о раскольникахъ.—Проектъ общаго устава російскихъ желѣзныхъ дорогъ: фиктивная передача акцій и возможныя противъ нея мѣры; составъ и дѣятельность желѣзно-дорожныхъ правленій; подсудность исковъ, предъявляемыхъ къ желѣзнымъ дорогамъ.—Новый налогъ на заграничныя паспорта.—Пятидесятилѣтіе петербургскаго коммерческаго суда.—Что думаютъ «Москов. Вѣдомости» о пятидесятилѣтіи нашихъ общихъ судовъ?

Текущій законодательный періодъ былъ до сихъ поръ такъ бѣденъ новостями, что нѣкоторое вниманіе общества и печати обратило на себя даже введеніе судебнаго отдѣла, состоявшаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ составъ департамента государственной полиціи, съ наименованіемъ послѣдняго — департаментомъ полиціи, а непосредственно управляющаго имъ товарища министра — завѣдующимъ полиціею. „Строго говоря, — замѣчаетъ по этому поводу одна изъ петербургскихъ газетъ, — только съ момента введенія въ дѣйствіе закона 18-го февраля можно считать окончательно упраздненными третье отдѣленіе и власть шефа жандармовъ, какъ начальника государственной полиціи, отдѣльной отъ общей полиціи имперіи, — и съ этой точки зрѣнія вышеупомянутый законъ имѣетъ весьма существенное значеніе“. Не значить ли это смѣшивать перемѣну въ названіяхъ съ перемѣной въ сущности дѣла? Третье отдѣленіе, какъ *самостоятельный органъ управленія*, упразднено окончательно еще 6 августа 1880 г., когда функціи его были перенесены на министерство внутреннихъ дѣлъ; какъ учрежденіе, завѣдывающее государственною полиціею, оно не было упразднено, *de facto*, ни въ 1880 г., ни въ 1882 г., когда обязанности шефа жандармовъ были распределены между министромъ внутреннихъ дѣлъ и однимъ изъ его товарищей — и остается неупраздненнымъ и въ настоящее время,

несмотря на законъ 18 февраля. Въ августѣ 1880 г., можно было думать, что сліяніе третьяго отдѣленія съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ приведетъ не только къ новому *наружному* устройству государственной полиціи, но и къ новымъ формамъ, новымъ предѣламъ ея дѣятельности; изданіе положеній объ усиленной и чрезвычайной охранѣ и о полицейскомъ надзорѣ давно уже доказало ошибочность этой мысли. При такомъ положеніи дѣлъ, соединеніе судебного отдѣла съ департаментомъ полиціи кажется намъ не чѣмъ другимъ, какъ простою бюрократическою мѣрой, направленной къ болѣе быстрому и успѣшному ходу канцелярскихъ занятій; за стѣнами министерства оно должно пройти совершенно безслѣдно и никакого общаго значенія, ни существеннаго, ни несущественнаго, имѣть не можетъ. Единство управленія полиціею зависить не отъ числа департаментовъ или отдѣловъ, вѣдающихъ эту часть, а отъ сосредоточенія ея въ рукахъ одного высшаго начальника, въ сферѣ одного министерства. Составляетъ ли, затѣмъ, то или другое учрежденіе, соприкасающееся съ полиціей, часть департамента или цѣлый департаментъ—это очевидно все равно. Чтобы еще болѣе убѣдиться въ томъ, что законъ 18 февраля никакого сколько-нибудь важнаго нововведенія въ себѣ не заключаетъ, достаточно припомнить, что судебный отдѣлъ былъ уже раньше подчиненъ директору департамента государственной полиціи.

Конецъ законодательнаго періода 1882—83 г. обѣщаетъ быть болѣе плодотворнымъ, чѣмъ его начало. Если вѣрить газетнымъ и городскимъ слухамъ, разсмотрѣнію государственнаго совѣта подлежатъ или будутъ подлежать, въ непродолжительномъ времени, проектъ общаго устава російскихъ желѣзныхъ дорогъ, проектъ университетскаго устава и проектъ закона о правахъ раскольниковъ. По словамъ „Новостей“ (№ 60), послѣднимъ изъ этихъ проектовъ предполагается предоставить большинству раскольниковъ—а именно послѣдователямъ менѣе вредныхъ сектъ—свободу общественнаго богослуженія и нѣкоторыя другія гражданскія права, которыхъ они теперь лишены. Вопросъ о распространеніи правъ раскольниковъ возникъ, какъ извѣстно, почти двадцать лѣтъ тому назадъ, но изъ всѣхъ мѣръ, задуманныхъ въ то время, осуществилась до сихъ поръ только одна, относящаяся къ доказательству раскольниками правъ по происхожденію и имуществу (законъ 19 апрѣля 1874 г.). Мы не знаемъ, коснется ли реформа и этого послѣдняго предмета, или ограничится остальными сторонами вопроса, вовсе не затронутыми законодательствомъ съ 1855 г. Желательною представляется, въ нашихъ глазахъ, первая изъ этихъ двухъ альтернативъ. Девятилѣтній періодъ времени,

истекшій послѣ изданія закона 1874 г., достаточенъ для того, чтобы судить о цѣлесообразности или нецѣлесообразности, практичности или непрактичности его постановленій. Необходимо привести въ ясность, широко ли пользуются раскольники дарованною имъ льготой, соответствуетъ ли число браковъ и рожденій, записанныхъ въ полицейскія метрики, числу официально признанныхъ раскольниковъ. Въ случаѣ отрицательнаго результата, необходимо опредѣлить, что именно мѣшаетъ раскольниковъ прибѣгать къ открытому для нихъ пути узаконенія браковъ и рожденій. Намъ случилось слышать, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, съ многочисленнымъ расколическимъ населеніемъ, число записей въ метрическія книги, установленныя въ 1874 г., до крайности незначительно и притомъ уменьшается съ каждымъ годомъ. Такое положеніе дѣлъ, если оно дѣйствительно существуетъ, не можетъ быть оставлено безъ вниманія. Законъ 19-го апрѣля былъ вызванъ не только снисхожденіемъ къ раскольниковъ, но и государственными соображеніями, требующими упорядоченія семейнаго быта, твердости и опредѣленности семейныхъ отношеній. Если цѣль, съ которою онъ былъ изданъ, не достигается почти вовсе, то это свидѣтельствуетъ объ ошибкѣ въ выборѣ средствъ — ошибкѣ, исправленіе которой и возможно, и необходимо. Намъ кажется, что главнымъ препятствіемъ къ широкому примѣненію на практикѣ закона 19 апрѣля служитъ распространеніе его исключительно на тѣхъ, кто съ самаго рожденія считался состоящимъ въ расколѣ. Въ дѣйствіи закона остаются, вслѣдствіе этого, не только всѣ перешедшіе въ расколъ, хотя бы и весьма давно, но и многіе воспитанные въ немъ съ дѣтства, если они, по той или другой причинѣ, были показаны православными въ церковныхъ книгахъ. Этого мало: при той солидарности, которая существуетъ, вообще говоря, между раскольниками одной и той же секты, лица, подходящія подъ дѣйствіе закона 19 апрѣля, могутъ считать себя нравственно не въ правѣ пользоваться льготой, не принадлежащей ихъ единоувѣрцамъ. Общимъ правиломъ, а не исключеніемъ, записка браковъ и рожденій въ метрическія книги, установленныя закономъ 1874 г., сдѣлается, по всей вѣроятности, только тогда, когда она станетъ доступной для всѣхъ раскольниковъ, независимо отъ времени принадлежности ихъ къ расколу.

Свобода богослуженія имѣетъ для раскольниковъ, можетъ быть, еще болѣшую важность, чѣмъ возможность доказывать, запиской въ метрическія книги, права по происхожденію и имуществу. Не касаясь вопроса о предѣлахъ этой свободы, замѣтимъ только, что она должна быть основана исключительно на законѣ, а не на административномъ распоряженіи. Право, обусловленное предварительнымъ разрѣшеніемъ

— разрѣшеніемъ, которое можетъ быть дано или не дано по усмотрѣнію администраціи — вовсе, въ сущности, не можетъ быть рассматриваемо какъ право. Раскольниковскія моленныя существуютъ кое-гдѣ и теперь — но существуютъ подъ Дамокловымъ мечемъ, подъ постоянной угрозой закрытія. Въ одномъ мѣстѣ эта угроза переходитъ въ совершившійся фактъ, въ другомъ, при тѣхъ же обстоятельствахъ, остается только угрозой, поддерживая въ раскольникахъ сознаніе зависимости отъ случая, воспитывая въ нихъ недовѣріе къ закону и его исполнителямъ. Господству случая будетъ положенъ конецъ только тогда, когда условія устройства и открытія моленныхъ или вообще мѣстъ раскольниковскаго богослуженія будутъ опредѣлены положительнымъ закономъ. Достаточной санкціей этихъ условій можетъ служить судебное преслѣдованіе за каждое явное ихъ нарушеніе. Всего меньше соотвѣтствовалъ бы цѣли такой порядокъ, при которомъ разрѣшеніе просьбъ объ открытіи раскольниковскихъ моленныхъ было бы предоставлено соглашенію свѣтской власти съ духовнымъ вѣдомствомъ. Мнѣніе православнаго духовенства, привыкшаго бороться съ расколомъ преимущественно путемъ преслѣдованій и запрещеній, было бы почти всегда неблагопріятно для просителей. Въ случаѣ принятія его администраціей, право, дарованное раскольникахъ, являлось бы мертвой буквой; въ случаѣ непринятія — страдалъ бы нравственный авторитетъ православной церкви. Чѣмъ полнѣе, наоборотъ, будетъ освобожденіе православнаго духовенства отъ участія въ административно-полицейскихъ мѣрахъ, касающихся раскола, въ возбужденіи судебныхъ дѣлъ, направленныхъ противъ раскольниковъ, тѣмъ легче можетъ совершиться сближеніе сектантовъ съ церковью, тѣмъ успѣшнѣе можетъ расти въ ширину и глубину мирная церковная пропаганда. Окончательный разрывъ съ традиціями, отъ которыхъ такъ много пострадали раскольники и такъ мало, въ послѣднемъ счетѣ, приобрѣла православная церковь, можетъ совершиться только тогда, когда на мѣсто произвола будетъ поставлено во всемъ и вездѣ точное и вмѣстѣ съ тѣмъ широкое, гуманное постановленіе закона.

Проектъ общаго устава о россійскихъ желѣзныхъ дорогахъ составленъ тою вышею комиссіей, съ трудами которой читатели нашего журнала имѣли уже случай познакомиться по статьямъ г. А-го: „Обзоръ дѣятельности комиссіи для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла“ („Вѣстникъ Европы“, 1882 г. № 5 и 6). Мы слышали, что онъ обнимаетъ собою не только желѣзно-дорожныя установленія, правительственныя и частныя, но и правила о пассажирскомъ и товарномъ движеніи, о желѣзно-дорожной полиціи, объ от-

вѣтственности желѣзно-дорожныхъ обществъ передъ частными лицами, о подсудности предъявляемыхъ къ обществамъ исковъ. Основнымъ на нѣкоторыхъ вопросахъ, входящихъ въ сферу дѣйствій новаго закона. Слабыя стороны желѣзно-дорожнаго дѣла, какимъ, оно представлялось до сихъ поръ и представляется въ настоящее время, обуславливаются, въ значительной степени, тѣми злоупотребленіями, которыми сопровождаются обыкновенно общія собранія акціонеровъ. На основаніи уставовъ отдѣльныхъ обществъ, ни одинъ акціонеръ не можетъ имѣть больше опредѣленнаго числа голосовъ; другими словами, число принадлежащихъ ему голосовъ возрастаетъ, по мѣрѣ числа принадлежащихъ ему акцій, не непрерывно, а только до извѣстнаго предѣла. Отсюда фиктивная передача акцій подставнымъ лицамъ, весьма часто образующимъ искусственное большинство въ общемъ собраніи акціонеровъ. Настоящіе акціонеры, обладающіе ограниченнымъ числомъ акцій, теряютъ, такимъ образомъ, всякое вліяніе на управленіе дѣлами общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и охоту являться въ общія собранія. Выходъ изъ этого положенія можетъ быть двоякій: или предоставленіе каждому акціонеру, безъ всякихъ ограниченій, числа голосовъ, пропорціональнаго числу принадлежащихъ ему акцій, или принятіе мѣръ противъ участія подставныхъ лицъ въ общихъ собраніяхъ акціонеровъ. Средствами для достиженія этой послѣдней цѣли могутъ служить либо замѣна безименныхъ акцій именными, либо обязательное представленіе, для участія въ общемъ собраніи, подлинныхъ акцій, или залоговыхъ квитанцій и сохранныхъ росписокъ Государственнаго банка, а также воспрещеніе передаточныхъ бланковыхъ надписей на квитанціяхъ, выданныхъ правленіями обществъ въ полученіи отъ акціонеровъ акцій на право участія въ общемъ собраніи ¹⁾. Сверхъ того, всякая фиктивная передача акцій, съ цѣлью подтасовки общаго собранія, можетъ быть признана уголовнымъ проступкомъ, подвергающимъ ответственности какъ передаващаго акціи, такъ и принявшаго ихъ и явившагося, въ качествѣ ихъ владѣльца, въ общее собраніе.

Какому изъ двухъ указанныхъ нами исходовъ слѣдуетъ отдать преимущество при изданіи новаго желѣзно-дорожнаго закона? Защитники безусловной пропорціональности числа голосовъ числу акцій ссылаются обыкновенно на неудобоосуществимость и бесплодность всякихъ мѣръ, направленныхъ противъ фиктивной передачи акцій.

¹⁾ Правленіе—вмѣсто подлинныхъ акцій—квитанцій или росписокъ, удостоверяющихъ нахожденіе ихъ въ частныхъ банкахъ, облегчаетъ пріобрѣтеніе акцій только на время общаго собранія, а посредствомъ передаточныхъ бланковыхъ надписей дѣйствительный собственникъ акцій освобождаетъ себя отъ опасности, которая иначе была бы сопряжена съ фиктивной передачею акцій.

Замѣна безъименныхъ акцій именными—говорять они—повліяла бы на цѣнность акцій, въ ущербъ не только частнымъ, но и казеннымъ интересамъ; воспрещеніе бланковыхъ передаточныхъ надписей не устранило бы фиктивной продажи акцій, удовлетворяющей, съ вѣншей стороны, всѣмъ требованіямъ закона; угроза уголовной ответственности возвысила бы лишь размѣръ вознагражденія, платимаго подставнымъ акціонерамъ. Наоборотъ, пропорціональность между числомъ акцій и числомъ голосовъ сразу положила бы конецъ фиктивной передачѣ акцій, сдѣлавъ ее излишней и ненужной. Положимъ, что такъ; но не значило ли бы это пойти на встрѣчу другому злу, допустить несправедливость, предупрежденіе которой было до сихъ поръ предметомъ усилій—правда, не совсѣмъ удачныхъ—со стороны законодательной власти? Правило о предѣльномъ числѣ голосовъ, могущихъ принадлежать одному акціонеру, включено въ дѣйствующіе уставы акціонерныхъ обществъ не случайно; оно направлено къ тому, чтобы веденіе дѣла не могло попасть въ руки немногихъ лицъ, чтобы акціонеры, владѣющіе сравнительно небольшимъ числомъ акцій, не были фактически лишены всякаго участія въ управленіи обществомъ. Измѣрять степень заинтересованности въ предпріятіи абсолютною цифрой вложеннаго въ него капитала было бы большою ошибкой; все зависитъ отъ того значенія, которое имѣетъ капиталъ для своего владѣльца, отъ того мѣста, которое принадлежитъ цѣнности акцій въ общемъ имущественномъ балансѣ акціонера. Для миллионера сотни тысячъ рублей, представляемыя сотнями или тысячами акцій, могутъ значить гораздо меньше, чѣмъ тысяча рублей—для владѣльца десяти акцій, заключающихъ въ себѣ почти все его состояніе. Предоставивъ крупнымъ акціонерамъ нѣсколько большее число голосовъ, чѣмъ мелкимъ, законъ дошелъ до крайняго предѣла уступокъ, на какія можетъ претендовать капиталъ; идти еще дальше едвали возможно безъ явнаго нарушенія правъ мелкихъ акціонеровъ, да и безъ явнаго вреда для дѣла. Большинство мелкихъ акціонеровъ и теперь играютъ роль довольно пассивную, рѣдко являются въ общія собранія или вовсе ихъ не посѣщаютъ; окончательное укрѣпленіе перевѣса за крупными акціонерами отбilo бы у всѣхъ остальныхъ послѣднюю охоту къ дѣятельности. На самомъ дѣлѣ распорядителями желѣзно-дорожныхъ обществъ были до сихъ поръ, болѣею частью, крупные акціонеры; безотрадное положеніе почти всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, ихъ задолженность передъ правительствомъ, ихъ отношеніе къ публикѣ—все это свидѣтельствуетъ довольно ясно о достоинствахъ господствовавшей системы. Не въ узаконеніи и утвержденіи ея, а въ радикальномъ ея измѣненіи слѣдуетъ искать залогъ правильнаго развитія желѣзно-дорожнаго дѣла.

Можно ли искоренить порядки, вошедшіе въ кровь и плоть нашей желѣзно-дорожной практики—это вопросъ, для точнаго разрѣшенія котораго пока еще нѣтъ данныхъ; нужно сдѣлать энергическую попытку, рядъ энергическихъ попытокъ—и только въ случаѣ полной ихъ неудачи позволительно будетъ отчаиваться въ успѣхѣ. Заранѣе отказываться отъ борьбы мы не видимъ достаточной причины; мѣры, предлагаемыя противъ искусственнаго подбора минимыхъ акціонеровъ, а ргіогі, прежде повѣренъ ихъ на опытѣ, никакъ не могутъ быть признаны безсильными и бесполезными. Весьма знаменателенъ обычай, въ силу котораго фиктивная передача акцій сопровождается передаточною бланковою надписью, какъ гарантіей возвращенія акцій въ руки настоящаго ихъ собственника. Собственники акцій, очевидно, считаютъ нужнымъ принимать мѣры предосторожности противъ своихъ временныхъ замѣстителей, или, лучше сказать, противъ отряда, вербуемаго ими для акціонерной битвы. Сдѣлать эти мѣры невозможными или крайне затруднительными, значило бы затруднить самую передачу, уменьшить число случаевъ обращенія къ ней. Конечно, кто рѣшился во что бы то ни стало обойти законъ, тотъ найдетъ къ тому путь и средство; но чѣмъ легче обходъ, тѣмъ чаще къ нему прибѣгаютъ—и наоборотъ. Далеко не лишентъ значенія и самый характеръ дѣйствій, съ помощью которыхъ обходится законъ. Пока они совершаются на каждомъ шагѣ и рассматриваются какъ нѣчто заурадное, обиденное, не совсѣмъ, быть можетъ, нравственное, но не запрещенное подъ страхомъ наказанія, до тѣхъ поръ находится много охотниковъ, готовыхъ повторить тысячу разъ испробованную уловку. Другое дѣло, если эта уловка возведена на степень уголовного проступка; лавировать вокругъ закона или прямо идти на абордажъ его—далеко не одно и то же. Однихъ остановитъ простое сознаніе преступности дѣйствія, другихъ—боязнь суда и наказанія. Говорятъ, что включеніе фиктивной передачи акцій въ число проступковъ повлечетъ за собою только повышеніе, сообразно съ рискомъ, премій, влатимой минимому акціонеру; но при сильномъ повышеніи премій перестанетъ, пожалуй, быть выгодной самая сдѣлка, тѣмъ болѣе, что угроза уголовной отвѣтственности можетъ и должна быть распространена, вмѣстѣ съ нанимаемыми, и на нанимателей—вмѣстѣ съ фиктивными акціонерами, и на тѣхъ, въ интересахъ которыхъ создается фикція.

Подтасовка общихъ собраній часто имѣетъ цѣлью не столько то или другое направленіе дѣла, признаваемое выгоднымъ для крупныхъ акціонеровъ, сколько сосредоточеніе въ ихъ рукахъ—и въ рукахъ лицъ, имъ угодныхъ—матеріальныхъ и не-матеріальныхъ выгодъ, сопряженныхъ съ званіемъ члена правленія. Всѣ мѣры, направлен-

ныя въ уменьшеніи этихъ выгодъ, должны быть, поэтому, отнесены къ числу средствъ противоѣдствія фактивной передачѣ акцій. Если мѣсто въ правленіи желѣзно-дорожнаго общества представляется, въ настоящее время, чѣмъ-то весьма привлекательнымъ и бываетъ предметомъ усердныхъ исканій, то это объясняется преимущественно слѣдующими условіями: возможностью соединять званіе члена и даже предсѣдателя правленія съ государственною службой, нахожденіемъ почти всѣхъ правленій въ одной изъ столицъ, высокимъ вознагражденіемъ, необременительностью занятій и полною безотвѣтственностью, если не юридическою, то по крайней мѣрѣ фактической. Мы слышали, что проектъ желѣзно-дорожнаго закона воспрещаетъ выбирать въ члены правленій (и ревизіонныхъ комиссій) акціонеровъ, состоящихъ на службѣ въ министерствѣ финансовъ, министерствѣ путей сообщенія и государственномъ контролѣ, а остальныхъ служащихъ допускаетъ къ занятію этихъ мѣстъ не иначе, какъ съ особаго на то разрѣшенія ихъ высшаго начальства. Сочувствуя исполнѣ первой изъ этихъ мѣръ, мы думаемъ, что вторая могла бы быть замѣнена съ болѣею пользою безусловнымъ воспрещеніемъ избранія чиновниковъ, занимающихъ мѣсто не ниже четвертаго или пятаго класса. Желѣзно-дорожныя общества—или лучше сказать воротилы желѣзно-дорожнаго дѣла—стараются наполнять правленія именно лицами, высокопоставленными на государственной службѣ. Если и допустить, что это остается безъ вліянія на ходъ дѣла и положеніе общества, что расчетъ, руководимый выборами, оказывается ошибочнымъ, что преобладаніе сановниковъ между членами желѣзно-дорожныхъ правленій объясняется издавна установившимся обычаемъ, а не чѣмъ-нибудь другимъ, то и въ такомъ случаѣ желательнѣе положить конецъ порядку, неизбѣжно возбуждающему подозрѣнія и нареканія. Въ тѣсной связи съ составомъ правленій находится, притомъ, и мѣсто пребыванія ихъ; удерживаетъ ихъ въ столицахъ, безъ всякой надобности и съ явнымъ ущербомъ для дѣла, именно служебное положеніе большинства членовъ. Новый законопроектъ облагаетъ высшій желѣзно-дорожный совѣтъ весьма цѣннымъ правомъ—правомъ переводить правленіе изъ столицы на линію желѣзной дороги; но для того, чтобы пользованіе этимъ правомъ не было сопряжено съ слишкомъ большими затрудненіями, необходимо устранить указанную нами связь между правленіями и Петербургомъ или Москвою. Предоставленіе высшему начальству права разрѣшать или не разрѣшать должностнымъ лицамъ вступленіе въ члены желѣзно-дорожныхъ правленій было бы совершенно понятно, если бы главнымъ аргументомъ противъ соединенія государственной службы съ желѣзно-дорожною была затруднительность совмѣстить ту и другую безъ вреда для

первой; но рѣчь идетъ вовсе не объ этомъ — кумуляція должностей признается, и совершенно справедливо, однимъ изъ главныхъ препятствій къ правильной и успѣшной дѣятельности желѣзно-дорожныхъ правленій. Разъ что это такъ, запрещеніе кумуляціи — въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ оно вызывается указаніями опыта — должно быть безусловнымъ. Избраніе въ члены правленія скромнаго чиновника изъ среды такого вѣдомства, которое не имѣетъ ничего общаго съ желѣзно-дорожною частью, не заключаетъ въ себѣ ничего опаснаго; есть полное основаніе предполагать, что избранное лицо просто признается способнымъ къ возлагаемому на него дѣлу, что избиратели не рассчитываютъ на его вліяніе въ официальныхъ сферахъ, не ожидаютъ отъ него, какъ отъ лица власти имѣющаго, никакихъ великихъ и богатыхъ милостей. Другое дѣло, если избирается сановникъ, къ какому бы вѣдомству онъ ни принадлежалъ; здѣсь открывается просторъ для предположеній всякаго рода — предположеній, ничуть не устранимыхъ полученіемъ отъ высшаго начальства разрѣшенія на избраніе. Къ числу вѣдомствъ, служба въ которыхъ — независимо отъ занимаемаго мѣста — рѣшительно несовмѣстима съ званіемъ члена правленія желѣзно-дорожнаго общества, слѣдовало бы присоединить, по нашему мнѣнію, судебное вѣдомство, такъ какъ ему постоянно приходится соприкасаться съ желѣзно-дорожными дѣлами. Замѣтимъ, въ заключеніе, что если въ составъ желѣзно-дорожнаго закона окончательно войдутъ тѣ или другія ограниченія права служащихъ на занятіе мѣстъ въ правленіяхъ желѣзно-дорожныхъ обществъ, то ограниченія эти должны быть распространены и на другія акціонерныя общества, съ тѣми только измѣненіями, которыя обуславливаются предметомъ дѣятельности обществъ. Такъ на примѣръ, директорами страховыхъ обществъ не должны быть чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ, директорами банковъ — чиновники министерства финансовъ; для лицъ, состоящихъ на высшихъ ступеняхъ государственной службы, долженъ быть закрытъ доступъ въ правленія всѣхъ безъ различія акціонерныхъ обществъ.

Отвѣтственность лицъ, входящихъ въ составъ желѣзно-дорожныхъ правленій, предполагается увеличить назначеніемъ взысканій за всякое нарушеніе или несоблюденіе постановленій о пассажирскомъ и товарномъ движеніи, а также правилъ безопасности на желѣзныхъ дорогахъ. Съ увеличеніемъ отвѣтственности увеличится, можно надѣяться, и дѣятельность правленій, теперь часто приближающаяся къ нулю, — уменьшится полновластіе и безконтрольность управляющихъ дорогами. Достиженію этой цѣли могли бы способствовать, однако, и нѣкоторыя другія мѣры — напр., опредѣленіе въ законѣ наибольшаго числа членовъ правленія и предоставленіе высшему желѣзно-

дорожному совѣту права уменьшать его до минимума, т.-е. до трехъ или даже до одного ¹⁾. Многочисленность членовъ правленія—одна изъ причинъ, обращающихъ эту должность въ синекуру, и вмѣстѣ съ тѣмъ источникъ непроизводительныхъ расходовъ для желѣзныхъ дорогъ, а слѣдовательно и для правительства. Не мѣшало бы, далѣе, установить максимумъ и для вознагражденія членовъ правленія, такъ чтобы оно не могло быть приманкой, вліяющей на подтасовку общихъ собраній. Правленіе по возможности малочисленное—лишь бы только его члены посвящали все свое время желѣзно-дорожной службѣ, постоянно находились близъ линіи, отвѣчали не только за свои дѣйствія, но и за бездѣйствіе, и вознаграждались за трудъ не скудно, но и не роскошно—будетъ имѣть несомнѣнное преимущество передъ теперешними многочисленными правленіями, всего больше напоминающими меровингскихъ королей-тунеядцевъ (только безъ талантливыхъ и энергичныхъ палатныхъ меровъ). Существенной пользы можно ожидать и отъ болѣе точнаго опредѣленія правъ и обязанностей членовъ правленій, назначаемыхъ отъ правительства, въ особенности если это званіе будетъ признано несомнѣннымъ съ какою бы то ни было другою штатною должностью по государственной службѣ.

Большою переменной въ лучшему для всѣхъ, имѣющихъ дѣло съ желѣзными дорогами, будетъ проектируемое измѣненіе подсудности исковъ, представляемыхъ къ желѣзно-дорожнымъ обществамъ. Въ настоящее время такіе иски подсудны почти всѣмъ столичнымъ судебнымъ мѣстамъ, по мѣсту нахождения желѣзно-дорожныхъ правленій. Понятно, съ какими затрудненіями сопряжено представленіе и веденіе иска для массы лицъ, живущихъ далеко отъ Петербурга и Москвы, въ особенности при незначительности искового требованія—а громадное большинство претензій къ желѣзнымъ дорогамъ принадлежитъ именно къ разряду малоцѣнныхъ. Основаніемъ для опредѣленія подсудности исковъ, имѣющихъ источникомъ перевозку груза и пассажирскаго багажа, предполагается признать—кромѣ мѣста пребыванія правленія—мѣсто нахождения управленія дороги, а также станціи отправленія или станціи назначенія. Выборъ между различными судами, компетентными для разбора дѣла, будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія истца. Иски, имѣющіе источникомъ личный вредъ, понесенный пассажиромъ, можно будетъ представлять, сверхъ того,

¹⁾ Единичное управленіе желѣзной дорогой кажется намъ вполне возможнымъ, въ особенности на небольшихъ дорогахъ, въ родѣ Новгородской, Новоторжской, Константиновской и т. п. На практикѣ завѣдываніе дѣломъ и теперь сосредоточивается иногда всецѣло въ рукахъ одного лица—такъ называемаго управляющаго дорогой.

и по мѣсту причинившаго вредъ событія. Удобства, представляемыя для частныхъ лицъ вновь проектированными правилами о подсудности, не требуютъ поясненій; столь же несомнѣнна, въ нашихъ глазахъ, и ихъ справедливость. Желѣзно-дорожное общество, съ своимъ привилегированнымъ положеніемъ, съ своими значительными средствами, съ своею арміей служащихъ, легко можетъ преодолѣть небольшія затрудненія, сопряженныя для него съ измѣненіемъ законовъ о подсудности; оно можетъ, не входя въ непосильные расходы, имѣть представителей при всѣхъ окружныхъ судахъ и мировыхъ сѣздахъ, которымъ оно подвѣдомственно, можетъ разсылать, въ случаѣ надобности, уполномоченныхъ ко всѣмъ мировымъ судьямъ, черезъ участки которыхъ проходитъ желѣзная дорога. Самая роль отвѣтника гораздо легче, чѣмъ роль истца; усмотрѣвъ изъ искового прошенія неосновательность требованія, общество можетъ вовсе не являться на судъ, ничѣмъ не рискуя, да и въ другихъ случаяхъ можетъ отложить защиту до разсмотрѣнія дѣла второю судебною инстанціею. Приспособленіе къ новому порядку для желѣзно-дорожныхъ обществъ будетъ только вопросомъ времени; приспособиться къ существующему порядку частныя лица никакъ не могутъ—онъ равносильнъ для нихъ, силою и рядомъ, отказу въ правосудіи. Намъ кажется только, что не слѣдовало бы останавливаться на полдорогѣ. И при новыхъ правилахъ о подсудности истцамъ часто придется предъявлять иски къ желѣзнымъ дорогамъ вдали отъ мѣста постоянного своего жительства; между тѣмъ, дѣйствующій уставъ гражданскаго судопроизводства требуетъ присутствія истца или его повѣреннаго въ мѣстѣ разсмотрѣнія дѣла, угрожая, въ случаѣ неявки того или другого въ судебное засѣданіе, прекращеніемъ дѣла. Не слѣдовало ли бы принять за правило, что искъ, предъявленный къ желѣзной дорогѣ, подлежитъ разсмотрѣнію суда — если истецъ имѣетъ жительство внѣ судебного округа — и безъ личной явки истца или его повѣреннаго, по представленнымъ документамъ? Мировые сѣзды, при отсутствіи обѣихъ тяжущихся сторонъ, не приступаютъ къ слушанію гражданскаго дѣла; изъ этого правила также слѣдовало бы допустить исключеніе для той категоріи процессовъ, о которой мы теперь говоримъ. Наконецъ, самый срокъ для подачи апелляціи можно было бы исчислять, для истца, со времени полученія имъ копіи съ рѣшенія, которую судья или судъ, въ случаѣ жительства истца за предѣлами судебного округа, обязанъ былъ бы сообщать ему — съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ для посланки копій съ зочныхъ рѣшеній. При такомъ порядкѣ, лицо пострадавшее или считающее себя пострадавшимъ могло бы ограничиться предъявленіемъ иска въ одномъ изъ компетентныхъ судовъ, наибо-

лѣе для него удобномъ, и затѣмъ выжидать окончанія дѣла у себя дома, не теряя времени и не тратясь по-напрасну. Безъ реформы, нами намѣченной, простое измѣненіе законовъ о подсудности не достигнетъ своей цѣли; изъ двухъ золъ — совершеннаго отказа отъ малоцѣннаго требованія и необходимости проживаться въ чужомъ городѣ или нанимать повѣреннаго изъ числа вовсе незнакомыхъ лицъ — послѣднее, въ большинствѣ случаевъ, все-таки окажется болѣе тяжелымъ. Довершить фактическую равноправность частныхъ лицъ и желѣзно-дорожныхъ правленій могло бы предоставленіе всякому пассажиру, лично пострадавшему на желѣзной дорогѣ, такъ называемаго права бѣдности, безъ формальностей, съ которыми сопряжено, въ другихъ случаяхъ, приобрѣтеніе этого права ¹⁾).

Въ древнемъ Римѣ существовало такъ-называемое *jus trium liberorum*, т.-е. совокупность привилегій для отца болѣе или менѣе многочисленнаго семейства; нѣчто въ этомъ родѣ предлагается, въ послѣднее время, французскими публицистами, озабоченными крайне медленнымъ возрастаніемъ населенія во Франціи. У насъ, въ Россіи, нѣтъ надобности въ подобныхъ преміяхъ; но это еще не значитъ, чтобы можно было вдаваться въ противоположную крайность и облагать семью налогомъ, растущимъ прямо пропорціонально числу ея членовъ. Такимъ налогомъ представляется, если вѣрить газетнымъ слухамъ, вновь проектированная пошлина на заграничные паспорта. При взиманіи ея отдѣльно съ каждаго члена семьи, въ размѣрѣ одиннадцати рублей ежемѣсячно, отецъ и мать, хотя бы только *trium liberorum*, должны будутъ платить за годичное пребываніе внѣ Россіи болѣе 650 рублей. Это было бы еще до извѣстной степени понятно, еслибы взятіе дѣтей за границу было со стороны ѣдущихъ туда родителей капризомъ, роскошью; но можно ли считать капризомъ желаніе отца или матери не разставаться съ семьей? Скажемъ болѣе: поѣздка за границу, помимо вопроса о дѣтяхъ, не можетъ быть разсматриваема, всегда и безусловно какъ прихоть, какъ признакъ достатка или избытка средствъ; высокая пошлина на заграничный паспортъ не можетъ быть, слѣдовательно, относима къ числу пошлинъ сомпутарныхъ. Кружева, драгоцѣнные камни, дорогія, тонкія вина и т. п. — все это бесспорно предметы роскоши; никто не нуждается въ нихъ, приобрѣтеніе ихъ всегда доказываетъ наличность такого состоянія, которое, по всей справедливости, можетъ быть обложено дополнительнымъ сборомъ. Поѣздка за гра-

¹⁾ Мы говорили объ этомъ подробно по поводу кузнецкой катастрофы (см. „Вѣстникъ Европы“ 1882 г. № 8, „Изъ общественной хроники“).

нищу, наоборотъ, часто бываетъ необходимой — конечно не абсолютно-необходимой, въ томъ смыслѣ, въ какомъ необходима одежда или пища, но необходимой настолько, чтобы поглотить послѣднія средства бѣдняка. Выставлять высокую пошлину на заграничныя паспорта налогомъ, падающимъ исключительно на богатыхъ, защищать ее въ интересахъ массы, съ демократической, будто бы, точки зрѣнія—софизмъ, вполне достойный нашихъ лже-народниковъ. Намъ говорить, что народъ дорого оплачиваетъ свои паспорта; совершенно справедливо, но изъ этого вытекаетъ лишь настоятельность отмены паспортнаго сбора. Крестьяне не ѣздятъ за границу, они не заинтересованы въ удержаніи низкихъ пошлинъ на заграничныя паспорта; но крестьяне вѣдь почти ничего и не читаютъ—значитъ нужно наложить высокую пошлину на книги? Мы не утверждаемъ, что существующая пошлина на паспорта должна оставаться неприкосновенной; мы не возражали бы ни слова противъ нѣкотораго ея повышенія—лишь бы только оно не было равносильно, для большинства, запрещенію ѣздить за границу. Съ фискальной точки зрѣнія пошлина на заграничныя паспорта, какъ бы она ни была высока, будетъ самымъ ничтожнымъ подспорьемъ для государственнаго казначейства. Не лучше ли было бы, вмѣсто полумѣръ, безполезныхъ въ финансовомъ отношеніи и вредныхъ во всѣхъ другихъ, приступить, наконецъ, къ радикальной перестройкѣ всей финансовой системы, установить прогрессивный подоходный налогъ и облегчить такимъ образомъ массу, распредѣливъ новое податное бремя не по случайнымъ, обманчивымъ признакамъ, а по мѣрѣ дѣйствительной состоятельности плательщиковъ?

19-го марта исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени открытія въ Петербургѣ коммерческаго суда. Историческій очеркъ, составленный по этому поводу однимъ изъ членовъ суда ¹⁾, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ медленно, съ какимъ трудомъ проводятся въ жизнь самыя простыя, самыя безспорныя истины. Уставъ коммерческихъ судовъ, изданный въ 1832 г., допустилъ для одной категоріи судебныхъ дѣлъ два начала, въ наше время сдѣлавшіяся краеугольными камнями всего судопроизводства: словесное разбирательство передъ судомъ и присяжную адвокатуру. Несмотря на хорошіе результаты, сразу данныя ими въ сферѣ торговыхъ дѣлъ, понадобилось еще тридцать лѣтъ, чтобы распространить ихъ за предѣлы этой тѣсной сферы. Едва понятный для насъ теперь предразсудокъ

¹⁾ Очеркъ исторіи с.-петербургскаго коммерческаго суда. 1833 — 1883. Составилъ Г. К. Мартенсъ, членъ суда. Спб., 1883.

долго заслонялъ ясную, повидимому, мысль, что неудобства, вызвавшія образованіе коммерческихъ судовъ, составляютъ общую черту *всего* стараго судоустройства и судопроизводства, что правила, примѣнимыя къ торговымъ дѣламъ, вполне примѣнимы и къ процессамъ другого рода. Достоинствамъ новаго учрежденія немало, безъ сомнѣнія, способствовалъ составъ комитета, выработавшаго уставъ 1832 г.; председателемъ его не даромъ былъ Сперанскій. Трудно предположить, чтобы реформаторъ александровской эпохи и ближайшіе его сотрудники не сознавали односторонность заданной имъ задачи, чтобы они были убѣждены въ необходимости какихъ-то судебныхъ привилегій для торговаго сословія; но обстоятельства не благопріятствовали широкимъ реформамъ — и первый шагъ впередъ не повлекъ за собою другихъ, логически изъ него вытекавшихъ.

Не лишень интереса тотъ фактъ, что вслѣдъ за открытіемъ петербургскаго коммерческаго суда возникла мысль о нѣкоторой гласности его дѣйствій; еще интереснѣе отпоръ, встрѣченный этою мыслью въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Директоръ департамента вишней торговли, при которомъ издавалась тогда „Коммерческая газета“, выразилъ желаніе, чтобы въ этой газетѣ печатались рѣшенія коммерческаго суда, безъ поименованія тяжущихся, исключительно какъ полезный матеріалъ для руководства торгующаго сословія. Предсѣдатель коммерческаго суда находилъ возможнымъ исполнить это желаніе, съ тѣмъ, чтобы печатались только опредѣленія, заключающія въ себѣ разрѣшеніе „казусныхъ случаевъ по торговлѣ“, не предусмотрѣнныхъ прямо дѣйствующими законами. Не такъ посмотрѣлъ на дѣло министръ юстиціи (Д. В. Дашковъ); онъ призналъ, что обнародованіе рѣшеній коммерческаго суда, какъ подлежащихъ апелляціи, представляло бы многія неудобства и могло бы даже вовлечь во вредныя ошибки желающихъ руководствоваться ими. Въ другихъ странахъ, притомъ, судебныя мѣста имѣютъ право пояснять законы, а у насъ это право принадлежитъ исключительно верховной власти. Министерство юстиціи — продолжалъ министръ — занимается, впрочемъ, „соображеніемъ возможныхъ средствъ къ публикаціи нѣкоторыхъ казусныхъ судебныхъ рѣшеній, съ отвращеніемъ предвидимыхъ затрудненій и неудобствъ; но до окончанія такового общаго соображенія не можетъ быть дано частнаго на то дозволенія“. *Общее соображеніе*, о которомъ здѣсь говорится, продолжалось болѣе двадцати пяти лѣтъ; публикація окончательныхъ судебныхъ рѣшеній началась, если мы не ошибаемся, только въ 1859 г., когда былъ основанъ „Журналъ министерства юстиціи“ ¹⁾, и сдѣлалась

¹⁾ Первоначально—нѣсколько мѣсяцевъ—судебныя рѣшенія печатались въ Журналѣ министерства юстиціи безъ означенія именъ участвовавшихъ въ дѣлѣ лицъ.

общинъ для всѣхъ правомъ лишь послѣ изданія новыхъ судебныхъ уставовъ. Что заставляло такъ долго относиться къ ней съ недо-
вѣріемъ и страхомъ—это объяснить себѣ, въ наше время, не совсѣмъ
легко. Отъ министра юстиціи, только что приведенный, слишкомъ
противорѣчивъ, чтобы выражать собою, вполне и откровенно, тог-
дашнее мнѣніе правительства о судебной гласности. Если бы препят-
ствіемъ къ публикаціи рѣшеній коммерческаго суда служила только
возможность отмены ихъ сенатомъ, то почему же нельзя было доз-
волить печатаніе тѣхъ изъ нихъ, которыя вовсе не подлежали апел-
ляціи по малопѣности иска, или вошли въ законную силу за необ-
жалованіемъ, или были утверждены сенатомъ? Еслибы оглашеніе
судебныхъ рѣшеній признавалось безусловно несомнѣтельнымъ съ свой-
ствомъ дѣятельности суда, только примѣняющаго законы, но не
разъясняющаго ихъ смыслъ, то къ чему было говорить о „сообра-
женіи средствъ“ къ публикаціи нѣкоторыхъ *казусныхъ* рѣшеній? Не
ясно ли было, съ другой стороны, уже и тогда — по крайней мѣрѣ
для столь образованныхъ людей, какими были Д. В. Дашковъ или
Д. Н. Влудовъ—что несмотря на формальное запрещеніе „обманчи-
ваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій“, судъ не можетъ
не толковать законовъ, не можетъ не руководствоваться ихъ смысломъ,
при неясности или неопредѣленности ихъ буквы? Рѣшенія общихъ
сената собраній, обнародованныя въ шестидесятыхъ годахъ, показыва-
ютъ съ полною очевидностію, что старые суды не чуждались
интерпретаціи законовъ, насколько она, по самой силѣ вещей, вхо-
дитъ въ кругъ дѣйствій судебной власти. Мы едва ли ошибемся, если
скажемъ, что главной, почти единственной помѣхой къ допущенію
судебной гласности — хотя бы только въ видѣ обнародованія нѣко-
торыхъ окончательныхъ рѣшеній — служилъ господствовавшій (да и
теперь еще не совсѣмъ исчезшій) взглядъ на взаимныя отношенія
правительства и общества. Обществу нѣтъ дѣла до того, что вхо-
дитъ въ сферу правительственныхъ функций; оно не должно имѣть
„своего сужденія“ о правительственной дѣятельности, не должно ни
поричать, ни даже одобрять ее, не должно ничего знать о ней, за
исключеніемъ того, что по необходимости совершается публично.
Подъ эту теорію подводились и суды, хотя, вообще говоря, они были
послѣдней синицей въ правительственной колесницѣ.

Если въ былое, не слишкомъ отдаленное отъ насъ время дви-
женіе идей въ официальныхъ сферахъ измѣнялось цѣлыми десят-
ками лѣтъ, то принципъ „спасительной медленности“ и до сихъ
поръ еще не вовсе вышелъ изъ употребленія. Возьмемъ, для при-
мѣра, институтъ присяжныхъ стряпчихъ при коммерческихъ судахъ,
созданный уставомъ 1832 г. Въ свое время онъ былъ пріобрѣтеніемъ

весьма важнымъ,—но оставаясь неприкосновеннымъ въ теченіи полу-столѣтія, онъ не могъ не сдѣлаться, до известной степени, анахронизмомъ. Съ учрежденіемъ присяжныхъ повѣренныхъ особая корпорація присяжныхъ стряпчихъ перестала быть необходимою; лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что присяжные повѣренные, живущіе въ Петербургѣ, почти всѣ записываются въ число присяжныхъ стряпчихъ при коммерческомъ судѣ и получаютъ это званіе безъ дальнѣйшей повѣрки со стороны суда. Слѣніе обѣихъ корпорацій остается, однако, вопросомъ не только не разрѣшеннымъ, но даже не поставленнымъ на очередь. Этого мало: попытки самого суда воспользоваться указаніями судебныхъ уставовъ для лучшаго устройства сословія присяжныхъ стряпчихъ игнорируются высшей судебной администраціей. „Такъ какъ при все болѣе увеличивающемся числѣ присяжныхъ стряпчихъ“, читаемъ мы въ очеркѣ исторіи петербургскаго коммерческаго суда, „для суда было сопряжено съ большими затрудненіями имѣть надъ ними предоставленную ему закономъ дисциплинарную власть, то судъ, по опредѣленію 15 мая 1876 г., поручилъ предсѣдателю своему представить министру юстиціи о томъ, чтобы суду было дано право созывать разъ въ годъ всѣхъ состоящихъ при судѣ присяжныхъ стряпчихъ, для избранія ими изъ своей среды пяти лицъ, на которыхъ судъ могъ бы возлагать исполненіе порученій по дисциплинарной части“. Съ тѣхъ поръ прошло почти семь лѣтъ,—а отвѣта на представленіе суда еще не получено, хотя разрѣшеніе его въ утвердительномъ смыслѣ было бы возможно даже безъ измѣненія закона. Въ томъ же 1876 г. петербургскій коммерческій судъ представилъ министерству юстиціи о необходимости открытія новаго отдѣленія суда, для разрѣшенія дѣлъ о торговой несостоятельности, и о возможности осуществленія этой мѣры безъ новаго обремененія государственнаго казначейства; это представленіе также остается безъ разрѣшенія, хотя оно было вызвано ходатайствомъ петербургскаго биржевого комитета, переданнымъ въ коммерческій судъ по распоряженію министерства юстиціи. Удивляться ли, послѣ этого, чрезвычайной медленности, съ которою подвигается впередъ пересмотръ устава о торговой несостоятельности или устава торговаго судопроизводства? Первая изъ этихъ работъ предпринята лѣтъ тридцать тому назадъ и такъ же далека отъ окончанія, какъ если бы потребность въ ней была сознава лишь въ прошедшемъ году; вторая окончена особою комиссіею въ 1877 г., но дальнѣйшая судьба ея неизвѣстна,—а рѣчь идетъ здѣсь только о примѣненіи къ торговымъ дѣламъ, съ немногими измѣненіями, общаго устава гражданскаго судопроизводства. Коммерческіе суды не введены даже до сихъ поръ въ общую систему нашего новаго судопроизводства,

хотя ничто не мешало бы уже давно подчинить ихъ судебнымъ палатамъ.

Не касаясь спорнаго вопроса о необходимости коммерческихъ судовъ, какъ отдѣльныхъ судебныхъ мѣстъ — другими словами, о возможности или невозможности отнести торговны дѣла къ вѣдомству общихъ судовъ, — отдадимъ справедливость дѣятельности суда, только что отпраздновавшаго свое полу-вѣковое существованіе. До судебной реформы петербургскій коммерческій судъ служилъ живымъ доказательствомъ того, насколько устное судопроизводство, даже осуществленное далеко не вполне, лучше письменнаго, исключительно-бумажнаго; послѣ судебной реформы онъ сумѣлъ остаться на одномъ уровнѣ съ новыми судами. Знакомство съ иностранными законодательствами, съ теоріей права распространено между дѣтелями коммерческаго суда, въ среднемъ выводѣ, едва ли не больше, чѣмъ между остальными судьями; близости суда къ жизни сильно способствуетъ право его руководствоваться торговыми обычаями. Нѣкоторые изъ нашихъ лучшихъ юристовъ прошли черезъ школу петербургскаго коммерческаго суда, многое заимствуя отъ него, во многомъ, въ свою очередь, на него влияя; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно назвать трехъ предсѣдателей суда, руководившихъ имъ съ 1860 по 1877 г. — В. В. Фриша, А. А. Книрица и Н. А. Тура.

Приведемъ въ заключеніе, какъ курьёзъ, слова „Сѣверной Пчелы“ 1833 г. по поводу открытія петербургскаго коммерческаго суда: „Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сіе новое присутственное мѣсто, новый залогъ народолюбія и правосудія нашего монарха, будетъ для здѣшняго купечества и для всѣхъ торгующихъ сословій богатымъ источникомъ многихъ благъ, охраненія имущества, защищенія невинности и честности, обличенія порока и неправды; что оно послужитъ къ утвержденію кредита, взаимнаго довѣрія и прочности обязательствъ и тѣмъ придастъ еще новыя силы русской коммерціи“.

Иначе смотреть на новыя общія судебныя учрежденія современныя намъ „Сѣверныя Пчелы“, и никакъ не соглашались усматривать въ нихъ „новый залогъ народолюбія и правосудія“ — для всѣхъ сословій. „Московскіи Вѣдомости“ изрекли надъ ними наданыхъ смертный приговоръ, не допускаящій и мысли о возможности для нашихъ судовъ дожить до пятидесятилѣтія, подобно тому, какъ дожилъ до того коммерческій судъ въ Петербургѣ. Будь этой газетѣ дана власть приводить въ исполненіе свои рѣшенія — нашимъ судьямъ и присяжнымъ засѣдателямъ осталось бы одно — пройти предъ грознымъ трибуналомъ Страстнаго бульвара, восклицая: „morituri te salutant“!

Можетъ ли, въ дѣйствительности, имѣть право на существованіе судъ, представляемый людьми, которыхъ, по словамъ газеты, „хватаютъ съ улицы и, подобравъ по масти, приводятъ въ движеніе разными скрытыми пружинами?!“ Понятно, что, организованный такимъ образомъ и „навязанный вопіющей противъ него жизни“, судъ этотъ долженъ былъ „осрамиться и ознаменовать себя такими безобразіями“, что въ настоящемъ практическомъ примѣненіи его необходимо видѣть „поруганіе правосудія“. Это поруганіе обусловлено дѣятельностью судей, которые „причутся за мнимую непогрѣшимостью присяжныхъ и, надѣваясь надъ здравымъ смысломъ и правосудіемъ, подсовываютъ этимъ присяжнымъ вопіющіе оправдательные приговоры“. Если наши судебныя учрежденія, призванныя разсматривать уголовныя процессы, таковы, то они, конечно, не могутъ долге существовать. Естественный выводъ изъ приговора „Моск. Вѣд.“ тотъ, что общество, лишенное правильного суда, только тогда можетъ вздохнуть свободно, когда „М. В.“ доложатъ ему — „vixent!“ — не дожидъ до своего пятидесятилѣтія!

Но жизнь идетъ своимъ чередомъ, и за этимъ облегчающимъ душу вздохомъ можетъ послѣдовать вопросъ, что же поставить на мѣсто того рокового и громаднаго недоразумѣнія, которое существовало въ русской жизни подъ видомъ суда присяжныхъ и подсовывающихъ ему приговоры судей? Старыми ли судами, которые не смущали добрыхъ гражданъ своими приговорами, творя свое дѣло въ непроглядной тѣмѣ канцелярской тайны, и отъ которыхъ пришлось, 50 лѣтъ тому назадъ, спасать хоть торговлю, основаніемъ отдѣльныхъ коммерческихъ судовъ? Или московскою „волоконною“ — со множествомъ инстанцій?—Нѣтъ! „Московскія Вѣдомости“ не идутъ такъ далеко. Оказывается, что онѣ всегда стояли за „настоящій“ судъ присяжныхъ и лишь протестовали и протестуютъ противъ его „поддѣлки“. Поэтому, на мѣсто поддѣльнаго суда присяжныхъ признается возможнымъ поставить настоящій, главное свойство котораго—,единогласіе приговора, требуемое здравымъ смысломъ“. Но достиженіе единогласія сопряжено съ тяжкими затрудненіями. Его будетъ очень трудно добиться. Горю можно однако помочь. „Если произойдетъ разногласіе,—говоритъ газета,—пусть рѣшаетъ судъ, и пусть выборъ того или другого приговора падаетъ вполне на его отвѣтственность“. При соблюденіи этихъ условій можно будетъ „возвратить къ здравому смыслу и судъ присяжныхъ, и многое другое въ нашихъ судебныхъ порядкахъ“. Такова напередъ для нашего судебного дѣла, предлагаемая „Моск. Вѣд.“. Стоитъ ввести единогласіе присяжныхъ и приговоръ коронныхъ судей въ случаѣ ихъ разногла-

сія—и вотъ, потерянный уголовнымъ судомъ здравый смыслъ будетъ найденъ.

„Моск. Вѣд.“ не утруждаютъ себя разработкой, или просто даже указаніемъ практическихъ послѣдствій принятія рекомендуемаго ими лекарства. Стоить ли толковать объ условіяхъ дальнѣйшей жизни, когда она даруется взамѣнъ по справедливости заслуженной смерти! Но мы позволимъ себѣ, однако, поближе взглянуть въ свойство предлагаемой мѣры.

Вопросъ объ единогласіи присяжныхъ заставилъ много потрудиться составителей суд. уставовъ. Въ комментаріяхъ государственной канцеляріи на суд. уставы этому вопросу посвящены многія страницы. Онъ былъ рѣшенъ отрицательно послѣ тщательной разработки. Пріимѣръ Англіи, съ ея своеобразнымъ общественнымъ строемъ и національными особенностями, не могъ заставить закрыть глаза на опытъ всей остальной Европы, которая отвергла правило, въ силу котораго упорство или непониманіе одного, быть можетъ случайно заинтересованнаго, человѣка могло тормазить на неопредѣленный срокъ окончаніе процесса и путемъ истязанія другихъ присяжныхъ насильственно склонять ихъ въ свою пользу. Судебная исторія самой Англіи за прошлое столѣтіе представляетъ много примѣровъ умышленнаго злоупотребленія началомъ единогласія, да и англійскіе юристы указываютъ на это начало, главнымъ образомъ, какъ на средство избѣжать неправильныхъ обвинительныхъ приговоровъ. Если будетъ хотя одинъ твердо убѣжденный въ невинности,—говорятъ они,—то обвиненіе не состоится. Но, какъ извѣстно, не обвинительные, а оправдательные приговоры смущаютъ душу „Моск. Вѣдомостей“. Положимъ, наши присяжные, по мнѣнію этой газеты,—люди, взятые съ улицы, между которыми есть всякіе, но вѣдь и по улицѣ ходятъ люди съ сердцемъ, и не лишеные совѣсти, голосъ которой говоритъ имъ: не произноси слова осужденія, если ты не убѣдился въ виновности. Почему же думаютъ, что между тѣми пятью голосами, которые теперь, стоя за оправданіе, остаются при обвинительномъ приговорѣ въ меньшинствѣ, не найдется хотя одного, который ни за что не измѣнитъ своего мнѣнія? И если этотъ одинъ твердъ и стойкъ, и честно относится къ своему долгу судьи—то онъ не уступитъ—и разногласіе будетъ не избѣжно. Что же дѣлать въ этомъ и ему подобныхъ случаяхъ? Остановить разсмотрѣніе дѣла, —остановить разсмотрѣніе цѣлаго ряда дѣлъ и преобразить зданіе суда въ рядъ маленькихъ тюремъ, гдѣ, на неопредѣленный срокъ, заключены группы присяжныхъ, среди которыхъ оказались люди, принесшіе съ улицы способность серьезно смотрѣть на свои обязанности и строго провѣрять себя предъ произнесеніемъ рѣшенія о

чести, свободѣ, имуществѣ ближняго. Но это невозможно, это практически невысказуемо. Никакой судъ не будетъ въ состояніи фактически осуществить такой порядокъ далѣе извѣстнаго и по большей части безплоднаго срока.

„Моск. Вѣд.“ отлично сознаютъ это—и сами, не придавая серьезнаго значенія тому миру, который онѣ называютъ „улучшеннымъ“ видомъ суда присяжныхъ, выдвигаютъ на первый планъ коронный судъ, который и долженъ будетъ рѣшать дѣло, отбирая его отъ разногласящихъ присяжныхъ. Но разногласіе возможно и даже почти неизбежно во всѣхъ дѣлахъ, имѣющихъ серьезный интересъ. Поэтому въ дѣйствительности коронный судъ будетъ разбирать всѣ эти дѣла. „Моск. Вѣд.“ не говорятъ, будетъ ли и такой судъ постановлять рѣшенія—единогласно, но для послѣдовательности—надо требовать и отъ него единогласія.—Если же послѣдуетъ разногласіе? Дѣло, вѣроятно, будетъ передаваться въ высшую инстанцію. Но если и тамъ не будетъ единогласія? Не придется ли нагромоздить рядъ инстанцій, въ которыхъ дѣло потеряетъ свой живой обликъ? На эти вполне естественные вопросы отвѣта не дается. Да и зачѣмъ? Главное, чтобы былъ судъ изъ судей, состоящихъ на службѣ, которые, не имѣя возможности спрятаться за мнимую непогрѣзимость присяжныхъ должны будутъ произносить отъ своего лица приговоръ, „отвѣтственность за выборъ котораго будетъ падать на нихъ“.—Отвѣтственность эта будетъ не нравственная, не дисциплинарная или даже уголовная, такъ какъ такая существуетъ уже и нынѣ, а отвѣтственность тоже „улучшенная“, особая, специальная, съ которою, по грубой ошибкѣ или преступному небреженію составителей судебныхъ уставовъ, не ознакомленъ „самодовольствующій организмъ“ судебного вѣдомства, и которая находитъ себѣ наилучшее выраженіе въ знаменитомъ третьемъ пунктѣ устава о службѣ гражданской. „Моск. Вѣд.“ столько разъ говорили о непонятномъ для нихъ и несомѣстимомъ съ правильною судебною организациею—началѣ несмѣняемости судей, что предлагаемое улучшение суда присяжныхъ несомнѣнно должно стоять въ связи съ упраздненіемъ этого стѣснительнаго по отношенію къ судьямъ начала. Припоминая все, что писалось и пишется „Моск. Вѣд.“ о нашемъ судебномъ строѣ, можно себѣ представить довольно ясную картину проектируемаго ими устройства уголовного суда. Присяжные будутъ, наконецъ, выведены изъ „настоящаго глупаго положенія людей, служащихъ прикрытіемъ и орудіемъ неправды“, а будутъ поставлены въ достойное положеніе людей, безплодные споры которыхъ будутъ прерываться властнымъ заявленіемъ судебныхъ чиновниковъ: „довольно-молъ вамъ спорить, безтолковый народъ, идите на улицу, съ которой взяты, мы

сами справимся и безъ васъ, памятуя, что должны дать за наше рѣшеніе отвѣтъ не только предъ Богомъ и закономъ, какъ говорилось въ старыя, смутныя времена, а и предъ своимъ начальствомъ. Намъ поможетъ въ этомъ дѣлѣ прокуроръ, который, безъ сомнѣнія, вспомнить давнія указанія „Моск. Вѣд.“, — что объективность и спокойное беспристрастіе — качества, по меньшей мѣрѣ столь же личныя въ обвинителѣ, какъ тонкость слуха въ живописцѣ. — Можно надѣяться, что приговоры, исходящіе отъ такихъ отвѣтственныхъ судей, которыхъ можно будетъ въ случаѣ чего „разсчитать“ подобно прислугѣ, не станутъ возбуждать тревоги въ „Моск. Вѣд.“. Этотъ результатъ будетъ достигнутъ, впрочемъ, лишь въ томъ случаѣ, если и высшія судебныя учрежденія воздержатся отъ постановленія „поразительныхъ, до неистовства радующихъ анти-правительственные органы“ рѣшеній въ родѣ, напримѣръ, недавняго опредѣленія общаго собранія кассационнаго департамента сената по вопросу о преданіи бывшаго казанскаго губернатора Скарятина суду присяжныхъ за встаніе татаръ. Впрочемъ, и противъ этого останется тоже универсальное средство: „улучшенная отвѣтственность“. Распространеніе ея съ судей на сенаторовъ въ сущности составитъ лишь вопросъ времени, тѣмъ болѣе, что и сенаторамъ, по судебнымъ уставамъ, приходится судить съ присяжными, т.-е., заставлять „случайно набранныхъ людей играть противъ воли въ обширной судебной комедіи жалкую роль присяжныхъ засѣдателей“.

Тогда, конечно, личныя указанія „Моск. Вѣд.“ на того или другого судью будутъ имѣть особую силу и значеніе — и ставить предъ нимъ альтернативу — или испытанія на себѣ „улучшенной отвѣтственности“, или путешествія въ московскую Каноссу во власнищѣ, со слезами покаянія и просьбою о дальнѣйшемъ руководствѣ и совѣтахъ.

„Московскія Вѣдомости“ особенно рельефно наложили свой взглядъ на судъ присяжныхъ по поводу замѣчанія „Русскихъ Вѣдомостей“ о томъ, что когда-то, семнадцать лѣтъ тому назадъ, эта газета иначе относилась къ этому суду. Но органъ „нѣвольныхъ московскихъ профессоровъ“, не умѣющий „быть столько же честнымъ, сколько хотѣтъ назваться либеральнымъ“, повеселилъ метафорическій совѣтъ короля Лира, данный честному Кенту — „не становиться между змѣею и ея яростью“, и вызвалъ высокоумный отвѣтъ, что „М. В.“ не желаетъ быть предметомъ рабскаго культа и не хотѣтъ, чтобы ихъ слова имѣли авторитетъ непогрѣшимости, несмотря на вопиющее свидѣтельство опыта. Этотъ-де опытъ указываетъ, что въ судѣ присяжныхъ разочаровалась вся Европа, и въ Германіи стоитъ на очереди вопросъ о замѣнѣ этого института

чѣмъ-нибудь другимъ.—Старый Кентъ, истощивъ всѣ свои доводы—говорить ослѣпленному гнѣвомъ старцу: „прощай,—близъ тебя нѣтъ правды!“ Увы! такой же отвѣтъ можно бы дать и „Москов. Вѣд.“. Ни въ оцѣнкѣ ими образа и дѣйствія суда присяжныхъ въ Россіи, ни въ ссылкахъ на опытъ Европы—нѣтъ даже элементарнаго условія серьезной публицистической рѣчи—нѣтъ правды! Гдѣ — и въ чемъ усмотрѣли „М. В.“ разочарованіе всей Европы въ судѣ присяжныхъ? Франція расширяетъ компетенцію этого суда,—въ Англіи такъ же какъ и во всѣхъ романскихъ странахъ онъ стоитъ непоколебимо, а Германія уже въ 1879 г. завершила свои преобразованія въ области этого суда. Несмотря на оживленную и несравненно болѣе добросовѣстную агитацію противъ суда присяжныхъ, германскій рейхстагъ, огромнымъ большинствомъ, послѣ самой тщательной разработки вопроса, рѣшилъ оставить судъ присяжныхъ по всѣмъ важнымъ преступленіямъ, передавъ лишь часть маловажныхъ преступленій обыденнаго характера суду шэффеновъ, въ которомъ преобладаетъ выборный элементъ, и представители котораго рѣшаютъ не только вопросъ о винѣ, но и о наказаніи. Судъ присяжныхъ, освобожденный со введеніемъ въ октябрѣ 1879 г. новаго германскаго учрежденія судебныхъ установленій отъ излишней тяжести—вышелъ побѣдителемъ изъ поднятой противъ него борьбы и на долгіе годы упроченъ въ Германіи. Гдѣ же стоящій, будто бы, на очереди вопросъ о замѣнѣ его, да притомъ еще „чѣмъ-нибудь“? Къ чести германскаго законодательства и публицистики—тамъ замѣняютъ важныя общественныя и государственныя учрежденія лишь тогда, когда создано ясное и точное представленіе о лучшей формѣ, а не слѣдуетъ предложить, въ ослѣпленіи ярости и незнанія, „что-нибудь“, лишь бы отдѣлаться отъ ненавистнаго для нѣкоторыхъ установленія.—Еще менѣе правды въ указаніяхъ на существующій у насъ и часто проявляющійся подборъ присяжныхъ, которымъ можно, будто бы, подсовывать рѣшеніе. Трудно даже объяснить—чему слѣдуетъ приписать эти указанія, упорно повторяемыя „М. В.“—полнѣйшему ли незнанію Судебныхъ Уставовъ и невѣжественному къ нимъ отношенію, или желанію умышленно бросить на наши судебныя учрежденія незаслуженную тѣнь и облить ихъ представителямъ ядовитымъ сокомъ недоказанныхъ намековъ и инсинуаций? Самое поверхностное знакомство съ порядкомъ составленія списковъ и присутствія присяжныхъ указываетъ невозможность подбора ихъ „подъ масть“, и среди криковъ и обвиненій, слышавшихся такъ часто на нашихъ судахъ, никогда еще не было указано ни одного факта подбора и подтасовки присяжныхъ.—Выло бы неблагоразумно скрывать отъ себя недостатки суда присяжныхъ, при тѣхъ условіяхъ въ которыхъ онъ у насъ поставленъ. Онъ обремененъ множествомъ излишнихъ

обрядностей,—его путаетъ запутанная Уложеніемъ постановка вопроса,—его составъ не соотвѣтствуетъ предположенному законодательствомъ, ибо люди достаточные и образованные уклоняются отъ несенія тяжелой повинности засѣдателя, оставляя ее на плечахъ людей, иногда нуждающихся въ кускѣ хлѣба, въ чемъ первѣйшѣ содѣйствуютъ особы уѣздныя комиссіи, дѣйствующія недобросовѣстно или небрежно. Условія, въ которыя поставленъ этотъ судъ, нуждаются въ серьезномъ улучшеніи. Это сознается и составителями новаго Уложенія и Сенатомъ который принимаетъ энергическія мѣры къ правильному составленію общихъ списковъ присяжныхъ. Но подборъ — на судъ! подтасовка! Впрочемъ—„calomniez, calomniez! toujours il en restera quelque chose!“

На этой почвѣ споръ съ „М. В.“ очевидно не возможенъ. Онѣ черпаютъ свои аргументы изъ области, не всякому доступной. Да едва ли и настоятъ нужда въ такомъ спорѣ. Если бы законодатель рѣшилъ пересмотрѣть постановленіе о судѣ присяжныхъ и о несмѣняемости судей, то, безъ сомнѣнія, онъ обратился бы къ источникамъ болѣе близкимъ къ дѣлу, болѣе безпристрастнымъ, и предложилъ бы настоящую цѣну измышленіямъ, въ которыхъ за предлагаемымъ „улучшеніемъ“ скрывается стремленіе упразднить судъ, какъ учрежденіе, дѣятельность котораго поставлена въ условія, гарантирующія его безпристрастіе, вредящее столь часто личнымъ интересамъ. Законодатель усмотрѣлъ бы несомнѣнно, что то, чтѣ предлагаютъ „М. В.“, есть не судъ, а *расправа*, тормозящая нравственное развитіе общества; вдумываясь въ существо предлагаемой мѣры и въ ея мотивы, онъ увидѣлъ бы, что та безмятежность, которая водворится по отношенію къ приговорамъ *такою* суда—есть не спокойствіе, а молчаніе безправія,—къ которому примѣнимы слова Тацита: „Ubi solitudinem faciunt,—pacem appellant!“

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ ЖЕНСКИХЪ ГИМНАЗІЙ.

Историческая замѣтка.

19-го февраля 1858 года былъ представленъ на высочайшее утвержденіе проектъ открытія въ Петербургѣ перваго училища для *приходящихъ* дѣвицъ съ курсомъ, равнымъ институтскому, а 19 апрѣля того же года состоялось самое открытіе училища, подъ именемъ Маріинскаго, которое и положило начало общему женскому среднему образованію, безъ различія сословій, и открывало тѣмъ женщинамъ доступъ и къ образованію высшему. Такимъ образомъ, 19 апрѣля настоящаго года исполнится двадцатипятилѣтіе существованія въ Россіи женскихъ гимназій — памятный день для каждой матери-воспитательницы новыхъ поколѣній, для учительницы и наставницы, вообще для всякой просвѣщенной женщины, вносящей миръ и свѣтъ въ русскую семью и русское общество. Новое, всесословное гимназическое женское образованіе, не отрывающее дѣтей отъ семьи и получаемое въ настоящее время многими тысячами женщинъ въ столицахъ и отдаленной провинціи, — обуславливаетъ, кромѣ того, существованіе и высшихъ женскихъ, педагогическихъ и медицинскихъ курсовъ, и по всей справедливости можетъ быть отнесено къ числу величайшихъ заслугъ послѣдняго двадцатипятилѣтія, каковы бы ни были при этомъ недостатки женскихъ гимназій, неизбежныя, впрочемъ, въ каждомъ дѣлѣ, подвергаемомъ первому опыту.

Чтобы понять всю важность совершившагося двадцать-пять лѣтъ тому назадъ преобразованія, припомнимъ, въ общихъ чертахъ, — прежнее положеніе дѣла и какое образованіе женщина получала? Обратимся для того къ произведеніямъ великихъ литературныхъ художниковъ того времени...

„Хорошее воспитаніе, — говоритъ Гоголь, — какъ извѣстно, получается въ пансіонахъ; а въ пансіонахъ, какъ извѣстно, три главные предмета составляютъ основу человѣческихъ добродѣтелей: французскій языкъ, необходимый для счастья семейной жизни; фортепьяно для доставленія пріятныхъ минутъ супругу, и наконецъ, собственно хозяйственная часть: вязаніе кошельковъ и другихъ сюрпризовъ"... Цѣлая вереница самыхъ, теперь невѣроятныхъ, а тогда фотографически-вѣрныхъ, до смѣшнаго и жалкаго своеобразныхъ, отрицательныхъ женскихъ типовъ проходитъ передъ нами въ трудахъ Гоголя...

Возьмемъ другого геніальнаго творца, Пушкина, поэта по преимуществу положительнаго, пѣвца прекраснаго въ жизни... И опять передъ нами цѣлый рядъ пустыхъ, ничтожныхъ, бездушныхъ кокетокъ, причудницъ большого свѣта съ ихъ холодной красотою, за которыми можно только ухаживать, и которыя надобѣдаютъ даже и Онѣгину; — или, женщины-помѣщицы въ родѣ старухи Лариной; или, пустынкіня ничтожныя существа, въ родѣ Ольги. Были, правда, у Пушкина попытки изображать и хорошую русскую женщину; но какою болѣзненною, нравственно надломленною личностію смотритъ блѣднолицая мечтательница Татьяна, въ концѣ-концовъ вполнѣ разстающаяся съ своими неопредѣленными мечтами и обратившаяся въ великосвѣтскую даму. И вотъ, Пушкину пришлось исвать положительныхъ женскихъ характеровъ среди черкешенокъ, цыганокъ, или въ древней легендарной Руси... То же встрѣчаемъ мы и у Лермонтова: такіе же кокетки, получившія одинъ внѣшній лоскъ образованія, такіе же безхарактерныя, пустыя женщины, какъ Вѣра или княжна Мери, а положительные женскіе типы — опять черкешенка Бела, грузинка Тамара... У Тургенева, Гончарова, Писемскаго, наконецъ, Некрасова, — встрѣчаются симпатичныя, хорошія женскія натуры; но какъ мало коснулось ихъ истинное образованіе; какъ печально проходитъ ихъ пустая жизнь, какъ глубоко несчастливы онѣ въ своихъ привязанностяхъ, въ семейной жизни; а какъ-то, при этомъ, было положеніе тѣхъ, которымъ суждено „цвѣтущаго младенца не ласкать“ — эту мартирологию рассказывала намъ часто одна изъ симпатичнѣйшихъ и талантливѣйшихъ современныхъ русскихъ писательницъ — В. Крестовскій (псевдонимъ). Словомъ, если бы мы захотѣли ознакомиться съ тѣмъ, какова была, за рѣдкими исключеніями, почти совсѣмъ лишенная образованія русская женщина пятидесятыхъ годовъ, намъ стоило бы только обратиться ко всей тогдашней литературѣ въ ея лучшихъ представителяхъ, и картина получилась бы — весьма печальная. Да и какія средства представлялись въ образованію тогдашней женщинѣ? Десятка два совершенно закрытыхъ, замкнутыхъ, преимущественно столичныхъ, женскихъ институтовъ, куда доступъ такъ труденъ даже и для привилегированныхъ сословій, и гдѣ немногія попавшія туда счастливицы росли совершенно оторванными отъ семьи, чуждыми дѣйствительной жизни; нѣсколько десятковъ на всю Россію женскихъ пансіоновъ, также закрытыхъ, доступныхъ по дороговизнѣ только немногимъ богатымъ людямъ; домашнее, еще болѣе дорогое, образованіе у лучшихъ учителей, которымъ могли пользоваться только рѣдкія исключительныя по богатству и положенію семьи — вотъ и все, что представлялось по части образованія немногимъ, чтобы просвѣтить свой умъ и сердце. Остальной огромной массѣ русскихъ женщинъ, даже

средняго класса (о низшемъ не говоримъ — для крѣпостныхъ женщинъ, какъ и для крѣпостнаго мужского пола, образованіе было закрыто совершенно) предоставлялось учиться кое-какъ, своими средствами, чему-нибудь и какъ-нибудь, — и неудивительно, что въ этомъ классѣ не только развитая, образованная, но даже вполне грамотная женщина была рѣдкостью... Да и само общество, грубоватое и матеріалистическое, съ стремленіями, почти исключительно, къ наживѣ какими бы то ни было средствами, искорченное крѣпостничествомъ и бюрократизмомъ, не заявляло запроса на женское образованіе. Чуждое гуманнаго просвѣщенія, оно не уважало ни своего ребенка, котораго личность систематически принижалась какимъ-то quasi-спартанскимъ воспитаніемъ, ни женщины, въ которой искали только или экономки, или одалиски. И если, подъ вліяніемъ заходившихъ въ намъ съ Запада, въ сороковыхъ годахъ, просвѣтительныхъ идей, болѣею частію, путемъ романовъ Жоржъ-Занда, пробуждался въ нѣкоторыхъ немногихъ русскихъ женщинахъ протестъ противъ упорнаго запрета для женщинъ истиннаго образованія и болѣе человѣчнаго положенія въ обществѣ, — какими насмѣшками и въ водевиляхъ, и въ журналистикѣ, и въ семьяхъ, преслѣдовались эти „жоржъ-зандистки“, „снѣіе чулки“, — и преслѣдовались тѣмъ легче, что чтеніе романовъ не могло, конечно, возмѣстить недостатка правильнаго, гуманнаго образованія, и преувеличенія со стороны поклонницъ Жоржъ-Занда были столько же понятны, сколько и естественны.

Первымъ борцомъ за общечеловѣческое, научное и гуманное просвѣщеніе русской женщины явился у насъ не философъ, не педагогъ и не публицистъ, а медикъ-хирургъ, Н. И. Пироговъ, въ своей памятной статьѣ: „Вопросы жизни“, напечатанной въ 50-хъ годахъ, въ „Морскомъ Сборникѣ“. Статья эта, и послѣдовавшія за ней въ томъ же журналѣ произвели впечатлѣніе огромное: о нихъ говорили, спорили всюду, даже тамъ, гдѣ не интересовались никакими статьями.

Первый толчокъ, данный Пироговымъ общественной мысли въ новомъ направленіи, не пропалъ даромъ, и къ концу 50-хъ годовъ нашелъ себѣ, притомъ, благодарную почву въ тѣхъ надеждахъ, какія возлагались тогда на новое царствованіе по всѣмъ вопросамъ общественной и государственной жизни. Во главѣ литературнаго движенія по реформѣ женскаго образованія въ то время явился покойный Н. А. Вышнеградскій (ум. 1872 г.), профессоръ педагогикъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ, гдѣ онъ самъ нѣкогда получилъ воспитаніе и кончилъ курсъ въ 1845 г., — а впоследствии инспекторъ въ павловскомъ женскомъ институтѣ, закрытомъ учеб-

номъ заведеніи. Имъ былъ основанъ тогда первый въ Россіи „Русскій Педагогическій журналъ“, который онъ посвятилъ покойной государынѣ императрицѣ Маріи Александровнѣ, какъ покровительницѣ женскаго образованія въ Россіи. Этотъ журналъ, какъ сказано въ первой его книжкѣ, по обстоятельствамъ, отъ редакціи не зависѣвшимъ, не могъ выйти, какъ предполагалось, 1-го января 1857 года, а появился только въ апрѣлѣ этого года. Журналъ читался и въ высшемъ обществѣ, и возбуждалъ толки въ сферахъ правительственныхъ. Тамъ впервые были поставлены чрезвычайно важные вопросы: о приготовленіи учителей въ элементарныхъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, о народныхъ училищахъ, ихъ внѣшнемъ и внутреннемъ устройствѣ, о реальныхъ училищахъ, о гимназіяхъ, и наконецъ, о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и о необходимости сдѣлать ихъ открытыми и общедоступными. Пользуясь вполне благоприятнымъ тогдашнимъ настроеніемъ и въ общественныхъ, и въ правительственныхъ сферахъ, Н. А. Вышнеградскій не ограничился одною журнальною разработкою новыхъ понятій о нуждахъ женскаго образованія, и еще въ 1858 г. обратился съ готовымъ планомъ къ покойному Петру Георгіевичу, принцу Ольденбургскому. Сначала, Вышнеградскій предполагалъ открыть училище для приходящихъ дѣвицъ съ учебнымъ курсомъ, равнымъ курсу навровскаго института, въ одномъ изъ смежныхъ съ институтомъ домовъ. Чтобы открытію не помѣшало опасеніе большихъ новыхъ расходовъ, онъ предложилъ принять на себя руководство и надзоръ въ новомъ женскомъ училищѣ безъ всякаго за то вознагражденія. И такъ велико было тогда увлеченіе благимъ дѣломъ просвѣщенія, что и преподаватели института, проникнутые сознаніемъ пользы подобнаго учрежденія, также изъявили готовность преподавать въ классахъ новаго заведенія за такую плату, какая по средствамъ заведенія можетъ быть имъ назначена. На первоначальное устройство училища Вышнеградскій испрашивалъ одновременно 2000 р., и, сверхъ того, ежегодной субсидіи отъ вѣдомства императрицы Маріи по 3000 р. ¹⁾

При посредствѣ принца Петра Георгіевича проектъ Вышнеградскаго, какъ мы упомянули выше, былъ представленъ, 19-го февраля 1858 г., государю императору и государынѣ императрицѣ, и дѣло быстро пошло въ ходъ. Главный совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній обсудилъ проектъ во всѣхъ подробностяхъ и убѣдился, что въ настоящее время для Россіи настоятъ необходи-

¹⁾ Эти свѣдѣнія, равно какъ и вообще—объ открытіи гимназій, заимствованы болѣею частью изъ статьи И. Т. Осипина: „Историческія замѣтки о положеніи и образованіи женщинъ“ (журн. „Женское образованіе“, 1876 г.).

мость въ учебныхъ заведеніяхъ, „съ коихъ дѣтныя, не отлучаясь на продолжительное время отъ семействъ, могли бы получать основательное и къ ихъ назначенію приспособленное образованіе“. Въ основаніе же какъ устава перваго открытаго женскаго училища, такъ и впоследствии высочайше утвержденного въ 1861 г. устава всѣхъ женскихъ гимназій вѣдомства учреждений императрицы Маріи были положены слѣдующія главныя начала:

1) Училище состоитъ подъ покровительствомъ государыни императрицы въ вѣдѣніи главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, а ближайшее управленіе вѣряется особому попечителю по назначенію государя императора.

2) Къ обученію въ училищѣ допускаются дѣти всѣхъ свободныхъ безъ различія сословій въ возрастѣ отъ 9 до 13 лѣтъ.

3) Классы съ 9 часовъ утра до 2½ часовъ пополудни.

4) Полный курсъ ученія семь лѣтъ при семи годичныхъ классахъ.

5) Предметы ученія дѣлятся на обязательные, и необязательные. Обязательные: законъ Божій, отечественный языкъ и словесность, исторія вкратцѣ всеобщая и подробно русская, географія, естествовѣдѣніе, арифметика и понятіе объ измѣреніяхъ, женскія руководія, чистописаніе, пѣніе и рисованіе; предметы необязательные: французскій языкъ и нѣмецкій, музыка и танцованіе.

6) Годовая плата за обученіе всѣмъ предметамъ обязательнымъ полагается 25 рублей съ дѣвщцы, а за обученіе иностраннымъ языкамъ, за каждый по 5 рублей, равно какъ 5 рублей и за танцованіе.

7) Издержки по содержанію училища имѣютъ быть покрыты: а) сборомъ за ученіе; б) ежегоднымъ пособіемъ въ 8000 р. на счетъ процентовъ съ общаго запаснаго капитала женскихъ учебныхъ заведеній.

На этомъ послѣднемъ пунктѣ особенно настаивалъ Вышнеградскій, отвѣчая на опасеніе въ неизбежности большихъ расходовъ со стороны правительства, — и дѣйствительно, женскія гимназіи, даже и при первоначальной сорока-рублевой платѣ за ученіе, не только не стоили бы правительству никакихъ затратъ, но даже могли бы приносить значительный доходъ, еслибъ только дана имъ была впоследствии большая свобода развитія и собственныя помѣщенія.

22-го марта 1858 г., послѣдовало высочайшее утвержденіе устава. Попечителемъ женскаго Маріинскаго училища назначенъ принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, а начальникомъ — Н. А. Вышнеградскій. Затѣмъ немедленно было нанято въ Стреманной улицѣ

помѣщеніе для училища, и съ 15 апрѣля начался пріемъ ученицъ. И такъ велика и настоятельна была потребность въ такомъ открытомъ учебномъ заведеніи, что уже въ четыре дня, ко дню открытія, поступило 162 ученицы (97 изъ дворянскаго и чиновничьяго сословія, 12 изъ духовнаго званія, 20—купческаго, 10—мѣщанскаго и 1—крестьянскаго сословія).

19 апрѣля, происходило освященіе и открытіе новаго училища. Но вождь покровительницы заведенія, въ участіи въ торжествѣ были допущены родители всѣхъ дѣтей, принятыхъ въ училище. Къ полудню этого достопамятнаго дня собралось въ училище множество посѣтителей обоюго пола, всѣ наставники, и наконецъ, прибыли сама государыня императрица и великая княгиня Александра Петровна, подробно осмотрѣвши, послѣ торжественнаго молебствія, самое помѣщеніе новаго училища; послѣ того Вышнеградскій произнесъ рѣчь, гдѣ подробно выяснилъ всю важность открытаго всесословнаго женскаго образованія.

Новое учебное заведеніе, встрѣтившее съ одной стороны въ обществѣ самое теплое сочувствіе, съ другой—опасеніе въ антипедагогическомъ, будто-бы, сближеніи сословій, стало расти необыкновенно быстро. Уже въ іюнѣ того же года число ученицъ достигло 260, и помѣщеніе заведенія пришлось увеличить вдвое.

Потребность дешеваго образованія для женщинъ и довѣріе родителей къ новому типу учебныхъ заведеній вызвали открытіе и другихъ—подобныхъ имъ. Въ томъ же 1858 г., 8-го октября, открылось коломенское училище, 1-го ноября—васильевское, а 5-го декабря—петербургское (нынѣ петровская гимназія); 11-го ноября 1860 г.—вознесенское (нынѣ александровская гимназія).

Одновременно съ учрежденіемъ этихъ училищъ въ Петербургѣ, постепенно открыто значительное число подобныхъ же учреждений для приходящихъ дѣвицъ въ Москвѣ, — заведеній частныхъ, впоследствии только поступившихъ въ вѣдѣніе правительства. Въ настоящее время въ Москвѣ—пять гимназій, а въ провинціи—того же вѣдомства 16-ть.

Въ 1860 году, былъ открытъ при Маріинскомъ училищѣ для спеціального приготовленія учительницъ и воспитательницъ особый педагогическій классъ, въ который тогда же поступило 8 ученицъ. Всѣ онѣ, въ 1861, были удостоены званія домашнихъ наставницъ, а 6 изъ нихъ заняли по окончаніи курса мѣста классныхъ учительницъ въ трехъ младшихъ классахъ училища. Этимъ педагогическимъ классомъ, изъ котораго въ 1863 году образовались при Маріинскомъ же училищѣ педагогическіе курсы съ двумя отдѣленіями: словеснымъ и физико-математическимъ, гдѣ читались отдѣльные обширные курсы

естественныхъ наукъ,—положено было начало широкому пригнѣнію женскаго труда къ преподаванію въ женскихъ гимназіяхъ.

Съ 1860 же года, по примѣру существующихъ уже училищъ для приходящихъ дѣвицъ, стало отрывать подобныя же—и министерство народнаго просвѣщенія; число ихъ въ настоящее время во всей Россіи простирается до 270, не считая гимназій вѣдомства учрежденій императрицы Маріи.

Въ слѣдующемъ 1861 году, была учреждена должность инспектора классовъ женскихъ училищъ, въ помощь ихъ первому главному начальнику Н. А. Вышнеградскому. 2-го января 1862 г., Высочайше утвержденъ уставъ училищъ для приходящихъ дѣвицъ вѣдомства императрицы Маріи, причемъ уже въ одномъ Маріинскомъ училищѣ число ученицъ возрасло до 460, и въ томъ же году всѣ училища, какъ эти, такъ и министерскія, по предложенію виленскаго генералъ-губернатора, почетнаго попечителя виленскаго женскаго училища, переименованы въ женскія гимназіи; съ этимъ уже именемъ были открыты 23 января 1864 г. рождественское трехклассное училище съ двухгодичными курсами, и наконецъ, 31 октября 1864 г.—царскосельское.

Между тѣмъ какъ столь успѣшно пошло у насъ дѣло открытаго, доступнаго по дешевизнѣ женскаго образованія, и требовавшаго только поддержки и поощренія со стороны правительства,—начинался, въ половинѣ 60-хъ годовъ, крутой поворотъ въ идеяхъ. Женскія гимназіи, какъ заведенія еще юныя, не успѣвши вполнѣ установиться во внутреннемъ строѣ своей педагогической жизни,—тѣмъ болѣе, что съ матеріальной стороны, при невозможности широко увеличить число учащихся, и почти при полномъ отсутствіи матеріальной поддержки извнѣ, онѣ были оставлены крайне жалко,—не могли не вызывать въ обществѣ всякихъ разнорѣчивыхъ и иногда поверхностныхъ сужденій. На основаніи отдѣльных, случайныхъ примѣровъ, совсѣмъ частныхъ и неабѣжныхъ въ учебныхъ заведеніяхъ, куда дѣти являются нерѣдко изъ самыхъ печальныхъ по нравственной обстановкѣ семей,—стали въ обществѣ, гдѣ было еще слишкомъ много враговъ всесловнаго образованія, появляться всякія нареканія на счетъ женскихъ гимназій.

Въ маѣ 1867 г., основатель женскихъ гимназій, Вышнеградскій, долженъ былъ оставить мѣсто главнаго начальника; его преемнику, И. Т. Осипину, пришлось принять на себя дѣло въ очень трудное для женскихъ гимназій время. Но все же открытое и безосновное женское образованіе и въ послѣднюю эпоху своего существованія постепенно разрасталось и становилось все болѣе и болѣе на твердую почву. Основаніе новыхъ гимназій въ Петербургѣ не

остановилось. При новомъ ихъ начальникѣ, съ содѣйствіемъ принца Ольденбургскаго, открылась сначала литейная гимназія, взамѣнъ прежней рождественской, нынѣшняя рождественская, сначала прогимназія, а теперь полная семиклассная гимназія, екатерининская, и наконецъ, четырехклассная прогимназія при женскихъ педагогическихкихъ курсахъ.

При вступленіи И. Т. Осипина въ должность начальника женскихъ гимназій, число ученицъ всѣхъ петербургскихъ гимназій доходило только до 1,300; нынѣ же число ихъ превышаетъ 4,000 ученицъ, что объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что помѣщенія гимназій, значительно увеличившись въ объемѣ, дали возможность гораздо большому числу учащихся получать, относительно, дешевое образованіе. До того времени всѣ онѣ помѣщались въ частныхъ домахъ. При И. Т. Осипинѣ, по его почину и при его же посредствѣ, большая часть гимназій получила свои особыя, специально для нихъ построенныя, помѣщенія. Таковы гимназіи: александровская съ педагогическими курсами и прогимназіей, васильевская и литейная, коломенская, помѣщающаяся въ домѣ специально для нея построенномъ Человѣколюбивымъ обществомъ, рождественская также въ домѣ, построенномъ для нея рождественскимъ приходскимъ братствомъ, и, наконецъ, самая большая изъ петербургскихъ женскихъ гимназій (до 700 ученицъ) маріинская—въ домѣ, принадлежащемъ коммерческому училищу; такимъ образомъ, въ настоящее время только двѣ гимназіи, петровская и екатерининская, помѣщаются въ частныхъ домахъ, но и то значительно расширены въ своемъ объемѣ. Несмотря, впрочемъ, на постоянное, съ 1868 года, увеличеніе платы за ученіе (съ 40 руб. первоначальной платы, до 70 и даже 80 р.)—рѣшительно всѣ женскія гимназіи вѣдомства императрицы Маріи должны тратить, прямо въ ущербъ учебному дѣлу, столь важному для образованія, весьма значительныя суммы, именно на наемъ помѣщенія, причемъ, вѣдомства, завѣдующія домами, и особенно частныя лица (напр., г. Аверинъ, владѣлецъ дома, гдѣ помѣщается едва ли не бѣднѣйшая изъ гимназій, петровская, сразу увеличилъ плату съ 4,500 р. на 8,000 р.) не останавливаются и передъ очень значительными надбавками. Вотъ эти цифры годовой платы за помѣщеніе женскихъ гимназій въ Петербургѣ:

Маріинская.	12,180 р.
Коломенская	10,000 „
Васильевская	7,475 „ ¹⁾
Петровская.	8,000 „
Александровская	7,320 „

¹⁾ За настоящій годъ, эта гимназія платитъ уже почти 8,000 р.

Антейнал	15,480 „
Екатерининская	7,000 „
Рождественская	4,320 „
Педаг. курсы и прогимн.	7,018 „

Такимъ образомъ, всего выплачивается въ годъ около 80 тысячъ руб. за одно помѣщеніе женскихъ гимназій, между тѣмъ всѣ мужскія гимназіи, какъ извѣстно, имѣютъ помѣщенія свои собственные и безвозмездныя. При этомъ замѣтимъ, что приведенная общія цифра составляетъ чуть не четверть всего бюджета женскихъ гимназій, исчисленнаго по смѣтѣ 1883 года почти въ 342 тыс. р., изъ которыхъ съ ученицъ получается около 272 тыс. р., остальные же 70,000 р. ассигнованы въ видѣ субсидій изъ средствъ вѣдомства императрицы Маріи. Еслибы вѣдомство нашло возможнымъ освободить гимназіи отъ платы за помѣщенія, специально для нихъ же устроенныя, то женскія гимназіи и въ настоящее время могли бы совершенно отказаться отъ правительственной субсидій.

Возвращаясь къ краткому очерку хода гимназическаго женскаго образованія вѣдомства имп. Маріи, остановимся на фактѣ, ознаменовавшемъ второй періодъ существованія женскихъ гимназій съ 1867 года.

Новое управленіе гимназій, помимо текущихъ заботъ о нихъ самихъ, выполнѣ организовало вышеупомянутыя женскіе педагогическіе курсы, бывшіе у насъ въ Россіи, до открытія курсовъ бестужевскихъ и медицинскыхъ, единственнымъ высшимъ женскимъ учебнымъ заведеніемъ. Состоя первоначально при маріинской женской гимназій и утративъ въ 1866 г. дѣленіе на факультеты, они въ 1871 г. получили самостоятельное существованіе, въ видѣ двухъ большихъ отдѣленій, словеснаго и математическо-естественнаго, съ подраздѣленіями по спеціальностямъ (русское, французское, нѣмецкое, математическое и естественно-историческое), и кромѣ того, въ 1867 г. получили, въ видѣ пробныхъ уроковъ въ прогимназіи и особыхъ педагогическихъ конференцій, средства къ собственно педагогической подготовкѣ слушательницъ; курсъ, сначала бывшій только двухгодичнымъ, съ 1879 г. обратился въ трехгодичный. Вся организація этого большого педагогическаго заведенія, почти исключительно состоящаго въ настоящее время изъ ученицъ женскихъ петербургскихъ гимназій и насчитывающаго болѣе 300 слушательницъ, всецѣло принадлежитъ И. Т. Осинину и его ближайшему помощнику по дѣлу курсовъ И. Ф. Рашевскому. Съ 1871 г. до 1882 г., на обоихъ отдѣленіяхъ педагогическихъ курсовъ, выпущено всего—около 900 учительницъ.

Съ одной стороны, поднятіе въ гимназіяхъ платы за ученіе, съ

другой—постоянно увеличивающееся стремленіе и недостаточныхъ родителей дать своимъ дочерямъ гимназическое образованіе, которое пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе довѣріе общества,—вызвало сначала въ петровской гимназіи (22 мая 1878 г.), а потомъ въ васильевской, маріинской, коломенской и рождественской,—учрежденіе „обществъ вспоможенія нуждающимся ученицамъ“, нашедшихъ самую горячую поддержку въ покровителѣ всѣхъ бѣдныхъ учащихся, принцѣ Петрѣ Георгіевичѣ, который разрѣшилъ новымъ обществамъ устраивать въ свою пользу концерты и литературные вечера. Благодаря взносамъ членовъ и этимъ сборамъ, общества вносятъ плату за бѣднѣйшихъ изъ ученицъ и помогаютъ имъ учебными пособиями, платьемъ и обувью. Наибольшее развитіе этихъ обществъ, особенно въ виду увеличенія платы за ученіе и полного отсутствія бесплатныхъ ученицъ, крайне желательно. Къ сожалѣнію, въ настоящее время всѣ эти общества поддерживаются, главнымъ образомъ, одними взносами лицъ служащихъ, людей очень мало достаточныхъ.

Въ 1872 г., основался при женскихъ гимназіяхъ и свой особый педагогическій журналъ, сначала подъ именемъ „Педагогическаго Листка женскихъ гимназій“, подъ редакціей И. Т. Осинина и двухъ членовъ редакціонной коммисіи, А. Н. Бетхера и В. А. Павловича, а съ 1867 г. подъ именемъ „Женскаго Образованія“—журналъ, продолжающій издаваться и до сихъ поръ подъ редакціей В. Д. Сиповскаго.

Наконецъ, съ апрѣля 1882 года при коломенской женской гимназіи открылся „педагогическій кружокъ“, цѣль котораго—обсужденіе вопросовъ образованія и воспитанія, преимущественно женскаго.

Такимъ образомъ, важное дѣло открытаго всесословнаго женскаго образованія, основанное двадцать-пять лѣтъ назадъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія позднѣйшаго времени, прочно установилось въ Россіи. Болѣе 300 гимназій, изъ которыхъ 31 подчинена вѣдомству учреждений императрицы Маріи, вмѣстѣ съ петербургскими педагогическими курсами, даютъ теперь образованіе въ разныхъ концахъ Россіи болѣе чѣмъ десяти тысячамъ женщинъ,—цифра, сравнительно съ числомъ женщинъ, получавшихъ у насъ образованіе до учрежденія женскихъ гимназій, весьма значительная. Гимназистки, особенно получившія спеціальную педагогическую подготовку въ педагогическихъ курсахъ, расходясь по всѣмъ концамъ Россіи, являясь въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ общества, вносятъ съ собою свѣтъ образованія и нравственнаго развитія нерѣдко туда, гдѣ царилъ круглое невѣжество, и уже тѣмъ самымъ, независимо отъ какой бы то ни было дѣятельности, приносятъ великую пользу государству, всего болѣе нуждающемуся въ просвѣщеніи. Въ числѣ другихъ реформъ

послѣдняго царствованія, открытіе цѣлаго ряда училищъ для приходящихъ дѣвицъ, или женскихъ гимназій, займетъ въ исторіи одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, а теплое отношеніе къ этимъ заведеніямъ и заботы о нихъ покойнаго принца Ольденбургскаго, со смертію котораго они понесли невознаградимую потерю, заслуживаютъ самыхъ благодарныхъ воспоминаній со стороны русскаго общества.

Но чѣмъ важнѣе для цѣлой страны просвѣтительное дѣло, тѣмъ съ большей серьезностью и вниманіемъ нужно относиться къ нему. Поэтому въ заключеніе нашей статьи, имѣвшей только одну цѣль возбудить общественное вниманіе къ приближающемуся празднику женскаго всесословнаго образованія,—мы позволимъ себѣ высказать нѣсколько словъ о современномъ положеніи женскихъ гимназій вѣдомства императрицы Маріи, какъ старѣйшихъ, и послужившихъ потому примѣромъ для всѣхъ другихъ учрежденій подобнаго рода. Вмѣстѣ со всѣми, кому дорого просвѣщеніе русской женщины, отъ всей души желая ему наибольшаго преуспѣванія, мы желали бы, на основаніи многолѣтнихъ собственныхъ наблюденій, откровенно высказать, въ виду заключающагося двадцатипятилѣтія, въ чемъ, по нашему мнѣнію, эти гимназіи могутъ нуждаться.

Самое существенное, въ чемъ нуждаются эти, сравнительно еще юныя учебныя заведенія—это болѣе серьезная постановка всего курса ученія. Подгоняя свои программы къ курсу институтскому, эти гимназіи не даютъ еще достаточной подготовки для поступленія въ высшіе курсы, и особенно по математикѣ, такъ что гимназисткамъ, намѣревающимся продолжать свое образованіе, приходится годами подготавливаться къ поступленію на эти курсы. По отношенію особенно къ математикѣ, курсъ женскихъ гимназій министерскихъ—значительно выше. Не малый пробѣлъ въ женскомъ гимназическомъ образованіи составляетъ также совершенно необъяснимое ничѣмъ изгнаніе оттуда естествознанія, которое нѣсколько лѣтъ назадъ, хотя и въ небольшомъ объемѣ,—но существовало. Точно также естествовѣдѣніе устранено съ этого года и въ педагогическихъ курсахъ, гдѣ оно тѣмъ необходимѣе, что назначеніе курсовъ, прежде всего, готовить учительницъ для низшихъ элементарныхъ классовъ. Такимъ образомъ, наша учащаяся женская молодежь со всѣмъ лишена возможности избирать себѣ на высшихъ курсахъ специальностью науку о природѣ. Да и вообще, положеніе у насъ бестужевскихъ высшихъ женскихъ курсовъ до сихъ поръ крайне неопредѣленное, между тѣмъ какъ они могли бы дать весьма значительный и солидный выборъ учительницъ для старшихъ классовъ жен-

скихъ гимназій, весьма нуждающихся въ хорошихъ педагогическихъ силахъ. Стоило бы только предоставить курсисткамъ право, по окончаніи высшаго четырехлѣтняго курса, поступать собственно для педагогической практики хотя на годъ въ педагогическіе курсы, о чемъ, какъ намъ достовѣрно извѣстно, къ сожалѣнію, тщетно хлопотуютъ многія изъ окончившихъ успѣшно обученіе на курсахъ бестужевскихъ. Конечно, педагогическіе курсы пришлось бы тогда расширить, но вѣдь дѣло образованія только выиграло бы отъ этого.

Второй существенный недостатокъ женскихъ гимназій вѣдомства императрицы Маріи, это—ихъ крайне печальное положеніе экономическое, составляющее немаловажную причину того, что даже самое образованіе въ нихъ даетъ далеко не тѣ благопріятные результаты, какихъ можно было бы ожидать. Еще покойный Вышнеградскій указывалъ, какъ мы видѣли, на возможность гимназіямъ содержаться своими средствами безъ всякихъ субсидій. И онѣ дѣйствительно не стоили бы правительству такъ много, еслибъ не приходилось платить громадныхъ суммъ за помѣщенія, и при этомъ, предоставленъ былъ бы большій просторъ къ ихъ расширенію. Не будучи поставлены самостоятельно, женскія гимназіи, сравнительно съ мужскими, бѣдны чрезвычайно, хотя и берутъ за ученіе почему-то дороже послѣднихъ (въ мужскихъ только 60 р., въ женскихъ—70 и даже 80). Самая плата учителямъ меньше, чѣмъ въ гимназіяхъ мужскихъ или въ институтахъ, а бѣдныя учительницы получаютъ всего по 40 и даже 35 руб. за годовой часъ, классныя же дамы за ежедневное дежурство съ 8½ до 2½ часовъ—всего 400 руб. въ годъ; институтскія преподавательницы въ платѣ сравнены съ учителями. И въ то время, какъ въ институтахъ инспекторъ по большей части, при казенной квартирѣ, получаетъ 2,000 руб. въ годъ, да еще 500 руб. какъ членъ учебнаго комитета, и распоряжается только одной учебной частью, не вѣдая хозяйственной,—въ женскихъ гимназіяхъ инспекторъ, за вычетомъ 6% въ пенсіонный капиталъ, всего получаетъ только 987 руб., причемъ на немъ, при гораздо большемъ, чѣмъ въ институтахъ, числѣ ученицъ, лежитъ безъ всякаго особаго вознагражденія еще и вся хозяйственная, и даже канцелярская часть. Не мудрено, что ему по неволѣ приходится набирать массу уроковъ, и самая инспекція исполняется какъ бы между прочимъ. Такое положеніе дѣла, естественно, ведетъ къ тому, что женскимъ гимназіямъ вѣдомства императрицы Маріи очень трудно привлечь лучшія педагогическія силы, которыя, если и попадаютъ туда, то при первыхъ болѣе выгодныхъ занятіяхъ и оставляютъ гимназіи. Наконецъ, особенно печально въ женскихъ гимназіяхъ еще и то обстоятельство, что въ нихъ совсѣмъ нѣтъ освобожденія отъ платы за ученіе, какъ

бы ученица ни была бѣдна, кромѣ только дочерей учителей въ женской гимназіи. Даже *сестры* классныхъ дамъ отъ платы не освобождаются.

Такимъ образомъ, эти заведенія, столь важныя для государства, сравнительно съ институтами, являются какими-то не любимыми дѣтищами, которыхъ содержать въ черномъ тѣлѣ и только терзать, между тѣмъ какъ, кажется, слѣдовало бы въ интересѣ просвѣщенія всѣми мѣрами ихъ поддерживать. Этой-то поддержки и большей самостоятельности и серьезности въ постановкѣ курса и требуютъ женскія гимназіи, вступающія нынѣ уже во вторую четверть вѣка. Требуютъ онѣ и болѣе широкаго, и повсемѣстнаго распространенія; хотя общее число ихъ, доходящее до 300, и очень велико сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда ихъ не было вовсе, но этой цифры еще слишкомъ мало для государства такого обширнаго, какъ Россія. Мы очень любимъ повторять собогѣзнованія о развращенности современныхъ нравовъ, объ упадкѣ семьи, о грубости и не-эстетичности нашего общества; но не забудемъ, что и нравы, и семья, и гуманистическое развитіе поддерживаются, и въ значительной мѣрѣ созидаются женщиной, и ее можетъ сдѣлать способной къ этому только серьезное образованіе. Наступающее 19-е апрѣля потому — великій праздникъ не только для одной женщины, но и праздникъ всего образованнаго русскаго общества. Пусть онъ вызоветъ къ судьбѣ женскихъ гимназій — то вниманіе и участіе, которыхъ, по всей справедливости, заслуживаютъ эти разсадники здороваго и разумнаго просвѣщенія русской женщины, созидательницы и хранительницы семьи, этой основы благосостоянія государства.

В. Острогорскій.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

ВАРШАВА.—Февраль, 1883.

Въ послѣднее десятилѣтіе польская литература обогатилась значительнымъ количествомъ такихъ критико-историческихъ изслѣдованій, которыя свидѣлствуютъ о радикальномъ поворотѣ въ направленіи польской историографіи. Еще не далеко то время, когда все прошлое польскаго народа болѣе или менѣе идеализировалось даже въ серьезныхъ произведеніяхъ литературы, имѣющихъ чисто-научный характеръ; но гораздо болѣе еще грѣшила въ этомъ отношеніи литература художественная, почерпавшая все свое содержаніе почти исключительно изъ міра шляхетскаго и возводившая идеалъ, какъ главную и едва ли не единственную представительницу польскаго народа, чуть не въ апопеезъ... Не входя въ причины столь односторонняго и фальшиваго направленія, долгое время господствовавшаго въ научной и художественной польской литературѣ, необходимо признать несомнѣнный фактъ рѣшительнаго поворота въ направленіи новѣйшей польской письменности: искусственная и сантиментальная идеализація, ведущая къ бесплодной мечтательности и къ ограниченности умственнаго круговора, начинаетъ уступать мѣсто безпристрастной и рациональной критикѣ, а отъ критическаго отношенія къ прошлому прямой переходъ къ критическому анализу явленій настоящаго. Лучшія произведенія новѣйшей польской литературы научной, художественной и публицистической, свидѣлствуютъ о положительной отрѣшенности современнаго польскаго наиболѣе образованнаго круга отъ преданій старой литературной школы и отъ старыхъ идеаловъ, литературныхъ и общественныхъ.

Однимъ изъ убѣдительныхъ тому доказательствъ можетъ служить вышедшій недавно научно-литературный сборникъ „Ognisko“, о которомъ я имѣлъ уже случай упоминать въ одномъ изъ прежнихъ писемъ. Обращаюсь опять къ этому изданію потому, что на него можно смотрѣть, въ нѣкоторомъ отношеніи, какъ на кодексъ воззрѣній, принциповъ, стремленій и убѣжденій современной польской генерации, ея политическихъ и общественныхъ идеаловъ, о какихъ десять-пятнадцать лѣтъ тому назадъ никто еще и не мечталъ въ польской литературѣ. Содержаніе этого сборника очень разнообразно и очень интересно во многихъ отношеніяхъ. Мы не можемъ, ко-

нечно, дать здѣсь полнаго о немъ отчета, но не откажемъ себѣ въ удовольствіи познакомить читателя съ нѣкоторыми, по крайней мѣрѣ, болѣе замѣчательными, его статьями. Въ такимъ статьямъ относится несомнѣнно этюдъ г. Карловича: „Опытъ характеристики польской шляхты“ (*Próba charakterystyki szlachty polskiej*). Самое это заглавіе говоритъ уже о занимательности и интересѣ этюда, написаннаго, притомъ, съ замѣчательнымъ талантомъ. Почтенный авторъ, извѣстный своими изслѣдованіями въ области славяно-польской филологіи и народнаго творчества, назвалъ свой этюдъ „опытомъ“, въ томъ смыслѣ, конечно, что въ польской литературѣ до настоящаго времени не появлялось еще ничего подобнаго. О шляхтѣ писали очень много и очень многіе, но одни, по примѣру Винченція Поля, идеализировали ее до крайности и самые недостатки ея признавали достоинствами, а другіе шли еще дальше и прямо старались создать какой-то особенный, кастовый и почти мистическій культъ шляхетства, какъ, напр., гр. Ржевускій въ своихъ „*Ramiętnikach starego szlachcica litewskiego*“. Г. Карловичъ даетъ истинную, дѣйствительную, безпристрастную характеристику польскаго шляхетства и едвали не первый изъ польскихъ писателей приводитъ къ одному знаменателю его прошлое и—настоящее, рисуя то и другое вѣрными и яркими красками. Картина вышла чрезвычайно интересная, но далеко не утѣшительная для поклонниковъ старыхъ шляхетскихъ традицій и идеаловъ. Авторъ приходитъ прямо къ выводу, что „Польшу довела до банкротства именно шляхта“,— истина, давно впрочемъ извѣстная, но въ статьѣ г. Карловича она получаетъ новое освѣщеніе и болѣе наглядную убѣдительность. Правда, почтенный авторъ желаетъ какъ будто смягчить прямоту и суровость неумолимаго приговора и замѣчаетъ мимоходомъ, что „tout comprendre — c'est tout pardonner“, но это, очевидно, только фраза, потому что, когда говорится о полномъ банкротствѣ, то какое же тутъ можетъ быть „прощеніе“?.. Да исторія не извиняетъ и не прощаетъ, не казнить и не милуетъ, она только возстановляетъ факты и свидѣлствуетъ истину.

Авторъ старается дать въ своей статьѣ генетическое опредѣленіе шляхты, ея происхожденія, развитія, роста и упадка, рассматриваетъ этнографическія, географическія и историческія условія, какъ самаго ея возникновенія, такъ и характера ея дѣятельности; но мы не пойдемъ такъ далеко за авторомъ, потому что и размѣры письма того не позволяютъ, и самое изслѣдованіе почтеннаго автора о происхожденіи въ исторіи польскаго народа такого преобладающаго фактора, какъ шляхта, гораздо слабѣе, по нашему мнѣнію, второй части этюда, анализирующей самую натуру шляхетства, даю-

шей характеристику и фотографію его нравственной фізіономіи. Къ этой послѣдней части мы и перейдемъ.

Въ ней авторъ характерными штрихами рисуетъ нравственный обликъ современныхъ эпигоновъ стараго польскаго шляхетства, на сколько жизнь ихъ выражается въ дѣятельности общественной, политической, религіозной и культурной — съ одной стороны, и въ жизни домашней и частной — съ другой.

Авторъ утверждаетъ, — и съ нимъ нельзя не согласиться, — что въ теченіе послѣдняго столѣтія шляхта утратила многія свои отличительныя черты и вообще много измѣнилась; но самая натура ея осталась нетронутою. Понятіе кастовой обособленности, какъ народа въ народѣ — все еще въ ней не умерло. Благодаря вліяніямъ новѣйшей гражданственности и условіямъ жизни общественной, это архаическое понятіе высказывается и фактически проявляется съ меньшею откровенностью и наивностью, чѣмъ въ былое время, но еще и нынѣ шляхтичъ вѣритъ въ безусловное превосходство своей расы надъ всѣми остальными классами народа и неохотно съ ними сближается. Вполнѣ естественно, затѣмъ, что кто вѣритъ въ силу привилегій и права происхожденія, тотъ не вѣритъ въ необходимость личнаго труда и не понимаетъ жизни трудовой, дающей право на существованіе. Къ праздности и безпечальному существованію шляхта привыкла исторически. Трудилась иногда и она, но трудилась не систематически, а подъ вліяніемъ какого-нибудь минутнаго экстаза; не разъ даже она жертвовала жизнію и достояніемъ, но это было дѣло минутнаго увлеченія: постоянного, разумнаго и органическаго труда она не понимала. Отсюда, наравнѣ съ предразсудками кастовой спѣси, другая отличительная черта общественнаго характера шляхты: празднолюбіе, пренебреженіе къ труду и къ тѣмъ, кто ему предается, даже потому именно, что ему предается. Но гордое пренебреженіе къ личному труду ведетъ логически къ извѣстному песимизму и даже къ нѣкоторому фатализму, подъ вліяніемъ котораго истинный шляхтичъ, „въ минуты жизни трудный“, возлагаетъ обыкновенно все свое упованіе только на связи, на общественное свое положеніе и на матеріальныя средства; но, лишившись послѣднихъ, онъ предается совершенному отчаянію и гибнетъ безпомощно. Вѣра въ извѣстнаго рода фатализмъ получаетъ у него и болѣе обширное примѣненіе: „онъ вѣритъ, — говоритъ авторъ, — въ особое свое и своего отечества призваніе, въ какую-то сверхъ-естественную ему помощь, которая должна придти не сегодня, такъ завтра; въ случаѣ отсутствія такой мистической вѣры, шляхтичъ хватается за обманчивый призракъ какихъ-то будущихъ политическихъ комбинацій“, которыя должны сложиться именно такъ, какъ ему желательно...

При отвращеніи къ личному труду, исполненный вѣры въ свое кастово-родовое превосходство, шляхтичъ питаетъ въ своей душѣ чувства своеобразной амбиціи и всегдашнее желаніе отличиться чѣмъ-либо отъ всѣхъ прочихъ смертныхъ; но, при отсутствіи серьезнаго образованія, которое приобретается только трудомъ, и благодаря слишкомъ тѣсной сферѣ жизни общественной, въ которой онъ вращается, даже благородное чувство сознанія личнаго достоинства перерождается въ немъ въ чувство мелкаго тщеславія. Впрочемъ, авторъ допускаетъ множество оттѣнковъ и различій въ этомъ отношеніи и проводитъ извѣстную черту между аристократіею, среднею шляхтою и низшими ея слоями, сближенными съ простымъ народомъ. Правы аристократіи сильно вліяютъ на среднюю и даже низшую шляхту, но, „переходя отъ низшихъ слоевъ шляхетства до его вершинъ, т.-е. до аристократіи и магнатства, мы замѣчаемъ,—говоритъ авторъ,—что стремленіе къ серьезному образованію начинается снизу, постепенно возрастаетъ и затѣмъ, достигая вершины, ослабѣваетъ; трудолюбіе же идетъ въ обратномъ порядкѣ: слабое въ верхнихъ слояхъ, оно постепенно усиливается въ низшихъ“. Тѣмъ не менѣе, тщеславіе „принадлежитъ къ общимъ и самымъ характернымъ чертамъ шляхетства: оно проявляется во всѣхъ сторонахъ нашей дѣятельности и заражаетъ собою всѣ классы общества. Никто изъ насъ не желаетъ быть самимъ собою, всякій старается казаться не тѣмъ, что онъ есть, а чѣмъ-либо инымъ, высшимъ. Мы всѣ похожи на тѣхъ пассажировъ третьяго класса, изъ которыхъ каждый считаетъ своею обязанностью увѣрять спутниковъ, что только случайно, вслѣдствіе исключительныхъ и непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, онъ ѣдетъ не въ первомъ классѣ“... Но самую выдающуюся черту въ характерѣ и натурѣ истиннаго шляхтича составляетъ изумительное легкомысліе. Съ невѣроятною безпечностью бросается онъ въ самую опасную политическую игру, сожигая иногда за собою всѣ корабли; съ такою же легкостью принимаетъ онъ на себя всякія обязательства, которыя вскорѣ забываетъ; ничего ему не стоитъ также измѣнять ежеминутно свои намѣренія и предположенія, забывать о предметахъ своего преклоненія, ставить на мѣсто ихъ другіе и мѣнять свои даже добрыя привычки и привязанности. Только „въ послѣднее время,—говоритъ авторъ,—произошла извѣстная и довольно рѣзкая переиѣна въ характерѣ и настроеніи шляхты: она сдѣлалась не въ примѣръ серьезнѣе прежняго; но такая переиѣна куплена черезъ-чуръ большими жертвами, частными и общественными“...

Очень интересна та часть этюда, въ которой авторъ говорить

собственно о политических шляхетских идеалахъ. Мы считаемъ болѣе удобнымъ говорить здѣсь собственными его словами:

„Политическій идеалъ нашего шляхетства — консерватизмъ и аристократизмъ. Идеалъ этотъ, гдѣ это возможно, мы стараемся осуществить въ жизни“ (намекъ на Галицію). „Въ сношеніяхъ съ иными обществами, мы ищемъ всегда союза только съ консервативными и аристократическими ихъ элементами и являемся открытыми противниками всякихъ либеральныхъ и демократическихъ движеній. Во всей Европѣ мы слышимъ упорными консерваторами и ретроградями. Вожаки наши увѣряютъ, что такимъ именно путемъ вѣрнѣе всего можно достигнуть завѣтной цѣли. Какой?.. Если эта цѣль состоитъ въ удовлетвореніи средневѣковыхъ мечтаній и кастовыхъ похотей, то они правы; но умы, болѣе глубокіе и серьезныя, путь этотъ вовсе не признаютъ ведущимъ къ чему-либо разумному и прочному. Вообще, шляхта не вѣрять въ широкія задачи либерализма и прогресса; напротивъ, закоренѣлый консерватизмъ, стремленіе къ преобладанію надъ всѣми остальными классами общества — таковъ политическій кодексъ шляхетства. Шляхта вѣрять, что она призвана управлять народомъ и составлять изъ себя нѣчто въ родѣ палаты лордовъ-консерваторовъ. Она много говоритъ о своемъ патриотизмѣ и любитъ упрекать другія сословія въ недостатки патриотическихъ чувствъ. Да, она патриотична, но, какъ во всемъ иномъ, такъ и въ этомъ отношеніи, чувство преобладаетъ у нея надъ умомъ, минутныя возбужденія бываютъ чужды всякой серьезности и стойкости, и въ результатъ всегда почти получается минусъ. Каждый шляхтичъ мечтаетъ о высшемъ положеніи въ обществѣ; никто изъ насъ не умѣетъ и не желаетъ довольствоваться трудолюбивымъ исполненіемъ скромной обязанности гмѣннаго судьи или члена какого-либо уѣзднаго учрежденія...

„Шляхта грѣшитъ часто непростительнымъ политическимъ ослѣпленіемъ, происходящимъ не столько отъ живости и интенсивности патриотическихъ чувствъ, сколько отъ простого непониманія значенія фактовъ и смысла явленій. Считается „хорошимъ тономъ“ бранить и осуждать политическихъ недоброжелателей, восхваляя все свое. Казалось бы, что справедливость по отношенію къ другимъ и къ самимъ себѣ была бы всего разумнѣе и полезнѣе. Шовинизмъ всегда бываетъ вреденъ. Притомъ, въ заявленіяхъ нашего патриотизма всегда много фальши. Очень часто мы сознаемъ справедливость дѣлаемыхъ намъ упрековъ и обвиненій, но тщеславіе и привычка взваливать вину всегда на другихъ не допускаютъ насъ признать правду. Намъ кажется, будто тонкая дипломатичность требуетъ скрывать наши недостатки передъ посторонними, и потому

мы часто лжемъ сознательно и, вслѣдствіе такой привычки, входимъ иногда на такіа безпутья и создаемъ такой хаосъ понятій, что сами, наконецъ, лишаемся способности отличать правду отъ лжи.

„Насъ упрекаютъ часто въ неспособности къ единству и солидарности, въ распущенности и отвращеніи къ дисциплинѣ. Есть этотъ грѣхъ и, притомъ, это грѣхъ историческій, наслѣдственный. Нужно признать, однако, что тяжелая школа опыта не осталась безъ полезныхъ для насъ результатовъ въ этомъ отношеніи. Не раздѣляя политическихъ принциповъ и стремленій галиційской партіи „станчиковъ“, мы не можемъ не сознаться, что ее никакъ нельзя упрекнуть въ отсутствіи единства, солидарности и дисциплины“...

Мы привели почти дословно воззрѣнія автора на политическіе идеалы шляхты. Допустивъ даже, что воззрѣнія эти грѣшатъ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, нельзя не сознаться, что они очень интересны, хотя характеристическія черты, отличающія польскую шляхту, принадлежать далеко не ей одной. Не одна она способна забраться „на такіа безпутья и внести такой хаосъ въ понятія“, что становится невозможнымъ, наконецъ, опредѣлить—что истина и что ложь, гдѣ „оканчивается одна и начинается другая“... Наши „охранители“, напр., перещеголяли въ этомъ отношеніи даже польско-шляхетскихъ шовинистовъ. Относительно лганья особенно,—кто же и у насъ не лжетъ?..

Мнѣнія автора объ умственномъ развитіи и образованности шляхты не представляютъ также ничего для нея лестнаго: онъ дивится даже странной несообразности, представляемой притязаніями шляхты на первенствующую политическую и общественную роль въ народѣ и очень низкою степенью умственного ея развитія. Молодой шляхтичъ очень рѣдко оканчиваетъ полный гимназическій курсъ и еще рѣже проходитъ черезъ курсъ университетскій. „Мы не имѣемъ подъ рукою,—говоритъ авторъ,—нужныхъ статистическихъ данныхъ, но кажется, что на каждые двадцать человѣкъ молодыхъ шляхтичей едва ли одинъ получаетъ серьезное высшее образованіе“. Читеніемъ шляхта тоже заниматься не любитъ, и если иногда читаетъ, то такіа книжки, которыя „лучше было бы не читать“. Периодическія изданія и научныя сочиненія, главнымъ образомъ, расходятся въ публикѣ не шляхетской. Образованіе женщинъ вполнѣ почти сохранило традиціонный характеръ: главную роль въ воспитаніи и образованіи ихъ играютъ изящныя искусства, самое образованіе ведется поверхностно, быстро, тепличнымъ образомъ. Въ обоихъ полахъ цѣнится больше внѣшняя полировка, свѣтская выправка, чѣмъ умственное развитіе и солидное образованіе. Окончательное мнѣніе почтеннаго автора объ умственномъ развитіи шляхты

такое: „Вѣра въ силу привилегій и правъ происхожденія и состоянія, отсутствіе привычки къ личному труду, обученіе дѣтей одновременно разнымъ языкамъ, неизбѣжно дѣйствующее притупляющимъ образомъ на ихъ умственные способности, все это, вмѣстѣ взятое, служить дѣйствительною причиною низкой степени умственного развитія нашей шляхты. А недостатокъ надлежащаго умственного образованія и развитія ведетъ къ извѣстнымъ и неизбѣжнымъ результатамъ. Общественные предрассудки, закоренѣлый консерватизмъ, политическое безсиліе, релігіозный фанатизмъ, извращеніе нравственнаго характера—всегда и повсюду являются плодами невѣжества“...

Гораздо выгоднѣе представляется шляхтичъ въ жизни домашней и частной, чѣмъ въ жизни общественной. Въ домашнемъ быту и въ частныхъ сношеніяхъ шляхтичъ отличается, несомнѣнно, честностью и какою-то душевною теплотою. Но свои домашнія и частныя привычки онъ обыкновенно переноситъ въ жизнь общественную и въ сферу политическихъ вопросовъ, гдѣ онъ всего менѣе уместенъ. Очень часто онъ руководствуется политикою чувства и страстей, болѣе послушенъ внушеніямъ сердца, нежели разума. Самая честность его носитъ характеръ условный: онъ рѣдко совершаетъ поступокъ нечестный съ умысломъ, намѣренно; чаще всего онъ бываетъ нечестенъ по легкомыслію, по слабости характера. Съ другой стороны, шляхтичъ считаетъ неизмѣнною своею обязанностью быть честнымъ только въ сношеніяхъ съ равными себѣ, но по отношенію къ хлопамъ и жидамъ онъ, хотя и не отступаетъ отъ принципа честности, но не любитъ дѣлать себѣ стѣсненій... Гостепріимство, сострадательность и услужливость—выдающіяся и лучшія его качества. Онъ болѣе расточителенъ, чѣмъ корыстолюбивъ; другъ вѣрный и способный на жертвы, легко поддается чувству гнѣва и раздраженія, но обиду не помнитъ и скоро ихъ прощаетъ; откровененъ и искрененъ до крайности и совѣтъ иногда безъ надобности. Вообще, въ жизни частной шляхтичъ отличается многими прекрасными качествами, которыя дѣлали бы его еще симпатичнѣе, если бы умѣряемы были и направляемы разумомъ.

Трудный доступъ къ дѣятельности болѣе широкой, на поприщѣ политическомъ и общественномъ, при слабомъ уровнѣ умственного образованія и развитія, заставляетъ шляхту тратить нравственные и физическія силы въ тѣсномъ и мелкомъ кругѣ забавъ и развлеченій. По непривычкѣ къ личному труду, шляхтичъ располагаетъ большимъ количествомъ свободнаго времени, не зная иногда, что съ нимъ дѣлать. Онъ его „убиваетъ“, проводя въ праздности, въ забавахъ и развлеченіяхъ. „Жизнь провинціальной шляхты—посто-

янная забава", говоритъ авторъ. „Женщины танцуютъ, кокетничаютъ, мужчины картежничаютъ, щеголяютъ и хвастаютъ лошадьми и собаками, предаются охотѣ, толкуютъ о тайнахъ европейской политики, отлично ѣдятъ и еще лучше пьютъ, шумятъ и острятъ,—словомъ, счастливы, веселы и свободны, какъ будто въ мірѣ вовсе нѣтъ никакихъ заботъ, тревоженій и бѣдствій“...

Таковъ польскій шляхтичъ, въ своихъ существенныхъ и характеристическихъ чертахъ. Но, — прибавляетъ авторъ, — тѣ-же черты, тотъ же характеръ и натура, свойственны не одному польскому шляхтичу: прочтите „Нуму Руместана“, и васъ поразитъ сходство гасконскаго дворянина съ типомъ нашего шляхтича... Не таковъ ли и русскій „Обломовъ“? Не тотъ же ли типъ представляютъ испанскіе гидальго и плантаторы южныхъ американскихъ штатовъ?.. Сходство условий и причинъ во всемъ мірѣ производитъ вполне аналогическія явленія.

Все это вполне справедливо; но намъ кажется, что русскихъ типовъ для сравненія, въ данномъ случаѣ, слѣдовало бы искать не столько у Гончарова, сколько у другихъ нашихъ писателей,—по крайней мѣрѣ, указаніе на „Обломова“ намъ кажется не вполне удачнымъ. Обломовъ—только одинъ изъ типовъ, но далеко не общій и не всесторонній типъ „благороднаго“ русскаго человѣка. Въ основаніи сходства лежатъ, несомнѣнно, племенное единство; общія черты славянскаго характера сказываются и въ русскомъ и въ полякѣ. Разница происходитъ только отъ неодинаковыхъ историческихъ и культурныхъ вліяній. Наше „благородное сословіе“ не представляетъ такого кастоваго характера, какъ польское шляхетство, потому что никогда не пользовалось такими политическими правами и значеніемъ въ своемъ отечествѣ, какимъ послѣднее пользовалось въ своемъ; но все-таки существуетъ поразительная аналогія, во многихъ отношеніяхъ, между задушевнымъ, мягко-сердечнымъ польскимъ шляхтичемъ и русскимъ „благороднымъ“ человекомъ, съ его безпорядочностью и съ порывами его „широкой натуры“... Чтѣ и говорить, солидностью образованія польскій шляхтичъ вообще не отличается, личнаго труда не любитъ, наслажденіе благами жизни признаетъ своимъ правомъ и почти обязанностью, и потому въ минуты безденежья легко предается меланхоліи, въ забавахъ же, развлеченіяхъ и прожиганіи жизни неукротимъ, хотя прожиганіе это имѣетъ у него всегда болѣе или менѣе приличныя формы. Но многіе ли и изъ нашихъ молодыхъ дворянъ проходятъ черезъ полный гимназическій и университетскій курсы? А наши привилегированные разсадники просвѣщенія, съ лицеемъ г. Каткова включительно, до сихъ поръ тоже не выпустили ни одного русскаго Аристиды, ни одного Катона,

ни одного Цицерона, ни одного русскаго Пятта, ни Каниннга, ни Гладстона... Правда и то, что у насъ быть имъ совсѣмъ не полагается. Во всякомъ случаѣ, ни солидностью образованія, ни политическимъ гениемъ наше „благородное сословіе“ похвалиться тоже не можетъ, а любовью и способностью къ труду—еще меньше. Исключенія возможны и бывають, какъ бывають вездѣ и во всемъ, но мы говоримъ не объ исключеніяхъ. Наконецъ, кто лучше ѣсть и лучше пьетъ, наши или польскіе „шляхтичи“—это еще вопросъ... Но есть и существенная разница въ характерѣ русской и польской „noblesse“: русскій благородный человѣкъ, напр., рѣдко бываетъ консерваторомъ, особенно очутившись за русскою границею; вообще—онъ больше либераль, если либерализмъ... въ модѣ. Но отъ либеральныхъ фразъ русскій человѣкъ очень легко и быстро переходитъ къ „консервативнымъ“ дѣйствіямъ,—если это требуется,—умѣя изумительнымъ образомъ мирить противоположность фразъ и дѣйствій. Вообще, убѣжденіями онъ не дорожитъ, да,—собственно говоря,—прочныхъ и вполнѣ опредѣленныхъ убѣжденій никакихъ онъ не имѣетъ, какъ не имѣетъ никакихъ глубокихъ и искреннихъ вѣрованій и идеаловъ. Онъ—„самобытный“ скептикъ и раціоналистъ, доходящій, однако, до раціонализма возрѣній и скептицизма вѣрованій не столько путемъ философскаго анализа, не столько путемъ размышленій, сколько вслѣдствіе недостаточности и неудовлетворительности служебныхъ отличій и поощреній... Опять на счетъ меланхоліи—разница тоже значительная. Въ „минуты жизни трудныя“, т. е. въ минуты безденежья, меланхоличенъ бываетъ и безпомощенъ въ равной мѣрѣ и русскій благородный человѣкъ, и польскій шляхтичъ; но послѣдній въ такія минуты любитъ обыкновенно играть роль жертвы общественной несправедливости, становится сосредоточеннѣе и непрístupнѣе, между тѣмъ какъ первый представляетъ собою видъ только полнѣйшей угнетенности; шляхтичъ, въ такихъ случаяхъ иногда гордо жалуется, благородный же русскій человѣкъ всегда сердито ругается. За то въ успѣхѣхъ и счастья тотъ и другой мгновенно перерождаются: глаза горятъ, все лицо озаряется сіяющею улыбкою; но и тутъ есть разница: между тѣмъ какъ полякъ готовъ тогда обнять и обლობывать весь міръ, русскій—забываетъ о всемъ мірѣ; первый готовъ оказать всякому услугу и сдѣлать любезность, послѣдній требуетъ отъ всѣхъ повиновенія и покорности. И русскій, и полякъ иногда бывають склонны предаваться безпричинно „мировой скорби“ и меланхоліи. Въ такіе моменты полякъ погружается обыкновенно въ молчаливость и мечтательность, а русскій человѣкъ благороднаго происхожденія бываетъ тогда особенно мраченъ, безпокоенъ и видимо не можетъ совладать съ грызущей его „тоскою“...

По мнѣнію Щедрина, такое состояніе бываетъ непродолжительно и не представляетъ ничего опаснаго, хотя испытывается русскимъ человекомъ очень часто. Когда русскій благородный человекъ начинаетъ проклипать угнетающую его „тоску“, это значитъ, что требуется немедленно распорядиться подать „выпить и закусить“... Въ одну минуту тоска уступаетъ игривому настроенію ума и, если выпивка достаточна и общество веселое, то русскій „культурный“ человекъ становится остроумнымъ и пылкимъ витіемъ, чувствуетъ даже нѣкоторый зудъ въ мышцахъ и, между прочимъ, старается тутъ же обратить кого-либо въ православіе, между тѣмъ какъ полякъ, въ такихъ случаяхъ, ничего подобнаго не предпринимаетъ, предоставляя всякому полную свободу вѣроисповѣданія. Зато въ жизни общественной, въ вопросахъ политическихъ, шляхтичъ всегда норовитъ управлять, руководить, тогда какъ благородный русскій человекъ всегда ждетъ приказаній... Параллель эту можно бы еще расширить и, на ряду съ аналогическими чертами, можно было бы подмѣтить и нныя характеристическія отличія между русскою и польскою „poblesse“, какъ послѣдствія нныхъ политическихъ и культурныхъ условий, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась русская и польская жизнь, —но это повело бы насъ слишкомъ далеко.

Въ числѣ другихъ статей, помѣщенныхъ въ разсматриваемомъ нами сборникѣ, слѣдуетъ указать на замѣчательную статью талантливаго публициста, г. А. Свентоховскаго: „Политическія задачи“ (Wsказania polityczne). Это—программа политики, какой обязано слѣдовать въ настоящее время польское общество. Главная и существенная мысль статьи—бесплодность и вредъ для польскаго общества и народа всякихъ политическихъ мечтаній, въ смыслѣ стремленій къ самостоятельному государственному существованію, основанныхъ на воспоминаніи о прошлыхъ историческихъ судьбахъ народа. Внутренняя культурная работа — таково призваніе и обязанность польской интеллигенціи. Народное счастье,—говоритъ авторъ,—не столько зависитъ отъ политическаго могущества и независимости, сколько отъ возможности участвовать въ успѣхахъ общечеловѣческой цивилизаціи. Существуютъ народы вполне независимые, и при всемъ томъ, полумертвые, отсталые и не знающіе счастья. Нашъ идеалъ политическій—такая система отношеній, которая бы обезпечивала для насъ возможность естественнаго развитія и спокойнаго труда. Чего желаетъ каждый изъ насъ, отдѣльно взятый? Своихъ ли солдатъ, битвъ, побѣдъ, завоеваній, парламентовъ, своихъ посланниковъ, своихъ министровъ? Нѣтъ; каждый изъ насъ о томъ только мечтаетъ, чтобы жить спокойно, согласно съ правами и требованіями своей индивидуальной и собирательной натуры. Но и въ направленіи, и

характеръ своей культуры поляки обязаны отрѣшиться отъ прошлаго и вступить на новый путь. „Въ жизни нашей,—говоритъ авторъ,—нижніе, не образованные классы народа начинаютъ заявлять рѣшительное право на участіе въ общемъ развитіи и должны быть могущественнымъ его двигателемъ. Привилегіи уступаютъ свое мѣсто равноправности, шляхетство—заслугѣ, извѣстства и блескъ—труду... Наша шляхта сказала уже послѣднее свое слово, но не сказала его еще народъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что массы народа, окрѣпши матеріально и придя къ самосознанію, сыграютъ могущественную роль въ культурномъ развитіи страны“. Общій выводъ таковъ: „Мечтанія о политической самостоятельности должны уступить свое мѣсто идеѣ внутренняго развитія, основаннаго на началахъ прогрессивныхъ, на демократизаціи общества, на свободномъ и равноправномъ участіи въ его жизни элементовъ, до послѣдняго времени славившихъ и непринятыхъ“.

Такія воззрѣнія начинаютъ проникать все глубже и глубже въ сознаніе польскаго общества, вытѣсняя собою всякія безплодныя политическія мечтанія и, можно сказать, что, въ этомъ отношеніи, въ мыслящемъ польскомъ обществѣ и во всѣхъ лучшихъ органахъ печати нѣтъ разныхъ взглядовъ и мнѣній въ настоящее время, и что даже галиційскіе „станчики“ признали вполне правильною и единственно возможною такую именно политику и такую систему дѣйствій. Исключеніе могутъ составлять разныя „трактирные политики“ и журнальныя „цыгане“, кочующіе по безплоднымъ степямъ извѣстной части заграничной польской печати, но гдѣ же нѣтъ такихъ цыганъ и такихъ политиковъ? Существенная разница между польскими консерваторами и прогрессистами, при единствѣ основныхъ воззрѣній и при единствѣ цѣли, состоитъ только въ выборѣ вѣрнѣе ведущаго къ ней пути: консерваторы считаютъ необходимымъ стоять крѣпкою ногою на почвѣ традицій и вести дѣло внутренняго культурнаго развитія въ традиціонномъ шляхетско-клерикальномъ духѣ, между тѣмъ, какъ прогрессисты требуютъ, если не полной отрѣшенности отъ старыхъ традицій,—такая отрѣшенность была бы исторически невозможна,—то положительнаго вступленія на путь новый, сообразный съ современными политическими и общественными идеями и принципами, противными всякому общественно-политическому догматизму, всякой привилегированности и преобладанію однихъ сословій надъ другими.

Мы долго бы не кончили, еслибы захотѣли разсматривать подробно все содержаніе этого прекраснаго сборника, и потому ограничимся только названіемъ еще нѣкоторыхъ, болѣе выдающихся статей. Къ такимъ статьямъ слѣдуетъ отнести: „Индивидуализмъ въ

жизни общественной“, г. Дунина; „Крестьянскій вопросъ и сарантуты“, г. Ольшевскаго; „Религія въ польскомъ обществѣ въ эпоху господства іезуитовъ“, г. Смоленскаго; „Прежнее и нынѣшнее воспитаніе“, г. Дыгасинскаго; „Славяне въ Италіи“, г. Бодуэна-де-Буртена и др. По однимъ этимъ заглавіямъ можно уже судить о дѣйствительномъ и живомъ интересѣ названныхъ статей, отличающихся и научнымъ достоинствомъ, и прогрессивнымъ характеромъ направленія.

Количество періодическихъ изданій, выходящихъ въ Варшавѣ, увеличилось въ нынѣшнемъ году еще однимъ еженедѣльнымъ журналомъ. Съ 1-го января сталъ здѣсь выходить, подъ редакцію г. Яна Еленскаго, журналъ „Rola“, съ разу обратившій на себя вниманіе и встрѣченный одними съ живымъ сочувствіемъ, а другими — почти съ негодованіемъ. Дѣло въ томъ, что г. Еленскій пользуется извѣстностью убѣжденнаго и непримиримаго анти-семита. Журналъ его также признается анти-семитическимъ. По нашему мнѣнію, такое сужденіе о г. Еленскомъ и его публицистической дѣятельности грѣшитъ односторонностью и даже несправедливостью. Насколько намъ извѣстна его журнальная и литературная дѣятельность, онъ никогда не ратовалъ противъ евреевъ какъ евреевъ, никогда не отказывалъ имъ въ правѣ быть такими же равноправными членами общества, какъ и всѣ не-евреи. Въ своихъ публицистическихъ статьяхъ и брошюрахъ онъ доказываетъ только, что каждый членъ общества долженъ честно и производительно трудиться, и если такая несомнѣнная истина, такой естественный и необходимый законъ не находятъ въ иныхъ еврейскихъ сферахъ сочувствія, то кто тутъ болѣе виноватъ — публицистъ или его противники? Заграничныя газеты сообщаютъ, что въ самой Америкѣ, при полнѣйшей свободѣ мѣстныхъ общественныхъ отношеній, при безусловной и фактической равноправности всѣхъ членовъ общества, прибывшіе туда въ послѣднее время русскіе и польскіе евреи встрѣчены были крайне нечувствительно, и янки стараются удалить ихъ изъ городовъ и заставить приняться за земледѣльскій и вообще за производительный трудъ, говоря: „намъ нужны не торговцы, а работники“. Журналъ, о которомъ мы говоримъ, вполне преданъ интересамъ народа и поставилъ себѣ задачей охранять и оберегать народъ, посредствомъ печатнаго слова, отъ всякой эксплуатаціи, исторически этотъ народъ угнетавшей, — все равно, еврейская ли это эксплуатація, или не еврейская. Чтобы правильно и ясно судить о какомъ-либо предметѣ, нужно только поставить вопросъ прямо и честно. Если ужъ упрекать въ чемъ этотъ, — во всякомъ случаѣ хороший, — журналъ, то развѣ въ нѣкоторой отсталости основныхъ воззрѣній, но никакъ

не въ честности убѣжденій, которыми, во многихъ отношеніяхъ, нельзя не сочувствовать.

Въ заключеніе, позволю себѣ перейти къ варшавско-русской „наукаѣ“. Передо мною лежитъ: „Сравнительная грамматика польскаго языка съ русскимъ, составленная М. Грубецкимъ. Второе (I) значительно исправленное и дополненное изданіе“. Это—очень занимательная книжка, въ томъ отношеніи, что едва ли что-нибудь болѣе невозможное появлялось когда-либо въ русской печати. Авторъ не имѣетъ ровно никакого понятія о грамматикѣ ни польскаго, ни русскаго языка, и не только не знакомъ съ требованіями и приѣмами научнаго труда, но не знакомъ даже съ самыми обыкновенными научными терминами!.. Что касается старо-славянскаго языка, который долженъ служить необходимымъ и неизбѣжнымъ основаніемъ при сравненіи грамматическихъ правилъ и формъ русскаго и польскаго языковъ, то авторъ, повидимому, не догадывается даже о его существованіи. Раскроемъ книжку наудачу и возьмемъ первое попавшееся правило: „Предметы, означающія (а) *вещества безтѣльные* (?), называются предметами *духовными*“... (стр. 6). Въ примѣръ приведены слова: Богъ, ангелъ, душа. Не говоря о совершенной безграмотности приведеннаго правила, оказывается, что авторъ еще и еретикъ, потому что не только „душу“ и „ангела“, но даже и „Бога“ называетъ веществомъ... Правда, это вещество называется „бестѣльнымъ“ и „духовнымъ“, но все-таки... Перевернемъ нѣсколько страницъ и опять на удачу: „Русскія имена женскаго рода кончающіяся на я, имѣютъ В(в)инит. ед. числа на ю; кончающіяся же на жа, ча, ша, ща оканчиваютъ этотъ падежъ на у“ (стр. 21). Ну, да авторъ вспомнилъ бы хоть „ворону“, не имѣющую ни одного изъ приведенныхъ имъ окончаній... Очень хорошо также опредѣляетъ онъ мѣстоименіе: „Мѣстоименіе употребляется вмѣсто имени предмета и служитъ къ опредѣленію лица или предмета и его дѣйствія“ (стр. 39). Мальчикъ приготовительнаго класса объяснилъ бы составителю грамматики, что мѣстоименіе никакого „дѣйствія“ не означаетъ, и сумѣлъ бы его убѣдить, что все приведенное опредѣленіе этой части рѣчи—неправдоподобная бессмыслица. Взглянемъ еще наудачу: „Въ русскомъ языкѣ повелительное наклоненіе оканчивается вообще на и: говори, тани, люби; когда же удареніе находится не на послѣднемъ слогѣ, то эта буква превращается въ ъ, брось, двинь“... (стр. 59). На и на какой же не *послѣдній* слогъ въ приведенныхъ, односложныхъ примѣрахъ падаетъ удареніе? Но—довольно; Мы и не упоминали бы даже объ этомъ невероятномъ продуктѣ „культурно-обрусительной“ системы, если бы эта самая грамматика не была введена недавно во всѣ заведенія варшавскаго

учебнаго округа, какъ обязательное руководство при преподаваніи польскаго языка...

Мы позволимъ себѣ, по этому поводу, только одно замѣчаніе. О трудности обученія русскому языку польскихъ дѣтей не можетъ дать надлежащаго понятія никакое классическое сравненіе, — ни бочка Даная, ни муки Тантала, ни Сизифовъ трудъ... Объ этомъ знаютъ здѣшніе преподаватели русскаго языка. Каково же будетъ ихъ положеніе, если всѣ результаты ихъ труда будутъ уничтожаться одновременно и еще „сравнительнымъ“ преподаваніемъ польскаго языка по *такому* руководству? И что дѣлать учителямъ польскаго языка, которые не могутъ и не смѣютъ отступать отъ предписаннаго руководства подъ опасеніемъ обвиненія въ противодѣйствіи и неисполненіи распоряженій учебнаго начальства?.. Съ другой стороны, чѣмъ объяснить появленіе на русскомъ языкѣ такой безграмотной грамматики здѣсь, въ Варшавѣ, гдѣ существуетъ университетъ съ историко-филологическимъ факультетомъ, въ личному составу котораго принадлежать люди, конечно, знакомые съ русскимъ языкомъ? Гдѣ же результаты „обрусительно-просвѣтительнаго“ вліянія университета, не только на мѣстное общество, но даже на самое учебное дѣло?..

Ае.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е апрѣля, 1883.

Князь А. М. Горчаковъ и его „полу-политика“.—Принятіе въ „Journal de St.-Petersbourg“.—Задачи русской дипломатіи и ошибочное ихъ пониманіе.—Динамичная партія въ Англіи.—Обстановка прусскаго движенія.—Внутреннія дѣла Франціи.—Министерская шаткость въ Пруссіи.—Личная политика князя Бисмарка и ея послѣдніе результаты.

I.

Старое поколѣніе политическихъ дѣятелей мало-по-малу сходило со сцены въ Европѣ. Великіе артисты международной дипломатіи или сошли въ могилу, или направили свое главное вниманіе на внутреннія государственныя задачи. Послѣдній берлинскій конгрессъ повидимому закончилъ собою эпоху лихорадочной односторонней дѣятельности въ области иностранной политики. Съ тѣхъ поръ самъ

предсѣдатель конгресса, князь Бисмаркъ, какъ будто забросилъ внѣшнія дѣла и занялся всецѣло вопросами административными и экономическими. Шумныя предпріятія и рѣчи лорда Виконфильда смѣнились мирною реформаторскою работою Гладстона. Властѣщій графъ Юлій Андраши, заставлявшій въ свое время такъ много говорить о себѣ, уступилъ мѣсто болѣе скромнымъ и трезвымъ дѣтелямъ. Наконецъ, недавно умеръ князь А. М. Горчаковъ, съ именемъ котораго связана внѣшняя политика Россіи за цѣлую четверть вѣка.

Политическая карьера князя Горчакова завершилась гораздо ранѣе его смерти. Уже во время событій, предшествовавшихъ русско-турецкой войнѣ 1877—78 годовъ, роль престарѣлаго государственнаго канцлера въ дѣйствительности далеко не соответствовала важности его официального поста. Нашъ специально-дипломатическій органъ, „Journal de St.-Petersbourg“, откровенно признается, что эта „война была полнымъ *surveillé* всей политической системы князя Горчакова, практикуемой имъ болѣе двадцати лѣтъ и казавшейся ему обязательною для Россіи еще на многіе годы“. До послѣдней минуты онъ стоялъ рѣшительно противъ крайняго исхода, по словамъ компетентной газеты. Невольно возникаетъ потому вопросъ: какимъ же образомъ могло случиться, что руководитель внѣшнихъ судебъ Россіи, не жала войнъ и востанав претивъ нея, тѣмъ не менѣе едва не привелъ насъ къ вооруженному столкновенію съ могущественною европейскою коалиціею? Возможно-ли допустить, чтобы министръ великой державы слѣдовалъ такому плану, который противенъ его убѣжденіямъ? Его упрекали,—замѣчаетъ „Journal de St.-Petersbourg“,—за то, что онъ не устранился отъ дѣлъ, когда его политическія убѣжденія не были выслушаны. Но доводы, высказываемые газетою по этому поводу, кажутся намъ слишкомъ неопредѣленными. Очевидно, уже тогда князь Горчаковъ пережилъ свою славу: онъ не имѣлъ больше твердой политики и просто подчинялся такъ-называемому естественному ходу событій, ограничиваясь только побочными предохранительными и ограничительными мѣрами, иногда болѣе вредными, чѣмъ полезными. „Когда война сдѣлалась неизбежною, —объясняетъ „Journal de St.-Petersbourg“, — канцлеръ заявилъ прямо, что онъ можетъ гарантировать Россію отъ враждебной европейской коалиціи только при двухъ условіяхъ, — а именно, если война будетъ непродолжительна, и если цѣль похода будетъ умѣренная, безъ перехода за Балканы. Въ этихъ предѣлахъ, переговоры съ иностранными кабинетами могли бы обезпечить за нами ихъ нейтралитетъ. Эти взгляды были приняты императорскимъ правительствомъ. Поэтому-то мобилизованная армія ограничена была минимумомъ, необходимымъ для кампаніи быстрой и поставленной заранѣе въ извѣстныя точныя границы.

Такимъ образомъ, мы предпринимали *полу-войну*, и она могла привести только къ *полу-миру*. Но сила вещей и военные увлеченія разстроили всё эти комбинаціи "... Неудивительно послѣ того, что полу-политика привела насъ къ полу-результатамъ, несмотря на громадную жертвы, принесенныя на алтарь восточнаго вопроса.

Въ колебаніяхъ и полумѣрахъ князя Горчакова отражалась какъ бы борьба двухъ направленій — традиціоннаго, честолюбиво-международнаго, и практическаго, основаннаго на пониманіи внутреннихъ интересовъ государства. Эта неясность исходной точки зрѣнія и неустановленность руководящей идеи обнаруживались прежде всего въ томъ, что событія никогда не предвидѣлись заранее и всегда заставляли насъ врасплохъ. Принято, напримѣръ, думать, что политика князя Горчакова сознательно стремилась къ возвышенію Пруссіи на счетъ Австріи и Франціи. Между тѣмъ, случайныя обстоятельства и фамилныя отношенія государей дѣйствовали тутъ немимо всякихъ политическихъ плановъ, приписываемыхъ князю Горчакову. Франко-прусская война, по словамъ „*Journal de St.-Petersbourg*“, совершенно не входила въ соображенія русскаго государственнаго канцлера. „Онъ находился въ Вильдбадѣ, когда она разразилась, какъ молнія среди свѣтлаго неба. По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, онъ могъ только вполнѣ присоединиться къ принятому императоромъ Александромъ II рѣшенію удержать Австрію отъ участія въ войнѣ, чтобы избѣгнуть необходимости вмѣшательства со стороны Россіи. Канцлеръ выразилъ только сожалѣніе, что взаимность услугъ не была условлена съ берлинскимъ кабинетомъ, для надлежащей охраны русскихъ интересовъ“. Итакъ, даже такая война, которую всё предвидѣли давно, оказалась неожиданностью для русской дипломатіи, и никакихъ предварительныхъ рѣшеній или условій не существовало относительно такого важнаго вопроса, какъ поддержка Пруссіи въ борьбѣ ея съ Франціею. Заноздакое „сожалѣніе“, которое „*Journal de St.-Petersbourg*“ влагасть въ уста возвратившагося изъ Вильдбада русскаго канцлера, звучитъ нѣкоторою ироніею. Конечно, князь Горчаковъ не зналъ и не предвидѣлъ, что наполеоновская Франція будетъ такъ жестоко разбита; онъ не думалъ о возможности подобнаго результата. Но въ такомъ случаѣ было тѣмъ болѣе странно принимать заранее сторону Пруссіи, рискуя вовлечь Россію въ столкновеніе съ побѣдоносною Франціею и съ ея союзницею Австріею, безъ всякихъ опредѣленныхъ выгодъ для Россіи, даже въ случаѣ полнаго торжества прусскаго оружія.

Мало того, — по увѣренію „*Journal de St.-Petersbourg*“, князь Горчаковъ въ сущности сочувствовалъ Франціи и Наполеону III, не только до 1863 года, но и послѣ. Въ 1859 году, во время войны

въ Италіи, онъ поддерживалъ французскіе интересы и помѣшалъ Пруссіи присоединиться къ Австріи. „Поддержка, оказанная имъ Франціи,—говоритъ наша дипломатическая газета,—не имѣла никакихъ корыстныхъ мотивовъ. Императоръ Наполеонъ оказалъ громадную услугу Европѣ, остановивъ революцію, укрѣпивъ принципы общественнаго порядка и авторитетъ правительственной власти. Объ этомъ можно судить по тому, что происходитъ въ настоящее время (?). Необходимо было поддерживать его въ этой задачѣ и помочь ему утвердить свою династію. Дружба Россіи давала ему средства къ достиженію цѣли. Она обезпечивала Францію отъ коалицій; она позволяла императору Наполеону удовлетворять законные (?) интересы страны и доставить ей подобающее мѣсто въ Европѣ, не прибѣгая къ политикѣ приключеній“. Опытъ-таки становится совершенно непонятнымъ, почему Россія, недавно еще столь сильно пострадавшая отъ кривиской кампаніи Наполеона III, должна была заботиться объ укрѣпленіи династіи этого враждебнаго намъ правителя. Даже послѣ того, какъ польское возстаніе вновь поставило насъ лицомъ къ лицу съ непріязненною французскою имперіею, князь Горчаковъ считалъ однако нужнымъ „нравственно возвысить личное положеніе Наполеона III“, что и достигнуто было во время всемірной выставки 1868 года въ Парижѣ. Едва-ли справедливо будетъ подыскивать серьезные политическіе мотивы для этой самоотверженной и ничѣмъ необъяснимой „политики“: тутъ играли роль лишь чисто личныя наклонности и симпатіи, радикально расходившіяся съ дѣйствительными интересами Россіи. Стремиться къ „нравственному возвышенію“ чуждаго намъ правительства, которое предпринимало противъ насъ военныя и дипломатическія походы, которое наносило намъ удары при всякомъ подходящемъ случаѣ и не скрывало вообще своего пренебреженія къ русскому государству,—это было по меньшей мѣрѣ оригинально со стороны русскаго, министра иностранныхъ дѣлъ.

Правда, „Journal de St-Petersbourg“ объясняетъ сочувствіе князя Горчакова къ виновнику кривискаго погрома тѣмъ обстоятельствомъ, что Наполеонъ III водворилъ прочный (?) порядокъ во Франціи и тѣмъ оказалъ будто бы услугу, Европѣ. Что касается „прочнаго порядка“, то онъ существовалъ только снаружы и поддерживался непрерывными внѣшними кредитіями, имѣвшими цѣлю отвлечь вниманіе французовъ отъ внутреннихъ дѣлъ и вопросовъ. Для всѣхъ европейскихъ державъ, въ томъ числѣ и для Россіи, господство второй имперіи во Франціи было источникомъ хроническаго безпокойства. Наполеонъ III постоянно нуждался въ какомъ-нибудь международномъ осложненіи, придумывалъ далекія экспедиціи, возбуждалъ диплома-

тическіе споры и устраивалъ кровопролитныя столкновѣнія, не стѣсняясь поступать по своему личному усмотрѣнію и не обращая никакого вниманія на потребности и желанія страны. Никто въ Европѣ не имѣлъ повода желать, чтобы таковой авантюристскій и безпокойный режимъ окончательно утвердился во Франціи; а всего меньше поводовъ желать того — имѣла русская дипломатія. Всякій понималъ, что вторая имперія не могла бы держаться безъ вѣшняго блеска; поблѣкшіе лавры постоянно требовали освѣщенія, при помощи интересныхъ международныхъ компликацій. Судя по замѣчаніямъ „Journal de St.-Petersbourg“, можно бы думать, что всего этого не видѣлъ князь Горчаковъ, считавшій имперію Наполеона III даже гарантіею для Европы. Тяжелый историческій опытъ прошелъ безслѣдно для русскихъ политиковъ старой школы. Мы не думаемъ однако, чтобы заблужденія прошлаго раздѣлялись еще современными дѣятелями, — хотя „Journal de St.-Petersbourg“ хочетъ какъ-будто увѣрить насъ въ томъ. Съ воззрѣніями князя Горчакова на внутреннія дѣла Франціи довольно сопоставить широкіе и истинно-политическіе взгляды князя Бисмарка, оправдавшіеся на дѣлѣ съ наглядною убѣдительностью, — чтобы вполне оцѣнить первыхъ.

Князь Горчаковъ, по справедливому выраженію „Times'a“, былъ „блестательный сочинитель депешъ, но не имѣлъ соотвѣстнаго дара въ управленіи событіями и фактами“. Многія депеши и ноты его производили минутный эффектъ въ Европѣ; отдѣльныя фразы имѣли успѣхъ въ печати и въ публикѣ, какъ напримѣръ знаменитое выраженіе, сдѣлавшееся историческимъ: „La Russie ne boude pas, — elle se recueille“. Всѣмъ памятенъ также его нота по польскому вопросу, въ отвѣтъ на дипломатическое вѣщательство западныхъ державъ. Иностранная печать отдастъ полную справедливость такимъ его талантамъ и заслугамъ, но выставляетъ на видъ и существенные недостатки и слабыя стороны его дѣятельности. „Новѣйшая исторія, — говоритъ „Daily News“, — представляетъ мало примѣровъ столь продолжительной карьеры, поддерживаемой такъ неуклонно обстоятельствами и случаями. Князь Горчаковъ не былъ гениальнымъ человѣкомъ; онъ не обладалъ также особенною возвышенностью понятій или великодушіемъ. Онъ былъ русскимъ дипломатомъ девятнадцатаго столѣтія, и онъ жилъ и дѣйствовалъ сообразно этому положенію“. — „Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, рѣдкихъ во всякой странѣ и почти невозможныхъ у насъ, — разсуждаетъ „Times“, — которые могутъ на дѣла цѣлаго народа и на событія эпохи налагать печать своей собственной личности. Рѣшенія, касающіяся судьбы и даже жизни миллионныхъ людей, зависятъ отъ того, какое впечатлѣніе производятъ вѣщаніе факты на данный личный организмъ. Русский министръ не долженъ

пробивать себѣ дорогу съ трудомъ, чтобы приобрести первенствующее положеніе въ рядахъ своей партіи, — не долженъ завоевывать себѣ сочувствіе и поддержку общественнаго мнѣнія, можетъ не интересоваться перемѣнами въ настроеніи страны и въ чувствахъ его собственныхъ сторонниковъ. Обладаніе властью остается вполне безмятежнымъ. Никакіе соперники не смущаютъ его, если только онъ пользуется личнымъ довѣріемъ монарха. Съ теченіемъ времени, привычка и великодушіе государя обезпечиваютъ за министромъ приобретенное имъ исключительное положеніе“. Такое положеніе князь Горчаковъ занималъ, дѣйствительно, почти во все прошлое царствованіе, не считая предшествовавшей довольно видной дѣятельности. Онъ прошелъ дипломатическую школу еще при графѣ Нессельроде. Въ молодости онъ сопровождалъ министра на конгрессы въ Лайбахъ и Верону; затѣмъ служилъ въ посольствахъ въ Лондонѣ, Флоренціи и въ Вѣнѣ. Въ 1841 году онъ былъ отправленъ въ Штутгартъ въ качествѣ чрезвычайнаго посланника, для устройства предполагаемаго семейнаго союза между двумя царствующими семействами. Впослѣдствіи онъ состоялъ уполномоченнымъ при германскомъ сеймѣ во Франкфуртѣ, гдѣ имѣлъ случай впервые сойтись съ прусскимъ дипломатомъ, фонъ-Бисмаркомъ. Въ 1854 году, князь Горчаковъ, будучи уже пятидесяти-шести лѣтъ отъ роду, получилъ назначеніе на постъ русскаго посланника при вѣнскомъ дворѣ. Два года спустя, послѣ заключенія парижскаго трактата, онъ призванъ былъ занять мѣсто графа Нессельроде въ Петербургѣ. Въ 1863 году, онъ сдѣлался государственнымъ канцлеромъ и сохранялъ это званіе непрерывно до конца прѣшлага царствованія, — хотя въ послѣдніе годы онъ уже не принималъ никакого фактическаго участія въ управленіи министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Со времени берлинскаго конгресса, князь Горчаковъ находился въ разладѣ съ своимъ бывшимъ другомъ, княземъ Бисмаркомъ, который весьма удачно утилизировалъ его довѣрчивость въ періодъ „тройственнаго союза“. Россія безъ всякой надобности вовлечена была въ мирный „союзъ трехъ имперій“, значеніе котораго выяснилось только въ эпоху русско-турецкой войны и особенно на берлинскомъ конгрессѣ. Когда мнимый союзъ сослужилъ свою службу князю Бисмарку, послѣдній прямо разорвалъ его и заключилъ новый союзъ — съ одною только Австріею. Князь Горчаковъ смотрѣлъ на этотъ поступокъ, какъ на личную для себя обиду; а нѣмецкія патріотическія газеты воспѣваютъ по этому поводу превосходство желѣзнаго канцлера предъ русскимъ соперникомъ, котораго онъ такъ ловко провела на конгрессѣ въ Берлинъ. Справедливость требуетъ сказать, что князь Горчаковъ не только не считалъ себя соперникомъ герман-

скаго канцлера, но, напротивъ, грѣшилъ чрезвѣрнымъ вниманіемъ къ совѣтамъ послѣдняго, и именно благодаря этой своей слабости претерпѣлъ позднѣйшія неудачи и разочарованія.

Однимъ словомъ, князь Горчаковъ былъ послѣднимъ блестящимъ представителемъ той традиціи, въ силу которой Россія должна непремѣнно вмѣшиваться въ чуждыя ей дѣла, хлопотать о воображаемомъ равновѣсіи Европы, поддерживать враждебный намъ бонапартизмъ во Франціи, или безпокоиться о судьбѣ австрійской династіи въ Венгріи. Покойный государственный канцлеръ имѣлъ только одно весьма важное преимущество: онъ былъ дѣйствительно искренній приверженецъ мира и иногда руководствовался дѣйствительными интересами страны, отъ имени которой ему приходилось говорить въ Европѣ. Его дипломатическія увлеченія не могли поэтому имѣть тѣхъ опасныхъ послѣдствій, какія обрушивались на Россію при прежнихъ правительствахъ. При императорахъ Александрѣ I и Николаѣ I, европейскіе кабинеты привыкли смотрѣть на Россію, какъ на такую страну, которая не имѣетъ своихъ собственныхъ потребностей и желаній, не имѣетъ даже своего собственного самостоятельнаго народа и существуетъ исключительно для пользы иноземныхъ государей, снабжая ихъ войсками и всякаго рода политической поддержкою. Русскіе солдаты посылались въ помощь австрійцамъ, пруссакамъ и кому угодно; кровныя средства народа тратились на устройство дѣлъ въ Европѣ, тогда какъ у себя дома царило бѣдственное прозябаніе. Русская кровь щедро проливалась на поляхъ Германіи, Австріи, Италіи и Франціи,—но для чего и во имя чего,—этого не могли бы объяснить даже сами русскіе министры, обладавшіе въ сущности только номинальною властью. Это была политика личныхъ наклонностей, чувствъ и впечатлѣній, въ которыхъ трудно отыскать слѣды серьезнаго пониманія задачъ государства по отношенію къ управляемому народу. Для этой нагубной, безцѣльно-предпріимчивой политики настала ликвидація въ концѣ царствованія императора Николая I. Россія дорого заплатила за ложное направленіе своихъ политическихъ заботъ. Пришлось заглянуть великія ошибки прошлаго и отречься отчасти отъ ненужныхъ притязаній, приведшихъ къ севастопольскому погрому. Въ такую-то переходную эпоху русское министерство иностранныхъ дѣлъ перешло въ руки князя Горчакова. Какъ министръ, онъ былъ самостоятеленъ прежнихъ и гораздо меньше рисковалъ Россією въ угоду личнымъ влеченіямъ или ради честолюбія; но онъ придерживался еще многихъ устарѣлыхъ традицій, хотя и придавалъ имъ болѣею частью новинную форму. Участвуя въ различныхъ европейскихъ вопросахъ, онъ стремился, между прочимъ, къ одной завѣтной для него цѣли—

уничтоженію парижскаго трактата 1856 года. Онъ достигъ этого постепенно: — во время франко-прусской войны, послѣ Седана, онъ объявилъ необязательнымъ для Россіи постановленіе о нейтрализаціи Чернаго моря; на берлинскомъ конгрессѣ парижскій трактатъ подвергся коренной передѣлкѣ, и наконецъ, одновременно съ континою князя Горчакова, вычеркнувъ послѣдній остатокъ злополучнаго дипломатическаго продукта крымской войны, — возстановлены права Россіи на Дунайскія устья, по рѣшенію лондонской конференціи.

Современные русскіе дипломаты могли извлечь не мало полезныхъ уроковъ изъ продолжительной дѣятельности князя Горчакова; они могли убѣдиться, какъ слабо еще выяснены основы для правильной политической программы въ сферѣ международной и какъ эфемерны и нерѣдко горьки плоды того шатанія, которое мы назвали бы полу-политикою. По всей вѣроятности, преемники покойнаго канцлера не стануть уже вступать въ ненужные кабинетные союзы, не будутъ заявлять готовность жертвовать народомъ для охраненія „тыла“ тѣхъ или другихъ сосѣдей, откажутся отъ вредной погони за вліаніемъ въ постороннихъ дѣлахъ и будутъ скромно, но твердо стоять на почвѣ ясно понимаемыхъ реальныхъ интересовъ страны.

Внутреннее состояніе и развитіе Россіи даетъ такой широкій просторъ всякимъ преобразовательнымъ и устроительнымъ предпріятіямъ государственной власти, что направлять свои дѣйствія и заботы за предѣлы нашей громадной территоріи — было бы по меньшей мѣрѣ неблагоразумно. „Честолюбіе Горчакова, — замѣчаетъ „Times“, — состояло въ томъ, чтобы оставить Россію такою, какою она была до крымской войны. Въ Россіи, конечно, болѣе умѣстенъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, такой великолѣпный консерватизмъ; но даже и Россія движется, и дѣйствительно двигалась при жизни Горчакова, помимо его контроля. Силы, находящіяся нынѣ въ дѣйстви, и задачи, требующія рѣшенія, какъ внутри такъ и извнѣ, имѣютъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ тѣ, которыя онъ привыкъ считать неизмѣнными, — и мы надѣемся, для блага Россіи и всего міра, что новѣйшіе государственные люди ея будутъ имѣть достаточно мужества, вѣры и умственнаго величія, чтобы разрѣшить поставленные жизнью вопросы“. Какова бы ни была степень искренности англійскаго органа въ этомъ добромъ пожеланіи, но послѣднее само по себѣ раздѣляется, уже многою искренно, большинствомъ русскихъ читателей.

II.

Въ Англіи общественное мнѣніе взволновано динамитными попытками ирландскихъ феніевъ. Въ началѣ текущаго мѣсяца произведенъ взрывъ въ одномъ изъ зданій Вестминстера, недалеко отъ помѣщенія палаты общины. Таинственные дѣятели, успѣвшіе уже вызвать настоящую панику между англичанами въ Ирландіи, перенесли теперь свои подвиги на почву самой Англіи. Первое впечатлѣніе взрыва было чрезвычайно сильно въ Лондонѣ. Въ засѣданіи палаты, гдѣ присутствовалъ, между прочимъ, въ трибунѣ перовъ герцогъ Эдинбургскій, произошелъ переносъ, какъ бы подъ вліяніемъ внезапнаго подземнаго толчка. Тотъ же толчокъ заставилъ всю англійскую печать вновь заняться нескончаемымъ обсужденіемъ ирландскаго вопроса.

Вновь повторяются самыя разнообразныя мнѣнія о томъ, что дѣлать съ Ирландіею и какъ положить конецъ обострившейся національной борьбѣ. Одни утверждаютъ, что необходимы болѣе суровыя правительственныя мѣры, и что не слѣдуетъ баловать ирландцевъ полезными реформами, въ родѣ поземельной, такъ какъ всякая уступка народнымъ требованіямъ ведетъ къ распущенности. Такого рода разсужденія высказываются, впрочемъ, весьма рѣдко въ Англіи; они попадаются иногда въ отдѣльныхъ органахъ консервативной оппозиціи, пользующейся всякимъ случаемъ для порицанія либеральной политики кабинета. Чаще всего такія мнѣнія проводятся въ печати континентальныхъ государствъ.

„Московскія Вѣдомости“ даже пренебрегли какими-то непонятнымъ злорадствомъ по поводу того, что вотъ-мелъ, слава Богу, динамитъ даетъ себя чувствовать и англичанамъ, несмотря на ихъ „правовые порядки“. Но сами англичане отлично понимаютъ, что все дѣло заключается именно въ отсутствіи нормальнаго „правового порядка“ въ Ирландіи, что только этимъ питается озлобленіе туземнаго населенія противъ англійской власти, и что накопившаяся въѣдами вражда между двумя народностями выразилась бы, быть можетъ, въ общемъ восстаніи, еслибы правительство дѣйствовало болѣе круто и съ меньшею осторожностью. Очевидно, что существованіе парламента въ Англіи не можетъ служить утѣшеніемъ для ирландцевъ, желающихъ имѣть свой собственный парламентъ. Племенная ненависть не зависитъ отъ формы правленія. Припутывать конституціонные вопросы къ дѣйствіямъ ирландскихъ феніевъ было бы болѣе чѣмъ странно. Ирландцы не требуютъ и не принимаютъ отъ Англіи никакихъ политическихъ или административныхъ реформъ; они добиваются не

того, чтобы англичане лучше и справедливѣе управляли Ирландією, а чтобы они вовсе ея не управляли.

Большинство ирландскаго населенія ограничивается пассивнымъ недовольствомъ, оставаясь въ предѣлахъ законности. Представители ирландцевъ въ парламентѣ, руководимые Парнеллемъ и другими, дѣйствуютъ также вполне легально. Только небольшая партія „непримиримыхъ“ рѣшилась бороться при помощи кнжзала и динамита. За дѣятельность этой темной партіи не можетъ конечно отвѣчать вся Ирландія. Виновики взрывовъ и убійствъ подлежатъ суровымъ карамъ, а общія законодательныя мѣры идутъ своимъ чередомъ, ниѣ въ виду не временныя или минутныя рѣшенія, а прочное и постепенное успокоеніе страны. Такого взгляда придерживаются наиболѣе распространенныя и вліятельныя англійскія газеты. „Times“ полагаетъ, что отдѣльныя преступленія, какъ бы важны они ни были, не должны никакимъ образомъ вліять на политику правительства. Въ настоящее время значительная часть Ирландіи нуждается въ хлѣбѣ; въ печати и въ палатѣ общинъ идетъ споръ о томъ, какъ организовать помощь нуждающимся. Никому не приходитъ при этомъ въ голову утверждать, что государственная власть не должна заботиться о нуждахъ Ирландіи, въ виду преступныхъ покушеній феніевъ. „Можетъ ли дѣятельность современнаго законодательства искоренить феніанизмъ—неизвѣстно,—говоритъ „Pall-Mall-Budget“.—Реформы должны быть требуемы по особымъ основаніямъ, независимо отъ динамита и убійствъ. Для партіи убійцъ существуетъ одна только непосредственная система въ Англіи, какъ и въ Ирландіи,—это свѣдущая полиція и неустанное наблюденіе. Все это покажется, быть можетъ, слишкомъ кроткимъ, сравнительно съ воинственнымъ тономъ нѣкоторыхъ органовъ. Но во всемъ мірѣ опытъ показалъ, что ничего другого сдѣлать нельзя“.

Партія „непримиримыхъ“ имѣетъ своихъ руководителей въ Америкѣ и оттуда получаетъ свои главныя средства. Англійское правительство возбудило весьма щекотливый вопросъ о выдачѣ динамитныхъ дѣтелей, бѣжавшихъ изъ Англіи въ Соединенные Штаты. Вашингтонскій кабинетъ, вѣроятно, отвѣтитъ отказомъ. Въ Нью-Йоркѣ и въ другихъ мѣстахъ ирландцы составляютъ настолько сильную и вліятельную часть населенія, что о какихъ-либо мѣрахъ противъ нихъ не можетъ быть и рѣчи. Американцы не имѣютъ никакого повода выѣшиваться въ борьбу феніевъ съ англичанами; полный нейтралитетъ въ этомъ отношеніи вытекаетъ не только изъ принциповъ, но и изъ соображеній практическихъ. Выдача лицъ, обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ, всегда отвергалась одинаково какъ въ Америкѣ, такъ и въ Англіи. Слѣдуетъ ли думать,

что англійскій взглядъ на право убѣжища измѣнился теперь, вслѣдствіе необходимости противодѣйствовать покушеніямъ „непримиримыхъ“? Нѣкоторые публицисты находятъ, что британское правительство не имѣетъ уже основанія отказываться отъ выдачи преступниковъ, если оно само обращается къ Соединеннымъ Штатамъ съ просьбою о выдачѣ Шеридаана и другихъ, прикосновенныхъ къ дѣлу объ убійствѣ въ Фениксъ-паркѣ. Но дѣло въ томъ, что до сихъ поръ Англія не выдавала виновныхъ въ преступленіяхъ съ политическимъ оттѣнкомъ между прочимъ и потому, что не довѣряла правосудію и законамъ другихъ государствъ. Эта важная причина не имѣетъ мѣста въ отношеніяхъ между Англіею и сѣвѣрною Америкою. Въ обѣихъ странахъ хорошо извѣстно, что наказаніе назначается только за исполнѣ доказанныя преступныя дѣйствія и что оправданныя судомъ лица не могутъ уже подлежать никакимъ произвольнымъ мѣрамъ администраціи. Гдѣ эти начала не соблюдаются строго, тамъ нельзя и рассчитывать на довѣріе со стороны Англіи или другой державы въ дѣлахъ о выдачѣ политическихъ преступниковъ. Это существенное обстоятельство часто забывалось въ горячихъ сворахъ, въ которыхъ, въ качествѣ обвинителя „коварнаго Альбіона“, принималъ живое участіе и таковой свѣдущій и опытный профессоръ Мартенсъ.

Англійскіе государственные люди расплачиваются теперь за всю нелѣпость раздражающей политики прежнихъ временъ—политики грубаго отрицанія ирландскихъ правъ и вытѣсненія туземныхъ поселенцевъ въ Америку. Принудительная эмиграція создала за океаномъ безпощаднаго и могущественнаго врага, способнаго нанести Англіи очень много вѣскихъ ударовъ въ случаѣ какого-либо внѣшняго столкновенія. „Гладстонъ,—по замѣчанію одной американской газеты,—пожинаетъ теперь то, что посеяно было желѣзными лордами-депутатами, триста лѣтъ тому назадъ“. Счеты ирландцевъ съ англичанами имѣютъ свою вѣковую исторію, и на ликвидацию этихъ счетовъ потребуется не одно поколѣніе. Въ Англіи болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было распространено здравое историческое пониманіе общественныхъ явленій и вопросовъ. Корень зла хорошо извѣстенъ, но онъ не можетъ быть вырванъ сразу. Англичане обстоятельно исследуютъ каждый публичный фактъ, относящійся къ народному движенію въ Ирландіи; они выслушиваютъ терпѣливо каждое мнѣніе, хотя бы самое смѣлое и радикальное; они даютъ ирландскимъ патріотамъ печатать что угодно въ своихъ газетахъ; они даютъ представителямъ Ирландіи высказываться свободно въ парламентѣ. Во всѣхъ англійскихъ газетахъ отводится ежедневно нѣсколько громаднхъ столбцовъ отдѣлу свѣдѣній и отчетовъ объ Ирландіи. Оттого положеніе этой

страны, ея потребности и настроеніе, ея недовольство и жалобы, всѣ отбѣны ея партій и разногласій между ними — являются въ каждую данную минуту ярко освѣщенными передъ англійскою публикою. Нѣтъ ни тѣмъ, гдѣ приходилось бы блуждать ощупью и попадать въ просакъ, — ни вынужденнаго наружнаго молчанія, при которомъ друзья принимаются за недруговъ, и наоборотъ. Всякій ясно видитъ дѣйствительную степень вражды противника, и знаетъ, чего отъ него ожидать; для всѣхъ очевидно, что большинству ирландцевъ совершенно чужды преступныя помысленія, и что за секретное оружіе вылась лишь незначительная горсть людей, ускользающихъ отъ публичнаго контроля. Полный, дневной свѣтъ постоянно окружаетъ ирландскія, какъ и вслѣдствіи нныя общественныя дѣла въ Англіи. Оттого не долго тамъ держатся преувеличенные страхи; еще менѣе возможны опасныя недоразумѣнія, основанныя на незнаніи дѣйствительности или на ея извращеніи.

Черезъ нѣсколько дней послѣ взрыва, напугавшаго Лондонъ, всѣмъ казалось уже несомнѣннымъ, что цѣль виновниковъ не шла далѣе произведенія извѣстнаго эффекта. Это выяснилось очень скоро благодаря массѣ свѣдѣній, появившихся въ газетахъ. Такимъ образомъ, общественное мнѣніе само собою успокоилось отчасти и занялось вопросомъ о способахъ предотвратить подобныя покушенія на будущее время. Вслѣдъ затѣмъ случилось происшествіе, возбуждившее еще большее негодованіе, чѣмъ самый взрывъ: на безоружную даму, лэди Флоренсъ Дикси, напали два переодѣтыхъ человека, и только случай спасъ ее отъ занесеннаго надъ нею кинжала. Дѣло было изслѣдовано и разсмотрѣно печатью со всѣхъ сторонъ; ежедневно печатались длинныя описанія и рассказы; въ резиденцію пострадавшей, близъ Виндзора, пріѣзжало множество народа, и разныя впечатлѣнія тотчасъ же находили отголосокъ въ газетахъ. И что же вышло въ результатъ? Когда въ палатѣ общинъ сдѣланъ былъ Гладстону вопросъ объ этомъ событіи, то раздался общій смѣхъ: истинныя размѣры „событія“ были уже установлены вполне точно, благодаря свободному дѣйствію общественного мнѣнія, и первый порывъ негодованія уступилъ мѣсто сознательному спокойствію, съ примѣсью справедливой ироніи. Лэди Дикси, писавшая въ газетахъ противъ ирландской земельной лиги, оказалась дамою крайне нервною и эксцентричною; и по нѣкоторымъ признакамъ выведено было заключеніе, что возмущившій всю Англію поступокъ двухъ вооруженныхъ ирландцевъ существовалъ только въ возбужденномъ воображеніи благородной лэди. И этотъ успокоительный результатъ былъ также добытъ лихорадочною, ничѣмъ не стѣсненною работою англійской ежедневной печати. При солнечномъ освѣщеніи, самые

мрачные уголки картины не кажутся страшными, а въ темнотѣ или въ туманѣ даже невиннѣйшіе предметы принимаютъ очертанія пугающихъ призраковъ.

III.

Революціонное броженіе существуетъ не только между ирландцами въ Англіи, но и между рабочими во Франціи. Подобно тому, какъ племенной вопросъ не устраняется политическими вольностями господствующаго племени, также точно и матеріальныя нужды французскаго рабочаго класса не исчезаютъ при республикѣ. Въ послѣднее время возникли кризисы въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности во Франціи, и множество рабочихъ осталось безъ занятій. Правительство по возможности даетъ заработокъ нуждающимся. Извѣстно, что республика затрачиваетъ на общенаселенныя сооруженія такія колоссальныя суммы, какія и не снились министрамъ Наполеона III. Бюджетъ публичныхъ работъ занимаетъ теперь второе мѣсто, послѣ военнаго, въ общемъ французскомъ бюджетѣ, который на 1884 годъ исчисленъ въ 3.103,000,000 франковъ.

Болѣе трехъ миллиардовъ ежегоднаго расхода, — это начинаетъ казаться чрезмѣрною роскошью даже для богатой Франціи. Осторожные финансисты давно уже совѣтуютъ быть разсчетливѣе; Леонъ Сэй, Леруа-Болѣ и другіе сотрудники „Journal des Débats“ постоянно проповѣдуютъ идею сокращенія издержекъ, для избѣжанія непріятныхъ послѣдствій въ будущемъ. Но министры отвѣчаютъ, что расходы дѣлаются исключительно для пользы населенія и для общаго блага; многочисленныя казенныя постройки не могутъ быть отнесены къ непродуманнымъ затратамъ, и ограничить ихъ нельзя безъ оставленія массы рабочихъ безъ работы. Финансисты, озабоченные, главнымъ образомъ, настроеніемъ биржи и крупныхъ торговыхъ фирмъ, придаютъ очень мало вѣса прозаическимъ указаніямъ министерства. Будутъ ли рабочіе имѣть занятіе или нѣтъ, — это, по мнѣнію многихъ, вовсе не касается государственнаго бюджета и не должно входить въ кругъ заботъ финансовой администраціи. Республиканское правительство не раздѣляетъ такого взгляда, по весьма понятнымъ причинамъ. Французскіе рабочіе привыкли обращать всѣ свои требованія къ государству, и никакое министерство не можетъ относиться индифферентно къ тысячамъ и къ десяткамъ тысячъ людей, не имѣющихъ гдѣ приложить свой трудъ.

Кабинетъ Жюль Ферри сдѣлалъ еще сравнительно очень мало въ этомъ направленіи. Ожидались поэтому шумныя демонстраціи въ годовщину восстанія парижской коммуны, 18 марта. Эмергентскій

министръ внутреннихъ дѣлъ, Вальдекъ-Руссѣ, принялъ заранѣе внушительныя мѣры предосторожности. Въ предположенный день толпы народа собирались въ разныхъ мѣстахъ; полиція дѣйствовала съ обычнымъ усердіемъ; кое-гдѣ потребовалось даже внимательство кавалеріи. Часть толпы, подъ руководствомъ людей,—между которыми попадались депутаты-бонапартисты,—направилась въ Елисейскому дворцу; но вѣдомыиъ, что тамъ находится только сановникъ республики, народъ разошелся. Въ этотъ давно ожидаемый день не случилось вообще ничего особеннаго. Правительство пользуется добрыми, и безпорядки могли имѣть только экономическіе, а никакъ не политическіе мотивы. Администрація Жюль-Ферри и его товарищей носятъ на себѣ всѣ признаки той крѣпкой власти, о которой вѣдывали многіе французы два мѣсяца тому назадъ. Общественный порядокъ охраняется съ такою же твердостью, какъ и при любомъ изъ старыхъ режимовъ,—съ однимъ только различіемъ, что правительственные органы не предвидятъ революціи, не чувствуютъ за собою грѣховъ, требующихъ искупленія, и могутъ поэтому распоряжаться съ полнымъ самообладаніемъ и съ спокойною совѣстью. То, что колебало бы тронъ Луи-Филиппа или Бонапарта, не задѣваетъ вовсе республики,—ибо еслибы даже президентъ Гриви счелъ нужнымъ покинуть свое мѣстопробываніе, подъ вліяніемъ уличныхъ движеній, то это ни въ чемъ не измѣнило бы установленнаго государственнаго строя. Президентъ можетъ удалиться или выйти въ отставку, какъ это случилось съ Макъ-Магономъ, и никакого переворота не произойдетъ отъ подобной перемѣны.

Въ сущности, власть дѣйствуетъ теперь самоувѣреннѣе, чѣмъ когда бы то ни было во Франціи. Министры свободны отъ необходимости бороться съ общественнымъ недовольствомъ, съ глухою оппозиціею, съ невидимыми врагами данной формы правленія. Борьба съ противниками ведется открыто, на чистоту. Министерство не обязано и не можетъ идти противъ господствующаго въ народѣ теченія; оно держится только до тѣхъ поръ, пока не утратитъ популярности. Потому-то здѣсь не можетъ быть долгихъ хроническихъ столкновеній и разногласій, столь часто задерживающихъ или извращающихъ ходъ государственной машины. Политическія партіи могутъ чаще, чѣмъ слѣдуетъ, вызывать кабинетныя кризисы; но общество въ широкомъ смыслѣ этого слова остается непричастнымъ къ этой перестановкѣ лицъ въ администраціи. Что касается рабочаго класса, то его волненія не имѣютъ ничего общаго съ оппозиціею противъ правительства или съ политикою того или другого кабинета. Рабочій волнуется потому, что матеріальное положеніе его слишкомъ шатко, а вовсе не потому, что органы власти плохо выполняютъ

свои обязанности или нарушаютъ законы. Въ сороковыхъ годахъ, при твердомъ управленіи Луи-Филиппа, социаллисты и анархисты дѣлали гораздо больше шуму, чѣмъ теперь; они встрѣчали тогда широкую поддержку въ такихъ общественныхъ слояхъ, которые въ настоящее время отверчиваются отъ всякой связи съ ними. Изъ нѣмныхъ дѣйствій анархистовъ извлекаютъ выводы объ исключительной непрочности существующаго порядка во Франціи—значить, очевидно, забывать прошлое и приписывать новымъ условіямъ то, что создано старыми. А когда такое неосновательное заключеніе высказывается въ офиціозномъ органѣ, въ родѣ нашего „Journal de St. Pétersbourg“, то это уже не промахъ, а ошибка. Французская республика такъ или иначе представляетъ великую державу, съ которою надо считаться и которую „третировать“ свысока нѣтъ никакой возможности. Впрочемъ, нужно замѣтить, что наша дипломатическая газета обыкновенно относится къ Франціи съ большимъ сочувствіемъ, и что рѣзкій отрицательный отзывъ о современныхъ французскихъ порядкахъ, выраженный мимоходомъ въ статьѣ о князѣ Горчаковѣ, является какимъ-то случайнымъ исключеніемъ, сравнительно съ обычнымъ сдержаннымъ тономъ „Journal de St.-Pétersbourg“.

IV.

Непрочность, переѣчивость и иногда даже отсутствіе правительственной системы замѣчаются далеко не въ одной Франціи. Чтб, казалось бы, крѣпче и устойчивѣе прусскаго управленія? А между тѣмъ министерскія переѣвы совершаются тамъ внезапно, безъ всякой видимой причины. Во Франціи отставка министра вызывается по крайней мѣрѣ извѣстными всѣмъ обстоятельствами; министр оказывается въ данное время неподходящимъ въ виду общественнаго настроенія или рѣшенія палаты,—онъ уступаетъ мѣсто другому, болѣе подходящему или популярному дѣятелю. Въ Пруссіи же увольняются вдругъ министры, признаваемые почти незамѣнными въ своихъ специальныхъ вѣдомствахъ,—увольняются по какимъ-то таинственнымъ и никому невѣдомымъ соображеніямъ, въ которыхъ государственные интересы играютъ повидимому послѣднюю роль. Нѣмецкія газеты вынуждены ломать себѣ голову надъ вопросомъ о томъ, почему столь дѣльный и популярный военный министръ, какъ генераль фонъ-Камеке, замѣненъ неизвѣстнымъ генераломъ Бронсаромъ фонъ-Шеллендорфъ, и почему талантливый морской министръ фонъ-Стошъ долженъ былъ передать свою должность сухопутному генералу фонъ Каприви-Монтекукули. Отставка фонъ-Стоша сопро-

ождалась официальнымъ признаніемъ, что лучшаго главы адмиралтейства нельзя себѣ представить, и что онъ почти создалъ германскій флотъ въ теченіе своего двѣнадцати-лѣтняго управленія. И тѣмъ не менѣе ему даютъ отставку и призываютъ на его мѣсто человека, совершенно незнакомаго съ дѣломъ, которое онъ долженъ будетъ еще изучать нѣсколько лѣтъ, насчетъ государственнаго казначейства и въ ущербъ вѣрнымъ интересамъ.

Скрытая пружина, произведшая эти неожиданныя перемѣны, остается официальною тайною; но съ самаго начала всѣ отлично знали, что дѣло идетъ объ одномъ изъ многочисленныхъ проявленій личной раздражительности и неуживчивости князя Бисмарка. Имперскій канцлеръ успѣлъ на своемъ вѣку столкнуть болѣе дюжины выдающихся министровъ; онъ не терпитъ присутствія самостоятельныхъ характеровъ въ ряду своихъ ближайшихъ сослуживцевъ, — рано или поздно онъ устраняетъ ихъ и замѣняетъ болѣе безцвѣтными личностями. Въ прежніе годы онъ въ этихъ случаяхъ руководился иногда мотивами государственнаго свойства, и разладъ съ тѣмъ или другимъ изъ министровъ объяснялся существеннымъ разногласіемъ по какому-либо текущему вопросу; но теперь этого вовсе нѣтъ, — ни генералъ Камеке, ни адмиралъ Стошъ, не имѣли съ нимъ, въ послѣднее время, споровъ по дѣламъ своихъ вѣдомствъ; они оба были только лично неудобны для канцлера, независимо отъ всякихъ интересовъ государства. Старость даетъ себя чувствовать даже въ такомъ геніальномъ дѣятелѣ, какъ князь Бисмаркъ; онъ всецѣло подчиняется личнымъ капризамъ и бросаетъ имъ въ жертву именно то, что должно стоять на первомъ планѣ съ точки зрѣнія прусскаго военнаго величія. До сихъ поръ армія и флотъ въ Германіи тщательно охранялись отъ разлагающаго вліянія личныхъ усмотрѣній канцлера. Военное и морское министерства находились подъ непосредственнымъ контролемъ императора Вильгельма. Въ послѣднее время, — вѣроятно вслѣдствіе недорозвѣя престарѣлаго монарха, — положеніе внезапно измѣнилось, и министры, стоявшіе высоко въ мнѣніи государя и всей Германіи, выкинуты вдругъ за бортъ. Почему эти случайныя и необъяснимыя перетасовки въ Пруссіи не вызываютъ у насъ тѣхъ высокомѣрныхъ толковъ о „непрочности“ и перемѣчивости, которые неизбѣжно возникаютъ по поводу каждой перемѣны министерства во Франціи, — неизвѣстно. Между тѣмъ, перемѣны въ настроеніи общества и палаты имѣютъ во всякомъ случаѣ болѣе законное право на существованіе, нежели личные прихоти въ области государственныхъ дѣлъ.

Германская печать, конечно, строго осуждаетъ новый самовластный поступокъ канцлера, — тѣмъ болѣе, что павшіе министры заслу-

жили его немилость, между прочимъ, благодаря своему мягкому отношенію къ парламентской оппозиціи. Генералъ фонъ-Камеке, выслушавъ въ палатѣ обстоятельныя фактическія указанія на обременительность нѣкоторыхъ статей военного бюджета, сдѣлалъ маленькую уступку, — согласился въ принципѣ на то, чтобы частныя имущества богатыхъ офицеровъ подлежали общимъ налогамъ наравнѣ съ имуществами другихъ гражданъ. Въ прусской арміи служатъ миллионеры-аристократы, которые, однако, никакихъ податей не платятъ, въ силу привилегированнаго положенія войска; такое изъятіе считается всѣми несправедливымъ и возбуждаетъ неудовольствіе населенія, обремененнаго разнообразными податями, прямыми и косвенными. Принципіальная уступка генерала Камеке дала князю Бисмарку давно ожидаемый предлогъ для формальнаго требованія его удаленія. Для отставки фонъ-Стоша не требовалось даже никакого предлога: онъ самъ понялъ, что не можетъ оставаться на своемъ посту, при господствѣ личнаго усмотрѣнія канцлера. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, морской министръ провинился такимъ же образомъ, какъ теперь фонъ-Камеке, — онъ заявилъ въ палатѣ готовность отказаться отъ постройки одного броненосца, въ виду чрезмѣрности расходовъ въ бюджетномъ году. Князь Бисмаркъ разсердился, но не могъ тогда добиться удаленія фонъ-Стоша, — и въ результатѣ самъ всемогущій канцлеръ получилъ даже временный отпускъ по разстроенному здоровью. Теперь обстоятельства перемѣнились, — и генералъ Камеке, и Стошъ, отличавшіеся понынѣ цвѣтущимъ здоровьемъ, вдругъ заболѣли, и почти одновременно, по желанію канцлера.

Въ Пруссіи преобладало до сихъ поръ стремленіе не задѣвать военной щепетильности арміи, соображаться съ ея чувствами и не нарушать нормальнаго хода военной организаціи произвольными перемѣнами и скачками. На этотъ разъ прусское правительство отступило отъ своихъ хорошихъ традицій. Въ составѣ высшихъ офицеровъ арміи замѣчается неудовольствіе по поводу безпричинной отставки генерала фонъ-Камеке; флотъ недоволенъ назначеніемъ неспеціалиста на постъ морского министра, вмѣсто даровитаго фонъ-Стоша, успѣвшаго до тонкости изучить морское дѣло. Ближайшимъ кандидатомъ, послѣ Стоша, долженъ былъ естественно считаться адмиралъ Ватъ, любимый въ средѣ нѣмецкихъ моряковъ, энергичскій и свѣдущій, — обязанный своимъ возвышеніемъ единственно личному труду и искусству. Но къ общему удивленію на эту важную должность назначенъ человекъ „посторонній“, имѣющій одно только преимущество передъ Бачемъ — благородство происхожденія. Это послѣднее обстоятельство имѣетъ еще въ Пруссіи значительный и ча-

сто рѣшающій вѣсъ. Не даромъ прогрессистскіе депутаты въ парламентѣ нападали недавно на чисто-сословный характеръ, придаваемый прусской офицерской корпораціи.

Но въ послѣдніе годы въ Пруссіи все сильнѣе обнаруживается еще другое стремленіе—выдѣлить армію изъ общей массы народа, въ видѣ особой привилегированной касты, призванной держаться въ сторонѣ отъ остального „бюргерства“. Такое стремленіе доходитъ часто до странной мелочности. Напримѣръ, въ прусской палатѣ депутатовъ обсуждается налогъ на собакъ. Тотчасъ же ставится вопросъ: подлежатъ ли налогу собаки господъ офицеровъ? Новый военный министръ Бронсаръ фонъ-Шеллендорфъ вступаетъ за самостоятельность военного сословія и доказываетъ, что офицерскія собаки должны быть признаны изъятыми отъ дѣйствія общаго закона. Но когда доводы министра отвергаются палатою, то завязывается разсужденіе о томъ, чтобы сборъ съ офицерскихъ собакъ имѣлъ по крайней мѣрѣ специальное назначеніе и не смѣшивался бы съ платежами остальныхъ гражданъ. Подобныя притязанія, не оправдываемыя никакими практическими дѣлами, раздражаютъ только нѣмецкое общество, безъ всякой къ тому надобности.

Смотрѣть на армію, какъ на особое независимое сословіе въ государствѣ, при существованіи всеобщей воинской повинности,—это довольно мудрено. Прусскіе правители готовятъ себѣ роковыя опасности, создавая антагонизмъ между привилегированнымъ офицерствомъ и простыми бюргерами, входящими въ составъ низшихъ армейскихъ чиновъ. Если кому-нибудь нуженъ этотъ антагонизмъ, то уже никакъ не правительству и не государству. Живое единодушіе цѣльной, интеллигентной арміи, подчиняющейся умственному и политическому превосходству, а не преимуществамъ рожденія,—было главною силою Пруссіи и несомнѣннымъ источникомъ ея грандіозныхъ военныхъ успѣховъ. Разложеніе этой силы можетъ окончиться такъ, какъ вездѣ кончается одностороннее развитіе внѣшняго могущества,—какъ окончилось оно во Франціи и въ другихъ военныхъ монархіяхъ, періодически возвышавшихся и падавшихъ въ назиданіе окрестнымъ народамъ.

Рядомъ съ видимымъ процвѣтаніемъ сословнаго духа въ общенародной прусской арміи, развивается и усиливается въ низшихъ классахъ населенія чувство вражды къ господствующему классу капиталистовъ и аристократовъ. Партія социаль-демократовъ приобретаетъ все болѣе приверженцевъ; число ихъ растетъ по мѣрѣ того, какъ уменьшается довѣріе къ заботамъ государственной власти о серьезномъ улучшеніи быта трудящагося люда.

Было время, когда князь Бисмаркъ много хлопоталъ о рефор-

махъ въ пользу „меньшаго брата“, когда онъ бралъ на себя рѣшеніе социальныхъ задачъ и смѣло говорилъ о „государственномъ социализмѣ“, не опасаясь обвиненій въ солидарности съ социаль-демократами. Многие принимали на вѣру обѣщанія и проекты канцлера; но очень скоро разоблачились истинныя свойства его народолюбивыхъ стремленій, и туманъ официальнаго социализма разсѣялся какъ дымъ. Не военному прусскому режиму разрѣшать социальные и экономическіе вопросы. Скромный сравнительно проектъ страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ—любимое дѣтище канцлерской политической экономіи—былъ покинутъ и забытъ по весьма характерной причинѣ: князь Бисмаркъ хотѣлъ, чтобы страховыя суммы всего рабочаго класса Германіи сосредоточивались въ одномъ правительственномъ учрежденіи въ Берлинѣ, а парламентъ допустилъ устройство особыхъ кассъ въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ. Едва только оппозиція дотронулась до этого пункта, какъ вдругъ оказалось, что именно въ этомъ побочномъ постановленіи лежитъ „der Hund begraben“, какъ говорятъ нѣмцы. Канцлеръ предпочелъ лучше пожертвовать всѣмъ проектомъ, чѣмъ отказаться отъ придуманнаго имъ своеобразнаго способа прикрѣпленія всего нѣмецкаго рабочаго класса къ центральному берлинскому правительству. Для всѣхъ стало ясно, что нужды рабочихъ имѣли въ устахъ канцлера только фигуральное значеніе, и что дѣло шло вовсе не объ этихъ нуждахъ, а о чемъ-то другомъ. Такая же судьба постигла другія экономическія теоріи князя Бисмарка: онъ всегда клонился къ тому, чтобы увеличить безконтрольные доходы государства и ограничить зависимость бюджета отъ разрѣшенія парламента. Много краснорѣчія потрачено было, между прочимъ, на доказательство великой социалистической миссіи, которую должна будто бы выполнить табачная монополія. Нашлись люди, даже ученые, какъ профессоръ Адольфъ Вагнеръ, которые повѣрили настойчивымъ объясненіямъ и увѣреніямъ канцлера. Парламентъ и общественное мнѣніе рѣшительно отвергли сомнительный планъ, основанный на крайне прозрачныхъ казенныхъ расчетахъ. Идея была очень проста: князю Бисмарку желательно было имѣть подъ рукою, въ полномъ распоряженіи, богатый источникъ государственнаго дохода, въ видѣ табачной регалии,—источникъ, свободный отъ назойливаго и „скряжническаго“ контроля палаты. Смыслъ проекта былъ понятъ и оцененъ какъ слѣдуетъ, и одинъ только профессоръ Вагнеръ по временамъ восхваляетъ еще этотъ безнадежный продуктъ новѣйшаго „государственного социализма“.

Откровеннѣе прочихъ былъ проектъ двухгодичнаго бюджета, имѣвшій цѣлю сократить законное вліяніе парламента на дѣятель-

ность правительства. Въмѣсто того, чтобы ежегодно давать отчетъ объ употребленіи казенныхъ суммъ, гораздо пріятнѣе, разумѣется, исполнять эту стѣснительную обязанность разъ въ два года. Въ промежуткѣ оставалось бы больше простора для личнаго усмотрѣнія министровъ, подвластныхъ канцлеру, и „парламентскій гнетъ“ былъ бы ослабленъ. Но внесеніе такого проекта въ палату могло только озадачить большинство депутатовъ. Нельзя было предположить, чтобы кто-либо ожидать отъ палаты добровольнаго принятія закона, ограничивающаго ея существенныя конституціонныя права.

Послѣ цѣлаго ряда неудачъ, князь Бисмаркъ вымещаетъ свою раздражительность на отдѣльных лицахъ, на Камеке или Стошѣ, что далеко не служитъ къ возрожденію его прежней популярности въ нѣмецкомъ народѣ. Нѣмцы начинаютъ находить, что знаменитый канцлеръ уже старъ, и что пора бы ему позаботиться о своемъ разстроенномъ здоровьѣ, которое, вѣроятно, могло бы поправиться въ роскошномъ сельскомъ уединеніи Варцина или Лауэнбурга.

Для сложныхъ вопросовъ и затрудненій внутренней жизни Германіи необходимы новыя законодательныя приемы и свѣжія государственныя силы. Прежде всего нѣмецкій народъ требуетъ уничтоженія того вреднаго хроническаго разлада, который существуетъ между властью и общественнымъ мнѣніемъ, имѣющимъ свой законный органъ въ парламентскомъ представительствѣ. Такъ какъ возвратъ къ личному управленію немислимы въ Пруссіи, то нуженъ какой-либо компромиссъ, способный возстановить правильную дѣятельность законодательства. Пока личность князя Бисмарка безраздѣльно господствуетъ надъ всѣми политическими интересами страны, до тѣхъ поръ будетъ продолжаться это странное болѣзненное состояніе имперіи, воздвигнутой всего двѣнадцать лѣтъ тому назадъ и уже страдающей печальными признаками преждевременнаго старчества.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е апрѣля, 1883.

— Исторія русской церкви *Макарія*, митрополита московскаго и колomensкаго. Томъ XII. Спб. 1883.

Этотъ большой томъ (792 стр., впрочемъ разгонисто напечатанный) представляетъ послѣдній трудъ покойнаго митрополита. По его смерти была найдена готовая рукопись 12-го тома, и двѣ главы тома 13-го, которыя также напечатаны въ настоящей книгѣ.

Двѣнадцатый томъ заключаетъ въ себѣ исторію патриаршества Никона. Митр. Макарій, повидимому, былъ особенно заинтересованъ этимъ предметомъ, и еще при жизни, не дожидаясь изданія вышедшаго теперь тома, издалъ книгу: „Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ“ (М. 1882), составляющую одну долю цѣлой исторіи. Знаменитый патріархъ издавна привлекалъ особенное вниманіе историковъ русской церкви: личный характеръ энергическаго іерарха, его вліяніе на государственныя дѣла въ періодъ его могущества и дружбы съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, важныя церковныя событія того времени, начало раскола, соблазнительный раздоръ съ царемъ, все это были факты большого историческаго значенія, которые требовали объясненія. Литература объ этомъ періодѣ времени выросла до весьма значительныхъ размѣровъ. Въ послѣднее время, этому періоду снова было посвящено нѣсколько новыхъ изданій, между прочимъ „Матеріалы для исторіи раскола“ (изд. Субботинымъ, 1875—79), книга г. Гюббенета и др. Но никто, по отзыву самого митр. Макарія (стр. 10, примѣч.), столько не потрудился надъ собираніемъ матеріаловъ для исторіи патріарха Никона, какъ англійскій ученый Пальмеръ: онъ посвятилъ этому труду десятки лѣтъ, все собранное имъ о Никонѣ на русскомъ и другихъ языкахъ перевелъ на англійскій и издалъ, въ шести то-

махъ, подъ заглавіемъ: „The patriarch and the Tsar“ (Лонд. 1871—76). Сюда вошли дѣльные обширные историческіе памятники и новѣйшія изслѣдованія и, наконецъ, неожиданные документы изъ московской синодальной бібліотеки. Митр. Макарій замѣчаетъ, что всѣми этими матеріалами для исторіи Никона онъ имѣлъ возможность пользоваться не въ переводахъ Пальмера, а въ подлинныхъ текстахъ, и кромѣ того имѣлъ въ рукахъ многіе документы, не находящіеся у Пальмера, изъ той же синодальной бібліотеки, московскаго архива иностранныхъ дѣлъ и государственнаго архива въ Петербургѣ.

Въ 12-мъ томѣ „Исторіи“ митр. Макарія мы получаемъ теперь наиболѣе обстоятельный разсказъ событій во время патриаршества Никона; къ прежнему матеріалу прибавились здѣсь, какъ мы замѣтили, еще новые архивные документы. Характеръ изложенія—тотъ же, какимъ вообще отличаются труды этого церковнаго историка: это—исторія, по преимуществу, почти исключительно внѣшне-фактическая. Авторъ обыкновенно весьма внимательно собираетъ источники, непосредственно относящіеся къ изслѣдуемымъ лицамъ и событіямъ, очень часто отыскиваетъ новые, еще не бывшіе въ рукахъ прежнихъ историковъ, распределяетъ по рубрикамъ ихъ свѣдѣнія, и затѣмъ излагаетъ въ извѣстномъ систематическомъ порядкѣ. Въ результатѣ получается точный обзоръ внѣшней стороны дѣла. Это, конечно, не есть еще настоящая исторія, а только подготовительная работа къ ней: за изложеніемъ фактовъ остается еще необходимо объясненіе ихъ происхожденія и внутренняго смысла, ихъ связи съ другими сторонами жизни, ихъ вліянія въ послѣдующей исторіи. Митр. Макарій обыкновенно не вдается въ это критико-историческое изысканіе,—такимъ образомъ остается еще много работы для послѣдующихъ историковъ; и дѣйствительно, „Исторія церкви“ митр. Макарія едва перешла за древній періодъ, какъ научныя требованія вызвали новый трудъ надъ тѣмъ же предметомъ, въ замѣчательной книгѣ г. Голубинскаго, о которой мы въ свое время говорили. Въ данномъ случаѣ, опять остаются не разрѣшенными основныя вопросы: что такое была дѣятельность Никона, — были ли его стремленія въ политическому господству органическими явленіемъ нашей исторіи или случайнымъ произволомъ энергическаго и напористаго характера? Былъ ли расколъ случайнымъ послѣдствіемъ непонятаго исправленія книгъ, или, напротивъ, результатомъ общаго положенія церковнаго преслѣщенія и народныхъ нравовъ, и не могъ ли бы быть прекращенъ болѣе удачнымъ примѣненіемъ церковныхъ обличеній и гражданскихъ казней? Относительно перваго, есть мнѣніе, что борьба Никона имѣла именно теократическую подкладку—онъ самъ и высказывалъ не однажды мысль о превосходствѣ и первенствѣ духов-

ней власти надъ мірскою,—и это могло быть естественно при томъ исключительно церковномъ стилѣ, въ какомъ развивалось міровоззрѣніе старой Россіи. Митр. Макарій совсѣмъ не касается этого вопроса; онъ разсматриваетъ факты дѣятельности Никона въ ихъ ближайшемъ непосредственномъ смыслѣ, хвалитъ или переицаетъ его дѣйствія, не углубляясь въ отысканіе ихъ внутреннихъ побужденій; относительно борьбы съ свѣтскою властью, онъ думаетъ только, что Никонъ „вазнался“. Но вопросъ, нами упомянутый, и который ставили нѣкоторые историки, не былъ праздный: шла дѣйствительная борьба, гдѣ главнымъ ударомъ и было низложеніе Никона; слѣдующіе патріархи уже не позволяли себѣ „вазнаваться“, но тѣмъ не менѣе патріаршество было уничтожено, и результатомъ спора оказалось то положеніе нашей церкви, какое наступило окончательно съ XVIII вѣка и которое едва ли можно назвать уравнивающимъ... Относительно второго вопроса митр. Макарій также уклоняется отъ болѣе широкой исторической постановки, или совсѣмъ не думаетъ о ней. Расколъ представляется ему слѣдствіемъ частнаго факта исправленія книгъ, съ одной стороны проводимаго слишкомъ сурово, съ другой непонятаго невѣжествомъ; ему кажется, что раскола могло бы не образоваться, если бы административныя мѣры и наказанія были исполнены болѣе послѣдовательно,—онъ указываетъ на поблажки, на удаленіе Никона, какъ на причину оживленія раскола послѣ первыхъ его вспышекъ. Но вѣдь поблажки дѣлались при самомъ царскомъ дворѣ, а невѣжества нельзя было устранить административными казнями? Нельзя не усумниться, достигли ли бы цѣли усиленныя казни и ссылки; да и были ли подобныя мѣры одобрительны для церковной власти, которая въ прежнее время сама поощрала и раздѣляла тотъ же недостатокъ просвѣщенія? Точка зрѣнія митр. Макарія остается тамъ чисто обличительная, съ которой въ прежнее время только и налагалось историческое явленіе раскола. Практическимъ примѣненіемъ этого взгляда могли быть, и дѣйствительно были, исключительныя инквизиціонныя мѣры противъ раскола. Между тѣмъ, историческое изслѣдованіе за послѣднія гдѣ двадцать пять стало ближе присматриваться къ историческому развитію раскола и нашло въ немъ гораздо болѣе сложное явленіе, чѣмъ казалось прежде съ исключительно-церковной, богословско-обличительной точки зрѣнія. Митр. Макарій не принималъ въ соображеніе этихъ изслѣдованій, и не прибавилъ ничего къ объясненію внутреннихъ источниковъ и основаній раскола.

Но не смотря на то, что „Исторія“ митр. Макарія останавливается всего болѣе на вѣншихъ фактахъ, такъ сказать на официальной сторонѣ церковныхъ событій, она въ цѣломъ своемъ со-

ставѣ по праву занимаетъ высокое мѣсто въ нашей исторической литературѣ, какъ собраніе и первая критическая обработка огромнаго матеріала, въ которомъ многое доселѣ еще не было тронуто другими изслѣдователями и въ первый разъ вводится въ историческую литературу.

Любопытно, что духовные журналы не иначе понимаютъ значеніе историческаго труда митр. Макарія и указываютъ необходимость новыхъ объясненій собраннаго матеріала. „Развѣ исторія нашей церкви, въ наличномъ положеніи этой науки, представляетъ собою исторію русскаго православія“? („Странникъ“, 1882, мартъ, стр. 470).

— Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754—1796). Историческое изслѣдованіе *Дмитрія Кобеко*. Изданіе второе, дополненное. Сиб. 1888.

Первое изданіе книги г. Кобеко вышло не далѣе какъ въ прошломъ году; появленіе втораго изданія въ такой короткій промежутокъ времени показываетъ ясно, какъ интересуется общество исторіей своего еще не очень давняго прошлаго. Въ данномъ случаѣ интересъ увеличивался тѣмъ обстоятельствомъ, что личность и правленіе императора Павла долго оставались совершенно закрытыми отъ историческаго изслѣдованія. Только съ 1860-хъ годовъ стали появляться отрывочныя свѣдѣнія о временахъ его царствованія, о немъ самомъ, извлеченія изъ современныхъ мемуаровъ, изъ иностранныхъ сочиненій, — но все въ видѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, анекдотовъ и курьезовъ; отсюда было, разумѣется, еще весьма далеко до исторіи. Поэтому планъ г. Кобеко собрать эти отдѣльные факты въ связное изложеніе есть несомнѣнная заслуга для русскои исторіи. Изученіе этихъ подробностей привело автора къ очень благопріятному заключенію о личномъ характерѣ императора Павла, который въ эпоху своего царствованія внушалъ приближеннымъ такой страхъ, а между тѣмъ по множеству различныхъ отъяновъ, обладалъ отъ природы многими прекрасными свойствами ума и характера. Авторъ, — какъ онъ говорилъ въ „послѣсловіи“ къ первому изданію, — старался выяснитъ причины, подъ вліяніемъ которыхъ измѣнился характеръ Павла и вслѣдствіе которыхъ, по выраженію одного изъ преданныхъ ему людей, князя И. М. Долгорукова, „разсудокъ его былъ потемнѣлъ, сердце наполнено желчи и душа гнѣва“; и авторъ надѣялся, что по его книгѣ „личность цесаревича Павла Петровича представится безпристрастному читателю не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ изображаютъ ее *иностранные историки*, а съ изъ голоса, и нѣкоторые русскіе писатели. Даровитый, образованный, прямодушный, другъ порядка и законно-

сти, цесаревичъ невольно привлекаетъ къ себѣ сочувствіе" и пр. Замѣтимъ, что эта тѣнь недовѣрія наброшена на „иностранныхъ историковъ" весьма несправедливо. Было два-три примѣра, гдѣ иностранные историки судили о предметѣ, можетъ быть, неосновательно; но предметъ былъ таковъ, что преувеличеніе могло быть весьма естественнымъ, особенно, когда русскіе источники объ этомъ предметѣ абсолютно молчали. Если бы эти послѣдніе имѣли такую же возможность заниматься этихъ вопросамъ, они, вѣроятно, также не удержались бы отъ преувеличеній и вообще отъ сужденій, которыя кажутся нашему автору неправильными. Въ концѣ концовъ, иностранные историки одни, до послѣдняго времени, и представляли какія-нибудь историческія свѣдѣнія о цесаревичѣ и императорѣ Павлѣ; самъ г. Кобеко перечислилъ, во второмъ изданіи, цѣлый рядъ сочиненій на иностранныхъ языкахъ, гдѣ онъ нашелъ не мало важныхъ данныхъ для характеристики цесаревича Павла. На иностранныхъ языкахъ явились впервые и нѣкоторые русскіе рассказы, которыми не можетъ не дорожить историкъ временъ императрицы Екатерины II и Павла I, какъ, напр., записки кн. Дашковой, только много времени спустя сдѣлавшіяся доступными русскимъ читателямъ; записки Саблукова, по-русски до сихъ поръ извѣстныя не вполне, и друг. Въ 1867 явился, опять въ иностранной литературѣ, опытъ психологическаго изученія характера императора Павла.

Нельзя сказать и того, чтобы русскіе писатели что-нибудь особенное говорили о цесаревичѣ Павлѣ „съ голоса" иностранныхъ историковъ. Какъ мы замѣтили, до самаго послѣдняго времени русскіе писатели совсѣмъ молчали объ этомъ предметѣ; а когда о немъ начали появляться свѣдѣнія въ печати, это были или прямо документы, или рассказы и анекдоты современниковъ, основанные вовсе не на голосѣ иностранцевъ, а на собственныхъ воспоминаніяхъ людей русскаго общества того времени.

Мы останавливаемся на этихъ замѣчаніяхъ автора именно потому, что они неточно представляютъ положеніе русской исторіографіи по этому предмету.

Во второмъ изданіи авторъ, кажется, уже не повторилъ этихъ отзывовъ и вообще съ меньшей увѣренностью приступаетъ къ общимъ выводамъ. Собравши въ концѣ книги нѣсколько особенно компетентныхъ сужденій о характерѣ императора Павла, онъ замѣчаетъ: „приводя эти отзывы, я не могу, однако, не замѣтить, что *едва-ли* имѣется достаточно данныхъ, чтобы промѣнить окончательное сужденіе о чрезвычайно сложномъ и исполненномъ крайнихъ противоположностей и странностей характерѣ Павла Петровича" (стр. 424). Авторъ приходитъ къ заключенію, что жизнь цесаревича дѣлится на два не-

ріода: первый обнимаетъ собою тридцатилѣтіе его жизни до пожалованія ему, по возвращеніи изъ заграничнаго путешествія, Гатчины; второй заключаетъ остальные двѣнадцать лѣтъ его жизни до вступленія на престолъ. Въ этотъ второй періодъ выработался его характеръ, который сложился окончательно ко времени вступленія на престолъ и проявился во всей силѣ въ его царствованіе,—съ тѣми чертами, какія обозначаются приведенными словами кн. Долгорукаго. Большое и благотворное нравственное вліяніе авторъ приписываетъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ; именно думаетъ, что тѣ причины, которыя вліяли на характеръ Павла, дѣйствовали бы еще съ большею силой, если бы въ лицѣ своей супруги Павелъ не находилъ постоянной поддержки и утѣшенія. Пока продолжалось ея умиротворяющее вліяніе, оно сдерживало порывы его раздражительности и гнѣва; когда же вліяніе это ослабло во второй половинѣ царствованія Павла (съ осени 1798), то въ характерѣ, политикѣ и образѣ дѣйствій его наступилъ окончательный переломъ.

Авторъ весьма внимательно собираетъ факты біографіи, которые могутъ служить къ объясненію характера цесаревича Павла Петровича и происшедшаго въ немъ перелома, и находитъ ихъ очень много въ той придворной обстановкѣ, въ которой прошла его жизнь до 42 лѣтъ: масса неблагоприятныхъ условій воспитанія, отдаленіе отъ матери, особенное положеніе при ея дворѣ, косвенныя обиды и настоящія оскорбленія отъ приближенныхъ императрицы Екатерины, наконецъ, прямыя неудовольствія, которыя предстали ему въ качествѣ наследника престола, все это дѣйствительно способно было испортить и наклонить характеръ. Но кромѣ всѣхъ этихъ частныхъ обстоятельствъ, вліявшихъ на врожденныя качества Павла, было еще одно вліяніе, сопровождавшее его на каждомъ шагѣ и дѣйствовавшее постоянно; это—господствующее вліяніе всей среды, тѣхъ правительственныхъ и придворныхъ нравовъ, которые сложились въ теченіе XVIII-го вѣка. Ни раньше этого періода, ни послѣ, наша исторія не представляла такого, до послѣдней степени страннаго ряда событій въ правительственной и придворной сферѣ,—какъ тѣ дворцовыя интриги, болѣе или менѣе запутанныя, безъ которыхъ не обходилось ни одно царствованіе. Каждый разъ, вопросъ объ этомъ предметѣ порождалъ самыя серьезныя тревоги, не только въ кругу приближенныхъ, гдѣ съ этимъ вопросомъ связывалось личное положеніе, но, быть можетъ, еще въ сильнѣйшей степени въ самихъ царственныхъ особахъ. Достаточно припомнить официальные факты и различныя интимныя событія, чтобы увидѣть одинъ изъ господствующихъ мотивовъ, дѣйствовавшихъ на образованіе характеровъ и способа дѣйствій: это одно уже было слишкомъ достаточнымъ источникомъ нервныхъ и

желчныхъ возбужденій для человѣка впечатлительнаго, который до сорока лѣтъ оставался подъ гнетомъ тяжелыхъ и нерѣдко трудно выносимыхъ условий. Другой стороною той жизни, въ которой происходило воспитаніе и развитіе характера, была вся вообще обстановка, вліяніе которой создавало особую психологическую почву, гдѣ крайне ослаблялись одни и усиливались другія побужденія. Въ характерѣ неуравновѣшенномъ отсюда могли истекать и истекали самыя неожиданныя слѣдствія. Авторъ разбираемой книги, конечно, постоянно встрѣчался въ своей исторіи съ фактами, составлявшими проявленіе указанныхъ условий быта и, быть можетъ, считалъ послѣднія слишкомъ извѣстными, чтобы на нихъ останавливаться; но если въ его трудѣ ставится вопросъ психологическій и предпринимается оцѣнка характера, первоначально богато одареннаго и потомъ измѣненнаго обстоятельствами жизни, то, кажется намъ, слѣдовало посвятить больше вниманія этимъ основнымъ чертамъ описываемой жизни.

Что касается внѣшней обработки предмета, надо отдать полную справедливость внимательности, съ которой авторъ собиралъ и распространялъ факты своей исторіи. Ему хорошо знакома вся русская и иностранная литература, касающаяся предмета. Изложеніе точно и обстоятельно. Можно было бы желать большей простоты. Напр., сказавъ о томъ, какъ Ломоносовъ „воспѣлъ“ рожденіе Павла и высказывалъ новорожденному желаніе—сравниться въ дѣлахъ съ Петромъ Великимъ, авторъ упоминаетъ, что „Ломоносовъ затѣмъ обращается къ Богу вѣрному Вседержителю“ съ мольбою, чтобы и впредь Петръ (III) и Екатерина возвеселились (новымъ) рожденіемъ,—и замѣчаетъ, что „Богъ выслушалъ мольбу Ломоносова“, и въ 1757 году у Екатерины родилась дочь, умершая однако въ 1759 г. Предоставляемъ судить читателю, насколько стиль панегириковъ прошлаго вѣка приличенъ въ исторической книгѣ.

Авторъ намѣревается продолжать свой трудъ и описать царствованіе императора Павла. Мы не сомнѣваемся, что авторъ внимательно соберетъ фактическія данныя, — и пожелаемъ, чтобы онъ, сколько возможно по крайней мѣрѣ, далъ мѣсто и общей исторической критикѣ, которая не останавливается на внѣшности событій и старается объяснить ихъ внутреннее значеніе.

— В. А. Жуковский и его произведенія. 1783—1866. Сочиненіе Н. Захарова. Съ приложеніемъ 29 фотографій, автографовъ и нотъ. Изданіе Льва Поливанова. М. 1883.

Это—юбилейное изданіе, въ родѣ альбома Пушкинской выставки, о которомъ мы говорили въ прошлой книгѣ „Вѣстника Европы“:

томъ въ большую восьмушку, болѣе 800 страницъ текста, приложений и указателей, и много портретовъ, рисунковъ и факсимиле, исполненныхъ фотогравировъ.

Біографія, составленная г. Загаринымъ, весьма обстоятельно исполненный трудъ. Авторъ не ограничился тѣмъ, что внимательно собралъ біографическіе факты, которыхъ не мало накопилось въ послѣдніе годы въ литературѣ, но старается дать внутреннюю біографію Жуковского, исторію его поэтической дѣятельности, литературныхъ и общественныхъ взглядовъ. Это послѣднее до сихъ поръ еще не было никѣмъ изслѣдуемо такъ подробно, какъ дѣлаетъ это г. Загаринъ. Не скажемъ, чтобы онъ завершилъ это изслѣдованіе, чтобы его выводы были окончательно вѣрны исторически; но важно и то, что имъ сдѣлано. Чтобы объяснить Жуковского, г. Загаринъ указываетъ направленія, господствовавшія тогда въ европейской философіи и литературѣ и съ которыми соприкасалось мировоззрѣніе Жуковского; объясняетъ, какимъ настроеніемъ руководился Жуковский, когда выбиралъ для перевода тѣ или другія произведенія, современной европейской поэзіи; указываетъ, какимъ видоизмѣненіямъ, и не случайнымъ, а систематическимъ, подвергались эти произведенія въ передачѣ Жуковского, соотвѣтственно основному тону его собственнаго поэтическаго чувства. Подобнымъ сличеніямъ Жуковского съ его оригиналами дѣлались и раньше; но г. Загаринъ даетъ еще новыя примѣры, очень любопытныя, и пользуется ими для выводовъ о поэтическомъ характерѣ Жуковского. — На этотъ разъ, біографъ есть абсолютный панегиристъ Жуковского; значеніе поэта онъ хочетъ вообще поставить выше, чѣмъ думаютъ тѣ, кто считаетъ его всего болѣе проводникомъ сантиментальнаго романтизма въ нашу литературу. На это можно сказать, что уже и въ оцѣнкѣ Бѣлинскаго Жуковский поставленъ выше этого уровня, и забыть объ этомъ не слѣдовало; но правда, что г. Загаринъ идетъ еще дальше и, не довольствуясь высокой оцѣнкой поэтической дѣятельности Жуковского, видитъ и въ его цѣломъ мировоззрѣніи идеальное русское мировоззрѣніе. Онъ отмѣчаетъ его связи съ славянофильскимъ кружкомъ (Кирѣевскіе — были почти члены его семьи, Хомяковъ гостилъ у него за границей и внушилъ сочувствіе къ своимъ идеямъ, и т. д.), и извѣстное отраженіе у Жуковского славянофильскихъ идей, хотя вообще авторъ считаетъ его ни мало не эклектикомъ, а мыслителемъ самостоятельнымъ. Авторъ думаетъ, что Жуковскому были бы сочувственны позднѣйшіе взгляды Достоевскаго, и т. п. (Съ послѣднимъ мы не совсѣмъ согласны: взгляды Жуковского вообще и въ частности на предметы общественно-политическіе, — какъ бы мы ни судили о нихъ, — отличались во всякомъ случаѣ боль-

ной послѣдовательностью и логикой, а Достоевскій этими качествами далеко не отличался). Жуковскій въ послѣдніе годы прямо говорилъ о необходимости живого національнаго элемента въ нашей жизни общественной и государственной, не сочувствовалъ рѣзкимъ переѣмамъ, но, при всей склонности къ консерватизму, былъ другомъ просвѣщенія и проч. Но въ этомъ опредѣленіи взглядовъ Жуковскаго и въ приуроченіи ихъ къ тому или другому нынѣшнему направлению авторъ дѣлаетъ одну ошибку: онъ рассматриваетъ ихъ въ слишкомъ отвлеченной формѣ, на общихъ вопросахъ, гдѣ теоретическое положеніе можетъ легко показаться и законченнымъ, и очень вѣрнымъ. Въ мнѣніяхъ Жуковскаго можетъ возбуждать большее сочувствіе его мягкое гуманное чувство, искреннее уваженіе къ просвѣщенію,—но надо съ большою осторожностью дѣлать изъ нихъ примѣненіе къ настоящему, а особенно—полемиическое оружіе. Жизнь не идетъ въ гладкихъ теоретическихъ формахъ; напротивъ, ея практика чрезвычайно сложна. Тотъ или другой общій принципъ, отвергаемый или восхваляемый теоріей, въ дѣйствительной жизни такъ осложняется, что правильно судить о немъ можно только принявъ въ соображеніе эту сложность: иначе можетъ воспослѣдовать грубѣйшая ошибка. Жуковскій не одобрялъ рѣшительности реформы Петра,—но историческія изслѣдованія теперь все больше и больше убѣждаютъ, что, во-первыхъ, эта рѣшительность была вызываема упорнымъ сопротивленіемъ застарѣлаго невѣжества, грозившаго всему дѣлу реформы и самой жизни Петра; и во-вторыхъ, что Петровская реформа была въ сущности результатомъ давно накапливавшагося стремленія русскаго народа вступить на путь европейскаго образованія. Жуковскій былъ другомъ просвѣщенія, но что такое просвѣщеніе? О просвѣщеніи говорилъ и Магницкій, это дѣтище гнуснѣйшей іезуитской реакціи; онъ распинался за него во время знаменитаго попечительства въ Казани, восхваляя въ извѣстномъ донесеніи въ Петербургъ свои подвиги и противопоставляя ложному просвѣщенію европейскому правильное просвѣщеніе *казанское*. Точка зрѣнія Жуковскаго была идеалистически-консервативная, и мы отдаемъ ей всякое уваженіе, потому что у него это было искреннее убѣжденіе и соединялось съ чистымъ личнымъ характеромъ,—онъ лично, несомнѣнно, не присоединилъ бы своего голоса къ какому-нибудь грубымъ примѣненіямъ подобнаго взгляда; но во что превращалась эта точка зрѣнія въ устахъ и въ рукахъ множества „консерваторовъ“! Сколько разъ они предлагали русскому обществу вмѣсто дѣйствительной науки казанское просвѣщеніе! Биографъ мало обратилъ вниманія на то, что самъ Жуковскій въ концѣ жизни, какъ объясняетъ д-ръ Зейдлицъ, поддавался вліянію нѣмецкаго пи-

этизма, который вовсе не представлялъ здравого направленія. Гоголь, подъ вліяніемъ подобнаго настроенія, пришелъ къ отрицанію своей собственной жизненной дѣятельности и съ самонадѣянной нетерпимостью проповѣдывалъ открытый обскурантизмъ,—забывая, что все его право на вниманіе русскаго общества заключалось въ тѣхъ самыхъ произведеніяхъ, отъ которыхъ онъ теперь отрекался, и только въ нихъ. Къ чему пришло сочувственное Жуковскому славянофильство въ наши дни, достаточно извѣстно; продолжая будто бы ту же идеалистическую преданность русскимъ національнымъ началамъ и самобытному просвѣщенію, хвастаясь преданіями стараго славянофильства, на дѣлѣ оно проповѣдуетъ весьма беззащитный обскурантизмъ. По обстоятельствамъ времени и по положенію, которое было весьма исключительное, Жуковскому не приходилось не только участвовать, но даже близко видѣть ту борьбу за свое существованіе, какую нашей литературѣ пришлось выносить особливо съ половины тридцатыхъ годовъ; онъ могъ довольствоваться отвлеченностями (на подобіе тѣхъ, какія носили тогда названіе „прекраснодушія“);—онъ существенно важенъ для опредѣленія его личнаго и литературнаго характера, но историкъ только съ большой осмотрительностью можетъ дѣлать изъ нихъ заключенія къ вопросамъ позднѣйшаго времени, гораздо болѣе труднымъ и тревожнымъ.

—Статьи для публики по вопросамъ историческимъ, политическимъ, общественнымъ, философскимъ и проч. В. И. Модестова. Томъ I. Спб. 1883.

Это—сборникъ статей г. Модестова, напечатанныхъ имъ въ періодическихъ изданіяхъ за послѣдніе годы; отмѣтка „для публики“ прибавлена, чтобы отличить ихъ отъ сочиненій, назначавшихся авторомъ „для ученыхъ“ или для школы. Изъ предисловія оказывается, что г. Модестовъ началъ писать въ журналахъ еще съ 1858, но въ настоящій сборникъ назначаются только статьи, писанныя за послѣдніе годы. „Статей этихъ (т.е. новѣйшихъ),—говоритъ г. Модестовъ, —накопилось такъ много, что онѣ могутъ составить нѣсколько томовъ, сами по себѣ, независимо отъ плодовъ моей предъидущей дѣятельности. Но при этомъ исключаются еще *цѣлая сотня* передовыхъ статей, писанныхъ для „Голоса“ по преимуществу по разнымъ вопросамъ иностранной политики, начиная съ лѣта 1878 года и кончая половиной іюля 1882 года, когда прекратилось мое сотрудничество въ этой газетѣ“... Но авторъ отобралъ въ сборникъ изъ напечатаннаго въ газетахъ лишь то, что имѣло болѣе или менѣе цѣльный характеръ.

Въ первый томъ вошли разнообразныя статьи: по философской исторіи („Законы исторіи“, по книгѣ Бенлѣва); по классической древности („Маркъ Аврелій и новая религія“, по поводу книги Ренана); по новѣйшей исторіи (статья по исторіи французской цензуры, на основаніи книги Вельшингера; статья о недавнемъ львовскомъ процессѣ); наконецъ, нѣсколько статей по современнымъ русскимъ вопросамъ.

Историческія статьи г. Модестова могутъ служить полезнымъ и занимательнымъ чтеніемъ для публики; кромѣ научнаго объясненія предметовъ, о которыхъ говоритъ авторъ, читатель встрѣтитъ въ этихъ статьяхъ и здоровое, съ достоинствомъ высказанное пониманіе и защиту интересовъ просвѣщенія, которые въ наше время все больше не только забываются, но становятся предметомъ глумленія и оскорбленій (см. въ книгѣ стр. 100, 140—142 и друг.). Въ томъ же смыслѣ написаны статьи о нашей средней школѣ и объ университетскомъ вопросѣ; авторъ съ жаромъ защищаетъ необходимость серьезной заботы о школѣ, особенно объ университетѣ, разбираетъ различныя подробности ихъ современнаго положенія, дѣлаетъ не мало полезныхъ замѣчаній о томъ, что могло бы быть сдѣлано для ихъ успѣха; въ нынѣшнемъ университетскомъ вопросѣ, который возникъ еще съ половины семидесятыхъ годовъ и стоитъ теперь наканунѣ неизвѣстнаго рѣшенія, авторъ является сторонникомъ дѣйствительныхъ интересовъ университетской науки и, хотя находитъ извѣстныя недостатки въ существующемъ устройствѣ профессорской коллегіи, остается убѣжденнымъ защитникомъ университетской автономіи, въ смыслѣ нынѣшняго устава, а не новаго проекта. Статью объ университетскомъ вопросѣ полезно было бы прочесть тѣмъ, кого интересуютъ, напримѣръ, идущее нынѣ дѣло объ измѣненіи университетскаго устава, полезно было бы прочесть и нѣкоторымъ изъ членовъ профессорской коллегіи, которые — судя по фактамъ, сообщаемымъ въ статьѣ г. Модестова, и другимъ, проникшимъ въ печать — къ сожалѣнію не только иногда не понимаютъ своихъ обязанностей къ наукѣ, но прямо унижаютъ ея достоинство, дѣлая ее средствомъ аферы или даже поприщемъ полицейскаго сыска, — потому что бывали примѣры и этого послѣдняго свойства.

Но если въ вопросахъ школы и высшаго образованія мы встрѣтили въ сужденіяхъ г. Модестова много справедливаго и хорошо сказаннаго, то въ другихъ случаяхъ съ его взглядами согласиться трудно. Напримѣръ. Въ его книгѣ есть статья о Скобелевѣ. Г. Модестовъ отнесся, какъ и естественно, съ величайшимъ сочувствіемъ къ его подвигамъ и славѣ, хотя не впалъ въ тотъ панегирикъ, который превозносилъ въ Скобелевѣ не только война, но и національнаго

политика. Г. Модестовъ считаетъ воинственные вызовы Скобелева въ извѣстныхъ рѣчахъ — ошибкой, но разсуждаетъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ:

„...Понятно само собой,—говоритъ онъ,—что мы не можемъ одобрять опаснаго шага, сдѣланнаго нашимъ героемъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, шага, взволновавшаго Европу и грозившаго намъ большими непріятностями. Но мы его понимаемъ. Скобелевъ видѣлъ, какъ тяжело внутреннее состояніе Россіи, видѣлъ и то, какъ съ каждымъ годомъ убываетъ наше государственное могущество и международное значеніе. Онъ понималъ, что нашъ государственный организмъ пораженъ болѣзнію, отъ которой нужно лечиться самыми энергическими средствами. Ближайшею причиной этой болѣзни, по крайней мѣрѣ поводомъ, послужившимъ къ [отягченію нашего внутренняго положенія и къ ослабленію внѣшняго могущества, былъ берлинскій трактатъ. Трактатъ этотъ онъ считалъ совершенно вѣрно позоромъ для Россіи и неизбѣжнымъ условіемъ нашего паденія. Восточный вопросъ, сводящійся ближайшимъ образомъ къ вопросу о нашемъ владѣніи Босфоромъ и Дарданеллами, не только не рѣшенъ, но благодаря берлинскому трактату, почти совсѣмъ ушелъ изъ нашихъ рукъ. Нужно дѣйствовать, пока еще не ушло время... Но есть врагъ, который мѣшаетъ каждому (?) нашему шагу на пути къ національному величію, который мѣшалъ прежде, будетъ мѣшать и впредь. Врагъ этотъ—нѣмецъ въ Германіи и Австріи. Онъ врагъ не только Россіи, но и всего славянства. Поэтому съ нимъ у насъ борьба не минуема“... и т. д. „Такъ, повидному, разсуждалъ усопшій теперь герой, когда рѣшился выступить съ своими рѣчами, надѣлавшими столько шума и, безспорно, повредившими его громкому имени“. Но чѣмъ же рѣчи повредили? По мнѣнію г. Модестова—во-первыхъ, тѣмъ, что „возвѣщая свои патріотическія думы и чувства онъ дѣлалъ это въ такихъ формахъ и выраженіяхъ, что являлся какъ бы органомъ, если не прямо орудіемъ такъ называемой славянофильской партіи, узкой и крайне несимпатичной по своимъ началамъ и стремленіямъ для каждаго образованнаго человѣка“; и, во-вторыхъ, тѣмъ, что „высказывалъ на весь міръ, какъ бы отъ лица русскаго народа, такіа чувства и мысли относительно сосѣднихъ державъ, которыя всего благоразумнѣе было бы до времени хранить *про себя*... Какой же благоразумный политическій дѣятель станетъ громко предупреждать національнаго врага о томъ, что его ненавидятъ, что онъ долженъ ожидать нападенія?“ (стр. 223—224). Послѣ только Скобелевъ, кажется, понялъ свою ошибку.

Такимъ образомъ г. Модестовъ, осуждая форму и безвременность заявленій „на весь міръ“ Скобелева, по существу совершенно согла-

сень съ ними. Но бѣда была не только въ томъ, что Скобелевъ (какъ это видно и г. Модестову) сдѣлалъ грубую ошибку, „накинувшись ни съ того ни съ сего, по рецепту славянофильской клики, на русское образованное общество, и безъ того принужденное выдерживать тяжелую борьбу съ невѣжествомъ и политическимъ шарлатанствомъ противниковъ его законныхъ стремленій“,—но и въ томъ, что самая мысль искать причины нашихъ внутреннихъ, органическихъ, бѣдствій въ берлинскомъ трактатѣ, была мысль не только фальшивая, но и зловредная. Было или просто тупоумно, или лицемерно утверждать, что вся бѣда наша была въ берлинскомъ конгрессѣ; увы, наши разнообразныя бѣды—упадокъ народнаго благосостоянія, тяжелое положеніе просвѣщенія, паденіе общественной и административной честности (выразившееся въ эпидемическомъ хищеніи), наконецъ, крамола и т. д.—все это существовало гораздо раньше берлинскаго конгресса; ссылаться на него значило лишь отводить глаза, т.-е. желать обманывать общество. Что такое самый берлинскій договоръ,—объ этомъ опять лицемерно остерегались разсуждать его противники; а онъ вѣдь не былъ намъ навязанъ послѣ какого-нибудь пораженія, — онъ былъ принятъ добровольно, по мирному соглашенію; гдѣ же причина возможности этого факта? Искать поправки внутреннихъ бѣдъ въ авантюристской войнѣ, — потому что такой войной была бы внезапная война противъ „тѣмца“, къ которой по общимъ отзывамъ мы вовсе еще не приготовлены, особенно послѣ войны только-что кончившейся,—искать этого было бы только повтореніемъ заносчивости, съ которой Франція начинала свою послѣднюю войну, когда Наполеонъ III схватился за нее какъ за послѣдній фокусъ для своего спасенія. Отъ внутреннихъ бѣдствій государство излечивается не политикою приключеній, а честной и ревностной заботой объ успѣхахъ народной и общественной жизни, трудомъ матеріальнымъ и нравственнымъ, просвѣщеніемъ, развитіемъ общественнаго чувства, самостоятельности и самосознанія.

Быть можетъ, еще хуже было то, что въ своихъ рѣчахъ Скобелевъ „накинулся, по рецепту славянофильской клики, на русское образованное общество“. Одну ошибку еще можно кое-какъ понять: Скобелевъ былъ военный человѣкъ, и ему болѣе искренно, чѣмъ кабинетнымъ политикамъ, могла представляться въ привлекательномъ свѣтѣ мысль о войнѣ, конечно, побѣдоносной, и ея благотѣльныхъ политическихъ послѣдствіяхъ; но его походъ противъ образованнаго общества—сдѣланный въ угоду шарлатанамъ и обскурантамъ—показываетъ къ сожалѣнію, что онъ былъ дѣйствительно равнодушенъ къ русскому просвѣщенію: какъ иначе могъ позволить себѣ эти выходы человѣкъ, знавшій, что на его слова обращается вни-

маніе общества, затѣмъ и говорившій эти слова? — Эта „ошибка“ была фатальная.

Нельзя согласиться съ авторомъ и въ его разсужденіяхъ о „провинціализмѣ въ политикѣ“ и „львовскомъ процессѣ“, гдѣ онъ говоритъ о галицко-русскомъ движеніи и опредѣляетъ русское украиннофильство. И здѣсь г. Модестовъ и видитъ, и не видитъ дѣйствительное положеніе вещей. Ему случилось бывать въ Львовѣ и видѣть трудное положеніе галицко-русской народности, которое дѣйствительно трудно; онъ съ негодованіемъ говоритъ о львовскомъ процессѣ, какъ фактѣ несправедливаго притѣсненія этой народности, и при этомъ негодуетъ и на русское общество, холодное въ угнетенію своихъ единоплеменниковъ; всѣми сочувствіями г. Модестова пользуется та галицкая партія, которая была особенно вовлечена въ процессъ. Все это прекрасно, но отношенія галицкихъ партій, такъ-называемой москвофильской и народнической или украиннофильской, не совсѣмъ таковы, или совсѣмъ не таковы, какъ это представляется г. Модестову, — и онъ могъ бы въ этомъ убѣдиться, сличивъ ихъ писанія, и, напр., обративши вниманіе на отзывъ о процессѣ львовской газеты „Дѣло“ (приведенный, между прочимъ, въ статьѣ о львовскомъ процессѣ въ „В. Евр.“). Далѣе, статья „провинціализмъ въ политикѣ“ посвящена опроверженію и обличенію русскаго украиннофильства. „Вообще, — восклицаетъ г. Модестовъ, — мы не знаемъ *на счетъ* (II) ни одной политической партіи (?), которая была бы болѣе искусственна и безпочвенна, чѣмъ партія украиннофильская“ (стр. 205). Гдѣ находится у насъ такая „политическая партія“, мы рѣшительно недоумѣваемъ; есть извѣстный оттѣнокъ мнѣній, называемыхъ украиннофильскими; есть лица, пишущія или точнѣе писавшія прежде въ этомъ смыслѣ въ нашей литературѣ; есть отдѣльные примѣры преувеличенія мѣстнаго патріотизма, — но отъ этого еще очень далеко до „политической партіи“. А что „украиннофильство“ могло имѣть „почву“, это потрудился доказать самъ авторъ нѣсколько выше (стр. 196, 197, и др.), и удивительно, что черезъ нѣсколько страницъ онъ уже затерялъ эту, имъ самимъ отысканную, почву. По его собственнымъ словамъ, „вопросъ, о которомъ мы теперь бесѣдуемъ съ читателями, чрезвычайно щекотливъ и запутавъ“ (стр. 199), — что совершенно справедливо, — и оттого со стороны критика добросовѣстнаго, какого мы и ожидаемъ видѣть въ авторѣ, требовалась бы особенная внимательность въ разборѣ предмета; но, какъ мы видѣли, щекотливость и запутанность вопроса не удержали автора отъ категорическаго, и безъапелляціоннаго послѣдшаго приговора. Украиннофильство, которое г. Модестовъ возвелъ съ легкимъ сердцемъ въ „политическую партію“, еще никогда въ нашей литературѣ не изложило своей „политиче-

ской программы", и то, что извлекъ г. Модестовъ изъ разговоровъ съ своими пріятелями украиннофильскаго направленія, сюда вовсе нейдетъ. Съ другой стороны очень извѣстно, что въ литературныхъ взглядахъ украиннофиловъ есть оттѣнки, весьма не сходные между собою, и, напр., тотъ, который не разъ былъ излагаетъ г. Костомаровымъ, едва ли можетъ вызвать какое-нибудь разумное противорѣчіе. Ссылка на „національную безтактность“ (стр. 167) невѣрна, кромѣ того, что безтактна. Брать въ помощь своимъ мнѣніямъ „недавнія выраженія г. Кулиша“ (стр. 204) мы бы также не посовѣтовали, потому что недавнія литературныя дѣянія г. Кулиша—не такого рода, чтобы они внушали сочувствіе, съ какой хотите точки зрѣнія.—Мы не сомнѣваемся въ добрыхъ намѣреніяхъ г. Модестова, но ему не мѣшало бы, кажется, остеречься отъ „рецепта славянофильской клики“.—Н.

ЗАМѢТКА.

НАШИ СТАТИСТИЧЕСКІЯ РАБОТЫ ПО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЮ.

— Статистика поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ европейской Россіи. Губерніи литовской и бѣлорусской группъ. Спб. 1882.

Мы уже имѣли случай говорить о работахъ Центральнаго статистическаго комитета по „статистикѣ поземельной собственности“, когда вышли первые два выпуска этой статистики, посвященные четырнадцать великорусскимъ губерніямъ ¹⁾. Недавно появился третій выпускъ, заключающій въ себѣ данныя относительно литовской и бѣлорусской областей. Въ виду особеннаго интереса, на который имѣетъ право поземельная статистика въ нашемъ земледѣльческомъ государствѣ, считаемъ не лишнимъ познакомить читателей и съ новою работою Центральнаго статистическаго комитета, тѣмъ болѣе, что область, къ которой эта работа относится, представляетъ нѣкоторыя любопытныя и своеобразныя черты землевладѣнія.

Разсматриваемый выпускъ относится къ 7 губерніямъ: виленской, ковенской, гродненской, витебской, могилевской, минской и смоленской. Первые три представляютъ литовскую группу, а слѣдующія три, и отчасти смоленская—бѣлорусскую.

Такимъ образомъ, до настоящаго времени вышедшіе труды по поземельной статистикѣ охватили уже 21 губернію, т.е. огромную часть государства. Приобрѣтеніе довольно важное; однако нельзя не пожалѣть о медленности изданія этихъ трудовъ. Данныя для нихъ собирались пять лѣтъ тому назадъ, а слѣдовательно, при подобномъ замедленіи, статистика многихъ губерній явится довольно запоздалою; если такъ пойдетъ и дальше, то послѣдніе выпуски будутъ знакомить насъ съ положеніемъ, бывшимъ лѣтъ десять назадъ, которое можетъ во многомъ не походить на современное изданіе. Желательно встрѣтить болѣе свѣжія свѣдѣнія, желательно и періодическое повтореніе собранія данныхъ, которое давало бы возможность слѣдить за совершающимися въ фазіономіи землевладѣнія перемѣнами.

Другое замѣчаніе можетъ относиться къ самому выбору губерній,

¹⁾ См. ноябрь, 1880 г., 317 стр.

по которымъ данныя опубликовываются сравнительно раньше, то-есть, въ порядку, въ которомъ слѣдуетъ опубликованіе данныхъ. Интересъ поземельной статистики—преимущественно экономическій. Слѣдовательно и публиковать скорѣе слѣдуетъ тѣ данныя, которыя представляются наиболѣе любопытными въ экономическомъ отношеніи. Когда дѣло идетъ о землѣ, всего интереснѣе знакомиться съ тѣми мѣстностями, гдѣ земледѣліе—главнѣйшій промыселъ населенія, гдѣ владѣніе землею имѣетъ наибольшее экономическое значеніе. Вопросъ—владѣть ли человекъ одною или пятью десятинами—гораздо важнѣе тамъ, гдѣ люди кормятся только отъ земли, и гдѣ земля очень цѣнна, нежели тамъ, гдѣ люди живутъ на половину на счетъ другихъ промысловъ, гдѣ достоинство земли слишкомъ разнообразно и вообще низко. Выгоды владѣнія и пятью курскими десятинами можно представить себѣ очень ясно, но что значать пять десятинъ гдѣ-нибудь въ Полѣсьѣ, гдѣ есть и хорошія пространства, и пустыри, и болота—на это отвѣтить гораздо труднѣе. При изданіи перваго выпуска „Поземельной статистики“ выборъ губерній сдѣланъ былъ очень удачно (центральная черноземная полоса); но второй коснулся уже московской *промышленной* области, а третій—бесплодной Бѣлоруссіи, между тѣмъ какъ плодородная и интересная по мѣстнымъ особенностямъ Малороссія и Новороссійскій край остаются на заднемъ планѣ.

Перейдемъ, однако, къ лежащей предъ нами книгѣ и посмотримъ, что въ ней наиболѣе любопытнаго.

Физіономія землевладѣнія въ литовской и бѣлорусской областяхъ сложилась подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій, болѣею частію совершенно отличныхъ отъ условій великорусскихъ губерній. Весьма важнымъ факторомъ въ образованіи этой физіономіи была крестьянская реформа, а она, какъ извѣстно, осуществлялась не одинаковыми приемами. Въ великороссійскихъ губерніяхъ крестьяне устраивались, главнымъ образомъ, на основаніи первоначальныхъ положеній 19 февраля, мѣстными помѣщиками,—что имѣло свои послѣдствія; а въ Литвѣ и Бѣлоруссіи къ крестьянской реформѣ примѣшивался еще политическій элементъ—что также имѣло свои послѣдствія, да еще очень разнообразныя, такъ какъ, независимо отъ существенныхъ законодательныхъ добавокъ, дѣло вели смѣнявшіе другъ друга администраторы, изъ которыхъ каждый имѣлъ свою систему, свои вкусы, симпатіи и антипатіи. Литва и Бѣлоруссія входятъ въ составъ такъ называемаго сѣверо-западнаго края, гдѣ въ началѣ руководили крестьянскимъ дѣломъ генералы Муравьевъ и Кауфманъ, тянувшіе, изъ политическихъ соображеній, на сторону крестьянъ, а потомъ генералъ Потаповъ, круто измѣнившій систему и начавшій

передѣлку на помѣщичій ладъ. Такимъ образомъ, въ области, къ которой относится разсматриваемое изданіе, дѣйствовали три системы: въ Литвѣ и Бѣлоруссіи—преимущественно Муравьевско-Кауфманская, и затѣмъ Потаповская, а въ смоленской губерніи—общая великорусскимъ губерніямъ система устройства крестьянъ помѣщиками. Поэтому здѣсь мы встрѣчаемся съ послѣдствіями различныхъ системъ и получаемъ возможность сравненія этихъ послѣдствій.

Особенность литовской и бѣлорусской областей представляетъ сравнительно меньшій процентъ крестьянскихъ и сравнительно большій процентъ помѣщичьихъ земель, чѣмъ въ центральной черноземной и промышленной областяхъ. Такъ, въ общей массѣ землевладѣнія крестьянскія земли составляютъ:

Въ виленской, ковенской и гродненской губерніяхъ (литовскихъ)	43%
„ минской, витебской и моголевской (бѣлорусскихъ)	32%
„ смоленской	45%
„ центральной черноземной полосѣ	50%
„ московской промышленной области	58%

Такимъ образомъ, въ Литвѣ и Бѣлоруссіи помѣщичье землевладѣніе кажется сильнѣе, чѣмъ въ великорусскихъ губерніяхъ. „Замѣчательно—говоритъ по этому поводу составитель обзора статистическихъ данныхъ (П. П. Семеновъ)—что въ литовской области, не смотря на то, что за крестьянами были удержаны всѣ ихъ надѣлы по инвентарямъ и никакихъ отрѣзовъ допущено не было—земли личной собственности превосходятъ земли крестьянскаго надѣла, тогда какъ, наоборотъ, въ центральной земледѣльческой и даже въ московской промышленной областяхъ земли крестьянскаго надѣла превосходятъ владѣльческія земли.“

Но, разумѣется, въ неплодородныхъ мѣстностяхъ подобное явленіе имѣетъ совсѣмъ не то значеніе, какъ въ плодородныхъ. Валовыя цифры еще не опредѣляютъ сравнительной цѣнности землевладѣнія. Сто десятинъ болота не стобѣтъ пяти десятинъ пашни. И вотъ, если обратиться собственно къ воздѣлываемымъ, пахотнымъ землямъ—выводъ получается нѣсколько иной. Изъ общаго количества пахотныхъ земель въ разсматриваемыхъ областяхъ приходится на долю крестьянъ:

Въ литовскихъ губерніяхъ	65%
„ бѣлорусскихъ	69%
„ смоленской	82%
„ центральной черноземной полосѣ	70%
„ московской промышленной области	88%

Итакъ, рѣзкость отличія противъ великорусскихъ губерній здѣсь уже нѣсколько сглаживается, но все же крестьянское землевладѣніе въ Литвѣ и Бѣлоруссіи оказывается слабѣе.

Личная поземельная собственность въ разсматриваемой области оказывается болѣе крупною, чѣмъ въ великорусскихъ губерніяхъ. На одного собственника приходится въ литовской области 149 десятинъ, а въ бѣлорусской 272, тогда какъ въ центральной черноземной полосѣ 123, а въ промышленной—только 86 десятинъ. И количество земли подъ крупною собственностью въ Литвѣ и Бѣлоруссіи также представляетъ сравнительно болѣе большой процентъ, причемъ особенно выдается минская губернія, гдѣ у помѣщиковъ, владѣющихъ болѣе, чѣмъ 5 тысячами десятинъ, оказывается 63% всей личной поземельной собственности.

Другое отличіе литовско-бѣлорусской личной собственности—ея почти исключительно дворянскій характеръ. Въ то время, какъ въ великорусскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ нерѣдко жалуются на значительный переходъ земель отъ дворянъ въ недворянамъ, преимущественно купцамъ,—въ Литвѣ и Бѣлоруссіи обращаетъ на себя вниманіе противоположный фактъ: личное землевладѣніе не выходитъ изъ дворянскихъ рукъ и купеческая собственность ничтожна. Вотъ сравнительныя данныя:

Изъ общаго количества личной собственности принадлежить:

	Дворянамъ:	Купцамъ:
Въ литовской обл.	92%	1%
„ бѣлорусской обл.	88	6
„ центр. черноземной	80	11
„ моск. промышленной	69	15

„Не смотря на событія начала 60-хъ годовъ, — замѣчаетъ по этому поводу П. П. Семеновъ, — дворянство въ литовской области удержало за собою почти всю бывшую въ пользованіи владѣльческихъ экономій землю, и даже въ бѣлорусскихъ губерніяхъ очень малая доля этихъ земель перешла въ руки купечества и крестьянъ“. Впрочемъ, здѣсь нельзя не принять во вниманіе того, что въ западныхъ губерніяхъ купечество представляется преимущественно евреями, а евреямъ покупать земли запрещено.

Государственныхъ земель въ разсматриваемыхъ областяхъ нѣсколько больше, чѣмъ въ центральной черноземной области, но менѣе, чѣмъ въ московской промышленной области. Именно, въ литовской области—11% общаго количества земли, въ Бѣлоруссіи 8½%, и въ смоленской 1½%; но въ составѣ казенныхъ земель, пашень еще меньше, чѣмъ у прочихъ владѣльцевъ—только около 2%. Вообще у насъ выходитъ такъ, что казенныхъ земель больше тамъ, гдѣ земли похуже, и ихъ почти вовсе нѣтъ въ наиболѣе плодородныхъ губерніяхъ.

Одною изъ главныхъ особенностей крестьянскаго землевладѣнія

слѣдуетъ назвать то, что какъ въ Литвѣ и Бѣлоруссiи, такъ и въ смоленской губерніи довольно малозначительно число мелкихъ крестьянскихъ надѣловъ, которые поражаютъ своею численностью въ черноземныхъ мѣстностяхъ. Надѣлы относительно крупнѣе—въ Литвѣ и Бѣлоруссiи. Это объясняется тѣмъ, что тамъ крестьянское устройство дѣлалось на особыхъ основанiяхъ и не помѣщиками, а въ смоленской губерніи—малою стоимостью земли. Гдѣ земля похуже—тамъ ея меньше жалѣли для крестьянъ; а гдѣ она цѣнна,—тамъ выходило совсѣмъ иное. Бывшіе крѣпостные крестьяне, получившіе не болѣе 1 десятины, представляютъ въ литовской области только $\frac{1}{3}\%$ общаго числа крестьянъ этой категорiи, въ Бѣлоруссiи—около $\frac{1}{6}\%$, и въ смоленской губерніи— $\frac{1}{10}\%$; а отъ 1 до 2 десятинъ: въ Литвѣ—4%, а въ Бѣлоруссiи и смоленской губерніи—1%. Во всѣхъ семи губерніяхъ, бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, имѣющихъ не болѣе 2 десятинъ на душу—около 36 тысячъ душъ, тогда какъ, напримѣръ, въ 8 только черноземныхъ губерніяхъ—ихъ 513 тысячъ душъ! Въ процентномъ выводѣ, относительно всего бывшаго крѣпостного населенiя, владѣльцы 2 десятинъ и меньше на душу составляютъ:

	Имѣющие 1 дес. и меньше:	Имѣющие отъ 1 до 2 дес.:	Всего:
Въ литовской области	0,3%	4,1%	4,4%
„ бѣлорус. и смоленск. губ. . .	0,2	0,9	1,1
„ моск. пром. области	2,3	6,3	8,6
„ центр. Черноземн. области.	8,1	12,8	20,9

Это сравненіе очень краснорѣчиво. Различіе приемовъ крестьянскаго устройства здѣсь сказывается довольно рѣзко.

Но цифровая величина надѣла не вездѣ говоритъ одно и то же, и въ мѣстностяхъ скудныхъ всего труднѣе, по размѣру надѣла, заключить о степени благопріятности крестьянскаго устройства. Десятина десятинъ ровнъ, и даже пашня пашинъ ровнъ, почему съ особенною осторожностью слѣдуетъ относиться къ сравненію количествъ даже пахотныхъ десятинъ. Вотъ почему мы воздержимся отъ положительныхъ заключенiй о значенiи размѣра надѣловъ въ Литвѣ и особенно въ Бѣлоруссiи. Но къ счастью у насъ отыскивается еще другое мѣрило. Мы знаемъ, что въ этихъ областяхъ вообще прилагалось гораздо больше старанiя о лучшемъ устройствѣ крестьянъ, чѣмъ въ великорусскихъ губерніяхъ, и что это выразилось не только въ размѣрѣ надѣла, но и въ недопущенiи отрѣзовъ, въ уменьшенiи повинностей, въ предоставленiи крестьянамъ пастбищъ и т. под. Совокупность этихъ условiй создавала общее благотворное для крестьянъ вліяніе, и результаты его не замедлили сказаться въ при-

ростъ населенія. Когда мы впервые встрѣтились съ данными объ этомъ приростѣ и о размѣрѣ надѣловъ въ черноземной полосѣ, мы были поражены тою правильностью, съ которою размѣръ прироста слѣдовалъ за размѣромъ надѣла. Чѣмъ больше у мужаика земли — тѣмъ больше приростъ населенія, и чѣмъ меньше земли — тѣмъ меньше этотъ приростъ. Тутъ цѣлая восемь губерній разомъ свидѣтельствовали, что размѣръ надѣла — огромное условіе благосостоянія. Вышла потомъ статистика промышленной области, и хотя въ послѣдней земля похуже, но здѣсь выступила точно такая же зависимость прироста отъ надѣла, только въ слабѣйшей степени. Тогда предъ нами было уже свидѣтельство четырнадцати губерній. Теперь мы имѣемъ полное основаніе приложить то же мѣрило (приростъ населенія) и къ вопросу объ улучшеніи благосостоянія Литвы и Бѣлоруссіи отъ примѣненныхъ къ нимъ способовъ крестьянской реформы. И мы получимъ поражающіе выводы; вотъ каковъ оказывается приростъ населенія за 20 лѣтъ въ обследованныхъ областяхъ у бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ:

Въ литовской области. . . .	31,7%
„ бѣлорусской (съ смол. губ.).	27,1
„ централн. черноземной .	19,2
„ моск. промышленной . . .	10,4

То-есть, въ Литвѣ и Бѣлоруссіи оказывается высшій приростъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было!

И это тѣмъ болѣе замѣчательно, что тѣ же самыя двѣ области, до-крестьянской реформы, были настолько неблагополучнымъ краемъ, что населеніе въ нихъ постоянно *уменьшалось*, а не увеличивалось. Въ Литвѣ, въ 1835 году, числилось крѣпостныхъ 573 тысячи душъ, въ 1851 году — 566 тысячъ, и въ 1859 году — 544 тысячи; а въ Бѣлоруссіи и смоленской губерніи: въ 1835 году 1.210,000, въ 1851 году — 1.169,000, и въ 1859 году — 1.152,000 душъ. Населеніе прогрессивно уменьшалось, и вдругъ послѣ крестьянской реформы стало расти быстрѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, и выросло за 20 лѣтъ на цѣлую третью!

Не менѣе интересно сравненіе смоленской губерніи съ Бѣлоруссіею, такъ какъ въ смоленской губерніи дѣйствовали общіе для Вѣлоруссіи приемы крестьянскаго устройства. Въ то время, какъ въ витебской губерніи населеніе увеличилось на 35,3%, въ минской на 34%, а въ моголевской на 33,6%, въ смоленской — цифра его поднялась едва на 10,7%, то-есть, слишкомъ *втрое меньше*. Краснорѣчивое сравненіе! Имъ мы и закончимъ нашъ краткій обзоръ.

Ө. Воропоновъ.

НЕКРОЛОГЪ.

П. И. Мельниковъ.

† 1-го февраля 1883.

Въ послѣдніе мѣсяцы смерть унесла не мало дѣятелей русской литературы и науки; въ массѣ публики особенно извѣстно было имя Мельникова, еще съ пятидесятихъ годовъ обратившаго на себя вниманіе разсказами изъ народнаго быта и въ послѣдніе годы обновившаго свою популярность книгами: „Въ лѣсахъ“ и „Въ горахъ“.

Павель Ивановичъ Мельниковъ, сынъ мелкопомѣстнаго помѣщика нижегородской губерніи, родился 22 октября 1819 г. Отецъ его служилъ по выборамъ въ уѣздномъ городѣ Семеновѣ, и Мельниковъ провелъ здѣсь дѣтскіе годы, вблизи народнаго и раскольниковъ быта; эти раннія впечатлѣнія помогли потомъ его позднѣйшему изученію народной жизни. До одиннадцати лѣтъ онъ учился дома, подъ руководствомъ умной матери, которая познакомила его, еще мальчикомъ, съ Пушкинымъ и Жуковскимъ. Затѣмъ онъ поступилъ въ гимназію въ Нижнемъ-Новгородѣ; черезъ четыре года онъ перешелъ въ казанскій университетъ, гдѣ и кончилъ курсъ (по тогдашнему трехлѣтній) кандидатомъ по словесному факультету. Вскорѣ по окончаніи курса Мельниковъ поступилъ на службу учителемъ исторіи и словесности въ пермской гимназіи, а въ 1839 перешелъ въ гимназію нижегородскую, гдѣ и оставался до 1846.

Въ эти годы Мельниковъ началъ уже свои этнографическія и историческія изученія въ пермскомъ, и послѣ—нижегородскомъ краѣ. Нѣсколько его статей по мѣстной исторіи и этнографіи, помѣщенные въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (съ 1839), уже съ тѣхъ поръ обратили на себя вниманіе богатствомъ свѣдѣній и живостью разсказа. Въ 1845—50 годахъ, Мельниковъ былъ редакторомъ мѣстныхъ „Губернскихъ вѣдомостей“, гдѣ помѣщено опять много его мѣстныхъ розысканій, и состоялъ при губернаторѣ. Его репутація ученаго чиновника дошла до Петербурга, и въ 1850 тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Л. А. Перовскій, причислилъ его къ министерству чиновникомъ особыхъ порученій, — въ этомъ качествѣ онъ состоялъ потомъ при Бибиковѣ, гр. Ланскомъ, П. А. Валуевѣ и А. Е. Тинашевѣ.

Въ пятидесятихъ годахъ, литературная дѣятельность Мельникова направилась въ новую область. Даль, съ которымъ онъ сдружился

еще въ Нижнемѣ, убѣдилъ его попробовать свои силы въ беллетристикѣ. Мельниковъ выступилъ въ „Москвитянинѣ“ 1852 г. съ разсказомъ „Красильниковъ“, подъ псевдонимомъ Печерскаго (отъ Печерской улицы въ Нижнемѣ, гдѣ онъ жилъ). Это было въ ту пору, когда нарождалась новая группа беллетристовъ, начинавшая отчасти въ томъ же „Москвитянинѣ“ и затѣмъ переходившая въ петербургскіе журналы, — въ ту пору, когда являлись первые труды Островскаго, Писемскаго, Потѣхина и писателей болѣе скромнаго ранга, какъ Бокоревъ, Дріанскій. Разсказъ Мельникова произвелъ впечатлѣніе въ литературныхъ кругахъ: въ немъ обнаруживалось большое знаніе народнаго быта, выражавшееся безъ усилій и натяжекъ, легкой, свободный языкъ, большая простота. Черезъ нѣкоторый промежутокъ послѣдовали новые разсказы („Поярковъ“, „Старые годы“, „Гриша“, „Медвѣжій уголь“ и пр., являвшіеся болѣею частію въ „Современникѣ“), которые окончательно поставили его въ ряду лучшихъ разсказчиковъ изъ народнаго, между прочимъ раскольниковъ, и провинціального быта.

Въ 1859, онъ началъ издавать газету „Русскій Дневникъ“, которая, впрочемъ, вскорѣ же прекратилась, и затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ принималъ участіе въ „Сѣверной Пчелѣ“, издававшейся тогда г. Усовымъ. Въ шестидесятыхъ годахъ вышло нѣсколько сочиненій его по расколу („Письма о расколѣ“, 1862; „Историческіе очерки Поповщины“, 1864). Наконецъ, онъ переселился въ Москву и печаталъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ свои разсказы: „Въ дѣсахъ“ и „Въ горахъ“, имѣвшіе значительный успѣхъ и любопытные своей этнографической стороной.

Теперь еще не время для полной характеристики Мельникова съ общественно-литературной точки зрѣнія. Дружеская рука г. Усова (въ „Воспоминаніяхъ о Мельниковѣ“) указала личныя достоинства Мельникова и не скрыла недостатковъ, которые не мало помѣшали его таланту принести ту пользу, какую онъ могъ бы принести литературѣ. Какъ этнографъ, Мельниковъ примыкаетъ къ той школѣ, которую раньше его представлялъ Даль, — съ такимъ же знаніемъ вѣшняго народнаго быта и, въ сущности, съ тѣмъ же „чиновническимъ“ отношеніемъ къ существу народной жизни. Особой спеціальностью Мельникова былъ расколъ, — въ объясненіи котораго и самъ онъ считалъ себя нервостепеннымъ авторитетомъ: средствомъ изученія его была въ особенности служба по министерству внутреннихъ дѣлъ, сношенія съ раскольниками въ силу секретныхъ инструкцій и порученій. Ту странную роль въ отношеніи къ народу, какую занималъ въ 40-хъ годахъ въ области раскольниковъ дѣлъ этнографъ Надеждинъ, занималъ и Мельниковъ. Въ тѣ годы, отношеніе администраціи къ

расколу не было особенно благопріятное, и соединеніе этнографическихъ задачъ съ исполненіемъ секретныхъ порученій не могло благопріятствовать не только научному безпристрастію, но даже и просто точности фактовъ. Примѣръ этого былъ указанъ въ послѣднее время въ изобличеніяхъ г. Ореста Новицкаго. Изученія Мельникова складывались въ духъ официальной народности, т.-е. чиновническаго, канцелярскаго отношенія къ народу, — не исключавшаго, какъ и у другихъ писателей этого рода, восторженныхъ восхваленій народности. Въ смыслѣ общественномъ, это должно было приводить къ большимъ ошибкамъ и, напр., публицистическая дѣятельность Мельникова не принадлежитъ къ лучшимъ чертамъ его литературной біографіи. Какъ историкъ, онъ мало замѣчателенъ; ему недоставало правильной научной подготовки. Но его историко-этнографическія сочиненія имѣютъ не малую цѣну по изобилію свѣдѣній. Лучшимъ результатомъ его дѣятельности останутся его труды по расколу и рассказы Андрея Печерскаго.

А. В—нъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е апрѣля, 1883.

Кончина Л. С. Макова.—Воспоминаніе изъ времени его управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.—Открытое письмо г. Лискова.—Жалобы г. Каткова на стѣсненія печати, со стороны администраціи и судебнаго вѣдомства.—По вопросу о способности православной паствы избирать пастырей.

Въ концѣ февраля мѣсяца скончался членъ государственнаго совѣта, статсъ-секретарь, д. т. с. Л. С. Маковъ, отъ огнестрѣльной раны, какъ то было объяснено въ петербургскихъ газетахъ, нанесенной имъ себѣ въ ночь съ 27 на 28 февраля. Лѣтъ десять тому назадъ, въ началѣ 70-хъ годовъ, онъ былъ не болѣе, какъ виднымъ правителемъ канцеляріи при министрѣ внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашевѣ, пройдя предъ тѣмъ въ 60-хъ годахъ, между прочимъ, сѣрьёзную административную школу на гражданской службѣ въ Западномъ краѣ, въ эпоху М. Н. Муравьева. Въ 50-хъ годахъ, онъ служилъ на военномъ поприщѣ, въ уланахъ, вслѣдствіе своего спеціальнаго образованія, завершеннаго имъ, въ 1849 г., въ пажескомъ корпусѣ. Только съ конца 1876 г., Л. С. Маковъ выдвигается въ первый разъ изъ сферъ административныхъ на поприще государственной дѣятельности, сначала въ качествѣ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, потомъ — управляющаго министерствомъ; четыре года тому назадъ, 19 февраля 1879 г., онъ былъ утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ августѣ 1880 г., Л. С. Маковъ, взявъ министерства внутреннихъ дѣлъ, получилъ ненадолго министерство почтъ и телеграфовъ, съ департаментомъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, — утраченное имъ въ началѣ марта 1881 г., съ сохраненіемъ однако участія въ высшемъ государственномъ управленіи, въ качествѣ члена государственнаго совѣта. Только въ началѣ февраля нынѣшняго года, незадолго до своей смерти, онъ возвратился-было къ болѣе самостоятельному дѣлу, гдѣ онъ могъ воспользоваться опытомъ прежней своей практической и административной дѣятельности: Л. С. Маковъ былъ назначенъ предсѣдателемъ особой высшей комиссіи для пересмотра всѣхъ дѣйствующихъ о евреяхъ въ имперіи законовъ; но едва ли онъ имѣлъ и время приступить къ новой своей дѣятельности.

Не повторяемъ ни подробностей его смерти, — причемъ мы должны были бы повторить одни газетныя извѣстія и слухи, а слѣдовательно, повторить вмѣстѣ и возможныя въ частныхъ изданіяхъ ошибки и

неточности, — ни разнообразныя толкованія причинъ этой смерти, которыя могутъ быть выяснены въ томъ или другомъ смыслѣ современемъ, если только справедливъ — опять не болѣе, какъ слухъ о назначеніи вообще ревизіи финансовой дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ въ той именно ея части, которая, будучи самостоятельной, стояла болѣе или менѣе — и скорѣй болѣе, чѣмъ менѣе — внѣ общаго государственнаго контроля, до самаго вступленія въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ гр. М. Т. Лорисъ-Меликова, въ 1880 году, и составляла спеціальную казну этого министерства, стоявшую рядомъ съ объединенною государственною казною всѣхъ вѣдомствъ. Итакъ, оставимъ въ покоѣ настоящее и будущее, и удалимся лучше въ прошедшее, въ наши воспоминанія о времени управленія Л. С. Маковымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и притомъ по предмету болѣе или менѣе намъ близко знакомому, — по дѣламъ печати: время не особенно давнее, но при всемъ томъ вполне своеобразное. На-дняхъ, газета „Недѣля“ сообщила одно изъ своихъ личныхъ воспоминаній; наше — относится вообще къ печати.

4-го апрѣля 1879 г., часовъ въ 11 утра, всѣ редакторы и издатели петербургскихъ газетъ и журналовъ были приглашены въ квартиру новаго министра внутреннихъ дѣлъ. Намъ удалось тогда же услышать подробности этой бесѣды отъ одного изъ присутствовавшихъ на ней; присутствовавшихъ же было очень много, около 30 человѣкъ, и почти всѣ они, здравствуютъ, а потому и мы можемъ, въ случаѣ какой-либо невѣрности въ передачѣ слышаннаго нами, получить поправки со стороны тѣхъ свидѣтелей, которые обладаютъ памятью лучшею нашей. Въ то время, такая личная бесѣда министра съ представителями печати, соединенными вмѣстѣ, была большою новинкой: она послѣ повторилась только одинъ разъ, въ сентябрѣ 1880 г., — если не считать приглашенія всѣхъ редакторовъ петербургскихъ и московскихъ, въ ноябрѣ 1880 г., въ комиссію, подъ предсѣдательствомъ гр. П. А. Валуева, о пересмотрѣ закона о печати 1865 г.; — но въ прежнія времена мы не припомнимъ подобной бесѣды. Впрочемъ, не совсѣмъ было бы правильно называть то собраніе представителей столичной печати у министра внутреннихъ дѣлъ — бесѣдою, такъ какъ занятія собранія собственно ограничились безмолвнымъ выслушаніемъ большой рѣчи Л. С. Макова о тогдашнемъ, по его взгляду, состояніи печати и о средствахъ къ пресѣченію порождаемаго ею зла; эта рѣчь была прервана всего одинъ разъ, — но самимъ же министромъ, сдѣлавшимъ отступленіе по поводу частнаго дѣла.

Наканунѣ этого дня, у одного изъ петербургскихъ редакторовъ

происходило общее совѣщаніе почти всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя на слѣдующій день были приглашены къ министру. Тамъ совѣщались о мѣрахъ къ тому, чтобы разсѣять господствовавшее тогда предубѣжденіе, будто печать виновна во всѣхъ ненормальныхъ и воплотившихся скорбныхъ явленіяхъ, омрачавшихъ общественную жизнь, и будто бы, еслибъ этой печати вовсе не было, то и общественная жизнь сама собой пришла бы въ спокойное состояніе. Собраніе редакторовъ пришло, послѣ долгихъ преній, къ заключенію, что было бы лучше всего избрать изъ среды редакторовъ трехъ или четырехъ, какъ представителей собранія, и просить ихъ на слѣдующій же день обратиться къ министру внутреннѣхъ дѣлъ съ заявленіемъ отъ имени всей столичной печати. Но всѣ члены этого собранія, возвратившись домой, нашли у себя вышеупомянутое приглашеніе министра,—какъ тѣ, которые были на совѣщаніи, такъ и тѣ, которые по той или другой причинѣ не успѣли быть—и такимъ образомъ, въ приемной министра встрѣтились на слѣдующій день утромъ и тѣ, которыхъ уполномочили, и тѣ, кто уполномочивалъ, а также и отсутствовавшіе на совѣщаніи накануне,—однимъ словомъ, почти всѣ до одного изъ редакторовъ петербургскихъ газетъ и журналовъ. Редакторы были немедленно приглашены занять мѣсто вокругъ большого стола, во главѣ котораго помѣстился министр; съ правой руки отъ него сидѣлъ начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, покойный В. В. Григорьевъ, а слѣва—г. Перфильевъ, правитель канцеляріи министра.

Рѣчь Л. С. Макова оказалась,—конечно, совершенно случайно—самымъ яснымъ и опредѣленнымъ отвѣтомъ на вопросъ, занимавшій редакторовъ накануне, о „мѣрахъ“—но только не къ тому, чтобы разсѣять то или другое предубѣжденіе относительно печати, а къ тому, чтобы поставить печать въ такое точное и опредѣленное положеніе, чтобы и самый подозрительный характеръ не могъ даже и подумать, что печать, находясь въ такомъ положеніи, можетъ быть еще въ чемъ-нибудь обвиняема и подозрѣваема, или рассматриваема, какъ источникъ общественныхъ бѣдствій. Рѣчь министра была произнесена ровно за два года до извѣстнаго министерскаго же циркуляра, 6 мая 1881 г., гдѣ указывалось на другіе неистощимые источники нашихъ общественныхъ бѣдствій, а главнымъ образомъ, „на неразборчивость въ выборѣ средствъ и снисходительное отношеніе общества къ незаконнымъ способамъ наживы“, какъ „на обычныя явленія нашего (т.-е. того) времени“... „Нравственная чистота,—говорилось далѣе въ циркулярѣ,—вѣра въ свое дѣло и преданное служеніе должны быть святымъ долгомъ для всѣхъ и каждаго, въ особенности для ближайшихъ слугъ государевыхъ. Хищеніе должно быть пресѣкаемо и преслѣдуемо вездѣ, гдѣ бы оно ни обнаружива-

лось, а виновники его должны нести заслуженную кару". Но въ 1879 г. это обличеніе самого „общества въ снисходительномъ отношеніи къ незаконнымъ способамъ наживы" и къ „хищенію", возмущавшемъ и „нравственную чистоту, и вѣру въ свое дѣло, и въ преданное служеніе"—не было до такой степени извѣстно, ни засвидѣтельствовано оффиціально, а потому всѣ собравшіеся въ кабинетѣ министра должны были выслушивать безъ возраженій, съ своей стороны, обличеніе одной печати, какъ возмущавшей всякую нравственную чистоту, всякую вѣру въ свое дѣло и всякое преданное служеніе. Они не могли тогда отвѣчать министру даже и того, что было легко отвѣтить нашему журналу, правда, уже *post factum*, т.-е., въ маѣ 1881 г., когда появился вышеупомянутый майскій циркуляръ: „Угроза заслуженной кары,—говорилось у насъ тогда, въ отвѣтъ на циркуляръ ¹⁾—и самое осуществленіе этой угрозы не исправить административныхъ нравовъ, точно такъ же, какъ призывъ къ правдѣ и чести не измѣнитъ къ лучшему общественную нравственность. Мы не отрицаемъ силы слова, значенія проповѣди, или увѣщанія; намъ кажется только, что предоставляя полную свободу слову, проповѣди, увѣщанію—и этимъ самымъ способствуя ихъ успѣху—правительство должно дѣйствовать другими средствами, прямо соответствующими его роли. Оно должно работать надъ созданіемъ такихъ внутреннихъ порядковъ, которые благоприятствовали бы развитію хорошихъ сторонъ человѣческой природы, не давали бы пищи ея дурнымъ инстинктамъ, поднимали бы умственный и нравственный уровень народа; оно должно устранять преграды, лежащія на этомъ пути, и стремиться къ тому, чтобы каждый, безъ исключенія, сознавалъ и чувствовалъ живую связь съ государствомъ много дающимъ, но за то много и требующимъ отъ своихъ гражданъ"...

„Считаю необходимымъ, господа,—такъ приблизительно говорилъ Л. С. Маковъ собравшимся около него редакторамъ,—выразить вамъ мою мысль откровенно, прямо, на чистоту. Я имѣю одно дѣло ко всѣмъ вамъ,—другое—касается только нѣкоторыхъ изданій... Господа, надо перестать кокетничать съ печатью. Чѣмъ вы всѣ собственно занимаетесь?—Всѣ вы, хотя и въ разной степени, то между строкъ, то намеками, подрываете правительство и стараетесь набросить тѣнь на ту или другую сторону управленія. Прочтите сами, чтѣ вы пишете: и то дурно, и другое дурно, и все дурно; нигдѣ ничего хорошаго!" Продолжая далѣе развивать свою мысль, Л. С. Маковъ опредѣлялъ главную задачу печати, какъ онъ ее понималъ, а именно, печать должна быть, прежде всего „патріотическою",—и кончилъ

¹⁾ Вѣстникъ Европы", 1880, іюнь, стр. 805.

первую часть рѣчи словами; „Печать должна быть такою, и я вамъ ручаюсь, что она—или будетъ такою, или ея вовсе не будетъ! Съ этой минуты, нѣтъ снисхожденія никому и ничему“.

Затѣмъ, перейдя къ „другому“ дѣлу, Л. С. Маковъ объяснилъ редакторамъ свои недавнія личныя отношенія къ газетѣ „Голосъ“, статьи которой, какъ онъ объявилъ, не разъ просматривались имъ самимъ и исправлялись къ лучшему; онъ иногда доставлялъ газетѣ вѣрные матеріалы, спасалъ ее своевременно отъ опасностей, указывая ложность того или другого извѣстія; но рядомъ съ этимъ, прибавилъ онъ, тамъ появлялись всегда и статьи дурного направленія, такъ что необходимо было дать „Голосу“ два предостереженія (второе было дано, какъ разъ наканунѣ этой бесѣды); однако и это не помогло— „такъ какъ сегодня—прибавилъ Л. С. Маковъ,—виѣсть съ двумя прекрасными статьями, опять явилась ужасная статья“; Л. С. Маковъ, при этомъ, взялъ № „Голоса“ того дня, началъ читать оттуда одно мѣсто вслухъ, и затѣмъ, неожиданно для всѣхъ, прервалъ себя обращеніемъ къ В. В. Григорьеву: „Не могу читать дальше!.. объявите газетѣ третье предостереженіе и закройте ее на шесть мѣсяцевъ“. Повернувшись къ редакторамъ, онъ прибавилъ: „Довольно, господа! Шутить съ подобными вещами я больше не намѣренъ: за всякое противодѣйствіе правительству въ формѣ нападокъ на полицію, или какъ-нибудь иначе, будетъ примѣняться съ этого дня неумолимая кара. Я не буду прибѣгать къ предостереженіямъ, а прямо стану приостанавливать каждое изданіе“.

Пока вчерашніе уполномоченные, послѣ рѣчи Л. С. Макова, объяснялись, по порученію собранія, отдѣльно съ нимъ, редакторъ „Голоса“ объявилъ В. В. Григорьеву, что министръ былъ введенъ въ заблужденіе: статья, упомянутая и послужившая поводомъ къ высшей карѣ, собственно не есть статья, принадлежащая газетѣ, а телеграмма, которая, значить, была пропущена спеціальною цензурою, а вслѣдствіе того напечатана во всѣхъ газетахъ, не исключая „Правительственнаго Вѣстника“, и потому одинъ „Голосъ“ никакъ не можетъ быть отвѣственнымъ за это извѣстіе. Все это было доведено тотчасъ же до свѣдѣнія Л. С. Макова, и прежде нежели редакторы успѣли разойтись, третье предостереженіе со всѣми его послѣдствіями было такъ же скоро снято, какъ и дано. Л. С. Маковъ поспѣшилъ притомъ извиниться въ своей ошибкѣ, и даже закончилъ всю бесѣду весьма любезною шуткой, обращенной имъ къ одному изъ присутствовавшихъ редакторовъ, занимающихъ въ то же время одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду первоклассныхъ нашихъ писателей. Напомнивъ ему свою давнишнюю съ нимъ встрѣчу, въ болѣе молодые годы, Л. С. Маковъ спросилъ его: „Ну, а подъ какими соусомъ вы, М. Е., намѣреваетесь

теперь меня изготовить? — Его собесѣдникъ въ отвѣтъ только махнулъ безнадежно рукой, и повторяя нѣсколько разъ: „намъ, в. в., теперь не до соусовъ, не до соусовъ!“ — направился къ выходу. Вслѣдъ за нимъ разошлись и прочіе.

На-дняхъ, въ одной изъ петербургскихъ газетъ мы прочли, что „въ литературныхъ кружкахъ произвела впечатлѣніе недавно опубликованная отставка безъ прошенія извѣстнаго писателя Н. С. Лѣскова (Стебницкаго)“; по другимъ, — эта отставка „возбудила недоумѣніе“. Но г. Лѣсковъ не замедлилъ объясниться въ письмѣ, адресованномъ на имя газеты „Новости“:

„Малозначительное событіе, — пишетъ г. Лѣсковъ, — оставленіе мною службы въ Ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія, неожиданно для меня сдѣлалось предметомъ разнообразныхъ толковъ, которые частію проникли въ печать и, какъ у васъ сказано, „возбуждаютъ недоумѣніе“, которое я имѣю побужденіе разъяснить.

„Я отчисленъ отъ министерства „безъ прошенія“ по причинамъ, лежащимъ внѣ моей служебной дѣятельности, которая въ теченіе десяти лѣтъ признавалась полезною и никогда не привлекала мнѣ никакого упрека и ни одного замѣчанія при трехъ министрахъ: графѣ Д. А. Толстомъ, А. А. Сабуровѣ и баронѣ Николаи. — Для оставленія службы мнѣ не *вмѣнено никакой вины* (этотъ курсивъ и слѣдующіе — въ оригиналѣ), а указана только „несовѣстимость“ моихъ литературныхъ занятій съ службою.

„Ничего болѣе.

„Въ томъ, что я отчисленъ не по прошенію, а „безъ прошенія“ тоже нѣтъ ничего меня порочащаго или обиднаго. Мнѣ была предоставлена полная возможность отчислиться по той формѣ, которая обыкновенно признается удобнѣйшею, но я самъ предпочелъ ту, которая на мой взглядъ болѣе вѣрна истинному ходу дѣла.

„Этимъ, я надѣюсь, могутъ быть разъяснены всѣ „недоумѣнія“ моихъ ближнихъ и дальнихъ друзей и недруговъ“.

Не имѣя ни права заносить себя въ число друзей автора письма, ни повода принадлежать къ его недругамъ, мы должны, однако, признать, что это письмо никакъ не можетъ, согласно желанію автора, разсѣять недоумѣнія, — напротивъ, оно удвоиваетъ эти недоумѣнія и при томъ перемѣщаетъ ихъ на другой предметъ: только одна, притомъ уже старая, литературная извѣстность г. Лѣскова не допускаетъ мысли, въ виду его письма, о рекламѣ, въ которой авторъ, надобно думать, вовсе не нуждается; а между тѣмъ, изъ письма мы главнымъ образомъ узнаемъ только то, что ему оказанъ былъ нѣкоторый почетъ, достающійся не всѣмъ на долю, а именно, ему предложено было на выборъ: въ какой формѣ онъ желаетъ выйти въ отставку? — съ прошеніемъ или безъ прошенія? Такого любезнаго предложенія

нельзя даже сравнить съ вышеприведеннымъ вопросомъ о „соусахъ“. Г. Лѣскову предложили прямо „удобнѣйшую“ форму; и онъ извѣщаетъ теперь, что самъ предпочелъ—неудобнѣйшую. Значить ли это, что онъ пожелалъ отнестись къ себѣ, какъ можно болѣе строго, даже болѣе строго, чѣмъ то желало его начальство, и хотѣлъ, такимъ образомъ, дать понятіе о силѣ своего характера, безпощаднаго въ самобичеваніи; или онъ хотѣлъ этимъ извѣстить, что, вотъ другого на его мѣстѣ, уволили бы просто „безъ прошенія“, а ему все-таки сдѣлано было почетное исключеніе? Или, наконецъ, г. Лѣсковъ, будучи самъ глубоко убѣжденъ, что отставка безъ прошенія есть всегда и непремѣнно обстоятельство „порочащее и обидное“, старается уничтожить въ обществѣ именно такую невыгодную мысль, относительно постигшаго его случая, и доказать тѣмъ, что иногда отставка безъ прошенія не только не заключаетъ въ себѣ ничего порочащаго и обиднаго, но служить даже доказательствомъ, съ одной стороны, строгаго отношенія лица къ самому себѣ, а съ другой—говорить о томъ, что для заслуженныхъ литераторовъ дѣлаются въ подобномъ случаѣ исключенія, и имъ предлагается форма отставки на выборъ,—однимъ словомъ, что съ ними церемонятся даже и тогда, когда принято съ болѣе обыкновенными смертными поступать безъ церемоній?—Но тогда все это открытое письмо—реклама самому себѣ; а между тѣмъ, мы выше сдѣлали уже предположеніе, что г. Лѣсковъ въ рекламѣ, какъ будто, не нуждается. Какое же значеніе имѣетъ письмо, если оно носить на себѣ чисто-автобиографическій характеръ, и почему, въ такомъ случаѣ, его отставка „безъ прошенія“ могла произвести сенсацию въ литературныхъ кружкахъ?

Мы полагаемъ, что въ литературныхъ кружкахъ вспомнили при этомъ недавнее положеніе комитета министровъ, гдѣ сказано: „отъ подлежащаго начальства должно, конечно, ближайшимъ образомъ зависѣть, въ каждомъ данномъ случаѣ, дозволить или не допустить участіе чиновника въ періодическомъ изданіи, по соображенію, какъ предмета, такъ и характера избранныхъ чиновникомъ литературныхъ занятій, а поэтому начальство въ правѣ не только требовать, чтобы служащіе правдиво заявляли о своемъ участіи въ повременныхъ изданіяхъ, но и воспрещать таковое, когда оно угрожаетъ нанести серьезный ущербъ интересамъ службы“. Но „разъясненіе“ со стороны автора письма категорически опровергаетъ такое возможное предположеніе литературныхъ кружковъ относительно связи его отчисленія безъ прошенія съ вышеупомянутымъ положеніемъ комитета министровъ, такъ какъ г. Лѣсковъ, по его словамъ, отчисленъ „по причинамъ лежащимъ внѣ“ его служебной дѣятельности, а потому онъ не могъ угрожать серьезнымъ ущербомъ интересамъ своей службы. Но

затѣмъ, авторъ письма, дѣйствительно, разъясняетъ нѣчто, но именно опять такое обстоятельство, которое никому не приходило на мысль: оказывается, что г. Лѣсковъ, служа при трехъ министрахъ, съ различными направленіями, умѣлъ вести свое дѣло такъ хорошо, что его служебная дѣятельность, по его словамъ, всегда признавалась, независимо отъ перемѣны министровъ, „полезною, и никогда—какъ выражается онъ—не привлекала мнѣ никакого упрека и ни одного замѣчанія“—каково бы ни было направленіе министерства. Но и это разъясненіе носить на себѣ опять личный, автобіографическій характеръ, т.-е. говорить о тѣхъ или другихъ хорошихъ качествахъ лица; сущность же дѣла въ письмѣ указана самымъ короткимъ и вмѣстѣ гадательнымъ способомъ: занятія г. Лѣскова въ ученomъ комитетѣ, оказывается, найдены „несовмѣстимыми“ съ его же литературными занятіями. Можно подумать, что, говоря такъ, г. Лѣсковъ желалъ бросить тѣнь подозрѣнія на себя, чего, конечно, нельзя и предполагать: онъ объявилъ выше: „я отчисленъ по причинамъ, лежащимъ внѣ моей служебной дѣятельности“; а съ другой стороны, извѣстно, что его литературныя занятія не навлекали на него преслѣдованій административной цензуры; что же остается затѣмъ предположить?—развѣ одно, что литературныя занятія могутъ быть иногда „несовмѣстимы“ съ занятіями, именно, въ такомъ серьезномъ и научномъ комитетѣ, какъ ученый комитетъ мин. народн. просвѣщенія, вслѣдствіе такъ-называемой сепсуга тогитъ, которая, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, бываетъ требовательнѣе административной. Но до самаго послѣдняго времени, всѣ литературныя занятія г. Лѣскова оказывались совмѣстимыми съ его учеными занятіями по ученому комитету, и сепсуга тогитъ не имѣла никакого повода выступать на сцену; остается думать, что, имѣя въ виду новое положеніе комитета министровъ, г. Лѣсковъ, быть можетъ, представилъ начальству въ рукописи свой трудъ и разошелся съ нимъ во взглядахъ на характеръ этого новаго труда; а въ такомъ случаѣ, разъясненіе и тутъ ничего намъ не разъясняетъ, и мы должны дождаться появленія этого труда въ печати, чтобы понять, почему могъ этотъ новый трудъ навлечь на него въ первый разъ упрекъ, при четвертомъ министрѣ народнаго просвѣщенія, послѣ того, какъ г. Лѣсковъ не навлекая на себя десять лѣтъ „никакого упрека и ни одного замѣчанія при трехъ министрахъ“.

Вообще въ послѣднее время начинаютъ раздаваться все чаще и чаще жалобы на стѣсненія печати, и эти жалобы раздаются именно съ той стороны, откуда можно было всего менѣе ихъ ожидать. Почти одновременно съ жалобой г. Лѣскова появилась жалоба самого г.

Каткова, на котораго обрушилось, неожиданно-негаданно, и притомъ въ самое короткое время, одно за другимъ цѣлыхъ четыре правительственныхъ „сообщенія“—четыре „сообщенія“, но не предостереженія, а какъ извѣстно, для газеты первая форма можетъ быть признана „удобнѣйшею“ сравнительно съ послѣднею, — и притомъ гораздо въ большей степени, нежели отставка съ прошеніемъ, сравнительно съ таковою же безъ прошенія. И тѣмъ не менѣе, по поводу испытанныхъ „Московскими Вѣдомостями“ такихъ чувствительныхъ стѣсненій въ свободѣ слова, „вниманіе“ г. Каткова было остановлено на слѣдующемъ обстоятельстве:

„Въ теченіе полутора мѣсяца, вотъ уже четвертое „сообщеніе“, направленное противъ нашихъ и не нашихъ статей, появляющихся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Прежде мы были предметомъ исключительнаго вниманія руководителей разныхъ органовъ неофициальной, такъ-называемой либеральной и консервативной „прессы“, содержимой на подачки ея благодѣтелей (?!), ловили каждое наше слово, чтобы такъ или иначе заподозрить его точность, извратить его смыслъ, вообще какинъ-нибудь образомъ повернуть противъ русскихъ интересовъ, которымъ мы служимъ. Теперь мы сдѣлались предметомъ особаго вниманія нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ (т.-е., нѣкоторыхъ министровъ), посылающихъ свои сообщенія въ „Правительственный Вѣстникъ“. Было бы однако желательно, чтобы какъ содержаніе, такъ и изложеніе печатаемыхъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ сообщеній подвергались, прежде ихъ опубликованія, болѣе *строгому* просмотру и обсужденію, дабы въ этихъ сообщеніяхъ не встрѣчалось *крупныхъ промаховъ*, которые тоже могутъ быть сочтены „правительственными“. Между тѣмъ промаховъ въ „сообщеніяхъ“, о которыхъ рѣчь, оказывается не мало“.

Кромѣ такихъ desiderata, г. Катковъ, въ виду неизбежности „промаховъ“ во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ (кромѣ передовыхъ статей „Москов. Вѣдомостей“), преподаетъ, кому слѣдуетъ, и совѣтъ, какъ, по крайней мѣрѣ, устроить дѣло такимъ образомъ, чтобы правительство всегда оставалось при этомъ въ сторонѣ:

„Лучше было бы—говорить г. Катковъ,—не допускать печатанія несоотвѣтствующихъ дѣйствительности, а потому и не выдерживающихъ критики сообщеній, по крайней мѣрѣ не допускать печатанія ихъ безъ обозначенія, что *отвѣтственность за содержаніе оныхъ падаетъ на такіа-то должностныя лица* (министровъ), а не на правительство“.

Какъ бы раскрылся г. Катковъ, если бы что-нибудь подобное промолвила какая-нибудь другая газета, а не „Московскія Вѣдомости“: „да они-молъ, эти либералы и консерваторы, содержимые на подачки ихъ благодѣтелей, требуютъ отвѣтственныхъ министровъ;

да ихъ за это!.. Они хотятъ, очевидно отдѣлить правительство отъ администраціи и ввести какой-то правовой порядокъ“, и т. д., и т. д. И чего бы только не высказалъ г. Катковъ, по этому поводу, о необходимости „твердаго“ правительства, объ обузданіи печати, и т. п. Но мы не послѣдуемъ примѣру г. Каткова, и выразимъ даже сожалѣніе, что онъ встрѣтилъ печальную необходимость, въ *шесть* недѣль, получить цѣлыхъ *четыре* правительственныхъ „сообщенія“! Но въ сущности, изъ всѣхъ сѣтованій г. Каткова на то, что правительство стало въ отношеніи къ его газетѣ на ту самую почву, съ которой только-что сошли преслѣдовавшіе его прежде либералы, „живущіе подачками своихъ благодѣтелей“,—ясно одно, что онъ какъ будто сокрушается о недостижимости въ этомъ испорченномъ мірѣ настоящаго идеала для печати—получать подачки и въ то же время сохранять такую независимость, которая ставила бы газету даже выше всякихъ „сообщеній“,—не говоримъ о „предостереженіяхъ“.

Негодование г. Каткова обратилось въ эти послѣдніе дни одновременно и на судебное вѣдомство, „мнящее себя, по словамъ г. Каткова, независимымъ отъ государства и самодовлѣющимъ организмомъ, не обязаннымъ стѣсняться закономъ и стоящимъ выше его, какъ власть самодержавная и лишь подъ Богомъ ходящая“. Поватно, каково же при этомъ положеніе бѣдной печати тамъ, гдѣ есть судебное вѣдомство, стоящее выше закона! Какъ можетъ г. Катковъ издавать свою газету, когда и со стороны правительства сыплются на него „сообщенія“, а съ другой стороны—печати грозить „самодовлѣющимъ организмъ“ судебной власти! Положеніе, можно сказать, трагическое, и мы нисколько не удивимся, если, при сохраненіи такого чудовищнаго порядка вещей, г. Катковъ пригрозитъ намъ закрытіемъ своего органа и перенесеніемъ его въ страны, совсѣмъ свободныя и отъ правительства съ правомъ „сообщеній“, и отъ суда, стоящаго выше законовъ.

И все это г. Катковъ нашелъ себя вынужденнымъ изречь не по поводу „какого-нибудь“ окружнаго суда (это уже для него давно *überwundener Standpunkt*), а по поводу кассационныхъ департаментовъ самого сената, опредѣлившаго предать суду бывшаго казанскаго губернатора Скарятина; это опредѣленіе, говоритъ г. Катковъ, —„поразительное, до неистовства обрадовавшее наши анти-правительственные (!!!) органы“; но вѣдь, по общей логикѣ, это могло бы случиться только тогда, если бы кассационные департаменты правительствующаго сената были сами анти-правительственнымъ органомъ. Но логика, послѣ правительственныхъ „сообщеній“ и „самодовлѣющаго организма“ судебной власти—есть третій врагъ

г. Каткова, причиняющій ему также не мало бѣды въ средѣ людей, признающихъ надъ собою власть логики...

Есть пословица: „когда придетъ бѣда, отворятъ ворота!“—и только что успѣли отличиться кассационные демартаменты правительствующаго сената, какъ вслѣдъ за этимъ, и притомъ на столбцахъ самого „Правительственнаго Вѣстника“, г. Катковъ усмотрѣлъ опять „сообщеніе“: прокуроръ судебной палаты (хоть бы окружного суда, а то—судебной палаты!) возбудилъ надлежащее уголовное преслѣдованіе „Петербургской Газеты“ за статью, гдѣ, до начала судебного процесса, указывалось на неосновательное, будто бы, привлеченіе къ уголовной отвѣтственности по дѣлу о хищеніи въ кронштадтскомъ банкѣ—подсудимаго ст. сов. князя Оболенскаго и другихъ, преданныхъ суду, по опредѣленію слб. судебной палаты. Прокуроръ основалъ свое преслѣдованіе газеты,—это правда—на ст. 1038 Улож. о наказаніяхъ, а не на какой-нибудь передовой статьѣ „Москов. Вѣд.“, или на адресѣ тульскихъ дворянъ къ подсудимому кн. Оболенскому, напечатанномъ въ „Московск. Вѣд.“; но во всякомъ случаѣ, преслѣдованіе прокурора въ свою очередь подвергнется обсужденію суда: судъ разберетъ, основательно ли дѣйствовалъ прокуроръ, или нѣтъ. Во имя чего же, въ виду дѣйствій прокурорской власти, г. Катковъ восклицаетъ: „Законно ли это?“ Именно, это-то и разсмотритъ судъ, и во всякомъ случаѣ предоставитъ подсудимой газетѣ высказывать все, что она можетъ въ свое оправданіе, прежде нежели постановитъ тотъ или другой приговоръ. Ни одинъ честный и добропорядочный человѣкъ не можетъ жаловаться на судебное преслѣдованіе, такъ какъ судъ предоставляетъ каждому всѣ законныя средства къ самозащитѣ, и чѣмъ при этомъ судъ независимѣе отъ постороннихъ вліаній, включая сюда и передовыя статьи „Москов. Вѣдомостей“—тѣмъ болѣе обезпечена для невиннаго возможность оправданія.

Г. Катковъ не оставилъ, какъ мы видѣли, безъ добраго совѣта, какимъ образомъ правительство можетъ избавиться отъ „правительственныхъ промаховъ“; не оставилъ онъ также безъ указаній, какимъ образомъ поставить и судъ въ зависимость отъ закона; правда, онъ ограничивается простымъ предложеніемъ распространить и на судей силу извѣстнаго „третьяго пункта“; но примѣръ г. Лѣскова, съ удовольствіемъ подчинившаго себя этому пункту, можетъ быть, заставить г. Каткова подумать о болѣе радикальной мѣрѣ для укрощенія судебного вѣдомства. Впрочемъ, мы не компетентны въ такомъ спеціальному вопросѣ, и притомъ выше, во „Внутреннемъ обозрѣніи“, предложеніе г. Каткова рассмотрѣно уже довольно подробно.

Въ заключеніе длиннаго ряда обвиненій и администраціи, и судебного вѣдомства, какъ стѣсняющихъ печать и заступившихъ, такимъ образомъ, по выраженію г. Каткова, мѣсто „такъ называемой либеральной и консервативной печати“, болѣе уже не тревожащей его,—перейдемъ къ огульнымъ обвиненіямъ, исходящимъ изъ того же лагеря, противъ всего общества. Года три тому назадъ, мы видѣли, наше общество обвиняли въ „снисходительномъ отношеніи къ незаконнымъ способамъ жизни“; съ мѣсяцъ тому назадъ,—мы указывали въ нашей же хроникѣ,—П. Д. Воборыкинъ мужественно обличалъ „импотентность, стадность и отсутствіе духа сознательной коллективности“ въ нашемъ же обществѣ; другой, неизвѣстный авторъ одновременно усмотрѣлъ въ немъ „неумѣнье“ различать правду отъ лжи,—что встрѣчается у дѣтей. Почти тогда же появилось обвиненіе общества и со стороны г. Лѣскова, и притомъ,—въ такомъ свойствѣ, которое мы даже затрудняемся назвать опредѣленно, такъ какъ подобнаго рода явленіе едвали можно встрѣтить и у дикарей.

Г. Лѣсковъ, какъ извѣстно, очень много занимался изслѣдованіемъ весьма любопытной области нашего церковнаго общества, его нравовъ и историческихъ привычекъ,—и оказалъ не малую услугу наукѣ публикаціею различныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ имъ изъ официальныхъ источниковъ. Но, къ сожалѣнію, онъ не всегда ограничивался своею ролью бытописателя и выбиралъ иногда тѣ или другіе факты, съ цѣлью доказать ими свои личныя воззрѣнія на тотъ или другой общественный вопросъ. Такъ, самое послѣднее его произведеніе ¹⁾, очевидно, было предназначено къ тому, чтобы направить рѣшеніе весьма важнаго вопроса о томъ, могло ли бы избраніе пастырей церкви прихожанами, а не самимъ духовенствомъ, содѣйствовать къ улучшенію церковно-приходскаго быта и его нравовъ?—и направить, притомъ, въ излюбленную авторомъ сторону, а именно—въ отрицательную. Такіе приемы весьма опасны, такъ какъ они могутъ наклонять автору преслѣдованіе со стороны литературной и научной критики. Автору было угодно, во что бы то ни стало, доказать, что въ нашемъ обществѣ зарождается несправедливая мысль, будто избраніе прихожанами священниковъ могло бы измѣнить что-нибудь въ общемъ положеніи вещей; что назначеніе пастырей, помимо воли прихожанъ, какъ бы тамъ ни было, все же въ концѣ-концовъ гораздо лучше, такъ какъ,—говоритъ г. Лѣсковъ,—„къ сожалѣнію, далеко не всѣ знаютъ, что не лучшіе люди прово-

¹⁾ „Историч. Вѣстникъ“, 1888 г.: „Поповская чехарда и приходская прихоть“, февр., 263 стр.

димы были къ алтарю—и народомъ, когда священниковъ ставили по избранію прихода... Если нынче худо идетъ (дѣло) съ невниманіемъ епископовъ къ желанію прихода, то не лучше бывало и тогда, когда приходъ самъ по себѣ пріобрѣталъ къ алтарю „непотребниковъ“, и за ними „каркалъ“. А потому—надѣюсь—любопытно (sic!) и полезно (?) будетъ современному русскому обществу узнать: какъ подобныя же вещи практиковались у насъ въ Россіи, и не гдѣ-нибудь въ глухомъ селѣ, или „на чухонской окраинѣ“, а „дома“, въ самой Москвѣ, и притомъ во времена не весьма (!) отъ насъ отдаленныя“.

Мы охотно посмѣялись бы надъ невинными уколами, которыми г. Лѣсковъ надѣляетъ г. Аксакова, приглашающаго насъ „домой“, въ старую-старую Москву, и порадовались бы тому, что вотъ нашелся добрый человѣкъ, который замолвилъ словечко въ пользу обитаемой нами, петербуржцами, „чухонской окраины“,—но авторъ выдалъ при этомъ неосторожно свою заднюю мысль, и испортилъ все дѣло: онъ нашелъ, что „современному“ обществу его трудъ можетъ быть „полезенъ“, при разрѣшеніи вышеупомянутаго вопроса, и, слѣдовательно, окажетъ содѣйствіе къ тому, чтобы этотъ вопросъ не былъ когда-нибудь разрѣшенъ въ пользу избранія пастыря паствой. Къ какому же пріему прибѣгаетъ авторъ для торжества своей идеи? Онъ представляетъ въ своемъ трудѣ рядъ примѣровъ, болѣе или менѣе назидательныхъ, изъ которыхъ благосклонный, но не твердый въ научной критикѣ читатель легко усмотритъ, что предоставлять паствѣ избраніе пастырей—дѣло ужасное, какъ то ясно доказывается фактами, приведенными авторомъ, на основаніи еффициальныхъ источниковъ, изъ „временъ не весьма отъ насъ отдаленныхъ“. Изъ этихъ словъ можно заключить, что дѣло идетъ не далѣе, конечно, какъ о времени начала послѣдняго царствованія, наканунѣ освобожденія крестьянъ, положившаго рѣзкую грань между нашимъ настоящимъ и прошедшимъ—до того рѣзкую, что напримѣръ, 1761-й годъ, по характеру, гораздо болѣе близокъ къ 1861-му, нежели послѣдній—къ нынѣшнему году, несмотря на то, что тамъ прошло сто лѣтъ, а тутъ—двадцать. Ничуть не бывало: г. Лѣсковъ желаетъ убѣдить современнаго читателя во вредѣ избранія пастыря паствой—,интересной исторіей, заимствованной мною изъ подлиннаго дѣла, производившагося въ московскомъ отдѣленіи св. синода о попѣ Кирилѣ, за которымъ „каркали“ сорокъ двѣ персоны (изъ избирающей паствы), изъ прихода Спаса-въ-Наливкахъ“,—а самое дѣйствіе происходитъ „не весьма давно“—въ 1727 году, т.-е., лѣтъ полтораста тому назадъ!!

Мы не будемъ много спорить съ тѣмъ, кто найдетъ эту исторію „интересною“, но позволяемъ себѣ усомниться въ одномъ, а именно,

что она „полезна“ при рѣшеніи современнаго вопроса объ избраніи пастыря паствой—каково бы ни было такое рѣшеніе, рго или сопга. То же самое должно сказать и о послѣдующихъ „интересныхъ“ исторіяхъ, изъ которыхъ позднѣйшая относится къ 1820 году. Но независимо отъ различія времени нынѣшняго и начала XVIII-го вѣка, вслѣдствіе чего отъ тѣхъ нравовъ трудно заключать о современныхъ нравахъ, почтенный авторъ въ своемъ изложеніи, увлекшись всецѣло своею заднею мыслью, нарушилъ самые азбучные приемы исторической критики, только чтобы доказать, что православная паства до того страдаетъ „стадностью“, что безъ всякой метафоры изображаетъ собою стадо, неспособное избрать себѣ даже пастыря. Все дѣло 1727 года возникло по доносу „канцеляриста розыскныхъ раскольниковъ дѣлъ“ Перфілія; можно себѣ представить, что это за фигура — да еще въ началѣ XVIII вѣка! Въ самомъ доносѣ излагаются факты, невѣроятные даже и для XVIII-го вѣка, такъ какъ только совсѣмъ дикіе люди могли бы оставаться спокойными свидѣтелями того, что тутъ рассказывается. И тѣмъ не менѣе, г. Лѣсковъ весь на сторонѣ этого „канцеляриста розыскныхъ раскольниковъ дѣлъ“; онъ не подвергаетъ даже и малѣйшему сомнѣнію возможность хотя бы нѣкотораго преувеличенія со стороны доносчика: Перфілій пользуется его безграничною симпатіей. „Обиженный канцеляристъ Перфілій—говорить г. Лѣсковъ—видя, что попа приходомъ не унять, взялся за него на другой манеръ: онъ на народъ, т.-е. на приходскихъ людей, не сталъ располагаться, а списалъ все, что мы теперь передали, и отрепортовалъ московской духовной дикастеріи“ (суду). Вотъ этотъ-то взглядъ „обиженнаго“ канцеляриста розыскныхъ дѣлъ, Перфілія, на народъ и на приходскихъ людей—намъ и рекомендуетъ г. Лѣсковъ для нашего свѣдѣнія и руководства. Что подсудимый не былъ человѣкъ совсѣмъ безгрѣшный — это весьма возможно; что онъ не имѣлъ руки въ дикастеріи—это видно изъ того, что онъ былъ обвиненъ; но что это былъ за судъ?! На этой сторонѣ дѣла г. Лѣсковъ не останавливается; дикастерію прошлаго вѣка могъ бы счесть идеаломъ суда развѣ г. Катковъ. Вызвано было на судъ 15 свидѣтелей; изъ нихъ судъ нашелъ удобнымъ допросить только двухъ — дьякона и сторожа; купецкіе же люди, жилецъ и подъячій — болѣе 12 человѣкъ—не были допрошены вовсе, на томъ простомъ основаніи, что и первые два свидѣтеля изобличали попово безчинство вполне, и кромѣ того сказано: „двою-бо свидѣтелями явятся всякое дѣло“. Г. Лѣсковъ по поводу подобнаго „судища“ не нашелъ сказать ничего другого, какъ только слѣдующее: „Такъ оно по Писанію,—говорить онъ,—да такъ бы слѣдовало принять и по разуму“!!..

Но не слѣдовало бы прибѣгать къ такимъ не-критическимъ приемамъ тому, кто желаетъ писать исторію не только *ad pagandum*, но и *ad probandum*, — или онъ рискуетъ доказать совсѣмъ другое, а именно, — что кромѣ „приходской прихоти“, послужившей заглавіемъ статьи г. Лѣскова, бываетъ также и „авторская прихоть“.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.—На постановку бюста Жуковскому прислано въ редакцію баронессою фонъ-Кноррингъ, изъ Ревеля, 26 рублей, сданныхъ въ Городскую Управу, въ С.-Петербургѣ.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА.

МАРТЪ—АПРѢЛЬ, 1883.

Книга третья. — Мартъ.

	стр.
Итоги жизни. — Повѣсть. — Книга вторая: Передовые люди. — Первая часть. — I-XV. — П. М. КОВАЛЕВСКАГО	5
Народная школа под Москвою. — Опыт обработки школьной статистики. — VII-VIII. — Окончаніе. — В. Ю. СКАЛОНА	79
Стихотворенія. — I. — Да, незабвенна ты, поэзія степей. — П. Сиву Николѣ. — Н. С. — А.	119
Идеализмъ тридцатихъ годовъ. — Биографическій этюдъ. — I-IX. — П. В. АННЕНКОВА	122
Маріонъ Фай. — Романъ въ двухъ частяхъ, Антони Троллопа. — Часть первая. — I-VIII. — О. П.	172
Пермяки. — Битовой и этнографическій очеркъ. — I-III. — Н. ДОБРОТВОРСКАГО	228
Новѣйшія изслѣдованія русской народности. — II. — Сороковые года; переломъ въ наукѣ исторической и въ этнографіи. — А. Н. ПЫПИНА	265
Русская общественная жизнь въ сатиру Салтыкова. — III. — Эпоха застоя, внѣшній войны и внутренній смуты. — К. К. АРСЕНЬЕВА	306
Плантация красавицъ. — Разсказъ Кабля. — Съ англійскаго. — В.	351
Хроника. — Внутреннее Овозраженіе. — Мнѣніе „умнаго и опытнаго сановника“ о современномъ настроеніи русскаго общества. — Разнообразіе понятій, соединяемыхъ со словомъ: „общество“, и происходящіе отсюда недоразумѣнія. — Разанское земство и статистика. — Своевременны ли работы по пересмотру гражданскихъ законовъ? — Возможность совѣстнаго дѣйствія народныхъ обычаевъ и гражданскаго уложенія. — Роль „сочинительства“ въ составленіи кодекса	370
Иностранное Овозраженіе. — Министерское междуцарствіе во Франціи и мѣры противъ претендентовъ. — Кабинетъ Жюль Ферри. — Открытіе парламентской сессіи въ Англіи. — Ирландскія разоблаченія и политика Гладстона. — Дунайская конференція въ Лондонѣ. — Церковный вопросъ въ Германіи. — Прусскій сеймъ. — Австрійскія дѣла. — Положеніе дѣлъ въ славянскихъ земляхъ	388
Литературное Овозраженіе. — С. Капустинъ. Что такое поземельная община? — J. v. Keussler, Zur Geschichte und Kritik des bauerlichen Gemeindebesitzes in Russland. Th. II. — В. Чичеринъ. Собственность и государство. Двѣ части. — К. — Альбомъ Московской Пушкинской Выставки. — Н.	405
Замѣтка на замѣтку. — По поводу статьи г. Юзова въ газетѣ „Недѣля“. — Л. С.	419
Некрологъ. — Владиміръ Барвинскій. — Александръ Вацлавъ Мадявскій. — Іосифъ Шуйскій. — К. Д.	424
Изъ Общественной Хроники. — Приватныя и авторитетныя отзывы о характерѣ нашего современнаго общества и печати. — Сравненіе послѣдней съ до-реформенною печатью. — Корреспонденціи изъ Петербурга въ Москву о Петербургѣ. — Разсужденія въ нихъ по поводу юбилея Жуковскаго и участія въ томъ городской Думы. — Письмо акад. Я. К. Грота къ городской Головѣ. — Опѣнка корреспондентомъ финансовой дѣятельности здѣшней Думы, и наши поправки изъ Городового положенія. — Письменное привѣтствіе русскихъ женщинъ И. А. Гончарову, и его отвѣтъ	482
Извѣстія. — Отъ московскаго университета, о подпискѣ на стипендію и премію имени проф. Соловьева	447
Библиографическій Листокъ. — Мазепа. Историческая монографія. Н. И. Костомарова. — Краткій обзоръ книжной торговли и издательской дѣятельности Глазуновыхъ за сто лѣтъ. — Родная Старина. Сост. В. Д. Сиповскій. — Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Алексѣя Веселовскаго. — М. П. Соловьевъ. Очерки исторіи Прибалтійскаго края	

Книга четвертая.—Апрѣль.

стр.

Переводчица на присягахъ.—Разсказъ изъ жизни на Уралѣ.—I-VII.—Д. М.—ИНА	449
Идеалисты тридцатыхъ годовъ.—Биографическій этюдъ.—X-XIV.—Окончаніе.—П. В. АННЕНКОВА	501
Пермь.—IV-VII.—Окончаніе.—Н. ДОБРОТВОРСКАГО	544
Повѣсти-пародіи Бретъ-Гарта.—Съ англійскаго.—VIII-X.—Окончаніе.—Е. А.	581
Годы востанія въ Венгріи.—ГР. ДЕ-ВОЛЛАНА	618
Шпильгагенъ и его теорія романа.—П. О. МОРОЗОВА	641
Русская общественная жизнь въ сатирѣ Салтыкова.—IV. Продолженіе.—К. К. АРСЕНЬЕВА	667
Марионъ Фай.—Романъ въ двухъ частяхъ, А. Троилова.—Часть первая.—VIII-XVI.—О. П.	715
Хроника.—Наши учительскія семинаріи.—Историческій очеркъ.—I-III.—Бар. Н. А. КОРФА	786
Внутреннее Овозрѣніе.—Введеніе судебного отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ въ составъ департамента полиціи.—Ожидаемое помѣненіе законовъ о раскольникахъ.—Проектъ общаго устава русскіихъ желѣзныхъ дорогъ: фиктивная передача акцій и возможности противъ нея мѣры; составъ и дѣятельность желѣзно-дорожныхъ правленій; подсудность исковъ, предъявляемыхъ къ желѣзнымъ дорогамъ.—Новый налогъ на заграничные паспорта.—Пятидесятилѣтіе петербургскаго коммерческаго суда.—Что думаютъ „Московскія Вѣдомости“ о пятидесятилѣтіи нашихъ общихъ судовъ	803
Двадцатипятилѣтіе женскихъ гимназій.—Историческая замѣтка.—В. П. ОСТРОГОРСКАГО	826
Письма изъ провинціи.—Варшава.—Авг.	839
Иностранное Овозрѣніе.—Князь А. М. Горчаковъ и его „полупозитивъ“.—Признаніе въ Journal de St.-Petersbourg.—Задачи русской дипломатіи и ошибочное изъ пониманіе. Динамитная партія въ Англіи.—Обстановка ирландскаго движенія.—Внутреннія дѣла Франціи.—Министерская шаткость въ Пруссіи.—Личная политика кн. Бисмарка, и ея послѣдніе результаты	852
Литературное Овозрѣніе.—Исторія русской церкви, Макарія, митрополита московскаго, т. XII.—Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, Д. Кобеко.—Жуковский и его произведенія, соч. П. Загарина.—Статьи для публичн. по вопросамъ историческимъ, политическимъ, и пр., В. И. Модестова	872
Замѣтка.—Наши статистическія работы по землевладѣнію.—О. О. ВОРОПОНОВА	887
Некрологъ.—П. И. Мельниковъ.—А. В.—НѢ	893
Изъ Овощивной Хроники.—Кончина Л. С. Макова.—Воспоминанія изъ времени его управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.—Открытое письмо г. Лѣскова.—Жалобы г. Каткова на стѣсненіе печати, со стороны администраціи и судебного вѣдомства.—По вопросу о способности православной цастви избирать пастырей	896
Вышелегическій Листокъ.—Искусство Италіи. А. Вышелегическая.—Путешествіе русскаго посольства по Афганистану и Бухарскому ханству. Н. Л. Яворскаго.—Исторія XIX вѣка. Мишле.—Не въ бровь, а въ глаза. Дмитрія Миннаева	

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича
принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на всѣ
периодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги,
публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 94.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

№ 94.

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА

ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

I. БОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛО-
ГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Антропология. Введеніе къ изученію
человѣка и цивилизаціи. Эд. Б. Тайлора.
Переводъ съ англійскаго, д-ра И. С. Ивина.
съ 78 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г.
Ц. 3. съ пересылкою.

Вѣчное блаженство святыхъ. Соч. Ри-
чарда Бакстера. Переводъ съ француз-
скаго свящ. Андрея Свѣтлакова. Спб. 1882
г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

**Дни богослуженія православной нае-
стической восточной церкви.** Протоіерей Г.
С. Дебольскаго. Въ двухъ томахъ. Изда-
ніе седьмое. Спб. 1882 г. Ц. за два тома
3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

**Историческое ученіе объ отцахъ цер-
кви.** Архіепископа Филарета. Въ трехъ
томахъ. Спб. 1882 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р.
50 коп.

**Православное догматическое богосло-
віе.** Соч. архіеи. Филарета. Въ двухъ ча-
стяхъ. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р.
50 коп.

**О гостіи по уставу православной
церкви.** Протоіерей Г. С. Дебольскаго.
Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Объ умѣ и познаніи. Соч. Ипполита
Тэна. Переводъ съ французскаго, подъ ре-
дакцію Н. Н. Страхова. Въ двухъ томахъ.
Спб. 1872 г. Ц. за оба тома 4 р., съ пер.
4 р. 50 к.

Основанія науки о нравственности. Соч.
Герберта Спенсера. Перев. съ англійск.
Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

О терпѣнн скорбей. Ученіе святыхъ
отцовъ, собранное епископомъ Игнатіемъ

Брянчаниновымъ. Изданіе второе. Спб.
1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Основанія психологіи. Герберта Спен-
сера, съ приложеніемъ статьи „Сравни-
тельная психологія человѣка“ Г. Спенсера.
Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т.
Спб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

Правила святой жизни. Изложены А в-
ною Бернадомъ. Переводъ съ франц.
Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

**Русскіе святые и святые южныхъ сла-
вянъ,** чтимые всею церковью и мѣстно. Опи-
саніе жизни ихъ. Сочиненіе архіепископа
Филарета. Въ четырехъ томахъ. Изданіе
третье дополненное. Спб. 1882 г. Ц. 7 р.,
съ пер. 8 р.

Слова, бестды и рѣчи. Архіепископа
Филарета (Гумилевскаго). Въ 4-хъ ча-
стяхъ. Изданіе третье. Спб. 1883 г. Ц. 3
р. 50 к., съ пер. 4 р. 25 к.

**Седмица гостіи, исповѣди и прича-
щенія.** Протоіерей І. С. Дебольскаго.
Спб. 1882 г. Ц. 20 к., съ пер. 35 к.

Утѣшеніе въ смерти близкихъ сердцу.
Епископа Гермодгена. Спб. 1880 г. Ц. 30
к., съ пер. 50 к.

II. СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его
біографіи и оцѣнки произведеній. П. В.
Анненкова. Съ приложеніемъ рисунковъ
модели памятника, мѣста погребенія и
снимковъ съ потерковъ и рисунковъ поэта.
Спб. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Братья Карамазовы. Романъ въ двухъ
томахъ, въ четырехъ частяхъ съ эпилогомъ.
Ф. М. Достоевскаго. Изданіе третье.
Спб. 1882 г. Цѣна за оба тома 5 р., съ
пер. 6 руб.

*) Книги, вновь поступившія въ Складъ въ теченіи послѣдняго мѣсяца, указаны
предъ ихъ заглавіемъ.

Вѣстникъ Европ. — Мартъ, 1883 г.

A

Всеобщая исторія литературы, составлена по источникамъ и новейшимъ изслѣдованіямъ, при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ, подъ ред. В. О. Корша. Спб. 1880—82 г. Вып. 1—15. Ц. 15 р., съ пер. 17 р.

Въ камышахъ. Повѣсть Н. Н. Каравина. Съ 39-ю рисунками автора. Второе изданіе. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Вольтерьянецъ. Историческій романъ конца XVIII вѣка. Въ двухъ частяхъ. Всеволода Соловьева. (Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“). Спб. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Графъ П. Д. Киселевъ и его время. Материалы для исторіи императоровъ Александра I, Николая I и Александра II, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго. Въ четырехъ томахъ. Спб. 1882. Ц. за всѣ 4 тома 6 руб., съ перес. 7 р.

Доказательства нѣтъ. Романъ автора: „Поиски въ разныхъ страннхъ мѣстахъ“. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Дидро и энциклопедисты. Джона Морлея. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія. В. Н. Невѣдомскій. Москва. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Дитя. Повѣсть изъ русскаго оконченнаго дѣла. П. Салманова. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Дневникъ монаха-Бернардина. Сочиненіе Игн. Ходзько. Переводъ съ польскаго. Изданіе Вл. И. Веселовскаго. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер.

Европейскіе писатели и мыслители. В. В. Чуйко. В. Х. Аристофанъ. Спб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Женщина какъ супруга. Ученіе о физическихъ, душевныхъ и нравственныхъ обязанностяхъ, правахъ и гигиеническихъ правилахъ женщины въ брачной жизни. Соч. Германа Кленке. Переводъ съ нѣмецкаго, по третьему изданію. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Жизнь и поэзія. В. А. Жуковскаго. По неизданнымъ источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ К. К. Зейдлица. Съ портретомъ поэта, факсимиле, письмами и съ предисловіемъ П. А. Висковатого. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. съ пересылкою. Доходъ отъ изданія жертвуется авторомъ на сооруженіе памятника Жуковскому.

Западное вліаніе въ новой русской литературѣ. Сравнительно-историческіе очерки. Алексѣя Веселовскаго. Москва. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Записки охотника. И. С. Тургенева. Полное собраніе очерковъ и рассказовъ

1847—1876 г. Четвертое стереотипное изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к. въ роскошномъ каліграфическомъ переплетѣ 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

Изъ жизни русскихъ писателей. Рассказы и анекдоты. Спб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Исторія русской литературы въ старинахъ и біографіяхъ. Сочин. П. Полезова. Въ двухъ частяхъ. Часть I. Древній періодъ Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Часть II. Новѣй и новѣйшій періоды: отъ Кантаемира и до нашего времени. Спб. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 руб.

Исторія Славянскихъ литературъ. А. Н. Пшичина и В. Д. Спасовича. Изданіе второе, вновь переработанное и дополненное. Спб. 1880 г. Т. II. Ц. 5 р., съ перес. Т. I. Ц. 8 р., съ пересылкою.

Калевала, Финскій народный эпосъ. Переводъ Э. Гранстрема. Роскошное изданіе съ пятью картинами. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. въ переплетѣ 3 р. съ перес.

Кобзарь Тараса Шевченко. Въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изданномъ подъ редакціей Ник. Вас. Гербеля. Изданіе третье, вновь исправленное и дополненное. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 коп.

Любовь и корона. Историческій романъ изъ временъ императрицы Анны Ивановны и регента принцессы Анны Леопольдовны. Евгения Карновича. Изданіе второе. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 коп.

Лопухинское дѣло. Историческая повѣсть. П. Полезова. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Мальтійскіе рыцари въ Россіи. Историческая повѣсть изъ временъ императора Павла перваго. Евгения Карновича. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

На разсвѣтѣ. Новые пѣсни, сатиры, юмористическія стихотворенія и куплеты. А. О. Иванова-Классика. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Наугомонное сердце. Романъ въ трехъ частяхъ. Сочиненіе графини А. Л. Талстой. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер.

Оттолкни сердце. Стихотворенія покойной баронессы В. Д. Вистромъ. Спб. 1883 г. Ц. 25 к., съ пер. 85 коп.

Парижскія письма. Изъ литературной жизни 1875—1877 г. Эммы Вейдъ. Второе изданіе. Спб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

Письма къ тетенькѣ. Сочиненіе С. Салтыкова. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

Петербургскія труппы. Краткія историческія и голодныхъ. Романъ въ

стѣхъ. Всеволода Крестовскаго. Сиб. 1877 г. Цѣна за всѣ четыре тома 5 р., съ пер. 6 р.

Подростокъ. Романъ въ трехъ частяхъ Ф. М. Достоевскаго. Изданіе третье. Сиб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Полное собраніе сочиненій гр. А. К. Толстого съ портретомъ, факсимиле и автобіографіей. Т. I и II. Стихотворенія Ц. 3 р. Т. III. Драматическая трилогія. Ц. 2 р. 50 к. Т. IV. Князь Серебрянный. Ц. 1 р. 50 к. Всѣ четыре тома 7 р. съ пересылкою. Въ календарномъ переплетѣ, съ тисненіемъ золотомъ 10 рублей съ пересылкою.

Психическій міръ женщины, его особенности, превосходства и недостатки. П. Е. Астафьева. Москва. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 65 к.

Пессимизмъ въ XIX вѣкѣ. Леонарди, Шопенгауэръ, Гартманъ. Сочин. Е. Каро. Перев. П. В. Макіевскаго. Съ приложеніемъ бесѣды о пессимизмѣ. Москва. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Признаки времени и письма о провинціи. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе второе. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Т. VIII. Изданіе графа С. Д. Шереметьева. Сиб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 60 коп.

Полное собраніе сочиненій. Давида Рикардо. Переводъ Н. Зибера. Съ приложеніями переводчика. Сиб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Разсказы. Всеволода Гаршина. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Сергій Горбатовъ. Историческій романъ конца XVIII вѣка, Всеволода Соловьева. Въ двухъ частяхъ. Сиб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Современная критика и причины ея упадка. Этюдъ Е. Каро. Перев. съ французскаго И. В. Майкова. Москва. 1883 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Сочиненія. Н. К. Михайловскаго. Томъ четвертый. Что такое прогрессъ? Въ перемежку. Сиб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Стихотворенія кн. Д. Н. Цертелева. Сиб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Стихотворенія М. П. Розенгейма. Изданіе третье, дополненное. Сиб. 1882 г. Ц. 8 р. съ пересылкою.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Полное собраніе въ одномъ томѣ 1842—1877 г. Изданіе второе съ портретомъ и факсимиле. Сиб. 1882 г. Ц. 3 р. въ роскошномъ переплетѣ, тисненномъ золотомъ 4 р. съ пер.

Тайныя общества всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ. Чарльза Уильяма Гекер-

торна. Въ двухъ частяхъ. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

Убійщикъ Монрепо. Сочиненіе М. Е. Салтыкова. (Щедрина). Оглавленіе: Общій обзоръ.—Тревоги и радости въ Монрепо.—Монрепо-усыпальница.—Finis Монрепо.—Предостереженіе. Изданіе второе. Сиб. 1883 г. Ц. 1 р. съ перес.

Четыре люди живы. Разсказъ графа Льва Николаевича Толстого. Москва. 1882 г. Ц. 5 к.

Шекспиръ. ГERVINUS. Перевелъ съ нѣмецкаго Константинъ Тимофеевъ. Изданіе второе, дополненное, въ четырехъ томахъ. Сиб. 1877 г. Ц. 8 р. съ пер. 9 р.

Юный Императоръ. Романъ-хроника въ 3-хъ частяхъ Всеволода Соловьева. Съ портретомъ императора Петра II. Сиб. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 коп.

III. ИСТОРИЯ—БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Архивъ. Князя Воронцова. Книга двадцать-сѣдмь. Письма разныхъ лицъ къ графамъ Воронцовымъ. Москва. 1883 г. Ц. 3 р. съ пер.

Автобіографія Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Г. Б. Благосвѣтлова. Сиб. 1874 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Генрихъ Песталоцци, знаменитый швейцарскій педагогъ. Біографическій очеркъ, составленный и переведенный изъ нѣмецкихъ источниковъ. Константиномъ Тимофеевымъ. Сиб. 1877 г. Ц. 75 коп., съ пер. 95 к.

Жизнь и политика маркиза Вѣлепольскаго. Эпизодъ изъ исторіи русско-польскаго конфликта и вопроса. Составилъ В. Д. Спасовичъ. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

Исторія крестьянской войны въ Германіи, по лѣтописямъ и разсказамъ очевидцевъ. Д-ра В. Циммермана. Переводъ подъ редакціей В. Зайцева. Въ трехъ томахъ. Сиб. 1865 г. Ц. тремъ томамъ 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Исторія XIX вѣка. Директорія Т. I. Происхожденіе Бонапарта Соч. Мишле. Переводъ со втораго изданія М. Цебриковой. Сиб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 коп.

Крестьяне въ царствованіе императрицы Екаторины II. В. И. Семевскаго. Т. I. Сиб. 1881 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Комедія всемірной исторіи. Іоганна Шерръ. Историческій очеркъ событій съ 1848 по 1851 годъ, въ двухъ выпускахъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Сиб. 1872 г. Ц. обоимъ выпускамъ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Лаача. Очерки изъ быта Вогуличей. Л. Симоновой. Съ 2-ми картинками К.

*

Голембювскаго. Спб. 1888 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Мазепа. Историческая монографія Н. И. Костомарова. Москва 1888 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 коп.

О Богданѣ Хмельницкомъ. Сочиненіе П. Н. Вудинскаго. Харьков. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Русская исторія въ низверженіяхъ ея главнѣйшихъ дѣателей. Н. Костомарова. Томъ первый. Господство дома Св. Владиміра X—XVI-е столѣтіе. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к. Томъ второй. Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. XVII-е столѣтіе. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. Продолженіе второго тома. Господство дома Романовыхъ XVIII-е столѣтіе. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р. Всѣмъ тремъ выпускамъ 7 р. 10 к., съ пер. 8 р.

Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Т. I. Съ портретами Императрицы Елисаветы, графа А. Г. Разумовскаго и графа К. Г. Разумовскаго. Т. II. Съ портретами графини Н. Д. Разумовской (казачка Разумиха). Графъ А. К. Разумовскій. Т. III. Съ портретомъ свѣт. кн. Андрея Кирilloвича Разумовскаго. Цѣна за три тома 7 р. 50 к., съ пер. 9 р.

М. Д. Ушинскій. Краткій біографическій очеркъ съ гравированнымъ портретомъ. Составилъ А. Фролковъ. Спб. 1881 г. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

Христофоръ Колумбъ. Е. Григоровой. Со снимкомъ съ картины проф. Айвазовскаго. Спб. 1888 г. Ц. 30 к., съ перес. 40 коп.

Человѣческая комедія. И. Ф. Васильевскаго. (Буквы). Со многими рисунками разныхъ художниковъ. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

IV. ГЕОГРАФІЯ-ТОПОГРАФІЯ-ПУТЕШЕСТВІЯ.

Картины Африки и Азіи (Русскаго путешествіенника). А. Сумракова. I. Магдоръ и Канарскій архипелагъ.—II. Алжиръ и Сахара.—III. Тунисъ и Карфагенъ.—IV. Иерусалимъ и Мертвое море.—V. Сайрамъ-Норъ.—VI. Кулджинскій край.—VII. Заключение. Спб. 1888 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер.

Путешествіе въ западную Сибирь. Д-ра О. Финша и А. Брема. Съ рисунками въ текстѣ. Москва. 1882 г. Ц. 3 рб. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

Путешествіе по Востоку и Святой Землѣ. Въ свѣтъ Великаго князя Николая Николаевича въ 1872 году. Д. А. Скалона. Съ многими рисунками художника Е. К.

Макарова. Спб. 1881 г. Цѣна книги въ роскошномъ переплетѣ 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Чудеса древней страны Пирамидъ. Географическія, историческія и бытовые картины древняго Египта. Въ періодъ его процвѣтанія и упадка. Соч. д-ра Карла Опцеля. Съ 160 рисунками въ текстѣ, 10-ю картинами, картою долины Ніамъ и планомъ египетскихъ намятниковъ въ Нилской долинѣ. Спб. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ — СТАТИСТИКА.

Крестьянскій вопросъ. Изслѣдованіе о значеніи у насъ крестьянскаго дѣла, причинахъ его упадка и мѣрахъ къ подниманію сельскаго хозяйства и быта поселенъ. Е. Д. Кавелина. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и наслѣдствѣ, съ приложеніемъ статьи: „Очеркъ крестьянственныхъ мѣръ по переселенію крестьянъ послѣ изданія Положенія 19 Фев. 1861 года“. Ю. Э. Янсонъ. Изданіе второе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Современный социализмъ. Сочиненіе Эмиля де-Лавеле. Переводъ съ французскаго подъ редакціей М. А. Антоновича. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес.

Судьбы капитализма въ Россіи. Сочиненіе В. В. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 70 к.

VI. ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Азбука - Лето. 16 таблицъ на двустольскомъ картонѣ и 35 карточекъ буквъ съ раскраш. рисунк., въ коробѣ. Соч. А. Черенныхъ. Москва. 1888 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Бѣглый. Дѣтскій рассказъ изъ родного быта. Рисунки Васнецова. Фотогравюра М. М. Панова. Москва 1888 г. Ц. книги въ папѣ 70 к., съ пер. 85 к.

Генеръ. Сервантъ. Путешествіе въ приключенія въ солнечномъ мірѣ. Жюль Верна. Переводъ С. Самойловича. Сдѣланными картинками въ текстѣ. Спб. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р., въ папѣ 5 р. 85 к., съ пер. 4 р. 25 к.

Дѣтскій отдыхъ. Ежемѣсячный, иллюстрированный журналъ для дѣтей въ 1881 и 1882 годѣ. Спб. Ц. за каждый годъ 5 р., съ пер. 7 р.

Дочь египетскаго царя. Историческій романъ Эберса, рассказанный дѣтск.

мества. О. Шапиръ. Со многими рисунками. Спб. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 коп.

Зорька. Книга для чтенія въ народныхъ школахъ. Годъ первый. В. Добровольскаго. Изданіе второе исправленное и дополненное А. М. Цвѣтковымъ—Ц. 30 к., съ пер. 45 к. Поку аще 20 экзempl. получаютъ даромъ „за вѣнанія для учащихся“. И. М. Цвѣткова. Въ продажѣ цѣна этой книги 20 коп., съ пер. 30 к. Спб.

Изданія учрежденной по Высочайшему повелѣнію г. министромъ народнаго просвѣщенія постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній:

1) О богослуженіи православной церкви. Свщ. М. Соколова. Ц. 8 к.

2) Уничженіе на землѣ Господа нашего Иисуса Христа. Съ раскрашеннымъ изображеніемъ. Ц. 8 к.

3) Жизнь Божіей матери. Свщ. М. Соколова. Съ раскр. изобр. Ц. 15 к.

4) Первые вѣка христіанства и распространеніе его на Руси. Съ раскр. изобр. Свщ. Олѣговича. Ц. 10 к.

5) Великій постъ. Чтеніе свщ. М. Соколова. Ц. 10 к.

6) Богомольцы у святыхъ Кіева. I. Лавра. Съ 3 изобр. Ц. 15 к.

7) Богомольцы у святыхъ Кіева. II. Старый Кіевъ. Съ 2 изобр. Ц. 10 к.

8) Русская правда или судъ въ стародавнія времена. Историческая повѣсть. В. Лапина. Ц. 7 к.

9) Историческая повѣсть изъ временъ татарскаго погрома. В. Лапина. Ц. 10 к.

10) Невская битва и Ледовое побоище. В. Лапина. Съ раскр. картин. Ц. 5 к.

11) Куликовская битва. С. Рождественскаго. Ц. 8 к.

12) Покореніе царства Казанскаго. В. Лапина. Съ раскр. картин. Ц. 5 к.

13) Изъ временъ инокренія Сибири. Историческая повѣсть. В. Лапина. Ц. 10 к.

14) О Петрѣ Великомъ. С. Рождественскаго. Съ 5 раскр. карт. Ц. 12 к.

15) Какъ и чему училъ Петръ Великій народъ свой. Съ 4 раскр. карт. С. М. Макаровой. Ц. 12 к.

16) Полтава. Повѣсть въ стихахъ А. С. Пушкина. С. Макаровой. Съ 8 раскр. карт. Ц. 15 к.

17) Тарасъ Бульба. Историч. повѣсть. Н. В. Гоголя. Ц. 5 к.

18) 19 февраля 1855—1880 г. Доброписца. Ц. 5 к.

19) М. В. Ломоносовъ. А. Филонова. Съ картинкою. Ц. 5 к.

20) Какъ ѣда питаетъ наше тѣло. Съ 2 раскр. картин. И. Алфеева. Ц. 15 к.

21) Чай, откуда онъ идетъ къ намъ и

чѣмъ полезенъ. Е. Рейнбота. Съ 2 раскр. картин. Ц. 8 к.

22) Петръ Великій по сочиненіямъ. А. С. Пушкина. А. Филонова. Ц. 5 к.

23) Дѣдушка Крыловъ и его басни. А. Филонова. Съ раскр. картин. Ц. 10 к.

24) Кольцовъ и его пѣсни. М. Парунова. Съ раскр. картин. Ц. 10 к.

25) Разказы о севастопольцахъ. А. Сувонева. Ц. 15 к.

26) Кулибинъ, механикъ-самоучка. Е. Ф. Николаевой. Съ раскр. картин. Ц. 8 к.

27) Дѣвѣнать мудрыхъ басенъ. Съ портр. Крылова. Ц. 5 к.

28) Суворовъ. С. Рождественскаго. Съ портр. и одною раскраш. картинкою. Ц. 15 к.

29) Сборникъ стихотвореній. Вм. I. Ц. 8 коп.

30) Архангельскіе китоловы. Съ 2 раскр. карт. Ц. 20 к.

31) Владиміръ Мономахъ и его завѣщаніе. И. Хрущева. Съ раскрашенными картинками. Спб. 1883 г. Ц. 15 к.

32) Купецъ Иголкинъ и его подвигъ. Съ картиною. Спб. 1881 г. Ц. 8 к.

33) Александръ Первый Благословенный. Съ двумя картинками. Спб. 1881 г. Ц. 8 к.

34) Путешествіе Государя Императора Александра III. Въ первое лѣто его царствованія. Спб. 1873 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп.

Изъ міра великихъ преданій: Романдъ, изъ древней французской поэмы (съ рисункомъ). Король Лиръ (по Шекспиру). Зимняя сказка (по Шекспиру съ рисункомъ). Вильгельмъ Тель (по Шиллеру), Цинни (по Теодору Кернеру, съ рисункомъ). Разказы для юношества Виктора Острогорскаго. Изящное изданіе, съ красивой вѣнкеткой. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к., въ папкѣ 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 60 к.

Иванъ Ротозей. Книга для малыхъ дѣтей съ раскр. картин. Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Натакомбы. Повѣсти изъ первыхъ временъ христіанства. Сочиненіе Евгенія Туръ. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Лиса Патрикѣвна, сказка, пѣсня. Составлена изъ народныхъ басенъ и пѣсенъ русскаго животнаго эпоса. А. Л. Макарова. Изданіе второе съ перемѣнами. Казань. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 95 к.

Ленци зоологій проф. Поля Бера. Переводъ съ французскаго д-ра Л. Н. Симоннова. Предисловіе И. Р. Тарханова. Анатомія и фізіологія. Съ 402 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер.

Мысль и трудъ. Разказы для дѣтей. М. Цибриковой. Съ рисунками въ тек-

стѣ. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 75 коп., съ пер. 2 руб.

Очерки современнаго состоянія заграницей школы. Я. Т. Михайловскаго. Спб. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Очерки греческихъ древностей. Пособіе для гимназистовъ старшихъ классовъ. Составилъ В. Латинцевъ. Часть 1-ая: Государственные и военные древности. Одобрено ученымъ Комитетомъ М. Н. П. въ видѣ пособія по греческому языку для гимназій и прогимназій. Вильна. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Первыя понятія о зоологіи. Поля Бера. Со множествомъ рисунковъ въ текстѣ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Проф. И. И. Мечникова. Къ переводу присоединено три дополнительныхъ очерка: Развитие животнаго міра, общественная жизнь животныхъ и великая роль „ничтожныхъ созданий“. Спб. 1883 г. Цѣна книги 1 р., съ пер. 1 р. 20 к., въ папкѣ 1 р. 15 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Подъ сиренью. Сочин. Лукны Олькотъ. Переводъ О. Бутеневой. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Пѣсни про купца Малашинина. М. Ю. Лермонтова. Изданіе Спб. Комитета грамотности. Спб. 1881 г. Ц. 10 к., съ пер. 15 коп.

Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. Константина Тимофеева. Одобрено какъ руководство для женскихъ учебныхъ заведеній. Изданіе третье. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Практическая метода въ 6-ти тетрадяхъ для основательнаго четкаго и легкаго изученія русскаго чистописанія въ школахъ и дома. Составилъ Фридманъ. Гродно. 1881 г. Цѣна каждой тетради 6 коп. безъ пересылки.

Послушайтесь! Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ А. Нольде. Съ 28 политипажами, рисованными на деревѣ художникомъ М. Малишевскимъ. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

Разсказы изъ народнаго быта. Составленные изъ подбора русскихъ пословицъ, прибаутокъ, поговорокъ, примѣтъ, пѣсенъ и притчѣй. В. Островскаго. № 1. Титъ. — № 2. Маланья. — № 3. Вавило. — № 4. Мама на дѣвичникѣ. — № 5. Илья Муромецъ. Спб. 1883 г. Цѣна каждой книжкѣ 10 коп.

Руководство практической арифметики. Въ объемѣ курса гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. Александромъ Вороновымъ. Спб. 1883 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Робинзонъ Крузе младшій. Сочиненіе Кампе. Съ иллюстрированными картина-

ми. Спб. Ц. книги въ папкѣ 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

Робинзонъ Крузе. А. Анненской. Новая переработка томи Де-Фое. Съ 10-ю картинками и 35 политипажами, рисанными на деревѣ въ Лейпцигѣ. Второе изданіе. Спб. 1882 г. Цѣна книги въ перел. 3 руб., съ пересылкою.

Родникъ. Ежемесячный иллюстрированный журналъ для дѣтей на 1882 годъ въ двухъ томахъ. Спб. Ц. 5 р., съ пер. 6 руб.

Родная старина. Отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ. Составилъ В. Д. Синовскій. Т. I. Второе дополненное изданіе съ IX по XIV ст.—Т. II съ XIV до XVII ст. Съ политипажными изображеніями и рисунками въ текстѣ. Спб. 1883 г. Т. I Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Т. II Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Русская грамота. Вукарь для народныхъ школъ. Сост. В. Добровольскій. Изданіе пятнадцатое. Спб. 1883 г. Ц. 5 к. Разсказы для дѣтей. И. О. Тургенева и графа А. Н. Толстого. 1) Черемалка. 2) Кавказскій пѣвнчикъ. 3) Вотъ правду видѣть, да не скоро скажешь. 4) Чѣмъ люди живи? Съ картинками академикова: Васнецова, Мавровскаго, Радина и Сурикова. Москва. 1883 г. Цѣна книги въ папкѣ 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Руководство къ практическому изученію ижемецкаго языка съ наложеніемъ напѣвнскихъ грамматическихъ правилъ. Часть I. Минскъ 1882 г. Ц. 55 коп., съ пер. 70 коп.

Семь братьевъ и сестра. Соч. Лукны Олькотъ. Переводъ съ англійскаго О. Бутеневой. Спб. 1876 г. Ц. книги въ перел. 2 р., съ пер. 2 р. 40 коп., безъ пересылки 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Семейство Шалонскихъ. Изъ семейной хроники. Сочиненіе Евгения Туръ. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 руб. 20 к.

Святые разсказы. Чарльза Диккенса. Полный переводъ съ англійскаго Ф. Реепера. Съ 40 политипажами и 5 картинками. Спб. 1875 г. Ц. 4 р., съ пер. 5 р.

Сказки для дѣтей, Уйда. Переводъ съ англійскаго В. Гаршина, А. Каррера, Р. Радкова, М. Цебриковой, Л. Шалугина. Съ рисунками Н. Каразина. Спб. 1883 г. Ц. книги въ папкѣ 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Сказки нота - Муралина. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное. Съ рисунками разныхъ художниковъ. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Сказки профессора З. Тессаля. 1882 г. въ папкѣ Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Сельскія христоматіи. Выпускъ...

А. С. Пушкинъ. Выпускъ 2-ой Н. А. Некрасовъ. Выпускъ 3-й В. А. Жуковский. Составилъ Н. О. Сумцовъ. Харьковъ 1883 г. Цѣна каждаго выпуска 5 копѣекъ.

Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ первый. Общій обзоръ земного шара. Составилъ А. Воронцовъ. Спб. 1883 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Учебникъ математической географіи. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. Я. Влѣмбергъ. Спб. 1883 г. Ц. 75 к., съ пер. 95 коп.

Жизни Дяди Тома, или жизнь среди рабовъ. Романъ Гарриетъ Бичеръ-Стоу. Новый переводъ Е. Ландина. Съ 46-ю картинками. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Характеристика дѣточекъ. К. Ельницкаго. Спб. 1883 г. Ц. 40 коп., съ пер. 55 коп.

Юность розы, продолженіе „Семь братьевъ и сестра“. Сочин. Луизы Олькотъ. Переводъ съ англійскаго О. Н. Бутеневой. Спб. 1878 г. Ц. 1 руб. 25 коп., съ перес. 1 р. 50 к., въ переплетъ 1 руб. 75 к., съ пер. 2 р. 10 к.

Школа Робинзоновъ. Разсказъ Жюль Верна. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

VII. ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Древности Вавилоно-Ассирскія по новѣйшимъ открытіямъ. Составилъ Н. Астафьевъ. Съ образчиками клинописи, тремя рисунками (въ текстѣ), и картою къ этюписямъ Ассирійскихъ царей. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Начертаніе церковнославянской грамматики, примѣнительно къ общей теоріи русскаго и другихъ родственныхъ языковъ. Автора Будиловича. Варшава 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Опытъ всеобщей библіографіи нефтяной промышленности. Часть I. Составилъ инженеръ-технологъ Ст. Гулишамбаровъ. Спб. 1883 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 коп.

Образцы языка церковнославянскаго по древнѣйшимъ памятникамъ глаголической и кириловской письменности. Составилъ И. В. Ягичъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 коп.

О некоторыхъ золическихъ и дорическихкихъ календаряхъ. Эпиграфическія изслѣдованія. В. Латышева. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ. Н. Ф. Сумцовъ. Харьковъ 1881 г. Ц. 1 р. 30 коп., съ пер. 1 р. 50 коп.

Указатель матеріаловъ для исторіи торговли, промышленности и финансовъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Отъ древнѣйшихъ временъ до конца XVIII столѣтія. Составилъ П. О. Черневскій. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Указатель матеріаловъ для изученія Северо-Западнаго края, въ археологическо-этнографическомъ отношеніи. Составилъ П. О. Черневскій. Спб. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

VIII. МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ—ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Аналитическая геометрія. Составлена I. Сомовымъ. Изданіе третье. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Высшая алгебра. Часть первая. Рѣшеніе численныхъ уравненій Ю. Сохопскаго. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 40 коп.

Дополнительныя статьи алгебры. Курсъ VII дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. 2-ое изданіе дополненное статью „Приложеніе алгебры къ геометріи“. Составилъ Я. Влѣмбергъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Курсъ аналитической механики. Составилъ Д. Бобылевъ. II. Часть кинетическая. Выпускъ второй. Механика системъ, составленныхъ изъ матеріальныхъ точекъ. Съ 2-мя таблицами чертежей. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 30 коп., съ пер. 2 р. 60 коп.

Начала начертательной геометріи, теоріи тѣней и линейной перспективны. Съ приложеніемъ черченія кривыхъ. Составилъ А. Пальшау. (Курсъ реальныхъ училищъ). Харьковъ. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 65 к.

Новѣйшіе успѣхи метеорологіи. 1. Одно-временная система наблюденій и предсказаніе погоды. А. Клоссовскаго. 12 картъ и 1 таблица чертежей. Одесса. 1882 г. Ц. 3 р. съ пер.

Приложеніе алгебры къ геометріи. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Я. Влѣмбергъ. Спб. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Учебникъ прямолинейной тригонометріи для гимназій. (Съ прибавленіемъ статьи о логорисмахъ). Составилъ Я. Влѣмбергъ. Спб. 1875 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Элементарная механика. (Курсъ VI класса реальныхъ училищъ). Составилъ Э. Михельсонъ и Я. Влѣмбергъ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Элементарная алгебра. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Я. Влѣмбергъ. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

IX. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГИЯ — МЕДИЦИНА.

Атлас естественной истории Арендса, переделанный проф. Брандтомъ. 3-е изд. Спб. 1882 г. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 90 к.

Вивисекции съ натуры. Грантъ Аллена и научныя доказательства органическаго развитія Джорджа Романа. Переводъ съ англійскаго Г. А. Лопатина. Спб. 1888 г. Ц. 1 руб. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 к.

Гигіена и воспитаніе дѣтей въ первомъ возрастѣ. Руководство для матерей. Спб. 1881 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Гигіена и зараза по отношенію къ веществамъ, находящимся въ воздухѣ. Джона Тиндала. Переводъ съ англійскаго Г. А. Лопатина. Прибавленія: Рѣчь Пастѣра о прививкѣ по отношенію къ куринной холерѣ и сибирской язвѣ. Исслѣдованія д-ра Коха объ этиологіи бугорчатки (рефератъ). Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 коп., съ пер. 2 75 к.

Диагностическія хирургическія заблѣванія. 20 лекцій д-ра Э. Альберта. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

До-историческій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера. Проф. А. А. Иностранцева. Съ 122 политипажными въ текстѣ, 2 фліцтограми и 12 табличками фототипій. Спб. 1882 г. Ц. 8 р., съ пер. 9 р.

Здоровое и вредное отопленіе и оздоровленіе жилыхъ помѣщеній Флавицкаго. (инженеръ). Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Юдеофериъ, Mosetig-Moorhof Пер. съ примѣч. и доводами. Д-ра С. М. Герценштейна. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи Чистовича. Спб. 1883 г. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Краткій учебникъ общей хирургіи, ученыя о повязкахъ и операціяхъ. Д-ра Агно Крѹше. Перевели съ нѣмецкаго М. и С. Росенгартъ. Ч. I. Общая хирургія. Москва. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Краткая фармакогнозія. Трапизъ, проф. 3-е изд. Спб. 1881 г. 2 р. 25 к., съ перес. 2 р. 50 к.

Климатическія особенности Одессы. Составилъ А. Клобсовскій. Одесса. 1883 г. Ц. 60 к., съ пер.

Къ вопросу о зловонномъ насморкѣ (Озаена) А. В. Зинovieва. Москва. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 коп.

Лѣченіе виноградеи въ Ялтѣ на южномъ берегу Крыма. Руководство для больныхъ и врачей. Дмитриева. 2-е изд. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Остеостомія, съ обзоромъ этиологіи и патологіи genu valgum, genu varum и другихъ искривленій нижнихъ конечностей Масеуеп'а. Перев. д-ра Сабашникова Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Основа исторіи развитія члвчства и высшихъ животныхъ, Келликера. Перев. съ нѣм. подъ редак. профес. Ф. Н. Захаркина съ 300 рисун. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Общепонятныя разсказы о полезныхъ и вредныхъ насекомыхъ. Съ указаніемъ способовъ истребленія вредныхъ О. Стековика. Съ 46 рисун. въ текстѣ. Переводъ съ малорусскаго. Харьковъ. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 95 к.

Патологія и терапія родильнаго перелома. Руководство для учащихся и врачей. Вилкель. Перев. съ 8-го изданія подъ ред. д-ра М. Горинца. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 20 к., съ пер. 3 р. 45 к.

Полезныя свѣдѣнія о лошадяхъ и другихъ домашнихъ животныхъ и птицахъ, (разведеніе и уходъ за домашними животными и птицами, и леченіе ихъ болѣзней). Составилъ А. Савельевъ. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб. 1888 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Польза и вредъ отъ антисептическихъ средствъ и ихъ примѣненіе въ полевой хирургіи, Nussbaum Prof. D-r. Перев. д-ра Гейденрейха. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Практическія занятія по гистологіи растений. Руководство для начинающихъ. Составилъ П. Я. Кругицкій. Съ 83-ю рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 65 коп.

Популярная гигиена, настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа.—Карла Реклама, съ приложеніемъ военной гигиены. Соч. д-ра Вейнемана. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Руководство топографической анатоміи съ примѣненіемъ къ хирургіи Tillaux. Пер. съ франц. подъ ред. д-ра А. С. Таубера. Спб. 1883 г. Вып. 1—3, Подписная цѣна 9 руб.

Руководство къ хирургіи для фельдшеровъ и фельдшерскихъ учениковъ. Студенскій, съ 84 рисун. 4-е изд. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Руководство къ гистологическимъ препаратамъ исслѣдованія Флюгге. Перев. съ нѣмецкаго подъ ред. д-ра медиц. М. Шмидта. Спб. 1882 г. Ц. 6 р., съ пер. 6 р. 80 к.

Руководство къ прописыванію лекарствъ. Составилъ Dr L. Waldenburg и D-r C. Ed. Simon. Перевели съ 2-го изд.

меккаго изданія и измѣнили сообразно российской фармакопей. И. Я. Мееровичъ и Б. О. Соркинъ. Спб. 1883 г. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

Руководство къ зубоврачебной науцѣ, Левы, съ 113 рисун. въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Руководство къ общей терапіи Ziemssen'a, Перев. подъ ред. профес. Манассеина. Спб. 1882 г. Т. I, часть 2 и 3-я. Ц. 3 р. 60 к. Т. II, часть 3-я Гидротерапія. Ц. 2 р. 40 к. Т. III, 1-я полов. Электротерапія. Ц. 2 р. 40 к. Подписная цѣна за полное изд. 21 р., съ перес. 24 р.

Руководство къ физическимъ методамъ изслѣдованія внутреннихъ болѣзней. Д-ра Германа Эйхгорста. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Вильмина и М. Гиршфельда. Въ двухъ частяхъ. Часть I. Изслѣдованіе кожи, температуры, пульса и органовъ дыханія. Съ 102 рисунками.—Часть II. Изслѣдованіе аппарата кровообращенія и брышннхъ органовъ. Съ 71 рисунк. и одной хромофотограф. таблицей. Спб. 1883 г. Ц. за оба тома 4 р. 50 к., съ пер. 5 р.

Руководство къ частной патологіи и терапіи для практическихъ врачей и учащихся. Эйхгорстъ, перев. д-ра Крузенштерна. Спб. 1883 г. Вып. 1—4. Ц. 4 р. Подписная цѣна за полное сочиненіе 12 р. 50 к., съ перес. 15 р.

Руководство къ фармакологіи (рецептура). Догель, съ хромофотогр. таблицами. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 40 к., съ пер. 2 р. 90 к.

Спиритизмъ въ Индіи, фаніры-очарователи. Л. Жаколіо. Составилъ и перевелъ С. Т. Румиловъ. Спб. 1883 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи. Книга А. Васильчикова. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Содержаніе и воспитаніе растений въ комнатахъ. Регель. Часть I, 5-е изд. Спб. 1883 г. 2 р. 50 к. Часть II. Спб. 1879 г. Ц. 4 р. въ перес. 2 т. 7 р. 50 к.

Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми. Гетцъ и Лихарчикъ. Перев. съ 4-го нѣмец. изданія д-ра Н. Воронихина. 3-е русское изд. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р. 25 к., 40 к. за пересылку.

Учебникъ психіатріи, составленный на основаніи клиническихъ наблюденій для врачей и студентовъ. Крафтъ-Эбингъ, Перев. д-ра Черемшанскаго, съ примѣч. д-ра Мержіевскаго. 3 тома Спб. 1881—82 г. Ц. 5 р. 50 к., съ пер. 6 р. 50 к.

Учебникъ физиологіи. Проф. М. Фостера. Переводъ съ англійскаго и дополненія проф. И. Р. Тарханова. Спб. 1882 г. цѣна за 2 тома 7 р. 50 коп. съ пер.

Фармацевтическая химія. Выпускъ 1-й Траппъ, профес. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Фармацевтический указатель, Вергольцъ, Спб. 1882 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 руб. 30 к.

Хроническое отравленіе морфіемъ и леченіе посредствомъ постепеннаго отнятія морфія. Буркартъ. Перев. Нечаевой подъ ред. Маршкова. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 40 к.

X. ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Матеріалы для пересмотра законоположеній о порядкѣ проивводства предварительныхъ слѣдствій. Изданіе министерства юстиціи. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

Начала русскаго государственнаго права. Проф. А. Градовскаго. Т. III. Органы мѣстнаго управленія. Часть первая. Введеніе. Историческій очеркъ мѣстныхъ учреждений въ Россіи. Учрежденія правительственныя и дворянскія. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Объясненія къ закону 18 мая 1882 г. объ измѣненіи правилъ о наказаніяхъ за кражу со взломомъ. По порученію г. Министра Юстиціи составилъ Н. С. Тагацевъ. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп.

О выдачѣ преступниковъ по договорамъ Россіи съ иностранными державами. Е. Шостака. Кіевъ. 1882 г. Ц. 40 коп., съ пер. 50 к.

Очеркъ науки финансоваго права. Введеніе. Общая часть. Особенная часть. Составилъ И. Тарасовъ. Ярославль. 1883 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Самобійство въ западной европѣ и европейской Россіи. Опытъ сравнительно-статистическаго изслѣдованія А. В. Лихачева. Съ приложеніемъ I. Таблицъ. II. Писемъ и записокъ самоубійцъ. III. Картограммы самоубійствъ въ Западной Европѣ и Европейской Россіи. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Сборникъ рѣшеній перваго департамента правительствующаго сената по крестьянскимъ дѣламъ, съ приведеніемъ положеній, извлеченныхъ изъ означенныхъ рѣшеній 1862—1879. Составленъ И. Г. Даниловымъ и А. Е. Виноградовымъ. Изданіе второе. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к. съ перес.

Сибирь какъ колонія. Къ юбилею трехсотлѣтія. Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее. Н. М. Ядринцева. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и

исправительныхъ 1866 года. Съ дополненіями по 1 декабря 1881 года. Составленное профессоромъ Н. С. Таганцевымъ. Изданіе четвертое дополненное. Спб. 1882 года. Ц. 4 р. съ пер.

Уставъ о торговой несостоятельности. (Сводъ зак. т. XI, ч. 2, ст. 1855—2023), съ разъясненіями по рѣшеніямъ правительствующаго сената С.-Петербургскаго коммерческаго суда и другихъ судебныхъ мѣстъ Россійской имперіи. Составилъ Г. К. Мартенсъ. Второе вновь обработанное и дополненное изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

XI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Альбомъ Московской Пушкинской выставкѣ 1880 года. Изданіе общества любителей Россійской словесности подъ редакціей Льва Поливанова: 1) Біографическій очеркъ А. С. Пушкина. Составилъ А. А. Венкстернъ. 2) 62 фотогравюры и фотолитографіи художника М. М. Панова и три полтипажа. 3) Приложение. М. 1882 г. Въ коленкоровомъ переплетѣ, тисненомъ золотомъ. Ц. 13 р., съ пер. 15 р.

Альбомъ гоголевскихъ типовъ въ рисункахъ художника П. Воклевскаго. Изданіе второе. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 коп.

Мода на уродованіе, какъ она выражена въ обычаяхъ варварскихъ и цивилизованныхъ расъ. Соч. Уильяма Генри Флюгера. Съ рисунками. Спб. 1883 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ. Къ 200-лѣтнему юбилею русскаго театра собраны и объяснены Проф. Николаемъ Тихонравовымъ. Въ двухъ томахъ. Спб. 1874 г. Ц. за оба тома 8 р., съ пер. 9 р.

Стѣн. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. В. А. Степановой. Одесса. 1883 г. Ц. 75 к., съ пер. 95 к.

XII. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Календарь для женщинъ на 1883 годъ. Спб. 1883 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 коп.

Календарь для хозяекъ на 1883 г. Книга прихода-расходная, для бѣлья и для записыванія адресовъ. Е. К. Годъ 5-й. Спб.

1883 г. Ц. книги въ папѣ 60 коп., съ пер. 80 к., въ перепл. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

Карманная книжка рецептовъ для практическихъ врачей. (Переводъ съ третьяго дополненнаго изданія). Русское изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Календарь для врачей всѣхъ вѣдомствъ. 1883 г. Спб. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Нефтяное отопленіе пароходовъ и пароизовъ. Описаніе разныхъ аппаратовъ съ приложеніемъ 56 чертежей. Инженеръ-технологъ Ст. Гулишамбаровъ. Второе исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Подарокъ молодымъ хозяйкамъ или средство къ уменьшенію расходовъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Составила Елена Молоховецъ. Часть I и II. Въ нихъ заключается: 900 скоромныхъ и постныхъ обѣдовъ; 1,500 описаній разныхъ кушаньевъ и 1,500 описаній приготовленія разныхъ запасовъ. 9-ое изданіе дополненное. Спб. 1881 г. Ц. книги 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. въ перепл. 5 р., съ пер. 5 р. 60 коп.

Сборникъ всѣхъ программъ и правилъ для поступленія въ мужскія и женскія учебныя заведенія, казенныя и частныя по всѣмъ вѣдомствамъ. Составилъ Д. Влакопуловъ. Изданіе 3-е значительно дополненное и исправленное. Съ дополненіемъ всѣхъ переимѣнъ и новыхъ положеній объ училищахъ на 1888—1884 учебный годъ. Составилъ В. Коломининъ. Москва. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Руководство для машинистовъ и кочегаровъ. Войславъ, Спб. 1882 г. Ц. книги въ англійскомъ перепл. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Техническій календарь на 1883 г. Карманная, записная и справочная книжка для гг. инженеровъ, архитекторовъ, строителей и механиковъ. Составилъ Н. М. Вихеле 12-й годъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 90 к.

Указатель фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи съ Царствомъ Польскимъ и Вел. Кн. Финляндіи. Матеріалъ для фабрично-заводской статистики. Составилъ П. А. Орловъ. Спб. 1881 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 75 к.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Композиторскій Императорскаго Русск. Музык. Общества

И. ЮРГЕНСОНА,

П. ЮРГЕНСОНА,

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 9
(на углу Невскаго проспекта).

Москва, Неглинный проездъ, № 10
(на углу Кузнецкаго моста).

поступило въ продажу

НОВОЕ ДВУХЪ ТОМНОЕ ИЗДАНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ:

ДЛЯ ФОРТЕПИАНО: Бахъ, „Das clavier in allen temperatur“, Прелюдии и фуги, 2 тома (по 1 р.). Вагъ-Альбертъ, 17 избранныхъ пьесъ (30 к.). Бетховень, всѣ сонаты въ полномъ томѣ (1 р. 80 к.). Всѣ сонаты въ двухъ томахъ съ аллигатурою (каждый 1 р. 50 к.). Тоже, роскошное издание, 2 тома (по 3 р.). Всѣ мелкия сочиненія: Реквиемъ, Фантазия и пр. (50 к.). Всѣ вариации (1 р. 50 к.). Всѣ концерты (1 р. 50 к.). Всѣ симфоніи (2 р. 50 к.). Симфоніи съ оркестромъ (50 к.). Романсы и стрелки (50 к.). Веберъ, всѣ сонаты (60 к.). Тоже, роскошное издание (1 р. 20 к.). 8 любимыхъ пьесъ (50 к.). Всѣ вариации (50 к.). Всѣ концерты (50 к.). Роскошное издание (1 р. 20 к.). Гайднъ, всѣ 24 сонаты, роскошное издание (2 р. 75 к.). 10 избранныхъ сонатъ (60 к.). 10 избранныхъ сонатъ (60 к.). 20 мелкия пьесъ (60 к.). Гендель, всѣ фортепианная сочиненія, 2 тома (по 20 к.). Гуммель, всѣ сонаты (1 р.). Мелкия сочиненія (50 к.). Концерты (60 к.). Дуссекъ, избранныя сонаты и пьесы (60 к.). Сонаты (50 к.). Калькбретъ, 24 мелкия ор. (1 р.). 12 этюдовъ ор. 120 (30 к.). 25 этюдовъ ор. 143 (1 р.). Алъбертъ, всѣ любимыхъ его пьесъ (50 к.). Клемента, Прелюдии и упражненія (50 к.). Сладозъ, всѣ мелкия сочиненія, симфоніи, упражненія (2 р. 50 к.). 12 избранныхъ сонатъ (1 р. 25 к.). 12 любимыхъ сонатъ (60 к.). Корелли, альбомъ изъ 15 избранныхъ пьесъ (75 к.). Кулау, Сонаты, 2 тома (по 50 к.). Мендельсонъ, всѣ его фортепианная сочиненія в 6 томахъ (5 р. 30 к.). Альбомъ, составленный изъ любимыхъ пьесъ (50 к.). Всѣ 6 симфоній (1 р. 25 к.). Всѣ увертюры (50 к.). Маршъ (50 к.). 35 мелодій (ор. 120) 30 пьесъ безъ словъ, переданныхъ или маленкихъ ружъ (60 к.). 30 любимыхъ пьесъ, переданныхъ для маленкихъ ружъ (60 к.). Моцартъ, всѣ сонаты (1 р. 25 к.). Тоже, роскошное издание (3 р.). Всѣ мелкия пьесы (50 к.). Всѣ вариации (1 р.). Концерты, 2 тома (по 1 р.). 15 симфоній (3 р.). 6 избранныхъ симфоній (1 р.). Скарлатти, избранныя пьесы (50 к.). Шопень, полное собраніе его сочиненій въ 6-ти томахъ въ 3 т. д. 6 р.). Тоже, въ больш. форматѣ, 6 томовъ (15 р.). Шубертъ, всѣ сонаты (1 р. 15 к.). Мелкия сочиненія, 3 тома (по 50 к.). Всѣ вариации (75 к.). Раммузасъ, аккорды и басы (50 к.). 30 любимыхъ мелодій въ переданныхъ Менцеровъ 1 т. (по 50 к.). Фелдъ, 17 концертовъ (60 к.). „Album classique“ 12 избранныхъ пьесъ (75 к.). „Unsere Klassiker für die Jugend“ (Классика для юношества) 12 переданныхъ знаменитыхъ сочиненій, 2 тома, въ каждомъ по 30 пьесъ. Томъ I.—Бахъ. II.—Бетховень. III.—Гендель. IV.—Гайднъ. V.—Моцартъ. VI.—Шубертъ. VII.—Веберъ. VIII.—Шопень. IX.—Фелдъ. X.—Гуммель. XI.—Мендельсонъ. Каждый томъ 60 к.). Тоже, для фортепиано въ 4 рукахъ, 5 томовъ, въ каждомъ 20 пьесъ. Томъ I.—Бетховень. II.—Моцартъ. III.—Бахъ. IV.—Гендель. V.—Гайднъ. VI.—Веберъ. VII.—Мендельсонъ. VIII.—Шубертъ. IX.—Фелдъ. X.—Гуммель. XI.—Шопень. (каждый томъ 75 к.).

На пересылку принимается особа и вымается съ обычн. вѣсъ посылки. Требования Гл. издательства исполняются съ пересылочнымъ посылкомъ. Книжки доставляются посылками бесплатно. Въ этихъ же магазинахъ можно получить всѣ музыкальныя произведенія, какъ бы они ни были издава и обываемы.

Принимается подписка на 1882 г. (годъ XII) на дешевый журналъ для Фортениано „DIE MUSIKALISCHE WELT“ („Музыкальная Свѣтъ“, издаваемый Гл. издательствомъ въ Врательбургѣ и содержащий исключительно охъ 5—6 совершенно новыхъ пьесъ еще не издававшихся пьесъ любимыхъ композиторовъ. Годовая цена подписки 3 р. съ пересылкою 4 р. 30 к.

Н. КИММЕЛЬ въ РИГѢ.

КОММИССІОНАТЪ

Полноевропейскій Импортъ, Экспортъ, Провансъ
изъ Европы, Америки, Австраліи, Африки, Азии
и Океаніи, въ Россію, въ Европу, въ Азію, въ Африку
и въ Океанію.

КОММИССІОНАТЪ

Книжный, Импортъ, Экспортъ, Провансъ, изъ
Европы, Америки, Австраліи, Африки, Азии
и Океаніи, въ Россію, въ Европу, въ Азію, въ Африку
и въ Океанію.

НОВѢЙШІЕ КАТАЛОГИ

ВЪВЕДЕНІЯ МАГАЗИНА.

Н. Киммеля въ Ригѣ:

- 1) Всѣмѣсячные каталоги древнихъ и новыхъ сочиненій въ 2-хъ частяхъ Польскихъ и Прибалтійскихъ губерніяхъ.
Новая коллекція около 2000 номеровъ, большая часть рукописей и друкованныхъ сочиненій. Удобны случаи и побужденія для приобретения рѣдкостей за низкою цѣною.
- 2) Каталогъ важнѣйшихъ сочиненій посвященъ 10-лѣтію части (свѣдѣній, извѣстій, извѣдѣній и извѣдѣній) на русскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ, съ полнымъ указателемъ предметовъ на русскомъ языкѣ.
- 3) Catalogue de livres d'assortiment et d'Etrennes pour la prière à prix réduits.
- 4) Каталогъ важнѣйшихъ Журналовъ за 1883 г. на немецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ.
- 5) Каталогъ избранной коллекціи древнихъ и новыхъ сочиненій по части Классической Философіи, Математики, Древней Исторіи и Астрономіи.
- 6) Catalogue de livres d'occasion contenant une collection très-précieuse des ouvrages d'histoire naturelle de botanique et de pharmacie.

Въ этихъ каталогахъ по желанію объявлено о сокращеніи.

Получить можно въ книжномъ и отдѣленіи магазина.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Коммиссіонеровъ Императорскаго Русск. Музык. Общества

І. ЮРГЕНСОНА,

П. ЮРГЕНСОНА,

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 9
(на углу Невскаго проспекта).

Москва, Неглинный проѣздъ, № 10
(на углу Кузнецкаго моста).

поступило въ продажу

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА:

ДУХОВНО-МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ: Чайковскій, „Всесошное Бдѣніе“. Опись гармонизаціи Богослужебныхъ пѣснопѣій (съ переложеніемъ для фортепіано). Партитура (3 р., вѣс. за 4 ф.). Литургія Св. Іоанна Златоуста (съ переложеніемъ для фортепіано). Партитура (2 р., вѣс. 2 ф.). Поголосно (2 р., вѣс. 2 ф.).

Бортинскій, полное собраніе его духовно-музыкальныхъ сочиненій, издаваемыхъ вновь подъ редакціею П. Чайковскаго, съ переложеніемъ для одного фортепіано или гармоніума: 35 четырехголосныхъ концертовъ. Партитура (5 р., вѣс. 6 ф.). Поголосно (5 р., вѣс. 6 ф.). 8 духовныхъ тріо и трехголосная литургія. Партитура (60 к., вѣс. за 2 ф.). Поголосно (60 к., вѣс. 2 ф.). 10 концертовъ двухорныхъ. Партитура (2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.). Поголосно (2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.). Собраніе четырехголосныхъ мелкихъ духовныхъ пѣснопѣій (Херувимскія и пр.). Партитура (1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.). Поголосно (1 р. 20 к., вѣс. 2 ф.). Разныя двухорныя сочиненія. Партитура (2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.). Поголосно (2 р., вѣс. 3 ф.). Хвалебныя пѣсни: „Тебѣ Бога хвалимъ“ 14 №№. Партитура (3 р., вѣс. 5 ф.). Поголосно (2 р. 50 к., вѣс. 5 ф.). Всѣ сочиненія Бортинскаго продаются также отдѣльными №№ (по 15, 20, 25 и 30 коп.). Каталог высылается по требованію. **Виноградовъ,** Духовно-музыкальныя сочиненія. Партитура (2 р., вѣс. за 2 ф.). Поголосно (2 р., вѣс. 2 ф.). **Глинка,** Херувимская. Партитура (40 к.). Ектенія (20 к.). „Да исправится молитва“ (30 к.). **Нятинскій,** „Свете тихій“ (30 к.).

ДЛЯ ПѢНІЯ: Римскій-Корсаковъ, 40 русскихъ народныхъ пѣсень (пѣсни духовнаго содержанія, близкія и пр.) собраніи Т. И. Филипповымъ (2 р., вѣс. 3 ф.). **Вильбоа,** 25 самыхъ любимыхъ русскихъ народныхъ пѣсень. Новое изданіе (1 р.). „Цыганскій Таборъ“. Сборникъ цыганскихъ пѣсень. Новое изданіе. Выпускъ 1 и 2 (въ каждомъ по 25 №№) (каждый выпускъ 1 р., вѣс. 2 ф.). **Рубецъ,** Сборникъ украинскихъ народныхъ пѣсень. Выпускъ IV (75 к., вѣс. 1 ф.). Прежде вышедшіе 3 выпуска по той же цѣнѣ. **Ломанинъ,** Краткая метода пѣнія, предназначенная преимущественно для учебныхъ заведеній. 3-е изданіе (1 р., вѣс. 2 ф.). **Вагнеръ, Тангейзеръ.** Полная опера для пѣнія съ русскими и нѣмецкими текстомъ (5 р., вѣс. 5 ф.). **Аванасевъ,** Руководство пѣнію для народныхъ школъ. 3-е изданіе (60 к., вѣс. 2 ф.). 64 русскія народныя пѣсни на 3, 4 и 6 голосовъ, для народныхъ школъ (60 к., вѣс. 2 ф.). **Альбрехтъ,** Сборникъ женскихъ хоровъ Бетховена, Глинки, Вебера, Вагнера, Даргомыжскаго, Мендельсона, Шумана, Рубинштейна, Чайковскаго и др. Партитура, 2 тома (по 2 р., вѣс. за 3 ф.). Поголосно, 2 тома (по 2 р., вѣс. 3 ф.). **Рубецъ,** Сборникъ четырехголосныхъ пѣсней, для среднихъ учебныхъ заведеній. Партитура (1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.). Поголосно (1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.). 60 русскихъ народныхъ пѣсней на 3 женскихъ или мужскихъ голоса. Партитура (1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.). Голоса (1 р., вѣс. 2 ф.). **Соколовъ,** 17 русскихъ пѣсней на 4 мужскихъ голоса (75 к.). 25 малороссійскихъ народныхъ пѣсней для хора (1 р. 50 к.). 41 русская пѣсня для хора (1 р. 50 к.). 9 русскихъ народныхъ пѣсней для женскаго хора (60 к.). 14 русскихъ пѣсней для 3 мужскихъ голосовъ (75 к.). **Шуманъ,** 6 четырехголосныхъ пѣсней для мужскихъ голосовъ. Партитура (1 р.). Поголосно (1 р.).

На пересылку прилагается особо и взимается съ общаго вѣса посылки. Требованія Гр. иногородныхъ исполняются съ первоюходящею почтою. Каталоги дешевыхъ изданій высылаются безплатно. Въ этихъ же магазинахъ можно получить всѣ музыкальныя произведенія, какъ бы они ни были изданы и объявлены.

(Торговая основана въ 1876 г.)

ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ

и

АНТИКВАРНОЙ ТОРГОВЛѢ

М. НИКОЛАЕВА.

Въ С.-Петербургѣ, Невскій просп., противъ И. Публичн. Библиотеки, 52.

Находятся въ продажѣ послѣдніе экземпляры:

Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Исследование П. Пешурова. 2 тома. Спб. 1862 г. Соч. удостоено отъ Академіи наукъ полной дежидовской премии.
Т. I. Введение въ исторію просвѣщенія въ Россіи XVIII столѣтія.

Т. II. Описание славяно-русскихъ книгъ и типографій 1698—1725 годовъ. Цѣна 2 тома 10 руб.

Основанія биологій. Соч. Герберта Спенсера. 2 тома. Съ портретомъ автора и 297 рис. Перев. съ англійскаго п. р. А. Герда. Ц. 5 руб.

Между другими нѣтъся въ продажѣ:

Миленькая домашняя аптечка профессора Ф. Нуссбаума. Перев. со 2-мъ изд. Спб. 1882 г. Ц. 50 к.

О положеніи человѣка въ ряду органическихъ существъ. Соч. Т. В. Гексли. Перев. п. р. А. Бекетова. Съ 33 рис. Ц. 1 руб.

Развитіе политическихъ учреждений. Соч. Г. Спенсера. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
Болѣзни мочевыхъ органовъ. Клиническія лекціи профес. Г. Томсона. Перев. п. р. профес. Заблodkaго. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к.

Руководство къ изученію болѣзней кожи. Н. Неймана. Перев. п. ред. Черешкина и Шулговскаго. Съ рис. Изд. 2-е. Ц. 3 р.

Высылаются бесплатно по требованію:

Антикварный каталогъ № 2 продающихся въ Складѣ на русскомъ языкѣ книгъ.

Гг. выписывающіе вышеозначенные соч. прямо изъ Склада—за пересылку не платятъ.

Складъ принимаетъ заказы на всѣ безъ исключенія рѣдкія и существующія въ продажѣ книги, театральныя піесы (печатныя и писанныя), ноты, географическія карты, атласы, глобусы, фотографическія карточки и портреты извѣстныхъ лицъ, олеографіи, гравюры, учебныя пособія, классныя принадлежности и пр., публикуемыя въ разныя газетныхъ, журнальныхъ и каталогныхъ отъ гг. книгопродавцевъ и издателей, по цѣнамъ отъ нихъ объявленнымъ.

Антикварный отѣлъ издаетъ періодически, не срогами, Антикварные каталоги продающихся у него книгъ. Покупаетъ (и обмѣниваетъ на новыя) старыя книги по Русской исторіи, археологій, палеонтологій, географіи, статистикѣ, искусству, словесности и библиографіи.

Держанныя, бывшія въ употребленіи, но находящіяся въ продажѣ книги, а равно старыя журналы полныя года и отдѣльныя №№ продаетъ по уменьшеннымъ цѣнамъ.

Подписка на всѣ газеты и журналы по объявленнымъ цѣнамъ отъ Гг. редакторовъ издателей.

Пересылку изъ провинціи книгъ Складъ принимаетъ на свой счетъ до 15 и съ фунт. Безденежныя требованія не исполняются.

Гг. иногородные, желающіе получить библиографическую справку, на которую прилагаютъ 21 коп. почтовыми марками.

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 95.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

№ 95.

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА
ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

I. БОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛО-
ГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Антропология. Введеніе къ изученію человѣка и цивилизаціи. Эд. Б. Тайлора. Переводъ съ англійскаго, г-ра И. С. Ивина. съ 78 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 3. съ пересылкою.

Вѣчное блаженство святыхъ. Соч. Ричарда Бакстера. Переводъ съ французскаго свщ. Андрея Свѣтлакова. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Дни богослуженія православной католической восточной церкви. Протоіерея Г. С. Дебольскаго. Въ двухъ томахъ. Изданіе седьмое. Спб. 1882 г. Ц. за два тома 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Земная жизнь Господа Спасителя нашего Іисуса Христа. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакцію Э. М. Орды. Изданіе пятое. Кіевъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Историческое ученіе объ отцахъ церкви. Архіепископа Филарета. Въ трехъ томахъ. Спб. 1882 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 коп.

Наука о духѣ. Общія свойства и законы человеческого духа. М. Троицкаго. Въ двухъ томахъ. Москва. 1882 г. Цѣна за оба тома 5 р. 50 к., съ пер. 6 р.

Опытъ исторіи мысли. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к. съ пер.

Православное догматическое богословіе. Соч. архіеп. Филарета. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 коп.

О говѣніи по уставу православной церкви. Протоіерея Г. С. Дебольскаго. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Объ умѣ и познаніи. Соч. Ипполита Тана. Переводъ съ французскаго, подъ редакцію Н. Н. Страхова. Въ двухъ томахъ. Спб. 1872 г. Ц. за оба тома 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Основанія науки о нравственности. Соч. Герберта Спенсера. Перев. съ англійск. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

О терпѣніи скорбей. Ученіе святыхъ отцовъ, собранное епископомъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человѣка“ Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

Правила святой жизни. Изложены Аввою Бернардомъ. Переводъ съ франц. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Русскіе святые и святые юнныхъ славянъ, чтимые всею церковью и мѣстно. Описаніе жизни ихъ. Сочиненіе архіепископа Филарета. Въ четырехъ томахъ. Изданіе третье дополненное. Спб. 1882 г. Ц. 7 р., съ пер. 8 р.

Слова, бѣсѣды и рѣчи. Архіепископа Филарета (Гумилевскаго). Въ 4-хъ частяхъ. Изданіе третье. Спб. 1883 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 25 к.

Седмица говѣнія, исповѣди и причащенія. Протоіерея Г. С. Дебольскаго. Спб. 1882 г. Ц. 20 к., съ пер. 35 к.

Стягатель благочестія или полный кругъ церковныхъ бѣсѣдъ, поученій и словъ. Протоіерея В. Нордова. Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора. Спб. 1883 г. Ц. за оба тома 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Утѣшеніе въ смерти близкихъ сердцу.

*) Книга, вновь поступившія въ Складъ въ теченіи послѣдняго мѣсяца, указаны предъ ихъ заглавіемъ.

Епископа Гермогена. Спб. 1880 г. Ц. 30 к., съ пер. 50 к.

■ Эпипитетъ. Настольная замѣтка стоической морали. Переводъ Н. В. Зайцева. 1883 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

II. СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній. П. В. Анненкова. Съ приложеніемъ рисунковъ модели памятника, мѣста погребенія и снимковъ съ начертковъ и рисунковъ поэта. Спб. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

■ Американскіе очерки и разсказы Генриха Сенкевича. Переводъ В. М. Лаврова и Л. И. Пальмина. Въ двухъ частяхъ. Москва. 1883 г. Цѣна за двѣ части 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

■ Безплодная жертва. Романъ М. Брэддона. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер.

Братья Карамазовы. Романъ въ двухъ томахъ, въ четырехъ частяхъ съ эпилогомъ. О. М. Достоевскаго. Изданіе третье. Спб. 1882 г. Цѣна за оба тома 5 р., съ пер. 6 руб.

■ Братоубійца. Уголовный романъ А. Гунтрама. Переводъ съ нѣмецкаго К. Кюнъ (Канпа). Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Всеобщая исторія литературы, составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ, подъ ред. В. О. Корша. Спб. 1880—82 г. Вып. 1—15. Ц. 15 р., съ пер. 17 р.

■ Власть земли. Очерки и „отрывки изъ памятной книжки“. Глаба Успенскаго. Москва. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

■ Впередъ! Романъ изъ событій послѣдней турецкой войны. В. И. Немировичъ-Данченко. Спб. 1883 г. Ц. 3 р. 50 коп., съ пер. 4 р.

Въ камышахъ. Повѣсть Н. Н. Каравина. Съ 39-ю рисунками автора. Второе изданіе. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Вольтерьянецъ. Историческій романъ конца XVIII вѣка. Въ двухъ частяхъ. Всеволода Соловьева. (Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“). Спб. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

■ Вокругъ полумѣсяца. Романъ Г. Самарова. Переводъ съ нѣмецкаго А. Солововой. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Графъ П. Д. Киселевъ и его время. Матеріалы для исторіи императоровъ Александра I, Николая I и Александра II, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго. Въ четырехъ томахъ. Спб. 1882. Ц. за всѣ 4 тома 6 руб., съ перес. 7 р.

Дневникъ писателя за 1876 г. О. М. Достоевскаго. Спб. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. Доназательства нѣтъ. Романъ автора: „Поиски въ разныхъ страннхъ мѣстахъ“. Спб. 1873 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Дидро и энциклопедисты. Джона Морлея. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія. В. Н. Невѣдомскій. Москва. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Дневникъ монаха-Бернардина. Сочиненіе Игн. Ходзько. Переводъ съ польскаго. Изданіе Ва И. Веселовскаго. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер.

■ Евгения Гранде. Симонъ Вальзака. Переводъ О. М. Достоевскаго. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. съ пер.

Европейскіе писатели и мыслители. В. В. Чуйко В. Х. Аристофанъ. Спб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Женщина какъ супруга. Ученіе о физическихъ, душевныхъ и нравственныхъ обязанностяхъ, правахъ и гигиеническихъ правилахъ женщины въ брачной жизни. Соч. Германа Кленке. Переводъ съ нѣмецкаго, по третьему изданію. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

■ Женщина-Апостолъ. Романъ Альфонса Додэ. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 коп.

Жизнь и поэзія. В. А. Жуковскаго. По неизданнымъ источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ К. К. Зейдлица. Съ портретомъ поэта, факсимиле, письмами и съ предисловіемъ П. А. Висковатого. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. съ пересылкою. Доходъ отъ изданія жертвуется авторомъ на сооруженіе памятника Жуковскому.

■ Жуковский В. А. и его произведенія. 1788—1883. Сочиненіе П. Загорина. Съ приложеніемъ 29 фотогравюръ, автографовъ и нотъ. Москва 1883 г. Цѣна книги въ роскошномъ переплетѣ 10 руб., съ перес. 12 руб.

Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Сравнительно-историческіе очерки. Алексѣя Веселовскаго. Москва. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Записки охотника. И. С. Тургенева. Полное собраніе очерковъ и разсказовъ 1847—1876 г. Четвертое стереотипное изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к. въ роскошномъ каинкоровымъ переплетѣ 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

Изъ жизни русскихъ писателей. Разсказы и анекдоты. Спб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

■ Исторія одного города. По подлиннымъ документамъ изданы М. Е. Салтыковъ (Щедринъ). Изданіе третье. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. съ пер.

Исторія русской литературы въ очеркахъ и биографіяхъ. Сочин. П. Полевого. Въ двухъ частяхъ. Часть I. Древній періодъ Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Часть II. Новый и новѣйшій періодъ: отъ Кантемира и до нашего времени. Сиб. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 руб.

Исторія Славянскихъ литературъ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изданіе второе, вновь передѣланное и дополненное. Сиб. 1880 г. Т. I. Ц. 5 р., съ перес. Т. I. Ц. 3 р., съ пересылкою.

Калевала, Финскій народный эпосъ. Переводъ Э. Гранстрема. Роскошное изданіе съ пятью картинами. Сиб. 1881 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. въ переплетъ 3 р. съ перес.

Кобзарь Тараса Шевченко. Въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изданномъ подъ редакцію Ник. Вас. Гербеля. Изданіе третье, вновь исправленное и дополненное. Сиб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 коп.

Легенда стариннаго баронскаго замка. Не былъ и не сказка. Сиб. 1883 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Любовь и корона. Историческій романъ изъ временъ императрицы Анны Ивановны и регентства принцессы Анны Леопольдовны. Евгенія Карновича. Изданіе второе. Сиб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 коп.

Лопухинское дѣло. Историческая повѣсть. П. Полежаева. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Межъ двухъ огней. Романъ въ трехъ частяхъ М. В. Аядѣва. Сиб. 1869 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Мальтійскіе рыцари въ Россіи. Историческая повѣсть изъ временъ императора Павла перваго. Евгенія Карновича. Сиб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Милліонъ. Романъ Жюль Клареси Сиб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 коп.

На разсвѣтѣ. Новая пѣсни, сатиры, юмористическія стихотворенія и куплеты. А. Θ. Иванова-Классика. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Нападеніе на мельницу. Картины изъ франко-прусской войны. Эмиля Золя и Разращенные. Романъ Додэ. Сиб. 1883 г. Ц. 1 р. съ пер.

Неугомонное сердце. Романъ въ двухъ частяхъ. Сочиненіе графини А. Л. Толстой. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер.

О сербскихъ народныхъ пѣсняхъ. Косовскаго цикла. М. Халанскаго. Варшава. 1883 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Очарованный странникъ. Рассказъ Н. С. Лѣскова, Сиб. 1874 г. Ц. 1 р. съ пер.

Парижскія письма. Изъ литературы и жизни 1875—1877 гг. Эмиля Золя. Второе изданіе. Сиб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Письма къ тетенькѣ. Сочиненіе М. Е. Салтыкова. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

Петербургскія трущобы. Книга о сытыхъ и голодныхъ. Романъ въ шести частяхъ. Всеволода Крестовскаго. Сиб. 1877 г. Цѣна за всѣ четыре тома 5 р., съ пер. 6 р.

Подростокъ. Романъ въ трехъ частяхъ Θ. М. Достоевскаго. Изданіе третье. Сиб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Полное собраніе сочиненій гр. А. К. Толстого съ портретомъ, факсимиле и автобиографіей. Т. I и II. Стихотворенія Ц. 3 р. Т. III. Драматическая трилогія. Ц. 2 р. 50 к. Т. IV. Князь Серебряный. Ц. 1 р. 50 к. Всѣ четыре тома 7 р. съ пересылкою. Въ каленкорномъ переплетѣ, съ тисненіемъ золотомъ 10 рублей съ пересылкою.

Психическій міръ женщины, его особенности, превосходства и недостатки. П. Е. Астафьева. Москва. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 65 к.

Пессимизмъ въ XIX вѣтѣ. Леонарди, Шопенгауэртъ, Гартманъ. Сочин. Е. Каро. Перев. П. В. Макіевскаго. Съ приложеніемъ бесѣды о пессимизмѣ. Москва. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

Признаки времени и письма о провинціи. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Шедрина). Изданіе второе. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Т. VIII. Изданіе графа С. Д. Шереметьева. Сиб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 60 коп.

Полное собраніе сочиненій. Давида Рикардо. Переводъ Н. Зибера. Съ приложеніями переводчика. Сиб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Разсказы. Всеволода Гаршина. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

Сергій Горбатовъ. Историческій романъ конца XVIII вѣка, Всеволода Соловьева. Въ двухъ частяхъ. Сиб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Современная критика и причины ея упадка. Этьюд. Е. Каро. Перев. съ французскаго И. В. Майкова. Москва. 1883 г. Ц. 40 к., съ пер. 40 к.

Среди народа. Бытовые очерки Н. Златовратскаго. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер.

Сочиненія. Н. К. Михайловскаго. Томъ четвертый. Что такое прогрессъ? Въ перемежку. Сиб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Стихотворенія М. П. Розенгейма. Изда-

*

ніе третье, дополненное Спб. 1882 г. Ц. 3 р. съ пересылкою, въ переплетъ 2 р.

Стихотворенія кн. Д. Н. Цертелева. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. въ переп. 2 р.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Полное собраніе въ одномъ томѣ 1842—1877 г. Изданіе второе съ портретомъ и факсимиле. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. въ роскошномъ переплетѣ, тисненномъ золотомъ 4 р. съ пер.

Тайныя общества встѣхъ вѣковъ и встѣхъ странъ. Чарльза Уильяма Гекерторна. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

Уголки театральнаго міра. Романъ въ трехъ частяхъ Ив. Чернышева. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер.

Убѣжище Монрепо. Сочиненіе М. Е. Салтыкова. (Щедрина). Оглавленіе: Общій обзоръ.—Тревоги и радости въ Монрепо.—Монрепо-усыпальница.—Finitis Монрепо.—Предостереженіе. Изданіе второе. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. съ перес.

Хроника села Смурина. Разсказъ Володина. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. съ пер.

Шекспиръ. Гервинуса. Перевелъ съ нѣмецкаго Константинъ Тимофеевъ. Изданіе второе, дополненное, въ четырехъ томахъ. Спб. 1877 г. Ц. 8 р. съ пер. 9 р.

Юный Императоръ. Романъ-хроника въ 3-хъ частяхъ Всеволода Соловьева. Съ портретомъ императора Петра II. Спб. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 коп.

III. ИСТОРИЯ—БЮГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Архивъ. Князя Воронцова. Книга двадцать-сѣдмь. Письма разныхъ лицъ къ графамъ Воронцовымъ. Москва. 1883 г. Ц. 3 р. съ пер.

Архивъ князя Воронцова. Книга двадцать осмь. Письма Русскихъ Государей и Особъ Царскаго Дома. Москва. 1883 г. Ц. 3 р. съ пер.

Автобіографія Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Г. В. Влагосвѣтова. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Афанасій Прокофьевичъ Шаповъ. (Жизнь и сочиненія). Съ портретомъ А. П. Шапова. Сочиненіе Проф. Н. Я. Аристовъ. Посмертное изданіе. Спб. 1883 г., Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Генрихъ Песталоцци, знаменитый швейцарскій педагогъ. Біографическій очеркъ, составленный и переведенный изъ нѣмецкихъ источниковъ. Константиномъ Тимофеевымъ. Спб. 1877 г. Ц. 75 коп., съ пер. 95 к.

Духоборцы, ихъ исторія и вѣроученіе. Сочиненіе Ореста Новицкаго. Изданіе второе передѣланное и дополненное. Кіевъ. 1882 г. Ц. 2 р. съ пер.

Жизнь и политика маркиза Вѣлопольскаго. Эпизодъ изъ исторіи русско-польскаго конфликта и вопроса. Составилъ В. Д. Спасьвичъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. съ пересылкой.

Исторія крестьянской войны въ Германіи, по дѣлописямъ и разсказамъ очевидцевъ. Д-ра В. Циммермана. Переводъ подъ редакцію В. Зайцева. Въ трехъ томахъ. Спб. 1865 г. Ц. тремъ томамъ 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Исторія XIX вѣка. Директорія Т. I. Происхожденіе Бонапарта Соч. Мишле. Переводъ со втораго изданія М. Цебриковой. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 коп.

Крестьяне въ царствованіе императрицы Екаторины II. В. И. Семеновскаго. Т. I. Спб. 1881 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Комедія всемірной исторіи. Іоганна Шерръ. Историческій очеркъ событій съ 1848 по 1851 годъ, въ двухъ выпускахъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1872 г. Ц. обомъ выпускамъ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Наша либеральная интеллигенція. М. Юзефовича. Кіевъ. 1882 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

О Богданѣ Хмельницкомъ. Сочиненіе П. Н. Буцинскаго. Харьковъ. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Опыты по исторіи англійской конституціи. Э. Фримана и В. Стебса. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей М. Ковалевскаго. Москва. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Очерки новѣйшей исторіи (1815—1883). Составилъ И. И. Григоровичъ. Четвертое изданіе значительно дополненное и въ первый разъ иллюстрированное 45 портретами историческихъ дѣателей XIX вѣка. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣателей. Н. Костомарова. Томъ первый. Господство дома Св. Владиміра X—XVI-е столѣтіе. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к. Томъ второй. Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екаторины II. XVII-е столѣтіе. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. Продолженіе втораго тома. Господство дома Романовыхъ XVIII-е столѣтіе. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р. Всѣмъ тремъ выпускамъ 7 р. 10 к., съ пер. 8 р.

Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Т. I. Съ портретами Императрицы Елисаветы, графа А. Г. Разумовскаго и графа К. Г. Разумовскаго. Т. II. Съ портретами графини Н. Д. Разумовской (взача Разумиха). Графъ А. К. Разумовскій. Т. III. Съ портретомъ свѣт. кн. Андрея Кирилловича Разумовскаго. Цѣна за три тома 7 р. 50 к., съ пер. 9 р.

К. Д. Ушинскій. Краткій биогрѣическій очеркъ съ гравированнымъ портретомъ. Составилъ А. Фролковъ. Спб. 1881 г. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

Человѣческая комедія. И. Ф. Василевскаго. (Буквы). Со многими рисунками разныхъ художниковъ. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754—1796). Историческое изслѣдованіе Дмитрія Кобеко. Изданіе второе дополненное. Спб. 1883 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

IV. ГЕОГРАФІЯ—ТОПОГРАФІЯ—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Картины Африки и Азіи (Русскаго путешественника). А. Сумракова. I. Магдоръ и Канарскій архипелагъ.—II. Алжирія и Сахара.—III. Тунисъ и Караагень.—IV. Иерусалимъ и Мертвое море.—V. Сайрамъ-Норъ.—VI. Кульджинскій край.—VII. Заключеніе. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер.

Очерки путешествія въ Гималаи. Г-на и Г-жи Верещагинныхъ. Часть I-я Сиккимъ. Со многими рисунками въ текстѣ. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. съ пер.

Путешествіе въ западную Сибирь. Д-ра О. Финша и А. Брэма. Съ рисунками въ текстѣ. Москва. 1882 г. Ц. 3 рбу. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

Путешествіе по Средней и Восточной Аравіи. Джиффорда Пальгрэва. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер.

Путешествіе по Египту, Аравіи, Малой Азіи и Персіи. В. Мерри-Фогга. Переводъ съ англійскаго Борисовской. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. съ пер.

Чудеса древней страны Пирамидъ. Географическія, историческія и бытовыя картины древняго Египта. Въ періодъ его процвѣтанія и упадка. Соч. д-ра Карла Опеля. Съ 160 рисунками въ текстѣ, 10-ю картинами, картою долины Ніомъ и планомъ египетскихъ памятниковъ въ Нильской долині. Спб. 1883 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ — СТАТИСТИКА.

Изложеніе и критическій разборъ важнѣйшихъ экономическихъ теорій ренты. А. И. Воиновича. Харьковъ 1882 г., Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 коп.

Исторія торговыхъ кризисовъ въ Европѣ и Америкѣ. Макса Вирта. Переводъ съ нѣмецкаго. Е. И. Конради. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер.

Крестьянскій вопросъ. Изслѣдованіе о значеніи у насъ крестьянскаго дѣла, причинахъ его упадка и мѣрахъ къ поднятію сельскаго хозяйства и быта поселанъ. К. Д. Кавелина. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, съ приложеніемъ статьи: „Очеркъ правительственныхъ мѣръ по переселенію крестьянъ послѣ изданія Положенія 19 Фев. 1861 года“. Ю. Э. Янсонъ. Изданіе второе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Очеркъ мѣръ, уменьшающихъ расходы содержанія и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. И. Рихтера. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 1 р. 95 к.

Первобытная собственность. Эмиля Де-Лавеле. Переводъ съ французскаго, подъ редакцію Н. С. Кутейникова. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер.

Современный социализмъ. Сочиненіе Эмиля де-Лавеле. Переводъ съ французскаго подъ редакцію М. А. Антоновича. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес.

Судьбы капитализма въ Россіи. Сочиненіе В. В. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 70 к.

VI. ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Азбука-Лото. 16 таблицъ на брис-тольскомъ картонѣ и 35 карточекъ буквъ съ раскраш. рисунк., въ коробѣ. Сост. А. Черенинъ. Москва. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Бѣглый. Дѣтскій разсказъ изъ родно-го быта. Рисунки Ваенцова. Фотогравюра М. М. Панова. Москва 1883 г. Ц. книги въ папѣ 70 к., съ пер. 85 к.

Генторъ Серваданъ. Путешествіе и приключенія въ солнечномъ мірѣ. Жюль Верна. Переводъ С. Самойловичъ. Со многими картинами въ текстѣ. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р., въ папѣ 3 р. 85 к., съ пер. 4 р. 25 к.

Дѣтсти загадонъ, дѣтсти отгадонъ для умныхъ дѣтей. Спб. 1882 г. Ц. 20 к., съ пер. 35 к.

Дочь египетскаго царя. Историческій романъ Эберса, разсказанный для юношества. О. Шапиръ. Со многими рисунками. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 коп.

Задача и организація школьнаго дѣла въ уездѣ. 1882 г. В. Александрова. Спб. 1883 г., Ц. 50 коп. съ пер. 65 к.

Зорька. Книга для чтенія въ народныхъ школахъ. Годъ первый. В. Добро-вольскаго. Изданіе второе исправленное

и дополненное А. М. Цвѣтковымъ. — Ц. 80 к., съ пер. 45 к. Покушающіе 20 экзempl. получаютъ даромъ „защѣтанія для учащихся“. И. М. Цвѣткова. Въ продажѣ цѣна этой книги 20 коп., съ пер. 30 к. Сиб.

Жизнь и приключенія Робинзона Крузо. Сочиненіе Даниѣля Дефо. Обработала для дѣтей С. Чистякова. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Цѣна книги въ папкѣ 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Изданія учрежденной по Высочайшему повелѣнію г. министромъ народнаго просвѣщенія постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній:

1) О богослуженіи православной церкви. Свящ. М. Соколова. Ц. 8 к.

2) Уничженіе на землѣ Господа нашего Іисуса Христа. Съ раскрашеннымъ изображеніемъ. Ц. 8 к.

3) Жизнь Божіей матери. Свящ. М. Соколова. Съ раскр. изобр. Ц. 15 к.

4) Первые вѣка христіанства и распространеніе его на Руси. Съ раскр. изобр. Свящ. Опатовича. Ц. 10 к.

5) Великій постъ. Чтеніе свящ. М. Соколова. Ц. 10 к.

6) Богомольцы у святыхъ Кіева. І. Лавра. Съ 3 изобр. Ц. 15 к.

7) Богомольцы у святыхъ Кіева. ІІ. Старый Кіевъ. Съ 2 изобр. Ц. 10 к.

8) Русская правда или судъ въ стародавніи времена. Историческая повѣсть. В. Лапина. Ц. 7 к.

9) Историческая повѣсть изъ временъ татарскаго погрома. В. Лапина. Ц. 10 к.

10) Невская битва и Ледовое побоище. В. Лапина. Съ раскр. картин. Ц. 5 к.

11) Куликовская битва. С. Рождественскаго. Ц. 8 к.

12) Покореніе царства Казанскаго. В. Лапина. Съ раскр. картин. Ц. 5 к.

13) Изъ временъ покоренія Сибири. Историческая повѣсть. В. Лапина. Ц. 10 к.

14) О Петрѣ Великомъ. С. Рождественскаго. Съ 5 раскр. карт. Ц. 12 к.

15) Какъ и чему училъ Петръ Великій народъ свой. Съ 4 раскр. карт. С. М. Макаровой. Ц. 12 к.

16) Полтава. Повѣсть въ стихахъ А. С. Пушкина. С. Макаровой. Съ 8 раскр. карт. Ц. 15 к.

17) Тарасъ Бульба. Историч. повѣсть. Н. В. Гоголя. Ц. 5 к.

18) 19 февраля 1856—1880 г. Доброписцева. Ц. 5 к.

19) М. В. Ломоносовъ. А. Филонова. Съ картинкою. Ц. 5 к.

20) Какъ ѣда питаетъ наше тѣло. Съ 2 раскр. картин. И. Алфеева. Ц. 15 к.

21) Чай, откуда онъ идетъ къ намъ и

чѣмъ полезенъ. Е. Рейбота. Съ 2 раскр. картин. Ц. 8 к.

22) Петръ Великій по сочиненіямъ. А. С. Пушкина. А. Филонова. Ц. 5 к.

23) Дѣдушка Крыловъ и его басни. А. Филонова. Съ раскр. картин. Ц. 10 к.

24) Кольцовъ и его пѣсни. М. Парунова. Съ раскр. картин. Ц. 10 к.

25) Рассказы о севастопольцахъ. А. Ступонева. Ц. 15 к.

26) Кулибинъ, механикъ-самоучка. Е. Ф. Николаевой. Съ раскр. картин. Ц. 8 к.

27) Дѣвѣнадцать мудрыхъ басенъ. Съ портр. Крылова. Ц. 5 к.

28) Суворовъ, С. Рождественскаго. Съ портр. и одною раскраш. картинкою. Ц. 15 к.

29) Сборникъ стихотвореній. Вып. І. Ц. 8 коп.

30) Архангельскіе китоводы. Съ 2 раскр. карт. Ц. 20 к.

31) Владиміръ Мономахъ и его заветы. И. Хрущева. Съ раскрашенными картинками. Спб. 1883 г. Ц. 15 к.

32) Купецъ Иголкинъ и его подвигъ. Съ картиною. Спб. 1881 г. Ц. 8 к.

33) Александръ Первый Благословенный. Съ двумя картинками. Спб. 1881 г. Ц. 8 к.

34) Путешествіе Государя Императора Александра ІІІ. Въ первое лѣто его царствованія. Спб. 1873 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп.

35) Жизнь Святаго Николая Чудотворца. Соч. Свящ. Михаила Соколова. Изданіе второе. Спб. 1883 г. Ц. 8 к.

36) Бѣсѣды о здоровьи и о болѣзняхъ. Д-ра М. О. Перфильева. Спб. 1883 г. Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Изъ міра великихъ преданій: Роландъ, изъ древней французской поэмы (съ рисункомъ). Король Лиръ (по Шекспиру). Зимняя сказка (по Шекспиру съ рисункомъ). Вильгельмъ Телль (по Шиллеру), Цини (по Теодору Кернеру, съ рисункомъ). Рассказы для юности Виктора Острогорскаго. Изящное изданіе, съ красивой вѣнечкой. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к., въ папкѣ 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Иванъ Ротозей. Книга для малыхъ дѣтей съ раскр. картин. Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Исторія Россіи. Въ рассказахъ съ картинками для народныхъ и другихъ низшихъ училищъ. М. Острогорскаго. 7-ое изданіе. Спб. 1883 г. Ц. 25 к., съ пер. 40 к.

Натаномы. Повѣсти изъ первыхъ временъ христіанства. Сочиненіе Евгенія Туръ. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Лекціи зоологій проф. Поля Бера. Переводъ съ французскаго д-ра Л. Н. Снимо-

нова. Предисловіе И. Р. Тарханова. Анатомія и физиологія. Съ 402 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер.

Мысль и трудъ. Разсказы для дѣтей. М. Песбиковой. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 75 коп., съ пер. 2 руб.

Очеркъ современнаго состоянія заграничной школы. Я. Т. Михайловскаго. Спб. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Очеркъ греческихъ древностей. Пособіе для гимназистовъ старшихъ классовъ. Составилъ В. Латышевъ. Часть 1-ая: Государственные и военные древности. Одобрено ученымъ Комитетомъ М. Н. П. въ видѣ пособія по греческому языку для гимназій и прогимназій. Вильна. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

О воспитаніи дѣтей. Въ первые годы и въ юности. Публичныя лекціи Эдуарда Легува. Въ двухъ частяхъ. Часть 1-я. Дѣтство. Часть 2-я. Юность. Переводъ съ французскаго. Спб. 1878 г. Ц. 2 р. съ перес.

Первыя понятія о зоологіи. Поля Бера. Со множествомъ рисунковъ въ текстѣ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Проф. И. И. Мечникова. Къ переводу присоединено три дополнительныхъ очерка: Развитие животнаго міра, общественная жизнь животныхъ и великая роль „ничтожныхъ созданий“. Спб. 1883 г. цѣна книги 1 р., съ пер. 1 р. 20 к., въ папкѣ 1 р. 15 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Пѣсня про купца Калашникова. М. Ю. Лермонтова. Изданіе Спб. Комитета грамотности. Спб. 1881 г. Ц. 10 к., съ пер. 15 коп.

Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. Константина Тимофеева. Одобрено какъ руководство для женскихъ учебныхъ заведеній. Изданіе третье. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Практическая метода въ 5-ти тетрадяхъ для основательнаго четкаго и легкаго изученія русскаго чистописанія въ школѣ и дома. Составилъ Фридманъ. Гродно. 1881 г. Цѣна каждой тетради 6 коп. безъ пересылки.

Прогулка по зоологическому саду. Э. Гримаръ. Съ двадцатью четырьмя большими картинками и многими полнотипажными въ текстѣ. Переводъ съ французскаго Н. Н. Помпеевой. Спб. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Послушаемъ! Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ А. Нольде. Съ 28 полнотипажными, рисованными на деревѣ художникомъ М. Малышевымъ. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

Разсказы изъ народнаго быта. Составлен-

ные изъ подбора русскихъ пословицъ, прибаутокъ, поговорокъ, примѣтъ, пѣсенъ и притчаний. В. Островскаго. № 1. Титъ. — № 2. Маланья. — № 3. Вавило. — № 4. Маша на дѣвичникѣ. — № 5. Илья Муромецъ. Спб. 1883 г. Цѣна каждой книжки 10 коп.

Руководство практической ариметики. Въ объемѣ курса гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. Александромъ Вороновымъ. Спб. 1883 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Робинзонъ Крузе младшій. Сочиненіе Кампе. Съ иллюстрированными картинками. Спб. Ц. книги въ папкѣ 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

Робинзонъ Крузе. А. Анненской. Новая переработка темы Де-Фое. Съ 10-ю картинками и 35 полнотипажными, рѣзанными на мѣди въ Лейпцигѣ. Второе изданіе. Спб. 1882 г. Цѣна книги въ перепл. 3 руб., съ пересылкою.

Русскія прописи. Методическое руководство къ обученію писанью, для школьнаго и домашняго употребленія. Составилъ И. Н. Малавиновскій. Изданіе третье. Рига. 1883 года. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

Русская грамота. Букварь для народныхъ школъ. Сост. В. Добровольскій. Изданіе пятнадцатое. Спб. 1883 г. Ц. 5 к.

Разсказы для дѣтей. И. С. Тургенева и графа Л. Н. Толстого. 1) Перепелка. 2) Кавказскій пѣтушокъ. 3) Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ. 4) Чѣмъ люди живы? Съ картинками академикова: Васнецова, Маковского, Рѣпина и Сурикова. Москва. 1883 г. Цѣна книги въ папкѣ 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Руководство къ практическому изученію нѣмецкаго языка съ изложеніемъ важнѣйшихъ грамматическихъ правилъ. Часть I. Минскъ 1882 г. Ц. 55 коп., съ пер. 70 коп.

Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій, съ примѣчаніями и русско-нѣмецкимъ словаремъ. Составилъ Иванъ Аллендорфъ. Одесса. 1882 г. Ц. 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 60 к.

Семь братьевъ и сестра. Соч. Луизы Олькотъ. Переводъ съ англійскаго О. Бутевовай. Спб. 1876 г. Ц. книги въ перепл. 2 р., съ пер. 2 р. 40 коп., безъ переплета 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Семейство Шалонскихъ. Изъ семейной хроники. Сочиненіе Евгени Туръ. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 руб. 20 к.

Святоточные разсказы. Чарльза Диккенса. Полный переводъ съ англійскаго Ф. Резенера. Съ 40 полнотипажными и 5 гравюрами. Спб. 1875 г. Ц. 4 р., съ пер. 5 р.

Сказки для дѣтей, Уйда. Переводъ съ англійскаго В. Гаршина, А. Каррикъ, В.

Рандова, М. Цебриковой, Л. Шелгуновой. Съ рисунками Н. Каразина. Спб. 1883 г. Ц. книги въ папкѣ 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Сказки юта - Мурлык. Изданіе третье пересмотрѣнное и дополненное. Съ рисунками разныхъ художниковъ. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Сказки профессора З. Топелюса. Спб. 1882 г. въ папкѣ Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Сельская христоматія. Выпускъ 1-ый А. С. Пушкинъ. Выпускъ 2-ой Н. А. Некрасовъ. Выпускъ 3-й В. А. Жуковский. Составилъ Н. О. Сумцовъ. Харьковъ 1883 г. Цѣна каждого выпуска 5 копѣекъ.

Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ первый. Общій обзоръ земного шара. Составилъ А. Воронцовъ. Спб. 1883 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Учебникъ математической географіи. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Состав. Я. Блюмбергъ. Спб. 1883 г. Ц. 75 к., съ пер. 95 коп.

Учебникъ зоологій. Составилъ А. Я. Гердъ. Часть II. Позвоночныя съ 119 рисунками въ текстѣ. Для среднеучебныхъ заведеній и самообразования. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 70 к.

Хижина Дяди Тома, или жизнь среди рабовъ. Романъ Гарриетъ Бичер-Стоу. Новый переводъ Е. Ландина. Съ 46-ю картинками. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Характеристика двочечъ. К. Ельницкаго. Спб. 1883 г. Ц. 40 коп., съ пер. 55 коп.

Что окружаетъ насъ. Чтеніе для дѣтей среднего и старшаго возраста. Составленное Ф. Резенеромъ. Изданіе второе, значительно дополненное. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

Школа Робинзоновъ. Разсказъ Жюль Верна. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

VII. ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Древности Вавилоно - Ассирскія по новѣйшимъ открытіямъ. Составилъ Н. Астафьевъ. Съ образчиками клинописи, тремя рисунками (въ текстѣ), и картою къ лѣтописямъ Ассирійскихъ царей. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Монгольская лѣтопись „Зрденіиъ Эрихъ“. Подлинный текстъ съ переводомъ и поясненіями, заключающими въ себѣ матеріалъ для исторіи Халхи, съ 1636 по 1736 г. А. Позднѣва. Спб. 1883 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Начертаніе церковнославянской грамма-

тики, примѣнительно къ общей теоріи русскаго и другихъ родственныхъ языковъ. Антона Будиловича. Варшава 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Опытъ всеобщей библиографіи нефтяной промышленности. Часть I. Составилъ инженеръ-технологъ Ст. Гулишамбаровъ. Спб. 1883 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 коп.

Образцы языка церковнославянскаго по древнѣйшимъ памятникамъ глаголической и кирилловской письменности. Составилъ И. В. Ягичъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 коп.

О нѣкоторыхъ золическихъ и дорическихкихъ календаряхъ. Эпиграфическія изслѣдованія. В. Латышева. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ. Н. Ф. Сумцовъ. Харьковъ 1881 г. Ц. 1 р. 30 коп., съ пер. 1 р. 50 коп.

Указатель матеріаловъ для исторіи торговли, промышленности и финансовъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Отъ древнѣйшихъ временъ до конца XVIII столѣтія. Составилъ П. О. Черневскій. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Указатель матеріаловъ для изученія Сѣверо-Западнаго края, въ археологическо-этнографическомъ отношеніи. Составилъ П. О. Черневскій. Спб. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

VIII. МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА — ХИМІЯ.

Аналитическая геометрія. Составлена І. Сомовымъ. Изданіе третье. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Высшая алгебра. Часть первая. Рѣшеніе численныхъ уравненій Ю. Сохоцкаго. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 40 коп.

Дополнительныя статьи алгебры. Курсъ VII дополнительнаго класса реальнаго училищъ. 2-ое изданіе дополненное статьями „Приложеніе алгебры къ геометріи“. Составилъ Я. Блюмбергъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Курсъ аналитической механики. Составилъ Д. Бобылевъ. II. Часть кинетическая. Выпускъ второй. Механика системъ, составленныхъ изъ матеріальныхъ точекъ. Съ 2-мя таблицами чертежей. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 30 коп., съ пер. 2 р. 60 коп.

Механика животнаго организма. Перемѣненіе по землѣ и по воздуху. Э. Марей. Съ 117 политипажными. Переводъ съ французскаго. Спб. 1875 г. Ц. 2 р., съ пер.

Начала начертательной геометріи, теоріи тѣней и линейной перспективы. Съ при-

хоженіемъ черченія кривыхъ. Составилъ А. Пальшау. (Курсъ реальныхъ училищъ). Харьковъ. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 65 к.

Новѣйшіе успѣхи метеорологій. 1. Одно-временная система наблюдений и предсказанія погоды. А. Клоссовскаго. 12 картъ и 1 таблица чертежей. Одесса. 1882 г. Ц. 3 р. съ пер.

Приложеніе алгебры къ геометріи. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Я. Блюмбергъ. Спб. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Теоретическая механика. Первая часть. Механика матеріальной точки. Составилъ Н. Будаевъ. Спб. 1871 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер.

Учебникъ прямолинейной тригонометріи для гимназій. (Съ прибавленіемъ статьи о логоризмахъ). Составилъ Я. Блюмбергъ. Спб. 1875 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Физика земнаго шара. О явленіяхъ, производимыхъ на земномъ шарѣ теплою. Написано П. А. Хлѣбниковымъ. Спб. 1866 г. Ц. 3 р. съ пер.

Элементарная механика. (Курсъ VI класса реальныхъ училищъ). Составилъ Э. Михельсонъ и Я. Блюмбергъ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Элементарная алгебра. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Я. Блюмбергъ. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Электричество и Магнетизмъ. Силъ-ванусъ Томпсонъ. Переводъ съ англійскаго Н. Я. Капустина и В. Б. Струве подъ редакціей и съ нѣкоторыми измѣненіями доктора физики И. И. Боргмана. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к.

IX. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГІЯ — МЕДИЦИНА.

Виньетки съ натуры. Грантъ Аллена и научныя доказательства органическаго развитія Джорджа Романа. Переводъ съ англійскаго Г. А. Лопатина. Спб. 1883 г. Ц. 1 руб. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 к.

Гигіенѣ и зараза по отношенію къ веществамъ, носящимся въ воздухѣ. Джона Тиндаля. Переводъ съ англійскаго Г. А. Лопатина. Прибавленія: Рѣчь Пастѣра о прививкѣ по отношенію къ куриной холерѣ и сибирской язвѣ. Исслѣдованія д-ра Коха объ этиологіи бугорчатки (рефератъ). Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 коп., съ пер. 2 75 к.

Діагностика хирургическихъ заболѣваній. 20 лекцій д-ра Э. Альберта. Переводъ со 2-го вѣмецкаго изданія. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

До-историческій человѣкъ каменнаго

вѣка побережья Ладожскаго озера. Проф. А. А. Иностранцева. Съ 122 политипажамъ въ текстѣ, 2 фліятограмми и 12 табличками фототипій. Спб. 1882 г. Ц. 8 р., съ пер. 9 р.

Исторія индуктивныхъ наукъ отъ древнѣйшаго и до настоящаго времени. Вильяма Уэвелля. Въ трехъ томахъ. Переводъ съ 3-го англійскаго изданія. М. А. Антоновича и А. Н. Пыпина. (Съ біографическими приложеніями). Спб. 1867 г. цѣна за три тома 8 р. 50 к., съ пер. 9 р.

Юдоформъ, Mosetig-Moorhof Пер. съ примѣч. и доп. Д-ра С. М. Герценштейна. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Краткое руководство къ патолого-анатомическому вскрытію труповъ домашнихъ животныхъ. А. П. Остапенко. Харьковъ. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Кавказскія минеральныя воды. О. А. Халѣцкаго, въ медицинскомъ отношеніи, часть I-я. Пятигорскъ и Желѣзноводскъ. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

Краткій учебникъ общей хирургіи, ученія о повязкахъ и операціяхъ. Д-ра Arno Krüsch. Перевели съ нѣмецкаго М. и С. Розенгарты. Ч. I. Общая хирургія. Москва. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Краткая фармакогнозія. Траппъ, проф. 3-е изд. Спб. 1881 г. 2 р. 25 к., съ перес. 2 р. 50 к.

Климатическія особенности Одессы. Составилъ А. Клоссовскій. Одесса. 1883 г. Ц. 60 к. съ пер.

Къ вопросу о зловонномъ насморкѣ (Озаена) А. В. Зинковскаго. Москва. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 коп.

Краткій курсъ общей терапіи. Для врачей и студентовъ. Н. В. Микулинскаго. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 15 коп. съ пер. 1 р. 30 коп.

Кукуруза. Ея разведеніе на зерно и зеленый кормъ и значеніе въ техническихъ производствахъ. Сочиненіе В. С. Засядко. Съ приложеніемъ описанія машинъ, употребляемыхъ при воздѣлываніи кукурузы В. В. Черилева. Съ 54 политипажамъ. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Лѣченіе виноградомъ въ Ялтѣ на южномъ берегу Крыма. Руководство для больныхъ и врачей. Дмитріева. 2-е изд. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Месмеризмъ, одиллизмъ, столонверченіе и спиритизмъ. Съ исторической и научной точки зрѣнія. Лекція, читанная, въ декабрѣ 1876 года, въ Лондонскомъ Институтѣ Вильямомъ Карпентеръ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Обзоръ успѣховъ въ области фармаціи

въ 1880 и 1881 году, 3-й и 4-й годъ. Югансонъ. Спб. 1883 года. Цѣна 3 р., въ перепл. 3 р. 50 к. Тоже 1-й годъ Успѣха въ 1878 г. Ц. 1 р. 25 к. Тоже 2-й годъ Успѣха въ 1879 году. Ц. 1 р. 50 к.

Основа исторіи развитія челеvкта и высшихъ животныхъ, Келликера. Перев. съ нѣмец. подъ редак. профес. Ѳ. Н. Заваркина съ 300 рисун. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Обойное производство и производство окрашенныхъ бумагъ. По Экенеру составилъ П. Волковъ. Съ одной таблицей чертежей, съ 42 образцами обоей и 30 образцами Papier de Fantaisie. Спб. 1875 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к.

Общепонятные рассказы о полезныхъ и вредныхъ насекомыхъ. Съ указаніемъ способовъ истребленія послѣднихъ О. Степовика. Съ 46 рисун. въ текстѣ. Переводъ съ малорусскаго. Харьковъ. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 95 к.

Осмотръ мяса. Для ветеринарныхъ врачей и медиковъ. Baillet. Переводъ А. П. Останенко. Въ извлеченномъ видѣ. Харьковъ. 1882 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Основанія физиологіи ума, съ ихъ приложеніями къ воспитанію и образованію ума и изученію его болѣзненныхъ состояній. Уильяма Карпентера. Т. I. Переводъ со второго англійскаго изданія. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. съ пер.

Патологія и терапія родильнаго періода. Руководство для учащихся и врачей. Винкель. Перев. съ 3-го изданія подъ ред. д-ра М. Горвица. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 20 к., съ пер. 3 р. 45 к.

Полезныя свѣдѣнія о лошади и другихъ домашнихъ животныхъ и птицахъ, (разведеніе и уходъ за домашними животными и птицами, и леченіе ихъ болѣзней). Составилъ А. Савельевъ. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб. 1883 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Практическія занятія по гистологіи растеній. Руководство для начинающихъ. Составилъ П. Я. Крутицкій. Съ 83-ю рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 65 коп.

Популярная гигиѣна, настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа.—Карла Реклама, съ приложеніемъ военной гигиѣны. Соч. д-ра Вейнмана. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Руководство къ патологіи и терапіи женской половой сферы. М. Горвица. 2 части, 2-е дополненное изданіе съ 41 иллюстраціями въ текстѣ. Спб. 1883 г. Ц. 8 р. въ переплетѣ—9 р.

Руководство топографической анатоміи

съ примѣненіемъ къ хирургіи Tillaux. Пер. съ франц. подъ ред. д-ра А. С. Таубера. Спб. 1883 г. Вып. 1—3, Подписная цѣна 9 руб.

Руководство анатоміи нервной системы челеvкта. Д. Зернова (неврологія) Москва. 1883 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Руководство къ хирургіи для фельдшеровъ и фельдшерскихъ учениковъ. Студенскій, съ 84 рисун. 4-е изд. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Руководство къ гигиеническимъ способамъ изслѣдованія Флюгге. Перев. съ нѣмецкаго подъ ред. д-ра медиц. М. Шмелева. Спб. 1882 г. Ц. 6 р., съ пер. 6 руб. 80 к.

Руководство къ прописыванію лекарствъ. Составили D-r L. Waldenburg и D-r C. Ed. Simon. Перевели съ 9-го нѣмецкаго изданія и измѣнили сообразно российской фармакопее. И. Я. Мееровичъ и В. О. Соркинъ. Спб. 1883 г. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

Руководство къ микроскопическому изслѣдованію животныхъ тѣней. Для ветеринарныхъ врачей и студентовъ. Проф. D-га Bonnet. Переводъ А. П. Останенко. Харьковъ. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Руководство къ зубоvрачебной наукѣ, Леви, съ 113 рисун. въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Руководство по хирургической анатоміи. А. Ришэ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей П. Лесгафта. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Руководство къ общей терапіи Ziemssen'a. Перев. подъ ред. профес. Манассеина. Спб. 1882 г. Т. I, часть 2 и 3-я. Ц. 3 р. 60 к. Т. II, часть 3-я Гидротерапія. Ц. 2 р. 40 к. Т. III, 1-я полов. Электротерапія. Ц. 2 р. 40 к. Подписная цѣна за полное изд. 21 р., съ перес. 24 р.

Руководство къ физическимъ методамъ изслѣдованія внутреннихъ болѣзней. Д-ра Германа Эйхгорста. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Вильямина и М. Гиршфельда. Въ двухъ частяхъ. Часть I. Изслѣдованіе кожи, температуры, пульса и органовъ дыханія. Съ 102 рисунками.—Часть II. Изслѣдованіе аппарата кровообращенія и брюшныхъ органовъ. Съ 71 рисунк. и одной хромолитограф. таблицей. Спб. 1883 г. Ц. за оба тома 4 р. 50 к., съ пер. 5 р.

Руководство къ частной патологіи и терапіи для практическихъ врачей и учащихся. Эйхгорстъ, перев. д-ра Круженштерна. Спб. 1883 г. Вып. 1—4. Ц. 4 р. Подписная цѣна за полное сочиненіе 12 р. 50 к., съ перес. 15 р.

Руководство къ частной патологіи и терапіи. Для врачей и студентовъ. Докт.

Нерманн Eichhorst. выпускъ 7-й. Съ многочисленными рисунками въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1882 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

Руководство къ фармакологіи (рецептура). Догель, съ хромолитогр. таблицами. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 40 к., съ пер. 2 р. 90 к.

Рыбоводство. Сочиненіе Фонтъ-Демъ-Борне. Переводъ со втораго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ дополненіями Д-ра О. А. Гримма. Съ 64 полтипажами. Ц. 2 р. 50 к. съ пер.

Спорная область между двумя мірами. Наблюденія и изысканія въ области медумическихъ явленій. Роберта Дэлъ-Оуэнъ. Перевелъ съ англійскаго К. Полинскій. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Спиритизмъ въ Индіи, фанеры очарователи. Л. Жаколю. Составилъ и перевелъ С. Т. Румиловъ. Спб. 1883 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Способы изслѣдованія общихъ и внутреннихъ болѣзней. Лекція Ю. Т. Чудновскаго. Стенографически-записанныя Л. А. Лавровскою. Выпускъ первый. Спб. 1883 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи. Князя А. Васильчикова. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Современное состояніе дерматологіи въ Россіи. А. Г. Полотебнова. Спб. 1883 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Содержаніе и воспитаніе растений въ комнатахъ. Регель. Часть I, 5-е изд. Спб. 1883 г. 2 р. 50 к. Часть II. Спб. 1879 г. Ц. 4 р. въ переп. 2 т. 7 р. 50 к.

Травматическіе вывихи костей. Составилъ Д-ръ И. Карвинскій. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1883 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 коп.

Успѣхи знанія. Джона Тиндалъ. Переводъ А. Каменскаго. Спб. 1875 г. Ц. 50 к. съ пер.

Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми. Гетцъ и Лихарчикъ. Перев. съ 4-го нѣмец. изданія д-ра Н. Воронизина. 3-е русское изд. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., въ переп. 2 р. 25 к., 40 к. за пересылку.

Учебникъ психіатріи, составленный на основаніи клиническихъ наблюденій для врачей и студентовъ. Крафтъ-Эбингъ. Перев. д-ра Черемшанскаго, съ примѣч. д-ра Мерзівскаго. 3 тома Спб. 1881 - 82 г. Ц. 5 р. 50 к., съ пер. 6 р. 50 к.

Учебникъ физиологіи. Проф. М. Фостера. Переводъ съ англійскаго и дополненія проф. Н. Р. Тарханова. Спб. 1882 г. цѣна за 2 тома 7 р. 50 коп. съ пер.

Химическая технологія. Н. А. Бунге.

Часть II, вып. первый. Тонково. Съ приложеніемъ атласа съ 18 таблицами чертежей. Кіевъ. 1883 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Физиологія органовъ чувствъ. І. Бернштейнъ. Переводъ съ нѣмецкаго, съ 91 полтипажами. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. съ пер.

Химическія изслѣдованія по вопросамъ о гііеніи ржаной муки и о дѣйствіи спорыньи на муку для разъясненія явленія эрготизма. Д-ра химія А. В. Пелля. Спб. 1883 года. Ц. 30 к., съ пер. 40.

Химическія дѣйствія свѣта и фотографія въ ихъ приложеніи къ искусству, наукѣ и промышленности Д-ра Германа Фогеля. Съ 94 полтипажами и 5-ю таблицами. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Я. Гутковскаго. Спб. 1875 г. Ц. 3 р. съ пер.

Х. ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній. Составилъ д-ръ Рудольфъ фонъ-Герингъ. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія Владимира Огнева подъ редакціей Проф. Сергія Муромцева. Москва. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер.

Древніе русскіе смѣсные, или вобще суды. Составилъ Николай Ланге. Москва. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к.

Логика общественныхъ наукъ. Москва. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Начала русскаго государственнаго права. Проф. А. Градовскаго. Т. III. Органы мѣстнаго управленія. Часть первая. Введеніе. Историческій очеркъ мѣстныхъ учрежденій въ Россіи. Утвржденія правительственными и дворянскія. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Наши общественныя собранія (клубы), съ точки зрѣнія юридической и области примѣненія гражданскаго иска. А. Гордона. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Объясненія къ закону 18 мая 1882 г. объ измѣненіи правилъ о наказаніяхъ за кражу со взломомъ. По порученію г. Министра Юстиціи составилъ Н. С. Таганцевъ. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп.

О преступленіяхъ наказуемыхъ только по жалобѣ потерпѣвшаго. По русскому праву. Соч. А. Фонтъ-Резона. Спб. 1883 года. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 коп.

О выдачѣ преступниковъ по договорамъ Россіи съ иностранными державами. Е. Шостака. Кіевъ. 1882 г. Ц. 40 коп., съ пер. 50 к.

Очерки общей теоріи гражданскаго права. Сергія Муромцева. Часть первая; Введеніе. О научно-историческомъ изученіи гражданскаго права, Объ образованіи

гражданского права. Москва. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

■ **Определение и основное разделение права.** Изследование Проф. Сергѣя Муромцева. Москва. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

■ **Очерки науки финансового права.** Введение. Общая часть. Особенная часть. Составил И. Тарасовъ. Ярославль. 1883 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

■ **Прозиты желѣзнодорожнаго законодательства.** Составленные и обсужденные въ московскомъ юридическомъ обществѣ въ 1879—80 г. Москва. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 10 к.

■ **Очерки крестьянскаго суда.** Петра Скоробогатаго. Москва. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

■ **По поводу предстоящей реформы судебной части.** Составил Е. Пушкинъ. Москва. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

■ **Первый съѣздъ русскихъ юристовъ въ Москвѣ въ 1875 году.** Издано подъ редакціей: С. И. Баршева, Н. В. Калачова, С. А. Муромцева и А. М. Фальковского. Москва. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 20 коп.

■ **Самоубійство въ западной европѣ и европейской Россіи.** Опытъ сравнительно-статистическаго изслѣдованія А. В. Лихачева. Съ приложеніемъ I. Таблицъ. II. Писемъ и записокъ самоубійцы. III. Картограммы самоубійствъ въ Западной Европѣ и Европейской Россіи. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

■ **Сборникъ рѣшеній перваго департамента правительствующаго сената по крестьянскимъ дѣламъ,** съ приведеніемъ положеній, извлеченныхъ изъ означенныхъ рѣшеній 1862—1879. Составленъ И. Г. Даниловымъ и А. Е. Виноградовымъ. Изданіе второе. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к. съ перес.

■ **Сибирь какъ колонія.** Къ юбилею трехсотлѣтія. Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее. Н. М. Ядринцева. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес.

■ **Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года.** Съ дополненіями по 1 декабря 1881 года. Составленное профессоромъ Н. С. Таганцевымъ. Изданіе четвертое дополненное. Спб. 1882 года. Ц. 4 р. съ пер.

■ **Уставъ о торговой несостоятельности.** (Сводъ зак. т. XI, ч. 2, ст. 1855—2023), съ разъясненіями по рѣшеніямъ правительствующаго сената С.-Петербургскаго коммерческаго суда и другихъ судебныхъ мѣстъ Россійской имперіи. Составилъ Г. К. Мартенсъ. Второе вновь обработанное и до-

полненное изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

■ **Устройство крестьянскихъ судовъ.** П. Скоробогатаго. Москва. 1880 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

■ **Юриспруденція обыденной жизни.** Собрание легкихъ юридическихъ вопросовъ, вытекающихъ изъ событій обыденной жизни. Для пользованія въ университетахъ. Сост. Д-ръ Рудольфъ фонъ-Герингъ. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія. Николая Дерюжинскаго. Москва. 1881 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

■ **Фабричная инспекція во Франціи по закону 19 мая 1874 года.** Очеркъ организаціи и дѣятельности инспекціи надъ трудомъ малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ и въ мастерскихъ въ Департаментѣ Сены. Составилъ А. В. Прилежаевъ. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

XI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

■ **Альбомъ Московской Пушкинской выставки 1880 года.** Изданіе общества любителей россійской словесности подъ редакціей Льва Поливанова: 1) Биографическій очеркъ А. С. Пушкина. Составилъ А. А. Венкштернъ; 2) 62 фотогравюры и фотолютографія художника М. М. Павлова и три позитива. 3) Приложеніе. М. 1882 г. Въ коленкоромъ перешитъ, тисненомъ золотомъ. Ц. 13 р., съ пер. 15 р.

■ **Альбомъ гоголевскихъ типовъ въ рисункахъ художника П. Боклевскаго.** Изданіе второе. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 коп.

■ **Альбомъ ребусовъ, шарадъ, анаграмъ, загадокъ и проч.** Ребусы рисовалъ баронъ М. П. Клотъ, рѣзалъ на деревѣ А. Даугель. Выпускъ I. Спб. 1883 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

■ **Мода на уродованіе, какъ она выражена въ обычаяхъ варварскихъ и цивилизованныхъ расъ.** Соч. Уильяма Генри Флауера. Съ рисунками. Спб. 1883 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

■ **Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ.** Къ 200-лѣтнему юбилею русскаго театра собраны и объяснены Проф. Николаемъ Тихоновымъ. Въ двухъ томахъ. Спб. 1874 г. Ц. за оба тома 8 р., съ пер. 9 р.

■ **Стти.** Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. В. А. Степановой. Одесса. 1883 г. Ц. 75 к., съ пер. 95 к.

■ **Южно-русскій орнаментъ.** Собранный А. Лисенко. Изданіе 3-е, значительно измѣненное и дополненное. Кіевъ. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 8 р.

XII. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Календарь для моряновъ и записная книжка на 1883 годъ. Составилъ шкиперъ дальняго плаванія Л. К. Русацкій. Одесса 1883 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р.

Карманная книжка рецептовъ для практическихъ врачей. (Переводъ съ третьяго дополненнаго изданія). Русское изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Календарь для врачей всѣхъ вѣдомствъ. 1883 г. Спб. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Нефтяное отопленіе пароходо- и паровозовъ. Описаніе разныхъ аппаратовъ съ приложеніемъ 56 чертежей. Инженеръ-технологъ Ст. Гулишамбарова. Второе исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Памятная книжка для инженеровъ и архитекторовъ, или собраніе таблицъ, правилъ и формулъ, относящихся къ математикѣ, механикѣ и физикѣ. Составили В. С. Глуховъ, П. И. Собко и Ф. И. Сулима. Изданіе второе. Спб. 1872 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Подарокъ молодымъ хозяйкамъ или средство къ уменьшенію расходовъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Составила Елена Молоховецъ. Часть I и II. Въ нихъ заключается: 900 скромныхъ и постыхъ обѣдовъ; 1,500

описаній разныхъ кушаньевъ и 1,500 описаній приготовленія разныхъ запасовъ. 9-ое изданіе дополненное. Спб. 1881 г. Ц. книги 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. въ перел. 5 р., съ пер. 5 р. 60 коп.

Сборникъ всѣхъ программъ и правилъ для поступленія въ мужскія и женскія учебныя заведенія, казенныя и частныя по всѣмъ вѣдомствамъ. Составилъ Д. Влахопуловъ. Изданіе 3-е значительно дополненное и исправленное. Съ дополненіемъ всѣхъ перемѣнъ и новыхъ положеній объ училищахъ на 1883—1884 учебный годъ. Составилъ В. Коломинъ. Москва. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Руководство для машинистовъ и кочегаровъ, Войславъ, Спб. 1882 г. Ц. книги въ англійскомъ перел. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Технический календарь на 1883 г. Карманная, записная и справочная книжка для гг. инженеровъ, архитекторовъ, строителей и механиковъ. Составилъ Н. М. Бихеле 12-й годъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 90 к.

Указатель фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи съ Царствомъ Польскимъ и Вел. Кн. Финляндскимъ. Матеріалы для фабрично-заводской статистики. Составилъ П. А. Орловъ. Спб. 1881 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 75 к.

BULLETIN LITTÉRAIRE

de la librairie de CHARLES RICKER

St.-Petersbourg, Perspective de Newsky № 14,

Nouveautés du Avril 1882.

- SAY, M. Léon. Les Finances de la France. Une année de discussion du 15 Décembre 1881 au 20 Décembre, 1882. 2 r. 50 k.
- DIE SAMMLUNG SABOUROFF. Kunstdenkmäler aus Griechenland. 1 Lief. 15 r.
- PROWE, Leopold. Nicolaus Copernicus Erster Band: «Das Leben». I Theil 1473—1512 II Theil 1512—1543. 14 r. 40 k.
- PLON, Eugène. Benvenuto Cellini, Orfèvre, Médailleur, Sculpteur. rel. 55 r.
- GOETHES Werke mit mehr als 800 Illustrationen erster deutscher Künstler herausgegeben von Prof. Dr Heinrich Düntzer. Band I gebunden. 7 r. 20 k.
- HUNFALOY, Paul. Die Rumänen und ihre Ansprüche. 6 r.
- АЛТАЙ, будущая Калифорнія Россіи и царствующіе на Алтай порядки. 2 p. 40 k. (Съ исслѣд.)
- COSTUMES DE L'OPÉRA. 17-e—18-e Siècles avec une préface de Ch. Nuitter, archiviste de l'Opéra. 50 Planches Facsimile à l'eau forte en couleur par A. Guillaumot fils. 6 r.
- SCHWICKER, Dr I. H. Geschichte der Österr. Militärgränze. 5 r. 40 k.
- DU BOIS-REYMOND. Goethe und kein Ende. Rede, gehalten am 15 Octbr. 1882. 70 k.
- LES CELÉBRITÉS CONTEMPORAINES. 1. Victor Hugo, 2 Jules Grévy, 3. Louis Blanc, 4. Emile Augier, 5 Léon Gambetta, 6. Alexandre Dumas fils, 7. Henri Brisson, 8. Alphonse Daudet. Chaque biographie avec portrait et facsimilé. 35 k.
- DAUDET, Alphonse. L'Évangéliste. 1 r. 75 k.
- ZOLA, Émile. Au bonheur des dames. 1 r. 75 k.
- FERDINAND CHRISTIN ET LA PRINCESSE TOURKESTANOW, I 1813—1815 avec la Préface de M-r le Baron de Budberg. 2 r. 50 k.
- REUSSLER. Zur Geschichte und Kritik des bauerlichen Gemeindebesitzes, in Russland. II Theil I Hälfte. 3 r.
- LA VILLA ERCOLANESE DEI PERSONI i Suoi Monumenti e la sua Biblioteca. Ricerche e notizie per Domenico. Comparetti e Guilia de Petra Con XXIV Favole. 62 r. 50 k.
- TURNER, Studier in Russian Literature. 4 r. 80 k.
- CARO, E. M. Littré et le Positivisme. 1 r. 75 k.
- AMERIKA'S NORDWESTKÜSTE. Neueste Ergebnisse Ethnologischer Reisen. Aus den Sammlungen der königlichen Museen zu Berlin herausgegeben von der Direction der Ethnologischen Abtheilung. 30 r.
- MARIE. M. Maximilien. Histoire des Sciences mathématiques et physique 3 r.
- ARMAND, Alfred. Les Médailleurs italiens des quinziesme et seiziesme Siècles. Tome I—II. 15 r.
- MARBEAU, Édouard. Slaves et Teutons. notes et impressions de voyage. 1 r. 75 k.
- SPENCER, Herbert Principes de Sociologie. Traduit de l'anglais par M. E. Gazelles. Tome I—II. 8 r. 75 k.
- O'DONOVAN, Edmond. The merv. oasis. 2 vols. 23 r. 40 k.
- RIBESCO, le Prince Georges. Histoire d'une Frontière. La Roumanie sur la rive droite du Danube. 3 r.

Мазина. Историческая монография. Н. И. Костомарова. Москва, 1883. 8°. 446 стр. Ц. 2 р.

Монография г. Костомарова печаталась рядом статей в журнале "Русская Мысль". Отдельный выход ей дает возможность познакомиться с тем и тем, кто не имел журнала. Иметь надобность говорить о достоинствах нового труда г. Костомарова. И здесь, как вообще в работах автора за последнее время, основным источником служили для него архивные материалы, что придает книге особенную цену: до г. Костомарова никто не воспользовался этим источником в такой мере. Автор пересмотрел также обширную литературу предмета, русскую и иностранную; наконец не забыл народных песен и преданий. Книга составляет важный вклад в нашу историческую литературу. В своем введении об историческом значении Мазин, автор только подтверждает общее представление об этом лице. "Гетман Мазина, как историческая личность, — говорит автор, — не был представителем никакой национальной идеи. Это был эгоист в полном смысле этого слова. Поляк по воспитанию и приемам жизни, он перешел в Малороссию и там сдвинул себя карьеру, подблизился к московским властям и отнюдь не останавливался ни перед какими безправными путями. Самое яркое определение этой личности будет сказать, что это была воплощенная ложь. Он лгал пред всеми, всеми обманывал, — и поляков, и малороссов, и царя, и Карла, всем готов был делать зло, как только представлялся ему возможность получить себе выгоду или вывернуться из опасности".

Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет, 1782—1882. С 5-ю гравированными портретами и 8-ю снимками с писем. Спб. 1883. 98 и 74 стр.

В прошлом году совершился столетний юбилей книгопродавческой и издательской деятельности фирмы Глазуновых. "Краткий обзор" дает историю этой деятельности, не лишнюю и более обширного интереса для истории нашей книжной торговли и издательства с конца прошлого столетия. К "Обзору" присоединены, во-первых, "Список книг, географических карт и атласов, изданных книгопродавцем Иваном Петровичем Глазуновым (начинаетелем фирмы) с 1790 по 1881 год"; во-вторых, такой-же список изданий Илья Ил. Глазунова, в 1831—49 годах; в-третьих, — изданий Александра Ил. Глазунова в Москве, в 1857—68 годах, и наконец — изданий фирмы Глазунова в Петербурге и Москве, в 1849—82 годах.

Родная Старина. Отечественная история в рисунках и картинках (с IX по XIV ст.). В помощь учащимся. Составил В. Д. Сиповский. Второе, значительно дополненное, издание, 125 полнотейших изображений в текстах и два рисунка В. М. Васнецова на отдельных листах. Спб. 1883. Большие 8°. VIII, 277 и VIII стр. Ц. 1 р. 50 коп.

Мы могли уже сказать о "Родной Старине" г. Сиповского. Нынче первый том

этой книги вышел во 2-м издании. Дополнений сдвинул автор, действительно значительно и без сомнения прибавил к занимательности книги. Умножено, больше чем вдвое, и число рисунков, которые в книгах подобного рода имеют большую важность: когда чтение назначается для детей и учащихся, иллюстрация чрезвычайно помогает ясному представлению дела, — очень помогает даже и взрослым. Иллюстрация состоит не из фантастических портретов и картин (только два рисунка г. Васнецова принадлежат к подобному творчеству), а из воспроизведенных рисунков на известных скинских вазах, на фресках киево-софийского собора, в старинных рукописях, изображений местностей (хотя и в новейшем виде), древних костюмов и вооружений, образчиков письма и т. п. Изложение вообще очень легко и занимательно.

Западное влияние в новой русской литературе. Сравнительно-исторические очерки Александра Веселовского. М. 1883. 205 и VII стр. Ц. 1 р. 50 к.

Читателям "Вестника Европы" знаком труд г. Александра Веселовского; теперь он является в отдельном издании, с которыми дополнениями. Имя автора достаточно известно, и нам нет надобности рекомендовать его новую книгу, представляющую не один исторический, но и современный интерес. Мы находимся теперь снова в период самонадеянности, утверждающей, что европейское просвещение нам не нужно, что оно только сбивало нас с пути истинно-национального, искажало национальный характер нашего развития и т. п. Автор берет вопрос об отношении нашей литературы к западу, как он складывался еще в древней России, с XVII-го столетия, до нашего времени, и указывает тесную связь внутренних явлений нашей литературы с возбуждающими влияниями образованности европейской, через которую наша литература принимала к своему ходу общечеловеческое просвещение. Книга написана в живых общих очерках, дающих, однако, весьма серьезное содержание.

М. П. Соловьев. Очерки истории Прибалтийского края. Издание П. Н. Поленова. Часть первая. Спб. 1883. Мал. 8° 210 стр.

В нашей литературе давно бы сдвинуло быть книг такого рода, какую предпринял теперь г. Соловьев. Кроме того, что вообще история Прибалтийского края отсутствовала в нашей литературе, в последний десятилетие, и тем самым тем больше, "остзейский вопрос" — именно в своих междоусобицах отношениях и исторических притязаниях — привлекает особенное внимание и правительства, и общества. Чтобы составить о нем ясное и справедливое представление, прежде всего надо знать его историю. Эту цель и имел г. Соловьев. В вышедшей 1-ой части история доходит пока до начала XV-го столетия. Автор не имеет притязаний на самостоятельное изучение предмета, и книга рассчитана на популярное изложение предмета; но автору не мешало бы все-таки больше познакомиться с источниками первоначальных источников для истории края. — Къ изданию, автор забыл сдвинуть и оглавление своей книги.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ
НА 1883 г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ: Полгода: Четверть:				Годъ: Полгода: Четверть:			
Безъ доставки . .	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	Съ пересылкою . .	17 » — »	10 »	6 »
Съ доставкою . . .	16 » — »	9 »	5 »	За-границей	19 » — »	11 »	7 »

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к.,
за-границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычнымъ уступкомъ.

ПОДПИСКА принимается—въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Мелле, на Невскомъ проспектѣ;—въ Москвѣ: при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—Иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые вистали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса; имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (НБ) допущена выдача журналовъ.

О переимѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго иѣстожительства; при переимѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородние доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногороднихъ въ городскіе—50 коп.; и изъ городскихъ или иногороднихъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы выслаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана по вышеуказаннымъ мѣстамъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала выслаются особо тѣмъ изъ иногороднихъ, которые приложить къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ВЬСЛЮГАФІЧЕСКІЙ ЛІСТОКЪ.

Искусство Италіи. XV-й вѣкъ. Флоренція. А. Вишеславцева. Съ прилож. 70 рис. Спб. 1883, стр. 418. Ц. 5 р.

Настоящій выпускъ есть продолженіе издав-ной авторомъ книги: „Джіотто и джіоттисты“, гдѣ изображалась самая первая эпоха новаго италійскаго искусства, съ стоявшимъ во главѣ ея Джіотто. Эта идеалистическая школа подгото-товала почву для благотворнаго вліянія дре-вняго міра и гуманизма въ XV-мъ вѣкѣ, когда идеализмъ, въ эпоху „возрожденія“, уступилъ свое мѣсто реализму, положившему начало раз-личнымъ направленіямъ въ искусствѣ, воплотив-шимся въ формѣ цѣлаго ряда школъ; первен-ствующее между ними мѣсто принадлежало Флоренціи, а потому и авторъ, въ настоящемъ выпускѣ, ограничивается одною флорентинскою школою, съ ея корифеями: Брунеллески, Гиберти, Донателло, Мазаччіо, Гирандайо и др. Въ ихъ мастерскихъ въ первый разъ изучается анато-мія, перспектива, дѣлаются опыты смѣшенія и паложения красокъ. Такое же реалистическое движеніе, подъ вліяніемъ античнаго реализма, шло и въ сѣверной Италіи, гдѣ въ томъ же направленіи работали тогда Лука, Перуджино, паванники Рафаэля, трехсотлѣтній юбилей ко-торого праздновался въ истекшемъ мѣсяцѣ, и др. Новый выпускъ превосходно иллюстрированъ рисунками, дающими наглядное понятіе о фло-рентинской школѣ XV-го вѣка.

Путешествіе русскаго посольства по Аванги-стану и Бухарскому ханству въ 1878—1879 гг. Изъ дневниковъ члена посольства д-ра Н. Л. Яворскаго, дѣйствительнаго члена импер. русскаго Географ. Общества. Томъ II. Спб. 1883, 8°. 387 стр. Ц. за два тома 5 руб.

Мы уже указывали первый томъ сочиненія д-ра Яворскаго. Вторымъ томомъ оно теперь заканчивается. Здѣсь описывается второе путе-шествіе автора въ Авангистанъ, куда нужно было ему отправиться по извѣстіямъ о печаль-номъ санитарномъ положеніи нашей миссіи въ Кабулѣ. Выбѣжавъ изъ Ташкента, онъ отправился на Самаркандъ, черезъ Аму въ Мазари-Шерифъ. Встрѣтившись наконецъ съ миссіей, авторъ пред-ставился бухарскому эмиру Шихъ-Али, и когда миссія возвращалась въ Ташкентъ, самъ—лишь съ нѣсколькими казаками—долженъ былъ остаться при эмирѣ, который въ это время болѣлъ и удержалъ его при себѣ какъ врача. Эмиръ умеръ, и послѣ его смерти въ резиденціи произошелъ интелкъ, въ теченіе котораго положеніе автора было самое критическое: въ городѣ шли междо-усобицы побѣды и грабежи, временныя власти не имѣли почти никакого авторитета: съ ихъ помощью, но безъ ущерба, авторъ тайкомъ выбрался изъ Мазари-Шерифа, а на другой день бѣгущіе солдаты, еще не узнавъ объ его отлѣздѣ, окружили его домъ, чтобы ограбить мнимыя богатства, будто бы переданныя женой эмира. Избавившись отъ этой опасности, авторъ послѣ переправы за Аму уже спокойно совер-шилъ обратный путь черезъ Бухару и Кокандъ до Ташкента.—Въ этой рамкѣ авторъ расска-зываетъ очень много интереснаго свѣдѣній о пройденныхъ имъ мѣстностяхъ, русско-авган-скихъ дипломатическихъ отношеніяхъ, разно-образныхъ встрѣчахъ и столкновеніяхъ съ ту-земцами и т. п. Побѣды такого рода все еще составляютъ цѣлое предпріятіе, осознваемое не-

легкою борьбою и съ природою, и съ людьми, и дальній востокъ такъ мало извѣстенъ, что про-стое, безхитрое описаніе путешествія при-обрѣтаетъ большую цѣнность и какъ чтеніе для любознательнаго читателя, и какъ научный мате-ріалъ. Разсказъ д-ра Яворскаго написанъ очень просто и хорошо знакомитъ съ видѣнной имъ дѣйствительностью; но иной разъ можно бы пожелать нѣсколько большей отдѣлки изложенія, нападующаго въ небрежности.

Исторія XIX вѣка. Директорія. Т. I. Происхожде-ніе Бонапарта. М и лѣ. Перев. М. Циб-риковой. Спб. 1883. Стр. 361. Ц. 2 р.

Собственно говоря, это—не исторія, а масса замѣтокъ, которая Мишле собиралъ въ картонажѣ, въ теченіе 30 лѣтъ, начиная съ 1840 по 1870 г., и куда онъ заносилъ выписки и разсказы встрѣ-ченныхъ имъ въ жизни очевидцевъ изъ различ-ныхъ эпохъ вѣнцянскаго вѣка, начиная съ бесѣды съ Лагардомъ, секретаремъ Директоріи. Всѣ эти картоны едва не погибли при послѣдней осады Парижа пруссаками и во время коммуны. Послѣдняя редакція этихъ замѣтокъ понесла на себѣ всѣ слѣды событій начала 70-хъ годовъ, подъ вліяніемъ которыхъ Мишле успѣивался объединить весь свой собственный вѣкъ—отъ террора Бабефа до террора интернаціонала—и исторія нашего столѣтія является въ глазахъ Мишле исторією одного прогресса въ фатализмѣ: „на дѣлѣ этой исторіи—ужасъ! прежде всего 3 ми-ліона мертвыхъ, потомъ 1815, 1870, погребеніе Франціи, завтра—Германія, которая затрещитъ, сдѣлавшая между Франціею и Россіею“. Мишле былъ однимъ изъ блестящихъ представителей исторической науки въ той плелѣ француз-скихъ историковъ, которую гордилась Франція въ эпоху Луи-Филиппа. Его поэтическая натура и замѣчательныя ораторскія способности внесе-ли много субъективнаго и страстнаго въ его историческіе труды; но глубоко и неизмѣнно честный характеръ, любовь ко всему человѣч-ному, справедливо увлекали его современни-ковъ, и его поэзія въ исторіи производила на нихъ сильное нравственное впечатлѣніе. Къ числу такихъ поэтическихъ произведеній на-добно отнести и настоящую исторію нашего вѣка, которая служитъ вмѣстѣ и исторією идей самого историка. Первый выпускъ обнимаетъ собою 90-ые годы прошедшаго столѣтія.

Не въ вѣхъ, а въ глазъ. Собраніе эпиграммъ Дмитрія Минаева. Спб. 1883. Изд. М. Волфа. 1883. Стр. 560.

Имя г. Минаева, благодаря его большому стихотворному таланту и избранному имъ роду поэзіи, весьма популярно, а потому собраніе его эпиграммъ, часто весьма бойкихъ и оправ-дывающихъ иногда собою названіе сборника—не притомъ изданный чрезвычайно изычно—не нуждается въ особенной рекомендаціи. „Жур-нальный муравейникъ“, театр, искусство, мело-чи и немелочи жизни—ничто не спаслось отъ стрѣлы его сатиры, до лица самого изда-теля его эпиграммъ включительно. При такомъ безпристрастіи поэта, нѣтъ, конечно, не посѣ-туемъ много на его эпиграммы, тѣмъ болѣе, что въ болѣе или менѣе случаевъ жало ихъ не лишено добродушія: самъ дужаженный Моисей часто посмѣялся вмѣстѣ съ нимъ, или, въ крайнемъ случаѣ, сдѣлать *bonne mine au mauvais jeu*.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1883 г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ: Полгода: Четверть:

Годъ: Полгода: Четверть:

Безъ доставки . . . 15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	{	Съ пересылкою . . . 17 » — »	10 »	6 »
Съ доставкою . . . 16 » — »	9 »	5 »	{	За-границей . . . 19 » — »	11 »	7 »

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за-границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается—въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журналъ «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Мелле, на Невскомъ проспектѣ;—въ Москвѣ: при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—Иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редація отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскихъ подписчиковъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму по почтѣ въ Редацію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (НБ) допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожителства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 коп.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранныя—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редацію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, чѣмъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложить къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Спб., Галерная, 20.

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Digitized by Google

NOV 15 1960

